

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКВ

Том XVI

Государственное Издательство

ПЕТЕРБУРГ • 1920

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке.

Томъ XVI

1863 г.

(№№ 1991—2274).

Государственное Издательство

Петербургъ.—1926.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1863.

№№	СТР.
**1991. MDCCCLXIII	3
**1992. Официальный контръ-адресъ	7
**1993. [Отъ редакціи]	10
**1994. Франко-русскій союзъ	—
**1995. И истина должна открыться	11
**1996. Общій фондъ	—
*1997. Письмо къ В. Т. Кельсіевой	—
*1998. Тоже.	12
**1999. Письмо къ неизвѣстному	—
*2000. Письмо къ Н. А. Герценъ	13
*2001. Письмо къ В. Т. Кельсіевой	—
*2002. Письмо къ Н. А. Герценъ	14
*2003. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2004. Письмо къ В. Т. Кельсіевой	15
*2005. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
**2006. Expiatio!	16
**2007. Рапортъ—rapport, а не dénonciation	18
**2008. Доносъ или не доносъ?	—
**2009. Уравненіе правъ иностранцевъ съ русскими передъ каторгой	19
**2010. Но ДРУГОЕ-ТО правительство, полно, нѣмецкое ли?	20
**2011. [Исторія въ лейбъ-Уланскомъ полку]	—
**2012. О якобы офицерскомъ письмѣ въ „Таймсъ“	—
**2013. Полицейская пропаганда и налогъ	—
*2014. Письмо къ Н. И. Тургеневу.	22
*2015. Письмо къ дочерямъ	—
*2016. Письмо къ Н. А. Герценъ	23
*2017. Тоже.	24
*2018. Письмо къ Н. П. Огареву.	25
**2019. Resurrexit!	—
**2020. По дѣлу адреса офицеровъ	27

№№	СТР.
**2021. Наглое злоупотребленіе полицейскаго слова	30
**2022. Братская просьба къ русскимъ воинамъ	32
**2023. Исключеніе изъ списковъ М. И. Топильскаго	33
**2024. Удѣльные князья	34
**2025. Французскій гуть, австрійскій гуть, прусскій гутье .	—
**2026. Nuxley и его чтенія	35
**2027. Прусскій почтамтъ	—
**2028. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**2029. Тоже	36
**2030. Тоже	41
*2031. Письмо къ Н. А. Герценъ	43
*2032. Изъ дневника	44
**2033. Преступленія въ Польшѣ	—
**2034. Къ русскимъ офицерамъ, писавшимъ къ намъ изъ Польши	52
**2035. Исторія адреса и контръ-адреса продолжается	53
**2036. Исповѣдь русскаго правительства	55
**2037. Изъ Петербурга	—
**2038. Князь Орловъ и баронъ Будбергъ	—
**2039. Surtout pas trop de zèle, M. Budberg	56
**2040. вспомогательное французское войско въ Польшѣ . . .	—
**2041. Запросъ святѣйшему синоду о іерейскомъ двое- женствѣ	62
**2042. Свѣтское консульство въ Лондонѣ	63
**2043. [Примѣчаніе]	64
**2044. Кн. П. В. Долгоруковъ	65
**2045. [«Московскія Вѣдомости»]	67
**2046. [Общій фондъ]	68
**2047. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2048. Письмо къ М. Мейзенбургъ и Н. А. Герценъ	102
*2049. Письмо къ Н. А. Герценъ	103
**2050. ...Et la Russie	104
...И Россія	—
*2051. Письмо къ И. С. Тургеневу	106
*2052. Письмо къ дочерямъ	—
**2053. «Земля и Воля»	107
**2054. Schinderknecht	108
**2055. Преступленія въ Польшѣ	109
**2056. («Свободное Слово»)	115

№№	СТР.
**2057. (Г. Будбергъ)	121
**2058. (Общій фондъ)	—
**2059. 21 февраля 1863.	—
*2060. Письмо къ дочерямъ	122
**2061. [О выпускѣ лл. 158 и 159]	—
**2062. Плачь	123
**2063. Русскій грабежъ и разбой въ Польшѣ	126
**2064. Александровская конституція и павловское «Время»	127
**2065. Нѣмцы и не-нѣмцы въ Зимнемъ дворцѣ	—
**2066. [М. Н. Катковъ]	128
**2067. (Русскіе во Флоренціи, Женевѣ и Ниццѣ)	—
**2068. Предисловіе	—
*2069. Письмо къ дочерямъ	135
*2069 bis. Письмо къ М. Мейзенбургъ	136
*2069 ter. Письмо къ дочерямъ	137
**2070. (Увѣдомленіе)	138
**2071. Great Western	—
**2072. Студентамъ въ Россіи	142
**2073. Русская женщина у Лангевича	—
**2074. («Надвислянинъ»)	143
**2075. (Die Geschicklichkeit ist mit einer Oekonomie verbunden)	—
**2076. («Le Nord»)	—
**2077. Убійство въ Японіи	144
**2078. (Общій фондъ)	—
*2079. Письмо къ Ж. Мишле	145
*2080. Письмо къ дочерямъ	146
*2081. Поправки въ проектъ письма Н. П. Огарева къ кн. П. В. Долгорукову	147
*2082. Письмо къ В. И. Касаткину	149
**2083. Прокламація «Земли и Воли»	150
**2084. 1831—1863	176
**2085. Нравоученіе	193
**2086. Манифестъ	194
**2087. (Графъ Ностицъ)	196
**2088. (Нечай)	—
**2089. Совсѣмъ пошелъ въ Николаи	—
**2090. Крестьяне-демагоги	197

№№	стр.
**2091. Командиръ бранденбургскаго кирасирскаго регимента	197
**2092. Возвращеніе е. и. в. главнокомандующаго дѣйствующей арміей въ Варшаву	—
**2093. Графиня Хрептовичъ и архіерей Фелинскій	198
**2094. Побѣды на полѣ телеграфа	—
**2095. Развратъ войны	199
**2096. Бѣдное русское имя	—
**2097. (Русскіе посланники)	200
**2098. [Новая книга]	201
*2099. Письмо къ Сахновскому	—
*2100. Письмо къ В. И. Касаткину	202
*2102. Письмо къ дочерямъ	203
*2103. Письмо къ М. К. Рейхель	204
*2104. Письмо къ Н. А. Герценъ	205
**2105. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*2106. Письмо къ Руфину Піотровскому	208
**2107. А. А. Потебня	209
**2108. Русскіе офицеры въ рядахъ инсургентовъ	—
**2109. Зарница совѣсти	212
**2110. Странныя игры случайности	213
**2111. Тотъ ли Пановскій?	—
**2112. Sta, Borussia!	214
**2113. Астрономъ-наблюдатель и миссіонеръ Хотинскій	—
**2114. Къ лѣтописямъ петербургскаго шпіонства	215
**2115. Hyde Park и запрещенный митингъ	217
**2116. „Ward Jackson“	—
**2117. [Общій фондъ]	223
*2118. Письмо къ дочерямъ	—
*2119. Письмо къ Н. Д.	224
*2120. Письмо къ дочерямъ	225
*2121. Письмо къ Н. П. Огареву	226
*2122. Письмо къ М. А. Бакунину	229
*2123. Письмо къ Н. П. Огареву	231
**2124. Отъ издателей	235
**2125. Между молніей и громомъ	—
**2126. Петербургскій «Голось» и балтійская болтовня о центральномъ комитетѣ	236
**2127. Прокламація	237

№№	СТР.
**2128. Къ свободѣ книгопечатанія въ Россіи	238
**2129. «Записки декабристовъ» и «Сочиненія» М. Михайлова .	—
**2130. («Всеобщій Дневникъ» и «Московскія Вѣдомости») . .	—
**2131. Александръ Николаевичъ пошелъ въ горы	239
**2132. Дороговизна кухонныхъ снарядовъ княгини Чернышевой	—
**2133. (Общій фондъ)	240
**2134. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2135. Письмо къ Н. А. Герценъ	242
*2136. Письмо къ О. А. Герценъ	243
*2137. Приписка къ А. А. Слѣпцову	—
*2138. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
**2139. Первое мая	244
**2140. Чего они такъ испугались?	247
**2141. Доносъ на «Спб. Вѣдомости»	252
**2142. Какое правленіе въ Россіи?	253
**2143. Абрамовичъ и Келеръ	254
**2144. Патріотизмъ въ Парижѣ	255
**2145. Ковалинскій съчетъ беременныхъ	—
**2146. «Очерки» и «Le Nord»	—
**2147. Петербургъ	—
**2148. Отвѣты	261
**2149. Имя! имя! Бога ради имя!	262
**2150. [Новая книга]	—
**2151. (Общій фондъ)	—
*2152. Письмо къ дочерямъ	—
*2153. Письмо къ сыну	263
*2154. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	265
*2155. Письмо къ сыну	266
*2156. Тоже	268
*2157. Письмо къ дочерямъ	—
**2158. С. Падлевскій	270
**2159. [О «Свободѣ»]	272
**2160. Россіада	—
**2161. [Примѣчаніе]	273
**2162. Плачь о Манишевскомъ	—
**2163. Самара	277
**2164. Нѣтъ розы безъ шиповъ	278
**2165. (Общій фондъ)	—

№№	СТР.
*2166. Приписка къ Н. А. Герценъ	299
**2167. (М. Хотинскій)	—
*2168. Письмо къ дочерямъ	—
*2169. Письмо къ сыну	282
*2170. Письмо къ Юліану Клячко	283
**2171. Россіада	285
**2172. Финляндія и адресъ	304
**2173. Пиръ въ Стокгольмъ	—
**2174. Г. Хотинскій и III Отдѣленіе	305
**2175. Личное объясненіе	307
**2176. (Общій фондъ)	—
*2177. Письмо къ дочерямъ	308
*2178. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	309
**2179. Подлые!	311
**2180. Россіада	325
**2181. «День» и «Колоколъ»	329
**2182. Волжскій манифестъ и Россія въ осадномъ по- ложеніи	333
**2183. Толль-Сѣкущій	369
**2184. [Общій фондъ]	—
*2185. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*2186. Письмо къ Ю. Клячко	370
*2187. Письмо къ дочерямъ	372
*2188. Тоже	373
*2189. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	374
**2190. Письмо къ редактору «Дня»	375
**2191. Польскій мартирологъ	382
**2192. «Колоколъ» и «День»	384
**2193. Россіада	393
**2194. Наслѣдникъ престола и политическая экономія въ путешествіи	398
**2195. Не вѣримъ!	—
**2196. Секреты частные и правительственные	400
**2197. Побѣда!	—
**2198. (Общій фондъ)	—
*2199. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	—
*2200. Тоже	402
2201. (См. № 1881)	403

№№	СТР.
**2202. Протестъ	403
**2203. Сигизмундъ Сѣраковскій	406
**2204. «День» и «Колоколь»	420
**2205. Россіада	427
**2206. [Отъ редакціи]	428
**2207. ....А дѣло идетъ своимъ чередомъ	—
**2208. Англійская и французская горчица московскаго «Дня»	430
**2209. Въ общій фондъ	—
*2210. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	431
*2211. Письмо къ дочерямъ	432
*2212. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*2213. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	434
**2214. Виллафранка передъ Сольферино	436
**2215. И. Кельсievъ и Н. Утинъ	—
**2216. Висѣлицы и журналы	441
**2217. Выводъ изъ владѣнія	459
**2218. Письмо изъ Гейдельберга	462
**2219. Въ общій фондъ	463
*2220. Изъ дневника	—
*2221. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	—
*2222. Письмо къ М. Мейзенбургъ и дочерямъ	465
*2223. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбургъ	471
2224. Точка поворота	472
2225. Въ этапѣ	473
2226. Изъ заведенія А. А. Краевскаго	480
**2227. Помѣшательство Погодина принимаетъ опасный ха- рактеръ	482
**2228. Къ муравьевщинѣ	483
2229. Старика Ведрина крѣпкое до польскихъ братій слово	
**2230. Чистая ложь	488
**2231. (Адресоложство)	489
**2232. [Общій фондъ]	—
**2233. Письмо къ М. А. Бакунину	490
*2234. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ	499
*2235. Письмо къ О. А. Герценъ	500
*2236. Письмо къ Н. А. Огаревой	501
*2237. Письмо къ дочерямъ	—

ММ	стр.
*2238. Изъ дневника	502
*2239. Изъ дневника	503
2240. Михайлъ Семеновичъ Щепкинъ	504
**2141. Варшава утѣшена!	509
**2242. Съ точки зрѣнія ливреи и запятокъ	—
**2243. (Общій фондъ)	511
**2244. Преступленія въ Біаррицѣ (изъ «Таймса»)	—
**2245. Казнь въ Нижнемъ-Новгородѣ	512
**2246. (Общій фондъ)	513
*2247. Письмо къ М. К. Рейхель	—
*2248. Письмо къ Н. П. Огареву	514
2249. Съ континента (Письмо изъ Неаполя)	517
2250. Письмо къ Гарибальди	526
**2252. Письмо къ В. Н. Кашперову	534
*2253. Письмо къ Н. А. Огаревой	535
*2254. Письмо къ сыну	536
**2255. Къ адресобѣсію (изъ Россіи)	—
**2256. (Еще о вдовѣ Сѣраковскаго)	537
**2257. (Общій фондъ)	—
**2258. Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ	—
*2259. Тоже	540
*2260. Письмо къ дочерямъ	541
*2261. Письмо къ сыну	542
*2262. Надпись для М. К. Рейхель	543
*2263. Письмо къ дочерямъ	—
**2264. Въ вѣчность грядущему 1863 году	544
2265. Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ	554
**2266. (Одинъ покраснѣлъ)	562
**2267. (Графъ Амурскій)	563
**2268. (Біографія М. Н. Муравьева)	—
**2269. Общій фондъ	—
**2270. [О продолженіи изданія «Колокола»]	564
*2271. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*2272. Письмо къ К. Винеру	565
*2273. Письмо къ сыну	—
*2274. Изъ дневника	566
Библіографическій коментарій	567
Опечатки и дополненія	580

1863

1991. MDCCLXIII ¹⁾.

Въ походахъ дають солдатамъ черезъ два-три дня дневку для того, чтобы собраться съ силами, исправить амуницію, осмотрѣть подковы, почистить ружья и пр.; время чернорабочее — не самый день, а *жамунъ* относительно будущаго и *отдыхъ* относительно прошедшаго. 1862 годъ былъ дневкой для насъ, отдыхомъ послѣ манифеста 19 февраля, сочельникомъ передъ *созваніемъ Земскаго Собора*. Поэтому, отдавая ему равнодушную справедливость, мы провозжаемъ его въ могилу безъ слезъ и радости. Много въ немъ «*басковъ перелопалось*» ²⁾ у старой реакціонной гитары, много старовѣровъ покривилось, пало преждевременно на ноги, но всѣ они еще дышать; въ немъ также многое и зародилось, стремится наружиться, но не вышло еще на свѣтъ.

Между этимъ яровымъ жнитвомъ и озимыми всходами набралось много любопытнаго и полезнаго со стороны правительства и много пророческаго, бросающаго свѣтъ впередъ со стороны народа.

Начнемъ, какъ подобаеть, съ правительства.

Мы ему обязаны, во-первыхъ, истиной, что когда нѣтъ поджоговъ, то очень трудно сыскать зажигагелей и чрезвычайно легко наполнить тюрьмы невинными жертвами.

Мы ему обязаны новыми доказательствами библейской истины, что богъ, отдѣливши при сотвореніи міра воду отъ земли, такъ

¹⁾ 1863.

²⁾ Одинъ мой знакомый *московскій помѣщикъ* (какъ Александръ Николаевичъ), часто бывающій за границей, ѣздилъ недавно въ Симбирскую и Тамбовскую губерніи (у него, какъ у Александра Николаевича, помѣстья въ разныхъ губерніяхъ), гдѣ онъ не былъ года два. Онъ не могъ прійти въ себя отъ перемѣны, происшедшей въ помѣщичьемъ кругу: 19-ое февраля изсушило ихъ и положило въ лоскъ. «Едва я могъ узнать старыхъ друзей. Тѣ же люди, но *баски полопались*; кто ногу тащитъ, кто водки не пьетъ, кого совсѣмъ перекосило, нѣтъ веселья, всѣ сердятся, желчныя, исхудалые; солонъ пришелся имъ манифестъ!» *Полопавшіеся баски* должны остаться въ исторіи вмѣстѣ съ *ослушнымъ днемъ* и *желаннымъ часомъ*.

и животныхъ приладить, чтобъ морскія жили въ морѣ, а сухопутныя на сушѣ, въ силу чего бобръ не строить подъ водою, а рыба не занимается земледѣльемъ. Морская болѣзнь нашего правительства сдѣлала эту истину очевидной. Морякъ Путятинъ, морякъ Константинъ Николаевичъ, морякъ Головинъ¹⁾ обнаружили рѣдкую неспособность «во всѣхъ родахъ различныхъ». Одинъ не сумѣлъ погубить просвѣщеніе, другой не сумѣлъ его возстановить, третій (по правдѣ, ему и задача помудренѣе досталась) не сумѣлъ разомъ губить и возстановлять Польшу.

Но есть истины болѣе черныя, открытыя во всемъ безчеловѣчномъ ужасѣ отеческимъ правительствомъ въ Петербургѣ, и тутъ на первомъ планѣ страшная, ненужная, ничѣмъ не оправданная, чудовищная казнь Арнольдта, Сливицкаго, Ростовскаго и Щура. Ничего подобнаго не было со временъ императрицы Елизаветы... ни даже при Николаѣ, ссылавшемъ людей за то, что они слушали молча, но съ улыбкой, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Этотъ нероновскій поступокъ, сдѣланный лицемѣрно, чужими руками, подъ фирмой Лидерса, даетъ великое поученіе — тупѣйшіе люди могутъ понять, чтѣ въ данную минуту можетъ сдѣлать благодущное правительство, которому дано безконтрольное право убійства съ утайкой причины. Намъ остается благодарить, что оно такъ скромно пользуется этимъ невиннымъ удовольствіемъ.

Самодержавные аппетиты растутъ быстро; какой шагъ они сдѣлали отъ произвольнаго ареста Огрызка до приговора на шесть лѣтъ каторжной работы Михайлова, — приговора, намѣренно прочитаннаго въ великую годовщину 14 декабря! И какой шагъ — отъ шести лѣтъ до шести пуль въ грудь юношей пылкихъ, горячихъ и ничего не сдѣлавшихъ выходящаго изъ общихъ дисциплинарныхъ правилъ.

Но такъ какъ государь еще молодъ и росту самодержавныхъ аппетитовъ трудно предвидѣть предѣлъ, то не очевидно ли, что этому росту надобно поставить земскую плотину и, подражая краснорѣчію его величества, сказать государю: «Здравствуйте, московскій помѣщикъ! Мы рады васъ видѣть, мы вамъ оставляемъ свободу управлять нами, но помните, управлять по законамъ, а не по своеволью. Требуемъ затѣмъ отъ васъ точнаго исполненія установленныхъ постановленій. Мы хотимъ, чтобъ уставная грамота между нами была немедленно составлена; затѣмъ, послѣ составленія ея къ 19 февраля будущаго года, не ожидать никакой новой власти и никакихъ новыхъ льготъ. Слышите ли? Не слушайте толковъ, которые ходятъ по переднимъ Зимняго дворца, не вѣрьте ни графамъ, ни князьямъ, ни Адлербергамъ, ни Гагаринымъ, ни Коцебу, отъ Коцебу рожденнымъ, ни нечеловѣческимъ сынамъ

¹⁾ Иные говорятъ, что онъ земледовный, ни то, ни се, — намъ кажется, *се. А. И. Г.*

III Отдѣленія, а вѣрте однимъ словамъ народа вашего, собравшагося въ Земскій Соборъ. Теперь прощайте, богъ съ вами!»

Простившись съ правительствомъ, въ его высшемъ воплощеніи, намъ остается опуститься въ низменныя сферы народной жизни. Сходя лѣстницу за лѣстницей Зимняго дворца, опускаясь отъ генераль-адъютантовъ до флигель-адъютантовъ, отъ флигель-адъютантовъ до свитскихъ офицеровъ, отъ свитскихъ офицеровъ до гофъ-фурьеровъ, этихъ литераторовъ Зимняго дворца, издающихъ потаенный журналъ «Его Время» (въ родѣ «Нашего Времени», издаваемого Павловымъ) ¹⁾, мы встрѣчаемся, наконецъ, съ народомъ въ караульной.

— Ну, народъ, что у тебя бродитъ на душѣ, скребетъ на сердцѣ? съ чѣмъ ты переходишь въ 1863 годъ? что ты придумалъ и выдумалъ?

— Какой же это народъ? это—солдаты.

— Да солдаты развѣ не народъ?

— Что вы! посмотрите во Франціи, въ Пруссіи.

— Мы говоримъ о Россіи, можетъ, въ Россіи солдатъ не такъ далеко отъ народа.

Sehen Sie,—какъ-то замѣтилъ мнѣ одинъ нѣмецкій революціонеръ, вѣровавшій, что изъ русскаго безъ палки и нѣмца ничего не сдѣлаешь,—was für unser-einen zu ominös ist in diesem Muschik-Voike—man kann nicht klug aus ihm werden.

— Chaotische Verwirrung der Barbarei,—отвѣчалъ я ему.

— Ja, ja, eine ganz fatale Verrirung. So ein Volk von Troglodyten des Herodotes ²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, что за хаосъ эта русская жизнь: все вверхъ ногами, все внизъ головой, всѣ играютъ роли, и всѣ не то, что представляютъ; никого не узнаешь по платью, а всѣ одѣты въ форму да въ мундиръ. Гдѣ тутъ нѣмцу провести свою статсъ-классификацію, когда табель о рангахъ, при помощи всевозможныхъ поощреній отъ звѣздъ, чиновъ и крестовъ до каторжной работы и шпицрутенонъ, осталась, въ родѣ Линнеевой системы растений, чѣмъ-то наружнымъ. Сумбуръ да и только. Вчера человекъ былъ рабомъ, а землю считалъ своей собственностью. Аристократъ, вельможа, сановникъ—у насъ личность наиболѣе стертая, далеко не имѣющая самобытности земскаго исправника или степного помѣщика. Генералы завѣдуютъ штатскими дѣлами, генералы сидятъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ, зато архіереи въ кавалеріяхъ черезъ плечо. Выслужившійся истопникъ

¹⁾ Ведшійся при дворѣ «Камеръ-фурьерскій журналъ» регистрировалъ всю внѣшнюю жизнь дня императора и императрицы.

²⁾ Смотрите, какъ нашему брату жутко приходится среди этого мужичья; его не поймешь.

— Хаотическое состояніе варварства.

— Да, да, совершенный; хаосъ право, геродотовское племя троглодитовъ

царскій, сѣдой и бѣлый, какъ лунь, производится за отличіе въ придворные арапы...

— Да это мы все знали до 1862.

Но вотъ что мы чуяли, подозрѣвали, но не знали и что началъ намъ раскрывать 1862 г., это, что наши солдаты — народъ, что наши офицеры — наши братья, что мундиръ, какъ короста, остался между пальцами, а въ глубь не пошелъ. Кутерьма петровскаго разгрома сбила всѣхъ съ толку; при трескѣ барабановъ и свистѣ шпицрутеновъ, при «музыкѣ въ шпорахъ» и съ «зубами, выбитыми начальствомъ», солдаты и офицеры потеряли голову, потеряли сердце и сдѣлались колесомъ машины заготовленія канцелярскихъ бумагъ и военной выправки. Гнусенъ былъ тогда русскій офицеръ, въ каждомъ сидѣлъ свой Аракчеевъ; палачъ былъ тогда русскій солдатъ, и дивиться надобно ихъ храбрости.

Но времена измѣнились; по мѣрѣ того, какъ просыпается Россія и приходитъ въ себя, съ ней вмѣстѣ просыпается и русскій солдатъ, и, сверхъ собственной совѣсти, его будить русскій офицеръ — не палкой, а дружеской рукой, заповѣднымъ словомъ; онъ его будить на забвеніе былого и на общее спасеніе отъ жгучихъ пятенъ мученической крови поляка и крестьянина.

Разстрѣлянная Хрулевымъ молитва въ Варшавѣ, разстрѣлянное недоумѣніе крестьянъ въ Безднѣ испугало войско, оно раскрыло ему глаза, куда эти господа его ведутъ. Казаку на Кавказѣ стало противно бить независимаго черкеса. Хмель крови, забіячества, военное опьяненіе проходитъ, оставляя мѣсто неумолкаемому упреку за утраченную жизнь, горькому угрызенію совѣсти и сознанію свей вины передъ народомъ. Солдаты и офицеры поняли теперь то, что мы имъ говорили въ 1854 г.: «Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы, вооруженныхъ, если между ними будетъ какое-нибудь единомушіе...» ¹⁾

И откуда вышли, гдѣ образовались эти благородные юноши, офицеры-граждане, офицеры-народъ, эти герои Севастополя, не имѣющіе хрулевской храбрости бить дѣтей и женщинъ, эта передовая фаланга земскаго дѣла, на которую опирается наше *право на надежду*, откуда они?

Изъ николаевскихъ кадетскихъ корпусовъ, въ которыхъ имъ преподавали, что главнѣйшая добродѣтель Иисуса Христа состояла въ повиновеніи властямъ, и гдѣ танцовальному учителю было поручено внушать танцами духъ покорности.

(Ja, ja, ganz barbarische Verrirung!) ²⁾

Это не мы вамъ говоримъ и не польскіе пропагандисты, это вамъ говорятъ разстрѣлянные мученики, это вамъ говорятъ Обручевы, Григорьевы, Игнатьевы, Трувеллеры, Красовскіе и десятки

¹⁾ «Къ русскому войску въ Польшѣ», Лондонъ, 1854 г. А. И. Г.

²⁾ Да, да, совершеннѣйшій варварскій хаосъ!

другихъ, это вамъ говорятъ секретные циркуляры ¹⁾ изъ милитинскихъ прилавокъ, предупреждающіе пуще всего сближеніе офицеровъ съ солдатами.

Нѣтъ, не доживемъ мы до того срама, которымъ гордился высокомѣрный Римъ и его дѣти, прижитыя со всякими нѣмками,— того срама, что цѣлая дружина побѣдоносныхъ легионеровъ зарыдала, когда Юлій Цезарь, не зная, чѣмъ ихъ хуже обругать, назвалъ ихъ *гражданами*. До этого нравственнаго паденія, до этого извращенія всего человѣческаго мы не падемъ.

«Мы—не солдаты, мы—народъ», говорятъ русскіе офицеры. «Мы не—дворяне, мы—народъ», говоритъ тверское дворянство. «Я не—императоръ, я—*московскій помѣщикъ*», говоритъ государь, и стоить ему купить себѣ имѣніе въ Тверской губерніи, чтобы понять себя не *первымъ дворяниномъ*, а первымъ изъ народа.

Не за упокой свели мы на этотъ разъ нашу рѣчь о новомъ годѣ. Кончимъ же ее заздравнымъ кубкомъ въ хвалу и славу русскихъ воиновъ, офицеровъ и рядовыхъ, понявшихъ свое кровное родство съ народомъ. Мы съ этимъ тостомъ торжественно вступаемъ въ 1 января и поздравляемъ васъ съ *новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ!*

31 декабря 1862 г.

1992. Официальный контръ-адресъ.

Дюпонъ де Леръ ²⁾. — Я напечатаю.
Людсвикъ-Филиппъ. — А я напечатаю, что это—неправда.
Дюпонъ де Леръ. — Изъ насъ двоихъ врядъ вашему ли величеству повѣрятъ.

Анекдотъ 1830 года.

«Г. Директоръ!

«Вы помѣстили въ газетѣ «The Times» письмо, заимствованное изъ журнала «Колоколь», издаваемого г. Герценомъ; письмо это безъ подписи и адресовано отъ имени офицеровъ войскъ, расположенныхъ въ Ц. Польскомъ, къ его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. Печатая документъ, содержаніе котораго для насъ столь же неприятно, какъ и *безчестно*, г. Герценъ находитъ достаточнымъ засвидѣтельствовать однимъ своимъ личнымъ ручательствомъ дѣйствительное существованіе статьи, которой цѣль выставить насъ на пути измѣны монарху, отечеству и долгу.

¹⁾ «Колоколь», листъ 152. А. И. Г

²⁾ Жакъ-Шарль, президентъ временнаго правительства 1848 г.

«Не сомнѣваясь, что посланіе это служить выраженіемъ только личныхъ воззрѣній г. Герцена, мы начинаемъ съ того, что отвергаемъ отъ глубины нашихъ убѣжденій всякое соучастіе въ идеяхъ, не только намъ чуждыхъ, но и возмущающихъ чувства наши, какъ гражданъ и солдатъ.

«Г. Герценъ счелъ нужнымъ давать намъ совѣты относительно обязанности нашего званія; мы не просимъ его объ этомъ и желали бы избавиться отъ такихъ попеченій. По его мнѣнію, долгъ нашъ состоитъ въ поддержаніи оружіемъ всякаго безпорядка, всякаго стремленія, враждебнаго правительству и общественному устройству, и все это, будто бы, для славы Россіи и для нашей собственной чести.

«Честь не допускаетъ измѣны священнымъ обязанностямъ, принятымъ добровольно, а г. Герцену небезызвѣстно, что всѣ мы по собственной волѣ обязались служить правительству. Долгъ же нашъ въ Варшавѣ, какъ вездѣ, одинъ и тотъ же—вѣрность государю и закону.

«Войско существуетъ для защиты отечества, во время же внутреннихъ смятеній ему достается въ удѣлъ другая обязанность, не менѣ доблестная: защита общества и государственнаго порядка. Армія, подчиняющаяся вліянію личныхъ политическихъ видовъ и стремленію партій, представила бы жалкое зрѣлище недисциплинированной и анархической толпы, опасной для всякаго просвѣщеннаго общества.

«Напротивъ того, охраненіемъ мирныхъ гражданъ, ихъ спокойствія и общественной безопасности мы надѣемся содѣйствовать развитію и величію нашего отечества.

«Строки эти не имѣютъ цѣлью просвѣтить г. Герцена, а служатъ единственно опроверженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя ему угодно было приписать намъ.

«Такъ какъ въ журналѣ вашемъ помѣщено письмо, напечатанное г. Герценомъ, въ которомъ честь офицеровъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ, столь сильно затронута, то мы, зная безпристрастіе редакціи «Times», надѣемся, что она не откажетъ помѣстить въ своихъ столбцахъ и этотъ отвѣтъ, въ которомъ остальные товарищи наши не могли принять участія единственно по недостатку времени и по разбросанности расположенія войскъ въ краѣ».

Отъ издателей «Колокола». Любопытный документъ этотъ присланъ намъ изъ Варшавы однимъ русскимъ офицеромъ изъ числа *тѣхъ, которые подписали* адресъ Константину Николаевичу. Документъ этотъ, говорятъ, сочинилъ начальникъ штаба Минквицъ¹⁾. Для полученія подписей было употреблено незамысловатое, но удачное средство: разославши по гвардейскимъ полкамъ въ Варшавѣ литографированную копию «Минквицевой идилліи

1) Александръ Федоровичъ.

военнаго рабства», пригласили офицеровъ подписаться, *либерально* предоставивъ право, если кто изъ нихъ не хочетъ, *изложить письменно, по какой причинѣ онъ не подписывается*. Со всѣми этими французскими гарантіями свободной подачи голосовъ ¹⁾ кое-куда по арміи циркуляръ не посылали, что и выражено въ идилліи Минквица слѣдующими словами: «остальные товарищи наши не могли принять участія единственно по недостатку времени и по разбросанности расположенія войскъ въ край».

Куда же было торопиться? Къ тому же, если, дѣйствительно, по милости петербургскаго правительства, Сибирь стала похожа на Польшу, то Польша отъ этого не имѣетъ еще размѣровъ Сибири, чтобы *разбросанность расположенія* представляла *непреодолимость подписанію*. Къ тому же торопились медленно: адресъ, доставленный намъ въ половинѣ октября, былъ напечатанъ 22 октября, а до сихъ поръ «Таймсъ» не получилъ *сосредоточенность расположенія* вѣрноподданическихъ чувствованій Минквица съ *будущими!*.. Все это ясно само по себѣ, и намъ начинаетъ сдаваться, что документъ этотъ и не переѣзжалъ вовсе всѣхъ границъ Россіи. Это было pro domo sua ²⁾.

Въ заключеніе одному изъ насъ, именно мнѣ, остается лично благодарить за несокрушимую вѣру, что адресъ писанъ мною. Онъ написанъ очень хорошо, и потому увѣренность Минквица мнѣ польстила. Я въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ былъ Хлестаковъ. Тотъ приписывалъ самъ себѣ все, что считалъ хорошимъ: «Юрія Милославскаго», «Фенеллу» и «Сумбеку» ³⁾, а мнѣ *другіе* приписываютъ все красное и яacobинское.

C'est la faute de Voltaire. c'est la faute de Rousseau...

Si Dieu a noyé la terre,

C'est la faute de Voltaire;

S'il a lâché beaucoup d'eau,

C'est la faute de Rousseau! ⁴⁾

Но такъ какъ ни скромность, ни самолюбіе мнѣ не дозволяютъ украшать себя чужими зубами, имѣя свои собственные, то я съ полной благодарностью за довѣріе начальника штаба *дамъ мое честное слово*, что я не писалъ адреса, а писалъ «письмо къ офицерамъ» (15 окт. 1862, «Кол.» № 148) въ отвѣтъ на *три письма*, полученныя мною. Придетъ время, мы представимъ доказательства, но теперь, разумѣется, скорѣе подвергнемся всякому нареканію, чѣмъ станемъ помогать главному штабу отыскивать въ

¹⁾ Намекъ на плебисцитъ 1851 г.

²⁾ Для собственнаго употребленія.

³⁾ Изъ указанныхъ произведеній Хлестаковъ приписывалъ себѣ только «Юрія Милославскаго».

⁴⁾ Это вина Вольтера, то—вина Руссо... Богъ потопилъ землю — въ этомъ повиненъ Вольтеръ; Богъ низвергъ ливни — въ этомъ повиненъ Руссо!

разбросанности расположенія благородныхъ воиновъ, которые, какъ Красовскій, не хотятъ быть палачами. Они нужны для Россіи на лучшей, чѣмъ на гибель за адресъ.

Адресъ, возбуждавшій *сосредоточенность* вѣрнопоподданнической ревности, еще показываетъ довѣріе къ уму, къ справедливости, къ сердцу Константина Николаевича... Офицеры просятъ его взойти въ ихъ положеніе, спасти ихъ честь... Послѣ эпистолы Минкивица офицеры цидулокъ къ великимъ князьямъ писать не будутъ...

30 декабря 1862 г.

1993. [Отъ редакціи] ¹⁾.

Мы не отвѣчаемъ за вѣрность этихъ новостей и удостоверяемъ только въ томъ, что мы ихъ печатаемъ *слово въ слово* изъ письма, полученнаго нами; мы даже сильно сомнѣваемся въ послѣдней новости—о жандармскомъ наборѣ корпуса сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника». Въ числѣ сотрудниковъ московскаго журнала есть имена, которыя привыкла уважать вся Россія; стоитъ назвать И. С. Тургенева и П. В. Анненкова («Le Nord» обѣщала новую повѣсть И. С. Тургенева въ «Р. В.»).

1994. Франко-русскій союзъ.

Будбергъ ²⁾ началъ хорошо и успѣшно союзъ двухъ полицій: четверо поляковъ задержаны въ Парижѣ; одинъ выпущенъ, трое остались въ тюрьмѣ ³⁾. Какой урокъ полякамъ, больнымъ *хронической* надеждой на Францію, и какой трогательный примѣръ солидарности полицій даютъ Будбергъ и Персиньи ⁴⁾. Она гораздо многостороннѣе, чѣмъ думаютъ. Государь разрѣшилъ Валуеву принять австрійскій орденъ *Леопольда*... А мы и не знали, что и *нашъ* министръ внутреннихъ дѣлъ служить еще какому-то императору!

Каковы русскіе нѣмцы да и каковы нѣмецкіе русскіе ⁵⁾!

¹⁾ Помѣщено примѣчаніемъ къ корреспонденціи «Изъ Петербурга», въ которой среди новостей сообщено о томъ, что III Отдѣленіе ищетъ сотрудниковъ для «Рус. Вѣстника».

²⁾ Андрей Ѳедоровичъ, посланникъ въ Парижѣ.

³⁾ Цверцякевичъ, Миловичъ и Годлевскій.

⁴⁾ Persigny, Жанъ-Жильберъ, м-ръ внутр. дѣлъ при Наполеонѣ III.

⁵⁾ Дарвинъ, авторъ знаменитой книги «On species» ⁶⁾, долженъ быть доволенъ: у насъ открывается или, лучше, *наывается* новый видъ чиновничества. Къ русскимъ нѣмцамъ и нѣмецкимъ русскимъ прибавляются *русскіе-*

⁶⁾ Полное названіе книги: «On the origin of species by means of natural selection»—«Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора».

1995. И истина должна открыться

...даже въ «Конституціонелѣ»¹⁾, журналѣ, любящемъ прогрессивное правительство въ Петербургѣ. На дняхъ онъ помѣстилъ небольшую корреспонденцію объ *остзейскихъ провинціяхъ*. Писавшій ее наивно удивляется одному факту, что остзейское дворянство и богатое мѣщанство городовъ гораздо упорнѣе въ своемъ противо-дѣйствіи нововведеніямъ правительства и отстаиваетъ свои монополии и средневѣковыя права съ законнѣлостью, которая идетъ гораздо далѣе упрямства русскихъ помѣщиковъ... И это, прибавляетъ корреспондентъ, несмотря на то, что остзейцы гораздо образованнѣе русскихъ.

Мы не находимъ этого zu stupendisch²⁾. Мы настолько знали русскихъ нѣмцевъ (nos amis de la maison³⁾), чтобы не удивляться ихъ ур-консерватизму⁴⁾, тѣмъ не менѣе мы съ радостью прочли замѣчаніе „Конституціонеля“. Есть русскіе, которые, увидавъ это во французскомъ журналѣ, убѣдятся, что это такъ.

1996. Общій фондъ.

Получено изъ Швейцаріи 400 франковъ и изъ Германіи 10 фун. 3 шилл.

1997. Письмо къ В. Т. Нельсѣевой.

(2 января 1863).

Деньги вамъ пришлю съ Жюлемъ часа черезъ два,—ходить сюда нельзя: у Лизы скарлатина.

Отвѣтъ потомъ пришлю.

Прощайте; очень радъ, что Милушѣ лучше! ¹

◆ 1. Когда заболѣла Лиза, Огарева съ близнецами жила отдѣльно. Герценъ и Огаревъ взяли на себя уходъ за больной, а Огарева посѣщала дочь съ мѣрами всякихъ предосторожностей.

эльзасцы, т.-е. такіе русскіе нѣмцы, которые, оставшись съ *нравственнымъ* нѣмецкимъ акцентомъ, предались французской страсти рѣшительныхъ мѣръ, централизаціи, просвѣщающаго насилія, исправляющаго беззаконія, и все это съ сохраненіемъ тяжелой нѣмецкой Plumpheit⁵⁾ и русскаго нахальства. Мы еще займемся ихъ фауной... А. И. Г.

¹⁾ «Le Constitutionnel», офиціозный органъ второй имперіи, получалъ «пособія» отъ русскаго правительства.

²⁾ Слишкомъ удивительнымъ.

³⁾ Нашихъ друзей дома.

⁴⁾ Urkonservatismus—первобытный консерватизмъ.

⁵⁾ Неуклюжесть.

1998. Письмо къ В. Т. Кельсиевой.

(3—4 января 1863).

Вчера я совсѣмъ забылъ съ хлопотами послать вамъ деньги. Что Милуша? У Лизы сильная скарлатина; вѣроятно, будетъ и у другихъ. Это большое несчастье.

1999. Письмо къ неизвѣстному.

3 Janvier 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

Citoyen!

En Vous remerciant pour l'invitation du 31 Dre que je viens de recevoir, Vous me permettrez de décliner l'honneur d'assister à Votre réunion.

Ne pouvant être autrement utile au journal projeté—qu'en faisant parvenir à la rédaction des articles sur la Russie (ce que je ferai avec plaisir après avoir lu les premières feuilles) je pense que Vos amis auront l'indulgence de m'excuser.

Recevez, Citoyen, mes désirs les plus sincères pour le succès de Votre entreprise et mes salutations fraternelles.

*A. Herzen.**Переводъ.*

3 января 1863 г.

Гражданинъ!

Благодаря Васъ за только-что полученное мною Ваше приглашеніе отъ 31 декабря, позвольте мнѣ отклонить честь присутствія на Вашемъ собраніи.

Я могъ бы быть полезенъ затѣваемой газетѣ только присылкой статей о Россіи (что я съ удовольствіемъ и буду дѣлать по прочтеніи первыхъ номеровъ), и я надѣюсь, что Ваши друзья будутъ такъ снисходительны, что извинять меня.

Примите, гражданинъ, мои самыя искреннія пожеланія успѣха Вашему предпріятію и мой братскій привѣтъ.

A. Герценъ.

2000. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(31 декабря 1862) 12 часовъ.

Вотъ, Тата, и новый годъ. Скромнѣе его встрѣчать нельзя: я и Саша приготовляемся ложиться спать; а тебѣ много и много лѣтъ и веселья, и Италиі желаемъ. И Ольгу и Мальвиду поздравляемъ!

2 января 1863, вечеромъ.

Милая Тата, сто и сто разъ цѣлую тебя и благодарю за письмо—не ко мнѣ, а къ Сашѣ, которое онъ мнѣ далъ. Оно мнѣ очень живо напомнило нашу жизнь въ Ниццѣ за десять лѣтъ.

Мы новый годъ встрѣтили скверно. Утромъ Лиза была здорова, въ 11 часовъ она стала жаловаться на тяжесть въ головѣ, къ вечеру—жаръ, а на другой день, т.-е. сегодня, 2 янв., у нея открылась скарлатина. Лѣчить ее Гено де Мюсси; вѣроятно очень, что и у маленькихъ бибушекъ и даже у Милуши ¹⁾ будетъ скарлатина. Это—не шутка. Особенно *vi* ²⁾ характеръ Н. и домъ довольно холодный.—Получила ли ты письмо отъ Natalie и второе отъ меня (№ 4)? Я тебя буду постоянно увѣдомлять о Лизѣ; Фрикену кланяйся. Бакунинъ дромадеръ ³⁾ здѣсь, — онъ очень глупъ.

4 января 1863.

Вчера вечеромъ болѣзнь у Лизы очень увеличилась; сегодня, кажется, полегче,—увидимъ, что къ ночи.

Вчера пришли ваши портреты, а что же нѣтъ Ольги?

5-ое понедѣл. Бюлетень о Лизѣ: пока что, кажется, хорошо, а у дѣвочки ⁴⁾ начинается.

2001. Письмо къ В. Т. Кельсіевой.

(8 января 1863) Четвергъ.

Orsett House.

Посылаю вамъ вторую половину статьи, коей вѣсь цѣлыхъ *пять фунтовъ*, и надѣюсь, что новые зубы Милуши не противъ меня. Кровать вамъ была отправлена третьяго дня, книгу для переезда ищу.

¹⁾ Кельсіева.

²⁾ Имѣя въ виду.

³⁾ Одногорбый верблюдъ, — Александръ Александровичъ.

⁴⁾ Елена.

2002. Письмо къ Н. А. Герценъ.

7 января 1863.

Orsett House.

Милая Тата! Начинаю такъ скоро новое письмо, чтобъ тебѣ сообщить о Лизѣ. Первый періодъ болѣзни прошелъ превосходно. Ага ходилъ наблюдать отъ вечера до трехъ часовъ, я—отъ четырехъ до утра. Лѣчилъ ее Гено де Мюсси, но какъ-то, перепугавшись, посылали за Ньютелемъ, а онъ заразы боится больше всякой женщины,—за ребенка. Дѣвочка и мальчикъ здоровы,—вотъ и вѣрь медикамъ. До сего утра было тепло,—погода мѣняется. Ты знаешь, что въ scarlatinѣ очень опасно выздоровленіе и продолжается дней 12; итакъ, до 15—16 числа еще будетъ довольно муки. Начала ли ты, моя Тата, журналъ? Выпиши изъ него глазное. Въ немъ, съ одной стороны, должны быть занятія, а съ другой—записывай все, что тебѣ особенно понравится изъ картинъ, статуй, зданій; въ заключеніе (и это ужъ въ облегченіе)—визиты; наконецъ, надобно особую рубрику - colonne — «Olga» — и тамъ о ея ученіи и пр.

2003. Письмо къ С. Тхоржевскому.

10 января (1863).

Orsett House, Westb.

Любезный Тхоржевскій, дѣла у насъ, все-таки, не очень хорошо идутъ, и выздоровленіе только мнимое. Скажите Милорадовичу ¹⁾ и Владимірову ²⁾, что если они не зайдутъ отъ 4 до 5 къ намъ, что я приду между 8 и 9 въ American Store.

Прощайте.

Изъ Флоренціи письма: Тату и Ольгу тамъ на рукахъ носятъ—итальянцы въ десять летъ не забыли меня; видно, что не французы.

◆◆ 1. 15 іюня 1863 г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ доставилъ въ III Отдѣленіе письмо на имя бывшего секретаря русскаго посольства въ Штудгартѣ, Леонида Александровича Милорадовича въ Черниговъ, посланное изъ Гей-

¹⁾ Леонидъ Александровичъ. ¹

²⁾ Гейдельбергскій пріятель, о которомъ будетъ дальше.

дельберга Пишулевичемъ. Жандармы помѣтили: «Пишулевичъ извѣстенъ намъ—баронъ Рокасовскій, сынъ ген.-губернатора Финляндіи». Въ письмѣ говорилось о разныхъ житейскихъ мелочахъ, упоминались Бакстъ и Лугининъ; сообщалось, что «въ рѣчи моего отца, которая была напечатана въ «Кельнской Газетѣ», между прочимъ, обѣщанъ финляндцамъ сеймъ», сообщалось также, что съ Я. Сабуровымъ и др. авторъ «пилъ на брудершафтъ» и что «Что дѣлать?» привлекаетъ общее вниманіе. По наведеннымъ справкамъ, Милорадовичъ «былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ Герценомъ и весною 1863 г. возвратился въ имѣніе отца своего въ Черниговскую губ.». Затѣмъ III Отдѣленію стало извѣстно, что Милорадовичъ и Н. М. Сатинъ должны видѣться въ Твери; приказано было тверскимъ властямъ, въ случаѣ, «если въ дѣйствіяхъ ихъ окажется что-либо подозрительное», довести до свѣдѣнія г.-ад. Огарева. 12 августа тверской жандармъ донесъ, что Милорадовичъ прибылъ въ Тверь изъ СПб. и въ тотъ же день отправился въ Москву; онъ предупредилъ объ этомъ московскаго жандарма; тотъ выслалъ на станцію Крюково Николаевской жел. дороги офицера съ приказаніемъ, сѣвъ въ вагонъ, постараться войти съ Милорадовичемъ въ непосредственныя сношенія, а самъ поѣхалъ на вокзалъ встрѣтить поѣздъ. «Но, къ величайшему удивленію, ни одного изъ пассажировъ описанныхъ примѣтъ не было». Было приказано смотрѣть въ самой Москвѣ въ-оба. Уже въ 1871 г. кievскій жандармъ запрашивалъ шефа жандармовъ, слѣдуетъ ли продолжать секретный надзоръ за выѣхавшимъ въ августѣ 1870 г. изъ Москвы Милорадовичемъ, имѣя въ виду, что, будучи камеръ-юнкеромъ, онъ исправляетъ должность кievскаго уѣзнаго предводителя дворянства. Отвѣчено: «надобности нѣтъ» (Архивъ II Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 23, ч. 240).

2004. Письмо къ В. Т. Кельсевой.

(9—10 января 1863).

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, возьмите на двѣ недѣли лучшую квартиру, а потомъ увидите, что дѣлать. Выздоровленіе Лизы у насъ идетъ медленно и то лучше, то хуже; страшно кашляетъ. Итакъ, мой совѣтъ положительно: пока Милуша больна, квартиру брать.

2005. Письмо къ Н. А. Герценъ.

10 января 1863.

Orsett House, Westb. terrace.

Поправленіе и выздоровленіе Лизы идетъ медленно,—гнусная болѣзнь эта скарлатина. Дня три тому назадъ она, было, совсѣмъ

поправилась, но вчера развился страшный кашель. И, представь себѣ, что маленькіе до сихъ поръ совершенно здоровы. Зима здѣсь странная: совершенно тепло и именно отъ этого бездна болѣзней.

Какъ же, Тата, тебѣ не стыдно такъ по-дѣтски писать о знакомствахъ? Когда я былъ противъ дѣльныхъ знакомствъ? Я писалъ и говорилъ о пустыхъ знакомствахъ, о потерѣ времени, о русскихъ праздношатающихся, о политикахъ безъ дѣла... а не о твоёмъ *Дусси* ¹⁾, не объ *Da! Ongaro* ²⁾. Ателье незнакомаго Ге ³⁾, разумѣется, не надобно принимать—*gai ou triste—mais il faux le connaitre* ⁴⁾.

Послѣднее твое письмо, вообще, нѣсколько больше разсѣяннo, чѣмъ прежде, и оттого и русскихъ ошибокъ больше. Но почему вы все пишете разные адреса? Это очень неприятно.

◆◆1. Въ воспоминаніяхъ самого Ге сказано: «Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ пріѣхала во Флоренцію *m-elle* Мейзенбургъ съ дѣтьми, двумя дочерьми Герцена. Я пошелъ познакомиться и предложить свои услуги. *M-elle M.* была милая, добрая идеалистка, глубоко почитавшая Герцена... Дѣти мнѣ показались иностранцами; старшая говорила по-русски, младшая же не говорила, но понимала. Онѣ меня обрадовали тѣмъ, что сказали, что отецъ пріѣдетъ во Флоренцію, но я не могъ дожидаться—я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ» («Сѣв. Вѣст.» 1894, III, 234—235).

2006. Expiatio! ⁵⁾

Страшное, кровавое слово! Неужели нѣтъ примиренія за былое, нѣтъ возстановленія безъ *искупленія кровью*? Неужели высокое искупленіе требуетъ закланія жертвъ неповинныхъ и чистѣйшихъ, крови юной и святой!?

Неужели чаша эта не минуетъ нашихъ братій въ Польшѣ?

Вѣсти оттуда мрачны. Мужики разбѣгаются отъ набора, городское населеніе, озлобленное до высочайшей степени, собираетъ силы и лучше готово погнубить съ оружіемъ въ рукѣ, чѣмъ итти по выбору полиціи въ *арестантскія* роты непріятельскаго войска. Со дня на день можно ждать возстанія. Что правительство, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ поднять народъ, чтобы его побить? Трудно себѣ представить,—оно слишкомъ прѣсно для этого. Развѣ одинъ

¹⁾ Имя кошки

²⁾ Итальянскій поэтъ и патріотъ; профессоръ литературы во Флоренціи.

³⁾ Николай Николаевичъ, рисоваль въ Флоренціи «Тайную вечерю». ¹

⁴⁾ Нравится тебѣ или не нравится, но его раньше нужно узнать. Игра словъ Ге—фамилія, *gai*—веселый.

⁵⁾ Искупленіе.

Вѣлепольскій вызываетъ возстаніе для того, чтобы поплатиться съ народомъ польскимъ за частные долги свои, за неудавшіяся фантазіи, за ихъ неудавшіяся выстрѣлы?

Ну, а великій князь... какая ему выгода? Хоть бы онъ подумалъ о всѣхъ послѣдствіяхъ и, пока есть время, въ этотъ послѣдній часъ остановилъ бы вѣлепольскій наборъ. Вѣдь, что тамъ Минквицъ ни пиши или кто другой, великій князь *знаетъ*, что польское возстаніе *неминуемо* увлечетъ съ собою часть русскихъ офицеровъ и солдатъ, и они падутъ, сражаясь съ русскими, отъ русскихъ въ *искупленіе* нѣмецкихъ грѣховъ Петербурга, екатерининскаго раздѣла, николаевскаго тиранства и танталовской муки *возбужденныхъ надеждъ безъ исполненій* послѣдняго царствованія.

Неужели ему, русскому, не жаль родной алой, молодой крови, которая полетитъ для того, чтобы смыть съ нашей общей матери давно запекшуюся кровь другихъ мучениковъ? Неужели нѣтъ руки, которая бы отвела жертвенный ножъ и спасла бы людей своихъ, какъ въ библейской легендѣ ¹⁾? Вѣдь, *имъ нѣтъ выбора*, и въ этомъ-то все ужасное ихъ трагическаго положенія. За ними одна вина, та, что они допустили, чтобы разумъ ихъ проснулся отъ дурманнаго опьяненія военнымъ рабствомъ. Проснувшись, имъ нельзя было стоять сложа руки, пилатовски допуская и казнь и правоту; военные должны или душить поляковъ *или стать съ ними*. И это не потому, что польское возстаніе можетъ или не можетъ обойтись безъ нихъ, а по тому высшему нравственному закону, передъ которымъ блѣднѣютъ и краски знамени и обѣта присяги, передъ мощнымъ голосомъ котораго умолкаютъ всѣ голоса, исчезаютъ всѣ долги. развязываются всѣ узы... Брутъ ²⁾ дѣлается палачомъ своихъ дѣтей, а Карагеоргій ³⁾ сербскій казнитъ своего отца.

Если бы окровавленные тѣни Сливницкаго, Арнольдта и ихъ товарищей могли разбудить *другой сонъ*, навѣянный сказочниками Зимняго дворца, и, указывая на свои прострѣланныя груди, напомнить *ему*, что пули, которыя онъ послалъ въ нихъ, ничего не остано или, никого не испугали, а разбудили легіонъ!.. Съ ихъ казни начинается новая эра для русскаго войска!

Пора, въ самомъ дѣлѣ, понять, что тутъ дѣло не въ нарушеніи дисциплины, не въ измѣнѣ знамени, — тутъ иныя силы, тутъ непреодолимое вѣяніе *наставшаго часа* совершенія судебъ русскаго міра. Оно-то влечетъ и будитъ, исполняетъ любовью и энергіей, пророческимъ духомъ и готовностью принести себя жертвой искупленія.

¹⁾ Объ Авраамѣ и Исаакѣ.

²⁾ Основатель и первый консулъ римской республики, осудившій на смерть собственныхъ сыновей за участіе въ заговорѣ противъ республики.
³⁾ Или Георгій Черный, родоначальникъ династіи сербскихъ королей, убившій, по преданію, своего отца за то, что тотъ хотѣлъ предать сербскихъ революціонеровъ въ руки турокъ.

Кто вызвалъ Сливickaго и его товарищей? Не звать ихъ пришлося намъ, а только ударять въ «Колоколъ» къ ихъ похоронамъ. Кто вызвалъ рядъ горячихъ, пламенныхъ писемъ отъ русскихъ офицеровъ изъ Варшавы?

Наставий часъ!

...Мы передъ ними, идущими на смерть, склоняемъ съдыя головы наши, мы просимъ ихъ благословенія... И, удерживая внутренней стонъ, скажемъ только: если ихъ не суждено возвратиться освободителями, чтобы они, умирая, бросили, вмѣсто всякаго наслѣдства, русскому войску свою святую печать—*соединенныя братски руки* со словами «*Земля и Воля!*»¹⁾.

2007. Рапортъ—rapport, а не dénonciation.

Въ «Колоколъ» отъ 1 сентября 1862 было помѣщено письмо изъ Польши, въ которомъ, говоря о дѣлѣ Арнгольта, Сливickaго и пр., сказано: «арестованы они были «по рапорту Тамландера и Кроха». «Le Nord» (10 января) напечаталъ рекламацию, въ которой говорится, что Тамландеръ и Коршъ нисколько не участвовали въ этомъ дѣлѣ, и что ихъ поведеніе было всегда безупречно. Повторяя рекламацию, мы отъ души желаемъ, чтобы поправка была истиной. Что касается до «Le Nord», онъ ошибается, переводя слово *rapport* словомъ *донось*. Мы не знаемъ, какъ на *новофранцузскомъ*²⁾, но на русскомъ языкѣ есть разница между словомъ *рапортъ* и словомъ *донось*; у насъ сказано: «ils ont été arrêtés sur un rapport de...»³⁾ «Le Nord» переводитъ: «c'est grâce à leur dénonciation que...»⁴⁾ *Рапортъ*—дѣло официальное, служебное, *донось*—дѣло офиціозное, личное, дѣло вкуса и торговли.

2008. Донось или не донось?

«Сѣверная Почта», рассказывая съ достодожной риторикой гофъ-фурьерскаго журнала о балѣ, данномъ 6 декабря московскимъ дворянствомъ, и описавъ мраморы, фестоны, панораму, бамбуки, лавры, померанцы, исчисливъ имена всѣхъ помѣщиковъ и торгующихъ садовниковъ, приславшихъ цвѣты и деревья,—прибавляетъ: «чуть ли ни главный между послѣдними г. Ооминъ не нашель возможнымъ дать что-либо изъ своихъ богатыхъ оранже-

¹⁾ Такова и была эмблема на печати общества «Земля и Воля».

²⁾ Ядовитый намекъ на продажность газеты.

³⁾ Они были арестованы по докладу...

⁴⁾ Благодаря доносу...

рей». Попадись этотъ сѣверный листокъ въ оранжерею Потапова ¹⁾, узнаетъ Оминъ *сѣверную почту* и всю длину ея и больше увидить ледяныхъ сосулекъ, чѣмъ тропическихъ цвѣтовъ. И почему же Валуевъ, изобрѣтатель масокъ въ печати, на манеръ игнатьевскихъ арестантскихъ картузовъ, самъ не держится анонимныхъ обличений?

Баль этотъ, впрочемъ, отмѣченъ не только отсутствіемъ букетовъ Омина, но и присутствіемъ высихъ цвѣтовъ правительственной литературы. «Le Nord» сообщаетъ намъ подробность, которую пропустили скромныя русскія газеты, дошедшія до насъ: М. Катковъ, издатель «Русскаго Вѣстника», познакомился тамъ съ государемъ, и они, кажется, очень сошлись. «Le Nord» прибавляетъ, что г. Катковъ издаетъ «лучшій и наиболѣе читаемый журналъ» въ Россіи. За что же было на насъ сердиться? Не ясно ли, что Катковъ—тайный сенато ъ и дѣйствительный совѣтникъ, а такъ какъ всякій, бывшій на балу, называется кавалеромъ, то и кавалеръ.

Николай Филиповичъ ²⁾, повѣсьтесь!

2009. Уравненіе правъ иностранцевъ съ русскими передъ каторгой.

Швейцарецъ Эдуардъ Бонгардъ, жившій учителемъ у гр. Старжинскаго, приговоренный какимъ-то военнымъ судомъ къ разстрѣлянью, помилованъ Константиномъ Николаевичемъ на 12-лѣтнюю каторжную работу въ Сибирь. Черезъ Бонгарда шла переписка съ Мѣрославскимъ, онъ принадлежалъ къ тайному обществу. Судьба несчастнаго швейцарца напоминаетъ намъ судьбу Адриани, француза, посаженнаго *другимъ* нѣмецкимъ правительствомъ въ Шпильбергъ ³⁾ въ одно время съ графомъ Конфалоньери ⁴⁾, Сильвіо Пеллико ⁵⁾.

1) III Отдѣленіе.

2) Павловъ; ему было очень непріятно преимущественное положеніе Каткова.

3) Австрійская крѣпость близъ Брюнна; служила мѣстомъ заключенія политическихъ преступниковъ.

4) См. т. X, стр. 189.

5) Мы напоминаемъ нашимъ читателямъ, что Адриани напечаталъ въ 30-хъ годахъ превосходный рассказъ о своей тюрьмѣ подъ заглавіемъ «Mémoires d'un prisonnier d'Etat» ⁶⁾ Какое было бы прекрасное дѣло перевести «Записки» Адриани, вмѣсто блѣдныхъ и во всякомъ случаѣ, равнодушныхъ романовъ второстепенныхъ англійскихъ писателей. А И Г.

Сильвіо Пеллико, родомъ изъ Пьемонта, основалъ вмѣстѣ съ Мандони и гр. Конфалоньери журналъ «Conciliatore», запрещенный австрійской цензурой. Свое пребываніе въ тюрьмахъ енеци и въ Шпильбергѣ описалъ въ значительной книгѣ «Le mie prigioni»—«Мои темницы».

6) «Записки заключеннаго за государственное преступленіе».

2010. Но ДРУГОЕ-ТО правительство, полно, нѣмецкое ли?

«Кельнская Газета»,—пишутъ «Спб. Вѣдомости»,—сообщаетъ намъ слѣдующее о процессѣ, происходившемъ въ Варшавѣ». Что вы скажете объ унижительной необходимости узнавать *черезъ нѣмца*, что дѣлается дома? Мы много разъ писали объ этомъ, и каждый разъ кровь приливаетъ къ головѣ, когда мы видимъ это безобразное неприличіе! Ссылка на нѣмецкія газеты еще возмутительнѣе, чѣмъ *официальныя новости*, переводимыя съ французскаго изъ «Journal de St.-Pétersbourg». Какое же русское гравительство не поняло бы въ этомъ ненужномъ, глупомъ пренебреженіи къ своимъ, оскорбленіе народа русскаго, crime de lèse-nation ¹⁾?

2011. [Исторія въ лейбъ-уланскомъ полку].

Что за исторія была въ лейбъ-уланскомъ полку? Должно быть, важная, потому что «Indépendance» въ двухъ корреспонденціяхъ старается затушевать ее; просимъ покорнѣйше прислать намъ подробности объ ней.

2012. О янобы офицерскомъ письмѣ въ «Таймсъ».

Желая всѣми мѣрами способствовать раскрытію истины по дѣлу адреса и вида, что письмо къ директору «Таймса» отъ директора главнаго штаба затерялось или (чего, боже, сохрани) было перехвачено полиціей на границѣ, мы доставили «Таймсу» переводъ контръ-адреса. Такимъ образомъ въ «Таймсѣ» и въ «Колоколѣ» документъ этотъ явился въ одинъ и тотъ же день. Мы не прячемъ за уголь орудія нашихъ противниковъ. А vous messieurs! ²⁾

2013. Полицейская пропаганда и налогъ.

Скоро придетъ время, что ни одинъ журналъ не захочетъ называться *Вѣстникомъ*, и это потому, что правительство и полиція пятнаютъ особенно *Вѣстники* своей дружбой и попеченіями.

¹⁾ Преступленіе противъ народа.

²⁾ Очередь за вами, господа!

Намъ прислали изъ Ковно слѣдующій циркуляръ:

М. В. Д.

ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА

города Ковно

и

КОВЕНСКАГО

Гражданскаго Губернатора.

—о—

По канцеляріи.

Отдѣленіе 1.

Ноября 17 дня, 1862 г.

Г. Ковно.

«Г. Виленскій военный губернаторъ и генераль-губернаторъ гродненскій, минскій и ковенскій, признавая полезнымъ и необходимымъ распространіе въ подвѣдомственныхъ управленію его высокопревосходительства губерніяхъ журнала «Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи», издаваемого въ гор. Кіевѣ г. Говорскимъ, отъ 13 сего ноября за № 7618 предложилъ мнѣ: предписать всѣмъ при-

сутственнымъ мѣстамъ и управленіямъ по Ковенской губерніи о непремѣнной выпискѣ этого журнала. Причемъ г. генераль-губернаторъ поручилъ мнѣ наблюдать, чтобы къ 1 января настоящее предложеніе его высокопревосходительства было исполнено непремѣнно. Плата за годовое изданіе «Вѣстника» 7 р. 50 к. О выпискѣ онаго слѣдуетъ обращаться въ редакцію «Вѣстника» въ Кіевѣ.

Подписаль: Свистъ е. в. контръ-адмираль *Кригеръ*.

Направленіе рекомендуемаго журнала антипольское въ крайнемъ смыслѣ. Въ Вильнѣ заставляютъ даже небогатыхъ чиновниковъ подписываться. Любопытно, что русскіе отъ этой барщины освобождаются.

«Безцеремонность петербургскаго правительства въ нашемъ краѣ,—пишетъ нашъ корреспондентъ,—рѣшительно доходитъ до геркулесовыхъ столповъ. Неда но разнесся въ высшихъ (здѣшнихъ) сферахъ слухъ объ образованіи для западныхъ губерній особаго отдѣла крестьянскаго комитета подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго Бибикова ¹⁾, выгнаннаго Александромъ II изъ министровъ. Валуевъ сказалъ недавно одному изъ нашихъ депутатовъ, добывавшемуся утвержденія поземельнаго банка: «Помилюйте, гг., вы собираете складки для Мѣрославскаго, значитъ, у васъ есть лишнія средства, къ чему же вамъ кредитъ?».

¹⁾ Дмитрій Гавриловичъ.

2014. Письмо къ Н. И. Тургеневу.

19 января 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!

«Письмо» Ваше я получилъ и немедленно послалъ въ типографію; оно, во-первыхъ, будетъ напечатано въ «Колоколѣ» 1 разъ, потомъ особо. Я пришлю къ Вамъ сто экземпляровъ¹⁾.

Теперь позвольте мнѣ сказать въ защиту издателей «Записокъ»²⁾ то, предпринявъ это изданіе, какъ святое дѣло, мы должны были печатать текстъ безъ малѣйшихъ измѣненій. Тутъ все принадлежитъ исторіи, и между фактами и ихъ обнародованіемъ легли сорокъ тяжелыхъ годовъ. «Записки» Якушкина бросаютъ большой свѣтъ на тогдашнее время; рядомъ съ ними печатаются «Записки» кн. Трубецкого, въ которыхъ тѣ же факты являются отрицательными подъ инымъ угломъ. Мнѣ кажется, что только этимъ образомъ и можно будетъ реставрировать событія и личности вашихъ товарищей и друзей и нашихъ отцовъ въ духѣ. Внѣшнія противорѣчія и личныя ошибки пропадаютъ въ цѣломъ.

Примите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, мое искреннее увѣреніе въ глубокомъ уваженіи нашемъ и моемъ.

Преданный Вамъ

Александръ Герценъ.

2015. Письмо къ дочерямъ.

20 января (1863).

Orsett House.

Милая Тата и Ольга, всѣ ваши писемцы и записочки до насъ дошли. Болѣзнь Лизы окончилась, и сильный кашель съ лихорадкой прошелъ, остались только распухнувшія железы. Сегодня ее одѣли, и она играетъ, сидя у стола. Въ болѣзнь она не ѣла и пила одну воду. Natalie ее уговаривала, но она сказала: «Теперь хочу воду и буду только воду пить, а когда выздоровѣю, буду пить одно шампанское». Толкуютъ о заразительности, а дѣвочка похворала (просто кольдъ³⁾) и прездоровая до сихъ поръ.

¹⁾ Письмо къ редактору «Колокола» Н. И. Тургеневу помѣщено въ 155 л

²⁾ И. Д. Якушкина.

³⁾ Cold—простуда.

Желѣзная дорога подѣ землей готова, и Чернецкій къ намъ иначе не ѣздитъ; нырнетъ въ дыру на Paddington Station и выныреть у King's Cross'a. Вагоны освѣщены подвижнымъ газомъ.

Ольга, твое письмо Ага читалъ вечеромъ въ воскресенье всей публикѣ; Тхорж. клянется честью и усами, что Туту живетъ въ роскоши и нѣгѣ.

У тебя, Тата, слишкомъ много недовѣрія къ силамъ. Заносчивость нехороша, но вѣру къ себѣ надобно имѣть, иначе не пойдеть и трудъ Достигнуть матеріально того совершенства (Festigkeit), которое одно даетъ оружіе свободному творчеству, можетъ достигнуться однимъ упорнымъ трудомъ, т.-е. покореніемъ себѣ средствъ. Овладевъ ими, надобно искать свой родъ. Въ этомъ ошибаются очень многіе и сначала берутъ то и другое. Меня, напримѣръ, если-бъ я былъ живописецъ, всего больше тянулъ съ родъ Розы Бонеръ¹⁾.

Въ твоёмъ письмѣ къ Агѣ ты что-то толкуешь о недосугѣ.

Was ist das für ein Kerl, der Nedosug²⁾? Въ нашемъ языкѣ слово *недосугъ* должно быть исключено: на все есть *досугъ*, гдѣ есть воля. А сколько изволите спать? Въ Италіи 6 часовъ совершенно довольно.

Затѣмъ обнимаю тебя отъ всей души.

2016. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(25) янв. (1863).

Orsett House, Westb. ter.

Милая Тата, помни мою комиссію тебѣ о памятникѣ³⁾.

Видая столько артистовъ и одного скульптора, ты можешь, не заказывая даже чертежа и ничего не рѣшая, спросить мнѣніе, въ какомъ родѣ можно сдѣлать памятникъ,—употребляя, какъ базу, тѣ деревья, которыя остались. Займись этимъ тотчасъ.

Далѣе, меня очень интересуешь, пришелъ ли «Кол.»; я нарочно послалъ на имя Фрик. и на тое, написавши «Via Belgium»⁴⁾. Неужели во Франціи перехватываютъ? Поляки, о которыхъ я вамъ писалъ, выпущены и пріѣхали сюда, за исключеніемъ одного, который сидитъ. Мы новости ждемъ изъ Польши всякій день—и кругомъ все печально.

¹⁾ Франц. художница; на выставкѣ 1853 г. имѣла большой успѣхъ ея «Ярмарка лошадей», въ 1855 г.—«Сѣнокосъ въ Овернь».

²⁾ Это что за штука, недосугъ?

³⁾ На могилѣ Н. А. ны.

⁴⁾ Черезъ Бельгію.

Одно хорошо, что Лиза совсѣмъ выздоровѣла. Сегодня или завтра ее сажаютъ въ первый разъ въ ванну; тепло и туманно, — тяжелая погода продолжается. Ага теперь пьеть кофей *съ открытымъ окномъ* — вотъ тебѣ наши latest intellig. ¹⁾

— A ma... ma... Kopf... hed... Platzem Sie Garibaldi... ta... ta... ta... ta... ta... ta... ta... Schwabe.

— «Und auch Sie müssen écrire, dass M. Meysenbug est si infidèle, (Ile vergisst hier amis» ²⁾.

Сейчасъ сидѣла у меня утромъ и все рассказала, даже, какъ русскій докторъ Pigoroff (т.-е. Пироговъ) былъ, и что Секки ³⁾ etc.

26, Понедѣльникъ.

Саша у Гильдичей. Ну, вѣроятно, вы знаете по газетамъ, что Польша загорѣлась со всѣхъ сторонъ. У насъ теперь всѣ преокупациі ⁴⁾ затмились этими новостями. Получила ли ты, наконецъ, «Колоколь»? »

2017. Письмо къ Н. А. Герценъ.

30 января (1863).

Orsett House, Westb. terrace.

Милая Тата, нельзя сказать, чтобы ты слишкомъ много писала, — умѣй же находить время на отдыхъ и на письмо. У насъ такъ тревожно теперь, такъ тревожно, что Ага, безъ того усталый отъ болѣзни Лизы, ѣдетъ дней на десять за городъ. Ты, вѣроятно, знаешь изъ газетъ, что дѣлается въ Польшѣ. Множество знакомыхъ въ средоточіи опасности, многіе вновь поѣхали, — всѣ ведутъ себя геройски, но отъ этого до побѣды далеко. Полученъ ли, наконецъ, «Кол.»? Я завтра пошлю другой.

31 янв. Суббота.

Вчера пришло ваше письмо, — благодарю и цѣлую. Очень радъ всему, что пишете о занятіяхъ. Отчего же не попробовать и русскія чтенія? Напиши Саффи, сверхъ поклона, что я ужасно жалѣю, что, по ошибкѣ Тхоржевскаго, съ него за журналы, тогда посланные, взяли большія деньги. Если-бъ я зналъ, я ему послалъ бы, по крайней мѣрѣ, «La Cloche».

Natalie тебѣ много кланяется.

¹⁾ Послѣднія новости.

²⁾ Передразниваетъ г-жу Швабе, говорившую одновременно на разныхъ языкахъ; она была съ дочерьми Герцена въ Италиі Первый абзацъ — наборъ словъ и даже отдѣльныхъ слоговъ; второй означаетъ: И вы также должны написать, что М. Мейзенбургъ такъ невѣрна, она забываетъ своихъ здѣшнихъ друзей.

³⁾ Secchi, Angelo, астрономъ, директоръ римской обсерваторіи.

⁴⁾ Préoccupations — заботы.

2018. Письмо Н. П. Огареву.

31 января (1863).

Orsett House, Westb. terrace.

Вчера пришло письмо отъ Fountain'a ¹⁾, который говоритъ, что ...²⁾ принесъ ему требованіе отъ Мѣрославскаго напечатать отвѣтъ Бакунину въ «Ueuspiegel» ³⁾. (Республиканецъ-то черезъ фартальнаго). Отвѣтъ дерзокъ, но, впрочемъ. ничего.

Тебѣ послалъ сегодня корректурный листъ; отошли его, пожалуйста, поскорѣе въ Bruxelles, М-г Fontaine, 12, Passage de la Mopnau. Тебѣ послано Sydenham, post office ⁴⁾, но ихъ тамъ три.

Совѣтую тебѣ собрать всю силу твердаго ума для того, чтобы написать къ N. Она вчера была въ страшномъ excitement'ѣ ⁵⁾ и слѣпо вѣрить въ полную правоту свою. Хотѣла писать тебѣ, потомъ сказала, что ты ей не вѣришь. Я оставилъ все и сказалъ, что на насъ лежитъ обязанность относительно дѣтей.

Ты очень обидѣлъ послѣдними словами. Дай же все привести въ порядокъ.

Новостей важныхъ нѣтъ, но инсurreкція держится. «Nord» говоритъ о *пушкахъ*, взятыхъ у инсургентовъ.

Въ Петерб. государственный совѣтъ отвергъ законъ о свободѣ книгопечатанія.

Ѣду обѣдать къ Псевичу ⁶⁾, который и тебя приглашаетъ. Они съ секретнымъ... ⁷⁾ все въ Argyll place.

Всѣ здоровы. Прощай.

2019. Resurrexit! ⁸⁾

Туча, которую мы указывали мѣсяцы, разразилась!

Возстаніе зажглось, горитъ и распространяется въ Польшѣ. Что сдѣлаютъ петербургскія пожарныя команды?... Зальютъ его кровью или нѣтъ?... Да и тушить ли кровь?

Неужели этому царство анію, которое такъ легко могло быть кроткимъ, человѣчественнымъ, суждено заступитъ глубже и глубже въ кровь? Кровью не вездѣ можно перейти вбродъ,—а плохіе пловцы въ Зимнемъ дворцѣ.

1) Издатель «La Cloche».

2) Слово не разобрано.

3) Бельгійская газета.

4) Почтамтъ.

5) Возбужденіе.

6) ?

7) Слово не разобрано.

8) Она воскресла!

Возстаніе это всё предвидѣли, оно не могло не быть при безобразномъ полицейскомъ наборѣ ¹⁾; объ немъ предупреждали и мы и десять другихъ ж рналовъ; были даже люди, которые предупреждали великаго князя и государя, — они не хотѣли отстранить возстанія, *они избрали кровь!*

Ну, Константинъ Николаевичъ! Какъ вы сладите съ вашей совѣстью? Ужъ не ѣхать ли куда-нибудь на горькія или кисляя воды? Зачѣмъ, бога ради, зачѣмъ вы пріѣзжали въ Польшу? Кто этотъ личный врагъ вашъ, который вамъ далъ эту несчастную мысль?

И вы, маркизъ ²⁾, не даромъ старались ваше длинное имя записать въ польскую исторію! Выскоблить его отсюда будетъ трудно, потому что торжественно хороша страница, въ которую оно попало кровавычъ пятномъ, одна изъ лучшихъ въ хроникахъ вашего отечества.

Въ самомъ дѣлѣ, что за геройство, что за несокрушимая отвага, что за ненизлагаемая любовь! Въ виду цѣлаго войска, двухъ-грехъ войскъ, съ злѣйшими врагами за спиной открыто поднять знамя возстанія и, бросая перчатку дикому самовла тію, громко сказать: «Довольно! мы не хотимъ больше терпѣть. Ступай вонъ, или клюй ворономъ наши трупы!»

Да, поляки-братья, погибнете ли вы въ вашихъ дремучихъ мицкевичевскихъ лѣсахъ, воротитесь ли свободными въ свободную Варшаву, міръ равно не можетъ вамъ отказать въ удивленіи. Начинаете ли вы новую эру независимости и развитія, заключаете ли вашей смертию вѣковую, безпримѣрную борьбу, — вы велики. Въ васъ благословенна родина ваша; она, въ своемъ терновомъ вѣнцѣ, можетъ гордиться сыновьями. Въ васъ благородно, изяшно сочетались два великихъ наслѣдства двухъ великихъ покойниковъ; все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всѣмъ доблестнымъ и могучимъ древняго римскаго гражданина.

Хвала вамъ!

.... И когда мы возлѣ васъ, идущихъ на смерть, на каторгу, представляемъ себѣ бѣднаго русскаго воина, мы готовы рыдать, какъ дѣти. Онъ долженъ краснѣть своихъ побѣдъ и бояться своихъ успѣховъ. Его положеніе страшно, *быть палачомъ людей, вызванныхъ на возстаніе, или идти противъ своихъ*, — гдѣ тутъ воля выбора?

Горе властямъ, такъ искушающимъ, такъ бросающимъ смятеніе въ душу, насильственно разсѣкая совѣсть и противопоставляя одинъ долгъ другому, одну любовь другой... святню самобытной совѣсти и нравственнаго права личности святынѣ родовой связи, преданія, крови.

¹⁾ Что такое этотъ татарскій наборъ, можно ясно видѣть изъ превосходныхъ статей «Daily Telegraph». А. И. Г.

²⁾ Графъ Вѣлепольскій, маркизъ Гонзага Мышковскій.

Нѣтъ, это—не народная война, это—полицейское усмирёніе войсками: это—тѣ ружья, которыя стрѣляли въ Безднѣ, это—тѣ приклады, которыми били петербургскихъ студентовъ, это,—тѣ штыки, которые завтра будутъ колотъ крестьянина русскаго по командѣ тѣхъ же русскихъ нѣмцевъ, за то, что онъ хочетъ съ волей землю...

Большое несчастіе, что польское возстаніе пришло рано; многіе, и мы въ томъ числѣ, дѣлали все, нашимъ слабымъ силамъ возможное, чтобъ задержать его... Вълепольскій и его Телемакъ¹⁾ рѣшили иначе... Передъ соверш ющимся событіемъ—смирёніе, а не судъ: иныя силы, не сила слова рѣшаетъ вопросъ.

— Что-то сдѣлаетъ Европа? Она не допуститъ? Допуститъ ли она еще разъ?

Допуститъ.

Она устами другаго монарха²⁾ обезпечитъ, что «національность полская не погибнетъ», и успокоитъ народныя сочувствія извѣстіемъ съ трибуны, что «порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ».

Въ Англіи будутъ ненужные, безсильные, но очень великодушные митинги, и одна Германія приметъ искреннее участіе своей радостью, что славяне, во всякомъ случаѣ, будутъ бить славянъ!

28 января 1863 г.

2020. По дѣлу адреса офицеровъ.

Нашему правительству приходится рѣшительно отказаться отъ литературныхъ самооправданій, риторико-жандармскихъ опроверженій, журнально-казенныхъ антикритикъ и пр., по крайней мѣрѣ, приходится воздержаться отъ нихъ внѣ предѣловъ нашего обширнаго отечества. Если хладнокровно разобрать дѣло, то и жертва не такъ велика. Правительство наше, которому законъ не писанъ, и кото ое никому ни въ чемъ не отдаетъ отчета, имѣетъ дома такія богатая средства самооправданій и антикритикъ, что сходитъ на бѣдную литературную арену ему неловко. Рука, привыкнущая держать ключи разныхъ казематовъ и остроговъ, плетъ и палку, веревку висѣлицы и ружье, направленное на кого угодно, отвываетъ отъ пера, оно дрожитъ въ ея пальцахъ. И что за жгучее самолюбіе—опровергать словами тамъ, гдѣ мож. о опровергать приговорами?! Зачѣмъ лит. чернила, когда можно лить кровь?

Въ поясненіе этого нравоученія мы помѣщаемъ два документа, полученные нами изъ Польши. Одинъ изъ нихъ мы перевели съ французскаго, другой помѣщаемъ, какъ получили.

¹⁾ Константинъ Николаевичъ.

²⁾ Наполеонъ III.

Письмо отъ русскихъ офицеровъ... полка къ издателю «Колокола» 1).

М. Г., когда узнали мы, что письмо къ Константину отъ имени офицеровъ войскъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, помѣщено уже на столбцахъ вашего журнала, чувство глубокой признательности къ вамъ заняло мѣсто въ сердцахъ нашихъ.

Мы гордо взглянули на нашъ твердый отказъ передъ лицомъ народовъ служить дѣлу палачества и рѣшились запечатлѣть его смертью.

Изъ глубины души повторяемъ мы другъ другу: «умремъ всё, но не будемъ давить свободы, не замараемъ чести русской». Не такъ думало нѣмецко-татарское правительство наше.

Оно не повѣрило голосу правды, голосу дѣтей русскаго народа, а разными уловками задумало заставить насъ отказаться отъ самыхъ святыхъ чувствъ нашихъ. Но, вѣдь, это не такъ-то легко удастъ я сдѣлать.

Сотни офицеровъ, участвующихъ въ составленіи письма, готовы сейчасъ же выставить имена свои и, нисколько не боясь смерти, убѣдительно подтвердить дѣломъ достовѣрность вами напечатаннаго документа.

Пусть будутъ прокляты именемъ матерей ихъ, кто осмѣлится помогать правительству вырывать отъ насъ дорогое достояніе наше. Благодаримъ васъ также за ваши искренніе совѣты и участіе въ нашемъ дѣлѣ. мы въ нихъ-то именно и нуждались. Да не изгладится память объ васъ въ сердцахъ каждаго изъ сыновъ русскихъ.

Общество офицеровъ ***-аго полка.

Р. S. Просимъ, если возможно, помѣстить письмо наше на страницахъ «Колокола», какъ фактъ вторичнаго отреченія служить правительству на гибель народовъ, а не на защиту ихъ.

Декабря 18 дня, 1862 года.

Письмо русскихъ офицеровъ къ издателю «Indépendance Belge».

Г. Издатель,

«Сѣверная Пчела» помѣстила выписку изъ 334-го нумера вашего уважаемаго журнала, касающуюся одного факта. весьма далекаго отъ истины, несмотря на то, что онъ представленъ съ

1) Предупреждая полицейскій скептицизмъ и не желая компрометировать друзей нашихъ, мы присягаемъ нашей честью и совѣстью, что *это письмо это писано къ намъ русскими офицерами изъ Польши*. Что касается до письма къ редактору Indépendance, у насъ только копія, присланная изъ Баршавы *другими офицерами*. Тѣхъ и другихъ братски благодаримъ и отъ всей души прижимаемъ къ нашей груди. А. И. Г.

точки зрѣнія и соотвѣтственно желанію русскаго правительства. Мы говоримъ о письмѣ русскихъ офицеровъ въ Польшѣ къ в. к. Константину Николаевичу, которое было помѣщено въ русской газетѣ «Колоколъ», издаваемой въ Лондонѣ, и которое правительство признаетъ за недостовѣрное и старается это распространить не только въ Россіи, но и за границей. По этому поводу мы просимъ у васъ, М. Г., позволенія поправить новости, сообщенныя вамъ вашимъ корреспондентомъ изъ Россіи. Письмо русскихъ офицеровъ къ в. к. не миеѣ или ловкая выдумка издателей «Колокола», *это — фактъ* во всей своей дѣйствительности, — фактъ, говорящій громко самъ за себя и за послѣдствія, могущія изъ него выйти. Очевидно, что правительство не могло ничего упустить, чтобы исказить фактъ и скрыть правду. Даже это самое письмо, которое мы теперь пишемъ къ вамъ, г. Издатель, будетъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, объявлено поддѣльнымъ. Мы не могли и думать напечатать наше письмо въ русскихъ газетахъ, скованныхъ смѣшной цензурой; даже за границей трудно пробиться истинѣ на свѣтъ. Но мы вѣримъ, что рано или поздно она откоется!

Письмо, напечатанное въ «Колоколѣ», — самое вѣрное выраженіе чувствъ *не только нѣсколькихъ личностей, но большинства офицеровъ русской арміи въ Польшѣ*. Что же въ этомъ удивительнаго, что мы, утомленные положеніемъ, которое становится для насъ болѣе и болѣе невыносимо, вслѣдствіе дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ, что мы обратились посредствомъ иностранной прессы (единственно открытой для насъ) къ намѣстнику императора, чтобы просить его спасти военную честь арміи и не дѣлать изъ солдатъ и офицеровъ палачей польскаго народа?

Вашъ корреспондентъ говоритъ, что вел. князь, желая показать свое довѣріе къ арміи, велѣлъ собрать войска въ казармахъ и прочесть имъ это письмо. Это ошибка: начальники войскъ ограничились тѣмъ, что прочли это письмо офицерамъ, выражая надежду в. к., что никто изъ насъ не подписалъ этого документа; мы отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Что же касается до какого-то позволенія, выпрошеннаго офицерами, явиться къ е. в., чтобы протестовать противъ этого письма, это — выдумка, сочиненная защитниками правительства. Вел. князь самъ созвалъ приказомъ генераловъ и офицеровъ войскъ, собранныхъ въ Варшавѣ, чтобы сказать имъ то же, что мы слышали отъ нашихъ начальниковъ; одни генералы и нѣсколько высшихъ офицеровъ отвѣчали крикомъ «ура!».

Вотъ сущая правда письма, котораго существованіе такъ формально отвергаетъ вашъ корреспондентъ, и которое вызвано съ нашей стороны дѣйствіями самого правительства. Мы всѣ патріоты, мы выше всего любимъ Россію, нашу родину; ей принадлежатъ наши руки и наша жизнь, но притѣсненіемъ братствен-

наго народа мы ничего не сдѣлаемъ ни для величія, ни для свободы и счастья нашей страны!

Увѣряемъ васъ еще разъ, М. Г., что письмо, напечатанное въ «Колоколѣ»,—дѣйствительно выраженіе нашихъ мыслей, и что правительство будетъ стараться затемнить этотъ фактъ всѣми средствами, которыя въ его власти, чтобы скрыть дѣйствительное состояніе умовъ въ арміи. Мы рассчитываемъ на вліяніе вашего уважаемаго журнала, чтобы разогнать ложь и возстановить правду.

Адресуясь къ вашей безпристрастности, г. Издатель, мы надѣемся, что вы не откажете помѣстить въ вашемъ журналѣ эти строки, писанныя подъ вліяніемъ чувства долга, и будете снисходительны къ ошибкамъ въ слогѣ нашего письма, писаннаго на иностранномъ языкѣ.

Примите и пр.

Офицеры русской арміи въ Польшѣ.

P. S. Мы не посылаемъ вамъ подписей этого письма, потому что, если-бъ оно случайно попало начальству, то варшавская цитадель наполнилась бы новыми жертвами, и каналъ Новогеоргиевской крѣпости вторично увидѣлъ бы кровь русскихъ офицеровъ.

Варшава, 10/22 декабря 1862.

Итакъ, что же выиграло своими *демантіями* ¹⁾, прозрачнымъ лганьемъ, кунштштюками, которыхъ секретъ бросался въ глаза, заплатами, которыхъ бѣлыя нитки были на лицевой сторонѣ, правительство? Деспотизму надобно держать языкъ за зубами. Многоглаголаніе вызываетъ отвѣтъ. Рѣчь, вообще, ставитъ правительство на ряду съ нашимъ братомъ, въ то время, какъ нѣмота поднимаетъ его въ товарищество другого молчанія—въ товарищество *смерти*.

2021. Наглое злоупотребленіе полицейскаго слова.

Промахнулся, другъ любезный,
Не попалъ, стрѣлокъ чудесный!
«Фрейшюцъ» ²⁾.

Въ 52 № «Совр. Лѣт.» напечатано: «известно, что въ «Колоколѣ» появилось недавно *подложное* письмо, написанное, будто бы, офицерами русской арміи на имя в. к. Константина Николаевича.

¹⁾ Démenti—опроверженіе.

²⁾ Опера Вебера, текстъ написанъ Киндомъ.

Съ своей стороны, офицеры русской арміи, расположенной въ Варшавѣ, оскорбленные такимъ наглýmъ злоупотребленіемъ ихъ имени, написали отъ своего имени протестъ, отрывокъ котораго помѣщенъ въ послѣднемъ нумерѣ «National-Zeitung»

А откуда попалъ отрывокъ въ «Національ-Цейтунгъ»? Ха! ха! ха! Нѣтъ, сенаторъ, вы—плохой стрѣлокъ! ¹⁾

Читая эти строки, невольно приходитъ на мысль, почему въ протестѣ, писанномъ начальникомъ штаба, нѣтъ такой катковщины въ выраженіяхъ? Причины есть. Во-первыхъ, начальникъ штаба *зналъ*, что офицерскій адресъ до напечатанія въ Лондонѣ ходилъ въ Варшавѣ по рукамъ; во вторыхъ, въ его крови не бродила шестой мѣсяцъ, какъ разъядающій ядъ анчара, наша статья «о сенаторахъ» ²⁾.

Къ этому надобно присовокупить, что люди, мало получившіе отъ природы и еще меньше получившіе отъ воспитанія, большіе сквернословы и неразборчивы въ орудіяхъ; они дѣлаютъ намеки на деньги, на состояніе, на наслѣдство, не имѣя возможности скрыть простительную зависть, которой порядочные люди не имѣютъ, и пуще всего уснащаютъ рѣчь площадными выраженіями. Резономъ не возьмешь, колкостью не возьмешь. что долго думать—выругался, оно, будто, и легче на душѣ. «Ахъ, ты такой сухой, намазанный!»—вотъ тебѣ и резонъ, вотъ тебѣ и колкость. Но стрѣлокъ-сенаторъ и тутъ промахнулся. До сихъ поръ тонъ его статей вредилъ одному ему, — онъ примирилъ съ нами нашихъ противниковъ; какое дѣло ни начни защищать пожарной трубой съ помоями,—чистымъ его считать не будутъ.

Мы удивляемся только, зачѣмъ началось, имѣя бархатнаго Н. Ф. Павлова, употребляетъ противъ насъ.. Да нѣтъ *эти* сами употребляютъ.. Если такъ, то что же могло возбудить такое озлобленіе въ офицерскомъ адресѣ? *Внѣ службы* имъ нельзя оскорбиться. Трогательно-благородный тонъ, твердая трагическая кротость,—кротость людей, обреченныхъ на преступленіе или на жертву и которые въ послѣдній разъ обращаются къ власти и просятъ ее спасти ихъ отъ безчестья,—невольно поражаютъ.

Неужели за то, что мы посмѣялись надъ тономъ бурсачныхъ учителей и надъ педантскимъ самодовольствомъ издателей «Совр. Лѣт.», они не могли понять всего трогательнаго и прекраснаго въ офицерскомъ адресѣ, и это только потому, что онъ былъ помѣщенъ въ «Колоколѣ»? Неужели въ отместку за нашу статью они (со словъ шпионовъ и официальныхъ органовъ) рѣшились обвинить насъ въ *подлогѣ*? Неужели у этихъ людей мстительная личность такъ велика, что, писавшія казенныя объявленія и украшая ихъ цвѣтами своего краснорѣчія, имъ не пришелъ въ голову вопросъ:

¹⁾ Видя что «Таймсъ» не получилъ контръ-адреса, мы сами его послали въ «Таймсъ» и другіе журналы. А. И. Г.

²⁾ См. № 1828.

«ну, а какъ адресъ-то не подложный, вѣдь, мы выходимъ наглыми клеветниками?».

Или на этотъ азартъ очертя голову есть другая причина?

Подите поройтесь въ сердцѣ человѣческомъ; можть, въ цинизмѣ выражений мы уловимъ крикъ извращенной совѣсти и желаніе отвести глаза другимъ да и себѣ.

Кто не видалъ, какъ женщина, пускающаяся во всѣ тяжкія, преслѣдуется безстыдными словами прежнихъ подругъ, пьетъ и куражится... и все это, чтобы перекричать что-то, уличающее изнутри,

2022. Братская просьба къ русскимъ воинамъ.

Несправедливый, подтасованный польскій наборъ совершился! Сила одолѣла еще разъ правду; еще черное дѣло прибавилось въ формуляръ русскаго правительства; еще черная тѣнь отбросилась на васъ, на весь народъ русскій. Безсилные отстранить ударъ отъ многострадальной груди польской, намъ надобно употребить всѣ средства, чтобъ облегчить его боль участіемъ, смягчить горе дѣятельнымъ сочувствіемъ. За этимъ-то мы и обращаемся къ *ротнымъ начальникамъ и офицерамъ, къ старымъ солдатамъ, дядькамъ и учителямъ.*

Въ ваши роты, команды, взводы вскорѣ поступятъ несчастныя жертвы польскаго набора; вырванныя безъ очереди изъ семействъ, по указанію полиціи, оторванныя отъ отечества, онѣ, невинные колодники, отправляются въ мрачный, дальній край, о которомъ они слышали одни ужасныя преданія, въ снѣжныхъ тундрахъ котораго безвѣстно погибли ихъ дѣды, ихъ отцы, лучшіе люди ихъ; ихъ ведутъ туда служить годы и годы чужому царю, чужому дѣлу, чужому народу... безъ друзей, безъ языка, безъ родины, которую бы защищали, безъ этого послѣдняго утѣшенія для рекрута.

Друзья, братья, русскіе воины, примите новыхъ товарищей съ распростертыми объятіями, покажите имъ, что русскій народъ добрѣе, лучше русскаго правительства. У васъ есть общее поле,— не весела и ваша жизнь; разскажите имъ о вашей горькой долѣ, о двадцатилѣтней лямкѣ, о голодѣ, о воровствѣ начальства, о томъ, какъ васъ наказывали и какъ вами наказывали крестьянъ; скажите имъ, что и у васъ, послѣ Севастополя, пала повязка съ глазъ, что и ваше терпѣніе приходитъ къ концу; что крестьянская кровь, которую васъ заставляли лить, васъ душить, бродитъ въ вашихъ жилахъ, не даетъ спать... что отъ нея испытанные герои, какъ Красовскій, пошли на каторгу, юноши, какъ Сливицкій и Арнольдтъ,—на тотъ свѣтъ. Да, скажите имъ это!

А главное—*полюбите* ихъ, остальное все само сдѣлается.

Подъ сѣрой солдатской шинелью легко хранится здоровое, теплое сердце. Чѣловекъ, обреченный на кровавое, безжалостное ремесло, тамъ гдѣ-то, на днѣ души бережетъ запасъ великой и простой нѣжности. Черезъ сѣдые усы по загорѣлымъ щекамъ воина, наглядѣвшагося богъ знаетъ какихъ ужасовъ, участвовавшего въ нихъ, чаще льется слеза, чѣмъ по толстенькой щечкѣ мирнаго гражданина, сдѣлавшаго изъ семейнаго эгоизма и безучастія ко всему внѣ своего забора добродѣтель. Одинокій безсемейникъ артели и казармъ, лишенный всякой ласки и всякой улыбки, солдатъ ищетъ возлѣ себя полюбить что-нибудь и крѣпко привязывается.

Полюбите же, друзья, выкраденныхъ польскихъ рекрутовъ, какъ меньшихъ братьевъ, какъ дѣтей полка, и да будетъ надъ вами благословіе несчастныхъ матерей и сестеръ ихъ,—матерей, которыя съ 1831 года только провожали сыновей своихъ на казнь. въ ссылку, въ изгнаніе... сестеръ, которыя не знаютъ другого цвѣта, какъ черный цвѣтъ траура!

20 января. ¹

◆◆ 1. 12 февраля Тургеневъ писалъ изъ Парижа: «Твое посланіе къ русскимъ солдатамъ въ послѣднемъ «Колоколѣ» меня прослезило» («Письма», 179).

2023. Исключеніе изъ списковъ М. И. Топильскаго.

E rotta l'alta Colonna.
E' verde Lauro ¹⁾.

Petrarca.

Находясь въ печальной необходимости исключить изъ списка нашихъ *натурщиковъ* М. И. Топильскаго, утратившаго свое мѣсто, намъ пріятно отдать справедливость горячности его привязанности къ Панину. Михаилъ Ивановичъ исчезаетъ, какъ плющъ, дѣлящій паденіе бревна юстиціи, которое онъ такъ обвинялъ своими гербовыми и простыми листьями. ¹

◆◆ 1. Герценъ, очевидно, вспомнилъ карикатуру и стихи подъ ней на Панина и Топильскаго, напечатанные въ № 43 «Гудка» 1862 года и представляющіе, кстати, почти буквальное повтореніе извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго «Дружба» съ замѣной въ послѣднемъ стихѣ слова «дружба» словомъ «служба»:

«Скатившись съ горной высоты,
Лежитъ здѣсь дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый...
О, служба, это ты».

¹⁾ И разбитая высокая колонна, и зеленый лавръ. *Петрарка.*

Кстати, надо отмѣтить, что въ заглавной виньеткѣ первыхъ пяти нумеровъ «Гудка» былъ нарисованъ Герценъ со знаменемъ: «Уничтоженіе крѣпостного права». Цензура потребовала снять всю виньетку, которая и не появлялась уже съ № 6.

2024. Удѣльные князья.

Газеты начинаютъ поговаривать объ отдѣленіи Польши подъ скипетромъ и трезубцемъ Константина Николаевича. Необыкновенный успѣхъ великаго князя въ Варшавѣ, любовь, которую онъ приобрѣлъ, вѣлепольскій наборъ, который онъ не отмѣнилъ, дѣлаютъ эту вѣсть правдоподобной. Михаилъ Николаевичъ получаетъ въ удѣлъ Кавказъ, такъ *успѣшно* покоренный Бярятинскимъ. Куда же дѣнуть Николая Николаевича? Мы предчувствуемъ, что *oiseleur* ¹⁾ нашъ будетъ въ Курь-Ляндіи. И это очень хорошо: въ Курляндіи истинныя заслуги и усердіе по службѣ *хоть поздно*, но, все же, вознаграждаются, какъ доказалъ Мейендорфъ, поставивъ въ прошломъ году памятникъ Мартину Лютеру.

2025. Французскій гуть ²⁾, австрійскій гуть, прусскій гутье.

Такъ отзывался нѣкогда сѣдой воинъ 1812 года, возвратившись изъ-за границы. Пруссаковъ хвалилъ онъ, вѣроятно, изъ подобострастья, чтобы жольстить высшему расейскому начальству. Но мы искренно находимъ, что пальма принадлежитъ Пруссіи, и это безъ малѣйшей лести или адуляціи ³⁾ Во Франціи были захвачены поляки, какъ мы говорили въ 153 листѣ «Колокола»; найдя, что они ни въ какія французскія дѣла не мѣшались, ихъ выпустили ⁴⁾.

Но не таковъ *нашъ дядя* на берегахъ Шпре ⁵⁾. Мы получили на-дняхъ извѣстіе, что дядюшкина полиція схватила одного поляка, отвезла въ Эйдкуненъ и сдала его съ рукъ на руки русской полиціи. «Это вовсе не первый примѣръ, продолжаетъ корреспондентъ; поляковъ, перешедшихъ границу отправляли нѣсколько разъ назадъ и даже нѣкоторыхъ сковывали.

Дѣйствительно, прусскій *гутъе*.

И потому мы съ безконечнымъ удовольствіемъ увидѣли на-дняхъ *какую* полную справедливость отдаетъ «Таймсъ» и его величеству прусскому

¹⁾ Птицеводъ.

²⁾ Gut—добрый, хорошій.

³⁾ Adulation—лесть.

⁴⁾ Кстати, за выпущенными поляками, оставившими Францію, бросился чиновникъ всероссійскаго III Отдѣленія, чтобъ слѣдить, что и какъ. Экіе шалуны—денегъ-то куры не клюютъ! А. И. Г.

⁵⁾ Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I.

королю и вѣрноподаннымъ его. «Онъ счастливъ въ своихъ подданныхъ говорить «Таймсъ», потому что, намъ кажется, въ мірѣ нѣтъ выносливѣе и долготерпѣливѣе народа. Но подданные его очень несчастны въ своемъ королѣ. Въ его нарушеніяхъ правъ, мы напрасно ищемъ таланта, который скрашиваетъ иногда великія общественныя преступленія»¹⁾. Нѣтъ, прусскій будетъ гутѣе, какъ можно...

2026. Huxley и его чтенія.

Намъ часто повторяютъ въ письмахъ, что хорошо было бы указывать на книги, выходящія въ Англіи и которыя, по нашему мнѣнію, было бы полезно переводить на русскій языкъ. Мы это иногда и дѣлали. Вообще, книгъ особенно замѣчательныхъ, какъ Бокль, Дарвинъ, очень мало. Но есть небольшіе трактаты, чтенія и пр., назначенные для обобщенія научныхъ понятій, которые были бы очень полезны для русскихъ читателей. Мы обращаемъ вниманіе переводчиковъ на теперь изданныя шесть лекцій Huxley'я «О нашемъ знаніи о причинахъ органическихъ явленій». Рѣдко въ Англіи слышится болѣе здоровый и простой языкъ. Вотъ заглавіе: «A course of six lectures to working-men by Pr. Huxley on our Knowledge of the Causes of the phenomene of Organic Nature»²⁾.

2027. Прусскій почтамтъ.

Лондонскіе подписчики въ Кельнѣ на «Московскія Вѣдомости» не получили еще ни одного нумера. Можетъ, есть почетныя исключенія, но почему же не всѣ получили?

2028. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 февраля (1863 г.).

Orsett House, Westb. terrace.

Письмо твое 2-ое получилъ въ два часа, а не вечеромъ, да и какъ же ты могъ предположить, что почта изъ Сиденг. въ Паддингтонъ ходитъ часовъ 12? Сейчасъ получилъ и 3-ье, съ планомъ. Я помню статую дьявола на выставкѣ, превосходнѣйшая; не знаю, та ли.

¹⁾ «The Times», January 17, 1863. А. И. I.

²⁾ Курсъ изъ шести лекцій о нашемъ знаніи причина явленій органической природы, читанный рабочимъ пр. Гексли.

О твоёмъ письмѣ мертвое молчаніе, ни юты ¹⁾. Письмо это я пошлю теперь, т.-е. въ 10 утра. Если что будетъ, напишу еще.

Лиза, разумѣется, была въ страшномъ восторгѣ и не могла до $\frac{1}{2}$ 10 уснуть. Я ей совѣтовалъ послать часть игрушекъ Милушѣ, а она говоритъ: «Нѣтъ, ты ей лучше купи, а то съ игрушками можетъ болѣзнь пристать». Это хоть бы Друзинъ де Люисъ ²⁾.

Сегодня, 3 ф., «Таймсъ» помянулъ меня и Бакунина. Новости сбивчивы. Бак. рѣшительно хочетъ послать Жук. Что тутъ дѣлать? А Ж.—хитрый человекъ: онъ хочетъ ѣхать и потому отказывается. Впрочемъ, здѣсь его тоже не нужно.

Посылаю 2 «Сѣв. Пчелы» и «Колоколъ».

Вчера я ѣздилъ къ Ротш. получать деньги Мил. ³⁾ по подземному каналу. Мартыяновъ напоролъ дичь,—это и просто, и комфортабельно. Ротш. разспрашивалъ меня о польскихъ дѣлахъ. Какъ они поразительно мало знаютъ и много получаютъ.

Хотѣлось бы «Кол.» издать къ 10-му. Я напишу Чернецк., чтобъ онъ тебѣ прямо послалъ корр., а ты, не задерживая, пришли мнѣ; обойдется и безъ «Вѣча».

Ну, а потомъ слѣдуетъ отъ тебя статья.

Бьетъ 10. Addio.

Моя статья о Европѣ ⁴⁾ скорѣе сблизитъ съ потентатами, чѣмъ разрознитъ, а Польшѣ не народы помогутъ. Объ этомъ послѣ.

2029. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 февр. (1863 г.).

Orsett House, Westb. terrace.

Мое письмо опоздаетъ сегодня, потому что я ждалъ отъ тебя, и до сихъ поръ нѣтъ.

Писать ли къ солдатамъ?—мудреный вопросъ. Коимъ такой стихъ найдеть, можно. Родъ этотъ опасенъ и долженъ быть страшно силенъ и поэтиченъ, чтобъ пройти. ¹⁾

Инсurreкція держится славно. Ужъ въ Литвѣ и Волыни есть банды. Молодцы поляки! Фонтэнъ пишетъ, что изъ Брюсселя уѣхали всѣ молодые поляки. «Constitutionnel» насъ (русскихъ революціонеровъ и польск.) обругалъ, «Siècle» защищаетъ. Я не читалъ ни того, ни другого; пойду къ Жозо,—онъ одинъ держитъ «Const».

¹⁾ Со стороны Огаревой.

²⁾ Эдуардъ, франц. министръ иностранныхъ дѣлъ второй имперіи.

³⁾ Милорадовичъ.

⁴⁾ «Концы и начала», письмо седьмое.

Дома совершеннѣйшій штиль, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ на волосъ было что-нибудь gagné ¹⁾. Не забывай посмотрѣть домъ или два-три, разныхъ величинъ, um sich zu orientiren ²⁾. Да только у тебя ничего не поймешь въ разстоянiяхъ. Ех. гр., ты лишишь, что твой домъ отъ желѣзной дороги на 5 или 10 мин. Но, вѣдь, 10 минутъ ровно вдвое; можно сказать часъ или часъ съ четвертью, но нельзя—часъ или два.

Я полагаю, что слѣдуетъ нанять квартиру фунта въ три въ Лондонѣ, да фунта въ 2¹/₂, на дачѣ.

Впередъ я долше лѣта не смотрю и считаю, что это умнѣе всѣхъ плановъ, которые никогда не удаются. Если инсurreкція будетъ подавлена безъ малѣйшаго участiя въ Россiи, и вся литература будетъ ругать Польшу à la Martianoff и Аксаковъ, да и крестьяне пропустятъ желанный день, то не пора ли и намъ въ отставку? Лѣтомъ, если не будетъ большихъ препятствiй, поѣду въ Италию. Двѣ квартиры въ Англии всего удобнѣе.

Не пиши на адресъ «Paddington», это—лишнее, потому что Westb. terr. одна. А прогос, на дняхъ пробовали перебрасывать пневматической машиной письма изъ угла въ уголъ черезъ весь городъ; опытъ удался: кажется, изъ Сити до послѣдней станци 5 секундъ. Чтô скажете?

Сегодня придетъ Давыд. и сынъ его Савичъ.

3 часа.

Лиза велѣла сказать, что цѣлуетъ тебя. У ней насморкъ, можетъ, отъ перемѣны климата. Внизу что-то съ однимъ каминномъ свѣжо. Natalie все меня и тебя винить за дѣло Сарры ³⁾, говоря, что оно не отъ углей вышло, а отъ неимовѣрной дерзости, о которой никто не хотѣлъ спросить,—ея ужъ нѣтъ. О письмѣ, кажется, минуешь говорить.

◆◆ 1. По совѣту со Слѣпцовымъ, Огаревъ еще въ январѣ рѣшилъ написать прокламацію къ солдатамъ. Вскорѣ она была готова и отпечатана въ Вольной русской типографiи безъ означенiя источника происхожденiя и мѣста изданiя. Вторая прокламація («вторая статья», какъ ее называетъ Герценъ въ № 2047) была обращена къ офицерамъ и выпущена въ свѣтъ уже съ печатью «Земли и Воли», но наложенной не отъ руки штемпелемъ, а въ типографскомъ станкѣ,—овальной, съ изображенiемъ рукопожатiя съ крестомъ между словами «Земля и Воля». Слѣпцовъ вывезъ каждой прокламаціи по нѣсколько сотъ экз. въ Парижъ, направивъ ихъ

1) Выиграно.

2) Чтобы ориентироваться.

3) Прислуга.

на югъ; въ С.П.Б. онѣ появились къ осени, уже изъ Швеціи и Норвегіи. Привожу текстъ обѣихъ буквально.

Братья солдаты:

Одумайтесь—пока время.

Оглянитесь назадъ—что вы были и что изъ васъ сдѣлали. Поглядите впередъ—чтобъ не вышло еще хуже.

Прежде—въ 1812 году—солдаты были воины русскіе, спасали Россію отъ французскаго нашествія, и весь народъ поднялся вслѣдъ за ними на спасеніе родной земли. И чужіе народы и свой народъ смотрѣли на солдатъ, какъ на избавителей.

Съ тѣхъ поръ кого вы спасали, кого избавляли?

Никого.

Кого заставляли васъ бить, кого пороть, кого разстрѣливать?

Всѣхъ притѣсненныхъ—кто попадался подъ руку—и чужихъ и своихъ.

Въ 1812 году вы были воины, а съ тѣхъ поръ изъ васъ сдѣлали палачей и полицейскихъ холоповъ.

Кто же положилъ вамъ на душу этотъ грѣхъ палачества?

Генералы и сановники, которые вокругъ царя; царь, который имъ вѣритъ и потворствуетъ.

Вспомните: венгерцевъ душилъ австрійскій императоръ—васъ послали бить не австрійскаго императора, а венгерцевъ—вы били венгерцевъ.

Полякамъ горько пришлось отъ всякихъ изъ Петербурга наѣздныхъ полунѣмецкихъ и совсѣмъ нѣмецкихъ генераловъ и чиновниковъ, и захотѣли они жить посвоему, какъ имъ лучше... Васъ послали бить поляковъ, и вы били поляковъ.

А какое вамъ, кажется, дѣло до венгерцевъ? Что они вамъ худаго сдѣлали?

И какое вамъ дѣло до поляковъ? Сами знаете, что на содержаніе ихъ въ подданствѣ уходитъ подать съ русскаго мужика и что, помогая душить Польшу, вы только помогаете чиновникамъ грабить русскій народъ.

Съ горцами на Кавказѣ давно можно было помириться и оставить ихъ жить въ покоѣ; но ихъ земли насильно отдаютъ казакамъ, которые переселяются на ихъ земли сами не хотятъ. А васъ посылаютъ бить горцевъ, и вы бьете горцевъ. За что? За то, что нѣмцы и полунѣмцы генералы не хотятъ покончить миромъ и сдѣлать изъ горцевъ свободныхъ друзей народу русскому и союзниковъ.

Не ради Россіи и ея пользы, а ради генеральской наживы вы бьете сосѣднія племена.

Мало этого: васъ посылали душить своихъ—и вы пошли.

Въ Казанской губерніи вамъ велѣли стрѣлять по крестьянамъ—вы стрѣляли.

Въ Пензенской вамъ велѣли стрѣлять по крестьянамъ—вы стрѣляли.

Въ Смоленской—вы стрѣляли.

Нѣтъ такой губерніи, гдѣ бы васъ не заставляли пороть крестьянъ—и вы пороли, пороли, пороли...

И за что? За то, что они, крестьяне, хотѣли Земли и Воли, хотѣли владѣть всей своей землею, потому что она ихняя, и хотѣли жить свободно и спокойно, управляясь своими выборными.

И вы пошли противъ ихъ праваго и святаго дѣла? И вы подняли на нихъ руку, подняли руку на вашихъ отцовъ и братьевъ?

Да, вѣдь, это не простой грѣхъ, это злодѣйство!

Вотъ какую тягость положилъ вамъ на душу царь, управляемый своими петербургскими генералами и сановниками.

А за то, что вы приняли на душу этотъ грѣхъ, за то и васъ самихъ учать и мучать, морять голодомъ и холодомъ, грабятъ и порютъ, сѣкутъ розгами до полусмерти и вовсе на смерть батожемъ. Это на васъ кара господня за принятіе грѣха на душу и покамѣсть у васъ рука будетъ подниматься на притѣсненнаго—до тѣхъ поръ это проклятіе съ васъ не снимется. Оно снимется только тогда, когда вы станете за народъ, за его землю и волю.

Только тогда отдастся солдату земля, какая ему слѣдуетъ, какъ всякому другому, а не то что—пошелъ служить, такъ и землю у тебя отобрать за твою же службу-то! Только тогда солдатъ не будетъ тереть лямку безконечные годы, шляясь безъ пользы по прихоти начальства изъ конца въ конецъ Россіи. А будетъ служить короткій срокъ и то въ своей области, близко отъ дому, потому что солдатъ будетъ не палачомъ, а ополченцемъ народнымъ и тамъ, гдѣ родился, тотъ край и охранять долженъ. Отслужилъ свой короткій срокъ и опять сталъ домохозяиномъ, а не безсрочно-отпускнымъ нищимъ, безъ кола и двора. Только тогда не станутъ вамъ заказывать будь, моль, вѣчно солдатомъ, а всякому дадутъ право, по приговору полка, быть выбраннымъ въ офицеры.

Такое отпущеніе грѣха вашего, такое новое устройство солдатства дадутъ вамъ уже, конечно, не нѣмцы-генералы, а народные выборные на Земскомъ Соборѣ.

Да не пойдетъ же братъ противъ брата! Не посраимъ земли русской! Станемъ всѣ крѣпко вмѣстѣ на спасеніе народа русскаго, крестьянскаго.

Если изъ насъ какой-нибудь десятокъ съ небольшимъ отказался бы стрѣлять по народу, пожалуй, начальство и запороло бы, а если мы всѣ станемъ вмѣстѣ, никакое начальство пальцемъ до насъ не дотронется.

Съ насъ брали присягу на повиновеніе этому начальству; это была присяга, властями вынужденная, людьми выдуманная. Мы да-

димъ присягу по совѣсти, въ насъ самимъ богомъ вложенной, служить до послѣдней капли крови народу русскому.

Скоро придетъ время—крестьяне, которыхъ насильно заставляли подписывать грамоты, у которыхъ землю урѣзали, оброки повысили,—станутъ волноваться. Присягните же въ своей совѣсти, что вы по нимъ стрѣлять не станете и пороть ихъ не пойдете.

И придетъ часть, братья солдаты, когда мы такимъ же листкомъ, какъ вотъ этотъ, кликнемъ кличь, чтобы вы собирались на спасеніе народа русскаго.

Тогда оставьте поляковъ, оставьте горцевъ жить по ихнему, какъ имъ хочется, не поминайте ихъ лихомъ и отпустите съ миромъ и собирайтесь и станьте за землю и волю народа русскаго. Идите на его избавленіе отъ помѣщиковъ и чиновниковъ, отъ грабежа и рекрутчины, помогите народу устроить свое земское управленіе на великомъ русскомъ Земскомъ Соборѣ изъ людей, выбранныхъ цѣлымъ народомъ безсословно.

И опять, какъ въ 12-мъ году, вы будете не палачами, а воинами. И народъ за вами, за своими избавителями пойдетъ торжественно. И отдасть онъ вамъ долю земли, которая вамъ по праву приходится, и будете вы не полицейскими холопами, а народнымъ ополченіемъ. Путь вашъ будетъ безкровень: и никто не сможетъ и потому не станетъ вамъ сопротивляться.

Ради устройства земли русской по правдѣ, за святое дѣло народное идите благословясь, братья солдаты, и да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его.

Офицерамъ встѣхъ войскъ отъ общества «Земля и Воля».

Товарищи!

Наше Общество не погибло. Напротивъ того, оно упрочилось и увеличилось. Учредился Совѣтъ Общества ¹⁾.

Тѣ изъ васъ, которые въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, пусть не теряютъ надежды, несмотря ни на что. Звѣрскія страсти поустанутъ, и мы еще снова соединимъ дѣло польской свободы съ дѣломъ свободы русскаго народа. Не унывайте, не разсѣвайтесь. Держитесь крѣпко въ союзѣ другъ съ другомъ и съ нами.

Тѣ изъ васъ, которые внѣ Польши, гдѣ-бы вы ни были, на Югѣ ли, на Сѣверѣ, на Востокѣ или внутри Россіи—примыкайте къ нашему русскому народному дѣлу.

Мы не оставляемъ нашего прежняго убѣжденія — войско, которое такъ долго служило петербургскимъ царямъ, палачами народа русскаго, — войско обязано начать и его освобожденіе.

¹⁾ Въ Россіи, а не за границей, хотя мы и за границей имѣемъ друзей, преданныхъ нашему общему народному дѣлу.

На васъ лежитъ долгъ искупленія Россіи—исполните его свято и непоколебимо.

Мы не оставляемъ нашей прежней мысли—вы должны готовиться и готовить солдатъ на Востокъ и Югъ, на Западъ и Сѣверъ. Дружно, со всѣхъ окраинъ двинетесь внутрь Россіи, подымая наро́у на созваніе безсловнаго Земскаго Собора.

Только Земскій Соборъ можетъ осуществить право народа на Землю и Волю, областное и союзное Самоуправленіе.

Романовы никогда не созовутъ его. Если, со страху, и попытаются соорудить какую-нибудь бояро-нѣмецкую думу,—это будетъ такъ ничтожно, такъ чиновно, что Россія такого законодательнаго собранія признать не должна и не можетъ.

Настоящій Земскій Соборъ намъ надо себѣ завоевать.

Съ этой цѣлью составляйте офицерскіе кружки и примыкайте къ нашему Обществу, чтобы составить одинъ строй и одну дисциплину. Приготовляйте солдатъ. Чѣмъ сильнѣе будетъ подготовка, тѣмъ безкровнѣе будетъ русское возстаніе, потому что оно найдетъ не сопротивленіе—а соединеніе всѣхъ для единой цѣли народнаго самоуправства.

Слабые, своекорыстные, чиновные, петербургскіе, управлявшіе и грабившіе,—всѣ, отъ становаго до императора—или покорятся или уйдутъ.

Съ нами поднимется весь народъ. Противъ насъ и народа никто не устоитъ, да никто и не явится.

Вслѣдъ за каждымъ нашимъ шагомъ должно учреждаться мѣстное самоуправленіе.

Когда силы наши будутъ несомнѣнны, нашъ Совѣтъ повѣститъ васъ. Тогда начинайте походъ.

До свиданія, товарищи! До торжественнаго свиданія тамъ, гдѣ мы съ разныхъ концовъ всѣ сойдемся и гдѣ Земскій Соборъ утвердитъ за народомъ Землю и Волю.

Выше этого торжества, выше этой славы—ни одно войско въ мірѣ не досягало.

Какое значеніе имѣла вторая прокламація въ исторіи «З. и В.», будетъ объяснено въ № 2047; она воспроизведена потому, что приведена Богучарскимъ въ его «Матеріалахъ» съ обычными для его работъ и изданій неточностями.

2030. Письмо къ Н. П. Огареву.

5 февраля (1863 г.).

Orsett House, Westb. terrace.

Твое вчерашнее письмо, дѣйствительно, имѣло дѣйствіе пистолетнаго выстрѣла. Я въ ту же минуту послалъ Сашу къ Кинкелю

Вчера Юганну ¹⁾ хоронили; Адла ¹⁾ точно такъ же въ свирѣпѣйшей скарлатинѣ. Давно я не былъ ничѣмъ такъ зарѣзанъ, потрясенъ и испуганъ. Я рѣшительно всю ночь не спалъ. Тутъ же у Лизы насморкъ. Минутами засыпая, я просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу. Несмотря на все на это, я къ Кинкелю не пойду, считая эту демонстрацію даже неделикатной и совершенно нѣмецкой. Я ему напишу нѣсколько словъ. Саша говоритъ, что онъ сбить съ ногъ, - какія же тутъ рукопожатія.

О, жизни! жизни!

Я никогда не говорилъ, что «Кол.» выдавать къ 20. Стало, торопиться некуда со статьей. Насилу отыскалъ «Колок.» и твою книгу,—пиши лучше поэму. Я чую время, въ которое тебѣ да и мнѣ слѣдуетъ перестать писать: мнѣ — «смѣсь», а тебѣ — грузъ «Колокола». Право, лучше звонить къ проклятію и похоронамъ. ¹

Отъ Милова письмо. До сихъ поръ,—пишетъ онъ,—ни одного русскаго солдата не перешло, ни одинъ офицеръ не отказался отъ команды противъ поляк. Меня обдаетъ ужасомъ: это хуже разстрѣливанія. Ты помнишь, что я былъ дурнымъ пророкомъ въ дѣлѣ адресовъ. Хм. ²⁾, прощаясь, мнѣ сказалъ: «Пот. ³⁾, да, Пот. превосходнѣйшій человѣкъ,—да кромѣ-то его кто?»

Маццини пишетъ, что пріѣдетъ завтра, въ 5 часовъ потолковать о польск. дѣлахъ. Тряхни-ка стариной. ²

Если все у насъ будетъ благополучно, въ субботу пріѣду или въ воскресенье. Псевичъ собирался къ тебѣ, я остановилъ.

12 часовъ. Отправляю письмо. Лиза, кажется, ничего, однако, и не по обыкновенію весела. Погода давитъ теплой вьюгой. На душѣ такъ скверно, что посылаю второе письмо семинариста о мужеложствѣ.

О твоёмъ письмѣ—молчаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, не пріѣдешь ли на Маццини?

Бак. собирается ⁴⁾, но тихо этого не сдѣлаетъ. Au reste ⁵⁾ онъ печальнѣе обыкновеннаго.—Прощай.

Отъ парижа. Ротшильда пришелъ счетъ; американскіе фонды почти сполна заплачены.

Почты заграничной нѣтъ,—видно, буря задержала.

Жуков., Кельсіева и какого-то Мат... Мош. ⁶⁾ вызываютъ въ «Таймсъ».

Въ «Сѣверной Пчелѣ» статья о книгѣ Чичерина ⁷⁾.

Солдатенковы, будто, хотятъ погодить.

¹⁾ Дочери Кинкеля.

²⁾ Игнатій Хмѣлинскій.

³⁾ А. А. Потебня.

⁴⁾ Ѣхать въ Швецію.

⁵⁾ Впрочемъ

⁶⁾ Павелъ Сергѣевичъ Мошкаловъ, участникъ процесса Писарева.

⁷⁾ «Нѣсколько современныхъ вопросовъ».

◆◆ 1. Разумѣтся, это указаніе не даетъ достаточнаго основанія считать Герцена авторомъ *всего* отдѣла «Смѣсь»: тамъ бывали вещи, вполне написанныя и Огаревымъ, и Бакунинымъ, и Тургеневымъ и др., точно такъ же, какъ и такія, къ которымъ въ Лондонѣ прибавлялось лишь нѣсколько вступительныхъ или заключительныхъ словъ.

2. Саффи приводитъ нѣсколько словъ изъ составленной Маццини въ февралѣ 1863 г. прокламаціи по адресу итальянскихъ патриотовъ, въ частности трентинскихъ: «Огромная работа неутомимо производилась въ послѣднее время. Эта работа, въ послѣдствіи распространившаяся и на славянскія народности, охватываетъ полосу отъ Балтійскаго до Адриатическаго моря. Тайная и важная работа, съ каждымъ днемъ увеличиваясь, происходитъ въ Россіи. Національная партія, враждебная самодержавію, находится въ откровенномъ союзѣ съ нами. Почва, изъ которой она будетъ черпать большую часть своихъ силъ, это—масса крѣпостного крестьянства. Адепты вербуются среди образованной молодежи и въ войскѣ. Для знамени избранъ девизъ: «Земля и Воля». Эта національная русская партія братски связана съ національной польской партией. Онѣ управляются двумя комитетами: однимъ, мѣстопробываніе коего—Варшава, другимъ,—Петербургъ. Въ Лондонѣ они находятся въ сношеніяхъ съ русско-славянскимъ комитетомъ, состоящимъ изъ редакторовъ «Колокола», моихъ интимныхъ друзей» («Ricordi e scritti», VII, 106).

2031. Письмо къ Н. А. Герцену.

7 февраля (1863).

Orsett House, Westb. terrace.

Милая Тата, письмо ваше я получилъ. Начинаю съ того, что второй Кинкель лучше, и у насъ, кажется, все хорошо. Сегодня обѣдалъ (т.-е. вчера) Осипъ Ивановъ ¹⁾. Поляковъ у насъ теперь видимо-невидимо; одни пріѣзжаютъ изъ Франціи,—вся молодежь ѣдетъ въ Польшу и, дѣйствительно, русскимъ у нихъ надобно поучиться. Помнишь ли ты того поляка съ бѣлокурыми усами, который былъ въ тотъ вечеръ, когда была Теплякова? Это онъ-то и есть тотъ Лангевичъ ²⁾, который начальникомъ отряда два раза побилъ русскихъ. Двое другихъ, которыхъ, кажется, ты видѣла, также дѣйствуютъ славно и, можетъ, славно погибнуть. Много подробностей я не пишу: прочтете ихъ въ газетахъ,

¹⁾ Маццини.

²⁾ Марианнъ, въ мартѣ нѣсколько дней былъ диктаторомъ Польши.

Полякъ, оставшійся въ Парижѣ, выпущенъ. Попробую посылать вамъ «Таймсъ», въ которомъ найду что-нибудь; говорятъ, что это всего стоитъ 2 пенса.

Сказать, могу ли я прїѣхать и когда, теперь мудренѣе, чѣмъ прежде. Въ Парижѣ большая дружба съ русскими,—объ этомъ напишу другой разъ. Если очень хочется, поѣзжайте въ Римъ, но, по правдѣ, тутъ нѣтъ ни rhyme, ни raison ¹⁾, времена мрачныя—работать и работать надобно, думать и читать. Зачѣмъ Фрикенъ живетъ въ Италиі? спроси его отъ меня; въ Россіи страшно нужны люди.

Ну, и прощай. Цѣлую тебя крѣпко и крѣпко.

2032. [Изъ дневника].

8 февраля 1863.

Рѣдко бываютъ минуты, когда мнѣ приходитъ въ голову помѣтить что-нибудь въ этой книгѣ,—еще боль, бѣду, тревогу... Эту книжку можно бы назвать, если-бъ это не было *zu deutsch* ²⁾, *тихой стона*.

Польское возстаніе, судьба русскихъ офицеровъ, кругомъ болѣзни, раздоръ, непониманіе, разлука,—и старая фраза приходитъ мнѣ снова на умъ: «какая безконечная возможность дана человѣку страдать и какая крошечная—наслаждаться». Къ тому же счастье, гармонія,—все это летитъ, едва срѣзываетъ, касается настоящаго, а горестъ, болѣзнь, ожиданіе бѣды, сама бѣда,—все это длится, длится, входитъ глубже плугомъ, сохой и выворачиваетъ погосты.

2033. Преступленія въ Польшѣ.

Слова порицанія умалкиваютъ передъ роскошью злодѣйства, двоедушія и глупости, которую выказало петербургское правительство... и все это, не оставляя своего лепета о прогрессѣ и либерализмѣ.

Мы имѣемъ передъ собой, сверхъ русскихъ газетъ, иностранная всѣхъ цвѣтовъ, отъ совершенно независимыхъ до окончательно подкупленныхъ. Стало-быть, не трудно составить приблизительно вѣрную картину *русской ночи* ³⁾ въ Варшавѣ. Тутъ все преступно, отъ скрытаго плана до явнаго, отъ средствъ до цѣли, отъ самаго

¹⁾ Ни смысла, ни толку.

²⁾ Слишкомъ по-нѣмецки.

³⁾ Парафраза «варшоломеевской ночи»

дѣла до образа совершенія его, до лжи, которая оскорбила нахальствомъ своимъ всю страну и послужила послѣдней каплей, послѣ которой кровь полилась рѣкой.

Этимъ наборомъ русское правительство поставило себя сразу не только ниже турецкаго, но ниже австрійскаго. Оно уже аплодировало себѣ, что придумало такую ловкую штуку, ужъ начало признаваться въ ней ¹⁾ и разсылать телеграммы чуть не о радости, съ которой рекруты идутъ,—да вдругъ и срѣзались.

Народъ бѣжалъ изъ Варшавы, въ лѣсахъ собирались вооруженныя толпы; онѣ отбивали рекрутъ, кричавшихъ такъ усердно въ «Нордѣ» ура великому князю, поившему ихъ водкой... и правительство стало рассказывать объ ужасахъ, чтобы отвести глаза Европы и возбудить дикія страсти солдатъ... Съ какой же иной цѣлью говорилъ свою рѣчь Александръ II на измайловскомъ парадѣ? Не только же для того онъ ее произнесъ, чтобы, вопреки мнѣнію подкупныхъ журналистовъ, заявить, что въ числѣ офицеровъ есть люди, которымъ «роль палача» (какъ они сказали въ адресѣ Константину) надоѣла. Это у него сорвалось съ языка, но онъ говорилъ объ ужасахъ, о которыхъ онъ не могъ знать ничего положительнаго.

«Я и послѣ этихъ злодѣйствъ не хочу обвинять весь польскій народъ...»—Скажите, пожалуйста! J'ai eu tort envers lui, cher Bertrand, mais je lui ai pardonné. ²⁾

Въ то же время «J. de St.-Petersbourg» печаталъ о *Варшавской ночи*, объ избіеніи русскихъ солдатъ во время сна...

Чего, собственно, у нихъ недостаетъ: мозга или сердца?

Подъ видомъ набора дѣлаютъ набѣгъ; кого схватили, увезли въ цитадель; гдѣ не нашли помѣченныхъ шпионами, тамъ *взлам*

¹⁾ «Сѣв. Пчела» отъ 11 (23) января, не знаемъ, по какимъ необходимымъ, напечатала удивительную корреспонденцію изъ Варшавы; тамъ, между прочимъ, сказано:

«Объ этомъ рекрутскомъ наборѣ я намѣренъ поговорить въ моемъ слѣдующемъ письмѣ, потому что его нужно разсматривать въ связи съ другими, и прошедшими, и настоящими обстоятельствами и со всею политикою гр. Вѣлепольскаго. Теперь достаточно будетъ сказать вамъ, что въ самой Варшавѣ наборъ долженъ коснуться *2.000 людей подозрительныхъ и находящихя на замѣчаніи у властей*. Нѣкоторые ожидаютъ по этому случаю большихъ смутъ. Могу увѣрить васъ напередъ, что ничего не будетъ, и что спокойствіе въ Варшавѣ не будетъ нарушено, вопреки увѣреніямъ партіи дѣйствія, которая, если вѣрить слухамъ, объявила, что скорѣе рѣшится, очертя голову, произвести возстаніе, чѣмъ дать осуществиться этому набору, который лишитъ ее цѣлаго легіона ея приверженцевъ и послѣдователей».

Хорошія офиціозныя пророки! Но важнѣйшее тутъ, это—сознаніе, что наборъ *коснется* именно подозрительныхъ людей... лучше бы разрѣшить полиціи просто бить ихъ до смерти на улицахъ. А. И. Г.

«Я былъ виноватъ передъ нимъ, любезный Бертранъ», говорить Робертъ Макеръ ³⁾, «но... но я простилъ ему!» А. И. Г.

Bertrand и Robert Macaire—персонажи прославившейся во Франціи подрамы «l'Auberge des Adrets»

«манатовъ¹⁾), кого попало — отцовъ, матерей, женъ, дѣтей. Не будь тутъ шпионовъ, представителей бюрократической цивилизаціи Петербурга, эту ватагу разбойниковъ можно было бы принять за какое-нибудь монгольское нашествіе. А онъ говоритъ: «я не виню Польши!». Во дворцѣ часы отстади — у нихъ XIII столѣтіе, а не XIX.

Нельзя сказать, чтобъ мѣра эта сама по себѣ требовала столько же изобрѣтательности, сколько животного бездушья. Наборъ этотъ — примѣненіе одного изъ обыкновенныхъ злоупотребленій помѣщичьяго права къ цѣлому народу. Такъ, какъ прежде сего крѣпостники отдавали своихъ людей въ солдаты не по очереди, а по барской злобѣ, такъ маркграбій²⁾ съ своимъ великокняжескимъ воспитанникомъ, хотѣли отдать въ солдаты ту Польшу, противъ которой у нихъ есть зубъ.

«Люди стали бѣжать»... — какъ же не бѣжать отъ вооруженныхъ шаекъ, вламывающихся въ дома.

«Стали защищаться». — Еще бы! — Но, стало быть, Центральный комитетъ приготовилъ оружіе? Да какъ же было не готовить оружіе, вѣдь, онъ зналъ, съ какими гаротерами³⁾ имѣлъ дѣло.

Наборъ этотъ безъ возстанія не могъ обойтись. Это знали русскіе точно такъ же, какъ поляки. Иностранная газета назвала того русскаго, который ѣздилъ въ Варшаву умолять Константина Николаевича не дѣлать этого набора. Великій князь, магнетизируемый Вѣлепольскимъ, не только не послушался, но къ ранѣ прибавилъ насмѣшку, рассылая вѣсть о тишинѣ и довольствѣ. Послѣ этого, будто, найдутся рабскія души, которыя будутъ винить Центральный комитетъ?.. Тутъ некогда было думать ни о силѣ, ни о побѣдѣ. Надо было спасти великую, историческую личность, *многострадальную Польшу*, надобно было нравственно спасти ее: пройди этимъ балтійскимъ гуннамъ даромъ это преступленіе, ореолъ мученической потерялся бы, великое преданіе было бы морвано, великое право на независимость было бы потрясено, маркграбій былъ бы доведенъ!..

— «Да, да... Но зачѣмъ эти жестокости?» — Ни вы, ни я, мы объ нихъ мало знаемъ, но я, вообще, думаю, что война не бываетъ безъ убійствъ, и что убійства не обходятся безъ ужасовъ. Но чему же удивился кроткосердый монархъ, дозволившій гаротировать цѣлый народъ? что у людей, доведенныхъ до отчаянія, онъ не нашелъ ни мягкости фрейлинъ, ни уступчивой нѣжности ихъ?

А, между прочимъ, приверженные русскому правительству публичные листы рассказываютъ, какъ инсургенты, взявъ какую-то

1) Заложниковъ.

2) Maggaba — по-польски маркизъ. подразумѣвается маркизъ Вѣлежольскій.

3) Название уличныхъ грабителей въ Лондонѣ.

кордегардію саперовъ, приставили револьверъ ко лбу cadaго, потребовали ихъ оружіе, взяли его и ушли, не убивши ни одного. Какой же въ мірѣ генераль отъ Кастручіо Кастракани¹⁾ и Монтекукули²⁾ до русскаго генерала Коцебу³⁾ и французскаго генерала Бурбаки⁴⁾, не сдѣлалъ бы, не долженъ бы былъ сдѣлать то же?

А прогос къ офицерскому долгу. Ну, господа, подписавшіе минквицевскій *maladresse*⁵⁾, довольны вы путемъ, по которому васъ повелъ маркграбій? Знаете ли, кому вы нанесли страшный ударъ? Польшѣ? Нѣтъ, она снова высоко поднялась въ глазахъ всѣхъ народовъ. Россіи нанесли вы его! Имя русское вы сдѣлали снова ненавистнымъ, какъ при Николаѣ, ненавистнымъ отъ одного края земнаго шара до другого.

Міръ въ правѣ спросить, что это за народъ, который въ продолженіе вѣка, изъ поколѣнія въ поколѣніе, приходитъ терзать несчастную страну, не хотящую быть съ нимъ, не дѣлящую его вкуса къ рабству?

Міръ въ правѣ спросить, что же сдѣлало въ Россіи, при мѣсти о польскомъ наборѣ, это *возбужденное* общественное мнѣніе, о которомъ столько говорили? То ли, что оно напечатало въ «Nord» адресъ готовности бить поляковъ?

Прежде, по крайней мѣрѣ, засѣкая цѣлыя деревни для аракчеевскихъ поселеній, усмиряя крестьянъ, отъ Пугачева до Бездны, офицеры молчали,—можетъ, они не понимали, что дѣлали. Теперь и этого оправданія нѣтъ: они идутъ съ полнымъ сознаніемъ, они подписываютъ адреса добровольной преданности.

И все это падеть на народъ. Его обвинять въ племенной ненависти, въ алчной стяжательности, его обвинять въ томъ, что для него дороже воли *сила*, что, упоенный своей гордыней, онъ готовъ быть рабомъ для того, чтобъ покичиться тѣмъ, что можетъ въ цѣпи ковать другихъ... Что же послѣ этого можетъ быть естественнѣе, какъ ненависть къ такому народу всѣхъ остальныхъ?

...Если-бъ мы вѣрили, что русскій народъ въ своемъ азіатскомъ раболѣпії любитъ господство надъ другими народами и въ силу этого выносить рабство, и въ силу этого станетъ теперь за правительство, противъ Польши, намъ осталось бы только желать, чтобъ Россія, какъ государство, была унижена, обезславлена, разбита на части, желать, чтобъ оскорбленный и погранный народъ русскій началъ *новую жизнь*, для которой память прошедшаго была бы угрызеніемъ совѣсти и грознымъ урокомъ.

Но не будемъ клеветать на него,—нѣтъ доказательствъ, что онъ за эти злодѣйства. Что же онъ сдѣлалъ?.. Вѣдь, не онъ подписывалъ адресъ Минквица...

1) Герой XIV ст.

2) Раймондо, герой XVII ст., прославившійся въ Тридцатилѣтней войнѣ.

3) Павелъ Евстаѣевичъ, участникъ Крымской кампаніи.

4) Шарль, командовалъ арміей въ 1871 г.

5) См. № 1992; здѣсь игра словъ *maladresse* означаетъ: неловкость.

И не только не онъ, но и не всѣ офицеры.

И вотъ почему при безпредѣльномъ горѣ, при всемъ ужасѣ, который обладаетъ насъ при чтеніи страшныхъ словъ: «*двое русскихъ офицеровъ, взятые въ число инсургентовъ, разстрѣляны*», мы съ умиленіемъ и растерзаннымъ сердцемъ готовы пасть ницъ и молиться памяти ихъ, какъ нѣкогда молились памяти юношей, брошенныхъ другими палачами въ печь огненную, чтобъ они, святые мученики наши, заступники за Россію, своей жѣртвой, своей непорочной кровью вымолили прощенье челоуѣчества русскому народу, еще разъ опозоренному своимъ правительствомъ!

10 февраля. ¹

Р. S. Сегодняшняя телеграмма говорить о *четыре* русскихъ офицерахъ, приговоренныхъ къ смерти.

Носятся слухи, что Телемакъ ссорится съ Менторомъ ¹⁾. Кончится тѣмъ, что *наши* надуютъ маркграбія. Гдѣ же была его дальновидность, когда онъ вступилъ въ союзъ съ людьми, не связанными никакими нравственными убѣжденіями, никакимъ долгомъ; ни даже умомъ и логикой? Какъ бы не пришлось маркграбію въ своей *мѣдной каретѣ* бѣжать отъ стыда и отъ своихъ союзниковъ.

Корресподентъ «Daily Telegraph'a» замѣчаетъ, что начальники и усерднѣйшіе усмирители Польши—все *нѣмцы*, съ примѣсью француза (Бонтанъ), итальянца (Паулуччи) и шотландца (Рамзай ²⁾). Это напоминаетъ составъ Валленштейновыхъ полчищъ, составленныхъ изъ праздныхъ шпагъ всевозможныхъ армій, изъ офицеровъ всѣхъ странъ, у которыхъ все было, что нужно для рейтеровъ ³⁾ и ланскене ⁴⁾, *кромя отечества*, которое бы они защищали.

◆◆ 1. Январскія событія польскаго возстанія имѣли, несомнѣнно, серьезное вліяніе на настроеніе русскаго общества; они дали благодарный и безошибочный зажигательный матеріалъ и нашему правительству и прислуживавшейся ему прессѣ. Герценъ долженъ былъ, какъ считалъ онъ, взять другую ноту, но тогда же сознавалъ, что именно эта ошибка будетъ поставлена ему въ фальшь.

Чтобы лучше понять этотъ моментъ, приведу посланіе Бакунина Центральному Народному Правительству въ Варшавѣ отъ 2 февраля, посланное позже, послѣ нѣкоторой отдѣлки. Къ удивленію, переводъ и этого документа проф. Драгомановъ сдѣлалъ крайне плохо, а потому привожу самостоятельный переводъ напечатаннаго имъ французскаго текста.

¹⁾ Т.-е. Константинъ Николаевичъ съ Вѣлепольскимъ.

²⁾ Бар. Эдуардъ Андреевичъ, командующій войсками въ Ц. Польскомъ уржевенъ Финляндіи.

³⁾ Rictar—кавалеристъ.

⁴⁾ Lansquenet, то же, что нѣмецкое Landsknecht—пѣхотинецъ въ старинныхъ германскихъ войскахъ.

«Когда вспыхнуло польское возстаніе, мы, ваши петербургскіе и лондонскіе друзья, надѣялись, что расквартированныя въ польскомъ королевствѣ русскія войска, присоединятся къ вамъ. Доходившія до насъ свѣдѣнія давали намъ основаніе думать, что лучше, чѣмъ въ 1831 г., настроенные наши офицеры и солдаты поймутъ, что для того, чтобы сослужить родинѣ дѣйствительную и благородную службу, они должны въ союзѣ съ вами поднять знамя возстанія противъ петербургскаго правительства, которое душитъ васъ, безчестить и губить Россію. Наши надежды еще не сбылись. Кто въ этомъ виноватъ? Обмануло ли насъ настроеніе русскихъ войскъ? Нѣтъ, въ многочисленныхъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частяхъ настроеніе было прекрасное; солдаты съ нетерпѣніемъ ждали сигнала къ революціи. Почему они не подняли 'возстаніе'?

«Избави меня богъ отъ всякихъ обвиненій.

«Прежде всего у насъ, русскихъ, особенно въ настоящую минуту, меньше всего повода позволить себѣ малѣйшій упрекъ по адресу польскаго народа. Но для того, чтобы вѣрно оцѣнить значеніе настоящаго момента, мы принуждены установить слѣдующій фактъ:

«Центральный Комитетъ въ Варшавѣ, дорожившій сначала союзомъ съ революціонною Россіей и сильно разсчитывавшій на сочувствіе расквартированныхъ въ Польшѣ войскъ, въ послѣднюю минуту, повидимому, совершенно измѣнилъ свою точку зрѣнія: онъ рѣшилъ, что было бы безуміемъ полагаться на положительныя и вполне обоснованныя увѣренія нашихъ офицеровъ, что слѣдовало воспользоваться ихъ нравственнымъ потрясеніемъ и естественно вызваннымъ имъ колебаніемъ, чтобы застигнуть ихъ врасплохъ и обезоружить. Поляки чувствовали недостатокъ въ оружіи,—нужно было его силою отнять у солдатъ. Съ нравственной точки зрѣнія поляки правы, ибо русскій солдатъ на польской территоріи—вне закона, за исключеніемъ того случая, когда онъ является союзникомъ или другомъ. Итакъ, напасть на него, убить его, чтобы завладѣть его оружіемъ,—дѣло вполне естественное и законное. Но я думаю, что Центральный варшавскій Комитетъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: онъ не приобрѣлъ такимъ путемъ большого количества оружія, но однимъ взмахомъ разрушилъ работу цѣлаго года; онъ лишилъ себя существенной, я скажу, огромной поддержки противъ русскаго правительства. Разрушающееся, внутренне совершенно деморализованное, презираемое извнѣ, оно не могло бы дать отпоръ соединеннымъ русскимъ и польскимъ силамъ. Былъ ли союзъ возможенъ? Да, потому что пропаганда привела къ результатамъ: наши солдаты съ нетерпѣніемъ ждали часа освобожденія. При первомъ же крикѣ возмущенія, раздавшемся въ рядахъ польскихъ патріотовъ, нѣсколько отрядовъ принесли присягу подъ народнымъ знаменемъ съ надписью: «Земля и Воля»..

«Они только и ждали приближенія революціонныхъ отрядовъ, чтобы присоединиться къ нимъ. Однако, когда эти отряды, вмѣсто того, чтобы протянуть имъ руку, напали на нихъ, чтобы силою обезоружить, т.-е. убить, настроеніе солдатъ, конечно, измѣнилось, и тѣ же солдаты, которые были такъ хорошо настроены и готовы возстать въ союзѣ съ вами и за васъ, превратились въ вашихъ ожесточенныхъ враговъ. Теперь же слѣдуетъ опасаться, что чѣмъ сильнѣе были ихъ расположеніе и сочувствіе, чѣмъ шире и искреннѣе были ихъ надежды, тѣмъ сильнѣе ихъ возмущеніе. Русское правительство, разумѣется, приметъ всѣ мѣры, чтобы разжечь и усилить ихъ дурныя чувства... Вмѣсто желаннаго союза, на который возлагались надежды, между поляками и русскими возникла бы разрушительная война, великое несчастье; оно могло бы быть на руку только берлинскимъ и петербургскимъ нѣмцамъ, оно, позвольте вамъ, господа, сказать, еще разъ погубило бы Польшу.

«Будетъ ли Польша въ силахъ, со всѣмъ ея героизмомъ, вызывающимъ въ данный моментъ восхищеніе всего міра, противостоять соединенному вторженію русскихъ и прусскихъ войскъ, если не поднимутся и ваши крестьянскія массы по всей польской землѣ и если польская социальная и политическая революція, принимая ужасный характеръ «*Chłopski Ruch*»¹⁾ и слѣдуя своему естественному развитію, не распространитъ своихъ волнъ и на Литву, Украину, вплоть до предѣловъ русскаго государства? Я этого не думаю. Ваши крестьяне еще колеблются, потому что не вѣрятъ въ достаточность вашихъ силъ; увидѣвъ же въ вашихъ рядахъ и русскихъ солдатъ, они будутъ увлечены неудержимымъ порывомъ.

«Присоединеніе русскаго войска къ польскому движенію— для насъ вопросъ нравственной реабилитаціи и чести, для васъ— вопросъ жизни. Неужели при видѣ этой грозной необходимости мы будемъ стоять, скрестивъ руки, и не соединимъ нашихъ усилий,— вы, Временное Правительство польскаго возстанія, и мы, русскіе революціонеры? неужели мы не исправимъ случившейся ошибки? Если вы полагаете, господа, что таковъ вашъ и нашъ долгъ, моя поддержка и содѣйствіе моихъ друзей-соотечественниковъ въ Лондонѣ, Петербургѣ, и особенно въ Польшѣ, въ вашемъ распоряженіи. Наша помощь можетъ выразиться двумя путями: во-первыхъ, диверсіей въ Россіи, распространеніемъ тревоги среди правительства посредствомъ внутреннихъ волненій, созданіемъ ему препятствій сосредоточить всѣ силы противъ васъ. Съ этой цѣлью мы усилимъ тайную организацію и пропаганду въ арміи и въ провинціяхъ такъ, чтобы ваша революція, если она распространится до предѣловъ Россіи, была въ ней встрѣчена и подхвачена по-братски. Къ несчастью, она насъ застигла врасплохъ.

¹⁾ Крестьянскій бунтъ.

Мы вамъ сказали это нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; наши петербургскіе друзья подтвердили вамъ то же: мы еще совершенно не подготовлены. Если мы будемъ предоставлены только себѣ, намъ необходимъ годъ, два и, можетъ быть, даже три для организациі нашихъ силъ. При этомъ я не сомнѣваюсь, что въ случаѣ всеобщаго возстанія литовскихъ и украинскихъ крестьянъ, возстануть и великорусскіе крестьяне, а вы можете быть увѣрены, что и мы не дремлемъ.

«Вторая форма поддержки, которую мы могли бы вамъ оказать, это—сформированіе въ Польшѣ, и даже въ самомъ станѣ польской революціи, русскаго легіона. Вотъ въ чемъ моя главная цѣль и мое самое искреннее желаніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существованіе такого народнаго русскаго легіона съ прекраснымъ знаменемъ «Земля и Воля» произвело бы огромное нравственное впечатлѣніе какъ на русское, направленное противъ васъ войско, такъ и на всю Россію. Одинъ фактъ существованія такого легіона стоилъ бы нѣсколькихъ побѣдъ на полѣ брани. Къ несчастью, осуществленіе этого плана стало несравненно труднѣе, чѣмъ было мѣсяцъ назадъ. Не стану возвращаться къ жалобамъ. Я вамъ повѣрю, прежде всего: вы имѣли полное право поступить, какъ поступили. Но не удивляйтесь, если принятая вами, конечно, въ результатѣ зрѣлаго размышленія, система, исключавшая всякую вѣру въ сочувствіе и поддержку русскихъ войскъ, вызвала въ ихъ настроеніи досадную реакцію. Русскія войска доведены до отчаянія, начальники побуждаютъ солдатъ къ ужаснымъ жестокостямъ, вызывающимъ ненависть и месть польскаго населенія, грозящимъ превратить эту войну въ смертельную борьбу, въ кровавую бойню. Нашъ долгъ, долгъ вашихъ русскихъ друзей броситься, несмотря на все это, между вами и русскими солдатами, чтобы помѣшать, пока еще не поздно, завершенію нашего позора и вашего несчастья, чтобы спасти вмѣстѣ съ тѣмъ польскую и русскую революцію, пытаюсь помирить польскій народъ съ русскими солдатами, и постараться пробудить въ послѣднихъ болѣе человѣчскія чувства. Эта задача трудна; она станетъ недостижимой, если вы не вѣрите такъ же, какъ мы, въ огромную необходимость этого примиренія и отъ всего сердца не окажете намъ широкой помощи. Вы поставили насъ, моихъ друзей и меня, въ очень критическое и сложное положеніе. Послѣ всѣхъ взаимныхъ выраженій симпатіи, послѣ всѣхъ заключенныхъ и ратификованныхъ соглашеній, мы даже и сейчасъ не увѣрены, желаете ли вы нашего участія. Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ я посылалъ вамъ письмо за письмомъ, умолялъ васъ извѣстить меня, необходимъ ли мой пріѣздъ въ Польшу, но не получилъ ни слова въ отвѣтъ; вы мнѣ передали черезъ моихъ друзей Брауна и Жебровскаго, чтобы я оставался въ Лондонѣ и что мнѣ нечего дѣлать среди васъ. Вы поступили такъ же съ Жебровскимъ, безспорно доказавшимъ вамъ безграничную преданность; вы его, такъ сказать, изгнали изъ

Польши. Русская пословица гласитъ: «насилъно милъ не будешь». Если ваше отношеніе къ намъ не измѣнялось, вы хорошо сдѣлали бы, высказавъ намъ это, какъ вы сдѣлали раньше, ибо, лишенные вашего сочувствія и довѣрія, мы были бы безсильны въ Польшѣ, мы не могли бы ничего сдѣлать.

«Для того, чтобы сформированіе русскаго легіона въ Польшѣ стало возможнымъ, надо, чтобы Центральное польское Правительство убѣдилось въ его полезности для польскаго дѣла, чтобы это убѣжденіе раздѣляли всѣ главари польскаго возстанія. Если послѣдніе отнесутся къ этому вопросу безъ сочувствія или безучастно, лучше не начинать этого дѣла, успѣхъ котораго обезпечила бы исключительно сильная и постоянная поддержка поляковъ. Вы не должны, въ такомъ случаѣ, увлекаться естественной страстью возмездія, или бейте только генераловъ, полковниковъ до маіоровъ включительно, особенно же нѣмецкихъ офицеровъ, которыхъ русскіе плѣнные солдаты обвиняютъ въ злобѣ и насильничествѣ. Что же касается этихъ плѣнныхъ, то, продержавъ ихъ нѣкоторое время, пока они не проникнутся настроеніемъ польскаго народа, слѣдуетъ отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые не захотятъ войти въ составъ польскаго легіона, такъ какъ, вернувшись въ русскую армію, они будутъ въ ней пропандировать.

«Не думайте, господа, что я стремлюсь навязать вамъ условія; я просто высказываю вамъ тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ кажутся неизбѣжными для сформированія русскаго легіона въ Польшѣ. Ваше дѣло принять хоть одно изъ нихъ.

«Въ этотъ торжественный часъ, когда рѣшается судьба нашихъ двухъ странъ, я васъ заклинаю отвѣтить мнѣ рѣшительно и открыто: довѣряете ли вы намъ? Желателенъ ли мой приѣздъ въ Польшу? Хотите ли вы сформированіе русскаго легіона? Можете ли вы, хотите ли принять всѣ тѣ условія, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать? Вотъ что я прошу васъ сказать мнѣ съ откровенностью, достойною людей, сражающихся за свободу. Я надѣюсь, что, во всякомъ случаѣ, вы не оставите меня безъ отвѣта. Я поставлю свой образъ дѣйствій въ зависимость отъ него и надѣюсь, господа, что этотъ отвѣтъ окажется сочувственнымъ. Я надѣюсь на это для васъ и для насъ, ибо наше дѣло, несмотря ни на что, дѣло общее; будетъ оно такимъ или нѣтъ, мы всѣ здѣсь горячо желаемъ вамъ побѣды, безусловно и во что бы то не стало» («Письма», 97—102).

2034. Къ русскимъ офицерамъ, писавшимъ къ намъ изъ Польши.

Друзья, вы можете сдѣлать для вашихъ товарищей и для вашихъ польскихъ друзей большую услугу. Соберите на мѣстѣ, по горячимъ слѣдамъ, подробности о дѣйствіяхъ инсургентовъ и русскихъ, дайте намъ имена офицеровъ, показавшихъ особ. ено

неутомимое усердіе и тѣрноподданнической зазоръ (хотя мы ихъ и узнаемъ по наградамъ, но можетъ же случиться, что истинная заслуга останется незамѣченной).

Пересылать къ намъ будетъ трудно на первое время. Оставьте у себя ваши отмѣтки. Впрочемъ, ваши пути хороши — къ намъ все дошло.

2035. Исторія адреса и контръ-адреса продолжается.

Отношенія «Современной Лѣтописи», государя и «Норда» къ офицерскому адресу совершенно разны. Государь вѣритъ ему и потому такъ некстати намекнулъ объ немъ въ измайловской рѣчи своей. «Совр. Лѣт.» и «Нордъ» не вѣрятъ, впрочемъ, «Нордъ» ни во что не вѣритъ. Помѣстивши тотъ же контръ-адресъ, который былъ нами напечатанъ въ «Таймсѣ», въ «Колоколѣ» и другихъ газетахъ, — съ легкими измѣненіями и выпусками, — онъ его называетъ *апокрифнымъ*, потому что онъ нами былъ посланъ прежде въ «Таймсъ», чѣмъ офицерами въ «Нордъ».

Переводимъ изъ «Норда» 27 января 1863 года статью подъ заглавіемъ «Протестъ офицеровъ варшавскаго гарнизона»:

«Г. Герценъ недавно напечаталъ въ своемъ лондонскомъ журналѣ «Колоколъ» адресъ, будто бы, отъ офицеровъ русской арміи въ Польшѣ къ вел. кн. Константину Николаевичу. Такъ какъ «Times» перепечатавъ этотъ адресъ, офицеры рѣшились послать англійской газетѣ *коллективное* письмо, чтобы протестовать противъ того, что они имѣли причину принять за обиду. Но прежде, чѣмъ редакция этого письма была окончательно установлена, «Times» получилъ первоначальный проектъ и напечаталъ его. Вслѣдствіе этого преждевременнаго и, слѣдственно, *апокрифнаго* обнародованія, офицеры адресовались къ намъ и прислали намъ для помѣщенія въ нашихъ столбцахъ слѣдующее достовѣрное письмо, сопровождаемое ихъ подписями:

Варшава, 10/22 января 1863 года.

«Господинъ директоръ,

«Директоръ журнала «Times» перепечатавъ изъ «Колокола», издаваемого въ Лондонѣ г. Герценомъ, адресованное на имя е. и. в. вел. кн. Константина Николаевича *никѣмъ* неподписанное письмо отъ офицеровъ русской арміи, расположенной въ Польшѣ. Печатавъ письмо, приносящее безчестье русскимъ офицерамъ, — письмо, представляющее ихъ измѣнниками императору и долгу службы, г. Герценъ находитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ *достоверности* такого письма только свое личное въ этомъ *завѣреніе*.

«Мы отвергаемъ всѣми силами нашихъ убѣжденій всякую солидарность съ идеями, которыхъ мы не только чужды, но которыя даже возмущаютъ въ насъ чувства гражданина и воина.

«Г. Герценъ по своей заботливой услужливости, отъ которой мы просимъ его избавить насъ, нашель нужнымъ давать намъ совѣты относительно обязанностей нашего положенія. По его мнѣнью, честь наша требуетъ, чтобы мы помогали оружіемъ всякому беспорядку, всякому стремленію, которое враждебно правительству и общественному порядку.

«Честь не допускаетъ измѣны присягѣ, добровольно принятой. Г. Герценъ, конечно, знаетъ, что всѣ мы по доброй волѣ обязались служить правительству. Наши обязанности въ Варшавѣ таковы же, какъ и всѣхъ: вѣрность императору и установленнымъ законамъ.

«На арміи, обязанной защищать отечество во время войны, лежитъ не меньше священная обязанность защищать общество и спокойствіе государства во время внутреннихъ смуть. Войско, увлекшееся какими-либо индивидуальными политическими мнѣніями, походило бы на лишенную дисциплины анархическую толпу, угрожающую всякому цивилизованному обществу. Мы же, напротивъ, поддерживая порядокъ и общественное спокойствіе, только и надѣемся служить развитію и величію нашего отечества.

«Позвольте намъ, М. Г., разсчитывая на вашу любезность, просить васъ благосклонно уступить этимъ строкамъ мѣсто въ столбцахъ вашего многоуважаемаго журнала».

Затѣмъ слѣдуютъ подписи. Подписанное письмо хранится въ редакціи журнала «Le Nord» ¹⁾.

Итого:

полковниковъ	17
подполковниковъ	5
маіоровъ	17
капитановъ	44
штабъ-капитановъ	53
поручиковъ	59
подпоручиковъ	64
прапорщиковъ	96
Всего	355

¿ На какое количество войскъ падаютъ 355 офицеровъ? Вѣдь, въ Польшѣ до возмущенія было слишкомъ 80.000, изъ которыхъ половина была въ Варшавѣ? ¹⁾

◆◆ 1. Подсчетъ подписей сдѣланъ не точно—ихъ и во франц. и русскомъ текстѣ 364, причемъ капитановъ 43, шт.-капитановъ 52, поручиковъ 70, подпоручиковъ 63, прапорщиковъ 88, и безъ ука-

¹⁾ Дальше шли подписи, сгруппированныя по чинамъ подписавшихся.

занія чина 9. Мелочь, характерная для Герцена, никогда не имѣвшаго терпѣнія въ такихъ случаяхъ для кропотливой работы, что, какъ уже и указывалось, всегда особенно проявлялось въ чьихъ-либо цитатахъ. Кстати, отдѣломъ «Russie» въ «Nord» 1863 г. за вѣдывалъ Щербань, одновременно сотрудничавшій въ «Голосѣ»; потомъ онъ писалъ о Герценѣ.

2036. Исповѣдь русскаго правительства.

Мы не можемъ удержаться отъ сильнаго желанія передать нашимъ читателямъ, какъ горчаковскій журналъ философствуетъ о рекрутскомъ наборѣ въ Польшѣ, о польскомъ возстаніи и о прочемъ, и какъ «Инвалидъ» переводитъ его, а «Пчела» принимаетъ за медь.

Въ «Journal de St.-Petersbourg» помѣщена слѣдующая статья о происшествіи въ Ц. Польскомъ ¹⁾.

2037. Изъ Петербурга.

Procès monstre. Нашъ давнишній знакомый, А. Ѡ. Голицынъ, инквизиторскій помощникъ въ 1834, инквизиторъ en chef ²⁾ въ 1863 (двадцать девять лѣтъ! — какова карьера! — и вѣрьте послѣ этого исправленію людей!) готовитъ чудовищный процессъ для вящей славы либеральнаго царствованія Александра II. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ хватаютъ людей направо и налево, по всей Европѣ ищутъ черезъ консуловъ, поповъ, пословъ русскихъ всѣхъ лѣтъ и возрастовъ. Посмотримъ, чѣмъ этотъ *рекрутскій наборъ* ³⁾ окончится, и что сдѣлаетъ изъ процесса Голицынъ. Кстати, дѣло о зажительствѣ такъ и кануло, — его бы прежде кончить... Литературные защитники правительства, скажите же словечко о зажитателяхъ.

2038. Князь Орловъ и баронъ Будбергъ.

«Таймсъ» отъ 6 февраля говоритъ, что русское посольство въ Парижѣ спрашивало кн. Орлова, не помѣститъ ли опроверженіе слуха, повтореннаго журналами о поѣздкѣ кн. Орлова ⁴⁾ къ вел.

¹⁾ Слѣдуетъ длинная статья, въ которой правительство признало неправильность совершеннаго набора, но твердо заявило, что смуты не потерпятъ.

²⁾ Главный.

³⁾ Намекъ на наборъ въ январѣ 1863 въ Ц. Польскомъ.

⁴⁾ Н. А., посланникъ въ Брюсселѣ.

князю въ Варшаву съ цѣлью уговорить его не приводить въ дѣйствіе наборъ. Князь Орловъ, будто бы, отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно ѣздилъ и что, если будетъ опроверженіе, то онъ будетъ протестовать. Но въ русской службѣ отъ *кн. Орлова* до *барона Будберга* ¹⁾ одинъ шагъ.

2039. Surtout pas trop de zèle M. Budberg ²⁾.

Усердіе не все преодолагаетъ... времена Клейнмихеля прошли. Будбергъ въ остромъ припадкѣ усердія попросилъ, чтобъ въ Парижѣ закрыли польскую школу въ Батиньолѣ ³⁾, — единственное убѣжище дѣтей изгнанниковъ, въ которомъ они могутъ получить воспитаніе, не теряя національности. Мы съ великимъ удовольствіемъ узнали, что ходатайство Будберга было отвергнуто государственнымъ совѣтомъ единодушно.

Отчего же Киселевъ не дѣлалъ подобныхъ усердій ⁴⁾?

2040. Вспомогательное французское войско въ Польшѣ.

«Таймсъ» (6 февр.) говоритъ, что «онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, что русское правительство обратилось въ Парижѣ къ властямъ, прося ихъ дать способнаго человѣка, который бы устроилъ въ Варшавѣ тайную полицію по образцу парижской. Просьба эта тотчасъ же была исполнена, и десять дней тому назадъ вѣрный агентъ французской тайной полиціи отправился въ Варшаву съ этой цѣлью».

Мы къ этому прибавимъ, что *человѣкъ*, посланный теперь, не первый; въ Варшавѣ съ прошлой осени было нѣсколько французскихъ шпіоновъ; одинъ изъ нихъ былъ какъ-то побитъ казаками. ¹

◆◆ 1. Правительство было занято организаціей варшавской полиціи еще въ концѣ 1862 г. Въ числѣ совѣтниковъ былъ приглашенъ и И. П. Липранди, подавшій кн. Долгорукову слѣдующую конфиденціальную записку отъ 11 ноября 1862 г.

«Не лишнимъ считаю сказать вашему сіятельству нѣсколько словъ о тайной или секретной полиціи Варшавы; тѣмъ болѣе это, мнѣ кажется, не неумѣстнымъ, что совершившіяся и совер-

¹⁾ Андрей Ѳедоровичъ, русскій посланникъ въ Парижѣ; по его указанію, тамъ въ концѣ 1862 г. были произведены аресты поляковъ, о которыхъ Герценъ неоднократно упоминаетъ въ письмахъ.

²⁾ Раньше всего поменьше усердія, г. Будбергъ!

³⁾ Одинъ изъ парижскихъ кварталовъ.

⁴⁾ Дѣлалъ и онъ; см. комментарий т. XIV.

шающіяся еще тамъ событія, очень естественно, у каждаго вызываютъ возгласъ: «Да гдѣ же тайная полиція?». А потому я и сдѣлаю краткій очеркъ ея дѣятельности въ Варшавѣ, начиная съ 1813 г., по настоящее время.

«Въ кратковременное пребываніе войскъ нашихъ, въ концѣ 1812 и началѣ 1813 г., на пути въ Пруссію, подѣ начальствомъ ген.-отъ-инф. Дохтурова, не было особенно учрежденной по этой части, равно и впослѣдствіи, когда здѣсь находился штабъ резервной арміи, подѣ начальствомъ ген.-отъ-кав. Кологринова: въ оба періода довольносвально находившимися при войскахъ оберъ-гевальдигерами. Генераль-полицмейстеръ всей дѣйствующей арміи ген.-лейт. Эртель одинаково не имѣлъ въ Варшавѣ постоянно учрежденнаго управленія по тайной полиціи; здѣсь и вообще по Польшѣ отъ него болѣе другихъ имѣлъ порученій К. С. Барсъ, который употреблялъ во зло возложенную довѣренность ¹⁾, и

1) Когда мы заняли Варшаву, по изгнаніи въ 1812 г. французовъ, явились, какъ и всегда въ большихъ городахъ, мѣнялы. Эти сидѣли за стойками, отгосченными различными деньгами въ монетѣ и ассигнаціяхъ. Этихъ послѣднихъ, но фальшивыхъ, какъ извѣстно, войска наши отбирали множество. Барсъ воспользовался симъ, онъ забиралъ со стола, какъ ассигнаціи, которыя были не фальшивыя, а настоящія, и въ особенности отбиралъ у тѣхъ, у которыхъ лежало ихъ болѣе, или онъ узнавалъ, что у владѣльца ихъ было еще болѣе дома. Взявъ, такимъ образомъ, деньги, онъ отправлялся къ хозяину въ домъ на обыскъ и, если находилъ еще, присоединялъ ихъ къ взятымъ уже и арестовывалъ его, угрожая уголовнымъ судомъ. Робкій мѣняла. не только что оставлялъ эти деньги у Барса, но и давалъ еще, чтобы избавиться отъ отвѣтственности. Болѣе же самонадѣянный приплачивалъ еще болѣе, ибо запечатанныя его деньги, по распечатаніи въ комиссіи, гдѣ главой былъ тотъ же Барсъ, настоящія деньги, будучи подмѣнены, оказывались дѣйствительно фальшивыми, и здѣсь торгъ былъ уже не на шутку. Въ маѣ 1813 г. я находился при блокадѣ Кюстрина. Генераль Концевичъ получилъ предписаніе послать отъ себя депутата въ Мезеричъ, куда отправился Барсъ, для отысканія склада оружія, и что извѣстно и тамошнему подпрефекту Курнатовскому (старшему брату извѣстнаго генерала, командира 4-го конно-егерскаго полка). Я былъ посланъ депутатомъ и пріѣхалъ въ Мезеричъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ Барса, который успѣлъ вже взять отъ ксендза 500 червонцевъ, чтобы не обыскивать костела. и такъ напугалъ Курнатовскаго, что тотъ приготовилъ сумму вдвое, чтобы только избавиться отъ посрамленія. Узнавъ все это и имѣя секретное предписаніе, чтобы зорко слѣдить за дѣйствіями Барса, по моему настоянію, сдѣланъ былъ тщательный обыскъ всѣхъ мѣстъ, на которыя Барсъ въ докладной запискѣ главнокомандующему указывалъ, но рѣшительно ничего не оказалось, а оказалось только то, что шляхтичъ Пропойло подалъ доносъ на Барса, что онъ заставилъ его сдѣлать извѣтъ, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться, и для переговоровъ взялъ и его съ собой. Сверхъ того, онъ указалъ подобное же, совершенное въ двухъ другихъ мѣстахъ. Какъ за это, такъ и по множеству другихъ дѣлъ Барсъ былъ обращенъ въ первобытное состояніе, лишень чиновъ и орденовъ. Этимъ ограничилось его наказаніе, потому только, что былъ женатъ на Щербининой. Впослѣдствіи онъ былъ въ Кишиневѣ (съ 1818—1828); тутъ я узналъ его близко, онъ былъ въ бѣдномъ положеніи, лишился жены. Одна дочь вышла замужъ за аптекаря Шустера, другая за полковника, впослѣдствіи генерала Радича и пр.

И. Л.

вообще должно сказать, что большая часть этихъ чиновниковъ и лицъ, употреблявшихся по тайной полиціи, не всегда соотвѣтствовали цѣли правительства, и оно должно было довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, получаемыми отъ жидовъ, а извѣстно, какую цѣну подобныя свѣдѣнія по большей части могутъ имѣть, въ особенности, когда собираются безъ систематическаго порядка и направленія; впрочемъ, въ то время Польша еще не представляла большой необходимости эксплуатировать ее.

«По возвращеніи изъ Франціи, въ 1814 г., когда главная квартира арміи подъ начальствомъ фельдмаршала Барклая-де-Толли находилась въ Варшавѣ, то до выступленія оной, въ апрѣлѣ 1815 г. вновь во Францію, при арміи находился, независимо отъ генераль-полицмейстера, помянутый Барсъ, въ качествѣ негласнаго тайнаго развѣдчика собственно при начальникѣ штаба арміи, но скоро Барсъ подпалъ подъ строгую отвѣтственность, и вся часть эта перешла въ вѣдѣніе генераль-полицмейстера. По окончательномъ присоединеніи Царства Польскаго къ Россіи тайная полиція получила, въ 1815 г. свое образованіе. Она была подъ главнымъ начальствомъ какъ бы шефа жандармовъ ген.-отъ-кав. Рожнецкаго, до самой катастрофы 1830 г. и состояла изъ двухъ отдѣленій: одно находилось въ завѣдываніи нѣкоего Макрота, изъ евреевъ, повѣшеннаго во время революціи, другое съ 1818 г. управлялъ состоящій по кавалеріи полковникъ Зассъ, умерщвленный въ первый вечеръ вспыхнувшей революціи¹⁾).

«Полиція эта не достигала предназначенной цѣли, хотя нѣкоторыя свѣдѣнія и предсказывали настоящую грозу, то такъ какъ, съ одной стороны, въ получаемыхъ свѣдѣніяхъ не было ничего систематическаго, что бы оныя могли изобразить вѣрно, ежели что и замышлялось, ибо все большею частію основывалось на свѣдѣніяхъ, налету хватаемыхъ агентами, получавшими за каждое извѣстіе, большею частію чѣмъ и промышляли евреи. Съ другой же стороны, генераль Рожнецкій, какъ гласитъ общая молва, былъ почти всегда безъ денегъ, по страсти своей къ игрѣ, часто, посредствомъ своихъ агентовъ, искусно давалъ понимать подозрѣ-

¹⁾ Полковникъ Зассъ нѣкогда служилъ въ конной гвардіи. Будучи полковникомъ по кавалеріи, въ корпусѣ г.-а. гр. Воронцова, оставленнаго въ 1815 г. во Франціи, въ составъ окупационной арміи, подъ предводительствомъ герцога Веллингтона, полковникъ Зассъ былъ комендантомъ крѣпости Ле-Кенда. Когда корпусъ возвращался въ Россію, въ концѣ 1818 г., и проходилъ чрезъ Варшаву, цесаревичъ оставилъ Засса, какъ стараго конногвардейца, при себѣ. Онъ вовсе не былъ способенъ къ предназначенной должности, развѣ потому только, что любилъ погулять и въ особенности былъ страстенъ къ женскому полу, что, впрочемъ, для искусства начальника тайной полиціи часто бываетъ полезно, но Зассъ былъ не таковъ; подъ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ также вѣтренъ, какъ и въ двадцать лѣтъ, и если онъ навлекъ на себя мечь повстанцевъ, то, конечно, не потому, что былъ въ своей обязанности для нихъ вреднымъ. Тутъ были другія причины.

вавшимъ, конечно, въ увеличенной степени ихъ замыселъ и такъ напугивали, что тотъ искалъ тушить денежными пожертвованіями или займомъ часто приписываемыя ему дѣйствія. Впрочемъ, главная обязанность этой полиціи сосредоточивалась преимущественно на кругъ военныхъ, иногда до мельчайшихъ, незаслуживающихъ особеннаго вниманія случаевъ, по крайней мѣрѣ, вовсе не подходящихъ къ прямой обязанности высшей политической тайной полиціи. Въ то время эти мелочи удостовѣряли и дѣятельность по онымъ служила удостовѣреніемъ, что ничто не скроется отъ проницательности полиціи генерала Рожнецкаго.

«Убѣжденный ли въ недостаткѣ подобной организаціи, или по особенному на то высочайшему повелѣнію, находившійся въ Варшавѣ императорскимъ полномочнымъ комиссаромъ въ Царствѣ Польскомъ дѣйств. тайн. сов. Н. Н. Новосильцовъ учредилъ при себѣ высшую тайную полицію, которая, не ограничиваясь эксплуатаціею одной Варшавы и Царства Польскаго, но дѣйствія оной далеко проникали за границу, и, какъ человекъ умный, онъ скоро постигъ, что для подобнаго порученія темное лицо не въ силахъ будетъ удовлетворить его, хотя бы оно вмѣщало въ себѣ и всѣ необходимыя для того качества, а потому онъ избралъ въ 1828 г. для Варшавы и Царства чиновника, служащаго въ Варшавской полиціи, котораго онъ зналъ съ малолѣтства и который получилъ образованіе въ виленскомъ университетѣ, нѣкогда Жуковскаго ¹⁾, годъ предъ тѣмъ прибывшаго въ Варшаву на службу. Облегчаемый официальнымъ штатнымъ своимъ званіемъ офицера варшавской городской полиціи, Жуковскій скоро оправдалъ довѣренность Н. Н. Новосильцова и сдѣлался извѣстнымъ великому князю Константину Павловичу, не разъ дававшему ему лично порученія. Отъѣзжая въ Англію за два мѣсяца до вспыхнувшей революціи, Н. Н. Новосильцовъ предупреждалъ великаго князя о скопляющейся грозѣ, долженствовавшей скоро разразиться, но сей послѣдній, успокоенный частью Рожнецкимъ, не имѣвшимъ возможности проникать въ тайники, въ которые проникалъ Новосильцовъ, не принималъ никакихъ особенныхъ мѣръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же увѣренія въ спокойствіи умовъ получалъ онъ косвенно изъ женскаго аристократическаго круга.

«Возвратясь изъ Лондона, онъ нашелъ отчетъ Жуковскаго вполне яснымъ, что согласовалось и съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ могъ вскользь почерпнуть въ Лондонѣ, но эти сообщенія разсѣяны были Рожнецкимъ и другими, удостовѣрившими о безпредѣльной къ нему преданности войскъ. Наканунѣ отъѣзда своего въ Петербургъ Новосильцовъ опять, на основаніи положительныхъ данныхъ, говорилъ о неминуемомъ безотлагательномъ взрывѣ, но

¹⁾ Н. Н. Новосильцовъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ отцомъ этого Жуковскаго, полковникомъ Курляндскаго драгунскаго полка, помѣщикомъ Гродненской губ. *И. Л.*

съ тѣмъ же неуспѣхомъ. На другой день выѣзда Новосильцова предсказанный взрывъ послѣдовалъ. Все что было русское, въ особенности служившіе по всѣмъ отраслямъ полиціи, были или жертвою звѣрства повстанцевъ, или арестованы и заключены. Только одинъ Жуковскій избѣгъ и того и другого ¹⁾.

«Исправляя добросовѣстно порученія, онъ не приобрѣлъ личныхъ враговъ, и рѣшительно одному изъ всѣхъ сохранено его мѣсто въ полиціи города Варшавы. Начальникомъ же тайной полиціи сдѣланъ былъ Езеранскій, который и оставался во все время мятежа. Жуковскій, какъ русскій подданный, потомственный дворянинъ и православный, не могъ переносить своего положенія и недѣль черезъ пять, когда потребовали отъ всѣхъ присяги, улучилъ случай, скрылся изъ Варшавы и успѣлъ присоединиться къ нашей главной квартирѣ въ Гроднѣ, гдѣ цесаревичъ лично представилъ его съ льстивыми отзывами главнокомандующему графу Дибичу.

«По овладѣніи Варшавою графъ Виттъ, военный генералъ-губернаторъ города, по предложенію генералъ-полицмейстера арміи ген.-лейт. Лисовскаго, учредилъ тайную полицію, которою завѣдывалъ находившійся при немъ полковникъ Лахманъ. Но фельдмаршалъ князь Паскевичъ не довольствовался этой полиціей, онъ имѣлъ свою, въ лицѣ состоящаго при немъ чиновника, помянутаго Жуковскаго, котораго лично и направлялъ. Когда графъ Виттъ оставилъ свой постъ и уѣхалъ, взявъ съ собой и П. Лахмана, назначенный военнымъ генералъ-губернаторомъ ген.-адъют. Панкратьевъ не захотѣлъ имѣть своей тайной полиціи и упразднилъ оную, такъ что часть эта была положительно въ рукахъ фельдмаршала, лично давшаго порученія Жуковскому, какъ своему личному чиновнику, остававшемуся при князѣ, до самой его смерти ²⁾. Можно утвердительно сказать, что только въ это время тайная полиція, которой главная цѣль состоитъ въ охраненіи государства и лицъ отъ злоумышленныхъ попытокъ, спокойствіе въ Польшѣ, во все время управленія кн. Паскевичемъ страню, торжественно доказываетъ ту заботливость, которую онъ употреблялъ для сохраненія онаго, даже и въ тѣ времена, когда казалось, что польское легкомысліе должно было воспользоваться, какъ на примѣръ, во время венгерскаго возстанія и общаго броженія умовъ въ Европѣ и значительныхъ безпорядковъ въ Пруссіи, Вѣнѣ и въ различныхъ ея областяхъ въ Богеміи и пр. Сохраненіе спокойствія

¹⁾ Замѣчательно, что во время взрыва мятежа онъ находился по службѣ въ театрѣ, между тѣмъ, толпа бросилась въ его квартиру, гдѣ все разграбила, убила ребенка, жена успѣла скрыться, но испугъ былъ поводомъ ея смерти. И. Л.

²⁾ Неоднократно фельдмаршалъ назначалъ Жуковскаго, какъ своего чиновника, для временнаго исправленія должности городничихъ (съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ) въ тѣ мѣста, гдѣ нужно было проникать въ господствующій духъ и т. п. И. Л.

въ Царствѣ Польскомъ удержало въ нѣкоторыхъ границахъ миролюбія герцогство Познанское и въ особенности Галицію: объ эти области ожидали только сигнала изъ Царства Польскаго. Но здѣсь главные коноводы были зорко наблюдаемы, а главное—они знали сами, что замыслы ихъ не составляютъ тайны для фельд-маршала, не рѣшались начать азартную игру передъ твердой волей князя. Графъ Ридигеръ, временно занявшій мѣсто намѣстника, отъѣзжавшаго къ арміи, дѣйствовавшей въ Придунайскихъ княжествахъ, ничего не измѣнилъ, да и не могъ измѣнить дѣйствія тайной полиціи, которую князь, по возвращеніи своемъ, нашель въ той же дѣятельности, какъ и прежде.

«Князь Горчаковъ, вступивъ въ права намѣстника, не хотѣлъ и слышать о тайной полиціи и не только что прекратилъ ея дѣйствія, но и уничтожилъ производящееся слѣдствіе о государственныхъ преступникахъ. Конечно, цѣль его основывалась на мысли, что этимъ онъ пріобрѣтаетъ къ себѣ довѣріе страны, но жестоко въ томъ ошибся! и скоро раскаялся, но было уже поздно. Безпорядки, никакъ не предвидѣнные, послѣдовательно проявлявшіеся въ Варшавѣ, во время пребыванія въ этомъ городѣ трехъ императоровъ, вмѣстѣ съ тѣми ясно показали волненіе умовъ жителей и имѣющуюся у нихъ цѣль, но какую, никто вѣрно опредѣлить не могъ; всѣ прежніе пути тайной полиціи, такъ долго охранявшей страну, были прерваны; можетъ быть, что и вѣроподобно, бывшіе ея агенты, увидѣвши себя отброшенными, а нѣкоторые, можетъ быть, и безъ пропитанія, конечно, стали искать покровительства уже у тѣхъ, которыхъ прежде наблюдали, и, несомнѣнно, сообщили имъ и предметъ ихъ наблюденія и лицъ, употреблявшихся по этой части; словомъ, она была разрушена окончательно или, по крайней мѣрѣ, нужно было много времени, при благопріятствовавшихъ обстоятельствахъ поставить ее на прежнюю ногу. Но такъ или иначе, помянутыя событія въ Варшавѣ доказали князю Горчакову, что страну, въ особенности подобною Царству Польскому, нельзя управлять съ закрытыми глазами, и онъ принялъ намѣреніе возстановить ее. Но, къ несчастью, распоряженіе его по сему предмету принесло бы несравненно болѣе пользы, если бы онъ и вовсе не возстановлялъ его при тѣхъ условіяхъ, которыя онъ для сего принялъ. Онъ поручилъ образовывать тайную полицію полковнику маркизу Паулуччи, котораго назначилъ начальникомъ оной. Выборъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ и самый гибельный. Маркизь былъ вовсе не знакомъ съ этой частью¹⁾, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ аристократическимъ кругомъ, къ

¹⁾ Ему были переданы всѣ бумаги, относящіяся до наблюденій прежде существовавшей тайной полиціи. У него онъ не только что не были ни для кого тайной и сохранялись съ такой безпечностью, что кухарка и камердинеръ его не разъ въ эти бумаги завертывали провизію и т. п., такимъ образомъ кухарка его являлась въ лавки, гдѣ покупаемое обвертывала подобными свѣдѣніями и т. д.

чему способствовало много возвышенное его званіе въ масонскихъ ложахъ, и въ Варшавѣ находится множество тайныхъ послѣдователей этого общества. Занявъ такой постъ, само собою разумѣется, ему трудно и, даже по множеству отношеній, невозможно было исполнять эту обязанность прямо, добросовѣстно предъ своимъ начальствомъ, и не только что долженъ былъ сдѣлаться осторожнѣе и менѣе откровеннымъ въ прежнихъ связяхъ, но и дѣйствовать уже безъ всякой лицепріязни. Само собою разумѣется, что опытный начальникъ той полиціи, котораго офиціальная обязанность предоставляетъ столько возможности быть полезнымъ обществу, во многомъ оказывать немалыя услуги и вмѣстѣ съ тѣмъ не упускать изъ вида главную свою обязанность, но сближеніе, подъ какимъ бы то предлогомъ и съ кѣмъ бы то ни было, изъ лицъ, могущихъ подпасть подъ его наблюденіе, всегда вредно; если сближеніе это дѣлается съ цѣлью, чтобы вкрадчивымъ образомъ лично проникнуть въ дѣло, пятнаетъ его ненавистнымъ прозвищемъ «предателя» и, даже «шпіона», съ другой же стороны, сближеніе можетъ подвергнуть его самого быть испытаннымъ хитрымъ противникомъ своимъ, и во всякомъ случаѣ онъ навлечетъ на себя подозрѣніе въ недобросовѣстномъ исполненіи своей важной обязанности. Такъ или иначе, маркизь Паулуччи подвергся такому положенію въ глазахъ многихъ, тѣмъ болѣе, что послѣдствія сильно подтвердили это» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, бумаги Липранди, № 50).

2041. Запросъ святѣйшему синоду о іерейскомъ [двоеженствѣ.

Съ отшествіемъ къ преждеусопшимъ святителямъ паствы града святаго Петра (что на Невѣ) высокопреосвященнѣйшаго Григорія оскудѣло число знаемыхъ нами св. отецъ до того, что мы находимся въ необходимости просьбу о разрѣшеніи нашего сомнѣнія возвести на соборное разсмотрѣніе святѣйшаго синода.

Безспорно, что мы могли бы обезпокоить Филарета московскаго, проведя часть жизни своей подъ его епархіальнымъ благословеніемъ. Но его горячее служеніе тѣлеснымъ наказаніямъ дѣлаетъ несообразнымъ духовныя съ нимъ бесѣды, тѣмъ паче, что у него не только розги временныя, но и вѣчныя, не только палки осиновыя, но и отъ древа едемскаго, на спинѣ человѣческой несокрушаемаго.

Итакъ, рѣшаемся мы сыновнее недоумѣніе наше повергнуть всему вертограду пастырскому.

Ужели іерей, единой жены мужъ, можетъ безгрѣшно вѣнчаться съ другою, содержать наложницу или быть содержиму какой-нибудь вавилонской блудницей? Безсомнѣнно, что мы не о тѣлесной женѣ и не о плотской наложницѣ говоримъ, а о духовной, но духа инаго, свѣтско-духовнаго.

Можетъ ли, спрашиваемъ мы, іерей, вѣнчанный съ церковью Христовой, исправлять должность тіуна царскаго, консуломъ въ просторѣчи называемаго, въ Генфѣ ¹⁾ или иномъ кальвиномерзкомъ градѣ? Можетъ ли десница, воздымающаяся отъ престола, антиминомъ покрытаго, опускаться съ перомъ отъ крыла пернатыхъ для скрѣпы записей кесаревыхъ? И не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, скрѣпы мытарскія писать шуйцей? Но гдѣ же тогда училищницы лѣводланному писанію?

Буде же се духовное многоженство допускается, то почему же останавливаться на должностяхъ консулярныхъ въ странахъ невѣрныхъ и не занимать дома іереевъ сѣкиро- и конно-учителями всадниковъ, хожальми по градамъ и весямъ, купно приходскими душъ и квартальными тѣлесъ надзирателями? Благословите, св. отцы и разныхъ орденовъ кавалеры, разрѣшить сомнѣніе смятенной души дѣтей вашихъ.

2042. Свѣтское консульство въ Лондонѣ.

Русское консульство въ Лондонѣ вызываетъ черезъ «Таймсъ» Павла Мошкалова, Василя Кельсіева и Николая Жуковскаго для какого-то сообщенія ²⁾. Само собою разумѣется, что мы не совѣтуемъ имъ итти туда, потому что, навѣрное, имъ сообщать что-нибудь непріятное. Но мы не можемъ не отдать справедливости, что средство, употребленное консуломъ, гораздо приличнѣе отысканія адреса русскихъ у людей, нисколько не желающихъ служить русскому правительству.

Вотъ письмо, полученное г. Трюбнеромъ:

«The Cousul Gen. Mr. de Berg presents his compliments to Messrs. Trübner et Co, and has the honour to request that they will be so obliging as to inform him of the addresses of Mr. W. Kelsieff, Mr. Paul Mashkouloff and Mr. Nicolai Joukowsky, should their places of residence be known to Messrs Trübner et Co. The above named gentlemen are supposed to be staying in London.

Mr. Kelsieff was residing about two years ago at № 3, Britannia Terrace, Fulham Road, S. W.

32, Great Winchester street,
London, E. C.

3/15 january 1863». ³⁾

1) Женева.

2) По требованію слѣдственной комиссіи кн. А. Ѳ. Голицына.

3) Генеральный консулъ г-нъ де Бергъ выражаетъ свое уваженіе г-амъ Трюбнеръ и К^о. и имѣетъ честь просить ихъ, оказать ему большое одолженіе, сообщивъ адресъ г-на В. Кельсіева, Павла Машкулова и Николая Жуковскаго, если место ихъ пребыванія извѣстно г-амъ Трюбнеръ и К^о. Мы предполагаемъ, что вышеназванные господа находятся въ Лондонѣ. Два года тому назадъ г-нъ Кельсіевъ жилъ по адресу: № 3, Britannia Terrace, Fulham Road, S. W.

2043. [Примѣчаніе] ¹⁾.

Сейчасъ получилъ я при письмѣ Виктора Гюго изъ Гернсея ²⁾ его воззваніе къ русскимъ воинамъ для напечатанія въ «Колоколѣ». Спѣшу передать его нашимъ читателямъ. Есть великія имена, являющіяся при всѣхъ великихъ событіяхъ,—безъ нихъ они были бы, словно, не полны. ¹

◆◆ 1. 8 февраля 1863 г. Гюго отвѣчалъ на неизвѣстное мнѣ письмо Герцена, изъ котораго опубликована только одна фраза: «Великій братъ, на помощь! Скажите слово цивилизаціи» (V. Hugo, «Pendant l'exil», 323):

«Мой доблестный братъ по борьбѣ и испытаніямъ. Одинъ русский офицеръ написалъ мнѣ, прося о томъ, что я посылаю вамъ. Напечатайте это, воспользуйтесь имъ, если думаете, что это можетъ не быть бесполезно. Будемъ помогать другъ другу. Мы всѣ—одинъ народъ, и существуетъ только одинъ законъ: пока нѣтъ свободы—освобожденіе, по освобожденіи—прогрессъ. Я внимателенъ къ вашей краснорѣчивой и побѣдоносной пропагандѣ, я рукоплещу вамъ и люблю васъ» (привожу въ переводѣ М. О. Гершензона—«Былое» 1907, IV—исправленномъ по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

Привожу въ переводѣ Герцена и самое воззваніе Гюго:

«Солдаты, будьте людьми. Слава эта представляется вамъ теперь, воспользуйтесь ею.

«Если вы продолжите эту дикую войну; если вы, офицеры, имѣющіе благородное сердце, но подчиненные произволу, который можетъ лишить васъ званія и сослать въ Сибирь; если вы, солдаты, крѣпостные вчера, рабы сегодня, невольно оторванные отъ вашихъ матерей, невѣсть, семействъ, вы, тѣлесно наказываемые, дурно содержимые, осужденные на долгіе годы военной службы, которая въ Россіи хуже каторги другихъ странъ; если вы, сами жертвы, пойдете противъ жертвъ; если вы въ тотъ торжественный часъ, когда скорбящая Польша возстаетъ, когда еще есть время выбора между Петербургомъ и Варшавой, между самовластіемъ и свободой; если при этомъ роковомъ столкновеніи вы не исполните одинаго долга, лежащаго на васъ, — долга братства; если вы пойдете съ царемъ противъ поляковъ; если вы станете за ихъ и за вашего палача; если вы въ вашемъ рабствѣ научились только тому, чтобъ поддерживать притѣснителя; если вы, имѣющіе оружіе въ рукахъ, отдаете его на службу чудовищному деспотизму,

¹⁾ Сдѣлано къ воззванію «Викторъ Гюго—русскому войску».

²⁾ Одинъ изъ лежащихъ въ Ламаншѣ принадлежащихъ Англій острововъ, на которомъ Гюго жилъ во время своего изгнанія.

дающему русскихъ такъ же, какъ поляковъ; если вы, вмѣсто того, чтобы обернуться противъ палачей, подавите числомъ и превосходствомъ средствъ героическое народонаселеніе, выведенное изъ терпѣнія, заявляющее свое святое право на отечество; если въ XIX столѣтіи вы зарѣжете Польшу; если вы сдѣлаете это,—знайте, люди войска русскаго, что вы падете ниже вооруженныхъ ватагъ Южной Америки и возбудите отвращеніе всего образованнаго міра. Преступленія силы остаются преступленіями, и общественное отвращеніе—уголовное наказаніе ихъ.

«Воины русскіе, вдохновитесь поляками, не сражайтесь съ ними!

«Передъ вами въ Польшѣ не непріятель, а *примирѣе*».

2044. Кн. П. В. Долгоруковъ.

Князь П. В. Долгоруковъ, вслѣдствіе преслѣдованій правительства русскаго и французскаго, принужденъ былъ оставить Бельгію и уѣхать въ Голландію. Черезъ нѣсколько дней онъ прибудетъ въ Лондонъ, гдѣ, по устройствѣ своей типографіи, будетъ продолжать изданіе «Листка», первые пять №№ коего напечатаны были въ Брюсселѣ. Онъ пишетъ намъ, что будетъ также продолжать изданіе своего политическаго обозрѣнія «Le Véridique». Письма кн. П. В. Долгорукову можно пока адресовать на польско-русскую книжную лавку: S. Tchorzewski, I, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho, W. Кн. Долгоруковъ снова завѣряетъ петербургское правительство, что молчать его никакъ не заставятъ.

◆◆ 1. 8 февраля 1863 г. Долгоруковъ написалъ по-французски дерзкое письмо Наполеону III изъ Брюсселя:

«Ваше Величество, въ прошломъ году вы и нѣсколько столь же уважаемыхъ людей, т.-е. господа Морни, Маньяръ, Делангль, Шэ-д'Эсть-Анжъ, Девіеннъ, Бенуа Шампи, принудили меня покинуть предѣлы Франціи. Я поселился въ Бельгіи. Но у благороднаго и честнаго бельгійскаго народа, по несчастному стеченію обстоятельствъ, министерство трусовъ, не умѣющихъ заботиться о народномъ достоинствѣ, желающихъ вамъ услужить. Эти министры подвергли меня недостойнымъ преслѣдованіямъ; они только и думали, какъ бы засадить меня въ тюрьму. Сейчасъ я покидаю Бельгію и, недолго задержавшись въ Голландіи, отправлюсь въ Англію, гдѣ буду имѣть удовольствіе встрѣтить васъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Франція произнесетъ надъ вами заслуженный судъ, т.-е. изгонитъ васъ.

«Вы полагаете, быть можетъ, что Бонапарты — династія?.. Смѣшное заблужденіе!.. Бонапарты, это—только коронованная семья полицейскихъ чиновниковъ, задача которой состоитъ въ

томъ, чтобы научить французовъ цѣнить свободы, отнятыя у нихъ Бонапартами, и которыя будутъ имъ возвращены съ момента вашего изгнанія.

«Примите, ваше величество, выраженіе всѣхъ чувствъ, заслуженныхъ вашими добродѣтелями и вашей высокой честностью.

Князь П. Долгоруковъ».

18 февраля князь писалъ анонимно изъ Роттердама статсъдамъ императрицы, кн. Екатеринѣ Дмитриевнѣ Долгоруковой, въ Петербургъ:

«Брошюра «Правда о дѣлѣ князя Петра Долгорукова», помѣченная Лондономъ, именемъ владѣльца типографіи Смита (не существующаго) и адресомъ Ричардъ-стритъ (никогда не существовавшей улицы), была напечатана въ Брюсселѣ въ количествѣ 6,000 экземпляровъ и произвела огромное впечатлѣніе. Французское правительство, крайне возмущенное этимъ изданіемъ, могло прибѣгнуть къ веденію политическаго процесса по бельгійскимъ законамъ 1853 года объ оскорбленіи царствующихъ особъ, но такой процессъ свелся бы къ уголовному дѣлу съ судомъ присяжныхъ, а французское правительство прекрасно знало, что судъ оправдалъ бы какъ издателя, такъ и распространителей брошюры. Желая избѣгнуть суда присяжныхъ, Негодяя III, императоръ французовъ, и его шайка взяли за дѣло слѣдующимъ образомъ. По бельгійскимъ законамъ (эта брошюра не продавалась открыто въ Бельгіи), всякая брошюра, не носящая дѣйствительнаго имени издателя, разсматривается, какъ преступленіе. подсудное обычному суду; если авторъ неизвѣстенъ, издатель отвѣтственъ передъ закономъ и частными гражданами; если издатель неизвѣстенъ, эта отвѣтственность падаетъ въ полной мѣрѣ на распространителей изданія. Въ Брюсселѣ существуетъ книгопродавецъ Классень, родомъ изъ Ревеля, русскій эмигрантъ. Онъ наканунѣ банкротства и очень стремится вернуться въ Россію. Классень продалъ себя Негодяю III. Вопреки просьбамъ Долгорукова, Классень открыто выставилъ томъ брошюры въ своей витринѣ, а когда подосланные агенты конфисковали брошюру, заявилъ, что экземпляры ея были ему даны Долгоруковымъ. Бельгійскій министръ, слабовольный человѣкъ, трусившій передъ Франціей, подстроилъ это осиное гнѣздо. Долгоруковъ получилъ приглашеніе явиться въ судъ въ субботу, 14 февраля. Его ожидало шестимѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ, само по себѣ мало пріятное, да еще цѣлая вереница частныхъ процессовъ за причиненіе убытковъ. Французское правительство добивалось его заключенія въ тюрьму и разоренія. Агенты французской полиціи, очень многочисленные въ Брюсселѣ, слѣдили за каждымъ его шагомъ. Долгоруковъ узналъ, что бельгійскій министръ, трусившій Негодяю III, вручилъ квартальному полицейскому комиссару приказъ объ его арестѣ на случай отъѣзда князя.

Въ воскресенье, 8 февраля, въ 2 часа дня Долгоруковъ положилъ себѣ въ карманы золото, цѣнности и самые важные документы и вышелъ пѣшкомъ, съ зонтикомъ въ рукѣ, точно на прогулку. Онъ пошелъ на вокзалъ жел. дор., взялъ билетъ до Анвера и оттуда въ Бреда въ Голландіи (въ 25 верстахъ отъ бельгійской границы). Прибывъ вечеромъ въ Бреда, онъ послалъ своимъ друзьямъ въ Брюсселѣ, которымъ оставилъ всѣ свои ключи, телеграмму. На слѣдующее утро эти друзья уложили его вещи, платье, бѣлье, *все* его манускрипты и бумаги въ четыре корзины и три ящика, къ вечеру пріѣхали въ Бреда и все ему привезли. Изъ Бреда князь уѣхалъ въ Роттердамъ. Уѣзжая изъ Брюсселя, онъ оставлялъ-на храненіе у одного изъ городскихъ банкировъ процентныя бумаги разныхъ государствъ на сумму 170000 франковъ (треть его состоянія). Если бы онъ взялъ эти проц. бумаги до своего отъѣзда, то тѣмъ самымъ обнаружилъ бы его; если бы онъ ихъ оставилъ у бельгійскаго банкира, ему грозила бы конфискація всего имущества въ Бельгии за неявку въ судъ. Долгоруковъ поручилъ Антуану Мертенсу, директору одной изъ самыхъ видныхъ типографій въ Бельгии, очень уважаемой личности, взять его цѣнности у банкира. Мертенсъ тотчасъ исполнилъ его порученіе, а сынъ его, Адольфъ Мертенсъ, специально съ этой цѣлью отправился въ Роттердамъ и передалъ бумаги Долгорукову. Тѣмъ временемъ Мертенсъ-отецъ распорядился уложить всю бібліотеку князя и его русскую типографію и отправилъ ихъ въ Англію. На слѣдующій день Долгоруковъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ будетъ продолжать изданіе «Листка» и «Правдиваго» («Véridique»), писать и издавать. Всѣ неприятности, которыми его преслѣдуютъ, достигаютъ лишь одного результата: онъ возбуждаетъ энергію этого человѣка.

«Сообщите это письмо князю Горчакову».

6 марта Долгоруковъ писалъ М. Н. Лонгинову, что занимается устройствомъ въ Лондонѣ своей русской типографіи, перевезенной туда изъ Брюсселя. «Буду продолжать «Листокъ» и «Véridique» съ большею энергіею, чѣмъ когда-либо; преслѣдованія меня не только не запугиваютъ, но еще вызываютъ на болѣшую дѣятельность. Лондонъ тѣмъ хорошъ, что можно жить, какъ угодно, и дѣлать, что хочешь. Въ этомъ мірѣ (потому что Лондонъ — не городъ, а міръ) всякая личность исчезаетъ, а это большое удобство для политическаго дѣятеля, между тѣмъ, какъ въ Брюсселѣ нельзя было чихнуть, чтобъ весь городъ о томъ не зналъ» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., II секретн. шкафъ, дѣло № 251).

2045. [«Московскія Вѣдомости»].

15 февраля—*«Московскія Вѣдомости»* все нѣтъ. А деньги взяты впередъ. Что это: плутовство или небрежность? Газеты посылать тюками и брать почтовые деньги съ листа,—это изъ рукъ вонъ.

2046. [Общій фондъ].

Въ общій фондъ получены 15 тал. отъ К. П.

2047. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 февр. (1863 г.). Воскресенье.

Orsett House.

Нашъ юнецъ ¹⁾, несмотря ни на что, хочетъ ѣхать, и именно во вторникъ. Можетъ, это необходимо для очистки, для уясненія и для завоеванія денегъ. Но отъ этого я и не знаю, могу завтра пріѣхать или нѣтъ и могу ли одинъ. Вечеромъ припишу.

Статья твоя хороша, но мнѣ не по сердцу слишкомъ частое поминанье нѣмцевъ ²⁾. С. ³⁾ ждетъ вторую статью,—онъ тоже хочетъ ѣхать послѣзавтра, а затѣмъ и П. ⁴⁾, хотя этого я всего меньше понимаю.

Польское дѣло, вопреки всему, держится и скорѣе идетъ въ гору. Его надобно проповѣдывать, и я совершенно былъ противъ твоего мнѣнія, что о глупой и отвратительной кондуитѣ ⁵⁾ ихъ слѣдовало печатать. Пусть П. приготовить для будущаго проеморію. Въ твоёмъ адресѣ къ солдатамъ слѣдуетъ прибавить вариантъ для находящихся въ Польшѣ.

Съ твоими разсужденіями я тоже несогласенъ. Во-первыхъ, *volo videre, quomodo aedificatis* ⁶⁾. Пусть же они докажутъ, что они—сила. Что мы съ ними и со всѣми, кто идетъ тѣмъ же путемъ, это они знаютъ. Но, стоя на построенномъ нами фундаментѣ одиноко, пока не убѣдимся, что ихъ прочнѣе, мы не будемъ увлечены въ *fiasco* или нелѣпость. Служить имъ я буду, но, прежде, чѣмъ брать солидарную отвѣтственность, хочу видѣть ихъ журналъ, ихъ *profession de foi*. Вѣдь, «Земля и Воля»—не все, и въ «Молодой Россіи» то же было. Кстати, Салиасъ ⁷⁾ въ письмѣ еще и еще повторяетъ, какой вредъ они надѣлали.

«Вдругъ въ 1863 г. оно составилось». А развѣ въ 1848 году Сазоновъ не основалъ международный клубъ, развѣ не были правильныя засѣданія и пр.?

¹⁾ Вѣроятно, Н. И. Жуковскій.

²⁾ Вѣроятно, статья Огарева «Слово правды» въ № 13 «Общаго Вѣща» присланная Герцену для критики и просмотра; потомъ была исправлена.

³⁾ А. А. Слѣпцовъ.

⁴⁾ А. А. Потебня.

⁵⁾ *Conduite*—поведеніе.

⁶⁾ Хочу видѣть, какъ вы строите.

⁷⁾ Гр. Евгеній Андреевичъ.

А поэтому я не знаю, чего именно ты хочешь отъ меня. Смѣшать О нашего фонда съ О ихъ? Можно. С. говорить, что мы можемъ распоряжаться, а С.¹ прїѣдетъ да задастъ не такую гонку. Это даже Бак. не принимаетъ.²

Писать они не умѣютъ. Я пишу и буду писать, ты тоже.
Was willst du noch mehr? ⁴) Мѣрсл. въ пятницу поѣхалъ.

◆◆ 1. Огарева рассказала, какъ Герценъ уговаривалъ Потембу не возвращаться въ Польшу, но тотъ не послушалъ и поѣхалъ («Воспоминанія», 202—203).

2. Въ 157 л. (и потомъ въ нѣкоторыхъ другихъ) «Колокола» было напечатано: «Совѣтъ общества «Земли и Воли» приглашаетъ всѣхъ русскихъ на денежное пожертвованіе въ пользу сосланныхъ и ссылаемыхъ и на сопряженные съ общимъ дѣломъ расходы. Путешествующіе за границей могутъ доставлять деньги къ издателямъ «Колокола», обозначая присылку какой-нибудь цифрой; полученіе и № будутъ немедленно напечатаны въ «Колоколѣ». Желающіе могутъ получать квитанціи. За исправную доставку денегъ по назначенію издателя «Колокола» ручаются».

Теперь своевременно остановить вниманіе читателя на тайномъ обществѣ «Земля и Воля», которое не слѣдуетъ смѣшивать съ аналогичнымъ по названію обществомъ 1870-хъ годовъ.

До сихъ поръ о немъ извѣстны кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, какъ и обо многомъ, касающемся 1860-хъ годовъ, невѣрныя, иногда сумбурныя, полныя извращеній, натяжекъ и массы хронологическихъ поп-sens'овъ. Вотъ три характерныя тому иллюстраціи:

«Герценъ установилъ изъ своихъ учениковъ общество «З. и В.», которое вошло въ сношенія съ польскою секціею въ Петербургѣ для взаимной помощи по дѣлу мятежа» («Польская эмиграція» etc., 342).

«Н. А. Серно-Соловьевичъ былъ петербургскимъ представителемъ московскаго революціоннаго кружка, изъ уже умершихъ членовъ котораго можно назвать извѣстнаго собирателя русскихъ сказокъ Афанасьева, его друга Касаткина, Орфанова (Мишле) и Козлова, философа, переводчика Канта. Серно-С. присоединился къ петербургскому обществу «З. и В.» уже послѣ его образованія». Такъ представилъ дѣло анонимный «шестидесятникъ» въ вып. II заграничнаго бурцевскаго «Былого».

Не болѣе правдоподобенъ иностранный источникъ: «Существовавшая въ Спб. съ 1857 г. тайныя общества соединились въ 1863 г. вмѣстѣ и основали партію «З. и В.» Она добивалась демократическаго государственнаго устройства и значительнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія. И только благодаря тому, что рус-

¹) Чего же ты больше хочешь? (Припѣвъ пѣсни Гейча «Du hast Diamanten und Perlen»).

скій патриотизмъ, возбужденный во время польскаго возстанія М. Катковымъ и его послѣдователями, не только возсталъ противъ польской революціонной партіи, но и долгое время энергично боролся съ русскимъ социализмомъ, движеніе это не вышло изъ предѣловъ партіи. Всѣ ея члены и Чернышевскій были высланы въ Сибирь» (Шустеръ, «Тайныя общества» etc., II, 255).

Вообще, исторія «шестидесятыхъ годовъ» очень туго поддается изслѣдованію, потому что къ началу девятисотыхъ годовъ, когда оно стало болѣе или менѣе возможно, мало было въ живыхъ активныхъ работниковъ эпохи; правда, за ихъ смертью, оставался бы единственный надежный матеріаль — документы, письма и дневники; но все это, принадлежа разнымъ лицамъ, въ большинствѣ случаевъ давно было уничтожено въ періоды двухъ кульминаціонныхъ пунктовъ тогдашней реакціонной волны: лѣтомъ и осенью 1862 г. и весной и лѣтомъ 1866 г. Не надо забывать, что никакой партійной выучки и конспираторской опытности у людей первой освободительной эпохи нашей общественной жизни не было и не могло быть,—онѣ появились преемственно гораздо позднѣе. Извѣстно, напримѣръ, что жены Кавелина и Елисеева (а такихъ было много) уничтожили почти весь архивъ своихъ мужей; многіе сдѣлали то же самое лично, другимъ «помогли» родственники, друзья и близкіе знакомые. Остаются еще мемуары, но каждый мало-мальски опытный изслѣдователь знаетъ, какую цѣну они имѣютъ по мѣрѣ отдаленія времени написанія отъ эпохи дѣйствія. «Очевидцы» нашей исторіи (классическимъ примѣромъ которыхъ могутъ служить Т. П. Пассекъ и А. Я. Головачева-Панаева) часто гораздо менѣе надежны, чѣмъ «очевидцы» текущей современности, надъ которыми посмѣиваются всегда и тѣ, которые пробуютъ обосновывать научные выводы въ своихъ историческихъ работахъ.

Я много лѣтъ подбиралъ оставшіеся отъ шестидесятниковъ крохи для исторіи эпохи вообще, а «Земли и Воли» въ частности. Наиболѣе цѣнными матеріалами, имѣющимися въ моемъ распоряженіи, надо признать: бумаги изъ архива семьи Герцена; записи, сдѣланныя мною подъ диктовку недавно умершаго сенатора И. И. Шамшина и А. А. Слѣпцова¹⁾; тетрадь, написанную, по моей усиленной просьбѣ, А. А. Слѣпцовымъ, вслѣдъ за выпускомъ въ 1905 г. «Воспоминаній» Л. Ф. Пантелѣева, впервые сказавшаго что-то связанное (какъ казалось) о «З. и Волѣ»; записи, врученныя мнѣ лѣтъ двадцать назадъ роднымъ братомъ жены Г. З. Елисеева, Г. П. Гофштетеромъ, и, наконецъ, нѣсколько писемъ и особый набросокъ Н. И. Утина. Изъ нихъ наиболѣе обильный по количеству матеріала источникъ—мои записи и тетрадь Слѣпцова, переданная

¹⁾ Александръ Александровичъ, кончилъ Александровскій лицей въ 1856 г.; служилъ во II Отдѣленіи С. Е. И. В. канц.; по первой отставкѣ кол. ассесоръ; былъ распорядителемъ въ народной читальнѣ Серно-Соловьевича; имѣлъ братьевъ Алексѣя, Николая, Дмитрія и Василя; первый и тре-

мнѣ вслѣдъ за его смертью его женой М. Н. Слѣпцовой. И онъ многое спуталъ бы и упустилъ изъ виду, если бы очень охотно не руководствовался моими чисто фактическими общими указаніями по эпохѣ, хронологической послѣдовательности событій и т. п. Остается только пожалѣть, что смерть прервала его трудъ на первой трети, хотя очеркъ «Земли и Воли» былъ задуманъ нами умышленно кратко, чтобы не затруднить больного и стараго человѣка мелкими подробно стями. Полный текстъ его тетради, какъ и почти всѣхъ названныхъ мною выше матеріаловъ, я намѣренъ дать въ особой специальной работѣ, а здѣсь ограничусь только самымъ необходимымъ для общаго абриса этой весьма интересной конспиративной организаціи, съ неизбежными экскурсами въ «Воспоминанія» Пантелѣва, которыя, наконецъ, должны быть поставлены на свое мѣсто, переставъ служить «весьма цѣннымъ» матеріаломъ, какъ, по невѣдѣнію, думали и думаютъ нѣкоторые, писавшіе о плохо знакомой имъ эпохѣ 1860-хъ годовъ. Въ нашей литературѣ иногда очень быстро приобрѣтаютъ авторитетъ произведенія, вовсе его не заслуживающія въ глазахъ немногихъ специалистовъ; такова вздутая репутація тенденціозной «Эпохи великихъ реформъ» Джаншіева, книжекъ и статей о Герценѣ и «Матеріаловъ» по эпохѣ 60-хъ годовъ Богучарскаго и пр. Къ нимъ же надо отнести и сочиненіе Пантелѣва.

Въ эпоху 1855—1859 гг. ни о какихъ тайныхъ революціонныхъ (оговорка важная для специалистовъ) обществахъ пока неизвѣстно. Въ 1859 г. въ Москвѣ среди студентовъ тамошняго университета изъ уроженцевъ Казани и близкаго къ ней Поволжья было положено основаніе первому—«Библиотекѣ казанскихъ студентовъ»; такъ рѣшено было назвать эту ячейку русской революціонной работы второй половины XIX столѣтія. Однимъ изъ организаторовъ «Библиотеки» былъ Юрій Мосоловъ, другимъ—Николай Шатиловъ, третьимъ Маккавѣевъ, черезъ три года покончившій самоубійствомъ¹⁾. По началу кружокъ не имѣлъ опредѣленныхъ революціонныхъ задачъ, ограничиваясь сближеніемъ учащейся молодежи между собой и съ офицерами московскаго гарнизона; изъ числа послѣднихъ видную роль играли П. Барановъ, Н. Смирновскій и Г. П. Гофштетеръ, позже Р. Жихаревъ. Офицеры вели себя особенно осторожно, въ чемъ были поддержаны студентами, очень дорожившими связью съ арміей и очень боявшимися чѣмъ-нибудь выдать піонеровъ новаго военнаго движенія. Слѣдуетъ отмѣтить, что ни одинъ изъ

тѣхъ были офицерами, прочіе—чиновниками; позже учитель женскихъ гимназій и членъ ученаго комитета. † 22 іюня 1906 г. Если бы не личныя отношенія съ редакторомъ «Большой Энциклопедіи» С. Н. Южаковымъ, то и въ этомъ словарѣ, какъ во всѣхъ русскихъ (до сихъ поръ очень неудовлетворительныхъ и часто просто невѣжественныхъ), о немъ не было бы ни слова.

¹⁾ Первые двое сблизились, какъ пострадавшіе за выступленіе противъ проф. П. М. Леонтьева, потомъ соратника Каткова; они были исключены изъ университета.

названныхъ офицеровъ никогда не былъ открытъ или привлечень къ какому-либо дѣлу, несмотря на то, что Барановъ и Гофштетеръ работали въ Москвѣ до начала 1863 г., а затѣмъ первый отправился въ Польшу (но не достигъ ея, попавъ въ весенній разливъ фодъ паромъ), а второй ликвидировалъ свою дѣятельность при ликвидаціи общества ¹⁾.

Въ 1861 г. было организовано общество «Великоруссъ», тайну котораго унесли съ собой его немногочисленные члены, В. А. Обручевъ въ томъ числѣ. «Есть основаніе предполагать, говорить Слѣпцовъ,—что членами «Великорусса» были также адъютантъ герцога Мекленбургскаго, потомъ эмигрантъ кн. Н. П. Трубецкой, В. Ф. Лугининъ и Н. Н. Обручевъ; такъ, по крайней мѣрѣ, я слышалъ отъ перваго изъ нихъ за границей въ дружеской довѣрительной бесѣдѣ, которую впервые и открываю вамъ».

«Послѣ провала «Великорусса» съ арестомъ В. А. Обручева (начало октября 1861 г.),—говорить Слѣпцовъ,—Николай и Александръ Серно-Соловьевичи примкнули къ мысли Огарева о необходимости готовиться къ организаціи новаго общества, преемственно принявшаго отъ «Великорусса» идею о земскомъ соборѣ (не имѣ, впрочемъ, формулированную), но внесшаго и новое какъ въ теоретическое свое построеніе, такъ и въ приемы работы. Мысль, собственно, не вполнѣ Огарева: пожалуй, одновременно она складывалась у Николая Серно-Соловьевича, какъ только ему стало ясно направленіе «Великорусса», которому онъ писалъ свой «Отвѣтъ», вызвавшій «Отвѣтъ на отвѣтъ» Огарева. Съ проваломъ же мысль эта окончательно окрѣпла, конечно, главнымъ образомъ, благо-

¹⁾ Хотя исторія польскаго революціоннаго движенія, вообще, не входитъ въ мою задачу, но не считаю излишнимъ сообщить краткія свѣдѣнія объ организаціи въ московскомъ университетѣ 1861 г. студентовъ польскаго происхожденія. Существовало тайное общество *Ogółu* въ числѣ 400 чел. Оно раздѣлялось на гмины: Виленскую, Руссинскую, Новогрудскую, Гродненскую, Могилевскую, Минскую, Жмудскую, Ковенскую, Слуцкую и Верхнедвинскую; должно было имѣть свой банкъ и имѣло бібліотеку. Кромѣ студентовъ, въ обществѣ были офицеры, не вступавшіе въ число членовъ, но получавшіе книги изъ бібліотеки за плату. По постановленію общества, всѣ студенты поляки должны были уѣхать въ 1862 г. изъ Москвы на родину для принятія дѣятельнаго участія въ возстаніи. Члены общества должны были безусловно исполнять распоряженія «Ржонда Народоваго» и всячески ему содѣйствовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ «развиваясь умственно, нравственно и физически, должны были хорошо знать исторію Польши отъ эпохи ея паденія до 1861 г. умѣть владѣть оружіемъ, а изучающіе математику—ознакомиться съ артиллеріею и веденіемъ партизанской войны; также должны доносить обо всемъ своимъ начальникамъ». Положено было отправить отъ общества депутата въ Геную, чтобы узнать, какъ сказано въ постановленіи, «о судьбѣ братьевъ, пребывающихъ въ Генуѣ, о дальнѣйшихъ ихъ намѣреніяхъ, надеждахъ, проектахъ, о судьбѣ генуэзской рыцарской школы» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10, лит. Б.).

даря невозможности что бы то ни было высказать въ печати или на общественныхъ собраніяхъ, тогда всегда привлекавшихъ особое вниманіе полиціи и власти вообще. Однако, нѣкоторое расхожденіе между двумя братьями, а также ихъ обоихъ съ Огаревымъ показало, что прежде слѣдовало основательно столковаться и дотолковаться, продумать будущую организацію, чтобы быть увѣренными въ ея прочности и, по крайней мѣрѣ, теоретической конструктивности». Съ этою цѣлью были привлечены, съ одной стороны, лучшие другихъ сумѣвшіе конспирировать Н. Н. Обручевъ (обязанный, впрочемъ, во многомъ своимъ спасеніемъ стойкому молчанію и упорству своего двоюроднаго брата В. А. Обручева), съ другой—Слѣпцовъ, какъ испытанный другъ обоихъ братьевъ Серно-Соловьевичей, особенно Николая. Обручевъ, въ свою очередь, указалъ на названныхъ выше офицеровъ «Библіотеки казанскихъ студентовъ»; Слѣпцовъ зналъ Мосолова. Отсюда—взаимное содружество съ «Библіотекей», къ которой тогда, въ концѣ 1861 г., принадлежали А. П. Шаповъ и Н. Н. Буличъ, извѣстные Лугинину и Огареву. Лугининъ, хотя изъ осторожности и не вступилъ въ проектировавшееся новое общество, но всегда былъ въ курсѣ его дѣлъ. Въ основу рѣшено было положить еще раньше коллективно проектированную (а написанную однимъ Огаревымъ) статью-прокламацію «Что нужно народу?». Слѣдуетъ отмѣтить, что въ концѣ іюня нов. ст. 1861 г., когда статья окончательно была готова, мысль объ основаніи тайнаго общества, если и сложилась, то только у самого Огарева, державшаго ее про себя,—Герценъ, какъ извѣстно, не одобрялъ, вообще, никакихъ тайныхъ обществъ, въ чемъ и былъ послѣдователенъ до начала 1863 г.; другимъ же она не была Огаревымъ высказана: онъ ее вынашивалъ и продумывалъ не торопясь. «Что нужно народу?» и позже была распространена именно въ средѣ членовъ «Земли и Воли», смотрѣвшихъ на нее, какъ на основу и программу своихъ дѣйствій и стремленій. «Названіе обществу «Земля и Воля» — пишетъ Слѣпцовъ, было дано, собственно, Герценомъ, который обладалъ, вообще, удивительной способностью приискивать мѣткія опредѣленія людямъ, эпохамъ, событіямъ и литературнымъ произведеніямъ, что отмѣчалось всегда его близкими и приводило, помню, въ восторгъ, особенно Василія Боткина и П. В. Анненкова. Оно очень понравилось намъ и своей простотой и чрезвычайной популярностью вложенныхъ въ него понятій, и какой-то силой, красотой своей ясности и законченности. Читая прокламацію Огарева въ іюль 1861 г., мы и не думали, что будемъ состоять въ обществѣ, два слова названія котораго были уже указаны въ первой ея строкѣ. Позже Огаревъ рассказалъ мнѣ, что на его вопросъ: «какъ бы лучше назвать тайное общество, если бы основать его сейчасъ?». Герценъ отвѣтилъ:—«Да ты ужъ самъ сказалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Конечно, «Земля и Воля». Немного претенціозно, но ясно и честно,—потому что сейчасъ это именно и нужно». Огареву такъ попра-

вилось это Колумбово яйцо, что онъ потомъ и предложилъ такое названіе».

«Съ конца октября ст. ст. 1861 г. началась подготовительная работа. Помимо выработки небольшого, но не допусковавшаго неясности устава (о немъ скажу во второй части—помѣтилъ Слѣпцовъ, такъ и не написавшій ее—*М. Л.*), главное вниманіе нужно было сосредоточить на подборѣ людей, которымъ уже и предоставить вербовку рядовыхъ членовъ-пропагандистовъ. Всю силу организациі мы видѣли прежде и больше всего именно въ пропагандѣ, исходя изъ ужасной темноты народной массы, немногимъ меньшей начавшаго оформляться рабочаго и минимальнаго политическаго развитія чиновничества и служилаго класса вообще. Пропаганда была нужна широкая, хотя бы и менѣе глубокая, чѣмъ намъ хотѣлось по моменту и задачамъ не только очереднаго дня и его злобы. Массамъ нужно было сказать такія слова, которыхъ онѣ до того почти или вовсе не слышали, и притомъ сказать ихъ такъ, чтобы, не набивая голову мудреностью, проникнуть въ сердце заколоченнаго Николаемъ и не отпертаго Александромъ русскаго нутра. Рѣшено было привлечь прежде всего молодежь, желавшую, послѣ университетскихъ безпорядковъ въ обѣихъ столицахъ, съ весны 1862 г. ѣхать доучиваться за границу. Среди нихъ въ С.-Петербургѣ Серно-Соловьевичи обратили особенное вниманіе на Владиміра Игнатъевича Бакста, которому была обезпечена помощь Лугинина: онъ ѣхалъ не столько для научныхъ занятій, сколько для организациі доставки лондонскихъ (тогда, въ сущности, единственныхъ) изданій въ Россію, на что В. Ө. обѣщаль не пожалѣть части своихъ (вѣрнѣе отцовскихъ) громаднхъ средствъ. Затѣмъ обращено было вниманіе на созданіе возможнаго взаимодѣйствія съ русскою журналистикой, чтобы, помимо тайной пропаганды, читатель изъ разночинной интеллигенціи,—тогда только-что выраставшей и комплектовавшейся, какъ сколько-нибудь замѣтная группа,—былъ взятъ кругомъ въ опредѣленный циклъ понятій и интересовъ. Рѣшено было остановиться на братьяхъ Василии и Николаѣ Курочкиныхъ, Благосвѣтловѣ, Г. З. Елисеевѣ и А. Ф. Погосскомъ, умѣвшемъ писать для народа и солдатъ и поддерживать необходимыя для этого официальныя отношенія. Желаніе расширить вліяніе на армію (помимо московскаго кружка «Библиотеки», вѣрнѣе, въ прибавокъ къ ней по заданію), особенно артиллерію, которая и тогда комплектовалась изъ наиболѣе развитыхъ солдатъ,—толкнуло къ «метафизикѣ», какъ его называли нѣкоторые, П. Л. Лаврову. Всѣ эти писатели вступили въ общество, Лавровъ же и Елисеевъ официально не сдѣлались членами, но сами просили оставить за ними право, не принимая на себя по обществу никакихъ обязанностей, могущихъ отвлечь ихъ отъ прямого дѣла, являться на наши совѣщанія въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Принимая во вниманіе разницу въ возрастѣ и житейскомъ опытѣ, мы поняли этотъ ихъ

шагъ, еще и какъ исходящій отъ болѣе старшихъ¹⁾. «Иначе обстояло съ Чернышевскимъ. Николай Гавриловичъ бесѣдовалъ съ А. и Н. Серно-Соловьевичами, выслушалъ ихъ очень внимательно, съ горѣвшими глазами и неослабѣвающимъ интересомъ, а когда они кончили свое сообщеніе, сказалъ: «За меня дѣло должны рѣшать болѣзнь Николая Александровича (Добролюбова) и неспособность Некрасова вести теперешній журналъ одному. Работать же, какъ сейчасъ, въ «Современникѣ» и у васъ,—извините съ вами,—я не вижу физической возможности. Обождете, что окажется съ нашимъ больнымъ. Когда я увижу, что онъ въ состояніи работать попрежнему, то черезъ мѣсяцъ, другой я съ вами, но, все-таки, и съ «Современникомъ»; онъ мнѣ дорогъ, какъ кафедра, которой не должно лишиться ни для меня, ни для васъ, поскольку вы раздѣляете общій его тонъ». «Николай Курочкинъ, врачъ, добавляетъ Слѣпцовъ—не сомнѣвался въ плохомъ исходѣ для Добролюбова и не ошибся... Однако, Чернышевскій интересовался работой нарождавшагося общества (тогда еще не имѣвшаго названія) и при свиданіяхъ съ бывшими у него братьями и со мной, всегда притомъ въ отсутствіе своей жены, то подвергалъ критикѣ наши очередные проекты, то давалъ совѣты. Такъ, ему принадлежитъ совершенно правильная мысль раздѣлить Россію на округа: сѣверный, гдѣ была своя историческая традиція, въ атавизмъ которой онъ вѣрилъ при нѣкоторыхъ поправкахъ времени и нашихъ условій; южный,—но не украинскій, гдѣ работа должна была вестись, какъ мы и сами рѣшили въ самомъ началѣ, въ сторонѣ отъ нарождавшагося украинскаго движенія мысли; сѣверный и южный поволжскіе, приуралскій и московскій, понимая его въ широкомъ смыслѣ всего торгово-промышленнаго района. На Сибирь мы не надѣялись и ея не трогали, въ чемъ были также одобрены Чернышевскимъ, зная, какъ тамъ трудна работа въ условіяхъ тогдашняго времени, почти безъ всякихъ путей сообщенія, телеграфа и т. п. Сибирь намъ долженъ былъ освѣтить Шелгуновъ, намѣревавшійся еще до окончательнаго осужденія своего друга Михайлова, ѣхать туда за нимъ. Мы знали, что Н. В. не прожилъ бы тамъ долго, но для осуществленія плана побѣга, который онъ окончательно выработалъ послѣ удачнаго бакунинскаго, все-таки, надо было пожить тамъ, ну, хоть съ полгода и очень присмотрѣться къ мѣстнымъ условіямъ. Посредникомъ между нами и Шелгуновымъ былъ Н. В. Гербель, въ общество не вступившій, но къ нему расположенный, что и доказалъ, особенно въ 1864 г. при ликвидаціи, спрятавъ къ себѣ въ подвалъ архивъ и шрифтъ, принятые у него черезъ три мѣсяца для уничтоженія».

λ

¹⁾ Н. Кудринъ (Русановъ) говоритъ, что къ «З. и В.» принадлежалъ А. Н. Энгельгардтъ, введшій туда Лаврова («Русское Богатство» 1905 г., III, 167). Слѣпцовъ категорически отрицалъ такое указаніе. Это противорѣчіе надлежитъ разрѣшить біографамъ социолога-публициста.

Съ весны 1862 г. вербовка молодежи должна была пойти полнымъ ходомъ, чтобы лѣто провести въ организаціонной работѣ по провинціи и вступить на путь прямой пропаганды, концомъ или результатомъ которой, казалось намъ, должно было быть лѣто 1863 года, какъ срокъ для временно-обязанныхъ отношеній крестьянъ. Къ этому времени въ центрѣ будущаго, еще не оформленнаго общества стояли Н. и А. Серно - Соловьевичи, Слѣпцовъ, Н. Обручевъ и В. Курочкинъ. Они единогласно постановили сложить съ себя эти обязанности съ осени, поставивъ во главу общества избранный послѣ лѣта, при дѣятельномъ участіи провинціальныхъ организацій, Центральный комитетъ, чтобы онъ пользовался, такимъ образомъ, полнымъ довѣріемъ и авторитетомъ. «Послѣднее было особенно важно, чтобы положить предѣлъ народному случаю случайныхъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій, сепаратизмъ которыхъ не мало нарушалъ планомѣрную и единую по цѣли и дѣйствию дѣятельность». «Мы видѣли, какъ исчезали такія общества, вѣрнѣе, кружки, которые были дѣломъ рукъ нѣсколькихъ лицъ, узнававшихъ потомъ, что аналогичные по заданіямъ и цѣлямъ кружки, съ разными, конечно, варіаціями, существовали рядомъ, иногда въ томъ же городѣ, и не имѣвшихъ достаточно такта и пониманія, чтобы не продолжать своего существованія. Такая розбитъ въ работѣ кончалась тѣмъ, что, напр., въ Саратовѣ, о чемъ я скажу во второй части, всѣ кружки замирали, и всякая работа просто прекращалась. Каждый изъ членовъ центра, какъ мы его называли, долженъ былъ широко организовывать около себя всѣхъ, кто былъ склоненъ и способенъ искренно раздѣлять въ основѣ положенія «Что нужно народу?». Выражаясь современнымъ языкомъ, эта прокламація была нашей платформой».

Для связи между будущими провинціальными комитетами былъ намѣченъ А. И. Ничипоренко, который долженъ былъ вернуться изъ-за границы къ началу августа и взять на себя объѣздъ всѣхъ созданныхъ къ тому времени окружныхъ комитетовъ. Въ помощь имъ должны были быть избраны четыре человѣка.

«Въ основу всей организаціи клалась организація «пятерокъ», изъ членовъ которыхъ каждый могъ организовать около себя свою пятерку, и т. д. Такимъ образомъ, если въ пятеркѣ были Ивановъ, Сидоровъ, Петровъ, Николаевъ и Павловъ, то каждый изъ нихъ могъ быть членомъ еще и самостоятельной пятерки, и, слѣдовательно, около каждаго изъ нихъ должно было быть не болѣе восьми знающихъ его лицъ. При арестѣ или, какъ тогда уже говорили, провалѣ кого-нибудь, объ этомъ узнавали восемь членовъ двухъ разныхъ пятерокъ, что считалось больше, чѣмъ достаточнымъ. Помню, говоритъ Слѣпцовъ, было предложеніе ограничиться «тройками», но при неопытности въ поддержаніи сношеній и, вообще, въ веденіи работы побоялись, что при меньшемъ числѣ въ организаціи въ цѣломъ не будетъ достаточной внутренней связи».

Изъ разсказа Пантелѣва ясно, что онъ съ Утинымъ сразу же рѣшилъ нарушить это условіе организациі; они дали слово сообщать другъ другу о всѣхъ присоединенныхъ каждымъ изъ нихъ, находя, что принятая система неудобна тѣмъ, что «провались, напр., Утинъ, такъ все, черезъ него связанное, неминуемо отрывается, значить, кромѣ него еще кто-нибудь долженъ знать о всѣхъ имъ приобщенныхъ къ организациі» (стр. 259). Это очень характерно для первыхъ же шаговъ только-что принятыхъ членовъ: юные реформаторы самовольно рѣшились измѣнить принципу, который не поняли ни тогда, ни позже. «Конечно, знакомства съ тайными обществами Европы у насъ было настолько, чтобы понять такую простую вещь, которую два студента открыли, какъ Америку. Утинъ былъ присоединенъ къ обществу раньше Пантелѣва; слѣдовательно, послѣдній обязанъ былъ, не присоединяя больше четырехъ (а не десятки, какъ можно подсчитать изъ разныхъ его указаній по всей книгѣ), сообщить ихъ имена только Утину; Утинъ же вовсе не долженъ былъ сообщать Пантелѣву о присоединенныхъ имъ самимъ, но долженъ былъ сообщить о своей пятеркѣ (т. е., собственно, о четырехъ) и о пантелѣвской (тоже о четырехъ) тому, кто присоединилъ его самого. Такъ шло до верху и весь составъ членовъ былъ извѣстенъ, конечно, только центру, что и требовалось, а при системѣ Пантелѣва (хорошо, что она не была поддержана массою членовъ) неизбѣженъ былъ провалъ многихъ прежде всего изъ-за людской слабости, которая постигалась только во время процессовъ, во-вторыхъ, благодаря болтливости, въ которой не грѣшны, развѣ, такіе опытные заговорщики, какъ Маццини и ему подобные, а въ Россіи Рыльевы».

На мой вопросъ, заданный Слѣпцову, почему же до такой степени была ограничена энергія по присоединенію свыше четырехъ, онъ отвѣтилъ, что это было сдѣлано по указанію Огарева, совѣтовавшагося съ Маццини. Имѣя въ виду крайнюю неопытность въ революціонной работѣ нашей молодежи, разницу въ умственномъ развитіи ея и родителей, любовь къ которымъ могла у насъ больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, продиктовать слабость при допросахъ, было строго опредѣлено, что число присоединяемыхъ не должно быть велико, чтобы не вызывать этимъ весьма опаснаго соперованія, а съ другой стороны, чтобы положить предѣлъ этой дѣятельности и направить членовъ на работу по существу, тѣмъ болѣе, что за очень большимъ числомъ членовъ по началу и не гнались. Такимъ образомъ, все это было нарушено Пантелѣвымъ и Утинымъ, вообще, не желавшими подчиняться партійной дисциплинѣ.

Съ осени 1862 г. члены центра должны были устраниваться отъ вербовки (единственно они не были ограничены числомъ присоединяемыхъ), лѣто же и весну, въ періодъ организациі общества, наоборотъ, было рѣшено заняться ею, по возможности, широко.

Когда Слѣпцовъ организоваль три пятерки, для четвертой онъ намѣтилъ Николая Утина, который выдѣлялся тогда на фонѣ петербургскаго студенчества, какъ бойкій, развитой, энергичный, смѣлый и пользовавшійся долею авторитета молодой человекъ¹⁾.

«Послѣ первой продолжительной бесѣды съ Утинымъ съ глазу-на-глазъ, для меня стало ясно, что присоединеніе его не могло

¹⁾ Свѣдѣнія изъ «Исторіи соц.-револ. движенія въ Россіи»: «Послѣ бѣгства за границу, Утинъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ вступилъ въ сношенія съ Герценомъ, и, скупая его изданія, занимался отправкою ихъ въ Россію. Переѣхавъ въ Швейцарію, онъ сперва сблизился съ Бакунинимъ и сдѣлался масономъ. Жиль онъ преимущественно въ Женевѣ и Вевѣ. Съ Нечаевымъ онъ не особенно сблизился, помогаль ему деньгами, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній скрываль отъ него свои прокламаціи. Для процесса объ арестѣ Серебrenникова, онъ собраль до 1800 фр. въ Вевѣ. Вмѣстѣ съ Эллидинимъ, въ 1871 году открыль дешевую кухню для бѣдныхъ социалистовъ, но, вообще, его не любили въ эмиграціи, считали скупцомъ и называли «жидомъ»: въ январѣ 1872-го года онъ даже отказался внести обязательный какой-то взносъ въ кассу Интернаціонала. На конгрессѣ въ Гаагѣ Утинъ представилъ проектъ о пропагандѣ въ Россіи социально-революционныя ученія, а въ ноябрѣ 1874 г., на одномъ изъ тайныхъ собраній въ Цюрихѣ, читаль полученныя имъ изъ Россіи письма о ходѣ интернаціональной пропаганды въ средѣ русскихъ рабочихъ. Известно также, что Утинъ состояль до 1874 г. въ числѣ основателей и членовъ редакціи интернаціональнаго журнала «Egalité»; вообще, въ средѣ представителей своего общества занималь онъ одно изъ первенствующихъ положеній, состоя временно депутатомъ отъ имени всѣхъ славянскихъ членовъ Интернаціонала. По порученію членовъ этого общества, онъ напечаталь въ «Egalité» свое особое «Résumé du procès Netschaïew, d'après les journaux russes»⁹⁾. Въ 1872 году, предсѣдательствовалъ въ Женевѣ, въ «Общемъ (Единомъ) Храмѣ» (Temple Unique), вмѣстѣ съ Перрѣ (Perret) и Феллосомъ (Fellons), пріѣхавшими изъ Англіи для экстреннаго собранія женевской секціи. Весною того же 1872 г. послѣдовалъ разладъ его съ Бакунинимъ, дошедшій вскорѣ до явной вражды; съ того времени Утинъ сталъ одинъ сносить съ Лондономъ и приобрѣль еще болѣе самостоятельное положеніе. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года онъ жилъ въ Иверденѣ, гдѣ у него былъ произведенъ весьма строгій обыскъ швейцарскими судебными властями, надѣлавшій много шума въ эмиграціи, по подознію въ участіи въ дѣлѣ фабрикаціи фальшивыхъ русскихъ ассигнацій. Авторитетъ его выросъ еще болѣе послѣ этого эпизода и вызванной имъ агитаціи; но, все-таки, онъ не былъ въ состояніи составить себѣ партіи, и лишь весьма немногіе называли себя «утинцами»; къ тому же онъ постепенно все удалялся отъ «русскихъ» дѣлъ, ибо его не считали достаточно радикальнымъ, и посвящаль свои труды исключительно Интернаціоналу и рабочему вопросу на Западѣ; «бакунинцы» его даже однажды сильно избили. Въ 1873 году онъ оставилъ изданіе газеты «Egalité» и призналь газету «Tagwacht» органомъ Интернаціонала въ Швейцаріи. Въ томъ же году онъ переѣхаль въ Лондонъ, жена же его осталась въ Швейцаріи; но три года спустя, во время послѣдней войны, онъ, въ 1877 году обратилъ къ государю императору съ всеподданнѣйшею просьбою, въ коей, выражая раскаяніе въ безумныхъ увлеченіяхъ молодости, просилъ о дарованіи ему монаршаго помилованія. 9-го декабря 1877 года всемилостивѣйше разрѣшено было ему возвратиться въ имперію съ тѣмъ, чтобы, по избраніи имъ мѣстожителства, учрежденъ былъ за нимъ строгій полицейскій надзоръ. Въ февралѣ 1880 г. Утинъ прібыль въ Петербургъ вмѣстѣ съ женою своею».

⁹⁾ Краткое изложение процесса Нечаева по русскимъ газетамъ.

быть долго тайной для слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ Пантелѣва». «Д. П. (антелѣвъ) вѣчно надоѣдалъ мнѣ своимъ присутствіемъ около и вниманіемъ къ моей жизни,—написаль Утинъ съ 1876 г. М. М. Стасюлевичу. Искаль ли онъ уже тогда черезъ меня практическихъ связей и знакомствъ, потому что смогъ рѣль далеко впередъ въ своей личной жизни, не имѣя ничего и стремясь стать обладателемъ средствъ и состоянія, — не знаю, но онъ былъ моей тѣнью; это до такой степени стѣсняло, что мы съ братьями должны были поды благовиднымъ предлогомъ отблаться огъ него, какъ квартиранта отцовскаго дома, но и это не помогло. Поселившись съ П. П(ушторскимъ), онѣ, все-таки, не оставилъ меня». «Пантелѣвъ былъ неизбѣжнымъ спутникомъ Утина, — говорить Слѣпцовъ; безъ привлеченія его я ничего не могъ сдѣлать въ отношеніи Николая Исааковича, хотя и узналъ, что манія величія его товарища можетъ довести до конфликтовъ не только между нами, но и съ центромъ. Столкновеній съ собой я не опасался — мало ли приходилось тогда выносить отъ молодежи, теоретически признававшей центръ организаціи, какъ правящій органъ, но практически не всегда охотно выполнявшей предписанія «алгебраическаго» органа. Назови лицъ — другое дѣло, — но, конечно, лица не назывались».

«С(лѣпцовъ) сдѣлаль мнѣ предложеніе въ мартѣ 1862 г. — говорить Утинъ, — сразу послѣ костомаровской думской исторіи; я согласился, потому что только въ работѣ тайнаго общества видѣлъ тогда хоть какую-нибудь надежду на движеніе впередъ изъ создававшагося тупика. При обсужденіи вопроса я и самъ предупредилъ его, что сотрудничество П(антелѣва) неизбѣжно, но что ничего вреднаго я въ немъ не нахожу; будутъ лишнія ссоры, мелкія пикировки самолюбія и счеты, но безъ этого мнѣ, вообще, работать было нельзя, потому что, конспирируя передъ нимъ, я только повредилъ бы и дѣлу и себѣ».

Вотъ при какихъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ и условіяхъ происходило то присоединеніе Утина и Пантелѣва къ «Землѣ и Волѣ», которое было, собственно, присоединеніемъ только для послѣдняго и, если бы не его личный характеръ, то Слѣпцовъ при томъ и не присутствовалъ бы, ограничившись своими прежними переговорами съ Утинымъ. Теперь, по просьбѣ Утина, пришлось итти инымъ путемъ, и все только изъ-за того, чтобы не потерять цѣннаго для общества, какъ тогда казалось, Утина. Такъ какъ было рѣшено, что съ весны Слѣпцовъ отправится на лѣто для организаціи всего Поволжья, то временно замѣстителемъ его центръ избралъ, по его же предложенію, Сергѣя Рымаренко, и Слѣпцовъ, какъ членъ центра, долженъ былъ связать его со всѣми привлеченными имъ членами. Кромѣ того, Рымаренко «имѣлъ какія-то основанія, теперь ужъ не помню въ подробностяхъ, — замѣтилъ Слѣпцовъ, — лично выслушать мою бесѣду съ Утинымъ и Пантелѣвымъ, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо потомъ осложненій,

знать, какъ на нихъ реагировать. Однако, вологодскій юнецъ былъ такъ польщенъ предложеніемъ, что во все свиданіе ничего, кромѣ самодовольной улыбки на его лицѣ, мы не видѣли, а сказанное имъ было просто общими мѣстами о долгѣ молодежи и пр.». Если читатель обратится теперь къ стр. 254 — 258 книги Пантелѣва, то онъ пойметъ ихъ иначе, чѣмъ хотѣлъ самъ авторъ.

Дѣлая вступленіе въ главу о «Землѣ и Волѣ», Пантелѣвъ, очевидно, намѣренъ былъ гарантировать себя отъ многихъ упрековъ, но по мѣрѣ ея изложенія забылъ сказанное имъ же самимъ въ началѣ; такъ, онъ предупредилъ, что «имѣлъ *нѣкоторое* касательство» къ обществу (стр. 250), что «*многое* осталось ему неизвѣстнымъ, а изъ того, что зналъ, *не малая доля* улетучилась изъ памяти» (стр. 250); — но потомъ, несмотря на такія существенныя оговорки, казалось бы, обязывавшія къ большей осторожности и тактичности, авторъ забылъ и свою неосвѣдомленность, и очень ординарную роль въ обществѣ и изобразилъ все происходившимъ около себя, чуть ли не какъ центра, чѣмъ и создалъ впечатлѣніе какого-то фарса, какой-то игры въ большихъ, какого-то даже обличенія людей, стоявшихъ неизмѣримо выше его, — но не далъ изложенія жизни общества, во главѣ котораго стояли люди, дѣйствительно, умные, серьезные и неспособные быть героями буффонады. Если фарсъ былъ устраиваемъ однимъ изъ кружковъ, вообразившимъ себя внѣ всякой дисциплины и окружающаго, то въ этомъ повинна отнюдь не организація, какъ таковая.

Я не могу здѣсь заниматься очень детальнымъ анализомъ рассказаннаго Пантелѣвымъ, напр., хотя бы на стр. 254—258, потому что полагаю достаточнымъ того общаго освѣщенія фактовъ, которое читатель получить изъ всего мною приводимаго. Я не останавливался бы, даже и съ допущенной и впредь необходимо допускаемой мною, подробностью на книгѣ Пантелѣва, если она бы не служила для широкой публики, къ сожалѣнію, единственнымъ до сихъ поръ источникомъ для ознакомленія съ первой «Землей и Волей».

Пантелѣвъ самодовольно удивляется, какъ могъ Слѣпцовъ (назвать котораго по имени онъ не рѣшился, а скрылъ за «господина съ пенсне») ему, новичку, дать такія важныя порученія, какъ установленіе отдѣла общества въ Вологдѣ и присоединеніе къ обществу кружка Заичневскаго и Аргиропуло. Это «предложеніе, вскружившее ему голову» (стр. 263), было сдѣлано съ задней мыслью, о чемъ Слѣпцовъ говоритъ такъ: «Находчивый Утинъ придумалъ выходъ изъ положенія, которое создалось бы во время работы въ періодъ организаціи, благодаря постоянному *вмѣшательству* во все Пантелѣва; онъ придумалъ временно сослать его, т. е. командировать на родину въ Вологду, благо, тамъ былъ уже присоединенный къ обществу Бекманъ (о чемъ Н. И. зналъ

отъ Александра С. Соловьевича, благодаря одному курьезному обстоятельству), сдѣлавъ при томъ видъ, что на него, Пантелѣва, это присоединеніе и возлагается. Бекманъ былъ предупрежденъ объ этомъ черезъ одного изъ членовъ, поѣхавшаго на сѣверъ. Зная же характеръ Пантелѣва и крайнюю его подозрительность, Утинъ просилъ меня взять эту миссію на себя, что, кстати, не могло не польстить самолюбію ссылаемаго, ибо онъ зналъ, что я стою въ обществѣ какъ-то выше, чѣмъ извѣстные ему другіе. Я же, съ своей стороны, добавилъ еще о кружкѣ Заичневскаго, потому что отношенія его съ Мосоловымъ и другими были испорчены еще раньше, благодаря столкновенію на почвѣ устава «Библиотеки казанскихъ студентовъ», да и, вообще, было ясно, что кружокъ отвѣтитъ отрицательно».

Послѣ этого разъясненія смѣшно читать стр. 279, 280, 277 и 272 книги Пантелѣва, и не подозрѣвавшаго, что, бесѣдуя съ нимъ, Бекманъ внутренно хохоталъ насчетъ своего зондированія, но, конечно, сдѣлалъ видъ, что къ обществу, все-таки, не присоединится. Пантелѣвъ самъ расписался въ полной безрезультатности всей своей командировки на родину, гдѣ, казалось бы, больше всего долженъ былъ сумѣть проявить свои способности; напрасно, однако, онъ приписалъ себѣ посвященіе Н. Ф. Бунакова, — тотъ уже былъ присоединенъ Бекманомъ въ концѣ апрѣля 1862 г. Изъ бесѣды съ Заичневскимъ тоже ничего не вышло (стр. 268—269, 272). Въ іюлѣ Пантелѣвъ вернулся въ СПб., уже послѣ отъѣзда за границу Александра и ареста Н. Серно-Соловьевичей и выѣзда Слѣпцова. Рымаренко также былъ взятъ, а оставшіеся Обручевъ и В. Курочкинъ не сумѣли поддержать связи съ петербургскими пятерками, обративъ все свое вниманіе на сношеніе съ разѣхавшимися въ провинцію. Какъ только Слѣпцовъ узналъ объ этомъ, онъ наладилъ переписку съ своими присоединенными въ пятеркахъ и въ томъ числѣ съ Утинымъ, о чѣмъ можно судить не только по заявленію Слѣпцова, но и по свидѣтельству Утина: «Трудно было мое положеніе послѣ іюльскихъ проваловъ, но я ничего не дѣлалъ безъ одобренія А. А., онъ же вскорѣ послѣ того писалъ мнѣ, черезъ посредниковъ въ Пензѣ и Новгородѣ, аккурратно разъ въ двѣ недѣли, что и соблюдалъ до самаго возвращенія». Слѣдовательно, Утинъ вовсе не долженъ былъ такъ нервничать по поводу отсутствія центра (въ который ему и не нужно было обращаться—это самое главное,—если бы онъ понималъ свои обязанности), какъ описываетъ Пантелѣвъ на стр. 282—283, а, чтобы охладить своего безпокойнаго сочлена, долженъ былъ не направлять его изъ любопытства къ разнаго рода лицамъ и тѣмъ пробовать вскрывать организацію, а просто заявить, что все необходимое дѣлается, и что каждый обязанъ вести работу по пропагандѣ; послѣдняго Пантелѣвъ, какъ видимъ изъ его разсказа, просто не умѣлъ или не хотѣлъ, ища дѣла болѣе легкаго и внѣшне эффектнаго. Поиски людей, которые

дали бы какія-то указанія на центръ, въ родѣ А. Н. Энгельгардта и П. И. Бокова («господинъ à la Вирховъ»), были совершенно излишни, какъ излишне было и нарушеніе системы освѣдомленія о присоединеніи, о чемъ говорилось выше.

Работа въ другихъ пятеркахъ шла интенсивно, но незамѣтно для посторонняго наблюдателя. Всѣ онѣ дѣятельно пропагандировали въ войскахъ на почвѣ сокращенія срока службы и полученія земельныхъ надѣловъ, по фабрикамъ, особенно подмосковья и около Тулы, въ большихъ селахъ, на ярмаркахъ и на сельскихъ сходахъ, подъ видомъ переговоровъ объ открытіи школъ или о столкновеніяхъ съ помѣщиками на почвѣ уставныхъ грамотъ. Провинціальныхъ отдѣловъ, которые не сумѣли бы найти своего дѣла, не было; всѣ донесенія съ мѣстъ показали, насколько были правы Огаревъ и Н. Серно-Соловьевичъ, настаивавшіе на переносѣ работы именно въ глубь страны. «Такихъ членовъ, какъ Пантелѣевъ, которые, протолкавшись два мѣсяца, не нашли бы себѣ никакого дѣла, къ счастью, было очень мало,—до такой степени въ общемъ остроженъ и удаченъ былъ выборъ людей»,—можетъ быть, именно благодаря системѣ комплектованія, добавлю я отъ себя къ этому указанію Слѣпцова. «Я не склоненъ,—продолжаетъ онъ,—ставить это кому-нибудь изъ насъ въ особую заслугу,—ошибокъ, вообще, было сдѣлано по началу, конечно, не мало, и иногда такихъ, надъ которыми, напр., Николай Гавриловичъ дружески посмѣивался трепля меня по плечу,—но хочу этимъ подчеркнуть, какъ серьезно отнеслись къ дѣлу и старшіе и младшіе по рангу члены создававшегося молодого общества. Людей, ищущихъ роли, положенія, внѣшняго вида работы, а не черногого первоначального труда, было довольно всегда и во всѣхъ организаціяхъ,—насъ богъ спасъ отъ многихъ, но единицы не могли, конечно, не оказаться. Слабость Утина и тоже нѣкоторое желаніе роли и популярности въ новомъ положеніи, боязнь, а можетъ быть, и нежеланіе проявить власть въ своей пятеркѣ—единственныя причины какой-то вевильной ея самодѣятельности. Пантелѣеву, конечно, неизвѣстно, что утинская пятерка состояла изъ него, Утина, М. С. Гулевича ¹⁾, А. А. Жука ²⁾ и Вас. Вас. Лобанова, и что арестованіе послѣдняго въ связи съ дѣломъ Писарева заставило искать ему замѣстителя. Въ то же время мною дано было Утину указаніе перенести ихъ другъ съ другомъ, потому что опытъ арестовъ показалъ, что въ пятеркѣ всѣ должны были знать другъ друга. По всѣмъ другимъ пятеркамъ это было сдѣлано просто, Утину же опять пришлось пойти на дипломатію, чтобы удовлетворить пантелѣевскому зуду самостоятельности. Николай Исааковичъ ловко

¹⁾ Официальныя свѣдѣнія о немъ очень скудны: «Эмигрантъ, основанный (1870) съ Элпидимымъ особый кружокъ въ Женевѣ, занимавшійся болѣе изданіемъ сочиненій Чернышевскаго. Застрѣлился въ маѣ мѣсяцѣ 1874 года» («Исторія соц.-револ. движенія»).

²⁾ Власть о немъ совсѣмъ ничего не знала.

навель Пантелѣва на «выборъ»/этихъ лицъ, якобы, во вновь формируемую пятерку, уступивъ ему въ замѣщеніи освободившейся послѣ Лобанова вакансіи Боковымъ (чего Пантелѣву такъ хотѣлось, чтобы войти въ сношенія съ Чернышевскимъ,—въ продолжительность ареста Н. Г. никто не вѣрилъ)». Вотъ опять-таки разгадка стр. 282—283... Снова авторъ обнаружилъ незнаніе дѣйствительнаго положенія вещей. «Я уже упоминалъ — продолжаетъ Слѣпцовъ,—о слабости Утина; результатомъ ея было убѣжденіе Пантелѣвымъ своихъ товарищей, чтобы они образовали какое-то замѣстительство центра, а отсюда — выпускъ пятеркой никому ненужной прокламаціи «Къ образованнымъ классамъ». За сочиненіе ея, подъ вліяніемъ Пантелѣва, а тѣмъ болѣе за выпускъ (хотя, правда, и безъ печати общества, которое тогда еще и не приняло никакого названія), Утину въ послѣдствіи не разъ доставалось. Впрочемъ, конечно, молодость, рвались впередъ и, разумѣется, наша общая необстрѣляемость въ новомъ дѣлѣ».

Когда Слѣпцовъ вернулся съ Волги, организовавъ комитеты въ Астрахани, Саратовѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ и Твери, центръ заслушалъ его докладъ, сообщенія двухъ другихъ членовъ, а также много сообщений съ мѣстъ и пришелъ къ заключенію, что временно всякая работа, въ родѣ выпуска прокламацій, устройства типографій и пр., должна быть пріостановлена, а на первое мѣсто выдвинута устная пропаганда; это было сдѣлано изъ осторожности; сборъ денегъ и усиленные сношенія съ Лондономъ, который, подъ вліяніемъ требованій провинціи, хотѣли сдѣлать центромъ всего общества, были поставлены также въ очередныя задачи. «О возможной роли Лондона мы слышали еще отъ Кельсіева, весною 1862 г.,—говоритъ Слѣпцовъ,—но понимали, что это былъ преимущественно его собственный проектъ; какъ относился самъ Герцень, мы точно не знали, имѣя, однако, свѣдѣнія о готовности содѣйствія со стороны Огарева и Бакунина. Но оба были неавторитетны и значительно менѣе популярны, а второй, кромѣ того, внушалъ намъ опасенія своимъ стремленіемъ къ другому уклону работы — соединенію всего славянства противъ ненавидимой имъ Австріи. Мы боялись—и думаю, что были правы,—погнавшись за его программой, упустить свое, чисто русское дѣло. Когда Бакунинъ выпустилъ и широко распространилъ свою брошюру «Народное дѣло», мы, все-таки, не переставали опасаться: русскій вопросъ тонулъ у него въ другомъ, большемъ, а мы обслуживать его не могли. Но, прежде, чѣмъ входить въ сношенія съ Герценомъ, центръ рѣшилъ нащупать и создать почву для сліянія всѣхъ тайныхъ обществъ подъ знамя «Земли и Воли», какъ мы стали себя называть съ середины августа 1862 г., послѣ большого письма Огарева, привезеннаго Я. К. Чекаловымъ. Выпустившая прокламацію «Русская Правда», «Библиотека» Мосолова и мелкія военныя организаціи, разбросанныя по всей Россіи, особенно же въ Западномъ краѣ и по югу,—все это сочувственно отнеслось въ идеѣ

объединенія ¹⁾. Нашлись и въ нихъ люди, очень державшіеся за сепаратизмъ, но большинство, въ концѣ концовъ, было склонно слиться съ нами. Однако, намъ уже ставили вопросы: кто мы и на какихъ основаніяхъ существуемъ?—вопросы, которымъ мы могли удовлетворить не вполне».

Тогда же окончательно было рѣшено остановиться на названіи «Земля и Воля», а центральный органъ, въ отличіе отъ созданнаго въ Польшѣ «Народнаго Центрального Комитета» названъ «Русскимъ Центральнымъ Народнымъ Комитетомъ». Первое засѣданіе его происходило 24 ноября 1862 г.

Въ ненаписанной второй части «записокъ» Слѣпцовъ, по плану, какъ разъ долженъ былъ дать точныя свѣдѣнія объ этихъ организаціяхъ и ихъ главнѣйшихъ дѣятеляхъ; поэтому писать ее, какъ и третью — наброски лицъ, предполагалось при другихъ условіяхъ.

«Сборъ денегъ по квитанціямъ въ изображеніи Пантелѣва (стр. 286—287) былъ обставленъ непрактично, и это была дѣйствительная ошибка нашей неопытности, но, вѣдь, не слѣдуетъ забывать теперь, спустя больше сорока лѣтъ, во-первыхъ, тогдашнее недовѣріе, по непривычкѣ, ко всякимъ тайнымъ сборамъ, а, во-вторыхъ, что и самъ Пантелѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ таскалъ свою квитанціонную книжку, пока на опытѣ не убѣдился, что это—ненужный документъ обвиненія».

Въ сентябрѣ 1862 г., когда молодежь съѣхалась къ учебнымъ центрамъ, ряды ея въ обществѣ порѣдѣли, но зато остались наиболѣе стойкіе и убѣжденные. Мосоловъ и Шатиловъ взяли на себя всю тяжесть организаціонной работы по Москвѣ и ея округу и къ концу года доказали фактами, что имѣли до 400 дѣйствительныхъ членовъ, не считая тульскаго и владимірскаго районовъ, гдѣ работа шла самостоятельно, съ присоединеніемъ, однако, къ московскому округу общества. Пантелѣвъ говорить о Мосоловѣ вскользь, потому что вовсе не былъ въ курсѣ дѣлъ вообще, арестъ же его, вмѣсто лѣта 1863 г., относить къ лѣту 1862 г. Отсюда же и глубоко несправедливая характеристика А. Д. Путяты (стр. 302), который еще ждетъ своего біографа и въ описаніи Слѣпцова (въ третьей части) долженъ былъ занять довольно видное мѣсто. Кстати, чтобы показать, какъ Пантелѣвъ ошибался въ оцѣнкѣ людей, укажу хотя бы на Слѣпцова. Характеристика его Герценомъ и Огаревымъ извѣстна изъ настоящаго изданія; оцѣнка, сдѣланная Чернышевскимъ, приведена самимъ же Пантелѣвымъ: «о господинѣ съ пенсне отозвался съ очень выгодной стороны» (стр. 261),—а кто не знаетъ, какъ скупъ былъ

¹⁾ Кстати, со словъ Гофштетера, не могу не отмѣтить, что тогдашнее провинціальное армейское офицерство какъ-то особенно цѣнило самостоятельные кружки въ 10—15 чел., находя одной изъ причинъ гибели декабристовъ ихъ многолюдныя общества. Борьба съ этимъ велась удачно, благодаря Н. Обручеву.

Чернышевскій на такія похвалы. Н. Серно-Соловьевичъ сказалъ: «это—человѣкъ, вполнѣ надежный и за что возьмется, то ужъ можно быть увѣреннымъ, что на полдорогѣ не броситъ» (стр. 258). Между тѣмъ, основываясь на «фактахъ», которые разлетаются, какъ дымъ, при прикосновеніи къ нимъ реального анализа, Пантелѣевъ съ первой до послѣдней страницы дѣлаетъ его смѣшнымъ, называетъ «порядочнымъ фразеромъ», и т. д., хотя самъ же не можетъ не признать и его образованность, и способность къ научной работѣ, и замѣтную литературность (стр. 295—296). Кромѣ «фразерства», Слѣпцову записано въ счетъ его «желаніе играть роль», но тутъ же авторъ признается, что зато «онъ не только не уклонялся, но даже безъ всякой надобности, шелъ иногда на прямую опасность» (стр. 295—296). Желаніе играть роль, пожалуй, гораздо больше замѣтно у другихъ...

«Съ осени—пишетъ Слѣпцовъ—мы ждали уполномоченныхъ отъ провинціальныхъ округовъ для избранія Центрального Комитета; однако, послѣ сношеній съ установленными уже отдѣлами (кромѣ поименованныхъ выше,—курскимъ, пермскимъ, вологодскимъ—точнѣе, съвернымъ и полтавскимъ); въ ноябрѣ было рѣшено, что мѣста бр. Серно-Соловьевичей займутъ Н. Утинъ и Г. Е. Благосвѣтловъ. Въ качествѣ замѣстителей были избраны Николай Курочкинъ и Г. З. Елисеевъ, давшій на это специальное согласіе. Такимъ рѣшеніемъ, подсказаннымъ изъ провинціи, имѣлось въ виду не обнаруживать своихъ силъ петербургской полиціи, которая, при подзуживаніи III Отдѣленія и слѣдственной комиссіи кн. А. Ѳ. Голицына, была уже, дѣйствительно, на чеку». Она неизбежно стала бы приглядываться къ появленію новыхъ лицъ на горизонтѣ общественныхъ силъ, и такимъ образомъ создала бы связь съ провинціальной полиціей, которую, осаждавая справками, могла навести на излишнее вниманіе къ цѣлому ряду людей, до того умѣвшихъ работать въ тиши и незамѣтно.

«Въ ноябрѣ мнѣ сообщили,—писалъ Утинъ,—что я избранъ членомъ Центрального Комитета; я не счелъ нужнымъ отказываться, потому что, правду вамъ сказать, не былъ удовлетворенъ скромной ролью въ своей пятеркѣ и вліяніемъ на лицъ, стоящихъ возлѣ нея. Кромѣ того, и неудобно было мнѣ отказаться отъ чести работать съ людьми, популярныя имена которыхъ лестно было видѣть рядомъ съ своимъ».

«Почти одновременно ловкій Утинъ, съ помощью Пантелѣева, ища роли и вліянія, какимъ-то путемъ (сейчасъ просто не помню) устроили такъ, что нашъ комитетъ не могъ не признать ихъ пятерку полномочнымъ Петербургскимъ окружнымъ комитетомъ; а такъ какъ Центральный Комитетъ держался, вообще, очень конспиративно, то роль афишировавшаго себя окружнаго комитета подавала ему жару».

Въ декабрѣ въ СПб. прибылъ изъ Варшавы членъ Народнаго Центрального Комитета Сигизмундъ Падлевскій и заявилъ черезъ

штабъ-капитана Михайловскаго артиллерійскаго училища Владислава Гедеоновича Коссовскаго о своемъ желаніи вступить въ переговоры съ Русскимъ Ц. Н. Комитетомъ. «Это былъ моментъ трудный, который, я помню,—пишетъ Слѣпцовъ,—стоилъ намъ цѣлой ночи. Обручевъ и В. Курочкинъ заявили, что они имѣютъ достаточныя основанія не обнаруживать насъ всѣхъ пріѣхавшему, полагая, что ему, вообще, не слѣдуетъ знать о личномъ составѣ всего Комитета и въ томъ числѣ о бывшихъ уже подъ надзоромъ полиціи В. Курочкинъ и Благосвѣтловъ. Представленные ими данныя, дѣйствительно, убѣждали въ томъ, что потомъ и произошло—въ неполной надежности постоянного петербургскаго польскаго агента Коссовскаго. Поэтому, какъ ни прикидывали, а пришлось остановиться на такомъ рѣшеніи: вести переговоры съ Падлевскимъ было поручено мнѣ и Утину. Онъ былъ очень доволенъ этой миссіей и, по какому-то ложному пониманію своихъ обязанностей, просилъ высказаться по этому поводу и свой Комитетъ, спросивъ, не желаетъ ли онъ, пользуясь устраненіемъ Центрального, замѣнить послѣдній? Спб. Комитетъ пришелъ, однако, къ заключенію, что достаточно поручить это намъ. Спб. Комитетъ, вообще, склоненъ былъ взять на себя руководство всѣмъ обществомъ. Прямо и опредѣленно это не выражалось, но, то и дѣло, покушенія на самозванство были».

По словамъ Слѣпцова, поѣздка Падлевскаго и переговоры съ нимъ правдоподобно изложены въ «Запискахъ о польскомъ возстаніи» О. Авейде. Вотъ что тамъ сказано:

«Падлевскій получилъ порученіе въ первой половинѣ декабря отправиться въ Спб. съ цѣлью (между прочимъ) войти въ сношенія съ комитетомъ Коссовскаго, подчинивъ его Центральному, и получить оттуда нѣсколько болѣе образованныхъ офицеровъ для занятія мѣстъ членовъ проектируемаго военнаго департамента и для пропаганды между военными. Черезъ недѣлю Падлевскій возвратился въ Варшаву и въ результатѣ своей поѣздки узналъ, что комитетъ Коссовскаго существуетъ на самомъ дѣлѣ, но что не желаетъ быть отъ насъ въ зависимости и будетъ сохранять свою полную самостоятельность до минуты возстанія, съ этого же времени перейдетъ въ распоряженіе революціоннаго правительства» (т. III стр. 192). «До самаго выѣзда Падлевскаго въ Спб.,—говоритъ дальше Авейде,—т.-е. до декабря мѣсяца, мы не имѣли никакого вѣрнаго свѣдѣнія о томъ, существуетъ ли въ Россіи революціонная организація. Падлевскому поручено было, при помощи рекомендаціи Бакунина и Герцена и при помощи друзей Коссовскаго, стараться во время своего пребыванія въ Спб. узнать истину и войти въ сношенія съ русскими революціонерами. Ему въ самомъ дѣлѣ удалось открыть главу ихъ—Центральный Народный Русскій Комитетъ, который охотно принялъ нашъ вызовъ, и союзъ между нами состоялся на основаніи гиллеровскаго письма къ редакторамъ «Колокола» (т.-е. на плат-

формѣ, заявленной польскимъ Народнымъ Центральнымъ Комитетомъ въ № 250 «Колокола» 1862 г.—*М. Л.*). Членовъ этого Комитета я всѣхъ не помню, но между прочими его составляли: кандидатъ Спб. университета юристъ Утинъ, нѣкто Слѣпцовъ и, если не ошибаюсь, Михайловъ; оба послѣдніе по имени и роду занятій мнѣ неизвѣстны ¹⁾. Члены комитета откровенно объявили Падлевскому, что революціонная организація въ Россіи только еще въ началѣ, слаба и не имѣетъ большого вліянія въ обществѣ. Касательно приблизительнаго срока революціи они сказали, что объ этомъ еще не подумали, но во всякомъ случаѣ революція въ Россіи немислима прежде мая мѣсяца 1863 г.; притомъ члены просили насъ не начинать польскаго возстанія ранѣ означеннаго времени, откровенно признаваясь, что въ противномъ случаѣ мы имъ помѣшаемъ въ ихъ дѣйствіяхъ, а они не будутъ въ состояніи подать намъ ни малѣйшей помощи, развѣ, только будутъ стараться располагать въ нашу пользу общественное мнѣніе въ Россіи и попробуютъ сдѣлать маленькое вооруженное движеніе на Дону (гдѣ, будто бы, организація была болѣе развита), съ цѣлью помѣшать и раздѣлить силы правительства. Слова Падлевскаго подтвердились привезеннымъ имъ письмомъ Цен. Рус. Комитета на французскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ до возстанія мы переписывались съ этимъ комитетомъ не болѣе двухъ разъ; переписка эта не заключала въ себѣ ничего важнаго, и единственною цѣлью ея было поддержаніе постоянныхъ дружескихъ сношеній. Наши письма были тоже на французскомъ языкѣ съ непремѣнными *salut et fraternité*. Послѣ открытія возстанія, революціонное явленіе отравило всего одно письмо въ Ц. Р. Комитетъ, въ половинѣ марта мѣсяца 1863 г., съ вопросомъ: можетъ ли онъ въ чемъ-нибудь содѣйствовать нашему возстанію; члены комитета отвѣчали, что ни въ чемъ не могутъ помочь намъ, за исключеніемъ вліянія на общественное мнѣніе. Сношенія между нами производились посредствомъ виленскаго комитета и при помощи офицера Коссовскаго въ Спб. Сколько мнѣ извѣстно, Рус. Комитетъ былъ открытъ, и дѣло объ немъ находилось въ рукахъ

¹⁾ Мало освѣдомленный Прижборовскій указалъ членами Русскаго Центрального Народнаго Комитета Утина, Михайлова, Слѣпцова, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича, Маевскаго (?), Худякова, Пантелѣва и Черняка (*X. L. S.*, «*Historya dwóch lat*», V, 340). Очевидно, здѣсь слѣдъ и нескромности нѣкоторыхъ самозванцевъ и простой неосвѣдомленности на ряду съ грубымъ хронологическимъ невниманіемъ.

По словамъ Гогеля, I. Огрызко показалъ при слѣдствіи, что во главѣ «З. и В.» стоялъ Утинъ; что бумаги и записки передавались обществу «черезъ бывшаго студента Спб. университета Лонгина Пантелѣва, который завѣдывалъ сношеніями русскихъ революціонеровъ съ полякамі» («I. Огрызко» етс, 64—65). Ясно, что Пантелѣвъ былъ ненужнымъ посредникомъ, изъ любопытства, между членомъ Центр. ком. Утинымъ и Коссовскимъ, все благодаря тому же вліянію на Утина, отъ котораго Н. И. отдѣлялся только съ своей эмиграціей.

виленской слѣдственной комиссіи» (стр. 193—194). Последнее совершенно невѣрно, о чемъ, впрочемъ, будетъ дальше ¹⁾.

О переговорахъ съ Падлевскимъ Пантелѣвъ рассказываетъ на стр. 297—299; его указанія нуждаются прежде всего въ одной существенной поправкѣ. По ходу всего его рассказа ясно, что Падлевскій пріѣхалъ послѣ выпуска 1-го и даже 2-го № «Свободы», слѣд., названный Пантелѣвымъ ноябрь необходимо, казалось бы, отнести къ 1863 году, что было бы совершенной хронологической бессмыслицей и чему противорѣчатъ послѣдующія указанія автора (напр., на стр. 299—300 о связи съ польскимъ движеніемъ; стр. 301 о водевильномъ распредѣленіи министерскихъ портфелей; стр. 301—302 о поѣздкѣ Слѣпцова за границу и т. п.). Ясно, что Пантелѣвъ сдѣлалъ значительную вставку (въ размѣрѣ шести-семи страницъ) просто не туда, куда слѣдовало, и, благодаря этому, внесъ въ свой рассказъ ужасную путаницу. По существу, онъ приписалъ Слѣпцову какіе-то посулы, якобы, сдѣланные Падлевскому (стр. 299), на что, помимо категорическаго заявленія протеста со стороны Слѣпцова, есть достаточное опроверженіе и въ архивѣ Герцена въ видѣ записки Желиговскаго отъ 7 февраля 1863 г., гдѣ говорится: «несмотря на совершенно единодушныя охлажденія Падлевскаго со стороны обоихъ петербургскихъ членовъ «Земли и Воли», онъ полагалъ, что силы общества значительно больше и т. д.» ²⁾.

Невѣрно также свидѣтельство Пантелѣва объ устройствѣ Падлевскимъ въ Спб. отдѣла польской революціонной организаціи и о назначеніи Коссовскаго для сношеній съ «З. и В.» (299—300). Свидѣтельство Авейде опровергаетъ и то и другое, а ему въ этомъ вопросѣ можно вполне довѣрять.

Говоря о «номинальной принадлежности» къ «З. и В.» офицеровъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Ц. Польскомъ (стр. 332), Пантелѣвъ обнаружилъ полную, а для знающихъ его истинную скромную роль, и совершенно понятную, неосвѣдомленность въ общей постановкѣ дѣла «З. и В.»; такой же цѣны и другія его указанія—на «отдаленную принадлежность» къ «З. и В.» А. А. Потемни и на переходъ русскихъ офицеровъ къ полякамъ «безъ прямого вліянія комитета» (стр. 303). Въ последнемъ указаніи можно еще, какъ будто, сомнѣваться въ точности текста: можетъ быть, именно въ это время (но тогда—молчаливо для читателя его книги) Пантелѣвъ и вспомнилъ, что никогда не стоялъ въ центрѣ общества, а петербургскій комитетъ, дѣйствительно, ни

¹⁾ Въ брошюрѣ объ Огрызко, Н. Гогель пользовался не «Записками» Авейде, а его первоначальными показаніями, отъ которыхъ тотъ потомъ отступилъ, очевидно, отбросивъ все то, въ чемъ не былъ хорошо увѣренъ.

²⁾ Замѣчу кстати, что пущенное къ-то въ ходъ и повторенное г. Ершовымъ («Голосъ Минув.» 1913, VI, 203) указаніе на принадлежность Падлевскому псевдонима популярнаго польскаго писателя «Ежъ»—басня; псевдонимъ этотъ принадлежитъ Сигизмунду Милковскому.

тѣломъ, ни духомъ не повиненъ не только въ переходѣ русскихъ офицеровъ на сторону поляковъ, но и во всей положительной работѣ общества. На стр. 332 онъ единственный разъ ошибся (обмолвился, какъ я думаю), сказавъ, что былъ членомъ петербургскаго комитета...

Работа въ гарнизонахъ Ц. П. велась Р. Ц, Н. Комитетомъ, который, при посредствѣ Слѣпцова, принялъ участіе въ распространѣніи прокламацій, напечатанныхъ мною въ № 2029.

Вслѣдъ за анекдотомъ о распредѣленіи министерскихъ портфельей будущаго временнаго правительства, неосвѣдомленный Пантелѣевъ пишетъ: «Однако, господинъ съ пенсне, пожалуй, въ серьезъ принялъ титулъ министра иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ вскорѣ заявилъ, что находить нужнымъ поѣхать за границу, дабы установить болѣе дѣятельныя связи съ Герценомъ и другими эмигрантами (которыхъ, къ слову сказать, тогда не набиралось и съ десятокъ), также организовать правильную доставку заграничной русской печати» (стр. 301). «Съ отъѣздомъ за границу господина съ пенсне о немъ пропалъ всякій слухъ, и что онъ тамъ дѣлалъ, не имѣю ни малѣйшаго понятія» (стр. 302), Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ—еще болѣе авторитетное заявленіе: «за время моего касательства къ «З. и В.» у нея никакихъ прямыхъ связей съ Герценомъ не было» (стр. 332).

Пока я оставляю всё эти «авторитетныя» указанія въ памяти читателя безъ опроверженія, поскольку оно необходимо для дополненія сказаннаго въ предыдущихъ комментаріяхъ. Они нужны намъ въ данный моментъ для сохраненія хронологической послѣдовательности разсказа о развитіи «З. и В.» Несомнѣненъ фактъ, что 4 января ст. ст. 1863 г. Слѣпцовъ выѣхалъ изъ СПб. за границу на 6 мѣсяцевъ. Несомнѣненъ и другой: 17 февраля Потаповъ предупредилъ шифрованной телеграммой московскаго оберъ-полицмейстера гр. Крейца: «сегодня появится печатное воззваніе Русскаго Центральнаго Комитета. Обрати вниманіе на ящики городской почты». Но въ Москвѣ разсылка № 1 «Свободы» производилась уже наканунѣ, съ 16 февраля, а 17-го онъ былъ прочитанъ вслухъ и вывѣшенъ на стѣнѣ въ курительной университета. 19 февраля вел. кн. Николай Николаевичъ писалъ шефу жандармовъ: «только-что найдена прокламація въ Московскомъ гренадерскомъ полку (онъ стоитъ въ казармахъ л.-гв. Гренадерскаго полка) въ дежурной комнатѣ между газетами». 21 февраля III Отдѣленіе предписало всемъ своимъ агентамъ принять мѣры противъ распространенія прокламаціи, а 2 апрѣля составило «справку», обвинявшую главноначальствовавшаго надъ почтовымъ департаментомъ Прянишникова и директора департамента въ недостаточно энергичныхъ мѣрахъ для борьбы съ разсылкой по почтѣ «Свободы», о чемъ «еще въ 2 часа ночи съ 17 на 18 февраля имъ было сдѣлано сообщеніе». «Не взирая на это предупрежденіе, воззванія эти разошлись по всей Россіи по почтѣ, что подтверждается пред-

ставляемыми конвертами съ этимъ воззваніемъ, доставленными изъ разныхъ губерній и отправленными Спб. почтамтомъ послѣ предупрежденія» (Архивъ III Отд. С. Е. В. И. канц. I эксп. 1863 г., дѣло № 97, ч. 2).

Вотъ если бы авторитетный членъ «З и В.» повѣдалъ намъ, откуда III Отдѣленіе могло знать о *предстоящемъ* выходѣ ихъ прокламаціи, это было бы, дѣйствительно, интересно. «Свобода» № 1 перепечатана въ петербургскихъ и заграничныхъ «Матеріалахъ» Богучарскаго полно, но, конечно, неисправно.

Пантелѣевъ не помнитъ содержанія «Свободы», а если бы онъ былъ близокъ къ ея выпуску, то, конечно, помнилъ бы и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что въ ней совершенно ясно и опредѣленно заявлено о связи общества съ Герценомъ.

Еще до «Свободы» Центральнымъ же (а не петербургскимъ) комитетомъ была выпущена прокламація «Льется польская кровь, льется русская кровь», приведенная мною въ № 2083. Это было результатомъ проѣзда Слѣпцова черезъ Польшу; написана она была Слѣпцовымъ, а слегка исправлена въ Ц. Комитетѣ. Любопытно, что эта прокламація попала въ руки центральной полиціи гораздо позже.

Слѣпцовъ поѣхалъ въ Польшу, а оттуда въ Лондонъ. Въ Ц. Польскомъ онъ былъ свидѣтелемъ январскихъ событій, еще больше убѣдился въ необходимости скорѣйшей централизациі русскихъ революціонныхъ организацій, помогъ Потебнѣ организовать русскихъ офицеровъ въ болѣе крѣпкую и устойчивую группу, помогъ выработкѣ ея устава, убѣждалъ поляковъ, въ лицѣ Падлевскаго и Гиллера, въ неминусовой опасности рано поднятаго возстанія и затѣмъ отправился къ Герцену. Въ Лондонъ онъ прибылъ въ первыхъ числахъ февраля нов. стilia и, слѣдуя указаніямъ Р. Ц. Н. Комитета, въ бесѣдѣ съ Герценомъ и Огаревымъ взялъ по началу такой тонъ, который возмутилъ перваго (см. гл. «М. Б. и польское дѣло», т. XIV и № 2047). Затѣмъ, увидавъ сдѣланную ошибку, Слѣпцовъ быстро ее поправилъ и когда переѣхалъ въ Парижъ, откуда и продолжалъ свои дѣловыя сношенія съ Герценомъ и Огаревымъ,—то отношенія ихъ не только выровнялись, но приняли вполнѣ дружескій характеръ. Вотъ, напр., что писалъ ему Огаревъ 8 мая, когда Слѣпцовъ былъ боленъ и, видимо, уже терялъ вѣру въ русскую революцію вообще.

«Грустью на меня повѣяло ваше письмо, милый А. А., но фонъ его такъ человѣченъ, что я, вдумываясь въ него, прихожу къ убѣжденію, что очень скоро опять воскреснете для дѣятельности. Я вамъ отвѣтилъ коротко, но подробно; начну съ меньшаго и пойду crescendo.

«Во-первыхъ, упорство, которое вы сохранили въ нечитаніи нашихъ изданій, мало того, что оскорбляетъ насъ, но оно не хорошо относительно дѣла. Если бы вы читали ихъ, вы бы знали,

что Г. Кона (?) уже нѣтъ въ живыхъ. Я требую чтобы вы (у Амю, что ли) взяли «К—ъ» и «В—е» и прочли бы, въ особенности 162 и 161 нумера. Сами увидите, что пренебреженіе въ этомъ случаѣ дурной поступокъ.

«Во-вторыхъ, вы формальную честность относительно друзей приняли за искренность, и это — ошибка. Вы могли, вы должны были, сдавши порученія, стать искренни (?). Но теперь о настоящемъ дѣлѣ. Вглядываясь въ исторію, вы находите, что кровавые перевороты были бесплодны, если мысль не дозрѣла, а если мысль дозрѣла, то не нужно было кровавыхъ переворотовъ. Вглядитесь еще побольше въ смыслъ этихъ словъ и вы увидите, что и это — абстрактный силлогизмъ, о которомъ исторія не спрашиваетъ, и что вы въ исторіи его оправданія не получите. Вы найдете, что англ. рев. кровавая увѣнчалась успѣхомъ, французская idem привела къ централизациі. Гораздо труднѣе уже отыскать реформу мирную съ дозрѣвшею мыслью. Гдѣ? когда? и какъ? Дѣло сводится на механику; невѣтерпежь пришлось, съ одной стороны, упорство — съ другой; вотъ и столкновеніе, не обращающее вниманія на зрѣлость или незрѣлость мысли. Теперь, что зрѣлость мысли, т.-е. ея нумерическая сила, необходима для побѣды, — это безъ сомнѣнія; что нумерическая сила можетъ быть такъ велика, что упорство врага исчезнетъ въ мгновеніе ока, безъ потери крови, — это возможно, это desideratum, къ этому надо стремиться. Безъ сомнѣнія, путемъ пропаганды — разъ, и организациі, сверхъ того. Безъ организациі пропаганда безсильна. Поэтому поймите же всю вѣрность организациі, которой исходъ зависитъ отъ случайности, но которой цѣль — собраніе, созданіе силы, Вы встрѣтили въ своемъ хозяйствѣ неудачу; ассосье расходились во взглядѣ на средства и ошибались, потому что они не довольно серьезны. А, можетъ, долею они, долею вы сами ошибались, и діагональ-то выходитъ — организациія хозяйства. Потому, что они ошибались, неужели же бѣжать или подчинять здравый смыслъ несерьезности нетерпѣливыхъ броженій? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Выдержать надо; насиловать они ничего не могутъ. А выждать, это значитъ привлечь людей болѣе серьезныхъ и болѣе сильныхъ, которые, естественно, невольно составятъ преобладающую дирекцію въ хозяйствѣ. Даже, если бы нашли одного управляющаго, и это было бы хорошо; если это поведетъ къ организациі хозяйства, безъ которой мысль не дозрѣетъ вовсе, а упорство разныхъ элементовъ, все же, приведетъ къ тому разоренію, котораго вы боитесь. Отсюда вывожу мой окончательный выводъ: изъ любви къ вамъ, несмотря на то, что вы многомъ меня или, лучше, насъ оскорбляете (?), изъ любви къ нимъ, несмотря на то, что они ошибаются, изъ любви къ дѣлу, которое выше всего, умоляю васъ, не уходите прочь, выждите терпѣливо и внесите другіе элементы, элементы просто-на-просто организациі. Вдумайтесь въ эту тему, другъ мой, и вы увидите, что я правъ.

«Если болѣзнь мѣшаетъ,—дѣло другого рода. Но объ этомъ разсудите de facto. Ваша болѣзнь—или просто нервное разстройство отъ черезчурныхъ раздраженій или органическая болѣзнь сердца. Я думаю, намъ слѣдуетъ болѣзни смотрѣть прямо въ глаза. Если это органическая болѣзнь сердца, то вы поневолѣ устранились отъ дѣла надолго, обративъ усиленное вниманіе на излѣченіе или поправку настолько, чтобы черезъ мѣсяцъ или два принятъ за работу и окончательное уничтоженіе ортодоксіи Кона и другой личности, при немъ состоящей. Если это только нервное раздраженіе, то еще два мѣсяца здраваго обсужденія дѣла и отдыха поставятъ васъ на ноги. Зачѣмъ же вамъ тогда спѣшить домой? Подождите! Оправьтесь. Отчего вы не ѣздили къ Fleury ¹⁾? Отчего вамъ теперь къ нему не ѣхать? Что вамъ торопиться на возвращеніе безъ осуществленія даннаго вами обѣщанія? Если личные, семейные интересы,—я молчу, но думаю, что надо выздороветь уже для того, чтобы ихъ выносить (?). Займитесь вашимъ планомъ и кстаті лѣченіемъ и отдыхомъ до осени. Этотъ путь для меня ясенъ, какъ 2×2. Затѣмъ, вы спрашиваете, въ какихъ мы отношеніяхъ послѣ нашей переписки? Подумайте и спросите свои чувства; я увѣренъ, что они вамъ скажутъ то, что я говорилъ: мы теперь въ лучшихъ отношеніяхъ, гдѣ люди становятся неразрывны. Отъ этого я увѣренъ, что мы о вашихъ предположеніяхъ и планахъ не только перепишемся, но поговоримъ, и что вы пріѣдете отдохнуть не на ложѣ легитимизма (это я сказалъ въ шутку), а въ ту среду, гдѣ горячее рукопожатіе разомъ выражаетъ и общую мысль и личную дружбу.—Вотъ мое заключеніе.—Теперь о какихъ вы рекомендаціяхъ пишете? Это дѣло на сію минуту скудно; люди въ разбродѣ, а, въ сущности, ихъ нѣтъ. Но на это вамъ Г. отвѣтитъ.

«PS. — Въ іюнѣ пріѣдетъ Д. А выходитъ, что я отвѣтилъ больше подробно, чѣмъ коротко, и все еще не настолько ясно, насколько бы хотѣлось. Но до другого раза.

Огаревъ».

(Привожу съ копіи, снятой агентурой III Отдѣленія, человѣкомъ малокультурнымъ и плохо разбиравшимъ почеркъ Огарева; явныя ошибки исправлены, у прочихъ поставлены вопросительные знаки въ скобкахъ. Приписка Герцена дана дальше, подъ 9 мая).

Герценъ подошелъ къ «Землѣ и Волѣ» вплотную, согласился, что организація общества имѣла значеніе для дальнѣйшаго направленія русской революціи, и уже въ февралѣ 1863 г. вмѣстѣ съ Огаревымъ выработывалъ нѣчто въ родѣ внутренней конституціи между русскими революціонерами и ихъ лондонскими сотрудниками, съ одной стороны, и программы дѣйствій самаго общества—

¹⁾ Можетъ быть, А. Fleury, комиссаръ временнаго правительства 1848 г., изгнанный изъ Франціи послѣ 2 декабря 1851 г.

съ другой. Въ записной книжкѣ Огарева, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, есть нѣсколько страничекъ, представляющихъ въ этомъ отношеніи громадное значеніе. Приведу ихъ текстуально, оговаривая всѣ поправки и вставки самого Герцена.

Первый набросокъ—очевидно, первоначальный абрисъ главныхъ мыслей; второй—болѣе детализированный и отдѣланный проектъ. Слѣпцовъ говорилъ мнѣ о чемъ-то подобномъ, что въ апрѣлѣ или мартѣ онъ переслалъ въ СПБ., но тогда (въ 1906 г.), не видя еще рукописей, я не могъ ясно представить себѣ содержаніе документа.

1.

•Первое и секретное. Совѣтъ общества находится за границей, при «К.»—Км. остается въ Россіи, но распредѣляется по опредѣленнымъ центрамъ.—Публицистика соединяется за границей.—Организация составляется преимущественно въ Россіи и долею за границей.—Пути должны быть устроены.

«а) Заграничное дѣло:

Общее направленіе.—Печать.—Организация выходцевъ и путешественниковъ.

«b) Внутреннее дѣло: организация меньшинства во имя заграничной дѣятельности. Распредѣленіе организациі по провинціямъ. Организация въ войскахъ.

«с) Организация старообрядцевъ идетъ сама по себѣ. Загран. органъ—«Вѣче». Обѣ организациі сойдутся когда-нибудь. Не въ прокламаціяхъ дѣло внутри Россіи. Ихъ первая пора прошла, а вторая не приходила. Дѣло внутри—организация общества, распредѣленіе людей. Комитетъ обязанъ заявлять свою связь съ нами и во имя наше приглашать къ содѣйствію. Комитетъ долженъ расположить округи; достаточно одного человѣка для сношенія съ комитетомъ. Этотъ человѣкъ въ своемъ округѣ составитъ кружокъ, который бы зналъ только его, а онъ бы входилъ въ сношеніе съ комитетомъ, а комитетъ съ нами.

«Такъ какъ дѣло идетъ о собраніи меньшинства, да еще молодого меньшинства, то округи должны по большей части совпадать съ университетскими или иными учебными заведеніями. Только тамъ, гдѣ есть *удобности*, округи могутъ не совпадать съ университетскими центрами.

«Комитетъ долженъ существовать самъ по себѣ, даже въ самомъ Петербургѣ у него долженъ быть особый *окружной*, который бы съ нимъ сносился, но кружокъ держалъ самъ по себѣ».

2.

«1. Главный Совѣтъ общ. «Земли и Воли» состоитъ изъ редакціи «Колокола». Всѣ распоряженія идутъ отсюда.

«Это надо распространить не въ печати, а втихомолку. Оно необходимо, потому что большая часть желающихъ не имѣетъ».

довѣрія къ существованію и силѣ Комитета; оно необходимо, потому что комитетъ можетъ за этимъ скрыться и, продолжать свое существованіе.

«2. Комитетъ продолжаетъ его безъ всякихъ прокламацій и распространяетъ общество, принимая «Колоколь» за центръ. Его дѣло слѣдующее:

«а) Употребить, съ своей стороны, всѣ старанія для установленія постоянныхъ сношеній съ нами;

«б) Все, что онъ хочетъ печатать, можетъ быть печатано у насъ. Но въ томъ, что печатать, нужно взаимно согласиться. Конечно, не прокламаціи, которыя *теперь* не имѣли бы никакого значенія или, скорѣй, вредное; но особый перечень внутреннихъ русскихъ событій, реакціонныхъ подлостей и пр., даже отдѣльной тетрадь, не мѣшаетъ. Но комитетъ долженъ чрезвычайно *искренно* высказывать *только правду*, съ указаніемъ на тѣ данныя, которыя могутъ послужить основаніемъ будущей реорганизациі ¹⁾.

«Совѣтъ общества долженъ имѣть главною цѣлью усиленіе общества. Для этого ему надо дѣйствовать въ тѣхъ центрахъ, сосредоточивать всѣ силы въ тѣхъ центрахъ, гдѣ *теперь* успѣхъ *всего легче*. Это значитъ. всѣ университетскіе центры, духовныя академіи и лицеи. Вездѣ, гдѣ эти центры могутъ учредить полученіе заграничныхъ изданій и ихъ распространеніе, должно быть обращено на это особое вниманіе. Конечно, тутъ самую важную роль играютъ Петербургъ и Одесса. Казань имѣетъ наибольшее значеніе для восточно-волжскаго края, Харьковъ—для Малороссіи и Дона, Кіевъ представляетъ наибольше затрудненій. *Теперь* надо наименьшее вниманіе обращать на центры, гдѣ наибольше затрудненій, и работать тамъ, гдѣ легче. Работа должна состоять въ соединеніи меньшинства въ общество, изучающее и уясняющее народныя интересы, выставляющее народныя требованія, проповѣдующее паче всего земскій соборъ. Въ каждомъ университетскомъ, духовно-академическомъ и лицейскомъ центрѣ (даже въ Петербургѣ) Совѣтъ долженъ имѣть своего окружнаго, который бы составлялъ кружокъ, но съ Совѣтомъ въ сношеніе входилъ бы только самъ лично; а кружокъ не знали бы лица составляющія. Численность членовъ этихъ отдѣльныхъ кружковъ должна быть извѣстна Совѣту и намъ безъ всякой лжи и преувеличеній ²⁾. При этомъ кружки могутъ заводить школы ³⁾, посылать ходяковъ и пр., нисколько не компрометируя Совѣта, который остается *occulte* ⁴⁾. Печатать объ этомъ ничего не слѣдуетъ, а вести дѣло въ тишинѣ. Но мы просимъ университетскую молодежь не проповѣдывать никакихъ абстрактныхъ понятій о свободѣ и противо-

¹⁾ Эта фраза перечеркнута карандашомъ.

²⁾ Помѣтка Герцена: «Не просто ли—безъ преувеличеній!»

³⁾ То же: «Школы—не больно ли много?»

⁴⁾ Тайнымъ.

царизмѣ, а только—необходимость земскаго собора, который бы основалъ поземельное народное владѣніе, сельское, волостное и областное самоуправленіе, свободу вѣры, — и (*позже* проповѣдывать) — *избраннаго* земскаго царя ¹⁾). Если первый Земскій Соборъ будетъ имѣть силу замѣнить это имя другимъ, тѣмъ лучше, а если не будетъ,—бѣда не велика, лишь бы избраніе было на ограниченное число лѣтъ.

«Окружные могутъ быть и въ не университетскихъ и прочихъ учебныхъ центрахъ; но чисто въ провинціальныхъ, тамъ, гдѣ это удобно, т.-е. гдѣ люди готовые существуютъ и могутъ дѣйствовать (напр. Тверь, волжское пароходство).

«Офицеровъ способныхъ *теперь* надо направлять на составленіе кружковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но готовить ихъ, какъ скоро польскій вопросъ элиминируется, переходитъ въ восточныя, кавказскія и другія войска (смотря по обстоятельствамъ) для составленія офицерскихъ кружковъ. *Теперь* невозможно даже предвидѣть настоящихъ военныхъ округовъ и дѣйствовать нельзя даже на Кавказѣ, ибо это было бы только безплодное краснорѣчіе и трата времени съ гибелью хорошихъ людей. По крайней мѣрѣ полгода, а можетъ, и годъ пройдутъ только въ составленіи учебныхъ и возможныхъ кружковъ. О дальнѣйшемъ надо говорить, когда обстоятельства сдѣлаютъ дѣло возможнымъ.

«Съ старообрядцами, если случай приведетъ, знакомиться, но отнюдь, кромѣ старообрядческаго и земскаго собора, ничего не проповѣдывать. Насильно втираться къ нимъ въ дружбу *теперь* вредно».

Въ моемъ распоряженіи имѣется еще одинъ крайне важный документъ, скопированный съ подлинника въ записную книгу Балашевича-Потоцкаго, а именно, рукописный циркуляръ, на имя М. Schiff, профессора физиологіи въ Бернскомъ университетѣ, не указанное въ бумагѣ, но ясное изъ надписи на конвертѣ. Бланкъ печатный. Послѣ словъ «Русскій Центр. Нар. Комитетъ», очевидно, должно было слѣдовать имя, къ которому Комитетъ обращался черезъ Ал. Стюарта. Воспроизвожу коію буквально.

¹⁾ Въмѣсто этой фразы Герценъ написалъ: «Надобно, чтобъ молодые люди, особенно университетская молодежь, проникнулись тѣмъ, что теперь не время проповѣдывать абстрактныя понятія нравственнаго освобожденія, антирелигіозныя теоріи и даже противоцарскія».

Русскаго Центральнаго

НАРОДНАГО
Комитета
«ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ».

1863 года.

—
Апрѣля 17 дня.

Русскій Центральный Народный
Комитетъ

Поручаемъ заграничнымъ агентамъ общества «Земля и Воля» сосредоточить свою дѣятельность по слѣдующимъ пунктамъ:

1. Вводить въ общество «З. и В.» (афилировать) по возможности всѣхъ русскихъ, находящихся за границей и способныхъ къ революціонной дѣятельности.
2. Организовать ихъ такимъ образомъ, чтобы они могли имѣть постоянныя сношенія какъ между собою, такъ и съ Русс. Центр. Комитетомъ.
3. Для этой цѣли является необходимость: устройства путей сообщенія, служащихъ какъ для взаимной связи членовъ заграничной организаціи, такъ и для исполненія порученій Центр. Комитета. Пути эти, а равно и посылаемые лица должны оставаться въ строгой тайнѣ для обезпеченія ихъ отъ происковъ агентовъ русскаго правительства.
4. Матеріальныя средства заграничной организаціи должны состояться изъ періодическихъ пожертвованій членовъ этой организаціи. Въ крайнемъ случаѣ Центр. Комитетъ принимаетъ на себя необходимыя по ходу дѣла издержки.
5. Такъ какъ изъ Россіи выѣзжаютъ иногда за границу лица, съ которыхъ тамъ, по различнымъ причинамъ, неудобно брать денежные взносы, то Комитетъ поручаетъ своимъ агентамъ вѣзти съ такихъ лицъ извѣстные взносы во время пребыванія ихъ за границей. Эти сборы должны частью итти на усиленіе средствъ заграничной организаціи, частью же доставляться въ главную кассу Центр. Комитета. Комитетъ, съ своей стороны, будетъ упоминать на этихъ лицъ.
6. По самому существу нашего дѣла отъ всѣхъ, принимающихъ въ немъ участіе, требуется крайняя осторожность. Всякое предпріятіе, всякое порученіе должно быть извѣстно только тѣмъ, которые участвуютъ въ немъ непосредственно. Ни одна фамилія, ни одно компрометирующее выраженіе не можетъ быть написано иначе, какъ условленнымъ шифромъ.

7. Все необходимое, какъ для устройства, такъ и для дальнѣйшей дѣятельности организаціи, какъ-то: опредѣленныя довѣренности, полномочія, квитанціи для сбора взносовъ и пр., наши заграничные агенты получаютъ отъ А. Ив. Герцена, главнаго представителя общества «Земля и Воля» за границей.

28 мая 1863 года.

Alex. Stuart.

Всѣ эти сношенія Р. Ц. Н. Комитета шли мимо Пантелѣва. Если бы онъ былъ его членомъ, то хорошо зналъ бы не только о такихъ сношеніяхъ, но и о работѣ по концентраціи всѣхъ остававшихся тогда еще несоединенными революціонныхъ кружковъ, особенно дѣятельныхъ въ войскахъ, расположенныхъ на территоріи Ц. Польскаго и Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго краевъ. Потеня былъ не только самымъ настоящимъ членомъ «Земли и Воли», но и привлекъ въ него около 200 членовъ, изъ которыхъ около одной трети были въ чинѣ капитана и выше, какъ сказано въ запискѣ Г. П. Гофштетера, близкаго съ Потеней и по родству ихъ матерей. Зналъ бы Пантелѣвъ также и о томъ, что Н. Обручевъ, послѣ убѣжденій со стороны прочихъ членовъ Центрального Комитета, временно устранился отъ обязанностей члена Комитета, когда стало извѣстно, что освобожденный изъ крѣпости Всеволодъ Костомаровъ остался жить въ Петербургѣ и очень внимательно, на правахъ бывшаго офицера, приглядывался къ міру военныхъ... Наконецъ, не зная еще и многого другого, Пантелѣвъ зналъ бы объ организованномъ, по совѣту Сѣраковскаго и Огрызка, особомъ отрядѣ изъ студенческой и офицерской молодежи, которому Центральнымъ Комитетомъ было поручено слѣдить за всѣми, кто, въ свою очередь, слѣдитъ за дѣятельностью и жизнью видныхъ членовъ «Земли и Воли».

Кромѣ полнаго незнакомства съ дѣятельностью Центрального Комитета, мы находимъ у Пантелѣва такое же невѣдѣніе и обо всей провинціальной, т. е. самой главной, работѣ общества. «Конечно, не разъ подымались разговоры о необходимости прямой пропаганды въ народѣ, но это представлялось возможнымъ лишь въ нѣкоторомъ будущемъ, и даже довольно неопредѣленномъ; изъ наличнаго состава «З. и В.» рѣшительно не на комъ было остановиться для дѣятельности въ этомъ направленіи. Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду петербургскихъ членовъ, такъ какъ о провинціальныхъ комитетѣ (разумѣется, петербургскій, а не Цен-

тральный — *М. Л.*) не имѣлъ никакого понятія, — зналъ только фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Саратовѣ» (стр. 293). И, несмотря на это невѣдѣніе, Пантелѣевъ рѣшительно заявилъ, что и въ февралѣ 1863 г. (послѣ выпуска № 1 «Свободы» — *М. Л.*), «будучи въ центрѣ, мы, конечно, отлично знали, что «З. и В.» находится въ самой первичной стадіи развитія, что ей слишкомъ рано думать о какихъ-нибудь активнѣхъ проявленіяхъ» (стр. 292). Между тѣмъ, въ московскомъ комитетѣ, напримѣръ, велась усиленная работа, съ помощью Центрального Комитета, по выработкѣ практической программы дѣйствій, и усиленно велась пропаганда.

Пантелѣева гораздо болѣе занимали такіе ничтожные факты, какъ ловкій выходъ изъ петербургскаго комитета Бокова, котораго, кромѣ него, никто никогда и не считалъ сколько-нибудь серьезнымъ и способнымъ для революціонной работы человѣкомъ, особенно послѣ того, какъ онъ побывалъ на нѣсколькихъ допросахъ въ связи съ арестомъ Чернышевскаго.

Вернемся къ послѣдовательному изложенію исторіи «З. и В.», хотя сейчасъ это будетъ уже нѣкоторымъ забѣганіемъ впередъ, необходимымъ, однако, для ознакомленія съ вопросомъ, по возможности, въ совокупности.

Апрѣль—июль 1863 г. были посвящены Ц. Комитетомъ на реорганизацію общества, которая была подсказана не только уклоненіемъ отъ общихъ началъ петербургскаго комитета, но и казанскимъ заговоромъ и связанными съ нимъ «провалами».

Въ первыхъ числахъ мая бѣжалъ за границу (черезъ Черное море) Николай И. Утинъ. По собственному признанію, онъ принялъ это рѣшеніе подъ вліяніемъ страха, охватившаго членовъ петербургскаго комитета, не довѣрившись хладнокровію Центрального. «Сколько разъ я раскаивался въ своей торопливости, — писалъ Утинъ Стасюлевичу, — которую не могъ простить ни себѣ, ни своимъ товарищамъ, не повѣривъ Центр. Комитету, что опасность угрожала мнѣ вовсе не такая серьезная, какъ представлялось петербургскому комитету. Страхъ моихъ товарищей такъ подѣйствовалъ на меня, что, послѣ двухъ бессонныхъ ночей въ ожиданіи ареста, я не выдержалъ и уѣхалъ, подталкиваемый ими и изнервничавшійся».

Пантелѣевъ утверждаетъ, что «лѣто 1863 г. прошло безъ всякой сколько-нибудь замѣтной дѣятельности «З. и В.» въ Петербургѣ», и опять съ весьма существенной оговоркой: «а что дѣлалось въ провинціи, мы почти не знали» (стр. 308). Казалось бы, это повторное указаніе должно было бы навести самого автора «Воспоминаній» на мысль, что онъ не стоялъ въ центрѣ, однако, Пантелѣевъ, повидимому, не вникъ въ дѣло и съ этой ужъ чисто логической стороны, допуская, что существовало общество, разбитое на массу совершенно не бывшихъ въ связи другъ съ другомъ кружковъ, а между тѣмъ прокламаціи распространяли однѣ

и тѣ же, не исключая до самаго конца и «Что нужно народу?»... На самомъ же дѣлѣ, лѣто 1863 г., работа шла именно въ провинціи, гдѣ у Правительства не было возможности не только сосредоточить усиленный надзоръ за жизнью, но и, вообще, организовать его сколько-нибудь правильно при тогдашнемъ уровнѣ полиціи и жандармовъ. Правда, реакціонно настроенное большинство русскаго общества было до извѣстной степени само широкой правительственной агентурой, но исключительное вниманіе его направлялось на уловленіе «польской интриги». Зная это, уклонъ общественнаго настроенія, Центральный комитетъ предложилъ провинціальнымъ комитетамъ вовсе изъять изъ пропаганды польскій вопросъ, какъ таковой, сосредоточивъ ее на внѣдреніи идеи все того же земскаго собора, вѣра въ который росла съ каждымъ днемъ общаго развала и нестроенія, да на внѣдреніи въ массы понятія объ элементарныхъ требованіяхъ политической свободы въ связи съ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса о землѣ. Отсюда, напр., неизвѣстный Пантелѣеву съездъ въ Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки, въ трактирѣ Кушнера, всѣхъ представителей поволжскихъ комитетовъ и делегатовъ.

Въ іюлѣ Центральнымъ Комитетомъ былъ выпущенъ 2 № «Свободы». Пантелѣевъ говоритъ объ этомъ всего два слова, такъ какъ, кромѣ факта существованія этого листка, не знаетъ ничего объ обстоятельствахъ его выхода. Въ виду соблюденія состоявшагося соглашенія, листокъ былъ посланъ въ корректуру для одобренія въ Лондонъ, тамъ были внесены нѣкоторыя поправки, что видно изъ сравненія оттиска, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена, и послѣ того прокламація была выпущена въ Петербургѣ. Пантелѣевъ сказалъ объ этомъ очень глухо: «По времени выпустили № 2 «Земли и Воли», ужъ не помню, какого содержанія» (стр. 297). Между тѣмъ здѣсь-то, казалось бы, и должно было проявить точность со стороны члена «Центральнаго» Комитета, потому что, кромѣ двухъ нумеровъ «Свободы», Ц. Комитетъ выпустилъ еще двѣ прокламаціи. Одна изъ нихъ называлась «Земля и Воля. Свобода вѣроисповѣданія», другая—«Земля и Воля. Временное народное правленіе». 17 іюля Тимашевъ далъ знать московскому оберъ-полицмейстеру о распространеніи № 2 «Свободы» и приказалъ обратить вниманіе на почтовые ящики. Эта прокламація напечатана неисправно, но полно въ VIII кн. «Былого» 1906 г. Тамъ же упомянуто о выпускѣ № 4 «Великорусса» и заявлено отъ имени комитета этой организациі о подлогѣ. Объ этомъ № 4-мъ Потаповъ телеграфировалъ московскому оберъ-полицмейстеру 24 апрѣля; слѣд., фактъ его появленія неоспоримъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 97, ч. 97).

Подъ вліяніемъ бѣгства Утина, собственнаго ничегонедѣланія и настроенія своихъ членовъ въ унисонъ упадочному настроенію общества, петербургскій комитетъ, первый изъ всего общества, рѣшилъ ликвидироваться. Отсюда его самозакланіе, описанное

Пантелѣевымъ на стр. 308 — 310. «Если бы закрылся только самъ комитетъ, отъ этого ничего плохого ожидать было нельзя—говорить Слѣпцовъ,—потому что Центральный комитетъ взялъ бы на себя его мѣстныя функціи; но когда петербургскій комитетъ съ поспѣшностью отправилъ своихъ членовъ въ провинцію, и мы узнали объ этомъ post factum и должны были спѣшить отправкой гонцовъ по слѣдамъ непрошенныхъ «ликвидаторовъ», то престижъ общества былъ подорванъ. Создалась путаница, и мы только тогда ясно поняли то, что должны были принять во вниманіе, конечно, раньше, но въ работѣ всё объ этомъ какъ-то забыли: пришлось разъяснять, что, какъ въ земствѣ предполагалось тогда имѣть губернскае и уѣздное, и оба назывались бы петербургскимъ, такъ и въ обществѣ были два комитета: одинъ Центральный, другой—петербургскій. Помню, какъ, по рассказамъ Курочкина, эта мѣра не понравилась петербургскому комитету, увидѣвшему въ насъ узурпаторовъ, хотѣвшихъ, якобы, вовсе закрытія петербургскаго комитета и къ тому, де, дѣло и ведшему, хотя фактовъ, подтверждающихъ такое обвиненіе, никѣмъ приведено не было».

Наконецъ, то же невѣдѣніе Пантелѣевъ обнаружилъ и въ указаніи, что «въ разныхъ случаяхъ изъ «З. и В.» попало около 10—12 человекъ, изъ нихъ только Андрущенко оказался излишне откровеннымъ при допросахъ» (стр. 320). «Число привлеченныхъ въ разное время и по разнымъ поводамъ надо увеличить,—говоритъ Слѣпцовъ,—въ нѣсколько разъ, какъ и число Андрушенокъ, напр., Степановъ и другіе, валившіе многое на Утина, чѣмъ закрыли ему возможность скорого возвращенія въ Россію».

Почему же, однако, такъ правительство и не открыло никогда нитей «Земли и Воли»? такъ главные ея члены и не были никогда привлечены къ отвѣтственности даже административнымъ порядкомъ? Правда, въ архивѣ III Отдѣленія есть названное очень громко дѣло: «О розысканіи въ Москвѣ тайнаго общества подъ названіемъ «Земля и Воля», но всего въ нѣсколько листовъ и оказывается сплошнымъ вздоромъ, созданнымъ шантажистомъ отставн. кол. регистраторомъ Федоромъ Афендикомъ, пощипавшимъ кассу Спб. оберъ-полицмейстера, но не давшимъ ничего, кромѣ указанія, что видными членами общества состоятъ... Катковъ, Леонтьевъ, Погодинъ, Чижовъ и Бабствъ. Это не мѣшало, однако, и III Отдѣленію отнестись къ его доносамъ серьезно, дать Афендику въ помощь офицеровъ Спб. полиціи, которыхъ онъ дурачилъ самыми нелѣпыми конспираціями, и, наконецъ, скрылся (Архивъ I эксп. 1864 г., дѣло № 92, ч. I).

Разумѣется, во-первыхъ, благодаря, все-таки, недурно поставленной конспираціи. Всѣ неудовольствія тогдашняго молодого и, если не самонадѣяннаго, то очень мало подготовленнаго студента Пантелѣева на Слѣпцова, напр., происходятъ именно потому, что, будучи человекомъ болѣе зрѣлымъ, онъ, какъ и ему подобные, естественно не могъ раскрывать многихъ картъ передъ очень

любопытной вербуемой молодежью; долженъ былъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, отводить ихъ вниманіе въ сторону или многое представлять иначе,—обычный приѣмъ конспиративной работы, въ которой у русскихъ того времени не было никакого опыта, но пониманіе, конечно, было... Такіе члены, какъ Н. Обручевъ, даже ни въ чемъ и не подозрѣвались ни въ извѣстныхъ кругахъ, ни въ позднѣйшей литературѣ; что же касается Елисеева, Лаврова и др., то о нихъ были лишь догадки, основанныя больше на общихъ соображеніяхъ, чѣмъ на реальныхъ фактахъ. Старый членъ «Земли и Воли» Гофштетеръ говорилъ мнѣ, что о прикосновенности своего близкаго родственника Г. З. Елисеева къ «З. и В.» онъ узналъ только послѣ его смерти, когда разбиралъ его бумаги и случайно наткнулся въ нихъ на два письма, повидимому, опрометчиво не уничтоженныя во-время,—они были заложены за подкладку дорожнаго сака. Впрочемъ, и Елисеевъ не зналъ о принадлежности брата своей жены къ «З. и В.».

Если конспирація и нарушалась, то или легкомысленными членами или искавшими популярности и роли. Такъ, отъ Пантелѣева мы узнаемъ, что «многіе, конечно, не только могли догадываться, но и отлично знали, чѣмъ мы (конечно, петербургскій комитетъ—*М. Л.*) занимаемся. Одинъ изъ наиболѣе передовыхъ и популярныхъ публицистовъ того времени (онъ впоследствии стоялъ во главѣ очень крупнаго банкаго дѣла) былъ даже настолько посвященъ, что разъ я получилъ отъ него текстъ прокламаціи, редактированной имъ въ комитетѣ и черезъ Утина доставленной ему на просмотръ» (стр. 326). Понятно, что рѣчь идетъ о Ю. Г. Жуковскомъ.

Во-вторыхъ, тайна общества, какъ я уже и сказалъ, охранялась особымъ отрядомъ. «Мысль создать такой буфферъ,—записалъ Гофштетеръ—понравилась братьямъ Серно-Соловьевичамъ, но была осуществлена въ январѣ 1863 г. По-моему, это была остроумная и практичная мѣра. Члены его входили въ сношенія съ полиціей и жандармами, во-время узнавали о подозрѣніяхъ, назрѣвавшихъ противъ кого-либо изъ землевольцевъ, и тогда работали надъ отводомъ этого подозрѣнія, иногда и не посвящая, чтобы не волновать, подозрѣваемаго или вовсе, или до поры до времени; посылали отъ его имени отводныя патріотическія письма и пр. Это стоило денегъ и многихъ хлопотъ, требовало безукоризненной честности и испытанности, но за всѣмъ тѣмъ было очень полезной завѣсой. Кстати, скажу, что первыя деньги со стороны на расходы отряда мы получили отъ откупщика Утина, послѣ бѣгства его сына; потомъ его примѣру, не зная о его пожертвованіи, послѣдовали отецъ Лугинина (хлопотавшій о скорѣйшемъ возвращеніи сына—*М. Л.*), Бенардаки, племянникъ котораго, фамиліи не помню, былъ на серьезномъ подозрѣніи, и еще отъ нѣкоторыхъ богатыхъ людей. Изъ мелкихъ пожертвованій составила сумма около 15.000 рублей. Особенно цѣнными членами отряда были Н. Н.

Комаровъ и Евгенія Семеновна Афанасьева, о которыхъ врядь ли кто и имѣеть понятіе. Первый служилъ въ Спб. почтамтѣ, вторая—въ московскомѣ».

2048. Письмо къ М. Мейзенбургъ и Н. А. Герценъ.

17 Fev. 1863.

Orsett House, West. terrace.

Es ist unendlich Schade, dass mein Brief vom 4 oder 5 verloren gegangen ist. Fragen Sie auf der Post, schreiben Sie an Ihren Post-Office—der Brief war an Sie adressirt, Malv. v. Meys.—Dieser Tod hat auf uns einen schrecklichen Eindruck gemacht. Dazu stellen Sie sich vor, dass Iohanna starb, als Lisa eine Rechute hatte.

Die Adla geht gut.

Nun aber—sagen Sie, wie kommt es—dass Ihr ganzes Comité nicht so viel догадка hat—uns zu verstehen, wenn etwas Absurdes kommt—dass da ein *Brief verloren* gegangen ist. Wie konnten Sie, wie konnte Tata denken, dass wir nicht geschrieben haben. Ou est donc le prix de l'expérience avec la célèbre lettre Gallait que je n'ai jamais écrite.

Enfin tâchez d'avoir ma iettre—réclammez, faites agir Friken etc. ¹⁾.

Новостей много, но писать много не хочется. Въ Петербургѣ была въ театрѣ демонстрація въ пользу Польши. Въ Англии сильно озлоблены противъ подлѣйшей Пруссіи (посылаю «Таймсъ»).

Кн. Долгоруковъ бѣжалъ изъ Бельгіи въ Голландію и ѣдетъ сюда, въ силу чего я ишу квартиру внѣ Лондона.

Саша ушелъ за разными покупками съ приѣзжимъ русскимъ ²⁾.

Пишу вамъ только, чтобъ сказать, что я о Iоганнѣ писалъ.

Прощай.

Ольгу цѣлую. Лиза ее сильно помнитъ и ждетъ.

Addio.

¹⁾ Безконечно жалко, что письмо мое отъ 4 или 5 пропало. Попытайтесь навести справку на почтѣ или обратиться въ мѣстное почтовое бюро; письмо было адресовано на ваше имя, Мальвидѣ ф. Мейз.—Эта смерть произвела на насъ страшное впечатлѣніе. Къ тому же, представьте себѣ, Iоганна умерла какъ разъ, когда у Лизы былъ рецидивъ. Адла здорова. Но вы скажите, какъ это у всего вашего комитета нехватаетъ догадки, чтобы не понять, въ чемъ дѣло, когда происходитъ какая-нибудь нелѣпность? Какъ это онъ не догадался, что *письмо пропало*? Какъ могли думать вы, какъ могла думать Tata, что мы не писали?! Куда дѣвался опытъ съ знаменитымъ письмомъ Галлэ, котораго я никогда не писалъ? Постарайтесь же добыть мое письмо,—подавайте заявленія, заставьте хлопотать Фрикена.

²⁾ А. А. Слѣпцовъ.

2049. Письмо къ Н. А. Герценъ.

24 Fev. 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

Милая Тата, поняли вы, наконецъ, что мое письмо пропало, и спрашивали ли на почтѣ? Мнѣ жаль, что именно это письмо пропало.

Около насъ, хотя и тихо, но видно зарево.. Что-то будетъ? Можетъ, и настоящая война. Теперь я убѣдился, что Пруссія въ десять разъ глупѣ Австріи. А наши-то негодяи? Получаете ли вы «Колоколь»? Дядя Мишель ¹⁾ уѣхалъ въ Брюссель и, пожалуй, доѣдетъ до Флоренціи... Что скажете тогда? ¹

Unsere Aktien sind wieder besser, Malvida Филипповна; ich war schon der Meinung, das man über Frank. nicht mehr gehen konnte, aber sehe doch, dass «all right» ist.—Naturalisiren Sie sich doch in Florenz—denn es ist unmöglich, tedesque gu bleiben. Wenn man diese Helden-Jünglinge in Polen—sieht—und die kleine Bavardage-Opposition in Berlin, so fühlt man, dass es desser ist, unterzugehen, wie Polen als ein Exerzierhaus der Philosophie wie Preussen zu blühen ²⁾).

◆◆ 1. 21 февраля Бакунинъ поѣхалъ въ Швецію съ намѣреніемъ агитировать тамъ въ пользу поддержанія польскаго возстанія и отправиться оттуда въ Польшу.

«Прощайте, друзья! Спасибо вамъ за годовую вѣрную и крѣпкую дружбу. Теперь впередъ! Назадъ не надо, да и не хочется... Пусть Саша не забудетъ написать сестрѣ своей Natalie полумистеріознымъ тономъ о томъ, что я уѣхалъ къ Гарибальди» («Письма», 108). Герценъ согласился, повидимому, что дочерямъ его пока не надо знать объ истинномъ маршрутѣ Бакунина, и потому самъ написалъ о Флоренціи.

Къ одному же изъ членовъ польскаго ржонда Бакунинъ писалъ: «Я поѣду въ Стокгольмъ, чтобы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей, и употреблю всѣ мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ, но желаютъ вмѣстѣ съ нами и наши петербургскіе друзья... Если мнѣ удастся

¹⁾ Бакунинъ.

²⁾ Наши акціи снова поднялись, Мальвида Филипповна; я ужъ думалъ, что черезъ Францію нельзя будетъ проѣхать, но вижу, что все хорошо. Натурализуйтесь же во Флоренціи,—невозможно оставаться нѣмкой! Когда сравниваешь геройскихъ юношей въ Польшѣ, съ одной стороны, съ мелкой болтливой оппозиціей въ Берлинѣ,—съ другой, то чувствуешь, что лучше погибнуть, подобно Польшѣ, чѣмъ процвѣтать, какъ Пруссія, этотъ манежъ философіи.

раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндіи, то я почту себя совершенно счастливымъ и довольнымъ. Дѣйствія польской диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ страшныя. Но я хочу, и я долженъ быть въ Польшѣ» (Гогель, «Иосафатъ Огрызко», 50, 51; отвѣтственность за точность цитаты лежитъ на Гогелѣ, не очень-то церемонившемся и не съ такими документами).

2050. ... Et la Russie.

Faifes savoir à vos lecteurs que le temps de chanter des Te Deum de grâce pour l'ignoble assistance de la Prusse n'est pas venu, que le danger n'est pas circonscrit en Pologne, qu'il est aussi plus loin en Russie, que non-seulement la Prusse, mais encore le Darmstadt n'y feront pas beaucoup.

Nous sommes informés,—et cela de bonne source, vous pouvez être sûr que toutes les sociétés politiques, cercles etc., dans l'armée et dans les provinces, se sont réunis en une seule organisation sous le titre de «*Semia i Volia*» (Terre et Liberté)! Le titre même suffit pour en définir le principe: «droit de chacun à la terre» et le but: «gouvernement électif et fédéral».

24 Février.

Переводъ.

...И Россія.

Извѣстите вашихъ читателей, что не настало время распѣвать «Te Deum»¹⁾ во славу подлыхъ прусскихъ властей; что опасность не локализована въ Польшѣ; что она существуетъ и дальше, въ Россіи; что не только Пруссія, но и Дармштадтъ многого здѣсь не сдѣлають.

Намъ извѣстно изъ вѣрнаго источника, можете быть увѣрены, что всѣ политическіе общества, кружки и т. п., какъ въ арміи, такъ и въ провинціи, соединились въ общую организацію подъ лозунгомъ «Земля и Воля». Лозунгъ этотъ самъ опредѣляетъ принципъ: «право каждаго на землю» и цѣль: «выборное и федеративное правительство». 1

◆◆ 1. Считаю не лишнимъ привести копію съ литографированной прокламаціи, выпущенной вскорѣ послѣ 19 февраля ст. ст. 1863 года и уже 8 марта нов. ст. воспроизведенной въ гражданской печати въ № 12 «Общаго Вѣща». —

¹⁾ Католическая молитва, начинающаяся словами «Te, Deum, laudamus» то-есть, «Тебя, Господа, хвалимъ».

ГДН ІСѢ ХѢ СНѢ БЖІИ ПОЖИНОУИ НАСЪ ГРѢШНЫХЪ.

лоучнаѣ порѣ прихóднт, положѣніямъ ерѡвъ вышѣла, ѣ народѣ по рѣзнымъ мѣстѣмъ сталѣ пошевеливатѣся. Не сегоднѣ такѣ зѣвтра ѣ христіолоубное бѡннство наше пойдѣтъ на Москвѣ выѣорныхъ Ѡ Нарѡда на Зѣмекѣи Сѡборѣ склнкѣтъ со всеѣ Зѣмлѣи, ѣ лнхѡдѣевѣ за граннцѣ, кѣ нѣмцамъ прогонѣтъ. Приннмаѣте же бѡннство сѣ чѣстнѡ, сѣ хлѣбомъ сѣ солѣю ѣ сѣ колокольнымъ зѡномъ, кѣждѣи по своѣи вѣрѣ, потому что ѣ вѣрамъ вѣемъ мѡжно бѣдетѣ полнѣю стѣвернѣтъ волю. За вѣсѣхъ вышѣдшнхъ рѣтовать за насѣ моантѣся БГѢ ѣ помогѣйте ктѡ чѣемъ мѡжетѣ. Гдѣ нельзѣи бѣдетѣ тѡтчасѣ поднѣтѣся, вы-, екрѣнѣ тамѣ сѣвѣ тишкѡмъ военное начѣльство: десѣтннкѡвѣ, сотннкѡвѣ, полковннкѡвѣ, воеводѣ, кѣнкѣ ѣ старннѣ. Тѡже, Срѣжѣе припасѣйте, кѣкое ктѡ мѡжетѣ. Ѡ дрѡвѣ сѣ дрѡгомъ совѣтѡдѣтѣся Сѡторѡжно. Крови лншней не проанѣнѣте сѣзѣ нѡжды людѣи не ѣзѣнѣнѣте, вѣ пѣанство ѣ вѣ градѣжѣ ннкѡмѣ вѣдавѣтѣся не позволѣнѣте. Ѡ вѣставѣнѣте чѣстнѡ, Отѣцѣ сѣ сынѡмъ, тѣстѣ сѣ зѣтѣмъ, брѣтѣ сѣ брѣтѡмъ, ѣ стѡнѣте дрѡжно за зѣмлю Сѡятѡрѣсскѣю за Жѣрѣ Нарѡдѣ БЖІИ: не тѡрѡпко, да ѣ не мѣшкѡтно. Чтѡбы завѣстѣи ѡ насѣ порѣдѡкѣ по Бжѣемѣ, ѣ не понѣмѣцкѡмѣ, ѣ не пофранцѣзскѡмѣ, ѣ не поанглѣйскѡмѣ: чтѡбы Зѣмля Сѡятѡрѣсскаѣ немѣдленно вышѣла ѣз подѣ рабѣства, ѣ достѣла сѣ своѣмѣ законѡмѣ ѣспоконѡмѣ влѣдѣтелю Нарѡдѣ Сѡятѡрѣсскѡмѣ, сѣзѣ дрѣзкн, ѣ сѣзѣ вымѣчнваннѣя ѣ него выкѡпа. Чтѡбы спрѣвѣлѣла, сѣдѣла ѣ распрѣвѣлѣла, ѣ подѣтн раскѣдѣвалѣ нарѡдѣ самѣ собоѣ, своѣи лѡдымъ: ѣ не чнновннкѣи грѣчнтелѣамн ѣ прѣчѣсннтелѣамн. Чтѡбы достѣла сѣ нарѡдѣ ѣ Зѣмля ѣ воля. Чтѡбы воѣско вперѣдѣ набѣралѡ сѣ только ѣз Ѡхѡтннкѡвѣ, ѣ тепѣрѣшннмъ сѣдннмъ солѣдѣтамъ бнла ѣ воля домѡи ѣдѣтѣтъ, ктѡ пожелѣетѣ. Чтѡбы царѣтѡвала ѣ насѣ своѣ правѣда, ѣ не чжѣла крѣвѣда. До когѡ ѣто доѣѣтъ, ѣ ктѡ ѣто поѣмѣтъ, ѣ Жѣрѣ за собоѣ поведѣтъ, тѡтѣ лѡдыамъ велѣнокѣ добрѡ сѣдѣлѣетѣ, ѣ сѣвѣ засѣднѣтъ Ѡ Гдѣ правѣднѡе воздѣаннѣе, ѣко за блнжннхъ своѣхъ дѣшѣ своѣ полагаѣлѣ. Крѣстнѣанѣ ѣ мѣщѣанѣ, двѡрѡвыѣ ѣ мѣрѣанѣ, кѡпцы ѣ попы, кѣзѣкн солѣдѣты ѣ. Ѡфнцѣры, стѣровѣры ѣ. вѣстѣе разнѡвѣры: кѣзѣннаѣ мѣрѡѣднѣнаѣ властѣе прохѡдѣтъ, мѣрѣкаѣ нарѡдѣнаѣ прихѡдѣтъ, ѣнострѣннаѣ ѣсчѣзѣетѣ, сѡятѡрѣсскаѣ настѣдѣпѣтъ.

Ѡмѣющн оушн слышатн да слышннтѣ. дѣ чнслѡ мѣа фѣврѡуѣрѣта тѣкѣщѣаго года.
Ѡмннѣ.

2051. Письмо къ И. С. Тургеневу.

20 февраля (1863).

Письмо твое отъ милого японца ¹⁾ получилъ. Мнѣ сказывали двѣ недѣли прежде, что тебя будутъ требовать ²⁾. Я самъ полагаю, что Гейдельбергъ и разговоры его навлекли это. Можетъ, было бы лучше ѣхать; преслѣдованіе тебя нанесло бы страшный ударъ правительству дураковъ, трусовъ и, въ силу этого, злодѣевъ. Бумаги ³⁾, о которой ты пишешь, ни у меня, ни у О. нѣтъ. Помнится, она была у насъ въ копіи; спроси у Л. ⁴⁾—онъ очень скромный; адресъ въ Гейдельбергъ: Anlage Pension Freund.

По твоему глаголу, я молчалъ до тѣхъ поръ, пока расхотался, прочитавъ эту тайну въ «Нордъ». А твоимъ ведеттамъ наука: не пиши повѣстей въ журналахъ, которыхъ питають сосцы 3 Отдѣленія... Богъ увидѣлъ и наказалъ. Что ты скажешь объ учтивости Долгорукова, который отъ тебя бѣжалъ и лежитъ въ Бреду (это не болѣзнь, а городъ въ Голландіи).

У Вашихъ ногъ

А. Герценъ.

24 февраля.

Твой японецъ не идетъ; рѣшаюсь послать письмо въ Парижъ. Что, каково они, обовшившіеся пруссаками, раздражили Европу? Читалъ въ объявленіяхъ, что ты будешь печатать во «Времени» (всегда во-время все, что печатается и недостаточно въ... ⁵⁾), а не въ шпионскомъ разсадникѣ Каткова (этомъ б.—прибавляетъ кн. Долгоруковъ). Поздравляю съ позднимъ, но по виду похвальнымъ возбужденіемъ чувствованія... добродѣтелей.

2052. Письмо къ дочерямъ.

26 февр. (1863).
Orsett House, Westb. terrace.

Ну, вотъ я и опять пишу къ вамъ, Тата, Оля и Мальвида Филипповна. Вчера былъ Кинкель и въ воскресенье опять придетъ,—каковы чудеса. А вы тамъ что бунтуете, по митингамъ ѣздите да «либерту» кричите?

¹⁾ Рудольфъ Ландау.

²⁾ По дѣлу Серно-Соловьевича и др. въ сенатъ; см. мои «Очерки освободительнаго движенія» etc., 160—174.

³⁾ Поправки и замѣчанія къ проекту адреса государю, приведенныя мною въ комментаріи за 1862 г.

⁴⁾ Лугининъ.

⁵⁾ Слово не разобрано.

Я получилъ черезъ Фрикена письмо отъ Дольфи ¹⁾ и к—ни; они хотятъ мнѣ прислать что-нибудь или черезъ меня вступить въ сношеніе съ Пол. Я тотчасъ отвѣчалъ, именно вчера, а ты спроси Ф., получилъ ли онъ письмо (по его адресу, Via Belgium).

Первый результатъ дѣлъ такой, что я полагаю полезнымъ отсрочить вамъ еще вашу флорентійскую жизнь. Мы говорили—отъ 15 дек. circa ²⁾ до 1 мая; кажется, можно вамъ прибавить еще мѣсяца два.

Забѣлло ³⁾ ничего не заказывай, а мнѣ пришли эскизъ. Жаль очень, что письмо мое пропало.

28 февраля.

Милая Ольга, вчера мы получили твое письмо и были имъ очень довольны, особенно тѣмъ, что ты премудро рассуждаешь о митингѣ и о salterell'ѣ ⁴⁾. Пиши всегда такія длинныя письма. Т. спрашиваетъ, не взять ли Туту ⁵⁾ на войну, если онъ пойдетъ. Я совѣтую ей купить небольшую бутылку и чако или кепи и послать comme une vivandière ⁶⁾.

У насъ все такъ же тепло, какъ было лѣтомъ. Докторъ посылаетъ Natalie съ дѣтьми на десять дней въ St. Leonard. Здѣсь очень много больныхъ, особенно въ горячкѣ. Вчера на нашей новой желѣзной дорогѣ (вы ее не знаете, это — подземная) было несчастье. Такъ какъ все тунели, то, должно быть, это очень неприятно.

2053. «Земля и Воля».

Въ то время, какъ петербургскій орелъ опустилъ одну изъ головъ, рветъ по ключьямъ грудь несчастной Польши, около другой головы его собираются иныя тучи—свои, домашнія... Пусть онъ погодить служить молебень съ своимъ бранденбургскимъ коршуномъ ⁷⁾, котораго позвалъ на пиръ усмиренія великаго народа.

1863—не 1831.

Если Европа та же, то Россія не та же!

¹⁾ Джузеппе, итальянскій патриотъ и сотрудникъ Маццини и Гарибальди.

²⁾ Приблизительно.

³⁾ Пармень Петровичъ, скульпторъ; рѣчь о памятникѣ на могилѣ въ Ниццѣ.

⁴⁾ О прыгункѣ.

⁵⁾ Собака Ольги А.

⁶⁾ Маркитанткой.

⁷⁾ Государственный гербъ бывшаго курфюршества бранденбургскаго также изображаетъ двуглаваго орла; русскій гербъ ведетъ свое происхождение изъ Византии.

Мы достовѣрно знаемъ, что столичные и областные круги, соединясь между собой и съ офицерскими комитетами, сомкнулись въ одно общество.

Общество это приняло названіе: «*ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ*».

Во имя этого названія оно побѣдитъ!

Земля и Воля! родныя слова для насъ; съ ними выступили и мы нѣкогда, въ зимнюю николаевскую ночь, и ими огласили раннюю зорю настоящаго дня. *Земля и Воля* было въ основѣ каждой статьи нашей, *Земля и Воля* на нашемъ заграничномъ знамени и въ каждомъ листѣ, вышедшемъ изъ лондонскаго станка.

Земля и Воля—два великіе завѣта двухъ неполныхъ развитій, два необходимыя пополненія вѣчно расторженныхъ полушарій, которыхъ соединить, быть можетъ, удѣлъ Россіи. Она испытала до дна, что значитъ *земля безъ воли*, она наглядѣлась досыта, что значитъ *воля безъ земли*...

Привѣтствуемъ васъ, братья, на общемъ пути! Съ жадностью будемъ мы слѣдить каждый шагъ вашъ, съ трепетомъ ждать отъ васъ вѣстей, съ любовью будемъ передавать ихъ, съ безкорыстной любовью людей, радующихся развитію стремленій цѣлой своей жизни.

Съ вашей святой хоругвью вамъ легко будетъ служить русскому народному дѣлу!

1 марта 1863.

2054. Schinderknecht ¹⁾).

...il y a toujours eu dans l'estime des peuples quelqu'un au-dessous même du bourreau—c'est son valet!

Le C-te de Montalembert.

«Valet du bourreau» — verdeutsch — «Schinderknecht»..

Deut.-Fran. Lexicon ²⁾).

Русскій офицеръ *Клишкевичъ*,—пишетъ «Бреславльская Газета»—былъ остановленъ пруссаками и выданъ Россіи.

Трое молодыхъ поляковъ: Пронцовскій, Дзиковскій и Коперчинскій схвачены на дорогѣ изъ Парижа въ Польшу пруссаками и *выданы* Россіи («Opin. Nation.»).

¹⁾ Подручный палача.

²⁾ ... существовалъ всегда нѣкто, кто въ уваженіи народномъ стоялъ еще ниже, чѣмъ даже палачъ, это—его подручный! *Графъ де-Монталамберъ*. «Подручный палача»—по нѣмцки: «Schinderknecht». *Нѣм.-франц. словарь*.

2055. Преступленія въ Польшѣ.

I.

Печаленъ нашъ удѣлъ, — скрѣпя сердце, помѣчатъ главныя черты неравнаго боя польскаго Лаокоона съ петербургскимъ чудовищемъ ¹⁾... Съ одной стороны героизмъ до безразсудства, поэзія, любовь, великія преданія, воля, беспомощность и смерть; съ другой—властолюбивый капризь, забитое повиновеніе, угрызеніе совѣсти, сила и *прусская помощь*.

Дѣйствительно, неугомонный народъ эти поляки: около ста лѣтъ не могутъ умереть. Кажется, все кончено; проходятъ поколѣнія,—все тихо,—*finis Poloniae!* ²⁾,—Европа успокаивается на безплодномъ чувствѣ сожалѣнія: что же тутъ дѣлать? мертваго не воскресишь, да и гдѣ же было пережить столько ранъ и ударовъ. Забытъ гордый боецъ подъ землей... И вдругъ изъ одного конца міра до другого раздается стонъ, потрясающій всѣ совѣсти, мѣшающій всѣмъ снамъ,—стонъ заживо схороненнаго народа, приподнимающагося въ своихъ кровавыхъ ранахъ и ржавыхъ цѣпяхъ и возвѣщающаго, что *онъ не умеръ!*

Нѣтъ, онъ не умеръ! Мертвые не могутъ возбуждать столько преданности, самоотверженія, столько фанатическаго восторга, столько юныхъ силъ.

Поляки *исчезаютъ* въ Европѣ; гдѣ ихъ было десять — ихъ два, гдѣ два—и тѣхъ нѣтъ. Идетъ и юноша съ пробивающимся усомъ, идетъ и сѣдой изгнанникъ 1831, идетъ, бросая мѣсто, работу, которой онъ не найдетъ больше въ тѣснотѣ и давкѣ западной конкуренціи; убогое достояніе продано. Польша возстала, Польшѣ ихъ нужно, о чемъ же тутъ разсуждать,—надобно итти.

Къ мертвымъ такъ не ходятъ; вѣдь, и тѣ, которые ходили ко гробу въ Іерусалимъ, ходили не къ мертвому, а къ воскресшему.

Правъ былъ Юліанъ Клячко въ своей рѣчи въ Батиньольской школѣ ³⁾, когда онъ сравнивалъ польскую эмиграцію съ тѣмъ схимникомъ, спасавшимся вдали отъ людей, который на вопросъ одного изъ цезарей, что онъ дѣлаетъ? отвѣчалъ: «*Remeo!—Возвращаюсь!*».

Польская эмиграція не бросила корней, не осѣла, не взошла въ свою мебель, *она возвращалась!*

¹⁾ Согласно греческому преданію, троянскій жрецъ Лаокоонтъ, вмѣстѣ съ сыновьями, былъ задушенъ змѣями.

²⁾ Конецъ Польшѣ! (воскличаніе Костюшка послѣ битвы при Маціови-вицахъ).

³⁾ Для дѣтей польскихъ эмигрантовъ.

Полякамъ что-то говорить, несмотря на ихъ гордую увѣренность, что они принадлежать къ тѣсному родству западныхъ народовъ, *что они здѣсь не дома.*

Нѣмецъ, прожившій гдѣ-нибудь лѣтъ десять, теряетъ все національное, кромѣ дурного акцента, вживается во всѣ интересы страны, кормящей его, не стремится въ свое отечество, не болитъ о немъ, а полякъ, какъ бы долго ни жилъ, *возвращается.* И оттого, при первомъ призывномъ звукѣ трубы съ береговъ Вислы, изгнанникъ польскій встаетъ въ Италиі, встаетъ въ Англиі, беретъ бѣдную свою котомку и идетъ нести свою кровь общей, всѣхъ скорбящихъ, страшно несчастной и страшно любимой матери.

...Какая черная доля быть палачомъ этой матери, затягивать веревку на ея шею и хладнокровно, сто противъ одного, прирѣзывать ея дѣтей!

Можетъ, только одно положеніе въ мірѣ еще хуже нашего, это положеніе добровольнаго помощника при экзекуціи, помощника сильному противъ слабого... положеніе сыщика, полицейскаго, ждущаго на дорогѣ. Нѣтъ, не быть тебѣ, Пруссія, во главѣ германскаго единства: нѣтъ, ты сама развалишься; государство безъ народности,—военная нелѣпость, созданная королемъ - энциклопедистомъ ¹⁾; на твоёмъ юнкерскомъ лбѣ нѣтъ помазанія, ты останешься военной семинаріей рода человѣческаго, экзерцизъ-гаузомъ философіи и аванпостомъ петербургской управы благочинія.

II.

Рядомъ съ дико-звѣрскими подвигами непріятельскаго войска въ Польшѣ, рядомъ съ сожженными деревнями, убитыми женщинами, разграбленными домами идетъ безобразіе казенной и откупной журналистики. Эти риторическія погребушки, привязанныя къ разъяренному медвѣдю, эта кровавая грязь, липнувшая къ пушечнымъ колесамъ, заставляетъ содрогаться.

Если въ чемъ-нибудь прогрессъ несомнѣненъ въ Россіи, то это въ литературномъ растлѣніи. При Николаѣ всякое заявленіе политическихъ мнѣній было запрещено. Журналистъ молча передавалъ урѣзанный фактъ, и читатели догадывались, о чемъ онъ умалчиваетъ. Два-три закупленные журналиста ²⁾ пользовались всеобщимъ презрѣніемъ и не имѣли никакого вліянія на общественное мнѣніе. Все это измѣнилось. Теперь всякій казенный публицистъ начинаетъ съ оды на свободу, съ гимна о несокрушимомъ правѣ, съ проклятія цензуры... и такъ ведетъ, ведетъ читателя по форумамъ и капитоліямъ... да вдругъ и очутится съ нимъ въ III Отдѣленіи, и уже пахнетъ не Вашингтономъ, не Мирабо, а

¹⁾ Т.-е. Фридрихомъ II Великимъ.

²⁾ Гречъ, Булгаринъ и пр.

чисто Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ... Около капитальныхъ статей красуется наивный вѣнокъ такой безстыдной лжи, такого основательнаго невѣжества, такой пошлости, наконецъ, что середь величайшаго отвращенія нельзя не смѣяться.

Статья «Journal de St.-Pétersbourg» поразила всю Европу своей безцеремонностью, своимъ обличеніемъ неслыханнаго отсутствія всякаго нравственнаго чувства въ петербургскомъ правительствѣ. Противъ нея вышли «Московскія Вѣдомости» съ либеральнымъ началомъ и англійскимъ заключеніемъ; онѣ не принимаютъ признанія «Journal de St.-Pétersbourg» и находятъ, что рекрутскій наборъ, *по выбору полиціи, совершенно законенъ*... Мы думали, что дальше итти нельзя, но 21 N^o «Вѣдомостей» оставилъ за собой все предыдущее. Начавъ одну статью похвалой польскому патриотизму и пожуривъ въ другой—правительство за то, что плохо смотрѣло за поляками и мало брало мѣръ осторожности, «Московскія Вѣдомости» говорятъ: «...Паскевичъ, остановивъ наши полки у вавовъ Варшавы, хотѣлъ избѣжать ужасовъ пражскаго штурма въ 1794 году; за это великодушіе, спустя тридцать два года, намъ заплатили новою вареоломеевскою ночью, благодаря тому, что мы простерли свое *новое великодушіе до самозабвенія*»...

Такого каннибальства мы не встрѣчали съ тѣхъ поръ, какъ «Отеч. Записки» въ бреду отъ страха (который, слава богу, прошелъ) требовали какихъ-то несслыханныхъ казней зажигателямъ, которыхъ и поднесъ не нашлось.

Самое замѣчательное состоитъ тутъ въ томъ, что этой вареоломеевской ночи не было. И не только не было, но само собой разумѣется, что объ ней никогда никто, кромѣ полицейскихъ композиторовъ, не думалъ,—тѣхъ самыхъ, которые накануне взрыва писали, что «рекруты *довольны тѣмъ*, что рекрутство избавило ихъ отъ притязательности революціонной партіи», тѣхъ самыхъ, которые на другой день взрыва начали кричать объ ужасахъ и до сихъ поръ не унимаются. Кстати, къ этимъ ужасамъ.

Тотъ, кто сколько-нибудь знаетъ, что такое возстаніе,—возстаніе въ двадцати пунктахъ, безъ сосредоточенности, безъ плана, безъ правильнаго веденія, тотъ пойметъ легко, какіе несчастные случаи могутъ совершиться. Но клепать на народъ, геройски поднявшійся и бросившій перчатку такой силѣ, такъ же мало рыцарски, какъ при первомъ выстрѣлѣ броситься къ прусскому дяденькѣ съ крикомъ: «Карауль, карауль, helfen Sie mir, Onkelchen!»¹⁾

И что могутъ значить отдѣльные случаи жестокости въ сравненіи съ разграбленными домами, выжженными деревнями и, наконецъ, казнями, приказанными полковникомъ Бедрягой, какъ говорить «Таймсъ» (18 февр.)? И при всемъ этомъ есть полковники *plus royalistes que le roi*, которые упрекаютъ Николая и

1) Помогите мнѣ, дядюшка!

Паскевича въ излишней мягкости и неосторожномъ великодушіи! Мы скоро дойдемъ до того, что сдѣлаемъ изъ Аракчеева сентиментальнаго Вертера, который отъ избытка нѣжности засѣкаль дюжинами солдатъ.

Обращаемся къ валуевской «Почтѣ». Вотъ какую, на примѣръ, галиматью печатаетъ она съ нѣмецкихъ голосовъ:

«До настоящей минуты (28 января), благодаря военному положенію, въ Варшавѣ все спокойно. Съ 9-ти часовъ вечера рѣдко показывается военный на улицѣ; но въ казармы, такъ же, какъ и въ цитадель, никто не допускается. Извѣстія, полученныя до сегодня, *успокоительны и благоприятны* для правительства. Ни Плоцкъ, ни Радомъ и ни одинъ изъ другихъ городовъ не находятся въ рукахъ мятежниковъ; временное правительство, о которомъ такъ много говорили, не объявлено. Нападенія въ Плоцкѣ и Бодзентынѣ ¹⁾ были всего опаснѣе, а, впрочемъ, инсургенты, хотя и собираются толпами, но, какъ только замѣчаютъ, что численное превосходство ихъ надъ войсками не слишкомъ значительно, тотчасъ же обращаются въ бѣгство и скрываются въ лѣсахъ. Наружный видъ пойманныхъ бѣдняковъ самый жалкій. Голодные, оборванные, часто босые, они представляютъ самую грустную картину нищеты. *О военной выправкѣ, о какой бы то ни было дисциплинѣ или о правильномъ вооруженіи, жалованьи и продовольствіи, нѣтъ и поминъ*».

Насчетъ продовольствія инсургентовъ сказано, что имъ дается *полъ-лота хлѣба и кварта водки въ день!*

«При Мылеевѣ толпа въ 40-человѣкъ встрѣтила двухъ здѣшнихъ жандармовъ. Между инсургентами нашелся нѣкто, привезенный въ прошломъ году однимъ изъ этихъ жандармовъ въ Варшаву. Этотъ инсургентъ объявилъ, что сейчасъ же убьетъ жандарма, но другіе удержали его отъ такого намѣренія тѣмъ доводомъ, что было бы безчестно, если-бъ столько людей напали на двоихъ и умертвили бы ихъ. Кончилось тѣмъ, что жандармовъ обезоружили, отняли у нихъ лошадей, платье и отпустили ихъ въ крестьянской одеждѣ. Пока всѣ эти печальныя дѣйствія происходятъ *въ полѣ, въ шинкахъ поляки пляшутъ съ русскими*».

Это—букетъ, выше этого ничего нѣтъ. Столоначальникъ, помѣстившій эту статью, заслуживаетъ одобренія высшаго начальства.

Генераль-лейтенантъ Синельниковъ везъ 100.000 руб.; на него напали инсургенты и, обезоруживъ его, взяли деньги и дали расписку. Генераль-лейтенантъ Синельниковъ объявилъ въ «Сѣвер. Пч.», что деньги у него не брали и что онъ далъ не расписку, а свои *револьверы*,—такъ были учтивы инсургенты. Оказывается, стало, на дѣлѣ, что оба дурно поступили: генераль, отдавши оружіе, и инсургенты, не взявши денегъ.

¹⁾ Вѣроятно, Бодзановъ—посадѣ Плоцкой губ.; Бодзентынъ находится въ Кіевской губерніи.

Кто такой Франковскій по русскимъ газетамъ?

Франковскій—миоѣ.

Франковскій—зять Эпштейна.

Эпштейнъ—зять Франковскаго.

Франковскій—генераль Высоцкій.

Его взяли въ плѣнъ, и сейчасъ газеты перепечатаваютъ біографію генерала Высоцкаго,—вотъ, молъ, мы какую птицу взяли въ плѣнъ,—а Высоцкій въ Парижѣ.

III.

Предѣлъ злодѣйства достигается рѣдко, оттого что преступленіе рѣдко достигаетъ той степени нелюдского безобразія и голыи безнравственности, что оно равно поселяетъ отвращеніе въ старомъ и маломъ; прогрессивному правительству въ Петербургѣ удалось достигнуть этого геркулесова столпа, и вотъ оно стоитъ передъ судомъ Европы, окровавленное, гадкое, двуличное, съ печальными солдатами, съ прусской родней, въ вѣнкѣ изъ подкупныхъ листьевъ, и присяжные всѣхъ народовъ признаютъ *его осужденіе*.

Возбудить негодованіе, ненависть, проклятіе всей Европы,—Европы усталой, старой, католической, протестантской, это—страшный успѣхъ.

Какъ-то наши англикующіе журналисты сладятъ съ засѣданіями парламента и со всей англійской журналистикой? Россель-то ¹⁾ не находить, что людокрадство не выходитъ изъ законности. Опять *стрѣлокъ* - сенаторъ ²⁾ промахнулся. Трудная должность быть литературнымъ адвокатомъ злодѣйствъ и гласностью укрывать и прихорашивать преступленія.

IV.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Какъ ни странно намъ, какъ ни удивляетъ насъ самихъ это, мы готовы привѣтствовать отъ всей души Австрію на ея новомъ пути и пожелать ей, чтобъ она не сбилась съ него.

Мы не вѣримъ ни въ возможность наказаній за гробомъ, ни въ справедливость уголовныхъ каръ, мы не признаемъ ни смертныхъ грѣховъ, ни смертныхъ казней. Всякое окончательное осужденіе, всякій безапелляціонный приговоръ ограничиваетъ мысль и мѣшаетъ дальнѣйшему пониманію, съ одной стороны, и возста-

¹⁾ Джонъ, либеральный англійскій государств. дѣятель.

²⁾ Катковъ.

новленію—съ другой. Мы готовы всегда измѣнить наши сужденія, не отступая ни на волосъ отъ общихъ началъ нашего воззрѣнія.

Какъ бы поздно ни возвращался грѣшникъ блуднымъ сыномъ или *блуднымъ дѣдомъ*, лишь бы онъ это дѣлалъ *сознательно и откровенно*,—велимъ радостно заколоть лучшаго теленка.

Воротиться никогда не поздно и не трудно, лишь бы увидѣть свою ошибку, а поправить ее всегда легко. Вся бѣда въ томъ, что преступники неволью «скверные счетчики». Мозгъ у нихъ такъ забить и такъ мало развить, что они рѣдко могутъ одолѣть сложную бухгалтерію жизни.

Если-бъ мы могли послать Австріи всѣ знаменитыя ариѳметики, отъ ариѳметики Мих. Магницкаго и ариѳметики штыкъ-юнкера Войтяховскаго¹⁾ до ариѳметики Меморскаго, мы сейчасъ послали бы въ Вѣну. Немножко пропорцій, немножко тройного правила—и Австрія гордо поднимаетъ свою голову, показывая индულгенцію народовъ и отпущеніе былого за подвигъ настоящаго.

Немножко ариѳметики!

... На бѣломъ австрійскомъ мундирѣ далеко видно черное клеймо, выжженное вѣковымъ проклятіемъ рода человѣческаго; на ветхой габсбургской мантии бездна пятенъ: рѣки крови лились по ней и рѣки слезъ. Мѣста такого нѣтъ въ обширной имперіи, гдѣ въ воздухѣ не носился бы стонъ задушенной безжалостно народности, гдѣ бы не валялись цѣпи, перержавѣвшія на живыхъ костяхъ.

Сколько бѣдствій, униженій вынесла она за холодное хищничество свое, за ревнивое властолюбіе. Грозныя несчастія шли одно за другимъ, Сольферино за Маджентой, напоминая ветхому грѣшнику, что мѣра его дѣлъ исполняется, что пора каяться. Австрія, запустивъ глубоко свои когти въ льва св. Марка²⁾, думала думу.

Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, результатъ этой думы—ея настоящее положеніе относительно польскаго вопроса.

Пусть она выдержитъ начатое, не собьется съ дороги, и ея былые грѣхи задвинутся. И она можетъ все это сдѣлать, не теряя ничего, чего терять не надобно, и выигрывая гегемонію Германіи и... и—это почти роскошь—и втаптывая въ грязь презрительную Пруссію, протестантскую будку православнаго петербургскаго царя.

Но пусть же Австрія помнитъ, что не всякій день на ея улицѣ будетъ праздникъ. Она можетъ къ себѣ приложить слова своего знаменитаго противника:

«Oggi o mai!»³⁾

¹⁾ Ефимъ Дмитріевичъ, артиллеріи штыкъ-юнкеръ, преподаватель математики и авторъ учебниковъ.

²⁾ Т.-е., въ Венецію, на площади которой Piazzetta воздвигнута гранитная колонна съ изображеніемъ Льва св. Марка, покровителя бывшей венеціанской республики.

³⁾ Сегодня или никогда!

2056. («Свободное Слово»).

Въ Брюсселѣ вышла первая книжка «Свободнаго Слова»¹⁾, изд. г. Л. Блюммеромъ. Мы предсказываемъ большой успѣхъ предпріятію г. Блюммера. Составъ I кн. очень хорошъ. Обращаемъ особенное вниманіе читателей на письмо *Литвина* къ *Бакунину* и отвѣтъ на него *Русскаго*.¹

◆◆ 1. Указанныя Герценомъ статьи касаются польскаго вопроса. «Литвинъ» выпустилъ въ Парижѣ брошюру «*Michal Bakunin i odezwa jego do przyjacieló rosyjskich i polskich*», которая явилась отвѣтомъ на статью Бакунина «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», приложенную при № «Колокола» отъ 15 февр. 1862 г. Изъ этого отвѣта «Свободное Слово» перевело наиболѣе существенную пятую, послѣднюю, главу и вслѣдъ за тѣмъ помѣстило возраженіе «Литвину» анонимнаго русскаго.

Литвинъ безусловно не раздѣлялъ точку зрѣнія Бакунина на желательность господства общиннаго владѣнія землей, протестовалъ противъ введенія этой формы въ Ц. Польскомъ, находя, что насильственное уничтоженіе личнаго владѣнія будетъ несправедливостью. Что касается границъ будущей Польши, то, отказываясь отъ установленныхъ по картамъ Вѣнскаго конгресса, «Литвинъ» полагалъ, что никоимъ образомъ нельзя послѣдовать Бакунину и предложить Литвѣ и Малороссіи самимъ избрать, куда присоединиться. «На Смоленскъ, Курляндію, Малороссію не имѣемъ малѣйшихъ притязаній, но на Польшу въ томъ составѣ, въ какомъ она была до раздѣла, съ Литвою, Вольнью, Подолиєю и Украйной до Днѣпра, имѣемъ полное право и на обладаніе ею питаемъ въ душѣ и надежду и вѣру».

«Русскій» указывалъ, что «Литвинъ» является выразителемъ желаній польской аристократіи, что онъ рѣзко расходится съ партіей демократической, которой велось возстаніе 1830—31 гг. и нынѣшнее, и явно не имѣлъ сильной поддержки въ польскомъ крестьянствѣ. Вотъ вкратцѣ основное содержаніе обѣихъ статей, впервые тогда съ полною ясностью освѣтившихъ двѣ противоположныя точки зрѣнія.

Теперь о Блюммерѣ.

Въ февралѣ 1862 г. было задержано письмо къ нему отъ «А. Мил.» По наведеннымъ справкамъ, авторомъ оказался А. П. Милоковъ—«человѣкъ умный, но съ направленіемъ ультралиберальнымъ»; признанный мало виновнымъ по дѣлу Петрашевскаго, былъ подвергнутъ секретному надзору, который снятъ по манифесту 26 августа 1856 г. Было приказано учредить наблюде-

¹⁾ За 1863 г.

ніе за корреспонденціей къ Блюммеру, имѣя въ виду, что ему пишутъ на имена: «Леонида Книжника», «Крутойрченко», «Л. Б.» и «Юганна Мюльбаха».

Блюммеръ выѣхалъ за границу по безсрочному (на 5 лѣтъ) паспорту, полученному отъ Спб. ген.-губернатора 29 ноября 1861 г.

3 октября 1863 г. гр. Н. Орловъ писалъ изъ Остенде Потапову: «На-дняхъ пришелъ ко мнѣ Блюммеръ, редакторъ «Своб. Слова»; онъ отдѣлился отъ Долгорукова, отказался ѣхать въ Лондонъ, боясь подвергнуться безумному вліянію Герцена и Бакунина, и отправляется въ Дрезденъ быть редакторомъ новаго русскаго журнала «Европеецъ». Журналъ этотъ будетъ въ умѣренномъ тонѣ, и самъ Блюммеръ не надѣется на его успѣхъ. Цѣль его визита была спросить у меня: можетъ ли онъ безбоязненно со временемъ (къ истеченію срока паспорта черезъ два года) вернуться въ Россію, гдѣ желаетъ посвятить себя адвокатурѣ. Я отвѣтилъ, что частнымъ образомъ соберу свѣдѣнія и сообщу ему мое мнѣніе и совѣтъ по совѣсти. Я бы хотѣлъ для того знать, какія въ III Отдѣленіи свѣдѣнія о Блюммерѣ и какое его положеніе въ отношеніи къ правительству». Потаповъ отвѣчалъ 15 окт. н.ст.: «По вопросу Блюммера, любезный другъ, могу только представить тебѣ справку; указанная въ ней статьи закона слишкомъ ясны и не требуютъ комментаріевъ, но странно, что реформаторъ Блюммеръ, посвящающій себя преобразованію нашей милой родины, не знаетъ даже основныхъ государств. законовъ, а—кандидатъ правъ. Справку эту я посылаю собственно для тебя, а Блюммеру во всякомъ случаѣ не только передавать, но и объявлять ее я полагаю бы неудобнымъ, а просто сказать ему, чтобы онъ прочиталъ самъ свои сочиненія и тома XV кн. I ст. 275, 276 и 286 Св. Зак., уставъ уголовный».

Сестра Блюммера Антонина обвинялась «въ составленіи у себя въ квартирѣ сборищъ, на коихъ происходили разсужденія о дѣлахъ правительства, и подозрѣвалась въ участіи по распространенію возмутительныхъ воззваній, но дѣйствія ея въ семъ отношеніи фактически не доказаны». Вслѣдствіе этого въ сентябрѣ 1862 г., по заключенію слѣдственной комиссіи, послѣдовало высоч. повелѣніе сдѣлать ей строгое внушеніе о неблаговидности ея поступковъ и отдать на поручительство отца, проживавшаго въ Воронежѣ, чтобы находилась тамъ безвыѣздно подъ секретнымъ надзоромъ.

25 октября Орловъ сообщилъ Потапову изъ Брюсселя, что Блюммера тамъ уже нѣтъ.

18 декабря 1863 г. шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что государь повелѣлъ поступить съ Леонидомъ Блюммеромъ, издававшимъ въ Берлинѣ журналъ «Свободное Слово», «направленіе котораго оказывается явно преступнымъ», по закону. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, онъ находится въ Дрезденѣ.

9 декабря министр юстиціи Замятинъ сдѣлалъ соотвѣтственное предложеніе сенату; послѣдній передалъ дѣло кн. Суворову для разысканія подсудимаго.

19 апрѣля 1865 г. брѹ сельскій посланникъ (кн. Орловъ) увѣдомилъ мин. ин. дѣлъ, что извѣстное ему «болѣзненное состояніе Блюммера лишаетъ его возможности возвратиться въ Россію, но онъ «изъявляетъ полную готовность отвѣчать письменно на вопросныя пункты петербургской палаты уголовного суда. Долгомъ считаю присовокупить, что во все время пребыванія въ Бельгіи Блюммеръ былъ поведенія хорошаго и примѣрнаго, и что я намѣренъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ всемилостивѣйшаго ему прощенія».

23 мая Орловъ писалъ кн. Долгорукову: «Въ октябрѣ 1863 года явился ко мнѣ проживающій въ Брюсселѣ кандидатъ Спб. университета Леонидъ Блюммеръ. Онъ выразилъ раскаяніе въ легкомысленныхъ поступкахъ его въ 1862 и 1863 годахъ и просилъ исходатайствовать ему разрѣшеніе вернуться въ отечество въ намѣреніи поступить на службу. И заглядить ошибки молодости ревностнымъ и совѣстливымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Я не принялъ тогда прошенія Блюммера, ибо не зналъ, чисто-сердечно ли его раскаяніе. Въ теченіе двухъ лѣтъ я наблюдалъ за нимъ и, по совѣсти, могу теперь просить ваше сіятельство ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ прощеніи Блюммера. Онъ ведетъ жизнь безукоризненную, политическія мнѣнія его самыя умѣренныя и поведеніе его въ грустную эпоху кончины государя наслѣдника было глубоко трогательно. Онъ написалъ статью, въ которой изобразилъ чувства брюссельскихъ русскихъ при грустной вѣсти, и онъ же сочинилъ и подписалъ депешу русскихъ къ государынѣ императрицѣ. Вообще, я могу поручиться, что въ Россію Блюммеръ вернется хорошимъ патріотомъ и искреннимъ вѣрно-подданнымъ. Вотъ почему я рѣшился просить в. с. представить государю императору мое всеподданнѣйшее ходатайство о всемилостивѣйшемъ прощеніи Леонида Блюммера, о дозволеніи ему возвратиться въ Россію и о прекращеніи всякаго суда и слѣдствія надъ нимъ». Помѣтка шефа жандармовъ 23 мая: «увѣдомить кн. Орлова, что по докладу настоящаго письма, г. и. изволилъ отозваться, что прежде всего Блюммеръ долженъ явиться въ Россію по вызову, который ему былъ сдѣланъ».

8 іюля Орловъ увѣдомилъ Долгорукова, что Блюммеръ изъявилъ полную готовность покориться высочайшей волѣ и намѣренъ выѣхать черезъ два дня въ Россію. По его просьбѣ, онъ препроводилъ запечатанное письмо Блюммера къ государю.

Вотъ содержаніе послѣдняго:

«Ваше императорское величество, государь всемилостивѣйшій! Яо высоч. в. и. в. повелѣнію, я преданъ уголовному суду за изданіе въ Берлинѣ журнала «Свободное Слово» и вызванъ въ Россію. Несмотря на всю тяжесть ожидающаго меня впереди наказанія,

я считаю долгомъ повиноваться волѣ моего государя и отдать себя въ распоряженіе существующихъ въ Россіи государственныхъ учреждений.

«В. и. в.! Утруждая васъ настоящимъ письмомъ, я не думаю выставить на видъ мое послушаніе и мою покорность, такъ какъ онѣ не составляютъ какой бы то ни было заслуги; въ продолженіе всей моей, можетъ быть, ошибочно и худо направленной жизни, я никогда не ставилъ личной выгоды сколько-нибудь высоко и всегда былъ готовъ жертвовать своею личностью для пользы отечества, хотя, какъ мнѣ доказалъ грустный и тяжелый опытъ, иногда эту пользу я понималъ невѣрно. Утруждаю васъ, государь, чтобы повергнуть передъ в. и. в. двѣ просьбы, которыя, какъ мнѣ кажется, достойны вашего высокаго и великодушнаго вниманія и будутъ полезны не столько мнѣ, сколько тѣмъ изъ моихъ бѣдныхъ сверстниковъ, которые могутъ послѣдовать моему примѣру.

«В. и. в. было благоугодно утвердить законоположенія, вводящія въ судебныя дѣла принципъ гласности; въ судебной нашей практикѣ уже было нѣсколько примѣровъ примѣненія этого принципа. Я позволяю себѣ просить в. в. приказать судить и меня гласно. Четыре года бѣдственной, полной горькаго опыта жизни за границею дадутъ мнѣ возможность правдивымъ ихъ представленіемъ предостеречь многихъ отъ неразумительной до-вѣрчивости къ возгласамъ нашей, такъ называемой, революціонной партіи. Въ эпохи великихъ реформъ молодая сердца увлекаются легко; фактическіе образы впечатлѣваются въ нихъ живо и ярко; но эти чуткія сердца не глухи къ слову правды, а моей душѣ, государь, теперь правда ясна, и она будетъ громко высказана, вдохновенная любовью къ нашему молодому поколѣнію, которому суждено крѣпко сомкнуться у вашего престола.

«В. и. в.! Право наказанія—печальное право или, вѣрнѣе, тяжелая необходимость, особенно для человѣка, который, вмѣсто наказанія, желалъ бы широко разлить море милостей. Вамъ, государь, предстоитъ въ будущемъ утвердить приговоръ, который произнесетъ надо мною уголовный судъ. Какова бы ни была ваша воля, я покорюсь ей безропотно; я вѣрю, что сердце ваше полно великодушія; я знаю, что вы не только государь, но человѣкъ и отецъ; на своей высокой чредѣ вы не забыли прежнихъ грѣховъ вашей державной юности. Государь! не наказанія я страшусь и не о помилованіи утруждаю вниманіе ваше. Я прошу в. и. в. не лишить меня на всегда возможности быть полезнымъ моему отечеству, которому я научился теперь быть преданнымъ до послѣдней капли крови. Я знаю теперь, какъ должно примѣнить данныя мнѣ богомъ способности; грѣшно зарыть ихъ безъ пользы, уже принеся не мало вреда. В. и. в.! употребите ваше право кары, исполните вашу тяжелую обязанность, но не лишите меня возможности исправить прошлое. Человѣкъ принадлежитъ не себѣ,

а родинѣ, отечеству и семьѣ. В. и. в. государя всемилостивѣйшаго вѣрноподанный *Леонидъ Блюммеръ*, кандидатъ правъ московскаго университета. 26 іюня 1865 года».

Помѣтка Долгорукова:

«Высочайше повелѣно о возвращеніи Блюммера сообщить министру юстиціи съ тѣмъ, чтобы послѣ того дѣло о немъ было рѣшено въ обыкновенномъ порядкѣ, но, такъ какъ онъ возвращается добровольно, то чтобы объ означенномъ рѣшеніи, прежде исполненія онаго было представлено на высочайшее благоусмотрѣніе его величества. 3 іюля».

14 іюля Блюммеръ прибылъ въ СПб. черезъ Кронштадтъ, остановился въ гостиницѣ Кайзера на Вас. островѣ; III Отдѣленіе за нимъ не слѣдило и потому уже узнало этотъ адресъ, приказавъ учредить за нимъ негласное наблюденіе. 16 іюля онъ переѣхалъ на частную квартиру и въ тотъ же день явился къ шефу жандармовъ.

Въ августѣ былъ полученъ анонимъ, обвинявшій Прибыткову и Коптеву въ сочувствіи преступному направленію Блюммера. Изъ допроса послѣдняго видно, что первую онъ зналъ давно, вторую вовсе не помнитъ. Прибыткова была всегда противъ Герцена, поляковъ и, вообще, всего либеральнаго, писала ему письма, желая обратить на свой путь.

25 сентября Блюммеръ былъ заключенъ въ тюремный замокъ. 11 октября Блюммеръ просилъ петербургскаго губернскаго прокурора о допущеніи его къ прочтенію дѣла, въ которое было уже включено обвиненіе и за изданіе журнала «Европеецъ», и къ присутствованію при его докладѣ. Прокуроръ запросилъ сенатъ; послѣдній просьбу удовлетворилъ. Въ январѣ 1866 г. смотритель тюремнаго замка донесъ Спб. оберъ-полицейстеру, что «будучи проникнутъ либеральными идеями, Блюммеръ распространяетъ вредный образъ мыслей между благородными арестантами, такъ что въ короткое время успѣлъ приобрести въ глазахъ послѣднихъ особое преимущество и вселить къ себѣ довѣріе», а потому просилъ, нельзя ли его убрать. Приказано было оставить тамъ же, но посадить въ отдѣльный номеръ. 7 мая 1866 г. оберъ-прокуроръ 1 отдѣленія 5 департамента сената кн. М. Шаховской представилъ сенату, что единогласное признаніе сенаторами виновности Блюммера въ преступленіяхъ, указанныхъ въ ст. 279, 282, 286, 317 и 319 уложенія, и присужденіе его къ наказанію по 4 степени 21 ст. уложенія было сдѣлано одновременно съ постановленіемъ о необходимости просить государя о смягченіи этого наказанія. Разногласіе произошло лишь въ мѣрѣ смягченія. Шаховскій находилъ возможнымъ и достаточнымъ ходатайствовать, вмѣсто слѣдуемаго лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, о лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылки на жительство въ Томскую гу-

бернію. Сенаторы (Карпіолинъ-Пинскій, Беръ, Борисъ Мансуровъ и Бутковъ) приняли его предложеніе.

Мнѣніе государственнаго совѣта указывало, что сенатъ нашель, что: 1) «Блюммеръ принялъ на себя редакцію возмутительнаго журнала «Свободное Слово», едва достигнувъ совершеннолѣтія», 2) «что при его молодыхъ лѣтахъ распространяемая за границу ложныя и превратныя извѣстія о дѣйствіяхъ русскаго правительства могли имѣть вредное вліяніе на его образъ мыслей», 3) что редактируемая Блюммеромъ въ послѣдствіи газета «Европеецъ» не заключала уже въ себѣ тѣхъ дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій, какія находились въ журналѣ «Своб. Слово», 4) «что Блюммеръ, котораго саксонское правительство отказалось выдать, не только этимъ не воспользовался и не остался за границею, но добровольно возвратился въ Россію и принесть передъ судомъ чистосердечное во всемъ раскаяніе и сознание». Въ виду всего этого государственннй совѣтъ вполнѣ согласился съ принятымъ сенатомъ смягченіемъ наказанія.

Въ іюль 1866 г. кн. Орловъ просилъ Шувалова о вниманіи и милости къ Блюммеру, а въ октябрѣ послѣдній самъ просилъ государя о томъ, «что, если ему, какъ лишающемуся всѣхъ правъ состоянія, суждено взойти на эшафотъ», то чтобы ему дарована была милость: взойти на него не вмѣстѣ и не послѣ лицъ, сужденныхъ по дѣлу о бывшемъ 4 апрѣля сего года покушеніи на жизнь священной особы государя императора». 26 октября 1866 г. государь положилъ резолюцію: «быть по сему».

16 ноября приговоръ ему былъ объявленъ; просьба быть отправленнымъ въ Томскую губернію не по этапу, а въ сопровожденіи двухъ жандармовъ на казенный счетъ, была уважена. 4 января 1867 г. онъ прибылъ въ Томскъ. 14 февраля 1868 г., по докладу шефа жандармовъ, повелѣно было помиловать Блюммера возвращеніемъ ему прежнихъ правъ съ перемѣщеніемъ его въ Воронежскую губ. подъ надзоръ полиціи. Въ апрѣлѣ ген.-губернаторъ западной Сибири Хрущовъ сообщилъ, что Блюммеръ желаетъ вступить въ государственную службу; въ этомъ было отказано, какъ равно и черезъ годъ по всепод. прошенію о томъ же самомъ Блюммера, оставшагося жить въ Томскѣ, который онъ оставилъ въ маѣ 1870 г., переѣхавъ въ Воронежскую губ.; тогда же было разрѣшено прибыть въ СПБ. на десять дней. Въ СПБ. онъ сдѣлалъ предложеніе дочери умершаго ген.-майора А. Струмилло; въ октябрѣ ему было разрѣшено прибыть въ СПБ. на мѣсяцъ для бракосочетанія. 17 ноября К. П. Побѣдоносцевъ писалъ Мезенцову: «Если годно къ чему нибудь передъ Вами мое свидѣтельство, я могу свидѣтельствовать о Блюммерѣ слѣдующее. Я зналъ его студентомъ въ Москвѣ, знаю и домашнія его обстоятельства. Онъ много проказилъ, и дури много было у него въ головѣ. За все это онъ поплатился, и за границей и въ Россіи, тяжкимъ опытомъ, нуждою, которая научила его многому, долговременнымъ

содержаніемъ въ тюрьмѣ, судомъ, къ которому онъ добровольно явился изъ-за границы, и, наконецъ, ссылкой. Мысли его и отношенія теперь совершенно измѣнились, и отъ прежняго общества, которое его сгубило, онъ совсѣмъ отсталъ. На этихъ дняхъ онъ женился здѣсь на дѣвицѣ достаточнаго состоянія, и это обстоятельство ставитъ его теперь въ особенности въ необходимость просить о дозволеніи ему свободнаго жительства въ столицѣ».

6 декабря 1870 г. просьба удовлетворена (Архивы III Отд. С. Е. И. В. канц. I эксп. 1862 г., дѣло № 110; мин. вн. дѣль, дѣло канц. 1861 г. № 82; сената, «дѣло о кандид. москов. унив. Л. Блюмеръ» и мин. юстиціи 1863 г. дѣло № 6405).

2057. (Г. Будбергъ).

¿ Г. Будбергъ, видите, что мы были правы—усердіе всего не превозмогаетъ.

2058. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено: изъ Германіи 3 фунта, отъ Будущаго 1 фунтъ, отъ Русскаго 1 фунтъ.

2059. 21 февраля 1863.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ напечаталъ я объявленіе о скоромъ открытіи Вольной Русской типографіи въ Лондонѣ.

Тогда мы были накануне Крымской войны, и съ тѣхъ поръ много надеждъ возникло и много исчезло... Европа взглянула иначе на Россію: что-то свѣтлое начиналось въ ней,—и мы снова стоимъ *наканунъ* страшныхъ событій, Россія снова ненавидима всѣмъ міромъ, все свѣтлое исчезло сверху, и мы ждемъ за нашимъ станкомъ *оригинала*, чтобы набрать приговоръ преступному правительству.

Пятое дѣйствіе романовской трагедіи началось, развязка идетъ. Польша сорвала маску съ прогрессивнаго правительства. Ненавидимое дѣло, презираемое, побитое, уличенное во лжи, стоитъ оно теперь на лавкѣ подсудимыхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, униженное прусской дружбой, кровавое и не вѣрящее въ себя.

2060. Письмо къ дочерямъ.

5 марта (1863).

Orsett House, Westbourne terrace,

Милая Тата,

Саша совѣтуетъ читать «Кол.»,—можно или, какъ говаривалъ кн. Сергій Мих. Голицынъ¹⁾), *можно*. А что, какъ здѣшнимъ понравились «Expiatio!», «Resurrexit!» и еще въ послѣд. «Преступленія»? Въ «Колок.» будетъ ужасная статья «Плачь», Ты совсѣмъ не пишешь.

Natalie съ дѣтьми поѣхала на 10 дней въ Eastbourne,—тамъ хорошо,—на короткое время. Лиза здорова и очень умна, т.-е. не въ смыслѣ, что не шалить, а въ томъ, что ужасно много понимаетъ и очень самобытно. Здѣсь такъ тепло, что я сижу съ открытымъ окномъ. Теперь Лондонъ сошелъ съ ума съ приѣмомъ датской принцессы²⁾. Отъ London Bridge до Paddington Station—все мѣста, на Еджвердъ³⁾ арка, на Oxford terrace—другая. Украшенія лондонскаго моста стоятъ около полумилліона франк.

Вотъ, Ольга, ты говорила о мукѣ, которую бросаютъ, а тутъ денегъ столько бросаютъ, что ихъ было бы довольно прокормить Ланкаширъ. Мѣста по гинеѣ и самыя дешевыя по $\frac{1}{2}$ гин.

Письмо твое, Ольга, отошлю, а ты франкируй, потому что за нефранкированныя берутъ вдвое.

Il y a, chère Malvida, une nouvelle brochure de Proudhon—même sujet; j'ai commencé. En Russie die Kluft entre le govern. et les gouvernés va de plus en plus⁴⁾.

Все это и здѣсь знаютъ,—Мечниковъ⁵⁾). Саша поѣхалъ на 3 дня; письмо это придетъ черезъ 3 дня,—суди объ основательной просьбѣ писать.

2061. [О выпускѣ лл. 158 и 159].

Мы считаемъ необходимымъ, вмѣсто слѣдующаго листа «Колокола», выдать два полулиста: одинъ 8 марта и одинъ 15 марта.

1) Предсѣдатель слѣдственной комиссіи по дѣлу Герцена, Огарева и др.

2) Принцъ Уэльскій (Эдуардъ VII) 10 марта вступилъ въ бракъ съ принцессой Александрой.

3) Edgware road.

4) Вышла, милая Мальвида, новая брошюра Прудона на ту же тему; я началъ. Въ Россіи бездна между правительствомъ и народомъ становится все глубже.

5) Левъ, на митингѣ во Флоренціи говорилъ рѣчь, скрывшись подъ именемъ «Русскій».

2062. Плачь.

Братья, братья, что же съ нами дѣлають эти люди, эти нѣмцы?! Что же они дѣлають изъ нашихъ солдатъ, что они дѣлають изъ нашего отечества?!

Неужели вы все это покроете слабодушнымъ молчаніемъ, молчаніемъ рабовъ, — эти убійства, эти пожары, эти грабежи... послѣ *этого набора?*

Вотъ зажигатели-то, вотъ разбойники-то, не признающіе права собственности, коммунисты его императорскаго величества! И объ этихъ шайкахъ пьяныхъ убійцъ, одичалыхъ грабителей, звѣрей, падшихъ въ состояніе царскихъ опричниковъ, объ этихъ несчастныхъ жертвахъ голода, побоевъ, нравственной слѣпоты и казарменной дрессировки «Инвалидъ» печатаеть: «Войска наши во всемъ блескѣ выказали тѣ свойства, которыя составляютъ славу и красу каждой арміи».

А! такъ вы берете на себя отвѣтственность за каннибальскую войну съ аккомпаниментомъ грабежа, поджоговъ и убійствъ!

Вотъ какъ Александръ Николаевичъ вздумалъ сдѣлаться *земскимъ царемъ*, — царемъ и Стенькой Разиннымъ вмѣстѣ!

Высочайше утвержденная жаккерія! Полиціей и штабомъ устроенное избіеніе помѣщиковъ и разграбленіе ихъ домовъ!

Ну, солдатики, вы хорошо отслужили вашу службу въ Польшѣ, не забудьте и дома, какъ вы весело жгли господскія усадьбы, каково попили винца изъ панскихъ погребовъ, каково поразбивали сундучки съ ихъ добромъ, «при всемъ блескѣ пожара». Не все же поляковъ да поляковъ — вы ужъ не оставьте вашей милостью нашихъ-то, русскихъ...

...Николай, когда ему предлагалъ вѣшающій Муравьевъ гайдмачину, отпрянулъ съ ужасомъ; онъ понялъ, что освященные Екатериной ножи обоюдоостры, что одной стороною *мать отечества* могла рѣзать головы помѣщиковъ, а другой стороною такой ножъ, пожалуй, какому-нибудь *отцу отечества* кисть отрѣжетъ до локтя.

А благодушный монархъ не отпрянул!

Ну, въ Стеньки Разины итти, такъ въ Стеньки Разины, — тогда нечего разыгрывать нѣмецкаго генерала и перваго дворянина. Бороду, кушакъ, топоръ въ руки да *землю и волю* народу русскому... тутъ будетъ смыслъ... А представлять разомъ и Петра I, и хлопа, и московскаго помѣщика для выгоды — стара штука.

Видите ли, какъ мы были правы, когда говорили, что у *нихъ* нѣтъ никакого нравственнаго начала. Николай, цинически поставившій *самодержавіе* на своемъ знамени, былъ только наивно откровенень.

Выжившіе изъ исторіи Меровинги,—пора имъ пасть или пора *пасть Россіи*. Только паденіе этой династіи нѣмецкихъ татаръ можетъ смыть съ насъ копотъ пожаровъ, невинную кровь и виновное повиновеніе.

Потому-то не молчите! Горе, если вы будете молчать. Молчать можно изъ страха, изъ равнодушія или изъ тупости, не замѣчая, какъ нашъ Гарриксъ одной половиной лица общаетъ льготы и свободы, а другой мигаетъ своимъ рейтерамъ, чтобъ они жгли, грабили, казнили... Если польское избіеніе пройдетъ даромъ, то, имѣя въ рукахъ «красу арміи», вновь отмоченную въ крови и закаленную въ грабежѣ и убійствахъ, Романовы проучать васъ!

Было время, въ которое высоко цѣнилась тихая слеза сочувствія, рукожатіе и шопотомъ сказанное слово участія съ глазу на глазъ.

Этого мало теперь.

Тогда все молчало. Власть молча продавливала грудь, молча ѣхали кибитки, молча плелись ссыльные, молча смотрѣли имъ вслѣдъ оставшіеся. Говорить было трудно, что-то не понималось, не было ясно; мы ни себя, ни народа порядкомъ не знали. Былъ общій катехизисъ, очищавшій насъ, но далекій отъ приложенія.

Время измѣнилось. Вы потому уже не можете молчать, что власть говоритъ, не умолкая; литература подкуплена ею; журналистика въ рукахъ камеръ-лакеевъ гласности; холопы-риторы составляютъ новую придворную капеллу, славословящую и превозносящую всякое дѣйствіе правительства, даже тогда, когда оно низко лжетъ, обвиняя восторженныхъ юношей въ пожарѣ Апраксинскаго двора. Правительство въ высокомѣрїи легкихъ побѣдъ, доставленныхъ ему смертью ненавидимаго предшественника, надменное отсутствіемъ пороковъ покойника, зазналось; это отсутствіе пороковъ, *это ничего* оно приняло за добродѣтель, умилилось и начало воспѣвать себя передъ собой. Оно забыло, что татарское самовластье должно быть безграмотно, что его удары и *насланія бѣдъ* не должны возводиться въ рѣчь, не должны помѣчаться кровью; оно забыло, что Азія не имѣетъ исторіи, что ея перевороты похожи на наводненія, на катаклизмы природы, на повальныя болѣзни: одинъ слой покрывается другимъ, осѣдаетъ на немъ; тутъ нѣтъ ни права, ни оправданія, тутъ одинъ законъ — законъ тяготѣнія. А наша нѣмецкая Азія хочетъ, оставаясь звѣремъ, прибавить къ зубамъ и когтямъ, какъ въ басняхъ Крылова, людское краснорѣчіе; она хочетъ отмахиваться не только кнутомъ, но и словомъ.

Передъ говорящимъ молчить рабъ. Слово равно принадлежить мнѣ и *ему*. Слово принадлежить всякому, слово — начало свободы. Говорите же, говорите, потому что вамъ нельзя молчать. Отъ васъ ждуть рѣчи!

Они будутъ упрекать Николая и Паскевича въ излишнемъ великодушїи, а поляковъ—въ вареоломеевской ночи, которой не было, а вы будете молчать?

Они, стоя въ болотѣ польской крови, на грудахъ польскихъ труповъ, на пеплѣ сожженныхъ уѣздовъ, будутъ подзадоривать безъ того обезумѣвшихъ солдатъ на месть¹⁾, они будутъ доносить клеветать, ругаться... А вы будете молчать?..

Вы должны говорить, чтобъ мы, встрѣчаясь съ иностранцемъ, не краснѣли, какъ краснѣтъ сынъ опозоренной матери...

Дайте мнѣ вамъ разсказать одно изъ самыхъ унижительныхъ событїй моей жизни, о которомъ я старался забыть, забылъ даже, писавши мои воспоминанїя, и вспомнилъ, благодаря государю императору, только теперь.

Весной 1848 года я былъ въ Римѣ. Республика 24 февраля была уже провозглашена, Европа колыхнулась, Ломбардія начала борьбу съ Австріей, и въ Римѣ революція изъ торжественно-мирнаго, восторженнаго характера переходила въ угрюмый, подозрительный и страстный. Разнесся слухъ, что австрійцы одолѣвають. Piazza del popolo съ утра кипѣла народомъ, мрачнымъ, ожесточеннымъ; толпы громко обвиняли папу и его министровъ въ измѣнѣ; въ открытыхъ коляскахъ стояли тамъ-сямъ ораторы и проповѣдывали. Я былъ на площади возлѣ одной изъ импровизированныхъ трибунъ, въ ней стояли все знакомые — Гонзалесъ²⁾ со знаменемъ въ рукѣ, Леопольдъ Спини. Народъ густѣлъ, давилъ, тѣснился. Итальянская толпа—самая учтивая во всемъ мірѣ, римскій плебей—аристократъ; итальянская чернь ведетъ себя изящнѣе на площади, чѣмъ англійская «обѣль» въ Ковень-Гарденѣ. Къ тому же итальянцы чрезвычайно вѣжливы съ иностранцами, но въ этотъ день кровь слишкомъ кипѣла въ жилахъ, лихорадка темнила мозгъ. Меня кто-то толкнулъ, и я толкнулъ; толкнутый разсердился, посмотрѣлъ на меня, пробормоталъ что-то; слово-два перелетѣло между сосѣдями, громче и громче,—и около сдѣлался ропотъ... «Кто это? Зачѣмъ онъ здѣсь? Онъ не здѣшній? Зачѣмъ впереди? Зачѣмъ слушаетъ? — Tedesco? Austriaco?» Голоса подымались, ближніе мрачно поглядывали на меня и на людей въ коляскѣ. Гонзалесъ все это видѣлъ и, подавая мнѣ руку, помогъ мнѣ влѣзть въ ихъ экипажъ, потомъ, обращаясь къ возлѣ стоящимъ, сказалъ имъ: «Братья, это—нашъ другъ, одинъ изъ нашихъ».

1) Мы знаемъ подробности объ несчастномъ убійствѣ солдатъ при начальномъ возстанїи, знаемъ ихъ *отъ очевидца*. Мы со временемъ разскажемъ этотъ печальный эпизодъ съ именами; вредъ, произведенный этимъ, вовсе не приготовленнымъ событїемъ, былъ огроменъ; поляки сами съ отчаяніемъ порицали поступокъ одного изъ отдѣльныхъ начальниковъ. Съ тѣхъ поръ мы спрашиваемъ «Моск. Вѣдом.», III Отдѣленіе и главный штабъ Константина Николаевича, гдѣ же было что-нибудь подобное, гдѣ это повторилось, какія доказательства, что тутъ былъ планъ? Гнусно сильному звать на помощь не только пруссаковъ, но клевету. А. И. Г

2) Эммануэль-Луи, франц. романистъ.

— E forestiere?

— Si, si, é Polacco ¹⁾ — сказала Гонзалесъ, и та же толпа разразилась крикомъ: evviva il Polacco! ²⁾)

— Для чего вы выдали меня за поляка?—замѣтилъ я Гонзалесу. «Io sono Russol» ³⁾) — кричалъ я имъ, но толпа меня не слушала, кто-то говорилъ рѣчь.

— Вы, — сказалъ мнѣ Гонзалесъ, наклоняясь ко мнѣ, — меня простите; объяснять теперь нѣтъ никакой возможности, а въ этомъ раздражительномъ положеніи шутить нечего, *да и намъ неловко было бы...* Дайте утихнуть горячкѣ, потомъ объясняйте, какъ хотите...

Толпа двигалась съ крикомъ: all'armil all'armii ⁴⁾) — ей было не до меня.

...«Не вставайте»,—сказалъ Николай Павловичъ, положивъ руку на плечо больному князю Козловскому на балу у Паскевича.

— Если-бъ я и хотѣлъ встать, в. в., я не могъ бы: шесть-десять милліоновъ рукъ удерживаютъ меня...

Да, въ эту минуту я былъ придавленъ не только шестью-десятью милліонами рукъ, но и рядомъ вѣковъ, событій, несчастій, преступленій. О, если-бъ я могъ тогда сказать примирительное слово, если бы я могъ оправдать — не себя: мое оправданіе было легко, — а народъ русскій!

Я, вѣдь, чувствовалъ, что онъ *не такъ* виноватъ — *не въ томъ* виноватъ... «Послушайте, добрые люди»... и я пятнадцать цѣлыхъ лѣтъ стоялъ въ коляскѣ Гонзадеса и защищалъ, защищалъ нашу общую родную мать.

Я—и этого вѣнка я не дозволю сорвать съ себя ничьимъ рукавъ—я видѣлъ, какъ западные люди внимательнѣе и внимательнѣе всматривались, иначе смотрѣли... Смерть Николая мнѣ помогла.

...Что же вы, анаемы, сдѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ?! Все, что мы лѣпили по песчинкѣ, смыли ваши помои, унесла ваша грязь, и черезъ пятнадцать лѣтъ я снова, идя по улицѣ, *боюсь, чтобъ не узнали, что я русскій...*

2063. Русскій грабежъ и разбой въ Польшѣ.

Мы получили три письма изъ Польши отъ русскихъ офицеровъ. Волось становится дыбомъ, читая ихъ. Дурно дѣлаетъ «Инвалидъ», защищая поведеніе разбойничьихъ шаекъ нашихъ въ Польшѣ; связанная цензурой и начальствомъ, газета можетъ мол-

¹⁾ Онъ иностранецъ? — Да, да полякъ.

²⁾ Да здравствуетъ полякъ!

³⁾ Я русскій.

⁴⁾ Къ оружію! къ оружію!

чать, и всякій пойметъ причину молчанія, но отводитъ глаза читателямъ и прихорашивать позорное безчеловѣчье, воровство, это—такая уступка, которая ни для какого Милютина и ни для какого великаго князя не дѣлается¹⁾.

2064. Александровская конституція и павловское «Время»

«Таймсъ» повторяетъ 6 марта слухъ, напечатанный въ двухъ французскихъ газетахъ, о предполагаемомъ дарованіи конституціи Польшѣ и о награжденіи ея Константиномъ Николаевичемъ, который будетъ повышенъ изъ императорскихъ братьевъ въ короли польскіе. Не знаемъ, правда это или нѣтъ, но можемъ сказать одно, что вся эта *горчица послѣ ужина* никого не удовлетворитъ. Почему петербургское правительство не умѣло сдѣлать *этотъ даръ* во-время, безъ приказа Наполеона, безъ совѣта Пальмерстона, безъ дружбы Пруссіи, безъ ненависти Австріи, безъ побѣды Лангевича? Конституція 1815 года—плохая корпія на раны, нанесенныя опустошительнымъ разбоемъ русскаго войска.

А «Наше Время», соревнуя съ «Московскими Вѣдомостями» въ описаніи ужасовъ, дѣлаемыхъ польскими инсургентами, описываетъ съ примѣрнымъ азартомъ убійство *жандармскаго* капитана Гроурта на дорогѣ близъ куровской станціи. Ъхаль онъ съ пріятнымъ порученіемъ генерала Хрущева (скупающаго головы инсургентовъ) арестовать какихъ-то людей и засадить ихъ въ Ивангородскую крѣпость. Инсургенты, вмѣсто того, чтобы связать себѣ руки и отдаться капитану, убили его. Жаль; жаль и то, что капитанъ Гроуртъ служилъ въ жандармахъ (подлая служба,—самъ Потаповъ вамъ это подтвердитъ). И почему «Наше Время» такъ чувствительно къ жандарму? Жандармское ремесло опасное во время возстанія; Гроуртъ счастливѣе другихъ: онъ нашель родственную редакцію, которая назвала его *мученикомъ*... Какъ удивятся въ раю,—это первый святой по корпусу жандармовъ.

2065. Нѣмцы и не-нѣмцы въ Зимнемъ дворцѣ.

Иностранные журналы повѣствуютъ намъ, что *нѣмецкая* партія побѣдила старо-русскую (вѣроятно, Аксакова?), панславистскую (вѣроятно, Погодина?) и что, въ силу этого, Адлербергъ былъ посланъ въ Польшу. Какъ будто, Адлербергъ имѣеть какое-нибудь мнѣніе, представляетъ что-нибудь уловимое не только всей Россіи, но и кредиторамъ своимъ?! Все это похоже на дичь,

¹⁾ Слѣдуютъ выдержки изъ трехъ писемъ.

но для насъ въ этой дичи важна *миоическая* правда. Отчего нѣмецкая партія притихаетъ, когда дѣлается что-нибудь путное, и свободно дышитъ, оживаетъ, какъ только въ Россіи снова начинается бироновщина, военная экзекуція, Ordnung und strenge Disziplin? ¹⁾

2066. [М. Н. Катковъ].

Кстати, въ «Моск. Вѣд.» стрѣлокъ-сенаторъ опять промахнулся въ своемъ вѣрноподданническомъ фурорѣ. Радуюсь, что въ Европѣ ничего не сдѣлано въ пользу Польши, онъ *schadenfroh* ²⁾ говоритъ: «Въ Страсбургѣ (погран. городѣ отъ Торна) 24 января произведено было нападеніе на прусскую пѣхоту; нападеніе это подниметь вопль во всей Германіи». Гдѣ же этотъ вопль?

2067. (Русскіе во Флоренціи, Женевѣ и Ниццѣ).

Во Флоренціи на митингѣ, собранномъ въ пользу польскаго дѣла, говорятъ англійскіе журналы, русскій офицеръ, служившій у Гарибальди во время сицилійской кампаніи, произнесъ рѣчь, принятую съ большимъ сочувствіемъ ³⁾.

Въ Женевѣ, на поминкахъ 24 февраля 1848 года, были собраны между русскими деньги для отправленія двухъ поляковъ въ Польшу.

Зато въ Ниццѣ вѣрноподданные иного толка — Валеріанъ Скрыпицынъ ⁴⁾, графъ Александръ Апраксинъ, Семень Сулима — собрали до 5,000 фр. для русскихъ солдатъ въ Польшѣ.

2068. Предисловіе.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ концѣ февраля ⁵⁾, было разослано объявленіе объ открытіи въ Лондонѣ *Вольной Русской типографіи*. Въ маѣ мѣсяцѣ вышелъ первый отпечатанный въ ней листъ, и съ тѣхъ поръ станокъ русскій работаль, не останавливаясь.

¹⁾ Порядокъ и строгая дисциплина.

²⁾ Злорадно.

³⁾ Левъ Мечниковъ.

⁴⁾ Не тотъ ли Скрыпицынъ, который извѣстенъ обращеніемъ униатовъ въ греческое православіе? *А. И. Г.*

⁵⁾ 21 февраля 1853 года. *А. И. Г.*

Тяжелое время было тогда: Россія, словно, вымерла; цѣлые мѣсяцы проходили и не было въ журналахъ ни слова объ ней; изрѣдка появлялась вѣсть о смерти какого-нибудь дряхлаго сановника, о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени какой-нибудь великой княгини... Еще рѣже доходилъ до Лондона сдавленный стонъ, отъ котораго сердце сжималось, и ломилась грудь; частныхъ писемъ почти вовсе не было, страхъ пріостановилъ всѣ связи...

Въ Европѣ было иначе, но не лучше. Наступало пятилѣтіе послѣ 1848 года—и ни малѣйшей полоски свѣта, темная холодная ночь облегала со всѣхъ сторонъ...

Съ средой, въ которую я былъ заброшенъ, я становился все далѣе.

Невольная сила влекла меня домой. Были минуты, въ которыя я раскаивался, что отрѣзалъ себѣ пути возвращенія,—*возвращенія* въ эту Сибирь, въ этотъ острогъ, передъ которымъ шагаль двадцать восьмой годъ, въ своихъ ботфортахъ, свирѣпый часовой со «свинцовыми пулями», вмѣсто глазъ, съ назадъ бѣгущимъ малайскимъ лбомъ и звѣриными челюстями, выдающимися впередъ! Какъ омуты и глубокия воды тянутъ человѣка темной ночью въ неизвѣстную глубь, тянуло меня въ Россію.

Нѣтъ, казалось мнѣ, столько силъ не могутъ быть задавлены такъ глупо, изсякнуть такъ нелѣпо... И мнѣ представлялись живѣе и живѣе народъ, печально сторонящійся и чуждый всему, что дѣлается, и гордая кучка, полная доблести и отваги, декабристовъ и восторженно юношескій кругъ нашъ, и московская жизнь послѣ ссылки. Передо мной носились знакомые образы и виды, луга, лѣса, черныя избы на бѣломъ снѣгу, черты лицъ, звуки пѣсенъ и... и я вѣрилъ въ близкую будущность Россіи, вѣрилъ, *когда вст сомнѣвались*, когда не было никакого оправданія вѣрѣ.

Можетъ, я вѣрилъ оттого, что не былъ самъ тогда въ Россіи и не испытывалъ на себѣ оскорбительнаго прикосновенія кнута и Николая, можетъ, и отъ другого, но я крѣпко держался за мое вѣрованіе, чувствуя, что, когда я и его выпущу изъ рукъ, у меня ничего не останется.

Русскимъ станкомъ я возвращался домой: около него должна была образоваться русская атмосфера... Могло ли быть, чтобъ никто не откликнулся на это первое «Vivos voco»?

Но «живъ человѣкъ» на самомъ дѣлѣ не торопился отвѣчать.

Вѣсть о томъ, что мы печатаемъ по-русски въ Лондонѣ, испугала. Свободное русское слово сконфузило и обдало ужасомъ не только дальнихъ, но и близкихъ людей; оно было слишкомъ рѣзко для уха, привыкнущаго въ шопоту и молчанію; безцензурная рѣчь производила боль, казалась неосторожностью, чуть не доносомъ... Многіе совѣтовали остановиться и ничего не печатать.

тать; одинъ близкій человѣкъ за этимъ прїѣжалъ въ Лондонъ ¹⁾. Это было тяжело. На это я не готовился.

«Не они, — откликнутся другіе!» — и я шель своей дорогой, безъ малѣйшаго привѣта, безъ теплаго слова, т.-е. безъ теплаго слова *изъ Россіи*; въ Лондонѣ былъ человѣкъ, который понялъ иначе смыслъ нашего станка, — одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей польскаго изгнанія.

Преждевременно состарившійся, болѣзненный Станиславъ Ворцель ²⁾ встрепенулся при вѣсти о русской типографіи; онъ помогаль мнѣ дѣлать заказы, разсчитываль число буквъ, устраиваль станокъ въ польской типографіи. Я помню, какъ онъ взялъ у меня со стола первый корректурный листъ и, долго разсматривая его, сказалъ мнѣ, глубоко тронутый: «Боже мой! Боже мой! До чего я дожилъ — Вольная русская типографія въ Лондонѣ! Сколько дурныхъ воспоминаній послѣдняго времени стираетъ съ моей души этотъ клочокъ бумаги, замаранной голландской сажей!».

Угасая, святой старикъ видѣлъ успѣхъ типографіи и передъ смертью благословилъ еще разъ нашъ трудъ своей умирающей рукой.

Этотъ первый листъ, о которомъ идетъ рѣчь ³⁾, былъ обращенъ къ «Русскому дворянству» и напоминалъ ему, что пора освобождать крестьянъ, и притомъ съ землею, — или быть бѣдѣ.

Второй — былъ о *Польшѣ*.

Крестьянское дѣло и польскій вопросъ сами собой легли въ основу русской пропаганды.

И вотъ съ тѣхъ-то поръ, любезный Чернецкій, мы десятый годъ печатаемъ съ вами безъ усталы и отдыха и имѣемъ уже порядочную біографію нашего станка и порядочный ворохъ книгъ... Дайте вашу руку на новое десятилѣтіе и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что я вамъ сто разъ говорилъ наединѣ. Помощь, которую вы мнѣ сдѣлали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мнѣ облегчила весь трудъ. Братская вамъ благодарность за это; въ лицѣ вашемъ польская помощь и участіе въ нашемъ дѣлѣ не перемежались... Спасибо вамъ!

...И тѣмъ больше спасибо вамъ, что начала наши были томны и бѣдны. Три года мы печатали, не только не продавъ ни одного экземпляра, но не имѣя возможности почти ни одного экземпляра послать въ Россію; кромѣ первыхъ летучихъ листовъ, отправленныхъ Ворцелемъ и его друзьями въ Варшаву, все, печатанное нами, лежало у насъ на рукахъ или въ книжныхъ подвалахъ благочестиваго Paternoster Row.

¹⁾ М. С. Щепкинъ.

²⁾ Въ концѣ сборника помѣщена небольшая статья о его кончинѣ изъ «Полярной Звѣзды». А. И. Г.

³⁾ «Юрьевъ день! Юрьевъ день!» А. И. Г.

Мы не уныли съ вами и печатали себѣ да печатали.

Книгопродавецъ съ Berners Street какъ-то прислалъ купить на 10 ш. «Крещеной собственности»; я это принялъ за успѣхъ, подарилъ его мальчику шиллингъ на водку и съ нѣскольکو буржуазной радостью отложилъ въ особое мѣсто этотъ *первый* гафсоверень ¹⁾, выработанный русской типографіей.

Сбытъ въ дѣлѣ пропаганды такъ же важень, какъ и во всякомъ другомъ. Даже простой матеріальный трудъ нельзя дѣлать съ любовью, зная, что онъ дѣлается напрасно. Заставьте лучшихъ въ мірѣ актеровъ играть въ пустой залѣ, они будутъ играть прескверно. Консульторіи, знающія по обязанности своего сана тонкость нравственныхъ пытокъ, приговариваютъ поповъ за воровство, пьянство и другія свѣтскія слабости *толочь воду*.

Но не все же мы толкли воду съ вами, Чернецкій,—пришелъ праздникъ и на нашей улицѣ.

Онъ начался торжественно.

Утромъ 4 марта я вхожу, по обыкновенію, часовъ въ восемь въ свой кабинетъ, развертываю «Таймсъ», читаю, читаю десять разъ и не понимаю, не смѣю понять грамматическій смыслъ словъ, поставленныхъ въ заглавіи телеграфической новости: «The death of the Emperor of Russia».

Не помня себя, бросился я съ «Таймсомъ» въ рукъ въ столовую; я искалъ дѣтей, домашнихъ, чтобъ сообщить имъ великую новость, и со слезами искренней радости на глазахъ подаль имъ газету... Нѣсколько лѣтъ свалилось у меня съ плечъ долой, я это чувствовалъ. Остаться дома было невозможно. Тогда въ Ричмондѣ жилъ Энгельсонъ ²⁾. Я наскоро одѣлся и хотѣлъ итти къ нему, но онъ предупредилъ меня и былъ уже въ передней. Мы бросились другъ другу на шею и не могли ничего сказать, кромѣ словъ: «Ну, наконецъ-то, онъ умеръ!». Энгельсонъ, по своему обыкновенію, прыгалъ, перецѣловалъ всѣхъ въ домѣ, пѣлъ, плясалъ, и мы еще не успѣли прійти въ себя, какъ вдругъ карета остановилась у моего подъѣзда и кто-то неистово дернулъ колокольчикъ,—трое поляковъ прискакали изъ Лондона въ Твикнэмъ, не дожидаясь поѣзда желѣзной дороги, меня поздравить.

Я велѣлъ подать шампанскаго, — никто не думалъ о томъ, что все это было часовъ въ одиннадцать утра или ранѣе. Потомъ безъ всякой нужды мы поѣхали всѣ въ Лондонъ. На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая; я не видалъ ни одного человѣка, который бы не легче дышалъ, узнавши, что это бѣльмо снято съ глазъ человѣчества, и не радовался бы, что этотъ тяжелый тиранъ въ ботфортахъ, наконецъ, зачисленъ по химіи.

¹⁾ Halfsovereign—полсоверена.

²⁾ «Смерть русскаго императора».

³⁾ Авторъ «Видѣній св. Кондратія», статьи «Что такое государство?» въ I кн. «Полярной Звѣзды» и пр. А. И. Г

Въ воскресенье домъ мой былъ полонъ съ утра: французскіе, польскіе рефюжэ, нѣмцы, итальянцы, даже англійскіе знакомые приходили, уходили съ сіяющимъ лицомъ. День былъ ясный, теплый,—послѣ обѣда мы вышли въ садъ.

На берегу Темзы играли мальчишки; я подозвалъ ихъ къ рѣшеткѣ и сказалъ имъ, что мы празднуемъ смерть ихъ и нашего врага, бросилъ имъ на пиво и конфекты цѣлую горсть мелкаго серебра. «Уре! Уре!» кричали мальчишки — «Impernikel is dead! Impernikel is dead!»¹⁾. Гости стали имъ тоже бросать сикспенсы и трипенсы; мальчишки принесли элю, пироговъ, кековъ, привели шарманку и принялись плясать. Послѣ этого, пока я жилъ въ Твикнэмъ, мальчишки всякій разъ, когда встрѣчали меня на улицѣ, снимали шапку и кричали: «Impernikel is dead!—Уре!».

Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчасъ написалъ напечатанное потомъ «Письмо къ императору Александру» и рѣшилъ издавать «Полярную Звѣзду».

«Да здравствуетъ разумъ!»²⁾ невольно сорвалось съ языка въ началѣ программы; *Полярная Звѣзда* скрылась за тучами николаевского царствованія. Николай прошелъ, и «Полярная Звѣзда» явится снова въ день нашей великой пятницы, въ тотъ день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями».

Начало царствованія Александра II было свѣтлой полосой. Вся Россія легче вздохнула, приподняла голову и, будь воля, прокричала бы отъ всей души съ твикнэмскими мальчишками: «Impernikel is dead! hurrray!».

Подъ вліяніемъ весенней оттепели и на нашъ станокъ въ Лондонѣ взглянули ласковѣе. Наконецъ-то, насъ замѣтили. «Полярная Звѣзда» требовалась десятками экземпляровъ, а въ Россіи ее продавали по баснословнымъ цѣнамъ—отъ 15 до 20 р. с. Знамя «Полярной Звѣзды», требованія, поставленныя ею, совпадали съ желаніемъ всего народа русскаго, оттого они и нашли сочувствіе. И когда, обращаясь къ только-что воцарившемуся государю, я повторялъ ему: «Дайте свободу русскому слову, уму нашему тѣсно въ цензурныхъ колодкахъ, дайте *волю и землю* крестьянамъ и смойте съ насъ позорное пятно крѣпостного состоянія, дайте намъ открытый судъ и уничтожьте канцелярскую тайну судебъ нашихъ», и когда я прибавлялъ къ этимъ простымъ требованіямъ: «Торопитесь притомъ, чтобъ спасти народъ отъ крови!»—я чувствовалъ, я зналъ, что это вовсе не мое личное мнѣніе, а мысль, которая тогда носилась въ русскомъ воздухѣ и волновала каждый умъ, каждое сердце, умъ и сердце царя и крѣпостного крестьянина, молодого офицера, вышедшаго изъ корпуса, и студента, какого бы онъ университета ни былъ. Какъ бы ни понимали вопросъ и

¹⁾ Императоръ Николай умеръ! «Impernikel» сокращенное отъ Emperor—императоръ и Nicolas—Николай.

²⁾ Изъ «Вакхической пѣсни» Пушкина.

съ какой бы стороны его ни брали, всё видѣли, что петровское самодержавіе совершило свои судьбы, что оно достигло предѣла, послѣ котораго надобно или правительству переродиться, или народу погибнуть. Если были исключенія, то это только въ корыстныхъ кружкахъ нажившихся негодяевъ или на сонныхъ вершинахъ выжившаго изъ ума барства.

Полпрограммы нашей исполнено самимъ государемъ. Но,—русскій въ этомъ челоуѣкъ,—онъ остановился на *введеніи* и изобрѣлъ *переходное время*, тормазъ постепенности, и думалъ что все сдѣлано.

Съ той же откровенностью, съ которой русскій станокъ въ Лондонѣ обращался въ 1855 году къ государю, обратился онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, къ народу и говорилъ своимъ читателямъ: «Вы видите, правительство *признало* справедливость нашихъ требованій, но *исполнить* признаннаго не умѣетъ; оно не можетъ выбиться изъ рутинной колеи казарменнаго порядка и бюрократической формы. Оно дошло до конца своего разумѣнія и пьтится, и даетъ въ сторону, и само путается въ какомъ-то прошнурованномъ и приведенномъ въ канцелярскій порядокъ хаосѣ... Оно теряетъ голову, дѣлаетъ жестокости, дѣлаетъ ошибки, явнымъ образомъ боится... Страхъ, соединенный съ властью, вызываетъ озлобленный отпоръ—отпоръ безъ уваженія, безъ обдуманности. Отсюда—одинъ шагъ до возстанія. Отъ правительства больше *собственнаго сознанія* правоты того, что требуютъ, ждать нечего. Дѣло переходитъ въ ваши руки, не будьте вялы и неспособны, какъ оно, пусть выборные всего народа разберутъ дѣло и обсудятъ, что чиноволожить и какъ предотвратить кровавый взрывъ негодования и досады».

И, говоря это, снова мы чувствуемъ, что это не личное мнѣніе: мысль о *Земскомъ Соборѣ* носится въ русскомъ воздухѣ Милютины, Валуевы мѣняютъ его на мелкія губернскія думы; въ дворянскихъ собраніяхъ объ немъ *молчатъ*, но безъ имени Земскій Соборъ, какъ королева Марія Антуанетта въ дѣлѣ ожерелья ¹⁾,—великое *подразумѣваемое*. Купечество и народъ говорятъ объ немъ, военные *заставятъ его созвать*.

Нѣтъ, живая связь между Россіей и ея небольшой ведеттой ²⁾ въ Лондонѣ не порвана, и самая ругательства борзыхъ и гончихъ публицистовъ *второй* руки и *третьяго* Отдѣленія, которыми охотятся на насъ карлы просвѣщенія и *goués* ³⁾ внутреннихъ дѣлъ,

1) Послужившее въ свое время поводомъ къ громкому скандалу дѣло «ожерелья королевы», сущность котораго сводится къ тому, что кардиналъ Роганъ приобрѣлъ отъ имени королевы Маріи-Антуанетты жемчужное ожерелье, за которое не было уплачено, когда же ювелиры потребовали денегъ, королева заявила, что не давала порученія на покупку.

2) *Vedette*—караульная будка.

3) Головининъ былъ низкаго роста («карла»), *goué*—повѣса, шалопай.

еще больше удостовѣряютъ насъ, что станокъ нашъ не отчуждился отъ Россіи.

Возвратимся къ нему.

Требованіе на «Полярную Звѣзду» почти совсѣмъ не распространялось на прежде напечатанныя книги. Только «Тюрьма и ссылка» кой-какъ расходилась да маленькія брошюрки въ родѣ «Крещеной собственности» и «Юмора» ¹⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года вышла вторая книжка «Полярной Звѣзды»; она разошлась, увлекая за собой все остальное. Вся масса книгъ тронулась. Въ началѣ 1857 г. не было больше въ типографіи ничего печатнаго, и Трюбнеръ предпринялъ на свой счетъ *вторыя изданія* всего, напечатаннаго нами ²⁾.

Работы было столько, что небольшой станокъ нашъ не могъ удовлетворять требованіямъ, и въ 1858 одинъ изъ нашихъ товарищей-изгнанниковъ *Зено Свентославскій* открылъ при своей типографіи русское отдѣленіе. Въ немъ началось печатаніе трюбнеровскихъ изданій.

Съ половиною 1857 года издержки типографіи стали покрываться, къ концу 1858 былъ небольшой избытокъ, и около того же времени открылись двѣ или три русскія типографіи въ Германіи.

Нашъ станокъ чувствовалъ себя *дѣдомъ*.

Время опыта, искуса нашего станка прошло, время слабыхъ бесплодныхъ усилій и безучастія со стороны Россіи миновало.

Въ началѣ 1857 года Огаревъ предложилъ издавать «Колоколь».

1 іюля 1857 года вышелъ его первый листъ.

Съ изданіемъ «Колокола» начинается второй возрастъ нашего станка. Объ немъ мы не станемъ говорить теперь. Статьи, возшедшія въ «Сборникъ» Чернецкаго, относятся къ первымъ годамъ русскаго печатанія въ Лондонѣ. Листы, собранные въ немъ, забыты, разсѣяны, становятся почти библиографической рѣдкостью; намъ кажется очень полезнымъ ихъ перепечатаніе.

Для насъ листки эти имѣютъ особое значеніе отчета, повѣрки и очистки былого. Многое въ нихъ незрѣло, на всемъ лежитъ печать иного времени, суровая тѣнь Николая отбрасывается на каждую страницу, затемняя всякую свѣтлую мысль, раздражая до ненависти каждое чувство, сквозь черной подкладкой изъ-подъ каждой надежды. Большая часть того, что

¹⁾ Т.-е «Прерванные разказы», «Тюрьма и ссылка», «Съ того берега», «Письма изъ Франціи и Италіи». А. И. Г.

²⁾ Н. Трюбнеръ, вообще, принесъ большую пользу русской пропагандѣ, и имя его не должно быть забыто въ «Сборникѣ» русской типографіи. Сверхъ вторыхъ изданій «Полярной Звѣзды» и всѣхъ нашихъ книгъ, Н. Трюбнеръ предпринялъ самъ цѣлый рядъ новыхъ изданій на русскомъ языкѣ: «Стихотворенія» Н. Огарева, «Записки Екатерины II», «Записки кн. Дашковой», «Записки Лопухина», «Кн. Щербатовъ и Радищевъ» и пр.

теперь сдѣлалось неоспоримымъ событіемъ, носилась тогда, какъ предчувствіе... По исполненнымъ предчувствіямъ мы больше и больше имѣемъ права заключить, что мы не ошиблись и о другихъ.

*Воля будетъ у Россіи,
Земля будетъ у крестьянъ,
Независимость будетъ у Польши!*

2069. Письмо къ дочерямъ.

12 марта (1863).

Orsett House, Westb. terrace.

Любезная Тата. Письмо твое пришло. Саша третьяго дня воротился, исполнивъ всѣ порученія и сѣздивъ еще въ Гейдельбергъ. Теперь о твоихъ письмахъ вообще и о послѣднемъ. Я, другъ мой, скажу тебѣ просто, что я недоволенъ ими. Ты пишешь всякій разъ, какъ спросонья, разсѣяннo и, за исключеніемъ первыхъ писемъ, довольно пусто. Эта разсѣянность вредна.

Чтобъ тебѣ былъ недосугъ въ недѣлю разъ написать письмо, я этому не вѣрю,—да ты же пишешь гораздо рѣже.

Въ послѣднемъ письмѣ ни слова объ Ольгѣ, ни о дѣлахъ, ни вопроса къ намъ всѣмъ. Ты занята исключительно собой и желаніемъ ѣхать въ Римъ,—смотри, этимъ путемъ какъ бы не развить въ себѣ равнодушный эгоизмъ, который и въ старости не хорошъ. Гдѣ всѣ проекты журнала, отчета въ занятіяхъ?— вмѣсто всего, наскоро написанныя записочки. Совѣтую тебѣ позадуматься объ этомъ.

Въ Римъ, пожалуй, поѣзжайте.

Обнимаю тебя.

Когда ты пишешь, пожалуйста, *отвѣчай на все* вопросы, которые въ моемъ письмѣ.

Ольга, salut et fraternité! ¹⁾

Лондонъ сошелъ съ ума: весь покрытъ былъ краснымъ сукномъ, фестончиками, знаменами, и на иллюминаціи раздавили нѣсколько дѣтей и женщинъ. Мы съ Тхоржевскимъ дошли до Temple Bar, ²⁾—и вотъ еще теперь болятъ плечи. Если ты въ Римѣ будешь писать къ папѣ, то письмо ко мнѣ не дойдетъ: тамъ другой папа.

¹⁾ Привѣтъ и братство.

²⁾ Такъ назывались сооруженныя Christ. Wren ворота, на которыхъ въ старину выставлялись, на пикахъ, головы казненныхъ преступниковъ; въ 1878 г. были разрушены, такъ какъ мѣшали движенію.

№ 2069 bis. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

12 Mars (1863).

Chère Malvida. Commençons par une bonne nouvelle, les mauvaises ne manqueront jamais. Ch. Schurz est nommé chef d'un corps d'armée. Les fédéraux vont d'une victoire à une autre. Le «Times» commence à avoir peur. Les 60/0 lèvent la tête. Mille remerciements pour vos «Römische Elegien». Pour vous en remercier, j'ai diné chez Kinkel et j'ai tâché de croire depuis 6 à 10 h. que l'Allemagne est près d'être libre, unitaire, démocratique etc... La santé d'Ogar. va mieux et je ne sais ce que Tchorz. vous a écrit. La périodicité des évanouissements est interrompue—c'est très grave. Mais au reste la faiblesse physique exceptée, il reste avec toute la plénitude de ses forces intellectuelles, artistiques etc.

Vous verrez dans la lettre à Tata nos projets et les dates des départs.— Vous n'avez rien à craindre d'une séparation trop subite—avec le Colisée, le sacré Collège etc. Je me réjouis de ce que les leçons d'Olga vont bien; je voudrais seulement savoir si c'est par les yeux de l'affection que vous regardez, ou par les yeux critiques.

Les lettres russes et même l'excuse de Tata me mettent du scepticisme. Je vous donnerai une prière d'essai. Laissez de côté l'htsioire, les arts, la géographie etc., et demandez vous 1° Lit-elle maintenant couramment une langue quelconque? 2° Ecrit-elle assez correctement une langue quelconque? Peut-elle faire l'addition et les 3 autres règles? Si elle fait des progrès en cela—alors c'est un progrès indubitable. Les autres choses viendront encore et sont difficiles à être constatées. Sceptique en tout, vous me permettez, chère Romaine, de l'être dans l'affaire des succès.

Addio. La lettre suivante sera de Paris. Depuis le 25, 26 Janvier jusqu'à aujourd'hui il n'y a qu'un seul orage. Je n'ai encore rien vu de pareil. Figurez-vous qu'hier (11 Mars) et avant-hier il y avait des ouragans avec tourbillons de neige à Londres!

Ich war auch bei der alten Althäuslein.

Votre nègre blanc et ami.

La fille de Tourguénéff a épousé M-r Gaston Bruère, maître de verrerie à Rougemont.

Переводъ.

12 марта (1863).

Дорогая Мальвида! Начнемъ съ добраго извѣстія,—дурныя не заставятъ себя ожидать. К. Шурцъ назначенъ начальникомъ армейскаго корпуса. Федералисты ¹⁾ идутъ отъ побѣды къ побѣдѣ.

1) Войска Сѣв. Штатовъ Америки.

«Times» начинается трусить. 6⁰/₁₀ поднимають выше голову. Тысячу благодарностей вамъ за ваши «Римскія элегіи». Для того, чтобы отблагодарить васъ, я обѣдалъ у Кинкеля и старался отъ 6 до 10 часовъ вѣрить тому, что Германія близка къ свободѣ, едина, демократична и т. п. Здоровье Огарева лучше; не понимаю, что писалъ вамъ Тхорж. Періодичность обмороковъ прервана, это очень важно. Въ остальномъ, за исключеніемъ физической слабости, онъ въ полномъ обладаніи всѣми своими интеллектуальными и артистическими способностями и т. п.

Въ письмѣ къ Татѣ вы прочтете о всѣхъ нашихъ планахъ и о датахъ отъѣздовъ. Вамъ нечего опасаться внезапной разлуки съ Колизеемъ, священной конгрегаціей и т. д. Радуюсь, что занятія Ольги идутъ хорошо. Хотѣлъ бы только знать, смотрите ли вы на нее глазами любви, или глазами критики.

Русскія письма и даже извиненіе Таты внушаютъ мнѣ скептицизмъ. Я васъ попрошу о слѣдующемъ: оставивъ въ сторонѣ исторію, искусства, географію и все прочее, спросите себя, во-первыхъ, говоритъ ли она въ настоящее время бѣгло, хотя бы на одномъ какомъ-нибудь языкѣ? Во-вторыхъ, пишетъ ли она достаточно правильно, хотя бы на одномъ какомъ-нибудь языкѣ? Умѣетъ ли она дѣлать сложеніе и остальные три дѣйствія? Если она дѣлаетъ успѣхи во всемъ этомъ, то это успѣхъ несомнѣнный. Остальное придетъ со временемъ, и это остальное трудно констатировать. Скептику во всемъ, разрѣшите мнѣ, дорогая римлянка, быть скептикомъ въ томъ, что касается успѣховъ.

Прощайте. Слѣдующее письмо будетъ изъ Парижа. Съ 25, 26 января и до сегодняшняго дня непрерывная буря. Я никогда не видалъ ничего подобнаго. Представьте себѣ, что вчера (11 марта) и третьяго дня здѣсь, въ *Лондонъ!* бушевалъ ураганъ съ снѣжной метелью!

Я былъ также у старухи Альтгайзлейнъ¹⁾.

Вашъ бѣлый негръ и другъ.

Дочь Тургенева вышла замужъ за Гастона Брюера, владѣльца стекляннаго завода въ Ружмонтѣ.

2069 ter. Письмо къ дочерямъ.

(15—17 марта 1863).

Милая Тата, твоимъ вторымъ письмомъ я больше доволенъ. Да отчего же послали вы 5 марта, а пришло 12? «Колок.» будемъ посылать въ двухъ экземплярахъ, и теперь посылаю. Автографъ пришло, но Ос. Ив.²⁾ *по почтѣ* не пошлю. Такъ, какъ я писалъ,

1) Уменьшительное отъ настоящей фамилии Althausen—Альтгаузенъ.

2) Портретъ Маццини.

въ Римъ ѣхать можете; когда я приѣду (и приѣду ли), гораздо больше зависить отъ Лангевича и Константина Николаевича, чѣмъ отъ меня. Ну, да, вѣдь, во всѣхъ случаяхъ я вамъ отсрочилъ на два мѣсяца.

Vas willst *du* denn mehr? ¹⁾.

Кинкель продолжаетъ культивировать знакомство; прошлое воскр. Адла первый разъ сошла въ гостиную. Она совсѣмъ здорова, Лиза тоже; всѣ доктора и даже Нефталъ говорятъ, что это—чудо изъ чудесъ, что у маленькихъ не было scarlatины.

Ольга, сегодня Жакъ приноситъ мнѣ картину, на которой представлена рѣка Гарибъ, какъ онъ сказалъ, и вашъ домъ. Отчего же изъ васъ всѣхъ никто не сдѣлалъ того, что сдѣлала Егоровна для своей тетки?

Вчера Девись упустила изъ клѣтки твою птицу. Жакъ бѣгалъ въ саду ее ловить, но, такъ какъ она сидѣла на крышѣ, а онъ бѣгалъ по дорожкѣ, то и не поймалъ.

Въ понедѣльникъ Лиза съ Лелями выѣзжаетъ въ здѣшнюю столицу.

Кланяйся въ Римѣ папенькѣ ²⁾.

2070. (Увѣдомленіе).

Мы считаемъ необходимымъ увѣдомить тѣхъ, кому нужно знать, что г. *Осипъ Демонтовичъ* назначенъ Временнымъ Польскимъ Правительствомъ *комиссаромъ* въ Литвѣ.

2071. Great Western ³⁾.

Прочно, незыблемо установилось старое зданіе Европы, долго устраивалось и перестраивалось оно, урѣзывало куски отъ живого мяса, приставляло ихъ какой-то политической ринопластикой къ чужому тѣлу, ставила контрфорсы съ той и другой стороны, тратило всѣ свои доходы для того, чтобъ *вести* миръ, но зато сложная задача ея равновѣсія разрѣшена торжественно, плодъ мудрыхъ уступокъ, насильственныхъ браковъ, преднамѣренныхъ поддержаній, глубоко обдуманнхъ комбинацій и хитро завязанныхъ дипломатическихъ узловъ увѣнчался.

Равновѣсіе это усилилось косностью и привычкой, мудрымъ равнодушіемъ къ добру и злу, христіанскимъ смиреніемъ, съ которымъ принимается всякое несчастье ближняго, и всего больше

¹⁾ Чего жъ *ты* больше хочешь?

²⁾ Т.-е. римскому папѣ.

³⁾ Великій Западъ.

мощной рукой капитала, притягивающей поводья всѣхъ страстей своимъ credit и debet.

Пока вѣтеръ не дуетъ, дѣйствительно, все держится благополучно, но кто можетъ отвѣчать за штиль? Взаимное уничтоженіе силъ для равновѣсія отдаетъ его на произволь всякой случайности, всякому толчку. Не только достаточно явиться гениальной личности, гениальной мысли, ряду преданныхъ людей, ряду восторженныхъ фанатиковъ, но стоитъ какому-нибудь ослу лягнуть, чтобы старый успокоившійся маятникъ снова началъ биться изъ угла въ уголъ.

— Только упереться-то ослу придется въ воздухѣ...

— Помилуйте, король прусскій—ужь онъ ли... Архимедъ,— а, вѣдь, нашель же точку, въ которую упираясь задними ногами, чуть не сдвинулъ Францію на Рейнь, а, можетъ, и сдвинетъ; но я не стану спорить ни объ ослиныхъ копытахъ, ни объ бранденбургскихъ конвенціяхъ. Тѣмъ больше, что въ послѣднемъ случаѣ могутъ возразить, что всякій король, Архимедъ или нѣтъ, представляетъ сводную силу всѣхъ подданныхъ, особенно въ такой странѣ, какъ Пруссія, которая, хотя и ворчитъ доктринерски, но послушна, какъ негръ..

Мы говоримъ о тѣхъ буряхъ, которыя, пробуждаясь въ какой-нибудь незамѣтной точкѣ, растутъ, растутъ, поднимаютъ цѣлыя массы и грозятъ сорвать съ якоря Great Western.

Что, кажется, значитъ одинъ человѣкъ, сто человѣкъ, даже тысяча, а эта капля и переполняетъ сосудъ, а отъ этой-то песчинки паровозъ срывается съ рельсъ.

... Что сказали бы вы, если-бъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кто-нибудь показалъ бы вамъ въ небольшой комнатѣ лондонскаго boarding-house'a ¹⁾ средней руки шесть человѣкъ, тихо бесѣдующихъ около чайнаго стола, и прибавилъ бы: «Вотъ эти господа рѣшились разрушить равновѣсіе Европы»? Тутъ не было ни Гарибальди, ни Ротшильда. Совсѣмъ напротивъ, это были люди безъ денегъ, безъ связей, люди, заброшенные на чужбину волей, а вдвое того неволей. Одинъ изъ нихъ только-что возвратился изъ русской каторжной работы ²⁾, другой шель туда прямой дорогой ³⁾, третій самъ оставилъ Сибирь ⁴⁾, четвертый бросилъ свой полкъ, чтобы не быть палачомъ друзей ⁵⁾.

— И они хотѣли разрушить равновѣсіе Европы?

— Вопросъ только шель о времени.

— Это ужасно смѣшно...

— Какъ же не смѣшно, но знаете ли, что всего смѣшнѣе?

¹⁾ Пансіона.

²⁾ Антонъ Гиллеръ.

³⁾ Сигизмундъ Падлевскій.

⁴⁾ М. А. Бакунинъ.

⁵⁾ А. А. Потебня; остальные двое—Герценъ и Огаревъ.

— Что?

— То, что они исполнили свое желаніе.

— Кто же были эти люди?

— «Что въ имени тебѣ?»¹⁾—двое были членами варшавскаго Центральнаго комитета.

Много можетъ воля человѣка; его сила страшна, ей почти нѣтъ предѣла,—стоитъ ей быть чистой, беззавѣтно отдающейя дѣлу и чувствовать внутри себя океанныя теченія.

Эта самодержавная мощь, независимая отъ табели о рангахъ, глубоко сердить и оскорбляетъ нашихъ отечественныхъ камеръ-лакеевъ прогресса. Они, напыщенные своимъ званіемъ редакторовъ отъ полиціи, не могутъ вынести дерзости лицъ, имѣющихъ наглость вмѣшиваться въ чужія дѣла, въ дѣла цѣлаго народа, безъ всякаго права и приглашенія. Одинъ только громаднй успѣхъ заставляеть этихъ строгихъ аристократовъ передней вспомнить обязанности ливреи, перемѣнить ея цвѣтъ, признавая новую власть и на нее переводя старое раболѣпіе.

Генеалогія этого взгляда у нашихъ чинъ-чина почитающихъ писателей и писарей понятна. Это—приложеніе къ высшимъ сферамъ крѣпостнаго состоянія, при патріархальныхъ понятіяхъ котораго женитьба сына и непорочность дочери были дѣломъ не отца съ матерью, а *дѣло барское*. Но крѣпостное состояніе окончилось. Не пора ли отбросить другія части рабскаго кодекса и на людей внѣ царской службы не смотрѣть, какъ на *недорослей*?

Пока мы будемъ держаться за сарафанъ кормилицы, боясь буку, пока мы будемъ прятаться за другихъ, боясь генераловъ, мы свое дѣло будемъ считать *барскимъ*. Пусть, кто посмѣлѣе, заглянетъ за печку,—буки тамъ нѣтъ. Пусть заглянетъ за кавалергардовъ Зимняго дворца—*силы* тамъ нѣтъ.

— Да по какому праву?

По какому праву? Да вотъ по тому, по которому тѣ неизвѣстные, тѣ подземные, какіе-то мытари и грѣшники, какіе-то рыбаки сдѣлались кормчими человѣчества на цѣлые осьмнадцать вѣковъ, по которому какіе-то каторжные, сосланные сказали Италіи: «возьми одръ твой и иди!»,—и Италія, отъ Этны до Монблана, встала и пошла.

По какому праву?

По праву сильной любви.

По праву сильной вѣры.

По праву святой отваги.

По тому праву, по которому пошелъ Христось на крестъ *за чужое дѣло*—за грѣхи человѣчества.

¹⁾ Начальныя слова стихотворенія Пушкина «Что въ имени тебѣ моемъ?».

Всякій имѣетъ право звать съ собой ближнихъ и дальнихъ. Не пойдутъ за тѣмъ, кто ошибся *въ дѣлѣ*, не пойдутъ за тѣмъ, кто ошибся *въ себѣ*. Но силенъ будетъ голосъ того, у кого въ сердцѣ глубоко и громко звучать тѣ ноты, которыя непреодолимо волнуютъ его окружающія массы, составляя ихъ религію, ихъ поэзію, ихъ идеалъ, ихъ радость и печаль, ихъ *хорошія* слезы и человѣческую боль... Если при этомъ тотъ, кто зоветъ, весь отдается дѣлу, не имѣетъ *кумира*, *развѣ его*, народы пойдутъ съ нимъ.

Мы, глядя на герольдовъ, на тамбуръ-мажоровъ, на скороходовъ, думаемъ, что они ведутъ процессію, потому что впереди, это—большая ошибка. Движеніе дается рулемъ, опущеннымъ въ воду; золоченая грудь корабля съ своимъ флагомъ повинуется ему или тонетъ. Кто не боится схватиться за руль, тотъ и поведетъ корабль.

Въ этой-то отвагѣ та сила поляковъ, передъ которой русская императорская власть осунулась, армія сдѣлалась разбойничьей шайкой, великій князь—малымъ княземъ, прусскій король—квартальнымъ надзирателемъ,—та сила, отъ появленія которой черствое сердце Европы, дряхлой, усталой, занятой, равно встрепенулось въ Стокгольмѣ и Неаполѣ, во Флоренціи и Шотландіи. Европа содрогнулась отъ ужаса за безумную кучку людей, которая гордо стала передъ нелѣпой, глупой лавиной, грозящей раздавить послѣднюю хижину ея матери, говоря ей: «Прежде ты помѣряешься съ нами... Увидимъ, чья возьметъ... Только знай впередъ, побѣдить насъ нельзя... *насъ не будетъ больше*, когда ты одолѣешь!». Лавина двинулась. Стонъ ужаса вырвался изъ груди всѣхъ народовъ; сонъ и равновѣсіе Европы поколебались. Еще и еще геройства оттуда, еще и еще судорожный крикъ—и куда дѣнется вѣнскій трактатъ и *sie sollen ihn nicht haben...* ¹⁾. Все погнулось и поддалось—императорская Франція и цезарская Германія, сардинская Италія и Скандинавскій полуостровъ, тяжелый на подъемъ славянскій міръ и тяжелый на ходу, перегруженный англійскій корабль.

Отваги схватиться за руль у насъ нѣтъ; мы скорѣе согласны просто погибнуть, мы боимся отвѣтственности,—оттого поляки дѣйствуютъ, а мы разсуждаемъ. Для поляка *все въ общемъ дѣлѣ*: любовь, религія, традиція, семья, свобода, честь. Для насъ *общее дѣло* представляетъ *благородный интересъ*, мы имъ занимаемся, какъ дилетанты искусствомъ, между *настоящимъ дѣломъ*, т.-е. ничѣмъ не жертвуя.

¹⁾ «Sie sollen ihn nicht haben,
Den freien deutschen Rhein»,

то-есть: «не владѣть, имъ свободнымъ нѣмецкимъ Рейномъ» (Слова извѣстной патріотической пѣсни временъ борьбы Германіи за независимость).

...«Мы видѣли вчера,—говоритъ одинъ французскій журналъ,— какъ отправлялись къ своимъ *братьямъ въ лѣсу* дѣти народа-страдальца (*nation doulougeuse*), и были глубоко потрясены. Матери, сестры провожали ихъ, видно было, что онѣ удерживали слезы. Старецъ вышелъ впередъ и сказалъ прощальное слово отрокамъ, шедшимъ въ легионъ отчаянія—и вотъ, чѣмъ онъ утѣшалъ ихъ: «Если вы падете, помните, что ваша смерть послужитъ новымъ доказательствомъ, что Польша безсмертна».

И дѣти отправились...

Что говорятъ наши старцы русскимъ отрокамъ? Что сестры и матери?—одинъ женскій голосъ раздался, и то съ Украйны ¹⁾—хоть бы онѣ учили отстраниться, итти въ отставку, вѣдь, это не то, что посылать на смерть...

Проснитесь же, пока есть время, чтобъ спасти русскій народъ и себя.

2072. Студентамъ въ Россіи.

Друзья, мы получили на-дняхъ воззваніе къ вамъ, юношеское, восторженное отъ студентовъ изъ Пизы. Вѣдь, и вы молоды, и ваше сердце не отвыкло еще сильнѣе биться при тѣхъ великихъ словахъ, которыя существуютъ, какъ звукъ, для успокоившихся въ лонѣ эгоизма умниковъ, научающихъ васъ философіи повиненія и поэзіи-полицейскаго порядка. Примите же съ любовью слова, посылаемая вамъ итальянскими юношами изъ *Circolo democratico fra studenti in Pisa* ²⁾.

2073. Русская женщина у Лангевича.

Вчера мы видѣли фотографію руской дамы, которая, убѣгая отъ преслѣдованій русской полиціи, явилась въ станъ къ Лангевичу, вступила въ ряды инсургентовъ и исполняетъ должность адъютанта при Чеховскомъ. Мы не печатаемъ ея фамиліи, потому что не знаемъ, согласно ли это съ ея желаніемъ. Хвала ей и искренній привѣтъ ей отъ насъ!

¹⁾ Въ № 158 «Колокола» помѣщено воззваніе «Украинки» «Къ русскимъ женщинамъ» о недопущеніи мужей, братьевъ и сыновей въ ряды усмирителей Польши.

²⁾ Студенческій демократическій клубъ въ Пизѣ. Слѣдовало воззваніе за подписью четырехъ итальянцевъ.

2074. («Надвислянинъ»).

«Сѣверная Пч.» выписываетъ изъ «Надвислянина» слѣдующее: «католическіе монастыри минскаго округа объявили инсургентамъ, что всѣ драгоценности и церковная утварь, состоящая изъ золота и серебра, жертвуются монахами въ пользу инсургентовъ». Что за чудное свойство польскаго возстанія, что оно очищаетъ все, до чего касается, даже Австрію и монастыри!

2075. (Die Geschicklichkeit ist mit einer Oekonomie verbunden) ¹⁾.

Въ одномъ пограничномъ мѣстечкѣ Познани *друзья дома* ²⁾ (пишетъ намъ одинъ знакомый) сдѣлали небольшое депо русскихъ солдатскихъ шинелей, фуражекъ, ружей и пр. для того, чтобы пруссаки могли иной разъ маскироваться и подъ этой русской оболочкой помогать слабой романовской имперіи противъ Лангевича и другихъ мощныхъ враговъ ея. Сверхъ торжества родственной дружбы, доходящей до пожертвованія всякимъ чувствомъ благородства, приличія, оно выгодно. Платье ужасно изнашивается на войнѣ; король-другъ ³⁾, взявши русскія шинели, подвергаетъ только прусскую мясную начинку опасности, а «пуговики, погончики, петлички» ⁴⁾ на счетъ племянника ⁵⁾... Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь!

2076. («Le Nord»).

«Le Nord» (отъ 14 марта) говоритъ, что 3 марта (19 февраля) въ Петербургѣ были разбросаны прокламаціи съ зеленой печатью *Земля и Воля* ¹⁾. Странно, что мы почерпаемъ этого рода новости изъ такого источника. Мы очень желали бы знать содержаніе прокламаціи изъ настоящаго Сѣвера, а не изъ парижскаго ⁶⁾.

¹⁾ Ловкость связана съ экономіей.

²⁾ Т.-е. русское правительство.

³⁾ Вильгельмъ I.

⁴⁾ «Горе отъ ума».

⁵⁾ Т.-е. Александра II.

⁶⁾ «Свобода» № 1. Послѣ объясненій, данныхъ мною выше, слова Герцена понятны.

2077. Убійство въ Японіи.

Въ одномъ изъ давнихъ листовъ «Колокола» была помѣщена доставленная намъ отъ неизвѣстнаго корреспондента изъ Китая исторія объ убійствѣ японца русскимъ морскимъ офицеромъ. Нѣднѣхъ мы имѣли случай встрѣтиться въ Лондонѣ съ однимъ извѣстнымъ путешественникомъ, который тогда былъ самъ въ Японіи ¹⁾; рѣчь дошла до несчастной исторіи убитаго японца. Онъ разсказалъ намъ, какъ было дѣло. Спѣшимъ передать нашимъ читателямъ, что офицеръ убилъ японца *случайно*. Начальнику того мѣста *не былъ данъ выкупъ*, а, по его совѣту, дали женѣ убитаго небольшую сумму денегъ, собранную между офицерами.

Сколько разъ просили мы нашихъ корреспондентовъ писать только о вещахъ совершенно имъ извѣстныхъ или, по крайней мѣрѣ, прибавлять, что знаютъ дѣло по слухамъ, когда не увѣрены въ немъ.

2078. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено отъ В. Печерина 1 фунтъ (№ 1), изъ Германіи 7 фунт. 10 шилл. (№ 2), изъ Парижа 125 франковъ и для польскаго дѣла отъ нѣсколькихъ русскихъ студентовъ изъ Германіи 40 гульденовъ. ¹

◆◆ 1. В. С. Печеринъ писалъ кн. П. В. Долгорукову: «До сихъ поръ я поддерживалъ знаніе родного языка чтеніемъ «Колокола» и другихъ сочиненій г. Герцена и, не взирая на различіе нашихъ мнѣній, я обожаю его несравненный талантъ» («Листокъ», № 12).

Указанные въ скобкахъ нумера означаютъ, что эти взносы присланы по воззванію «Земли и Воли».

Въ приложенномъ къ 159 л. «Колокола» № 13 «Общаго Вѣща» Огаревъ писалъ: «Объявленіе Совѣта общества мы напечатали въ «Кол.» 1 марта, чтобъ путешествующіе за границей могли свои пожертванія присылать намъ, и мы доставимъ полученное Совѣту общества. Но путешествующихъ немного. Пусть же люди, дома живущіе, доставляютъ свои пожертванія прямо въ Совѣтъ общества. Люди общества «З. и В.» своей казны для дѣла не жалѣютъ, что имъ сильно, отдаютъ. Имъ приходится помочь ссыльному и гонимому, за народную волю пострадавшему, то послать человѣка въ тотъ или другой конецъ Россіи—и солдатъ-то

¹⁾ Рудольфъ Ландау (о немъ см. въ «Письмахъ» Тургенева, 178).

уговаривать по народу не стрѣлять, а стоять твердо за крестьянство, и людей склонять, чтобы строй держали и въ одинъ голосъ требовали великаго Земскаго Собора. Въ деньгахъ, ими получаемыхъ, они въ своемъ листкѣ печатномъ станутъ давать отчетъ свято и честно. Кто чувствуетъ, что слушная пора приходитъ, пусть тотъ на общее народное дѣло свою трудовую копѣйку и принесетъ, а гдѣ найти Совѣтъ общества, кто захочетъ, самъ догадается. Приходитъ пора для русскаго земскаго дѣла не только трудовой копѣйкой, а и жизнью пожертвовать. А кто отступится, тому да будетъ стыдно».

2079. Письмо къ Ж. Мишле.

21 Mars 1863.

Orsett House, Westbourne terrace,

Monsieur, un de mes amis, un des russes—qui heureusement ne ressemblent pas à ces terribles Moscovites que vous nous donnez dans vos «Légendes»—Monsieur Alexandre Slepzoff, me prie de lui donner un mot d'introduction pour Vous. Je le fais de tout mon coeur. Vous verrez par le jeune représentant d'une nouvelle génération—que ce n'est pas Bakounine, Ogareff et moi qui font une exception (je prends cela dans la préface)—mais qu'il y a une grande force de démocratie sociale—et qu'elle va crescendo.

Bakounine est à Stockholm, nous travaillons comme toujours. Ecoutez un peu—dans le silence et dans les ténèbres—de ce monde en anarchie despotique, et votre oreil de grand historien Vous dira—que non seulement il y a là massacre et extermination—mais enfancement et germination.

Je vous recommande encore une fois notre ami et je serre avec éstime votre main.

Al. Herzen. ¹

Переводъ.

Милостивый Государь! Одинъ изъ моихъ друзей, одинъ изъ тѣхъ русскихъ, которые, къ счастью, не походятъ на ужасныхъ московитовъ, выведенныхъ въ вашихъ «Легендахъ», г. Александръ Слѣпцовъ, проситъ меня о рекомендаціи вамъ. Дѣлаю это отъ всего сердца. Вы узнаете по молодому представителю новаго поколѣнія, что ни Бакунинъ, ни Огаревъ, ни я не составляемъ исключенія (я говорю это для предисловія), но что существуетъ большая сила,—сила соціальной демократіи, и сила эта идетъ crescendo.

Бакунинъ въ Стокгольмѣ; мы работаемъ, какъ всегда. Прислушайтесь немного, втиши и во мракѣ, къ этому міру деспотической анархіи, и ваше ухо великаго историка скажетъ вамъ, что тамъ не только убійство и истребленіе, но и зарожденіе и прорастаніе.

Еще разъ рекомендую вамъ нашего друга и съ уваженіемъ жму вашу руку.

Ал. Герценъ.

◆◆ 1. Въ предисловіи къ своей книгѣ «La Pologne martyre», Paris, 1863, Мишле сказалъ, что онъ опять заговорилъ о Польшѣ, потому что его разбудилъ «Колоколь», напомнивъ «любимыя имена русскихъ мучениковъ, очаровательный умъ Герцена, его величіе и героизмъ Бакунина» (стр. XV).

2080. Письмо къ дочерямъ.

24 марта 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

Милая Тата, пишу нѣсколько строкъ въ Римъ, чтобъ сказать, что мы здоровы и цѣлы,—и сказать это на всякій случай, потому что я не знаю, дойдетъ ли письмо или нѣтъ.

Вчера отправ. во Флоренцію къ Фенси ¹⁾ 1500 фр.; изъ нихъ ты можешь взять на свои депансы ²⁾ 200 фр., что вмѣстѣ съ 100 фр. отъ Фрикена (которые я здѣсь отдалъ) составитъ 300 фр. тебѣ особо. Мнѣ хотѣлось бы знать, что стоятъ extra ³⁾ по части ученія, модели, уроки etc., особо отъ хозяйства. Думаю, что, кромѣ особыхъ какихъ-нибудь вещей, вамъ не слѣдуетъ тратить больше 700—750 фр. въ мѣсяцъ; такъ и рассчитывайте.

Проектъ Заб. ⁴⁾ совершенно мнѣ не нравится;—зачѣмъ же онъ давалъ модель? я говорилъ о рисункѣ карандашомъ. Это проектъ казенно-обыкновенный.

Въ субботу отплылъ пароходъ съ цѣлымъ легиономъ поляковъ отсюда, подъ начальствомъ полковника Лапинскаго, который ужъ воевалъ на Кавказѣ. Старики и мальчики—Сиротскій изъ типогр. и старикъ, который носилъ корректуру (вѣрно, помнишь),—все поѣхало, нѣсколько французовъ—одного помѣстилъ Бокэ, нѣсколько итальянцевъ. Все это въ полномъ вооруженіи, съ пуш-

¹⁾ Банкиръ.

²⁾ Dépenses—расходы.

³⁾ Спеціальные расходы.

⁴⁾ П. П. Забѣлло.

ками, штуцерами и револьверами. Мы провожали ихъ. Минута отъѣзда по желѣзной дорогѣ была торжественна. Они поѣхали въ особомъ train. ¹

А Лангевичъ побить, но это далеко не значить, что Польша побита ¹).

Ольга, жду отъ тебя описанія Рима und des Herrn Papa ²). «Шарикъ» умираетъ. Когда приѣдете во Флоренцію, я напишу о конской ѣздѣ.

Sehen Sie die aeterna Roma—und lesen Sie jetzt keine Briefe.—Tata wird Ihnen und Olga doch vorlesen—über d. *Départ*.

Geld habe ich geschickt 1,500. D.; 100 fr. von Fricken sind schon abgegeben.

Your obedient.

P. S. Bitte, mir zu schreiben, ob dieser Brief angekommen ist ³).

◆◆ 1. 21 марта 1863 г. пароходъ «Ward Jackson» отплылъ изъ Англи. Особая глава въ «Быломъ и думахъ» подробно описываетъ всю эту экспедицію; дальше въ нѣсколькихъ письмахъ и замѣткахъ будетъ упоминаться о ней отрывочно.

2081. Поправки въ проектъ письма Н. П. Огарева къ кн. П. В. Долгорукову. ¹

(1863 г.)

1. Почтеннѣйшій

2. Возвращаю съ благодарностью «Пет. Вѣд.». Мнѣ хочется сказать вамъ нѣсколько откровенныхъ словъ о непріятномъ для насъ всѣхъ столкновеніи въ прошлое воскресеніе. Ни Г., ни я, мы никакихъ разрывовъ не ищемъ, мы слишкомъ заняты нашимъ общимъ дѣломъ, чтобъ замѣшивать въ немъ личности. Намъ и теперь жаль случившагося.

Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что было. Защищая неловкое выраженіе, что Блюммеръ издаетъ *польскій* журналъ,

3. я не думаю, чтобъ вы были правы.

4. черезъ полт. недѣли, мнѣ кажется, что пора

5. вы намъ попросту

¹) Лангевичъ былъ диктаторомъ только 9 дней; 19 марта онъ попался въ руки австрійцевъ; диктатора замѣнило Временное Народное Правительство.

²) И господина папы.

³) Любуйтесь вѣчнымъ Римомъ и не читайте теперь писемъ. Tata прочтетъ вамъ и Ольгѣ объ *отъѣздѣ*. Деньги я выслалъ, 1500 фр., фрикенскіе 100 уже отданы. Вашъ покорный. P. S. Извѣстите меня о полученіи этого письма.

◆◆ 1. Привожу полный текстъ черновика Огарева, въ которомъ все, что замѣняется Герценомъ, взято въ квадратныя скобки съ указаніемъ № поправки; круглыя скобки поставлены также Герценомъ.

[Любезный] ¹ П. В.

[Съ величайшей благодарностью возвращаю вамъ «Пет. Вѣд.».

Мнѣ очень прискорбно, что между нами произошло что-то въ родѣ разрыва. Но позвольте вамъ серьезно и дружески рассказать, что было] ². Вы стали ругать поляковъ, что, по моему мнѣнію, русскому не приходится; судить можно, но ругать мы не въ правѣ. И это было при Тх—мъ, т.-е. при полякѣ, да еще при полякѣ въ очень стѣсненномъ положеніи. Петръ Влад., вѣдь, это безчеловѣчно. Герценъ старался васъ удержать, но не могъ. Вы стали кричать, тогда и онъ сталъ кричать. Воля ваша, безъ всякаго лицепріятія, положи руку на сердце,—[виноваты вы, а не онъ]. ³ Если я тогда не вступился въ дѣло, то это было потому, что вы какъ-то такъ необычайно разгорячились, что я не ждалъ въ эту минуту хорошаго результата. Но теперь [позвольте вамъ сказать, что пора прекратить эту ненужную ссору, въ которой вы не правы, и] ⁴ все происшедшее предать забвенію (и не возобновлять ничего подобнаго). Я не думаю, что вы мои слова примете въ дурную сторону, и увѣренъ, что [⁵] протяните (мнѣ) руку.

(Преданный вамъ *Н. Огаревъ*).

Время этого инцидента опредѣляется слѣдующими данными.

По существу ясно, что ссора могла произойти въ началѣ 1863 г.; Долгоруковъ прибылъ въ Лондонъ послѣ 17 февраля; журналъ Блюммера, который можно было назвать «польскимъ» — «Свободное Слово», въ I кн. котораго за 1863 г., вышедшей въ концѣ февраля, помѣщены письма «Литвина» къ Бакунину и отвѣтъ на него; Огарева также подтверждаетъ, что ссора произошла въ воскресенье; тогда этотъ день приходился на 22 февраля и 1, 8, 15, 22 и 29 марта; 8 и 15 марта Огарева не было въ Лондонѣ; 10 апрѣля Герценъ съ Долгоруковымъ и Огаревымъ уже уличалъ Хотинскаго, — слѣдовательно, сцена могла произойти только или въ концѣ февраля или въ началѣ и концѣ марта. Огарева рассказываетъ о ней такъ, ошибочно относя ссору къ эпохѣ жизни въ Теддингтонѣ: «Разъ въ воскресенье у насъ обѣдало нѣсколько человѣкъ, между которыми былъ князь Долгоруковъ, Чернецкій и Тхоржевскій; это было послѣ варшавскихъ происшествій; разговорились; толковали о происшествіяхъ того времени... Вдругъ князь Долгоруковъ сталъ дерзко говорить о сумасбродствѣ поляковъ и грубо кричать, по своему обыкновенію, когда онъ

выходилъ изъ себя. У Герцена голосъ былъ громкій и звучный, но онъ имѣлъ привычку говорить, не возвышая голоса, исключая очень хорошаго расположенія духа; тутъ онъ не выдержалъ и гнѣвно закричалъ: «Я не позволю въ моемъ домѣ нападать на Польшу; это тѣмъ неделикатнѣе, что эта страна побѣждена и что за этимъ столомъ сидятъ поляки». Это происходило послѣ обѣда; мужчины сидѣли еще за столомъ, а я съ другими дамами перешла въ гостиную, гдѣ стояло фортепьяно; сама я лично ничего не слыхала, а рассказываю со словъ Герцена. Черезъ нѣсколько секундъ въ гостиную вошелъ кн. Долгоруковъ; онъ взялъ шляпу и трость, въ которой скрывался кинжалъ, и которая всегда была при немъ, потомъ вѣжливо раскланялся и ушелъ, не подавъ мнѣ руки, что меня нѣсколько удивило; но вскорѣ пришелъ Герценъ и подробно рассказалъ ссору съ кн. Долгоруковымъ. Послѣдній долго не ѣздилъ къ намъ, потомъ извинился передъ Тхоржевскимъ и Чернецкимъ и написалъ Герцену письмо, въ которомъ просилъ извинить его глупую выходку противъ поляковъ, и опять сталъ ѣздить къ намъ» («Воспоминанія, 165»). Здѣсь двѣ существенныя ошибки: «долго», вмѣсто полутора недѣль, и присутствіе Чернецкаго, на которое, однако, въ письмѣ не указано.

2082. Письмо къ В. И. Касаткину.

27 марта 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

На-дняхъ ѣдетъ въ Женеву и Бернъ К. Онъ Вамъ вручить инструкціи и 50 фунтовъ на расходы. Я думаю, пока будетъ довольно. Печатайте безъ счета, а коммуникаціи ¹⁾ будутъ вскорѣ возстановлены. Революція не только не погасла, но увеличилась; вѣсти изъ Россіи благопріятны, и наши труды не пропадутъ даромъ. Литовская партія ожидаетъ весны, а въ Австріи организуются новые отряды—вѣдь, границу не обнесутъ частоколомъ; перевозъ оружія, а, главное, пропаганда будетъ продолжаться. Пишите тотчасъ къ Р. въ Краковъ, чтобы не отправлялся въ лагерь до полученія инструкцій. Мы приобрѣли союзниковъ, и между ними есть лицо очень значительное, которое обѣщало содѣйствовать. Отпечатайте 300 бланковъ для окружающихъ по извѣстной формѣ и тотчасъ отправьте въ Краковъ,—это крайне нужно. Въ М., Х. и К. ²⁾ вышлемъ изъ Лондона чрезъ купеческую контору (W. S.) ³⁾, а равно и проекты при первомъ открытіи навигаціи. Да, напи-

¹⁾ Communications—сношенія.

²⁾ Вѣроятно, Москва, Харьковъ и Кіевъ или Казань.

³⁾ Контора Суздальцева.

шите Фогту, чтобы собранныя суммы не отправлять въ парижскій комитетъ, но занялся бы отправкой волонтеровъ или переслалъ бы Островскому (въ Краковъ). Здѣсь кипитъ работа, и дѣло идетъ исполинскими шагами; но торопиться нечего,—переступивъ рубежъ, нѣтъ возврата. Изъ Варшавы еще нѣтъ извѣстій,—вѣрно, Д. сидитъ въ Краковѣ. Тхоржевскій отправилъ Вамъ 280 №№ «Колокола» и 70 экземп. книгъ и проч. чрезъ контору Ponk и С^о или чрезъ довѣреннаго въ Краковъ. Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцію, чтобы, въ свою очередь, они насъ поддержали. Съ весною это приметъ настоящіе размѣры.

Жму Вамъ руку.

А. Герценъ.

2083. Прокламація «Земли и Воли».

Наконецъ, сказалось въ Россіи живое слово участія къ польскому дѣлу, сказалось путемъ *подземной* литературы, какъ и слѣдовало ожидать въ странѣ, въ которой за мнѣніе публицистовъ держатъ больше полгода въ казематахъ, а потомъ ссылаютъ на каторжную работу,—сказалось «ЗЕМЛЕЙ И ВОЛЕЙ». Прокламація, разсѣянная 19 февраля (3 марта) въ Москвѣ и Петербургѣ (*которой текста мы не получали*) была о Польшѣ. Писавшіе ее подаютъ руку полякамъ во имя юной Россіи и обращаются къ солдатамъ и офицерамъ, удерживая ихъ отъ преступнаго повиненія.

Этотъ голосъ былъ необходимъ, съ него начнется реабилитация Россіи,—и потому глубокая благодарность людямъ, сдѣлавшимъ ее возможной.

Холопы слова, литературные опричники и полицейскіе *въстники*, доморощенные и проживающіе in partibus, называютъ ихъ и насъ измѣнниками Россіи, говорятъ, что мы стоимъ въ рядахъ злѣйшихъ враговъ ея, и пр. ¹⁾

Имъ мы не будемъ отвѣчать. Они за тѣмъ нравственнымъ цензомъ, за которымъ нѣтъ ни оскорбленій, ни обидъ. Они пользуются особыми привилегіями, какъ объявленные банкроты, какъ публичныя женщины, какъ ихъ страдательные собратья, не пишущіе въ пользу правительства, а подслушивающіе ему въ пользу.

Съ ними говорить нечего.

Но, можетъ быть, въ числѣ друзей нашихъ найдутся люди, не вполне освободившіеся отъ традиціонныхъ предрасудковъ, не

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ нашего листа мы выписываемъ изъ III Отдѣленія «Русскаго Вѣстника» нѣсколько ругательствъ противъ прокламаціи и фразу изъ манифеста правительствующей реакціи. Пусть читатели сами измѣрятъ глубину паденія московскихъ доктринеровъ. А. И. Г.

ясно разграничившіе въ своемъ сознаніи *отечество съ государствомъ*, смѣшивающіе родственную любовь къ своему народу, готовность страдать объ немъ и для него, готовность отдать ему трудъ, жизнь съ готовностью безсмысленно повиноваться всякому правительству. Имъ-то мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Мы съ Польшей, потому-что мы за Россію. Мы со стороны поляковъ, потому что мы русскіе. Мы хотимъ независимости Польши, потому что мы хотимъ свободы Россіи. Мы съ поляками, потому что одна цѣль сковываетъ насъ обоихъ. Мы съ ними, потому что твердо убѣждены, что нелѣпость имперіи, идущей отъ Швеціи до Тихаго океана, отъ Бѣлаго моря до Китая, не можетъ принести блага народамъ, которыхъ ведетъ на смычкѣ Петербургъ. Всемирныя монархіи Чингисовъ и Тамерлановъ принадлежатъ къ самымъ начальнымъ и самымъ дикимъ періодамъ развитія, къ тѣмъ временамъ, когда сила и обширность составляютъ всю славу государства. Онѣ только возможны съ безвыходнымъ рабствомъ внизу и неограниченнымъ тиранствомъ наверху. Была ли нужна или нѣтъ наша имперская формація, намъ на сію минуту дѣла нѣтъ, она—фактъ. Но она сдѣлала свое время и занесла одну ногу въ гробъ, это—тоже фактъ. Мы стараемся отъ всей души помочь другой ногѣ.

Да, мы противъ имперіи, потому что мы за народъ! ¹

◆◆ 1. Зная, что и 19 февраля, и въ предыдущіе дни въ Москвѣ и СПБ. былъ распространенъ № 1 «Свободы», мы не должны думать, что рѣчь идетъ о немъ. Здѣсь подразумѣвалась другая, неизвѣстная Герцену прокламація «З. и В.»: «Льется польская кровь», о которой онъ зналъ отъ Слѣпцова (тогда уже бывшаго въ Парижѣ), но только въ качествѣ предположенія. Рукопись прокламаціи была послана Слѣпцовымъ въ СПБ. изъ Ц. Польскаго, но могла и не дойти въ такое время по назначенію и подвергнуться въ Центральномъ Комитетѣ нѣкоторымъ измѣненіямъ (что и было). Катковъ закрѣпилъ внѣшнюю ошибку, указавъ, что «Льется польская кровь» (онъ не далъ ея названія, но по одной цитируемой имъ фразѣ фактъ безспоренъ) была распространена въ обѣихъ столицахъ 19 февраля. Прочтя объ этомъ въ № 1 «Рус. Вѣстника» (статья «Польскій вопросъ») и еще не видя самой прокламаціи, Герценъ написалъ статью. Полный текстъ прокламаціи нигдѣ не перепечатывался, а потому и привожу его.

«Льется польская кровь, льется русская кровь... Отчего же и для чего она льется?—Край, наводненный русскими войсками, народъ, истерзанный нашими тиранами, не могъ долѣе выдержать безпощаднаго гнета и на послѣднія жестокости правительства отвѣтилъ всенароднымъ возстаніемъ.

«Возстаніе это не произошло со стороны поляковъ вслѣдствіе желанія кровопролитія, какъ въ этомъ нагло старается увѣрить всѣхъ императорское пр—во; возстаніе вызвано самимъ пр—вомъ. Послѣдніе годы правленія Александра II были для Польши кровавымъ рядомъ страшныхъ угнетеній и народныхъ бѣдствій; десятки тысячъ лучшихъ гражданъ гибли безвинно въ крѣпостяхъ, пропали безслѣдно въ Сибири; цѣлыя сотни людей разстрѣляны или повѣшены; пр—во достигло того, что народонаселеніе въ Польшѣ не увеличивалось, какъ вездѣ, а значительно уменьшилось. Это варварское истребленіе народа, эти систематическія истязанія довели Польшу до того безмолвнаго, затаеннаго отчаянія, котораго устрашилось даже само пр—во; оно назначало особая комиссія для изслѣдованія, почему въ Польшѣ все такъ спокойно; оно, наконецъ, начало сознавать, что озлобленный польскій народъ готовится къ новой, роковой борьбѣ, и потому всевозможными безчеловѣчными мѣрами старалось возбудить поляковъ къ возстанію, въ надеждѣ застать ихъ врасплохъ, и скорѣе и успѣшнѣе подавить ихъ свободныя стремленія. Послѣднею вызывающей и наконецъ удавшеюся мѣрою былъ выборъ конскрипціи, беззаконнѣе которой не было даже во времена дикаго варварства. Ночью со 2 на 3 января въ Варшавѣ устроили облаву и разомъ схватили 2.000 лучшей молодежи, по списку, произвольно составленному Вельегольскимъ (сыномъ) и его клеветомъ Вжесневскимъ.—Не находя дома многихъ юношей, означенныхъ въ спискѣ, пр—ные агенты хватили и бросали въ тюрьму престарѣлыхъ отцовъ и матерей. Въ слѣдующую ночь намѣревались схватить такимъ же образомъ еще нѣсколько тысячъ. Долѣе терпѣть такого позора и насилия Польша не могла и не должна была. Молодые сыны ея лучше хотѣли гибнуть въ борьбѣ за родину, чѣмъ служить орудіемъ пр—веннаго деспотизма и бесплодно умирать въ далекихъ степяхъ Россіи.—Болѣе 5.000 человекъ одновременно вышли изъ Варшавы...

«Громъ возстанія разразился по всей странѣ, и полилась кровь... Къ чему же можетъ привести это кровопролитіе?—Нравственно владычествовать надъ Польшей мы не можемъ; она всегда стояла выше насъ своимъ образованіемъ, своими нравами, своимъ гражданскимъ развитіемъ. Она не терпѣла запаха рабства еще въ то время, когда мы считали за счастье быть рабами.—Чтобы владѣть Польшей пр—во должно постоянно держать тамъ болѣе чѣмъ стотысячную армію, что составляетъ для государства весьма чувствительное бремя.—Отчего же пр—во не хочетъ отказаться отъ Польши? оттого, что въ свободѣ Польши оно видитъ свободу Россіи и, значитъ, свою гибель. Оно думаетъ, что, задавивъ польское движеніе, тѣмъ самымъ отвратитъ возможность такого же движенія въ Россіи... Но такія дѣйствія не могутъ измѣнить хода событій; гибель деспотизма все равно неизбѣжна; пр—ву нечего бояться, что русскіе заразятся отъ свободной Польши револю-

ціонными идеями, отъ идей не загородиться ничѣмъ, онѣ господствуютъ въ настоящее время во всей Европѣ, народы которой находятся теперь въ такомъ напряженномъ состояніи и до того сильно почувствовали гнетъ деспотизма, что малѣйшій толчекъ произведетъ между ними общее революціонное движеніе, которое разрушитъ всѣ основанія, поддерживающія деспотизмъ. У насъ само пр—во подготовляетъ это движеніе; его деспотическія мѣры, возмутительные аресты и ссылки служатъ самой лучшей пропагандой революціонныхъ идей и сотнями увеличиваютъ число его противниковъ.—Но, если пр—во остается и по своимъ корыстнымъ, хотя и бессмысленнымъ разсчетамъ, желаетъ остаться слѣпымъ относительно очевидныхъ правъ Польши на независимость, то подобное ослѣпленіе было бы непростительно ни для одного мыслящаго и честнаго человѣка.

«Какое мы имѣемъ право привлекать къ союзу съ собою народъ, въ которомъ русское многолѣтнее владычество не могло воспитать ничего, кромѣ самой закоренѣлой ненависти къ намъ? Какое мы имѣемъ право хозяйничать въ его царствѣ, распоряжаться его дѣлами и судьбами, казнить и миловать? Кто далъ намъ это право? Вѣнскій конгрессъ? Папа римскій? Султанъ турецкій? или Николай I? Народъ польскій никогда не признавалъ права русскаго пр—ва на обладаніе имъ, да и само пр—во въ доказательство справедливости своихъ притязаній не въ состояніи привести ничего, кромѣ «воли провидѣнія». — Тѣмъ не менѣе больно видѣть, что значительная часть нашего общества относится съ какимъ—то близорукимъ легкомысліемъ къ польскому дѣлу.

«Повѣривъ лживымъ извѣстіямъ пр—ва, многіе готовы оправдывать всякія жестокія и варварскія мѣры относительно Польши; эти люди вѣрятъ въ благодушіе пр—ва и приходятъ въ ужасъ при чтеніи газетныхъ реляцій о томъ, что поляки сожгли какой—то домъ, и въ то же время забываютъ, что русскіе начальники, какъ Сержпутовскій, Манюкинъ и другіе жгутъ цѣлые города и селенія; разстрѣливаютъ картечью массы безоружныхъ жителей; они содрагаются отъ изобрѣтенныхъ разсказовъ о чудовищныхъ обезображиваніяхъ труповъ русскихъ плѣнныхъ (чего, какъ намъ положительно извѣстно, никогда не было) и какъ бы забываютъ, что русское правительство обезображивало не трупы, а живыя существа; пусть хоть вспомнятъ мягкосердіе Николая въ отношеніи графини Платеръ. Молодая дѣвушка была взята въ плѣнъ и отдана русскимъ казакамъ на растлѣніе и потомъ уже окровавленная, измученная, полумертвая была разстрѣляна. Пр—во разстрѣливаетъ плѣнныхъ поляковъ, какъ южные американцы разстрѣливаютъ негровъ, а поляки безобидно пропускаютъ генерала Синельникова и, какъ намъ извѣстно точно, также отпускаютъ на свободу русскихъ офицеровъ, взявши съ нихъ слово не участвовать въ настоящей войнѣ и заплативъ имъ деньги за удержанное оружіе. Что касается до солдатъ, то многіе изъ плѣнныхъ поляками

вступаютъ въ революціонные ряды, получая сверхъ содержанія еще пятнадцать коп. сер. въ сутки.

«Тѣ же самые люди видятъ въ польскомъ движеніи не возстаніе освобождающагося народа, а бунтъ нѣсколькихъ шаекъ мятежниковъ. Но такъ бунтовали и мы противъ Монголовъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ, противъ поляковъ въ 1612 г., противъ французовъ въ 1812 г. и всенароднымъ ополченіемъ сокрушили ихъ силу, противъ которой ничего не могъ сдѣлать царь со своими солдатами, и предъ цѣлымъ свѣтомъ доказали, что сила не въ войскахъ, а въ народѣ; наконецъ, такъ бунтовалъ и Гарибальди, и люди, восторгавшіеся его героизмомъ бессмысленно порицаютъ теперь героизмъ поляковъ, болѣе достойный удивленія и сочувствія, чѣмъ героизмъ Гарибальди; ужели поляки менѣе страдаютъ подъ игомъ Александра II, нежели неаполитанцы страдали подъ игомъ Франциска, Александрова друга. — А что въ Польшѣ дѣйствуютъ не отдѣльныя шайки, а возсталъ вся нація—про то очень хорошо знаетъ императорское пр—во; оно знаетъ, что противъ шайки мятежниковъ не было бы нужно наводнять Польшу русскими войсками; оно знаетъ, насколько справедливы газетныя извѣщенія о томъ, что сельское население стоитъ на сторонѣ пр—ва, и пусть же оно знаетъ еще, что если бы ему послѣ страшныхъ кровопролитій и удалось на время подавить нынѣшнее возстаніе, то всетаки оно не въ силахъ задушить народъ, рѣшившійся съ отчаянной энергіей во что бы то ни стало отстоять свою независимость. Пока не откажется русское правительство отъ незаконнаго обладанія Польшей, до тѣхъ поръ останется взаимное озлобленіе двухъ родственныхъ народовъ, до тѣхъ поръ будетъ литься неповинная кровь русская и польская.

«Офицеры и солдаты русской арміи! Не обгабляйте рукъ своихъ польскою кровью, не покрывайте никогда неизгладимымъ позоромъ чести и правоты русскаго народа.—Близко время, когда народъ русскій просвѣтится и пойметъ гнусную, своекорыстную политику современнаго русскаго правительства; тогда Россія проклянетъ всѣхъ участвовавшихъ въ пролитіи польской крови, тогда дѣти будутъ стыдиться произносить имена отцовъ, помогавшихъ насильно закрѣпощать свободный народъ... Помните это; поймите, что съ освобожденіемъ Польши тѣсно связана свобода нашей страдальческой родины. Не тирану и его прихотямъ, а великому дѣлу освобожденія русскаго народа долженъ служить въ настоящее время каждый честный Русскій. Вмѣсто того, чтобы позорить себя преступнымъ избіеніемъ поляковъ—обратите свой мечъ на общаго врага нашего; выйдите изъ Польши, возвративши ей похищенную свободу, и идите къ намъ, въ свое отечество, освободить его отъ виновника всѣхъ народныхъ бѣдствій—императорскаго правительства. Протяните братскую руку примиренія и новаго свободнаго союза Полякамъ, какъ и они протягиваютъ ее вамъ.—Вмѣсто того, чтобы съ ненавистью обратиться къ русскому

народу за близорукое и малодушное потворство общему нашему врагу,—они еще передъ началомъ борьбы за свободу вотъ какъ обращаются къ намъ ¹⁾: «Обращаемся къ тебѣ, Русскій народъ!—Свобода и братство есть нашъ наслѣдственный девизъ, и потому то мы прощаемъ тебѣ угнетеніе нашего отечества, даже кровь, пролитую въ Прагѣ и Ошмянахъ, даже насилія на улицахъ Варшавы и пытки въ подземеліяхъ цитадели. Прощаемъ тебя, ибо и самы ты несчастный и мучимый, страдающій и угнетенный: — трупы лучшихъ сыновъ твоихъ качаются на висѣлицахъ царскаго деспотизма, а вдохновенные пророки твои гибнуть подъ снѣгами холодной Сибири. Но если ты въ эту рѣшительную минуту не почувствуешь въ душѣ твоей угрызеній за прошедшее, если въ борьбѣ съ нами будешь содѣйствовать тирану, который убиваетъ насъ, а васъ запрягаетъ въ ярмо,—то горе тебѣ.. потому что ты явишься тогда виновникомъ замедленія побѣды въ послѣдней борьбѣ европейской цивилизаціи съ дикимъ варварствомъ Азіи...»

Вверху была поставлена зеленая краской печать «З. и В», внизу указано: «типографія общ. «З. и В».

Суть сказаннаго по этому поводу Катковымъ, съ намеками о Герценѣ, приведена въ № 2086.

Теперь продолжу свой краткій очеркъ «З. и Воли».

Въ мартѣ 1863 г. въ Петропавловскую крѣпость были заключены вольнослушатель Спб. университета Дмитрій Тимофеевичъ Степановъ и уволенный въ отставку въ 1862 г. (по подозрѣнію въ пропагандѣ въ стоявшемъ въ Кіевѣ Черниговскомъ полку) шт.-капитанъ Илья Григорьевичъ Жуковъ, задержанные крестьянами въ д. Кобыльскѣ Островскаго у. Псковской губ. При нихъ было найдено въ 70 экз. начало напечатаннаго журнала подъ названіемъ «Земля и Воля», а также различныя типографскія принадлежности въ довольно значительномъ количествѣ. Степановъ сразу сталъ словоохотливъ, указалъ, что заказъ получилъ отъ кандидата Спб. унив. Юсафата Ковалевскаго; что сначала типографія ихъ помѣщалась въ квартирѣ Брянцева, пригласившаго его въ члены общества «Освобожденіе Польши и Россіи», потомъ въ фольваркѣ Маріенгаузенѣ близъ села Боловскаго Люцинскаго у. Витебской г.; что деньги получали отъ Николая Утина и Михаила Карловича Вейде, занимавшихся распространеніемъ печатныхъ изданій. За нимъ арестованный Вейде сознался, что типографскія принадлежности получались отъ студ. Спб. унив. австрійскаго подданнаго Эдуарда Подоскаго ²⁾. Вскорѣ, благодаря болтливости

¹⁾ Прокламація польскаго народнаго комитета.

²⁾ Несмотря на «близкія» отношенія къ Жукову, Пантелѣевъ и о немъ со Степановымъ далъ свѣдѣнія неточныя (стр. 300). Что же касается его недоумѣнія, почему петербургскому комитету пришлось перенести типографію съ Петербургской стороны въ сосѣднія губерніи, то оно разрѣшается очень просто: видя, какъ полиція и жандармы слѣдили за типографіями, особенно съ іюня 1862 г., комитетъ самъ постановилъ въ ноябрѣ вывезти типографію въ Витебскую губернію.

другихъ, открылось участіе студ. Станислава Издебскаго, канд. Судакевича, поручика Анатоля Рыцка, губ. секр. Бутковскаго, студ. Капитона Сунгурова, купца Семена Басова, прапорщика Пасхалова и студ. Владиміра Федорова. Въ маѣ Издебскій былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, а въ концѣ іюня переведенъ со многими другими въ Динабургскую крѣпость, гдѣ и разбирались дѣла обо всѣхъ, не включенныхъ въ дѣло Андрущенко. При обыскѣ у Издебскаго были найдены №№ «Колокола» и др. изданія, письма къ нему дяди, порицавшаго его за оппозицію правительству, и записка карандашомъ: «Лозунгъ Г-на, отправившагося въ Витебскую губернію. Если тамъ эти люди, то передайте этотъ лозунгъ въ комитетъ, если нѣтъ, то возвратите мнѣ нераспечатаннымъ». У Федорова—очень рѣзкія письма чиновника особыхъ порученій при кутаисскомъ ген.-губ. Туманова, напр.: «Жаль, что Костеньку въ Варшавѣ шарахнули не такъ, какъ слѣдовало». Изъ писемъ Спинова, служащаго въ межевой конторѣ въ Тифлисѣ, видно, что изъ СПб. былъ посланъ шрифтъ для печатанія прокламацій. У Судакевича ничего не найдено; при входѣ полиціи онъ сжегъ какую-то бумагу и на вопросъ о ней отвѣчалъ уклончиво. Въ августѣ 1863 г. заключенный въ Петроп. крѣпость Иванъ Андрущенко сдѣлалъ разоблаченія, которыя извѣстны изъ его «дѣла». «Съ полнымъ раскаяніемъ онъ повергалъ участь свою монаршему милосердію, просилъ принять во вниманіе его молодость и изъявилъ готовность искренно открыть все, о чемъ его спросятъ, дабы тѣмъ загладить прежнюю свою неразумительность и помочь обнаружить истину»—докладывала довольная слѣдственная комиссія кн. Голицына.

«До какой степени была слаба революціонная организація въ Россіи,—говоритъ О. Авейде—можно судить изъ слѣдующаго примѣра. Комитетъ имѣлъ одну тайную типографію, которую содержалъ въ Островѣ, маленькомъ городѣ на Спб. шоссе. Когда полиція открыла ее и конфисковала, члены комитета не сумѣли заpastись другой. Виленскій комитетъ послалъ имъ въ СПб. одинъ изъ своихъ станковъ, но они побоялись получить его изъ почтовой экспедиціи, такъ что онъ былъ отправленъ обратно въ Вильно и попалъ въ руки полиціи» («Записки о польскомъ возстаніи», III, 194). Здѣсь нужны нѣкоторыя поправки. О машинѣ хлопоталъ петербургскій комитетъ, вообще, не отличавшійся дѣятельностью; во-вторыхъ, присылка станка совпала съ упадочнымъ настроеніемъ членовъ этого комитета.

Когда поручикъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка Алексѣй Столпаковъ сознался въ полученіи отъ Мосолова шифра для сношеній по обществу и для сбора средствъ въ помощь политическимъ ссыльнымъ, но отказался записать свои показанія, царь помѣтилъ противъ этого мѣста на докладѣ комиссіи: «поступокъ Столпакова подтверждаетъ неблагопріятныя свѣденія, которыя мы уже о немъ имѣли и въ которыхъ, по недоразумѣнію, былъ запо-

дозрѣнь его отецъ. На него слѣдуетъ обратить самое строгое вниманіе». Этимъ Столпаковымъ Пантелѣевъ былъ увлеченъ, «какъ 17-лѣтняя барышня» (стр. 321).

Вскорѣ комиссія доложила, что «Андрущенко съ полнымъ раскаяніемъ сознался въ своихъ проступкахъ и обнаружилъ участниковъ. Указанія его и готовность способствовать къ открытію истины, предоставили комиссії возможность уличить и довести до сознанія нѣкоторыхъ арестованныхъ лицъ. Продолжающіяся до сего времени очныя ставки еще болѣе убѣдили комиссію въ искренности показаній Андрущенка и въ трудности его положенія, ибо ему приходится уличать почти каждого изъ привлеченныхъ, по его показанію, лицъ, которыя за неимѣніемъ противъ нихъ вещественныхъ доказательствъ, очевидно, въ началѣ дѣлали заpiresательство. Между тѣмъ, здоровье Андрущенка отъ заключенія въ равелинѣ съ августа мѣсяца явно разстроилось. Посему и во вниманіе къ искреннему его раскаянію и полному сознанію съ указаніемъ участниковъ комиссія находитъ справедливымъ облегчить по возможности строгость заключенія Андрущенка переводомъ его изъ крѣпости въ III Отдѣленіе». Царь, конечно, согласился.

Лишенный правъ состоянія и сосланный въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, Степановъ былъ освобожденъ отъ работъ въ мартѣ 1870 г. и зачисленъ поселенцемъ Илгинской вол. Верхоленскаго округа Иркутской губ.; Жуковъ въ 1875 г. былъ переведенъ изъ Иркутской губ. въ Екатеринбургскую.

Изъ остальныхъ ограничусь указаніемъ на судьбу С. Издебскаго, котораго комиссія, III Отдѣленіе и сенатъ сочли чуть ли не самымъ главнымъ лицомъ изъ бывшихъ прикосновенныхъ къ «Землѣ и Волѣ», и Д. Степанова. Въ январѣ 1868 г. чердынскій исправникъ послалъ пермскому жандарму прошеніе Издебскаго о дозволеніи жить въ Пермской губ., гдѣ онъ пожелаетъ, и поступить на государственную службу; отзвывы были хорошіе, первое было разрѣшено. Въ 1872 г. Издебскій былъ отпущенъ на мѣсяцъ въ Спб., позже принятъ на государственную службу; жилъ въ Самарѣ; въ 1874 г. привлекался къ дознанію о политической пропагандѣ.

Различныя показанія побудили комиссію произвести обыскъ у бывшаго студ. Спб. университета Лонгина Федоровича Пантелѣева, жившаго вмѣстѣ съ Петромъ Пушторскимъ; комиссія знала, что оба они находились въ сношеніяхъ съ Н. Утинымъ и его братьями, докторомъ П. И. Боковымъ и пр. Одновременно въ ноябрѣ 1863 г. комиссія предписала казанской и динабургской комиссіямъ особенно стараться обнаружить всѣ корни «Земли и Воли». На Пантелѣева же указалъ и арестованный въ срединѣ 1863 г. въ Вильно В. Коссовскій. 11 ноября 1864 г. онъ сознался, что въ бытность свою въ Спб., по предложенію члена «Земли и Воли» Н. Утина, имѣлъ сношенія съ лицомъ, фамиліи котораго не помнитъ, проживавшимъ по Екатерининскому каналу въ домѣ гр. Стенбокъ-

Фермора; видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ какъ у Утина, такъ и у себя на квартирѣ, и самъ бывалъ у него и слышалъ отъ него, что печатаніе прокламацій производилось въ лѣсу по Новгородской жел. дорогѣ; что присланныя изъ Варшавы бланки для сбора денегъ Коссовскій передалъ Утину и узналъ отъ него, что въ составѣ «Земли и Воля» вошли лица высокопоставленныя въ обществѣ, и есть даже такія, которыя занимаютъ важныя должности. Членъ слѣдственной комиссіи Потаповъ утверждалъ, что неизвѣстная Коссовскому личность—Петръ Васильевичъ Пушторскій. Дѣло о Коссовскомъ и другихъ производилось въ сенатѣ; 5 сентября 1864 г. онъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста и отданъ на поруки члену конференціи Михайловской артиллерійской академіи полковнику П. Л. Лаврову. Послѣ указанныхъ показаній Коссовскій снова былъ арестованъ и вмѣстѣ съ Пушторскимъ отправленъ въ Вильно въ распоряженіе Муравьева.

Тамошняя комиссія выяснила, что неназваннымъ лицомъ былъ не Пушторскій, а жившій вмѣстѣ съ нимъ Л. Ф. Пантелѣевъ; 11 декабря 1864 г. его арестовали и отправили въ Вильну.

Пушторскій былъ возвращенъ въ СПб. въ мартѣ 1865 г. и, по просьбѣ Муравьева, дѣло о «Землѣ и Воли», приостановленное въ сенатѣ съ отправленіемъ Пушторскаго въ Вильну, было продолжаемо, такъ какъ дѣло о Пантелѣевѣ и Коссовскомъ «не имѣло никакой связи съ нимъ».

«Во вниманіе къ чистосердечному сознанію Коссовскаго, на допросахъ при слѣдствіи и судѣ и выраженному имъ при этомъ полному искреннему раскаянію въ совершенномъ преступленіи, при чемъ показанія его гланѣйшимъ образомъ содѣйствовали обнаруженію виновности другихъ подсудимыхъ, преступная дѣятельность которыхъ безъ того не была бы вполне раскрыта, взаменъ опредѣленной ему, по всей строгости закона, смертной казни разстрѣляніемъ», онъ былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири; въ 1869 г. былъ переведенъ изъ Иркутска въ Вятку, а въ 1873 г.—въ Кіевскую губ. подъ наблюденіе брата Михаила (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10, лит. А, Б. и В. и 1863 г. № 97 ч. 8 и № 23 ч. 198).

Кстати, когда въ декабрѣ 1863 г. Цейдлеръ, по случаю отъѣзда за границу, просилъ разрѣшенія передать редакцію «Заграничнаго Вѣстника» полк. Петру Лаврову, Потаповъ 14 декабря на сношеніи цензурнаго комитета помѣтилъ: «Лавровъ хуже всѣхъ Чернышевскихъ, Благосвѣтловыхъ, Елисеевыхъ и проч. и явно подстрекалъ къ безпорядкамъ студентовъ въ 1861 году и къ манифестаціи во время похоронъ барона Штейнгеля (декабриста) въ минувшемъ 1862 г., а потому *едва ли* благонадеженъ. Отвѣчать, что полк. Лавровъ не можетъ быть редакторомъ журнала» (тотъ же архивъ 1 эксп. 1863 г., дѣло № 6).

Странно, что Пантелѣевъ почти ничего не сказалъ о роли Пушторскаго въ петербургскомъ комитетѣ, между тѣмъ, какъ его измѣнившей памяти помогъ бы хотя бы давно напечатанный отчетъ о дѣлѣ Андрущенко. Несомнѣнно, что роль его товарища сначала по университету, изъ котораго онъ былъ исключенъ въ 1861 г., потомъ по квартирѣ была довольно замѣтна, такъ что заслуживала бы большаго, чѣмъ сказано о «П—омъ» на стр. 323. Точно также могли быть болѣе подробныя свѣдѣнія о Петрѣ Фаддеевичѣ Моравскомъ («Мо—ій», стр. 322—323), Болеславѣ Петровичѣ Шестаковичѣ («Ш—чь», стр. 337), Сергѣѣ Григорьевичѣ Стахевичѣ («С—чь», стр. 337), мужѣ Л. Н. Фигнеръ, присужденномъ въ январѣ 1864 г. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ, съ поселеніемъ затѣмъ въ Сибири навсегда; наконецъ, о Павлѣ Аполлоновичѣ Ровинскомъ («Р—ій», 304, 307—309), подавшемъ мысль о ликвидаціи петербургскаго комитета. Не всѣ эти лица равноцѣнны въ революціонной работѣ, не всѣ они заслуживаютъ одинаковаго къ себѣ отношенія, но я не имѣю возможности чрезмѣрно расширять предѣлы своего комментарія.

Теперь приведу документы о томъ, о чемъ Пантелѣевъ въ концѣ своей книги обѣщалъ разсказать «когда-нибудь въ другой разъ», т. е. о его собственномъ дѣлѣ. По даннымъ III Отдѣленія, Пантелѣевъ состоялъ тогда чиновникомъ 12 класса и числился состоящимъ по мин. вн. дѣлѣ. Частныя его занятія заключались въ арендѣ типографіи быв. Н. Тиблена. Веденіе дѣлъ своихъ послѣ ареста онъ передалъ «помощнику своему нѣкому Жуку».

Николай Тиблень, сынъ архитектора, не окончивъ курса гимназіи, поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище, былъ выпущенъ офицеромъ и въ Крымскую войну контуженъ, вслѣдствіе чего перешелъ на службу въ мин. вн. дѣлѣ, гдѣ одно время состоялъ секретаремъ дир. деп. общихъ дѣлъ Гвоздева; на Вас. островѣ открылъ типографію, проданную въ началѣ 1862 г. сыну доктора Задлера, своему шурину, самъ же занялся издательствомъ (Архивъ III Отд., I эксп. 1862, дѣло № 230, ч. 172).

Записка Пантелѣева, поданная имъ въ январѣ 1866 г.:

«30 декабря 1865 г. мнѣ было объявлено утвержденное главнымъ начальникомъ С.-З. края мнѣніе виленскаго полевого аудиторіата, которымъ я, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, присужденъ на шесть лѣтъ каторжныхъ работъ на заводахъ. Въ обвиненіи сказано, что, хотя я и не принялъ участія въ петербургскомъ тайномъ обществѣ, однакоже, поддерживалъ постоянныя сношенія какъ съ нимъ, такъ и съ отдѣленіемъ польской организаци. Кромѣ того, прибавлено, что въ военно-судной комиссіи я пытался измѣнить свои показанія, но какъ не представилъ никакихъ доказательствъ, то это и не принято во вниманіе, тѣмъ болѣе, что виновность моя, между прочимъ, подтверждается еще и тѣмъ, что я зналъ о бѣгствѣ Н. Утина и сообщилъ Влади-

славу Коссовскому о томъ, что въ СПБ. былъ Бакунинъ. На допросахъ въ виленской особенной слѣдственной комиссіи я сознался, что въ самомъ началѣ 1863 г. передалъ отъ поручика л.-гв. конной артиллеріи Владислава Коссовскаго два или три запечатанных письма Н. Утину и что это было сдѣлано мною при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разъ Н. Утинъ (съ которымъ я былъ товарищемъ по университету), зайдя ко мнѣ, сказалъ, что какъ онъ въ настоящее время находится въ большомъ подозрѣніи у полиціи, то считаетъ неудобнымъ принимать у себя слишкомъ много лицъ, но что получая черезъ одного господина, весьма близкаго отъ меня сосѣда, довольно любопытныя извѣстія (при чемъ прибавилъ, что изъ газетъ не все можно узнать), онъ проситъ меня не отказать ему въ нѣкоторомъ посредничествѣ по этому обстоятельству. Сначала отказываясь, я согласился на его просьбу послѣ того, какъ онъ сказалъ, что этимъ согласіемъ я ни къ чему не обязываю себя въ будущемъ. Такимъ образомъ я передалъ ему два или три запечатанных письма, содержаніе которыхъ мнѣ было неизвѣстно и которыя заносилъ ко мнѣ Владиславъ Коссовскій. Онъ дѣйствительно жилъ отъ меня черезъ два дома. Что болѣе у меня не было никакихъ отношеній къ В. К., это единогласно утвердили на очной ставкѣ какъ я, такъ и самъ Коссовскій.

«Слѣдственная комиссія съ особенной настойчивостью требовала отъ меня объясненій моихъ отношеній къ Н. Утину и никакъ не соглашалась признать, что они были чисто товарищескія; при этомъ были пущены въ ходъ всевозможныя угрозы, особенно смертною казнью. Я былъ арестованъ въ послѣдніе дни беременности моей жены, а въ такихъ обстоятельствахъ нельзя ожидать особенной твердости духа, и комиссія это хорошо знала. Чтобы, наконецъ, отдѣлаться отъ постоянныхъ допросовъ, длившихся по нѣсколько часовъ и до крайности измучивавшихъ,—наконецъ, и угрозы не остались безъ вліянія,—я сказалъ, что Н. Утинъ осенью 1862 г. имѣлъ со мною нѣсколько разговоровъ, которыми старался привлечь меня къ участию въ какомъ-то тайномъ обществѣ, которое, по его словамъ, ничуть не хотѣло революціи, а имѣло цѣлью распространеніе въ образованныхъ классахъ идеи о необходимости земскаго собранія; при этомъ онъ сдѣлалъ намекъ на то, что это общество имѣетъ сношенія съ поляками, которые бы составили примирительную программу. Однакоже, я отвѣчалъ на всѣ его приглашенія положительнымъ отказомъ, говоря, что онъ заблуждается насчетъ положенія вещей и что никакого общества не надо. Я показалъ также, что весной 1863 г. Н. Утинъ говорилъ мнѣ, что намѣренъ, во что бы то ни стало, уѣхать за границу, хотя бы и не получилъ паспорта, на полученіе котораго онъ выражалъ сильную надежду; впрочемъ, при этомъ онъ не объяснилъ мнѣ побудительныхъ причинъ своего намѣренія; какъ и когда онъ совершилъ свое бѣгство, это осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

«Въ то время, какъ я составлялъ у себя въ казематѣ начерно показаніе, сущность котораго изложена выше, членъ слѣдственной комиссіи Юханъ разъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ слѣдующее: «Коссовскій показываетъ еще, что вы имѣли съ нимъ какой-то разговоръ о границахъ Польши и о чрезвычайныхъ притязаніяхъ поляковъ по этому вопросу». Я отвѣчалъ, что никакихъ политическихъ разговоровъ съ Коссовскимъ не имѣлъ. Тогда онъ замѣтилъ, что признаніемъ этого разговора я нисколько не поврежу себя; напротивъ, могу выставить себя съ болѣе выгодной стороны, такъ какъ, вѣроятно, мои идеи по вопросу о границахъ не отличаются отъ общаго убѣжденія русскихъ; что очной ставки по такому неважному обстоятельству имъ давать некогда, да къ тому же и Коссовскій боленъ. Вслѣдствіе этого я внесъ въ свои показанія, что, по просьбѣ Н. Утина, спрашивалъ разъ Коссовскаго, какъ понимать открытіе возстанія въ Западномъ краѣ и увѣренія поляковъ, что они не имѣютъ завоевательныхъ плановъ, и что отвѣта на это не получилъ».

«Вотъ сущность моихъ показаній въ слѣдственной комиссіи. Когда я былъ призванъ въ военно-судную комиссію, то мнѣ было объявлено, что я отдаюсь подъ судъ, по распоряженію главнаго начальника С.-З. края, по подозрѣнію въ участіи въ тайномъ обществѣ и за недонесеніе. Здѣсь я счелъ долгомъ сдѣлать слѣдующее заявленіе: что никакихъ политическихъ разговоровъ какъ съ Н. Утинымъ, такъ и Коссовскимъ не имѣлъ, что никогда Н. Утинъ не приглашалъ меня вступить въ тайное общество, и что какую роль игралъ В. Коссовскій въ СПб., мнѣ не было извѣстно (объ этомъ меня даже и въ слѣдственной комиссіи не спрашивали), и что я отказываюсь отъ этихъ показаній, какъ вынужденныхъ у меня угрозами. Кромѣ того, прибавилъ, что мнѣ были дѣланы такого рода предложенія: членъ слѣдственной комиссіи г. Юханъ въ самомъ концѣ декабря 1864 г. говорилъ, что онъ отправляется въ Варшаву для собранія справокъ по дѣлу Огрызко; другой членъ, г. Гогель говорилъ, что будетъ еще арестовано десять человѣкъ, отъ которыхъ что-нибудь да узнаютъ объ Огрызко, и что если я понимаю свои интересы, то долженъ поторопиться показаніемъ на Огрызко,—послѣ будетъ уже поздно; а между тѣмъ комиссіи было очень хорошо извѣстно, что никакихъ отношеній у меня съ Огрызко не было. Когда я все это записывалъ, предсѣдатель суда просилъ меня быть какъ можно короче въ моемъ объясненіи, причемъ прибавилъ, что меня еще потребуютъ въ судъ. Но болѣе въ судъ по этому дѣлу меня не требовали, а вмѣсто того, 30 декабря 1865 г. была объявлена конфирмація глав. нач. Весьма странно, почему меня ни въ судъ, ни даже въ слѣдственной комиссіи ни разу не спрашивали по поводу упомянутаго въ рѣшеніи разговора съ Коссовскимъ о Бакунинѣ. На очной ставкѣ ни я, ни Коссовскій слова не говорили объ этомъ. Откуда же взялось это обстоятельство? Для объясненія

этой темноты я рѣшаюсь сдѣлать такія предположенія: слѣдственная комиссія, не имѣя противъ меня никакихъ серьезныхъ уликъ, рѣшилась прибѣгнуть къ двойному подлогу — увѣрила меня, что Коссовскій сдѣлалъ показанія относительно разговора о польскихъ притязаніяхъ и чрезъ это достигла того, что я призналъ этотъ разговоръ; теперь мнѣ извѣстно, что Коссовскій такого показанія не дѣлалъ (хотя то въ рѣшеніи полевого аудиторіата о немъ не упоминается), Коссовскому же, вѣроятно, слѣдственная комиссія сказала, что я сознался въ разговорѣ съ нимъ о Бакунинѣ, и тоже убѣдила признать этотъ разговоръ. А что комиссія не предъявляла мнѣ показанія Коссовскаго о Бакунинѣ и не дѣлала очныхъ ставокъ, то это, вѣроятно, происходило изъ опасенія, чтобы въ такомъ случаѣ какъ-нибудь ни раскрылся этотъ подлогъ. Нельзя не замѣтить, что, должно быть, для большаго удобства въ подобныхъ случаяхъ слѣдственная комиссія позволяла себѣ значительныя отступленія отъ установленныхъ закономъ формъ: письменныхъ вопросныхъ пунктовъ не давалось, акта очной ставки не составлялось; какъ при допросахъ, такъ и при очныхъ ставкахъ присутствовалъ лишь одинъ членъ, бумаги арестованнаго вскрывались безъ его присутствія и т. д.

«Болѣе, чѣмъ странно, однакоже, то, что полевою аудиторіатъ придавъ разговору о Бакунинѣ значеніе улики и не замѣтилъ, что для полной силы этой улики недостаетъ требуемаго закономъ показанія съ моей стороны. Въ рѣшеніи сказано, что я ничѣмъ не доказалъ моихъ объясненій въ судѣ, а поэтому они не приняты во вниманіе, но дѣло въ томъ, что судъ и не требовалъ отъ меня никакихъ подробныхъ объясненій и доказательствъ.

«Далѣе, въ рѣшеніи говорится, что В. Коссовскій отказался въ судѣ отъ нѣкоторыхъ показаній на Огрызко и Пантелѣва, но потомъ взялъ обратно свой отказъ и подтвердилъ все, что было показано имъ въ слѣдств. комиссіи. Прежде всего замѣчу, что во все время ареста я лишь мелькомъ видѣлъ В. Коссовскаго въ судѣ (кромѣ очной ставки въ слѣдств. ком.), слѣд., уговариваться съ нимъ я не имѣлъ никакой возможности. По словамъ Михаила Коссовскаго, сидѣвшаго послѣднее время вмѣстѣ съ Владиславомъ К., этотъ послѣдній, дѣйствительно, нашелъ нужнымъ показать въ судѣ относительно меня, что разговоры со мною не имѣлъ и что я участвовалъ въ дѣлѣ, какъ товарищъ Н. Утина. Но какъ мы во все время ареста находились во власти слѣдств. комиссіи, то послѣ оговорки Коссовскаго въ судѣ, члены этой комиссіи, особенно г. Гогель, умѣли совершенно запугать В. Коссовскаго, и тотъ взялъ обратно свой отказъ».

28 января жена Пантелѣва, Серафима Васильевна, подала шефу жандармовъ прошеніе о помилованіи ея мужа и одновременно другое—государю.

31 января шефъ жандармовъ писалъ военному министру: «Государь императоръ, обративъ всемілостивѣйшее вниманіе на

то, что Пантелѣвъ въ 1863 г. представилъ правительству одно лицо, котораго вѣрноподданническія показанія привели къ открытію весьма важнаго заговора въ Казанской губ., и что по сей знаменательной заслугѣ онъ вполне достоинъ снисхожденія, высочайше поручаетъ в. пр.—ву сообщить командующему войсками виленскаго в. округа желаніе е. и. в., чтобы г.-ад. Кауфманъ лично разсмотрѣлъ дѣло Пантелѣва и, принявъ въ соображеніе дѣйствительную заслугу, имъ оказанную, представилъ свое мнѣніе, въ какой мѣрѣ онъ, съ своей стороны, полагалъ бы возможнымъ смягчить наказаніе, которому Пантелѣвъ нынѣ подвергнутъ (ссылка, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ каторжную работу на шесть лѣтъ на заводахъ), дабы е. в., основываясь на такомъ мнѣніи, опредѣлило степень монаршаго своего милосердія къ виновному».

Какое же лицо было *представлено* Пантелѣвымъ правительству, когда онъ самъ находился еще на свободѣ въ качествѣ «виднаго» члена петербургскаго комитета «З. и Воли»? Объ этомъ узнаемъ какъ изъ надписи карандашомъ, сдѣланной Мезенцовымъ на запросѣ по этому поводу г.-ад. Кауфмана: «Глассонъ былъ доставленъ въ III Отдѣленіе 2 апрѣля, такъ и отвѣчать» (однако, въ отвѣтѣ отъ 2 марта 1866 г. Глассонъ не названъ, а сказано лишь: «Пантелѣвымъ оказана правительству услуга въ послѣднихъ числахъ марта 1863 года»),—такъ и изъ послѣдующаго всепод. доклада шефа жандармовъ... О Глассонѣ—шпіонѣ и провокаторѣ, выдавшемъ казанскій заговоръ, будетъ дальше особо.

Кауфманъ посмотрѣлъ на дѣло иначе и отказался отъ какого-либо снисхожденія. «Пантелѣвъ, преслѣдуя свои противоправительственныя стремленія, первоначально вошелъ въ тѣсное сближеніе съ членомъ образовавшагося въ СПб. въ 1862 г. революціоннаго общества «З. и В.» Николаемъ Утинымъ, и не только зналъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ революціонерами къ ниспроверженію государственнаго порядка, но, какъ видно изъ собственнаго его показанія, участвовалъ въ совѣщаніяхъ по этому предмету. Впослѣдствіи, когда польскіе революціонеры, стремясь къ развитію и поддержанію вооруженнаго возмущенія для отдѣленія составныхъ областей Россіи, учредили среди польскаго петербургскаго общества такъ названный ими «Петербургскій революціонный отдѣлъ народоваго жонда», то Пантелѣвъ вошелъ въ тѣсное сношеніе и съ членами этой организаци и, по соглашенію съ ними и поименованнымъ Н. Утинымъ, принялъ на себя двойственную роль содѣйствовать тѣмъ и другимъ революціонерамъ передачею возникшей между ними переписки, имѣвшей цѣлью привлечь русскихъ къ помощи полякамъ въ ихъ преступныхъ замыслахъ. Такую дѣятельность Пантелѣвъ не прекратилъ въ мартѣ 1863 г., когда была оказана имъ услуга правительству; напротивъ того, продолжая и послѣ того исполнять свою преступную обязанность, онъ дѣйствовалъ попрежнему до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе приня-

тыхъ мѣръ, не были парализованы стремленія польскихъ агитаторовъ и русскихъ революціонныхъ, такъ что еще въ маѣ 1863 г. Пантелѣевъ, по сношеніямъ своимъ съ Утинымъ, зналъ о замыслахъ его бѣжать за границу и средствахъ, которыя онъ для того предпринялъ».

Шефъ жандармовъ (уже гр. П. Шуваловъ) согласился съ Кауфманомъ, потому что никакъ не могъ оглашать имя Глассона, а безъ этого имени и характеристики обстоятельствъ Кауфманъ, все-таки, не перемѣнилъ бы своего мнѣнія. 30 апрѣля Милютинъ увѣдомилъ шефа, что государь приказалъ привести въ исполненіе приговоръ въ отношеніи Пантелѣева.

7 мая 1866 г. Валуевъ писалъ Шувалову, что, по сообщенію Спб. ген.-губернатора отъ 3 мая, Пантелѣевъ, задержанный въ Спб. по болѣзни, имѣеть быть вскорѣ отправленъ по назначенію, но, ссылаясь на п. 1 даннаго министромъ, по высочайшему повелѣнію, предписанія губернаторамъ, въ которомъ, между прочимъ, указано, что сосланные по участію въ мятежъ въ каторжную работу на 6 и менѣе лѣтъ, совершенно освобождаются отъ работъ и должны быть поселены въ Сибири, кн. Суворовъ находитъ, что, хотя Пантелѣевъ и не участвовалъ въ мятежъ, но, какъ лицо, судимое по прикосновенности къ оному, казалось бы, долженъ быть отнесенъ къ этому разряду. «Усматривая изъ отношенія кн. Суворова, что, вслѣдствіе услуги, оказанной Пантелѣевымъ правительству по одному политическому дѣлу, онъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ объ облегченіи его участи, и что дѣло о семъ находится въ III Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, я имѣю честь о выше изложенномъ сообщить В. С., покорнѣйше прося почтить меня по настоящему предмету отзывомъ».

Шуваловъ не нашелъ возможнымъ передоказывать дѣло и полагалъ, что Пантелѣевъ долженъ былъ быть отправленъ на каторжную работу.

18 мая С. В. Пантелѣева подала второе всеподданнѣйшее прошеніе, гдѣ и сама указала (а за нею, въ особомъ прошеніи, и ея отецъ), что «послѣ своего проступка мужъ ея *имѣлъ счастье оказать весьма важную услугу*, о которой в. величеству докладывалъ кн. Суворовъ». Прошеніе было оставлено безъ послѣдствій. Однако, иркутскій военный губернаторъ К. Н. Шелашниковъ посмотрѣлъ на дѣло иначе, и, не зная всего уже приведеннаго, прямо послалъ Пантелѣева въ Енисейскую губ. Когда это стало извѣстно въ Спб. (въ 1869 г.), то, въ виду совершеннаго факта, власть не возражала и признала его распоряженіе правильнымъ.

Въ 1874 г. Пантелѣевъ былъ переведенъ изъ Красноярска въ Лифляндскую губ. съ возвращеніемъ правъ. Въ 1875 г., просясь для лѣченія на югъ Европы, онъ свидѣтельствовалъ, что оставилъ Сибирь, «несмотря на то, что его золотопромышленная карьера (по связямъ тестя Латкина—*М. Л.*) за послѣднее время приняла особенно благопріятное направленіе»; разрѣшено было поѣхать въ

южную часть Крыма. Въ 1876 г. Пантелѣевъ былъ освобожденъ отъ полицейскаго надзора.

Разысканія о корняхъ «Земли и Воли», какъ я уже и говорилъ, ни къ чему не привели, а на ноги были поставлены не только слѣдственныя комиссіи ¹⁾, но и вообще жандармерія и полиція, особенно обѣихъ столицъ.

Спб. оберъ-полицмейстеръ И. В. Анненковъ (родной братъ писателя) приблизилъ къ себѣ быв. студента Технологическаго института Волгина, сына подчиненнаго ему смотрителя пересыльной тюрьмы, который, благодаря исключенію изъ института, вслѣдствіе безпорядковъ 1861 г., казался ему очень ловкимъ и свѣдущимъ агентомъ въ области политической работы, въ которой тогдашніе полицейскіе были очень невѣжественны. 5 марта Анненковъ писалъ: «Это очень способный и даровитый молодой человекъ, съ хорошимъ перомъ, бойкій, самолюбивый и съ сознаниемъ своего достоинства, но не имѣющій никакого состоянія и снискивающій себѣ въ полномъ смыслѣ слова кусокъ хлѣба газетными статьями».

Волгинъ гордился всякій вздоръ, получавшійся изъ десятихъ рукъ, совершенно спуталъ всѣ карты,—конечно, неумышленно,—но, все-таки, иногда направлялъ вниманіе своего патрона на настоящихъ землевольцевъ, не подозрѣвая ихъ истинной роли въ обществѣ. Волгина этого прослѣдили агенты «З. и Воли» (Гофштетеръ называлъ его мнѣ ошибочно, по ассоціаціи, Днѣпровымъ), посылали ему вздорные доносы и всячески водили за носъ.

И. В. Анненковъ съ чувствомъ хорошо исполненнаго долга дѣлился получавшимся матеріаломъ съ III Отдѣленіемъ; оно передавало его для дослѣдованія комиссіи кн. Голицына; послѣдняя учреджала для всѣми лицами секретный надзоръ и, все-таки, ничего не получала...

Чтобы достаточно ярко иллюстрировать всю политическую невинность тогдашняго бдительнаго ока, приведу нѣкоторые доклады Волгина, разумѣется, съ буквальной точностью.

I. «Крайняя партія Великоруссовъ готовится къ веснѣ новую демонстрацію и также новую прокламацію, которая появится на

¹⁾ Въ серединѣ 1863 г. дѣйствія слѣдств. комиссіи кн. Голицына такъ расширились, что она выхлопотала образованіе особыхъ комиссій въ Вильнѣ, Динабургѣ, Казани и др. мѣстахъ, работавшихъ изъ-подъ руки Голицына. Всѣ ея дѣла къ серединѣ 1863 г. могутъ быть сгруппированы трояко: а) составленіе, печатаніе и распространеніе прокламацій, б) чисто политическія дѣла, создаваемые заграничной пропагандой, съ цѣлью государственнаго переворота и в) «польскія дѣла».

Со времени ея учрежденія по 1 марта 1864 г. въ производствѣ комиссіи находилось разсмотрѣніе обвиненій противъ 544 лицъ, изъ нихъ предано суду сената 129, военному 17 и уголовному 3; подвергнуто административнымъ взысканіямъ: политическому надзору 87, негласному наблюденію 99, наблюденію начальства съ передачей въ распоряженіе III Отдѣленія 57 и сдѣлано внушеній 21; оставлены отъ дѣла свободными 47; передано для дослѣдованія въ разныя вѣдомства 84 (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 экзп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10, лит. А и Б.).

этихъ дняхъ (мартъ 1863 г.), если уже не вышла. Засѣданіе Земской Думы, назначенное въ мартѣ, будетъ покуда еще неизвѣстно гдѣ: въ Спб. или въ Москвѣ. Это рѣшить пріѣздъ князя Трубецкаго сюда или отъѣздъ отсюда другихъ членовъ Вилікорусской партіи: Хмырова ¹⁾, Князя Сибирскаго ²⁾, Мордовцева, *Благосвѣтлова* ³⁾, *Елисеева* и другихъ. Александръ Венецкій, бывший студентъ московскаго университета, получилъ изъ Москвы отъ графа Дмитрія Мамуны письмо, въ которомъ Мамуна увѣдомляетъ его о ходѣ дѣлъ партіи на востокъ Россіи. Письмо это было передано Венецкимъ въ Спб. Комитетъ чрезъ посредство бывшаго студента Давыдова. Изъ этого письма видно, что восточныя губерніи партія можетъ очень легко поднять, равно какъ и расположенныя въ нихъ войска, такъ какъ большинство офицеровъ принято въ областныя комитеты. Письмо это было передано Давыдовымъ Елисееву, который и читалъ его на маломъ собраніи Петербургскаго Комитета (въ квартирѣ *полковн. Лаврова*).

«Главная партія Великоруссовъ все медлитъ, но крайняя партія руководитъ настоящими движеніями и торопитъ, какъ польское дѣло, съ которымъ она въ связи, такъ и русское. Крайняя партія хочетъ даже начать здѣсь, въ Спб., дѣло, раньше другихъ губерній. Московская партія разсылала по Москвѣ своихъ агентовъ, которые мало-по-малу приготавливаютъ народъ. Переодѣтые студенты университета шляются по всѣмъ кабакамъ и портернымъ, гдѣ только собираются простолюдины. Почти тоже, но въ меньшемъ видѣ дѣлается и въ Спб.»

II. «Почти во всѣхъ губернскихъ городахъ партія Великоруссовъ имѣетъ по нѣскольку своихъ представителей, составляющихъ нѣчто въ родѣ областныхъ комитетовъ, которые имѣютъ сношеніе съ главнымъ центральнымъ комитетомъ, или Земскою Думою. И. Аксаковъ, издатель газеты «День», М. Хмыровъ, историческій писатель, какъ члены Земской Думы, часто по порученію ея ѣздили во внутрь Россіи для поддержки сообщеній между областными

¹⁾ Михаилъ Дмитріевичъ, писатель, историкъ, генеологъ и библиографъ.

²⁾ Александръ Александровичъ, нумизматъ.

³⁾ Благосвѣтловъ уволенъ въ апрѣлѣ 1855 г. отъ должности учителя 3 рода Пажескаго корпуса за «неспособность передавать воспитанникамъ ученіе въ выраженіяхъ приличныхъ». Государь приказалъ увѣдомить о его неблагонадежности III Отдѣленіе. 27 апрѣля Спб. ген.-губ. донесъ, что секретное наблюденіе полиціи установлено. Приказомъ 23 февраля 1856 г. опредѣлено старшимъ учителемъ Маріинскаго института; 20 апрѣля государь приказалъ Дубельту узнать, какимъ образомъ могло состояться это опредѣленіе; институтъ былъ подъ покровительствомъ вел. кн. Елены Павловны. 27 апрѣля повелѣно уволить Благосвѣтлова, впредь по учебной части не опредѣлять и имѣть подъ строгимъ надзоромъ; приказъ состоялся 14 іюня. Въ маѣ 1858 г. III Отдѣленіе запросило у Спб. генер.-губ., когда выданъ заграничный паспортъ Благосвѣтлову; оказалось, что 8 мая 1857 г., по болѣзни; прозввали и канцелярія ген.-губ., и оберъ-полицейстеръ, представъ Сахаровъ и кварт. надзир. Богомоловъ, на которыхъ всѣ и отыгрались (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1855 г., дѣло № 127).

комитетами и центральнымъ. Съ заграничными эмигрантами русскими: кн. Долгорукимъ, кн. Голицынымъ и др. поддерживаетъ корреспонденцію кн. Сибирскій (адресъ: на Загородномъ проспектѣ, напротивъ Технологическаго Инст., домъ Зейдлица). Кн. Сибирскій поддерживаетъ сношенія эмиграціи съ московскимъ комитетомъ. Онъ посредникъ между эмиграціею и Москвою. Ив. Аксаковъ и Н. Самаринъ—между Москвою и Петербургомъ, Хмыровъ между Петербургомъ, Москвою и Новгородомъ, Александръ Моригеровскій—между Петербургомъ и тульскимъ и орловскимъ комитетами. Прошлое лѣто, когда въ Тулѣ были захвачены нѣкоторые Великооруссы (ничего подобнаго не было, это выдумка Волгина—*М. Л.*), онъ успѣлъ ухъзять въ Орель, о чемъ онъ увѣдомилъ Земскую Думу письмомъ своимъ, такъ какъ ѣздилъ туда по порученію Думы. Лѣтомъ были командированы: въ Ригу студентъ Еленевъ, въ Орель студ. Тихомировъ, которые теперь оба находятся, кажется, въ московскомъ университетѣ (настоящее ихъ мѣстопробываніе и адресъ можно узнать если потребуется). Кн. Трубецкой взялъ на себя обязанность вести дѣло съ однимъ народомъ, бывавъ часто осенью въ народной портерной (на Большомъ Царскоельскомъ проспектѣ, возлѣ бань Замятина), одѣтый въ крестьянское платье. Въ эту портерную часто ходятъ агенты Великоорусской партіи для сближенія съ народомъ. Гр. Толстой въ Ясной Полянѣ, кромѣ сношенія съ крестьянами, ведетъ дѣла съ московскимъ университетомъ; его агентомъ въ Петербургѣ былъ Н. Успенскій, одинъ изъ сотрудниковъ «Современника», который теперь опять будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, если уже не пріѣхалъ. Успенскій ѣздилъ по Россіи, по порученію Думы, для узнанія духа простонародья. Онъ въ большомъ количествѣ распространилъ между крестьянствомъ брошюру Герцена «Крещена собственностью»; гг. Якушкинъ, Варенцовъ, Безсоновъ и Рыбниковъ¹⁾ ѣздили съ тою же цѣлью, но уже для растолкованія народу настоящаго положенія Руси и подготовленія его къ революціи. Успѣшнѣе всѣхъ дѣйствовалъ тутъ П. Якушкинъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ также знать обо всемъ и Герцену.

«Полтора мѣсяца (почти годъ—*М. Л.*) тому назадъ былъ здѣсь въ Петербургѣ Кельсievъ, редакторъ «Вѣча», который предложилъ Земской Думѣ, имѣвшей по этому случаю чрезвычайное собраніе въ срединѣ декабря (кажется 20 числа),—предложилъ наложить

1) Рыбниковъ былъ посланъ въ Петрозаводскъ подъ надзоръ, по выс. повел., еще въ 1859 г., какъ «навлекшій на себя подозрѣніе своими сношеніями съ раскольниками и разсужденіями о дѣлахъ политическихъ», и былъ безвыѣздно въ Олонекской губ. Въ 1864 г. въ чинѣ кол. ас. онъ занималъ должность совѣтника олонекскаго губерн. правленія. Шефъ жандармовъ много разъ отказывалъ ходатайствовавшимъ за него губернаторамъ, отказалъ и въ февралѣ 1864 г.—не мало вредилъ губ. Философовъ. Затѣмъ въ апрѣлѣ 1864 г. освобожденіе отъ надзора состоялось, съ разрѣшеніемъ жить повсемѣстно, кромѣ столицъ и столич. губерній (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1864 г. № 35).

маленькій налогъ на лицъ, принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ революціонной партіи. Земская Дума отложила до марта рѣшеніе этой мѣры для пріисканія предлога, незамѣтнаго для правительства. Собраніе Земской Думы для рѣшенія этого вопроса о налогѣ будетъ въ концѣ марта, и въ Москвѣ студентъ москов-го универ-та Венельскій, вызванный Думою изъ Москвы, получилъ какое-то порученіе отъ Кельсіева; объ этомъ порученіи онъ отказался даже дать отвѣтъ З. Думѣ, въ лицѣ ея уполномоченнаго бывшаго студента Давыдова.

«Венельскій отказался отъ приказа Думы ѣхать на югъ Россіи и остался жить въ Петербургѣ.

«Декабрьское засѣданіе Думы имѣло рѣшеніемъ: если польское возстаніе будетъ удачно, то, по удаленію войскъ къ границамъ, возбудить возстаніе. Главное стараніе обращено на приволжскій край и Москву; однимъ словомъ, если не въ началѣ лѣта, то въ началѣ осени. Въ настоящее время вниманіе Думы было обращено на ходъ дѣлъ: Чернышевскаго, Писарева, Серно-Соловьевича и Евгенія Печаткина, а также, главнымъ образомъ, на ходъ жольскихъ дѣлъ.

«Главный планъ: всеобщая революція; польская, русская, венгерская, нѣмецко-славянская, турецко-славянская и ломбардская (въ Венеціи), а если удастся, то и французская, хотя это не входитъ въ программу Великорусской партіи, для которой только славянскія земли имѣютъ интересъ. Отношеніе къ Венеціи партія имѣетъ потому, что надѣется на помощь гарибальдійцевъ».

III. «Со времени послѣдняго моего визита у вашего превосходительства я продолжалъ слѣдить за всѣми дѣйствіями извѣстной вамъ партіи. Главное и видное мѣсто нынче въ кругѣ ея дѣйствій въ Петербургѣ принадлежитъ Г-ну Благосвѣтлову, бывшему главному члену Шахматнаго клуба, нынѣ редактору журнала «Русское Слово». Поэтому я рѣшился искать случаевъ познакомиться съ нимъ лично для ближайшаго слѣдованія за дѣйствіями партіи, въ которой, какъ мнѣ положительно извѣстно, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и, какъ кажется, судя до слышаннымъ мною намекамъ отъ разныхъ лицъ, онъ изъ числа членовъ теперешняго петербургскаго комитета, составъ котораго недавно перемѣнился и потому неизвѣстенъ еще мнѣ вполне (Хмыровъ по прежнему членъ,—это вѣрно) и когда узнаю, то поспѣшу увѣдомить васъ. Случай я скоро нашель и въ настоящее время уже лично знакомъ съ Благосвѣтловымъ и въ первый мой визитъ у него замѣтилъ на столахъ въ гостиной нѣсколько иностранныхъ брошюръ безъ клейма (сколько помнится заглавіе одной: «Le grand duc Constantin et le mouvement polonaise»), нумеръ франкфуртской газеты «L'Europe» (20 fevrierе ven-dredi), въ которомъ не заклеены тѣ мѣста (именно о вел. княгинѣ Алекс. Іосифовнѣ и др.), которыя я видѣлъ прежде заклеенными въ другихъ экземплярахъ той же газеты, нумера кра-

ковскихъ газетъ и италіанской газеты «Il Movimento» (всѣ нумера безъ таможеннаго клейма).

«Все, что впослѣдствіи будетъ узнано, все это будетъ доведено до вашего свѣдѣнія или лично мною или черезъ господина ***. Такъ какъ я нахожусь теперь почти въ самомъ центрѣ дѣйствій извѣстной партіи, то поэтому и надѣюсь, что успѣю сдѣлать, что смогу».

Посылая этотъ доносъ III Отдѣленію 19 марта, оберъ-полицмейстеръ прибавилъ отъ себя:

«Свѣдѣнія эти имѣютъ свое значеніе, какъ указаніе на предосудительную дѣятельность нѣкоторыхъ лицъ и въ особенности какъ подтвержденіе того предположенія, что послѣдняя прокламація («Льется польская кровь»—*М. Л.*) могла быть напечатана въ типографіи «Русскаго Слова». Образъ мыслей, направленіе и вся предшествовавшая дѣятельность Благосвѣтлова, одного изъ редакторовъ упоминаемаго журнала и главнаго хозяина типографіи, гдѣ онъ печатается, допускаютъ возможность подобнаго предположенія. Лицо, доставившее мнѣ прилагаемая свѣдѣнія, завѣряетъ положительно, что предпослѣдняя прокламація «Къ образованнымъ классамъ» была напечатана въ типографіи «Русскаго Слова» и что Благосвѣтловъ былъ вынужденъ ее напечатать, чтобы сохранить въ своемъ кружкѣ то значеніе, котораго онъ добивается. Кружку его необходимо было опозорить тѣхъ лицъ, которыя возвысили свой голосъ за правительственныя распоряженія, и Благосвѣтловъ не могъ отказаться отъ печатанія прокламаціи, гдѣ выведены ихъ имена и гдѣ заявлены идеи, связующія все это общество. Такъ объясняетъ это дѣло лицо, составившее прилагаемая при семъ свѣдѣнія, присовокупляя къ тому весьма сильное сомнѣніе, чтобы послѣдняя прокламація вышла изъ типографіи «Русскаго Слова» по той причинѣ, что какъ ни сочувствуетъ кружокъ Благосвѣтлова Польскому движенію, но онъ не позволить себѣ заявить независимость и свободу Польши, сознавая вполнѣ, что идея эта не найдетъ сочувствія въ народѣ, на котораго они желаютъ имѣть непосредственное вліяніе. Онъ объясняетъ дѣятельность и предположенія этого общества слѣдующей программой, принятой имъ за основаніе и заслуживающей, между прочимъ, особаго вниманія: 1) оставить всякую попытку вліянія на ходъ дѣлъ въ Петербургѣ, не сознавая возможнымъ дѣйствовать здѣсь съ успѣхомъ; 2) не присоединяться къ крайней партіи, которая, по ихъ мнѣнію, испортила весь ходъ революціонной пропаганды; 3) перенести всю дѣятельность на югъ Россіи и въ особенности на Приволжскій край, дѣйствуя на простой классъ народа ложнымъ толкованіемъ обязанностей крестьянъ и возбуждая ихъ къ возстанію.

«Повторяя и передавая указанія эти, я не могу не заявить, что въ нихъ есть нѣкоторыя основанія и что дѣятельность упоминаемаго общества требуетъ очень строгаго надзора. Сознвая

эту потребность, я обязанностію считаю сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о типографіи, въ которой печатается «Русское Слово» и въ которой Благосвѣтловъ считается главнымъ распорядителемъ. Типографія эта въ бранныхъ газетныхъ статьяхъ между Стелловскимъ и Героглифовымъ названа первымъ изъ нихъ «темной», что вполне справедливо. Кто завѣдываетъ ею и даже кому она принадлежитъ, неизвѣстно; по спискамъ, ведущимся полиціей, она записана на имя подполковника Рюмина, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ на этотъ предметъ формальностей; между тѣмъ Рюминъ есть подставное лицо. При устройствѣ ея въ 1858 году графъ Кушелевъ-Безбородко употребилъ на нее свой капиталъ и передалъ ее въ управленіе Рюмину, на имя котораго она и была записана. Вслѣдствіе несогласій, вышедшихъ между ними, графъ Кушелевъ-Безбородко отнялъ типографію отъ Рюмина и передалъ ее въ 1860 году въ арендное содержаніе коллежскому секретарю Сѣдинскому, а въ 1861 году взялъ ее въ свое распоряженіе. Все это время она сохраняла фирму Рюмина, который въ прошломъ, 1862 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, ходатайствуя о переводѣ типографіи въ Московскую часть, упомянулъ, что заведеніе это находится во временномъ распоряженіи Г. Героглифова. Въ сущности же выходитъ, что Благосвѣтловъ завѣдываетъ ею на правахъ полнаго хозяина».

IV. Доносъ, полученный III Отдѣленіемъ отъ оберъ-полицмейстера 22 марта:

«Послѣ паденія Шахматнаго клуба образовался клубъ поморныхъ, въ редакціи журнала «Искра». Инициатива этого клуба принадлежитъ г-ну *Василію Степановичу Курочкину*. Въ его клубѣ собирались и собираются постоянно большею частью члены крайней партіи и иногда и члены бывшаго шахм. клуба, въ ожиданіи открытія новаго публичнаго клуба. Составъ его уже извѣстенъ: Курочкинъ, Преображенскій (псевдонимъ Курочкина, какъ «поморные» — сотрудники «Искры» — *М. Л.*), Минаевъ, Храповицкій, Зиновьевъ, Левъ Камбекъ, Николай Наумовъ, Стопановскій и многіе другіе. Въ послѣднее время въ этотъ клубъ поступили два новыя лица: Александръ Венецкій и докторъ Василій Богдановъ; обѣ эти личности изъ московскаго унив., изъ кружка деркачевскаго. Въ настоящее время въ этомъ клубѣ поморныхъ идетъ рѣшеніе вопросовъ о томъ: 1) какимъ образомъ открыть новый публичный клубъ (въ родѣ Шахматнаго) и 2) какимъ образомъ открыть подписку денегъ на расходы, которые окажутся необходимыми при первой удобной минутѣ къ революціи.

«Такъ какъ дѣятельность великорусскихъ агентовъ перенесена нынче на берега Волги и въ глушь юго-восточныхъ губерній, то, какъ я слышалъ, кн. Юрій Голицынъ (пріѣхавшій въ Ярославль и открывшій тамъ музыкальный магазинъ), постарается устроить въ Ярославль музыкальное общество (или клубъ), такъ какъ въ Ярославль, помимо существующаго тамъ революціоннаго

комитета, будетъ основанъ еще другой главный, — приволжскій. Князь Ю. Голицынъ теперь же набираетъ людей въ оркестръ.

«Если польское возстаніе приметъ серьезный оборотъ, то съ удаленіемъ войскъ изъ средней и восточной Россіи, революціи предназначено вспыхнуть. Лѣто близко».

V. «Г. Моригеровскій въ началѣ мая, какъ я уже вамъ говорилъ, отправляется за границу. Теперь же я узналъ, что онъ ѣдетъ сперва въ г. Соденъ (во Франціи), а оттуда въ Парижъ. Ему дано нѣсколько писемъ: одно къ Апраксину (въ Соденъ), а другое къ гр. Орлову-Денисову (въ Парижъ). Въ бытность мою у Моригеровскаго (сегодня, 26 марта) я увидѣлъ у него на столѣ лежавшее подъ книгою письмо, писанное по-французски. Когда Моригеровскій вышелъ изъ комнаты, я отодвинулъ немного книгу и пробѣжалъ окончаніе; вотъ оно: «...Когда вы исполните ваше порученіе въ Соденъ, то извѣстите меня о результатахъ. Если вамъ потребуется адресъ Ростовцова, то я дамъ вамъ знать. Но пишите мнѣ не раньше, какъ изъ Кракова; кажется этотъ городъ входитъ въ вашу маршруту. Вы знаете, на чье имя вы должны адресовать письмо для передачи мнѣ,—теперь я васъ извѣщаю о новомъ адресѣ этого господина (въ подлинникѣ: *de ce monsieur*)... фамилии нельзя было разобрать); его адресъ: *rue Mauconseil, à gauche de l'hôtel d'Artois, maison № 14*». Подписи я не успѣлъ разобрать. Спустя нѣсколько времени къ Моригеровскому пришелъ другой какой-то господинъ, фамилии не знаю, но узналъ случайно, что онъ учитель географіи въ какомъ-то женскомъ училищѣ при Адмиралтействѣ, а также въ женской гимназіи, находящейся въ Коломнѣ (кажется, русскому языку). Этотъ господинъ примѣтами: высокій, худощавый, лѣтъ 30-ти, волосы темнорусые. Онъ далъ Моригеровскому 2 письма къ Орлову-Денисову (одно онъ тутъ же написалъ самъ), спросилъ, получилъ ли онъ письмо къ Апраксину, прочелъ письмо, о которомъ я упоминалъ выше, а Моригеровскій разорвалъ его сейчасъ же.

«Вотъ вамъ нѣкоторыя подробности о кружкѣ Иванова. Собранія этого кружка чаще всего бываютъ въ квартирѣ у Иванова (адресъ въ Болотной улицѣ, домъ Терехова). Постоянный составъ кружка есть слѣдующій: самъ Алексѣй Ѳедоровичъ Ивановъ, товарищъ его купеческій сынъ Поповъ, какой-то чиновникъ Гаевскій, студ. унив. Николай Степановичъ Дергачевъ, студ. мед.-хир. академіи Николай Александровичъ Коржавинъ, приказчикъ кн. магазина г-на Терскаго Василій Ивановичъ Рыкушинъ, купеч. сынъ Аресь Васильевичъ Сорокинъ, два брата купца Николай и Петръ Александровичи Ивановы, какой-то офицеръ и еще одинъ изъ сотрудниковъ «Искры» Кузьма Сачковъ.

«25 марта, въ 2 часа ночи я былъ у одного товарища и читалъ письма, которыя были адресованы мнѣ. Вотъ самое замѣчательное. 1) По назначенію иркутскаго областного комитета, два лица поступили въ Забайкальское казачье войско и снабжены инструк-

ціями словесно. Эти лица: юнкеръ Сергѣй Рачинскій и подпоручикъ Николай Фелькнеръ (выпущенный изъ 1 кад. корпуса въ прошлую весну). 2) Въ февралѣ с. г. въ Астрахани одинъ купецъ, по фамиліи Башкинъ, за написанный имъ секретный доносъ, но не отправленный еще, по конфирмаціи астраханскаго областного комитета наказанъ смертю, а денежное имущество его конфисковано въ пользу комитета. Онъ опущенъ съ ядромъ на ногахъ въ прорубы, а деньги въ числѣ 300,000 руб. сер. захвачены комитетомъ и 100,000 изъ нихъ пошли въ Москву. 3) Одинъ изъ членовъ Славянскаго комитета кн. Оболенскій настоялъ на томъ, чтобы публиковались расходы комитета, чтобы не ввести правительство въ подозрѣніе; вслѣдствіе этого Аксаковъ занялся составленіемъ списка расходовъ (это сдѣлано потому, что въ Москвѣ начали говорить открыто о томъ, что комитетъ собираетъ деньги и не публикуетъ расходы)».

Приписка ген. Анненкова: «На упоминаемый кружокъ Иванова обращено мною вниманіе В*... потому, собственно, что дѣятельность этого кружка, принимающаго очень вредное направленіе, обращена на молодежь купческаго сословія».

VI. Доносъ, полученный 12 апрѣля:

«Первая весенняя прокламація, какъ уже извѣстно, появилась въ 1-й день Пасхи (31 марта—*М. Л.*). Теперь послѣдуютъ еще двѣ прокламаціи: одна изъ нихъ будетъ напечатана въ Москвѣ, другая въ Швеціи (многіе русскіе эмигранты, въ томъ числѣ Бакуницъ и Кельсіевъ, находятся уже въ Швеціи). Нынѣшняя прокламація уже пущена въ ходъ, особенно между раскольниками сѣверныхъ губерній. Составъ Вологодскаго областного комитета удвоенъ и даже утроенъ, такъ какъ, по распоряженію Земской Думы, Вологодская, Олонецкая и Вятская губерніи должны быть главными и начальными театрами предполагаемаго сначала партизанскаго веденія бунта. вмѣстѣ съ этимъ назначены 4 главные пункта на Волгѣ: 1. Ярославль (по близости Рыбинска, въ которомъ лѣтомъ бываетъ народу до 30.000 чел., а также потому, что въ Ярославлѣ лицей и двѣ гимназіи; стало быть, тутъ виденъ расчетъ на молодежь. Кромѣ того, Ярославль близокъ отъ Москвы, и все пространство между Ярославлемъ, Москвою и Рыбинскомъ занято множествомъ фабрикъ; между фабричнымъ людомъ ведется сильная пропаганда). 2. Казань (здѣсь университетъ; этотъ городъ—важный стратегическій пунктъ для революціи). 3. Нижній-Новгородъ (положеніе его при сліяніи Оки и Волги; множество бурлаковъ и другого народа лѣтомъ). 4. Ахтубинскъ (какъ пристань и пунктъ, связывающій Волгу съ Дономъ; какъ защита Астрахани отъ войскъ правительства, въ случаѣ неудачи взволновать Донъ). Главный пунктъ приволжской революціи—Астрахань. Здѣсь главный центральный комитетъ (Волжская Земская Дума). Многіе лица изъ великорусской партіи имѣютъ свои суда, лодки, шкуны и

пароходы, расположенные или по Волгѣ и въ Астрахани, а частью и въ персидскихъ гаваняхъ. Здѣсь и купечество почти на сторонѣ партіи. Многіе русскіе, служащіе во французскихъ и итальянскихъ войскахъ, ѣдутъ въ Россію (или черезъ Персію въ Астрахань, или черезъ Швецію въ Олонецъ и Вологду). Съ ними же вмѣстѣ ѣдутъ и многіе иностранцы, искатели приключеній и любители революцій. Гр. Апраксинъ (какой, не знаю; вѣроятно, братъ Апраксина, кардинала католическаго) и еще какой-то Базилевскій уже въ Астрабадѣ (въ Персіи), оба везутъ деньги. Судя по словамъ моего корреспондента, астраханцы надѣются на подвозъ оружія изъ англійскихъ ость-индскихъ владѣній черезъ Персію и Хиву (на Уралѣ, гдѣ съ февраля дѣйствуетъ успѣшно новый комитетъ, имѣющій въ виду заводскихъ рабочихъ, бѣглыхъ, отчасти казаковъ, но больше каторжныхъ работниковъ, такъ какъ въ Иркутскѣ есть свой комитетъ, довольно сильный и со средствами). Вообще Астрахань и Вологда будутъ два главные пункта революціи, третій пунктъ—Тамбовъ, Пенза и Орель.

«У Благосвѣтлова я былъ, но онъ мнѣ сказалъ, что такъ какъ я не пришель въ назначенное время (въ среду на страстной недѣлѣ или во вторникъ на Святой), то теперь я не нуженъ, но просилъ по первому же письму прийти къ нему. Я полагаю, что я ему былъ нуженъ по дѣлу прокламаціи, такъ какъ время, назначенное имъ, совпадаетъ со временемъ печатанія и выпуска прокламаціи.

«Курочкинъ отправилъ письмо въ Лондонъ. Онъ жалуется русскому комитету въ Лондонъ на петербургскій комитетъ и на главную Земскую Думу за то, что они, во 1-хъ, дѣйствуютъ чрезвычайно медленно, во 2-хъ, за то, что петербургскій комитетъ не сталъ весеннюю прокламацію распространять въ Петербургѣ, дабы отклонить тѣнь подозрѣнія, что она печаталась здѣсь, и, въ 3-хъ, за то, что великорусская партія мѣшаетъ и сдерживаетъ крайнюю партію. Какой будетъ результатъ, неизвѣстно».

14 апрѣля Анненковъ сообщилъ, что помѣстилъ въ типографію Благосвѣтлова своего агента въ качествѣ наборщика и поэтому о выпускѣ прокламаціи будетъ поставленъ въ извѣстность. 29 апрѣля послѣдовало его сообщеніе, что петербургскій областной комитетъ состоитъ изъ пяти лицъ, изъ нихъ Волгинъ знаетъ троихъ—Лаврова, Благосвѣтлова и Хмырова.

VII. «Слухи о распущеніи Земской Думы и о замѣнѣ ея народнымъ комитетомъ отъ общества «Земля и Воля» оказываются дѣйствительно вѣрными (іюль 1863—*М. Л.*). Еще уничтожились пять областныхъ комитетовъ и вмѣсто нихъ тамъ поселились эмиссары общества. Новое общество устраиваетъ и новый порядокъ веденія дѣла: теперь уже толкаются между народомъ люди изъ низшаго же класса, ложно толкуютъ положеніе 19-го февраля и распускаютъ ложные слухи. Другіе дуди, одѣтые тоже по-кре-

стьянски, наблюдаютъ за ними, наталкиваютъ ихъ и служатъ посредниками между ними и эмиссаромъ. Теперь дѣлаются въ Москвѣ и другихъ городахъ попытки на собираніе денегъ и выдаются нарочно для этого приготовленныя квитанціи. Общество это покуда обѣгаетъ почему-то Петербургъ, но носятся слухи, что квитанціи эти скоро и сюда зайдутъ. Агенты этого общества уже есть здѣсь, но эмиссара еще нѣтъ, посредники стоятъ еще на ряду съ обыкновенными смертными, и петербургскій комитетъ еще существуетъ покуда.

«Великорусскій клубъ теперь будетъ съ 31 іюля у Благосвѣтлова по средамъ и пятницамъ, съ 3-хъ часовъ пополудни, но такъ, чтобы въ одно время не накоплялось значительнаго числа людей. Хотя Великоруссы добровольно уступаютъ мѣсто новому обществу, но Курочкина партія остается попрежнему въ своемъ составѣ и отдѣльно отъ общества. Неизвѣстно еще, на чью сторону перейдетъ Зиновьевъ со своей канцеляріею и типографіей. Есть надежда, что типографія эта будетъ скоро открыта.

«Всѣхъ мелкихъ агентовъ и всѣ тайныя учрежденія Земской Думы общество «Земля и Воля» приняло къ себѣ. Земская Дума, какъ представительница всей партіи великоруссовъ, удержала при себѣ только деньги, собранныя ею отъ своихъ членовъ, и то съ условіемъ передать ихъ обществу, когда начнется революція. Сформированные отряды, нынѣ находящіеся на своихъ мѣстахъ въ видѣ мирныхъ гражданъ, тоже уже приняты народнымъ комитетомъ.

«Сынъ Герцена, по слухамъ, скоро пріѣдетъ въ Москву. На стокгольмскихъ митингахъ онъ выдавалъ себя за представителя русской молодежи. Въ настоящее время онъ съ Бакунинымъ старается переслать въ Россію прокламаціи къ народу, войску и духовенству, напечатанныя въ Швеціи.

«Теперь новое общество будетъ слѣдовать проекту, присланному изъ Лондона и составленному русско-польскимъ лондонскимъ комитетомъ. Вотъ въ чемъ состоитъ проектъ: духовенство сманивать льготами и преобразованіями, купечество страшать разграбленіемъ имущества, войско сманивать льготами и выдачею денегъ, крестьянамъ перетолковывать положеніе 19 февраля и стараться озлоблять ихъ противъ мѣстныхъ властей, развивать пролетаріатъ и нищенство всякими средствами и дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ или ласкою, гдѣ нужно, или прибѣгать къ угрозамъ и даже террору!

«Русскіе агитаторы заграничныя такъ увѣрены въ близости революціи, что уже собираютъ въ Парижѣ и Лондонѣ деньги въ пользу возстанія».

VIII. «Между крестьянами приволжскаго края и Орловской губ. распространяется (іюль 1863 г.—*М. Л.*) новая прокламація, написанная въ народномъ духѣ. Теперь стараются все дѣйствовать на умы духовенства, какъ сословія, ближайшаго къ кре-

стьянству. Не пренебрегаютъ даже и разбойниками и ворами. Всѣ эти дѣйствія принадлежать областнымъ комитетамъ (два изъ нихъ: Новгородскій и Тверской разошлись и вмѣсто нихъ въ Новгородѣ и Твери живутъ по одному эмиссару общества «Земля и Воля»). Между московскими агентами носятся слухи, что и Великая Земская Дума прекращаетъ свое существованіе и уступаетъ мѣсто народному комитету или Думѣ, составляющемуся изъ членовъ общества «Земля и Воля», которое теперь, дѣйствительно, заводитъ своихъ эмиссаровъ въ провинціяхъ и печатаетъ свой журналъ «Свобода», котораго 2 № вышли, и 3-й выйдетъ на слѣдующей недѣлѣ. Онъ печатается въ Москвѣ, гдѣ-то на Арбатѣ. Скоро и въ Петербургѣ появятся агенты этого общества. Весь московскій Дергачевскій кружокъ принадлежитъ къ этому обществу; туда же перешелъ и кн. Юрій Голицынъ, со своей свитой; его шутя прозвали ярославскимъ музыкальнымъ губернаторомъ.

«Между петербургскими агентами носится слухъ, что Земская Дума, прекращая свои дѣйствія, хочетъ послать государю какой-то адресъ, подобный поданному въ прошедшемъ году и напечатанному въ 4-мъ номерѣ «Великорусса» за 1862 г. Съ прекращеніемъ Земской Думы областные комитеты уничтожаются, и вся многочисленная партія Великоруссовъ становится въ ряды людей, сочувствующихъ обществу «Земля и Воля». Неизвѣстно только, будетъ ли продолжаться изданіе «Великорусса».

23 іюля отъ Анненкова было получено указаніе, что «Свобода» положительно исходитъ изъ кружка Благосвѣтлова и Василія Курочкина, а складъ ея въ магазинѣ Гайдебурова; слѣдующее воззваніе будетъ напечатано къ августу въ типографіи отст. поручика Зиновьева. 24-го у всѣхъ нихъ былъ произведенъ обыскъ, недавшій ничего серьезнаго.

Чтобы свести данныя наблюденія надъ Благосвѣтловымъ, приведу здѣсь же еще одно анонимное сообщеніе, поступившее въ III Отдѣленіе 7 августа 1863 г.:

«Вышло новое воззваніе подъ заглавіемъ «На судъ народный!». Я сейчасъ былъ у Гриневскаго ¹⁾, ему при мнѣ принесли по городской почтѣ письмо, въ которомъ оказалось воззваніе. Я просилъ его дать оное мнѣ; но онъ отказалъ, говоря, что «не хочетъ рисковать и нажить себѣ непріятность, по моей неосторожности, и что онъ его уничтожить»; впрочемъ, при мнѣ онъ не разорвалъ его. *Наружный видъ:* напечатано это воззваніе на тонкой почтовой бумагѣ шрифтомъ, какимъ обыкновенно печатаются книги, т.-е. цитеро № 11. Конвертъ съ заклеюкою безъ печати. Адресъ, по словамъ Гриневскаго, написанъ рукою Благосвѣтлова, которая ему хорошо извѣстна. Вверху приложена печать «Народная Русь».

¹⁾ Александръ Каэтановичъ, редакторъ «Сельскаго Хозяйства».

(а не «Земля и Воля»). Содержаніе: воззваніе начинается упреками къ народу за равнодушіе, съ которымъ онъ смотритъ на растрату дворомъ денегъ, несмотря на стѣсненное положеніе русскихъ финансовъ. Далѣе слѣдуютъ обвиненія правительства въ ложности бюджета и бросаніи денегъ государемъ любовницамъ, причѣмъ говорится, что одной актрисѣ было дано 80.000 р. с. Въ заключеніе приглашается народъ составить ареопагъ и потребовать на страшный судъ народный виновника этого зла.

III Отдѣленіе не могло собрать никакихъ другихъ свѣдѣній объ этой неизвѣстной мнѣ прокламаціи, не собрало ничего и о Гриневскомъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 97, ч. 75).

2084. 1831—1863.

I.

— «Можно ли было думать, чтобы у этого старика было такъ много крови»... говорилъ Макбетъ.

— «Что жъ это кровь-то не смывается? Воды!... дайте воды!...», говорила его жена¹⁾.

Дѣйствительно, есть старики, у которыхъ крови не только много, но у которыхъ кровь молода... и до того марка, что ея нѣтъ никакой возможности смыть.

Россія испытываетъ все это... и дай Богъ, чтобы не было *убитаго въ лѣсу*, котораго тѣнь стала бы являться на каждую пирушку²⁾.

Польское возстаніе провело глубокую черту. Въ будущихъ учебникахъ на немъ будетъ оканчиваться одна глава русской исторіи и начинаться другая. Тутъ переломъ; продолжать прежнюю жизнь можно, но переломъ будетъ чувствоваться, но черты стереть нельзя. Та же жизнь по ту сторону нравственно будетъ *не та*. Россія будетъ помнить, что въ жилахъ старика было очень много крови, что эта кровь лилась все по ея рукамъ, и что она ничего не сдѣлала, чтобы ее смыть.

— А развѣ въ Польшѣ меньше было крови въ 1831 году?

¹⁾ Первая фраза принадлежитъ лэди Макбетъ, второй не произносить ни Макбетъ, ни его жена.

²⁾ Намекъ на явленіе Макбету, во время пира, тѣни убитаго подосланными имъ убійцами Банко. *Убитаго въ лѣсу*—заключаетъ въ себѣ двойной намекъ: 1) на убійство Банко, которое произошло въ паркѣ, примыкающемъ къ замку *Forres* (произносится почти, какъ англійское слово *forest*—лѣсъ, отъ котораго, очевидно, и произведено названіе замка) и 2) на польское выраженіе «бѣжать до лѣсу», употребляющееся въ смыслѣ «примкнуть къ возстанію».

— Нѣтъ, но у Россіи было меньше совѣсти, т.-е. сознанія. За полусознанныя злодѣйства, за преступленія, сдѣланныя въ полуснѣ, исторія не наказываетъ, а даетъ англійскій вердиктъ: «temporary insanity» ¹⁾). Вопросъ весь въ томъ, имѣетъ ли Россія 1863 столько же права на этотъ вердиктъ, какъ Россія 1831?

Мы рѣшительно отрицаемъ это.

Польское возстаніе, слѣдовавшее черезъ пять лѣтъ послѣ 14 декабря, застало Россію врасплохъ, подавленную въ глубокомъ раздумьи. Чуть ли не первый разъ тогда русскіе подумали, въ самомъ дѣлѣ, о себѣ. Серьезное пониманіе у народовъ является очень поздно, плодомъ большихъ испытаній, потрясеній, неудачъ; самые развитые народы ошибаются вѣка цѣлые подъ вліяніемъ мечтаній и фантазіи. Франція около вѣка воображала себя либеральной и даже республиканской. Русское раздумье было совершенно на мѣстѣ. Кичась государственнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ европейскихъ дѣлахъ, нейтральная Россія воображала, что ей такъ же легко будетъ заимствовать у сосѣдей политическую свободу, какъ военно-полицейскую имперію. Удесятеренный деспотизмъ заставилъ призадуматься тѣхъ, кого не пришибъ окончательно; они начали сомнѣваться въ своихъ путяхъ; стремленіе ихъ было истинно, но оно удовлетворялось готовымъ рѣшеніемъ, не подходившимъ къ явленіямъ русской жизни. Тяжелое чувство отсутствія корней не меньше давило все мыслящее и пробужденное, какъ правительственный гнетъ. Выходъ былъ неясенъ, слабость очевидна.

Польскій вопросъ былъ смутно понимаемъ въ то время. Передовые люди,—люди, шедшіе на каторжную работу за намѣреніе обуздать императорское самовластіе, ошибались въ немъ и становились, не замѣчая того, на узкую государственно-патріотическую точку зрѣнія Карамзина,—стоитъ вспомнить факты, рассказанные Якушкинымъ, негодованіе М. Орлова, статью Лунина и пр. У нихъ была своего рода ревность къ Польшѣ; они думали, что Александръ I больше любилъ и уважалъ поляковъ, чѣмъ русскихъ. Они были еще подъ обаяніемъ петровской традиціи; мы и моложе ихъ, но всѣ воспитались въ ней и не такъ-то давно отдѣлались отъ нея.

Таково было настроеніе общества въ 1830.

О народѣ не могло быть и рѣчи; это было спящее озеро, котораго подснежныя теченія никто не зналъ, и на замерзнувшей поверхности котораго стояли помѣщичьи усадьбы, присутственные мѣста и всякія будки и казармы.

Николай нѣсколько оправился отъ 14 декабря къ тѣмъ порамъ и успокоился, сгубивъ цѣлыя арміи тифомъ и голодомъ въ балканскихъ дефиле и смѣнивъ опаснаго Ермолова на Кавказѣ бездар-

¹⁾ Временное умопомраченіе.

нымъ Паскевичемъ. Вдругъ на него обрушилась вѣсть парижской революціи 1830 года. Онъ потерялся. Онъ гвардейскимъ офицерамъ, середь совершеннѣйшаго мира, объявилъ, что скоро придется сѣсть на лошадь, и велѣлъ ставить армію на военную ногу. Онъ Людовику-Филиппу нагрубилъ безъ всякаго вызова. Только, развѣ, въ 1848 году онъ превзошелъ 1830 годъ въ стѣсненіи всякой заявленной мысли, всякаго слова, несогласнаго съ началами всепоглощающаго абсолютизма. Въ это время онъ въ первый разъ водрузилъ свое дикое знамя: «Самодержавіе, Православіе, Народность»... Съ этого времени, въ противоположность тому, что дѣлалось въ Европѣ, началось въ его головѣ то обоготвореніе въ себѣ царскаго титула, которое довело его, наконецъ, черезъ двадцать пять лѣтъ до совершеннаго затменія умственныхъ способностей, до того, что на маневрахъ передъ атакой онъ плакалъ въ три ручья, снимая каску и вслухъ прося «о дарованіи побѣлы благочестивѣйшему императору Николаю Павловичу, яко съ нами Богъ»...

Но, если никто не вѣрилъ въ божественность императорской власти, то въ силу ея вѣрили всѣ, любившіе ее и ненавидѣвшіе, свои и чужіе, герцогъ Веллингтонъ и маршалъ Себастьяни, Меттернихъ и Казиміръ Перье, ораторы, нападавшіе на Россію, и Пушкинъ, писавшій имъ отвѣтъ въ стихахъ ¹⁾.

Итакъ, съ одной стороны смутное стремленіе сбросить съ себя деспотическую опеку, парализованное сознаниемъ чуждости съ народомъ; съ другой, — подавляющій призракъ чудовищной власти императорства, противъ которой можно было вести подземныя мины, но бороться лицомъ къ лицу нельзя было и думать.

Какой же протестъ былъ возможенъ въ пользу Польши въ 1831? Скрытое сочувствіе, — оно было, были стихи, вырвавшіеся со слезами, были горячіе приемы сосланныхъ, университетская молодежь (по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ) была за Польшу. Журналы, литература не имѣли никакого политическаго значенія при тогдашней цензурѣ. Общество, сильно падавшее, оставалось равнодушнымъ, хотя и было меньшинство, воспитанное подъ западнымъ вліяніемъ и ненавидѣвшее Николая за безцеремонность его деспотизма, — оно радовалось неудачамъ Дибича и глупостямъ Паскевича.

Диѳирамбомъ дикой власти штыковъ съ кулачной угрозой клеветникамъ Россіи и неслыханными въ послѣднія столѣтія гоненіями дѣтей, стариковъ, цѣлаго поколѣнія оканчивается возстаніе 1831.

Затѣмъ тянется печальный рядъ годовъ самой прозаической эпохи николаевскаго царствованія. Уцѣлѣвшая Польша ушла за границу, рассказывая народамъ о звѣриномъ усмиреніи. Народы европейскіе, еще не испытывшіе пятидесятихъ годовъ, еще пол-

¹⁾ «Клеветникамъ Россіи».

ные упованій и самонадѣянности, печально слушали польскаго выходца, и ненависть къ Россіи становилась общимъ чувствомъ женщинъ, дѣтей, аристократовъ и плебеевъ. Лондонская чернь ворчала вслухъ при посѣщеніи Николаемъ Англій, лордъ Дудлей Стюартъ послалъ ему подписку въ пользу поляковъ. На насъ лежала капля крови,—мы были помѣчены побѣдой надъ поляками.

Дома продолжался сухой деспотизмъ. Николай, окруженный посредственностями, своими Бенкендорфами и Клейнмихелями, вколачивалъ неподатную Россію въ рамы передней, обращая статскихъ дворовыхъ въ военныхъ денщиковъ, и все это холодно, грубо, безпощадно, отравляя жизнь.

Если-бъ этими мѣрами ему удалось остановить внутреннюю работу, развитіе Россіи остановилось бы надолго, для Зимняго дворца возвратились бы счастливыя времена «Очакова и покоренья Крыма», для Европы—времена татарскихъ нашествій, приведенныхъ въ регулярно-нѣмецкую форму, которыми ее стращаль іезуитской памяти Доносо-Кортесъ.

Но мысль, взошедшая внутрь, назрѣвала, слово, насильственно возвращенное назадъ, разъѣдало грудь, подтачивало тюремныя стѣны, и, если фасадъ острога остался тотъ же, то внутри многое измѣнилось.

Сначала боль, утрата близкихъ надеждъ, оскорбленія были слишкомъ живы, униженія слишкомъ раздражали. Много энергическихъ, благородныхъ натуръ сломились, зачали физически или нравственно. Печеринъ ¹⁾ искалъ спасенія въ католицизмѣ, Полежаевъ—въ разгулѣ и оргіи.

Вопросъ о выходѣ изъ этого ада, изъ этого чистилища становился такимъ мучительнымъ вопросомъ для мыслящаго человека, что, не находя разрѣшенія, одни, какъ мы сейчасъ сказали, бросились въ бѣгство, потерялись, другіе отрицали возможность выхода, какъ Чаадаевъ. *Отрава* раздумья шла глубже и глубже, скептицизмъ и иронія были литературными признаками внутренняго пожирающаго огня. Байронизмъ Пушкина и Лермонтова не былъ просто подражаніемъ, онъ былъ такъ же своевремененъ и *националенъ* петровской Руси, какъ потрясающій смѣхъ Гоголя.

Слой, въ которомъ совершалась эта работа, не былъ доступенъ правительству—такъ глубоко не рѣжетъ кнуть. Николай былъ человекъ совершенно необразованный и скверно окруженный; тайная полиція его, составленная изъ шулеровъ, битыхъ офицеровъ, воришекъ, пойманныхъ на кражѣ казенныхъ денегъ, мелко плавала. Они боялись дерзкаго слова, бархатнаго берета à la Karl Sand ²⁾, сигары на улицѣ; они искали классическихъ

¹⁾ Владиміръ Сергѣевичъ, эллинистъ, вступившій въ католическій орденъ редемптористовъ.

²⁾ Студентъ іенскаго университета, убившій извѣстнаго нѣмецкаго писателя Коцебу, котораго считали русскимъ шпиономъ.

конспираторовъ съ кинжалами, плащами и присягами, которыя страшно произнести при нервныхъ женщинахъ.

Открытую огромную конспирацію, проникавшую въ душу безъ присяги и ходившую по улицамъ безъ калабрской шляпы ¹⁾, они не могли уловить: ихъ пальцы были слишкомъ грубы.

Въ этой конспираціи участвовало все, не только не сговариваясь, но и не подозрѣвая того,—такъ наливаются въ одно и то же время, подъ вліяніемъ одной и той же атмосферы, независимыя другъ отъ друга почки, составляющія общій характеръ весны.

Кто не были ея агентами? Студентъ, знавшій на память стихи Рылѣева, Полежаева и ѣхавшій *на кондицію* въ помѣщичій домъ; лѣкарь, отправлявшійся на службу въ дальній край ²⁾, семинаристъ, пріѣзжавшій на вакаціонные мѣсяцы въ родное село, учитель, читавшій словесность кадетамъ, и вся словесность и всѣ университеты, лицеи, духовныя и военныя академіи, театры, корпуса, западники и славянофилы, самые разные характеры и самыя противоположныя направленія—Чаадаевъ и Полевой, Бѣлинскій и Гоголь, Грановскій и Хомяковъ.

Одна Русь не-петровская, Русь народная оставалась въ стонѣ отъ этого движенія. Она той Руси, въ которой происходило движеніе, не знала, да и ея не знали тамъ. До этой работы мысли, до внутренняго протеста, пожалуй, до этого угрызения совѣсти ей дѣла не было, и это совершенно естественно. Не она оторвалась отъ своего быта и всплыла надъ нимъ, но въ ней могли и должны были зародиться сомнѣнія въ путяхъ своихъ; она *продолжала* свой непосредственный бытъ подъ тяжелымъ гнетомъ крѣпостного состоянія, чиновничьяго грабежа и бѣдности.

Та часть народа, которая отвернулась отъ прежняго быта и оторвалась отъ прежняго единства съ поспѣшностью измѣны, та, безъ сомнѣнія, и должна была сперва прійти къ сознанію своего страннаго положенія совершенной разобщенности,—разобщенности *въ обѣ стороны*: потерявъ связь съ народомъ, она осталась чужой міру той цивилизаціи, которой платья и фасады были ею приняты, а сущность осталась не усвоенной. Первая минута, въ которую она протрезвилась въ своемъ маскарадномъ платьѣ, отъ грома побѣдъ, отъ ломки и перестройки, отъ непрерывныхъ служебныхъ дѣлъ и военныхъ ученій, въ которую она поняла, что

¹⁾ Намекъ на разбойничьи банды, которыя долгое время наводняли мало доступную, благодаря ея гористости, итальянскую провинцію Калабрію.

²⁾ Въ 1835, во время моей ссылки въ Вятскую губернію, я нашель въ уѣздномъ городѣ Сарапулѣ прекрасно составленную бібліотеку, въ которой получались всѣ новыя книги и журналы на русскомъ языкѣ. Участники брали эти книги на домъ и имѣли читальную залу. Все это было заведено съ невѣроятными усиліями, жертвами и съ огромной настойчивостью уѣзднымъ лѣкаремъ, вышедшимъ изъ московскаго университета; фамилія его, кажется, Чудновскій. А. И. Г.

нѣмецкіе кафтаны и французскія слова не даютъ европейскихъ условій жизни, она очутилась съ глазу на глазъ съ императорскимъ самовластіемъ. Воображая себя Европой или народомъ, она хотѣла схватить его подъ уздцы, но, лишняя всякой правомѣрной основы, выработанной на Западѣ, и всякаго народнаго сочувствія, она была побѣждена. И, какъ мы сказали, съ этого пораженія начинается тотъ мучительный трудъ мысли, который, перебирая ноту за нотой, еще не достигалъ ни до какого результата въ 1831 году, но въ тридцать послѣдующихъ лѣтъ сдѣлалъ огромные шаги.

Христіанство съ своей необычайно глубокой психологіей связывало искупленіе съ раскаяніемъ и исповѣдью. Это равно относится къ лицу и цѣлымъ народамъ. Надобно было совѣсти русской не только раскаяться въ любви къ силѣ и забіячеству военной имперіи, въ гордости штыками и суворовскими бойнями, но и привести это къ слову, надобно было ей исповѣдаться.

И съ исповѣди начинается ея пробужденіе.

Послѣ покоренія Польши лѣтъ пять осаживались въ Россіи николаевскіе порядки въ угрюмой тишинѣ. Общество больше и больше падало, литература молчала или дѣлала дальніе намеки; только въ стѣнахъ университета слышалось иногда живое слово и билось горячее сердце... да время отъ времени могучая пѣснь Пушкина, противорѣча всему, что дѣлалось, будто пророчила, что такая здоровая и широкая грудь многое вынесетъ.

Лично люди спасались—кто наукой, кто искусствомъ, кто вымышленной дѣятельностью. Лично люди отворачивались отъ всего окружающаго и наблюдали въ недосягаемой дали движеніе западныхъ свѣтилъ, но внутренняя боль, недоумѣнія не могли успокоиться, они должны были дождаться до истины и найти въ себѣ выраженіе. Чаадаева «Письмо» представляетъ первую осязаемую точку перегиба, отъ которой идутъ два расходящіеся ряда пониманія.

...«Посмотрите вокругъ себя. Все, какъ будто, на ходу. Мы всѣ, какъ будто, странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что бы привязывало, что бы пробуждало ваши сочувствія, стремленія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго; все проходитъ, течетъ мимо, не оставляя слѣдовъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ, какъ чужіе, въ городахъ, какъ, будто, кочуемъ.

«Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе; нашъ нравственный міръ находится въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты»¹⁾.

¹⁾ Чаадаевъ. А. И. Г.

Mea culpa, mea maxima culpa! ¹⁾

Далѣ отрицательное сознание итти не могло; чуть ли этотъ *нигилизмъ* не трагичнѣе новаго. Что было дѣлать послѣ такого сознанія? Вздохнуть, сложить руки и смиренно нести на себѣ крестъ родины.

На этомъ сознаниіи долженъ былъ обличиться переворотъ, *если только силы на выздоровленіе* были въ груди. И, дѣйствительно, мрачная исповѣдь Чаадаева вызвала сильный отпоръ,—отпоръ челоуѣка, заживо погребяемаго, отпоръ *инстинктивной* вѣры одностороннему сомнѣнію. Вновь выходившая русская мысль, какъ царь Иванъ Васильевичъ, одержимая болѣзнью и слабая, слышала за дверями, какъ Чаадаевъ ей читалъ отходную, и, покидая одръ свой, бросилась заявить свои права на жизнь.

Во имя чего? Во имя народного блага и *до-петровской Руси*, т.-е. обходя съ тѣмъ же отвращеніемъ *имперію*, съ которымъ смотрѣлъ на нее ихъ противникъ.

«Это—временный наростъ, говорили они, иностранное рудище, приросшее, правда, къ тѣлу, но только къ кожѣ,—его можно отодрать...»

«А тамъ-то что?» говорили скептики, качая головой.

Границы турнира были обозначены.

До 1848 года только въ этой *литературной* борьбѣ и чувствовался пульсъ живого сердца.

II.

Не мы свели вопросъ на книжный споръ, а такъ было на самомъ дѣлѣ. Вся умственная жизнь Россіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сводилась на литературу и преподаваніе. Споръ этотъ занималъ, конечно, не больше двухъ-трехсотъ головъ, изъ которыхъ половина были очень молоды. Но эта ариѳметическая слабость, когда всѣ остальные ничѣмъ не заняты, ничего не значитъ. Меньшинство съ возбужденной мыслью, вѣрой, сомнѣнемъ, выдѣляясь изъ массы, не имѣющей никакого опредѣленнаго направленія, изъ массы, дремлющей, равнодушной, становится по необходимости свѣтскимъ духовенствомъ, т.-е. начиная пропагандой и проповѣдью, часто оканчиваетъ властью и ведетъ паству по своей дорогѣ.

Кругъ умственной дѣятельности того времени былъ внѣ правительства, совершенно отсталого, и внѣ народа, молчавшаго въ отчужденности,—онъ былъ въ книгѣ и аудиторіи, въ теоретическомъ спорѣ и въ ученомъ кабинетѣ. И, дѣйствительно, только въ литературѣ и университетахъ приходилось еще правительству

¹⁾ «Моя вина, моя величайшая вина!» (слова католической молитвы «Confiteor»—«Каюсь»).

отражать и сдерживать; только тамъ еще жизнь пыталась выступить изъ тѣсныхъ береговъ цензуры и надзора, только тамъ еще чувствовалась упругость. Литература и учебныя заведенія были единственными граждански-доблестными, честными сферами дѣятельности не-податной Россіи того времени.

Сенать и синодъ, гражданское вѣдомство и военныя власти, дворянскія собранія и beau monde боялись не только оппозиціи, но всякой самобытности, боялись, чтобъ на нихъ не пало подозрѣніе въ *мнѣніяхъ*. Солидные люди съ внутреннимъ ужасомъ смотрѣли на отвагу Н. С. Мордвинова, державшаго не только имѣть, но и подавать *мнѣнія*. Николай едва сдерживалъ свою ярость противъ дерзкаго старца.

Одна литература, однѣ аудиторіи протестовали постоянно, протестовали, насколько могли, молчаніемъ и пропусками тамъ, гдѣ нельзя было словомъ, *запрещенными* стихами, ходившими по рукамъ, и намеками, ускользавшими подъ пальцами цензора. Теперешнее растлѣніе литературы и учебныхъ заведеній начинается съ нынѣшняго царствованія. Откупная журналистика и полицейскіе профессоры, проповѣдующіе философію рабства и пишущіе доносы цѣлой конференціей,—явленія совершенно новыя. Во все николаевское время не было аудиторіи, которая съ сочувствіемъ стала бы слушать доктрину слѣпого повиновенія; юшеник-консерваторы и гвернементалисты тогда вовсе не существовали; развитіемъ этой нравственной *собачьей старости*, которая сильно распространяется, мы обязаны послѣднимъ годамъ преподаванія и журналистикѣ.

Итакъ, не мы придали учено-литературному спору тридцатыхъ годовъ историческую важность въ умственномъ развитіи Россіи, а такъ было на дѣлѣ. О самомъ спорѣ мы не будемъ распространяться—объ немъ писали много; мы только напомнимъ, что одна сторона стремилась продолжать петровскій переворотъ въ смыслѣ *революціонномъ*, усваивая Россіи все выработанное народами съ 1789 и перенося на нашу почву англійскія учрежденія, французскія идеи, германскую метафизику. Считаая западныя формы гражданственности выше формъ топорной работы Петра I и его наслѣдниковъ, они были совершенно правы; но принимая ихъ за *единоспасающія*, общечеловѣческія формы, идущія ко всякому быту, они впадали въ вѣчную ошибку французскихъ революціонеровъ. Противники ихъ возражали имъ, что формы, выработанныя западной жизнью, хотя бы и имѣли общечеловѣческое развитіе, но рядомъ съ нимъ должны были сохранити и свои частно-народные элементы; что эти элементы останутся намъ чужими и не удовлетворяютъ насъ, потому что у насъ другія притязанія и другія препятствія, другое прошедшее и другая обстановка въ настоящемъ. Къ этому присоединялась вѣра въ элементы, лежащіе въ бытѣ народномъ, и раздражительная обидчивость за прошедшее.

До ясности не договорились ни тѣ, ни другіе, но по дорогѣ было возбуждено множество вопросовъ; въ полномъ разгарѣ спора его настигла февральская революція. Она является тѣмъ третьимъ, который своею кровью поставилъ точки на «і». Мрачное время для Россіи между 1848 годомъ и Крымской войной имѣеть для насъ большое значеніе, на которое, кажется, не было обращено достаточнаго вниманія.

Коненія, начавшія послѣ революціи 48 года, противъ печатнаго слова и преподаванія, перешли всѣ границы тупого и гнуснаго; они были гадки, они были смѣшны, они довели литературу до угрюмаго молчанія, *но говорить въ смыслѣ николаевскаго консерватизма не заставили ее.* То же было въ преподаваніи: наружно подавленное, оно внутри осталось вѣрнымъ своему святому призванію пропаганды, очеловѣченія. И если столичные профессора были иногда стѣсняемы докучливымъ надзоромъ и доносами, то преподаваніе шло своимъ чередомъ въ провинціальныхъ университетахъ, гимназіяхъ, семинаріяхъ, кадетскихъ корпусахъ и пр. Эта децентрализація образованія чрезвычайно важна не только географически, но и пониженіемъ, такъ сказать, ценза его; она сачивалась глубже и терялась на самыхъ границахъ грамотности. Мѣры правительства ни къ чему не привели.

Педагогія противостояла даже своего рода *chef-d'oeuvre*—ростовцовской инструкціи преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній.

Кто же сдѣлалъ это?

Это сдѣлалъ новый крикъ людей, возставшій внизу и вводившій исподволь свои новые элементы въ умственную жизнь Россіи. Онъ приобрѣталъ больше и больше права гражданства въ ней въ продолженіе того времени, какъ Николай сбивалъ верхушки и грубыми ударами уродовалъ оранжерейныя и нервно-развитыя организаціи.

Отщепенцы всѣхъ сословій, эти *новые люди*, эти нравственные разночинцы составляли не сословіе, *а среду*, въ которой на первомъ планѣ были учителя и литераторы, литераторы-работники, а не дилетанты, студенты, окончившіе и не окончившіе курсъ, чиновники изъ университетскихъ и изъ семинаристовъ, мелкое дворянство, оберъ-офицерскія дѣти, офицеры, выпущенные изъ корпусовъ, и проч. Новые люди, маленькіе люди, они были не такъ замѣтны и нравственно столько же свободнѣе прежнихъ, сколько связаннѣе матеріально. Бѣдность даетъ своего рода осмотрительную силу и строй.

Дворянски-помѣщичья Русь, въ которой до этого времени преимущественно сосредоточивалось умственное и литературное развитіе, была, помимо преслѣдованій, въ фальшивомъ положеніи. Она не могла серьезно провести ни одной мысли, не переходя черезъ ограду, оберѣгавшую ея сословныя права. Связанная образованіемъ съ формами европейской жизни, связанная крѣпостнымъ

состояніемъ съ петербургскимъ regimentомъ ¹⁾, она должна была отречься отъ своихъ монополій или невольно вносить противорѣчіе во всякій вопросъ. Для нея, какъ касты, была одна будущность—ограничить верховную власть царя олигархической думой; на это не было матеріальной силы. На выходъ изъ сословія не доставало силы нравственной. Типъ англомановъ и либераловъ-помѣщиковъ, захваченныхъ на своемъ стремительномъ пути къ парламентской свободѣ освобожденіемъ крѣстьянъ съ землею, останется на надгробномъ памятникѣ россійскаго благороднаго дворянства въ родѣ карикатурныхъ уродцевъ, которыми средневѣковые зодчіе украшали капители церковныхъ колоннъ.

Аристократическая Россія отступала на второй планъ, ея голье стало слабѣть; можетъ, она, какъ Николай, была сконфужена событіями 1848 года. Чтобъ оставаться народной въ литературѣ, ей пришлось оставить городскую жизнь, взять охотничье ружье и бить по землѣ и налету дичь крѣпостного права ²⁾.

Другая сила шла на смѣну, другая шеренга становилась на мѣсто истощившихся вождей и бойцовъ.

Еще въ людскихъ ухахъ раздавался звукъ погребальной процессіи Чаадаева, которая, шевеля многое въ груди, не давала ничего, кромѣ утѣшеній *на томъ свѣтѣ* какого-то далекаго будущаго, а уже свѣтлые звуки малороссійскаго напѣва неслись издали вмѣстѣ съ жартами и смѣхомъ, если и не добродушнымъ, то смѣхомъ здоровой груди ³⁾, а ужъ въ стертой журналистикѣ, скучной въ Москвѣ и истасканной въ Петербургѣ, вырѣзывались сильнѣе и ярче черты настоящаго представителя молодой Россіи, дѣйствительнаго революціонера въ нашей литературѣ.

Бѣлинскій былъ человѣкъ необыкновенно свободный, его ничто не стѣсняло—ни предразсудки схоластики, ни предразсудки среды; онъ является, полный вопросовъ, ищетъ разрѣшеній, не подтасовывая выводовъ и не пугаясь ихъ. Онъ откровенно ошибается и искренно ищетъ другого разрѣшенія; у него была въ виду одна истина и ничего, развѣ ея. Бѣлинскій вышелъ на сцену безъ герба, безъ знамени, безъ диплома, онъ не принадлежалъ ни къ какой церкви и ни къ какому сословію, онъ ничѣмъ не былъ связанъ и никому не присягалъ. Ему нечего было шадить, но зато онъ могъ всему сочувствовать... Въ первую минуту, когда онъ, искушаемый зміемъ нѣмецкаго любу мудрїа, увлекся *разумностью всего сущаго*, онъ безбоязненно написалъ свою «бородинскую» статью. Какую страшную чистоту надобно было имѣть, какую самобытную независимость и безконечную свободу, чтобъ напе-

1) Regiment—правительство.

2) Намекъ на литературную дѣятельность Тургенева въ періодъ «Записокъ охотника».

3) «Философическое письмо» Чаадаева появилось въ «Телескопѣ» въ 1836; первое изданіе «Кобзаря» Шевченка относится къ 1840 г.

чатать что-нибудь въ родѣ оправданія Николая въ началѣ *сороковыхъ годовъ!*

Эту чистоту ошибки поняли тѣ самые люди, которые не могли простить двухъ стихотвореній Пушкину ¹⁾, которые отвернулись отъ Гоголя за его «Переписку съ друзьями». На Бѣлинскаго многіе (и я въ томъ числѣ) сердились, но чувствовали, что заблужденіе искренне, что онъ воротится. Такъ и было.

Въ Бѣлинскомъ мы встрѣчаемъ ту великую отрѣшенность отъ впередъ идущихъ понятій и авторитетовъ, которая составляетъ отличительную черту и силу русскаго гения, ее смутно провидѣлъ Чаадаевъ, объ ней и мы говорили ~~■~~ого ²⁾.

Можетъ, эта отрѣшенность, эта внутренняя свобода съ внѣшнимъ рабствомъ лишила нашу жизнь многихъ теплыхъ минутъ, многихъ привязанностей, можетъ, она внесла въ нее сломанность, которая выражалась господствомъ ироніи. Но она дала намъ страшную независимость. Мы, какъ дѣти, незнавшія ни отца, ни матери, были бѣднѣе, но свободнѣе; наша мать и нашъ отецъ были идеалы, и потому не они стѣсняли насъ, а мы имъ втѣсняли очищенный образъ свой и свое подобіе.

Идеаль Бѣлинскаго, идеаль нашъ, наша церковь и родительскій домъ, въ которомъ воспитались наши первые мысли и сочувствія, былъ *западный міръ* съ его наукой, съ его революціей, съ его уваженіемъ къ лицу, съ его политической свободой, съ его художественнымъ богатствомъ и несокрушимымъ упованіемъ.

Идеаль Хомякова и его друзей былъ въ прошедшемъ народа русскаго, въ его бытѣ, преобразенномъ въ небывалой чистотѣ. Но апоѳеозъ, какъ бы ни былъ преувеличенъ, все же, въ немъ главныя черты истинны. *Humie* необходимо при всякомъ причисленіи къ лику святыхъ, и въ идеаль славянъ, сохранившемъ бытовья особенности нашего народа, было великое пророчество, принимаемое ими за воспоминаніе.

Которому изъ идеаловъ суждено было одолѣть? Или на чемъ они могли помириться и итти объ руку?

Элементы къ разрѣшенію этого вопроса принесла революція 1848 съ своими послѣдствіями.

По крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ споръ, о которомъ мы говорили, измѣнился.

¹⁾ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина».

²⁾ ...Nous sommes une immense spontanéité... l'intelligence russe est l'intelligence impersonnelle par excellence». *Tchaadaïeff*. Lettres à Al. Tourgeneff. А. И. Г. °)

^{°)} Наша внутренняя свобода безгранична... русскій умъ—умъ преимущественно объективный.

Изъ письма 1835 г.; приведено съ произвольной перестановкой взятыхъ двухъ отрывковъ фразъ, слѣдовавшихъ въ обратномъ порядкѣ и на далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

III.

О переворотѣ 1848 г. мы говорили много. Мы были имъ увлечены, какъ весь міръ; онъ даже увлекъ своихъ противниковъ, они тоже не устояли на мѣстѣ и пошли гораздо дальше въ свою сторону.

Увлеченіе недолго продолжалось, но люди долго не могли прійти въ старое русло. Собственно, революционный приливъ перегнулся съ страшной быстротой, и всѣ скрывавшіеся подводные камни, скалы и отмели гордо подняли свою вновь вымытую голову.

Послѣдняя карта *прежней* революціи была дана, отыгаться *этой колодой* она не могла. Она это чувствовала,—неясно, но чувствовала. Февральская республика начиналась разочарованіемъ, не вѣрой въ себя, а сомнѣніемъ. Она явилась робко, неоткровенно, дурно одѣтая и окруженная мѣщанской родней.

Достигнуть ли идеаль или нѣтъ,—это все равно, онъ останется живъ и силенъ въ сердцѣ человѣческомъ, но бѣдное осуществленіе убиваетъ его.

Люди гораздо больше поэты и художники, чѣмъ думаютъ.

Республика 1848 года была слишкомъ рациональна, чтобъ быть религіей, и слишкомъ религіозна, чтобъ сосредоточиться на экономическомъ вопросѣ. За нее не могли люди фанатически умирать, какъ они умирали за *непонятные* догматы, именно потому, что въ ней не было этого *непонятнаго*, а понятная программа ея не настолько была выгодна, чтобъ ее защищать своей жизнью. Самое безпристрастіе ея къ врагамъ, ея будничная справедливость дѣлала людей равнодушными. Она представляла голая стѣны пустаго зданія—мощный духъ 1792 года не наполнялъ его больше. Тогда знали, что зданіе не окончено, что прежде, чѣмъ его достраивать, надобно его отстоять отъ внутренняго и внѣшняго врага. Республика являлась тогда не столько достигнутымъ благосостояніемъ, какъ протестомъ и пророчествомъ, мстительницей за вѣковую несправедливость, за кровныя обиды. Она, Немезида, сулила людямъ братство и свободу и ей вѣрили; она давала только надежды и ими довольствовались. Вторая обѣщала меньше, а требовала отъ нея больше. Работники ей давали *только* три мѣсяца голода—не больше. Она заплатила въ срокъ, только не золотомъ, а свинцомъ и желѣзомъ.

Старая, уже *безплодная* республика побѣдила новую, еще *не плодоносную*, и тотчасъ сама оказалась побѣжденной. Съ нея сорвали фригійскую шапку—народъ молчалъ, у нея отняли пику—народъ молчалъ, у нея отняли имя—народъ молчалъ, пчелы облѣпили ея мантию—народъ молчалъ.

Новый идеаль былъ отринуть. Соціальный Адонай ¹⁾ не былъ такъ счастливъ, какъ Юпитерь: не увлекъ Европу ²⁾. Онъ не имѣлъ еще той творческой возмужалости, которая увлекаетъ, нарождаетъ. Въ немъ было много школьнаго, отвлеченно-теоретическаго; его еще занимали пансіонскія попытки пересоздать родъ человѣческой въ какомъ-нибудь запусѣломъ монастырѣ, въ саду въ пять квадратныхъ десятинъ... Къ тому же его гнала со свѣта ревниво и страстно—не церковь съ инквизиціей, не тронъ съ гвардіей, а полицейская республика. Она, какъ императрица Екатерина II, забыла сына въ наслѣдникѣ и, боясь его правъ, старалась извести его. Мать и сынъ пали въ этой борьбѣ. Выигрыши были даже не со стороны монархическаго принципа, а со стороны *политици*, со стороны управы благочинія и внѣшняго уличнаго порядка.

И въ то самое время, когда революція, побитая на всѣхъ точкахъ, уступала все пріобрѣтенное съ 1789, испуганное самодержавіе въ Россіи со всей свирѣпостью трусости и невѣжества, безъ нужды и смысла раздавивши Венгрію, бросилось на преслѣдованіе мысли, науки, всякаго гражданскаго стремленія.

Казалось, все оставило возникавшее русское развитіе, казалось, что оно исчезнетъ, какъ неудачная попытка, и мы погрузимся въ новое тысячелѣтіе крѣпостнаго состоянія, варварства, византизма.

Свѣтъ, входившій изъ Европы въ трещины нашей острожной стѣны, сталъ меркнуть, трудно было что-нибудь различить; на Западѣ одни темныя облака неслись, толкали другъ друга, мѣняли случайныя очертанія, сгущались, обѣщая грозу и разрѣшаясь осеннимъ дождемъ и слякотью. И этотъ-то мракъ самодержавная полиція лишила послѣдняго утѣшенія, послѣдняго признака жизни,—звука, человѣческаго слова. Россія онѣмѣла. Тогда-то, долго терпѣвши и не видя выхода, Грановскій, утомленный, измученный, благословлялъ судьбу умершаго Бѣлинскаго и завидовалъ его смерти!.. Тогда-то онъ, страстно любившій Россію, просилъ найти ему какую-нибудь кафедру въ Бельгіи, потому что, если и были у него силы умереть за Россію, то жить въ ней не было больше.

А жизнь шла своимъ чередомъ.

Живуча русская жизнь—всѣ невыгоды, всѣ удары сошли ей съ рукъ. Отчего? Не оттого ли, что они не по тѣмъ мѣстамъ били, отъ которыхъ *завистли жизнь и ростъ этого страннаго организма?*

Въ самый пущій разгаръ деспотизма и гоненій въ Россіи и реакціи въ Европѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ господствующее направленіе умовъ начинаетъ заботиться о другихъ вопросахъ. Хомяковъ, К. Аксаковъ и ихъ кругъ обращаютъ особенное вниманіе на русскую *сельскую общину, на общинное владѣніе землей.*

¹⁾ По-еврейски—Богъ.

²⁾ Намекъ на мифъ о похищеніи Европы Юпитеромъ, принявшимъ видъ быка.

Кругъ Петрашевскаго въ Петербургѣ программой своихъ занятій дѣлаетъ изученіе *соціально-экономическихъ теорій*.

Славянофилы выходили этимъ путемъ изъ археологіи.

Кружкомъ Петрашевскаго начинается обратное движеніе, которое по необходимости овладѣло умами послѣ 14 декабря. Практическое движеніе, ушедшее тогда въ книгу, рвалось снова изъ книги въ практическую дѣятельность. Кружокъ Петрашевскаго сложился въ общество: правительство его приняло за заговоръ. Заговора не было, но Липранди, какъ трюфельная ищейка, чуялъ его.

Петрашевцевъ вывели на площадь, сдѣлали маневры разстрѣливанія и разослали въ цѣпяхъ по «мертвымъ домамъ», по каторгамъ; а ихъ мысли бродили, высказываясь въ частныхъ спорахъ, бесѣдахъ.

Одно ужасало всѣхъ—непреодолимая сила императорской власти. Всѣ человѣческія стремленія бились бесплодно въ какія-то неприступныя гранитныя ограды...

Вѣра въ эту непреодолимую силу самого Николая спасла Россію,—она привела въ Ботнической заливъ флотъ Sir Charles Napier'a ¹⁾.

Николай съѣздитъ посмотрѣть на него и воротился съ составившимися глазами, съ осунувшимся лицомъ.

Онъ понялъ бѣду... чары исчезали.

Съ каждымъ залпомъ въ Крыму громовое эхо потрясало Петербургъ; стѣны Зимняго дворца разсѣдались. Всѣ стали догадываться, что только обшивка была гранитная, а внутри щебень. При исторически-казенной постройкѣ всероссійскаго императорства, какъ при всѣхъ казенныхъ постройкахъ, какое-нибудь интендантство крало.

Николай понялъ, что скрыть этого нельзя; бродя безъ сна какимъ-то привидѣніемъ по заламъ своего дворца и заставляя часовыхъ молиться на колѣняхъ о побѣдѣ, онъ сталъ обдумывать *измѣны*,—*измѣны* всему, что считалъ святымъ, за что вытравилъ въ себѣ человѣческое сердце и сгубилъ два-три молодыхъ поколѣнія. Онъ хотѣлъ кликнуть кличъ къ славянамъ, возстановить ненавистную Польшу и поставить на ноги только-что задавленную имъ Венгрію, лишь бы снова Зимній дворецъ сталъ незыблемъ и грозенъ, лишь бы гранитную обшивку снова приняли за сплошную скалу, лишь бы не было больше видно колеблющихся мачтъ Sir Charles Napier'a и не слышно эха севастопольскаго грома... Пусть ополчается крестьянинъ, пусть дружины сами выбираютъ себѣ начальниковъ!

Это былъ конецъ темнаго петербургскаго царства. Далѣе полицейскія плотины не могли удерживать напора, да и самъ вахтеръ не могъ далѣе удержаться.

¹⁾ Чарльзъ Непиръ, англ. адмиралъ, предводительствовавшій балтійскимъ флотомъ въ Крымскую войну.

Мрачно подавленное неудовольствіе приподняло голову, шептаніе замѣнилось ропотомъ: «что же это такое? за кровь, за деньги, за лишеніе всѣхъ правъ человѣческихъ они не умѣютъ защитить земли отъ непріятели, живущаго за тридевять земель и приплывшаго на корабляхъ?!». Нельзя печатать—рукописныя тетради ходятъ изъ рукъ въ руки, читаются вслухъ,—нѣтъ прежняго страха. *Онъ умеръ*, чего же бояться? Всѣ забыли, что *другой онъ живъ*. И вотъ, сквозь прорвавшуюся плотину понесся мутный и пѣнящійся потокъ либеральныхъ и консервативныхъ помоевъ, увлекая съ собою всякую всячину: черепки философскихъ системъ, обломки соціальныхъ мыслей, трупы утопшихъ экономическихъ ученій, скелеты конституцій, словомъ, все, прибитое къ цензурнымъ стѣнамъ и лежавшее тамъ годы, всплыло въ старомъ костюмѣ, съ тиной и мохомъ. За это-то и сердились солидные люди; имъ хотѣлось, чтобъ изъ объятій Николая Россія вышла Минервой—при совѣ, глобусѣ и циркулѣ.

Большой бѣды въ этомъ столпотвореніи вавилонскомъ не было; не въ самомъ же дѣлѣ мысль русская сдѣлалась бы *зрѣльте* въ курткѣ каторжнаго, въ которой держалъ ее Николай. Вообще, *гигиеническая* воздержность въ ожиданіи зрѣлости вовсе ненатуральна.

Какъ только человѣкъ видитъ возможность принять участіе, дѣйствовать, дѣйствіе становится для него физиологической необходимостью. Оно можетъ быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, *но не можетъ не быть*. Никакая религія, никакая общественная теорія не доходитъ до полноты сознанія прежде начала осуществленія. Въ приложеніи она узнаетъ свои односторонности, выполняетъ ихъ, отрекается отъ нихъ. «Зелена жизнь и сѣда наука»¹⁾, говорятъ сами нѣмцы, утратившіе за плоды отъ древа теоретическаго вѣдѣнія не только всякое значеніе въ кругу народовъ, но всякое уваженіе ихъ.

Всплывшій вздоръ уплываетъ, а движеніе волнъ остается. Привычки участія, заявленія своей воли, своей мысли не пройдутъ.

Тамъ, гдѣ есть движеніе, нечего бояться и приходитъ въ отчаяніе. Неподвижна смерть, и трупъ молчаливъ,—жизнь не пропала тамъ, гдѣ говорятъ всякую всячину, а тамъ, гдѣ вѣка повторяютъ одно и то же, какъ на Аѳонской горѣ, тамъ, гдѣ говорятъ готовыми фразами,—готовыя понятія и застывшія мысли. Сверхъ того, говорить *вновь* у насъ не было легко; намъ все приходилось говорить *вновь* и къ тому же еще надобно было перечить почти всему, сказанному нашими учителями, принятому давнымъ-давно всѣми. Освобождаясь втихомолку отъ идолопоклонства самодержавія, мы, не замѣчая, попадали на тропинку къ другой церкви, къ другому идолопоклонству, но вѣры въ себѣ въ

¹⁾ Мефистофель въ гетевскомъ «Фаустѣ» говоритъ: «Безцвѣтна, дорогой другъ, всякая теорія, но зеленѣетъ золотое дерево жизни».

него не нашли. Для всякаго западнаго народа переходъ отъ теологической монархіи къ теологически либеральному православію былъ легокъ. Наше счастье и несчастье въ томъ, что мы довольствуемся меньшимъ, чѣмъ они, а требуемъ гораздо больше. Дай намъ протестантизмъ—мы сдѣлаемся духоборцами, коснись до крѣпостного права—мы требуемъ и землю. Чувство говоритъ намъ, отставшимъ, намъ, рабамъ, что общественная религія опередившихъ насъ *не наша*; что же удивительнаго, что все это выражалось неловко, хаотически, съ отчаяннымъ нигилизмомъ и безнадежнымъ православіемъ? Себѣ самой уяснялась мысль, всякими крайностями переходя изъ ребяческаго состоянія инстинкта въ возможность сознанія!

Правильны или неправильны были результаты, было ли въ нихъ больше *зрѣлости*, чѣмъ *стѣмянъ*, или наоборотъ,—одно не подлежитъ сомнѣнію: это былъ новый взмахъ жизни, новый плескъ освобожденной волны; оставаясь въ тѣхъ же цѣпяхъ, подъ тѣми же затворами, мы стали больше свободными людьми.

Въ подтвержденіе этого я приведу замѣчательный фактъ, на который мало обращали вниманія. Рядомъ съ подкупной литературой, съ журналами на казенныхъ подрядахъ, съ III Отдѣленіемъ на университетскихъ кафедрахъ, общественная нравственность чрезвычайно поднялась. Мужество своего мнѣнія, утраченное окончательно въ прошлое царствованіе, появляется снова, не боясь отвѣтственности.

Съ декабристами у насъ исчезаетъ *гражданская доблесть*. Борьбой этихъ побѣжденныхъ, но не низложенныхъ титановъ оканчивается героическій періодъ оппозиціи. Во все царствованіе Николая тонъ политическихъ подсудимыхъ былъ уклончивымъ и основывался на заpirationствѣ. Равнодушіе общества убивало бесплодную отвагу.

Это измѣнилось въ послѣднее время.

Человѣкъ, гонимый за свои мнѣнія, за слово, снова гордо стоитъ предъ судомъ; онъ за стѣной чувствуетъ сочувствіе хора, онъ знаетъ, что его слово жадно слушается, онъ знаетъ, что его примѣръ будетъ великою проповѣдью.

Грустно, твердо явился Михайловъ предъ сенатомъ. Богатѣльня стариковъ, судившихъ его, обомлѣла. разинула ротъ; въ прохожденіи ихъ долгодѣтельной военной и гражданской службы они ничего подобнаго не слыхали. Рьяный Бутурлинъ требовалъ смертной казни за дерзость подсудимаго.

Спокойно, мужественно стояли юноши Арнольдтъ, Сливицкій и Ростковскій передъ рейтерами¹⁾, которымъ велѣно было ихъ осудить на смерть.

¹⁾ Рейтерами, или рейтарами, назывались въ средніе вѣка наемные конные полки; здѣсь означаетъ *солдатъ* съ намекомъ на составъ военнаго суда.

«Вы писали это неподписанное письмо къ Лидерсу?» спрашиваетъ презусъ¹⁾ Арнгольдта. «Я, отвѣчаетъ Арнгольдтъ, но я не успѣлъ его кончить»,—беретъ перо и подписываетъ свое имя.

И это—не отдѣльные примѣры, не исключенія, это становится нормой; такъ поступили другіе офицеры, Обручевъ, напр., такъ поступилъ заслуженный, покрытый ранами подполковникъ Красовскій и молодой гардемаринъ Трувеллеръ.

«Я публикую мой проектъ подъ своимъ именемъ; пора намъ перестать бояться и, если мы хотимъ, чтобы съ нами перестали обращаться, какъ съ дѣтьми, намъ надобно перестать дѣйствовать по-дѣтски; тотъ, кто хочетъ правды и справедливости, долженъ умѣть безбоязненно стоять за нихъ».

Когда я прочелъ эти строки въ брошюрѣ Серно-Соловьевича; мнѣ казалось, что я, мы выросли; такія слова, такія выраженія не существовали въ николаевское время; они дѣлаютъ грань въ исторіи, по которой можно мѣрять, сколько вѣрствъ мы отъѣхали отъ *незабвеннаго* этапа.

Когда люди такъ *забываются*, такъ *закосятся*, такъ дерзко выдаютъ себя, тогда, въ самомъ дѣлѣ, имъ *нужна правда и справедливость*, а не милость царская и монаршая ласка.

Эти слова, эти отвѣты передъ судомъ палачей, въ виду заряженныхъ ружей, въ виду каторги молодое поколѣніе можетъ положить на вѣсы; они лучше всего оправдаютъ *дѣтей* противъ *отцовъ*, если бы отцы, въ самомъ дѣлѣ, нападали на нихъ. Ими они легко искупаютъ и угловатость формъ и заносчивый языкъ.

Это нравственно-доблестное отношеніе, сильно заявляющее себя въ русскомъ обществѣ, не оставляетъ ему выбора не только между царемъ и Польшей, *но между молчаніемъ и словомъ*. Забитый, потерявшійся человѣкъ, молчавшій на все, могъ молчать облитый невинной кровью, но послѣ Михайлова и «Великорусса», послѣ разстрѣлянныхъ офицеровъ и Красовскаго²⁾, послѣ того, какъ вся Россія видитъ необходимость Земскаго Собора, чтобы взять въ опеку правительство, неспособное и, туда же, злое,—*мы не можемъ молчать* передъ убіеніемъ цѣлаго народа, —передъ убіеніемъ, которое совершается нашими руками, на наши деньги, нашимъ повиновеніемъ.

У насъ даже тѣхъ печальныхъ правъ нѣтъ, на которыя могли бы опереться западные народы. Гдѣ у насъ изувѣрство, заставляющее человѣка поддерживать честь знамени, въ какомъ бы безчестномъ дѣлѣ оно ни явилось? У насъ нѣтъ алчнаго патриотизма, теряющаго всякую идею справедливости, когда можно стяпать клочокъ земли. У насъ нѣтъ и того педагогическаго крети-

¹⁾ Предсѣдатель военнаго суда.

²⁾ Андрей, подполковникъ, пропагандировалъ въ войскахъ; дѣло о немъ въ № 162 «Колокола» и на стр. 29—32 «Матеріаловъ» Богучарскаго.

низма ученаго раба, помогающаго своему ландесфатеру ¹⁾ не выпускать на волю народовъ, подпавшихъ одному ошейнику съ нимъ, потому что эти народы не кончили еще ихъ *akademische Studien* ²⁾).

Проснувшіеся русскіе не имѣютъ права на такой патріотизмъ, — онъ ниже ихъ мысли; сознание обязываетъ еще больше, чѣмъ дворянство.

Торопитесь же заявить вашъ голосъ!

Торопитесь для того, чтобы во-время отвязать вашу лодку отъ императорской барки и заявить вашъ неказенный флагъ. Торопитесь, чтобы защитить народъ русскій. Торопитесь, чтобы не остались безъ протеста подлые, подкупные органы, натравливающіе русскихъ солдатъ на поляковъ, чтобы нечистая рѣчь ихъ потерялась за вашимъ крикомъ негодованія.

Мы ждемъ васъ! «*Земля и Воля*» дала вамъ примѣръ.

2085. Нравоученіе.

М. В. Д.

Исправляющаго должность

Военнаго Губернатора Г. Гродно

Г. Гродненскому полицмейстеру.

и

Гроднен. Гражд. Губернатора.

По канцел. стола 4, № 110.

21 января 1863 г.

г. Гродно.

«Господинъ генераль-губернаторъ, по случаю объявленія края на военномъ положеніи, просить меня сдѣлать

распоряженіе, чтобы помѣщики находились въ ихъ имѣніяхъ и не собирались не только въ губернскіе, но и въ уѣздные города. Давая о семъ знать вашему высокоблагородію, предписываю обязать всѣхъ находившихся въ Гроднѣ помѣщиковъ подпискою немедленно выѣхать отсюда въ ихъ имѣнія и не отлучаться изъ оныхъ въ города, о послѣдующемъ же съ представленіемъ подписокъ помѣщиковъ мнѣ донести, не оставивъ наоблести за исполненіемъ помѣщиками данныхъ ими обязательствъ.

Генераль-маіоръ,

Правитель канцеляріи *Ласточкинъ*.

¹⁾ *Landesvater*—отецъ своего народа; такъ въ старину любили называть себя нѣмецкіе владѣтельные князья.

²⁾ Университетское образованіе.

Съ ужасомъ и отвращеніемъ напечатали мы этотъ кровавый документъ и будемъ ждать, когда «Инвалидъ» опровергнетъ его достовѣрность. Мы хотѣли бы задернуть покровъ и скрыть не гробъ, а зіяющія раны,—мы устали, читая и читая всякій день объ этихъ ужасахъ. Молча хотѣли бы мы оплакать судьбу несчастныхъ крестьянскихъ дѣтей, изъ которыхъ правительство воспитываетъ своихъ бульдоговъ, но молчаніе невозможно передъ цинизмомъ официальной прессы. Есть какое-то приводящее въ ужасъ легкомысліе въ отрицаніи неопровержимыхъ преступлений императорскими *лейбъ-скрибальерами* ¹⁾, особенно, когда къ ихъ укравательству прибавляется царская благодарность грабившимъ солдатамъ «за молодецкое поведение». Нельзя молчать при видѣ монарха, ласкающаго пьяныхъ грабителей и приголубливающаго дикихъ убійцъ... Стукъ деревяшкой калѣки «Инвалида» не заглушаетъ, а дѣлаетъ звучнѣе стонъ умирающихъ отъ *молодечества* милыхъ шалуновъ.

2086. Манифестъ.

Желая разомъ ободрить государя императора и Польшу, правительствующая редакція «Русскаго Вѣстника» напечатала манифестъ, въ которомъ находимъ слѣдующія державныя слова, должнствующія запечатлѣться въ сердцахъ истинныхъ подданныхъ: «Мы чувствуемъ себя народомъ великимъ и сильнымъ. Мы еще стоимъ за себя и въ то же время съ *божіею помощію* не забудемъ о долгѣ справедливости къ родному намъ народу польскому». *МИХАИЛЬ* ²⁾—ждали мы въ концѣ, но манифестъ безъ подписи.

«Мы съ *божіею* споспѣшествующею милостію!» Каковъ нашъ Мазаниелло ³⁾! И каковъ

Литературный Липранди!

Вотъ образчикъ жандармской литературы, обѣщанный нами изъ III Отдѣленія «Русскаго Вѣстника».

«...Рокъ не до конца прогнѣвался на Польшу. Онъ поразилъ ее, но онъ же и судилъ ей рѣдкое счастье: на противной сторонѣ, въ самомъ разгарѣ битвы полякъ *находитъ себѣ союзниковъ*, которые готовы подписать, не разбирая, всѣ его условія. На русской сторонѣ *находитъ онъ людей*, которые съ трогательнымъ великодушіемъ готовы принести ему въ жертву интересы своей родины, цѣлость и политическое значеніе своего народа, *находить* людей, готовыхъ изъ чести послужить ему послушными орудіями.

¹⁾ Scriba—писарь.

²⁾ Имя Каткова.

³⁾ Masaniello, или, вѣрнѣе, Tomaso Aniello,—предводитель возстанія Неаполя въ 1647 г.

«19 февраля, въ самый день восшествия на престолъ нынѣ царствующаго императора и вмѣстѣ въ годовщину освобожденія столькихъ миллионѣвъ народа отъ крѣпостной зависимости, разбрасывалось въ Москвѣ новое издѣліе нашей подземной печати. Мы, было, думали, что эта забава уже надоѣла нашимъ прогрессистамъ, но вотъ передъ нами новая прокламація со штемпелемъ «Земля и Воля». Авторы этого подметнаго листка, говоря отъ лица русскаго народа, взываютъ къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ, убѣждая ихъ покинуть свои знамена и обратиться свое оружіе противъ своего отечества. Такого поступка нельзя было бы ожидать даже отъ нашихъ прогрессистовъ. *Это еще хуже пожаровъ.* Но надобно думать, что прокламація эта, какъ и многое другое, есть дѣло *амиссаровъ польской революціи*, хотя нашему народному чувству оскорбительно и больно, что наши враги такъ низко думаютъ о насъ, разсчитывая на успѣхъ подобной продѣлки. ¹ Эти пророки и герои Русской земли (какъ польскіе агитаторы чествуютъ ихъ, лѣстя ихъ глупости) сами не подозрѣваютъ, чихъ рукъ это созданіе.

«Авторы этой прокламаціи не соглашаются на то, чтобы Польша оставалась въ соединеніи съ Россіей. Какое право имѣемъ мы, восклицаютъ они, хозяйничать въ Польшѣ, когда она сама этого не желаетъ? Какое право! Вотъ до какой метафизики восходятъ наши патріоты! Все зло міра сего хотятъ они взыскать съ своего народа. Они не спрашиваютъ, по какому праву дѣлается что-нибудь въ другихъ мѣстахъ.

«Борьба наша съ Польшей не есть борьба за политическія начала; это борьба двухъ народностей и уступить польскому патріотизму въ его притязаніяхъ значить подписать *смертный приговоръ русскому народу*. Пусть же наши недруги изрекаютъ этотъ приговоръ: русскій народъ еще живъ и сумѣетъ постоять за себя. Если борьба приметъ тѣ размѣры, какіе желалъ бы придать ей польскій патріотизмъ и наши заграничные порицатели, то не найдется *ни одного русскаго*, который бы не поспѣшилъ отдать свою жизнь въ этой борьбѣ».

До какихъ *казенныхъ объявленій* можетъ довести безкорыстный патріотизмъ. Но, по счастью, скоро не будетъ ни «Русскаго Вѣстника», ни «Московскихъ Вѣдомостей»: казенныя объявленія перейдутъ къ мирному Николаю Филипповичу¹⁾, и два атлета съ лядункой черезъ плечо поспѣшатъ рѣзать поляковъ въ вящую славу *русскаго имени*²⁾.

◆◆ 1. Герценъ пропустилъ здѣсь слѣдующія слова Каткова: «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, русскій народъ подалъ поводъ къ та-

¹⁾ Павловъ, редакторъ «Нашего Времени».

²⁾ Герценъ зналъ, что Павловъ хлопоталъ о передачѣ ему казенныхъ объявленій.

кому презрительному мнѣнію о себѣ? Какъ бы то ни было, фактъ передъ глазами: значить, есть что-нибудь у насъ, оправдывающее такую тактику нашихъ враговъ; есть, стало-быть, къ стыду нашему, такіе элементы у насъ, на которые могутъ они расчитывать и которые своимъ существованіемъ клеветуютъ на свою родину. Польскіе агитаторы образовали у насъ домашнихъ революціонеровъ и, презирая ихъ въ душѣ, умѣютъ ими пользоваться».

2087. (Графъ Ностицъ).

Графъ Ностицъ, генераль-маіоръ, усмирившій такъ успѣшно мятежниковъ, что заслужилъ высочайшую благодарность, вдругъ *разстроилъ свое здоровье*, что попросилъ и получилъ увольненіе отъ командованія отрядомъ. Какъ несчастія преслѣдуютъ въ Польшѣ храбрыхъ русскихъ генераловъ, съ Дибича начиная. Давно ли ударъ паралича сразилъ храбраго Рамзая? Давно ли цвѣтущій Ламбертъ разстроилъ свое здоровье и здоровье Герштенцвейга?

2088. (Нечай).

Нечай разстрѣлянъ такъ, какъ разстрѣляны нѣсколько офицеровъ изъ предводителей. Какъ торопятся они убивать плѣнныхъ,—и чему же дивиться, что солдаты ихъ просто прикалываютъ безъ военно-судной пародіи,—торопятся потому, что боятся не успѣть. Шакалы порядка!

2089. Совсѣмъ пошелъ въ Николаи.

«В. Спб. Г. П.»¹⁾ сообщаютъ слѣдующее дикое распоряженіе государя-реформатора юридической части:

15 февраля на Невскомъ проспектѣ крестьяне Аванасьевъ и Ивановъ сорвали съ головы прохожаго бобровую шапку. *По докладу* о поступкѣ означенныхъ крестьянъ государю, е. в. повелѣтъ соизволилъ: крестьянъ Аванасьева и Иванова *отдать въ солдаты* съ тѣмъ, чтобы они служили въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ. О такомъ высочайшемъ повелѣніи дано знать 2-му департаменту управы для немедленнаго приведенія его въ исполненіе».

Неужели нѣтъ у насъ закона о краденыхъ шапкахъ? Неужели надобно объ этомъ докладывать государю? Неужели съ тѣхъ поръ, какъ армія наша побѣждаетъ грабежомъ, ее снова дѣлаютъ арестантскими ротами? Николай Филипповичъ, «Сѣверная Почта», «Московскія Вѣдомости», защитники царскаго прогресса! объясните намъ, по какимъ законамъ судить у насъ Земскій Царь?

¹⁾ «Вѣдомости Спб. Городской Полиціи».

2090. Крестьяне-демагоги.

Корреспонденція Bullier передала вѣсть, что «Сѣв. Почта» объявила высоч. повелѣніе, чтобъ указъ о *крестьянахъ-демагогахъ* 1861 года остался во всей силѣ въ 1863. «Нордъ» съ нѣкоторой горячностью замѣтилъ, что указа о *крестьянахъ-демагогахъ* никогда не существовало, а что, точно, былъ указъ, но это насчетъ крестьянъ возмутителей (*instigateurs de troubles*) ¹⁾, и этотъ указъ, дѣйствительно, продолженъ, но вовсе не потому, чтобъ опасались чего-нибудь со стороны крестьянъ, «а со стороны революціонныхъ пропагандистовъ».

Итакъ, ошибка Bullier состояла въ томъ, что онъ назвалъ *instigateurs de troubles* демагогами. Въ Вяткѣ ихъ зовутъ коштанами ²⁾, такъ бы Bullier и назвалъ *peysans kochetans*, а крестьянъ-демагоговъ въ Россіи нѣтъ.

2091. Командиръ бренбургскаго кирасирскаго регимента

Обристомъ ³⁾ этого регимента король-дядя назначилъ императора *aller Reussen* ⁴⁾. Хотя въ Пруссіи и не такъ выгодно быть командиромъ кавалерійскаго полка, какъ въ Россіи, но на всякій случай хорошо имѣть почетное мѣсто удаленія въ Потсдамѣ. Въ 1848 неаполитанскій король ⁵⁾, упорно защищая королевское право измѣнять присягѣ, сказалъ разъ министру: «*Io sono nato libero e voglio morire libero*» ⁶⁾; я не позволю вамъ диктовать мнѣ законы; если-бъ дошло до этого, то помните: «я командиръ полка въ русской арміи и поѣду въ Петербургъ».

2092. Возвращеніе е. и. в. главнокомандующаго дѣйствующей арміей въ Варшаву.

Е. и. в. Константинъ Николаевичъ *наканунъ* своего отъѣзда благополучно возвратился въ Варшаву.

Слухъ о ссорѣ Константина Николаевича съ императоромъ подтверждается. Позенскій ⁷⁾ корреспондентъ «Таймса» говоритъ,

1) Подстрекатели къ безпорядкамъ.

2) Мירוѣдъ, горланъ, коноводъ на сходкахъ, тяжebникъ.

3) Obrist—полковникъ.

4) Всея Руси.

5) Фердинандъ II.

6) Я родился свободнымъ и умереть хочу свободнымъ.

7) Михаилъ Павловичъ Позень.

что петербургская дворянка долго подкапывается подъ него, и прибавляетъ божественную фразу: «By the old Russian, or what is the same, the German party at St.-Petersburg—his retreat has been long desired» ¹⁾. Наконецъ-то, поняли, что old Russian party ²⁾ это-то и есть *нѣмецкая* партія военнаго деспотизма, неограниченнаго самодержавія, ритертура, юнкертура, педантства и доктринаризма,—партія, идущая со временъ Петра I разными Минихами, Остерманами, Биронами, Нессельродами, Клейнмихелями до Шильдеръ-Шульднеровъ и прочихъ Куръ-, Эстъ- и Лифъ-ляндскихъ Шульцовъ и Миллеровъ.

2093. Графиня Хрептовичъ и архіерей Фелинскій.

Какое-то письмо гр. Хрептовичъ ³⁾, въ которомъ она показывала сочувствіе къ полякамъ, попало въ великому князю; отсюда огорченіе, удаленіе. Затѣмъ—ужъ чего, кажется, крѣпки нервы у католическаго архіерея, а тоже не выдержали—и Фелинскій ⁴⁾ не хочетъ оставаться въ «совѣтѣ нечестивыхъ».

Oh, Charles, oh, mon roi,
Tout le monde t'abandonne ⁵⁾.

2094.

ПОБѢДЫ НА ПОЛѢ ТЕЛЕГРАФА (какъ выразился «Daily Telegraph»). Гдѣ ни встрѣчали инсургентовъ русскіе отряды, вездѣ они ихъ разбили, разсѣяли... Куровскій былъ два раза убитъ, и видя, что это не помогаетъ, самъ застрѣлился и потомъ попалъ въ плѣнъ. Его, говорятъ, будутъ судить за самоубійство. «Инвазидъ» извѣщаетъ, что 11 марта Падлевскій убитъ. «Le Nord», повторяя эту вѣсть, прибавляетъ, что покойникъ не безъ успѣха на другой день напалъ на русскихъ. Обозъ Лангевича былъ отбитъ и уничтоженъ четыре раза. При этихъ побѣдахъ съ нашей стороны всякій разъ убивался неизмѣнный *казахъ* и тяжело ранился одинъ рядовой. Шайки, состоявшія изъ 200—300 чело-

¹⁾ Его ухода давно желала старо-русская, т. е. нѣмецкая, партія въ Петербургѣ.

²⁾ Старо-русская партія.

³⁾ Е. К., урожд. Нессельроде, жена бывшаго дипломата, тогда управляющаго дворомъ вел. кн. Константина Николаевича, оставившаго эту должность въ мартѣ 1863 г.

⁴⁾ Сигизмундъ-Феликсъ, архіепископъ-митрополитъ варшавскій.

⁵⁾ О, Карль, о, мой король,
Всѣ тебя покидаютъ.

вѣкъ, дурно вооруженныхъ, *соединились* (по телеграммѣ, помѣщенной въ «Le Nord») *отъ отчаянія* въ 6000 войско... Мудрено ли, что поляки побѣждаютъ, когда они сражаются послѣ смерти и собираются въ тройномъ количествѣ послѣ пораженія? Не даромъ «Сѣв. Пчела» ²/₁₄ марта говоритъ: «Это напоминаетъ донесенія сардинскихъ проконсуловъ въ Неаполѣ, которые все пишутъ о подавленіи возстанія такъ, что если поймать ихъ на словѣ, то окажется, что они подавляютъ уже давно подавленное возстаніе, т.-е. употребляютъ энергическія мѣры противъ людей, уже давно смирившихся».

Въ Краковѣ толпа русскихъ шпионовъ, которая поддѣлываетъ прокламаціи, вербуетъ галичанъ и старается ихъ увлечь въ какую-нибудь анти-австрійскую демонстрацію. Мы подадимъ австрійскому министерству прекрасную мысль: признать ихъ за серьезныхъ польскихъ конспираторовъ и отослать инсургентамъ,—далѣе объ ихъ будущности заботиться нечего, ихъ судьба будетъ совершенно обезпечена. Двое изъ шпионовъ захвачены, говорятъ газеты.

2095. Развратъ войны.

«Рус. Инв.» такъ начинается корреспонденцію изъ Вильны: «Вчера привезли сюда двухъ раненыхъ солдатъ л.-гв. Московскаго полка. *Они съ восторгомъ* рассказываютъ товарищамъ о перестрѣлкѣ, въ которой удалось принять участіе». Отчего же съ *восторгомъ*? Чему тутъ восторгаться, чему радоваться?

2096. Бѣдное русское имя.

Мы получили изъ Парижа письмо, отъ котораго болѣзненно сжалось наше сердце. Какимъ обидамъ, какимъ преслѣдованіямъ подвергается теперь русскій, по милости нѣмецкаго правительства!

Въ день перелома поста, 12 марта, на балу въ Прадо ¹⁾ толпа узнала русскаго, его окружили съ криками: «Палачъ Польши, вонъ его, вонъ палача!». Шляпу его бросили на полъ и истоптали ногами. «Господа, говорилъ потерявшійся паціентъ, господа, я не русскій, я—полякъ».

— Полякъ, такъ кричите: «да здравствуетъ Польша!».

Русскій попробовалъ прокричать *mezza voce* ²⁾.

— Громче, громче!

¹⁾ Прадо—старинный танцевальный залъ въ Парижѣ, помѣщающійся противъ Дворца правосудія.

²⁾ Вполголоса.

Прокричалъ онъ и громко.

— Зачѣмъ же, если вы полякъ, вы здѣсь, а не въ Польшѣ?

— Я поѣду.

— Поѣдете!—кричала толпа.—Вонъ его, вонъ поляка, гуляющаго по баламъ!..

И бѣднаго русскаго вывели.

Вслѣдъ затѣмъ два жандарма конвоировали, такъ же вонъ изъ залы, какую-то гризетку, вздумавшую одѣться въ красную русскую рубашку. Рубашку хотѣли изорвать, маску провожали свистомъ и шиканьемъ.

Протестуйте, господа, говорите громко Парижу, Европѣ, Америкѣ, что не всю же Россію выражаетъ Зимній дворецъ и его политика, а затѣмъ не мѣшаетъ принять и добрый совѣтъ: не время теперь русскому таскаться въ Прадо и Мабилы ¹⁾.

2097. (Русскіе посланники).

Русскіе посланники, говорятъ, требуютъ у Горчакова прибавки жалованія, во-первыхъ, за безчестіе, которому они подвергаются во всѣхъ столицахъ, во-вторыхъ, за удвоенную службу съ ногъ сбились наши нѣмцы въ должности русскихъ представителей. Вездѣ должны они протестовать противъ слишкомъ горячихъ рѣчей въ пользу Польши, слишкомъ шумныхъ демонстрацій въ Туринѣ, въ Стокгольмѣ, въ Лиссабонѣ (на что это похоже!). Тутъ князя Чарторижскаго принимаетъ національная гвардія, тамъ—польскія знамена. Посолъ скачетъ, посолъ объясняется, посолъ говоритъ, что государь гнѣвается. Послу отвѣчаютъ: «что дѣлать!? общественное мнѣніе»... А тутъ принцъ Наполеонъ излагаетъ мысли, нисколько не похожія на инвалидныя мнѣнія «Московскихъ Вѣдомостей»; папа показываетъ *католическія* пристрастія. Австрія на старости лѣтъ закаялась и капли польской крови не беретъ въ ротъ. Какое счастье, что старикъ Шредеръ ²⁾ умеръ, и что Нессельроде не воскресъ. Жалованіе удвойте, князь, оклады удвойте, князь...

И только ты, Пруссія! Du, treues Land, du, Land der Eichen und der Junker ³⁾,—ты одна останешься *петербургерь-трей* ⁴⁾, одна *твоя* камера ходитъ, принявъ заушеніе, поздравлять папеньку страны (Landesvater) съ днемъ тезоименитства.

¹⁾ Mabile—увеселительное учрежденіе въ Парижѣ, пользовавшееся особенною популярностью во времена второй имперіи.

²⁾ Яковъ-Генрихъ, шведскій историкъ, авторъ девяти томнаго труда «Monumenta diplomatica»; умеръ въ 1857 г.

³⁾ Ты, вѣрная страна, ты, страна дубовъ и дворянъ.

⁴⁾ Вѣрную Петербургу.

2098. [Новая книга].

«The serbian nation and the Eastern question, by Vladimir Iovanovič London» ¹⁾. Іовановичъ—извѣстный сербскій патриотъ. Рекомендуемъ его книгу русскимъ читателямъ.

2099. Письмо къ Сохновскому.

4 апрѣля (1863).

Дѣла идутъ не дурно, и новости изъ Россіи удовлетворительны. Н. и Д. проѣхали границу благополучно и теперь, надо полагать, уже въ Москвѣ. Убійства въ Польшѣ, грабежъ и насилие произвели переломъ, и всѣ партіи дружно сливаются для низверженія ненавистнаго правительства. Расколы должны занять первый планъ драмы, а послѣ и крестьянское дѣло не замедлить. Скажите нашимъ, чтобы не торопились отъѣздомъ, время еще не пришло, надо приготовиться. Въ Казани комитетъ отлично устроенъ; это—образецъ ума и логики; чортъ знаетъ, откуда они извлекли уставъ Вейсгаупта ²⁾. Прокламаціи печатаются безсчетно, и молодой народъ съ увлеченіемъ читаетъ «Землю и Волю». Удачно составлено ³⁾.

Мы послали имъ свои замѣтки, какъ дѣйствовать—увидимъ!! Вы поѣдете въ Россію,—это лучше Кракова, и отъ Васъ будетъ зависѣть удачное исполненіе плана. 10-го апрѣля будетъ Александръ ⁴⁾ въ Парижѣ и сообщитъ, что нужно. Англичане потеряли равнодушіе, и польскій вопросъ имъ важнѣе американскаго; кажется, будку россійскаго посольства они разнесутъ. Собанскій былъ у насъ и говорилъ, что въ Брюсселѣ комитетъ отлично устроенъ и сборъ денегъ значительный. Старайтесь собрать свѣдѣнія о русскихъ, пребывающихъ въ Парижѣ, и нѣтъ ли голубыхъ ⁵⁾? Мы устали отъ работы. Цверцкёвичъ—просто геній и, кажется, побѣда за нами. Что съ Ледоховскимъ и гдѣ онъ? Да скажите поклонъ Яновскому,—его желаніе исполнено.

Жму Вамъ руку.

А. Герценъ.

¹⁾ «Сербскій народъ и Восточный вопросъ, Владиміра Іовановича» Лондонъ.

²⁾ Адамъ, основатель ордена иллюминатовъ въ концѣ XVIII ст.

³⁾ Рѣчь идетъ о «Свободѣ» № 1.

⁴⁾ Сынъ Герцена.

⁵⁾ То-есть переодѣтыхъ жандармовъ.

2100. Письмо къ В. И. Касаткину.

4 апрѣля 1863.

Спасибо за усердіе. Слава богу, что посылка достигла цѣли; теперь, по Вашей милости, 700 ММ уже въ Россіи, а 400—въ дорогѣ; я думаю, къ Пасхѣ получатъ. Не уставайте и развивайте наши мысли. Изъ Кракова насъ просятъ напечатать воззваніе къ университетамъ и расколамъ. Мы неоднократно уже печатали, и, кажется, это принесло пользу. Партія наша сильна, но еще не время раскрывать силы,—пусть провезутъ по чугункѣ царскія рати, а тогда увидимъ... Противъ глупой силы, не стоитъ ставить дорогія жертвы. Передайте О. ¹⁾, если онъ еще въ Женевѣ, чтобы торопился въ Россію, и сообщите, что всѣхъ и каждого не стоитъ принимать въ округа, только дѣтей бояръ и сановниковъ. Оленинъ намъ писалъ, что въ ихъ участкѣ много таковыхъ; это—первые аманаты ²⁾ революціи противъ своеволія вѣнчаныхъ придворныхъ лакеевъ. Что скажутъ эти интриганы бездушные, увидѣвъ собственныя чада въ противномъ лагерѣ?

А поляки—молодцы, рѣшились, во что бы ни стало, продолжать революцію, которая будетъ зарею нашей свободы.

Здѣсь формируется отрядъ отчаянныхъ, и партизаны изъ всѣхъ націй бѣгутъ въ Польшу. Если къ тому же наши удачно устроятъ, то правительство исчезнетъ, какъ призракъ,—вѣрю въ успѣхъ.

Что, Домбровскій уѣхалъ? съ его способностями стыдно сидѣть, сложа руки, когда кровь родная льется. Если у него денегъ нѣтъ, то дайте 20 фунтовъ на дорогу изъ нашего фонда, да торопитесь печатать,—первые оттиски въ Лондонъ. Фогту передайте поклонъ и скажите, что ждемъ отвѣта изъ ихъ комитета. Огаревъ кланяется,—простудился.

Вашъ А. Герценъ.

Насъ извѣщаютъ изъ Варшавы, что вмѣсто Муханова ³⁾ назначенъ Левшинъ ⁴⁾; первый былъ вѣжливъ, а Левшинъ—скверный скотъ, ненавидимый всѣми. Не хотятъ ли нѣмцы взволновать и ограбить Варшаву? впрочемъ, надолго его не станеть, и пустять по Вислѣ.

1) Островскій.

2) Заложники.

3) Сергѣй Сергѣевичъ, варшавскій оберъ-полицмейстеръ.

4) Левъ Иракліевичъ.

2102. Письмо къ дочерямъ.

6 апрѣля 1863.

Orsett House, Westb. terrace.

Мы всѣ безъ исключенія забыли, что сегодня мое рожденіе, и ваше письмо напомнило,—спасибо и за то. Я очень радъ, что вамъ въ Римѣ такъ хорошо: смотрите, учитесь, читайте по камнямъ и картинамъ. Мы много промучились эти двѣ недѣли: корабль, о которомъ я писалъ, на которомъ было столько друзей и столько средствъ, былъ, по измѣнѣ капитана, взятъ другимъ правительствомъ—и теперь всѣ въ Швеціи.

По счастью, всѣ *sain* и *sauf* ¹⁾, а дѣло манкировано ²⁾.

M-me Ba. ³⁾ поѣхала къ мужу, въ Стокгольмъ; можетъ, туда же поѣдетъ и Саша, а Варв. Тим. ⁴⁾ собирается въ Константинополь; Нефталъ въ Германіи.

Напиши, получено ли мое письмо, надписанное въ Римѣ, и «Кол».—Вотъ что ты можешь сдѣлать: отошли «Кол»: 64, Via della Vita ⁵⁾; у Sig ra Diotallevi живетъ племянникъ Чаадаева, Жихаревъ ⁶⁾, онъ просилъ меня прислать, но Тхорж. говоритъ, что не доходятъ.

Пиши къ Nat.—ее огорчаетъ, что нѣтъ писемъ.

Я вамъ писалъ длинное письмо послѣ моего возвращенія изъ Парижа. Получили ли вы его? оно адресовано *posta ferma* ⁷⁾ на имя Мальвиды.

Твое письмо, моя милѣйшая Ольгушка, сдѣлало намъ опять не только удовольствіе, но и смѣхъ. Пиши чаще такъ и радуйся Риму. Но отчего же тебѣ Римъ показался раемъ? Вотъ это ты объясни. Это ужъ ты, кажется, у Мальвиды украла.

Здѣсь Милуша (она дѣлается большуша), которая имѣетъ ко мнѣ ничѣмъ незаслуженную слабость. Пиши Лизѣ, которая пребываетъ вѣрнѣйшимъ другомъ твоимъ. Она очень гордится тѣмъ, что Чилакъ и другая дѣвочка къ ней ходятъ, «какъ къ Ольгѣ».

Цѣлую тебя.

Ты очень хорошо дѣлаешь, что читаешь «Письма изъ Италіи» на мѣстѣ, это—наше свиданіе въ Римѣ.

¹⁾ Живы и невредимы.

²⁾ Манкирет—не удаваться.

³⁾ Бакунина.

⁴⁾ Кельсіева.

⁵⁾ То-есть *via della Civitavecchia*, или—черезъ Чивитавеккію.

⁶⁾ Михайль Ивановичъ.

⁷⁾ То же, что *poste restante*, или—до востребованія.

2103. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 апрѣля

25 марта. 1863.

Orsett House, Westb. terrace.

«Звать только близкихъ знакомыхъ и никого* больше»,—ну какъ же не звать васъ въ томъ числѣ, Марія Каспаровна? ¹⁾ Вѣдь, часто ли пишешь, рѣдко ли, не можете же вы отказаться отъ меня, старика, въ 51 годъ, какъ отказываются московскіе друзья. Вы еще не сдѣлались Polenfreserin ²⁾, признавайтесь? Многое хотѣлъ бы вамъ сообщить даже о близкихъ знакомыхъ, но, знаете, времена такія, что писать опасно.

Получаете ли вы всѣ «Колокола»? Что бы еще вамъ прислать?

Трюбнеръ выбилъ медаль,—медаль превосходная, не знаю, какъ вамъ ее переслать. ¹

Прощайте. Вы знаете, что Бакунина жена была въ Лондонѣ и уѣхала въ Швецію? Можетъ, и я тряхну 51 годомъ въ Стокгольмъ (это между нами).

Ну, цѣлуйте дѣлей и Рейхеля.

Тата и Ольга въ Римѣ, глядятъ папу римскаго, но не забываютъ и лондонскаго.

♦♦ 1. Въ № 160 «Колок.» было напечатано: «Н. Трюбнеръ и С. Тхоржевскій объявляютъ, что у нихъ поступила въ продажу медаль, выбитая въ память десятилѣтія Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ. Медаль эта работы извѣстнаго художника К. Винера, медальера короля голландскаго, продается у Н. Трюбнера и у С. Тхоржевскаго по 6 шилл.»

Приведу, кстати, письмо В. Гюго отъ 16 мая 1863 г.: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію, это я долженъ благодарить васъ: благодарю васъ за медаль,—благодарю васъ за ваши превосходныя «Воспоминанія», продолженіе которыхъ я буду читать съ тѣмъ же сочувственнымъ и глубокимъ интересомъ, съ какимъ прочелъ начало,—наконецъ, особенно благодарю васъ за то, что вы—вы: краснорѣчивый и доблестный человекъ, служащій дѣлу народовъ, русскій, реабилитирующій Россію, писатель во имя прогресса и свободы, апостоль-патріотъ и космополитъ. Жму вашу руку, В. Гюго» (напечатано г. Гершензономъ въ IV кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ семьи Герцена).

¹⁾ На день рожденія Герцена.

²⁾ Пожирательница поляковъ.

2104. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(11 апрѣля 1863).

Вотъ, милая Тата, какой тебѣ *lettre-guide* ¹⁾ настрочилъ Ага. Какъ онъ васъ всѣхъ безмѣрно любитъ, это ты знаешь и, думаю, не сомнѣваешься.

Я писать сегодня не собирался: у меня нѣсколько дней къ ряду болѣла голова,—погода теплая и душная. Вчера мы ходили на охоту,—Ага, кн. Долгорукъ, Саша, Тхорж. и Жуковскій—и затравили дѣйствит. стат. совѣтника, старика-литератора и профессора, который познакомился съ нами и оказался шпиономъ. Я ему прочелъ письмо, Ага—нравоученіе, а Долгорукъ. выгналъ его вонъ, и онъ пошелъ. Что дальше, не знаемъ. Но травля была занимательная; и Саша его покусалъ.

Прочти Мальвидѣ объ этомъ дѣтскомъ праздникѣ. Саша собирается въ Швецію. Я требую, чтобъ ты мнѣ написала, получены ли письма №№ 1, 2, 3.

Прошай. Цѣлую васъ. Natalie больна,—пишите къ ней.—Лиза цвѣтетъ. Еще прощайте.

2105. Письмо къ И. С. Тургеневу.

11 апрѣля (1863).

Orsett House, Westb. terrace.

Несмотря на усобицу и цивилизую войну, я пишу къ тебѣ, чтобъ узнать, живъ ли ты, какъ живъ. Въ здѣшнихъ климатахъ какая-то дама, которая, *entre nous* *solt dit* ²⁾, тебя ругала наповаль (Смирнова), повѣствуетъ, о, якобы, вторичномъ тебя приглашеніи въ Россію—(у Россіи *обратная* ностальгія къ тебѣ) и о твоёмъ, якобы, рѣшеніи туда ѣхать. Туда ѣхать теперь небезопасно: *Berg...* ³⁾ генераль—*auf* ⁴⁾. Пропиши объ этомъ. ¹⁾

Событій было здѣсь слишкомъ много для письма.

Мнѣ еще крайне нужно знать, ругаешь ли ты меня за статью «Плачь».

Знаешь ли ты, что, вопреки твоему злословію или салиасовской медизанціи ⁵⁾, Антонія Ксаверьевна Бакунина однимъ

¹⁾ Письмо-путеводитель.

²⁾ Между нами будь сказано.

³⁾ Гр. Э. Э. Бергъ былъ назначенъ помощникомъ намѣстника Ц. Польскаго.

⁴⁾ *Bergauf*—въ гору; шутливый намекъ на повышение Берга по службѣ.

⁵⁾ *Médiasance*—злословіе.

добрымъ утромъ взяла да и прїѣхала сюда, а Мих. Ал. въ Стѣхельмѣ ¹⁾. Я не зналъ, куда ее дѣтъ, наконецъ, пристроилъ, а Мих. Ал. въ телеграфъ ударилъ: «Жена-то, говоритъ, моя»... Ну, я ее въ шлюпку и тоже въ Стѣхельной.

Еще была хороша охота,—это по твоей части; охотники: кн. П. В. Долгор., ненавидимый тобою Ог., щадимый тобой Герц., не-Вас. Андреевичъ Жуковскій ²⁾, и затравили мы дѣйствит. статскаго совѣтника и кавалера, литератора и чтеца публичныхъ лекцій, втершагося сюда изъ III Отдѣл. ³⁾. Мы звѣря загнали въ грязь, гдѣ онъ и обмарался. Это разсѣяло нашу монотонную жизнь.

Ты, вѣрно, хочешь знать фамилію генерала-отъ-уха, а я хочу ее тебѣ сказать, но не скажу для того, чтобъ ты прежде написалъ отвѣтъ.

Ты не кручинься, что тебя государь огорчаетъ, безъ этого нельзя.

Боткину, если онъ отошелъ отъ восторга, въ который его привелъ Диккенсъ своимъ чтеніемъ ⁴⁾, и не пишетъ въ «Моск. Вѣд.» статьи вмѣстѣ съ Пановскимъ ⁵⁾,—скажи, что я его помню и люблю. А помнитъ ли онъ, что общалъ въ фондъ Баку. по 500 ф. въ годъ, и любить ли прислать? Я люблю получить ⁶⁾.

Мой сынъ былъ у тебя два раза на-дняхъ.

Здѣсь выдалъ Трюбнеръ мою медаль; русскіе взбѣшены въ Германіи,—я не виноватъ ни въ чемъ.

◆◆ 1. 19 января Тургеневъ писалъ Анненкову: «Вызывать меня теперь въ сенатъ послѣ «Отцовъ и дѣтей», послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія, именно теперь, когда я окончательно, чуть не публично, разошелся съ лондонскими изгнанниками, т.-е. съ ихъ образомъ мыслей, — это совершенно непонятный фактъ... Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду, — смѣшно даже прибавлять: съ спокойной совѣстью» («Вѣст. Европы» 1887 г., I, 9—10).

12 февраля Тургеневъ писалъ изъ Парижа Герцену: «Начинаю съ того, что требую отъ тебя глубочайшей и ничѣмъ ненарушимой тайны. Можешь ли ты себѣ представить: меня, меня твоего антагониста, III Отдѣленіе *требуетъ* въ Россію съ обычной угрозой конфискаціи и т. д. въ случаѣ неповиновенія. Каково? Вѣдь, это, наконецъ, высочайшій юморъ. Я отвѣчалъ письмомъ»

¹⁾ То-есть въ Стокгольмѣ.

²⁾ Н. И. Жуковскій.

³⁾ Хотинскій. О немъ ниже.

⁴⁾ Чарльзъ, знаменитый англійскій романистъ; въ 1862 г. въ Парижѣ читалъ публично свои сочиненія.

⁵⁾ Бездарный сотрудникъ Каткова.

⁶⁾ Французскій оборотъ рѣчи; очевидно, въ шутку.

государю, въ которомъ прошу его велѣть мнѣ выслать допросные пункты; если они удовлетворятся моими отвѣтами, тѣмъ лучше, если нѣтъ—я не поѣду, и пусть они срамятся и *лишаютъ* меня чиновъ и т. д. Будбергъ, который въ этомъ дѣлѣ велъ себя какъ нельзя лучше, увѣряетъ, что это кончится ничѣмъ; (онъ выразилъ сильное негодование, самъ написалъ Долгорукову и т. д.); но, какъ бы то ни было, я уже принялъ свои мѣры, выписалъ сюда брата и т. д.» («Письма», 178—179).

22 марта Тургеневъ вручилъ Будбергу пространный отвѣтъ на присланные изъ сената вопросные пункты. Приведу касающееся лишь Герцена. «Оставляя родину въ концѣ 1846 г., онъ уже находился въ разладѣ со всей умѣренной, династически-либеральной партіей, изъ которой я, на примѣръ, могу назвать покойнаго Градовскаго. Въ Россіи до 1846 г. я видѣлся съ Герценомъ весьма рѣдко; я только-что начиналъ свое литературное поприще, и вопросы чисто политическіе занимали меня мало. Я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ 1848 г. Зрѣлище, представляемое тогда Европой, сильно потрясло меня, но и тутъ я оставался только зрителемъ поднявшейся бури, да и самъ Герценъ находился тогда какъ бы въ бездѣйствіи: о пропагандѣ, о вліяніи на русскую публику не было и рѣчи; нужно было сперва понять, куда шла, чего хотѣла исторія. *Насколько ему удалось или, говоря правильнѣе, какъ мало это ему удалось, можно видѣть въ его сочиненіяхъ*; но, возвращаясь въ Россію весной 1850 г., я оставлялъ его политическимъ писателемъ, чѣмъ-то среднимъ между теоретикомъ и скептикомъ, но уже никакъ не пропагандистомъ, ни проповѣдникомъ социализма и возстанія у насъ... Когда, въ 1856 г. я снова прѣхалъ за границу, въ Лондонѣ уже второй годъ издавался «Колоколь» («Пол. Звѣзда»—*М. Л.*); но Герценъ все еще не вступалъ безвозвратно на дорогу, которая окончательно привела его къ одиночеству, въ которомъ онъ теперь находится, къ полному разъединенію со всѣми его бывшими друзьями. Онъ тогда еще только отрицалъ и обличалъ; отрицаніе его было рѣзкое, часто необдуманное, обличеніе—часто несправедливое; но онъ въ душѣ своей еще вѣрилъ въ возможность правильной и спокойной будущности для Россіи, скорбѣлъ о томъ, что онъ считалъ ошибками правительства, радовался его успѣхамъ. Я увидѣлъ его въ Лондонѣ, и хотя я уже тогда чувствовалъ, какая глубокая черта меня отъ него отдѣляла, однако, я не признавалъ ни необходимымъ, ни даже полезнымъ прекратить съ нимъ сношенія, несмотря на то, что *эти сношенія часто выражались въ однихъ спорахъ*. Герценъ, все-таки, былъ представителемъ извѣстныхъ силъ и направленій русской жизни, русскаго ума. Но время шло, и все стало измѣняться. Теряя болѣе и болѣе пониманіе дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей Россіи, *которой онъ, впрочемъ, никогда хорошо не зналъ*, увлекаясь болѣе и болѣе старыми предубѣжденіями и новыми страстями, *враждуя съ правительствомъ даже въ*

*такимъ святомъ дѣлѣ, каково было освобожденіе крестьянъ, подчинившись, наконецъ, тѣмъ самымъ ученіямъ, отъ которыхъ здравый смыслъ отводилъ его нѣкогда,—Герценъ пересталъ отрицать и началъ проповѣдывать преувеличенно, шумно, какъ обыкновенно проповѣдуютъ скептики, рѣшившіе сдѣлаться фанатиками. Рѣже и рѣже видаясь съ нимъ въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ (съ осени 1860 г. до нынѣшняго времени я провелъ съ нимъ всего три дня, въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года), я съ каждой встрѣчей становился ему болѣе чуждымъ. И не одинъ я, всѣ прежніе его товарищи *одинъ за однимъ отъ него отвернулись*. Они не изменили своимъ стариннымъ задушевнымъ убѣжденіямъ, но Герценъ, сдѣлавшійся республиканцемъ и социалистомъ, Герценъ, подпавшій подъ вліяніе Огарева, *не имѣлъ уже рѣшительно ничего общаго ни съ однимъ здравомыслящимъ русскимъ, не раздѣляющимъ народа отъ царя, честной любви къ разумной свободѣ отъ убѣжденія въ необходимости монархическаго начала*. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года я видѣлъ Герцена въ послѣдній разъ (онъ тогда уже прочелъ «Отцы и дѣти»), и наши личныя сношенія прекратились. Глубоко раздражаемый чувствомъ своего одиночества, ослабленіемъ своего значенія, всеобщимъ осужденіемъ бывшихъ друзей, которое онъ называлъ измѣной, Герценъ утратилъ почти всю свою силу, самый блескъ своего безспорно-замѣчательнаго таланта. Мнѣніе его обо мнѣ, какъ объ охладѣвшемъ эпикурейцѣ и челоуѣкѣ отсталомъ и отжившемъ, выразилось въ письмахъ, озаглавленныхъ «Концы и начала». Я ему отвѣчалъ съ безпощадною искренностью... Теперь все это стало для меня невозвратнымъ прошедшимъ» (архивъ сената, «дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами»; полностью напечатано въ моихъ «Очеркахъ освободительнаго движенія etc.»).*

При своемъ показаніи Тургеневъ приложилъ еще два письма отъ Герцена (отъ 1/XI и 22/XI 1862 г.) и два отъ Бакунина, которыя въ глазахъ правительства должны были служить подтвержденіемъ его показаній. Въ такомъ положеніи дѣло находилось до осени 1863 года.

2106. Письмо къ Игнатію Піотровскому.

12 апрѣля (1863).

Westb. terrace.

Дорогой сотрудникъ, поторопитесь собрать свѣдѣнія объ состояніи революціи въ Литвѣ и кто тамъ болѣе надежный, равно, въ какихъ мѣстахъ главные отряды. Все это подробно и съ приложеніемъ маршрута перешлите въ Лондонъ. У меня двое союзниковъ, Касторъ и Поллуксъ¹⁾, оба русскіе, знающіе военную жизнь,

¹⁾ Въ греческой мифологіи близнецы, прославившіеся своей дружбой.

и очень способные люди; они желаютъ принять участіе подъ особыми именами, и, ручаюсь Вамъ, что по своимъ связямъ найдутъ Вамъ много союзниковъ въ противномъ лагерѣ. Проѣздъ и путевыя издержки берутъ на свой счетъ; паспорта исправны и внѣ опасности. Спросите Каменскаго, какъ члена, обо всемъ, что касается движеній революціи, да присылайте новостей. Англія ершится, и весь народъ за васъ; политикъ Пальмерстона не одобровать. Кажется, лопнетъ скоро децемвиратъ, несмотря на протекцію прусскаго короля. Саша кланяется.

Жму Вашу руку

А. Герценъ¹⁾.

Передайте Пиотровскому записку и попросите скорого отвѣта. Кашперовъ писалъ объ устройствѣ комиссіи; можете къ нему адресоваться. Прощайте, времени нѣтъ.

А. Г.

2107. А. А. Потебня.

Одинъ изъ членовъ польскаго правительства сообщилъ намъ изъ Кракова вѣсть, исполнившую насъ безконечной горестью. Нашъ близкій другъ Андрей Аѳанасьевичъ Потебня, одинъ изъ главныхъ учредителей русскаго офицерскаго комитета въ Польшѣ, участникъ на первомъ планѣ въ адресѣ офицеровъ Константину Николаевичу, убитъ въ сраженіи у Песковой скалы²⁾.

Не знала русская пуля, сразившая Потебню, какую жизнь она остановила на первыхъ шагахъ ея³⁾.

Чище, самоотверженнѣе, преданнѣе жертвы очищенія Россія не могла принести на пылающемъ алтарѣ польскаго освобожденія.

2108. Русніе офицеры въ рядахъ инсургентовъ.

Подложный адресъ офицеровъ в. кн. Константину оказывается *настоящимъ*. Корреспондентъ «Таймса» (3 апрѣля), говоря о двухъ русскихъ братьяхъ Рыковыхъ, стоящихъ во главѣ литовскаго движенія съ Рогинскимъ и гр. Тышкевичемъ, прибавляетъ: «Въ рядахъ»

1) Дальше приписка къ С. Л. Львову-Львицкому (Львицкому).

2) Погибъ на кладбищѣ при Скалѣ, поведя, съ косою въ рукахъ, въ атаку колонну противъ русскаго отряда.

3) Въ слѣдующ. листѣ мы поговоримъ съ немъ. А. И. I.

инсургентовъ много русскихъ офицеровъ. Это подтверждаетъ, что чувства, выраженныя въ извѣстномъ адресѣ в. кн., не были вымышленныя. Никто не говорилъ, что число подписей было огромно; можетъ, адресъ подписала какая-нибудь сотня офицеровъ. Я и теперь не думаю; чтобъ въ числѣ инсургентовъ было сто русскихъ офицеровъ, но, во всякомъ случаѣ, ихъ много».

Мы къ этому прибавимъ, что на-дняхъ намъ сказывалъ полякъ, прѣхавшій съ театра войны, что онъ *самъ видѣлъ* русскихъ офицеровъ въ стану возставшихъ.

Есть печальныя эпохи, въ которыя любовь къ отечеству заставляеть однихъ разорвать съ нимъ племенную солидарность, другихъ, которымъ невозможно по своему положенію остаться въ сторонѣ,—итти въ ряды не своихъ, а *правыхъ* и сдѣлать на большемъ размѣрѣ то, что дѣлають ежедневно наши офицеры, не дозволяющіе солдатамъ грабить и жечь ¹⁾). Свободный человекъ не можетъ признать такой зависимости отъ своего края, которая бы заставляла его участвовать въ дѣлѣ, противномъ его совѣсти.

Если еще есть между русскими солдатами въ Польшѣ люди чистые, воины честные, исполнившіе свой долгъ, слѣло вѣрять въ присягу, но исполнившіе его *безъ восторга*, о которомъ говоритъ «Инвалидъ», пусть они подумаютъ, не правы ли тѣ офицеры, которые бросили ряды палачей. Пусть они подумаютъ сами и остерегутся отъ подкупныхъ *подстрекателей*, которые очень хорошо знаютъ, что дѣло русскаго правительства самое черное, но которые еще лучше знаютъ, что проба его серебра самая высокая.

Остерегитесь отъ сердобольныхъ друзей, умиляющихся надъ долготерпѣніемъ «христолюбиваго воинства, два года оскорбляемаго поляками». Спросите ихъ, отчего они не умилялись, когда васъ обкрадывали въ пищѣ, гоняли сквозь строй, морили въ лазаретахъ безъ лѣкарствъ? Поляки, видите, осмѣливались пѣть гимны, несмотря на хрулевскія пули; поляки осмѣливались носить конфедератки, несмотря на то, что это господамъ въ Петербургѣ не угодно... А вы должны были все это терпѣть! Не вѣрьте ихъ жалости, на вѣрьте, когда они говорятъ: «Вы подвергаетесь всѣмъ лишеніямъ партизанской войны, но утѣшьтеся, вы стоите за общенародное, русское дѣло».

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Проклятое дѣло вытравливанія цѣлаго народа изъ народныхъ семей не есть наше общенародное, русское дѣло.

Мало мѣста у насъ, что ли? Мало у насъ *своихъ*? Пусть выходитъ помѣриться кто угодно, пусть попробуетъ нашу силу. Или мы клиномъ сошлись, что безъ Польши жить не можемъ?

¹⁾ Кстати къ грабежамъ и разбою,—интересно посмотрѣть, какими инвалидными средствами правительство опровергнетъ отвратительную исторію съ англійскимъ купцомъ Финкенштейномъ; подробности ея въ «Таймсѣ» и другихъ журналахъ. А. И. Г.

И отчего же намъ съ Польшей, съ Украиной, съ Финляндіей не жить, какъ вольный съ вольными, какъ равный съ равными? Отчего же все мы должны забирать себѣ въ крѣпостное рабство? Чѣмъ мы лучше ихъ? Развѣ, нѣмцами, состоящими у насъ въ должности правительствующихъ татаръ въ Петербургѣ.

Воскресите въ себѣ честныхъ воиновъ,—чадъ крови улегается, угаръ бѣшенства проходитъ; спросите свое сердце, свою совѣсть и гоните прочь прикладами всѣхъ этихъ чернильныхъ искариотовъ, подбивающихъ васъ на ненависть и притѣсненіе несчастнаго народа.

Еще слово объ офицерахъ. Вообще, мы знаемъ по газетамъ и еще больше *изъ разсказовъ*, что молодые офицеры, особенно армейскіе, ведутъ себя человѣчески, стараются всѣми силами удерживать солдатъ отъ грабежа и убійства и съ горестью видятъ, что солдаты ихъ не слушаютъ. Причина очевидна—нравственной связи между офицерами и солдатами нѣтъ, довѣрія нѣтъ. Приобрѣтать его на улицахъ города, въ которомъ солдатамъ позволили безнаказанно грабить, приготовивши ихъ къ тому голодомъ и холодомъ, нищетой и водкой, *поздно. Объ этомъ надобно было прежде думать.*

По несчастью, прошедшаго не воротить, но урокомъ этимъ слѣдуетъ офицерамъ воспользоваться, тѣмъ больше, что *ближайшее будущее Россіи ни отъ кого столько не зависитъ, какъ отъ офицеровъ и отъ ихъ союза съ солдатами.*

Не даромъ нашъ православный Меродъ¹⁾ Милютинъ²⁾ въ своемъ іезуитскомъ циркулярѣ такъ настойчиво предписываетъ начальству смотрѣть, чтобы не было сближенія между офицерами и солдатами. Опыты сближенія были въ Петербургѣ и въ Польшѣ, въ южныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ. Арнольдтъ и Сливицкій пали подъ царскими пулями за бесѣды съ солдатами. А сколько офицеровъ было исключено, переведено, даже разжаловано за учрежденіе чтеній, воскресныхъ школъ для солдатъ... Надобно продолжать, надобно расширить кругъ дѣятельности, надобно заставить солдата забыть въ офицерѣ помѣщика, дворянина, надобно приобрести его любовь,—тогда придетъ и довѣріе. Чему удивиться, что солдатъ теперь еще не довѣряетъ офицеру? Пусть офицеры спросятъ свою собственную совѣсть, заслужили ли они довѣріе солдатъ?...

¹⁾ Филиппъ-Феликсъ, бельгійск. госуд. дѣятель. Во время революціи 1830 г. былъ выставленъ католической партіей въ возможные кандидаты на престоль; при Леопольдѣ I получилъ званіе *ministre de l'état* и послѣдовательно занималъ должности военнаго министра, министра иностр. дѣлъ и министра финансовъ; консерваторъ по убѣжденіямъ, онъ тѣмъ не менѣе всегда выказывалъ себя сторонникомъ политической и религіозной свободы.

²⁾ Дмитрій Алексѣевичъ, военный министръ.

2109. Зарница совѣсти.

Мы почти обрадовались, увидя въ правительственномъ органѣ что-то въ родѣ ужаса и угрызенія совѣсти. Мы не вѣримъ въ вѣчныя паденія; можетъ, въ опускающемся полу литературнаго III Отдѣленія есть дно, въ которое ударившись, иные всплываютъ... Одинъ изъ листовъ древа официальной гласности поблѣднѣлъ, сконфузился и занесъ бредъ... Но въ его бреду, словно, есть сознаніе, что онъ зашелъ далеко, что на совѣсти кошки скребутъ... И пускай ихъ, это—кошки нравственнаго возстановленія. Вотъ отрывки изъ страннаго и неловкаго лепета проснувшейся совѣсти:

«Чѣмъ скорѣе будетъ прекращено вооруженное возстаніе поляковъ, тѣмъ будетъ лучше и для Россіи и для Польши. Дѣло это лежитъ на русскихъ войскахъ, и всякое распоряженіе, имѣющее цѣлью облегчить и ускорить его окончаніе, есть важный шагъ къ освобожденію польскаго вопроса изъ-подъ искусственныхъ вліяній.

«Съ этой точки зрѣнія можно только радоваться отправленію подкрѣпленій въ Ц. Польское. *При враждебномъ настроеніи большой части чиндвическаго класса Царства и при пассивности сельскаго люда*¹⁾, отношенія городовъ и мѣстечекъ съ уѣздами къ законному и къ революціонному правительству опредѣляются присутствіемъ войскъ. Есть войска въ городѣ—народъ повинуется законному правительству; нѣтъ ихъ—онъ подчиняется революціонному подъ вліяніемъ чиновниковъ и ксендзовъ. Для подавленія возстанія недостаточно обходить край подвижными колоннами, которыя разбиваютъ и уничтожаютъ оружіемъ партіи инсургентовъ; необходимы войска еще и для простаго занятія пунктовъ,—войска, которыя подчиняли бы жителей распоряженіямъ законнаго, а не революціоннаго правительства и освобождали бы ихъ отъ революціоннаго терроризма.

«Что же касается до жестокостей войска, о чемъ такъ много толкуютъ въ Европѣ, то, къ крайнему прискорбію, устраненіе ихъ зависить не отъ русскихъ офицеровъ, а *исключительно отъ самихъ поляковъ. Прекратится возстаніе, прекратятся жестокости*²⁾; пожалуй, пусть возстаніе даже и продолжается, но пусть поляки соберутся въ армію и прекратятъ свой партизанскій образъ войны, при которомъ каждый начальникъ шайки разыгрываетъ роль царька и по-своему поступаетъ съ нашими плѣнными, тогда, несомнѣнно, прекратятся и жестокости³⁾ («Моск. Вѣд.» марта 23, т.-е. апрѣля 4).

¹⁾ Давно ли сельское населеніе было активно за правительство? *А. И. Г.*

²⁾ Помилуйте, давно ли же вы распинались и образа снимали, что этихъ жестокостей не было? *А. И. Г.*

³⁾ Sehr gut!⁴⁾ *А. И. Г.*

⁵⁾ Очень хорошо!

2110. Странныя игры случайности.

Какъ особенно замѣчательный феноменъ природы, выписываемъ мы изъ 54 № «Москов. Вѣд.» слѣдующую поправку:

«Въ № 51, отъ 7 марта, въ статьѣ «Наши космополиты» г. Щебальскаго замѣчена важная опечатка.

«Напечатано: «и въ такую-то минуту *какіе-то Хамы* позволяютъ себѣ издѣваться надъ своимъ народомъ и говорить, что возстаніе Польши есть для него благодѣяніе».

«Слѣдуетъ читать: «и въ такую-то минуту *космополиты* позволяютъ себѣ» и т. д.»

По такому же капризу *случайности*, какъ *космополиты* отъ перестановки буквъ и отъ замѣны ихъ другими дѣлаются *хамы*, Хамы не въ печати, а въ самомъ дѣлѣ дѣлаются страшными лафетами, отчаянными Симами и наоборотъ. Эту игру случайности мы особенно видѣли въ нашу революціонную и маскарадную эпоху. Намъ не случилось встрѣчать враговъ церкви больше страстныхъ, какъ аббатъ Ламеннэ, демократовъ больше искреннихъ и простодушныхъ, какъ графа Станислава Ворцеля и де-Флота¹⁾, родившихся въ высшей аристократіи. Рядовые всего больше боятся офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ. Аристократія не имѣетъ большихъ поклонниковъ родовитости, прирожденныхъ привилегій, бѣлой кости и столбовой доблести, какъ люди, которыхъ скромное начало теряется, какъ начало Нила (что не мѣшаетъ ихъ разливу оставлять запасы фараоновыхъ мышей, аписовъ, крокодиловъ и прочихъ ученыхъ звѣрей Египта) въ тинѣ неизвѣстности. Если бы это не была тоже типографическая ошибка, можно было бы думать, что, защищая феодальныя права князей, графовъ, они думаютъ, что и на нихъ падаетъ что-то отъ сіянія княжескаго, отъ лучезарности графской и что ихъ, по крайней мѣрѣ примутъ за бароновъ.

2111. Тотъ ли Пановскій?

Глубокое знаніе польскихъ дѣлъ, открывающееся въ передовыхъ статьяхъ «Моск. Вѣд.», заставляетъ многихъ думать, что этотъ источникъ свѣдѣній принесъ съ собой *третій при двухъ*—г. Пановскій. Одинъ г. Пановскій долго и съ отличіемъ служилъ въ Варшавѣ при Паскевичѣ²⁾.

¹⁾ Поль-Луи, франц. политическій дѣятель, сотрудникъ Гарибальди умеръ въ 1860 г.

²⁾ Николай Михайловичъ, писатель, сотрудникъ Каткова и Леонтьевъ а съ 1832 по 1834 г. завѣдывалъ столомъ высшей полиціи въ управленіи варшавскаго ген.-губернатора, въ 1835—36 былъ въ главномъ дежурствѣ дѣйств. арміи, а въ 1837—редакторъ «Официальной Газеты Ц. Польскаго» и т. д. Оставилъ службу въ Польшѣ въ 1849 г., потомъ работалъ въ «Москвитянинѣ» и «Нашемъ Времени».

2112. Sta, Borussia! ¹⁾

Heil dir im Siegeskranz! ²⁾

Баста, Боруссія! Останови твой смѣлый полетъ вверхъ ногами. Страна-дядя ³⁾! за тобой никто поспѣть не можетъ. Давно ли ты царила такъ метафизически высоко, на крыльяхъ трансцендентальнаго идеализма, надъ Австріей, а теперь и Австрія, словно, въ горѣ—такъ опередила ты, Боруссія, въ твоемъ паденіи! Будь же скромна, остановись—heil dir im Siegeskranz! На что же останавливать *корпію*, посланную изъ Парижа польскимъ инсургентамъ?.. Это—роскошь. Ну, поляка, другого, *по выбору*, выдать русскому правительству на казнь—отчего же, можно, благо, Европа бранится, *по волеяетъ*,—но корпію перехватывать не хорошо,—огласка будетъ!

2113. Астрономъ-наблюдатель и миссіонеръ Хотинскій.

На-дняхъ мы получили изъ Петербурга вѣсть о томъ, что «какого-то профессора Ходинскаго или Хотинскаго III Отдѣленіе отправило наблюдателемъ въ разныя страны и, между прочимъ, въ Лондонъ, съ жалованіемъ 12,000 фр. или руб.». Въ письмѣ прибавлено, что корреспондентъ «не ручается за цифру жалованія, но что фактъ миссіи этого господина ему извѣстенъ изъ вѣрнаго источника».

Свѣдѣнія, которыя намъ случалось получать этимъ путемъ, всегда оправдывались. Какой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ М. Хотинскій, въ самомъ дѣлѣ, проживаетъ въ Лондонѣ и занимается разными наблюденіями.

Предоставляя г. Хотинскому всѣ средства подтвердить или опровергнуть официальность своего ученаго порученія, мы, съ своей стороны, готовые всегда способствовать благодѣтельнымъ видамъ правительства и убѣжденные, что въ Англии всего труднѣе дѣлать знакомства, постараемся *слѣдующаго миссіонера-наблюдателя* рекомендовать англійскому народу.

Степень сближенія будетъ зависѣть не отъ насъ; обстоятельства, впрочемъ, къ тѣсному знакомству именно теперь хороши.

10 апрѣля 1863 г. ¹

◆◆ 1. Матвѣй Степановичъ Хотинскій, авторъ многихъ брошюръ, книжекъ и статей по химіи, астрономіи, физическому земле-

¹⁾ Стой, Боруссія! (Borussia—новолатинское названіе Пруссіи).

²⁾ Слава тебѣ, въ вѣнкѣ побѣдителя! (начало прежняго германскаго національнаго гимна).

³⁾ Намекъ на родственныя отношенія Александра II къ прусскому королю Вильгельму I.

вѣдѣнію и т. п., членъ ученыхъ обществъ—императорскаго минералогическаго въ Петербургѣ, медицинской химіи и фармацевтическаго въ Парижѣ, естествоиспытателей въ Эдинбургѣ и др.—былъ очень подходящимъ окомъ III Отдѣленія, такъ какъ всегда могъ придать себѣ видъ экскурсирующаго ученаго. Фактъ его командированія въ Лондонъ не установленъ мною документально, но прикосновенность его къ III Отдѣленію вообще несомнѣнна. Въ «дѣлѣ» о сношеніяхъ чиновниковъ этого учрежденія съ писателями и учеными имѣется безспорное указаніе на привлеченіе Хотинскаго къ платному сотрудничеству въ 1861 году, за что онъ и получилъ «437 руб. 79 коп. сер.» (архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1859 г. 3 эспед., дѣло особое).

Н. А. Огарева рассказываетъ, что, бывъ у Герцена, онъ сразу показался подозрительнымъ, что и подтвердилось вскорѣ полученнымъ изъ Петербурга письмомъ. «Узнавъ обо всемъ этомъ, итальянскіе революціонеры поручили двумъ лицамъ изъ своей среды постоянно и повсюду слѣдовать за г. Хотинскимъ, которому этотъ бдительный надзоръ, вѣроятно, не понравился, потому что онъ вскорѣ окончательно оставилъ Англию» («Воспоминанія», стр. 180—181).*

Это не точно: слѣжка итальянцевъ была организована въ въ слѣдующій пріѣздъ Хотинскаго въ Лондонъ.

10 апрѣля Хотинскій былъ приглашенъ кн. П. В. Долгоруковымъ къ себѣ и тамъ, въ присутствіи Герцена, Огарева, Н. И. Жуковскаго, С. Тхоржевскаго и хозяина дома, отъ него потребованы были объясненія его роли. Вотъ что по этому поводу напечаталъ Долгоруковъ въ своемъ «Листкѣ»: «Г. Хотинскій рассказывалъ здѣсь, что его другъ и собутыльникъ, извѣстный инквизиторъ Константинъ Огаревъ говорилъ брату его, Хотинскаго: «что бы вашему брату съѣздить за-границу, сблизиться съ Герценомъ и съ Долгоруковымъ, узнать обстоятельно объ ихъ дѣйствіяхъ, связяхъ и сношеніяхъ съ русскими и передать намъ; у брата вашего денегъ немного; онъ бы могъ этимъ поправить свои обстоятельства». Въ бытность свою въ Лондонѣ г. Хотинскій старательно развѣдывалъ, съ кѣмъ русскіе эмигранты находятся въ сношеніяхъ въ Россіи и какими путями идутъ наши сношенія, но ничего не узналъ и послѣ весьма непріятнаго для него объясненія покинулъ Лондонъ» (№ 6).

Подробности читатель найдетъ дальше.

2114. Къ лѣтописямъ петербургскаго шпіонства.

Двумя мерзавцами и тремя сестрами милосердія меньше. Слухъ • томъ, что въ Варшавѣ убили на улицѣ двухъ шпіоновъ, подтверждается самимъ «Нордомъ». Жаль, что не четырехъ!

«С.-П. Вѣдомости» отъ 11/23 марта сообщаютъ слѣдующій милый анекдотъ:

«Незадолго Лангевич повѣсилъ, будто бы, трехъ варшавскихъ дамъ, прибывшихъ въ его лагерь служить у него или въ видѣ ординарцевъ или сестрами милосердія. Такъ какъ тайные агенты поляковъ знаютъ, что дѣлается въ каждомъ варшавскомъ домѣ, то знали, что дѣлаютъ и эти танцовщицы и съ кѣмъ онѣ водятся. Дано было знать Лангевичу относительно ихъ профессіи; вещи пріѣзжихъ осмотрѣны, и у всѣхъ, будто бы, найдены яды. Здѣсь называютъ даже фамиліи этихъ несчастныхъ: «Михальская, Хмѣлевская и Доброногий». «Не Доброногова ли?» спрашивалъ корреспондентъ, но оказалось, что на этотъ разъ сестра милосердія, какъ покойная Елизавета Воробей ¹⁾, называлась по-мужски.

Quae medicamenta non sanant—ferrum sanat²⁾, то-есть не мытьемъ, такъ катаньемъ, не оружіемъ, смерть причиняющимъ, такъ оружіемъ, врачующимъ и жизнь дающимъ; солдаты плохи, грабятъ и не усмиряютъ,—актрисы хороши. У императора моего обителей много³⁾ и въ тѣхъ обителяхъ много разнообразнѣйшихъ оружій, отъ дыбы Преображенскаго застѣнка до уступающаго подъ тяжестью дворянскаго несѣкомаго тѣла квадратика въ полу третьяго Отдѣленія⁴⁾, отъ частныхъ приставовъ до публичныхъ женщинъ.

И какая находчивость—одѣтъ танцовщицъ сестрами милосердія; авось либо, умирающій проболтается, кого-нибудь замѣшаетъ, а не умираетъ,—можно яду подбавить органическаго или минеральнаго. Мы совѣтуемъ въ числѣ оружій, сражаясь съ русскимъ правительствомъ, брать съ собой nitrate d'argent⁵⁾.

Вотъ до чего добаловались барышни! Не надобно мѣшать двѣ мѣлыя слабости,—доносить вамъ всего менѣе приходится. Дѣло другое

Головнина,—его ремесло такое: министръ отъ просвѣщенія поневолѣ немножко жандармъ, и поэтому долженъ былъ обратиться съ просьбой къ баденскимъ квартальнымъ насчетъ списочка русскихъ молодыхъ людей, участвовавшихъ въ напутственномъ⁶⁾ концертѣ, данномъ почтенному предшественнику Головнина Путятину въ Гейдельбергѣ. Само собою разумѣется, что баденскіе полицейскіе съ восторгомъ воспользовались случаемъ одолжить петербургскаго министра.

¹⁾ Крѣпостная Собакевича (см. «Мертвыя души» Гоголя).

²⁾ Первая половина изреченія Гипократа: «Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat; quae ferum non sanat, ignis sanat», то-есть «что не излѣчивается лѣкарствами, излѣчивается желѣзомъ; что не излѣчивается желѣзомъ, излѣчивается огнемъ».

³⁾ «Въ домѣ Отца Моего обителей много» (Евангеліе отъ Іоанна, 14,2).

⁴⁾ Въ обществѣ упорно говорили о спускной части пола въ одной изъ комнатъ, но, кажется, это была легенда.

⁵⁾ Ляписъ; смыслъ, конечно, двойной: и ядъ, и гонораръ за услугу шпіона (argent—серебро, деньги).

⁶⁾ Кошачьемъ.

2115. Hyde Park и запрещенный митингъ.

Консервативная журналистика съ восторгомъ и упоеніемъ повторяетъ новость о томъ, что полиція запретила митингъ въ Hyde Park'ѣ «изъ политическихъ видовъ». Когда же эти господа поймутъ, хоть юту, въ англійскихъ законахъ и въ здѣшней администраціи? Дѣвичья память ихъ забыла, что послѣ дикихъ побоищъ между англійскими гарибальдійцами и ирландскими пѣнтами, *митинги были запрещены въ паркахъ*. Запрещеніе, въ сущности, не имѣющее силу закона, чисто административное.

Митингъ не былъ допущенъ не потому, что онъ за Польшу, а потому, что онъ созванъ былъ въ паркѣ. Митингъ, который бы имѣлъ цѣлью благодарить императора Александра II за назначеніе Берга въ какіе-то *ablegatus'ы* ¹⁾; митингъ, который бы имѣлъ цѣлью заявить свое сожалѣніе о разстройствѣ умственныхъ способностей прусскаго короля, такъ же точно не былъ бы допущенъ. Полиція (не знаю, многому ли научили Константина Николаевича два лондонскіе полисмена, давашіе ему уроки,—а было чему поучиться) и не препятствовала, собственно. Полицейскій сказалъ очень учтиво, что, если кто приметъ мѣсто чермена (президента), то онъ будетъ въ необходимости *его арестовать*. Что же изъ этого? Въ континентальномъ воображеніи тутъ Алжиръ, Кайенна, Иркутскъ, Иртышъ, цѣпи, казаки, пруссаки... Здѣсь совсѣмъ не то: чермена на другой день выпустили бы, а много-много заставили бы заплатить нѣсколько шиллинговъ.

Митингъ былъ дурно созванъ; если бы было тысячъ десять народу съ самага начала, полицейскій еще учтивѣе сказалъ бы то же и пошелъ бы закусывать.

Мы не знаемъ, кто сзывалъ этотъ митингъ, но чермень или бюро поступили дурно. Надо было допустить полицейскому арестовать кого-нибудь, тогда мы увидѣли бы вопросъ о правѣ полиціи запрещать митинги передъ судомъ, а легко можетъ быть и передъ парламентомъ.

2116. «Ward Jackson».

Пароходъ «Ward Jackson», на которомъ отправился комиссаръ польскаго правительства I. Демонтовичъ и полковникъ Ѡ. Лапинскій съ отрядомъ польскихъ волонтеровъ, находится въ Мальмѣ. Капитанъ Р. Ветерли не исполнилъ условія и изъ трусости или иныхъ побужденій оставилъ въ Копенгагенѣ пароходъ со всѣмъ экипажемъ, исключая трехъ матросовъ, и объявилъ, что дальше не повезетъ. Поляки были принуждены высадиться въ ближай-

¹⁾ Прежнее названіе второстепенныхъ дипломатическихъ агентовъ.

шей шведской гавани. Въ Мальмэ отрядъ былъ принятъ жителями съ энтузіазмомъ.

Въ журналахъ была бездна вздора, повтореннаго и нашими газетами, объ этой экспедиціи. Никакія дамы не участвовали ни въ снаряженіи корабля, ни въ покупкѣ его груза, да и никакіе мужчины, кромѣ поляковъ. Все было сдѣлано *на польскія деньги, данныя полякамъ.*¹

◆◆ 1. Къ этому времени Герценомъ уже было получено письмо Бакунина отъ 31 марта изъ Гельсингборга, которое и привожу полностью, какъ дополнительный матеріалъ для исторіи морской экспедиціи.

«Друзья! Телеграммы наши ужъ извѣстили васъ о печальной неудачѣ экспедиціи, великолѣпно задуманной, но изъ рукъ вонъ плохо исполненной, а главное, слишкомъ поздно отправленной. Успѣхъ ея былъ возможенъ только при соблюденіи двухъ условій: быстроты и тайны. Ее проволочили непростительнымъ образомъ до 21 и, вызвавъ польскихъ эмигрантовъ изъ Парижа въ Лондонъ 14-го, прежде даже, чѣмъ наняли пароходъ, убили тайну. Наконецъ, главнымъ условіемъ былъ выборъ хорошаго, смѣлаго капитана, отъ честной рѣшимости котораго зависитъ весь успѣхъ дѣла. Замѣсто этого выбрали отъявленнаго труса и подлеца и тѣмъ убили всякую возможность успѣха. Выбравши его, положились еще на него до такой степени слѣпо, что не нашли даже нужнымъ дать Демонтовичу копію съ контракта и списокъ груза, т.-е. оружія и снарядовъ, на пароходѣ отправленныхъ. Меня предупредили слишкомъ поздно; я получилъ телеграмму Карда 22-го, въ три часа пополудни и, такъ какъ нѣтъ другой дороги изъ Стокгольма въ Гельсингборгъ, какъ черезъ Готенбургъ, а между Стокгольмомъ и Готенбургомъ существуетъ только одинъ утренній поѣздъ, то я могъ отправиться только на другой день, т.-е. 23, въ 8 часовъ утра. Въ Готенбургъ прибылъ въ тотъ же день вечеромъ, въ 9 часовъ—и не имѣлъ другого средства, какъ ѣхать на другой день вечеромъ дилижансомъ въ Гельсингборгъ, чтобъ пріѣхать туда 26 вечеромъ, или на третій день, т.-е. 25, на пароходѣ, чтобъ прибыть туда того же числа нѣсколькими часами ранѣе. Итакъ, я долженъ былъ ждать парохода, а между тѣмъ, на всякій случай телеграфировалъ въ Гельсингборгъ, что прибуду туда 26, и если-бъ не сдѣлалъ этого, то неувидѣлъ бы экспедиціи. Она прибыла въ Гельсингборгъ 25 вечеромъ, и въ ожиданіи меня потеряла почти цѣлый день, а потомъ была задержана бурей и измѣною капитана. Выборъ Гельсингборга для встрѣчи со мною былъ въ высшей степени несчастливъ. Весь Зундъ кишитъ русскими и другими шпионами на жалованіи и безъ жалованія. Необходимо было поэтому пройти Зундъ быстро, нигдѣ не останавливаясь. Гельсингборгъ видѣнъ изъ Гельсингера, а Гельсингеръ, по-

старой памяти, шпионское и именно российско-шпионское мѣсто. Нужно было назначить мнѣ rendez-vous или въ Готенбургѣ, куда я могъ прибыть каждый день, или еще лучше на южной окраинѣ острова Gottland, въ какой-нибудь деревушкѣ, куда могъ высадиться посланный отъ Демонтовича и Лапинскаго, и возлѣ котораго пароходъ нашъ могъ бы крейсировать, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія. Продавъ меня сутки, экспедиція осталась еще двое сутокъ, задержанная бурей и еще болѣе злымъ умысломъ капитана. До Гельсингборга, по общему свидѣтельству, онъ велъ себя порядочно, обнаруживалъ, равно какъ и весь экипажъ, большую симпатію къ цѣли экспедиціи. Въ Гельсингборгѣ онъ вдругъ перемѣнился. Тутъ онъ въ первый разъ объявилъ, что онъ подвергается со стороны русскихъ крейсеровъ, могущихъ встрѣтиться съ нами, огромной опасности, потому что, *не желая остановить экспедиціи еще на нѣсколько дней, онъ не взялъ необходимыхъ бумагъ ни на грузъ, ни на команду.* Прежде онъ никому объ этомъ не говорилъ, а вспомнилъ только въ Гельсингборгѣ,—сначала ноября только о штрафѣ въ 500 ф. стерл., которому онъ, вслѣдствіе этой небрежности, подвергнуться можетъ, но когда ему отвѣчали, что поляки ему ихъ заплатятъ, если экспедиція удастся, тогда только онъ сталъ говорить о виселицѣ и о Сибири; подъ разными предлогами, онъ задержалъ насъ въ Гельсингборгѣ 26 и 27, и только 28, въ 1 часъ пополудни, могли мы заставить его взять насъ на пароходъ. Между тѣмъ, онъ успѣлъ сойтись съ хозяиномъ hôtel'я, въ которомъ мы остановились, а черезъ него съ русскимъ консуломъ, компаньономъ и другомъ хозяина,—и мы узнали черезъ кельнера, что хозяинъ и консулъ вмѣстѣ телеграфировали что-то русскому посольству въ Стокгольмъ, и не сомнѣваюсь я въ томъ, что мы были задержаны такъ долго въ Гельсингборгѣ по приказанію русскихъ властей, которыя, безъ сомнѣнія, употребили это время на приготовленіе намъ встрѣчи. Лишь только мы сѣли на пароходъ, узнали мы, что капитанъ, собравъ своихъ матросовъ, держалъ имъ рѣчь, въ которой описалъ имъ опасности, которымъ они подвергаются, если пойдутъ съ нами въ Балтійское море. Мы держали между собою совѣтъ,—насъ безпокоила все болѣе и болѣе наружу выступавшая безсовѣстность капитана, который, когда мы говорили съ нимъ, упрекая его въ двоедушіи, отвѣчалъ намъ слезами и увѣреніями въ преданности. Съ другой стороны, мы должны были призадуматься, получивъ вашу послѣднюю депешу въ Гельсингборгѣ, въ которой вы насъ извѣщали о правительственныхъ приготовленіяхъ въ Литвѣ. Вслѣдствіе этого мы рѣшились уговорить капитана вести насъ къ Готланду. Лишь только мы бы вышли изъ Зунда, мы стали бы говорить съ капитаномъ съ револьверомъ въ рукѣ и объявили бы ему, что для спасенія своей головы онъ долженъ исполнить вполнѣ свое обѣщаніе. Прибывъ къ Готланду, мы хотѣли отправить на рекогносцировку двѣ рыбацкія лодки съ нашими людьми, одну—на русскій берегъ,

между Полангеномъ и Ливаю, другую на прусскій, между Полангеномъ и Мемелемъ,—войти въ сношенія съ нашими друзьями, насъ, безъ сомнѣнія, ожидавшими, и съ ихъ помощью исполнить, во что бы то ни стало, предпринятое, отъ успѣха котораго зависѣло такъ много. Догадался ли капитанъ, или исполняя планъ, уже прежде, можетъ быть, съ русскими агентами еще въ Англии обдуманнѣй, но онъ, вмѣсто Готланда, причалилъ насъ къ Копенгагену, подъ предлогомъ снабженія парохода прѣсною водою, которой, видите, онъ не успѣлъ взять въ продолженіе нашего четырехсуточного пребыванія въ Гельсингборгѣ, и на что, по его собственнымъ словамъ, не требовалось болѣе 2 часовъ времени. Онъ самъ отправился въ городъ. Мы ждали его цѣлый вечеръ и цѣлую ночь. На другой день, 29, въ воскресенье, по просьбѣ друзей, я самъ отправился въ Копенгагенъ, былъ у знакомаго редактора «Vaterland et Plog»¹⁾ и, по его совѣту,—у англійскаго министра Sir Paget, совершеннаго джентльмена, принявшаго меня съ самымъ искреннимъ участіемъ и сейчасъ же принявшаго всѣ офиціозныя мѣры, единственныя, которыми онъ могъ служить намъ, чтобы намъ помочь. Онъ еще наканунѣ видѣлъ нашего подлеца капитана, который старался оклеветать насъ передъ нимъ, увѣряя его, что мы—варвары, разбойники, грубостью и насиліемъ возбудившіе благородное великобританское негодованіе въ матросахъ, которые, будто бы, вслѣдствіе того противъ него самого взбунтовались и отказываются рѣшительно плыть далѣе, такъ что онъ, капитанъ, при самомъ горячемъ желаніи, не въ силахъ исполнить условій контракта. Всѣ старанія мерзавца были, однако, напрасны. Sir Paget не повѣрилъ ни одному слову. Вся разница въ нашихъ воззрѣніяхъ состояла въ томъ, что Sir Paget не могъ рѣшиться подумать, чтобы капитанъ дѣйствовалъ въ союзѣ съ русскими агентами, чтобы онъ поступилъ съ нами предательски,—приписывалъ же всѣ непростительныя дѣйствія его подлой трусости. Вы должны знать, что въ Копенгагенѣ есть домъ Hansen et Co, исполняющихъ роль агентовъ той самой англійской компаніи, которая заключила съ Цверцяжевичемъ контрактъ, и что агенты, какъ мнѣ объявилъ самъ удивленный Sir Paget,—въ то же самое время агенты русскаго военнаго флота для поставки угля и пр., что они именно теперь готовили уголь для ожидаемаго на другой день русскаго военнаго судна. Къ этимъ агентамъ Sir Paget отправился самъ. О продолженіи экспедиціи думать было ужъ невозможно. Матросы, по наущенію капитана, всѣ оставили нашъ пароходъ, такъ что мы остались только съ двумя моряками: старшимъ машинистомъ, честнымъ молодымъ человѣкомъ, который съ негодованіемъ и

¹⁾ Vaterland по-нѣмецки значитъ *отечество*, et по-французски — и, Plog по-датски—*плугъ*; названіе газеты, очевидно, перепутано профессоромъ Драгомановымъ, вообще, совершенно неподготовленнымъ для изданія подобныхъ революціонныхъ документовъ, которымъ онъ не могъ искренно отдаться, какъ основоположникъ кадетствующаго крыла нашей общественности.

съ благороднымъ стыдомъ смотрѣлъ на дѣйствія англійскаго капитана, и съ датскимъ лодманомъ. Намъ оставалось желать только одного: какъ можно скорѣе оставить Копенгагенъ и войти въ ближайшій шведскій портъ. Датское правительство, вслѣдствіе глупой ноты Росселя по шлезвигъ-голштинскому вопросу, видя почти всѣхъ противъ себя, бросилось отчасти подъ покровительство петербургскаго кабинета, который пользуется тамъ поэтому гораздо сильнѣйшимъ вліяніемъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ онъ всѣми, и правительствомъ, и народомъ, равно страстно ненавидимъ. Если бы мы пробыли одинъ лишній день въ Копенгагенѣ, нѣтъ сомнѣнія, что, по требованію русскаго посольства, на насъ всѣхъ, на людей и на оружіе, былъ бы наложенъ секвестръ. Люди были бы въ лучшемъ случаѣ отправлены обратно, а весь грузъ безвозвратно потерянь. Мы сами знали поэтому, что ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ итти въ Мальмэ, ближайшій шведскій портъ въ двухъ часахъ отъ Копенгагена. Однако, дабы не дать компаніи возможности сказать, что мы были приведены въ Мальмэ по нашему собственному желанію, и что поэтому буква контракта была исполнена, мы требовали, чтобъ насъ вели къ острову Gottland. Капитанъ не только не соглашался на это, боясь русскихъ крейсеровъ, нашихъ револьверовъ и нашей серьезной угрозы, что, если онъ наведетъ насъ на русскаго крейсера, то мы сначала попробуемъ абордажъ, а, въ случаѣ неудачи, полетимъ вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ,—онъ не захотѣлъ даже со своими матросами вести насъ въ Мальмэ, такъ что агенты компаніи принуждены были нанять датскаго капитана и датскихъ матросовъ, съ помощью которыхъ 30 марта, въ 5 часовъ вечера, бѣдный парохсдъ нашъ, оставленный всѣми англичанами, вошелъ въ мальмскую гавань. Агенты компаніи долго держали насъ въ Копенгагенѣ въ надеждѣ вырвать у насъ квитанцію. Тутъ почувствовали мы всѣ плоды практическаго ума Цверцякевича, позабывшаго, не хотѣвшаго, говорятъ, дать Демонтовичу копию съ контракта, ни даже грузового списка для предъявленія права на собственность. Да, нашъ Цверцякевичъ взялъ на себя отвѣтственность огромную, дай богъ ему легко отъ нея отдѣлаться. Можетъ быть, у него есть объясненіе и оправданіе на все,—можетъ быть, виноваты другіе, но въ виду грозныхъ современныхъ происшествій, рѣшающихъ нынѣ судьбу Польши, по совѣсти должно сказать, что экспедиція была устроена и отправлена съ преступною виновностью и небрежностью.

«Скажу теперь нѣсколько словъ о себѣ и о личномъ составѣ нашей неудавшейся экспедиціи. Въ Гельсингборгѣ, передъ самымъ отъѣздомъ я вамъ написалъ грустное письмо, въ которомъ, думая, что говорю съ вами, можетъ быть, въ послѣдній разъ, жаловался вамъ на васъ самихъ въ довольно прямыхъ и, можетъ быть, жесткихъ выраженіяхъ и которое, надѣюсь, не оскорбило васъ и не заставило васъ усомниться въ моей горячей любви

къ вамъ, потому что вы слишкомъ серьезны и справедливы, чтобы не понять, что я былъ правъ. Вы поступили со мной, какъ съ ребенкомъ, предупредивъ меня только въ послѣднюю минуту и, какъ вы сами видите, слишкомъ поздно, малословною телеграммою, что я долженъ отправиться туда и туда;—а между тѣмъ, экспедиція готовилась болѣе мѣсяца; вы имѣли достаточное время, чтобы подробно и ясно увѣдомить меня обо всемъ, и, не сдѣлавъ этого, принесли значительный вредъ самой экспедиціи, потому что, если-бъ я былъ предупрежденъ во-время, я бы могъ принести ей именно здѣсь, въ Швеціи, несомнѣнную и огромную пользу. Я требовалъ этихъ подробностей отъ Цверцякевича, но онъ, по вашему ли совѣту или по своимъ собственнымъ соображеніямъ, не соблаговолилъ исполнить моей просьбы, полагая, вѣроятно, что одного мановенія его руки будетъ достаточно, чтобы двинуть меня, куда ему угодно—въ этомъ онъ страшно ошибся,—и хорошо вы сдѣлали, что его телеграммѣ предпослали телеграмму юніора (т.-е. сына Герцена—*М. Л.*), потому что телеграмма Цверцякевича не сдвинула бы меня съ мѣста. Вы же знали, что вашего зова будетъ достаточно, чтобы я бросился слѣпо впередъ,—знали это и не ошиблись; вѣра моя въ ваше слово, въ самомъ дѣлѣ, почти безъ границъ. Но ничего, даже и такой горячею любовью сильной вѣры во зло употреблять не должно. Вспомните, что я не ребенокъ, что мнѣ скоро 50 лѣтъ и что мнѣ неприлично, да и невозможно быть вашимъ мальчикомъ, у васъ на побѣгушкахъ,—и что отнынѣ я не долженъ и не буду принимать участія ни въ какомъ дѣлѣ, вся суть и всѣ подробности котораго мнѣ будутъ неизвѣстны. Я принялъ бы участіе въ этой экспедиціи даже и тогда, когда бы зналъ, какъ мало было оставлено ей шансовъ успѣха, и что даже жена моя пріѣхала въ Лондонъ,—принялъ бы въ ней участіе, потому что всѣмъ существомъ зналъ, чувствовалъ, понималъ мой долгъ, во что бы то ни стало, итти въ Польшу,—по той же самой причинѣ, которая меня и теперь стремится какъ можно скорѣе туда;—но кромѣ этого, я былъ увѣренъ, что дѣло, въ которомъ вы, мои умные, осторожные и вѣчные критики, приняли такое дѣятельное и живое участіе, не могло быть иначе предпринято и исполнено, какъ съ соблюденіемъ величайшей тайны и всѣхъ условій успѣха. Я ошибся. Оно было ведено и устроено руками лѣниваго ребенка. Ну, да довольно объ этомъ. Перейдемъ къ нашимъ бѣднымъ аргонавтамъ. Вы знаете, что я нашелъ въ Гельсингборгѣ только Лапинскаго, Леона Мазуркевича, Бобчинскаго, нашего добраго, честнаго, но еще весьма невиннаго Рейнгарта и далеко не невиннаго жидка Тугендбольда. Сначала Лапинскій мнѣ очень и почти безусловно понравился, и я вамъ сказалъ это въ нѣсколькихъ письмахъ» («Письма», 110—117).

2117. [Общій фондъ].

Въ общій фондъ 10 шилл. (№ 9) и 40 фр. (№ 10). Полученные 2.000 фр. изъ Неаполя для польскаго дѣла переданы I. Цверцякевичу.

2118. Письмо къ дочерямъ.

20 апрѣля (1863).

Orsett House, Westbourne terrace.

Милая Тата, это *четвертое* письмо въ Римъ. Изъ вашего письма я вижу ясно, что опять одно письмо, мною писанное, пропало. Ты пишешь къ Natalie объ одномъ письмѣ отъ меня отъ 20 марта и потомъ о письмѣ Саши отъ 12-го, между было мое. Это очень досадно и убиваетъ охоту писать.

Сегодня приходила сюда Адла за вашимъ адресомъ; я ея еще не видалъ послѣ болѣзни; она выросла и стала красавицей. Я былъ во французской галлерей¹⁾, — тамъ много маленькихъ, миленькихъ картинъ; особенно мнѣ понравилась «Роща», т.-е. лѣсъ, Руссо²⁾, — ужасно живо. А что, когда ты попробуешь свои силы въ пейзажѣ и звѣряхъ? Это — моя *маротта*³⁾.

Если вамъ больно хорошо въ Римѣ, такъ и не торопитесь. А у насъ проекты разные, но которые изберемъ, зависить отъ того, будетъ война или нѣтъ. Если будетъ, — намъ нечего дѣлать: тогда инья силы, чужія возьмутся за дѣло, тогда я могу ѣхать къ вамъ на отдыхъ и подольше. Если же не будетъ, это задержитъ надолго. Мнѣ очень хотѣлось бы съ вами гдѣ-нибудь, хоть въ Сото, погулять мѣсяць-другой, — мы такъ устали отъ здѣшнихъ хлопотъ, интригъ и неприяностей. А тутъ и кончина Потебни оскорбила и ударила въ самое сердце... Саша, можетъ, на будущей недѣлѣ поѣдетъ въ Stockholm.

Развѣ вамъ нельзя полезнѣе провести время во Флоренци или на дачѣ возлѣ, чѣмъ въ fagniente, далеко отъ музеевъ?

Буду писать еще на этой недѣлѣ съ Ог. и Сашей. Онъ ушелъ съ Бакстомъ⁴⁾.

Мартьяновъ уѣхалъ въ Россію. ¹ Получили ли «Кол.»?

Ольга, я твоимъ письмомъ очень доволенъ, буду писать особо.

¹⁾ Въ поѣздку въ Парижъ.

²⁾ Теодоръ, извѣстный французскій пейзажистъ.

³⁾ Marotte — неотступная мечта.

⁴⁾ Владиміръ Игнатьевичъ.

◆ 1. 24 апрѣля н. ст. добровольно возвращавшійся Мартыновъ ступилъ на русскую землю въ Вержболовъ и тотчасъ же былъ арестованъ и отправленъ въ III Отдѣленіе, откуда сданъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости.

2119. Письмо къ Н. Д. ¹⁾.

23 апрѣля 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

На два письма Ваши едва теперъ собрался съ отвѣтомъ. То, что Вы предлагаете, давно сдѣлано мною, но не знаю, какой результатъ вышелъ. Какъ у Васъ, такъ и у насъ недостатокъ дѣльныхъ людей ощутителенъ; да и сношенія съ Россіей у насъ еще правильно не устроены, а посылать черезъ Австрію не приходится. Кр. Остр. ²⁾ писалъ ко мнѣ о томъ же дѣлѣ, и я ему отвѣтилъ, что сдѣлано и что готовится. Друцкой ³⁾, кажется, во Флоренціи, — я отъ него давно не получалъ извѣстій, а Фрикенъ въ Римѣ. Впрочемъ, я имѣю въ виду, кромѣ Тургенега, очень дѣльнаго человѣка, который имѣетъ связи съ петербургской шляхтой. Онъ ѣдетъ скоро въ Россію и, навѣрное, доставитъ намъ подробныя извѣстія о положеніи дѣлъ, — тогда увидимъ, какъ дѣйствовать. Что же касается Пашкова ⁴⁾ и Кривошапкина ⁵⁾, то на нихъ вполне полагаться нельзя. Объ образованіи женскаго общества, — это не дурно, дипломаты въ юбкахъ полезны; не знаю только, какъ приступить. Правда ли, что Наполеонъ готовится на защиту Польши, и есть ли надежда на серьезную бурю? Что касается русскаго движенія, то оно еще не готово, а вызывать преждевременно значить убить всѣ начала, могущія имѣть хорошій исходъ. Альбертини выпущенъ изъ крѣпости, живетъ въ Петербургѣ на-слово. О другихъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

Мужайтесь, — ваше дѣло правое и побѣда за вами. Прошу Васъ выслать новыя изданія по польскому дѣлу и передать г-ну Ходзьку мой сердечный привѣтъ.

Преданный Вамъ

А. Герценъ. ¹

¹⁾ Полякъ; письмо было переслано черезъ Янушкевича.

²⁾ Островскій.

³⁾ Князь Дмитрій Владиміровичъ Друцкой-Соколинскій, женатый на дочери Закревскаго, по первому мужу Нессельроде; познакомился съ Герценомъ лѣтомъ 1861 г. въ Лондонѣ (см. его статью въ IV-кн. «Рус. Архива» 1901 г.).

⁴⁾ Незаконный сынъ Т. П. Пассекъ.

⁵⁾ Михаилъ Ѡмичъ, операторъ енисейской врачебной управы.

◆ 1. Изъ перлюстрированнаго письма сына Герцена отъ 3 мая къ Alexandre Piro (вѣроятно, псевдонимъ) видно, что одновременно съ Друцкимъ-Соколинскимъ во Флоренці были Набоковъ (вѣроятно, Михаилъ Николаевичъ, чиновникъ канцеляріи военнаго министерства) и Аладьинъ — оба знакомые лондонскихъ эмигрантовъ. Д. В. Друцкой писалъ В. П. Боткину 13 апрѣля 1863 г. изъ Флоренціи: «Мы съ Фрикеномъ часто споримъ о Польшѣ; онъ въ Римѣ. Сочувствіе къ возстанію увеличивается; видно, что Франція и Италія ищутъ удобнаго случая. Въ Ливорно снаряжается экспедиція, корабли съ оружіемъ въ Польшу. Неужели Герценъ и К^о имѣютъ приверженцевъ въ Россіи—эти твари... ядовиты (последнія три слова зачеркнуты, но разбираются, четвертое не поддается прочтенію—*М. Л.*)... Набоковъ хандритъ, генераль Аладьинъ распекаетъ всѣхъ за картами etc.» (изъ записной книги Балашевича-Потоцкаго). Если копія агента III Отдѣленія вѣрна, то двуличная роль князя не очень-то сомнительна.

Любопытна для характеристики того момента увѣренность молодого Герцена, внушенная ему отцомъ и другими, въ успѣшномъ исходѣ польскаго возстанія:

«По извѣстіямъ достовѣрнымъ, сочувствіе къ возстанію увеличивается; видно, что Франція, Швеція и Италія ищутъ только удобнаго случая. Не знаемъ, какъ выйдетъ Россія изъ этой новой войны, вызванной дикими мѣрами петербургскаго кабинета. Во всякомъ случаѣ паденіе гольш.-готторп. династіи неизбѣжно. Наши друзья прибыли въ Лондонъ, чтобы серьезно обдумать планъ экспедиціи; жаль, что Фрикенъ въ Римѣ; если у васъ есть время, пріѣзжайте къ намъ, да притомъ ваше присутствіе крайне необходимо» (См. тамъ же, гдѣ и настоящее письмо отца).

2120. Письмо къ дочерямъ.

(27 апрѣля 1863).

Понед., въ два часа.

Мнѣ, Тата, ужасно жаль, что ты не получаешь «Колокола». Какъ же это Мальвида пишетъ, что у васъ такая либерте¹⁾, что чудо? Я пошлю сегодня одинъ листъ франц. и одинъ русскій. Русск. нарочно не буду франкировать, а ты тотчасъ напиши. «Кол.» для тебя необходимъ, какъ наше общее письмо. Твое послѣднее письмо къ Сашѣ оканчивается: «на что Грег.²⁾ отвѣчалъ...» Ну что же онъ отвѣчалъ? Ужь сдѣлайте одолженіе, напишите.

Какъ только будетъ вѣсть о мирѣ и войнѣ, я напишу, когда пріѣду и гдѣ встрѣтися.

¹⁾ Liberté—свобода.

²⁾ Грегоровіусъ.

Вотъ и еще отъ васъ письма. Я очень, очень доволенъ твоимъ письмомъ къ Огар., Ольга; мы и похотали и поприласкали тебя за него. Ага ѣдетъ сегодня въ Bromley ¹⁾ — погулять и квартирку поискать. 1 Juin мы отдадимъ Orsett House.

Alles, alles—ist wahr, was Sie schreiben—und wie alles Wahre—dennoch hat Ihre tragisch christliche schopenhauer-apokalyptische Auffassung—viel einseitiges. Rom—bleibt doch in Sarkophag und ein Kloster. D. moderne Shakespeare-tragische ist in London, bemerken Sie, nicht in Paris, nicht in Berlin—in London.²⁾

2121. Письмо къ Н. П. Огареву.

(27—28 апрѣля 1863).

Только-что ты уѣхалъ, какъ всегда, пошло обиліе новостей. 1-ое. Отъ Бакун. толстое письмо, состоящее изъ 3 хъ частей: Pars I. Письмо къ намъ съ подробнымъ объясненіемъ, что онъ правъ, а Цверцк. виноватъ.

Pars II. Письмо французское съ ругательствомъ Цверцк., которое я могу ему показать.

Pars III. Свидѣтельство, подписанное Демонт. и Лапинскимъ въ пользу Бакунина.

Appendix ³⁾. Переводъ и копія съ письма Цверц.

Первую часть я охотно бы прислалъ, но боюсь насчетъ почты, т.-е. остался ли ты на квартирѣ. Мнѣ было приятно-досадно видѣть, что ты нанялъ скверную квартиру; приятно, потому что это въ характеръ твоемъ; досадно — что это все «поронье горячки». Я, разумѣется, Цверц. письма не покажу, а отъ Лапин. и Дем. покажу. Цвер.—скотъ. Бакунинъ—Schwächling ⁴⁾, онъ самъ ужъ Калинку ругаетъ.

Саша уѣхалъ смотрѣть дома.

Смотри и ты.

До свиданія. ¹

◆◆ 1. Намъ извѣстно письмо Бакунина къ Герцену и Огареву отъ 9 апрѣля и текстъ удостовѣренія. Привожу оба документа.

¹⁾ Городъ въ графствѣ Кентъ.

²⁾ Все, все истина, что Вы пишете, и, тѣмъ не менѣе, какъ всякая истина, Ваше трагически-христіанское шопенгауэровски-апокалиптическое воззрѣніе отличается большой односторонностью. Римъ, все-таки, остается саркофагомъ и монастыремъ. Современное шекспировски-трагическое, замѣтьте это, находится въ Лондонѣ, — не въ Парижѣ, не въ Берлинѣ, а въ Лондонѣ.

³⁾ Приложение.

⁴⁾ Человѣкъ слабосильный.

«Ну, друзья, виноватъ. Вы правы, и я въ отношеніи къ вамъ остался кругомъ дуракъ. Выраженіе, которое въ послѣднемъ письмѣ моемъ васъ оскорбило, дѣйствительно, нехорошо. Пославъ письмо, я вспомнилъ о немъ, меня кольнуло въ сердце, и я хотѣлъ бы воротить его, но было поздно. Оно было нехорошо, потому что похоже было на неблагородный и несправедливый упрекъ, но не было этиаъ упрекомъ. Никогда не приходила и не могла прійти мнѣ въ голову мысль, чтобы вы усомнились пожертвовать головами своими дѣлу, которому посвятили всю жизнь. Не мѣрьте моей вѣры въ васъ тою, которую вы имѣете въ меня. Въ вашей есть еще колебаніе, въ моей его нѣтъ. Какъ бы я ни спорилъ съ вами и противъ васъ, вы оба—мои окончательные совѣтъ и крѣпость ѿ, когда вы довольны мною, я самъ собою доволенъ, и ничто въ мірѣ не въ силахъ меня обезпокоить. Говоря, что вы дали только свои добрыя желанія дѣлу, которому я отдаю голову, я думалъ только объ этомъ специальномъ, болѣе польскомъ, чѣмъ русскомъ дѣлѣ, а не о томъ широко русскомъ дѣлѣ, за которое вы стоите. Этому, друзья, повѣрьте, потому что это правда. Впрочемъ, я былъ раздраженъ, не получивъ отъ жены ни слова. мнѣ было грустно и тяжело; я всталъ съ постели и написалъ глупо,—простите. Я не могъ, кромѣ того, помириться съ тѣмъ, что мнѣ казалось вашимъ недовѣріемъ ко мнѣ—и въ этомъ письмѣ, начатомъ ужъ давно, еще въ Гельсинборгѣ, я жалуясь вамъ на васъ самихъ, и въ немъ найдете въ выраженія, которыя вамъ не понравятся, но я не хочу переписывать и передѣлывать письма. Теперь я вижу, что вы не виноваты нисколько. Виноватъ Цверцякевичъ. Зачѣмъ только вы не извѣстили меня о пріѣздѣ жены?—Ну, да слава богу, теперь она со мною, и я совершенно счастливъ. Она у меня молодецъ. Что касается до тайны, любезный Герценъ, то скажу тебѣ по секрету изъ долгаго опыта, что она ее хранить лучше меня. Опять приступаю къ разсказу. Взошедши на пароходъ, я вполне убѣдился въ томъ, что во всей экспедиціи у меня былъ союзникъ только одинъ вашъ искренній другъ, благородный, но, къ несчастью, больной, и горемъ и недугомъ разбитый Демонтовичъ. Лапинскій храбрый, ловкій, смысленый, но безсовѣстный или, по крайней мѣрѣ, широкосовѣстный кондотьеръ, патриотъ въ смыслѣ непримиримой и непобѣдимой ненависти къ русскимъ, какъ военный, по ремеслу ненавидящій и презирающій всякій, даже свой собственный народъ. Вглядѣвшись ближе въ этотъ характеръ и уразумѣвъ его лучше съ помощью Демонтовича, я, признаюсь, крѣпко задумался въ успѣхѣ нашего русскаго предпріятія въ польской средѣ. Для успѣха его было необходимо такъ много симпатіи къ нему и вѣры въ него со стороны поляковъ,—но ни того, ни другого, кромѣ Демонтовича, ни въ комъ не было. Лапинскій сказалъ мнѣ много прекрасныхъ словъ, но въ слова его я не вѣрилъ. Къ Демонтовичу онъ питаетъ завистливое и рѣшительно враждебное

чувство, и не сомнѣвался я въ томъ, что онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ успѣхомъ для того, чтобы его уничтожить. Демонтовичъ до того не вѣрилъ ему, что даже остерегался (по его собственнымъ словамъ) принимать изъ рукъ его пищу, боясь отравы. Хороша экспедиція, въ которой два главные предводителя, отъ согласія которыхъ зависитъ успѣхъ ея, находятся въ такихъ отношеніяхъ! Прибавьте ко всему этому болѣзнь Демонтовича, разбитого до такой степени, что онъ еле могъ двигаться и сказать слово. На кого же мнѣ было опереться? На сплетницу-интригантку Леона Мазуркевича или на бабу-сплетницу Бобчинскаго. Оба мнѣ льстили въ глаза, но, какъ я узналъ потомъ, оба меня за глаза ругали.—Наконецъ, жидокъ Тугенд-больдъ, сначала мнѣ очень понравившійся, но потомъ оказавшійся *âme-dâmpnée de Lapinski* ¹⁾ и его шпіономъ противъ всѣхъ и каждого. Молодцами были только юноши-поляки, весело шедшіе на смерть и преданные безъ фразъ. Съ ними и умереть было бы не скучно. Положеніе нашего Рейнгарта было также не легко и неловко. Всѣ называли его москалемъ и спрашивали, что онъ между поляками дѣлаетъ. Ни Демонтовичъ, ни Лапинскій не даютъ себѣ труда объяснить полякамъ, зачѣмъ онъ поѣхалъ. А, по моему мнѣнію, это было необходимо. Однимъ словомъ, тайныхъ недоразумѣній и неудовольствій я нашелъ тѣму и думалъ, что нужно будетъ ждать счастливой звѣзды для удачнаго исхода нашей несчастной экспедиціи. Явная и систематически задуманная измѣна капитана положила ее въ лоскъ» («Письма» 117—119).

Привожу переводъ удостовѣренія, выданнаго Бакунину, точно съ французскаго текста (исправляя лишь явныя ошибки), не слѣдуя безобразному переводу, напечатанному проф. Драгомановымъ.

«Узнавъ, что г. Цверцякевичъ обвиняетъ Бакунина въ неудачномъ исходѣ нашей экспедиціи, съ одной стороны, благодаря тому, что Калинка оказался въ Гельсингборгѣ, съ другой, — вслѣдствіе противорѣчивыхъ, вредныхъ и, къ тому же, непрошенныхъ совѣтовъ Бакунина, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить:

«1) Калинка, привезенный Бакунинымъ въ Гельсингборгъ съ тѣмъ, чтобы дать возможность Литвѣ воспользоваться поддержкой, которую намъ могли оказать шведы, пріѣхалъ, правда, противъ нашей воли, но его пріѣздъ никоимъ образомъ не могъ отразиться на успѣхѣ или неуспѣхѣ экспедиціи;

«2) Бакунинъ никогда не принималъ участія въ нашихъ совѣщаніяхъ безъ приглашенія съ нашей стороны. Его совѣты не только никогда не приносили вреда, но, напротивъ, были направлены къ тому, чтобы способствовать успѣху нашего предпріятія;

«3) мысль остановиться близъ острова Готланда, чтобы добыть суда для скорой высадки и для развѣдки моря, возникла у насъ задолго до этого, въ Гельсингборгѣ, по полученіи нами извѣстія

¹⁾ Преданнымъ душою и тѣломъ Лапинскому.

объ открытіи регельской гавани. Очистка ея ото льда открывала море крейсерамъ, что дѣлало нашу экспедицію гораздо болѣе опасной и трудной;

«4) неуспѣхъ нашей экспедиціи объясняется исключительно задержкой нашего отъѣзда изъ Англии и оглаской, вызванной нашими приготовлениями. Это запозданіе и эти слухи дали возможность русскимъ приготовиться къ принятію насъ и особенно способствовали злополучному выбору капитана, сознательно предавшаго насъ, быть можетъ, даже по соглашенію съ назначившимъ его агентствомъ.

«Мы дѣлаемъ это заявленіе Бакунину отъ всего сердца, но просимъ его обѣщать намъ использовать его съ самой большой осторожностью и показать его исключительно гг. Церцякевичу, Герцену, Огареву, Маццини и делегатамъ Временнаго польскаго Правительства, а огласить наше заявленіе — только въ моментъ крайней необходимости, т.-е. въ случаѣ серьезныхъ нападковъ на Бакунина въ печати.

*Иосифъ Демонтовичъ,
Полковникъ О. Лапинскій».*

Стокгольмъ, 20 апрѣля 1863 г.

2122. Письмо къ М. А. Бакунину.

29 апрѣля (1863).

Orsett House, Westbourne terrace.

Письмо твое, почтенный Михаилъ, хотя и не Архангель, получилъ. Посылаю въ замѣну его пакетъ изъ Торжка. Печать не надломлена, — чудеса!

Послѣ послѣдняго волюма ¹⁾ твоего писанія, Цверц. умолкъ, и я вновь обвиненій не слыхалъ, — я говорю о прошломъ письмѣ, — а потому я покамѣстъ рецептъ Демонтовичъ-Лапинскій оставилъ у себя ²⁾. А твое французское письмо ему еще менѣ покажу. Его тонъ слишкомъ hargneux ³⁾ и орфограф. ошибки поминать не надобно было.

Рейнг. ⁴⁾, разумѣется, оставь; у Дем. ⁵⁾ была, вѣдь, типографія съ собой. Да я думаю, что par le temps qui court ⁶⁾ и тебѣ

¹⁾ Volunte — томъ.

²⁾ Т.-е. удостовѣреніе ихъ, выданное Бакунину въ Стокгольмѣ.

³⁾ Бранчивый.

⁴⁾ Рейнгартъ, русскій участникъ экспедиціи Лапинскаго.

⁵⁾ Иосифъ Демонтовичъ.

⁶⁾ Въ наше время.

слѣдуетъ сидѣть въ шведахъ. Чего ты ждешь Сашу такъ скоро, я не понимаю. Вѣдь, ты можешь все то же дѣлать, и наши ему порученія будутъ совершенно иныя, если будетъ война, — иныя, если не будетъ война. Вотъ причина, почему я оттягивалъ его отъѣздъ.

Впрочемъ, Саша, какъ только будетъ отвѣтъ, поѣдетъ; чемоданъ у него готовъ, дорожная фуражка куплена.

За что же, шеръ ами ¹⁾, ты о насъ бѣдныхъ судишь по себѣ и думаешь, что мы, видѣвши разъ пять часовъ по пяти Лапинскаго, не оцѣнили его вполне? Даже его адъютанта ²⁾ мы прекрасно поняли и твои похвалы ему приняли болѣе за игру воображенія. Вѣдь, не мы говорили въ двухъ посланіяхъ о добродѣтеляхъ, тугендахъ и вертяхъ ³⁾ Калинина, для того, чтобы въ третьей эпистолѣ сказать о томъ, что у него ни тугендей, ни вертей нѣтъ.

О, юность, юность удалая!

Мнѣ, братъ, стукнулъ 51 годъ. Когда мнѣ еще было только 50 лѣтъ, помнишь ли, что я тебѣ говорилъ о Цверцякъ? Ты этому не завидуй. Это мое несчастье, что католическій взглядъ у меня хорошъ.

Осипъ Иван. ⁴⁾ уѣхалъ.

Ник. Пл. въ Bromley, ищетъ намъ фатеру.

На-дняхъ буду еще писать.

Отъ книгопродавца отвѣта нѣтъ. Я ему послалъ на 1.000 фр. условіе, и ты можешь сдѣлать: за нынѣшній годъ «Колок.» по 50%, съ будущ. 45%, книги 45 и портр. 40%; книги Трюб. 33%, доставка его. ¹

◆◆ 1. Для лучшаго уясненія разныхъ позицій лондонскихъ друзей приведу неизвѣстное письмо Бакунина къ Н. И. Жуковскому отъ 9 іюля 1863 г.: «Лондонъ по своему отдаленію, равно какъ и по своему *направленію*, представляетъ сторону исключительно теоретическую нашего дѣла, причемъ на долю Герцена выпадаетъ политическая критика, а на долю Огарева—чистая математика, т.-е. изложеніе чистыхъ объективныхъ началъ русскаго движенія и непосредственное дѣйствіе на народъ прокламаціями, которыхъ никто не умѣлъ писать лучше его. Онъ ихъ пишетъ душою, своею кровью и жизнью, и въ этомъ отношеніи онъ, право, святой человекъ. Герценъ, кромѣ того, великолѣпно поставилъ и продолжаетъ отстаивать русское дѣло передъ европейской публикой, но во внутренней практикѣ онъ неисправимый скептикъ и дѣйствуетъ на нее не только что не поощряющимъ, но деморали-

¹⁾ Cher ami—дорогой другъ.

²⁾ Тугендгольдъ, называвшій себя Полесомъ.

³⁾ Tugend, vertu—добродѣтель, первое—по-нѣмецки, второе—по-французски.

⁴⁾ Маццини.

зующимъ способомъ. Литераторъ гениальный по преимуществу, онъ соединяетъ всѣ блестящія качества со всѣми недостатками своего цеха. Когда въ Россіи возвратится свобода, и когда она начнетъ строиться, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, могучимъ журналистомъ, и, можетъ быть, ораторомъ, государственнымъ человѣкомъ, пожалуй, правителемъ, но на революціоннаго дѣятеля въ немъ рѣшительно недостаетъ матеріала... Не могу скрыть, однако, что годъ, проведенный съ нимъ, прошелъ въ глубокой семейной борьбѣ. Мнѣ казалось, что направленіе ихъ слишкомъ отвлеченно, литературно, а что въ Россіи наступаетъ теперь пора для дѣла практическаго. Мнѣ казалось, что «Колоколь», такъ много сдѣлавшій для пробужденія и для постановки вопросовъ въ Россіи, самъ долженъ переродиться теперь, если хочетъ сохранить свое вліяніе въ Россіи. Мнѣ казалось, что онъ отставалъ мѣсяцемъ назадъ отъ обстоятельствъ въ то время, какъ онъ долженъ былъ идти мѣсяцемъ впереди ихъ. Мнѣ казалось, что онъ д. б. еще годъ тому назадъ провозгласить свой разрывъ съ императорствомъ, а онъ все еще кокетничалъ съ нимъ, и когда былъ опубликованъ проектъ судебныхъ реформъ, онъ готовъ былъ почти смотрѣть на него серьезно... Я б. частью имѣлъ на своей сторонѣ Ог., который далъ своему народному «Вѣчу» направленіе гораздо болѣе логичное и радикальное. Наконецъ, встрѣтились мы съ польскимъ вопросомъ. Тутъ рознь наша стала еще глубже и яснѣе. Не входя въ подробности нашихъ преній по этому предмету, скажу только, что, сознавая въ одинаковой мѣрѣ съ моими лондонскими друзьями огромную разницу, существующую между началами польскимъ и русскимъ, я, все-таки, былъ и остаюсь того мнѣнія, что мы по мѣрѣ силъ и возможности должны принять непосредственное участіе въ польскомъ возстаніи, такъ какъ оно есть возстаніе противъ нашего общаго врага—русскаго императорскаго государства». (собраніе Кружка имени Герцена).

2123. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 апрѣля (1863 г.)

Orsett House, Westbourne terrace.

Грустное письмо твое я получилъ и въ первой части его, т.-е. въ домашней, совершенно согласенъ и въ теоріи и въ частномъ приложеніи. Тутъ именно *рогъ*, т.-е. рабство передъ силами, которыя мы не признаемъ справедливыми, но которыя гнутъ насъ въ бараній рогъ. Ты говоришь: люди не имѣютъ «религіи откровенности» или искренности,—не могутъ имѣть. Тотъ только будетъ вполнѣ искрененъ, кто скажетъ: «можетъ, оттого, что я скажу правду, умрутъ старики, умрутъ дѣти, но я ее скажу».

That is the question ¹⁾ или пряпятстве бѣга. На этомъ-то мы и побиты, поэтому-то, можетъ, въ насъ, tout bien pris ²⁾, доброты больше эгоизма.

Я нашель одинъ очень хорошій домъ между Chiswick'омъ ³⁾ и Кью ⁴⁾, отъ Kewstation ⁵⁾ одну милю по большой дорогѣ, на годъ 300 гин., а сегодня поѣду въ Twickenham. Изъ этихъ двухъ надобно рѣшиться. Для дѣтей мѣста не будетъ. Домъ съ ними меньше 400 или 450 нельзя найти, ergo, потеря будетъ éventuellement ⁶⁾ до 100 фун. въ годъ,—куда ни шло. Finis ⁷⁾.

Теперь къ общему. Больно мнѣ, но скажу, что ты неправъ относительно меня, и именно это мнѣ и мудрено. Мы представляемъ, и въ этомъ я глубоко убѣжденъ, дѣятельный ферментъ русскаго движенія, и во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ нами сообщаемое движеніе одинаково. Гдѣ же различіе? Вѣря въ нашу силу, я не вѣрю, что можно произвести роды въ шесть мѣсяцевъ беременности, и мнѣ кажется, что Россія въ этомъ шестомъ мѣсяцѣ. Я увлекаюсь скорѣе тебя и трезвѣю скорѣе. Дай мнѣ готовую силу, а дай ошупать *живой зародышъ*. Конечно, живой зародышъ носится въ общемъ состояніи, носится въ гениі народа, въ направленіи литературы, въ реформахъ и пр.; но гдѣ онъ до той степени сложился и обособился, какъ, ех. гт., ты находишь въ «З. и В.»? Я этого не вижу. Ты фанатически сосредоточилъ всѣ твои силы въ одинъ фокусъ. Любовь къ дѣлу, мысль, что мало остается жить, даже одиночество мысли (тѣмъ болѣе полное, что ты почти не разсѣваешься и чтеніемъ чего-нибудь другого),—все это вмѣстѣ развило въ тебѣ религіозную страсть, въ родѣ Маццини. Ты страстно хочешь—и не спрашиваешь, достаточно ли для творчества и созданія тѣхъ элементовъ, которые vorhanden ⁸⁾). Возбудить ты, я ихъ можемъ, но уже самая организациа изъ Лондона—вещь мудреная. Не думалъ ли ты о томъ, что послѣ всего, что было съ Крымской войны, въ самомъ дѣлѣ, Росіи всего нужнѣе опомниться, и для этого ей нужна покойная, глубокая, истинная *проповѣдь*? Ты на нее способенъ. Проповѣдь можетъ сдѣлать агитацію, но не есть агитаціа. Вотъ почему я иногда возражалъ на твои агитаціонныя статьи. Вотъ примѣръ: въ твоей послѣдней статьѣ въ «Об. В.» ⁹⁾ ты говоришь: «Если бы царь былъ земскій, *крестьянскій*, русскій». Въ памфлетѣ это ничего, въ проповѣди глубоко искреннее чувство тебѣ не позво-

¹⁾ Вотъ въ чемъ вопросъ (фраза изъ монолога Гамлета).

²⁾ Такіе, какъ мы есть.

³⁾ Гор. въ гр-вѣ Миддльсексѣ.

⁴⁾ Kew — городокъ и приходъ въ гр-вѣ Суррей.

⁵⁾ Станціа Кью.

⁶⁾ Приблизительно.

⁷⁾ Конечъ.

⁸⁾ Въ наличности.

⁹⁾ «Что-то будетъ», «Общее Вѣче» № 15.

лило бы это сказать. Отрѣзать отъ народа всю часть не-крестьянскую—демагогія. Признать нѣсколько человекъ очень мало даровитыхъ (представитель которыхъ отрекся отъ нихъ) за зародышъ я не могу. Вспомни, Огаревъ, что съ начала до конца я васъ предостерегалъ отъ шума объ офиц. и солдатахъ, идущихъ на помощь Польшѣ. Ты мнѣ всегда говорилъ, что берешь это на себя. Какъ будто у насъ рѣчь могла быть объ отвѣтственности. Ты ли отвѣчаешь, или любезнѣйшій неспособникъ Бак., а дѣло это намъ повредило, лишило насъ силы, а сила наша только и зиждется на талантѣ да на довѣрїи.

То же, что было съ «З. и В.» и съ офицерами, ты испыталъ съ Печеринымъ. Я не виню тебя, что ты ему писалъ какъ бы ко мнѣ изъ Кунцова и попа-іезуита 55 лѣтъ принялъ за юношу, а спрашиваю: ну, если-бъ онъ тебѣ написалъ «я уложилъ мое распятіе, куда надобно итти?»—что же бы ты сдѣлалъ?

Я чувствую еще всю свою силу на проповѣдь, на судъ и осужденіе, на анаэму. Я чувствую силу mit der Gemeinde ¹⁾ носиться по морю взадъ и впередъ, продолжая свою рѣчь. Я готовъ «Колоколу» дать этотъ характеръ. Такая проповѣдь не пропадетъ; вѣдь, въ свое время она много сдѣлала. Будемъ звать юношей... въ этомъ я пойду съ тобой, какъ шель всю жизнь, пойду я и во всемъ остальномъ,—но вѣры, чтобъ зародышъ былъ готовъ, что мы можемъ «сдѣлать возстаніе», у меня еще нѣтъ. А когда я смотрю на d. wüste Treiben ²⁾ такихъ сильныхъ движеній, какъ польское, мною овладѣваетъ ужасъ передъ этими путями бесплоднаго кровоистечения.

Ты говоришь, я, будто, говорю: «я далъ деньги на дорогу, чего же больше?». Нѣтъ, я далъ всю жизнь, я далъ весь трудъ одному дѣлу. Не нашель ли ты здѣсь раздѣленіе труда при единствѣ цѣли, о которомъ ты говоришь въ статьѣ о Потеннѣ? ³⁾

На первый случай довольно; завтра, можетъ, еще напишу.

Совѣтую прочесть въ «Таймсѣ» отъ вторн. рѣчь Ferrand ⁴⁾ о Ланкаширѣ,—какъ-то Лугининъ переварить.

«Nord» пишетъ, что раскольники изъ Москвы тоже подали адресъ госуд. объ усердіи. Plon-Plon ⁵⁾ уѣхалъ. Бергъ ⁶⁾ опредѣлилъ снова Абрамовича.

Насчетъ финскаго письма скажу, во-1-хъ, что оно длинно,—я отмѣтилъ два alіaca ⁷⁾, во-2-хъ, слѣдовало бы прежде знать, какого мнѣнія V. Czartoryski. Я бы долею содержаніе написалъ

¹⁾ Съ «міромъ».

²⁾ Безпорядочный характеръ.

³⁾ Въ № 162 «Колокола». ⁴⁾

⁴⁾ Жозефъ, франц. публицистъ.

⁵⁾ Plon-Plon—насмѣшливое прозвище принца Наполеона, составленное изъ буквъ его имени и фамиліи: *Napoleón-Paul Bonaparte*.

⁶⁾ Помощникъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ.

⁷⁾ Повторенія.

для Саши, а квинтъ-эсс. Квинтену ¹⁾). Вхать Саша, пожалуй, можетъ, ех. гг. въ понедѣльникъ или вторникъ, но опять же исповѣдую, что потери нѣтъ, и Бак. очень достаточенъ для дѣлъ en gros. Что же за помойная яма интригъ у нихъ ²⁾), это разсуди самъ по его письму. Я Цверц. ничего не сообщалъ. Завтра пришло письмо.

Женѣ Бакун. пришелъ огромный пакетъ писемъ на адресъ Трюбнера изъ Торжка, и печать цѣла. Я ему его сегодня отсылаю и приписалъ, что Саша готовъ, но что я думаю, надобно ждать отвѣта изъ Россіи, потому что инструкціи военныя и статскія совсѣмъ инныя.

Прощай. Посылаю на первый случай только письмо Баку., versets ³⁾ Цверцякев. и ѣду въ Ричмондъ. Жду отвѣта, чтобъ послать остальныхъ.

P. S. Погода холодная, и Лиза капризничаетъ; я эту конкденцію ⁴⁾ замѣчалъ много разъ. Дома тихо. Сегодня вечеромъ я хочу сдѣлать опытъ и сказать словъ нѣсколько изъ твоего письма. Только это будетъ поздно, ибо раньше 9 не воротится

◆◆ 1. Обращаясь къ друзьямъ - юношамъ, Огаревъ, между прочимъ, писалъ: «Примыкайте къ обществу, не спрашивайте, сильно оно или не сильно; не говорите, что вы примкнете тогда, когда убѣдитесь, что оно сильно. Покуда вы такъ будете спрашивать, откуда же взять ему силы? Поймите, что вы, каждый собою, приложите свою силу и что, примыкая, вы создаете силу союза. Если вы будете медлить и сомнѣваться, вы не создадите этой силы и только обречете себя на самопрезрѣніе... Вѣроятнѣе всего, что дѣло земли и воли русскаго народа придется готовить еще не одинъ день; что русская дѣятельность еще не на одинъ день обречена на работу терпѣливую, неутомимую, которая гораздо тяжеле и требуетъ гораздо больше преданности и труда, чѣмъ просто итти на сраженіе... Опять повторяется приложеніе все той же вѣчной истины экономической жизни: «совокупность постановки и раздѣленіе труда» Для этого-то и нужно общество, для этого и нужны люди, которые, сохраняя совокупность постановки, развѣтвлялись бы на мыслящихъ и дѣйствующихъ, пишущихъ и проповѣдующихъ, военныхъ и ходоковъ. Для этого-то и не нужно спрашивать, «довольно ли сильно общество», а примыкать, чтобы сдѣлать его *страшно сильнымъ*, и каждому брату на себя то дѣло, которое сподручно».

¹⁾ Псевдонимъ или фамилія одного изъ поляковъ.

²⁾ Въ экспедиціи.

³⁾ Въ церковной службѣ слова Св. Писанія и отвѣтствія на нихъ хора.

⁴⁾ Зависимость

2124. Отъ издателей.

«Записки» кн. Трубецкого были почти окончательно напечатаны, когда одна особа, имѣвшая полное право на то, написала намъ, что приславшій въ Лондонъ списокъ сдѣлалъ это, не спрашивая разрѣшенія наслѣдниковъ, и что они желаютъ заявить, что изданіе «Записокъ» кн. С. Трубецкого не согласно съ ихъ волей, а если можно, то и не приступать къ ихъ печати.

Не сомнѣваясь въ полномъ юридическомъ правѣ лица, отнесшагося къ намъ, мы должны сказать, что эта протестація глубоко огорчила насъ. Для насъ дѣйствующія лица великаго пролога будущей Россіи давно перестали быть людьми, принадлежащими чему-нибудь другому, кромѣ исторіи. Начиная святое дѣло «Собранія записокъ и писемъ декабристовъ», мы забыли, что у нихъ есть наслѣдники; мы имѣли дерзость считать себя наслѣдниками ихъ дѣла, хранителями ихъ памяти, каждаго слѣда ихъ, ихъ страдальческой жизни; за эту гордость мы наказаны и просимъ читателей принять наше заявленіе, что «Записки» кн. Трубецкого напечатаны нами безъ предварительнаго разрѣшенія особъ, которымъ онѣ принадлежать.

29 января 1863.

2125. Между молніей и громомъ.

Штили! Нервная тишина, тишина ожиданія, тяжелаго, мучительнаго... Кто не знаетъ мгновеній, которыя проходятъ между молніей и громомъ? Мысль прервана, работа остановилась... Иные крестятся, приговаривая: «святъ, святъ»; другіе внимательно считаютъ, стараясь отгадать, близко ли, далеко ли гроза.

Мы все это переживаемъ теперь. Молнія сверкнула на Западѣ, удара нѣтъ. Скоро ли, близко ли?.. Ужъ скорѣе разразился бы!

Атмосфера душная, парить, все припало къ землѣ; только слышно журнальное жужжанье, а вѣстей нѣтъ. Что война въ Польшѣ? Какъ течетъ польская кровь, какъ грабятъ русскіе, существуютъ ли Константинъ Николаевичъ, Вѣлепольскій? Все, словно, исчезло въ ожиданіи.

А какъ это зарница?

30 апрѣля.

2126. Петербургскій «Голось» и балтійская болтовня о центральномъ комитетѣ.

«Голось» выписываетъ изъ «Ostsee-Zeitung» слѣдующее: «Тайна, которою были покрыты имена членовъ *центрального революціоннаго комитета*, начинаетъ мало-по-малу обнажаться, и при этомъ обнаруживаются имена молодыхъ людей, до такой степени не замѣчательныхъ, что даже въ Польшѣ едва ли они многимъ извѣстны. До 26 февраля (10 марта) председателемъ комитета былъ инженеръ Варшавско-Вѣнской жел. дороги Марчевскій. Схваченный въ этотъ день въ Варшавѣ, онъ по настоящее время заключенъ въ тамошнюю цитадель, гдѣ ему предстоитъ получить заслуженное возмездіе за свой поступокъ. Между членами комитета находятся: Бобровскій, Іеско и Данилевскій,—все молодые люди, отъ 20 до 24 лѣтъ, которые приняли на себя временное управленіе Польшею, еще сидя на школьныхъ скамейкахъ (1). Молодость и темныя имена членовъ революціоннаго комитета и составляютъ причину, почему, несмотря на всѣ мѣры стѣсненія, имъ удалось до настоящаго времени сохранить анонимность общества».

Остзейскій газетчикъ думаетъ, что великіе люди, какъ великіе князья, должны родиться съ андреевской лентой черезъ плечо и съ офицерскимъ дипломомъ въ карманѣ. Я, съ своей стороны, то же думаю. Съ какой стати молодымъ людямъ соваться въ историческіе дѣятели,—на эдакія должности надобно, чтобы опредѣляло начальство людей пожилыхъ, чиновныхъ, а это такъ, молокососы, самозванцы. Всего смѣшнѣе, что *неизвѣстныхъ людей* хотятъ дѣлать *историческими* людьми, это—*contradictio in adjecto* 1). Бывали такіе безпорядки и прежде, но зато таковскія историческія личности и вышли,—Кромвель, напр., даже инженеромъ не былъ на желѣзной дорогѣ, а просто былъ пивоварь,—зато, кромѣ дебоша, въ англійской традиціи ничего не сдѣлалъ.

Впрочемъ, какого же порядка ждать отъ возмутителей...

Гораздо страннѣе то, что открывши, кто члены зловреднаго комитета, тѣхъ же журналистовъ ждетъ еще открытіе—именно то, что *члены-то другіе*, если не всѣ, такъ à peu près 2). Вотъ сюрпризъ-то будетъ!

◆ 1. 23 января 1864 г. министръ финансовъ Рейтернъ, уведомляя министра вн. дѣлъ о высоч. повелѣніи 1862 г. выдавать Краевскому на изданіе газеты «Голось» изъ суммы, ассигнуемой

1) Противорѣчіе въ существѣ дѣла.

2) Почти.

по государственной росписи на непредвидимые расходы, по 1000 руб. ежемѣсячно съ 1 января 1863 г., «безотчетно, на расходы по составленію статей по части финансовъ и народнаго просвѣщенія», сообщилъ, что Краевскій просить продолжить субсидію и на 1864 г. «Къ сему имѣю честь присовокупить, что въ газетѣ «Голось» помѣщено было въ 1863 г. много полезныхъ статей по финансовой части». 24 января Валуевъ отвѣтилъ, что полагалъ бы просьбу Краевского удовлетворить, «но въ неопредѣленномъ размѣрѣ, не выходя только изъ общей суммы 12000 руб. въ годъ, и по особымъ каждый разъ распоряженіямъ вашего выс—ва, причемъ я бы могъ сообщать вамъ мое мнѣніе о томъ, соотвѣствуетъ ли означенная газета видамъ правительства, исключая, конечно, предметовъ, до финансовой части относящихся». 31 января министръ финансовъ увѣдомилъ, что государь согласился продолжить субсидію именно на этихъ условіяхъ «съ показаніемъ сего расхода на извѣстное Е. И. В. употребленіе». За январь и февраль 2.000 р. были выданы, а 20 марта Валуевъ просилъ Рейтерна, «въ виду нѣкоторыхъ уклоненій редактора «Голоса» отъ того направленія, которое обязательно для газеты, получающей правительственную субсидію», «приостановить впредь до другого распоряженія выдачу субсидіи Краевскому» или, если министръ финансовъ доволенъ его статьями по финансовой части, «то сократить оную до половины, т.-е. съ 1000 на 500 р. въ мѣсяцъ». Изъ отношенія Рейтерна отъ 22 іюля видно, что до того Краевскому было выдано только 4000 р., и что онъ просилъ объ отпускѣ ему еще 1000 р. Валуевъ не возражалъ. 1 сентября снова испрашивалась 1000 р. Валуевъ согласился на 500. 18 ноября Рейтернъ увѣдомилъ о просьбѣ Краевского выдать ему недоданныя за 1864 г. 6500 р. Валуевъ согласился. 31 декабря 1864 г. Рейтернъ увѣдомилъ о просьбѣ Краевского продолжить субсидію и на 1865 г. «Имѣя въ виду, что г. Краевскій оказывалъ услуги помѣщеніемъ въ издаваемой имъ газетѣ нѣкоторыхъ статей о нашихъ финансовыхъ мѣрахъ, и въ особенности о внутреннемъ 5% займѣ», министръ финансовъ признавалъ бы возможнымъ просьбу его удовлетворить. Валуевъ не препятствовалъ, а 21 ноября 1865 г. сообщилъ, что «при настоящемъ направленіи «Голоса» полагалъ бы необходимымъ и своевременнымъ прекратить» дальнѣйшее субсидированіе (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1864 г. № 67).

2127. Прокламація.

«Инвалидъ» съ большою важною разбираетъ прокламацію «предводителей инсургентовъ», напечатанную въ «Daily News», называя ее «замѣчательнымъ документомъ». Можетъ, эта диссертація и замѣчательна, но—не документъ. Кто эти предводители?

Какіе предводители имѣютъ теперь довольно досуга, чтобъ писать цѣлыя брошюры? Мало ли кто что пишетъ въ странѣ, гдѣ цензура и не одобряетъ и не дозволяетъ. I. Цверцякевичъ, уполномоченный делегатъ польскаго правительства въ Лондонѣ, давно покончилъ съ «замѣчательнымъ документомъ» ¹⁾.

2128. Къ свободѣ книгопечатанія въ Россіи.

Для поясненія различія, сдѣланнаго нами выше между одобреніемъ и дозволеніемъ, перепечатаваемъ изъ «Сѣв. Почты» слѣдующее замѣчательное улучшение цензуры, которымъ Россія обязана собственной е. и. в. инициативѣ: «Государь императоръ, имѣя въ виду, что выраженію «одобрено цензурою» весьма часто придаютъ положительное значеніе и предполагаютъ, что цензура признаетъ этимъ за статьями тѣ или другія достоинства, тогда какъ въ сущности выраженіе это должно имѣть только отрицательный характеръ и удостовѣрять, что статья или книга не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, въ 1-й день марта с. г. высоч. повелѣтъ соизволилъ означать впредь цензурное одобреніе выраженіемъ «дозволено цензурою. число, мѣсяць, годъ и мѣсто».

2129. «Записки декабристовъ» и «Сочиненія» М. Михайлова.

Цѣль обоихъ изданій извѣстна. I, II, и III выпуски «Записокъ» вышли. Г. Трюбнеръ взялъ почти все изданіе. Въ финансовомъ отношеніи дѣло кончено, но мы не скроемъ отъ нашихъ читателей печальнаго удивленія, съ которымъ мы узнали, что «Записки декабристовъ» и заграничное изданіе «Сочиненій» М. Михайлова расходятся туго.

Это—фактъ, заставляющій много и грустно думать.

2130. («Всеобщій Дневникъ» и «Московскія Вѣдомости»).

Пытать ихъ, разбойниковъ, жилы тянуть, въ каторгу сослать, клеймы приставить, барб. рами шаровать ²⁾ и по надобности въ Сибирь заточить!... а то, представьте себѣ, — «во «Все-

¹⁾ 4 апрѣля въ англійской газетѣ появился манифестъ какого-то польскаго комитета; Цверцякевичъ разъяснилъ черезъ два дня, что онъ не исходитъ отъ Временнаго Народнаго Правительства.

²⁾ Стегать.

общемъ Дневникѣ» объявлено, что всѣ воспитанники, забранные въ шайкахъ, ежели не достигли возраста для поступленія въ рекруты (т.-е. ежели убивали русскихъ, не имѣя 20 лѣтъ отроду), отдаются родителямъ или поступаютъ въ заведенія для продолженія наукъ! «Хорошо будетъ тамъ вліяніе этихъ юношей, побывавшихъ и въ сибиркѣ, и въ лѣсахъ, дѣлавшихъ ночныя нападенія на войска при колокольномъ звонѣ, производившихъ грабежи, попойки и, наконецъ, притѣсненія мирнымъ жителямъ, не желавшимъ принять участіе въ мятежѣ. Эти молодые люди сдѣлаются героями или, по крайней мѣрѣ, львами своихъ заведеній. Имъ будутъ поклоняться товарищи, а, можетъ быть, и начальники» («Моск. Вѣд.»).

Говорятъ, что въ Парижѣ не могутъ рѣшить, кому поднести монтионовскую премію ¹⁾ въ нынѣшнемъ году за скромную добродѣтель: издателю «Московскихъ Вѣдомостей» или прусскому королю.

Я предлагаю ее дать дѣйст. ст. сов. и кав. М. Хотинскому.

А, впрочемъ, Константинъ-то Николаевичъ ни на что не похоже дѣла распустилъ въ Польшѣ:

«Въ церквахъ стали слышаться возмутительныя проповѣди довольно часто. Ксендзы призываютъ народъ къ возстанію». «Стало-быть (зываетъ тотъ же неумытныи стражъ порядка и издатель «М. В.»), въ польской столицѣ не только можетъ тайно засѣдать революціонный комитетъ, не только можетъ публика оплезывать наши войска, но и служители алтаря могутъ явно проповѣдывать возстаніе». Чего же смотреть в. к.?

2131. Александръ Николаевичъ пошелъ въ горы.

Лучшій генераль у него—Бергъ, лучшій дипломатъ—Будбергъ, лучшій другъ—Адлербергъ. *Da stehen die Ochsen am Berge* ²⁾).

2132. Дороговизна кухонныхъ снарядовъ княгини Чернышевой.

«Таймсъ» извѣщаетъ насъ, что маркизъ Пеполи ³⁾ нанялъ домъ князя Чернышева за 11.000 руб. въ годъ. Домъ, разумѣется, нанятъ былъ посломъ furnished, meublée, т.-е. съ кухонными снарядами и пр., но таковыхъ въ

¹⁾ За добродѣтель; учреждена французскимъ филантропомъ барономъ Антуаномъ Монтионъ.

²⁾ «Вогъ и уткнулись быки въ гору!» Нѣмецкая поговорка, употребляемая, когда нужно изобразить чье-либо безвыходное положеніе. *Ochsen*—нѣмецки—быкъ и дуракъ, *Berg*—гора.

³⁾ Джоваккино, петербургскій итальянскій посланникъ.

домъ княгини ¹⁾ не оказалось. Пеполн потребоваль, и княгиня согласилась дать кастрюльки, сковородки и вертелы за пустую прибавку 9.000 руб. въ годъ. Каково торгуеть княгиня? А, вѣдь, домъ-то (замѣчаетъ «Таймсъ») подаренъ Николаемъ Чернышеву.

Какъ Викторъ-то Эммануиль убивался, чтобъ послать своего итальянскаго посла въ Петербургъ,—вотъ и плати, теперь за соусники да чумички 9.000 руб. въ годъ.

2183. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ отъ В. Печерина 2 ф. (№ 6), изъ Швейцаріи 20 фр., отъ № 3131—29 фр. и 50 фр. съ знакомъ 3,14.

2184. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 мая 1863.

Orsett House, Westb. terrace.

Сегодня солнце и здоровый воздухъ. Вчера я тебѣ писалъ о Лизѣ и влияніи на нее дурной погоды, сегодня прибавлю къ ней всѣхъ насъ. Дурная погода страшно сильно дѣйствуетъ, и доля чего-то акримоіознаго ²⁾ въ письмахъ относится сюда.

Въ одномъ ты совершенно правъ, и, конечно, это—распущенность и большая невоздержанность—вслухъ замѣчать вздорныя вещи и къ этому, дѣйствительно, ведетъ житье въ одномъ домѣ и всеобщечеловѣческая страсть къ сплетнямъ. Я говорю серьезно и чувствую, что это противно. А иной разъ не удержишься такъ, какъ не удержишься отъ замѣчаній о томъ, какъ Бак. ѣсть и пьетъ.

Какое продолженіе ты хочешь о 1-й пол. письма? Въ первой половинѣ ты говоришь о домѣ, т.-е. о бездоміѣ. Оно невозможно, не подвергнувъ дѣтей и большихъ бѣдѣ. Снесемъ же и этотъ крестъ. Но если есть возможность, чтобы узлы не такъ туго были связаны, это слѣдуетъ сдѣлать. И отчего же, вмѣсто найма дома на лѣто (въ Кew домъ возможный, особенно на время моей поѣздки въ Италію), не сдѣлать то, что я предлагалъ сдѣлать десять разъ, т.-е. отчего не нанять у моря дачу, ex. gr., на 4 мѣсяца и маленькую квар. въ Лондонѣ? Тутъ всего больше связываетъ твое отвращ. отъ поѣздокъ: ты считаешь, что тебѣ не пріѣхать раза два пожить было бы странно. Къ зимѣ можно найти квартиру, хоть опять Orsett House или въ St. Johns terrace, какъ

¹⁾ Свѣтл. кн. Елизавета Николаевна Чернышева.

²⁾ Acrimonia—порча соковъ въ человѣческомъ организмѣ.

хочетъ Н. Я, съ своей стороны, согласенъ на все и требую отпуски отъ 2 до 3 мѣсяцевъ. Привезу ли дѣтей, это—вопросъ.

Насчетъ Саши я думаю, если ты рѣшилъ, то и положить вѣхъ послѣ твоего прїѣзда (наприм., въ субботу). Вчера совершенно случайно я нашелъ имя шпиона, который донесъ на Солдатенкова: d-г Tugendhold; въ письмѣ было сказано: «у него меньшой братъ въ Парижѣ, собирается въ Лондонъ и занимается тѣмъ же». Отъ допс¹⁾, адъютантъ²⁾ и виолончелистъ называется Tugendbold? Ну, какъ это то же лицо?

Отвѣтъ ждуть 3 мая въ Парижъ непремѣнно. Посыл. «Сѣв. Пчелу», говорящую о нашей пропагандѣ въ Швеціи³⁾, и «Моск. Вѣд.», говор. о твоёмъ раскольникѣ⁴⁾. Отъ него пришла статья.

О главномъ предметѣ я скажу одно, что всѣми силами пойду той же дорогой. Но ты хочешь больше: ты хочешь, внутри моего убѣжденія чтобъ не было разномыслия. Думаю, и думаю честно, добросовѣстно, и не вижу, чтобъ мы или «Кол.» становились сильнѣе. Если былъ какой-нибудь новый успѣхъ (т.-е. со времени освоб. крестьянъ), то это—«Общее Вѣче», Переменни мое убѣжденіе, докажи противное,—развѣ я хочу отстаивать мнѣніе? Дѣйствительно, Браунъ⁵⁾ насъ хотѣлъ, какъ знамя, а не какъ дѣятелей. Это доказано тѣмъ, что Бутовс. и Лугин. читали и знаютъ, что ты и я проповѣдывали, а тѣ не знали. Мы должны были отдаться Смоленской Божіей матери. Я готовъ жертвовать всѣмъ, даже честнымъ именемъ, но этой абсорбціи⁶⁾ не понимаю. Холить зародышъ (какъ ты говоришь) хорошо, когда онъ есть, и притомъ въ маткѣ, а вообразить себѣ его внѣ матки значить отнять истинное холенье у истиннаго зародыша въ пользу какого-нибудь lithoradion'a⁷⁾. Миѣ «З. и В.» должно продолжать, потому уже, что они сами повѣрять въ себя. Но что теперь «З. и В.» нѣтъ еще, это ясно. Тебя сильно озадачилъ Браунъ своей исповѣдью Сашѣ. За что же нападки на меня? Ты не оцѣнилъ мой скептицизмъ, предсказавшій тебѣ и Бак., что da ist kein Stoff⁸⁾.

Въ чемъ польза оф. адреса, *перевѣшивающая* бѣды и нареканія? Вѣрь же ради Бога, что одна ревниво удерживаемая, свирѣпая истина—страшная сила. Ею, замѣть, только ею я заста-

1) А, вѣдь.

2) Лапинскаго.

3) № 97.

4) Въ № 78 «М. Вѣд.» помѣщена статья Э.Б(ольшакова) «Голосъ старообрядца-безпоповца къ старообрядцамъ всѣхъ сословій, обитающимъ въ предѣлахъ Россіи»; писавшій въ «Общемъ Вѣчѣ» старообрядецъ названъ дерзкимъ выскочкой, статья его—«пустословными фразами» и пр.; ругательства въ тонѣ Каткова по адресу «Общ. Вѣча» и «Колокола».

5) ?

6) Absorber—поглощать, заглушать.

7) Известковое перерожденіе плода, наблюдаемое иногда при вѣматочной беременности.

8) Тутъ нѣтъ матеріала.

вилъ Европу призадуматься о своемъ вопросѣ и о русскомъ. Я часто увлекался *über die Grenzen* ¹⁾, но оставался въ безумномъ убѣжденіи, что я въ истинѣ. Это дѣйствуетъ рикошетомъ. Всѣ сношенія съ Центр. ком. и пр. не имѣли для меня этого характера, я въ нихъ тотчасъ ослабѣ. Бак. для меня *im Begriff* всего ²⁾, что я бичевалъ въ революціонистахъ; мнѣ досадно, что я съ нимъ не вполнѣ откровененъ. Смерть Потемни хороша въ очистку русскаго имени, а сближенія нѣтъ черезъ нее, да и черезъ Бак. нѣтъ. Вникни въ его послѣд. письмо и даже въ франц., ты убѣдишься въ этомъ.

Мои статьи о Польшѣ, даже «Плачъ», который въ Италіи и Швейц. произвелъ фуроръ, совершенно ставятъ *польскій* вопросъ *чужимъ* (какъ и ты его пост. въ статьѣ о Потемнѣ).

2135. Письмо къ Н. А. Герценъ.

2 мая 1863.

Orsett House, Westb. ter.

Сегодня, Тата, одиннадцать лѣтъ послѣ 2 мая 1852 года. День ясный, я сижу одинъ дома, и вся печальная исторія проходитъ передъ моими глазами. Гдѣ всѣ участники тогдашнихъ мрачныхъ дней: Энгел., Орс.? Да и остальные далеко—въ пространствѣ и въ душѣ.

Памятникъ мнѣ тотъ рѣшительно не нравится. Ну, посоветуйся же ты съ артистами, не лучше ли, вмѣсто фигуры, большую плиту съ барельефами. Спроси мнѣніе Грегоровіуса.

Я пишу Мальвидѣ запросъ и хочу знать ваше мнѣніе. Я не говорю, чтобъ я его принялъ безусловно, но *je la prendrai en considération* ³⁾. Главный вопросъ въ томъ, что полезнѣе: *взять въ Лондонъ со мной* или остаться еще? Но, говоря еще, подразумевається, во всякомъ случаѣ, не дольше начала весны будущаго года (*fixons* ⁴⁾ 1 апрѣля). Мнѣ кажется, что, возвращаясь сюда, ты можешь не только продолжить студіумъ ⁵⁾, но привести въ полный отчетъ все видѣнное. Мнѣ ужъ потому очень бы хотѣлось знать, что скоро приходится или оставить Orsett House или найти другой—гдѣ? Всѣмъ ли вмѣстѣ или въ двухъ домахъ? Я бы очень желалъ, чтобъ былъ небольшой домъ въ Лондонѣ и небольшой на дачѣ,—такъ бы и чередоваться.

Черезъ 10 дней я жду отвѣта совершенно обстоятельнаго.

1) Чрезмѣрно.

2) Бакунина я подразумеваю во всемъ и т. д.

3) Я приму его въ соображеніе.

4) Назначимъ.

5) Studium—изученіе.

Саша ѣдетъ не сражаться, а по дѣламъ книжнымъ и дипломатическимъ; онъ, видишь, будетъ у насъ Метгернихомъ финляндскимъ (т.-е. чухонскимъ посланникомъ).

Пиши, полученъ ли «Колок.» франц. и русс. два листа, я нарочно не франкировалъ. Въ послѣд. «Кол.» превосходная статья Ага о смерти нашего Потемни,—вы, вѣрно, его помните?

Прощай, благословляю тебя и Ольгу во имя тѣни той великой и изящной женщины, которая была вашей матерью. Ты ее хоть немного знала, Ольга—совсѣмъ нѣтъ,—разсказывай ей, что помнишь.

2136. Письмо къ О. А. Герценъ.

2 мая 1863.

Ольга!

Если я поѣду въ Сото, то это будетъ по пословицѣ: *первый блинъ да комомъ*.

Если жарко на полѣ, то поѣдемъ къ Наполи-ону—въ Пиръ-ainés, а ты best-cadette ¹⁾.

2137. Приписка къ А. А. Слѣпцову.

9 мая (1863).

О какихъ французскихъ адресахъ или рекомендаціяхъ вы говорите? Я, право, забылъ. Мишле или кому?—черкните слово. Что я и О. совершенно согласны, и писать нечего. Будьте здоровы.

А. Герценъ.

2138. Письмо къ Н. А. Герценъ.

11 мая (1863).

Orsett House.

Жду вашего отвѣта, Тата, или *консультаціи* для моихъ соображеній, воображеній и распоряженій. Все, что сообразно съ возможнымъ, я охотно сдѣлаю. Пока рѣшимъ: живите въ Римѣ

¹⁾ Въ Пиренеи, а ты наилучшая младшая; игра словъ: ainé—старшій cadet—младшій, Пиренеи по-французски—Pyrénées. Napoli—Неаполь.

Одна изъ важныхъ тайнъ жизни—умѣние терпѣливо ждать. Обязательства идутъ страшно тихо и запутанно; наша жизнь, напр., до того вовлечена въ современный вопросъ, что мы не можемъ ею располагать съ легкостью M-me Schwabe или M-г Olinsky. Какъ я оставлю Лондонъ на полгода? Если же Лондонъ отчасти—point fixe ¹⁾, то поневолѣ всѣ мы будемъ съѣзжаться въ его туманахъ. Твоя жизнь теперь въ Итали тебѣ дала матеріалъ на годы. Ты теперь безъ большой оглядки наѣдаешься,—время отчета, пишеваренія идетъ за нимъ. Въ Лондонѣ или Нью-Йоркѣ, это—второстепенно.

Перечитывала ли ты въ «Был. и дум.», въ главѣ о Васильевскомъ описаніе поѣздки въ Frascati? Тогдашняя жизнь у меня осталась въ памяти, какъ величественный вечеръ, за которымъ не покой, а ночь работы. Прощай. Сегодня писать некогда. Олю много и много цѣлю.

Отъ Мальв. жду отвѣта.

Еще разъ спрашиваю, какихъ нум. «Колокола» у васъ недостаетъ? Необходимо все знать.

2139. Первое мая ²⁾.

Сегодня правительство наше празднуетъ *первое мая*, на этотъ разъ не въ Екатерингофѣ и не въ Сокольникахъ,—оно его празднуетъ въ *Польшѣ*.

Первое мая! Колдуны и Калиостры,—до чего ихъ палецъ коснется, то загниваетъ, то отравлено, то становится чудовищемъ. Язычники и христіане, дѣти, женщины, старики привыкли съ 1 мая соединять начало тепла, зелени, цвѣтовъ, юности, чего-то празднично-свѣтлаго! Въ этотъ именно день начнется кровавая амнистія Польши, варшавская не ночь, а недѣля.. мѣсяць.. можетъ, больше; въ этотъ день совершится то всепрощеніе, которое священникъ даетъ послѣ причастія и передъ топоромъ!

Ужасомъ, болью, стыдомъ наполняется наше сердце; слезъ нѣтъ, ихъ недостаточно! О, если бы, въ самомъ дѣлѣ, мы меньше любили несчастную родину нашу, если бы мы только жалѣли великаго мученика, намъ было бы легко, насъ поддерживала бы ненависть, мы были бы крѣпки упованіемъ мести... а тутъ сердце ломится надвое подъ бременемъ любви къ жертвѣ и палачу.

Благословенна судьба твоя, другъ и братъ Потеня!

¹⁾ Неподвижная точка, центръ.

²⁾ Опубликованнымъ въ первый день пасхи, 31 марта, манифестомъ было даровано полное и совершенное прощеніе тѣмъ, кто сложитъ оружіе къ 1 мая, а затѣмъ обѣщаны различныя реформы Ц. Польскому. О *звѣрской* расправѣ извѣстно было послѣ 1 мая.

Ты не увидишь, какъ царь празднуетъ русское первое мая. Ты не узнаешь, какъ онъ умѣетъ изъ весенняго торжества сдѣлать пиръ Преображенскаго застѣнка и изъ слова прощенія—пытку, казнь, казнь цѣлаго народа.

.. Все бѣжитъ, испуганное и предчувствующее бѣды отъ страшнаго мѣста, помѣченнаго царскимъ милосердіемъ, высочайшимъ всепрощеніемъ; такъ, говорятъ, крысы бросаются вплавь съ корабля, который тонетъ или горитъ, оставляя его страшнымъ судьбамъ своимъ.

И онъ ѣдетъ, несчастный alter ego, морской Пилать ¹⁾. Поедетъ ли онъ, какъ Марія-Антуанетта въ ночь своего путешествія изъ Варенна ²⁾? Или члены августѣйшихъ фамилій сѣдѣютъ только отъ личныхъ причинъ? И маркграфій ³⁾ исчезаетъ, и его не нужно,—нужно однихъ палачей, палачей, нѣмцевъ, нѣмцевъ и палачей.

Сегодня начнется *пруско-русская кампанія*: Витгенштейнъ, Брюннеръ и Минквицъ пойдутъ тремя густыми колоннами отъ Калиша, Варшавы, Влоцлавска тѣснить инсургентовъ къ познанской границѣ, а тамъ генераль прусской службы, *четвертый нѣмецъ*, Вальдерзе, ждетъ ихъ съ *радушнымъ приемомъ*.

— И Европа допуститъ?—спрашивали мы въ февралѣ.

— Допуститъ,—отвѣчаемъ въ маѣ. ¹

◆◆ 1. 27 апрѣля 1863 г. московскій оберъ-полицмейстеръ гр. Крейцъ донесъ шефу жандармовъ, что вслѣдствіе его предписанія о строжайшемъ секретномъ наблюденіи за переводчикомъ великобританскаго посольства Митчелемъ во время пребыванія его въ Москвѣ, онъ обратилъ на дѣло полное вниманіе. «Митчель, приѣхавъ въ Москву, прямо съ жел. дороги отправился къ редактору «М. Вѣд.» и «Рус. Вѣстника» Каткову и сотруднику его Леонтьеву, давно ему знакомымъ; послѣ того былъ нѣсколько разъ у Каткова, обѣдалъ у него, а равно, въ свою очередь, и Катковъ посѣщаль его. Въ разговорѣ съ Катковымъ Митчель, касаясь современнаго политическаго вопроса, замѣчалъ Каткову, какъ пагубно статьями возбуждать войну, а также несправедливо бранить Англію, которая желаетъ мира, подтверждая это тѣмъ, что родственникъ лорда Немира вмѣстѣ съ другими англичанами предлагаетъ нашему правительству на англійскій капиталъ построить жел. дорогу въ Крымъ, причемъ выразился, что это можетъ совершиться на тяжелыхъ условіяхъ, именно—отдать англичанамъ на 25 лѣтъ въ полное распоряженіе Севастополь. Катковъ противу этого возражалъ, что передовыя статьи «М. В.» (за которыми Митчель

¹⁾ В. к. Константинъ Николаевичъ.

²⁾ Гдѣ была достигнута, послѣ бѣгства изъ Парижа, съ Людовикомъ XVI и семейю.

³⁾ Вѣлепльскій.

слѣдилъ, получая «Вѣдомости» въ своей квартирѣ), какъ и двѣ статьи «Р. В.», выражая собою настроеніе русскаго общественнаго мнѣнія, по убѣжденію большинства читателей съ вѣрнымъ взглядомъ на польскій вопросъ, проявляютъ патріотизмъ русскіхъ, не возбуждающій войну, а способный скорѣе предотвратить ее. Въ какой степени достигъ своей цѣли Митчель въ отношеніи къ редактору «М. В.», заключать можно изъ тѣхъ «Вѣдомостей» №№ 85, 86 и 87 и послѣдующихъ, и, я полагаю, что Митчель не только не измѣнилъ взгляда Каткова на Англію, но еще далъ поводъ къ большому осужденію ея дѣйствій. Митчель квартировалъ въ гостиницѣ Шевріе; онъ каждый день видался съ пасторомъ англиканской церкви; въ воскресенье былъ въ той церкви и разговаривалъ съ находившимися тамъ англичанами. Посѣщалъ англійскій клубъ, гдѣ съ Катковымъ имѣлъ продолжительный споръ, въ которомъ старался доказать, что русскіе своими дѣйствіями возбуждаютъ Англію къ войнѣ съ Россіею; но Катковъ доказалъ ему противное... Гуляя здѣсь по улицамъ, Митчель обращалъ больше вниманіе на сборища простого народа, заслушиваясь въ ихъ разговоры; отправляясь изъ Москвы, онъ забѣжалъ къ Каткову, а на жел. дорогѣ съ нимъ прощался, какъ видно, нарочно для сего пріѣхавшій на жел. дорогу какой-то молодой офицеръ генеральнаго штаба. Вообще же, прослѣдивъ пребываніе здѣсь Митчеля, можно заключить, что цѣль пріѣзда его сюда была не заботливость о дѣлахъ великобританскихъ подданныхъ, а чисто политическая, чтобы узнать взглядъ москвичей на настоящія событія и вообще духъ народа» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 23, ч. 84).

23 апрѣля предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета Щербининъ писалъ Валуеву по-французски: «Я поспѣшилъ увѣдомить Каткова объ инсинуаціяхъ, предметомъ которыхъ онъ будетъ со стороны британскаго правительства, чтобы сдѣлать его менѣе враждебнымъ въ его комментаріяхъ по польскому вопросу. Г. Митчель, секретарь лорда Немира, уже былъ въ Москвѣ и постарался пустить въ ходъ свои ухаживанія за нашимъ публицистомъ. Но я могу по совѣсти увѣрить васъ, что каковы бы ни были англomanскія симпатіи Каткова, какое бы восхищеніе англійскими учрежденіями онъ ни выражалъ, его симпатіи никогда не поколеблять его патріотическихъ чувствъ и не повліяютъ на его убѣжденія, когда дѣло пойдетъ о поддержаніи чести русскаго имени. Все время будучи сдержаннымъ въ своихъ разговорахъ съ Митчелемъ, онъ далъ ему понять, что ни одинъ русскій не можетъ равнодушно смотрѣть на враждебную позицію, принятую европейскими державами противъ Россіи въ вопросѣ, гдѣ право такъ неоспоримо на ея сторонѣ, не можетъ одобрять поведенія Англіи, которая, какъ всегда, играетъ роль подстрекательницы, чтобы осторожно вынуть свою булавку изъ игры. Чтобы дать Митчелю неоспоримыя доказательства единства патріотическихъ

чувствъ, проникшихъ весь русскій народъ, его преданность своему знаменитому монарху, правящему нашей судьбой, Катковъ пригласилъ его присутствовать при молебнѣ, отслуженномъ, по просьбѣ толпы, въ Кремлѣ, противъ дворца, гдѣ родился нашъ обожаемый монархъ, — величественное зрѣлище, которое могло произвести лишь самое живое впечатлѣніе на иностранцевъ. Кромѣ того, онъ ввелъ Митчеля въ англійскій клубъ на обѣдъ 17 апрѣля, гдѣ за здоровье государя пили съ оглушительными рукоплесканіями невыразимаго энтузіазма. Катковъ не пренебрегаетъ никакимъ случаемъ, чтобы дать секретарю лорда Непира доказательство любви русскаго народа къ своему государю, своего негодованія, видя, что народъ такъ плохо понятъ европейскими державами, и своего сознанія, что видитъ себя цѣлью ихъ нападокъ и оскорбительныхъ подозрѣній въ малѣйшей солидарности съ революціонной пропагандой».

Самъ Катковъ написалъ Валуеву: «Митчель имѣлъ всю возможность убѣдиться здѣсь въ неподдѣльности нашего патріотизма. Весь расчетъ державъ основанъ былъ на томъ, что Россія не выдержитъ польскаго возстанія при внутреннемъ разладѣ и разстройствѣ. Было полное убѣжденіе, что всѣ прежнія силы исчезли, а новыя не народились, и одного толчка казалось достаточнымъ для того, чтобы разсыпать въ прахъ всю эту громаду» (Архивъ П. Я. Дашкова).

Очень интересное сообщеніе Щербининъ сдѣлалъ 7 декабря: «Одна дама самаго высшаго московскаго общества сказала мнѣ, что считала бы для себя счастіемъ вычистить сапоги Каткову, сумѣвшему наэлектризовать націю и пробудить въ ней чувства самаго благороднаго патріотизма».

Кстати, изъ письма Щербинина къ Валуеву отъ 24 іюня видно, что «Письмо къ издателю «М. В.» и «Рус. Вѣстника» «Одного изъ ревностныхъ читателей» въ № 138 «М. Вѣд.» написано имъ самимъ, по указанію министра отъ 14 іюня. Оно посвящено польскому вопросу.

2140. Чего они такъ испугались?

Или чѣмъ *ихъ встѣхъ* такъ настрашали, что нельзя больше удержать вопль, крикъ, плачь, завываніе патріотизма, усердіе безъ границъ, преданность безъ смысла? Адреса, панихиды, молебны на чистомъ воздухѣ и въ воздухѣ, продымленномъ ладаномъ, адреса отъ грамотныхъ и безграмотныхъ, отъ старообрядцевъ и новообрядцевъ, отъ кур-эст- и лиф-ляндскихъ русскихъ, отъ временно-обязанныхъ крестьянъ и безсрочно разоренныхъ помѣщиковъ, отъ старшинъ Рогожскаго кладбища и отъ школяровъ кладбища науки, называемаго московскимъ университетомъ...

Да гдѣ же опасность, бѣда, съ которой стороны идутъ двадцать языковъ? Гдѣ ихъ полки, флоты, пушки, цари, вожди?

Неужели столько чувства, души, славянскихъ оборотовъ и вѣрноподданническаго лиризма вызвано этими «жалкими шайками мятежниковъ въ Польшѣ», съ которыми «здравомыслящая» часть народа не сочувствуетъ, которыхъ крестьяне выдаютъ за легкую плату съ головы, и которыхъ наши «молодцы солдаты», всякій разъ, какъ сколько-нибудь обдосужатся отъ грабежа и воровства, уничтожаютъ, и уничтожаютъ *по нѣскольку разъ?*

Полно, такъ ли слабы были эти шайки? Какъ же бы имъ держаться съ 21 января, несмотря на триумфы Шильдеръ-Шульднера, викторіи ¹⁾ Витгенштейна, Ностица, несмотря на замѣну Бергомъ *одной половины* Константина Николаевича—Вѣлепольскаго, и архіерея Фелинскаго?

Чѣмъ же держатся *шайки?*

Оружіе не пропускается. Цѣпная Пруссія бѣгаетъ на веревкѣ по всей познанской границѣ, лаеетъ, кусаетъ и лижетъ казакамъ смазные сапоги. Австрія, утомленная двухмѣсячнымъ благородствомъ, раскаивается въ *красныхъ* поползновеніяхъ и тоже припираетъ дверь. Остальныя державы помогаютъ *платонически*, сочувствіемъ, корпіей, статьями и концертами, въ которыхъ послѣднюю ноту поетъ Горчаковъ. Дѣло сведется на то, что Польшѣ только и было помощи и одобренія, что изъ Петербурга,—сначала рекрутскимъ наборомъ, а потомъ наборомъ словъ, выданнымъ подъ ироническимъ названіемъ «амністіи» 31 марта.

Предположимъ, что всѣ новости «Инвалида» ложны и всѣ вѣсти «Сѣв. Почты» лишены истины; предположимъ, что эти «шайки»—цѣлая Польша, которая хочетъ независимости и умѣетъ умирать за нее; предположимъ, что русскіе генералы изъ рукъ вонъ плохи, солдаты больше по части промысла, а офицеры съ отвращеніемъ участвуютъ въ убіеніи народа,—все же, нѣтъ зона надѣлать такого патріотическаго скандала, слово, покойникъ Ростопчинъ бѣгаетъ съ зажженной спичкой по Москвѣ, а покойникъ Наполеонъ ѣдетъ изъ Филей къ Дорогомиловскому мосту.

Помилуйте, нѣмые возглаголили, и говорящіе возбредили, государь императоръ и московскіе профессора, раскольники и протестанты, головы съ думами, дворянство безъ думы и головы,—все это начало вдругъ увѣрять въ своей готовности царствовать, преподавать, молиться по старымъ книгамъ, торговать и ничего не дѣлать, съ единственной цѣлью посрамленія врага и отстаиванія неприкосновенности предѣловъ любезнаго отечества нашего.

То, что было величественно въ 1812 году, теперь не только пошло, но отвратительно.

¹⁾ Побѣды.

Потому-то намъ и кажется, что Потаповъ, ѣздившій, по распоряженію высшаго начальства, въ Москву раздражать патріотизмъ до истерики адресовъ и до университетскихъ конвульсій, сдѣлалъ ошибку; что высшее начальство, пославшее его, сдѣлало ошибку, что государь съ своимъ предупредительнымъ «не тронь меня» сдѣлалъ ошибку.

Изъ польскаго дѣла мы себѣ почетнаго знамени не выкроимъ: полицейскому усмиренію и казни цѣлаго народа ни восторги, ни лавры не идутъ.

Есть дѣла, которыхъ не надобно приводить къ рѣчи, которыми можно только втихомолку пользоваться, но нельзя окружать громкими словами, благородными порывами. Это слишкомъ обижаетъ истину, всякое нравственное чувство человѣка. Мы много темнаго выносимъ въ тѣни, чего не можемъ вынести на бѣломъ свѣтѣ и еще менѣе при звукѣ трубъ и литавръ, при демонстраціяхъ, адресахъ и пр.

«Все это дѣлается не противъ Польши, а противъ Европы». Будто, это лучше? *Народу*, молчавшему цѣлое тысячелѣтіе, можно было помолчать еще недѣли двѣ, чтобъ услышать хоть одну угрозу, хоть одинъ военный звукъ; нельзя же впередъ испугаться, впередъ прийти въ восторгъ и усердіе. Нельзя же призывать въ Зимній дворецъ двухъ генераль-губернаторовъ, одного декана и одного ректора, дворянскихъ предводителей и другихъ патріотовъ для того, чтобъ государь прочелъ имъ свою антикритику и возраженіе на статьи «Opinion Nationale» или «Daily News».

Дѣлая все хорошее съ воздержаніемъ и постепенностью, останавливая розгу на 201 ударѣ, уничтожая цензуру на 21 листѣ, правительство показало, что оно вполне цѣнитъ всю важность *задержанія въ прогрессѣ*; зачѣмъ же было такъ необдуманно спускать на волю горячечный патріотизмъ, лихорадочный страхъ и пр.? И все-то это оттого, что нашлись въ Европѣ журналы, не раздѣляющіе мнѣнія «Московскихъ Вѣдомостей»¹⁾, оттого, что въ Швеции хорошо приняли Чарторижскаго.

¹⁾ Намъ досадно и совѣстно, что мы такъ часто поминаемъ «Моск. Вѣдом.», тѣмъ больше, что статьи противъ насъ ихъ издателей даютъ этому характеръ личный. Возрастающій цинизмъ этой черной газеты дѣлаетъ невозможнымъ молчаніе. Мы смѣло говорили, что въ русской литературѣ еще не было ничего подобнаго ни во время Ѳ. Булгарина, ни во времена предшественника г. Каткова,—кн. Шаликова. Есть граница, передъ которой обыкновенно проданная литература останавливается, лицомъбно или искренно, въ свирѣпомъ требованіи преслѣдованій, деспотическихъ мѣръ, казней и пр. Героическая редакція «Моск. Вѣд.» не знаетъ этихъ пороговъ, останавливающихъ робкія и слабыя души. Напр.:

«Хотимъ ли мы удовлетворить нынѣшнимъ притязаніямъ польскаго патріотизма и пожертвовать ему существованіемъ Россіи? Въ такомъ случаѣ надобно намъ выводить изъ Царства Польскаго войска, отступать все далѣе и далѣе къ Уральскому хребту и готовиться къ мирной кончинѣ. Если

Какой недостатокъ такта, чутья, декорума!

Если-бъ въ русскомъ правительствѣ были серьезные люди, люди честные, положимъ, исполненные патріотическиххъ, монархи-

же этого мы не хотимъ, если всякая мысль о чемъ-либо подобномъ кажется намъ нелѣпностью и приводитъ насъ въ негодование, то никто, ни даже сами поляки, не въ правѣ были бы сѣтовать на правительство, если-бъ оно сочло нужнымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры для того, чтобъ изгнать Польшу отъ бесплоднаго и изнурительнаго раздраженія, а Россію—отъ лишней траты крови и силъ въ борьбѣ, которая можетъ превратиться въ европейскую войну. Въ настоящее время всякое наружное усюжденіе національному чувству въ Царствѣ Польскомъ станетъ гибелью и для Польши, и для Россіи. Война, такъ война; военное положеніе, такъ военное положеніе. При теперешнемъ ходѣ дѣлъ правительство имѣетъ полное основаніе сосредоточить всѣ власти въ Царствѣ Польскомъ въ рукахъ людей, недоступныхъ оболещеніямъ польскаго патріотизма и революціоннымъ устрашеніямъ. До тѣхъ поръ, пока не прекратится возстаніе, пока порядокъ въ Царствѣ Польскомъ не будетъ возстановленъ, всякая уступка національному чувству будетъ не примирять насъ съ поляками и Европой, а напротивъ, только усиливать вражду, распаляя, съ одной стороны, требованія, а съ другой,—заставляя прибѣгать все болѣе и болѣе къ жестокимъ мѣрамъ для ихъ отраженія.

«Итакъ, прежде всего державы желаютъ прекращенія происходящихъ теперь смутъ въ Польшѣ, а потомъ, въ будущемъ, устраненія причинъ, которыя ихъ порождаютъ. Этого именно желаетъ и сама Россія, и желаетъ, конечно, гораздо искреннѣе, чѣмъ любая изъ трехъ державъ, жалующихся на польскія смуты» («Моск. Вѣд.» 19 апр.).

«На Россіи лежитъ обязанность какъ можно скорѣе отнять у нихъ всякій поводъ къ жалобамъ. Польское возстаніе тревожить эти державы: онѣ должны быть довольны, *если оно будетъ какъ можно скорѣе прекращено*. Одни военныя усилія Россіи оказываются пока недостаточны для этого; актъ верховнаго милосердія не обезоружилъ мятежниковъ: чтобы можно было хотя отчасти удовлетворить жалобы великихъ державъ, приходится *принять мѣры административнаго порядка*, которыя лишили бы революціонный польскій комитетъ возможности вооружать новыя шайки на мѣсто разбитыхъ, взимать съ эту цѣлью налоги, устрашать мирныхъ гражданъ казнями или, вѣрнѣе, тайными убійствами. Административныя средства, существующія въ Царствѣ съ 1861 года, до сихъ поръ оказывались для этой цѣли недостаточными; если и по истеченіи этого срока амнистии мятежъ не прекратится, и существующія административныя средства не начнутъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, то, очевидно, необходимо будетъ установить въ Царствѣ, на время мятежа и войны, русскую военную администрацію, которая, *какъ можно надѣяться, скоро покончитъ съ польскими возстаніемъ*» («Моск. Вѣд.» 20 апр.).

Каковъ Pere Duchesne^{o)} III Отдѣленія!

Не знаемъ, чему больше дивиться: бездушію мысли, *смѣлости* при-
знаться въ ней, за какую бы цѣну то ни было, или *шаловливой ироніи*
второго отрывка, напоминающей иронію поручика Жеребятникова^{oo)} надъ
несчастнымъ арестантомъ, котораго ведутъ наказывать. «Ну такъ ради
сиротскихъ слезъ твоихъ, милую я тебя.—Катай его,—жги его, лупи, лупи,
обжигай,—еще ему, крѣпче сиротѣ,—ха, ха...»

Не забудьте, что поручикъ Жеребятниковъ не проповѣдывалъ англій-
скаго парламентаризма, свободы печати, уваженія къ личности. А. И. Г.

^{o)} «Le Père Duchesne»—название значительно способствовавшей уси-
ленію террора газеты время великой французской революціи.

^{oo)} «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго.

ческихъ, барскихъ предрасудковъ, но съ любовью къ народу, они поберегли бы изъ внутренняго, религіознаго благочестія простое сердце простыхъ людей, которые безхитростно поддались официальному обману и, помня недавнее освобожденіе, воображаютъ, что отечество въ опасности, и отдаются чувству ненависти къ несчастному героическому сосѣду, который добивается своей независимости и ничего больше не хочетъ. Эта обманутая любовь, это простодушное заблужденіе, которое можетъ привести къ рѣкамъ крови, безконечно оскорбляетъ насъ. Бѣдный народъ, и онъ понесетъ съ усердіемъ свою охапку дровъ, чтобы лучше разжечь мученической костеръ¹⁾, и совѣсть его останется спокойна, какъ совѣсть льва, которому римскіе Потаповы бросали христіанскихъ отроковъ на съѣденіе.

...Что намъ за дѣло, что дворянство, обгладывающее послѣднее мяско съ кости крѣпостнаго права, говорить о своей готовности сражаться съ супостатомъ? Что намъ за дѣло, что купцы въ постоянномъ сознаніи неправаго стяжанія готовы откупиться отъ правительства? Еще меньше намъ дѣла до витійства *хамовъ*, или *космополитовъ*, казенной науки, до этой нечистоты, разведенной со временъ Тредьяковскаго въ университетскихъ щеляхъ. Ниже ученыхъ и журналистовъ никто не падаетъ въ раболѣпіе передъ властью,—это замѣтилъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ императоръ Александръ Шатобріану. И какъ ни больно было видѣть московскій университетъ, пресмыкающійся съ своимъ тяжело-рабскимъ адресомъ у подножія трона, но это больше по старой памяти²⁾. Онъ вполне заслужилъ сдѣлать этотъ починъ и дать этотъ примѣръ союза мертвой науки съ мертвящей полиціей. Но народа намъ жаль, намъ жаль, что онъ вѣритъ въ правоту неправаго дѣла, что награбленное нѣмецкими императорами есть законное пріобрѣтеніе.

Эхъ, братцы, помолчите немного,—вамъ не привыкать стать,—не выкликивайте себѣ рекрутскихъ наборовъ да ополченій. Не ваша это борьба. Что вамъ соваться съ помѣщиками? куда пустиять вашъ сѣрый армякъ? куда вамъ съ наемными школярами!... Оставьте вы ихъ подслуживаться да ершиться съ ревельскими и митавскими нѣмцами, а вамъ, столько страдавшимъ, вамъ не приходится оскорблять несчастный народъ польскій!

¹⁾ Намекъ на легенду, повѣствующую, какъ при казни Іоанна Гусса вѣрующая старушка подложила въ костеръ принесенную ею охапку дровъ. Видя это, Гуссъ, будто бы, воскликнулъ: «О, святая простота!»

²⁾ Адресъ московскаго университета написанъ старосемінарскимъ, тяжелымъ языкомъ. Замѣчательно, что всѣ остальные адреса не только лучше написаны, но человѣчественнѣе: въ нихъ говорятъ объ освобожденіи крестьянъ, объ амнистіи, о преобразованіяхъ. Въ университетскомъ адресѣ ничего подобнаго, раболѣпіе его не смягчено ни однимъ словомъ³⁾. А. И. Г.

³⁾ Составленъ С. М. Соловьевымъ.

2141. Доносъ на «Спб. Вѣдомости».

Послѣ ряда ругательствъ, обращенныхъ къ намъ и за которыя мы не въ правѣ сердиться, чувствуя, что и мы не особенно щадили полицейски-литературную шваль III Отдѣленія, всѣхъ этихъ публичныхъ мужчинъ, продающихъ красоту своего слога, всѣхъ этихъ камелій по тысячѣ р. с. въ мѣсяцъ съ пера и дѣйствительныхъ статскихъ репейниковъ по триста р. съ уха,—итакъ, послѣ ряда ругательствъ въ нашу пользу, «Московскія Вѣдомости» приступаютъ къ своему служебному дѣлу и прямо, явно, недвусмысленно *доносятъ* на то, что «Пет. Вѣд.» (т.-е. *Валентинъ Коршъ*) не горячи въ патриотизмѣ и мирволятъ полякамъ. Поступокъ этотъ необыкновенно много выигрываетъ отъ того обстоятельства, что В. Коршъ — *личный врагъ* Каткова, бывший издатель «Моск. Вѣд.», братъ Е. Корша, бывшего соиздателя «Рус. Вѣстн.». Упечь изъ личности своего противника въ потапницу—*quel sort plus digne* ¹⁾?

Думалъ ли Головинъ, когда онъ защищалъ въ Парижѣ *теорію* подкуповъ (ругая взятки!) и восхищался продѣлками французскихъ министровъ, какой онъ безнравственный починъ сдѣлалъ въ Россіи растлѣніемъ журналистики? А потомъ эти гг. примутся кричать, когда восторженный юноша, не отдавая себѣ порядкомъ отчета, прирѣжетъ нѣмца Коцебу; а потомъ—женѣ пенсію, восклицанія и притворное участие, когда невидимая рука казнить Манишевскаго.

А и этотъ доносъ на «Пет. Вѣд.» имѣетъ свои морали. Усобица въ редакціи «Рус. Вѣстн.» памятна всѣмъ. Кто не оплакивалъ непреклонной Агари ²⁾, бѣжавшей въ бесплодныя степи «Атенея» въ то время, какъ Леонтьевъ захватилъ съ патриархомъ своимъ все хозяйство и сталъ пасти стадо тучныхъ барановъ подъ кровомъ брачнаго ложа? Агарь не безупречно вела себя въ степяхъ своихъ, у нея родился тамъ ребенокъ отчаянія и протеста, зараженный французской централизациею и благовопніемъ къ просвѣтительной силѣ австрійскаго жандарма ³⁾.

Пусть Измаилы попробуютъ теперь отечественнаго *будочника*... Въ тѣ времена противъ нихъ возсталъ вооруженный учебниками объ англійской конституціи Катковъ, тотъ же Катковъ, который теперь ведетъ въ будку В. Корша!

Tempora mutantur ⁴⁾—было время, и не такъ-то отдаленное, когда тоже *не другой* Катковъ посѣтилъ насъ въ Лондонѣ, а те-

¹⁾ Какая судьба болѣе достойна зависти?

²⁾ Е. О. Коршъ. По библейскому преданію, Агарь, рабыня патриарха Авраама, бѣжала изъ дома своего господина и родила въ пустынѣ Измаила, родоначальника агарянъ.

³⁾ Б. Н. Чичеринъ.

⁴⁾ Времена мѣняются.

перь актъ этотъ онъ называетъ позорнымъ, «пилигримствованіемъ къ вольноотпущеннымъ сумасшедшаго дома».

Да это не доносъ ли ужъ? Вотъ что значить потереться на сѣзжей!

Нѣтъ, свои люди—сочтутся! *

◆◆ 1. Въ катковской передовой статьѣ № 86 «Московскихъ Вѣдомостей», между прочимъ, сказано: «Для иностранцевъ дозволено было имѣть, хотя поверхностное понятіе о томъ, что печаталось по-русски, напримѣръ, въ Лондонѣ, и знать притомъ, что весь этотъ отвратительный сумбуръ (невозможный ни въ какой литературѣ) пользовался въ Россіи большимъ кредитомъ, что русскіе люди разныхъ сословій пилигримствовали къ этимъ вольноотпущеннымъ сумасшедшаго дома, питались ихъ мудростью и возлагали на нихъ надежды въ дѣлѣ обновленія своего отечества... Въ иностранныхъ газетахъ приводятся избранныя красоты изъ русско-лондонскихъ изданій, въ которыхъ еще такъ недавно, къ стыду нашему, многіе русскіе люди слышали призывный голосъ обновляющейся Россіи, и иностранные публицисты вчужѣ приходятъ въ негодованіе, цитируя мѣста изъ «Колокола», и вчужѣ до нѣкоторой степени отстаиваютъ, если не нынѣшнее, то, по крайней мѣрѣ, прошлое значеніе русскаго народа отъ нареканій со стороны его собственныхъ вырождковъ. Мало того, что эти вырожки перешли открыто въ лагерь враговъ Россіи, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому возстанію и осыпаютъ циническими ругательствами русскихъ, выразившихъ за границей робкое сочувствіе русскому дѣлу подпискою въ пользу раненыхъ русскихъ воиновъ,—они ругаются надъ русскимъ народомъ вообще и объявляютъ Россію ничѣмъ инымъ, какъ *глупою выдумкой*, которая должна безслѣдно исчезнуть съ лица земли. ...И вотъ русскій патріотизмъ упрекаютъ въ кровожадности, упрекаютъ не французскія или нѣмецкія газеты, а «С.-Петербургскія Вѣдомости», газета російская».

2142. Какое правленіе въ Россіи?

«Morning Post» вдругъ, не говоря худого слова, объявляетъ, что правительство въ Россіи *деспотическое*.

Слышите? Въ Россіи правительство деспотическое! Что за сумасшествіе!

Такъ Павелъ I былъ деспотъ?

Такъ Николай I былъ деспотъ?

Такъ это и Александръ II—деспотъ? — вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ начали забывать незабвеннаго, форма правленія не измѣнилась...

Нѣтъ, эти якобинцы не понимаютъ русскаго правительства «и не понять тебѣ его», какъ говаривалъ Н. Ф. Павловъ.

Если Польша возстала, то это оттого, что мало воли дали русскому самодержавію, очень ограничили его свободными учрежденіями. Если офицеровъ разстрѣливали, это — не деспотизмъ, это Лидерсъ. Если держатъ въ казематахъ, ссылаютъ за слово, за мнѣніе безъ суда, — на то есть законъ, все по своду... томъ, статья, а не деспотизмъ. Ясно, что «Москов. Вѣд.» не могли вынести такой *афронты*, несмотря на то, что онъ напечатанъ англійскими буквами на англійской бумагѣ, въ Англии. Справедливо говорить начальникъ «Москов. Вѣд.», что онъ не станетъ *говорить*: «какъ больно русскому человѣку слышать, что серьезный органъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ считаетъ себя въ правѣ называть нашъ образъ правленія деспотическимъ».

А, вѣдь, если бы органъ Пальмерстона немного призадумался, онъ этой ошибки не сдѣлалъ бы и не было бы «больно русскому человѣку». Начальникъ «Москов. Вѣд.» «тѣмъ себя прославилъ», что онъ по Гнейсту и по другимъ нѣмцамъ проповѣдывалъ съ школьнымъ ожесточеніемъ англійскую конституцію, англійскій судъ, двукамерность силу богатства, равенство передъ голодомъ, словомъ, все до англійскаго пластыря и англійской соли, а теперь онъ съ еще большимъ ожесточеніемъ защищаетъ правительство, ввѣрившее ему его столь важный постъ. Изъ этого ясно, что правительство, защищаемое имъ, парламентское, свободное, а не деспотическое. Или Пальмерстонъ не читалъ «Русскаго Вѣстника» или не читалъ «Вѣдомостей». Изъ этой страшной альтернативы онъ не можетъ выйти.

2143. Абрамовичъ и Келеръ.

Правительство не только упало въ Берга, но и въ Абрамовича. Вотъ термометръ Александра II. По лицамъ можно судить о духѣ.

Мин. внутр. дѣлъ ¹⁾ Келеръ говоритъ въ циркулярѣ, разосланномъ губернаторамъ, что правительство очень недовольно рапортами мѣстныхъ властей относительно поведенія русскихъ войскъ. Онъ даетъ знать мѣстнымъ властямъ, что правительство только въ томъ случаѣ будетъ принимать подобные рапорты, когда они будутъ основаны на свѣдѣніяхъ, *доставленныхъ военнымъ начальствомъ*. Въ заключеніе запрещается гражданскимъ властямъ называть сражающихся «русскими императорскими войсками» и «инсургентами», а называть ихъ впрямь: «наши войска» и «мятежники».

Корреспондентъ «Daily Telegraph» (29 апрѣля) пишетъ: «Вѣсть объ этомъ распоряженіи была прежде напечатана вкратцѣ (въ «Times'ѣ» и даже во французскихъ газетахъ); мы откровенно винимся, что не повѣрили ей. Здѣсь она повторена съ такими подробностями, что нѣтъ мѣста сомнѣнію».

¹⁾ Предсѣдательствующій въ правительственной комиссіи по внутреннимъ дѣламъ Ц. Польскаго.

2144. Патриотизмъ въ Парижѣ.

Русскіе, живущіе въ Парижѣ, собрали для раненыхъ солдатъ въ Польшѣ 7000 фр. Имена извѣстныхъ и знаменитыхъ участвовали въ этой коллектѣ, назначенной не столько для закрытія ранъ, полученныхъ на войнѣ, сколько для раскрытія вѣрнопопданническихъ чувствъ.

2145. Ковалинскій сѣчетъ беременныхъ.

Яроославской губерніи, въ Ростовскомъ уѣздѣ возникло уголовное дѣло *о наказаніи беременной женщины* землевладѣльцемъ Михаиломъ Ковалинскимъ и пр., и пр... Для насъ важно то, что два года послѣ освобожденія варвары эти сѣкутъ *беременныхъ* женщинъ.

2146. «Очерки» и «Le Nord».

«Очерки», *вынужденные обстоятельствоми*, прекратили свое изданіе. Злой, ироническій «Le Nord» насмѣшливо прибавляетъ: «а газеты консервативнаго направленія процвѣтаютъ».

2147. Петербургъ.

«Несмотря на всѣ патриотическія демонстраціи и адреса преданности, правительство чего-то боится. На-дняхъ здѣсь арестовали больше *ста человекъ* и разослали по разнымъ губерніямъ безъ суда, безъ слѣдствія, административнымъ порядкомъ. Говорятъ, что изъ Вятки привезли сюда учителя семинаріи Красовскаго, основавшаго тамъ публичную бібліотеку. Въ Одессѣ закрыта книжная лавка Рудольфа. Здѣсь были опять разосланы тайно напечатанныя прокламаціи» ¹⁾).

Мы прибавимъ къ этому, что «Evening Star» 9 мая говоритъ о какомъ-то арестѣ офицера Лукина и студента, котораго фамиліи нѣтъ, въ Псковѣ. ¹

◆◆ 1. Герценъ зналъ, что до Петербурга дошла очередь распространенія прокламаціи, написанной Огаревымъ въ согласіи съ

¹⁾ «Таймсъ» и «Экспрессъ» говорили о какой-то тайной прокламаціи съ «Evening Star», о *первомъ листѣ* журнала «Свобода», издаваемого «Землей и Волей». Мы только-что получили «Свободу» и напечатать ее въ слѣдующемъ листѣ. А. И. Г.

А. А. Слѣпцовымъ и напечатанной въ мартѣ 1863 г. въ Лондонѣ, въ Вольной русской типографіи. Она была направлена съ юга, при помощи В. И. Кельсіева и др., и распространялась сначала по провинціи, потомъ въ обѣихъ столицахъ. Въ сентябрѣ транспорты ея поступали изъ Швеции черезъ Финляндію или прямо изъ Норвегіи въ Спб., что было результатомъ побѣдки сына Герцена въ Стокгольмѣ. Тогда же съ нею были еще направлены также чисто и аккуратно отпечатанныя прокламаціи «Офицерамъ всѣхъ войскъ отъ общества „Земли и Воли“» и «Братья солдаты!» (уже приведенныя мною). И эта прокламація была выпущена конспиративно—безъ указанія источника происхожденія и мѣста печатанія, хотя и съ косвеннымъ указаніемъ на «З. и В.». Привожу полностью и буквально:

Всему народу русскому, крестьянскому отъ людей ему преданныхъ поклонъ и грамота.

Прошло два года съ «Положенія о выходѣ изъ крѣпостной зависимости».

Что же въ эти два года сдѣлано? Дана ли крестьянамъ земля? Дана ли воля? Дана ли та земля, которая, по правдѣ, ничья иная, какъ крестьянская, народная? Дана ли та воля, которая по правдѣ народу приходится?

Землю русскую заселяли не царь и не казна, не дворяне и не чиновники. Землю русскую заселялъ народъ русскій. Земля—дѣло, Богомъ народу данное, и въ писаніи сказано: «Множитесь и заселяйте землю».

А что же въ эти два года сдѣлано? Уставныя грамоты насильно и облыжно подписаны, земля у народа урѣзана, оброки повышены; позволенъ выкупъ, т.-е. за свою же землю крестьяне должны денежки заплатить да еще не по своей оцѣнкѣ, а по чиновничьей. Собираются и государственныхъ крестьянъ заставить за свои же земли казнѣ выкупъ заплатить,—звать, казна-то помѣщика! Нѣтъ, это не Божье дѣло, это насильство властей, не отъ Бога поставленныхъ.

Воля народная значить, что народъ долженъ управляться мірскимъ согласіемъ да своими людьми выборными, а не приказными людьми и не помѣщиками; землю владѣть безъ всякаго оброка и выкупа каждому съ мірскаго согласія безобидно; денежный сборъ на общее дѣло вершить съ общаго согласія и по мірской раскладкѣ, а не отдавать послѣднее достояніе чиновникамъ, чтобы тратили куда, никому неизвѣстно, али по просту сказать—грабили.

Воля значить, чтобы судъ былъ вершимъ людьми выборными, которымъ народъ вѣритъ, вершимъ по совѣсти человѣческой и по разуму народному, а не навязанъ приказными, невѣ-

домо отколь взятыми, народомъ непрошенными и не по законамъ, невѣдомо кѣмъ и для кого писаннымъ.

Воля значить вѣровать въ Бога по совѣсти, какъ кто по какому обряду вѣрить отъ искренняго сердца и чтобы молиться по своей вѣрѣ никому не было помѣхи и притѣсненія.

Воля значить, чтобъ не было насильной рекрутчины, чтобы солдатъ былъ поставленъ для охраны той области, гдѣ родился, и прослуживъ охотно свой годъ на пользу своихъ же кровныхъ селъ и городовъ, возвращался бы въ свою семью, на свою землю; въ даль ходилъ бы только тогда, когда война есть неминуемая. А не то, что теперь, рекрута уводятъ на долге годы въ дальнія мѣста и въ мирное время ставятъ постоемъ на грабежъ народа да еще заставляютъ стрѣлять по крестьянамъ.

Воля значить, чтобы не было ни барина-чиновника, ни мужика да мѣщанина, а были бы только люди русскіе, единый народъ безо всякой розни сословной и что право для одного было бы право и для другаго.

Воля значить, чтобъ не было паспортовъ да стѣсненій; когда что надо взыскать, міромъ взыскивалось бы съ урожая да имущества, а человекъ былъ бы воленъ итти куда ему сподручно да выгодно, безъ того, чтобы чиновники ему пути заказывали, да на заработокъ не пускали, да семью въ раззоръ разоряли.

А что для этой настоящей воли народной въ эти два года сдѣлано?

Да только то, что когда народъ объ ней затолковалъ, то послали солдатъ пороть крестьянъ, по крестьянамъ стрѣлять да захваченныхъ, какъ преступниковъ али собакъ, разстрѣливать. Такъ было въ Казани, въ Пензѣ, въ Смоленскѣ и, почитай, что вездѣ. А царь самъ ѣздилъ по Россіи, помѣщикамъ говорилъ, что онъ самъ помѣщикъ, а крестьянамъ объявилъ и печатно въ газетахъ и изустно самъ своей царской рѣчью, что другой воли народу не дастъ, кромѣ той, которую уже далъ, то есть той гдѣ народъ за свою же землю деньги заплатитъ, а если вздумаетъ вѣнчать на неправду, то быть ему битому и разстрѣленному.

Хороша воля!

Нѣтъ, батюшка царь, эдакъ земскіе то цари не поступаютъ! Это в пору только заморскимъ пришельцамъ да антихристамъ.

А ты лучше созови Земскій Соборъ изъ людей, народомъ, безъ всякой розни сословной, выбранныхъ, пусть они и рѣшатъ, и какъ землю владѣтъ и какъ волю народную учредить. Тебѣ, батюшка царь, одному съ вельможами этого не рѣшить. Тутъ надо не канцелярскій приказъ, секретарями писанный да князьями подписанный; тутъ нуженъ общій совѣтъ, крестьянскій умъ да народный толкъ, нуженъ Земскій Соборъ.

Ахъ, родимые, родимые! Какъ бы не такъ—дастъ онъ вамъ Земскій Соборъ! Не Земскій Соборъ онъ дастъ, а опять пошлетъ солдатъ пороть крестьянъ да разстрѣливать, чтобы не было дру-

гой воли, кромѣ той новой неволи, которую русскіе писаря изъ нѣмцевъ въ Петербургѣ за приказнымъ столомъ сочинили.

Ну! такъ не пеняй же государь-батюшка, Александръ Николаевичъ, если народъ и безъ твоего соизволенія самъ свою землю и волю возьметъ, самъ оной Земскій Соборъ созоветъ. Ты за насъ не стоишь, видно, Богъ велитъ намъ всѣмъ самимъ за себя постоять. Быть волѣ Божіей.

Кто же съ нами, съ народомъ, и кто противъ народа? Надо счестся.

Противъ народа большая часть дворянъ и чиновниковъ, бояръ и князей, всѣ тѣ, которые хотятъ себѣ царя-барина, царя-помѣщика, а не Земскаго Собора и не земскаго управленія.

Но въ эти два года нашлись и изъ дворянъ люди, народу преданные; они просили царя, чтобъ далъ всѣмъ права равныя, отрѣшилъ бы льготы дворянскія, уничтожилъ бы рознь сословную. Нашлись и офицеры, которые стали уговаривать солдатъ не стрѣлять по крестьянамъ, а стоять за народъ. Нашлись и сочинители, которые писали въ пользу народа, отстаивали его землю и волю

Число ихъ, можетъ, было и не очень большое, но и не малое. Да, велика у нихъ твердость духа и вѣра въ правоту дѣла народнаго.

И вотъ они собрались и поклялись передъ святымъ крестомъ и евангеліемъ послужить народу русскому, отстоять его землю и волю противу видныхъ нѣмцевъ и вельможъ и царю доказать, что дѣло народное—дѣло правое, и добиться до созванія Земскаго Собора.

Собрались они и стали промежъ себя деньги собирать на общее дѣло и посылать во всѣ концы Россіи гонцовъ, собирали бы людей, народу преданныхъ, проповѣдывали бы Землю и Волю народную, офицеровъ и солдатъ повѣщали бы присягать, что не стануть стрѣлять по крестьянамъ, а будутъ стоять за нихъ твердо и пойдутъ на помощь дѣлу народному.

Пускай царь называетъ насъ бунтовщиками, сажаетъ въ крѣпость да ссылаетъ на каторгу; пускай полицейскіе ярыжки стараются чернить насъ даже въ глазахъ народа, будто мы и измѣнники-то, и поджигатели-то, и всякую дьявольскую ложь и клевету на насъ возводить. На правомъ дѣлѣ благословеніе Божіе и вотъ же, несмотря на казни супостатовъ, кругъ людей, народу преданныхъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ, увеличивается числомъ, крѣпнетъ духомъ и силой.

Скоро, братья крестьяне, скоро услышите вы, что вездѣ собираютъ ополченья, земля отдается крестьянамъ, учреждается свободное мірское управленіе. Тогда значитъ часъ насталъ, мы готовы и вышли на дѣло. Въ ту пору мы опять васъ вотъ такимъ же листкомъ повѣстимъ. И тогда, благословясь, идите съ вѣрой за свою правду народную.

А до тѣхъ поръ будьте мудры, яко зміи. Не портите дѣла въ разбивку. Не возставайте отдѣльными селами. Въ разбивку вась задавятъ. Мы повѣстимъ вась только тогда, когда всѣ силы будутъ собраны, и мы всѣ вмѣстѣ можемъ спокойно требовать всего, что народу по правдѣ приходится, не боясь ни вельможескихъ козней, ни царскихъ отказовъ.

Да еще до тѣхъ поръ не забудьте, что когда ставите рекрутъ, берите съ нихъ присягу по совѣсти, что никогда по народу стрѣлять не станутъ и пороть крестьянъ не пойдутъ.

Сходитесь, разсуждайте и сговаривайтесь. Помѣчайте людей, народу преданныхъ, и сближайтесь съ ними. Помѣчайте людей, народу враждебныхъ, и давайте знать объ нихъ, чтобы и мы отъ нихъ отстранялись, избѣгали ихъ предательства и выставляли бы имена ихъ на позоръ челоуѣчеству. А ихъ будетъ не мало—и вельможи, и чиновники, и всѣ тѣ, которые насъ называютъ бунтовщиками за то, что мы имъ мѣшаемъ высасывать кровь народную, терзать народъ судомъ безсуднымъ, управленіемъ разбойничьимъ да отнятіемъ у крестьянъ земли въ свою бояро-чиновничью пользу; всѣ тѣ, которые ненавидятъ и преслѣдуютъ насъ за то, что мы съ перваго же шагу объявляемъ о признаніи за народомъ земли и воли. Но не страшны намъ враги народные и не перестанемъ мы добиваться до созванія Земскаго Собора, на которомъ должно быть провозглашено:

1. Отдача крестьянамъ земли безъ выкупа.
2. Отрѣшеніе чиновниковъ и замѣна ихъ людьми, народомъ выбранными.
3. Совершенное уничтоженіе розогъ и всякаго сѣченія.
4. Уничтоженіе рекрутчины и устройство народнаго ополченія.
5. Запретъ, чтобы безъ согласія народнаго Земскаго Собора нельзя было налагать ни податей, ни пошлинь.
6. Запретъ, чтобы безъ вѣдома Земскаго Собора никуда правительство деньги не тратило.
7. Свобода вѣры.
8. Уничтоженіе всякой сословной розни, чтобы не было ни дворянъ, ни крестьянъ, ни мѣщанъ, а былъ бы только подъ одно народъ русскій.

И многое, многое еще долженъ разсмотрѣть и рѣшить Земскій Соборъ, гдѣ бы онъ ни собрался, въ Москвѣ ли или гдѣ придется.

И еще разъ повторяемъ, братья-крестьяне, готовьтесь покуда втихомолку. А придетъ великій, ослушной часъ, не выдайте праваго дѣла, всѣ вмѣстѣ, и солдатушекъ всѣхъ съ собою возьмете и двинетесь за Землю и Волю народную и да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его.

Здѣсь же приведу одинъ загадочный документъ, присланный въ III Отдѣленіе въ маѣ 1863 г. могилевскимъ губернаторомъ; это—копія найденнаго въ губерніи революціоннаго листка. Отсутствіе указанія «печатнаго» не убѣждаетъ въ томъ, что онъ былъ рукописный, потому что тогдашняя администрація очень рѣдко сколько-нибудь правильно называла такія вещи, путая печатное съ рукописнымъ, ничего не оговаривая, смѣшивая писарскія копіи съ видимыми (по нумерамъ) оригиналами, листки съ брошюрами и т. д. Загадочно не это, а абсолютное отсутствіе въ дѣлахъ III Отдѣленія какаго-либо дальнѣйшаго по донесенію могилевскаго губернатрара разслѣдованія; по любому пустому анонимному доносу и то неизбѣжно начиналась работа по наведенію справокъ и запросовъ провинціальной агентуры, а въ такомъ дѣлѣ, гдѣ все въявь,—дальше ровно ничего не сдѣлано, да и самая бумага подшита къ совершенно случайному дѣлу. Единственно, что можно предположить, что за хорошую плату отъ заинтересованныхъ лицъ чинъ, вѣдавшій ходомъ бумагъ, подшилъ ее такъ, что она была совершенно погребена.

Вотъ содержаніе листка:

«Учреждены комитеты для составленія новаго правительства въ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Казани, Харьковѣ, Тулѣ, Тифлисѣ, Иркутскѣ и Енисейскѣ. Всѣ прочія губерніи, въ которыхъ находятся члены общества, присоединяются къ вышеупомянутымъ городамъ и должны исполнять свято и сохранять въ величайшей тайнѣ всѣ распоряженія предсѣдателей и высшихъ избранныхъ членовъ комитетовъ. Цѣль составленія новаго правительства заключается въ уничтоженіи самодержавія и тиранства и въ введеніи конституціоннаго правленія во всѣхъ частяхъ имперіи. Еслибы, чего Боже сохрани, Польша не успѣла возстановить своей независимости, то и она входитъ въ составъ общаго управленія съ согласія прочихъ славянскихъ племенъ. Члены общества должны всѣми силами стараться пріобрѣсть любовь народа, дѣйствуя на умы исподволь и приготавливая ихъ къ содѣйствію для совершенія великаго дѣла освобожденія отъ ига, тяготѣющаго 150 лѣтъ надъ государствомъ.

«Въ члены общества принимаются преимущественно одни русскіе дворяне и лица прочихъ сословій, исключая податного, но еслибы агенты общества нашли людей достойныхъ и прочихъ исповѣданій, готовыхъ присоединиться для совершенія великаго дѣла къ освобожденію, то и они принимаются въ составъ общества, но при пріемѣ ихъ въ члены должно дѣйствовать съ величайшею осторожностью и выжидать, пока гвардія и прочія военныя силы будутъ двинуты къ границамъ Австріи и Бессарабіи. Не принимаются въ члены общества люди, запятнавшіе себя какими либо безчестными поступками. Не принимаются также въ члены общества священники, ихъ дѣти и вообще причетники духовенства, какъ люди не благонадежныя и могушіе по алчности къ деньгамъ

измѣнить новоустройствающемуся государству. Безусловное повиновение высшей разумной власти есть единственное средство для достиженія святой и великой цѣли, и потому члены общества не должны вмѣшиваться въ распоряженія предсѣдателей и высшихъ членовъ впредь до уничтоженія племени нынѣ тяготѣющаго надъ государствомъ; по достиженіи же этого великаго дѣла, всѣ члены общества будутъ собираемы въ назначенныя мѣста для обсуждения объ устройствѣ новаго законодательства. Дальнѣйшія распоряженія, смотря по важности, будутъ разсылаемы агентами или каждому изъ членовъ общества или передаваться изустно тѣми же путями, съ сохраненіемъ величайшей тайны и осторожности. Предсѣдатель тульскаго комитета освобожденія Оболенскій, высшіе члены Гончаровъ, Соймоновъ, Орловъ, Кукурбскій, Дундуковъ-Корсаковъ, Измайловъ, Самсонъ, Путята, Гагаринъ, Раевскій 1, Раевскій 2 и Тверитиновъ».

2148. Отвѣты.

Редакція «Колокола», по желанію К. А., извѣщаетъ, что его письмо получено, и что она удивляется, почему оно было послано. Подобными дѣлами, можетъ быть, интересуются посольство, консульство, полиція, но, конечно, не мы; это—явная ошибка въ адресѣ.

Письмо, полученное нами о телеграммѣ г. Титова и какой-то барыни, принявшихъ на себя скромное названіе «русской колоніи въ Штутгартѣ» и сообщавшихъ императрицѣ въ Петербургѣ интересную новость, что «русская колонія поздравляетъ государыню съ днемъ рожденія государя», — не особенно интересно. Телеграмма эта только доказываетъ, что г. Титовъ, несмотря на превосходную память, не забывающую дни рожденія, вовсе не злопамятенъ и забылъ утрату тѣхъ алыхъ дней, когда онъ съ добротными Кавелинымъ воспитывалъ будущность Россіи...¹

◆◆ 1. Въ слѣдующемъ № «Колокола» Огаревъ тоже сдѣлалъ выпадъ по адресу Кавелина, котораго, не назвавъ по имени, обозвалъ «эксъ-профессоромъ, когда-то простодушнымъ, а потомъ озлобленнымъ, видя, что здоровая молодежь не можетъ сочувствовать его золотушной мысли». Прочелъ ли Кавелинъ статью Герцена и не хотѣлъ ему писать, или нѣтъ, но онъ написалъ Огареву изъ Бонна 31 мая. «Эту фразу прочесть мнѣ было больно, больно во имя старины, во имя прошлаго! Я бы могъ доказать тебѣ хронологически, что брошюра, которая тебѣ не нравится, написана въ то время, когда я еще былъ идоломъ молодежи, и, слѣд., для озлобленія не было повода. Но дѣло совсѣмъ не въ томъ. Мнѣ больно, что, зная меня, ты могъ допустить въ своемъ сердцѣ другой поводъ къ моимъ понятіямъ, кромѣ убѣжденія!» («Письма», 83).

2149. Имя! имя! Бога ради имя!

Англійскіе журналы повторили изъ «Illustrated Times» о посягательствѣ на лондонскую журналистику агента петербургской полиціи. «Нѣсколько дней тому назадъ *какой-то господинъ* адресовался къ нѣсколькимъ извѣстнымъ сотрудникамъ уважаемыхъ журналовъ, — говоритъ «Ill. Times», для помѣщенія статей *въ защиту поведенія Россіи относительно Польши*, намекая, что, въ случаѣ согласія, предложеніе это окажется *выгоднымъ* для принявшихъ его. Предложеніе было немедленно отвергнуто, по крайней мѣрѣ, въ двухъ случаяхъ, извѣстныхъ мнѣ, что, впрочемъ, можно было ожидать, зная эти личности или характеръ главныхъ участниковъ въ лондонской прессѣ».

Эки баловники! И тутъ взяточками да головнинскими подкупами... Мало подсылать Хотинскихъ и другихъ подслушивать, мало «Московскихъ Вѣдомостей», — нѣтъ, еще давай подкупать и англійскую прессу... Жаль, право, что тѣлесныя наказанія выводятся... Чѣмъ, кромѣ розогъ, уймешь ихъ?...

2150. [Новая книга].

«Польская революція и гордіевъ узелъ европейской политики», — спѣшимъ указать нашимъ читателямъ на эту замѣчательную брошюру, вышедшую въ Берлинѣ у Шнейдера.

2151. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено отъ «русскаго офицера на русское дѣло» 31 т. 20 гр. (что составляетъ 4 ф. 15 шилл.).

2152. Письмо къ дочерямъ.

18 мая 1863.

За Orsett House, Westb. terr.

Ольга Римская!

Итальянское письмо получилъ. Adesso ¹⁾ ты можешь дома говорить по-итальянски. Adesso на мѣсто Jacopo Bonnet къ намъ опредѣляется Nicolò Pinelli (Florentino). «Adesso» ты всѣ фразы начинаешь, такъ и я тебѣ подражаю.

¹⁾ Теперь.

Саша уѣхалъ въ субботу въ Стокгольмъ. Мы его провожали въ Catherine Dock съ Тхоржевс., но Туту-догъ не былъ,—онъ куда-то пропалъ.

Нефталъ всѣмъ рекомендуетъ здѣсь прививать оспу—здѣсь зараза; я себѣ привилъ. Сегодня я пишу къ вамъ немного: Ага хочеть посылать, а мнѣ некогда.

¿ Сегодня я послалъ франц. «Cloche», русск. «Кол» и вложилъ картину изъ «Пунша». Получили ли? Вотъ вамъ всѣмъ шансонъ ¹⁾:

Apris ²⁾.

Мы изъ луга въ лугъ рыщемъ, рыщемъ,
Новый домъ ищемъ, ищемъ,

La Diligence,

Couleur Garance,

Parcourt ³⁾ Broad... ⁴⁾

Margaret, Newgate et Wimbledon Park!

Здѣсь нѣту квартиры,

Тамъ мебели нѣтъ,

Тхоржевскій направо,

Налѣво я самъ.

6 фунтовъ въ недѣлю.

Клапамъ и Hampstead,

Blackheath-Putney, Heath

Und sogar in einer heiligen Johann's Wut—

Sucht ich appartements in St. John's wood ⁵⁾.

Твою записку, милая Тата, къ Сашѣ я отдалъ ему самому и просилъ его, какъ прїѣдетъ въ Штокгольмъ, прочеть.

Писать буду въ пятницу или субботу. Дѣла опять идутъ въ Польшѣ лучше.

2153. Письмо къ сыну,

20 мая 1863.

Orsett House, Westb. terrace.

Ну, какъ-то ты доплылъ до твоихъ Швецій? А здѣсь два дня страшнѣйшая буря: рветъ шляпы, выворачиваетъ зонтики. Остальное тихо. Сегодня посылаемъ, впрочемъ, за Гено де-Мюси ⁶⁾:

¹⁾ Chanson—пѣсня.

²⁾ Пчела.

³⁾ Дилижансъ мареноваго цвѣта проѣзжаетъ (слѣдуютъ названія разныхъ мѣстностей въ Лондонѣ).

⁴⁾ Слово не разобрано.

⁵⁾ И даже, въ священномъ обѣшенствѣ Іоанна, искалъ я квартиру въ St. John's wood.

⁶⁾ Докторъ.

дѣвочка ¹⁾ ужасно кричала, и явно ее схватывала какая-то спазма разъ пять съ вечера. Все оканчивается ничѣмъ.

Вопросъ объ войнѣ и вопросъ о нашей квартирѣ не подвинулся ни на шагъ. Только тонъ Пальмерстона (отвѣтъ на представленіе работничьяго митинга) до того грубъ, что бѣда. Edwards, желая тебя побѣдить, написалъ мнѣ, что домъ отдаетъ *за 250 фун.* (даже не гин.) и за 6 ф. на лѣто. Я выигрываю время. Въ Putney Heath домъ хорошъ (хотя и 22 мин. ходьбы); еще наверхъ выйдутъ два или три. Въ Фуламѣ я нашелъ поразительный домъ, но сыро.

Изъ Рима было письмо отъ Ольги по-итальянски. Тата познакомилась съ сестрою Grant Duff ²⁾. Всѣ адоровы. Мейз. очень скучаетъ, что русскіе надобѣдаютъ.

Я получилъ письмо изъ Гейдел. отъ Ст. ³⁾; онъ недавно былъ въ Питерѣ и рѣшительно подтвердилъ то, что мы предполагали: Ар. Б. ⁴⁾ прямо говорилъ, что все предпринимается съ моимъ согласіемъ. Онъ, дѣйствительно, сумасшедшій; для чего онъ все это дѣлаетъ? Подозрѣній дурныхъ я не имѣю, но *il se remu beaucoup trop* ⁵⁾.

Поздравь Бакунина: государь съѣлъ задомъ въ муравейникъ, всѣ Муравьевы около него: М. Н. ⁶⁾, Н. Н. ⁷⁾ и Помд'амурскій *democrate Irkutsk* ⁸⁾.

Что у васъ думаютъ и говорятъ, пиши скорѣе. «Кол.» я послалъ на прежній адресъ (94, Dr. g).

Послѣдній «Соврем.» (апрѣль) очень хорошъ. Нѣтъ ли у васъ? ¹

Обнимаю тебя и, если можешь, обними четвертую часть окружности Бак. Скажи, что Червеневичъ ⁹⁾ окончилъ свой портфель дипломата. Бак. впередъ приготовилъ за себя мечь, приставивши къ нему Булев. ¹⁰⁾,—онъ и подсадилъ его.

А что вышло изъ дѣла Тугенд.? Тотъ это или нѣтъ?

«*Indép. Belge*» (отъ 18 апр.) говоритъ съ похвалою о выставленномъ въ Парижѣ портретѣ О'Коннель ¹¹⁾.

Прощай.

¹⁾ Елена.

²⁾ Сэръ Монтстюартъ Эльфинстонъ, англ. политич. дѣятель.

³⁾ А. Стюартъ.

⁴⁾ Бени.

⁵⁾ Онъ слишкомъ подвиженъ.

⁶⁾ Вѣшатель.

⁷⁾ Карскій.

⁸⁾ Николай Николаевичъ. Амурскій; Бакунинъ раньше яро защищалъ его. *Ротте d'amour* — томатъ; каламбуръ и намекъ на репутацію краснаго, которую Бакунинъ пытался создать Муравьеву. *Democrate Irkutsk* — иркутскій демократъ.

⁹⁾ Цверцякевичъ.

¹⁰⁾ Булевскій.

¹¹⁾ Портретъ Герцена ея работы.

◆♦ 1. Въ IV кн. «Современника» напечатаны: «Городъ Бучиловъ», повѣсть Ш.; «Изъ записокъ моего сосланнаго пріятеля. 1850 годъ», Ф. Толля; часть вторая «Что дѣлать?» Н. Г. Чернышевскаго; «Новыя основанія судопроизводства», III гл., А. М. Унковскаго; «Страда» Н. А. Некрасова; «Женихи бурсы», очеркъ третій, Н. Г. Помяловскаго; «Процессы о печати въ Австріи», гл. II,—А—; «Послѣ всемірной выставки», В. Стасова; «Польскій вопросъ и европейская дипломатія» (Г. З. Елисеева); внутреннее обозрѣніе; «Наша общественная жизнь»; «Свистокъ».

Въ дополненіе къ указаніямъ о цензурѣ «Что дѣлать?», сдѣланнымъ мною на стр. 227—288 «Политическихъ процессовъ», добавлю, что рукопись была доставлена въ цензурный комитетъ изъ редакціи «Современника»; цензоръ Бекетовъ за пропускъ ея къ печати въ томъ же году былъ уволенъ отъ должности.

2154. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

23 мая (1863).
Orsett House.

Тата и Ольга!

Я, было, принялся весело за перо, но меня сильно огорчила вѣсть о томъ, что 19 мая разстрѣляли русскіе *Падлевскаго* ¹⁾. Ты его, кажется, разъ видѣла: молодой, прекрасный собой офицеръ. Какая страшная трагедія — война, и нельзя надивиться величію польской отваги. Читали ли вы, какъ гимназисты 14—12 лѣтъ отправились изъ Галиціи tambour battant ²⁾ за русскую границу, и изъ ихъ толпы пришло нѣсколько человекъ, остальные попались въ плѣнъ или остались на полѣ? Возстаніе вовсе не прекратилось,—оно теперь въ Литвѣ и Волыни; правительство поднимаетъ мужиковъ противъ помѣщиковъ; мужики начали жечь и рѣзать; имъ даютъ военныхъ начальниковъ и оружіе. Мужиковъ винить нечего, но что польется крови...

Niemand und Keiner wohnten in einem Haus;
Niemand ging aus, Keiner ging aus,
Wer blieb zu Haus?

Vous devinez — chère conservatrice Malvida — Wer blieb zu Haus? Der Czar ging aus—der polnische Edelmann ging aus—der *Bauer* blieb zu Haus mit seinem Lande.

Tout chemin mène à la ville! Et ces messieurs les massacreurs tragiques—font notre besogne mieux que nous—en prenant sur eux

¹⁾ Сигизмундъ.

²⁾ Гремя въ барабанъ.

tout l'opprobre... «fatal» wird Julius Alth. sagen. Was in Russland jetzt vorgeht—das kann man kaum fassen. Die Dissolution die Putrefaction — die alleraloppanteste ~~_____~~ *Ecrivez moi—quels sont les №№ du Kol. qui Vous manquent* ¹⁾).

Отъ Саши письмо изъ Копенгагена. 21 онъ долженъ былъ прїѣхать въ Стокгольмъ, тамъ пробудеть двѣ недѣли да недѣлю назадъ, такъ что между 12 и 15 июня будетъ дома.

Ольга, вотъ тебѣ статья о тебѣ, писанная фюрстомъ Долго-рукимъ въ «Листкѣ».

Помнишь Падлевскаго у меня въ альбомѣ?

А ргоросъ къ альб. «Indépendance» расхвалила и меня и мой контрофей ²⁾, сдѣланный Одеколону ³⁾ и самое Одеколонъ:— онъ на выставкѣ въ Парижѣ.

Дома all right ⁴⁾.

Программа остается старая: вы будете оставаться въ Римѣ до рѣшенія.

2155. Письмо къ сыну.

25 мая (1863).

Orsett House, Westbourne terr.

Любезный Саша, чтобъ не оставить тебя безъ вѣстей, пишу къ тебѣ, не дождавшись твоего письма изъ Стокгольма.

Б. ⁵⁾ буду писать завтра или послѣзавтра. Мнѣ жаль, что онъ сердится, и жаль, что я его разсердилъ. Мнѣ жаль, что онъ думаетъ, что я дѣлаю все изъ себяобожанія, въ то время, какъ все, что я писалъ, имѣло другой источникъ. Пока скажу только двѣ вещи.—Въ документѣ Лапинс. и Демонтов. сказано что «онъ посылается мнѣ съ тѣмъ, чтобъ я его употребилъ въ крайнемъ случаѣ». Какъ же я могъ знать, что мнѣ слѣдовало его сообщить

¹⁾ Никто и никакой жили въ одномъ домѣ. Никто ушелъ изъ дому, никакой ушелъ изъ дому. Кто остался дома?—Вы догадываетесь, милая консерваторша Мальвида, кто остался дома?—Царь ушелъ, польскій дворянинъ ушелъ, мужикъ со своей землей остался дома.—Всѣ дороги ведутъ въ городъ! А эти господа мрачные убійцы лучше насъ выполняютъ нашу задачу и берутъ весь позоръ на себя. «Фатально» скажетъ Юлій Альт. ⁶⁾. Едва умъ охватываетъ то, что сейчасъ творится въ Россіи. Разложеніе, гнилое броженіе самое неудержимое... Напишите мнѣ, какихъ №№ «Колокола» у Васъ не хватаетъ.

²⁾ Konterfei--портретъ.

³⁾ M-me O'Коннель.

⁴⁾ Все благополучно.

⁵⁾ Бакунинъ.

⁶⁾ Альтгаузенъ.

Орд. ¹⁾, Бр. ²⁾ и пр.? Француз. письмо я Цвер. не сообщилъ, потому что оно менѣ ассомантно ³⁾, чѣмъ шпыняво ⁴⁾, а это слѣдуетъ передавать не черезъ 3-ье лицо. Что же касается до докум. Л. и Дем., ты самъ ему его пошли. Finis.

Chez nous, у насъ, какъ говорить Чер. ⁵⁾, все идетъ хорошо. Въ недѣлю два раза все бѣжитъ искать фатеру съ садомъ, не находить и остается постарому,—а 15-е такъ близко.

Въ Римѣ также все благополучно. Тата познакомилась съ Леманомъ ⁶⁾, Левальдъ ⁷⁾, а Грегоровіусъ ⁸⁾—у нихъ свой чело-вѣкъ; егго, за артистическимъ обществомъ дѣло не станеть, за ученымъ также.

Мартыанова арестовали на границѣ; онъ въ крѣпости и отданъ подъ судъ сената за написаніе письма госуд. и напечатаніе его въ «Колоколѣ».

Судьбу Падлескаго, вѣроятно, вы знаете: 15 мая его разстрѣляли въ Плоцкѣ. Жертва за жертвой... а, между тѣмъ, правительство вооружаетъ крестьянъ, и судьбы совершаются сами собой.

Ар. Бени опять надѣлалъ дурачествъ и написалъ мнѣ длинное письмо, и притомъ грубое, несмотря на то, что мнѣ до всего нѣтъ никакого дѣла. Положеніе его ужасное: польское народ. правительство объявило его чело-вѣкомъ *подозрительнымъ*; онъ хочетъ суда, и суда нашихъ друзей (отчего онъ не ѣдетъ въ Варшаву оправдываться?). Если тебѣ придется случайно о немъ говорить, ты можешь сказать, что я въ его бытность въ Лондонѣ ничего подозрительнаго за нимъ не замѣчалъ и думаю, что все дѣлается изъ опрометчивости и желанія играть роль. Увѣрялъ же онъ M-elle Meys., что онъ—Дантонъ.

Письмо твое изъ Копенгагена пришло. Addio. Обнимаю тебя.

Въ «Indép. Bel.» расхвалили портретъ мой—О'Коннель—онъ въ Парижѣ на выставкѣ.

Скажи М. Ал. ⁹⁾, что ко мнѣ два раза приходилъ Кукъ или не знаю, какой англикъ. Что, ему слѣдуетъ деньги отдать или что?

Цв. ¹⁰⁾ уѣзжаетъ, кажется, въ концѣ недѣли.

¹⁾ Владиславъ Ордена, уполномоченный польскаго народнаго правительства въ Парижѣ и одновременно французскій дипломатъ съ 1855 г.

²⁾ Гр. Ксаверій Браницкій.

³⁾ Assomant—убійственный.

⁴⁾ Ругательно.

⁵⁾ Чернецкій.

⁶⁾ Живописецъ.

⁷⁾ Фанни, нѣм. писательница.

⁸⁾ Фердинандъ, нѣм. историкъ и поэтъ.

⁹⁾ Бакунинъ.

¹⁰⁾ Цверцякевичъ.

2156. Письмо къ сыну.

30 мая (1863).

Вчера я ѣздилъ по домамъ и сегодня,—ничего еще нѣтъ, любезный Саша, а тебѣ, все же, есть выговоръ. Домъ, который такъ понравился въ Ричмондѣ Огар. и мнѣ, отданъ на годъ за 250 фун. или гиней. Это была бы огромная экономія, и, если-бы ты, ѣздивши въ Ричмондъ, заказалъ Гильдичамъ¹⁾, домъ бы былъ нашъ...

Отдѣлывайся поскорѣе—да и домой пора съ нами хлопотать. Твоимъ письмомъ я очень доволенъ: оно обстоятельно и умно,—вотъ лучший отвѣтъ тебѣ на его²⁾ письмо ко мнѣ... Пишу очень мало, потому что ѣду сейчасъ.

Всѣ здоровы, всѣ кланяются.

Изъ Рима нѣсколько дней не было письма, но и тамъ все хорошо.

2157. Письмо къ дочерямъ.

31 мая 1863.

Orsett House, Westb. terr.

Я точно мореплаватель или воинъ, возвращающійся изъ дальней экспедиціи, загорѣлый и усталый, начинаю отдыхать на лаврахъ. Въ послѣднее время былъ самый острый припадокъ исканія квартиры. Наконецъ, я уѣхалъ на два дня въ Ричмондъ и, наконецъ, нашелъ двѣ,—которую возьмемъ, узнаю на-дняхъ. Одна за Twickenham'омъ, другая въ Kew, возлѣ сада. Очень хочется на воздухъ и на покой. Я, дѣйствительно, можетъ, пропущу главныя жары и поѣду къ вамъ, кажется, въ концѣ августа.

Отъ Саши два письма изъ Стокгольма. Тамъ холодно и ему не нравится; къ 15 іюня онъ будетъ непременно въ Лондонѣ.

Гуляя одинъ вечеромъ по набережной Ричмонда, ведущей въ Кью, живо вспомнилось мнѣ наше житье въ 1854,—скоро десять лѣтъ...—и все тогдашнее и всѣ тогдашніе прошли передо мною, какъ въ процессіи—отъ Франсуа и Доманже до Энгельсона и Саффи.

Yes—dear Malvida—I am rather overwhelmed by recollection about the Domengé times and the Darash visite—light and shadow...

¹⁾ Hillditsh, сосѣди по Ричмонду.

²⁾ Бакунинъ.

St. Helena's terrace.

Miss Helena qui terrasse.

Saffi sans Saffo.

Und die Bartelemy's Nacht! Und der Ingilsono furiosol Cholmondeleylodge, wo die Rosen nur aus Dornen bestehen. Briedgfieldvillas—wo M-me Twist musiziert...

Alles kommt—geht—geht vorbei... Dann Putney... und mein Zimmer, wo Catalani geschlafen, wo Marius gewohnt. Nehmen Sie sich in Acht—es folgt nichts¹⁾).

Ольга, помнишь ли ты что-нибудь объ тѣхъ временахъ, когда красенькая Марихень Фоммъ учила не китайцевъ, а тебя, когда ты была маленькая, какъ Лиза, и шалила, какъ двѣ? Обнимаю тебя и цѣлую.

Pardon pour les bêtises—un homme qui écrit—ses mémoires—plus longs que les pharmaciens écrivent les leurs—s'abandonne quelquefois à une revue rétrospective.

Je vous ai expédié—chez Torlonia 60 pounds—que vous n'avez qu'à prendre.

Pour ne pas oublier, voilà une commission. Dites à Fricken, que j'ai reçu sa lettre—mais que je n'ai pas reçu de *seconde lettre* de Florence concernant l'argent polonais. J'ai répondu à la première et je l'ai envoyée au délégué. Depuis pas un mot ne m'est parvenu.

Ils m'écrivirent maintenant aussi— mais ils disent qu'ils ont adressé la lettre à M. Cver...

Tout ce que je puis faire—je le demanderai. Entre autre il a reçu sa demission— et je pense que cela sera peut-être mieux d'envoyer l'argent à Paris. Saluez bien Fricken de ma part et dites que je persiste à croire qu'il devrait aller en Russie²⁾).

Вотъ вамъ и планъ дороги новаго дома въ Теддингтонѣ. Домъ отдають и дѣло, кажется, кончено 1 июня.

Прощайте.

¹⁾ Да, милая Мальвида, я совершенно поглощенъ воспоминаніями о времени Доманже, посѣщенія Дараша,—свѣтъ и тѣни...

Helena's terrace.

Миссъ Helena, приводящая въ уныніе Саффи.

Саффи безъ Сапфо!

А ночь Бартелеми! А неистовый Энгельсонъ!

Cholmondeleylodge⁹⁾, гдѣ всѣ розы въ шипахъ.

А виллы въ Briedgfield'ѣ, гдѣ музицируетъ М-me Твистъ...

Все проходитъ, все минуетъ... Дальше Путней... моя комната, въ которой ночевалъ Каталани, гдѣ жилъ Мариусъ. Берегитесь!—засимъ ничто!

²⁾ Извиняюсь за болтовню—человѣкъ, пишущій «Записки», да еще длиннѣе, чѣмъ тѣ, которыя пишутся фармацевтами, невольно погружается иной разъ въ картины прошлаго.

Я вамъ перевелъ на Торлоніа 60 фунтовъ, и вамъ остается ихъ только взять.

⁹⁾ Мѣсто въ Ричмондѣ, гдѣ жилъ Герценъ въ 1855 г.

А при всемъ томъ странный ты человекъ, Тата: какъ же ты можешь смотрѣть, какъ другіе пишутъ письма сюда, и не приписываешь ни строки? Вѣдь, написать одну строку не больше надобно времени, какъ поймать блоху.—А прогос, пиши немного покрупнѣй, а то мы принуждены твои письма читать подъ сашинымъ микроскопомъ. Письмо съ портретами я самъ франкировалъ и заплатилъ 1 шилл. 10 пенсовъ. Это просто крадутъ. Попробую вамъ послать иначе «Кол.» № 164; пожалуйста, тотчасъ напиши, придетъ ли («Le Nord»). Если придетъ, то какихъ №№ недостаать.

P. S. ~~Das~~ Madame Thal hat nur einen langen Brief geschrieben—jn welchem sie mir über M-me Huth und über Unterredungen mit Westmacott schreibt!—ich werde freilich nichts tun und die Photographien abwarten ¹⁾

2158. С. Падлевскій.

Мая 15 *Сигизмундъ Падлевскій* разстрѣлянь царскими солдатами въ Плоцкѣ. Еще благородная, еще юная жертва со стороны Польши, еще преступленіе съ нашей стороны.

Давно ли онъ былъ въ нашей средѣ въ числѣ *тѣхъ шести*, о которыхъ мы говорили, полный надеждъ, полный отваги ²⁾...

Правъ былъ тотъ папа, который отвѣчалъ польскимъ духовнымъ, просившимъ у него мощей: «Развѣ вы забыли, что гдѣ бы вы ни взяли горсть земли вашего отечества, вы берете мощи вашихъ мучениковъ?» ¹⁾

◆◆ 1. Въ записной книгѣ Балашевича-Потоцкаго имѣется слѣдующій весьма интересный документъ, который, какъ мнѣ кажется, неизвѣстенъ и въ польской литературѣ.

Чтобы не забыть, вотъ вамъ порученіе: передайте Фрикену, что я получилъ его письмо, но *второе письмо* изъ Флоренціи, касающееся польскихъ денегъ, до меня не дошло. На первое письмо я отвѣтилъ и переслалъ его делегату. Съ тѣхъ поръ не получалъ ни слова. Они мнѣ теперь тоже пишутъ, но говорятъ, что посылаютъ письма по адресу Цвер... Я спрошу его; это все, что я могу сдѣлать. Между прочимъ, онъ получилъ отставку—и я думаю, что, быть можетъ, лучше послать деньги въ Парижъ. Передайте мой привѣтъ Фрикену. Я продолжаю думать, что ему слѣдовало бы уѣхать въ Россію. Скажите ему это.

¹⁾ М-me Таль ограничилась однимъ длиннымъ письмомъ, въ которомъ сообщаетъ мнѣ о М-me Huth и о переговорахъ съ Westmacott! Конечно, я ничего не сдѣлаю, а подожду фотографій.

²⁾ См. № 2071.

Секретно.

5 мая, Лондонъ.

Okolnik.

Во имя свободы Польши, равно и другихъ народовъ, страдающихъ подъ бременемъ постыднаго рабства, мы рѣшились создать общество, цѣлью котораго—возвратить потерянное и разрушить деспотизмъ, въ какихъ бы формахъ ни проявлялся.

2-ая секція Польскаго Центрального Комитета въ Лондонѣ (подъ принятымъ наименованіемъ иностранной комиссіи) принимаетъ на себя устройство общества «Черной ложи».

Статутъ общества составленъ и утверждёнъ варшавскимъ Центр. Комитетомъ. Для поступленія въ Черную ложу необходимы слѣдующія условія:

Каждый, изъ какого бы племени, религіи и происхожденія ни былъ, можетъ быть членомъ общества, если отвѣчаетъ слѣдующимъ правиламъ:

1 §. Долженъ быть совершеннолѣтнимъ и не подверженъ никакимъ болѣзнямъ.

2 §. Долженъ быть представленъ тремя лицами, имѣющими полное довѣріе Комитета, какъ человѣкъ благонадежный; кромѣ ручательства этихъ лицъ, Комитетъ поручить своимъ агентамъ собрать всѣ свѣдѣнія о его прежней жизни и участіи въ политикѣ.

Освобождаются отъ этого политическіе узники, освобожденные или бѣжавшіе, если доказано будетъ, что они мужественно защищали права народа:

3 §. Поступившій живетъ на счетъ общества и первые 3 мѣсяца находится на испытаніи.

4 §. Глубокая тайна—единственное средство къ достиженію цѣли, поэтому члены будутъ извѣстны одному начальнику Комитета, другимъ лицамъ, какъ равно между собою, они не должны быть извѣстны. Принадлежащій къ Черной ложѣ долженъ хранить глубокую тайну передъ родными и т. п., нарушеніе которой ведетъ къ изгнанію изъ общества, а измѣна—къ смертной казни.

5 §. Всѣ издержки по дѣламъ общества Комитетъ принимаетъ на себя, равно приличное содержаніе членовъ.

6 §. Всѣ приказанія Комитета исполняются буквально и съ полнымъ самопожертвованіемъ. Инструкціи даются словесно или шифрами, составленными отдѣльно каждому члену, чтобы открытіе одного не повлекло другихъ къ гибели.

§ 7. Членъ долженъ быть орудіемъ въ рукахъ Комитета, слѣпо повинная приказаніямъ, исполнять въ точности, безъ разсужденій. Успѣшное исполненіе обязываетъ Комитетъ заботиться объ участи члена, употребить всѣ средства къ освобожденію; если

онъ пойманъ, и обезпеченіе его будущаго, если онъ внѣ опасности. (Эти условія особо излагаются членамъ).

Примѣчаніе:

Членъ долженъ имѣть слѣдующія качества:

1. Глубокое сознаніе той идеи, для которой обрекаетъ себя на жертву.

2. Равнодушіе къ жизни, сильную волю, энергію, скрытность и хладнокровіе.

3. Уничтожить всѣ отношенія какъ съ родными, такъ и пр., жить до минуты призыва уединенно, занимаясь чтеніемъ избранныхъ книгъ, могущихъ объяснить и подкрѣпить его рѣшимость.

4. Переписка дозволяется черезъ Комитетъ, но лишенная политич. характера.

5. Ежедѣльно членъ обязанъ отвѣчать письменно на данныя темы, излагая свой образъ мыслей. Въ этихъ отвѣтахъ Комитетъ будетъ изучать степень умственнаго развитія своего адепта.

6. Посѣщеніе публичныхъ мѣстъ, употребленіе горячихъ напитковъ, азартныя игры и вообще все, измѣняющее нормальное состояніе, запрещены и нарушеніе ведетъ къ изгнанію.

V. L.

2159. [0 «Свободѣ»] ¹⁾.

«Колоколь» искренно привѣтствуетъ «Свободу».

2160. Россіада.

Россія, бранная царица!

Державинъ.

Подъ этимъ херасковскимъ названіемъ мы будемъ сообщать нашимъ читателямъ новости объ успѣхахъ разложенія официальной, казарменной, канцелярской, императорской, гвардейской, армейской, нѣмецкой, дворцовой, волыцкой Россіи.

¹⁾ Напечатано въ видѣ примѣчанія при воспроизведеніи текста № 1 «Свободы».

Развитіе ея *дикаго мяса* и гангрены идетъ съ быстротой, побѣждающей всѣ ожиданія враговъ и друзей. Никакого мамонтоваго организма надолго нехватитъ при такой острой болѣзни.

Мы представимъ для начала «Россіады» выписки изъ полученныхъ нами писемъ, *не измѣняя* ничего, и пропуская только подробности, которыя было бы небезопасно печатать. Комментаріевъ мы не прибавимъ никакихъ; всякое слово можетъ только ослабить впечатлѣніе. Мы безконечно благодарны нашимъ корреспондентамъ и просимъ еще и еще подробностей объ интересномъ процессѣ, которымъ петербургское правительство переходитъ въ какой-то лимбургскій сыръ. Начнемъ съ невиннаго дивертисмента преданности и усердія, поставленнаго княземъ Суворовымъ въ день рожденія государя ¹⁾.

Повальный патриотизмъ. Въ «Общемъ Вѣщѣ» читатели прочтутъ прелюбопытныя подробности объ остромъ характерѣ патриотической эпидеміи въ Москвѣ. «Патриотизмъ» начался тѣмъ, что стали солдатъ посылать по церквамъ служить молебны; затѣмъ были взяты стратегически-полицейскія мѣры, чтобы сгонять работниковъ, крестьянъ. Адресъ крестьянъ былъ диктованъ въ канцеляріи Тучкова Родзевичемъ, адресъ безпоповцамъ написалъ *передъ чаемъ* Катковъ, на адресъ поповцевъ былъ открытъ бѣгъ между Н. Ф. Павловымъ и казанскимъ либераломъ И. К. Бабстомъ; Бабстъ, какъ нѣмецъ и протестантъ, обѣжалъ православнаго Павлова. Молебенъ 17 апрѣля представлялся по случаю пріѣзда секретаря французскаго посла и пр.

Неподложный молебенъ. Рядомъ съ этой грязью по ступицу, съ этимъ официальнымъ фиглярствомъ, надувательствомъ государя и надувательствомъ народа, съ диктованными адресами и поддѣльными молитвами на насъ какъ-то грустно и умирительно подѣйствовала слѣдующая вѣсть, полученная нами изъ Петербурга: «Палачи служили благодарственный молебенъ по случаю отмѣны тѣлесныхъ наказаній». Бѣдные люди, невольные исполнители общественной свирѣпости и мести—и они освободились!

2161. [Примѣчаніе].

Мы только-что получили эти два документа, разосланные въ западныя губерніи; откровенно-безстыднѣе рѣдко поступало даже петербургское правительство. ²⁾,

2162. Плачь о Манишевскомъ.

Всякаго убитаго человѣка жаль, жаль прежде, чѣмъ успѣешь подумать, дать себѣ отчетъ. Жаль героическихъ дѣтей Польши, юношей, идущихъ на смерть за свою вѣру, любовь и надежду.

¹⁾ Слѣдуютъ письма и корреспонденціи.

²⁾ Сдѣлано къ тексту адреса на имя государя отъ крестьянъ и рѣчи къ нимъ священника, печатно разосланнымъ, какъ образцы, министромъ вм. дѣла Валуевымъ.

Жаль защитниковъ Пуэбло ¹⁾, жаль американцевъ... Но почему изъ массы сраженныхъ, убитыхъ, умершихъ отъ ранъ вырвать жандармскаго офицера, передъ которымъ Павловъ склонилъ свой *ятаганъ* «на погребеніе»? ²⁾ Почему «Nord» и «Крейць-Цейтунгъ» такъ огорчились смертью польскаго журналиста, служившаго видамъ русскаго правительства, и это во время возстанія его отечества?

Манишевскій, по словамъ «Норда», былъ не только внѣшнимъ фельетонистомъ «Дневника» ³⁾, но и чиновникомъ министра внутреннхъ дѣлъ Келера, — и не одного Келера. «Положимъ, продолжаетъ «Nord», что Манишевскій писалъ *только тѣ статьи, которыя ему заказывалъ Вѣлепольскій, но зато онъ ихъ всегда подписывалъ*», — и, несмотря на эту облегчающую причину, за такую бездѣлицу польское правительство Манишевскаго приговорило къ смерти.

Введи подобные обычаи, — просто нельзя будетъ продаваться русскому правительству, и Головинъ съ Валуевымъ должны будутъ закрыть лавочку (по крайней мѣрѣ, польское отдѣленіе).

И, вѣдь, подумаешь, какая злоба! Мало, что *невиннаго* чело-вѣка казнили, но продолжили казнь послѣ смерти. «По милости террора, царящаго здѣсь, никто не слѣдовалъ за гробомъ Манишевскаго, кромѣ жены и трехъ полицейскихъ, командированныхъ отъ начальства» (зачѣмъ же изъ III Огдѣленія не прислали трехъ московскихъ журналистовъ?). И тремъ-то полицейскимъ тоже Келеръ и Вѣлепольскій продиктовали ихъ горячее участіе, а они только шли его! «Ни одинъ священникъ *не смѣлъ* итти за гробомъ»... а выйдетъ, пожалуй, еще хуже: ни одинъ и не хотѣлъ. «Вотъ какъ почтили, — громозаключаетъ «Nord», — *мужественнаго* патріота, который Сократилъ *истину* людямъ». ¹

Несчастный Сократъ! Не послать ли Фебу ⁴⁾ «съ свѣтлой улыбкой молодого чела» за какой-нибудь вѣчно отравляющей цикутой? Павловъ помѣстилъ своего жандарма въ св. мученики, Манишевскій пошелъ въ Сократы, въ Джордано Бруно.

... А я все думаю о нашихъ, — своя рубашка, хоть посконная и грязная, а все ближе къ тѣлу; большое счастье, что у насъ въ правзхъ утверждается больше и больше полная свобода торговли своею совѣстью и убѣжденіями; продавайся кому хочешь, пиши доносы, радуйся конфискаціямъ, требуй головъ, висѣлицъ и цѣпей — и только доживешь до того, что ляжеть «аннинская лента широко тебѣ на грудь».

¹⁾ Гл. гор. штата мексик. республики Пуэблы; въ 1863 г. принужденъ былъ сдать осажденнымъ его французамъ.

²⁾ «Ятаганъ» — одна изъ трехъ повѣстей Павлова.

³⁾ «Dziennik Powszechny», издание официальное въ Варшавѣ.

⁴⁾ Или Фисбея, жена ферейскаго тирана Александра въ Фессалии, усыпила свирѣпаго пса, охранявшаго покой ея мужа, послѣ чего ввела къ послѣднему его братьевъ, которые и убили его.

Что хочешь говори, а образование и прогрессъ, смягчая нравы, дѣлаютъ жизнь пріятнѣе.

Впрочемъ (отъ слова ничего не будетъ), на всякій случай не мѣшало бы охотникамъ до правительственной маратовщины и съ тѣмъ вмѣстѣ до хорошихъ похоронъ, впредь заготовить какого-нибудь неопалимокупинскаго или николамокринскаго попа, чтобы онъ шелъ за гробомъ съ пѣвчими, которые могутъ послѣ вѣчной памяти грянуть:

А мы золото хоронимъ!

А мы серебро хоронимъ! ²

◆◆ 1. Поггенполь очень «старался» съ начала 1863 года въ пользу русскаго правительства, которому и подальъ счетъ въ видѣ особой литографированной записки отъ 17 іюля 1863 г. Приведу самое существенное.

Редакторъ газеты *le Nord* писалъ:

«Я формально обѣщаль русскому правительству опредѣленный успѣхъ за матеріальную поддержку, оказанную мнѣ, по моей просьбѣ, въ октябрѣ прошлаго года. Своихъ обѣщаній я сдержать не могъ въ полной мѣрѣ и вотъ по какимъ причинамъ:

«1. Главная и единая цѣль существованія «*Le Nord*» — пропаганда союза съ Россіей (*alliance Russe*). Вся политическая система газеты, всѣ ея финансовыя комбинаціи основывались на дружественныхъ отношеніяхъ Франціи и Россіи. Какъ разъ въ моментъ появленія «*Le Nord*» эти отношенія пошатнулись. Польскія дѣла возбудили общественное мнѣніе Франціи противъ Россіи. Въ прессѣ начинается походъ противъ нея. Поэтому на «*Le Nord*» налагаютъ платежъ залога въ 50.000 фр., которые должны быть внесены въ 24 часа. Редакторъ ихъ вноситъ и продолжаетъ дѣло, имѣя 10.000 фр. въ кассѣ. Франко-русская полит. партія обѣщала редактору внести для поддержки «*Le Nord*» 45.000 фр., но отказалась это сдѣлать, пока полемика въ прессѣ по поводу польско-русскаго вопроса не кончится. Парижскія газеты сплотились всѣ въ борьбѣ противъ Россіи. Это ставило «*Le Nord*» въ совершенно изолированное положеніе и рѣзко проявляло его окраску. А редактору приходилось бѣгать по кредиторамъ и не оставалось времени позаботиться о газетѣ. Вскорѣ онъ начинаетъ получать анонимныя письма съ угрозами смерти. Деньги, выданныя редактору русскимъ правительствомъ въ октябрѣ, пошли на ликвидацію «*Le Nord*» въ Брюсселѣ и покупку новаго матеріала для изданія газеты въ Парижѣ. За редакторомъ остаются долги, кредиторы сажаютъ его подъ арестъ, такъ же какъ и его дѣлопроизводителя. Въ этомъ арестѣ замѣшаны лица, заинтересованныя въ уничтоженіи «*Le Nord*». Польская партія стремилась купить газету съ торговъ, прозвившихъ ей за долги. Редакторъ

обращается въ русскую миссію съ просьбой выдать ему 500 фр., чтобы вырчить газету. Ему отказываютъ въ этой суммѣ. Тогда онъ обращается ко всѣмъ своимъ кредиторамъ съ просьбой объ отсрочкѣ. Ему удается добиться результатовъ, но онъ рѣшаетъ передать газету Теофилу Франческо, отецъ котораго болѣе 30 лѣтъ живетъ въ Петербургѣ (Т. Франческо 6 лѣтъ сотрудничалъ въ «Nord»). Франческо проситъ у русскаго правительства субсидіи въ 12.000 фр. въ мѣсяцъ, начиная съ марта. Эта сумма пойдетъ на гонораръ сотрудниковъ, защищающихъ интересы русскаго правительства. Квитанціи съ подписями будутъ служить контролемъ израсходованныхъ суммъ. Бывшій редакторъ газеты остается въ ней сотрудникомъ и оставляетъ въ ней весь свой капиталъ.

«Всякій русскій гражданинъ, жившій во время польскихъ волненій за границей, знаетъ, какую огромную пользу «Le Nord» принесъ русскому правительству.

«Безъ «Le Nord» никто не опровергъ бы всѣхъ лживыхъ свѣдѣній о Россіи, распространяемыхъ заграничной прессой. Этого достаточно, чтобы оказать матеріальную поддержку газетѣ. Редакторъ настаиваетъ на ней не изъ личныхъ интересовъ, а изъ національныхъ».

Самъ Наполеонъ ежедневно читаетъ «Le Nord».

Редакторъ предлагалъ разложить субсидію газетѣ на всѣ министерства, пропорціоально ихъ заинтересованности въ ней, слѣдующимъ образомъ:

Министерство Иностраннхъ дѣлъ	1.200 руб. въ мѣсяцъ,			
» Юстиціи .	300	»	»	»
» Финансовъ . .	420	»	»	»
» Народн. просвѣщ.	250	»	»	»
» Военное .	250	»	»	»
» Внутрен. дѣлъ .	250	»	»	»
» Морское .	250	»	»	»
Вѣдомства Госуд. имуществъ	250	»	»	»
» публичн. зданій	250	»	»	»

и внести эти суммы съ марта по 1-е іюля сразу, чтобы вы-
платить долги.

Въ октябрѣ 1862 г. министерства выплатили газетѣ за годъ:

Минист. финанс. — 5.000 р., народн. просв., внутр. дѣлъ, военное, морское, вѣд. госуд. имущ. и публ. зданій—3.000 р., мин. иностр. дѣлъ и юстиціи ничего не вносили; редакторъ проситъ ихъ сдѣлать взносъ въ 1863 г.

Заинтересованность каждаго министерства въ газетѣ во много разъ превышаетъ эти ничтожныя суммы. «Куда же обратиться русскому человѣку, для котораго «Колоколь» не существуетъ, съ своимъ оправданіемъ, воззваніемъ или выясненіемъ ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ заграничной прессой, если «Le Nord»

не сохранится? Неужели Россія не поддержитъ его въ моментъ, когда поляки цѣною золота подкупаютъ всю прессу? Польскій комитетъ въ Парижѣ истратилъ съ 1-го января болѣе 800.000 фр. на газетныя субсидіи.

«Въ Парижѣ ходятъ слухи о намѣреніи русскаго посольства издавать новую газету взамѣнъ «Le Nord». Редакторъ послѣдняго убѣждаетъ не тратить лишнихъ денегъ, такъ какъ поддержка существующей газеты обойдется дешевле. Во Франціи существуютъ двѣ русскія газеты: одна либеральная, умѣренная, консервативная, другая революціонная. Если «Le Nord» погибнетъ, останется «La Cloche» Герцена, но «Le Nord» — почти знамя! Если полякамъ удастся купить этотъ органъ для пропаганды сврхихъ идей, какое торжество для нихъ!»

Шесть разъ французское правительство отказывало редактору перевести газету въ Парижъ.

2. Въ августѣ 1863 г. всѣ цензора въ Варшавѣ, терроризированные ржондомъ, подали въ отставку: за ними послѣдоваль и редакторъ «Dziennik Warszawski». Тогда вел. кн. Константинъ Николаевичъ позвалъ Н. И. Павлищева и, по совѣту Берга, предложилъ ему организовать цензуру и взять на себя редактированіе польскаго «Дневника». Кромѣ того, Павлищевъ, при содѣйствіи Валуева, помогъ организовать въ Львовѣ дружественный Россіи журналъ «Stowianin» (архивъ П. Я. Дашкова).

2163. Самара.

А въ Самарѣ-то разбойнички шумятъ!..

Нѣтъ, не разбойнички, а дворянчики; крѣпостное право у нихъ отняли; сами знаете, безъ крѣпостного права что за жизнь благородному человѣку... Дѣлать нечего — мужичковъ не воротишь, дворовыхъ еще меньше. Благороднымъ самаритянамъ и пришло въ голову самихъ себя и другъ друга обратить въ крѣпостное состояніе, чтобъ имъ быть въ Самарѣ крѣпкими. Кто можетъ чело-вѣку помѣшать (если онъ не на рекрутской очереди) уродовать себя, — хоть розгой сѣки! Починъ они сдѣлали славный: снеслись черезъ предводителя съ министеріей вызвать изъ-за границы всѣхъ согуберниковъ. Впредь не хотятъ давать имъ плакатные паспорта иначе, какъ на самый короткій срокъ, а просрочить — бѣда. Говорятъ, что новая форма паспортовъ будетъ такая: «Объявитель сего самарскій крѣпостной дворянинъ отпущенъ мною (предводителемъ) на три мѣсяца для пріисканія (здоровья, гувернантки), и буде означенный дворовый самарскій дворянинъ просрочить срокъ, нигдѣ его содержателямъ гостиницъ не держать, а поступить, какъ съ бѣглымъ и непомящимъ Самарской губерніи (т. е.,

наказавъ въ police correctionelle ¹⁾ или въ county court'ъ ²⁾ черкасскими розгами не свыше двухсотъ ударовъ, препроводить въ Самару по этапу, давъ на прокормленіе его 3 коп. сер. въ день)...»

«Сѣв. Пчела», помѣщая телеграфическую новость объ этомъ, прибавляетъ, что печатаетъ ее съ удовольствіемъ. Что тутъ «пчеламъ» нравится, право, не знаю,—на людской вкусъ это отвратительно. Мы, судя по меду, имѣли гораздо лучшее понятіе о «пчелиномъ вкусѣ».

2164. Нѣтъ розы безъ шиповъ.

Шиповъ? Какой Шиповъ? Шиповъ 14 декабря ³⁾, Шиповъ Паскевича, Шиповъ Николая, польскій Шиповъ, варшавскій министръ Шиповъ, генералъ-адъютантъ Шиповъ, памятный въ Польшѣ, забытый въ Россіи Шиповъ,—словомъ, *тотъ* Шиповъ является въ печати и на кимвалѣ сладкозвучномъ бряцаетъ похвалу николаевской крѣпости, мудрости Паскевича, хвалить ихъ добрыя мѣры, хвалить самого себя, нѣсколько давая чувствовать теперешнему правительству, что даже и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не всѣ розы для него безъ шиповъ...

2165. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено отъ № 69 одинъ фунтъ, отъ Украинца три руб. сер. ¹

◆ 1. Изъ письма сына Герцена къ Николаю Дмитріевичу Бенардаки (сыну извѣстнаго откупщика) отъ 31 мая видно, что черезъ него Герценомъ была получена отъ гр. Г. А. Кушелева-Безбородка: въ общій фондъ крупная сумма—850 фун. стерл.; «публиковать ихъ пока не станемъ» писалъ А. А.—чть. Очевидно, молодой человекъ принималъ участіе въ общей революціонной работѣ, что можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ письма: «вмѣстѣ съ отцомъ и Николаемъ Платоновичемъ свидѣтельствуемъ вамъ нашу душевную признательность за горячее участіе въ нашемъ общемъ дѣлѣ. Записки ваши очень интересны; онѣ доставляютъ намъ обиліе матеріаловъ для объясненія м: стерій петербургскаго пашальяка. Вы не должны прекращать отношеній съ тѣми лицами, которыя могутъ развить общія идеи. Ваше матеріальное положеніе откроетъ вамъ доступъ къ тайнамъ администраціи и

¹⁾ Исправительная полиція.

²⁾ Гражданская палата; имѣется въ каждомъ графствѣ Англіи.

³⁾ Сергій Павловичъ, дальше вездѣ онъ же.

укажетъ тѣхъ лицъ, которыя вредятъ общему дѣлу» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдств. комисіи, № 63).

2166. Приписка къ Н. А. Герценъ.

(1—4 іюня) 1863.

Во Флоренцію къ Дольфи я сейчасъ писалъ. Прибавъ это Фрикену. Письмо ихъ я получилъ 30 мая, а послано было 17 апрѣля.

2167. (М. Хотинскій).

Въ Лондонъ возвратился одинъ изъ главныхъ агентовъ русской тайной полиціи, дѣйств. стат. сов. Матвѣй Хотинскій. Считаю долгомъ оповѣстить о его прїѣздѣ всѣхъ поляковъ и нашихъ русскихъ друзей въ Англіи.

2 іюня.

2168. Письмо къ дочерямъ.

6 іюня 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

Жду твою картину и Фрикена съ нетерпѣніемъ. Послѣ 15-го мы переѣзжаемъ. Домъ не дуренъ, шагахъ къ ста отъ Буши Паркъ¹⁾, въ іюлѣ тамъ будетъ желѣзная дорога. Лѣто очень хорошо. Поживемъ тамъ, отдохнемъ, попишемъ, а потомъ—собраться къ вамъ. Сашу жду къ будущей субботѣ. Бакунину жители Стокгольма, 150 человекъ, давали обѣдъ; вѣроятно, Саша на немъ былъ.

Въ понедѣльникъ театры для польск. фонда; Мильнеръ-Гибсонъ сама играетъ, и всѣ.

На-дняхъ уѣхалъ одинъ господинъ, который тебѣ доставитъ три медали (Мальвидѣ, тебѣ и Ольгѣ). Насчетъ газетъ я придумать не могу, какъ сдѣлать, и буду, можетъ, посылать цѣлой пачкой черезъ Туринъ. Очень дурно, что у васъ нѣтъ. «Колок.». Это отчуждаетъ васъ отъ нашей дѣятельности больше, чѣмъ все остальное.

¹⁾ Bushy Park, близъ Hampton Court.

Es ist doch wunderbar, cara amica,—dass Sie ein solches Leben für ziemlich frei halten. Da ist ja unsere alte Frage über Paris! ¹⁾

Всѣ дѣла идутъ страшно медленно, и мы врядь больше ли знаемъ теперь, чѣмъ пять мѣсяцевъ тому назадъ... Отчаяннаго въ положеніи ничего нѣтъ,—русское правительство видитъ, какъ оно рушится, хватается за все, вооружаетъ крестьянъ на западѣ, льститъ раскольникамъ... Поляковъ одолѣть не можетъ и дойдетъ до того, что созоветъ Земскій Соборъ. Тогда тебя надобно послать съ Сашей посмотреть.

А, Ольга, ты что? тоже поѣдешь или нѣтъ?

Впрочемъ, дорожнаго платья не покупай еще, а то будетъ коротко,—успѣешь вырасти. Въ предпрошломъ письмѣ я послалъ тебѣ, чтó о тебѣ въ Петербургѣ напечатали. ¹ Въ новомъ домѣ у насъ садъ есть, не очень большой, но гулять дѣтямъ и большимъ можно. Пора мало-по-малу всѣмъ намъ опять сѣзжаться. А Туту твой пропалъ, и Тхоржевскій не зналъ, что дѣлать, потерялъ послѣдніе волосы. Ты знаешь или нѣтъ, что до отъѣзда изъ Orsett House Тхоржевскій будетъ жить у Жеоржины въ комнатѣ?

Лиза тебѣ кланяется. Она иногда очень шалить, но зато очень умна, и Леля, если еще не умна, то забавна.

Ну, прощай—и ты, Тата, и ты, Ольга; обѣихъ васъ цѣлую много.

Privete.

P. S. Если умно и подробно напишете, что привезти: число мѣру, цвѣтъ, запахъ, вкусъ, вѣсъ, употребленіе и цѣну, то могу привезти съ собою.

Всѣ кланяются, и Варвара Тимофеевна, — которая живетъ возлѣ въ большой мизерѣ ²⁾.

◆ 1. Въ № 49 «Домашней Бесѣды» отъ 8 декабря 1862 г была напечатана статья «Дочь Герцена въ церкви»:

«Читатели наши знаютъ, что въ Парижѣ построена въ ви зантійскомъ стилѣ и въ прошлый годъ освящена православная церковь, въ коей верхній и нижній храмы отдѣланы великолѣпно. На клиросѣ поютъ французы, обученные правильному произношенію молитвъ обыкновеннымъ нашимъ напѣвомъ. Въ Парижѣ всегда проживаетъ много русскихъ, особенно въ лѣтнее время. Въ праздничные и воскресные дни церковь полна молящихся; много бываетъ посѣтителей и другихъ исповѣданій.

«Въ одинъ изъ такихъ дней въ минувшее лѣто вошла въ церковь дѣвочка лѣтъ 13, въ сопровожденіи пожилой дамы, обѣ

¹⁾ Все же, это странно, дорогой другъ, что вы считаете подобную жизнь довольно свободной. Вѣдь, это нашъ старый вопросъ о Парижѣ!

²⁾ Misère—крайняя бѣдность.

въ английской одеждѣ. Дѣвочка скоро пробралась между разряженныхъ дамъ и кавалеровъ впередъ и стала близъ амвона, передъ царскими дверьми. Она не дѣлала ни крестнаго знаменія, ни поклоновъ, изрѣдка только смотрѣла на окружающихъ. Торжественное служеніе нашей литургіи и молитвенное, благоговѣйное стояніе предстоящихъ такоѣ имѣли вліяніе на ея сердце, что она, преклонясь тутъ же на колѣни, заплакала и сказала вслухъ: «какъ я несчастна, что не научена и не умѣю молиться, какъ другіе, и какъ бы я желала знать о Богѣ, что знаютъ находящіеся здѣсь!». Встревоженный видъ дѣвушки и ея слова обратили общее вниманіе. Начались разспросы: чья эта милая дѣвочка, откуда она? И представте удивленіе всѣхъ, когда находящаяся при ней дама сказала, что это — дочь Искандера-Герцена, привезена посмотрѣть городъ и сама пожелала быть въ православной церкви.

«Герценъ, бѣжавши изъ Россіи, странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и, наконецъ, поселился въ Лондонѣ. Онъ отрекся отъ Бога и всего святого и въ своихъ изданіяхъ явился заклятымъ врагомъ христіанской религіи. Дѣти его, сынъ и дочь, не крещены. Занявшись развращеніемъ сына, онъ оставилъ дочь естественному ея развитію и такимъ образомъ ненамѣренно сохранилъ въ ней чувство религіозное и врожденное природѣ человѣческой стремленіе къ Богу. Еще Тертуллианъ говорилъ, что душа человѣка—по природѣ христіанка. Благодать Божія, по первому обращенію дѣвочки къ Богу, коснулась души ея, и невольныя слезы малютки возбудили общее состраданіе къ несчастной ея участи—быть дочерью безбожника.

«По странному стеченію обстоятельствъ, въ то самое время, когда въ Парижѣ дочь Искандера колѣнопреклоненно молилась въ православномъ храмѣ, сынъ его въ Гейдельбергѣ, пропитанный уже до костей заразою отца своего, проповѣдывалъ открыто окружившимъ его русскимъ юношамъ невѣріе и богохульство».

Эта статья пріобрѣтаетъ особенный интересъ, благодаря подписи «Сообщено», означающей, что она получена отъ какого-либо правительственнаго учрежденія..

Герценъ узналъ объ этой статьѣ только въ маѣ 1863 г.,—ему разсказалъ кн. П. В. Долгоруковъ, который, со словъ Герцена, и написалъ: «Можемъ увѣрить изъ подлиннаго источника, что весь спичъ М-ле Герценъ—выдумка вралеписца»; «не знаемъ, вѣрить ли Герценъ въ Бога—добавилъ авторъ—но говорить, что онъ отрекся «отъ всего святого»—гнусная клевета, потому что въ кругъ предметовъ святыхъ для всякаго человѣка съ душою входятъ: честность, благородство душевное и любовь къ отечеству. Въ отношеніи къ этимъ *святымъ* чувствамъ мы можемъ пожелать не только В. И. Аскоченскому, но и тѣмъ лицамъ, которыя ему покровительствуютъ и его вдохновляютъ, поучиться у Герцена».

«Можемъ увѣрить г. Аскоченскаго, что молодой Герценъ такъ мало развращенъ, что пользуется расположеніемъ и уваженіемъ всѣхъ его знакомыхъ (чего желаемъ г. Аскоченскому); что молодой Герценъ въ политику вовсе не вмѣшивается (о чемъ мы сожалѣемъ); что онъ занимается естественными науками, и что *богохульство* никто никогда не слышалъ ни отъ него, ни отъ отца его, который, будучи во всю свою жизнь защитникомъ свободы, умѣетъ уважать чужія мнѣнія, когда мнѣнія эти добросовѣстны и не проявляются на свѣтъ съ цѣлью обрѣсти награды въ Зимнемъ дворцѣ или въ кассѣ III Отдѣленія» («Листокъ», № 7).

2169. Письмо къ сыну.

8 іюня 1863.

Orsett House, Westbourne terrace.

Твоимъ отчетомъ я и этотъ разъ очень доволенъ. Разумѣется, надобно остаться нѣсколько дней, если это нужно, нужно для дѣлъ. Я, напр., считаю, письмо это ты получишь 13 или 14; если поѣдешь 16 или 17, ты приѣдешь сюда къ 24 или 25,—ровно такъ, чтобъ помочь намъ въ переѣздѣ и сдачѣ дома. Домъ я нанялъ въ Teddington'ѣ, т.-е. возлѣ Буши-Парка и близъ Твикнэма; въ іюль туда будетъ ходить желѣз. дорога. Домъ назыв. Elm field-House.

Постарайся взять у Bonnier книги и «Колокола» (оставивъ у него то число, которое покрываетъ пересылку). Вновь посылать до твоего приѣзда нечего, развѣ, одинъ «Колоколь». Почему Bonnier выписываетъ «La Cloche» изъ Лондона? Разумѣется, надобно выписывать изъ Брюсселя. На сей разъ я напишу къ Fountain'у.

У насъ новостей мало, да и, сверхъ того, не все пишу, боясь, что письмо тебя не застанетъ.

Хотинскій, повредивъ значительно Мартянову, возвратился сюда; я его отдалъ подъ надзоръ Тассинари и смотрю, что онъ выдумаетъ еще. Съ нимъ другой алгвазилъ¹⁾, и я *самъ видѣлъ*, какъ отъ него выходилъ классическій шпионъ Михаловскій. Онъ писалъ ко мнѣ письмо, а я объявилъ въ «Daily News» и др. газетахъ Take care²⁾.

Скажи Б.³⁾, что Аксаковъ насъ обругалъ въ «Днѣ»,—меня еще съ милосердіемъ, а его безпощадно. Я пишу два отвѣта: хочу, чтобъ одинъ былъ напечатанъ въ «Днѣ», а другой у насъ. Насчетъ вопроса Кал.⁴⁾ всего лучше рѣшить Бакунинъ.

¹⁾ Полицейскій агентъ въ Испаніи.

²⁾ О мѣралъ предосторожности.

³⁾ Бакунинъ.

⁴⁾ Калинка.

Тата, по обыкновенію, пишетъ очень мало, но все у нихъ идетъ хорошо. На-дняхъ прїѣдетъ сюда Фрикенъ. А прогос, Касаткинъ здѣсь, и съ нимъ Д.

Рѣчь твоя намъ обоимъ понравилась; можетъ, немного длинновата, но это любятъ. Отчего же ты не написалъ никакихъ подробностей о самомъ праздникѣ?

Нѣсколько строкъ я напишу о праздн. «Кол.» выйдетъ завтра (extra №).

Прощай, обнимаю тебя; если можешь, прїѣзжай къ 25.

У Bonnier или книги отбери, или деньги. Что ты ничего не пишешь о Тугенд-ольдѣ?

Бак.—усердіе и фратерните ¹⁾.

4 часа. Въ заключеніе еще разъ обнимаю тебя, дѣлай дѣло и не теряй времени.

Las. Intell ²⁾: Чернецкій хочетъ тоже переѣхать въ Teddington. А Тхорж. дѣлается съ каждымъ днемъ тупѣе,—я думаю (безъ шутокъ), что у него ramollissement ³⁾ мозговъ.

Д. въ Швецію не собирается.

Зенк. ⁴⁾ и Демон. ⁵⁾ отъ меня много и много поклоновъ и симпатій.

2170. Письмо къ Юліану Клячко ⁶⁾.

9 Juin 1863.

Orsett House, Westbourne terrace, W.

Cher Monsieur Klaczko! Je viens encore une fois Vous prier de me faire un service—et encore une fois sans perdre le temps. J'ai reçu une lettre très étrange—postée à Paris, datée le 1 Mai à Varsovie, portant le cachet du Comité Central et le № 14. On me prie de ne plus m'occuper des affaires de la Pologne—tout cela exprimé d'une manière étrange. Avant de publier ce *factum*, il faut constater l'authenticité de la lettre. Si c'est le Comité de Paris qui m'a envoyée, il m'obligera en Vous disant que c'est ainsi,—je n'aurai plus besoin de chercher des voies pour arriver à une réponse du Comité de Varsovie.

Si Vous ne pouvez pas me donner une réponse positive,—dites moi un mot, et je Vous prierai de n'en rien dire à personne.—Dans

¹⁾ Fraternité—братство.

²⁾ Последняя новость.

³⁾ Размягченіе.

⁴⁾ Зенковичъ.

⁵⁾ Демонтовичъ.

⁶⁾ Извѣстный польскій критикъ и публицистъ, видный дѣятель партіи Чарторижскаго; въ 1858—60 г. редактировалъ «Wiadomości Pólskie».

ce cas à qui m'adresser? A Ord.? Il m'est impossible de laisser cette affaire sans la recherche de la paternité.

L'exemple des sources du Nil m'encourage, et Votre amitié fera le reste.

Tout à Vous

A. Herzen.

De grâce, la réponse pour le 13 ou 14 (le 15 paraît «la Cloche»). Est-ce que M-r Sleptzoff est encore à Paris?

Переводъ.

9 июня 1863.

Дорогой г. Клячко! Еще разъ попрошу васъ оказать мнѣ услугу, и опять, не теряя времени. Я получилъ очень странное письмо. Сдано оно на почту въ Парижѣ, датировано 1 мая въ Варшавѣ, снабжено печатью Центрального Комитета и помѣчено № 14. Въ немъ меня просятъ не заниматься впредь польскими дѣлами,—выражено все это въ странной формѣ. Прежде, чѣмъ предать гласности этотъ случай, нужно доказать достовѣрность этого письма. Если оно послано мнѣ Парижскимъ Комитетомъ, онъ очень обяжетъ меня, подтвердивъ вамъ это; въ такомъ случаѣ я буду избавленъ отъ необходимости искать путей для отвѣта варшавскаго комитета.

Если вы не можете дать мнѣ положительнаго отвѣта, черкните словечко, и я васъ попрошу никому объ этомъ ни слова не говорить. Но въ такомъ случаѣ, къ кому мнѣ обратиться? Къ Ord. ¹⁾? Я не могу оставить это дѣло, не разслѣдовавши, кто его инициаторъ.

Примѣръ истоковъ Нила подбадриваетъ меня, а ваша дружба докончить остальное.

Весь вашъ

A. Герценъ.

Ради бога постарайтесь, чтобы отвѣтъ былъ къ 13—14 числу («Колоколь» выходитъ 15-го).

Въ Парижѣ ли еще Слѣпцовъ? ¹

◆◆ 1. Привожу текстъ самаго письма къ Герцену въ переводѣ съ французскаго:

«Варшава, 1 мая 1863 г. Господинъ Герценъ! Центральный варшавскій Комитетъ имѣетъ честь просить васъ прекратить ваше

¹⁾ Владиславъ Орденга.

вмѣшательство въ движеніе настоящей революціи. Намъ не безызвѣстно, что вы проповѣдуете панславизмъ, и, по одной только этой причинѣ, между нами не можетъ быть ничего общаго. Мы слишкомъ увѣрены въ нашей позиціи и намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ вашей симпатіи и къ вашей помощи.

«Не дурно было бы также сообщить содержаніе этого письма князю Долгорукову».

2171. Россіада.

II.

Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползеть она.

Zuchthaus und Festung's-Kur,
Knut und Blei-Kur, -
Soldaten-Kur .. 1)

Словомъ, какихъ нѣмецкихъ и татарскихъ *куръ* правительство ни употребляло въ Литвѣ и Волыни, отъ Назимова до Ганецкаго (посланнаго туда за неимѣніемъ Реада 2), полонизмъ не проходить, а растеть.

Осталось послѣднее средство, отчаянное, николаевское—*муравьинный спиртъ*. Не будетъ ли его втирать опытный фершалъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ своей единственной рукой 3)?

Да-съ, правительство головнинскаго прогресса, потаповскаго либерализма, валуевскаго адресизма 4), кроткое, пуховое, милосердное снова прибѣгаетъ къ человѣку, который самъ себя по доброй волѣ называлъ *палачомъ*.

Муравьевы въ модѣ. Государь въ полномъ муравейникѣ.

Муравьевъ—сюда.

Муравьевъ—туда.

Муравьевъ—направо.

Муравьевъ—налѣво 5).

Николай Николаевичъ старшій, Николаевичъ младшій, Михаилъ Николаевичъ, есть еще Андрей Николаевичъ 6), препода-

1) Лѣченіе исправительнымъ домомъ и заключеніемъ въ крѣпость,
Лѣченіе кнутаомъ и свинцомъ,
Лѣченіе солдатами...

2) Иванъ Степановичъ, командиръ л.-гв. Финляндскаго полка.

3) Въ бородинскомъ сраженіи ему ядромъ оторвало лѣвую руку.

4) Намекъ на его «образцы» адресовъ.

5) Въ иностранныхъ газетахъ сказано, что, въ случаѣ войны, начальство надъ русской арміей будетъ предложено Муравьеву-Карскому,—генералу очень способному; въ тѣхъ же газетахъ сказано, что послали за Амурскимъ. А. И. Г

6) Паломничествовалъ по св. мѣстамъ.

бный, но онъ обыкновенными, земными грѣхами не занимается и остается по части... святыхъ мѣсть.

Намъ, впрочемъ, до другого дѣла нѣтъ, намъ дорогъ *Въшатель*,—онъ-то и назначенъ операторомъ западныхъ провинцій ¹

Не надолго разстались мы съ вами, Михаилъ Николаевичъ; съ новымъ мѣстомъ—съ новымъ счастьемъ! Ваше высокопревосходительство, оправдайте довѣріе его величества, покажите, что вы, не хвастаясь, говорили, что вы «не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые вѣшаютъ».

Теперь, украшенные орденами и сѣдинами, вы можете привести въ исполненіе свѣтлыя мечты вашей юности,—не тѣ жалкія мечты, которыя вы имѣли, будучи членомъ пестелевскаго заговора, но тѣ зрѣлыя мечты человѣка, прокладывающаго себѣ карьеру.—о вырѣзываніи помѣщиковъ польскаго происхожденія, — мечты, которыя вы коротко нашептывали *покойнику*. Державный фронтовикъ не соглашался; онъ не зналъ, во сколько темповъ по военному артикулу слѣдуетъ рѣзать помѣщиковъ и какимъ маршемъ итти на гайдамачину. Николай боялся, что жаккерія ¹⁾ безъ формы испортитъ выправку солдатъ. Теперь бояться нечего. Армію вамъ подготовили чудесно,—Ванька-каинъ ничего не имѣлъ подобнаго; съ такими молодцами можно удивить міръ—не только передуть помѣщиковъ, но и крестьянъ-патріотовъ самихъ снова раздавить вашимъ управленіемъ государственнымъ имуществомъ.

Итакъ, генераль, *soyez à la hauteur de vos convictions* ²⁾, и благодарное потомство скажетъ, что вы не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ дѣлаютъ графами Амурскими, а изъ тѣхъ, которыхъ дѣлаютъ князьями Аракчеевскими.

... И вотъ поневолѣ приходитъ въ голову вопросъ: кому они служатъ, всѣ эти гуртовые заплечные мастера и ихъ литературные подмастерья, мелкіе палачи, мелкіе журналисты, Муравьевы и Ганецкіе, Назимовы и Карповы, каты ³⁾ и Катковы, практики и теоретики терновой казни и лобнаго мѣста, декораторы демонстрацій, адресныхъ дѣлъ поставщики и газетныхъ статей подрядчики?

Служать они, само собой разумѣется, себѣ, но нашъ вопросъ въ томъ, кто будетъ *тотъ послѣдній*, которому пойдутъ впрокъ всѣ эти злодѣянія словомъ и дѣломъ?

Государь, государство, цѣлость Россіи, величіе имперіи, пространство православія, благосостояніе нѣмцевъ?

Совсѣмъ нѣтъ,—ни государю, ни его августѣйшей фамиліи, ни церкви, ни ея святѣйшему синоду, ни самодержавію и его правительствующему сенату, ни амурско-манчжурской границѣ, ни

¹⁾ Подъ этимъ названіемъ извѣстно въ исторіи возстаніе французскихъ крестьянъ въ XIV ст., подавленное дворянствомъ съ безпощадной свирѣпостью.

²⁾ Будьте на высотѣ вашихъ убѣжденій.

³⁾ Палачи.

вержболовской таможенъ никакой пользы не будетъ. Нѣмцамъ первымъ и въ первый разъ въ Россіи пользы не будетъ.

Кому же?

Подумайте хорошенько.

.....

Сила, которой всѣ сослужили службу, начиная съ самого Александра Николаевича, не во дворцѣ; сила эта—сила, карающая въ темномъ бору, вѣющая по полямъ, невидимо собирающаяся въ вихрь, который все понесетъ по своему направленію. Ей-то и пойдеть впрокъ.

Видно, и въ исторіи *суженаго конемъ не объѣдешь*.

А какъ его имя?

Спросите у воротъ перваго прохожаго, какъ дѣлають невѣсты на святкахъ, а мы помолчимъ до другого раза. Хочется васъ помучить... Вогъ что значить писать о Муравьевѣ-Вѣшателѣ.

III.

Сначала пусть читатели прочтутъ эти каннибальскіе факты и эти страшные документы; мы не предпошлемъ имъ ни одного слова ¹⁾).

«Ручку, батюшка, ручку».

(Изъ записокъ бывшаго охотника).

Когда Ганецкій возвращался побѣдоносцемъ надъ какими-то отрядами повстанцевъ, въ Вильнѣ случилась вотъ какая штука, помѣченная «Спб. Вѣд.»: «Около Зеленаго моста какой-то бородачъ въ красной поддевкѣ протѣснился сквозь густую толпу народа къ генералу Ганецкому, взявъ его руку, крѣпко пожалъ ее, потомъ поцѣловалъ и, бросивъ свою шапку вверхъ, заоралъ своею мощною грудью: «ура, генераль Ганецкій!». Толпа подхватила эти слова и пошла кричать и бросать шапки вверхъ»(!)

Около этой открыто приготовляемой правительственной жаккеріи вьется гириянда ядовитыхъ цвѣтовъ полицейской литературы. Тутъ забыто все человѣческое.—стыдъ, сожалѣніе, состраданіе, всякое уваженіе къ истинѣ. Тутъ журналистъ-будочникъ пишетъ о томъ, что усердіе крестьянъ простываетъ оттого, что правительство держитъ сторону общаго врага, т.-е., поляковъ, и возвращается съ шакалиной злобой на распоряженіе, изъясвше изъ рукъ палачей несовершеннолѣтнихъ инсургентовъ. Тутъ, не краснѣя, клеветуютъ на бѣдныхъ кievлянъ, чтобъ выставить ихъ раболѣпіе и свирѣпое бездушіе. «Жители Кіева,

¹⁾ Слѣдуютъ очень цѣнные матеріалы къ исторіи польскаго возстанія.

смотря на *окровавленные головы пльнныхъ*, вмѣсто скорби о нихъ, *дали презрѣніемъ*, а конвоирующимъ крестьянамъ давали деньги и благодарили ихъ за участіе. Нужно было слышать, съ какимъ жаромъ мужики-крестьяне рассказывали о своихъ триумфахъ».

Тутъ рассказываются сказки въ родѣ карамзинской Марѣ-Посадницы, о селѣ Черкизовѣ: старшина Бычковъ собираетъ *политическую* сходку (когда и какимъ закономъ онѣ разрѣшены, мы не знаемъ). Крестьяне разсуждаютъ о польскомъ вопросѣ, о Владиславѣ и о Пожарскомъ, старикъ-отецъ отдаетъ четырехъ сыновей царю, а бабы «готовы ему все отдать»... Ну, словомъ, сказка такъ хороша, что «Nord» перевелъ ее.

До послѣдняго времени мы смотрѣли съ отвращеніемъ на журнальныя произведенія валуево-головнинскихъ готоваленъ, но когда дикія и свирѣпыя мысли Маратовъ деспотизма стали превращаться въ правительственныя распоряженія, отвращеніе замѣнилось шемящимъ душу ужасомъ,—тутъ чернила слишкомъ близки къ крови, слова—къ свинцу.

Какъ мрачно и грозно наступаетъ наше будущее! Зачѣмъ оно идетъ этимъ шагомъ, зачѣмъ нарождается этимъ путемъ, окруженное кровавыми обманами, ложью правительства и лицемернымъ, корыстнымъ коварствомъ литературы?

— Судьбы наши могли иначе совершиться.

— Могли...

— Кто же виноватъ, что онѣ пошли этими несчастными путями?

— Лучше спросите, кто правъ? И если кто-нибудь сознаетъ себя правымъ, безупречнымъ, пусть броситъ камень.

Намъ не приходится роптать, а съ сокрушеннымъ сердцемъ подумать о самихъ себѣ. Всего больше виноваты люди, страстно желавшіе блага русскому народу, любившіе его темнымъ инстинктомъ и пророческой мыслью, магнетизмомъ и пониманіемъ, чувствовавшіе, что время настаетъ, и не умѣвшіе ничего сдѣлать во-время.

Что винить правительство за то, что оно защищаетъ себя всѣмъ, чѣмъ ни попало! Да и виновато ли оно въ томъ, что при первомъ едва-едва освобожденномъ словѣ литература его продала? Виновато ли оно, что пересаживая науку съ короткой цѣпи на длинную, правительство съ удивленіемъ нашло новую полицію въ университетахъ и гласное III Отдѣленіе въ журналахъ? Мы должны себя винить.

И что страшнѣе всѣхъ ужасовъ, дѣлаемыхъ правительствомъ, и всѣхъ подлостей, дѣлаемыхъ благопріобрѣтенной имъ литературой, это то, что изъ видовъ нечистыхъ оно грязными и окровавленными руками отворитъ дверь, въ которую толкается будущее... дѣлая изъ триумфальныхъ воротъ кавдинскія фурукулы, искажая его характеръ.

Когда зародышъ созрѣваетъ и ему нѣтъ разумнаго выхода на бѣлый свѣтъ, ни мѣста для роста, онъ не остаивается, а идетъ путемъ безумнымъ, судорожными взрывами, отклоняясь въ сторону, ломая все, ломая себя, въ крови, въ огнѣ, въ чаду.

Такія рожденія носятъ сами по себѣ казнь за прошедшее.

И потому склонимъ головы наши предъ океанической силой, поднимающей теперь народъ русскій. Ни народъ, ни царь, ни нѣмцы, никто не подозрѣвалъ, что одни будятъ и что пробуждается у другихъ.

Намъ остается одно утѣшеніе. Мы не ошиблись въ сущности русскаго переворота, въ его аграрномъ смыслѣ, и когда самъ царь для своихъ видовъ хочетъ возбудить народъ въ свою пользу, онъ является Пугачевымъ.²

◆◆ 1. 1 мая 1863 г. воен. министръ Милютинъ увѣдомилъ министра вн. дѣлъ объ отправкѣ въ тотъ же день печатнаго высочайшаго приказа объ увольненіи Назимова отъ зан. маемыхъ имъ должностей и о назначеніи Муравьева 2-го (съ подчиненіемъ ему еще Могилевской и Витебской губерній) Виленскимъ военнымъ губернаторомъ и генераль-губернаторомъ Гродненскимъ, Ковенскимъ и Минскимъ, командующимъ войсками виленскаго воен. округа съ предоставленными сему званію правами и властью командира корпуса въ военное время.

Въ іюлѣ 1863 г., по просьбѣ Муравьева, сынъ его былъ назначенъ ковенскимъ военнымъ губернаторомъ съ переименованіемъ въ генераль-майору.

Въ своихъ до сихъ поръ неизданныхъ «Запискахъ» Муравьевъ говоритъ, что въ концѣ 1861 г. просилъ объ увольненіи его отъ званія министра госуд. имуществъ, по совершенно разстроенному здоровью, а еще болѣе «побуждаемый тѣмъ направленіемъ, которое получали въ то время всѣ правительственныя дѣла, т. е. полное и совершенное распушеніе и ослабленіе всякой власти, развитіе демократическихъ началъ во всѣхъ сословіяхъ, по особенному на то вліянію вел. кн. Константина Николаевича, который явно во всѣхъ комитетахъ и правительственныхъ совѣщаніяхъ развивалъ эту мысль и велъ къ тому дѣла, а въ особенности при составленіи положенія объ освобожденіи крестьянъ, въ которомъ вводилъ онъ много такихъ началъ, которыя, если бы были приняты, то, конечно, произвели бы большія въ государствѣ безпорядки и неурядства». «Вел. князь и маркизъ Вѣлепольскій, поставленные еще въ іюнѣ 1862 г. во главѣ управленія Ц. Польскаго, явно способствовавшіе развитію революціонной партіи въ Царствѣ и имѣвшіе до того времени большую поддержку въ Спб. между правительственными лицами, начали уже (въ 1863 г.—*М. Л.*) терять свое вліяніе во мнѣніи государя и вообще петербургскаго общества, уstraшеннаго быстрымъ развитіемъ вооруженнаго

мятежа, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ въ особенности въ С.-З. губерніяхъ». Назимовъ, человѣкъ глупый и слабый, но пользовавшійся полнымъ довѣріемъ государя и личною даже привязанностью его, при всей своей добросовѣстности не понималъ положенія края и не находилъ никакихъ разумныхъ средствъ къ подавленію мятежа. Впрочемъ, надо въ оправданіе его сказать, что направленіе, даваемое изъ С.П.Б., преимущественно мин. вн. дѣлъ Валуевымъ, шефомъ жандармовъ кн. Долгоруковымъ и мин. ин. дѣлъ кн. Горчаковымъ, не давало ему возможности дѣйствовать твердо и рѣшительно, ибо первые два заботились только о томъ, какъ примириться съ поляками и склонить ихъ къ снисхожденію къ Россіи разными уступками, которыя, какъ извѣстно, еще болѣе возрождали въ нихъ самоувѣренность въ успѣхъ, а послѣдній, кн. Г., раздѣляя систему дѣйствій Валуева, Долгорукова, вел. князя и Вѣлепольскаго (который владѣлъ почти вѣми правительственными умами въ С.П.Б. въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ), страшился еще угрозъ западныхъ державъ, которыя настойчиво требовали признанія независимости Польши въ предѣлахъ 1772 года».

Предъявивъ то же требованіе съ своей депутаціей, гр. Замойскій вынужденъ былъ выѣхать за границу и тамъ «огласилъ слабость и колеблемость нашего правительства, а между тѣмъ въ Варшавѣ революціонеры обѣихъ партій—Замойскаго и Вѣлепольскаго—возымѣли намѣреніе возвести вел. кн. К. Н. на польскій престолъ, чему особенно сочувствовала вел. кн. Александра Іосифовна. День и часъ представленія депутаціи во дворцѣ къ вел. князю былъ уже назначенъ, но наканунѣ приведенія въ исполненіе этого намѣренія обѣ партіи перессорились, раздѣхались, и дѣло осталось безъ послѣдствій». Намѣреніе депутаціи было извѣстно какъ самому К. Н., такъ и его старшимъ подчиненнымъ. «Назначены были даже два баталіона для присутствія при проходѣ депутаціи передъ дворцомъ и съ тѣмъ, чтобы не допускать къ оному народной толпы. Вел. князь хотѣлъ принять депутацію, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался, высказавъ всю неумѣстность ихъ предложенія, приказать имъ раздѣхаться». «Чтобы судить, до какой степени пр—во наше было непредусмотрительно и не подозрѣвало даже мятежа въ Ц. Польскомъ и Западн. губерніяхъ, тогда какъ явные признаки его были видны въ 1860—61 гг., можно замѣтить то, что оно съ 1862 г. распустило большую часть войскъ; такъ что мятежъ засталъ армию нашу въ кадровомъ составѣ и невооруженною, кромѣ нѣкоторыхъ дивизій».

Передавъ извѣстныя уже по литературѣ обстоятельства своего назначенія, переговоры съ министрами и шефомъ жандармовъ объ объединеніи политики въ Ц. Польскомъ и С.-З. краѣ и пр., Муравьевъ говоритъ, что, бывъ у государя 30 апрѣля, онъ «замѣтилъ уже въ немъ нѣкоторую холодность; такъ что я вынужденъ былъ повторить ему, что не лучше ли послать другого

въ Западн. губерніи. Государь прогнѣвался и сказалъ: «Я однажды высказалъ свои убѣжденія и не намѣренъ ихъ повторять»; а когда я ему сказалъ, что его министры не совсѣмъ раздѣляютъ его убѣжденія, то онъ мнѣ съ нѣкоторою грубостью отвѣчалъ: «Это неправда». Тогда я всталъ и сказалъ его величеству: «находите другого вмѣсто меня». Государь взялъ меня тогда за руку и просилъ извиненія въ неправильномъ выраженіи, которое вырвалось, какъ онъ говорилъ, невольнымъ образомъ. Я сказалъ государю, что неправды не говорю, и еще разъ повторилъ: «найдите другого, который в. величеству будетъ говорить правду». Тогда государь меня обнялъ, просилъ еще разъ извиненія и чтобы я навсегда это забыть, что такой у него дурной характеръ, иногда выскакиваетъ противъ его желанія недолжное слово. Мы примирились, и государь спросилъ только: «итакъ, я могу отдать въ приказъ о вашемъ назначеніи?». Я отвѣчалъ, что когда и какъ будетъ угодно его вел., я согласенъ и сдѣлаю все, что могу, для исполненія этого столь важнаго возлагаемаго на меня порученія».

Передавая съ удовольствіемъ объ отозваніи въ СПб. вел. князя К. Н., Муравьевъ пишетъ: «При проѣздѣ онъ надѣялся, что я встрѣчу его въ Вильнѣ со всѣми почестями, какъ главнокомандующаго и царскаго брата, и мнѣ дано было по телеграфу знать о въѣздѣ его изъ Варшавы. Общее негодованіе и, могу сказать, презрѣніе всѣхъ русскихъ и самого войска къ вел. князю и его управленію (такъ, его во всеуслышаніе называли измѣнникомъ Россіи) было такъ велико, что я не признавалъ достойнымъ, какъ главный начальникъ края, лично принимать его высочество, тѣмъ болѣе, что извѣстная его необузданность и невѣжливость могли бы возбудить самыя неприятыя и неприличныя при другихъ столкновенія; по этой причинѣ и такъ какъ я дѣйствительно былъ нездоровъ, я поручилъ старшимъ военнымъ и гражданскимъ властямъ встрѣтить его высочество на дебаркадерѣ желѣзной дороги, съ почетнымъ карауломъ. Онъ вышелъ изъ вагона взбѣшенный, наговорилъ грубостей присутствующимъ и не поздоровавшись даже съ карауломъ, сѣлъ опять въ вагонъ и отправился въ дальнѣйшій путь» (Россійская Публ. бібліотека. Напечатанный въ «Рус. Старинѣ» 1882—83 г. текстъ «Записокъ» во многихъ мѣстахъ искаженъ по цензурнымъ причинамъ).

2. Въ началѣ апрѣля 1863 г. были распространены въ Ц. Польскомъ и С.-З. и Ю.-Зап. краяхъ двѣ южно-русскія прокламаціи. Одна изъ нихъ была отпечатана золотомъ, съ иллюзіей государственной печати, на которой значилось: «Rząd Tymczasowy na Rusi» («Временное правленіе на Руси») и три герба польскій орелъ, Георгій Побѣдоносецъ (Литва) и Михаилъ Архангелъ (Галиція); отсюда названіе ея «Золотой грамотой», тогда какъ она имѣла и другое: «Грамота Сельскому Народу»; въ серединѣ былъ изображенъ Спаситель въ облакахъ. Другая была отпечатана обыкно-

венной черной краской, съ такою же печатью, наложенной типографскимъ станкомъ. Приведу обѣ, какъ мало извѣстныя до сихъ поръ въ русской литературѣ (первая очень неисправно перепечатана въ «Колоколѣ» 1864 г. л. 187 и въ вып. II заграничнаго «Былого», переизданномъ въ 1906 г. въ Ростовѣ н/Д).

Грамота Сельскому Народу.

Разомъ съ Польшою и Лытвю пиднявшисъ противъ Московского панування, щобъ добути вичну свободу и шасльву долю цилои нашої краины, заявляемъ передъ Богомъ, цилымъ свитомъ и народомъ, що другого щастія не жадаемъ для дорогъ и нашої краины и не вышоукоуемъ его нигде бильше якъ тильки въ воли, свободи, ривности и щастіи всихъ миранъ, якоибъ вони виры и стану не булы. А жадаючи наибильше щастія сельского люду на вични часы постановляемъ:

а. Сельскіи людъ въ селахъ и хуторахъ паньскихъ и казіонныхъ, однодворци, чиншовныки, и такъ дальше, видъ сіюго дня вольни, свободни и ривни въ правахъ другимъ обывателямъ краины.—

б. Можуть и мають право переходыты зъ мисьця на мисьце до слободу, и ниhto имъ въ тому перескожаты не буде.—

в. Можуть и мають право оучитысь во всякихъ школахъ и буты въ краіовой служби на ривни зъ другимъ обывателями краины.—

г. Разомъ съ другимъ мають право выбераты зъ помежь себе выборныхъ до судивъ, радъ и оурадивъ сельскихъ, повитовыхъ, земськихъ и наивыщихъ народныхъ.—

д. Будуть судытысь и правытысь на ривни зъ другимъ, тильки своими судами и властями, зложенными зъ выборныхъ, мающихъ стерегты святой справидливости, законивъ и безпечности особъ и добуткивъ кожного.—

е. Подати народі и земськи повинности и людеи до народного виіскаа будуты даваты тильки запостановкою и дозволеніемъ наивышол краіовой рады, зложенои зъ выборныхъ видъ цилом краины.—

ж. Земля орни, сыножати и садыбы паньски и казіонни, котори за чиншъ або за видробитки, або на выкупъ держалы селяне, будуты видъ сіюго дня на вични часы власнистею кожного хозяина безъ жадной за нихъ платы. Дидычи за ци их земли будуты маты плату зъ народніого скарбу.

з. О надили землею сельскихъ людей, котори доси еі не малы, якъ будныки, бобылы, халупныки, двирски люде, і т. д. постановыты въ слушнымъ часи наивыща краіова Рада.

и. Однодворци и чиншова шляхта будуты маты на вичну власнисть на ривни зъ селянами земли садыбнои и грунтовои зъ земель паньскихъ де буде еі доволи за плату зъ народніого скарбу, або зъ коронныхъ земель.

і. Сельскимъ священникамъ православнымъ опричь церковномъ земли назначаемо плату грѣшмы, щобъ тыльки не потребовалы вони видъ люду платы за духовны послугы, а скільки прийдеться платыты всякому священникови скаже наивыща краіова Рада.

к. Окромѣ всіого сказанного, кожному хто підиметься оружно зъ нами противу московського панованья, або здбровъ выиде, або зостанеться раннымъ, надлять наиненшъ шість мургівъ земли и садыбу, въ земляхъ коронныхъ, або досмертноу плату зъ народніого скарбу.—

л. Сельскому людови надаючи выще просказани права вольности, обывательской ривности всихъ передъ кожнымъ и земскою власности, ручаемо и вично обичаемо свободу правъ, виры якои хто прыдержується и оужыванія свое и мовы въ школахъ, судахъ и другихъ земськихъ расправахъ.—

Все выще пысане, оглашаючи сельскому людови Подоля, Воляны и Оукраины, захованье и оборону правъ, наданныхъ цеоу грамотоу, прысигаемо передъ народомъ, цилымъ свитою и Всемогущимъ Богомъ.— Въ Господне попеченіе виддаючи долю на ода, которому вичнаго добра жадаемо о цю грамоту виддаемо до Волостной Управы, на кожду волость.

Тымчасова Народнія Старшына.

Руській Народе.

Прийшовъ вже накинець слушний часъ, щобъ поробыты въ нашимъ краю ті перемины, котори д дуть вамъ селяне и всимъ зъ вами правдыву волю, щастіе и добро на вики.

Прийшовъ вже той с ушний часъ, бо и братья ваши Русины въ Литви и Польши поручъ зъ Полякамы и Литвакамы пиднялись противъ московського пануванья щобъ до остатніого выгнаты Москаливъ гидъ себе, а Польскій оурадъ давъ селянамъ ихъ землю безъ выкоупу на вични часы, обичявши дидычамъ заплатыты за то зъ народніого скарбу.

И мы Поляки въ Руси живущи пидіймаемоь противъ московського паноуванья, бо вже наставъ слушний часъ скинуты зъ себе нечестне ярмо неволи и податы краини и вамъ, сельскій народѣ, правдыву свободу и щастіе. Тымъ и выдады золоту Грамоту, въ которой спысани права для васъ и цалои краинны, а теиерешнимъ обзывомъ нашимъ зазываемоь васъ до оружнаго на ворога походу, бо тыльки оружно потранымъ оборониты ту грамоту и досягты добра и воли.

Вражый Моско.ській оурадъ черезъ одставныхъ солдатъ, докотрыхъ поливъ и чиновникивъ буде васъ видмокляты видъ того, до чогу мы васъ зазываемоь, неодминно скаже, що всіо лобро видъ царя походыты. Але вы громіадо, помиркуйте чи воль-

нисть се давъ царь якъ зминивъ оурадъ, чы знаете вы що робыться зъ вашими податками, за що и пощо берутъ васъ въ рекруты, чы вы вольни колы васъ б'ють и катують а дитей вашихъ въ мундиры царскихъ солдативъ съ одягають, чы маете вы сподивану землю, колы за нюю треба вамъ платыты чыншь, выкупъ, або видровляты. Вражый оурадъ скаже вамъ, що та паны не хотять вамъ земли даты, а цяръ давно охочай, та дежъ правда тому—попытайтежъ ихъ, що доброго зробывъ людымъ въ своихъ каз'онныхъ селахъ та мистечкахъ. А дежъ той добрый царъ подивъ славне козацьке в'ійско та забуту вольнисть народню. Нашою золотою Грамотою даемъ мы вамъ вс'ю, що до вашего добра треба, чого московск'ий оурадъ не дастъ вамъ до киньця свита и зазываемъ до оружного на Москаливъ походу для щаст'я, доли вашои и дитей вашихъ. Най не буде у насъ ни одного москаля, тогди вси закоштоуемъ добра народнои свободы.

Не забувайте, люде добри, що видъ с'ього дня нема у насъ панивъ ни пидданныхъ. Вси мы ривни, надъ нами те тильки нашъ оурадъ жадающ'ий всимъ добра и воли, которого мають вси слухаты, бо невслуханного чы то пана, чыновныка, чы мужика еднакова кара всюду досягне.

Тымчасова Народня Старшына.

Къ этой второй прокламаціи было и особое приложение—подписка—на небольшомъ листкѣ:

«Во имя Всемогущего Бога святой Троицы и всихъ святыхъ присягаю що вид силъ не буду слухаться Московского оубраду и всими сылами помагаты буду людымъ, котри намъ дають волю и ривность и во всему слухаться тымчасовой народнои старшыны. А якъ бы я цю присягу забуду и словоу своему збрехавъ то нехай мене Богъ забуде, нехай мени щаст'я ни въ цимъ ни въ тимъ жити не буде. Аминь».

Разумѣется жандармы и полиція не могли ни помѣшать распространенію, ни выяснить авторовъ и типографовъ. До конца мая было распространено еще много польскихъ прокламацій, но я не считаю нужнымъ приводить ихъ, такъ какъ собственно исторія польскаго революціоннаго движенія не входитъ въ задачи моего комментарія. Укажу лишь на прокламацію «Komitet Centralny jako Rząd Narodowy do Polakow w moskiewskiej s'uzbie. Dan w Warszawie 10 kwietnia 1863 г.» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1863 г. 1 эксп., дѣло № 97, ч. 49).

Золотая грамота была внѣшнимъ поводомъ для 27 профессоровъ к'іевского университета, рѣшившихъ подслужиться правительству. Съ благословенія ген.-губернатора Н. Н. Анненкова, они выпустили брошюру «Возстаніе поляковъ въ Ю-Зап. Россіи

экземпляръ шефу жандармовъ и писалъ, что брошюра выпущена «съ цѣлью представить правдивсе описание фактовъ, искажаемыхъ заграничными газетами». Въмѣсто великихъ и богатыхъ милостей, III Отдѣленіе, уже достаточно избалованное пресмыкательствомъ адресоложниковъ, отвѣтило ген.-губернатору просьбой «поблагодарить»—и болше ничего (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1863 г., дѣло № 266).

Профессора критически разобрали золотую грамоту. Имена этихъ слугъ престола полезно зафиксировать въ памяти современнаго читателя: Н. Д. Иванишевъ, И. Я. Нейкирхъ, Н. А. Дьяченко, С. С. Гогоцкій, *Н. Х. Булге*, Н. А. Фаворовъ, А. П. Шидловскій, С. М. Холецкій, А. П. Вальтеръ, В. А. Караваевъ, С. П. Алферьевъ, Ю. И. Мацонъ, Э. Э. Мерингъ, Э. Э. Эргардтъ, В. А. Незабитовскій, А. К. Делленъ, М. И. Тальзинъ, А. И. Ставровскій, Г. А. Чугаевичъ, И. А. Тютчевъ, Ю. К. Шимановскій, *Н. К. Ренненкампфъ*, *А. В. Романовичъ-Славатинскій*, В. Г. Демченко, Г. Д. Сидоренко, К. Э. Страшкевичъ и А. И. Липниченко.

Незадолго до выпуска профессорской брошюры, 15 марта Анненковъ сообщилъ шефу жандармовъ, что предсѣдатель состоявшей при немъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ тайн сов. Мих. Юзефовичъ написалъ по-французски брошюру о русском -польскомъ вопросѣ и хочетъ издать ее за границей; ознакомившись съ текстомъ, онъ полагалъ, что это было бы полезно, но, все-таки, послалъ рукопись въ III Отдѣленіе. Кн. Долгоруковъ отвѣтилъ, что совершенно раздѣляетъ его мнѣніе, но «не считаетъ себя въ правѣ входить въ обсужденіе, можетъ ли брошюра быть напечатана за границую, такъ какъ г. Юзефовичу въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться существующими постановленіями».

Кстати, въ декабрѣ 1867 г. гр. П. Шуваловъ просилъ А. П. Бе-зака внушить Юзефовичу «неумѣстность его дѣйствій со стороны лица, находящагося на государственной службѣ» за его сочувствіе статьѣ Аксакова въ «Москвѣ» по поводу сдѣланнаго ему предостереженія, послѣ котораго газета была запрещена. Въ февралѣ 1868 г. Юзефовичъ написалъ государю письмо, въ которомъ заявилъ, что сочувствовалъ статьѣ, «какъ краснорѣчивому протесту возмущеннаго чувства, оскорбившагося обвиненіемъ въ нарушеніи вѣрноподданническаго долга». Дѣло было ликвидировано (Архивъ III Отд., 1 эксп. 1863 г., дѣло № 147).

Здѣсь своевременно ознакомить читателя съ нѣкоторыми очень интересными документами по исторіи украинофильскаго движенія, подшитыми въ дѣла о «хлопоманахъ».

29 іюня 1862 г. военный министръ Милютинъ послалъ шефу жандармовъ письмо и записку свитскаго генераль-маіора гр. Сиверса, предварительно прочтенную государю. «Въ бытность мою въ Кіевѣ—писалъ генераль—я обратилъ вниманіе на многихъ молодыхъ людей, которыхъ встрѣчалъ на улицахъ въ національномъ

малороссійскомъ костюмѣ; собранныя мною частнымъ образомъ свѣдѣнія имѣю честь представить при семъ в. п—ву. я не могъ дать вѣры всему, что мнѣ рассказывали по сему предмету въ Кіевѣ, ибо публика часто преувеличиваетъ и даже выдумываетъ разныя несооб. азности, но нынѣ, прочитавъ рапортъ ген.-лейт. Гессе, совершенно совпадающій съ слышаннымъ мною въ Кіевѣ, я прихожу къ тому убѣжденію, что общество хлопомановъ¹⁾ и подполковникъ Красовскій имѣютъ связь между собою, и что правительство должно обратить на это вниманіе. Если мѣстныя власти не обратили до сихъ поръ вниманія на хлопомановъ, то можно обвинить ихъ въ безпечности, ибо они нисколько не скрываются и всѣмъ извѣстна цѣль ихъ, по слухамъ».

Текстъ генеральской записки: «Между молодыми людьми въ Кіевѣ, особенно студентами, образовалось общество подъ названіемъ «хлопомановъ»; они дѣйствуютъ на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, подстрекая ихъ не подписывать уставныхъ грамотъ и внушая имъ, что земля составляетъ ихъ собственность безъ всякаго за очую выкупа. Нисколько не скрывая принадлежности къ общес ву, молодые люди эти ходятъ въ національномъ малороссійскомъ платьѣ и разѣзжаютъ по деревнямъ. Главными дѣятелями между ними считаются студенты Антоновичъ и Рыльскій²⁾). Рассказываютъ въ Кіевѣ, что пріѣзжавшій туда ст. Спб. университета Чубинскій волновалъ въ Полтавской губ. крестьянъ, но, видя безуспѣшность своихъ рѣчей, сталъ доказывать имъ всю несправедливость и, будто бы, незаконность военнаго постоя и неправильность требованія приварка. Нижніе чины, узнавъ объ этомъ, пригласили Чубинскаго къ себѣ на угощеніе и по приходѣ его высѣкли розгами. Послѣ этого ст. Ч. скрылся и долгое время не могли узнать его фамилію, но впоследствии оказалось, что онъ сынъ полтавскаго или кіевскаго помѣщика. Фактическихъ данныхъ на все вышеизложенное не имѣется, но свѣдѣнія эти были собраны на мѣстѣ, частнымъ образомъ, вслѣдствіе встрѣченыхъ по городу молодыхъ людей въ странныхъ малороссійскихъ нарядахъ».

Этихъ данныхъ III Отдѣленію было больше, чѣмъ достаточно, чтобы, имѣя уже «дѣло о революціонномъ духѣ народа въ Россіи и о распространеніи по сему случаю возмутительныхъ воззваній», часть 38-ю его озаглавить: «Объ обществѣ «хлопомановъ» и чле-

¹⁾ Общество молодыхъ людей, дѣйствующихъ для возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ и распоряженій правительства, съ цѣлью восстановленія независимости Малороссіи. *Ген. С.*

²⁾ Полагаютъ, что общество это имѣетъ скрытную цѣль дѣйствовать въ духѣ независимости Малороссіи и употребить возмущеніе крестьянъ только какъ орудіе для достиженія этой цѣли; имя малороссійскаго поэта Шевченка между ними очень популярно и служить имъ какъ бы знаменемъ. Они даже дѣйствуютъ заодно съ польскою партією, лишь бы взволновать край; въ средствахъ они неразборчивы. *Ген. С.*

нахъ онаго Антоновичъ, Рыльскомъ и Чубинскомъ». Запрошенные жандармы Ю.-З. края, желая показать усердіе, начали сообщать всякій вздоръ; шефъ аккуратно посвящалъ въ него царя. Киевскій полковникъ Грибовскій, конечно, спѣшилъ заявить, что слухи ген. Сиверса малоосновательны, но, однако, согласился, что Антоновичъ, Рыльскій и еще нѣкоторые студенты «хлопочуть о сохраненіи малороссійской народности въ нравахъ, обычаяхъ, костюмѣ и даже хотятъ возвысить литературу на малороссійскомъ яз.кѣ». Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ недавно умершимъ критикомъ Максимомъ Алексѣвичемъ) аттестованъ «человѣкомъ весьма умнымъ и осторожнымъ настолько, что при совершенной почти извѣстности, что онъ есть глава всѣхъ хлопомановъ, т.е. студентовъ, носящихъ малороссійское крестьянское платье, и за поведеніемъ его мѣстная полиція имѣетъ постоянное негласное наблюденіе, однакоже, не замѣчено за нимъ ничего подозрительнаго».

Тадеушъ Рыльскій кончилъ курсъ университета двумя годами позже Антоновича, въ 1862 г., жилъ въ имѣніи отца Киевскаго уѣзда и пріѣзжалъ къ Антоновичу. «Студентовъ Рыльскихъ было два брата; въ 1860 г. оба носили постоянно малороссійское крестьянское платье, сблизались съ простолюдинами, даже работали съ ними заурядъ, поили водкой и сами напивались; бесѣдуя съ ними въ корчмахъ, рассказывали исторію Малороссіи, про бывшія кровавыя войны, Запорожскую Сѣчь и гайдамачество; что тогда было хорошо жить, когда пріютцы ихъ не знали крѣпостного состоянія, а были людьми вольными, казаками, жили про себя и для себя. Такія поученія стали отражаться дурнымъ настроеніемъ умовъ между крестьянами въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и хотя спрошенные крестьяне не подтвердили рассказовъ Рыльскихъ, однакоже, оба Рыльскіе были арестованы, предложено было выслатъ обоихъ изъ Кіева въ казанскій университетъ, но, по просьбѣ отца Рыльскихъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, оставлены въ кievскомъ университетѣ до окончанія курса, между же тѣмъ младшій изъ братьевъ умеръ, а старшій Тадеушъ окончилъ курсъ и остался донинѣ при своемъ хлопоманствѣ подъ менторствомъ Антоновича»¹⁾.

Польскій жандармъ тоже опровергъ свѣдѣнія Сиверса, сообщивъ, однако, что Чубинскій живетъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, «поетъ на улицахъ съ пріѣзжающими къ нему знакомыми студентами народная малороссійскія пѣсни, за каковыми дѣйствіями его мѣстная начальство имѣетъ наблюденіе».

Черезъ три недѣли (4 сентября) онъ же донесъ, что въ первыхъ числахъ августа нѣсколько неизвѣстныхъ, въ ихъ числѣ

¹⁾ Для изученія этого вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду воспоминанія В. С. Познанскаго въ «Украинской Жизни» 1913 г.

Чубинскій, были въ с. Войтовѣ и «разсказывали тамъ народу какія-то легенды прошедшей вольности; разсказы ихъ привели простой классъ людей къ той мысли, что лица эти должны быть поджигатели, почему и вознамѣрились связать ихъ, но эти успѣли уйти сначала въ м. Яготинъ Пирятинскаго у., а потомъ въ м. Басань Черниговской губ., гдѣ ихъ тоже приняли за подозрительныхъ людей и, какъ слышно, они могли уйти оттуда только послѣ драки».

Вскорѣ о Чубинскомъ было получено новое донесеніе. «Разгнѣвая роль малороссійскаго патріота, онъ собралъ около себя человѣкъ до двадцати молодыхъ людей разнаго сословія: студентовъ кievскаго ун., гимназистовъ и даже нѣсколькихъ изъ крестьянскаго сословія (изъ числа коихъ дознаніемъ открыты студентъ Синегубъ 2 й, гимназисты Синегубъ 1-й и Касьяненко, волостной писарь Коваленко, крестьянинъ Плещенко) и съ этою шайкою, путешествуя пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, не только своей губерніи, но и сосѣднихъ, возбуждаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. По общей молвѣ, положительно извѣстно, что Чубинскій и его соучастники ношеніемъ импровизированнаго малороссійскаго костюма, постояннымъ обращеніемъ своимъ въ простомъ народѣ, частыми сходками въ Павловскѣ, пьянствомъ, безпутствомъ, хожденіемъ иногда цѣлою партіею по селамъ и пѣніемъ малор. пѣсенъ безнравственнаго и возмутительнаго содержанія, частыми посѣщеніями, будто бы, для поклоненія праху могилы Шевченка и, наконецъ, толкованіемъ простому народу либеральныхъ мѣстъ изъ неизданныхъ сочиненій этого писателя, возбуждали въ благонамѣренной части жителей Переяславскаго уѣзда вообще, а м. Борисполя (мѣсто жительства его отца и родныхъ) въ особенности, серьезное опасеніе, что молодые люди эти дѣйствуютъ съ намѣреніемъ распространить въ народѣ ученіе социализма и коммунизма, и, по замѣчанію нѣкоторыхъ, стремленіе ихъ не остается безъ вреднаго вліянія и послѣдствій на легковѣрный умъ молодежи простаго класса. На Чубинскаго, атеиста въ душѣ и непочтительнаго сына, обшая молва указываетъ, какъ на главнаго виновника нарушенія общественнаго спокойствія, а на прочихъ, не болѣе какъ на его органовъ-исполнителей. Чубинскій въ настоящее время живетъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ опредѣлился учителемъ въ частномъ пансіонѣ г-жи Ленцъ».

Этого всего было вполне достаточно для слѣдственной комиссіи кн. Голицына, чтобы, присоединивъ еще ни на чемъ не основанное подозрѣніе Чубинскаго въ авторствѣ прокламаціи «Усиль добрымъ людемъ» (см. дальше), не найденной, между прочимъ, по близости его имѣнія, она просила выслать его въ Архангельскую губ., на что, конечно, получила высочайшее одобреніе. Министръ вн. дѣлъ избралъ гор. Пинегу. 2 ноября Чубинскій былъ арестованъ въ Кіевѣ, а 4-го—высланъ. Въ декабрѣ ему было

Въ январѣ 1863 г. шефъ жандармовъ сообщилъ кievскому ген.-губернатору частныя свѣдѣнія о существованіи въ Кіевѣ общества, которое «подъ благовиднымъ предлогомъ развитіа народа, помимо всѣхъ другихъ соціальныхъ соображеній, на разумныхъ, доступныхъ ему началахъ, старается распространить въ народѣ либеральныя идеи и съ этою цѣлью намѣрено издавать народныя малор. книги, на печатаніе которыхъ, будто бы, разрѣшено уже собирать деньги; кромѣ того, общество это предполагаетъ дѣйствовать постепенно, расширяя въ народѣ понятие отъ семьи и переходя потомъ къ громадѣ (общинѣ). Общество это находится также въ сношеніяхъ съ польскими гминами, самю замѣчательною изъ коихъ считаютъ состоящую подъ управленіемъ нѣкоего Магера. Во главѣ стоятъ Антоновичъ и Рыльскій, а главными членами его считаются поименованные въ № 46 «Современной Лѣтописи», журнала «Рус. Вѣстника» за 1862 г.»¹⁾.

Въ началѣ марта 1863 г. кн. Долгоруковъ получилъ слѣдующее анонимное письмо, написанное, по всей вѣроятности, въ лувковнхъ кругахъ Кіева: «Ваше Сіятельство! Изъ праха Шевченка выродилась цѣлая шайка самыхъ рьяныхъ сепаратистовъ и ненавистниковъ Россіи. Теперь главное гнѣздо ихъ въ Кіевѣ, но нѣкоторые изъ нихъ составили группу около «Основы», въ которой всякая почти статья пахнетъ революціей и обособленіемъ Малороссіи. Эти люди привлекли къ своей партіи въ Кіевѣ и Петербургѣ нѣсколько людей значительныхъ, хоть и слѣпствующихъ. Затѣя этихъ революціонеровъ, теперь довольно невинная, разсчитываетъ на слишкомъ широкіе результаты; начавъ обособленіемъ языка, на отдѣленіе малой Россіи отъ великой и федерацію съ Польшей; не имѣй на этихъ господъ надежды поляки, они не повели бы такъ широко и такъ варварски своего настоящаго дѣла. Въ стремленіи къ своей цѣли, сепаратисты-хотюманы выбивались изъ силъ, чтобы прибрать къ своимъ рукамъ народное образованіе, навязать сельскимъ школамъ свои возмутительныя *грамоты* и учебники, но, увидѣвъ, что народъ малорусскій и духовенство оттолкнули отъ себя ихъ непрошенную услугу съ негодованіемъ, они затѣяли дѣло сверху и сострапали слѣдующее умозаключеніе.

«Если намъ удастся выхлопотать переводъ св. писанія на полупольское нарѣчіе малоруссовъ, дѣло наше будетъ выиграно; затѣя наша на первый взглядъ невинна и даже благородна,—авось, поймутся,—а тамъ уже къ этому крѣпкому камню нетрудно будетъ пристроить обособленіе языка, потомъ жизни, потомъ и національности».

«Вотъ инициатива той затѣи, которая своею благовидностью умѣла оболъстить людей, не совѣмъ даже близорукихъ. Мы считаемъ излишнимъ догадывать, что переводъ слова божія на жар-

гонъ малорусскій есть затѣя политическая, менѣе всего имѣющая въ виду сдѣлать св. писаніе понятнымъ для простаго народа, что этотъ народъ лучше понимаетъ слово божіе на славянскомъ и общерусскомъ языкѣ, чѣмъ сколько онъ будетъ понимать его на томъ нарѣччіи, которое нужно еще сочинить, чтобы сколько-нибудь сносно передать на немъ высокія истины откровенія и защитить ихъ отъ профанціи и пометанія бисера подъ ноги свиней.

«Мы также считаемъ излишнимъ доказывать и то, что, допустивъ нелогичный и затѣйливый переводъ св. писанія на то нарѣчіе русское, которое по своему складу менѣе всего заслуживаетъ это предпочтеніе, св. синодъ допустить историческую ошибку и что всякъ, кто словомъ или дѣломъ будетъ способствовать этому опасному предпріятію, приобрететъ извѣстность Герострата и скоро увидитъ оправданіе на опытѣ той благоразумной сентенціи, что малая ошибка бываетъ причиною великихъ бѣдъ.

«Сообразивъ все это, всѣ мы благонамѣренные малороссы, вполне понимающіе нужды и желанія народа и затѣи нашихъ хохломановъ сепаратистовъ, умоляемъ в. с. употребить все, чѣмъ только вы можете располагать, чтобы защитить нашу святыню отъ поруганія, а отечество отъ распаденія и опаснаго раскола. Простите намъ, в. с., что мы находимъ пока неудобнымъ заявить предъ вами свои имена, извѣстность которыхъ оказывается бесполезною въ этомъ дѣлѣ, которое говоритъ само за себя. Впрочемъ, если моленіе наше, теперь одинокое не принесетъ ожидаемыхъ отъ вашей ревности къ пользамъ церкви и отечества результатовъ, мы явимся съ протестомъ нашимъ гласно передъ лицомъ всего русскаго міра».

Кіевскій ген.-губернаторъ отвѣтилъ шефу жандармовъ, что онъ насторожѣнъ, что начатанная въ № 46 «Современной Лѣтописи» статья прежде своего появленія была прислана въ сентябрѣ 1862 г. въ корректурѣ его пре шественнику Головиннымъ, просившимъ его мнѣнія о возможности ея напечатанія; что Васильчиковъ не возражалъ, но доставилъ министру просвѣщенія и всѣ свѣдѣнія о подписавшихся; въ заключеніе новый ген.-губернаторъ хотѣлъ проявить искусство политика и потому высказалъ пожеланіе, чтобы «кто-либо изъ вызванныхъ лицъ заявилъ печатно свое обвиненіе, ибо тогда журнальная полемика могла бы содѣйствовать правительству къ раскрытію дѣйствительной цѣли и къ обличенію духа и направленія лицъ, подписавшихъ статью»..

Вскорѣ ген. Анненковъ далъ и другой глубокомысленный политическій совѣтъ: никоимъ образомъ не допускать появленія св. писанія на малорусскомъ языкѣ, «не имѣющемъ ни грамматики, ни литературы и до того бѣднымъ, что на немъ нельзя выразить никакого отвлеченнаго понятія», такъ какъ «симъ дано было бы новое орудіе малороссійской партіи». Царь и съ этимъ согласился.

22 мая оберъ-прокуроръ синода Ахматовъ запросилъ шефа жандармовъ, «въ какой мѣрѣ соображенія Анненкова могутъ относиться до предпріятія г. Костомарова и его сотрудниковъ», готовившихъ къ выпуску въ свѣтъ священную исторію, составленную свящ. Степаномъ Опатовичемъ на малорусскомъ языкѣ. Введенное въ заблужденіе (книжка Опатовича была уже разрѣшена духовной цензурой 13 апрѣля 1863 г.), III Отдѣленіе запросило мнѣніе Валуева. Послѣдній вполне присоединился къ взгляду Анненкова и полагалъ необходимымъ, вообще, приостановитъ разрѣшеніемъ печатанія какихъ бы то ни было изданій на этомъ языкѣ, кромѣ беллетристическихъ. Шефъ жандармовъ, конечно, не былъ противъ, о чемъ и сообщилъ синоду уже для руководства духовной цензурѣ. 18 іюля Валуевъ сообщилъ, что государь вполне одобрилъ его мысль, что и надлежитъ впредь имѣть въ виду цензуры вообще, о чемъ и сообщено ей секретными указами. Мнѣніе министра просвѣщенія было совершенно игнорировано,—до такой степени оно расходилось съ мнѣніемъ другихъ «политиковъ». «Изъ уваженія къ г. ген.-ад. Анненкову,—писалъ исключительно въ видахъ самозащиты Головинъ Валуеву,—я объясню себѣ подобный отзывъ какою то непонятною канцелярскою ошибкою. Духовное вѣдомство имѣетъ священною обязанностью распространять новый завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ, понятномъ обитателямъ. Министерство нар. просвѣщенія, съ своей стороны, всемерно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ и чрезъ нихъ въ народѣ книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экз., и въ ря у этихъ книгъ но ый завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и мин. нар. пр. должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полного успѣха». Правда, все это было написано 20 іюля, т.-е. послѣ высоч. повелѣнія, но, разумѣется, Валуевъ изъ бесѣды зналъ мнѣніе Головина и потому забѣжалъ съ своимъ докладомъ. 3 іюля услужливый синодъ сдѣлалъ соотвѣтствующее опредѣленіе.

Въ апрѣлѣ Анненковъ прислалъ записку изъ письма къ нему быв. директора училищъ Закавказскаго края Кулжинскаго по поводу напечатаннаго приглашенія Костомарова къ денежнымъ пожертвованіямъ для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ. «Вслѣдствіе этого приглашенія,—писалъ Кулжинскій,—на лѣвой сторонѣ Днѣпра нашлись уже нѣкоторые глупцы, которые дѣлаютъ складчину. Неужели и на правомъ берегу найдутся такіе недоброжелатели единства Россіи?.. Неужели нельзя удержать безпокойнаго Костомарова отъ его сепаративныхъ затѣй, которыми

онъ, кажется, какъ будто старается отплатить правительству за свою 10-лѣтнюю ссылку ».

Тогда же Чубинскій доставилъ III Отдѣленію особую статью «Исторія моей ссылки», въ которой доказывалъ, что всѣмъ обязанъ интригамъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, всячески старавшихся отдѣлаться отъ его вліянія на крестьянъ. Не приводя записки, въ цѣломъ, процитирую только одно мѣсто: «Польское дворянство праваго берега Днѣпра первое распустило слухи, неблагопріятные для малорусской молодежи, вслѣдствіе того, что эта молодежь старается всѣми мѣрами препятствовать распространенію польско-католической пропаганды на малорусской почвѣ. Польское дворянство, чтобы воздвигнуть гоненіе на враждебную ему малорусскую молодежь, распустило слухъ, что эта молодежь — сепаратисты, желающіе отдѣленія Малороссіи отъ Россіи, что эта молодежь желаетъ произвести рѣзню помѣщиковъ, возбуждаетъ къ непринятію уставныхъ грамотъ и тому подобнаго. Слухи эти перешли и на лѣвую сторону Днѣпра и стали повторяться невѣжественными дворянами лѣваго берега Днѣпра. Петербургскіе пожары и безумныя прокламаціи еще болѣе взволновали дворянскіе умы. Пошли толки о томъ, что и малорусская молодежь принадлежитъ къ шайкѣ прокламаторовъ, что если и не принимаются крестьянами уставныя грамоты, то это происходитъ отъ вліянія этой же молодежи».

Арестъ въ Черниговѣ землемѣра Андрушенка и члена врачебной управы Носа и найденныя у нихъ бумаги обнаружили связь малорусской партіи съ обществомъ «Земля и Воля», — таково было сообщеніе Н. Н. Анненкова въ августѣ; поэту же онъ просилъ III Отдѣленіе прислать въ Кіевъ «ловкаго и вѣрнаго агента, который могъ бы, сблизившись съ лицами, составляющими главныхъ дѣятелей малороссійской партіи, прослѣдить пути, которыми она распространяетъ свою пропаганду, и связи этой партіи здѣсь и въ Малороссіи, а также отношенія ея къ обществу «Земля и Воля» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., 1 эксп. 1862, дѣло № 230, ч. 38).

Приведу нигдѣ не перепечатанную прокламацію, приписанную Чубинскому и появившуюся въ сентябрѣ 1862 г.

Усімъ добрымъ людямъ.

Добри люде! Що дня вы бачите пожари, шо дня выгоряють села, та города; чи вы знаете, яка тому причина — ни мабуть? Панамъ треба, щобъ бидни люди немалы ничего, та щобъ шли до нихъ зароблять хлиба; якъ уси прости люди не будутъ мать у себе ничего, якъ повыпалать хаты и усю ходобу переведуть, то вже жъ треба буде шукать пропытанья, а паны положить таку цину, якъ сами знаютъ, та ще гроши будутъ давать на позычки, а тамъ знову заневолять за ти позычки, та такъ

самисенько буде якъ съ Вашихъ прадиивъ, вольныхъ людей поробылы крипостныхъ. Добри люде! шей худобу Вашу будуть паны устроювать бо ихъ сила, хотъ не ихъ воля—воля ваша не вжайайте и то що часомъ палають и пански села, то пански села палють пански вороги—а ваши вороги паны. Повставайте добри люде, спытайте стародавнихъ людей, що робылы панамъ Гайдамаки; якъ воно кольсь було, якъ Гайдамаки подкувалы панамъ. Робить такъ якъ диды ваши, то буде ваша сила, бо ваша воля, ваша правда! Колы уси повстааете, то що вамъ хто зробить, васъ багато уставайте тилько уси заразы, то ни паны, ни москали вамъ ничого незрблять, бо васъ багато и ваша правда! Паны нехочуть давать земли, а земля Ваша, уся ваша, бо ваши праиды кровью ии польвалы и куповалы!

Такъ чи довго ще катамъ пануваты. Слухайте мене добри люде! ждить часу поки уси будутъ знать, та вставайте уси и пански люде и козаки и мищене и уси честни люде! бо пропадете уси до одного! Васъ усихъ заневолятъ аши предковични вороги-паны! Це воны пожари роблять, та нимцивъ наймають, та кують васъ у кайданы, та москаливъ насылають, та бють! и довго ще такъ будутъ онущаться надъ вами; бо вы боитесь, бо въ васъ нема духу, а панамъ то и на руку. Подкуплени попы кажутъ вамъ шобъ вы мовчали, що це все отъ Бога. Добри люде, чи таки жъ Богъ хоче мурдувать людей дармо?

Чи вже жъ слава казацька пропала? чи вы хочете быть старцями, та и диты ваши шобъ булы у неволи? Що краше: чи быть у неволи у панивъ, чи самымъ пануваты? Ось розберить що тутъ писано, чи есть тутъ, оцѣму писанню брехня?.. Щиру правду кажу вамъ. Бо приходе той часъ, та годьна, що годи намъ плакать якъ мала дытына! Заприсягнуть одынъ передъ однимъ, що уси повстааете рягувать одынъ одного, та битьця съ панами за правду, за влю, за козацьку долю. Быйте невірныхъ! Бо-же прійшовъ конецъ панамъ—бо вы вольни уси ривни! Ваша земля, ваша правда, ваша воля—Боже царство! Кажить одынъ одному, хто прочита оцю грамоту; та дивитця, шобъ не бачили паны, бо закують у залаиза и зишлють у Сибирь, бо паны звичайни до того, паны лякаютця собачи души, шобъ люде не розибралы правды. Найгирше бережитця чиновникивъ—поки ще до чого прійдетця. Держить мижъ себе, та не ждить довго—бо на друге лито паны васъ выпалать усихъ.

Савва.

Святой Кивъ.

Для полноты ещё нѣсколько словъ о другомъ малорусскомъ дѣлѣ.

Въ 1862 г. Владиміръ Синегубъ, подъ вліяніемъ полков. Красовскаго, въ 1863 г. сосланнаго на каторжныя работы, велъ революціонную пропаганду въ Полтавской губ. въ имѣніи Виктора По-

тоцкаго; на допросахъ онъ призналъ существованіе въ Кіевѣ «Малороссійской громады» и Польской, Литовской и Украинской «гмины», назвавъ и нѣкоторыхъ ихъ членовъ. Его соучастникомъ былъ Владиміръ Пилипенко; братья Викторъ и Леонидъ Потоцкіе соучаствовали также, не принимая никакихъ мѣръ противъ пропаганды, и пѣли съ ними революціонныя пѣсни. Въ январѣ 1864 г. дѣло о нихъ было передано кіевскому ген.-губернатору, къ которому направлены изъ Петропавловской крѣпости и названныя лица (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1862 г., дѣло № 230, ч. 10 лит. Б.).

О третьемъ дѣлѣ на той же украинофильской почвѣ—Строина, Лободы, Бекмана и пр. см. «Былое» 1907 г., VII.

2172. Финляндія и адресъ.

Мы помѣщаемъ съ истиннымъ удовольствіемъ отрывокъ изъ «Таймса» о fiasco адреснаго министра. Когда-то Головинъ мечталъ о томъ, что надобно награждать чиновниковъ за *независимость*; онъ можетъ теперь наградить цѣлую страну. Абертивъ¹⁾ Валугева не произвелъ въ Финляндіи ложныхъ потугъ патріотическаго *брёда по образцамъ*.. Приѣзствуя ея благородное пробужденіе и признавая ея полную автономію, какъ автономію Польши, Украйны, мы признаемся откровенно, что мало знаемъ внутренній вопросъ ихъ, и съ радостью открыли бы колонны «Колокола» для финскихъ вопросовъ.

2173. Пиръ въ Стокгольмѣ.

Въ отвѣтъ нападеніямъ на Швецію въ полуофициальныхъ журналахъ стокгольмскіе граждане сдѣлали пиръ въ честь М. Бакунина. Бакунинъ, мы увѣрены, — первый русскій, въ честь котораго шведы давали не дипломатическій, вынужденный обѣдъ, а дружескій, братскій пиръ. Наконецъ-то, и шведы увидѣли, что петербургское правительство и русскій народъ—не одно и то же. На этомъ обѣдѣ молодой полякъ провозгласилъ тостъ «въ память Потемни и всѣхъ русскихъ, погибшихъ за польское дѣло!». Подробностей праздника у насъ нѣтъ, ждемъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

¹⁾ Abortive—недоносокъ.

2174. Г. Хотинскій и III Отдѣленіе ¹⁾.

Мы получили отъ г. М. Хотинскаго слѣдующее письмо:

«Милостивые Государи, Въ № 161 «Колокола» я прочелъ статью, въ которой вы извѣщаете о полученномъ Вами увѣдомленіи, что какой-то профессоръ Ходинскій или Хотынскій отправленъ отъ III Отдѣленія наблюдателемъ въ разныя страны и, между прочимъ, въ Лондонъ, съ жалованіемъ по 12,000 фр. или руб.; за симъ вы прибавляете, что какой-то д. с. с. Хотинскій проживаетъ въ Лондонѣ и занимается разными наблюденіями и пр.

«Я не отвѣчалъ тотчасъ же на это извѣщеніе, потому что находился въ Россіи. Нынѣ, возвратясь на короткое время въ Лондонъ, спѣшу настоящимъ отвѣтомъ, покорнѣйше прося васъ, Милостивые Государи, во имя *правды*, которой защитниками вы себя объявляете, напечатать это письмо въ ближайшемъ номерѣ вашего журнала.

«До профессора Ходинскаго или Хотынскаго, котораго я вовсе не знаю, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, равно какъ и до сдѣланнаго ему будто бы порученія. Что же касается до меня, нижеподписавшагося, то я долгомъ считаю довести до вашего и всѣхъ вашихъ читателей свѣдѣнія, что я ни отъ кого подобныхъ порученій не принималъ, да и вообще исполнять такія порученія несогласно съ моимъ характеромъ и убѣжденіями. Я въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ занимаюсь постоянно науками, а въ послѣднее время присоединилъ къ тому еще промышленно-торговое предпріятіе; къ соглядатайству же и миссіонерству чувствую себя совершенно неспособнымъ. Что касается до средствъ моихъ къ жизни, то хотя до этого никому нѣтъ никакого дѣла, но я могу откровенно сказать вамъ, что, не говоря о собственномъ небольшомъ состояніи, я напечаталъ болѣе двадцати томовъ учено-литературныхъ трудовъ и сотрудничалъ во многихъ русскихъ журналахъ, что доставляло мнѣ постоянно около 4.000 руб. въ годъ, и мѣнять этого *честнаго труда* на тотъ, который вы мнѣ навязываете, я не намѣренъ и даже не вижу выгоды.

«Если вы имѣете какія-либо положительныя доказательства, что я продалъ себя, то напечатайте ихъ и пусть публика судить насъ. Если же этихъ доказательствъ нѣтъ, то взводимое на меня обвиненіе есть чистая *клевета!* Спрашиваю васъ и cadaго, позволительно ли бросать грязью на честное имя челоуѣка изъ-за подозрѣнія, не имѣющаго никакихъ положительныхъ основаній?

¹⁾ О вторичномъ приѣздѣ ученаго корреспондента III Отдѣленія собственной е. в. канцеляріи мы увѣдомили въ свое время поляковъ и русскихъ друзей нашихъ англійскими журналами. А. И. Г.

Вызываю васъ доказать мою виновность и, если вы не докажете (что я энергически утверждаю), то пусть весь стыдъ клеветы падеть на ея изобрѣтателя. Я былъ въ Лондонѣ и теперь нахожусь здѣсь по моимъ частнымъ дѣламъ и занимаюсь покупками да посѣщеніями здѣшнихъ ученыхъ учреждений, а не присматриваніемъ за кѣмъ бы то ни было или вывѣдываніемъ какихъ-либо тайнъ политической пропаганды.

«Повторяя просьбу мою о напечатаніи этого письма въ ближайшемъ номерѣ «Колокола», я желаю вамъ, Милостивые Государи, того же спокойствія совѣсти, которымъ самъ наслаждаюсь.

М. Хотинскій.

31, Leicester square, London.

Для насъ эта исповѣдь наивнаго сердца такъ же мало опровергаетъ связи ученаго автора «двадцати томовъ» съ III Отдѣленіемъ канцеляріи е. в., какъ его личное объясненіе у князя П. В. Долгорукова, которое г. Хотинскій запомнилъ, несмотря на то, что «Листокъ» могъ ему легко напомнить.

Требовать отъ насъ доказательствъ *документальныхъ* — старая штука. Мы можемъ доказать только доносомъ на того, кто писалъ, но доносовъ мы не дѣлаемъ или дѣлаемъ ихъ на основаніи *similia similibus*¹⁾, исключительно на шпіоновъ. Письмо, въ которомъ насъ извѣщали о служебныхъ рекреціяхъ г. Хотинскаго, я *ему читалъ вслухъ* при пяти свидѣтеляхъ, и онъ не изъявилъ никакого сомнѣнія въ его матеріальной достовѣрности. Но дѣло не ограничивается этимъ письмомъ. Мы были извѣщены и о *последующихъ дѣйствіяхъ* ученаго корреспондента потаповскаго заведенія; мы знали, что онъ снова ѣдетъ въ Лондонъ (въ чемъ можемъ сослаться на князя П. В. Долгорукова и на нѣсколько другихъ свидѣтелей), и не знали, чему больше дивиться: цивическому ли мужеству г. Хотинскаго или нелѣпости Потапова, посылающаго того же тайнаго корреспондента въ тотъ же городъ, гдѣ его тайный трудъ былъ такъ явно оцѣненъ, забывая, что маскарадная шутка оканчивается тамъ, гдѣ падаетъ маска.

Засимъ издатели «Колокола» отказываются отъ помѣщенія всякаго рода писемъ и статей г. Хотинскаго,—кромѣ «Колокола», есть много органовъ для такихъ продуктовъ.

¹⁾ То-есть «*Similia similibus curantur*» или «подобное излѣчивается подобнымъ»—принципъ основателя гомеопатіи Ганеманна. Смыслъ тотъ же, что «клинь клиномъ».

2175. Личное объясненіе.

На -дняхъ я получилъ слѣдующую записку: «Старикъ...¹⁾ писалъ изъ-за границы въ Москву, что редакція проситъ денегъ за то, чтобы не печатать «Записки» Трубецкого. Въ Москвѣ объ этомъ толковали съ злорадствомъ. Нѣсколько строкъ по этому поводу будутъ полезны, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Жаль, что приходится объясняться въ такомъ дѣлѣ. Жаль, что старикъ, нѣкогда мнѣ знакомый, сталъ такъ легковѣренъ. Я, можетъ, и промолчалъ бы изъ уваженія къ памяти другого старца²⁾, но, чтобы отравить радость московскихъ друзей нашихъ, я напечатаю единственное письмо, писанное мною по дѣлу «Записокъ» князя Трубецкого, а личныхъ разговоровъ вовсе не имѣлъ.

«31 декабря 1862 г.

«М. Г., письмо ваше огорчило меня по многимъ причинамъ. Предпринимая съ религіознымъ уваженіемъ изданіе «Записокъ декабристовъ», я объявилъ объ этомъ мѣсяцевъ шесть тому назадъ и сказалъ о назначеніи денегъ, вырученныхъ за ихъ продажу.

«Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что «Записки» кн. Трубецкого были присланы человѣкомъ, не имѣющимъ права, и напечаталъ ихъ. «Записки» И. Д. Якушкина продались и доставили 1000 фр. въ пользу сосланныхъ. Не имѣя въ виду вашего письма, я на тѣхъ же основаніяхъ уступилъ г. Трюбнеру «Записки» кн. Трубецкого. Вы меня очень одолжили бы, написавъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить. Если остановить изданіе (что безъ объявленія въ «Колоколѣ» сдѣлать нельзя), то, сверхъ издержекъ за печать, вы лишаете 1000 фр. несчастныхъ людей и не захотите, чтобы я принялъ на себя расходъ.

«Я полагаю, что лучше всего «Записки» издать и на нихъ напечатать, что вашъ протестъ опоздалъ. Отвѣта вашего я буду ждать мѣсяць, послѣ котораго «Записки» выйдутъ».

2176. (Общій фондъ).

Мы получили отъ двухъ особъ «въ пользу поляковъ» два дивра и передали ихъ по назначенію.

Въ общій фондъ: за № 2102 — сто франковъ, за № 2103 — сто пятьдесятъ франковъ, за № 2101—сто фр.

¹⁾ Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ (сынъ его женатъ на дочери кн. С. П. Трубецкого Зинаидѣ); въ 1863 г. рѣшительно отклонилъ желаніе двухъ уважаемыхъ имъ лицъ о вступленіи въ переписку съ Герценомъ по поводу изданія «Записокъ» Трубецкого («Русск. Архивъ» 1870, III, 680).

²⁾ Т.-е. С. П. Трубецкого, декабриста.

2177. Письмо къ дочерямъ.

13 юня 1863.

Orsett House.

Милая Тата, твой рисунокъ и всѣ ваши посылки пришли. Мы внимательно смотрѣли на Стеллу; мнѣ нравится общность рисунка, но я меньше привыкъ къ черному карандашу, чѣмъ къ краскамъ. Фр. ¹⁾ сказывалъ, что художники были довольны. Боткина ²⁾ картина очень мила, но памятникъ русскій не того,—главное, что мученики могутъ простудиться на сквозномъ вѣтру.

Саша еще въ Стокгольмѣ и врядъ будетъ ли ранше 25 юня. Мы всѣ собираемся переѣзжать въ новый домъ.

Журналъ твой, Ольга, мы съ Ага читали и очень смѣялись тому, что ты не совсѣмъ подчинилась важнымъ авторитетамъ, а сама судишь. Это хорошо, но надобно обдумывать сужденія и не судить съ самонадѣянностью. Вкусъ у тебя есть и потому надобно его больше и больше воспитывать, т.-е. много глядѣть, много слушать и очень много читать.

Also d. letzte Gericht—pour la bonne bouche—so ein göttlich Charivari—von der Sixtiner Kapelle, so eine Walpurgisnacht—bei Tageslicht etc. Ich, ungerichteter und ungeretteter, danke recht sehr.

In Polen—eine Umwälzung in der Umwälzung—eine Revolution in der Insurrektion—Die aristokratische Partei—hat die Oberhand, die andere aber hat Recht, für's Vaterland zu sterben—und sie sterben, sie sterben haufenweise—die anderen aber leben und leben und schreiben Manifeste und bedanken sich, dass die anderen sterben.

Was ist auch so ein Gericht—platt—un peu trop plat.

Und Schurz—mit seiner Legion—blind. Carolus schreibt, dass alle Deutschen heroisch waren—aber davonliefen—fügen die Americaner hinzu. Und Puebla—und die National-Garde in Moskau und Petersburg ³⁾.

¹⁾ Фрикенъ.

²⁾ Михаилъ Петровичъ, художникъ, въ 1863 г. вернулся въ Россію, откуда выѣхалъ въ 1858 г.

³⁾ Итакъ, послѣднее блюдо, на десертъ, нѣчто въ родѣ божественнаго «Charivari»—по поводу Сикстинской капеллы или Вальпургіева ночь при дневномъ освѣщеніи и проч. Я, неосужденный и неспасенный, сътъ по горло.

Въ Польшѣ—переворотъ за переворотомъ, революція въ самомъ возстаніи. Аристократическая партія взяла верхъ, зато другая получила право умереть за отечество, и они умираютъ, умираютъ массами, тѣ же живутъ себѣ да живутъ, пишутъ манифесты и выражаютъ благодарность другимъ за то, что они умираютъ.

Вотъ тебѣ и блюдо безвкусное, ужъ черезчуръ безвкусное.

Посылаю вамъ рѣчь Саши ¹⁾, и прощайте.

Всѣ здоровы; еще разъ можете писать въ Orsett House, а потомъ: Elmfield House, Teddington, near London.

2178. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

19 июня 1863.

Orsett House, Westbourne ter.

Два письма твои и ваши пришли *разомъ*, Тата,—вотъ какія у васъ непочтенныя почты. Фрикенъ сегодня утромъ уѣхалъ въ Парижъ; я ему далъ два медальона (фотог.) Юанны. Мнѣ не нравится ни мысль, ни исполненіе, сходства никакого, и все вмѣстѣ banal. Не лучше ли было бы сдѣлать простой медальонъ? Ахъ, эти англійскіе нѣмцы и нѣмецкіе англики!

Отъ Саши телеграмма: онъ пріѣдетъ, вѣроятно, къ 25, можетъ, днемъ раньше; я тотчасъ тогда переѣду въ Elmfield House; завтра переѣзжаютъ Natalie и дѣти, мы съ Ог. остаемся одни. Чернецъ и Кельсіева тоже ѣдутъ въ Teddington.

Насчетъ того, куда вамъ ѣхать до конца сентября, я полагаю, что, въ самомъ дѣлѣ, лучше оставить Римъ и ѣхать, гдѣ лучше воздухъ, гдѣ можно заниматься и не такъ дорого.

Вотъ видишь, милая Тата, я думалъ такъ,—это на старости лѣтъ, фантази,—что, пріѣхавши въ Италию и встрѣтившись съ вами въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, мы черезъ недѣлю поѣдемъ въ Неаполь. Мнѣ хотѣлось вамъ показать самому лучшую часть Итали, но такъ какъ я всегда уступаю фантазію необходимости, а вамъ въ Римѣ или въ его окрестностяхъ оставаться нельзя, то и поѣзжайте куда хотите, гдѣ не очень далеко и не очень дорого. Не знаю еще, но думаю, что пріѣду просто во Флоренцію въ сентябрѣ. А что потомъ? Потомъ я поѣду назадъ, да, наконецъ, и ваше путешествіе надобно покончить.

Поживите-ка начало весны въ Teddington'ы, а тамъ... я не знаю, да и не надобно такъ долго задумывать.

Что Грегоровіусъ не понимаетъ русскаго вопроса о Россіи, меня не удивляетъ,—ограниченность и націонализмъ нѣмцевъ поразителенъ. Во всѣхъ ужасахъ, которые теперъ дѣлаются, всякій не-нѣмецъ, да и не-французъ, пойметъ полное разложеніе петербургскихъ порядковъ и начало соціальной революціи. Но объ этомъ при свиданіи.

А Шурцъ-то со своимъ легиономъ,—слѣпецъ! Каролусъ ^{o)} пишетъ, что всѣ нѣмцы вѣли себя героями—и бѣжали, прибавляютъ американцы.

А Пуэбла, а національная гвардія въ Москвѣ и Петербургѣ!

¹⁾ Въ Стокгольмѣ.

^{o)} Шурцъ.

Еще разъ экспедиція не удалась изъ Швеции. А знаете ли вы, что наши скоты повѣсили Абихта?..

Mais c'est déjà à vous que je dois m'adresser. Abicht pendu—pauvre diable—il donne la mesure de leur féroce stupidité. C'est trop loin d'ici pour vous expliquer—mais croyez moi que tout cela ne sont que des convulsions d'agonie de l'impérialisme allemand, il sera débordé—par les forces océaniques qu'il évoque lui-même.—Malheureusement ce n'est que trop vrai que les Allemands ont pris une fuite honteuse en Amérique. La politesse du général en chef ne veut rien dire. Et tout le monde est d'accord que Schurz—a fait tout son possible. Ne soyez pas trop patriote—en vu de ce qui se fait en Prusse.

Fricken—est parti aujourd'hui (il a eu l'esprit de ne pas parler sur ce sujet ¹⁾)—J'ai écrit à Tata—que vous pouvez vous retirer partout où vous voulez pour les mois de chaleur—pourvu que cela ne soit ni trop loin, ni trop coûte—ma pensée (eines Alten-Knaben-Jedanke) était d'aller à Naples avec vous tous. Je ne voulais pas en parler avant—mais comme cela ne va pas—je vous le dis—et n'en parlons plus. Je fais des plans, j'invente quelque chose pour 1864—et je n'en sais rien où, comment—Avez-vous des idées—(idées romaines)—communiquez - les. Il pleut à verse. Schwabe m'invite à dîner—à 7^{1/2}—je suis triste—et j'irai voir le Faust de Gounaud ²⁾.

Tata, учишь-ли ты Ольгу и чему? И, особенно, читаешь ли съ ней по-русски?

¹⁾ Et pourtant cela a importé beaucoup de gêne et j'ai moins parlé avec lui de Rome. A. И. Г. ^{o)}.

²⁾ Дальнѣйшее относится уже къ вамъ. Абихтъ ^{oo)} повѣшенъ,—бѣдняга! По этому примѣру можно судить, до чего простирается ихъ свирѣпая глупость. Слишкомъ удалены мы другъ отъ друга, чтобы я могъ объяснить вамъ это, но вѣрьте мнѣ, что все вмѣстѣ взятое—послѣднія судороги германскаго империализма; онъ будетъ затопленъ океаническими силами, имъ самимъ вызванными. Къ несчастію, слишкомъ достоверно то, что нѣмцы постыдно бѣжали въ Америкѣ. Учтивость главнокомандующаго ничего не доказываетъ. И всѣ того мнѣнія, что Шурцъ сдѣлалъ все, что только было возможно. Не будьте слишкомъ патриоткой, въ виду того, что совершается въ Пруссіи.

Фрикенъ уѣхалъ сегодня (у него хватило ума, чтобы не бесѣдовать на эту тему). Я писалъ Татѣ, что на жаркіе мѣсяцы вы можете уѣхать, куда хотите, лишь бы не слишкомъ далеко и не слишкомъ дорога была бы тамъ жизнь. Мою мыслью (старога холостяка). было поѣхать вмѣстѣ со всѣми вами въ Неаполь. Я не хотѣлъ говорить объ этомъ до поры до времени, но такъ какъ иначе нельзя, то я вамъ сказалъ, и не будемъ больше говорить объ этомъ. Я строю планы, придумываю кое-что для 1864 г., но не знаю, ни гдѣ, ни какимъ образомъ. Приходятъ ли вамъ въ голову какія-нибудь идеи (римскія идеи)? Если да, сообщите ихъ. Льетъ проливной дождь. Швабе приглашаетъ меня къ обѣду, въ 7^{1/2} часовъ. Мнѣ грустно, и я пойду слушать «Фауста» Гуно.

^{o)} И тѣмъ не менѣе это повлекло за собою много натянутости, и я меньше говорилъ съ нимъ о Римѣ.

^{oo)} Наборщикъ Вольной русской типографіи, польскій эмигрантъ; о немъ см. субъективную статью Кельсіева въ «Русск. Вѣстникѣ» 1869, I.

Стелла твоя отдана въ рамку. Саша пишетъ, что въ Стокгольмѣ *праздновалъ свое рожденіе*. Каковы числа въ Швеціи,— у насъ еще *6 дней остается...* ¹⁾

 Мильнеръ-Гибсонъ, которая тебѣ и Мальв. кланяется, не играла: мужъ раскричался и въ «Таймсѣ» пропечаталъ, а играла Sidney, ея дочь.

2179. Подлые!

Макаръ *Конарскій* и Генрихъ *Абихтъ* были *повѣшены* въ Варшавѣ.

Муравьевъ разстрѣлялъ ксендза С. Ишору, потомъ повѣсилъ Болеслава Колышку ²⁾.

Женщинъ, содержавшихся за пѣніе гимна, сѣкутъ, мужчинъ при допросѣ засѣкаютъ, собираются наказывать за трауръ и пр. «Покажи мнѣ, какъ ты испугался, я скажу тебѣ, кто ты такой».

Подлость низкихъ, ограниченныхъ, пошлыхъ натуръ во всей грязи своей выступаетъ при страхѣ и чувствѣ своего безсилія. Злодѣи разстрѣливали плѣнныхъ начальниковъ,— вещь неслыханная по сю сторону Африки. Но... становится страшнѣе: первый дворянинъ вооружаетъ мужиковъ, Толль бьетъ помѣщиковъ по зубамъ... Еще степень страха: ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, французъ-то двинется, что мы сдѣлаемъ? Силенки наши малыя, дѣло сиротское,— *тажъ давай вѣшать*, т.-е. давай прибавлять къ смерти оскорбленіе, ослѣпить человѣка, но прежде наплевать ему въ глаза.

Роману Сангушкѣ ³⁾—да что Роману Сангушкѣ,—Христу плевали въ глаза, потомъ его повѣсили. Знаете вы ту великую картину, гдѣ Иисусъ, съ связанными руками, кротко смотритъ на бѣснующуюся полицейскую чернь, которая его бьетъ розгами? Передъ этимъ образомъ молились вѣка, что же—много взяли палачи и ихъ начальники?

Ни сердце, ни умъ, ни опытъ ничему ихъ не учать, оттого что они *подлые*.

Всѣ прежніе грѣхи, всѣ настоящіе недостатки Польши искупаютъ ей ея мученики и наши мучители. Они смертью своей

¹⁾ Разумѣется, рѣчь идетъ о рожденіи политическомъ, которое А. А. видѣлъ выраженнымъ въ своей рѣчи на банкетѣ.

²⁾ Мы взяли имена пострадавшихъ изъ русскихъ газетъ. По иностраннымъ, прибавляютъ еще нѣсколько, убитыхъ виленскимъ злодѣемъ,—въ томъ числѣ графа Платера и помѣщика Лясковича. А. И. Г.

³⁾ Гетманъ литовскій, извѣстенъ своими подвигами въ войнахъ противъ турокъ и татаръ (XVI в.).

убиваютъ враговъ своихъ. Каждое замученное тѣло, брошенное грязными палачами въ землю польскую, освобождаетъ ее и освобождаетъ насъ самихъ отъ призрачнаго патріотизма.

Нѣтъ, мы не вѣримъ, чтобъ юное поколѣніе Россіи приняло на себя эти капли непорочной крови, эти веревки, срѣзанныя съ висѣлицы; чтобъ оно изъ любви къ имперіи російской стало со стороны палачей, грабителей, со стороны пытки,—для этого надобно быть самому подлымъ, проданнымъ или сумасшедшимъ. 1

◆◆ 1. Чтобы познакомить читателя съ тѣмъ, какой политики держалось правительство «Освободителя» въ Ц. Польскомъ и сопредѣльныхъ съ нимъ губерніяхъ; насколько «искренно» оно освобождало тамошнихъ крестьянъ (зная по опыту собственно Россіи, что «освобожденіе» должно повлечь за собой ненависть къ дворянству, которая въ Россіи сорвала страшившее дворъ конституціонное движеніе среди плантаторовъ, а въ С.-Зап. краѣ подавила шляхетное возстаніе); какъ расправлялось съ людьми, искавшими свободы, и въ какомъ количествѣ разсылало ихъ внутрь имперіи и къ праотцамъ,—приведу нѣсколько документовъ, которые покажутъ, могъ ли Герценъ занять въ польскомъ вопросѣ какую-нибудь другую позицію.

Историки той эпохи (къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало освѣдомленные, но въ большинствѣ расположенные всячески славословить Александра II и «гуманнаго» друга его Назимова) не знаютъ документа, подшитаго безграмотнымъ чиновникомъ министерства внутрен. дѣлъ въ самое неподходящее для него «дѣло». Однако, прежде приведу текстъ «Manifest Rządu Polskiego», выпущенный въ Вильнѣ 1 февраля 1863 г.

«Провинціальное временное правительство въ Литвѣ и Бѣлороссіи отъ имени польскаго народнаго правительства объявляетъ слѣдующее:

«1. Отъ сегодняшняго дня всѣ крестьяне и другіе сельскіе обыватели безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія свободны, какъ старинное польское дворянство.

«2. Польское народное правительство жалуетъ водвореннымъ крестьянамъ, какъ помѣщичьимъ, такъ и казеннымъ, на вѣчныя времена, въ полную собственность безъ денежнаго оброка и выкупа ту землю, которой они до сихъ поръ пользовались; всѣ по сему предмету распоряженія Московскаго Правительства уничтожаются, такъ какъ земля эта польская, а вовсе не московская.

«3. Вслѣдствіе сего крестьяне наравнѣ съ дворянствомъ обязаны защищать край польскій, коего считаются отъ нынѣшняго дня обывателями.

«4. Кромѣ того, батраки, отставные солдаты и всѣ лица, не имѣющія недвижимой собственности, которые станутъ защищать край польскій отъ москалей, получаютъ сами или ихъ семейства въ награду по участку земли не менѣе трехъ морговъ.

«5. Польское Правительство удовлетворитъ изъ народныхъ имуществъ всѣхъ помѣщиковъ за понесенныя ими потери.

«6. Всякій неповинующійся сему Манифесту, помѣщикъ ли онъ или крестьянинъ, чиновникъ или другого званія, будетъ подверженъ наказанію по польскимъ военнымъ законамъ.

Боже, освободи Польшу!
Данъ въ Вильнѣ 1 февраля 1863 года».

Слѣва печать, въ серединѣ которой изображены руки въ положеніи рукопожатія, сверху «Odwaga» (мужество), снизу «Vozwaga» (благоразуміе); справа печать, въ серединѣ которой гербъ, а вокругъ надпись: «Organizacya narodowa. Kom. rg. Litewski».

Широкое распространеніе этой прокламаціи въ С.-Зап. краѣ вызвало очень большое письмо Назимова къ кн. Долгорукову. Еще въ февралѣ 1862 г. онъ представлялъ царю подробную записку, въ которой по чисто политическимъ соображеніямъ, рекомендовалъ скорѣйшій выкупъ крестьянскаго надѣла въ С.-З. краѣ, предвидя работу польской революціонной партіи. Комитетъ министровъ не согласился, однако, съ его мнѣніемъ, и послѣднее было оставлено безъ послѣдствій. Теперь онъ возвратился къ своимъ мыслямъ уже на фонѣ фактовъ. «Манифестъ этотъ совпадая съ ожиданіями и стремленіями всего сельскаго сословія, не преминетъ поставить мѣстныя власти почти въ безвыходное положеніе, если только крестьяне, какъ это надо полагать, окончательно откажутся отбывать всякія повинности въ отношеніи помѣщиковъ. Тогда пр—ву останется только два средства къ окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса: или вооруженною силою съ неизбѣжнымъ кровопролитіемъ и многочисленными жертвами привести крестьянъ къ повиновенію и такимъ образомъ вооружить милліоны природныхъ и надежнѣйшихъ нашихъ союзниковъ въ западныхъ губерніяхъ, на которыхъ зиждется власть и сила нашего пр—ва въ Западномъ краѣ, или, наконецъ, рѣшительно отказаться отъ дальнѣйшаго веденія крестьянскаго вопроса сообразно съ установленными пр—вомъ правилами и поставить себя въ отношеніи народа въ то положеніе, которое хочетъ занять революціонное польское правительство, т.-е. отдать безвозмездно крестьянамъ тѣ земли, которыми они пользовались до настоящаго времени». Первая мѣра едва ли по силамъ пр—ву, невозможна и «крайне опасна». «Громадная цифра сельскаго населенія въ Западномъ краѣ, принадлежащаго по своей народности къ чисто русскому племени, составляла по настоящее время и нравственную и матеріальную силу нашего пр—ва въ этихъ областяхъ. Земля русская, на которой водворено это населеніе, была искони вѣковъ яблокомъ раздора между Польшей и Россіей, переходя изъ рукъ въ руки, слилась, наконецъ, въ одно общее нераздѣльное цѣлое съ русскимъ государствомъ, и затѣмъ оставалось только удачнымъ и быстрымъ разрѣшеніемъ крестьян-

скаго вопроса окончательно разрушить всё пути къ дальнѣйшимъ притязаніямъ Польши на этотъ край; но, къ несчастію, переворотъ этотъ, во главѣ котораго стало само пр—во, предпринять былъ въ самое неблагоприятное для насъ время, а медленное движеніе его, обративъ революцію эту въ обыкновенную административную мѣру, облеченную въ сложныя бюрократическія формы, лишило насъ всѣхъ преимуществъ инициативы; между тѣмъ польская партія, теряя послѣднее средство разрѣшить этотъ старинный споръ въ свою пользу, нашла возможность отчаяннымъ поворотомъ дѣла опередить наше пр—во и такимъ образомъ дерзко стать на его мѣсто».

Вторая мѣра—обнародованіе подобнаго же манифеста, но въ этомъ случаѣ встрѣтятся неудобства.

«Соціальныя идеи, поставленныя въ основаніе этой прокламаціи, повели бы несомнѣнно къ ниспроверженію существующаго порядка и всѣхъ основныхъ законовъ государства, послѣдствіемъ чего было бы распространеніе всеобщей анархіи; въ равной степени опасной какъ нашему, такъ и всѣмъ сопредѣльнымъ государствамъ. Допуская подобную мѣру въ отношеніи западныхъ губерній нашихъ, пр—во поставлено было бы въ необходимость распространить подобнаго рода порядокъ и на прочія области въ государствѣ, а тогда, само собою разумѣется, раздраженіе и неудовольствіе землевладѣльцевъ сдѣлалось бы всеобщимъ, и пр—во потеряло бы и кредитъ свой, и ту нравственную поддержку, которую доставляютъ ему всѣ сословія въ государствѣ, заинтересованныя въ сохраненіи своихъ привилегій и правъ собственности».

Остается единственный исходъ: «пользуясь временемъ, пока еще соціальныя идеи не пустили глубокихъ корней въ умахъ сельскаго населенія, и оно готово принять всѣ условія для скорѣйшаго приобрѣтенія поземельной собственности въ вѣчное и потомственное владѣніе, лишь бы только они были доступны и выгодны,—пр—во поставляется въ настоящее время въ необходимость оказать ему въ этомъ дѣлѣ *возможное* содѣйствіе и для скорѣйшаго разрѣшенія недоумѣній *принять на себя всѣ расчеты* съ помѣщиками по предмету выкупа крестьянскаго надѣла».

Для реализаціи этого плана Назимовъ считалъ нужнымъ прежде всего обязательство cadaго помѣщика С.-З. края продать полный крестьянскій надѣлъ; во-вторыхъ, установить срокъ для окончательнаго расчета ихъ съ крестьянами, и притомъ самый непродолжительный; въ-третьихъ, перечислить на крестьянъ часть долговъ опекунскому совѣту и другимъ кредиторамъ, у которыхъ имѣнія заложены, на покрытіе которыхъ крестьяне обязаны вносить оброкъ по особой раскладкѣ; владѣльцамъ не задолженныхъ имѣній выдать процентныя облигаціи. При этомъ, вообще, права помѣщиковъ С.-З. края могутъ быть ограждены далеко не въ той мѣрѣ, какъ помѣщиковъ собственно имперіи. Въ заключеніе Назимовъ просилъ Долгорукова «не отказать въ возможномъ съ его

стороны содѣйствіи къ скорѣйшему разрѣшенію дѣла, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая судьба всѣхъ западныхъ губерній» и представить письмо государю.

Заслуживаетъ вниманія, что раньше его, въ январѣ 1863 г., почти то же самое, но гораздо болѣе сжато высказалъ шефу жандармовъ виленскій жандармъ Лосевъ.

21 февраля Долгоруковъ увѣдомилъ Назимова, что рѣшеніе государя будетъ сообщено ему министромъ вн. дѣлъ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г. № 97, ч. 4).

10 марта 1863 г., послѣ обнародованія указа сенату отъ 2 марта «о мѣрахъ къ облегченію и ускоренію прекращенія обязательныхъ отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ временно-обязанными крестьянами, посредствомъ выкупа сими послѣдними земель ихъ надѣла съ содѣйствіемъ правительства, по губерніямъ С.-З. края», гродненскій губернаторъ шифромъ телеграфировалъ министру вн. дѣлъ: «Указъ произвелъ на крестьянъ впечатлѣніе самое утѣшительное; многимъ волостямъ я объявлялъ его въ Гроднѣ лично; они отозвались, что, наконецъ, дождались манифеста всемилостивѣйшаго государя и что пойдутъ прямо по церквамъ и костеламъ молить за него бога; причемъ всѣ просили единогласно позволенія отпривать по волостямъ къ государю чрезъ меня письменные адреса; по полученіи не замедлю доставлять; дворянство, несмотря на желаніе скрыть впечатлѣніе, видимо разстроено».

Въ тотъ же день телеграмма отъ виленскаго ген.-губернатора Назимова: «Свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ указомъ, изъ уѣздовъ еще не имѣется; въ Вильно оно было сильное: съ одной стороны радость, а съ другой—весьма непріятное; подробности сообщу».

11 марта телеграфировалъ минскій губернаторъ: «Лишь третій день, какъ приступлено къ обнародованію благотворнаго указа; по имѣющимся вѣрнымъ даннымъ, все сельское населеніе торжествуетъ; помѣщики пріуныли и беспокоятся о неопредѣленіи сроковъ платежей до составленія выкупныхъ актовъ, предвидя, что по несостоятельности крестьянъ, взносы въ казначейство встрѣтятъ затрудненія» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1861 г. № 59).

Теперь перейдемъ къ слѣдамъ еще болѣе откровенной дѣятельности правительства Александра II въ области террора.

Передъ нами очень интересная телеграмма нашего лондонскаго посла бар. Бруннова министру иностр. дѣлъ отъ 27 іюня, послѣ выхода очередного листа «Колокола»: «Англійскій консулъ въ Варшавѣ узналъ о смертной казни нѣсколькихъ польскихъ повстанцевъ. Муравьевъ опровергаетъ: англійская пресса, будто бы, распространяетъ ложные слухи, чтобы дискредитировать русское правительство. Эти слухи поддерживаются польскими инсургентами».

Объявленіе. Отъ вилнскаго военнаго губернатора, гродненскаго-новенскаго и минскаго генералъ-губернатора, командующаго войсками вилнскаго военнаго округа и главноначальствующаго въ Витебской и Могилевской губерніяхъ ген. М. Н. Муравьева отъ іюня 1863 г.:

«Въ виду совершающихся въ высочайше вѣрнномъ мнѣ краѣ политическихъ смуть и безпорядковъ, я почитаю необходимымъ обратиться ко всѣмъ сословіямъ, населяющимъ край, для разъясненія настоящихъ обстоятельствъ и для указанія каждому изъ членовъ общества тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на немъ по долгу вѣрноподданнаго. Настало время, когда мятежники должны убѣдиться, что правительство, предоставлявшее имъ до-нынѣ время и средства образумиться и возвратиться къ своему долгу, рѣшилось съ непреклонною твердостью положить предѣлъ преступнымъ ихъ дѣйствіямъ. Главные дѣятели мятежа и сообщники ихъ, подстрекая всѣ сословія къ бунту, разоряя мирныхъ поселянъ, грабя ихъ общественное имущество и предавая мучительнымъ казнямъ людей вѣрныхъ своему государю и честно исполнявшихъ свой долгъ, — несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность предъ Богомъ, государемъ, обществомъ и народомъ, — и не избѣгутъ правосудной кары.

«Изъ дѣлъ слѣдственныхъ комиссій, донесеній военныхъ начальниковъ и показаній плѣнныхъ, видно, что кромѣ мелкой шляхты, горожанъ и другой празднои челяди, не отличавшейся никогда хорошою нравственностью, большая часть лицъ, принимающихъ участіе въ настоящихъ безпорядкахъ и сочувствующихъ онымъ, принадлежатъ къ сословію католическаго духовенства, дворянства и помѣщиковъ здѣшняго происхожденія. Дворяне и помѣщики, ослѣпленные безразсудными мечтаніями о господствѣ надъ народомъ, который едва только успѣлъ, волею всемилостивѣйшаго государя нашего, освободиться изъ-подъ тяжелаго ихъ гнета, тайно и явно раздуваютъ пламя волненій и принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе, которое въ этомъ словіи сдѣлалось до такой степени всеобщимъ, что предводители дворянства, спрошенные по моему приказанію, не рѣшились указать лицъ, на политическую благонадежность которыхъ можно бы положиться. Мирвые посредники и другія лица, служащія по мировымъ учрежденіямъ, забывъ священныя обязанности, возложенныя на нихъ правительствомъ и обществомъ — быть проводниками въ народъ учреждений, клонящихся къ устройству его благосостоянія, — сдѣлались главными проводниками мятежныхъ дѣйствій; вслѣдствіе чего я былъ поставленъ въ необходимость — отрѣшить ихъ отъ должностей, предать виновныхъ военному суду и закрыть большую часть мировыхъ учреждений. Наконецъ, католическое духовенство, никогда еще такъ дерзко и безза-

конно какъ нынѣ, не заявляло своихъ преступныхъ дѣйствій: призывъ къ мятежу раздается съ высоты костельныхъ кафедръ; рѣчи, пропитанныя духомъ ненависти и разрушенія, оглашаютъ своды католическихъ святынь, и даже нѣкоторые изступленные проповѣдники сами берутся за оружіе, присоединяются къ шайкамъ бунтовщиковъ и предводительствуютъ нѣкоторыми изъ нихъ. Высшее же духовенство, владѣя главнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ умиротворенію края—призывомъ, во имя Божіе, къ порядку и законному долгу, умышленно бездѣйствуетъ, потворствуя такимъ образомъ кровавымъ смутамъ и безпорядкамъ. Между тѣмъ народъ, свято повинующійся законнымъ властямъ, благодарный и безпредѣльно преданный своему царю-освободителю, страдалъ и страдаетъ еще отъ этихъ смуть и безпорядковъ.

«Такое положеніе дѣлъ долѣе терпимо быть не можетъ. Я призываю всѣ сословія къ исполненію своего долга. Каждый членъ общества обязанъ нынѣ здравомысленно и честно обратиться къ своему вѣрноподданническому долгу и въ виду совершающихся событій, угрожающихъ неисчислимыми бѣдствіями для цѣлой страны, и въ особенности для землевладѣльцевъ, содѣйствовать правительству къ возстановленію въ краѣ спокойствія и порядка.

«Служителямъ алтаря вмѣняется въ непремѣнную обязанность повсемѣстно возвѣститъ миръ и повиновеніе законной власти, удержать легкомысленныхъ отъ преступнаго увлеченія въ мятежъ, а увлеченныхъ возвратитъ къ долгу, силою слова Божія и именемъ святой Его церкви. Отцы и матери, руководимые разумною любовію къ своимъ дѣтямъ, обязаны охранять ихъ отъ пагубнаго вліянія злонамѣренныхъ людей.

«Дворяне и помѣщики, оставивъ несбыточныя свои надежды, должны немедленно смирится и, отвѣтствуя за свои семейства и за лицъ, поставленныхъ ими для управленія своими имѣніями, подчиниться законной власти, прекратить всякое участіе въ бунтѣ и содѣйствіе мятежникамъ какъ деньгами, такъ и припасами, задерживать и предавать въ руки правительства злоумышленниковъ, которые появятся въ ихъ имѣніяхъ, лѣсахъ и вообще на ихъ территоріи; въ противномъ случаѣ, виновныхъ приказано брать подъ стражу и предавать военному суду, а на имѣнія ихъ налагать секвестръ и доходы съ оныхъ, а также съ проданнаго движимаго имущества—употреблять на покрытіе расходовъ по усмиренію мятежа и на вспомоствованіе тѣмъ несчастнымъ семействамъ, которыя пострадали отъ неистовства мятежниковъ. Такимъ образомъ, крамольные поступки помѣщиковъ ведутъ ихъ къ совершенному раззоренію, а семейства ихъ къ нищетѣ со всѣми ея гибельными послѣдствіями.

«Наконецъ, всѣ вообще граждане и жители призываются содѣйствовать правительству, всѣми зависящими отъ каждаго изъ нихъ средствами, къ потушенію мятежа и возстановленію пол-

наго спокойствія въ краѣ, помня, что, подчиняясь вліянію мятежной партіи, они только губятъ себя и свои семейства, вызывая кровопролитіе и безплодныя жертвы.

«Со стороны моей приняты уже и приводятся въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры къ прекращенію и предупрежденію мятежническихъ покушеній.

«Снабдивъ военныхъ начальниковъ полномочіями для рѣшительныхъ дѣйствій своеобразно опубликованной уже въ краѣ инструкціи для устройства военно-гражданскаго управленія, я поручилъ имъ принять подъ свое покровительство всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ государю и правительству жителей, въ особенности крестьянское населеніе, оградивъ его, чрезъ содѣйствіе военной силы, отъ покушенія мятежниковъ; призвалъ крестьянъ какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, къ учрежденію вооруженной сельской стражи для огражденія селеній отъ грабежа и неистовства мятежническихъ шаекъ; на крестьянъ казенныхъ и временно-обязанныхъ возложилъ недопускать въ чертѣ ихъ сельскихъ обществъ и въ фольваркахъ мятежныхъ съѣздовъ, вооруженія и вообще приготовленія къ мятежу; забирать подъ стражу всѣхъ какъ участвующихъ, такъ и содѣйствующихъ оному лицъ, какого бы они званія ни были, и передавать ихъ ближайшимъ военнымъ командамъ.

«Правительство не колеблясь выполнить свою обязанность для предохраненія края отъ бѣдствій, въ которыя ввергаетъ оный мятежная партія; оно не оставитъ безнаказанно участниковъ и руководителей мятежа; почитая справедливымъ лучше сдѣлать строгій примѣръ надъ нѣкоторыми, чѣмъ допустить кровопролитія и бесполезныя жертвы: многіе изъ виновныхъ по приговору военного суда уже понесли заслуженное ими наказаніе; сотни лицъ, и между ними значительное число ксендзовъ и помѣщиковъ, содержатся по крѣпостямъ и острогамъ, и по окончаніи надъ ними слѣдствія и суда, будутъ наказаны по мѣрѣ своихъ преступленій.

«Принимая всѣ средства къ возстановленію порядка и идя законнымъ путемъ къ охраненію цѣлости и единства государства, правительство не остановится въ дѣйствіяхъ своихъ ни передъ какими препятствіями; опираясь на войско и народъ, оно сильно и необоримо, а сознание правоты дѣла и патриотическое къ нему сочувствіе всей обширной Россіи, множить и крѣпитъ эти силы. Западный край и по большинству кореннаго населенія и по историческому праву есть русская земля, исконное достояніе русскихъ государей, и только въ неразрывномъ составѣ съ русскимъ народомъ, дворянство здѣшняго края, называющее себя польскимъ, можетъ ожидать отъ милости монарха улучшенія своего общественнаго быта, осуществленію котораго оно само же ставитъ нынѣ преграду своими противозаконными дѣйствіями.

«Обращаюсь къ духовенству, дворянству, шляхтѣ и всѣмъ прочимъ сословіямъ и къ лицамъ всѣхъ званій и возрастовъ

обоего пола. Призываю ихъ еще разъ къ исполненію вѣрноподданническаго долга, въ томъ убѣжденіи, что каждый дорожащій спокойствіемъ своего семейства и благосостояніемъ края, не замедлитъ поспѣшить содѣйствіемъ своимъ правительству къ прекращенію мятежа и восстановленію порядка. Предупреждаю, что всякое покушеніе, съ чьей бы то ни было стороны, къ дальнѣйшему поддержанію мятежа какими либо средствами, будетъ преслѣдуемо строго и съ неизмѣнною справедливостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю, что призванный волею царскою для умиротворенія края, я готовъ подать руку помощи и ходатайствовать у подножія престола милосерднаго нашего государя о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ безумнаго подстрекательства и вѣроломнаго обмана, которыя, будучи вовлечены въ клятвопреступныя дѣйствія, изъявляютъ полное и чистосердечное раскаяніе и, возвратясь къ своему вѣрноподданническому долгу, докажутъ это не на словихъ, а на самомъ дѣлѣ».

Списокъ лицъ, преданныхъ смертной казни въ западныхъ губерніяхъ со времени вступленія въ управленіе этими губерніями генерала-отъ-инфантеріи Муравьева (по свѣдѣніямъ «Сѣв. Почты» съ 16 мая ¹⁾ по 4 іюня 1863 г.).

22 мая. 1. *Станиславъ Ишора*, викарный ксендзъ Желудскаго костела Лидскаго у., виновный въ чтеніи въ костелѣ возмутительнаго манифеста и подговорѣ крестьянъ къ возстанію — *разстрѣлянъ въ Вильно.*

25 мая. 2. *Раймундъ Земацкій*, ксендзъ Вѣвюрскаго костела Лидскаго уѣзда, и 3. *Альбертъ Лясковичъ*, дворянинъ того же уѣзда. виновные: первый въ чтеніи народу въ костелѣ польскаго манифеста возмутительнаго содержанія, съ цѣлію произвести возстаніе между крестьянами, а послѣдній въ содѣйствіи мятежу и въ возбужденіи къ ниспроверженію правительственной власти, *разстрѣлянъ въ Вильно.*

28 мая. 4. *Болеславъ Кольмижко*, дворянинъ, *повѣшенъ въ Вильно.*

27 мая. 5. *Графъ Леонъ Платеръ*, виновный въ открытомъ возстаніи противъ правительства, предводительствованіи вооруженною шайкою мятежниковъ и разграбленіи военнаго транспорта съ убитіемъ нижнихъ чиновъ, *разстрѣлянъ въ Динабургъ.*

6 іюня. 6. *Викентій Бьелозоръ*, отставной корнетъ, ковенскій помѣщикъ, виновный въ государственной измѣнѣ и участіемъ въ мятежѣ съ оружіемъ въ рукахъ, *разстрѣлянъ въ г. Ковнѣ.*

¹⁾ М. Н. Муравьевъ прибылъ въ Вильно 14 мая.

6 июня. 7. *Анцина*, эмигрантъ, и исключенные изъ службы: подпоручикъ 8. *Корсажъ* и 9, 10—два прапорщика *Мацевичи*, виновные: первый въ начальствованіи вооруженною шайкою мятежниковъ и въ дѣйствіяхъ съ нею противъ войскъ, а прочіе—въ измѣнѣ государству, оставленіи мѣста службы и вступленіи въ ряды мятежниковъ, —разстрѣляны въ *Могилевѣ*.

10 июня. 11. *Юліанъ Лесневскій*, дворянинъ Люблинской губерніи, виновный въ распространеніи возмутительнаго манифеста и склоненіи крестьянъ къ бунту, разстрѣлянъ въ *Вильнѣ*.

15 июня. 12. *Сигизмундъ Страковскій*, исключенный изъ службы капитанъ генеральнаго штаба, виновный въ измѣнѣ и переходѣ къ мятежникамъ, которые, подъ его предводительствомъ, дѣйствовали противъ войскъ и мѣстныхъ властей, причемъ, по его распоряженію, были разграблены сельскія управленія, мірскія суммы и повѣшено нѣсколько должностныхъ лицъ земской полиціи—повѣшенъ въ *Вильно*.

10 июня. 13. *Адамъ Фальховскій*, ксендзъ Низолжскаго костела, Лидскаго уѣзда, виновный въ чтеніи народу въ костелѣ польскаго возмутительнаго манифеста и въ возбужденіи крестьянъ къ возстанію, разстрѣлянъ въ г. *Лидѣ*.

6 июня. 14. *Матвій Цюхна*, уроженецъ Гродненской губ. Сокольскаго уѣзда, виновный въ подговорѣ крестьянъ къ возстанію, распространеніи между ними брошюръ вреднаго содержанія и нелѣпыхъ слуховъ о дѣйствіяхъ правительства, разстрѣлянъ въ г. *Соколкѣ*.

27 июня. 15. *Млынскій*, отстав. шт.-ротмистръ за участіе въ мятежѣ, разстрѣлянъ въ г. *Новоалександровскѣ*.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ лицъ, высланныхъ изъ Царства Польскаго и Западнаго края, по политическимъ причинамъ, *подъ надзоръ полиціи, въ арестанскія роты гражданскаго вѣдомства и на водвореніе на казенныхъ земляхъ* по 1 іюля 1864 г.

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Подъ надзоръ полиціи.		Въ арестантскія роты.		На водвореніе.		Всего въ губерніяхъ.
	Царства Польскаго.	Западнаго края.	Царства Польскаго.	Западнаго края.	Царства Польскаго.	Западнаго края.	
Архангельская	77	25	483	»	»	»	585
Астраханская	»	8	»	»	552	1072	1632
Бакинская	»	1	»	»	»	1	2
Вологодская	23	20	280	1	»	113	437
Воронежская	47	36	3	»	»	»	86
Вятская	13	37	170	»	»	16	236
Екатеринославская	»	4	»	6	»	»	10
Казанская	70	61	69	»	»	»	200
Калужская	»	17	248	6	»	»	271
Костромская	36	74	119	5	»	6	240
Курляндская	1	»	»	»	»	»	1
Курская	1	3	231	31	»	»	266
Лифляндская	»	2	»	»	»	»	2
Нижегородская	42	8	168	»	»	»	218
Новгородская	45	32	»	»	»	16	93
Олонецкая	16	60	»	»	»	6	82
Оренбургская	107	226	»	»	452	864	1649
Орловская	1	4	303	20	»	»	328

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Подъ надзоръ полиціи.		Въ арестантскія роты.		На водвореніе.		Всего въ губерніяхъ.
	Царства Польскаго.	Западнаго края.	Царства Польскаго.	Западнаго края.	Царства Польскаго.	Западнаго края.	
Пензенская	73	84	18	»	»	3	178
Смоленская	»	2	21	»	»	»	23
Пермская	55	223	252	»	»	91	621
Полтавская	2	1	»	»	»	»	3
Псковская	»	1	»	»	»	»	1
Рязанская	1	4	148	16	»	»	169
Самарская	5	50	»	»	»	2025	2080
Саратовская	79	22	90	»	»	8	199
Симбирская	20	23	149	»	»	»	192
Тамбовская	3	29	»	»	»	10	42
Томская	5	20	»	»	638	1591	2254
Таврическая	»	3	»	10	»	»	13
Тобольская	2	28	»	»	»	93	123
Тульская	»	2	152	9	»	»	163
Херсонская	»	4	»	37	»	»	41
Ярославская	2	7	194	13	»	»	216
Бессарабская область	»	18	»	»	»	»	18
Тверская	»	»	310	»	»	»	310
Харьковская	»	»	»	34	»	»	34
	726	1139	3408	188	1642	5915	13018

Примѣчаніе 1. Нѣкоторые изъ отправленныхъ на водвореніе семействъ обозначены единицами, по неимѣнію свѣдѣній о числѣ лицъ, составляющихъ семейства.

Примѣчаніе 2. Кромѣ показаннаго числа, отправлено во Владимірѣ плѣнныхъ польскихъ мятежниковъ для преданія ихъ суду 3189.

За распредѣленіемъ же ихъ по приговорамъ комисіи 1663.

Во Владимірѣ осталось 1526

Примѣчаніе 3. Вновь назначено къ отправленію туда же высланныхъ изъ Царства Польскаго. 193

Примѣчаніе 4. Выслано въ Москву, для распредѣленія по распоряженію министерства 954

Примѣчаніе 5. Командующимъ войсками кievскаго военнаго округа отправлено въ г. Харьковъ на распоряженіе министерства 44

Итого 15735

Примѣчаніе 6. Сверхъ того, сосланныхъ по конфирмаціямъ кievскаго генераль-губернатора въ Сибирь. 845

Примѣчаніе 7. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ начальникомъ Тобольской губерніи, сосланныхъ въ Сибирь за политическія преступленія 1008

А всего 17588

На 1 августа 1864 г. цифра эта возросла до 21.119 чел., къ каковой надо прибавить еще до 5000 чел. ремесленниковъ и фабричныхъ нѣмцевъ, назначенныхъ къ отправленію въ Россію.

С В Ъ Д Ъ Н І Е

о числѣ конфирмацій по военно-суднымъ дѣламъ о польскихъ мятежникахъ въ Кievскомъ военномъ округѣ по 1-е іюля 1864 г.

Казнить смертію.	Въ каторжныя работы.	Въ арестантскія роты.	Въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ правъ.	На житье съ лишеніемъ правъ состоянія.	Выдержатъ въ крѣпостяхъ опредѣленные сроки.	Въ военную службу.	На водвореніе.	Подъ надзоръ полиціи.	Выслать за границу въ мѣста родины.	Отдано родственникамъ на поручительство.	Отправлено въ Харьковъ на распоряженіе министерства.
4	553	115	256	36	90	19	26	35	13	24	44

Всѣхъ конфирмацій 1215.

В Ъ Д О М О С Т Ь

о числѣ высланныхъ въ Сибирь изъ Царства Польскаго и Западнаго края за политическія преступленія по 1 мая 1864 г.

Въ какія губерніи высланы.	Въ каторжную ра- боту.	На поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.	На житье съ лишеніемъ всѣхъ осо- бленныхъ лично и по состоянію присвоен- ныхъ правъ и преим.	Сосланныхъ безъ лишенія правъ со- стоянія.	В С Е Г О .
Енисейскую	»	317	»	1	318
Иркутскую	419	41	1	»	461
Тобольскую	»	4	49	35	88
Томскую	»	»	59	8	67
Омскую крѣпость	3	»	»	»	3
И Т О Г О . .	422	362	109	44	937

Примѣчаніе 1. Изъ назначенныхъ въ каторжную работу 60 человекъ оставлены въ Тобольскѣ, по распоряженію генераль-губернатора Западной Сибири, впредь до полученія разрѣшенія о назначеніи мѣста работъ, 1 по болѣзни и 3 умерли въ Тобольскѣ.

Примѣчаніе 2. Изъ назначенныхъ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія 2 человека не распределены за болѣзнію, 1 оставленъ по той же причинѣ въ Екатеринбургѣ и 2 умерли.

Примѣчаніе 3. Кромѣ лицъ, сосланныхъ на житье съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, 2 человека не распределены за болѣзнію. А всего выслано въ Сибирь 1008 человекъ.

Остается прибавить еще сводку изъ «Списка политическими преступникамъ, лишеннымъ по суду правъ состоянія, имущества коихъ подлежатъ конфискаціи въ казну»:

По Виленской губ.	148
Гродненской	70
Ковенской	71
Минской	84

Витебской	43
Могилевской	42
и по губерніямъ, не входящимъ въ Виленскій округъ	26, а всего 484.

Всего въ имперіи состояло подъ надзоромъ полиціи: въ 1861 г. 8660 чел., 1862—9290, 1863—12.800. Выслано въ разныя губерніи изъ столицъ административно: 1861—41, 1862—47, 1863—124 чел. (Архивъ мин. вн. дѣлъ, сводка многихъ дѣлъ и всепод. отчетъ мин. вн. дѣлъ за 1861—1863 г. Въ III кн. «Рус. Старины» 1883 г. даны цифры, которыя также проливаютъ свѣтъ на этого рода статистику).

2180. Россіада.

IV.

Возстаніе въ Россіи.

Шель въ комнату—попалъ *въ другую*.
«Горе отв...

Россія представляетъ огромный политическій клубъ, губернскіе города—foyers ¹⁾, въ которыхъ отчаянные патріоты и вышедшіе изъ себя царіоты объявляютъ войну Европѣ и обѣщаютъ поддерживать тронъ противъ нѣсколькихъ *шаекъ* польскихъ повстанцевъ. Дворянскія собранія, градскія думы, сельскія управы, предводители, казаки, университеты, ямщики,—все населеніе поднимается мужественно за сильнаго противъ слабого и пишетъ адреса по валуевскимъ прописямъ. Это движеніе, распространяясь далѣе и далѣе, выходитъ изъ всѣхъ границъ ума, смысла, приличій, географическихъ предѣловъ и, какъ дальній, усталый раскатъ грома, оканчивается 54-мя подписями русскихъ путешественниковъ и четырьмя студентами, поддерживающими въ какомъ-то нѣмецкомъ захолустьѣ подписками тронъ, алтарь, Каткова и свою будущую карьеру...

За этимъ первымъ актомъ, какъ и слѣдовало ждать, *introduzione marziale* ²⁾ и, вмѣсто увертюры—«aux armes, citoyens!» ³⁾, обывательская стража, *garde nationale* ⁴⁾, чивика ⁵⁾, *akademische Freischärler-Legion* ⁶⁾.

¹⁾ Комнаты для прогулокъ въ антрактахъ (въ театрахъ, въ клубахъ).

²⁾ Военственное вступленіе.

³⁾ Къ оружію, граждане! (привѣтъ марсельезы).

⁴⁾ Національная гвардія.

⁵⁾ *Guardia civica*—названіе національной гвардіи въ Италіи.

⁶⁾ Академическій легіонъ добровольцевъ.

Все такъ совершенно въ порядкѣ, и мы снова свѣтло смотримъ въ будущее.

Переменчивы времена, а съ ними и душа человѣческая. Кому не приснопамятны строгія поученія «Дня» студентамъ за цвѣты, брошенные на могилу Грановскаго, за ихъ вмѣшательство въ ихъ собственныя дѣла, за оппозицію матрикуламъ и пр. Строгъ былъ «День» въ дни бѣдствій и полицейскаго избіенія студентовъ; онъ хотѣлъ, чтобъ студенты, какъ институтки въ Смольномъ монастырѣ или арестанты въ Шпильбергѣ, жили внѣ общественныхъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ, внѣ участія въ нихъ. И вдругъ съ неизреченнымъ удовольствіемъ мы читаемъ въ «Днѣ»: «До насъ дошелъ слухъ вполнѣ достовѣрный, что многіе, очень многіе студенты московскаго университета, возмущенные оскорбительными надеждами, возлагаемыми врагами Россіи на русское молодое поколѣніе, хотятъ заявить открытымъ протестомъ, что никогда, ни въ какомъ случаѣ не отдѣлятся они отъ русскаго народа, что его дѣло—ихъ дѣло, его знамя—ихъ знамя, что въ случаѣ опасности они вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ стануть за единство, цѣлость и честь русской земли. Мы отъ всей души привѣтствуемъ такую мысль московскихъ студентовъ. Пора, давно пора обличить словомъ и дѣломъ наглую и дерзкую ложь публицистовъ, которые посѣяли столько подозрѣній и раздора въ русскомъ обществѣ и разъединили русскую учащуюся молодежь съ русскимъ народомъ. Пора, давно пора освободиться изъ подъ нравственнаго гнета того фальшиваго демократизма, который именемъ народа учить измѣнять родной землѣ и обманывать русское крестьянство! Пусть же возвратятъ себѣ русскіе студенты довѣренность русскаго народа... Редакція «Дня», съ своей стороны, готова всѣми способами содѣйствовать осуществленію этой прекрасной мысли. Такой примѣръ московскаго университета могущественно подѣйствуетъ на прочіе университеты, на все наше молодое учащееся поколѣніе».

По дѣлу преданности.

Шведскій журналъ '«Allchanda» подробно рассказываетъ отеческія усилія Рокасовскаго ¹⁾, чтобъ поддѣть на адресъ гражданъ Гельсингфорса. Чего и чего онъ имъ не обѣщалъ: и государеву любовь, и свою дружбу, и собраніе діэты ²⁾ осенью и всякія пестербургскія блага и московскія льготы,—даже слово *адресъ* было ловко избѣгнуто; но финляндцы никакъ не могутъ почувствовать остзейскаго жара къ всероссійскому престолу, ни возбудить въ себѣ курляндской любви къ нашему отечеству.

¹⁾ Бар. Платонъ Ивановичъ, финляндскій ген.-губернаторъ.

²⁾ Сейма.

А хотѣлось адресца отъ финскихъ скаль! «Allchanda» вотъ какъ повѣствуетъ о причинѣ особеннаго вниманія къ финнамъ: Непирь ¹⁾ въ разговорѣ съ Горчаковымъ говорилъ о томъ, что въ настоящемъ положеніи Россіи не легко будетъ противостоять внѣшней войнѣ. На это Горчаковъ отвѣчалъ, указывая на адреса. Непирь замѣтилъ, между прочимъ, что адресовъ изъ Финляндіи еще нѣтъ. «Это ничего не значитъ: черезъ двѣ недѣли вы увидите всю Финляндію у ногъ государя...» День Троицынъ проходитъ,—Мальбука нѣтъ, какъ нѣтъ!

По дѣлу зажигаемыхъ.

У насъ есть *слѣдь слѣда*, чтобы добраться до знаменитыхъ зажигаемыхъ-революціонеровъ, которыхъ ищутъ съ того памятнаго времени, когда на алтарѣ отечественнаго якобинства сгорѣлъ Щукинъ дворъ. Сколько разъ мы ни спрашивали, чѣмъ кончилось дѣло, рыбье молчаніе всѣхъ русскихъ журналовъ краснорѣчиво говорило, что комиссія ничего не нашла, кромѣ нѣсколькихъ сотъ арестантовъ, подозрѣваемыхъ, что они начитались Бюхнера до зажигаемыхъ. Въ правительствѣ составились три партіи. Князь Суворовъ и всѣ *честные* люди съ нимъ хотѣли обнародовать, что въ зажигаемыхъ не открыто никакого участія политическихъ партій; Валуевъ и всѣ *ловкіе* люди съ нимъ нашли, что такихъ печальныхъ фактовъ обнародовать не слѣдуетъ и что лучше, на всякій случай, оставить молодую Россію въ подозрѣніи, что для нея нѣтъ ничего святого, ни даже Щукина двора; третья партія, самая радикальная, идетъ далѣе, ставитъ все *на карту*,—ее въ правительствѣ представляетъ Н. Ф. Павловъ. Эта партія *гнетъ* отъ намека къ положительному обвиненію,—средство отчаянное, безкозырное, но которое удастся, какъ это знаетъ переводчикъ «Отелло» по роли честнаго Яго ²⁾.

Чтобы помочь правительству и III Отдѣленію, мы обращаемъ вниманіе на два факта, которые могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на то, что зажигаемые принадлежатъ больше *отцамъ*, чѣмъ *дѣтямъ*, и что ихъ надобно искать не столько въ молодой Россіи, сколько въ адресъ-календарѣ. Въ гельсингфорскомъ театрѣ представлялись живыя картины, публика аплодировала шведскому знамени. Услышавъ объ этомъ, Рокасовскій отправился самъ въ

¹⁾ Великобританскій посоль въ СПб.

²⁾ «Бунты могутъ быть вездѣ, но бунтъ—еще не революція. Поэтому ее устроить у насъ нѣтъ никакого средства. Вотъ поджечь домъ, кого-нибудь исподтишка зарѣзать, это — дѣло осуществимое. За этимъ *никогда не улядишь*» («Н. В.»). Каково извиненіе должностнаго и сильно озабоченнаго *наблюдателя!* А. И. Г. ³⁾

³⁾ Павловъ переводилъ Шекспира; онъ же былъ большимъ картежникомъ, на что и есть намеки въ послѣднихъ строкахъ.

слѣдующее представленіе. При немъ повторилась та же исторія. Рокасовскій горячо принялъ дѣло къ сердцу и говорить директору: «нельзя ли упразднить знамя?», а директоръ говорить:—«нельзя, публика ждетъ», и Рокасовскій отвѣчаетъ: «какъ, дескать, хотите». А тутъ, какъ нарочно, наканунѣ *театръ возьми да и сгори*. Полиція выбилась изъ силъ—ищетъ, ищетъ, нѣтъ виновныхъ... Ужъ не тѣ ли это, что Щукинъ дворъ-то подожгли?

Второй намекъ очень тонкій. Приготовляя умы къ непредвидѣннымъ пожарамъ и предупреждая слухи о *поджогахъ* какой-то полицейской типографіи, вотъ какой приказъ отдалъ московскій оберъ-полицмейстеръ *мая 7 дня 1863, № 82*:

«1446 статью улож. о наказ. уголов. и исправ. воспрещается курить табакъ въ конюшнѣ, на сѣновалѣ, чердакѣ или въ кладовой, гдѣ хранятся удобовоспламеняющіяся вещества, а также не дозволяется курить и на улицѣ. Нынѣ замѣчено мною, что на улицахъ и въ городѣ являются лица, курящія сигары и папиросы, въ явное нарушеніе сказаннаго закона. Предписываю по полициі имѣть наблюденіе, чтобы никто не курилъ на улицахъ и вездѣ, гдѣ это воспрещается».

Вслѣдъ затѣмъ, чтобъ и *водѣ* не было обидно, онъ приказалъ *.8 мая 1863, № 124*:

«Предписываю имѣть строгое наблюденіе, чтобы въ рѣкахъ, протекающихъ въ городѣ, отнюдь никто не купался съ барокъ и вообще на открытыхъ мѣстахъ.

«Подписалъ свиты его величества генераль-маіоръ *Графъ Крейцъ*».

Oh, der Kreuz—gute Mann! ¹⁾

---

²⁾ Что мало компетентнѣе судей этого дѣла, какъ Анненковъ 2-й, въ этомъ согласятся всѣ, занимавшіеся отбиваніемъ отъ мятежниковъ ихъ имущества. Онъ первый постановилъ прекрасный примѣръ, не пощадивъ своего племянника, сосланнаго по 14 декабря ³⁾: воспользовался его имѣніемъ и не возвратилъ его послѣ его возвращенія. Такъ какъ добыча эта была добыта безъ казаковъ и крестьянъ, то Анненковъ и не дѣлился ни съ кѣмъ.

¹⁾ О, этотъ прекраснѣйшій человѣкъ! Правильнѣе, однако, было бы: kreuzbraver; каламбуръ: Крейцъ—фамилія оберъ-полицмейстера; kreuzbrav—честнѣйшій.

²⁾ Приведенъ обширный приказъ по войскамъ кіевскаго военного округа ген.-адъют. Николая Николаевича Анненкова 2-го о порядкѣ «конфискаціи» лошадей и пр. имущества инсургентовъ.

³⁾ Иванъ Александровичъ Анненковъ.

2181. <День> и <Колоколъ>.

Наконецъ, пришелъ и для «Колокола» *черный день*. Какой-то неумолимый г. Касьяновъ¹⁾, проживающій въ Парижѣ, разгромилъ всѣхъ русскихъ, не пощадилъ даже русской дѣвицы Б., дочери заволжскихъ степей съ луговой стороны матушки Волги, которая говорила «*en ben*» вмѣсто «*en bien*»²⁾,—дошелъ, наконецъ, и до насъ грѣшныхъ.

Помѣщаемъ отрывки изъ его обвиненій и сѣтованія:

«Никакими нравственными побужденіями не можетъ быть оправданъ союзъ съ врагами родной страны, ничто въ мірѣ не можетъ извинить призывъ иноземной рати на родную землю! Развѣ не измѣнникомъ Русскому народу является теперь Бакунинъ, предводительствующій Польскимъ отрядомъ, или шайкою *всякаго сброда мастеровъ, подмастерьевъ и работниковъ революціи, охотниковъ до крови* и до разрѣшенія всякихъ задачъ грубою силою вооруженнаго кулака? Вы, конечно, знаете, что эта экспедиція не достигла своего назначенія и вмѣсто Либавы попала въ Швецію... Стоить ли обращать вниманіе на такія противорѣчія!... *Положительно* извѣстно, что Бакунинъ въ Швеціи *торжественно* общается Шведамъ, отъ имени Россіи (!), Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ прибавку нѣсколькихъ Русскихъ губерній. Москву, кажется, не отдаетъ,—ну и за это спасибо!

«Что это такое? развѣ не измѣна? Вы скажете—сумасшествіе. Но если и такъ, то это сумасшествіе такого злаго качества, что человѣкъ, нравственно способный впасть въ подобное сумасшествіе, уже тѣмъ самымъ преступенъ, преступенъ этою своею способностью! Вѣрьте мнѣ,—лжетъ онъ, — ни любви, ни уваженія къ народу нѣтъ въ томъ человѣкѣ, который вноситъ мечъ и огонь къ народу въ домъ и, самозванно величаясь представителемъ народа, навязываетъ ему силу, втѣсняетъ въ него своими и чужими кулаками—благо свободы своей личной выдумки и приготовленія! А то, что затѣяно Бакунинымъ—развѣ это не та же вбиваемая, всаживаемая пулями, *встаемая* свобода?!..

«Неужели, въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ рассказывали, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ есть молодые люди, которые, и послѣ этихъ поступковъ Бакунина, продолжаютъ еще благоговѣть предъ его авторитетомъ и считать его дѣло честнымъ и благороднымъ? Не вѣрю. Для этого были бы нужны два условія: или прогнать нравственно насквозь, или имѣть въ головѣ, вмѣсто человеческого, мозгъ цыплячій,—а всего этого въ нашей молѣдежи я предполагать не хочу и не смѣю.

1) Псевдонимъ И. С. Аксакова, бывшаго въ Парижѣ.

2) Итакъ; ну, и прекрасно.

«Но кого мнѣ искренно жаль,—такъ это Герцена. Вы знаете рѣзкую противоположность нашихъ основныхъ воззрѣній, вы знаете, какъ я смотрю на «Колоколъ»,—но тѣмъ не менѣе я многое прощаль этому человѣку ради высокой искренности его убѣжденій и всегдашней готовности отречься отъ своего взгляда, если онъ убѣждался въ его ошибочности. *Мнѣ случилось его видѣть вскорѣ послѣ Восточной войны*, и онъ рассказывалъ мнѣ, какой мучительный годъ онъ прожилъ одинъ въ Англии, вдали отъ Россіи—осажденный со всѣхъ сторонъ сильнѣйшимъ непріателемъ, съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ брался онъ каждое утро за газеты, боясь прочесть въ нихъ извѣстіе о взятіи Севастополя, какъ гордился его мужественной обороной. Когда я упрекалъ его за вредное вліяніе на Русскую молодежь, въ которой его сочиненія развиваютъ кровожадные революціонные инстинкты, и указалъ ему на одну фразу его статьи въ «Полярной Звѣздѣ», Герценъ оправдывался съ жѣромъ, отклонялъ отъ себя упрекъ въ кровожадности, старался дать иное толкованіе своей фразѣ, и положительно увѣрялъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ воззваніяхъ къ раскольникамъ, незадолго передъ тѣмъ перехваченныхъ въ Россіи.

•И теперь этотъ человѣкъ—*въ союзѣ* съ деспотической Франціей, съ противнымъ ему Бонапартомъ, съ аристократической Англией, съ политическими изгнанниками всѣхъ странъ (о которыхъ—собственно о Французахъ—онъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, понятнымъ только Русской душѣ, ненавистницѣ лжи и фразы), *въ союзѣ* съ Поляками—проповѣдующими не возстановленіе Польши, а порабощеніе Русской народности въ Западномъ краѣ и уничтоженіе Русскаго народа,—съ Поляками, не признающими за нами никакихъ правъ на политическое бытіе и провозгласившими (въ прокламаціи, *изданной тамъ, у Бакунина, въ Швеціи*), что Польша должна быть возстановлена въ предѣлахъ 1772 года! И Герценъ въ союзѣ съ ними! И не только онъ въ союзѣ съ врагами Русской земли,—онъ содѣйствуетъ имъ совѣтомъ и указаніемъ, онъ, какъ сторонникъ ихъ, радуется успѣхамъ Польскихъ шаекъ, т.-е. побіенію Русскихъ, празднуетъ вмѣстѣ съ ними *Варооломеевскую ночь Польши, гдѣ нѣсколько тысячъ Русскихъ людей были умерщвлены самымъ предательскимъ образомъ*... Конечно, Герценъ не дѣйствуетъ за одно съ Бакунинимъ, и, вѣроятно, не рѣшится, какъ онъ, навести ружейное дуло на Русскаго солдата, но онъ солидаренъ съ Бакунинимъ, онъ не отрекся отъ него, и Русская кровь, которою вскорѣ обогрится, а можетъ быть уже и обогрился Бакунинъ, забрызжетъ и Герцена! Отъ Бакунина мы ничего другаго и не ждали, и не уважали его никогда нисколько,—но отъ Герцена мы не могли этого ожидать и—ждемъ... Да, ждемъ раскаянія. Не можетъ же быть, чтобы Герценъ не понималъ соціальныхъ и историческихъ требованій Русскаго народа. Онъ не такъ уже ослѣплъ, чтобъ не ви-

дѣть, что Русскій народъ не потерпитъ ничего чужаго вмѣшательства, а тѣмъ менѣе вооруженнаго, что Русскій народъ встанетъ весь, какъ одинъ человѣкъ, за Русское государство, за того, кого считаетъ своимъ представителемъ, кому вручилъ оберегательство чести народной и государственной... Стало-быть, и Бакунину и Герцену пришлось бы имѣть дѣло не съ правительствомъ и не съ войскомъ только, а со всею Русскою землею, со всѣмъ Русскимъ народомъ. Народъ не поддастся ласкательствамъ непрошенныхъ и неуполномоченныхъ попочителей о его благѣ, которые захотятъ отдѣлать народное дѣло отъ государственнаго и предложить ему чужестранную помощь противъ Русскаго же правительства! Если и имѣются у народа какіе-нибудь свои порядки, то не путемъ крови, не насиліемъ желаетъ народъ отстранить ихъ... Неужели Герценъ забылъ Русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай? Неужели Герценъ сумѣлъ заглушить въ себѣ то Русское народное чувство, которое заставляетъ забыть всѣ раздоры, всѣ неудовольствія, всѣ споры—въ виду внѣшней опасности, грозящей всему государству?

«Не только бездну роетъ Герценъ между собой и Русскимъ народомъ, не только отлучаетъ онъ себя на вѣки отъ родной земли, но если онъ не прекратитъ своего образа дѣйствій, если его возбужденіями прольется хоть одна лишняя капля Русской крови,—кровь Русскаго народа, вмѣстѣ съ народнымъ проклятіемъ, падетъ ему на голову. И одна ли лишняя капля! Цѣлыя рѣки крови могутъ потечь—благодаря воззваніямъ, фальшивымъ манифестамъ и всякимъ соблазнамъ, разставленнымъ совѣсти безбородыхъ увлекающихся юношей! Руки ли по локоть въ Русской крови, въ крови Русскаго народа, протянетъ онъ братски къ Русскому народу?!

«Но знаете? Вы назовете меня сумасбродомъ, поэтому, но мнѣ все сдается, что Герценъ не вынесетъ этого противорѣчія, что ему не удастся заглушить свою Русскую совѣсть, и что когда-нибудь, въ одно прекрасное утро, онъ поступитъ совершенно по-Русски. Кто знакомъ съ психологической стороной Русской уголовщины, читалъ уголовныя дѣла и изучалъ Русскихъ преступниковъ изъ народа, тотъ хранить въ памяти своей множество случаевъ,—какъ иной преступникъ-бродяга, въ самомъ раздолбѣ грабежа и разбоя, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вмѣсто того, чтобы идти направо, по проторенной дорожкѣ въ кабакъ, беретъ сплѣво—въ земскій судъ, объявляетъ о себѣ и своемъ преступленіи, отдается суду и несетъ наказаніе!... Стоскуется Русскій человѣкъ по правдѣ, надоѣстъ ему ложь, опротивѣетъ зло,—и возстановляетъ онъ правду—наказаніемъ и искупленіемъ! Что-нибудь подобное, вѣрьте мнѣ, случится и съ Герценомъ. Теперь, можетъ-быть, онъ еще будетъ потѣшаться надъ моими словами (а еще болѣе станутъ глумиться надъ ними ваши Петербургскіе весельчаки),—но какъ бы ни смѣялся Герценъ, а слова мои врѣжутся въ его память... Пусть бы только пересталъ онъ губить нашу не-

счастную Русскую молодежь, пусть бы внушалъ онъ ей истинное уваженіе къ народу, а не деспотизмъ демократовъ, считающихъ себя въ правѣ издѣваться надъ невѣжествомъ народа обманами и подлогами! Фальшивые манифесты... Какая подлость, какое ругательство надъ народомъ! Этотъ обманъ, этотъ подлогъ, развѣ это не такой же деспотизмъ, не эксплуатація грамотнаго надъ неграмотнымъ, зрячаго надъ слѣпымъ, образованнаго надъ необразованнымъ?!»

Листъ этого «Дня» дошелъ до насъ поздно; мы будемъ не-премѣнно отвѣчать г. Касьянову въ одномъ изъ слѣдующихъ «Колоколовъ», но намъ казалось необходимымъ просить издателя «Дня» помѣстить въ своемъ почтенномъ журналѣ слѣдующее письмо, посланное ему по почтѣ 11 іюня:

«М. Г. Въ 19 № «Дня» вы напечатали письмо г. Касьянова, который меня знаетъ, но котораго я вовсе не знаю¹⁾. Г. Касьяновъ, вѣроятно, безъ большихъ слезъ оплакиваетъ меня и, можетъ, безъ дурнаго намѣренія клевететь на Бакунина. Отвѣтъ мой впереди,—имъ я не буду беспокоить вашъ «День», но позвольте мнѣ вступить за отсутствующаго и просить васъ о помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ журналѣ.

«Напечатать ихъ вы можете. Я увѣренъ, что вы не рѣшились бы воспользоваться начальническимъ разрѣшеніемъ обвинять насъ, не испросивъ дозволенія напечатать отвѣтъ. Сверхъ того, зная скромные размѣры отечественной цензуры, я сокращусь до невозможности.

«Бакунинъ никогда не предводительствовалъ никакимъ польскимъ отрядомъ и не имѣлъ намѣренія предводительствовать. Его поѣздка имѣла совсѣмъ другую цѣль. Я не слыхалъ (а, кажется, могъ бы) ни о какомъ участіи его въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр.

«Положительно извѣстно», говоритъ г. Касьяновъ, «что Бакунинъ въ Швеціи торжественно обѣщаетъ шведамъ отъ имени Россіи» (вы сами не вытерпѣли и поставили тутъ два восклицательныхъ знака) «Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ—прибавку нѣсколькихъ русскихъ губерній. Что это такое», продолжаетъ г. Касьяновъ,—«развѣ не измѣна?».

«Нѣтъ, гораздо проще, это—неправда.

«Позвольте, почтенный сотоварищъ, надѣяться, что вы не откажете въ просьбѣ уважающаго Васъ изд. «Колокола».

Orsett House, Westbourne terrace.

10 іюня 1863.

1) Конечно, Герценъ зналъ, что статья написана Аксаковымъ.

2182. Волжскій манифестъ и Россія въ осажденномъ положеніи.

Вотъ текстъ манифеста, разосланнаго по деревнямъ на берегахъ Волги. Мы его беремъ съ печатнаго экземпляра.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподаннымъ.

Въ постоянной заботливости НАШЕЙ о благѣ всѣхъ вѣрноподанныхъ НАШИХЪ, МЫ, Указомъ въ 19 день Февраля 1861 года, признали за благо отмѣнить крѣпостное право надъ сельскимъ сословіемъ Богомъ ввѣренной НАМЪ Россіи.

Уступая просьбамъ помѣщиковъ, МЫ какъ ни тяжело было НАШЕМУ Монаршему сердцу, повелѣли однако всѣмъ временно — обязаннымъ крестьянамъ оставаться въ теченіи двухъ лѣтняго срока, т. е. до 19 Февраля настоящаго 1863 года, въ полной подчиненности у ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

Нынѣ, призвавъ Всемогущаго на помощь, настоящимъ Манифестомъ объявляемъ полную свободу всѣмъ вѣрноподаннымъ НАШИМЪ, къ какому бы званію и состоянію они не принадлежали. Отнынѣ свобода вѣры и выполненіе обрядовъ ея церкви составитъ достояніе всякаго.

Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крѣпостнымъ такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю, безъ всякой за оную плату какъ помѣщикамъ такъ и Государству, въ полное — неотъемлемое и потомственное ихъ владѣніе.

Полагаясь на вѣрность народа НАШЕГО и признавъ за благо для облегченія края упразднить армію НАШУ, МЫ, отнынѣ впредь и навсегда, освобождаемъ НАШИХЪ любезныхъ вѣрноподанныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ. Затѣмъ, солдатамъ арміи НАШЕЙ повелѣваемъ возвратиться на мѣсто ихъ родины.

Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной арміи, съ дня изданія сего Манифеста, отмѣняется. — Всѣмъ солдатамъ возвращающимся изъ службы, также всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣща-

намъ, повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣль земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи НАШЕЙ.

Въ каждой волости, равно въ городѣ, избираетъ четырехъ пользующихся его довѣріемъ челоувѣкъ, которые, собравшись въ уѣздномъ городѣ, изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти. Четыре депутата отъ каждаго уѣзда, собравшись въ губернской городѣ, изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, составятъ Государственный Совѣтъ, который съ НАШЕЮ помощью будетъ управлять всюю Русскою землею.

Такова Монаршая воля НАША!

Всякій объявляющій противное и неисполняющій сей Монаршей воли НАШЕЙ, есть врагъ НАШЪ. Уповаемъ, что преданность народа оградитъ престолъ НАШЪ отъ покушеній злонамѣренныхъ людей, неоправдавшихъ НАШЕ Монаршее довѣріе.

Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ НАШИМЪ вѣрить одному НАШЕМУ Монаршему слову. Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, если генералы, губернаторы, посредники, осмѣлятся силою воспротивляться сему Манифесту, да возстанетъ всякій для защиты даруемой МНОЮ свободы и, нещадя живота, выступить на брань со всѣми держащими противиться сей волѣ НАШЕЙ.

Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ начинанія НАШИ!
«Съ Нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ Нами Богъ!»

Данъ въ Москвѣ, въ тридцать первый день Марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восьмсотъ шестьдесятъ третее, Царствованія же НАШЕГО въ девятое.

На подлинномъ Собственною
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕ-
ЛИЧЕСТВА рукою подписано:

Печатанъ въ Санктпетер-
бургѣ при Правительству-
ющемъ Сенатѣ.

«АЛЕКСАНДРЪ»

Велика отвѣтственность, которую берутъ на себя авторы такого рода воззваній. Путь этотъ опасенъ: народъ перестанетъ вѣрить печатному слову.

Мы увѣрены, что общество «Земля и Воля», принимающее за правило устранять отдѣльныя попытки, не имѣетъ никакого участія въ составленіи этого манифеста. Мы не сомнѣваемся, что это воззваніе сдѣлано людьми благородными, но не сообразившими, между прочимъ, и того, что они въ немъ поддерживаютъ старую несчастную мысль, что царь хочетъ дать настоящую волю, только ему все кто-то мѣшаетъ, въ то время, когда ясно, что не только другіе мѣшаютъ царю, но онъ самъ себя мѣшаетъ, потому что онъ самъ настоящей воли дать не хочетъ.

Если этотъ манифестъ изданъ особымъ кружкомъ, то нельзя не посовѣтовать ему и всѣмъ другимъ присоединиться къ главному обществу и дѣйствовать тогда съ единствомъ плана.

Хорошо и правительство, которое за распространіе какаго-то листка, *не имѣвшего никакого дѣйствія*, отдало всю Россію и всѣхъ русскихъ производу губернскихъ начальствъ, т.-е. дикихъ губернаторовъ въ родѣ пермскаго Лашкарева. «Подобныя преступленія не должны оставаться безнаказанными, хотя бы цѣль, къ которой они направились, и была для нихъ недостижимой. Губернскимъ начальствамъ вмѣнено въ обязанность, по высочайшему повелѣнію, предавать распространителей лжеманифеста и *другихъ* возмутительныхъ воззваній военному суду *на тѣхъ основаніяхъ*¹⁾, на которыхъ въ прошедшемъ году повелѣно было производить военно-судныя дѣла о поджигателяхъ». ¹

◆◆ 1. 2 мая управляющій III Отдѣленіемъ ген. Потаповъ, а 7-го министръ вн. дѣлъ разослали секретные печатные циркуляры о яблуденіи за нераспространеніемъ этого манифеста (свѣреннаго мною по подлиннику). Валуевъ просилъ губернаторовъ «соблюдать въ этомъ дѣлѣ крайнюю осторожность при всѣхъ предупредительныхъ распоряженіяхъ». «Принимаемая вами мѣры наблюденія и развѣдыванія не должны подвергаться никакой огласкѣ. Никакого циркуляра въ губерніи издавать по сему предмету не слѣдуетъ и вообще надлежитъ по возможности избѣгать о томъ переписки. Слухи о принимаемыхъ противъ ложнаго манифеста предосторожностяхъ, если они распространятся повсемѣстно, могли бы возбудить въ народѣ предположеніе, что манифестъ дѣйствительно существуетъ, и притомъ не подложный, но что его скрываютъ. Въ случаѣ же, если онъ гдѣ-либо появится, надлежитъ особенно указывать на обличающую его подложность форму его распространенія, ибо манифесты читаются въ церквахъ и объявляются всенародно, а не проникаютъ въ народъ тайно, помимо установленныхъ властей» (Архивъ мин. вн. дѣлъ 1862 г., дѣло канц. № 102).

Баронъ А. И. Дельвигъ рассказываетъ, что ему самому пришлось распечатать въ Нижнемъ-Новгородѣ чемоданъ, во-время не принятый никѣмъ со станціи; тамъ оказалось болѣе 1.000 экземпляровъ «манифеста» и прокламацій отъ 31 марта временнаго народнаго правленія «Земля и Воля», озаглавленныхъ «Свобода вѣроисповѣданія» («Мои воспоминанія», III, 262).

Подложный манифестъ былъ сочтенъ однимъ изъ актовъ «казанскаго дѣла», которое до сихъ поръ окружено не столько

¹⁾ То-есть самымъ неосновательнымъ образомъ разстрѣливать, какъ два года тому назадъ разстрѣляли несчастнаго еврея въ Одессѣ.

тайной, сколько сумбуромъ сообщеннаго въ литературѣ. Какъ я уже и упоминалъ, Пантелѣвъ категорически отрицаетъ прикосновенность къ казанскому дѣлу «Земли и Воли». «Попытка распространить на Волгѣ ложный манифестъ и тѣмъ поднять крестьянское возстаніе была устроена поляками совершенно самостоятельно, не только безъ малѣйшаго участія комитета «З. и В.», но даже и въ секретѣ отъ него. Когда казанское дѣло огласилось, я, по порученію комитета, заявилъ Коссовскому протестъ, что о такомъ важномъ предпріятіи, къ тому же внутри Россіи, русскій комитетъ не былъ даже запрошенъ. Коссовскій отвѣчалъ: «Поляки ведутъ войну и считаютъ себя въ правѣ предпринимать самостоятельно тѣ или другія дѣйствія вездѣ, гдѣ это найдутъ полезнымъ для своего дѣла» (стр. 304—305).

Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «Поляки старались привлечь къ этому дѣлу русскую молодежь, ссылаясь на то, что оно идетъ отъ «Земли и Воли», но лица, къ которымъ они обращались, хотя до извѣстной степени сами принадлежали къ «З. и В.», отвѣтили, однако, отказомъ; они легко сообразили, что въ дѣлѣ такой исключительной важности должны были имѣть сообщеніе о немъ непосредственно отъ комитета; къ тому же и по существу предпріятіе не вызвало въ нихъ сочувствія» (стр. 306—307). Ив. М. Красноперовъ, помѣстившій отрывки своихъ воспоминаній въ «В. Европы» (1905 г., XII), «Минув. Годяхъ» (1908 г., XII) и «Мірѣ Божьемъ» (1896, IX и X), ничего сколько-нибудь важнаго о самой сути не сказалъ, а приведенныя «беллетристическія» мелочи перемѣшалъ съ небылицами и иногда не выдерживающими хронологическаго анализа измышленіями. Онъ просто ничего не зналъ, какъ и Пантелѣвъ, но, какъ водится, просидѣвъ въ тюрьмѣ, считалъ себя въ правѣ на повѣствованіе вокругъ да около. А. Ершовъ впервые ознакомилъ общество съ казанскимъ дѣломъ, («Голосъ Минувшаго» 1913, VI, VII) по документамъ и дѣламъ, найденнымъ въ Казани, но не могъ разобраться въ самой сути, благодаря отсутствію въ своемъ распоряженіи необходимаго матеріала.

Казанское дѣло состояло, собственно, не столько изъ дѣла, сколько изъ различныхъ къ нему приготовленій. Съ одной стороны, надо было агитировать среди поволжскаго крестьянства, съ другой—среди мѣстныхъ гарнизонныхъ, очень ослабленныхъ сосредоточеніемъ арміи на западѣ нашей территории, съ третьей—подготовить мѣстную революціонную среду фактическихъ работниковъ предполагавшагося солдатско-крестьянскаго возстанія. Въ свою очередь, послѣднее имѣло цѣлью отнюдь не какую-нибудь новую продолжительную пугачевщину или разиновщину, а только временное отвлеченіе воинскихъ командъ къ востоку, ослабленіе натиска въ Ц. Польскомъ и пораженіе, благодаря этому, въ нѣсколькихъ мѣстахъ не очень стойкихъ царскихъ войскъ, что морально могло бы имѣть важныя послѣдствія, особенно принимая во вниманіе надежды поляковъ на Остзейскій край Швецію и Финляндію.

Въ первомъ направленіи было рѣшено выпустить подложный манифестъ и прокламаціи, приче́мъ понятно, что на манифестѣ, ради полной иллюзіи его подлинности, не должно было быть и слѣдовъ какого бы то ни было тайнаго общества. Онъ былъ напечатанъ поляками въ Фридрихсгамѣ наборомъ со шрифта, украденнаго изъ сенатской типографіи наборщикомъ Людвигомъ Кіевскимъ, еще въ концѣ 1862 г. и тогда тихо оставившимъ типографію, а потомъ Петербургъ; никто даже и не вспомнилъ о немъ. Печата́ла типографія К. Эдлера, въ количествѣ 42000 экз., пока не замѣтила, что норвежское правительство какимъ-то способомъ поставлено объ этомъ въ извѣстность. Немедленно печатаніе было пріостановлено, готовое вывезено на пароходѣ въ Финляндію, а типографія подожжена; владѣлецъ скрылся. Все кануло въ воду. Кіевскій умеръ въ 1867 г. въ Калишѣ, куда прибылъ въ 1864 г. совершенно внѣ всякихъ подозрѣній. Все это было дѣломъ рукъ польскаго Временнаго Народнаго Правительства, даже и не вступавшаго ни съ кѣмъ изъ русскихъ революціонеровъ въ какія бы то ни было сношенія по этому поводу. Кто же составилъ самый текстъ, вовсе не обнаруживающій никакихъ полонизмовъ? Юлій Бензенгеръ, о которомъ мнѣ еще придется говорить особо. Кто его просилъ объ этомъ? Пріятель Г. П. Гофштетера Николай Семеновичъ Скрыдловъ, родственникъ Сигизмунда Падлевскаго по матери. Выправленный имъ текстъ Бензенгера былъ переданъ въ полное распоряженіе Падлевскаго.

Вотъ какъ представляется происхожденіе манифеста по запискѣ, составленной для меня Гофштетеромъ въ 1897 году.

Разумѣется, крестьянство получало и другія подпольныя изданія, съ которыми читатель ознакомленъ уже раньше.

Въ направленіи пропаганды въ войскахъ внутреннихъ гарнизоновъ работа велась, какъ я уже указывалъ, еще прежде, продолжалась и въ 1863 г. какъ «Землей и Волей», такъ и другими, напр., Огаревымъ, солдатская прокламація котораго была уже приведена.

Подготовка мѣстныхъ кадровъ революціонныхъ работниковъ шла съ двухъ сторонъ: отъ «З. и В.» и отъ польской революціонной организаціи. «Земля и Воля» имѣла въ Казани дѣятельный комитетъ, изъ членовъ котораго привлеченъ былъ къ дѣлу лишь тотъ Михайловъ, о которомъ всезнающій «землеволецъ» замѣтилъ только: «въ информации по этому дѣлу упоминается офицеръ Михайловъ за недонесеніе» (Пантелѣевъ, стр. 307). Всѣ остальные ловко избѣгли какой бы то ни было внимательности со стороны власти и продолжали свою работу до конца 1863 г., но уже въ направленіи, близкомъ къ задачамъ особаго отряда, чтобы скрыть всѣ слѣды «З. и В.» отъ слѣдственной комиссіи и пріѣхавшаго на Поволожье Тимашева, въ чемъ вполне и успѣли. Не даромъ Герценъ въ письмѣ № 2099 похвально аттестовалъ казанскій комитетъ, зная о немъ прежде всего отъ Слѣпцова.

«Не помню,—пишетъ Слѣпцовъ,—кто именно изъ казанцевъ досталъ древній уставъ иллюминатовъ, составленный Вейсгауптомъ, и по его основамъ предложилъ провести мѣстную организацію «З. и В.». Сдѣлано это было, насколько удерживаю въ памяти, изъ опасенія проваловъ подъ вліяніемъ начавшейся въ обществѣ реакціи, а съ другой стороны, — въ виду ужасной пестроты мѣстнаго студенчества, которая всегда была особенно замѣтной именно въ казанскомъ университетѣ. Основа Вейсгаупта состояла въ продолжительномъ срокѣ испытанія желавшихъ вступить въ общество и постепенномъ введеніи ихъ въ кругъ идей и дѣлъ союза. Казанское дѣло, какъ таковое, было дѣломъ рукъ именно еще испытываемыхъ, что надо твердо помнить прежде, чѣмъ осуждать дѣятельность комитета».

Офицеръ Михаилъ Андреевичъ Чернякъ былъ однимъ изъ членовъ комитета, который онъ оставилъ въ моментъ расхожденія съ нимъ въ ближайшихъ задачахъ. Казанскій комитетъ, опираясь на постановленіе Центральнаго, не одобрилъ активнаго выступленія въ мѣстномъ краѣ, о проектѣ котораго былъ поставленъ въ извѣстность Чернякомъ и Кеневичемъ, и предложилъ первому оставить «З. и В.», что, однако, не было имъ исполнено вполне: выйдя изъ комитета и заявивъ о выходѣ изъ общества, Чернякъ продолжалъ свою работу въ качествѣ землепольца. Привлеченная имъ молодежь была сбита съ толку, и поэтому среди различныхъ по активности сотрудниковъ Черняка находились и недавно присоединенные къ «З. и В.» и посторонніе ей студенты и офицеры. Станкевичъ и Мрочекъ, какъ и невѣдомый Пантелѣеву Ив. Орловъ, были въ числѣ первыхъ; къ «З. и В.» принадлежали также и нѣкоторые другіе участники казанскаго дѣла. Таковы свѣдѣнія изложенныя Слѣпцовымъ. «Мѣстный комитетъ, по его словамъ, не счелъ нужнымъ открывать себя ради приостановленія пропаганды Черняка, и Иваницкаго, чтобы такимъ образомъ не вскрыть организацію средне-поволжскаго округа, тѣмъ болѣе, что къ нимъ присоединились люди, только-что вступившіе въ общество и не имѣвшіе съ нимъ никакихъ серьезныхъ связей; какое-либо открытое выступленіе противъ Черняка было отвергнуто послѣ бесѣды комитета съ Кеневичемъ; послѣдній увѣрилъ комитетъ, что при неудачѣ общества не испытаетъ никакихъ неудобствъ, а при удачѣ онъ передастъ всѣ послѣдствія возстанія въ руки мѣстныхъ комитетовъ, въ доказательство чего представилъ соотвѣтствующее письменное заявленіе Временнаго Народнаго Правительства».

Теперь я приведу тѣ официальные данныя, которыя не были извѣстны А. Ершову и очень интересно дополняютъ сообщенный въ литературѣ матеріалъ. Надо еще указать, что первыя свѣдѣнія, въ видѣ связнаго, но очень тенденціознаго разсказа о дѣлѣ, написаны М. Элпидинымъ и появились въ 1866 г. въ его «Подпольномъ Словѣ»; правительство опубликовало краткое сообщеніе въ № 24 «Казанскихъ Губ. Вѣдомостей» 1864 г., повторенное въ

№№ 140 и 239 «Рус. Инвалида» 1864 г. и въ № 267 «Рус. Инвалида» 1865 г., предоставивъ Каткову особую за-мѣтку о дѣлѣ Черняка («Моск. Вѣд.» № 232 1865 г.). Пользуюсь для этого архивами III Отдѣленія С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣла № 97 ч. 45 и № 23 ч. 85, и мин. вн. дѣлъ дѣла за разные годы №№ 377 и 445 и по канц. 1863 г. № 461 и 456.

Послѣ всепод. доклада шефомъ жандармовъ показаній студента казанскаго унив. Ивана Глассона, 3 апрѣля 1863 г. было повелѣно для дознанія по дѣлу командировать въ Казань фл.-ад. полков. Нарышкина.

Глассонъ показалъ, что за четыре года жизни въ Казани онъ познакомился съ офицеромъ 4-го резервн. бат. Охотскаго пѣх. полка Наполеономъ Иваницкимъ и студ. унив. Семеномъ Жемановымъ. На 6-й недѣлѣ поста онъ узналъ отъ нихъ, что Центр. революц. комитетъ «З. и В.» предполагалъ собраться въ Москвѣ между 25—27 марта, чтобы назначить и послать своихъ агентовъ въ разныя мѣстности для начатія возстанія (это вздоръ—*М. Л.*). Агенты должны быть на мѣстахъ 5—10 апрѣля. Возстаніе въ Казанской губ. достаточно подготовлено: крестьяне нѣкоторыхъ деревень (Бездна, Тиньки, Зміево и др.), нсдовольные надѣломъ земли, уже дали согласіе встать по первому сигналу; прочіе должны послѣдовать ихъ примѣру. Офицеръ Азовскаго пѣх. полка Павелъ Ивановичъ Бучинскій обѣщалъ повредить телеграфъ. Собрано уже 12,000 р. для раздачи крестьянамъ, поднявшимъ бунтъ, по 12 коп. сер. на человѣка въ сутки. Одно значительное лицо обѣщало, въ случаѣ успѣха, пожертвовать 2 мил. руб. Недавно къ Иваницкому пріѣзжалъ какой-то офицеръ генеральнаго штаба. Ив. Красноперовъ, арестованный ранѣе, оказалъ большую услугу бунтовщикамъ. Тогда Глассонъ, желая узнать все подробнѣе, просилъ ихъ принять его въ общество. Они согласились и обязали его пріобрѣсти револьверъ, крестьянскую одежду и сапоги съ красными отворотами; ему было предложено отвезти въ Зміевку воззванія «Земли и Воли», но потомъ перемѣнили и поручили ему Симбирскъ. Глассонъ тайно, подъ чужимъ именемъ, безъ паспорта поспекалъ въ Спб. и тамъ, желая передать все государю, Л. Ф. Пантелѣевымъ былъ представленъ властямъ.

Направленный въ III Отдѣленіе, а затѣмъ къ кн. А. Ѳ. Голицыну, онъ разсказалъ имъ все и былъ оставленъ при III Отдѣленіи, на полусвободѣ. 3 апрѣля, сразу послѣ допроса Глассона въ III Отдѣленіи, шефъ жандармовъ писалъ Валуеву: «отъѣзжалъ Мезенцова въ Казань вызывается серьезными сообщеніями, которыя намъ сдѣлалъ здѣсь студентъ тамошняго университета». Въ-сто заболѣвшаго Мезенцова былъ командированъ Нарышкинъ.

12 апрѣля послѣдній телеграфировалъ Долгорукову о прибытіи накануне въ Казань и о подтвержденіи нѣкоторыхъ свѣдѣній Глассона.

Нарышкинъ, захвативши его съ собой, выдалъ ему на рас-

ходы по розыску 300 р. и нашелъ нужнымъ отправить Глассона въ г. Спасскъ, гдѣ жилъ Иваницкій; подъ предлогомъ возвращенія съ охоты, тотъ зашелъ къ послѣднему и взялъ у него записку къ Жеманову, писанную химическимъ способомъ, объясненнымъ тогда же Глассону. Нарышкинъ осмотрѣлъ записку, отдалъ ее Глассону для передачи по назначенію и вручилъ ему еще прокламацію «Земли и Воли». Произведенные затѣмъ обыски не обнаружили у Жеманова ничего, а у Глассона «былъ найденъ въ условномъ мѣстѣ выданный ему для отвлеченія подозрѣнія со стороны полиціи экземпляръ прокламаціи и записка Иваницкаго къ Жеманову». У Иваницкаго нашли: подложныя манифесты отъ 31 марта 1863 г., прокламацію «З. и В.». «Свобода вѣроисповѣданія», начинающаяся словами: «Братцы! Царь далъ вамъ волю, сказалъ, что вы свободны и получите всѣ права свободного человѣка»; прокламацію «З. и В.» «Временное народное правленіе», начинающуюся словами: «Указомъ нынѣ царствующаго государя императора, даннымъ въ 19-й день февраля 1861 года, крѣпостное право отменено, причемъ, однако, сословіе сельское въ теченіе 2-лѣтняго срока оставлено въ полной зависимости»; прокламацію «Свода» № 1; три скляночки съ жидкостями, вложенныя въ бумажный футляръ, на которомъ имѣлась надпись: «тинктура для бороды и волосъ». Когда этою жидкостью было смочено письмо Иваницкаго, то содержаніе его стало совершенно ясно: «Семень Яковлевичъ, отъ Богдана Хмѣльницкаго я много печатнаго получилъ; это очень неосторожно; письмо его меня крайне огорчило, меня не поняли, оклеветали; одинъ только справедливый упрекъ что я горячъ и болтливъ; сознаюсь, но я не хитрилъ, васъ не обманывалъ; я преданъ всѣмъ этому дѣлу, все жертвую и назадъ ничуть не оглядываюсь; эгоизмъ мой, клянусь, спитъ; мнѣ все равно, какую роль тутъ играть, но не распространяюсь—это лучше, при удобномъ случаѣ оправдаюсь положительно. Мнѣ кажется, что вы трусы, намъ не вѣрите, мало у васъ энергіи, страсть къ простому словопренію; дай Богъ ошибиться въ этомъ заключеніи. Я узналъ, что въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, кто дѣло ведетъ быстро и хорошо. Сейчасъ отправьтесь на почту и тихонько поскорѣ возьмите письмо подъ адресомъ Никифоръ Иваничъ Носовъ; онъ вамъ дастъ данныя для комбинацій. Пришлите кого-нибудь ко мнѣ съ описаніемъ цѣли и времени. Ваше недоверіе и упреки меня не смутятъ и мои услуги всегда будутъ безусловны и безынтересны». 3 мая Иваницкій былъ доставленъ въ III Отдѣленіе; 4 мая привезенъ былъ Жемановъ; въ тотъ же день каждый передавался въ Петропавловскую крѣпость; 6 мая привезенъ былъ Глассонъ, но оставленъ при III Отдѣленіи; вскорѣ прибыли въ крѣпость поручикъ Охотскаго полка Александръ Мрочекъ и подпоруч. 12 артил. бригады Кувязевъ.

14 мая казанскому жандарму Ларіонову предписано имѣть секретное наблюденіе за профессорами казанскаго университета.

Буlichemъ, Нелидовымъ, Чебышевымъ Дмитріевымъ, Толмачевымъ и Кремлевымъ и за педагогами Поповымъ, Петровымъ и Имшенецкимъ. 22 мая Нарышкинъ телеграфировалъ Потапову: «Отложите гуманность и твердо допраши айте Иваницкаго, Жеманова и Мрочекъ; Госцевичъ и Новицкій, послѣ нестерпимаго упорства, сознались мнѣ въ намѣреніи участія казанскаго возстанія и вслѣдствіе неудачи получили приказаніе 400 манифестовъ разбросать».

22 же мая, по докладу министра вн дѣлъ, учреждена главная слѣдственная комиссія по дѣламъ о распространеніи возмутительныхъ воззваніи въ Казани, въ составѣ двухъ членовъ отъ мин. вн. д. Анненскаго и Превосходнаго, и по одному отъ мин. юстиціи—Афанасенко, военнаго—полк. Слуцкаго и жандармскаго управленія—полк. Даюнова; предсѣвателемъ назначенъ т. сов. С. Р. Ждановъ. 6 іюня комиссія открыла свои дѣйствія. Прежде всего она занялась дѣломъ отст. губ. секр. Колюпанова, о которомъ я скажу потомъ.

Въ концѣ мая Тимашевъ и Огаревъ были назначены временными ген.-губернаторами волжскихъ губерній; Нарышкинъ передалъ свои дѣла Жданову въ серединѣ іюня и вернулся въ Спб. 7 іюня Глассонъ былъ вторично отвезенъ въ Казань. 14 сентября ждановская комиссія, желая «сколько возможно болѣе скрыть предъ обществомъ истинное значеніе въ дѣлѣ Глассона, постановила: сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи его изъ-подъ ареста съ отдачею на первое время на поруки его матери съ тѣмъ, чтобы эту мѣру, послѣ нѣкотораго времени, прекратить», поручивъ ходатайство о его награжденіи предсѣдателю...

Въ письмѣ къ Тимашеву отъ 9 іюля Ждановъ, между прочимъ, говоритъ о бѣдннскомъ дѣлѣ 1861 г., написалъ: «По словамъ Хорина (одинъ изъ крестьянъ, съ которымъ случайно бесѣдовалъ Ждановъ), ихъ собралось около 7 000 и что луше, что пострѣлял, а то больше бы пропало народу. Очевидно, что гр. Апраксинъ былъ правъ и что г. Герценъ только на это могъ сердиться, но не одинъ честный человѣкъ». Послѣ такого вступленія Ждановъ сообщалъ, что «Мрочекъ сознался въ участіи въ заговорѣ въ Казани съ Иваницкимъ. Набрасываетъ тѣнь на ген. Скалона, его супругу и сына поучика въ знаніи о семь. Указываетъ на студентовъ, уже арестованныхъ. Мрочекъ на 6 листахъ написалъ первую часть исповѣди».

Изъ опроса схваченныхъ по распространенію подложнаго манифеста Маевского, Олехновича, Госцевича и Новицкаго, особенно двухъ послѣднихъ, выяснилось, что «главнымъ распорядителемъ разсылки лже-манифестовъ и возмутительныхъ воззваній, который снабжалъ посланныхъ съ ними инструкціями, деньгами, географическими картами, револьверами и посылалъ особыхъ агентовъ въ Казань, былъ нѣкто Іеронимъ ¹⁾... Съ открытіемъ

¹⁾ Жеромъ-Станиславъ Кеневичъ, франц. подданный, родился въ 1834 г., арестованъ на прусской границѣ 5 іюня 1863 г.

Иеронима, составляющаго какъ бы соединительное звено между орудіями и зачинщиками заговора, не трудно было бы открыть весь планъ, объемъ и происхожденіе этого заговора, отыскать *начало* той нити, *конецъ* которой правительство имѣетъ уже у себя въ рукахъ; но дойти до этого результата, по мнѣнію комиссіи, положительно невозможно безъ подробнаго дослѣдованія всѣхъ переданныхъ ей дѣлъ, чего мѣстныя комиссіи не могли и не могутъ исполнить, не зная общей связи дѣлъ, лицъ и со- бытій».

16 іюля сен. Ждановъ писалъ Потапову: «Говоря съ вами глазъ на глазъ, нельзя не замѣтить, какъ Козляниновъ (казанскій губернаторъ) надулъ министра, заявивъ о необходимости комиссіи. Мысль гениальная: не сказавъ или, лучше сказать, не указавъ ни одного дѣла пропаганды, онъ въ общихъ фразахъ говоритъ, какъ важны дѣла ея и какую пользу можетъ принести комиссія. Командируя Собѣщанскаго и Кузьмина, цѣль достигнута, т.-е. комиссія сходится съ творцомъ ея, объѣдаетъ ежедневно у него, играетъ, волочится и въ субботу вретъ, что ей вздумается. Къ сожалѣнію, не такъ дѣлается, какъ хочется. Явились старые драбанты, испытанные въ бояхъ перьями, чернилами и ложью и начали съ автора комиссіи. . Иеронимъ успѣлъ бы непременно, если бы не Глассонъ. Услуга послѣдняго громадная; но онъ еще покамѣстъ сидитъ и не скучаетъ; я посѣщаю его въ видахъ пользы дѣла... Вы дали мнѣ дѣло, и я съ полнымъ наслажденіемъ его веду... Началъ заводиться своимъ семействомъ (т.-е. собирать въ заключеніе разныхъ привлекаемыхъ - *М. Л.*) и думаю, что плодъ принесу; нанимаю ему квартиру съ однимъ изъ передовыхъ; сшилъ ему чепарку, сдѣлалъ весь костюмъ à la Гарибальди, и дѣло идетъ. Иеронимъ меня озабачиваетъ. Всю надежду возлагаю на Новицкаго. Въ дѣлѣ А. Ѳ. Переяславцева есть письмо отца Новицк. 1861 г., въ которомъ онъ выражаетъ опасеніе, что онъ вступаетъ въ тайное общество. Изъ членовъ моей комиссіи есть знакомый его брата, подполков. Новицкаго, и слѣдов., тоже можетъ дѣйствовать. Я безъ церемоніи ему скажу, что если онъ будетъ скромничать относительно Кене-вича, то отецъ и братъ будутъ здѣсь же. Неужели онъ, поэтъ души женской, захочетъ подвергать старика и брата арестованію съ высылкою сюда? Мрочка мнѣ удалось расположить къ себѣ, и онъ на 12 листахъ далъ показаніе; но Иеронима онъ не знаетъ, ибо не былъ въ Москвѣ никогда до его арестованія тамъ. Съ Иваницкимъ я сблизился и не скрылъ передъ нимъ, что другъ его сознался. Онъ общалъ сознаться, но не написалъ на бумагѣ. Скажетъ все и много, когда услышитъ отъ Мрочка, что послѣдній сознался. Это удовольствіе я скоро ему доставлю. Къ Жеманову подходимъ издали. Это медвѣдь, который былъ на цѣпи, но когда его начали учить и спустили съ цѣпи, сдѣлался менѣе золь, но каваренъ страшно.... Есть письмо Павла Яков-

левича Пинкорнелли, плацъ-адъютанта Петропавловской крѣпости: извѣстите, кто куда изъ пропагандистовъ разосланы. Я постараюсь обставить его справками и буду имѣть честь подробно доложить, до того времени не трогайте его, а слѣдить надобно. Наши предчувствія на его счетъ, Богъ приведетъ, оправдаются фактами. Онъ протезированъ кн. А. А. (Суворовъ—М. Л.)».

Письма Жданова—такіе документы, которые нельзя приводить не буквально, иначе они теряютъ свой специфическій характеръ.

23 іюля шефъ жандармовъ увѣдомилъ министра внутр. дѣлъ, что царь «изволить быть весьма доволенъ дѣйствіями комиссіи».

18 іюля Ждановъ, все больше и больше входившій въ свою роль, достойный ученикъ кн. А. Ѳ. Голицына, писалъ Потапову: «Начну съ ночаго моего друга Іеронима. Устроивъ съ возможнымъ по здѣшнему комфортомъ его помѣщеніе, я на другой день въ сопровожденіи члена комиссіи д. ст. сов. Анненскаго, владѣющаго очень хорошо франц. языкомъ, отправился къ нему, приказавъ предварительно о себѣ доложить придвернику. Онъ принялъ меня, а г. Анненскій сказалъ, что я. Тихая рѣчь его измѣнила тотчасъ мой голосъ. Также тихо я просилъ А. передать Іерониму, что посѣщеніе мое. можетъ быть, не деликатное въ смыслѣ того, что онъ послѣ пути не отдохнулъ еще, вызвало у него вздохъ. и я слегка то же повторилъ со слезами на глазахъ. Внимательно мы обмѣнялись взглядами и я, узнавъ всѣ его нужды, далъ слово исполнить и исполню: 1) улучшение стола, 2) позволеніе курить сигару, 3) читать франц. книги, по его выбору, 4) писать къ консулу черезъ меня. Это письмо я вамъ представляю, ибо его надобно въ огонь. Я въ немъ нашель одного изъ тѣхъ таинственныхъ рыцарей, которые живо напомнили мнѣ героевъ въ его родѣ 14 декабря 1825 г., съ которыми я въ молодости, послѣ освобожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ Читы, долго жилъ въ Тобольскѣ. Недостаетъ распятія Спасителя, и я скоро возвращу ему его для молитвы. Эти фанатики преданы Богу и во имя его, въ случаѣ удачи возстанія въ Казани, повели бы на висѣлицу Козлянинова, Львова, Ларионова и Витте (полицмейстеръ) съ наглаженіемъ. Первый въ бесѣдѣ со мною доказывалъ, что не прими онъ мѣръ, т. е. не учреди постовъ, Иваницкій успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи; но онъ это разрушилъ. Въ душѣ я его сравнилъ съ нѣмцемъ, который показалъ кукишъ изв. зчику въ карманѣ за то, что онъ его обругалъ. Услуга генерала все испортила: ибо раскрытіе безъ принятія этихъ предосторожностей было бы полное, и я не попалъ бы въ Казань и не жарился бы при 30 градусахъ въ тѣни. Не знаю, говорилъ ли я вамъ, какъ мы устроили помѣщеніе вообще преступниковъ. Не поскучайте, в. п—во, выслушать.

«1) Вы знаете и помните гауптвахту. На дворѣ есть зданіе военно-тюремнаго замка; тамъ они каждый отдѣльно помѣщены. Смотритель знаетъ № камеры, но кто субъектъ,—нѣтъ. Никто

къ нимъ не допускается, даже караульный офицеръ. 2) Я замѣтилъ, что арестантъ при его приводѣ конфузится, а потому мы, члены комисіи, поочередно знакомимся съ ними, входя въ ихъ нужды. Это облегчаетъ впослѣдствіи допросы, а простота обращенія дѣлается до того мягкою, что они болтаютъ сначала наединѣ съ членами, а потомъ въ присутствіи. 3) Сознаніе Мрочека достигну мною этимъ путемъ. Употребляю этотъ фокусъ и съ Иваницкимъ. Онъ въ интимномъ разговорѣ, который я по выходѣ отъ него записываю, многое сказалъ. Даль честное слово поляка все сказать послѣ очныхъ ставокъ съ Мрочекомъ. 4) Съ Иеронимомъ будетъ много возни и я постараюсь скоро говорить съ нимъ по-русски. Надобно выиграть расположеніе, хотя не легко: ибо всѣ русскіе пропагандисты въ сравненіи съ нимъ есть лакеи съ жалованіемъ въ мѣсяць 6 руб., не исключая даже Лободы и Стронина... Афанасенко, членъ комисіи, и я не выпустилъ записочекъ Пинкорнелли, безъ полезныхъ для крѣпости послѣдствій... Проклятій много будетъ, но я презираю ими, идя къ своей цѣли твердо. Для меня похвала людей ничтожныхъ, а часто пристрастныхъ не составляетъ ровно ничего... Тяжело вспомнить, какъ опростоволосились здѣсь, и всему этому виноваты женщины, карты и болтовня до упаду. Баронъ Витте тоже заразился любовью. У меня въ карманѣ вся хроника казанская. Мой агентъ поселился уже окончательно съ самымъ ярымъ демократомъ. Не знаю, что-то выйдетъ. До сей минуты его свѣдѣнія были очень и очень полезны. Не придется ли къ концу дѣла сказать на основаніи фактовъ, что слѣдуетъ на время закрыть университетъ. Этого желательно было бы избѣгнуть, но, въ случаѣ нужды, рука не дрогнетъ, ибо лучше годъ пробыть безъ разбойниковъ, чѣмъ съ ними».

19-го Ждановъ писалъ, что никакимъ образомъ не можетъ согласиться съ личнымъ указаніемъ бывшаго въ Казани Тимашева о пониженіи пайка для арестованныхъ; это только озлобить ихъ и заставить замолчать. «Расходъ ничтожный, но цѣль высокая, ибо хорошая пища располагаетъ при нашемъ ежедневномъ посѣщеніи политическихъ преступниковъ къ сознанію».

Письмо отъ 25 июля: «Дѣла наши идутъ, но къ Иерониму не приступали еще. Съ друзьями новыми надобно быть деликатнымъ. Заискиваю: книгъ далъ; онъ началъ по-русски говорить. Милъ, но бѣстія, какихъ я давно уже не видывалъ...: Вчера при моемъ допросѣ Маевскій, когда я ему сказалъ о сознаніи Новицкаго и Госцевича, сказалъ, что и онъ напишетъ. Ожидаю отвѣта сегодня. Онъ родной братъ прелата Маевского, въ духовной католической консисторіи служить. Послѣдній—другъ закадычный Фелинскаго. Не дойдетъ ли и до маркиза Вѣлепольскаго? Куда какъ бы хорошо было видѣть этихъ преданныхъ друзей правительству. Дорого я заплатилъ бы, если бы можно было развить этотъ букетъ. Даже пожертвовалъ бы члена совѣта (т.-е. назначеніемъ его на эту

должность—*М. Л.*), если бы удалось что сдѣлать хорошаго. Но утѣшать себя нечего: поляки похитрѣ насъ, руссиновъ. Это доказываетъ ихъ катехизисъ. Учу его по утрамъ наизусть».

Изъ письма отъ 31 іюля: «Вы, вѣрно, желаете знать, что Іеронимъ. Доведя до сознанія Олехновича изъ Тамбова, что подложные манифесты получены имъ чрезъ посредство Іеронима, я въ преддверіи церкви острожной свелъ ихъ внезапно. Изъ недурной фізіономіи Іеронима въ одно мгновеніе эта фізіономія сдѣлалась блѣдная, и глаза, исполненные злости, умоляли пощадить. Олехновичъ сказалъ, что онъ видѣлъ его, и заплакавши, просилъ отложить свиданіе до другого дня, не скрывая, что совершенное имъ при посредствѣ другого,—тяжкое преступленіе; неужели требуется еще жертва?... Сомнѣнія почти не остается, что Іеронимъ—тотъ самый, который съ усердіемъ дѣйствовалъ о возстаніи въ Казани и разбрасывалъ манифесты чрезъ своихъ агентовъ; онъ не сознается. Запирательство его спасеть отъ смертной казни, и это несмотря на то, что я далеко не злой человѣкъ, грустно».

1 августа: «Неожиданно въ сказанный часъ приглашается со всею любезностью джентельменъ Іеронимъ. Входитъ безъ улыбки въ видѣ Гамлета въ первомъ дѣйствіи. Является Новицкій, и сцена открывается. Съ твердостью Новицкій объяснилъ Іерониму его посѣщеніе послѣдняго, расположеніе комнатъ, бюро, изъ котораго вынималъ онъ для Новицкаго деньги полуимперіалами, наконецъ, указывалъ на Хамеца ¹⁾, который его съ нимъ свелъ. Въ это время я свелъ Олехновича, и Новицкій, бросившись къ нему на шею, зарыдавъ, требуя у него прошенія, что онъ его, по порученію Іеронима, погубилъ. Олехновичъ сталъ на колѣни передъ Новицкимъ и просилъ его успокоиться, сказавъ съ твердостью: «это угодно бы о Богу и, быть можетъ, что онъ заслужилъ тяжкое наказаніе». Повторивъ предъ Іеронимомъ, что онъ его видѣлъ, что лицо его напоминаетъ весь ужасъ настоящаго положенія, онъ съ кротостью прибавилъ, что роли ихъ различны: Олехновичъ преступникъ, а Іеронимъ на другомъ къ оному. Окончилось тѣмъ, что Іеронимъ не отвергалъ, что расположеніе комнатъ его вѣрно описано Новицкимъ, но что онъ ни его не знаетъ, ни Олехновича. Мы всѣ были въ слезахъ при грустной сценѣ слезъ, объятій между собою О. и Н., но Іеронимъ стоялъ блѣдный съ посинѣлыми губами. Окончилось тѣмъ, что уходя въ свои комнаты, Іеронимъ пожалъ крѣпко обоимъ руку... По настоящую минуту одно положительное могу сказать, что Кеневичъ есть заговорщикъ, уполномоченный тайнымъ парижскимъ обществомъ при содѣйствіи полка въ русскихъ произвестъ возстаніе въ Казани, что разстроенный планъ Глассономъ направилъ его дѣятельность на образованіе особыхъ комиссіонеровъ для развозки манифестовъ, но это не удалось. Довести его до сознанія трудно. Это—Орсини безъ

¹⁾ Въ печати ошибочно названъ «Хализомъ».

бомбъ, ибо послѣднія опасны въ случаѣ разрыва неосторожнаго для жизни, а способъ послѣдняго, т.-е. Іеронима загребать чужими руками жаръ, безопасенъ. Юстиція, на основаніи уликъ, не произнесетъ надъ Кеневичемъ приговора смертнаго, ибо подсудимые—уже преступники, довѣрія къ которымъ нельзя имѣть. Ихъ гибель ясная, ихъ слезы трогательны, но не для Іеронима, который съ презрѣніемъ выразился, что это ремесло женщины, но не мужчины. Будемъ добиваться энергически всевозможныхъ уликъ Кеневича. Мы всѣ ожесточены противъ злодѣя, существованіе котораго на землѣ страшно для юношества».

Изъ письма отъ 2 августа: «Хочу сказать Кеневичу наединѣ, что его благородная фізіономія служитъ ручательствомъ, что ему дальше трудно переносить это униженіе, и что напрасно онъ опасался сознанія. Императрица французская Евгенія, какъ истинная католичка, по высокой своей душѣ, не можетъ не принять въ немъ, какъ франц. подданномъ, участіе уже и потому, что Гарибальди не былъ осужденъ за свои патріотическія чувства. Не повърить злодѣй этой сладости, будетъ бояться висѣлицы. Было бы очень хорошо, еслибы этотъ Орсини въ новомъ родѣ склонился на убѣжденіе. Предложу ему, чтобы онъ прямо государю написалъ свою исповѣдь, а я буду служить почтою и отъ себя прибавлю о томъ, что Іеронимъ—отличнѣйшій господинъ».

18 сентября Ждановъ писалъ Потапову, что войдетъ съ представленіемъ о наградѣ Глассона, который бываетъ у него, переговоривъ сначала о его желаніи. Валуевъ нашелъ необходимымъ выдать Глассону минимумъ 3000 руб.; Александръ II, по докладу шефа жандармовъ 22 октября, согласился, но научилъ своихъ еще мало опытныхъ помощниковъ: «изволили полагать осторожнѣе выдачу эту поручить Тимашеву, предоставивъ ему передать ее Глассону полностью или частями въ тѣ сроки, которые онъ признаетъ наиболѣе удобными». 17 ноября Ждановъ сообщилъ Потапову, что Глассонъ явится къ нему и будетъ просить опредѣлить его юнкеромъ въ гвардію; мать, опасаясь, чтобы сынъ не проигралъ деньги въ карты, просила выдать ему только 300 р., а остальное ей. Но шпіонъ положительно отказался отъ награды, сказавъ, что скомпрометированный передъ товарищами, онъ не можетъ оставаться въ Россіи, хочеть ѣхать въ Америку. Вскорѣ Глассонъ рѣшилъ остаться въ СПб. и открыть фотографію, для покупки которой и просилъ дать ему триста рублей, выдавъ матери пока только 900 р., «при чемъ сознался, что рѣшительно не имѣетъ никакихъ средствъ въ настоящую минуту заплатить за свою квартиру за мѣсяцъ впередъ и выпросилъ у меня—писалъ Потаповъ Жданову—три рубля на папи; осы». Потаповъ упорно склонялъ его поступить на службу въ гвардію, просилъ Жданова повліять и на мать въ этомъ направленіи. 7 декабря Глассонъ расписался въ полученіи 300 р. отъ Потапова, а 25 января 1864 г.—еще 500 р. Матери Амаліи

Богдановнѣ деньги были отправлены окольно почтой на имя ея родственника въ Симбирскъ. Въ декабрь 1863 г. III Отдѣленіе послало Жданову 900 руб. для передачи ей подѣ большимъ секретомъ; до того было выдано еще 2100 р., подѣ видомъ открытіе расходовъ на фотографіи.

3 ноября 1863 г. Ждановъ писалъ Потапову: «Ваше пр-во увидите, что добровольное показаніе Константина Лаврскаго вызвало Ивана Орлова на обширное показаніе. Услуга Лаврскаго огромная и въ этомъ случаѣ и въ первомъ показаніи. Оно склонило многихъ и, можно сказать, главныхъ преступниковъ къ болѣе широкому сознанію. Думаю, что заслуга Лаврскаго, хотя прест-пника въ 18 лѣтъ, велика, въ особенности, если обратить вниманіе: а) на глубокое раскаяніе и высокую преданность матери, б) на громадное дарованіе, какъ изволите увидѣть изъ его показанія, написаннаго имъ безъ помарокъ, и в) на пользу, какую онъ въ будущемъ можетъ принести. Александръ Егоровичъ Тимашевъ, знакомый съ личностью Лаврскаго, не прочь въ пользу его ходатайствовать, но такъ: 1) Лаврскаго оставить въ заключеніи до рѣшенія дѣла, 2) опредѣливъ для него категорію, потомъ уже ходатайствовать объ облегченіи его участи, 3) это облегченіе должно состоять: въ отдачѣ на поруки и въ недолушеніи въ теченіе одного года въ университетъ, по истеченіи же срока дозволить ему вступить въ какой угодно университетъ, кромѣ казанскаго. Не защищаю моего мнѣнія, не протестую противъ рѣшенія А. Е., ибо оно дѣльно, скажу одно, что всякое вниманіе къ Лаврскому, которое могло бы его освободить: а) изъ тюрьмы и б) поступить теперь въ университетъ, но не въ казанскій, произвело бы огромное нравственное вліяніе и самое полезное на здѣшнюю университетскую молодежь» (Арх. III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 97, ч. 97).

Еще раньше, когда Ждановъ сообщилъ объ услугахъ Лаврскаго въ сентябрѣ, шефъ жандармовъ писалъ Валуеву: «Просьбы относительно помилованія Лаврскаго настолько сильны, что нашъ августѣйшій учитель («Auguste-maitre») не воспротивится, вѣроятно, отдачѣ молодого человѣка на поруки, если Тимашевъ основательно облумаетъ положеніе дѣла на мѣстѣ и найдетъ просимую милость возможной. Будьте, значитъ, добры спросить объ этомъ его мнѣніе и доложить его императору съ вашимъ собственнымъ заключеніемъ» (Архивъ П. Я. Дашкова).

16-го декабря Ждановъ писалъ Потапову:

«Іеронимъ Кеневичъ насъ очень озабачиваетъ. Нравственное убѣжденіе полное, что онъ—двигатель предполагавшагося въ Казани возстанія, но 1-я категорія говоритъ: давай юридическія доказательства, основанныя на фактахъ и уликѣ. Улики противъ Іеронима его жертвъ не сильны по закону; признаніе цифръ на картѣ многознаменательно, однако же, повѣсить нельзя. Вторая категорія можетъ его осудить на каторгу, но путемъ обыкновен-

наго уголовного суда, т. е. начнется съ уѣзднаго суда и доидеть до сената. Уголовная палата въ лицѣ ея предсѣдателя надежна и охотки на руку не положить. Къ сожалѣнію, ничего нельзя сдѣлать съ профессорами. Въ лекціяхъ рукописныхъ студентовъ есть всѣ идеи, о которыхъ я сказалъ, но привлечь профессора никакъ нельзя: мало ли что въ тетрадки вносить студентъ. Въ общемъ очеркѣ, которымъ я занимаюсь, будетъ проведена мысль: нельзя ли лекціи профессоровъ накануне чтенія подвергать разсмотрѣнію? Это, кажется, необходимо».

Въ серединѣ января 1864 г. комиссія Жданова была закрыта.

Приведу составленныя ею «Записки», какъ цѣнный сводъ работы въ ея собственномъ изложеніи.

I.

Краткая записка изъ дѣла, произведеннаго Главною Слѣдственною Комиссіею по политическимъ дѣламъ, высоч. учрежденной въ г. Казани, о замыслахъ нѣкоторыхъ лицъ произвести въ Казани вооруженное возстаніе.

Великимъ постомъ въ 1863 г., 4 резерв. бат. Охотскаго пѣх. полка штабсъ-капитанъ *Иваницкій* сообщилъ лично студ. казанскаго унив. Александру *Сергѣеву*, что изъ Москвы пріѣхалъ къ нему его двоюродный братъ поручикъ генеральнаго штаба *Чернякъ*, агентъ московскаго революціоннаго комитета, который желаетъ передать свѣдѣнія объ означенномъ комитетѣ. При семъ Иваницкій обратился къ Сергѣеву съ просьбой указать на нѣкоторыхъ студентовъ его товарищей, за скромность которыхъ можно поручиться.

Таинственность, съ которой была передана Иваницкимъ эта новость, по показанію Сергѣева, вскружила ему голову, и онъ тотчасъ отправился къ своему по унив. товарищу студ. *Полиновскому* и передалъ ему о просьбѣ Иваницкаго. «Посмотримъ, что это за агентъ револ. комитета», сказалъ Полиновскій, и на другой день, что было 15 марта, Полиновскій, кромѣ Сергѣева, пригласилъ къ себѣ еще студ. *Жеманова*, *Щербакова* и *Лаврскаго*.

Въ назначенный часъ вечеромъ шт.-кап. Иваницкій явился съ пор. Чернякомъ, который отрекомендовалъ себя агентомъ русскаго револ. комитета «Земля и Воля». Послѣ минутнаго молчанія Чернякъ вынулъ изъ кармана записку на клочкѣ почтовой бумаги, писанную будто бы рукою изгнанника Бакунина, на которой значилось, что предъявителю этой записки можно довѣрять, подписано «*акунинъ*». Студенты молча посмотрѣли эту записку и возвратили ее Черняку. Послѣ этого онъ началъ говорить въ такомъ родѣ: «Приступлю прямо къ дѣлу. Я изъ Москвы и пріѣхалъ сюда познакомиться съ мѣстностью и средствами Казанской губ.;

въ другіе города посланы другія лица. Всѣ мы, собравши необходимыя свѣдѣнія, должны возвратиться въ Москву къ 25 марта. Въ этотъ день члены комитета разсмотрятъ донесенія всѣхъ агентовъ и рѣшатъ, гдѣ начать возстаніе. Доказывать необходимость возстанія совершенно лишнее. Скажу только о тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя существуютъ теперь и которыя гарантируютъ вѣрный успѣхъ; во 1-хъ, народъ недоволенъ своимъ положеніемъ, онъ тотчасъ готовъ возстать, это ясно изъ тѣхъ мѣстныхъ воззваній, о которыхъ сообщали даже русскія газеты; и во 2-хъ, теперь въ Польшѣ возстаніе, войска все болѣе и болѣе туда стягиваются, слѣдовательно, со стороны войска помѣха быть не можетъ. Дождемся ли мы когда-нибудь подобнаго стеченія обстоятельствъ? Начинать, начинать надо. Я долженъ признаться вамъ, что въ комитетѣ нашемъ образовались теперь, собственно, двѣ партіи. Одна думаетъ, что *нужно* годъ или два *вести пропаганду* и только ею одной ограничить свои дѣйствія; другая же партія убѣждена въ необходимости какъ можно скорѣе *начать возстаніе*. Первая партія никакъ не хочетъ вѣрить донесеніямъ агентовъ, что народъ повсемѣсно недоволенъ своимъ положеніемъ и что онъ возстанетъ тотчасъ, какъ только данъ будетъ толчекъ. Я принадлежу ко второй партіи, партіи необходимаго начатія дѣла, и нахожу, что всего лучше начать съ Казанской губ.».

Послѣ сего Чернякъ, замѣтивъ важность Волги и Камы въ стратегическомъ отношеніи, продолжалъ: «Возстаніе должно начаться съ Казанской губ., отсюда оно пойдетъ внизъ по Волгѣ, перейдетъ на Уралъ и Донъ, а съ Дона его направятъ такъ, чтобы оно соединилось съ возстаніемъ въ Польшѣ». На предложенный ему Полиновскимъ вопросъ о времени начатія возстанія, Чернякъ отвѣтилъ, что нужно начать до открытій крестьянскихъ работъ. «Это время, — сказала Чернякъ, — представляетъ ту выгоду, что солдаты еще пока разбросаны по деревнямъ и, слѣд., не могутъ служить помѣхой; если же медлить, то ихъ соберутъ для ученій, какъ это дѣлается ежегодно».

Засимъ Иваницкій началъ развивать планъ занятія Казани. «Взять Казань, — говорилъ онъ, — очень легко. Для этого стоитъ только обезоружить солдатъ, находящихся въ городѣ, а это не представитъ особаго затрудненія; у каждой казармы стоитъ по два часовыхъ; одинъ внутри, другой снаружи. Стоитъ только убить этихъ часовыхъ, а спящіе солдаты не услышатъ, какъ изъ казармы унесутъ ружья, которыя стоятъ не въ камерахъ, въ которыхъ они спятъ, а въ другихъ комнатахъ». Когда Иваницкій высказалъ предположеніе о выпускѣ арестантовъ изъ тюрьмы, и Полиновскій замѣтилъ, что это поведетъ лишь къ грабежу и убійствамъ, Иваницкій возразилъ, что когда въ Крымскую войну прибѣгли къ этой мѣрѣ, то никакихъ грабежей не было, а, напротивъ, арестанты геройски дѣйствовали на батареяхъ Севастополя. «Захвативъ изъ казармы ружья, — продолжалъ

Иваницкій,—нужно въ ту же ночь взять казначейство — и тогда Казань въ нашихъ рукахъ. Взять же сначала ее необходимо потому, что это произведетъ сильное нравственное вліяніе на народъ, который скажетъ тогда, что если ужъ Казань взята, то, значитъ, сила. Забравъ Казань, сейчасъ же разослать людей по деревнямъ, чтобы тамъ вооружались кто косою, кто чѣмъ попало, и чтобы шли въ Казань. Если же насъ потомъ вытѣснятъ изъ Казани, то мы безъ всякаго препятствія отступимъ къ Уральскимъ заводамъ, а тамъ такая мѣстность, что и самъ чортъ не същеть».

Послѣ этого Чернякъ спросилъ, сколько человекъ можетъ найтись въ Казани, готовыхъ на выполнение такого плана. Полиновскій сказалъ, что человекъ 50 найдется; кто-то изъ студентовъ замѣтилъ, что не 50, а немного поменьше. Чернякъ какъ будто обрадовался и сказалъ, что если каждая губернія дастъ такое число людей, то это отлично, и потомъ прибавилъ: «я долженъ признаться вамъ, господа, что мы приготовляемъ дѣло возстанія независимо и тайно отъ той партіи, которая хочетъ ограничиться только одной пропагандой. Ее не дожидаться! Она пожалуй, десять лѣтъ будетъ вести пропаганду и все станетъ говорить, что еще не время».

Собираясь уйти, Чернякъ прибавилъ, что если присутствующіе согласны принять участіе, то для болѣе вѣрнаго успѣха нужно вербовать людей, и посоветовалъ не говорить объ этомъ дѣлѣ такимъ людямъ, у которыхъ есть семейства, и особенно, если эти семейства находятся въ Казани. Когда студенты дали понять, что они не имѣютъ фактическихъ данныхъ, чтобы согласиться на предложеніе Черняка, то онъ сказалъ, что на Пасхѣ или никакъ не позже мѣсяца онъ привезетъ изъ Москвы всѣ необходимыя данныя, которыя будутъ представлены агентами комитета къ 25 марта и тогда отъ студентовъ будетъ зависѣть принять или не принять участіе. Послѣ сего онъ ушелъ вмѣстѣ съ Иваницкимъ.

По уходѣ Черняка и Иваницкаго возникъ вопросъ, насколько заслуживаютъ довѣрія свѣдѣнія Черняка. Полиновскій или Лаврскій замѣтилъ, что хотя онъ и назвалъ себя агентомъ русскаго комитета, но акцентъ его польскій, а не русскій. Затѣмъ припомнили слово «плакать» и другіе обороты рѣчи въ польскомъ духѣ. Такъ какъ о возстаніи въ Польшѣ ужъ было извѣстно, то самъ собою явился вопросъ, нѣтъ ли связи между Чернякомъ и этимъ возстаніемъ. Кто-то изъ студентовъ даже сказалъ, что Чернякъ долженъ быть непременно полякъ, вслѣдствіе чего Жемановъ и Полиновскій тутъ же условились сходить къ Иваницкому для разъясненія общаго подозрѣнія о національности Черняка.

На другой день, 16 марта Полиновскій и Жемановъ, дѣйствительно, ходили съ тою цѣлью къ Иваницкому, который сказалъ

имъ, что Чернякъ русскій, а не полякъ; что онъ только уроженецъ западной губерніи, что самая фамилія «Чернякъ» совсѣмъ не польская.

Въ тотъ же день Иваницкій просилъ Сергѣева, не согласится ли онъ или кто нибудь изъ студентовъ нанять квартиру, въ которой могъ бы останавливаться Чернякъ на случай вторичного его прїѣзда въ Казань послѣ собранія въ Москвѣ, которое должно быть 25 марта; въ эту квартиру, по словамъ Иваницкаго, придутъ съ Чернякомъ вмѣстѣ, а отчасти прежде и послѣ него, отъ 50 до 100 вооруженныхъ человѣкъ, которымъ опасно останавливаться въ гостиницахъ. Спустя послѣ того нѣсколько дней, Иваницкій, встрѣтившись съ Сергѣевымъ, объявилъ, что Чернякъ уже уѣхалъ и что на случай вторичнаго его прїѣзда квартира для него уже нанята, но у кого, Иваницкій не сказалъ. Впослѣдствіи сказалось, что квартира эта была у подпоручика *Станкевича*. Затѣмъ самъ Иваницкій уѣхалъ въ Спасскъ.

Между тѣмъ, 25 марта, по распоряженію бывшего начальника губерніи, были сдѣланъ обыскъ у подпор. Станкевича, причемъ, однакоже, ничего противозаконнаго и подозрительнаго не оказалось. Поводомъ къ этому обыску было требованіе минскаго губернатора по случаю письма Станкевича къ его матери, въ коемъ были высказаны въ высшей степени дерзкія мысли, противныя долгу русскаго офицера ¹⁾.

Независимо сего, вслѣдствіе полученныхъ правительствомъ частнымъ образомъ свѣдѣній о замышлявшемся въ Казани заговорѣ, было дано знать въ первыхъ числахъ апрѣля мѣстному начальству телеграммою принять негласныя мѣры въ охраненіи казначейства, казармъ, порохового завода и погреба. По сему поводу, по распоряженію мѣстнаго начальства, всѣ войска были поспѣшно стянуты на тѣсныя квартиры; приказами по баталіонамъ предписано было прочитать передъ ротами: быть готовымъ къ тревогѣ, раздать людямъ по 10 боевыхъ патроновъ, обязать нижнихъ чиновъ ходить въ аммуниціи даже къ обѣду и ужину, не говоря уже объ обходахъ, разѣздахъ и ночныхъ патруляхъ, которые поставили губернію чуть не на военное положеніе.

Въ это время на Пасхѣ (30 марта—6 апрѣля) Иваницкій изъ Спасска Казанской губ. опять прїѣхалъ въ Казань, а съ нимъ прибылъ и поруч. *Мрочекъ*, которому были извѣстны всѣ обстоятельства этого дѣла. Иваницкій, узнавши обо всемъ происходящемъ въ городѣ, объявилъ, что за квартирою Станкевича слѣдитъ полиція, и какъ Чернякъ ничего объ этомъ не знаетъ, то легко можетъ случиться, что онъ, вмѣсто квартиры Станкевича, попадетъ въ руки полиціи. Признано необходимымъ предупредить Черняка. Съ этою цѣлью 10 апрѣля два студ. Полиновскій и *Иванъ*

¹⁾ Свѣдѣніе это получено первоначально отъ полков. Ларіонова и по-
вѣрено по дѣламъ канцеляріи начальника Казанской губ. *Ком.*

Орловъ, подъ предлогомъ охоты, отправились за 20 верстъ отъ Казани по той дорогѣ, по которой должно было ожидать Черняка, а Жемановъ и Сергѣевъ условились дежурить въ городѣ, т. е. ходить вдоль той улицы, на которой находилась квартира Станкевича. Кромѣ того, студ. Щербаковъ отправился въ Н.-Новгородъ для встрѣчи Черняка въ вокзалѣ желѣзной дороги; на путевые расходы Иваницкій далъ Сергѣеву 50 р., которые и были переданы Щербакову.

Въ то же время, именно 10 апрѣля, 4 резервн. бат. Азовскаго пѣх. полка, квартировавшаго въ Казани, подп. Станкевичъ получилъ изъ Москвы телеграмму отъ *Максимова* (т. е. Черняка), въ которой сказано: «Я буду въ Нижнемъ 14 апрѣля; прїѣзжай повидаться со мною. Максимовъ».

Послѣ сего 14 апрѣля, вечеромъ, прїѣхалъ въ Казань агентъ Черняка студ. Спб. унив. *Сильвандъ*, называвшій себя Остъ-Сеньковскимъ¹⁾, остановясь на квартирѣ подп. Станкевича, онъ привезъ съ собою 10 револьверовъ, прокламаціи 3 хъ р довь и 400 руб. денегъ. На второй день, т. е. 15 апрѣля, поруч. Мрочекъ, прїшедшій къ Сергѣеву, передалъ ему о прїѣздѣ Остъ-Сеньковского отъ Черняка письма, одно на польскомъ, а другое на русскомъ языкѣ.

Первое письмо подъ диктовку Мрочека было переведено Сергѣевымъ на русскій языкъ; содержаніе его было следующее: Чернякъ посылаетъ 10 револьверовъ, прокламаціи 3-хъ сортовъ,—гдѣ какая понадобится, тамъ такую и распро транять, и денегъ 400 рублей, на которые закупить оружіе въ Казани. Самъ же онъ прїѣдетъ въ Казань тогда, когда все будетъ готово, иначе его долгое пребываніе въ Казани можетъ возбудить подозрѣніе.

Другое письмо Черняка, на русскомъ языкѣ, заключало въ себѣ извѣщеніе, что русскій революціонный комитетъ въ Москвѣ, избравъ его, Черняка, военнымъ старшиною Казанской губ., уполномочилъ его руководить возстаніемъ въ этой губ.; что всѣ, принимающіе участіе въ этомъ дѣлѣ, должны безпрекословно, подъ страхомъ смерти, исполнять его приказанія. Здѣсь же Чернякъ назначилъ своимъ помощникомъ Иваницкаго. Далѣе былъ изложенъ планъ завладѣнія Казани. Чернякъ приказывалъ, чтобы планъ этотъ держали въ тайнѣ, ибо черезъ разглашеніе его можетъ произойти неудача при приведеніи его въ исполненіе. Между прочимъ, упоминалось, что Чернякъ будетъ называться «Максимъ Соколь».

Уходя отъ Сергѣева, Мрочекъ объявилъ, что вечеромъ того же дня Остъ-Сеньковскій будетъ у Полиновскаго.

Между тѣмъ, прежде нежели собрались у Полиновскаго того же дня, послѣ обѣда было собраніе у подп. Станкевича, на которомъ

¹⁾ Изъ показаній *Новицкаго* и *Маевскаго*, пойманныхъ съ подложными манифестами, обнаружено, что бывший въ Казани агентъ Черняка подъ именемъ Остъ-Сеньковского былъ студ. Спб. унив. Сильвандъ. *Ком.*

были: Станкевичъ, Ость-Сеньковскій, поруч. Мрочекъ, студ. *Бирюковъ*, *Миттерманъ* и еще нѣсколько неизвѣстныхъ личностей. Забсь Ость-С. роздалъ нѣкоторымъ револьверы для храненія; причемъ Бирюкову были вручены привезенныя Ость-С. прокламаціи, который тогда же ихъ отнесъ къ Полиновскому. Спустя нѣкоторое время, около 7 час. вечера Ость-С., въ сопровожденіи Мрочека и Миттермана, *отправился на квартиру Полиновскаго.*

По доставленіи Бирюковымъ въ квартиру Полиновскаго прокламацій, вскорѣ пришли студ. Жемановъ и Сергѣевъ, кромѣ того, былъ студ. *Альевъ*, жившій съ Полиновскимъ въ одной квартирѣ; Сергѣевъ прочелъ здѣсь сдѣланный имъ переводъ съ польскаго письма Черняка, а о содержаніи русскаго письма перѣдалъ на словахъ; надъ этими письмами, въ особенности надъ угрозою смертью и присылкою 400 р., посмѣялись, а затѣмъ явились Ость-С., Мрочекъ и Миттерманъ, а въ послѣдствіи пришелъ студ. Иванъ Орловъ.

На вопросъ, почему самъ Чернякъ не пріѣхалъ, Ость-С. отвѣчалъ, что Чернякъ приказалъ ему привезти прокламаціи, револьверы и деньги, а больше онъ ничего не знаетъ. Увидя же, что связка съ прокламаціями лежитъ на диванѣ, не спрятанная, замѣтилъ, что такимъ способомъ можно попасть въ руки полиціи. Полиновскій попросилъ Миттермана взять эти прокламаціи, отнести къ себѣ домой, сказавъ ему при этомъ, чтобы онъ болѣе не возвращался. Послѣ чего Миттерманъ съ прокламаціями ушелъ.

По уходѣ Миттермана заговорили, было, о прокламаціяхъ, но какъ о содержаніи ихъ никому не было извѣстно, то и замолчали объ этомъ предметѣ, а сказали Сергѣеву, чтобы онъ принесъ имъ на другой день по одному экземпляру прокламаціи.

Между тѣмъ, Ость-С. уже нѣсколько разъ напоминалъ о томъ, чтобы поскорѣ рѣшили что-нибудь и дали ему отвѣтъ для передачи Черняку; при этомъ онъ прибавилъ, что ему нельзѣ оставаться долгое время въ Казани. Полинѣвскій замѣтилъ, что они не могутъ дать благопріятнаго отвѣта Черняку. Послѣ этого Ость-С., выразивъ надежду, что студенты, переговоривъ съ Мрочекомъ, измѣнятъ свое рѣшеніе, вышелъ изъ квартиры Полиновскаго погулять.

Затѣмъ Мрочекъ замѣтилъ, что хотя Чернякъ прислалъ распоряженіе начинать дѣло въ Казани, но это невозможно, потому что теперь въ Казани 1500 чел. войска да, кромѣ того, приняты мѣры предосторожности. Послѣ того Мрочекъ началъ развивать другой планъ возстанія, заключавшійся въ томъ, чтобы возстаніе начать не съ Казани, а съ деревень; для этого пріѣдутъ изъ Москвы 100 чел., и чтобы не возбудить подозрѣнія, то они по 5 и 10 чел. помѣстятся на разныхъ пароходахъ и высадятся въ разныхъ мѣстахъ. На первый разъ нужно обезоружить роту солдатъ въ Спасскѣ, захватить тамъ казначейство, раздать ружья

крестьянамъ и потомъ направиться къ Ижевскому заводу, гдѣ заготовлено до 30,000 ружей; въ попутныхъ городахъ слѣдуетъ забирать деньги изъ казначейства, по дорогѣ раздавать прокламаціи, и крестьяне будутъ присоединяться.

По возвращеніи Ость-С. опять въ собраніе онъ вмѣстѣ съ Мрочекомъ просилъ бывшихъ въ собраніи сказать о своемъ рѣшеніи. Они обѣщали подумать. Тогда Ость-С. сказа т студентамъ, чтобы прочли прокламаціи, подумали и завтра дали бы чрезъ Мрочека окончательный отвѣтъ. Затѣмъ онъ съ Мрочекомъ ушелъ.

По уходѣ Ость-С. и Мрочека студенты, оставшись одни, поговорили между собою о всѣхъ этихъ предложеніяхъ и окончательно убѣдились, что ихъ подозрѣніе относительно связи Черняка съ возстаніемъ въ Польшѣ было справедливо.

На другой день, 16 апрѣля, утромъ Се гѣевъ принесъ въ квартиру Полиновскаго по одному экз. прокламацій, привезенныхъ Ость-С. Прокламаціи эти были трехъ родовъ: а) подложный манифестъ, б) «Земля и Воля, Свобода въроисповѣданіи», в) «Земля и Воля. Временное народное правленіе».

Тогда же, въ разное время пришли къ Полиновскому: Иванъ Орловъ, Лаврскій и Жемановъ. Прочитавъ прокламаціи, одни выразили мнѣніе, чтобы сжечь ихъ, другіе предложили зарыть за городомъ, и какъ Сергѣевъ отозвался, что онъ не н мѣрень держать долѣе у себя прокламацій, то И. Орловъ обѣщался прійти за ними и взять ихъ.

Затѣмъ подъ конецъ совѣщаній пришелъ Мрочекъ; Полиновскій, прочитавъ прокламацію «Свобода» № 1 и привезенныя Ость-С., замѣтилъ Мрочеку, что сіи послѣднія расходятся въ принципахъ съ «Свободой» № 1, а потому, каки ъ же образомъ изъ одного и того же комитета выходятъ прокламаціи съ принципами, уничтожающими другъ друга,—между тѣмъ, Чернякъ говоритъ, что онъ — агентъ комитета «Земля и Воля»? Мрочекъ старался снова доказывать необходимость немедленнаго начала возстанія и легкость исполненія плана, на канунѣ имъ изложеннаго. При этомъ онъ увлекался до того, что высказалъ слѣдующее предположеніе: если онъ отправится въ какую-нибудь деревню и поставитъ на улицѣ нѣсколько знаменъ, привѣся къ нимъ манифесты то крестьяне, увидя это, утромъ сейчасъ же возстанутъ и только стоить принять команду надъ ними и вести куда угодно.

Послѣ сего Полин вскій отъ имени всѣхъ отвѣчалъ Мрочеку рѣшительнымъ отказомъ на участіе въ дѣлѣ, объявивъ, что Чернякъ, съ своей стороны, никакихъ данныхъ не представилъ; что они ничего не знаютъ ни о составѣ московскаго революціоннаго комитета, ни о его средствахъ, а также не знаютъ, кто в. бралъ Черняка въ старшины. При этомъ Полиновскій сказалъ: «прислали 400 р. да, ничего не видя, уже грозятъ смертью. Покорно благодаримъ,—мы не согласны».

Этимъ кончились сношенія студентовъ съ Ость-С. и Мрочекъ. Сперва уѣхалъ въ Москву Ость-С., а затѣмъ вскорѣ и Мрочекъ.

Привезенныя Ость-С. прокламаціи были переданы Сергѣевымъ вольнослушателю Ивану Орлову съ тѣмъ, чтобы онъ, согласно его вызову, уничтожилъ. Нѣсколько дней спустя, Орловъ сказалъ Полиновскому, что прокламаціи сожжены. Но какое именно Орловъ сдѣлалъ съ ними употребленіе, объ этомъ будетъ изложено во 2-мъ отдѣлѣ этой записки.

18-го числа Щербаковъ возвратился изъ Н.-Новгорода. Когда Ость-С. пріѣхалъ въ Казань и объявилъ, что Чернякъ не будетъ; тогда Полиновскій послалъ Щербакову на имя учителя нижегородскаго института *Копиченко* условную телеграмму, чтобы онъ возвращался въ Казань. Телеграмма была слѣдующаго содержания: «Передайте Алексѣю Яковлевичу, чтобы ѣхалъ домой. Анна Ивановна при смерти».

Выше сказано, что правительство частнымъ путемъ получило свѣдѣнія о замышлявшемся въ Казани заговорѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что главными руководителями предпологавашагося возстанія были Иваницкій и Жемановъ.

Для производства дознанія по дошедшимъ до правительства свѣдѣніямъ былъ командированъ по высоч. повелѣнію фл.-ад. е. и. в. полков. Нарышкинъ съ тѣмъ, что, если вышеозначенныя лица окажутся подозрительными, подвергнуть ихъ аресту.

По распоряженію фл.-ад. Нарышкина, былъ произведенъ обыскъ въ Спасскѣ у Иваницкаго ¹⁾ и въ Казани у ст. Жеманова, причѣмъ они оба были арестованы; кромѣ того, вслѣдствіе имѣвшихся свѣдѣній, что за нѣсколько дней до ареста Иваницкаго былъ у сего послѣдняго въ Спасскѣ студ. Глассонъ, былъ произведенъ также обыскъ у Глассона, и онъ самъ арестованъ.

При производствѣ обысковъ оказалось:

У Иваницкаго: 1) три письма на польскомъ языкѣ, писанныя химическими чернилами; 2) три листа возмутительныхъ воззваній, а именно: а) подложный манифестъ, б) «Земля и Воля. Свобода въроисповѣданія», в) «Земля и Воля. Временное Народное Правленіе» и г) «Свобода» № 1; 3) два подорожныхъ бланка за подписью казанскаго воен. губернатора Козлянинова; 4) двѣ скляночки съ химическими чернилами; 5) заряженный револьверъ, находившійся у Иваницкаго подъ подушкою, и 6) бумаги, заключающія переписку его на польскомъ и русскомъ языкахъ, выписки изъ разныхъ руководствъ, свѣдѣнія, касающіяся завѣдуемой имъ роты, а также разныя статьи, относящіяся къ военной службѣ.

У студ. Жеманова въ числѣ бумагъ противозаконнаго или же подозрительнаго ничего не оказалось.

¹⁾ Командира стрѣлковой роты. *Ком.*

По отобраніи отъ Иваницкаго показаній и усмотрѣвъ изъ оныхъ о близкихъ его отношеніяхъ съ поруч. Александромъ Мрочкомъ, выѣхавшимъ уже изъ Казани къ мѣсту своего служенія въ Ардатовъ Нижегородской губ., фл.-ад. Нарышкинъ сообщилъ нижегород кому жандармскому штабъ-офицеру телеграммою о производствѣ у Мрочка обыска, заарестованіи его и доставленіи въ III Отдѣленіе с. е. и. в. канцеляріи. Иваницкій же и Глассонъ, по распоряженію фл.-ад. Нарышкина, отправлены въ Спб. арестованными.

Между тѣмъ, Мрочекъ отправился въ Москву, гдѣ, возбуждивъ подозрѣніе полиціи, былъ арестованъ 25 апрѣля.

Изъ донесенія московскаго жандармскаго штабъ-офицера отъ 3 мая 1863 г. шефу жандармовъ, видно, что поруч. А. Мрочекъ прибылъ въ Москву безъ дозволенія своего начальства, остановился въ гостиницѣ подъ именемъ поруч. Михайлова. Мрочекъ, по его показанію, прибылъ безъ дозволенія начальства собственно потому, что въ Москвѣ находится высшее начальство, и что онъ намѣренъ былъ отпроситься отъ перевода на Сыръ-Дарьинскую линію; между тѣмъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ пріѣхалъ разыскивать, по порученію Иваницкаго, «Сокола» и Черняка. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ разслѣдованіи главной слѣдственной комиссіи въ Казани обнаружено, что на масляной въ квартирѣ бывшаго вольнослушателя двор. Михаила Карпова, Иваницкій, въ присутствіи подпор. Станкевича и студ. Лаврскаго, Бирюкова и *Красноперова*, развивалъ свои преступные замыслы.

Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ оказались по дѣлу о замышлявшемся вооруженномъ возстаніи въ Казани прикосновенны слѣдующія лица:

1. Шт.-кап. Иваницкій,
2. Поручикъ Чернякъ,
3.   »   Мрочекъ,
4. Подпор. Станкевичъ,

Студенты:

Спб. унив.

5. Сильвандъ, называвшійся *Остѣ-С.*

Казанскаго унив.

6. Семень Жемановъ,
7. Александръ Сергѣевъ,
8. Владиміръ Полиновскій,
9. Константинъ Лаврскій,
10. Алексѣй Щербаковъ,
11. Аркадій Бирюковъ,

12. Иванъ Орловъ,	}	Вольнослушатели.
13. Рудольфъ Миттерманъ,		
14. Петръ Албевъ,		
15. Михайло Карповъ,		
16. Иванъ Глассонъ.		

Сверхъ того, по показанію поручика Мрочка, еще прикованны къ дѣлу:

17. Учитель нижегородскаго дворянскаго училища Копиченко и

18. Поручикъ 6 резервн. стрѣлковаго бат. Михайловъ.

Изъ поименованныхъ лицъ: пор. Чернякъ, подпор. Станкевичъ и студ. Сильвандъ скрылись, и всѣ принятыя мѣры къ ихъ разысканію до настоящаго времени остались безуспѣшными. Шт.-кап. Иваницкій, студ. Жемановъ и Глассонъ арестованы по распоряженію фл.-ад. Нарышкина; пор. Мрочекъ—по распоряженію московскаго полицейскаго начальства; Сергѣевъ, Полиновскій, Миттерманъ и Иванъ Орловъ—по распоряженію вятской слѣдственной комиссіи; Бирюковъ—начальника Пермской губ.; затѣмъ остальные—главной слѣдств. комиссіи.

И.

Краткая записка изъ дѣла о преступной дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихся распространеніемъ возмутительныхъ воззваній въ губ. Вятской, Пермской и Казанской, обнаруженна слѣдствіемъ:

А. Въ Вятской и Пермской губерніяхъ.

Учитель вятской гимназіи *Рожеетвенскій*, прочитавъ случайно письмо одного студента къ содержателю частной библіотеки въ Вяткѣ *Красовскому*, заключающее въ себѣ приглашеніе къ какой-то пропагандѣ, счелъ нужнымъ по поводу этого письма сказать ученикамъ 7-го класса гимназіи на лекціи русской исторіи нѣсколько словъ съ цѣлью предостеречь молодыхъ людей отъ вреднаго вліянія на нихъ появляющихся въ народѣ разныхъ писемъ и воззваній, приглашающихъ къ демократической пропагандѣ. Вслѣдствіе дошедшихъ объ этомъ до начальства губерніи свѣдѣній, былъ сдѣланъ осмотръ библіотеки Красовскаго, причемъ, дѣйствительно, было найдено письмо, полученное по случаю отъѣзда Красовскаго въ СПб. завѣдующимъ его библіотекою Захаровымъ. Письмо это было писано вольнослушателемъ казанскаго университета *Иваномъ Красноперовымъ* отъ 7 марта и было слѣдующаго содержанія: «Въ виду имѣющихъ совершиться для

общаго блага событій, сей человекъ взялъ на себя роль апостола проповѣдника. Роль въ высшей степени прекрасная и полезная; прошу принять этого апостола радушно и исполнить тѣ порученія, которыя онъ на васъ возложить, время близко, старому свѣту приближается конецъ, и Россія воспрянетъ отъ сна. Вѣрю, что вы примете въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе... Да здравствуетъ демократическая конституція».

Послѣ сего Красноперовъ былъ немедленно арестованъ въ Казани и доставленъ въ Вятку 21 марта. На допросѣ Красноперовъ отказался, съ кѣмъ именно было послано письмо его къ Красовскому, отзываясь, что онъ считаетъ безчестнымъ выдавать своего товарища. Смыслъ содержанія письма онъ разяснялъ обстоятельствомъ, относящимся до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; что человекъ, принявшій на себя роль апостола, хотѣлъ итти по разнымъ мѣстамъ, имѣя въ виду единственно благо народа, разсуждая съ нимъ сообразно съ законами въ томъ убѣжденіи, что въ скоромъ времени будетъ дана государемъ конституція. Между тѣмъ, такъ какъ Красовскій, уѣхавши въ СПб. по коммерческимъ дѣламъ, долженъ былъ возвратиться вскорѣ въ Вятку, то было сдѣлано распоряженіе объ арестованіи его на пути. Красовскій былъ арестованъ въ Яранскѣ и доставленъ въ Вятку 23 марта; при обыскѣ у него, между прочими бумагами, найденъ одинъ экземпляръ прокламаціи со штемпелемъ «Земля и Воля», начинающейся словами: «Льется польская кровь, льется русская кровь». На допросѣ Красовскій показалъ, что *прокламацію* онъ получилъ въ СПб. отъ незнакомаго человека, а относительно *письма* Красноперова онъ положительно не знаетъ, почему вздумалось Красноперову писать къ нему письмо подобнаго содержанія, тѣмъ болѣе, что онъ неоднократно останавливалъ Красноперова въ одностороннихъ его взглядахъ, чему могутъ служить доказательствомъ письма его, Красовскаго, къ Красноперову ¹⁾.

Послѣ сего дѣло это за запирательствомъ Красноперова и изъ невозможности открыть то лицо, которому было вручено письмо Красноперова, считалось конченнымъ и представлено въ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи. Между тѣмъ еще до начатія этого дѣла, было сообщено управляющимъ III Отдѣленіемъ начальнику Вятской губ. о преслѣдованіи за появленіемъ въ Вяткѣ воззваній отъ Русскаго Центрального Народнаго Комитета «Земля и Воля».

¹⁾ Въ бумагахъ Красноперова было найдено письмо Красовскаго отъ 8 октября 1862 г., въ которомъ Красовскій, между прочимъ, писалъ: «Во имя близкихъ нашихъ отношеній прошу тебя бытьнисходительнѣе къ разнымъ житейскимъ невзгодамъ. Право, я боюсь за тебя: ты такъ нетерпѣливъ и прямъ, что накличешь на себя бѣду, по-своему міръ не переживешь, а погибнуть въ формѣ единицы жертвой своихъ стремленій, право, мало толку. Не даю тебѣ совѣтовъ: ты ихъ не примешь, а высказываю свои искреннія мысли». *Ком.*

Въ послѣдствіи сдѣланныхъ по сему предмету распоряженій нолинскій земскій исправникъ 22 марта донесъ начальнику губерніи, что около 12 марта проѣхали по казанскому тракту въ Вятку по видимому двое студентовъ, коими было передано на Ключевской станціи ямщику письмо, оказавшееся впоследствии печатнымъ *воззваніемъ*. Командированный для преслѣдованія и задержанія означенныхъ лицъ вятскій частный приставъ, отправившись по сибирскому тракту, узналъ отъ одного ямщика, что онъ возилъ двухъ молодыхъ людей и что одинъ изъ нихъ былъ сынъ Глазовскаго мѣшанина *Шулятникова Михаила*. М. Шулятниковъ, находившійся въ это время у матери своей въ Глазовѣ, былъ арестованъ 25 марта. При обыскѣ у него найдено переписанное: его рукою воззваніе «Долго давили васъ, братья». Въ объясненіи своемъ Шулятниковъ показалъ: а) что онъ выѣхалъ изъ Казани 10 марта со студентомъ *Иваномъ Яковлевымъ*, который на одной станціи Нолинскаго уѣзда, дѣйствительно, передалъ ямщику какой-то конвертъ; б) что проѣздомъ черезъ Вятку Яковлевъ хотилъ въ библиотеку Красовскаго, гдѣ онъ передалъ письмо заѣзжающему библиотекою Захарову; в) 15 марта они прѣбыли въ Глазовѣ, гдѣ остановились у матери Шулятникова, и здѣсь онъ списалъ у Яковлева воззваніе, найденное у него при обыскѣ, и г) что студентъ Яковлевъ изъ Глазова отправился въ с. Святогорье къ знакомому священнику.

Въ виду этихъ показаній былъ вновь передопрощенъ Красноперовъ съ цѣлью, не откроетъ ли онъ фамилію студента, взяшаго на себя роль апостола-проповѣдника, такъ какъ товарищъ этого студента Шулятниковъ уже взятъ. На это Красноперовъ далъ ложное объясненіе, что письмо было послано къ Красноперову съ какимъ-то *Соловьевымъ*. По даннымъ примѣтамъ было сообщено телеграммою начальнику Пермской губ. о преслѣдованіи студента Ивана Яковлева или Соловьева въ предѣлахъ Пермской губерніи, а между тѣмъ изъ розыска на пути слѣдованія такъ называемаго Ивана Яковлева оказалось, что, дѣйствительно, въ Святогорьѣ у свящ. Александра Чеснокова съ 17 на 18 марта имѣлъ пребываніе неизвѣстный молодой человекъ, рекомендовавшій себя проѣзжимъ изъ Казани торговцемъ *Иваномъ Несмѣловымъ*. Но въ слѣдствіе неопредѣленнаго уклончиваго показанія свящ. Чеснокова, слѣды розыскиваемаго студента вновь потеряны. Согласно разслѣдованій признано необходимымъ спросить, кто изъ казанскаго университета уволенъ въ послѣднее время въ отпускъ, на что получена извѣстная телеграмма, что взяли отпускные билеты и выѣхали *Иванъ Орловъ* въ Оренбургъ и *Николай Орловъ* въ Вятку. Такъ какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что Николай Орловъ есть вятскій уроженецъ, мать котораго проживаетъ въ Вяткѣ, и что сынъ ея еще не пріѣхалъ изъ Казани, то должно было заключить, что если Шулятниковъ ѣхалъ съ однимъ изъ Орловыхъ, то, конечно, *долженъ былъ ѣхать не съ Нико-*

лаемъ, но съ Иваномъ Орловымъ. На основаніи этихъ соображеній было сдѣлано распоряженіе при вѣздѣ Николая Орлова въ Вятскую губернію сдѣлать у него строгій обыскъ, а между тѣмъ 19 апрѣля Шулятниковъ былъ вновь передпрошенъ и въ этотъ разъ сознался, что съ нимъ дѣйствительно ѣхалъ не Иванъ Яковлевъ, а Иванъ Орловъ, который, условивши ь отправиться съ нимъ вмѣстѣ, просилъ не сказывать, съ кѣмъ онъ ѣдетъ. При этомъ Шулятниковъ пояснилъ, что во время пребыванія ихъ въ Вяткѣ Иванъ Орловъ имѣлъ свиданіе, прикрытое таинственностью, съ однимъ неизвѣстнымъ Шулятникову лицомъ. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи эта личность была ученикъ семинаріи *Егоръ Красноперовъ*, двоюродный братъ Ивана К.

Вскорѣ послѣ сего начальникъ губерніи получилъ свѣдѣніе, что 26 апрѣля чрезъ Буйскій заводъ проѣзжалъ изъ Казани татаринъ съ лимонами и съ нимъ было трое молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, войдя въ избу крестьянина Рябова, оставилъ тамъ печатный экземпляръ воззванія «Земля и Воля. Свобода вѣроисповѣданія», начинающагося словами: «Братцы, царь далъ намъ волю, сказалъ, что вы свободны»... По представленіи этого воззванія крестьяниномъ въ волостное правленіе, за неизвѣстными лицами была сдѣлана погоня, которые и были настигнуты въ Нолинскомъ уѣздѣ и арестованы 28 апрѣля. Лица эти оказались студенты казанскаго университета Николай Орловъ, московскаго университета *Андрей Липхартъ* и окончившій курсъ въ вятской духовной семинаріи *Василій Дерновъ*. При осмотрѣ вещей у Николая Орлова найдено 52 экземпляра вышеупомянутаго воззванія «Земля и Воля. Свобода вѣроисповѣданія», 1 экземпляръ подложнаго манифеста и 7 экз. мпляръ воззванія «Временное народное правленіе». Изъ показанія Николая Орлова обнаружено, что всѣ выше значенныя воззванія и подложный манифестъ онъ получилъ въ Казани отъ вольнослушателя Ивана Орлова съ тѣмъ, чтобы 25 экземпляровъ передать вятскому семинаристу Егору Красноперову, 4 или 5 экз.—Дернову, а остальные раздать гдѣ представится возможность. Самъ Николай Орловъ еще ни одного экз. не имѣлъ случая отдать. Василій Дерновъ показалъ, что изъ полученныхъ имъ 5 экз. воззванія онъ оставилъ 2 въ крестьянскихъ избахъ, а остальные 3 экз. бросилъ въ лѣсу. Студ. Липхартъ хотя ѣхалъ вмѣстѣ съ Дерновымъ и Николаемъ Орловымъ изъ Москвы въ Вятку къ роднымъ на вакаціонное время, но по дѣлу ни въ чемъ не обвиняется.

Обнаруживъ изъ показаній Николая Орлова, что Иванъ Орловъ въ Оренбургъ не уѣзжалъ и что онъ находится въ Казани, вятская слѣдств. комиссія сдѣлала распоряженіе объ арестованіи Ивана Орлова, который, вслѣдствіе этого послѣ тщетныхъ розысканій казанскаго полицмейстера бар. Витте, донесшаго дважды начальнику Казанской губ. о нахожденіи Орлова въ Оренбургской губ., тотъ Иванъ Орловъ, распоряженіемъ корпуса жандармовъ

шолк. Ларіонова, былъ отысканъ Казанскаго у. въ с. Кулаевъ и, арестованный 6 мая, доставленъ въ Казань флигель-адъютанту шолк. Нарышкину и чрезъ губернатора 9 мая доставленъ былъ въ Вятку, безъ чего важная эта личность укрылась бы отъ преслѣдованія правительства. По показанію Ивана Орлова, онъ отправился съ Шулятниковымъ изъ Казани въ Вятку 10 марта. Во время пути онъ роздалъ двумъ крестьянамъ по одному экз. воззваній, начинающихся словами: «Долго давили васъ, братцы»; онъ передалъ 6 или 7 экз. тѣхъ же воззваній семинаристу Егору Красноперову для распространенія между его товарищами и вручилъ письмо отъ Ивана Красноперова звѣдующему бібліотекою Красовскаго Захарову. Изъ Вятки Ив. Орловъ отправился въ Глазовъ, а оттуда въ Святогорье къ свящ. Алекса́ндру Чеснокову; къ которому онъ также имѣлъ письмо отъ Ивана Красноперова. Цѣль этой послѣдней поѣздки была, чтобы, основываясь на рекомендаціи Ив. Красноперова, предложить Чеснокову принять участіе въ распространеніи воззваній между своими прихожанами, но Чесноковъ отъ этого отказался. Далѣе Ив. Орловъ отправился въ Оханскъ Пермской губ., гдѣ онъ передалъ 10 экз. воззваній состоявшему подъ надзоромъ полиціи уволенному изъ пермской семинаріи *Ильѣ Пономареву*; послѣ уѣхалъ въ Пермь, гдѣ онъ видѣлся съ братомъ Пономарева воспитанникомъ семинаріи, но давалъ ли ему воззванія, Орловъ не помнитъ, и затѣмъ возвратился чрезъ Оханскъ въ Казань, куда прибылъ 3 апрѣля. Иванъ Орловъ сознался, что передъ отъѣздомъ Николая Орлова 22 апрѣля изъ Казани въ Вятку онъ далъ ему манифестъ и 50 экз. воззваній съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ 25 экз. передалъ вятскому семинаристу Егору Красноперову, при семъ было поручено Николаю Орлову собрать въ уѣздахъ приблизительныя свѣдѣнія о числѣ жителей изъ крѣпостныхъ и на какое число, въ случаѣ возстанія, можно будетъ разсчитывать. Кромѣ того, Ив. Орловымъ въ это самое время было послано еще до 50 экз. воззваній, чрезъ отправлявшагося на вакаціонное время въ Пермскую губ. студ. *Третьякова* для передачи въ Оханскъ Ильѣ Пономареву. Всѣ эти воззванія Орловъ получалъ отъ гимназиста Рудольфа Миттермана, о чемъ изложено въ первомъ отдѣлѣ.

При допросѣ Ив. Красноперова онъ отозвался, что нелѣпо было бы съ его стороны упорствовать, когда дѣло разъяснилось помимо его объясненій и соображеній; что показанная имъ въ прежнихъ отвѣтахъ фамилія Соловьева есть вымышленная, и что письмо онъ отправилъ къ Красовскому съ вольнослушателемъ Ив. Орловымъ. Чрезъ него же, Ив. Орлова, онъ отправилъ еще два письма того же характера къ свящ. Чеснокову и двоюродному брату своему Егору Красноперову; къ брату онъ писалъ, чтобы онъ старался по возможности распространять свои убѣжденія между семинаристами, а Чеснокову говорилъ въ письмѣ, что онъ, какъ священникъ, можетъ принести много пользы своимъ крестья-

намъ посредствомъ своихъ проповѣдей и что онъ долженъ быть тоже готовымъ къ этому дѣлу. Въ заключеніе своего показанія онъ говоритъ: «я жилъ и выросъ между крестьянами, товарищами первыхъ моихъ дѣтскихъ игръ были всегда крестьянскіе мальчишки, и я никогда не могу безъ слезъ смотрѣть на жалкую несчастную жизнь крестьянъ, страдающихъ отъ деспотизма чиновничества. Бѣдный народъ! когда, хотя сколько-нибудь, облегчится твоя участь».

Рудольфъ Миттерманъ, арестованный въ Казани 20-го и доставленный въ Вятку 23 мая, показалъ, что воззванія, переданныя имъ Ив. Орлову, привезены въ Казань агентомъ поручика Черныяка студ. Спб. унив. Ость-Сеньковскимъ. Эти воззванія переданы Миттерману студ. Полиновскимъ въ присутствіи студ. Сергѣева.

На основаніи сихъ показаній были арестованы въ Казани Полиновскій и Сергѣевъ и отправлены въ Вятку: первый 30 мая, а второй 6 іюня. Обстоятельства, касающіяся виновности Полиновскаго и Сергѣева, а также данныя ими показанія изложены уже въ первомъ отдѣлѣ.

Касаясь появленія возмутительныхъ воззваній въ Пермской губ., необходимо упомянуть въ этомъ случаѣ о студ. Аркадіи Бирюковѣ, явившемся съ прокламаціями «Свобода» № 1 въ г. Кунгурѣ Пермской губ. Послѣ масляной, когда въ Казани ходили тревожные слухи о предстоящемъ весной крестьянскомъ возстаніи, Бирюковъ говорилъ студ. Лаврскому, что нужно бы самому послушать, что говоритъ народъ, ждетъ ли онъ чего-нибудь и какъ принимаетъ толки о возстаніи. Съ этою цѣлью, Бирюковъ, взявши съ собою евангеліе, отправился по деревнямъ Казанскаго у.; по показанію его самого, онъ былъ въ с. Царевѣ и на обратномъ пути, въ одной изъ деревень подарилъ одному крестьянину евангеліе. Возвратившись въ Казань, рассказывалъ, что мужики слушаютъ, но сами почти ничего не говорятъ, такъ что онъ не знаетъ, что они думаютъ, но что имъ понравилось слушать евангеліе. Кромѣ того, какъ извѣстно, Бирюковъ во время великаго поста ѣздилъ еще въ с. Бездну къ Иваницкому. Чтобы Бирюковъ во время этихъ происшествій читалъ или распространялъ возмутительныя воззванія между народомъ, произведеннымъ разслѣдованіемъ не обнаружено. Непосредственное свое сближеніе съ народомъ Бирюковъ объясняетъ желаніемъ бесѣдовать съ крестьянами. Цѣль этихъ разговоровъ и разсужденій: ближе познакомиться съ характеромъ народа, съ его вѣрованіями и домашнимъ бытомъ. Онъ прислушивался къ каждому слову, къ каждому разговору крестьянъ, надѣясь найти въ нихъ матеріалъ для своихъ ученыхъ наблюденій и въ особенности для изслѣдованія о расколѣ, составлявшемъ спеціальнѣйшій предметъ его занятій. При долгомъ обращеніи съ крестьянами онъ насмотрѣлся на труженническую жизнь мужика и не могъ не любить его, не могъ не уважать народъ. Случалось, что мужикъ высказывалъ свое

горе, свои сомнѣнія, свою нелюбовь къ помѣщику и чиновникамъ, но никогда не случалось, чтобы мужикъ говорилъ что-нибудь не въ пользу правительства, и вѣрнѣе, царя. Въ понятіи мужика, царь для него надежда, онъ караетъ и милуетъ, онъ одинъ заботится обо всемъ и потому благоговѣніе крестьянина къ особѣ государя развито въ высшей степени. Послѣ путешесвій своихъ въ Казанскій у. и въ с. Бездну Спасскаго у. Бирюко въ маѣ мѣсяцѣ отправился въ Пермь и оттуда въ г. Кунгуръ, куда и прибылъ 27 мая. По пути Бирюковъ, будучи постоянно въ нетрезвомъ видѣ, читалъ прокламацію со штемпелемъ «Земля и Воля», озаглавленную «Свобода» № 1, въ с. Кылосовѣ діакону и священнику; потомъ по приѣздѣ въ Кунгуръ въ домъ свящ. Крешкова онъ также читалъ эту прокламацію въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ, при отворенномъ на улицу окнѣ онъ читалъ то же воззваніе. Въ это же время у діакона Капустина выпалъ свертокъ бумагъ, который здѣсь же былъ сожженъ чиновникомъ Кругляшовымъ. По показанію нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ лицъ, этотъ свертокъ заключалъ въ себѣ прокламаціи.

По поволу дошедшихъ до начальника Пермской губ. объ этомъ свѣдѣніи студ. Бирюковъ былъ арестованъ 29 мая и впослѣдствіи доставленъ въ Главную слѣдств. комиссію. Бирюковъ въ своихъ отвѣтахъ изъяснилъ, что за нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Казани въ Пермь, онъ видѣлся со студ. казанскаго унив. *Иваномъ Умновымъ*, который, узнавъ о предстоящей поѣздкѣ Бирюкова, предложилъ ему, не хочетъ ли онъ взять съ собою воззваніе «Свобода». Бирюковъ изъяснилъ на это согласіе и получилъ отъ него 5 экз. Единственная причина, почему онъ не отвергъ предложенія Умнова, а согласился взять нѣсколько экз., состоитъ въ томъ, что ему хотѣлось ее показать и прочитатъ своимъ знакомымъ изъ духовенства, хотѣлось пощеголять этимъ воззваніемъ въ *темномъ царствѣ*, какъ *блжтвенной рѣдкостию*.

Б. Въ Казанской губерніи.

Въ гор. Лаишевѣ Казанской губ. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года появились возмутительныя воззванія, начинающіяся словами «Долго давили васъ, братцы»... Разслѣдованіями обнаружено, что около половины апрѣля исключенный изъ университета и находившійся на жительствѣ въ гор. Лаишевѣ кол. рег. *Михайло Элпидинъ*, придя въ домъ къ мѣщанину *Степану Булгакову*, отдалъ ему 6 запечатанныхъ пакетовъ для разда и крестьянамъ. По уходѣ Элпидина Булгаковъ вскрылъ одинъ изъ пакетовъ и, прочитавъ въ немъ печатный листокъ, оставилъ у себя, а остальные 5 роздалъ въ первое же воскресенье на базарѣ мѣщ. Кабанскому и четыремъ крестьянамъ. Послѣ раздачи этихъ пакетовъ оставшійся у него шестой онъ вмѣстѣ съ печатнымъ

листочкомъ сжегъ. По дошедшимъ до начальника губ. объ этомъ свѣдѣніямъ была назначена особая слѣдств. комиссія, по распоряженію коей были арестованы Элпидинъ, Степанъ и *Василій Булгаковы*, изъ коихъ послѣдній передалъ одинъ экз. воззванія мѣщ. Круглову, показавъ ему, что получилъ этотъ листокъ отъ неизвѣстнаго ему господина, при слѣдствіи же утверждалъ, что пакетъ съ воззваніемъ переданъ ему братомъ Степаномъ. Степанъ Б. въ этомъ не сознался, на вопросъ же, почему онъ, зная о противозаконномъ содержаніи листовъ, рѣшилъ ихъ раздать и что побудило его къ этому поступку, Б. отвѣчалъ, что онъ никакого дурного умысла противъ правительства не имѣлъ, а *должно быть такой грѣхъ до него дошелъ, на что есть воля божія.*

Элпидинъ показалъ, что, гуляя во время Пасхи на Воскресенской улицѣ, онъ присѣлъ на лавочку близъ магазина Сенина. Возлѣ него сѣлъ неизвѣстный ему мужчина, который, спросивъ предварительно: «не вы ли Элпидинъ?», сказалъ: «кстати, у меня есть къ вамъ порученіе», послѣ чего неизвѣстный отдалъ ему пакетъ. Возвратившись домой и вскрывъ пакетъ, Элпидинъ нашель въ немъ: три маленькіе конвертика, три печатные листка изъ сѣрой бумаги и особо печатный листъ на бѣлой бумагѣ, съ синимъ штемпелемъ «Земля и Воля». Содержаніе этого листка заключало въ себѣ приглашеніе Элпидина исполнить возлагаемое на него порученіе. Отправившись на Өоминой недѣлѣ въ Лаишевъ, онъ *передалъ три пакета* мѣщ. Степану Булгакову, два листка безъ пакетовъ одной норманской крестьянкѣ *Сычевой*, послѣдній же листокъ уничтожилъ. При очевидной неправдоподобности и неискренности показанія Элпидина о личности, снабдившей его воззваніями, комиссіею были приняты всѣ мѣры при священническомъ увѣщаніи къ убѣжденію его открыть истину, но онъ упорно оставался при своемъ прежнемъ показаніи, имѣющемъ, очевидно, цѣлью скрыть происхожденіе этой прѣступной прокламаціи.

Изъ данныхъ студ. Лаврскимъ показаній есть нѣкоторыя основанія предполагать, что авторомъ и издателемъ этой прокламаціи не былъ ли исключенный изъ университета студ. Иванъ Умновъ, умершій въ Іюль мѣсяцѣ с. г.

Такимъ образомъ изъ вышеизложенныхъ данныхъ, къ дѣлу о распространеніи возмути ельныхъ воззваній оказываются прикосновенными слѣдующія лица:

1. Иванъ Красноперовъ,
2. Иванъ Орловъ,
3. Михайло Шулятниковъ,
4. Егоръ Красноперовъ,
5. Николай Орловъ,
6. Василій Дерновъ,
7. Илья П номаревъ,
8. Александръ Третьяковъ,

9. Аркадій Бирюковъ,
10. Александръ Красовскій,
11. Михайло Элпидинъ,
12. Степанъ Булгаковъ,
13. Василій Булгаковъ.

Въ письмѣ Жеманова къ государю отъ 8 декабря 1863 г., изъ Казани, между прочимъ, были слѣдующія строки: «Ваше Величество! Не выдѣляя себя изъ среды проникнутаго патриотизмомъ и глубокою преданностью къ вамъ русскаго народа, я гнушаюсь мысли, что Россія должна итти къ реформамъ кровавымъ путемъ. Мысль эта преступна и всегда возбуждала во мнѣ отвращеніе. Вы, государь, дали столько отраднхъ доказательствъ вашей отеческой любви къ русскому народу и явили столько неусыпной заботливости о благѣ своихъ подданныхъ, что Россія съ крѣпкою вѣрою и безграничною преданностью ожидаетъ блестящаго будущаго отъ просвѣщеннаго и гуманнаго управленія ею, любимымъ народомъ, монархомъ... Забудьте, государь, мое заблужденіе, забудьте все, что можетъ запятнать мои искренніе чувства къ Вамъ, и вѣрте моему обѣщанію честно и правдиво итти по пути, который укажетъ мнѣ моя любовь къ вамъ и отечеству!»

Въ декабрѣ 1863 г. Алексѣй Щербаковъ писалъ, между прочимъ, наслѣднику престола, какъ августѣйшему атаману: «Я казакъ и раздѣляю общую съ казачествомъ привязанность къ августѣйшему дому; да и могу ли не раздѣлять ея, бывши свидѣтелемъ восторга, съ которымъ встрѣчала ваше и. в. моя родина—Ветлянинская станица? Отецъ мой умеръ, старшій братъ за Кубанью и, можетъ быть, не воротится домой,—я оставался единственной опорой моему семейству».

14 января 1864 г. открылъ свои дѣйствія учрежденный Тимашевымъ военный судъ;—сначала онъ занимался преступниками первой категоріи.

2 марта 1864 г. найденный подпоручикъ Азовскаго пѣх. полка Ромуальдъ Станкевичъ былъ отправленъ въ Казань.

Въ 7 ч. утра 6 июня Иваничкій, Мрочекъ, Станкевичъ и Кеневичъ были разстрѣляны въ Казани, за городомъ, у Подлужной слободы, между, такъ называемыми, Русской и Нѣмецкой Швейцаріями; «все въ порядкѣ» добавилъ мѣстный жандармъ въ своей депешѣ. Изъ рапорта его отъ того же дня видно, что приговоръ суда былъ подтвержденъ Тимашевымъ. «За два дня до сего поставлены мною къ каждому изъ нихъ въ комнату по два жандарма для предупрежденія, дабы арестанты не нанесли себѣ вреда. Въ день казни, утромъ, не предвидя своей участи, они полагали, навѣрно, что будутъ сосланы въ каторжную работу, всѣ четверо исповѣдались у предложеннаго имъ ксендза, вытребованнаго изъ Саратова, по неблагонадежности здѣшняго Галимскаго, находя-

шагося подъ судомъ по дѣлу о капсуляхъ. На пути слѣдованія отъ каземата до мѣста казни Иваницкій и Кеневичъ смѣялись, первый любезно раскланивался съ знакомыми, даже проходя войска по фронту съ праваго до лѣваго фланга, не переставали между собою улыбаться; при чтеніи конфирмаціи и обвиненій Кеневича, онъ, обратившись ко всѣмъ слушателямъ, быстро выступивъ два шага впередъ, громко возразилъ по-русски: «послушайте, господа, это неправда, написаны все подлости!» и въ заключеніе, когда прочтена была мѣра опредѣленнаго наказанія, Кеневичъ опять закричалъ: «не смѣете разстрѣлять, я—французскій подданный!». Другіе два преступника Мрочекъ, и Станкевъ чъ, все время были безмолвны. Стеченіе народа было многочисленно; ни малѣйшаго соболѣзнованія къ преступникамъ никѣмъ не замѣчено, напротивъ, всѣми сознавалась необходимость такого примѣрнаго наказанія злоумышленниковъ».

Начальникъ казанскаго жандармскаго округа (7-го) доб виль, что казнь была исполнена одновременно 1 и 3 баталіонами Царыцынскаго пѣхотнаго полка. «Значеніе всей виновности лицъ, подвергшихся казни, было извѣстно въ высшемъ обществѣ и болѣе или менѣе сообщалось массѣ народа. Строжайшая мѣра наказанія преступниковъ, какъ измѣнниковъ и мятежниковъ поляковъ, ожидалась не только въ Казанской, но и въ сопредѣльных ей губерніяхъ и потому казнь эта во всѣхъ слояхъ общества не оставила слѣдовъ впечатлѣнія глубоко потрясающаго, и какъ бы давно ожидаемая, какъ справедливая кара за подобныя преступленія, видимо принята массою зрителей съ совершеннымъ равнодушіемъ».

19 іюня жандармъ донесъ III Отдѣленію, что «по исполненіи конфирмаціи въ обществѣ не слышно никакихъ тревожныхъ толковъ, и общественное спокойствіе ни малѣйше не нарушено до сего времени. На мѣстѣ, гдѣ разстрѣляны преступники, для предупрежденія съ чьей-либо стороны могущей быть демонстраціи, поставленъ карауль, коимъ на другой день взяты пришедшіи туда здѣшняго баталіона внутрен. стражи рядовой Янъ Грузнякъ съ женою Екатериною Антоновою, оба польскіе уроженцы, которые, обратясь къ караульнымъ, сказали: «вотъ такъ бы слѣдовало всѣхъ русскихъ перестрѣлять, лучше было бы». По арестованіи ихъ въ полиціи порознь, на другой день 9 числа сего мѣсяца нашли рядового Грузняка удавившимся». 16 іюля жандармъ доносилъ: «Къ общему удовольствію жителей тишина царствуетъ глубокая, невозмутимая, все присмирѣло, возраженій и пересудовъ никакихъ не слышно, даже отъ личностей передовыхъ еще недавно равнодушно смотрѣвшихъ на возникавшія вокругъ нихъ замыслы чуждыя здраваго смысла и могшія произвести кровавыя послѣдствія; теперь всѣ смирились, приняли другое направленіе и вполне довольные, пользуются возрожденнымъ спокойствіемъ послѣ продолжительнаго тревожнаго времени. Это благотворное покойное

состояніе общественнаго духа, неоспоримо, суть результаты глубоко обдуманнаго управленія ген.-губ. ген.-ад. Тимашева, направленнаго вѣрнымъ путемъ къ успокоенію не только вѣреннаго ея края, но и сосѣдственныхъ губерній, преимущественно приволжскихъ, откуда тоже исходитъ справедливая оцѣнка всѣхъ разумныхъ мѣръ и служебной дѣятельности его пр—ва».

4 іюня приведена была въ исполненіе конфирмація Тимашева приговора военнаго полевогo суда относительно Ивана Ордова, Александра Маевского, Евстафія Госцевича, Фердинанда Новицкаго и Августа Олехновича: лишеніе всѣхъ правъ состоянія, ссылка въ каторжную работу въ рудникачъ—первыхъ четырехъ на 15, послѣдняго—на 20 лѣтъ, по истеченіи же срока работу посылить въ Сибирь навсегда; 9 іюня другая конфирмація—поруч. Николая Михайлова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь въ крѣпостныя работы на 10 лѣтъ, по истеченіи же срока оставить въ Сибири на поселеніе навсегда. Почти всѣ остальные были заключены въ тюрьмы, гдѣ просидѣли по 1—5 лѣтъ.

11 октября 1865 г. въ Казани былъ разстрѣлянъ Чернякъ. Кончивъ кievскій университетъ, онъ состоялъ въ Одесскомъ пѣх. полку сначала унтеръ-офицеромъ, потомъ офицеромъ, прошелъ курсъ николаевской академіи генеральнаго штаба (окончилъ въ февралѣ 1863 г.); въ мартѣ 1863 г. получилъ отпускъ на 28 дней въ Московскую, Пензенскую и Казанскую губ., за неявку изъ котораго 18 іюля былъ исключенъ изъ службы. Арестованный въ Динабургѣ въ іюлѣ 1864 г., былъ доставленъ въ Вильно, а затѣмъ въ Казань.

«Во время переѣзда изъ тюрьмы въ Подлужную слободу,—доносилъ казанскій жандармъ—при выслушаніи конфирмаціи Чернякъ ни къ кѣмъ изъ сопровождавшихъ и его окружавшихъ не вымолвилъ ни одного слова и также безмолвно пошелъ на казнь» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 23, ч. 539).

Главная слѣдств. комиссія въ Казани рассмотрѣла, какъ я сказалъ, еще одно дѣло, созданное по доносу проживавшаго въ Самарѣ отст. губ. секр. Александра Петровича Колюпанова. Прибывъ въ Казань, онъ явился къ мѣстному жанд. штабъ-офицеру и полицмейстеру и, назвавшись актеромъ Дашинымъ, сообщилъ имъ, а также и губернатору, что состоитъ агентомъ III Отдѣленія и прибылъ съ цѣлью войти въ сношенія съ нѣкоторыми подозрительными лицами для открытія ихъ преступныхъ намѣреній. Онъ просилъ дать ему для этого разрѣшеніе прочесть въ театрѣ стихотвореніе Некрасова и этимъ войти въ необходимыя сношенія съ подозрительными лицами. При опросѣ давалъ очень сбивчивыя показанія о своихъ дѣйствіяхъ въ другихъ городахъ, а о фактахъ пропаганды имѣлъ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Его признано было полезнымъ арестовать, а затѣмъ III Отдѣленіе просило передать

Колюпанова председателю главной слѣдственной комиссіи С. Р. Жданову.

При немъ были найдены портреты Герцена и Михайлова, объявленіе объ изданіи «Свободного Слова», третья книжка «Голосовъ изъ Россіи», «Историческій Сборникъ Вольной русской типографіи въ Лондонѣ» и пр.

11 и 12 мая Колюпановъ донесъ III Отдѣленію, что ему извѣстны «нѣкоторые сообщники Русскаго Центральнаго Комитета и ихъ преступныя намѣренія», и предлагалъ свои услуги къ обнаруженію злоумышленниковъ. Свѣдѣнія Колюпанова сводились къ слѣдующему: 1) онъ знаетъ въ Самарѣ сообщниковъ названнаго Комитета и надѣется найти у нихъ самую прокламацію къ Русскому народу. Кружокъ этотъ въ Самарѣ состоитъ изъ учителя гимназіи Короваева и чиновника Островскаго; они называли себя членами общества и «отличаются большею противъ другихъ дерзостью относительно правительства». Остальные члены кружка: учитель гимназіи Логиновъ, гимназисты: Красносамарскій, Соколовъ и Гауншокинъ, учитель семинаріи Крестинскій и секретарь статистическаго комитета Михайловскій «только раздѣляли убѣжденія прочихъ и были пропагандистами, не болѣе». «Намѣренія общества самыя дерзновенныя; такъ, одинъ изъ членовъ, Короваевъ, спрашивалъ Колюпанова на своей квартирѣ, при Красносамарскомъ и Крестинскомъ, взялъ ли бы онъ на себя убійство государя. Тамъ же Короваевъ, Красносамарскій и Крестинскій доказывали ему, что надо помириться съ мыслью объ энергичныхъ мѣрахъ и о пролитіи много крови, потому что иначе нельзя достигъ общаго блага, и тѣмъ болѣе, что прольется кровь людей, мѣшающихъ народному благосостоянію». (2) Указанное общество имѣетъ связь съ южнымъ, находящимся въ Кіевѣ или Харьковѣ. Они стараются сформировать малороссійское ополченіе и надѣются посредствомъ своихъ агентовъ найти въ немъ твердую опору. Дѣятельность провинціальныхъ комитетовъ направлена къ подготовленію низшихъ классовъ общества къ возмущенію посредствомъ прокламацій, ложныхъ манифестовъ и другихъ сочиненій. Такъ, Короваевъ имѣлъ прокламаціи «Земли и Воли» и раздавалъ для перевода брошюры Прудона; переводами занимались самъ Колюпановъ, Соколовъ, Короваевъ, Логиновъ, Михайловскій и Островскій». (3) Для возбужденія сельскаго населенія противъ правительства и для распространенія вредныхъ идей общество посылаетъ своихъ приверженцевъ учителями сельскихъ школъ». Комиссія передала дѣло для дослѣдованія самарскому губернатору, которому и было поручено направить его потомъ своимъ порядкомъ.

2183. Толль-Съкущій.

«Таймсъ» и другія газеты полны анекдотовъ о генералѣ Толлѣ; она забиваетъ на смерть помѣщиковъ, свѣчетъ, дерется и проч.

2184. [Общій фондъ].

Получено въ общій фондъ черезъ С. Тхоржевскаго подъ буквою *B* пять ф., изъ Германіи 2 ф., отъ № 19 1 ф. 12 ш.

Для семействъ убитыхъ и раненыхъ поляковъ отъ русскихъ— 4 фун.

2185. Письмо къ Н. А. Герценъ.

24 іюня (1863).

Я получилъ отъ Монтеки письмо, въ которомъ онъ пишетъ что медали въ Римѣ олучены; что жъ онъ ужъ у васъ или нѣтъ?

Саша всѣ свои порученія исполнилъ хор шо и ужъ опять собирается черезъ мѣсяцъ сдѣлать экскурсію.

Чернецкій съ типографіей переѣхалъ въ Теддингтонъ. Домъ мнѣ пересталъ нравиться, но окрестности очень хороши, оъ Hampton Court 30 минутъ, отъ Буши-Парка 5; желѣзная дорога въ Іюль откроется между домомъ и Буши Паркомъ.

Завтра мы съ Сашей ѣдемъ смотрѣть «Фауста» Gounod; въ газетахъ очень хвалятъ.

Опять потянуло войной... Это постоянное состояніе тревожнаго ожиданія моритъ душу, не даетъ времени ни на работу, ни на покой.

Затѣмъ жду отъ васъ вѣсти, куда вы рѣшились ѣхать на время жаровъ.

Пишите:

Elmfield House, Teddington, near London.

Итакъ, флику¹⁾ Ольгу цѣлую.

¹⁾ Flicka по шведски—дѣвочка.

2186. Письмо къ Ю. Клячко.

26 juin 1863.

Très cher monsieur Klaczko,

Je viens de recevoir une lettre de M-r Fr. qui a été chez Vous—et maintenant j'ai l'affaire, au moins la filière, dans mes mains. Ne pensez pas que cela soit une indiscretion de sa part—non, je comprends maintenant que tout cela était forgé à Londres; là-dessus, on est allé jusqu'à se faire un instrument de la police russe.

La lettre que Vous avez reçue—est pour moi—le point le plus important. Car je sais *qu'une personne—une seule* (non de notre intimité de 3,4 personnes) a dû savoir que j'ai reçu une lettre de Vous. J'en ai parlé au théâtre au Pr. C. Mais cela n'a rien à faire avec la personne en question.

Ecrivez moi—sans scrupule—la lettre parviendra. Voilà mon adresse après le 1 juillet.

Elm-field House, Teddington, S. W.

On peut ajouter—near London.

Nous avons des lettres de Goutch de Marseille.

Votre tout dévoué

A. Herzen.

Переводъ.

26 июня 1863.

Дорогой господинъ Клячко, я получилъ сейчасъ отъ г. Фр.¹⁾, который былъ у Васъ. письмо, и теперь все дѣло или, по меньшей мѣрѣ, нить его у меня въ рукахъ. Не думайте, что это была нескромность съ его стороны,—нѣтъ, но теперь я понимаю, что все это было выковано въ Лондонѣ и вслѣдъ затѣмъ дошло до того, что они сдѣлали себѣ орудіе изъ русской полиціи.

Письмо, полученное Вами, является для меня важнѣйшимъ документомъ, потому что я знаю, что только одно лицо—*одно единственное* (не изъ числа самыхъ интимныхъ нашихъ трехъ-четырехъ друзей) должно было знать, что я получилъ письмо отъ Васъ. Я говорилъ объ этомъ въ театрѣ съ княземъ Ч.²⁾ Но это не имѣетъ ничего общаго съ лицомъ, о которомъ я пишу сейчасъ.

¹⁾ А. Э. Фрикенъ.

²⁾ Чарторижскій.

Пишите мнѣ, ничего не опасаясь, — письмо дойдетъ.

Вотъ мой адресъ послѣ 1 юля: Elmfield House, Teddington, S. W.
Можно прибавить: близъ Лондона.

Мы получаемъ письма отъ Гутша изъ Марсели.

Совершенно преданный вамъ

А. Герценъ. ¹

◆◆ 1. Вскорѣ послѣ этого, очевидно, вслѣдствіе своего прежняго письма къ Клячко, Герценъ получилъ слѣдующее письмо изъ Варшавы отъ 25 юня (по-французски): «Варшавскій Центральный Комитетъ на общемъ собраніи своихъ членовъ, имѣвшемъ мѣсто 1 сего мая, обсуждая мѣры, принимавшіяся для освобожденія Польши отъ постыднаго рабскаго ига, большинствомъ голосовъ постановилъ: отнынѣ и на будущее время удалить всѣхъ агентовъ г. Герцена, равно и всѣхъ тѣхъ, кому онъ поручилъ пропаганду панславистскихъ идей и идей о славянской федераціи. Исключеніе изъ всего вышесказаннаго сдѣлано только для г. Михаила Бакунина, избраннаго депутатомъ національнаго правителъства за правильную и благородную защиту дѣла Польши» (привожу съ имѣющейся у меня копіи).

Очевидно, объ этихъ двухъ письмахъ отъ имени Центрального Народнаго Комитета и съ его печатью Герценъ говорить въ № 2230.

Только послѣ отысканія ихъ дѣлается ясно и письмо Бакунина отъ 1 августа изъ Стокгольма, посланное, конечно, послѣ полученія отъ Герцена сообщенія о рѣшеніи Ц. Н. Комитета:

«Меня такъ же, какъ и тебя, не только что удивляеть, но огорчаетъ, что Народное Правительство (вѣроятно, еще бѣлое) исключило мое имя изъ проклятія, брошеннаго имъ на тебя. Ни передъ поляками, ни передъ русскими не намѣренъ я отказываться отъ полной солидарности съ вами. Я никому объ этомъ не говорилъ и говорить не стану, пока ты мнѣ самъ не позволишь. Однако, не мѣшало бы какъ можно сильнѣе протестовать противъ имени «панславистовъ», которымъ они насъ награждаютъ. Вы никогда не были ими и всегда съ пренебреженіемъ смотрѣли на славянскія движенія; я не былъ также никогда панславистомъ, но въ движеніи славянскомъ принималъ горячее участіе — и теперь еще думаю, что славянская федерація — наша единственно возможная будущность, потому что она одна можетъ дать въ новомъ, совершенно свободномъ видѣ удовлетвореніе тому, несомнѣнно, въ народѣ нашемъ живущему чувству величія, которое срѣзилось или непремѣнно срѣжется на ложномъ пути императорства. Но это дѣло далеко впереди, теперь же думать о славянахъ было бы глупо, — и если мы можемъ еще заботиться о нихъ, то развѣ только для того, чтобы отвратить ихъ отъ гибельнаго союза съ

настоящую императорскую Россію. Я же о нихъ и думать позабылъ. Весь вопросъ теперь стѣненъ между Польшою и Россіею. Да, съ поляками намъ трудно. Ма о, слишкомъ мало такихъ, съ которыми мы бы могли жить душа въ душу. Знаете ли, что Демонтовичъ мнѣ напоследокъ сказалъ? Что онъ не только что не желаетъ, но боится, какъ страшнаго зла, русской революціи и что если бы ему пришлось выбирать между новою побѣдою императорства и между спасеніемъ Польши черезъ русскую революцію то онъ бы хотѣлъ скорѣе временной императорской побѣды, потому что отъ императорства будетъ еще возможно рано или поздно освободиться, въ то время, какъ революція социальная русская, вызвавъ наружю польское варварство, окончательно затопитъ польскую цивилизацію. Итакъ, друзья, вы были правы въ этомъ вопросѣ, я—не правъ; да, самый лучший полякъ намъ, какъ русскимъ, врагъ. И, все таки, мы не можемъ оставаться въ сторонѣ отъ польскаго движенія, и раскаиваться въ направленіи, которое мы приняли. Молчать и ничего не дѣлать во время такой катастрофы значило бы убить себя и нравственно и политически. Принужденные же выбирать между гнуснымъ палачомъ и благородною жертвою, мы должны были принять сторону жертвы, не обращая вниманія на то, благородна она или нѣтъ. Къ тому же порабощеніе Польши—наше несчастіе, подвиги русскихъ войскъ въ Польшѣ—наше безчестіе. Торжество Петербурга въ Польшѣ было бы гибелью для Россіи. Поэтому то мы дѣлали по святому долгу и будемъ продолжать такъ же дѣйствовать, не обращая вниманія ни на петербургско-московскіе, ни на варшавскіе крики» («Письма», 123—124).

Позже, въ ноябрѣ 1863 г. Герценъ окончательно установилъ неподлинность этихъ обоихъ писемъ: они были поддѣлкой не безъ участія III Отдѣленія и, въ частности, Балашевича-Потоцкаго.

2187. Письмо къ дочерямъ.

27 іюня (1863).

Въ послѣдній разъ пишу изъ Orsett Hous'a и на закуску, т.-е. pour la bonne bouche, пишу къ тебѣ. Ольга.

Я рассказывалъ Сашѣ всѣ подробности о тебѣ, которыя слышаъ отъ Фрикена, и намъ обоимъ очень хочется те я увидѣть; можетъ, въ сентябрѣ и пріѣду, если Саша не поѣдетъ еще разъ въ Норвегію, а то пріѣду мѣсяцемъ позже. Лиза очень довольна новымъ домомъ, и я тоже, но, какъ ты говорила, ра beau coup ¹⁾.

¹⁾ Не очень.

Саша все укладывается, Жюль укладывается, Анъ ¹⁾ (не осель, а горничная) укладывается.

Сте ла летѣтъ, ящики летятъ, вороны летѣтъ ²⁾.

Обѣда нѣтъ. Ага ужъ переѣхалъ. Чернецкій съ типографіей прискакалъ на *Tutu и Тоби* въ Теддингтонъ и привезъ съ собой Варвару Тимофеевну съ папирской.

Цѣлую тебя. Прощай.

Отъ васъ больше недѣли писемъ нѣтъ,—мы приписываемъ жару.

Насчетъ Ольгинова ученья и, особенно русскаго, еще отвѣта отъ тебя нѣтъ. Ну, а что Мальвида забыла. чай, вовсе по нашему?

Въ Сашино рожденіе я ему отдалъ твой рисунокъ въ *passer partout*. Вечеромъ мы ѣздили смотрѣть *гуняваго* «Фауста» (т.-е. оперу Gounod «Фостъ» ³⁾). Здѣсь это дѣлаетъ фуроръ.

Это—*фостъ* именнъ, а не *Фаустъ*. Мнѣ ужасно мескинно ⁴⁾ показалось; надо быть настоящему французику, чтобъ взять геніальную вещь, сдѣлать изъ нея какую то куцую оперу и быть довольнымъ. А публика-то?! И въ Her Maj. theatre ⁵⁾ и въ Covent Garden'ъ...

Писалъ я тебѣ, что слышалъ Patti? Она поетъ хорошо.

Въ «Фаустѣ» о на *Гретхенъ* порядочна—M-elle Totiens.

Хлопочемъ. Завтра я ѣду въ *Теддингтонъ*,—онъ мнѣ ужъ надоѣлъ.

Саша кланяется, писать ему некогда.

2188. Письмо къ дочерямъ.

№ 1 изъ *Теддингтона*.

1 July 1863.

Elmfield House, Teddington, S. W.

Вотъ мы и на дачѣ, милая Тата, и сегодня же открыта сюда желѣзная до ога; ѣзды изъ Waterloo Station до Теддингтона 45 м., отъ станціи до нашего дома—отъ 4 до 5 м. Кажется, я въ домѣ ошибся: окрестности превосходныя, но домъ лежитъ плохо. Можно черезъ шесть мѣсяцевъ переѣхать.

Меня давно не радовало такъ много никакое письмо, какъ твое послѣднее къ Сашѣ съ описаніемъ дня.

Я васъ вѣхъ, словно, увидѣлъ,—отъ тебя до Жеоржины, даже Стеллу, которая однимъ en effigie ⁶⁾ твоей работы и въ

¹⁾ Ане—осель, Аппе—Анна.

²⁾ Слова дѣтской игры.

³⁾ Французское произношеніе имени Фаустъ.

⁴⁾ Mesquin—жалкій, мизерный.

⁵⁾ Театръ ея величества.

⁶⁾ Въ изображен.и.

рамкъ Chatlin¹⁾. Саша сдаетъ домъ и прїѣдетъ сегодня вечеромъ. Здѣсь покойно и заниматься можно.

Я писалъ вамъ два разѣ о томъ, что вы ѣхать можете, и писалъ, почему васъ останавливалъ, но не останавливаю.

Въ расположеніи твоего дня нѣту ни обѣда, ни вечера. Читаете ли вы и что? Читай какъ можно больше и, разумѣется, вѣчныя книги,—ихъ не много, читай въ хорошемъ переводѣ (хоть нѣмецкомъ) «Иліаду», «Одиссею», читай Шекспира, читай Гете; благо, въ Италіи—читай Данте. Зато позволяется два года ничего не читать по-французски.

Далѣе, когда же Ольга учится по-русски?

Получили ли вы «Кол.» черезъ Туринъ?

Это—первое письмо отсюда; посылаю его, неувѣренный въ часъ и потому ранѣе.

Прощай.

Всѣ тебѣ кланяются, *ждутъ писемъ*. Огар. очень доволенъ твоимъ «днемъ».

Іюля І.

Милая Оля, и твое письмо очень мило. Я такъ и вижу, какъ вы на Monte Pincio—«Тата-толстая съ кринолинами» и «Мальвида-тонкая безъ кринолина». Чернецкій съ типографіей переѣхалъ сюда же, а съ нимъ—Тоби и Туту.

Исторія потери Туту вотъ какая. Хозяйка любила, любила его, да и сказала Тхоржевс., что не хочетъ больше держать, а ватѣмъ съ мальчикомъ прислала въ его лавку. Мальчикъ привязалъ его, а Жихонъ отвязалъ,—онъ и ушелъ. Говорять, будто, онъ побѣжалъ по римской дорогѣ и долго о чемъ-то ворчалъ съ собакой кардинала Вейземана, потомъ искалъ у ней блохъ за ухомъ и на берегу спрашивалъ: «Straddle Canine-Dog-Hotel и Mastiff-Cottage in Rome»²⁾).

Засимъ цѣлую тебя много разъ. Кланяйся Жеоржинѣ.

2189. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

№ 2 изъ Teddington'a.

2 іюля (1863).

А мнѣ, Тата, домъ не очень нравится; я, кажется, ошибся, но бѣда не велика. Мнѣ кажется, что вы опять не получили одного письма, гдѣ я вамъ писалъ подробно о томъ, почему я сна-

¹⁾ Переплетчикъ.

²⁾ Шутка: гостиница пса съ растопыренными лапами и вилла большой дворовой собаки въ Римѣ.

чала васъ останавливалъ, желавши самъ ѣхать съ вами въ Неаполь, а теперь не останавливаю больше. Пока вы будете пировать съ Галлэ, я не приѣду,—для меня это было бы величайшей скукой. Если я ѣду, то это для того, чтобы видѣться съ вами; посторонніе мнѣ всегда мѣшаютъ, женщины больше мужчинъ. Къ тѣмъ порамъ спишемся. Прощай. Я писалъ уже отсюда одно письмо. Ольгу цѣлую.

Ihren Brief habe ich bekommen—einen Tag später als ich Ihnen geschrieben habe. Ich habe ja alles über die Reise geschrieben—haben Sie meinen Brief bekommen oder nicht? Addio ¹⁾.

2190. Письмо къ редактору «Дня».

10 іюня 1863. London.

Г. Редактору «Дня».

Милостивый Государь!

Въ № 19 «Дня» вы напечатали письмо г. Касьянова, который меня лично знаетъ, но котораго я вовсе не знаю. Г. Касьяновъ, вѣроятно, безъ большихъ слезъ оплачиваетъ меня и, можетъ, безъ дурного намѣренія клеветаетъ на Бакунина. Отвѣтъ мой впереди—имъ я не буду беспокоить вашъ «День», но позвольте мнѣ вступить за отсутствующаго и просить васъ о помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ журналѣ.

Напечатать ихъ вы можете. Я увѣренъ, что вы не рѣшились бы воспользоваться начальническимъ разрѣшеніемъ обвинять насъ, не испросивъ предварительно дозволенія напечатать нашъ отвѣтъ. Сверхъ того, зная скромные размѣры отечественной цензуры, я сокращусь до невозможности.

Бакунинъ никогда не предводительствовалъ никакимъ польскимъ отрядомъ и *никогда не имѣлъ намѣренія* предводительствовать. Его поѣзка имѣла совсѣмъ другую цѣль. Я не слыхалъ (а, кажется, могъ бы) ни о какомъ участіи его въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр. и увѣренъ, что онъ не участвовалъ. «Положительно извѣстно, говоритъ г. Касьяновъ, что Бакунинъ въ Швеціи торжественно общается шведамъ отъ имени Россіи (вы сами не выдержали и поставили тутъ два восклицательныхъ знака) Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ—прибавку нѣсколькихъ русскихъ провинцій. Что это такое—продолжаетъ г. Касьяновъ—развѣ не измѣна?..»

Нѣтъ, гораздо проще, *это—неправда*. Позвольте, почтенный сотоварищъ, надѣяться, что вы не откажете въ просьбѣ

Уважающаго васъ издателя «Колокола»,

А. Герценъ.

¹⁾ Ваше письмо я получилъ черезъ день послѣ того, какъ написалъ вамъ. Я уже все написалъ о путешествіи,—получили вы мое письмо или не получили? До свиданія.

P. S. За особенное одолженіе сочту, если вы примете на себя трудъ прислать экземпляръ вашего журнала, въ которомъ будетъ помѣщено это письмо. *A. G.* 1

◆◆ 1. Письмо Герцена помѣщено въ «Днѣ» съ особаго разрѣшенія редактора московскаго цензурнаго комитета М. П. Щербинина, который считалъ его весьма полезнымъ для видовъ нашего правительства; впрочемъ, самъ Щербининъ не рѣшился на такой шагъ и запросилъ согласіе министра вн. дѣлъ Валуева (Архивъ П. Я. Дашкова, письмо Щербинина къ Валуеву 10 іюня ст. ст. 1863 г.).

Аксаковъ сопроводилъ письмо громаднымъ отвѣтомъ, матеріалъ для котораго получилъ отъ Я. К. Грота («Рус. Архивъ» 1906 г., VI, стр. 276—277). Приведу его полностью: онъ слишкомъ важенъ для изученія роли Герцена въ моментъ перелома общественнаго настроенія.

«Же аніе г. Герце а исполнено: письмо его помѣщено. Но намъ непонятно, почему, владѣя такимъ орудіемъ публичнаго слова, какъ «Колоколъ», проникающій въ самые сокровенные углы Россіи, обаятельно дѣйствующій на массу молодыхъ читателей и пряностью рѣчи и скандальною сплетней о Русскомъ правительствѣ и Русскомъ обществѣ, и главное — прелестью запрещеннаго плода, — почему г. Герценъ пожелалъ отвѣчать г. Касьянову не въ «Колоколѣ», а въ газетѣ, издающейся въ Россіи? Если онъ думаетъ, что читатели «Дня» не читаютъ «Колокола», то это еще не даетъ ему права отрицать въ Московской газетѣ то что, напротивъ, рѣзко подтверждается каждымъ № его Лондонской газеты, и увѣрять читателей «Дня» въ гражданской непорочности Бакунина.—который, нисколько не заботясь объ оправданіи, продолжаетъ самъ себя обличать въ преступленіи своими публичными дѣйствіями и рѣчами—равняющимся обвинительнымъ актамъ. Мы полагаемъ, что г. Герценъ поставилъ въ неловкое положеніе къ своему пріятелю словами г. Касьянова, огдѣшивша о такую рѣзкою чертою г. Герцена отъ Бакунина (не къ выгдѣ полѣзничю), захотѣлъ просто очистить совесть и исполнить долгъ пріязни и солидарности—просто естемъ, который, во имя славы, горисловнымъ огриганіемъ, нисколько не упраждаетъ обвиненій г. Касьянова и въ свю очередь, опровергаетъ я очевидными фактами.

«Г. Герценъ утверждаетъ, что «Бакунинъ никогда не предводительствовалъ Полькимъ отрядомъ, и что его поѣздка въ Швецію имѣла другую цѣль». Изъ Англій отпавляется на оходъ, нагруженный оружіемъ и цѣлымъ Полскимъ о рядомъ для высадки на Рускомъ берегѣ. Въ томъ извѣстно что пароходъ попалъ въ Швецію случайно, вслѣдствіе отказа Англійскаго шкипера продолжать плаваніе до Либавы. Съ этимъ же отрядомъ находился

на пароходѣ, по увѣренію всѣхъ газетъ, и Бакунинъ. Этотъ опытный эволюціонеръ, мастеръ революціоннаго дѣла, не можетъ играть второстепенную роль въ предпріятіяхъ подобнаго рода; въ этомъ и самъ г. Герценъ отдастъ е у справедливость, и если даже онъ не былъ пр дводителемъ въ смыслѣ военачальн ка, то безъ сомнѣнія былъ конов домъ этого сброда подмастерьевъ и работниковъ революціи, набранныхъ отовсюду «главами движенія» для святой цѣли—пролитія Русской крови!

«Но г. Герценъ, признавая вѣроятно слишкомъ тяжелымъ обвиненіе Бакунина въ предводительствованіи шайкою увѣряетъ, что Бакунинъ, отправляясь въ Швецію имѣлъ «совсѣмъ другую цѣль» Дѣйствительно, онъ остался въ Швеціи, когда послѣ олгой стянки экспедиція Лапинскаго попыталась вновь пробраться къ Курляндскому берегу, но заидѣвъ крѣй еронъ и сославши ь на бурю, возвратилась въ Швецію. Что же дѣлалъ Бакунинъ въ Стокгольмѣ? Какая же это цѣль, которую г. Герценъ считаетъ какъ будто выше и чище предводительствованія Польск имъ отрядомъ? Не ботаническія же экскурсіи въ отечествѣ Линнея? Нѣтъ, онъ агитировалъ, возбуждалъ Шведскихъ демократовъ и вмѣстѣ съ Чарторижскимъ, настраивалъ общественное мнѣніе къ войнѣ съ Россіей, насылалъ опустошеніе и гибель въ предѣлы Русской земли, кро опролитіе и смерть Русскому войску, Русскому народу. Если войны Швеціи съ Россіей не состоялось, такъ въ этомъ Бакунинъ, конечно, не виноватъ, и дѣйствія его нисколько оттого не теряютъ свое о значенія. Чья правдивая совѣсть можетъ признать такой способъ дѣйствія *меньше* преступнымъ, чѣмъ предводительствованіе шайкой?... Г. Герценъ такъ безсиленъ въ защитѣ Бакунина, что даетъ нѣкоторый поводъ предполагать внутреннее прогнорвчіе его совѣсти съ словами. Не ясно ли, что предводительствованіе *чище* уже тѣмъ, что предводитель подвергается опасности и рискуетъ жизнью, тогда какъ агитаціи и махинаціи въ Стокгольмѣ безопасны и комфортабельны: можно пить и ѣсть на чужой счетъ, снова гремѣть въ Еврлѣ своими рѣчами, расплаять самую злую ненависть къ Россіи (притомъ дѣлая оговорку въ пользу Русскаго народа, оговорку, въ которую и самъ не вѣришь!), можно расточать чужую кровь, не расходуя своей ни капли! Всякій успѣхъ Бакунинской агитаціи, всякій лишній постанецъ, доставленный имъ Польскимъ шайкамъ, дѣлаетъ его соддарнымъ съ Польскимъ знаменемъ, со всѣми злодѣйствами Поляковъ, кладетъ на него отвѣтственность за проли ую кровь Русскаго народа. Эта кровь ложится на голову и ему и г. Герцену, если онъ объявляетъ себя за одно съ Бакунинимъ,—хотя бы оба они и не принимали участія собственнымъ тѣломъ въ битвѣ!

«Г. Герценъ увѣряетъ, что Бакунинъ «не участвовалъ въ прокламаціяхъ, манифестахъ и пр.» Что это? Читаешь и не вѣришь! Видно, что г. Герценъ не только революціонеръ, но и политикъ,

и что его революціонная политика разрѣшаетъ ему самую явную неправду. Не только Бакунинъ, но и самъ г. Герценъ положительно участвуютъ въ прокламаціяхъ. Въ «Колоколѣ» было возвѣщено о солидарности Герценскаго кружка съ «національнымъ комитетомъ *Земля и Воля*», а этотъ комитетъ дѣйствуетъ посредствомъ подметныхъ прокламацій, живыхъ манифестовъ и проч. и проч. Мы сами видѣли одну изъ прокламацій за зеленою печатью комитета, именно ту, въ которой комитетъ заявляетъ о своей связи съ редакціей «Колокола». Наконецъ, объ этой же связи и солидарности своей съ комитетомъ торжественно возвѣстилъ и самъ Бакунинъ, какъ увидятъ читатели ниже. Объявлять свою солидарность съ фабрикой подложныхъ манифестовъ и прокламацій, значитъ принять на себя отвѣтственность за всѣ ея дѣйствія. Какимъ же образомъ г. Герценъ старается *убѣлить* своего пріятеля отъ ложнаго будто бы обвиненія — участія въ прокламаціяхъ? И съ какою цѣлю? Признаетъ ли онъ такое участіе дѣломъ чернымъ, — такъ зачѣмъ же самъ въ немъ участвуетъ и допускаетъ участвовать Бакунина? А когда они оба участвуютъ, такъ къ чему же эта попытка укрыться отъ обвиненія?... Это что-то новое въ дѣятельности г. Герцена. До сихъ поръ она, какова бы ни была, отличалась прямою и откровенностью. Но революціонная политика заставила г. Герцена сдѣлать и не такую уступку...

«Именно — уступку Польскимъ притязаніямъ на древнія Русскія области. Поляки подняли знамя, на которомъ ярко выставили: возстановленіе Польши въ границахъ 1771 года. Феликсъ, о связи котораго съ Бакунинымъ читатели прочтутъ ниже, издалъ, какъ гласятъ благопріятныя ему Шведскія газеты, программу Польскаго возстанія въ томъ же смыслѣ. Поляки съ своей стороны уступокъ не дѣлаютъ, но Герценъ и Бакунинъ стоятъ тѣмъ не менѣе подъ Польскимъ знаменемъ и ратуютъ за польское дѣло, — *ни разу не протестовавъ* противъ Польскихъ притязаній. Эти притязанія Поляковъ — не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ — выразились въ покушеніяхъ произвести возстаніе въ Волыни, Подолиі, Бѣлоруссіи, — захватить себѣ Русскія области! Поляки объявляютъ православіе упраздненнымъ и навязываютъ народу замаскированное латинство подъ именемъ уни: г. Герценъ и Бакунинъ *не протестуютъ!* Поляки возстановляютъ старинное дѣленіе Польскаго государства, назначаютъ Поляковъ «Русскими» воеводами, обнаруживаютъ явное намѣреніе ополячить Русскій народъ: Герценъ и Бакунинъ *не протестуютъ...* Поляки совершаютъ неслыханныя жестокости надъ Русскими солдатами, священниками и крестьянами: Герценъ и Бакунинъ *не протестуютъ...* Русскіе крестьяне встаютъ противъ дерзкихъ замысловъ Польской шляхты, бьютъ повстанцевъ, вяжутъ помѣщиковъ... Герценъ и Бакунинъ *протестуютъ!* Протестуютъ противъ храброй защиты солдатъ, противъ народнаго возстанія, свергающаго деспотическое Польское иго; протестуютъ, — заявляя вѣрноподданническую преданность Польскому

знамени, т. е. Польской шляхтѣ и латинскимъ ксендзамъ—своимъ новымъ вождямъ и союзникамъ!

«О томъ, что Бакунинъ общалъ отъ имени Россіи Шведамъ Финляндію, а Полякамъ Русскія области, мы читали сами въ иностранныхъ газетахъ, да и можно ли въ этомъ сомнѣваться, когда Бакунинъ продолжительно хлопоталъ о возбужденіи Шведовъ къ войнѣ съ Россіей? Какая другая цѣль войны можетъ быть для Шведовъ, кромѣ возращенія Финляндіи!?... Что же касается до Поляковъ, то сказаннаго выше—достаточно, чтобы убѣдиться насколько справедливо отрицательство г. Герцена! Мы не хуже его знаемъ, что союзъ съ Поляками можетъ быть купленъ только согласіемъ на уступку Русскихъ областей, и хотя Бакунинъ и объявлялъ прежде о необходимости рѣшить этотъ вопросъ спросомъ самого народа,—однако же положительное молчаніе г. Герцена и Бакунина при возглашеніи Поляками ихъ притязаній и при ихъ попыткахъ къ насильственному захвату, отсутствіе всякаго протеста съ ихъ стороны, негодованіе ихъ на Русскихъ крестьянъ, возставшихъ за свою свободу противъ Польскихъ пановъ, и соблѣзнованіе объ участи Польскихъ пановъ, желавшихъ господствовать надъ Русскимъ народомъ,—все это только еще въ сильнѣйшей степени подтверждаетъ истину словъ г. Касьянова!

«Но такія сдѣлки съ совѣстью не проходятъ безнаказанно. Г. Герценъ уже казнится за нихъ паденіемъ своего авторитета въ умахъ Русскаго молодого поколѣнія, — своимъ собственнымъ личнымъ паденіемъ, обнаруживаемымъ послѣдними №№ его «Колокола». Въ 158 №, за мартъ мѣсяцъ, онъ съ дикою яростью называетъ Русскихъ солдатъ: «зажигателями, разбойниками, не признающими *права собственности*, шайкою пьяныхъ убійцъ, одичалыхъ грабителей, звѣрей» и проч. и проч., собираетъ тщательно и помѣщаетъ съ аккуратностью всякіе невыгодные для Русскаго войска слухи, а также и разныя донесенія къ нему отъ Русскихъ офицеровъ (вѣроятно Польскаго происхожденія) о томъ, что какой-нибудь солдатъ укралъ изъ костела чашу и продалъ ее за 15 руб., приходитъ отъ этого въ ужасъ, разражается ругательствами, и на другой же страницѣ оправдываетъ звѣрскій поступокъ Поляковъ съ жандармскимъ капитаномъ Гроузэртомъ! («Во! на безъ доблѣсть не бываетъ», говоритъ онъ въ другомъ № въ извиненіе Польскихъ злодѣйствъ!). Тутъ же печатаетъ онъ съ сочувствіемъ письмо какой-то помѣшанной Украинки, взывающей къ Украинцамъ: не защищать Украины отъ Поляковъ!!!

«До какого паденія, до какого разрыва съ Русскимъ народомъ долженъ дойти человѣкъ, до какой степени запутаться умственно и нравственно, чтобы съ пагосомъ возглашать такія рѣчи и ждать отъ нихъ дѣйствія на Русскій народъ! Не негодованіе даже, а глубокое сожалѣніе о г. Герценѣ, возбудило въ насъ чтеніе этого № «Колокола». Мы раздѣляли надежды г. Касьянова относительно г. Герцена... Неужели мы должны отъ нихъ отказаться?

«Въ окончательное опроверженіе «отвѣта» г. Касьянову отъ г. Герцена и его защиты Бакунина, помѣщаемъ вполнѣ статью *Аугсбургской* «Всеобщей Газеты», частью уже напечатанную въ «Инвалидѣ»:

Бакунинъ по поводу революціонной партіи въ Россіи.

«Извѣстный Русскій бѣглець Михаилъ Бакунинъ высказался подробно въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Стокгольмскихъ газетахъ, о планахъ и дѣйствіяхъ революціонной партіи въ Россіи и при томъ далъ много такихъ объясненій, которыя будутъ не безъ интереса и для Нѣмецкихъ читателей. Но ненужно забывать, что тутъ горюигъ фанатикъ-бѣглець, слова котораго должно всегда принимать съ осторожностью ¹⁾.

«По свѣдѣніямъ, имъ сообщаемымъ, революціонный заговоръ въ Польшѣ, а также и заговоръ между Русскими офицерами (?) начался около двухъ лѣтъ тому назадъ. Въ то время, какъ Русскіе солдаты били и оскорбляли, по приказанію начальства, безоружныхъ людей въ церквахъ возникъ (?) Польскій заговоръ двѣнадцать молодыхъ людей «безъ имени, безъ положенія и имущества, но полные душевной силы, вѣры и того святаго огня, который составляетъ единственную дѣйствительную силу возрожденія несчастныхъ народовъ», составили въ 1861 г. зерно той могущественной организаціи, черезъ посредство которой національное правленіе владѣетъ въ настоящее время Польшей. Тогда же одновременно образовался, и даже въ самой Варшавѣ, тайный Русскій военный комитетъ. Онъ состоялъ изъ Русскихъ офицеровъ, приходившихъ въ отчаяніе и стыдившихся той роли, которую Русское правленіе заставляло ихъ разыгрывать въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ признававшихъ справедливость польскаго дѣла, такъ же какъ и тѣсное соединеніе съ нимъ дѣла освобожденія въ Россіи. Офицеры вскорѣ соединились съ небольшими, но сильнымъ по вліянію кружкомъ, которому органомъ служить «Колоколь» Герцена, и оба вмѣстѣ заключили тогда союзъ съ Польскимъ центральнымъ комитетомъ въ Варшавѣ ²⁾, союзъ, который потомъ позднѣе былъ формально ратификованъ центральнымъ комитетомъ тайнаго Русскаго національнаго общества въ Петербургѣ: «Земля и Воля». Это общество, состоящее изъ военныхъ, помѣщиковъ, духовныхъ, служащихъ и множества лицъ средняго

¹⁾ Это предостерегаетъ своихъ читателей Нѣмецъ. Наглость лживаго опроверженія г. Бакунина до такой степени очевидна, что русскіе читатели ни въ какомъ предостереженіи и не нуждаются. *Ред. «Дня».*

²⁾ Котораго знамя: возстановленіе Польши съ отторженіемъ Русскихъ областей и ополяченіе Русскаго народа! Вотъ съ чѣмъ заключенъ союзъ г. Бакунинымъ по собственному его сознанію! А г. Герценъ еще отрицаетъ слова Касьянова! *Ред. «Дня».*

сословія (?!), распространяется въ настоящее время уже по всей Россіи и имѣеть весьма опредѣленную политическую и социальную программу. Русскій союзъ офицеровъ въ Варшавѣ вскорѣ насчитывалъ до 300 членовъ ¹⁾, которые въ вѣдѣніи ревностно старались распространить пропаганду между Русскими солдатами. Этими усиліями однако слишкомъ рано былъ положенъ конецъ. Солдаты только что начали склонять слухъ къ представленіямъ офицеровъ, какъ Русское правительство и боромъ вызвало возстаніе прежде времени. Одинъ отрядъ Русскихъ солдатъ присягнулъ, однако, въ первые дни Польскаго возстанія революціонному русскому знамени, носящему надпись: «Земля и Воля», но обманутый ложными слухами, которые Русское правительство сумѣло распространить объ мнимыхъ жестокостяхъ Польскихъ инсургентовъ противъ Русскихъ солдатъ, измѣнилъ скоро опять свой взглядъ и обратился, такъ же какъ и другіе, противъ Поляковъ (?!). Русское Правительство употребило еще другое средство, для того, чтобы дѣйствовать на солдатъ: оно обогатилось къ его самымъ дурнымъ страстямъ, и не только допустило солдатъ грабить, жечь, бесчестить и убивать, но и прямо побуждало ихъ на подобныя поступки ²⁾. Это ужасное средство послужило между тѣмъ къ сильнѣйшему распространенію возстанія между всѣми классами общества въ Польшѣ и возбудило одновременно раздраженіе за границей: съ другой стороны оно произвело ослабленіе дисциплины между Русскими солдатами, такъ что эти послѣдніе иногда обращали дула своихъ ружей противъ своихъ собственныхъ офицеровъ (?!), когда эти, особенно самые молодые изъ нихъ, стараются ихъ обуздать. Ежедневно, говоритъ Бакунинъ, переходятъ Русскіе офицеры къ Полякамъ (?) и между Русскими распространяется все болѣе и болѣе убѣжденіе, что дѣло идетъ не о національной войнѣ, а борьбѣ челоувѣчности и свободы противъ тиранніи ³⁾. На банкетѣ, данномъ въ честь Бакунина въ Стокгольмѣ, Феликсъ, секретарь Демонтова, а только что возвратившійся изъ поѣздки въ Варшаву по тайному порученію къ центральному комитету, назвалъ многихъ Русскихъ офицеровъ перешедшихъ къ полякамъ при Зарѣ, Бѣлостокѣ, Люблинѣ, Конинѣ и Кутно, особенно превозносилъ онъ между ними Александра Потембу, о которомъ и Бакунинъ отзывался съ величайшимъ восторгомъ; этотъ

¹⁾ Развѣ 3-хъ? Впрочемъ офицеры Русской арміи уже протестовали противъ клеветы, такъ обильно на нихъ расточаемой. *Ред. «Дня».*

²⁾ Напротивъ, Русское военное начальство въ Польшѣ подвергается всеобщему упреку въ излишней и невѣстной деликатности съ людьми, стоившими Русскому народу столько жертвъ, столько Русской крови. Да и самъ Бакунинъ не вѣритъ своимъ словамъ, и самъ по себѣ знаетъ, какъ велико благодущіе нынѣшняго правительства. *Ред. «Дня».*

³⁾ Дѣйствительно противъ тиранніи — тиранніи Польскаго шляхетства и латинства надъ Русскимъ народомъ и вообще надъ Славянской стихіей.

офицеръ основаль офицерскій комитетъ въ Варшавѣ и союзъ «Земля и Воля». Онъ палъ въ стычкѣ при Скалѣ во главѣ Польскихъ косиньеровъ. Изъ двѣнадцати основавшихъ Польскій заговоръ и первый тайный комитетъ, ни одинъ, какъ уже сообщалъ прежде Феликсъ, не остался въ живыхъ; они всѣ, одинъ при томъ, другой при другомъ случаѣ, попали въ руки Русскаго правительства. Ни одинъ изъ нихъ не измѣнилъ тайнъ ни въ одномъ словѣ; они погибли, но Русское правительство и не подозрѣвало, какое мѣсто занимали они въ заговорѣ.

«Эта рѣчь Бакунина—страшный обвинительный актъ на него и на г. Герцена предъ лицомъ всего Русскаго народа,—актъ, предъ которымъ блѣднѣютъ обвиненія г. Касьянова; а попытка г. Герцена оправдать Бакунина—является жалкою и ненужною... недобросовѣстностью, чтобы не сказать хуже. Бѣдный г. Герценъ!

«Въ заключеніе скажемъ, что г. Герценъ, точно, не знаетъ г. Касьянова подъ этимъ именемъ, потому что это имя—псевдонимъ. Что же касается до «начальническаго разрѣшенія обвинять его и Бакунина», то г. Герценъ и Бакунинъ, ставши явно въ ряды противниковъ Русскаго народа и принявъ участіе въ настоящемъ кровопролитіи, сами дали разрѣшеніе обвинять ихъ, безъ всякаго на то официальнаго дозволенія. Никому и въ голову не придетъ спрашивать или давать разрѣшеніе,—чтобы обвинить Лангевича, Свѣнторжецкаго, Чарторижскаго и имъ подобныхъ. Точно такъ же никому и въ голову не придетъ заботиться о томъ, можно ли будетъ помѣстить возраженіе Лангевича, Свѣнторжецкаго и другихъ «бандитовъ», — когда имъ открыто поле всей Европейской журналистики и страницы всесвѣтнаго Русскаго, — не знающаго, какъ мы, стѣсненій цензуры, слѣдовательно *привилегированнаго* журнала,—многопрославленнаго «Колокола».

2191. Польскій мартирологъ.

Убіеніе плѣнныхъ и раненныхъ.

Русскими солдатами, по приказу начальства, убиты:
 Въ Люблинѣ—Франковскій, тяжело раненный;
 Въ Кіевѣ—Зелинскій;
 Въ д. Варки—Кононовичъ, Садовскій, Лабенскій;
 Въ Динабургѣ—графъ Платеръ, взятый не на полѣ битвы, не съ оружіемъ въ рукахъ...
 Въ Вильнѣ—Юліанъ Лесневскій;
 Въ Сѣдлецѣ—Константинъ Мицевичъ, Александръ Чарнецкій.
 Чему же дивиться, что солдаты добиваютъ раненныхъ? У нихъ есть цѣль—снять сапоги, а эти отчего убиваютъ? Оттого,

что они—звѣри, оттого, что они—мерзавцы! Нѣтъ, не то,—ни звѣря такого нѣтъ, ни слова.

Покойтесь, святые мученики! Авось либо, русское имя, запятнанное вашею кровью, отмститъ русской местию за васъ! И да погибнуть палачи ваши!

Мы кончили кровавый списокъ, когда прочли, что раненый Сѣраковскій *повѣшенъ* въ Вильнѣ, а въ г. Лидѣ разстрѣлянъ ксендъ Фальковскій.

...Далѣе разбѣй, насиліе и палачество итти не могутъ. Такъ вели Тридцатилѣтнюю войну, такъ оканчивали Богемію, такъ дикіе въ Азіи и Африкѣ истребляютъ цѣлыя поколѣнія..

И есть рабы-риторы и рабы доктринеры, прославляющіе это злодѣйское царствованіе! И есть безумные, простодушно защищающіе это кровавое правительство и подзадоривающіе его!.. Тотъ, кто любитъ народъ русскій, тотъ долженъ во искупленіе его, звать на главу его кару очистительныхъ несчастій.. Насколько поляки счастливы нась — имъ предстоитъ только честная кончина,—позоръ завѣщается намъ!

...Чего ждетъ старый міръ, міръ цивилизаціи, гуманности? Краснорѣчіемъ палатъ и журналовъ не развяжешь ни одной петли, затягиваемой царемъ, не отведешь ни одного дула отъ груди приговоренныхъ.

Пора, наконецъ, разрѣшиться вопросу, кто изъ нась правъ: мы ли въ нашемъ недовѣрїи къ Европѣ, или ея поклонники въ своей вѣрѣ?..

Много горя приняли мы за нашу дерзость отъ нашихъ ученыхъ сѣотчичей, пока имъ *служба* не мѣшала быть рабами и Европы...

Кого же оправдаетъ она?

...Въ самомъ началѣ возстанія мы отвѣчали на вопросъ: «Что же Европа, развѣ допустить усмирить Польшу какъ въ 1831?» — *Допустить!*

То же повторили мы черезъ четыре мѣсяца. И теперь, черезъ полгода намъ кажется, что она *допуститъ гораздо больше, чѣмъ* въ 1831 году.

Конечно, Европа можетъ сказать, что это не ея дѣло, и даже будетъ права по тому высокому понятію братства народовъ и круговой ихъ поруки, которымъ такъ кичится Англія, и которое называется *невмѣшательствомъ*. Безъ сомнѣнія, она имѣетъ полное право, сложа руки, смотрѣть, какъ лучшій, поэтическій, рыцарскій, доблестный представитель ея — Польша гибнетъ, терзаемая грубымъ, плотояднымъ животнымъ, паразитно выросшимъ на несчастномъ, забитомъ народѣ, и еще больше — смотрѣть съ тѣмъ наслажденіемъ, съ которымъ, по словамъ Лукреція ¹⁾, человѣкъ, сидящій на берегу, смотритъ на утопающаго.

¹⁾ Знаменитый римскій поэтъ, авторъ философской поэмы «О пригродѣ вещей».

Все это такъ, но Европа исходить участіемъ... она, гуманная, сострадательная, вовсе не радуется, а кричитъ утопающему: «работай, держи.ь, выбивайся изъ силъ... я тебѣ подамъ... если не руку, то прекрасный совѣтъ и слезу сердца, не очень молодого, но, все же, чувствительнаго!».

Да и кому она повинна отъ томъ?

Не по ожетъ, такъ и не поможетъ! Неужели ей смотрѣть на то, что какой нибудь сумасшедшій датскій принцъ ¹⁾ скажетъ: «однѣ публичныя женщины и судомойки воютъ и причитаютъ тогда, когда надобно дѣйствовать!».

2192. «Колоколь» и «День».

(Письмо къ г. Касьянову).

Милостивый Государь.

Послѣ той доброй и благочестивой женщины, которая года четыре тому назадъ такъ усердно сокрушалась обо мнѣ или, по крайней мѣрѣ, о будущихъ судьбахъ моей души ²⁾, вы—первый русскій, пожалѣвшій меня и признавшійся въ этомъ въ русскомъ журналѣ, выходящемъ въ Россіи,—какъ же мнѣ не быть благодарнымъ и не отвѣчать вамъ? Журнальные или, лучше сказать, *дежурные* противники мои ограничиваются обыкновеннымъ плицейскимъ краморочіемъ и думаютъ, что, обругавъ меня, они исполнили все, что требуетъ отъ нихъ служба.

Вы, если и на *патриотизмъ*, то, все же, не на службѣ, и я чрезвычайно радъ поговорить съ партикулярнымъ соотечественникомъ.

Вы сказали въ вашемъ письмѣ изъ Парижа, что *искренно* меня жалѣете, и я не хочу въ этомъ сомнѣваться, но, по несчастію, можно быть очень искреннимъ и очень ошибаться я. Вы меня считаете въ этомъ положеніи и, вѣроятно, ничего не имѣете противъ того, чтобъ я вамъ платилъ то же монетой.

Какъ самый искренній человекъ подъ вліяніемъ страстнаго увлеченія можетъ, любя истину, принимать за правду всякую ложь, это я в мѣ сейчасъ докажу. Если-бъ вы не были одержимы острымъ патриотизмомъ, могли ли бы вы повѣрить «въ варооломеевскую ночь Польши, гдѣ *нѣсколько тысячъ человекъ русскіхъ* были умерщвлены самымъ *предательскимъ* образомъ».

Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ была эта варооломеевская ночь? Когда погибли эти *нѣсколько тысячъ человекъ, предательски* убитыхъ? *Нѣсколько тысячъ* труповъ не могутъ пропасть, какъ булавка.

¹⁾ Христіанъ.

²⁾ См. № 1182

Дѣлали ли вы эти вопросы? Спросили ли вы имена погибшихъ полковъ, имена городовъ и сель, въ которыхъ они погибли?

Повторяя каннибальскую клевету, выдуманную полиціей, подумали ли вы, какой страшный вредъ вы дѣлаете? Пока полицейскую фантазію *муссировали* ¹⁾ (какъ говорятъ у васъ, въ Парижѣ) *на етъсь* покупаемые журналисты, которыхъ всѣ презираютъ, а поляки иногда въ самомъ дѣлѣ *вѣшаютъ*, — порядочные люди не вѣрили; но, видя то же самое въ журналѣ, представляющемъ, хотя и крайнее мнѣніе, но, все же, мнѣніе, а *не въдомство*, многие убѣдятся, что въ самомъ дѣлѣ было такъ, — и вы плеснули масла въ разжигаемую правительствомъ племенную ненависть...

Встрѣчая вашей вѣрой вареоломеевскую ночь Польши, вы, вмѣсто грома проклятій *русскому*, «радующемуся избіенію нѣсколькихъ тысячъ соотечественниковъ», «жалбете» объ немъ. Въ этой непослѣдовательности я вижу что-то въ родѣ сомнѣнія насчетъ вареоломеевской ночи и, съ своей стороны, начинаю жалѣть, что меня не было съ вами, когда вы были удручены ужасной вѣстью. Какой елей пролилъ бы я на вашу скорбь! — я сказалъ бы вамъ, что эти нѣсколько тысячъ убитыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человекъ, слава Богу, здоровы и значительно поправили свое бѣдственное положеніе, *молодецки* ограбивши поль-Польшу.

Въ началѣ возстанія въ двухъ-трехъ мѣстахъ нѣсколько солдатъ, застигнутыхъ врасплохъ, были убиты. Эти кровавыя и ненужныя жестокости повредили повстанцамъ больше десяти *телеграфическихкихъ* побѣдъ Шильдеръ-Шульдера, Витгенштейна, *Миллера*, *Шульца* и другихъ нѣмецкихъ. Пожарскихъ, спасающихъ Россію въ виду Кракова, предательски отданнаго Австріи отцомъ нынѣшняго государя.

Изъ этихъ отдѣльныхъ фактовъ выдумали сказку о предполагаемой вареоломеевской ночи для поощренія солдатъ и патетическаго введенія ихъ въ пугачевскій день. Объ нѣсколькихъ тысячахъ я и не слышалъ, несмотря на то, что съ января мѣсяца слѣжу съ се дечнымъ трепетомъ и самымъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ въ Польшѣ. Я знаю многихъ изъ главныхъ дѣятелей, я видѣлъ, какъ люди ѣхали въ Польшу, и видѣлъ, какъ возвращались; я говорилъ съ людьми, которые едва успѣли вымыть руки отъ пороху и отъ крови своихъ ранъ, и могу васъ увѣрить, что ничего не слышалъ похожаго на разбой русскихъ солдатъ, грабежъ ихъ начальниковъ, добиваніе, разстрѣливаніе плѣнныхъ и раненыхъ. Въ послѣднее время явилось съ польской стороны больше ожесточенія, чѣмъ прежде; пенять не на кого — это вызвано пожарами, грабежомъ, убійствами и начальническими зуботычинами.

Не говорите, пожалуйста, объ этихъ интересныхъ жертвахъ, которыхъ караетъ таинственная, но жестокая рука вемическаго

¹⁾ Раздували.

суда ¹⁾), надъ которыми не могутъ довольно наплакаться *ихъ товарищи по службѣ*... Приподнимите немного виноградныя листья «Journal de St.-Petersbourg» и съ другой стороны банныя листы «Московскихъ Вѣдомостей», и вы ясно увидите, что эти невинныя жертвы—шпіоны, доносчики, переметчики.

Они имѣютъ, конечно, отъ природы право на жизнь, но приобрѣли тоже своимъ трудомъ право на поби и на всѣ другія послѣдствія ими избранной карьеры... Что прикаже е дѣлать съ этой растлѣнной тварью, ползающей по окровавленному полю, подслушивая, подглядывая, продавая и предавая св.ихъ? Какъ съ ними быть не только въ разгарѣ междоусобія, но на мирныхъ берегахъ Москвы-рѣки? Что, напримѣръ, прикажете дѣлать съ.. что это?.. будто кто-то испугался?.. а я нарочно сказалъ, у меня и имени собственнаго никакого въ головѣ не было..

Если вы этихъ негодяевъ жалѣете, то сдѣлайте одолженіе, не жалѣйте меня. Да и что вамъ объ нихъ печалиться?.. Ночныя гады, подслушивающіе во мракѣ и тишинѣ, по своему званію враги «Дня» и колокольнаго звона.

И что значитъ уничтоженіе шпіоновъ и переметчиковъ въ сравненіи съ разстрѣливаніемъ этихъ героическихъ людей, отвагѣ, преданности которыхъ удивляется весь свѣтъ? За рядами солдатъ, за крѣпостной стѣной сидитъ спокойно какой-то презусъ Семяка ²⁾ и приговариваетъ къ разстрѣливанію—сегодня Нечая, завтра Падлевскаго, послѣзавтра Франковскаго. Правительство, переговаривая съ Европой и корча гуманное лицо, торопится въ полумракѣ на скорую руку, пока ее кто-нибудь не схватитъ за обшлагъ, убить, придушить наибольшее число вождей, которымъ оно само можетъ только поставить въ вину ихъ фанатическую любовь къ отечеству. И ваше сердце молчитъ, когда на крѣпостномъ валу проклятыхъ цитаделей оди ѣ молодой трупъ падаетъ за другимъ—не въ бою, а по Семякину суду?..

...Такъ, какъ вы повѣрили въ вареоломеевскую ночь, не смотря на то, что петербургская исторія зажигательствъ могла вамъ дать мѣру правительственнаго вранья, такъ, увлеченные ревнивымъ патріотизмомъ, вы повѣрили всякимъ газетнымъ сплетнямъ, которыя удаять и продаютъ à la ligne ³⁾), въ низменныхъ политическихъ болотахъ, тощѣ рыболовы нѣмецкихъ газетъ, и громите Бакунина, бросая въ чловѣка, много вынесшаго за свои убѣжденія, рядъ нелѣпыхъ обвиненій. Зачѣмъ же у васъ такъ мало памяти, такъ мало критики и,—простите меня,—такъ мало сердца? Отчего вы не остановились ни передъ какимъ раздумьемъ? Я не принадлежу къ числу сентиментальныхъ поклонниковъ вся-

¹⁾ Fehmgericht—тайное уголовное судилище въ средневѣковой Германіи.

²⁾ Константинъ Романовичъ Семякинъ, помощникъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа.

³⁾ Построчно.

каго страданія и всякаго мученичества. но, признаюсь откровенно, что прежде, чѣмъ бы я рѣшился на рѣзкое порицаніе челоуѣка, вышедшаго послѣ двѣнадцатилѣтнихъ казематовъ и ссылокъ съ тою же вѣрой и съ полной готовностью с ова итти въ казематъ, съ которой взошелъ въ нихъ, я десять разъ подумалъ бы или, по крайней мѣрѣ, искалъ бы доказательствъ. Можетъ, ваши московскіе круги очень обилны этими несокрушимыми энергіями, этими цѣльными характерами,—все же, это не резонъ.

Бакунинъ. послѣ своего пріѣзда въ Лондонъ, нѣскольکو разъ высказывалъ свое мнѣніе объ Литвѣ и Волыни, о Подоіи и Украинѣ. Оно совершенно согласно съ нашимъ мнѣніемъ, заявленнымъ не одинъ, а двадцать разъ съ 1848 года. Что наши мнѣнія не совершенно ошибочны, въ этомъ нашь удостовѣряють три свидѣтельства. Съ нами соглашались дѣятельные, предвые представители польскаго возстанія, съ нами соглашались русскіе офицеры, и вообще, русскіе независимые, т.-е. не несущіе на себѣ креста патріотизма и не ищущіе ачинскаго креста въ петлицу, наконецъ, съ нами соглашались—и это важнѣе остального—украинцы. Авторъ превосходной статьи въ «Колоколѣ» 1860, листъ 61, заключаетъ слѣдующими словами, сжато представляющими все возрѣніе наше: «Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ своими земли, заселенныя нашимъ народомъ»¹⁾.

Мы признаемъ отдѣльнымъ провинціямъ полное право на всяческую автономію, на вольное соединеніе, на полное слитіе, на полное расторгненіе. Кто изъ насъ будетъ оспаривать права Остзейскихъ провинцій на неразрывную связь съ петербургской имперіей? Ихъ къ этому паразитизму влечетъ, сверхъ симпатій и химическаго сродства, ихъ гадкое отношеніе къ финнамъ; нѣмецкій элементъ безпомощно потерялся бы на балтійскихъ берегахъ безъ огромной полицейской руки, поддерживающей его; поэтому мы находимъ, напр., совершенно естественнымъ адресъ Эзеля и другихъ его товарищей. Ну, а Финляндія,—она вовсе не проситъ полицейской поддержки, она, вообще, ничего не проситъ отъ Петербурга. кромѣ того, чтобъ онъ ее оставилъ въ покоѣ; на какомъ же справедливомъ основаніи можно ей, противъ ея воли, втѣснять благодѣнія полиціи, цензуры, III Отдѣленія?

Разумѣется, что мысль федерализаціи и расчлененія, такъ же, какъ мысль національности, можно довести до карикатуры преувеличеніями. Но это будетъ шалость, а не возраженіе; только тѣ группы, провинціи, тѣ части государства и будутъ добиваться до самобытности, которыя имѣють дѣйствительные элементы на особность, на самобытность. Съ какой стати Калужская губернія или Тульская скажетъ, что она хочетъ быть *своей*, какъ Украина?

Мы не вѣримъ ни въ благосостояніе, ни въ прочность чудовищныхъ имперій, намъ не нужно столько земли, чтобъ любить

1) Статья Н. И. Костомарова.

родину. Желаніе географическихъ расширеній принадлежитъ къ росту народовъ, и если оно переживаетъ ребячество, то это свидѣтельствуешь только о неспособности такого народа къ совершеннѣйшю. Все неразвитое—органическая пластика, начальное искусство — бросается на количественную категорію, все неразумное опирается на силу кулака.

Между вами, нами, русскимъ народомъ и имперіей всероссійской совсѣмъ нѣтъ столько общаго, какъ думаютъ. Мы знаемъ, какъ сильны предрассудки въ этомъ отношеніи, но, вѣдь, и другіе предрассудки были сильны и также облиты были кровью жертвъ и кровью преданныхъ, а гдѣ они теперь? Цѣлость агломерата, сохраненіе его наростовъ, отстаиваніе насильно проглоченныхъ кусковъ, которыхъ желудокъ не перевариваетъ,—все это постороннее судьбамъ народа, враждебно имъ. Во имя сильной, несокрушимой имперіи народъ былъ раздавленъ, обобранъ, во имя ея держались крѣпостное право, чиновничество, рекрутчина. И это не все. Отнимая всѣ гражданскія права у простаго человѣка, у этого круглаго раба, поддержали въ немъ кичливую мысль о непобѣдимости россійской имперіи, въ силу которой у него развилось вмѣстѣ съ высокоуміемъ относительно иностранцевъ смиреннѣйшее раболѣпіе передъ непобѣдимыми своими властями.

Неужели и православный «День» принимаетъ басурманскую мысль нѣмецкихъ любуудровъ, что цѣль народа—государство, такъ, какъ цѣль мужа и жены—бракъ? Кромѣ нѣмца или доктринера, никто не будетъ поддерживать такія школьныя нелѣпости. Оставьте государственнымъ людямъ, какъ Катковъ и Горчаковъ, проповѣдывать цѣлость имперіи. Они по своему положенію должны защищать ими представляемое государство. Катковъ сознается, что не можетъ безъ боли думать о потерѣ Польши; онъ страдаетъ, какъ будто у него отнимаютъ ногу или казенныя объясненія. Вашъ «День»-то зачѣмъ хочетъ владѣть католиками? Эта патріотическая жадность никуда не годится и можно, вовсе не дѣлая преступленія, отдать чужое. Никто не обвиняетъ англійскихъ министровъ въ измѣнѣ за то, что они отдають Ионическіе острова. Лордъ Чатамъ вѣкъ тому назадъ говорилъ, что Америка настолько зрѣла, что не останется подъ опекой метрополи и что потому умнѣе ее оставить въ покоѣ.

Ни сила безъ права, ни право безъ силы ничего не рѣшаютъ. Историческія воспоминанія, археологическіе документы такъ же недостаточны для возстановленія національности, какъ насиліе для ея подавленія. Преданіе и *statu quo* составляютъ своего рода *выборку*,—одно погребло, другое осталось, измѣнилось; разные элементы, разные слѣды прошедшаго переплелись въ *настоящемъ* жизни народной, создали свои стремленія, запросы. Чего хотятъ народы, они умѣютъ заявить.

Навязать рѣшеніе гораздо мудренѣе, чѣмъ кажется, и равно трудно правительству и революціи. Что сдѣлала прусская камера,

призывая народъ, не имѣющей смысла политической свободы, къ защитѣ конституціи? Что сдѣлало русское правительство съ Польшею тридцатью николаевскими годами? Поляки *въ самомъ дѣлѣ* хотятъ независимости и идутъ одинъ противъ десяти, коса—противъ ружья, револьверъ—противъ пушки.

Изъ сказаннаго вы видите, что ни одинъ изъ насъ не *предугишалъ* ни одного вопроса, относящагося до провинцій. Мы присматривались, изучали этотъ предметъ, но не рѣшали ничего. Изучали не въ польскихъ воспоминаніяхъ, не въ мнѣніяхъ русскихъ государственныхъ людей, а въ самыхъ совершившихся событіяхъ, насколько они доходили до насъ.

Вы помните, можетъ, торжество, устроенное народомъ Ковенской губерніи осенью 1861? Цѣлыя деревни, старый и малый, съ богородицами и хоругвями, съ своими ксендзами и женами шли брататься съ польскимъ населеніемъ въ воспоминаніе соединенія Литвы съ Польшею.

Испуганное правительство тотчасъ схватилось за оружіе и, вслѣдъ за другою демонстраціей въ Вильнѣ, подвергло весь край военному положенію. Какое же еще доказательство можетъ быть яснѣе, *что Литва, дѣйствительно, тянется къ Польшѣ?*—«Да это, видите, не литовскій народъ, а нѣсколько помѣщиковъ, потерянныхъ въ цѣломъ народонаселеніи, и нѣсколько горожанъ, составляющихъ едва замѣтную точку въ итогѣ крестьянъ». Такъ для чего же войско, казаки, кавалерія, инфантерія? Неужели можно вести правильную войну съ нѣсколькими шляхтичами и горстью работниковъ?

Осадное положеніе, вообще, дѣлаетъ очень подозрительнымъ пламенную любовь народонаселенія къ правительству. И мы въ правѣ были сдѣлать наше заключеніе. Заключеніе это вовсе не ведетъ къ признанію, что Литва *принадлежитъ* Польшѣ, а что если ей не будутъ *препятствовать насиліемъ, то она пойдетъ съ ней.*

Мнѣнія нашего мы вовсе не скрывали, напротивъ, мы только во имя его и соединились,—и когда варшавскій Центральный Комитетъ хотѣлъ сблизиться съ нами, тогда онъ намъ писалъ, впередъ заявляя свое согласіе съ двумя основами нашей религіи: *«что возстающая Польша признаетъ права крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своей судьбой».*

Признавая это, члены комитета могли остаться *при своемъ желаніи* возстановить прежнія границы Польши. Раздѣлъ Польши никогда не былъ признанъ поляками, зачѣмъ же они, съ своей стороны, впередъ откажутся отъ провинцій, не зная, не извѣдавъ, чего тамъ хочетъ народъ? Они могли догадываться, что Кіевская губернія, напр., не съ ними, но ихъ ли это было дѣло говорить?

Ок ло того же времени, т.-е. прошлой осенью, три офицера: ихъ письма изъ Польши, просившихъ нашего совѣта, дали намъ

случай еще разъ подробно и ясно повторить наше мнѣніе и то, что мы подали руку к митету именно на этихъ основаніяхъ («Кол.», 147).

Какой же актъ, какое слово можете вы привести въ доказательство, что акунинъ измѣнилъ св е воззрѣніе? Какую статью, какую фразу «Ко окоца» можете указать, какъ предрѣшающую вопросъ о провинціяхъ?

Вы говорите, что *положительно* знаете о какихъ-то *торжественныхъ* обѣщаніяхъ Бакунина, — дайте ихъ!

Вѣроятно, вы не называете положительными доказательствами слова «собственнаго корреспондента» какой-нибудь нѣмецкой газеты, пишущаго свои *стокгольмскія* письма изъ ближайшей полпивной?

Вспомните еще разъ — вы это говорите во время войны, когда Россію полицейски толкаютъ въ кровавадннй патріотизмъ, и она подымаетъ, если не оружіе, то адреса. Неужели же действительно и хорошо въ такое время, когда всякіе кочегары à la Павловъ и Валуевъ разжигаютъ дикія страсти, натравливать вѣршащихъ вамъ людей на человека, который, если и не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, то, все же, дѣйствуетъ изъ чистаго убѣжденія, который, если и не на вашъ ладъ, то, все же, страстно любитъ народъ русскій который не шарахнулся ни передъ топоромъ па ача (который à la lettre ¹⁾ былъ занесенъ надъ его головой), ни передъ цѣпями, ни передъ зточеніемъ, который вчера оставилъ страну долгой ссылкой и сегодня п шель на новую опасность?

Воля ваша — не хорошо!

Вы посмотрите, до чего доводитъ *дневной* патріотизмъ: «Nord» переводитъ статьи изъ «Дня» рядомъ съ отрывками изъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Journal de St.-Petersbourg» ихъ хвалитъ. И эти статьи пишутся безкорыстно, изъ любви къ отечеству! Не даромъ я споконъ вѣка любилъ народъ русскій и терпѣть не могъ патріотизма. Это — самая злая, ненавистная добродѣтель изъ всѣхъ!

Нѣтъ, господа, вы мелко плаваете, вашъ независимый патріотизмъ такъ неосторожно близко подошелъ къ казенному, что издали кажется, будто бы у него красный воротникъ. Въ припадкѣ фанатизма для васъ не существуютъ больше ни объективная истина, ни свободное сужденіе, вы не можете дать волю ни чувству, ни уму. Вы воображаете, что потомъ можно будетъ наверстать, а теперь не до спора, но, вѣдь, до этого *потомъ* далеко, да, сверхъ того, вамъ надобно *chemin faisant* ²⁾ не только стоять на одной доскѣ съ палачами въ родѣ изверга Муравьева, но поддерживать ихъ вмѣстѣ съ Потаповыми и Катковыми.

Вы не можете больше признать не-злодѣя въ противникѣ. А было время, когда, «терзая другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ,

¹⁾ Буквально.

²⁾ По пути.

ни мы не сомнѣвались, ни наша противники (т.-е. ваши друзья) въ горячей любви насъ и ихъ къ Россіи»¹⁾. Было и другое время, когда эти слова вызвали дорогой для меня отзывъ сочувствія²⁾.

Теперь не тѣ времена.

Теперь насъ называютъ измѣнниками.

А, вѣдь, мы тѣ же, стоимъ на томъ же чужомъ берегу, какъ въ 61 году,—можетъ, немного виднѣе отъ пониженія хора. Слабые разлѣжались отъ страха, фанатики—отъ изувѣрства; людишки, никогда не знавшіе, что такое боль по народной боли, клеветавшіе на нашего крестьянина, чтобъ оправдать свое безучастіе, свое эстетическое *far niente* и эпикурейское дегутаторство³⁾ жизни, людишки, таскавшіеся годы изъ угла въ уголь Европы, не зная, что дѣлается въ Россіи, когда мы рвались страстью и мыслью домой и слѣдили съ лихорадкой за каждой подробностью крестьянскаго дѣла... и эти-то людишки, туда же, отвернулись отъ насъ съ патриотическимъ негодованіемъ... Ха, ха, ха...

Нѣтъ, не ждите моего раскаянія. Я, все же, скорѣе пойду въ кабакъ, чѣмъ въ земскій судъ. Моя совѣсть покойна, и не только совѣсть,—покойна и незыблема моя любовь къ русскому народу; что же бы я былъ безъ нея? Вся теплая, личная, поэтическая сторона моего нравственнаго бытія только въ этой любви и въ упоаніи, основанномъ на ней; потому-то я такъ ненавижу и *ихъ* Петербургъ, и *вашу* Москву, и всю эту отвратительную имперію, к которой пульсъ мѣрятся кнотомъ и пролитой кровью мучениковъ и которой каждая побѣда—обида всему, что дорого чествовѣку.

■ Мы не можемъ измѣнить нашему воззрѣнію, это сильнѣе насъ, да и не хотимъ вовсе. Пусть все идетъ прочь, пусть идутъ старые друзья... ихъ столько ушло, что остальныхъ жалѣть нечего. Пусть, читая на пахъ свѣжіе уроки своихъ профессоровъ рабства, идетъ прочь часть молодого поколѣнія. Жаль его, но мы знаемъ, какъ его воспитали нравственные кастраты, испугавшіеся *взлещкомъ большой воли*, захватившей ихъ послѣ смерти Николая, трусы, торопившіеся подтянуть паруса, чтобъ избѣгнуть бурь и кораблекрушеній въ корытѣ...

Мы останемся въ смиренной грусти ждать другого прилива.... Придетъ онъ или нѣтъ, придетъ на радость или на горе, мы, все же, не измѣнимъ ни истинѣ, ни русскому народу... и, если не можемъ ничѣмъ другимъ ему быть полезными, то будемъ полезны тѣмъ, что икупимъ его и васъ въ глазахъ грядущихъ поколѣній, свидѣтельствуя, что были же трезвые люди, когда вы всѣ опьянѣли на

¹⁾ Это было сказано въ статьѣ на кончину К. С. Аксакова, «Колоколь» 1862. А. И. Г.

²⁾ Т.-е. письмо самого И. Аксакова.

³⁾ Разочарованіе.

царской попойкѣ отъ страха передъ Европой и отъ дешевой поддѣльной «валуевки».

Придетъ время,—и, вѣроятно, оно не за горами,—мы скажемъ своимъ и чужимъ, что мы дѣлали во время кровавой борьбы... Ошибались мы или нѣтъ, не знаемъ, но знаемъ, что любовь наша равно не измѣнила ни роднымъ, ни друзьямъ, что мысль наша ни на волосъ не отошла отъ тѣхъ основаній, на которыхъ мы жили всю нашу жизнь, во имя которыхъ говорилось каждое слово наше.

Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источилъ еще трупы мучениковъ и падшихъ воиновъ, раны не закрылись настолько, чтобъ можно было касаться къ нимъ; кровь льется, какъ изъ ведра,—и въ рукахъ полиціи, тупой и безчеловѣчной, бездна дорогихъ людей.

Вотъ главное, что я хотѣлъ вамъ сказать. Теперь, что вы тамъ толкуете о *моемъ союзѣ* съ Франціей, съ Наполеономъ, съ аристократической Англіей, это — будемте откровенны—такой вздоръ, что тутъ просто хочется хохотать... Вѣдь, вы это все употребили такъ, для тѣни, вѣдь, *вы не открыли этому...*

Сами же вы напомнили (хотя и не совсѣмъ вѣрно) о Крымской войнѣ. Я не скрывалъ передъ разсвирѣпѣвшимъ старымъ міромъ моего мнѣнія и говорилъ его съ варварской откровенностью въ лицо, говорилъ и послѣ, когда еще «Русскій Вѣстникъ» ползалъ тяже ымъ и безкрылымъ насѣкомымъ около ногъ Англіи... Я и теперь то же говорю. Но мое мнѣніе объ Европѣ нисколько не мѣшаетъ мнѣ еще откровеннѣе отзываться о казняхъ, грабежѣ и гнусностяхъ, дѣлаемыхъ въ Польшѣ. «Языкъ мой—врагъ мой»; но ищите смѣло: можетъ, сыщете двухъ враговъ, но двойного языка не найдете.

...Если же вы обвиняете меня за то, что діапазонъ нашихъ статей измѣнился, что тонъ ихъ другой, то въ этомъ трудно оправдаться. Хороши бы мы были. нечего сказать, если-бъ разсуждали теперь съ тѣмъ философскимъ спокойствіемъ о польскихъ дѣлахъ, съ которымъ я писалъ объ нихъ въ 1859 году.

Какъ будто, тонъ живого разговора зависитъ исключительно отъ одного изъ участниковъ? Расскажу вамъ въ заключение одинъ случай, который вамъ покажетъ, что камертонъ не всегда у насъ въ рукахъ.

Въ началѣ 61 года въ нашемъ изгнаніи готовился праздникъ—праздникъ странный, небывалый: русскіе выходцы сзывали изгнанниковъ на свободной британской землѣ, сзывали представителей самаго краснаго радикализма, самыхъ крайнихъ социальныхъ ученій; на этомъ праздникѣ, при громѣ марсельезы, я долженъ былъ провозгласить тостъ за «Александра II, начавшаго освобожденіе крестьянъ!».

Что бы ни говорили съ точки зрѣнія чиновной *Vornehm-*

tuerei ¹⁾, бюрократической Blasirtheit ²⁾ и доктринерскаго лагейства, а этотъ тостъ раздался бы далеко... Не ищите въ этихъ словахъ ни хвастовства, ни высокомерія. О значеніи нашего праздника мы можемъ догадываться а contrario ³⁾, взявъ въ счетъ то нѣжное вниманіе, которымъ правительство насъ окружаетъ, посылая одного лазутчика за другимъ присматривать за нами и заставляя двухъ-трехъ журналистовъ безпрестанно, но небезплатно обругивать насъ.

Пришло 10 апрѣля. Все было готово — и вдругъ депеша о варшавскихъ убійствахъ. Сжалось сердце. Стало какъ-то неовко отъ праздничныхъ приготовленій... Принесли письма отъ польскихъ друзей; они не могли итти въ бродъ по свѣжей крови и перешагнуть черезъ родные трупы, чтобъ праздновать съ нами, и я глубоко чувствовалъ, что они правы. Украли у насъ и этотъ день. Все, точившее нашу жизнь, все, исполнявшее желчью наше слово и пріучившее къ ненависти наше сердце, снова всплыло... Отложить праздникъ не было никакой возможности: стали собираться гости; иностранцы шадилы насъ, русскіе краснѣли съ нами вмѣстѣ. О тостѣ за императора и помину не было; съ тяжелымъ сердцемъ, безъ рѣчей, а со слезами выпили мы *за освобожденныхъ крестьянъ и освобождающихся поляковъ* и грустно опустили бакалы.

Вотъ, какъ мѣняется тонъ.

На первый разъ довольно; если вы будете отвѣчать, то позволте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой: вы въ вашей статьѣ говорите о какихъ-то подложныхъ манифестахъ. Что же, вы и ихъ намъ приписываете, что ли? Пожалуйста, увѣдомьте готового къ услугамъ вашимъ.

1 іюля 1863. ¹

◆◆ 1 августа 1863 г. Бакунинъ писалъ изъ Стокгольма: «За 50 фунтовъ, полученныхъ мною, благодарю. Еще болѣе благодарю за статью обо мнѣ въ «Колоколѣ»... Они мнѣ дѣлаютъ слишкомъ много чести. Правда, мнѣ становится совѣстно, когда подумаю, что я такъ мало еще заслужилъ ту ненависть и тотъ страхъ, которые я имѣ внушаю» («Письма», 123).

2193. Россіада.

V.

Государь, по докладу Валуева «о вредномъ направленіи газеты «Современное Слово» и о неоднократномъ напечатаніи въ той же газетѣ статей съ нарушеніемъ постановленія о цензурѣ, велѣлъ прекратить дальнѣйшее изданіе газеты».

¹⁾ Важничаніе.

²⁾ Пресыщенность.

³⁾ Исходя изъ противнаго.

Казалось бы, по здравому смыслу, что гдѣ есть цензура, тамъ не издатель отвѣчаетъ, но, вѣдь, и не сказано, что дѣло это рѣшено по здравому смыслу,—т.лько по высочайшей волѣ. ¹

Въ 4 № «Времени» статья подъ заглавіемъ «Рок-овой вопросъ» ¹⁾ показала Валуеву (Персини — да и только!) направленной «*прямо наперекоръ вѣсѣмъ патриотическимъ чувствамъ и заявленіямъ, вызваннымъ нынѣшними обстоятельствами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣсѣмъ дѣйствіямъ правительства, до нихъ относящимся*» (до чувства и заявленій!). Въ силу сего, Валуевъ пожаловался государю, а тотъ и повелѣлъ прекратить изданіе журнала «Время».

Нельзя ли, кстати, прекратить и Финляндію за ея *прямо наперекоръ, за ея безчувствіе и незаявленіе?*

Ну, а васъ, редакторы отъ *короны*, поздравляемъ съ новыми подписчиками...

Не умѣть остановиться во-время, не знать мѣры—страшный недостатокъ въ государственномъ *щеголь*, какъ Валуевъ. Пошлая комедія адресовъ доходитъ не только до скучнаго и смѣшнаго, но до отвратительнаго и гнуснаго, до открытаго вымогательства въ Финляндіи, до угрозъ и тюремнаго заключенія въ западныхъ губерніяхъ. Скоро Муравьевъ будетъ нападать изъ-за угла на прохожихъ съ веревкой и крикомъ: «адресъ или горло!».

И какъ не стыдно печатать весь этотъ однообразный хламъ, высосанный полицейскимъ насосомъ изъ уѣздныхъ городовъ, посадовъ, селъ, деревень, мѣстечекъ, волостей!

Кого они обманываютъ? ²⁾ Или это игра въ родѣ того, какъ дѣти играютъ—«ты будешь лошадыю, я буду кучеромъ»,—и, дѣйствительно, одинъ начиналъ выкидывать ногами, а другой его хлестать.

До какого циническаго неистовства дошло это адресоложство, доказываютъ старообрядцы города Спасска и его уѣзда (Тамбовской губерніи). Они до того заврались и запутались въ вѣрнопопданническихъ постомкахъ, что въ адресъ-то государю начали хвастаться тѣмъ, что у нихъ есть собрать по вѣрѣ, М. Кораушевъ, который *ловилъ поляковъ въ Тамбовской губерніи*, былъ по охотѣ, по влеченію сыщикомъ, доносчикомъ, и это ставится въ заслугу и доказательство вѣрнопопданничества.

¹⁾ Н. Н. Страхова.

²⁾ Да, вѣдь, какъ упорно! «Сѣв. Почта», «Journal de St.-Petersbourg», а потомъ «Nord» и др., опровергая «Opinion Nationale», говорятъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ не разсылало образцовыхъ формъ для адресовъ и возбудительныхъ рѣчей. На это мы отвѣчаемъ почтеннымъ редакторамъ, что у насъ цѣль печатный оригиналъ циркуляра, полученнаго нами изъ Петербурга и перепечатаннаго въ «Колоколѣ», л. 164. Мы готовы подвергнуть его экспертамъ для опредѣленія *шрифта, бумаги* и пр... Le jeu est fait ³⁾! M-r le ministre, угодно-съ? А. И. Г.

³⁾ Карты розданы!

Юхновцы. Мы всегда были увѣрены, что юхновскій патриотизмъ лучше самарскаго—такъ и вышло. Подождемъ только, что скажутъ *кайцы* (право, есть городъ *Кай*, хоть и обиженный, но заштатный, а, все же, есть). Самарцы (а вслѣдъ за ними и казанцы) не хотѣли, чтобы прикрѣпленные къ имъ губерніи дворяне баловались въ чужихъ краяхъ. Юхновъ говоритъ: «зачѣмъ же и въ своихъ баловаться?». Онъ положилъ 19 мая: «на все время теперешнихъ тревожныхъ обстоятельствъ считать неприличнымъ и оскорбляющимъ общественное мнѣніе всякіе излишніе расходы, поѣздки за границу или пребываніе безъ нужды въ столицахъ, траты на иностранныя издѣлія» и пр. «Да сохранить каждый изъ насъ (юхновцевъ) избытокъ на усиленіе средствъ къ пораженію залорнаго врага»... Юхновцы не только побѣдили самарцевъ въ патриотизмѣ, но хотятъ еще голодомъ побѣдить Петербургъ

Гегель-то и выходитъ правъ, что каждое дѣло можно довести до такой крайности, что выидеть совсѣмъ противоположное.

Погодинъ. М ститый *Михаилъ Петровичъ*, распорядившись насчетъ будущей судьбы с авянскаго міра, почувствовалъ неотлагаемую нужду вернуться въ «Москов. Вѣдомости», чтобы довести до свѣдѣнія публики «о какихъ то людяхъ въ странныхъ костюмахъ», сильно подозрѣваемыхъ въ намѣреніи п джечь Москву (вѣроятно, для болшей тайны одѣвшихся въ странные костюмы!). По одній совѣтуетъ имъ уѣхать по добру, по здорову и хорошо дѣлаетъ, потому что, натравивши такимъ образомъ народъ, недалеко до всякой верещагиновщины ¹⁾.

Предавъ такимъ образомъ своей судьбѣ людей въ странныхъ костюмахъ, Погодинъ повѣствуетъ, что онъ, съ своей стороны, доволенъ польскими женщинами находить польскій патриотизмъ героическимъ, но жалѣетъ, что средства онъ употребляютъ подлая (экая галиматья), причем замѣчаетъ, что Мицкевичъ ему подарилъ экземляръ своей поэмы.

Старосты! Что дѣлать, хорошо писали, Михаилъ Петровичъ, нечего сказать,—немножко жестоко, рябо, а, все же, хорошо,—пора и перестать!

Правительственное разрѣшеніе кражи оружія и грабежа разнаго имущества. Въ № 149 «Сѣверной Пчелы» напечатана инструкция Муравьева объ образованіи систематическаго преслѣдованія польскаго населенія въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерніяхъ. Сверхъ дикихъ мѣръ военно по итическаго своеволія, сверхъ всякаго рода тиранства и лишенія всѣхъ человѣческихъ правъ жителей края, отданнаго ему *кроткимъ* Александромъ на уничтоженіе, въ этихъ инструкціяхъ можно почерпнуть теорію собственности русскаго пра-

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ Верещагинъ, переводчикъ иностранныхъ романовъ, былъ въ 1812 г., по приказанію Ростопчина, растерзанъ толпою по подозрѣнію въ шпіонствѣ, оказавшемуся несправедливымъ.

вительства (ставящаго себя ея твердымъ защитникомъ). Въ § 6 сказано: отобранное оружіе (у помѣщиковъ, шляхты, ксендзовъ, монастырскихъ жителей, горожанъ и пр., и пр.) передавать въ военное вѣдомство для вооруженія гдѣ нужно сельской стражи 1). Въ 14 § вѣдно на имѣнія всѣхъ помѣщиковъ (неблагонамѣренныхъ) налагать немедленно секвестръ. «Разнаго рода хлѣбъ, находящійся въ секвестрованныхъ имѣніяхъ, употреблять *тотчасъ* на продовольствіе войскъ и сельскихъ карауловъ, *прочіе продукты и имущество* также немедленно продавать и вырученныя деньги и всѣ доходы обращать на покрытіе расходовъ казны по укрошенію мятежа».

Каннибальскій обѣдъ въ Москвѣ. Москвичи давали обѣдъ въ англійскомъ клубѣ издателю «Москов. Вѣд.» Каткову. На этомъ обѣдѣ былъ пить тостъ за МУРАВЬЕВА-ВЪШАТЕЛЯ.

О таковой чести была ему послана телеграмма въ Вильно.

Два года тому назадъ, когда невинная кровь крестьянъ лилась въ Безднѣ, какіе-то крѣпостники хотѣли дать въ Казани обѣдъ Апраксину, но остановились передъ замѣчаніемъ одного изъ предводителей, что не хорошо мѣшать шампанское съ кровью.

А теперь на обѣдѣ, данномъ въ честь правительственнаго публициста, пьютъ за здоровье изверга и палача, нагю въ глазахъ всего міра принимая солидарность его мѣръ и казней.

Вотъ, гг. «День» и товарищи, куда вы попали съ вашимъ патріотобѣсіемъ. Бойтесь смерти Кокошкина! 2).

Рядомъ съ каннибальскимъ обѣдомъ идетъ и цѣлая *каннибальская литература*.

Вотъ какъ рассказываетъ корреспондентъ Павлова казнь, бывшую въ дер. Варки 3).

Вотъ какъ въ «Нашемъ Времени» описывается казнь Генриха Абихта и ксендза Конарскаго 4).

5) Генрихъ Абихтъ, дѣйствительно, годъ почти работалъ въ нашей типографіи.

А вотъ рассказъ «Спб. Вѣд.» о взятіи Сѣраковскаго 6).

7) Все это отвратительное мѣсто скромный наборщикъ «М. Вѣд.» выпустилъ!

1) Во Франціи и Австріи, когда отбирали оружіе, все же, его не крали, а выдавали билеты. Въ числѣ оружія могутъ быть охотничьи ружья, старинныя, наслѣдственныя и пр., большой цѣны. А. И. Г.

2) Умершаго послѣ провала въ грязную яму.

3) Слѣдуетъ цитата изъ «Нашего Времени» о казни Кононовича, Садовскаго и Лабенскаго.

4) Слѣдуетъ сообщеніе.

5) Послѣ словъ корреспондента, что Абихтъ «участвовалъ въ *Колоколь*», сдѣлано это замѣчаніе.

6) Слѣдуетъ сообщеніе.

7) Послѣ словъ, что Сѣраковскаго и его товарища «солдаты считаютъ разбойниками и не безъ основанія».

Корреспондентъ «Моск. Вѣдом.», рассказывая о казни Лесневскаго въ Вильнѣ, говоритъ ¹⁾.

²⁾ Мы и не знали, что у насъ разрѣшили священниковъ ругать по-офицерски.

◆◆ 1. 18 апрѣля 1863 г. въ прибавленіи къ № 66 «Современнаго Слова» цензура обнаружила нѣсколько строкъ, ея запрещенныхъ. Поднялась исторія, осложненная еще одновременной пропажей части шрифта изъ типографіи Маркова, печатавшей газету. Немедленно Спб. оберъ-полицмейстеръ назначилъ произвести разслѣдованіе, а 29 апрѣля донесъ ген.-губернатору, что изъ сличенія представленныхъ завѣдующимъ типографіей шт.-кап. Доброницкимъ корректурныхъ листовъ съ соотвѣтствовавшими имъ рукописями ясно преднамѣренное исключеніе всѣхъ мѣстъ, гдѣ были выражены преданность и довѣріе къ государю. Отнеся это къ «личнымъ свойствамъ редактора газеты отстав. полк. Писаревскаго», ген. Анненковъ писалъ: «онъ давно уже обратилъ на себя вниманіе своею крайнею неблагонамѣренностью. Мнѣ говорили, и нынѣ это фактически под вердилось, что въ статьяхъ, присылаемыхъ къ нему для помѣщенія въ его газетѣ, онъ высккиваетъ мѣста, имѣющія противоправительственный характеръ, и усиливаетъ выраженія; въ другихъ статьяхъ онъ преднамѣренно извращаетъ смыслъ и сообщаетъ такимъ образомъ цѣлой статьѣ укорительный ихъ обличающій тонъ. Что же касается до статей, принадлежащихъ Писаревскому, то онъ достаточно хорошо извѣстны вашей свѣтлости по ихъ возмутительной самонадѣянности и неуваженію къ существующему порядку. Нынѣ полк. Писаревскій домогается получить обратно доставленные Доброницкимъ корректурные листы и статьи». Въ помощь на слѣдствіе былъ откомандированъ чиновникъ III Отдѣленія Кейзеръ-фонъ-Нилькгеймъ.

Оказалось, что напечатаніе съ исключенными цензурою словами было произведено въ 15 нумерахъ; что въ рукописяхъ редакторъ исключалъ слова, благопріятныя для государя и правительства; напр., въ статьѣ о садѣ при домѣ главноуправляющаго путями сообщения вымараны слова: «у насъ предъ глазами примѣръ заботливости о благѣ гражданъ С.-Петербурга, поданный самимъ государемъ императоромъ. Его импер. величество, обративъ вниманіе на недостаточность публичныхъ садовъ въ Спб., изволилъ разрѣшить открытіе для публики сада Таврическаго дворца» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло. № 188).

¹⁾ Слѣдуетъ сообщеніе.

²⁾ Послѣ ругательствъ по адресу ксендза, сопровождавшаго Лесневскаго на казнь.

2194. Наслѣдникъ престола и политическая экономія въ путешествіи.

Не безъ удовольствія прочли мы въ «Nord'ѣ» извѣстіе о сопровожденіи юнаго наследника ¹⁾ въ его прогулкѣ по Россіи нашимъ многостороннимъ и политическимъ экономистомъ Бабстомъ, извѣстнымъ филологическими студіями и есологически-раскольническими адресами. Не безосновательно замѣчаетъ «Nord»: «c'est une excellente idée, qui sera d'une utilité écirproque» (это прекрасная идея, которая принесетъ обоюдную пользу).

2195. Не вѣримъ!

22 № «Дня» въ корреспонденціи изъ Парижа говоритъ о новой мѣрѣ ироническаго наказанія поляковъ, преувеличивающихъ злодѣйства русскаго начальства. Ее изобрѣлъ знаменитый И. С. Тургеневъ. Даровитый авторъ «Отцъ въ и дѣтей», б дто бл, вознамѣрился въ подложной корреспонденціи разсказать, «какъ одинъ казачій полковникъ поссорился съ своимъ эсауломъ за то, что тотъ жареныхъ польскихъ дѣтей ѣсть съ французской, а не съ англійской горчицей».

Анекдотъ этотъ, напоминающій *дѣдовъ* и *внучатъ* (*дѣдовъ* — какимъ-то букетомъ кургановскаго ²⁾ пи ьмовника, *внучатъ* — дѣтской безхитрост остью изобрѣтенія), намъ кажется апокрифнымъ. Тургеневъ—вовсе не политическій человѣкъ; это онъ доказалъ такъ же блестяще, какъ все, что онъ доказывалъ. Но, не будучи человѣкомъ политическимъ, онъ, все же,—*человѣкъ* и понимаетъ, какъ было бы безнравственно жартозать ³⁾ надъ поляками, когда надъ ними тѣшатся такіе милые забавники, какъ Муравьевъ и вся палачующая братія. Не вѣримъ—да и только! ¹

◆ 1. Авторъ корреспонденціи изъ Парижа въ «Днѣ» X. разсказываетъ, что прочиталъ въ одномъ изъ номеровъ «L'Euгоre» корреспонденцію изъ Трира о томъ, какъ нашъ сильный отрядъ атаковалъ какой-то польскій замокъ, гдѣ заперлись семь поляковъ. Чтобы не терпѣть отъ ихъ мѣткаго огня, начальникъ отряда приказалъ вбить вокругъ своего лагеря колья и приковалъ къ нимъ стариковъ и дѣтей ближайшей деревни. Стрѣлаба была тотчасъ прекраще а. Русскіе, напившись, заснули; осажденные вышли, освободили прикованныхъ, напали на отрядъ; послѣдній

¹⁾ Николай Александровичъ.

²⁾ Кургановъ, Ник. Гаврил., авторъ пользовавшагося въ свое время громкой извѣстностью «Письмовника».

³⁾ Издѣваться.

сталъ просить помилованія Поляки простили ихъ и отобрали только оружіе и сапоги. Дождавшись ихъ ухода, русскіе бросились на еревню, гдѣ рѣшили выместить свою злбу надъ женщинами и дѣтьми. Въ это время явился отрядъ Лангевича и обратилъ русскихъ въ бѣгство. И С. Тургеневъ хотѣлъ послѣ этого написать письмо изъ Кракова, съ извѣстіемъ, процитированнымъ Герценомъ».

22 іюля Тургеневъ писалъ Герцену изъ Гейдельберга: «Любезный А. И., сейчасъ прочелъ я № «Кол.», гдѣ упоминается «о французской и англійской горчицѣ» etc. Спасибо тебѣ, что ты не повѣрилъ этому плшому анекдоту, но мнѣ кажется, что ты бы выразился еще опредѣлительнѣе, если-бъ совершенно не повѣрилъ. Ни одного ни обиднаго, ни насмѣшли аго слова не вышло изъ моихъ устъ насчетъ поляковъ, хотя бы уже потому, что я еще не потерялъ всякаго пониманія «трагическаго»: теперь никому не до смѣха. Я прекратилъ переписку съ тобой по причинамъ, хорошо тебѣ извѣстнымъ, да и какая была охота мѣняться такими письмами, каковы были послѣднія. Наши мнѣнія слишкомъ расходятся,—къ чему бесплодно дразнить другъ друга? Я и теперь не предлагаю тебѣ возобновленія этой переписки, но былъ бы тебѣ обязанъ, если бы ты въ слѣдующемъ № «Колокола» напечаталъ, что «мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г-ну И. Тургеневу,—чистая выдумка». Я нынче же пишу И. С. Аксакову. Меня глубоко оскорбляетъ эта грязь, которой брызнули въ мою единенную, почти подъ землей скрытую жизнь. Желаю тебѣ спокойствія, насколько это возможно, и прошу именемъ нашего прошедшаго не считать меня способнымъ ни на какое дрянное дѣло или слово» («Письма», 179—18).

Герценъ исполнилъ просьбу и въ № 168 помѣстилъ просящія строки букв льно.

Въ № 29 «Дня» отъ 20 іюля помѣщено письмо Тургенева къ Аксакову При внимательномъ анализѣ оно проливаетъ свѣтъ на «искренность» своего автора.

«... Я вполне раздѣляю ваше воззрѣніе на польскій вопросъ, но мнѣ прѣтивно думать, что въ такое печальное, трудное, грязное время я выставленъ передъ читателемъ кривлякой и шуткомъ. Видно, какъ ни прячь свою жизнь, какъ упорно ни замыкайся въ самомъ себѣ, дсужаго корреспондента не убережешь! Мнѣ э о тѣмъ болѣе досадно, что это появилось въ «Днѣ», журналѣ, который уважаю и хотѣлъ бы видѣть чаще. Повторяю, вы сдѣлаете мнѣ истинное удовольствіе, если скажете объ этомъ нѣсколько словъ. Я убѣжденъ, что мы должны бороться съ поляками, но не должны ни оскорблять ихъ, ни смѣяться надъ ними».

2196. Секреты частные и правительственные.

а) Секретъ частный: Макарь Денисовичъ безъ фамиліи и безъ означенія мѣста служенія.

Зять братьевъ Р. и мужъ любимой ичи сестры жилъ въ г. Остроленкѣ Плоцкой губерніи. 22 апрѣля мужъ сестры братьевъ Р. получилъ *предписаніе арестовать* какого-то пана; въ лѣсу на него напали «китайскіе либералы». Самъ Макарь Денисовичъ «былъ человекъ полнокровный, лѣтъ подь 50 и горячка большой»,—его повѣсили; братья Р. черезъ «Моск. Вѣд.» требуютъ о взносѣ его въ число жертвъ (безъ фамиліи и мѣста служенія) «либеральнаго деспотизма». А, вѣдь, мы догадываемся, гдѣ зять служилъ... Хотите пари?

б) Секретъ правительственный: офицеры принца Карла полка перешли къ мятежникамъ.

«Государь императоръ въ 19-й день сего мая всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать рядовому Либавскаго пѣх. принца Карла прусскаго полка Александрѹ Ровбѣ серебряную медаль съ надписью «за усердіе» для кошенія въ петлицѣ на аннинской лентѣ за вѣрность его долгу и присягѣ и выказанную смѣлость при побѣгѣ изъ шайки мятежниковъ, къ которымъ онъ былъ взятъ офицерами означеннаго полка, предавшимися мятежникамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ рядовому Ровбѣ пожаловано 50 руб. сер.»

2197. Побѣда!

Наконецъ-то рокасовскіе и валуевскіе неусыпные труды увѣнчались, если и не богатымъ, то сельскимъ вѣнцомъ: нѣсколько финскихъ мужиковъ изъ Поелисъярви, Куопіо, Рантасальми и Симянге изъявили чувства благоговѣнія и преданности государю императору...

2198. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ (№ 20) отъ Малоросса 5 фун., (№ 7), черезъ С. Тхоржевскаго, 5 ф., 6 ш. 4 п., отъ В. Печерина 2 фун.

2199. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

17 іюля (1863).

Elmfield House, Teddington, S. W.

Въ прошлую субботу я къ вамъ не писалъ, потому что не зналъ адреса; въ продолженіе этой недѣли было здѣсь сплендидное¹⁾ лѣто; въ рожденіе Нат. мы ѣздили съ Чернецкимъ (кото-

¹⁾ Splendide—великолѣпный.

рый живетъ здѣсь же) въ Virginia Water ¹⁾—тамъ очень хорошо, и весь праздникъ сошелъ съ рукъ отлично.

Итакъ, вы-таки увидѣли Неаполь безъ меня. За васъ я радъ, а за себя немного досажаю. Мнѣ же казалось, что вамъ такъ легко было нанять пока небольшую дачу близъ Рима.

Домъ нашъ—Elmfield H.,* никуда не годится. Это совершенно моя вина, и я ищу опять, чтобы хоть къ декабрю избавиться.

«Колоколь» я посылаю вамъ прямо на вашъ сложный адресъ,—у васъ тамъ не можетъ быть цензуры. Ты увидишь войну мою съ Аксаковымъ; въ Россіи всѣ противъ насъ.

18 июля.

Елмфилдусъ.

Оля, это писала Леля, кажется мнѣ, потому что скверно.

Я думаю, что Леля можетъ отчасти замѣнить тебѣ Туту (certainement un tout dans les deux tous)²⁾. Если бы я поставилъ иначе множественное, то это былъ бы кашель, а у насъ у всѣхъ насморкъ.

Вотъ тебѣ ребусъ инвербусъ³⁾.

Êtes vous heureuses? Zu himmlisch!—Da haben Sie Vico—ich habe auch seine Scienza nuova gelesen—mit «Corsi und Ricorsi». Könnte ich dort sein mit Ihnen zugleich. Gegen uns schreit ganz Russland—«les traîtres», измѣнники.

Brauchen Sie Geld?⁴⁾

Если возможно, дайте адресъ приличнѣе—три строки довольно, а вашъ адресъ—статья въ журналѣ.

Еще Ольгѣ рапортъ. Тоби кусаетъ Варвару Тимофеевну и ея дочь. Какая сентенція? Муму не ходитъ, онъ занимается дома.

¹⁾ Искусственное озеро близъ Виндзора.

²⁾ Конечно, одно tout въ этихъ обоихъ tous. Каламбуръ: tout—весь, всякій, множеств. число—tous; toux—кашель.

³⁾ T.-e. in verbis—въ словахъ.

⁴⁾ Счастливы вы? Слишкомъ божественно! Вотъ вамъ и Вико!⁵⁾ Я тоже перечелъ его Scienza nuova съ «Corsi и Ricorsi». Ахъ, если-бъ я могъ быть тамъ, вмѣстѣ съ вами! Вся Россія кричитъ по нашему адресу—«les traîtres», измѣнники.

Нуждаетесь ли вы въ деньгахъ?

⁵⁾ Каламбуръ: Вико—главн. городъ округа Аяччіо на о-вѣ Корсикѣ, куда ѣздили дочери Герцена, и фамилія итальянскаго мыслителя первой половины XVIII в., автора «Scienza nuova»—«Новая наука» и создателя философской теоріи, по которой исторія народовъ представляетъ вѣчный круговоротъ однихъ и тѣхъ же постоянно возвращающихся явленій («corsi e ricorsi»).

Отъ Катерины Рапъ ¹⁾ два письма; спрашиваетъ, когда окончится заговоръ противъ ея жизни. Сегодня некогда и я не въ духѣ. Буду писать въ среду.

Р. С. Кн. Долг. спрашивалъ у Лизы, какъ онъ ей нравится; она посмотрѣла и говоритъ: «очень гадко!», а онъ ей въ отвѣтъ: «Я бороду отрощу», а она: «Ну, все же, будетъ гадкой». Онъ разсердился.

2200. Письмо нъ дочерямъ и М. Мейзенбугъ.

Вѣсть въ вѣстѣ.

25 іюля (1863).

Emfield House, Teddington, S. W.

Tamburgi, Tamburgi...

Heureux habitants de Vico, probablement vous n'avez aucune idée de ce qui se passe au delà des Apennins—et nous, nous voilà haletants, attendants, agonisants.

To be, or not to be!

To be... ²⁾ (я это читалъ вслухъ, а Тоби ³⁾ изъ типографіи пришелъ и хвостомъ спрашиваетъ: «что прикажете?») Т.-е., если война будетъ, мы до мира прекращаемъ типографскую работу, «Колоколь» покроемъ чернымъ флеромъ.

Не будетъ войны, положеніе трудное, но какъ-нибудь перейдемъ и его. Что истина на нашей сторонѣ, я не сомнѣваюсь; что à la longue ⁴⁾ она побѣдитъ, если не совсѣмъ, то въ главномъ, но какъ долго ждать? that is the question? ⁵⁾ Во всякомъ случаѣ тотъ періодъ моей заграничной дѣятельности, который начался въ 1853 г. типографіей, въ 1863 г. оканчивается войной.

Странно мнѣ видѣть почти всякій день нашъ твикнэмскій домъ Richmond House... Мы снова съ Чернецкимъ пришли къ тому же положенію, какъ были, а въ промежуткѣ чего и чего не было. So geht es in der Welt—so geht es auch unter in der Welt ⁶⁾

27, понедѣльникъ.

Получили ли вы наше, т.-е. мое, прошлое письмо, въ которомъ я сообщилъ наши фантазіи насчетъ путешествія? Все это — дѣйствительно, фантазіи, а вотъ если-бъ найти къ веснѣ садъ съ

¹⁾ Прислуга.

²⁾ Тамбуржи, тамбуржи...

Счастливые обитатели Вико, вы, вѣроятно, и понятія не имѣете о томъ, что происходитъ по ту сторону Апеннинъ... а мы, мы... задыхаемся, ожидаемъ, агонизируемъ.

Быть или не быть!.. ⁰⁾

Быть...

²⁾ Каламбуръ: Тоби—имя собаки, по-английски to be (быть) произносится—то-би.

⁴⁾ Въ концѣ концовъ.

⁵⁾ Въ этомъ вопросъ («Гамлетъ»).

⁶⁾ Такъ все идетъ на свѣтъ, такъ все и гибнетъ на свѣтѣ.

⁰⁾ «Гамлетъ».

домомъ, было бы хорошо. Мнѣ какъ-то страшно, особенно за Ольгу: она совсѣмъ перестанетъ быть русской. Да и такъ бываетъ иногда грустно безъ васъ.. А ежели и «Колоколь» тоже уѣдетъ, будетъ еще хуже.

Огар. пишетъ къ тебѣ длинное письмо, но оно еще не готово. Nat. кланяется.

Дѣвочка ¹⁾ до невѣроятности мила и умна. Какъ-то вырастетъ? Лиза въ періодъ шалости опять, но тоже умна.

Весело тебѣ, Ольгушка, или не очень? Везувій (который Тата называетъ Везувъ), надоѣлъ или нѣтъ? У насъ одинъ Ага дымится (иногда и синкъ ²⁾). Ну что твоя пріятельница? Ты давно не писала подробно.

Цѣлую тебя,
Папа.

La question n'est pas encore décidée—pourtant il y a plus de chances de guerre—dans quatre, cinq jours nous saurons à quoi nous en tenir. L'ultimo giorno—la grande lutte va à pas de géant. Heureux ceux qui ont prévu—car ils ne s'étonneront pas! aurait dit Jésus. Avez-vous lu, vu, goûté le livre de Renan?

Quelle corvée que vous ne demeurez pas seules à Vico—cela doit être atroce—Ungaresi, Inglesi, Irokessil ³⁾.

2201.

Предисловіе къ «Концамъ и началамъ» (см. № 1881, 1 августа 1863 г.).

2202. Протестъ.

Если останутся въ изгнаніи десять французовъ, я останусь въ ихъ числѣ; если двое — я буду одинъ изъ нихъ; если останется одинъ, я буду этотъ одинъ!

Викторъ Гюю.

... Десять разъ клали мы перо, чтобы прійти въ себя, чтобы подавить горе и негодование. Слишкомъ много ужаса и позора!

¹⁾ Елена.

²⁾ Cinque—пять; т.-е. вся семья: Огаревъ, Огарева и трое дѣтей (Лиза, Алексѣй и Елена).

³⁾ Вопросъ еще не рѣшенъ; тѣмъ не менѣе, больше шансовъ за то, что война будетъ. Черезъ четыре-пять дней мы будемъ знать, чего держаться. Послѣдній день—великая борьба подвигается впередъ гигантскими шагами. Счастливы тѣ, кто предвидѣлъ это, такъ какъ они не удивятся, сказали бы Иисусъ. Читали ли вы, видѣли ли, смаковали ли книгу Ренана? ⁴⁾

Какая задача, что вы не однѣ въ Вико, это должно быть ужасно!—Венгерцы, англичане, ирокезы!

⁴⁾ «Жизнь Иисуса».

Кровь пьянить *ихъ...* *они* глумятся, *они* обругиваютъ идущихъ на смерть, они оскорбляютъ трупы и пятнають вдовъ и женъ падшихъ и сражающихся, — и все это русскіе, грамотные, *воспитанные*, пишущіе въ журналахъ!... Въ нашей литературѣ ничего подобнаго не было.

Все скверное въ русской натурѣ, все искаженное рабствомъ и помѣщичествомъ, служебной дерзостью и безправіемъ, палкой и шпионствомъ, — все всплыло наружу, украшенное *либеральными* бубенчиками, всплыло, совмѣщая въ себѣ въ какомъ-то чудовищномъ соединеніи Аракчеева и Пугачева, крѣпостника, подьячаго, капитана-исправника, голь кабацкую, Хлестакова, Тредьяковскаго и Салтычиху...

И въ этомъ-то чаду убійствъ, пытокъ, стона, рукоплексаній малачамъ, въ этомъ свирѣпомъ шабашѣ разъяреннаго патріотизма, дрожащаго передъ Европой и фордыбачащагося передъ связаннымъ и раненымъ арестантомъ, просыпается, воскресаетъ народъ русскій отъ долгой смерти подъ двумя гробовыми крышками! Неужели эта грязь, смѣшанная съ кровью, послужитъ цементомъ, которымъ сплотятся сословія и касты *въ одинъ народъ?*.. Неужели выходя изъ петровской эпохи будетъ со всей петровской безчеловѣчностью и со всей до-петровской исключительной національностью?

Что дѣлается въ народѣ, мы не знаемъ. Продѣлка адресовъ ничего не значитъ. Но зато знаемъ, что *общество*, что дворянство, вчерашніе крѣпостники, либералы, литераторы, ученые и даже ученики повально заражены; въ ихъ соки и ткани всосался *патріотическій сифилисъ*. Какъ далеко пошелъ ядъ, Москва доказала, по-своему, стерлядями. Тостъ Муравьеву — историческое событіе. Въ пушее время разгара французской революціи мы не помнимъ, чтобы въ Парижѣ пили за Карлье или Фуше, ни даже, чтобы дѣлали оваціи литературнымъ помощникамъ Фукье-Тенвиля, журнальнымъ *pourvoyeurs de la guillotine*, «поставщикамъ гильотины».

Передъ такимъ паденіемъ молчать нельзя, надобно, чтобы честное меньшинство заявило свое veto, свой протестъ, чтобы оно заявило свой разрывъ съ обществомъ, потерявшимъ голову и сердце. Пусть они апеллируютъ «отъ пьяной Россіи къ Россіи трезвой», пусть они положатъ начало очищенія *Rossii* въ глазахъ всѣхъ народовъ, потому что теперь бѣснующійся Сауль — не одинъ Николай, а вся дворянская, служебная Россія.

Если никто не сдѣлаетъ этого протеста, мы одни будемъ протестовать. На голосъ человѣческаго негодованія никакого права не надобно, тутъ нѣтъ ни ценза, ни табели о рангахъ; тутъ достаточно имѣть совѣсть и не имѣть безучастнаго хладнокровія. Личность человѣка вовсе не такъ поглощена государствомъ и не такъ подвластна ему, какъ проповѣдуютъ по нѣмецкимъ теоріямъ великорусскіе патріоты. Втѣснять человѣку поневолѣ племенную солидарность въ преступленіяхъ — послѣднее отрицаніе всякаго

нравственнаго достоинства его. Въ правѣ свободныхъ людей не дѣлать злодѣйствъ и не хвалить ихъ никто не сомнѣвался. Наши патріоты толкуютъ, что передъ страшною опасностію, грозящею Россіи, должны умолкнуть совѣсть и умъ. Гдѣ эта опасность? Трусость — худой критеріумъ. Если кому-нибудь грозитъ опасность, то развѣ одряхлѣвшей, неспособной въ своихъ старыхъ нѣмецкихъ формахъ имперіи, которая ничего не умѣетъ предупредить, ничего не умѣетъ поправить и, полгода борясь съ нѣсколькими кучками повстанцевъ, отъ бѣшенства и досады, что не можетъ ихъ побѣдить, принялась убивать раненыхъ, вѣшать больныхъ и грабить помѣщиковъ. Чѣмъ скорѣе эта имперія развалится, тѣмъ лучше.

А они для спасенія этой имперіи хотятъ поглотить всякую личную инициативу, заглушить вольный голосъ казеннымъ хоромъ, затерять лицо въ массахъ, распустить его въ стихіяхъ, влекомыхъ безотчетными приливами и отливами, и которыхъ именно оттого легко увлечь.

Если въ самомъ дѣлѣ вся Россія повѣритъ имъ, что теперь слѣдуетъ обняться съ Муравьевымъ и протянуть руку III Отдѣленію, если она будетъ настолько *патріотична*, что не содрогнется ни отъ казней, ни отъ ихъ апофеоза въ журналахъ, то, одолѣвши возстаніе, россійская имперія сложится въ огромное славянское загишье, военный Китай, стоячій и скучный, который замретъ въ своемъ безвыходномъ рабствѣ и личной стертости.

Вотъ почему надобно протестовать.

Для оппозиціи молчанія мало. При Николаѣ еще можно было молчать, — онъ самъ молчалъ или отдавалъ приказы. Велерѣчіе правительства и его *статешниковъ*, его канцелярій энтузіазма, его фабрики адресовъ не даетъ мѣста молчанію.

Бываютъ минуты утомленія и горечи, въ которыя кажется, что надобно переждать, что ничего не сдѣлаешь противъ стихійнаго бѣшенства, спущеннаго съ цѣпи и намѣренно разъяреннаго, что не пересилишь словомъ горячешный бредъ и не совладаешь доводами съ дикимъ безуміемъ... вовсе не ищущимъ себѣ логическихъ оправданій. На дѣлѣ выходитъ не такъ. Нѣтъ силъ молча выждать, оттого что нѣтъ возможности отсрочивать боль и печаль... оттого что тутъ и схоронено, и посѣяно все, что у насъ есть. Мы не монахи, чтобы стоять нѣмыми свидѣтелями ужасовъ, совершающихся около насъ; у нихъ была за временными бѣдствіями цѣлая вѣчность и за слезой молитва, у насъ нѣтъ ни молитвы, ни вѣчности; наша любовь, наши упованія, наши интересы всѣ временные, даже локальные, и мы не имѣемъ интересовъ, развѣ ихъ.

Если нашъ вызовъ не найдетъ сочувствія, если въ эту темную ночь ни одинъ разумный лучъ еще не можетъ проникнуть, и ни одно отрезвляющее слово не можетъ быть слышно за шумомъ патріотической оргіи, *мы остаемся одни съ нашимъ протестомъ*,

но не оставимъ его. Повторять будемъ мы его для того, чтобы было свидѣтельство, что во время общаго опьянѣнія узкимъ патриотизмомъ были же люди, которые чувствовали въ себѣ силу отречься отъ гнѣющей имперіи во имя будущей, нарождающейся Россіи, имѣли силу подвергнуться обвиненію въ измѣнѣ во имя любви къ народу русскому. Можетъ, наша рѣчь иной разъ, какъ угрызеніе совѣсти, помѣшаетъ пирующимъ между кулебякой Каткову и кубкомъ Муравьеву! ¹

15 іюля 1863.

◆◆ 1. Крѣпостническая «Вѣсть» Скарятина обратила вниманіе на эту статью въ своей статьѣ «Негодованіе г. Герцена на... Россію» и, между прочимъ, писала:

«Послѣднія событія разрушили его иллюзіи, и онъ сознается въ этомъ публично. Еще недавно онъ мечталъ преобразовывать Россію и воображалъ, что онъ имѣетъ великую нравственную силу по тому сочувствію, которое онъ будто бы встрѣчалъ въ Россіи. Мы помнимъ восторгъ, съ которымъ онъ рассказывалъ, что крестьяне читаютъ его и знаютъ объ немъ. Теперь, послѣ недавнихъ событій, г. Герценъ говоритъ, что ему остается только *протестовать*. Зато же и нѣтъ тѣхъ крѣпкихъ словъ, которыми не осыпалъ бы онъ Россію въ своихъ протестахъ» (№ 6 отъ 14 сентября).

Кстати, документъ къ «независимости» Скарятина. 22 февраля 1863 г. Валуевъ увѣдомилъ шефа жандармовъ, что всочайше разрѣшено употребить для поддержанія газеты «Русскій Листокъ» изъ суммъ мин. вн. дѣлъ до 2000 руб. Это рѣшеніе послѣдовало послѣ доклада Валуевымъ записки редакторовъ «Листка» Кори и Скарятина, поданой ими Долгорукову о затрудненіяхъ матеріальнаго характера, въ виду очень слабой подписки. III Отдѣленіе предупредительно отпустило свои деньги, а потомъ получило ихъ изъ министерства (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксл., 1863 г. дѣло № 101).

2203. Сигизмундъ Сѣраковскій.

«Онъ погибъ, говоритъ «Таймсъ», отъ рукъ солдатъ, которымъ сдѣлалъ столько блага».

«Сѣраковскій, повѣствуетъ корреспондентъ Н. Ф. Павлова, началъ говорить при допросѣ о долгѣ, о чести, но былъ, какъ *говорится, сръзанъ*. Сѣраковскій долженъ, конечно, понятъ». И точка, даже а Іпеа ¹). Это—загадка, которой смыслъ долженъ быть мерзокъ, но не понятенъ.

¹) Съ новой строки.

Сказаніе «Кельнской Газеты» проще: «Сѣраковскій, раненый въ спинной хребетъ, не могъ держаться на ногахъ. Въ день казни его солдаты принесли на помость и потомъ *его вздернули на веревкѣ снизу вверхъ* (mit dem Strange von unten in die Höhe). Наканунъ было разрѣшено проститься съ нимъ его женѣ, но раненый былъ безъ памяти».

Теперь скажемъ и мы нѣсколько словъ русскимъ солдатамъ о томъ, кого они несли, *кого вздергивали на веревкѣ*. Намъ все сдается, что русский солдатъ еще опомнится, а потому онъ долженъ знать. Сѣраковскій въ очень молодыхъ лѣтахъ попался въ одну изъ николаевскихъ проскрипцій, былъ отданъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ и отправленъ на берега Сыръ-Дарьи. Такъ коротко изучилъ онъ ужасное положеніе полкового крѣпостного военнаго раба, называемаго солдатомъ. Въ дали, въ которой не было ни контроля, ни постороннихъ, кромѣ киргизъ, онъ наглядѣлся на тѣлесныя наказанія, и съ тѣхъ поръ имъ овладѣла одна мысль, дошедшая у него до фанатизма, до *idée fixe*: добиться уничтоженія палокъ, розогъ, шпицрутеновъ и пр. въ русской арміи.

Въ началѣ царствованія Александра II Сѣраковскій былъ возвращенъ въ Петербургъ и въ скоромъ времени поступилъ офицеромъ въ главный ¹⁾ штабъ. Съ этого времени начинается непрерывный, упорный трудъ его. Имя офицера Сѣраковскаго такъ же мало должно быть забыто въ дѣлѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ арміи, какъ имя князя Орлова ²⁾.

Сѣраковскій говорилъ, убѣждалъ, проповѣдывалъ *уменьшеніе* тѣлесныхъ наказаній старымъ генераламъ, фронтовикамъ, которые всю свою службу лупили солдатъ; онъ приучалъ ихъ уши къ своей яковинской мысли. Вторымъ шагомъ Сѣраковскаго были сравнительныя статистическія таблицы, составленныя имъ самимъ, въ которыхъ наглядно доказывалось, что число преступленій въ разныхъ арміяхъ находится не въ обратномъ, а въ прямомъ отношеніи съ свирѣпостью наказаній, особенно тѣлесныхъ, такъ что гдѣ больше наказаній и гдѣ они свирѣпѣе, тамъ и преступленія свирѣпѣе и многочисленнѣе. Какъ ни ясны были выводы Сѣраковскаго, имъ недоставало, въ глазахъ консерватистовъ, авторитета. Сѣраковскій выхлопоталъ у Сухозанета мѣсто делегата въ статистическій конгрессъ, собиравшійся въ 1860 году въ Лондонѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ конгрессъ, Сѣраковскій втѣснилъ свой вопль о тѣлесныхъ наказаніяхъ солдатъ, потребовалъ цифры, процессы, всѣ подробности. Сначала въ самой Англии на это смотрѣли съ неудовольствіемъ; имъ не нравилось сравненіе съ французской корабельной системой. Военнымъ секретаремъ или министромъ былъ тогда благородный и умный Сидней Гербертъ; нервный, подвижной, страстный Сѣраковскій

¹⁾ Генеральный, академію котораго кончилъ изъ первыхъ.

²⁾ Николай Алексѣевичъ.

увлекъ холоднаго бритта; sir Herbert велѣлъ ему доставить всѣ свѣдѣнія, дружески принималъ его, познакомилъ съ своей семьей и пр.

Мнѣніе конгресса оправдывало выводы Сѣраковскаго. Тутъ не было, собственно, и вопроса, но Сѣраковскому нужно было это мнѣніе для того, чтобы *генералами науки* и людьми, такъ высоко поставленными во мнѣніи всего міра, какъ лордъ Брумъ и др., пришибить нашихъ генераловъ-дантистовъ.

Едва онъ съезъ свой рапортъ въ Петербургъ, какъ снова поѣхалъ въ Алжиръ и Францію для изученія на самой практикѣ дисциплины и дисциплинарныхъ заведеній безъ тѣлесныхъ наказаній.

Годъ тому назадъ онъ женился въ Парижѣ

Мы познакомились съ нимъ въ 1860.

Человѣкъ дѣятельности непомѣрной, разсѣянный, какъ всѣ люди, поглощенные одной мыслью, сосредоточенные на одномъ дѣлѣ, онъ никогда не зналъ не только часа, но не зналъ, обѣдалъ или нѣтъ; постоянно занятый своимъ проектомъ, онъ не стѣснялся съ другими и нѣсколько разъ приѣзжалъ за полночь, будилъ меня, если я спалъ, и садился возлѣ постели читать записку листовъ въ пять, которую ему надо было везти утромъ часовъ въ 8 къ Сиднею Герберту или въ конгрессъ.

Мистикъ, какъ большая часть поляковъ, да мистикъ и по самой фанатической, нервной натурѣ своей, Сѣраковскій по политическимъ мнѣніямъ былъ всего ближе къ чисто-соціальному воззрѣнію. Къ Россіи у него не было не только тѣни ненависти, но онъ съ любовью останавливался на мечтѣ о независимой Польшѣ и дружественной съ ней вольной Россіи.

Не думалъ я, подтрунивая надъ его мистическими фантазіями и надъ его разсѣянностью, что передо мной будущій мученикъ; что люди, для избавленія которыхъ отъ палокъ и униженія онъ положилъ полжизни, своими руками его, раненаго, его, не стоящаго на ногахъ, вздернуть на веревкѣ и задушить «не какъ *военно-пльннаго*,—что великодушно ему замѣтилъ конвоировавшій его офицеръ-литераторъ,—а какъ *разбойника!*»

У кого правильно поставлено сердце, тотъ пойметъ, что Сѣраковскому не было выбора, что онъ долженъ былъ итти съ своими... И такая казнь! ¹

◆◆ 1. Проф. Романовичъ-Славатинскій рассказываетъ, что, будучи у Герцена въ 1860 году, онъ встрѣтилъ у него «невзрачнаго блондина Сѣраковскаго», съ которымъ онъ еще разъ встрѣчался въ Гейдельбергѣ, въ аудиторіи Миттермайера. «Скоро онъ ушелъ. «Вотъ болтунъ!»—характеризовалъ его Герценъ. Никому не дастъ слова сказать; а Огаревъ забивается въ уголь, чтобы спастись отъ его многословія» («Вѣст. Европы» 1903, III, 205). Въ отношеніи Герцена память профессора небезошибочна; онъ, напримѣръ, напоминаетъ, что именно въ это время «появилась

знаменитая статья Чичерина, порицавшая всю дѣятельность Герцена, на которую послѣдній отвѣтилъ горячо и сдержанно»,— между тѣмъ, какъ лѣтомъ 1860 года она была въ прошломъ, появившись въ 1858 г. Это даетъ основаніе отнести съ недо-вѣріемъ и къ словамъ, якобы, сказаннымъ Герценомъ о Сѣраковскомъ. Къ послѣднему онъ не могъ отнести уже такъ потому, что, вообще, очень цѣнилъ пріѣзжавшихъ офицеровъ, а Сѣраковскій былъ и для него человѣкомъ незауряднымъ. Притомъ Герцена всегда отличалъ житейскій тактъ, и онъ не могъ такъ характеризовать Сѣраковского, бывшаго у него въ домъ, впервые явившемуся молодому, еще ничѣмъ себя не заявившему ученому.

Приведу неизвѣстныя документальныя данныя для біографіи выдающагося поляка-революціонера, изъ которыхъ будутъ видны ошибки и Герцена, и біографовъ.

21 апрѣля 1848 г. въ м. Почаевѣ Кременецкаго у. Волынской губ. былъ задержанъ студентъ Спб. университета Сигизмундъ Игнатьевичъ, Сѣраковскій, имѣвшій отпускной билетъ университета отъ 31 марта на 28 дней для проѣзда въ Херсонскую губ., но, вмѣсто того, по доносу еврея Крыштана, имѣвшій намѣреніе бѣжать за границу. Сѣраковскій былъ направленъ въ Кіевъ, гдѣ и ожидали распоряженій о немъ III Отдѣленія. При немъ оказались почтовая карта Россіи, польская книга Jordan «Fantazia dramaticzna» и 18 полуимперіаловъ.

Къ прошенію объ отпускѣ имъ было приложено письмо отъ матери отъ 20 марта, которая извѣстила его о смерти единственнаго сына графа Сѣраковского, благодаря чему открывалась надежда стать наслѣдникомъ бездѣтнаго графа и его титула. Изъ письма Сѣраковского къ товарищу студенту Пржибыльскому отъ 3 мая 1848 г. видно, что изъ Житомира онъ поѣхалъ къ матери, жившей недалеко отъ Почаева; «одного прошу— пускай меня судятъ военнымъ судомъ, но пусть не оставляютъ безъ разспроса; надѣюсь, что университет. начальство не откажетъ мнѣ въ защитѣ».

3 мая Сѣраковскій былъ доставленъ въ III Отдѣленіе въ сопровожденіи жандарма. Въ тотъ же день съ него былъ снятъ допросъ. Изъ показаній видно, что Сѣраковскій происходилъ изъ дворянъ Волынской губ., родился въ 1826 году, отца потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ, воспитывался въ имѣніи бабки своей Маріи Моравской въ Луцкомъ уѣздѣ, потомъ въ житомирской гимназіи; въ 1845 году, не имѣвъ возможности быть принятымъ въ инженерное училище, вступилъ въ Спб. университетъ по разряду математическихъ наукъ; въ 1846 г. перешелъ на 2-й курсъ, а въ 1847 за неуспѣхи смѣщенъ съ казеннаго содержанія и, по его желанію, перечисленъ въ 1-й курсъ разряда камеральныхъ наукъ. Просилъ билетъ въ Херсонскую губ., предполагая проѣхать въ Одессу, если бы не успѣлъ повидаться съ дядями, графами Сѣ-

роковскими, жившими въ Волинской и Подольской губ., куда они могли выѣхать, не дождавшись его приѣзда. Узнавъ въ Житомирѣ о болѣзни матери, рѣшилъ заѣхать къ ней, въ с. Лышче Луцкаго у., рискуя просрочить отпускъ; съ нимъ же долженъ былъ ѣхать къ матери его братъ Игнатій, воспитанникъ житомирской гимназіи. Отъ матери С. проѣхалъ къ сестрѣ въ с. Бильче Дубенскаго у., жившей при дѣтяхъ помѣщика Гостынскаго; оттуда направился въ Херсонскую губ. черезъ Кременецъ и Староконстантиновъ. Еврей-возница опасался не доѣхать до Кременца засвѣтло и самъ посовѣтовалъ переночевать въ Почаевѣ, гдѣ можно было, кстати, осмотрѣть монастырь и помолиться. О проводникѣ черезъ границу Сѣраковскій никого не просилъ и показаніе Крыштана категорически отрицалъ.

Запрошенный попечитель Спб. учебнаго круга М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, боясь какой-либо отвѣтственности, сообщил III Отдѣленію, что, хотя, по отзыву инспектора студентовъ, «Сѣраковскій постоянно отличался страннымъ характеромъ, въ разговорахъ не замѣчно было образа мыслей предосудительнаго, напротивъ, онъ былъ болѣе тихъ и неразговорчивъ; противъ начальства оказывалъ всегда должное почтеніе; взысканіямъ не подвергался», — и, благодаря этому, отпускъ такому студенту имъ былъ данъ; однако, «я не полагаю ни безвреднымъ, ни даже приличнымъ оставлять Сѣраковскаго въ Спб. университетѣ, потому что взятіе его подъ стражу въ Почаевѣ, гдѣ ему вовсе не слѣдовало быть, возбуждаетъ подозрѣніе въ дѣйствительномъ намѣреніи его скрыться за границу».

По обычаю, слѣдуя своей кошачьей манерѣ обращенія съ арестованными, Дубельтъ сумѣлъ расположить къ себѣ и Сѣраковскаго. «Генералъ!—писалъ ему лукавый заключенный уже въ началѣ мая.—Счастливы юноши, что Вы стражемъ порядка. Вы старикъ, но съ вѣрующею, неугасшею душою. Я уже рѣшился!—выслушайте меня сами, зайдите ко мнѣ сами, Генералъ. Богу помолюсь за васъ!

Сѣраковскій.

«Вы вѣрите, что я помолюсь!»

11 мая шефъ жандармовъ вошелъ съ всепод. докладомъ, который начать съ доноса еврея-извозчика; «я лично видѣлъ Сѣраковскаго, — писалъ графъ Орловъ, — и онъ, повторивъ предо мною прежнія показанія, между прочимъ, объяснилъ, что пистолетъ, найденный при немъ (уже въ III Отдѣленіи—*М. Л.*), не былъ заряженъ надлежащимъ образомъ, но въ него только ввинчена была пуля, безъ пороха. При этомъ случаѣ я замѣтилъ, что Сѣраковскій довольно откровенный молодой человекъ, но науки не столько принесли ему пользы, сколько запутали его умъ, и разумъ его теряется въ безконечномъ многорѣчьи». Заключение доклада: «Сообразивъ сіи обстоятельства, я нахожу, что хотя уликъ къ

прямоу обвиненію нѣтъ, а самъ онъ ни въ чемъ не сознался, но тѣмъ не менѣе обстоятельства дѣла навлекають на него нѣкоторое подозрѣніе въ намѣреніи скрыться за границу и потому необходимо принять въ отношеніи его мѣры осторожности. Хотя же изъ словъ Сѣраковскаго усматривается желаніе его поступить на службу въ артиллерію дѣйствующей арміи, но я, не признавая удобнымъ исполнить это желаніе, полагалъ бы опредѣлить его, на правахъ по происхожденію, зъ одинъ изъ армейскихъ полковъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы ген.-ад. кн. Воронцовъ поручилъ ближайшему начальству обратиться на Сѣраковскаго особенное вниманіе». Резолюція Никол я I: «въ Оренбургскій корпусъ». 14 мая III Отдѣленіе просило инспекторскій департаментъ военнаго министерства отправить Сѣраковскаго (такъ и содержащагося подъ арестомъ при Отдѣленіи) въ Оренбургъ въ сопровожденіи жандарма «и во время пути содержать его прилично его происхожденію». Для сопровожденія былъ назначенъ поручикъ Спб. дивизіона Шамонинъ, которому было приказано «обходиться съ Сѣраковскимъ снисходительно, имѣя, однакоже, за нимъ наблюденіе; не дозволять ему никуда отлучаться и не входить ни въ какія постороннія разсужденія».

Указанія на происхожденіе ссылаемаго сдѣланы согласно закону, который выдѣлялъ дворянъ. По этому поводу Сѣраковскій составилъ слѣдующую записку: «Дѣло о дворянскомъ происхожденіи моего рода отправлено для пополненія изъ временнаго присутствія герольдіи въ волынское депутатское собраніе, которое чрезъ университетъ потребовало отъ меня подписки, въ томъ, что я немедленно самъ явлюсь для пополненія и приведенія въ порядокъ этого дѣла или, по крайней мѣрѣ, вышлю на то нужныя деньги. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, весьма трудно будетъ доказать мое дворянское происхожденіе отдѣльно, не соединивъ доказательствъ моего рода съ доказательствами моихъ дальнихъ родственниковъ графовъ Сѣраковскихъ и не представивъ дополнительныхъ доказательствъ и документовъ, которые можно только у нихъ заимствовать или, по крайней мѣрѣ, у нихъ почерпнуть свѣдѣнія, гдѣ таковыя можно было бы отыскать. Одинъ только изъ графовъ С. былъ мнѣ лично знакомъ,—графъ Максимиліанъ, онъ уже померъ; тотъ научалъ мнѣ о степени родства нашего и о томъ, какъ искать доказательствъ на это, но тогда я еще не умѣлъ пользоваться его совѣтами и не зналъ всей важности ихъ. На официальные отношенія графы С., которые совершенно меня не знаютъ, по совѣсти будутъ отвѣчать, что они не вѣдаютъ, состоитъ ли незнакомое имъ лицо, Сигизмундъ Сѣраковскій, въ родствѣ съ ними или нѣтъ,—и потому, ежели въ отвѣтъ на официальные отношенія не будутъ представлены всѣ необходимыя дополнительные документы, которые, вѣроятно же всего, находятся въ частныхъ рукахъ, или могутъ быть разбросаны по архивамъ цѣлаго Западнаго края, и неизвѣстно, гдѣ именно искать

ихъ. Дѣло, неудовлетворительно пополненное, поступить вновь въ герольдію и можетъ быть навсегда отвергнуто.

«Высшее начальство, удостоверившись моей усердной службѣ, можетъ быть, прежде истечения срока, необходимаго для получения офицерскаго чина, разрѣшить мнѣ самому съѣздить въ отпускъ, чтобы повидаться лично съ графами С. и упросить, чтобы они сами занялись этимъ дѣломъ (я представляю имъ близкія сношенія наши съ графомъ Максимилианомъ, письма его къ моей маменькѣ, исполненныя родственной привязанности, совѣты и общанія, данные мнѣ еще мальчику и надѣюсь, что братья и родные племянники гр. Максимилиана не откажутъ заняться присканіемъ доказательствъ общаго нашего происхожденія)».

Изъ письма къ Пржибыльскому видно, что Сѣраковскій надѣялся перейти на Кавказъ, добиться тамъ офицерскаго чина, «тогда, пожалуй, могу просить о перенесеніи меня хоть въ гвардію. Самыя близкія государю особы обнадеживаютъ меня, что мои надежды могутъ сбыться, ежели буду хорошимъ юнкеромъ. Итакъ, прощайте друзья! до свиданія! Можетъ быть прежде, чѣмъ вы успѣете кончить университетскій курсъ, я пріѣду къ вамъ въ отпускъ офицеромъ! Мое прощальное привѣтствіе всѣмъ моимъ профессорамъ... Прощальное—погребальное, что-то весьма однозвучно, но ради Бога! я ни мало не думаю о погребеніи, а только о прощеніи,—до свиданія! Будьте здоровы и веселы, какъ я здоровъ и весель. Ура!! Отче Нашъ! да будетъ воля и на земли, какъ на небесахъ! Клянусь вамъ, что я спокоенъ».

Письмо къ инспектору студентовъ А. И. Фитцуму фонъ-Экштему: «Любезный Александръ Ивановичъ! Вы всегда были для насъ строгимъ начальникомъ, но вмѣстѣ заботливымъ отцомъ; вы, вѣрно, сильно негодуете на меня—я признанъ виновнымъ въ крайней оплошности и жестоко наказанъ за нее: я лишенъ права окончить университетскій курсъ; просился въ военную службу и опредѣленъ въ Оренбургскій корпусъ. Любезный Александръ Ивановичъ! простите мнѣ мою оплошность и будьте всегда благосклонны ко мнѣ. Преданный Вамъ.

Сѣраковскій.

«Отдайте, Александръ Ивановичъ, прилагаемую записку Пржибыльскому».

III Отдѣленіе письма по назначенію не отправило.

18 мая командиръ л.-гв. казачьяго полка ген. Красновъ просилъ Дубельта приказать принять отъ студента Путерницкаго 47 р. сер. для доставленія Сѣраковскому. 20 мая послѣдній былъ отправленъ въ Оренбургъ.

2 іюня Сѣраковскій, перехитрившій грознаго помощника гр. Орлова и ловко прикидывавшійся покорнымъ вѣрноподданнымъ, писалъ Дубельту изъ Оренбурга: «Генералъ! 31 мая я ярибыль въ Оренбургъ. Въ отношеніи г. военнаго министра

сказано, что я опредѣленъ въ Оренбургскій корпусъ на правахъ моего состоянія, но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ не препровождены бумаги мои, то г. начальникъ Оренбургскаго корпуса приказалъ опредѣлить меня рядовымъ. Генералъ! Г. начальникъ корпуса назначилъ меня въ 1-й линейный баталіонъ въ Новопетровское укрѣпленіе, самое южное на берегу Каспійскаго моря, тысячи за полторы верстъ отъ Оренбурга. Генералъ, служа рядовымъ за полторы тысячи верстъ отъ Оренбурга, когда же я успѣю обратитъ на себя вниманіе начальства? половина дороги въ Новопетровское укрѣпленіе совершается кораблемъ по Каспійскому морю и въ ненастное время можетъ значительно продлиться.

«Генералъ! вы знаете, что я вѣрую и уповаю на Бога, Отца нашего, и потому, когда я узналъ, что я назначенъ рядовымъ въ Новопетровское укрѣпленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что начальникъ корпуса приказалъ отправить меня въ госпиталь для поправленія здоровья, хотя я самъ чувствовалъ сильное еще разслабленіе; я просился, нельзя ли мнѣ сейчасъ отправиться къ мѣсту моего назначенія, но г. главный лѣкарь Оренб. корпуса нашель необходимымъ, чтобы я остался въ Оренбургѣ до совершеннаго поправленія здоровья. Да будетъ воля Божья! но, Генералъ, вѣдь Богъ не непосредственно, а чрезъ добрыхъ людей печется о уповающихъ на него; можетъ быть, Богъ назначилъ Васъ моимъ попечителемъ; ежели это такъ, Отецъ-Генералъ, прикажите какъ можно скорѣе выслать мои бумаги, за которыми Вы послали въ университетъ, иначе я останусь навсегда—рядовымъ, и сдѣлайте то, чтобы меня оставили въ г. Оренбургѣ,—въ самомъ Оренбургѣ гарнизонъ постоянно составляютъ 2-й и 3-й лин. баталіоны, и притомъ въ Оренбургѣ находится дивизионная учебная команда, въ которой состоятъ юнкера всѣхъ баталіоновъ,—пускай меня оставятъ въ дивизионной учебной командѣ или, по крайней мѣрѣ, назначать въ одинъ изъ этихъ баталіоновъ.

«Въ дорогѣ поручикъ Шамонинъ своими нѣжными попеченіями заступалъ для меня Ваше мѣсто.

«Прощайте, Любезный Генералъ, остаюсь исполненъ сыновней привязанности къ Вамъ... Ахъ, еслибы еще въ этомъ году я могъ, по Вашему назначенію, броситься на батарею и отнять пушки у Шамиля; ежели же мнѣ суждено остаться рядовымъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, старайтесь, по крайней мѣрѣ, узнать, любезный Генералъ, о моемъ поведеніи и ежели найдете, что я достойно веду себя, напишите ко мнѣ одно слово: «я доволенъ тобою»; это слово вознаградитъ меня за всѣ лишенія.

«Вашъ сынъ, вашъ слуга, любезный Отецъ-Генералъ,

Сигизмундъ Стрakovскій.

«Генералъ, отправьте письмо къ моей маменькѣ».

Помѣтка Дубельта: «черезъ 3 мѣсяца спросить, какъ себя ведетъ». Когда вернувшійся Шамонинъ сообщилъ, что командиръ кор-

пуса В. А. Обручевъ принялъ Сѣраковскаго очень сурово, по просьбѣ Дубельта, 16 іюня ему было написано гр. Орловымъ, чтобы по прошествіи трехъ мѣсяцевъ со дня поступленія Сѣраковскаго на службу увѣдомить III Отдѣленіе о его поведеніи и усердіи къ службѣ. Тогда же Обручевъ доставилъ Дубельту два письма Сѣраковскаго къ матери и брату. Въ первомъ тотъ писалъ, что, «получивъ отъ генерала Дубельта доказательства истинно отеческаго попеченія, надѣется, нигдѣ худо не будетъ», а во второмъ—что «будетъ грудью пересѣкать Ураль, бѣгать по степямъ и считать звѣзды на небѣ». Письма разрѣшено было послать по адресамъ.

Второе письмо Дубельту изъ Оренбурга отъ 17 іюля 1848 г.: «Отецъ Генераль! Вы позволили мнѣ, сиротѣ, лишенному отца, удаленному на нѣсколько тысячъ верстъ отъ моей несчастной матери, обращаться прямо къ Вамъ, какъ къ отцу родному, изливать, какъ Вы сказали, предъ Вами мою душу,—Богъ наградитъ Васъ за это! Генераль, находясь подъ арестомъ въ Вашемъ штабѣ, я невольно наполнился любви, привязанности, благоговѣнія къ Вамъ; я увѣрился, что ежели-бъ Вашъ родной сынъ былъ обвиненъ на моемъ мѣстѣ, Вы были бъ не менѣе строги въ изслѣдованіи дѣла и не оказали бы ему болѣе сочувствія!

«Сегодня я отправляюсь къ мѣсту моего назначенія въ Новопетровскъ, на Каспійское море; до сихъ поръ я лежалъ въ госпиталѣ; сначала я долгое время боролся съ лихорадкой; разстроенныя бѣглымъ огнемъ лихорадки, мои силы подверглись жестокому картечному огню холеры, но Богъ милостивъ, спасъ меня,—лихорадка и холера не одолѣли меня! Еще въ госпиталѣ я узналъ, что холера съ іюня мѣсяца свирѣпствуетъ въ СПБ.; знать, что благодѣтель твой подвергается опасности и не быть въ состояніи заслонить его собственной грудью; это ужасно! я дрожалъ за Ваши дни Отецъ-Генераль! Сегодня немного успокоился: я читалъ «С. Пчелу» по 6 іюля; съ трететомъ пробѣгалъ я извѣстія о жертвахъ холеры,—Богъ милостивъ, охраняетъ Васъ своею всемогущею десницею!

«Генераль! Я отправилъ письмо къ Вамъ еще изъ госпиталя на руки бывшаго здѣшняго коменданта ген. Лифлянда, но онъ на другой день послѣ этого сдѣлался жертвою холеры, и потому письмо мое, вѣрно, у него на рукахъ осталось. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло, которымъ еще въ томъ письмѣ я осмѣлился Васъ беспокоить. Согласно Вашему обѣщанію, бумаги мои, находившіяся въ университетѣ, по первой почтѣ послѣ моего прибытія, получены въ Оренбургѣ и 22 іюня обратно отправлены въ СПБ. въ инспекторскій департаментъ, чтобы онъ рѣшилъ, какія права даютъ мнѣ онѣ. Эти бумаги свидѣтельствуютъ, что доказательства дворянскаго происхожденія отца моего Игнатія не отвергнуты герольдіею, но только отправлены для приведенія въ порядокъ и пополненія въ волынское депутат. собраніе; свидѣтельство о рожденіи

доказываетъ, что я сынъ Игнатія; аттестатъ изъ волинской гимназіи даетъ право на чинъ 14-го класса при поступленіи въ государственную службу; на основаніи его въ гражданской я тотчасъ получаю чинъ, въ военной товарищи мои на основаніи такихъ аттестатовъ чрезъ 6 мѣс. производимы были въ офицеры. Инспекторскій департаментъ будетъ рѣшать, долженъ ли я, на основаніи этихъ бумагъ, остаться рядовымъ или поступить въ юнкера и сколько времени служить до офицерскаго чина.

«Отецъ-Гене аль! просите дежурнаго генерала, чтобы инсп. д—тъ рѣшилъ мое дѣло въ скорѣйшемъ времени и зачислилъ меня юнкеромъ. Теперь, Отецъ-Генераль, я, какъ рядовой, отправляюсь въ Новопетровскъ, 800 верстъ сухимъ путемъ, не на курьерскихъ съ поруч. Шамонинымъ (!), но пѣшкомъ, по этапу.

«Я уповаю на Бога и надѣюсь, что со временемъ и въ Новопетровскѣ и въ Оренбургѣ успѣю приобрѣсть отцовское вниманіе и довѣріе моихъ начальниковъ; я спокоенъ; правда, и на меня приходятъ черныя минуты, особенно когда подумаю, что дѣлаетъ моя несчастная мать, моя молодая сестра, мой меньшой братъ; съ 20 апрѣля, рокового дня, въ который меня арестовали, я не имѣю никакого отъ нихъ извѣстія, ни одной строки отвѣта на письма, писанныя въ Вашемъ штабѣ, въ СПб. Въ теплой молитвѣ къ Всевышнему единственное утѣшеніе и подкрѣпленіе! Во имя отца и сына и Святаго Духа! Прощайте, Отецъ-Генераль! Я съ христіанскимъ смиреніемъ отправляюсь въ Новопетровскъ; пустыня меня не пугаетъ, пустыня мнѣ по сердцу. Пророки, ученики Христа искали вдохновенія въ пустынѣ. Вы назвали меня, Отецъ-Генераль, поэтомъ; не знаю, поэтъ ли я, но я люблю пустыню!

«Исполненъ любви, привязанности, благоговѣнія къ Вамъ
Вашъ сынъ, Вашъ слуга

Сигизмундъ Сѣраковскій».

Дубельтъ поспѣшилъ быть любезнымъ и на этотъ разъ; гр. Орловъ согласился отнести въ инспекторскій департаментъ съ просьбой «приказать обратить вниманіе на просьбу Сѣраковскаго, дабы безъ замедленія разрѣшено было, на какихъ правахъ онъ долженъ быть зачисленъ въ службу, о послѣдующемъ же не оставить его увѣдомить». Отъ себя Дубельтъ написалъ о томъ же самомъ дежурному генералу.

Въ мартѣ 1849 г. родственникъ Сѣраковскаго Аркадій Венгржиновскій, чиновникъ оренбургской пограничной комиссіи, писалъ Дубельту, что Сѣраковскій «заболѣлъ нравственно; умъ его въ опасности», и потому просилъ о переводѣ его въ Оренбургъ подъ его собственный надзоръ и попеченіе. Орловъ просилъ объ этомъ Обручева; послѣдній сообщилъ, что о заболѣваніи

ничего не знаетъ, а переводъ не признаетъ удобнымъ, потому что въ двухъ линейныхъ оренбургскихъ баталіонахъ и такъ уже значительное число нижнихъ чиновъ, опредѣленныхъ рядовыми за политическіе проступки, въ особенности уроженцевъ западныхъ губерній и Ц. Польскаго; онъ полагалъ перемѣстить его, «если того будетъ требовать нравственное состояніе», изъ Новопетровска въ Уральскъ. Въ іюнѣ 1849 г. Обручевъ сообщилъ, что Сѣраковскій «находится въ совершенно здоровомъ умѣ, поведенія очень хорошаго и службу исполняетъ усердно, а потому полагая, что надзоръ въ настоящее время чиновника Венгржиновскаго за рядовымъ С. будетъ ненужнымъ, я оставилъ его попрежнему въ Новопетровскомъ укрѣпленіи». Повидимому, относительно Обручева или кого-либо изъ его приближенныхъ Сѣраковскій не сумѣлъ стать въ благопріятное положеніе, и, конечно, Дубельтъ мало могъ ему помочь на мѣстѣ.

21 февраля 1850 г., уже изъ Уральска Сѣраковскій послалъ ему третье письмо: «Отець-Генераль! Выслушайте меня!—выслушаетъ Васъ нашъ Великій Отець-Богъ! Студентъ Спб. унив. Сигизмундъ Сѣраковскій въ началѣ 1848 года отправился въ Одессу и заѣхалъ къ матери и сестрѣ на Вольны близъ галиційской границы»; «обстоятельства поѣздки навели на него нѣкоторое подозрѣніе, сначала хотѣли отправить его въ Казань для окончанія курса, но «въ примѣръ другимъ» рѣшили опредѣлить въ гражданскую или военную службу. Вы сами по причинѣ слабаго тѣлосложенія совѣтовали ему гражданскую. Сѣраковскій, полагаясь на силу духа, избралъ военную; Вы его благословили Отець-Генераль, Вы сказали, что это будетъ испытаніе, что Вы каждый мѣсяць будете получать отзывы о его поведеніи и что если эти отзывы будутъ безукоризненны, испытаніе не будетъ продолжаться болѣе двухъ лѣтъ, Вы сами будете просить за него милосерднаго государя.

«Два года продолжается испытаніе; надѣюсь, что отзывы обо мнѣ безукоризненны. Дворянинъ, «опредѣленный на правахъ по происхожденію»—въ 2 года офицеромъ; къ несчастію, герольдія до сихъ поръ не рѣшила моего дѣла, неизвѣстно когда и какъ рѣшить, и я 2 года рядовымъ.

«Отець-Генераль! я исполнилъ Ваши завѣтныя мнѣ слова, 2 года служилъ безукоризненно; исполните теперь Ваши обѣщанія, просите за меня милосерднаго государя! Позвольте мнѣ держать экзамень на ученую степень въ казанскомъ университетѣ; ученая степень заступитъ мѣсто дворянскаго диплома, и я снова съ радостью готовъ вступить въ военную службу. Переведите меня въ гражданскую службу; еще изъ гимназіи я имѣю право на чинъ при поступленіи въ нее,—или на Кавказъ, тамъ я заслужу серебряный или деревянный крестъ!

«Нѣтъ! я ни о чемъ Васъ не прошу, сдѣлайте сами то, что считаете для меня лучшимъ, какъ человѣкъ, чувствующій без-

смертную душу человѣку, какъ отецъ сыну! Отецъ-Генералъ! Ваше призваніе велико, священо: направлять полеть молодыхъ орловъ! ахъ! еслибы мнѣ еще разъ въ жизни говорить съ Вами!
«Прощайте, Отецъ-Генералъ! я вѣрю въ Бога и въ безсмертіе и потому смѣло взываю къ Вамъ!

Вашъ сынъ-солдатъ

Сигизмундъ Страковский».

10 марта гр. Орловъ просилъ Обручева увѣдомить его, что онъ «изволитъ полагать возможнымъ сдѣлать въ пользу Страковского», обратившагося съ просьбой о дозволеніи держать экзаменъ въ казанскомъ университетѣ. 21 мая суровый генералъ сообщилъ, что «съ самаго опредѣленія въ баталіонъ и по настоящее время Страковский ведетъ себя въ поведеніи и по службѣ отлично хорошо, а потому во вниманіи къ таковой похвальной службѣ я полагалъ бы предоставить ему право держать экзаменъ съ переводомъ въ казанскій внутренній гарнизонный баталіонъ, если бы томъ не встрѣтился препятствія со стороны военнаго министерства». 8 іюня гр. Орловъ, опять-таки по просьбѣ Дубельта, хотѣлъ вынудить у Обручева производство Страковского въ офицеры и потому написалъ, что не считаетъ возможнымъ ходатайствовать о дозволеніи рядовому держать экзаменъ.—пусть продолжаетъ военную службу до производства въ офицеры, а до тѣхъ поръ «не можетъ ничего сдѣлать въ пользу Страковского». Однако, на Обручева эта уловка не подѣйствовала. Только въ 1852 г. Страковский былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а въ февралѣ 1856 г.—въ прапорщики съ назначеніемъ въ 7-й запасный баталіонъ Брестскаго пѣх. полка. Въ іюлѣ 1856 г. онъ просилъ о прикомандированіи къ академіи генеральнаго штаба для приготовленія къ поступленію въ нее въ 1857 г. Новый командиръ корпуса, гр. Перовскій, поддержалъ эту просьбу передъ гр. Ростовцовымъ, прибавивъ, что «при образованіи С., при испытанномъ усердіи и любви къ умственнымъ занятіямъ будущая служба этого офицера можетъ быть весьма полезна». Несмотря на поддержку и со стороны Ростовцова, Александръ II не нашелъ возможнымъ нарушить вновь установленный порядокъ и потому приказалъ допустить С. къ экзамену въ академію только послѣ прослуженія офицеромъ двухъ лѣтъ во фронтѣ. Тогда Страковский просилъ Ростовцова о прикомандированіи его къ образцовому кавалерійскому полку, гдѣ было бы больше возможности подготовиться. Это было разрѣшено. 29 августа шефъ жандармовъ просилъ государя направить къ военному министру просьбу Страковского объ отданіи ему старшинства въ чинѣ, имѣя въ виду многолѣтнюю службу рядовымъ. Въ началѣ января 1857 г. государь приказалъ отдать С. старшинство въ чинѣ прапорщика съ 14 августа 1852 г., т. е. съ окончанія 4-лѣтняго срока службы,

который, по дворянству, необходимо было пробывать до производства въ офицеры (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1848 г., дѣло № 190).

Въ концѣ мая 1860 г. Сѣраковскій былъ командированъ за границу для изученія въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ военно-уголовнаго законодательства и статистики европейскихъ армій; пробывъ въ этой командировкѣ болѣе года, Сѣраковскій въ июлѣ 1861 г. былъ отправленъ въ крѣпости Зап. Россіи для собранія свѣдѣній о состояніи тамъ арестантскихъ ротъ; въ концѣ 1861 г. военный министръ поручилъ ему составить, подъ руководствомъ ген.-аудитора В. Философова, докладъ о преобразованіи арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства; для этого необходимо было ознакомиться съ подробностями устройства западно-европейскихъ военно-пенитенціарныхъ заведеній, въ особенности во Франціи и Алжирѣ; поэтому въ іюнѣ 1862 г. Сѣраковскій вновь былъ командированъ за границу на четыре мѣсяца, потомъ еще на два. 25 марта 1863 г. онъ отправился въ 14-дневный заграничный отпускъ и уже не возвратился въ Россію.

27 апрѣля въ сраженіи съ войсками ген. Ганецкаго онъ былъ раненъ и попалъ, взятый въ плѣнъ, въ военное отдѣленіе госпиталя св. Якова. 15 іюня 1863 г., въ 9^{1/2} ч. утра онъ былъ повѣшенъ. «При чтеніи ему сентенціи на мѣстѣ казни,—доносилъ виленскій жандармъ—все, что клонилось въ его пользу, Сѣраковскій утверждалъ словомъ «такъ»; все же, клонящееся къ обвиненію его, онъ отвергалъ словами: «неправда, протестую». Наконецъ, когда кончилось чтеніе, онъ обратился къ народу со словами: «Господа, протестую пере.ть всѣмъ міромъ и Европой»... далѣе разобрать его за барабаннымъ боемъ и звуками рожковъ было невозможно; но при надѣваніи на него савана и связываніи рукъ онъ сильно сопротивлялся, произнося дерзкую брань. Офицеры, смотрѣвшіе на это, сочувствія къ Сѣраковскому не имѣли».

При допросѣ Сѣраковскій показалъ, что имъ была составлена записка о польскомъ вопросѣ, одинъ экз. которой хранится у вице-директора аудиторіатскаго деп. военнаго министерства—Томсена, а черновикъ—у проф. В. Д. Спасовича. Виленскій ген.-губ. Муравьевъ просилъ III Отд. сдѣлать обыскъ у обоихъ. Потоповъ сдѣлалъ очень интересную помѣтку: «Изъ горькаго опыта ежедневно все болѣе убѣждаюсь, что обыски вообще мало приносятъ пользы, но разновременные у лицъ, причастныхъ къ одному дѣлу, ужъ положительно вредны, и потому какъ в. с.—ву благоугодно предоставить мнѣ избрать время для обыска у проф. Спасовича, то испрашиваю разрѣшеніе произвестъ одновременно съ к. с. Томсеномъ или по крайней мѣрѣ не раньше, чѣмъ отъ этого послѣдняго будутъ потребованы бумаги преступника Сѣраковскаго, которыя, казалось бы, ему слѣдовало представить безъ требованія, по долгу присяги». 14 іюня обыскъ былъ произведенъ

ген.-майоромъ Левенталемъ въ присутствіи депутата отъ мин. народн. просвѣщенія Ошметкова. Спасовичъ заявилъ, что записки у него нѣтъ,—она, вѣроятно, у сестры Сѣраковскаго. Вскорѣ послѣдняя предъявила ее Философову, а тотъ направилъ въ III Отдѣленіе. Все отобранное на обыскѣ у Спасовича было отправлено въ Вильну. 2 марта 1864 г. варшавскій оберъ-полицмейстеръ Ѡ. Ѡ. Треповъ просилъ III Отдѣленіе собрать подъ рукой свѣдѣнія о Спасовичѣ, которому варшавское училищное начальство предполагаетъ предложить каяедру въ варшавской главной школѣ. Справка: «Проф. В. Спасовичу служилъ прежде гдѣ-то въ уголовной палатѣ и по какому-то недоразумѣнію отданъ былъ подъ судъ, что заставило его изучить уголовное право для своего оправданія, и онъ достигъ этого самымъ блистательнымъ образомъ. Спасовичъ считается нынѣ первымъ юристомъ въ Россіи и какъ таковой давалъ всегда здѣшнимъ студентамъ, въ особенности во время бывшихъ въ 1861 г. въ Спб. унив. безпорядковъ, разные совѣты и наставленія, впрочемъ, сколько извѣстно, довольно обыкновенные. Что касается его политическихъ убѣжденій, то онъ—сторонникъ возстановленія Польши. Убѣжденій этихъ онъ нисколько не скрываетъ, хотя и выражаетъ ихъ всегда весьма умѣренно. Положительно извѣстно, что когда въ 1862 г. ему предлагали какое-то значительное мѣсто въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы преподавать уголовное право въ открытомъ тогда училищѣ, то онъ отказался единственно потому, какъ онъ выразился, что не желаетъ имѣть дѣла съ молодежью, которая, вмѣсто науки, занимается уличными демонстраціями. Онъ до сихъ поръ преподаетъ уголовное право въ училищѣ правовѣдѣнія и пользуется тамъ, несмотря на свою строгость, любовью и уваженіемъ воспитанниковъ. Равнымъ уваженіемъ пользуется онъ и въ столичномъ обществѣ, которое считаетъ его человѣкомъ гениальнымъ. Мѣсяца два тому назадъ Спасовичъ защищалъ въ здѣшнемъ университетѣ диссертацию на степень доктора, причемъ были шумныя одобренія ему со стороны студентовъ». Трепову было сообщено, что «казалось бы необходимымъ отклонить предложеніе ему каяедры». Въ октябрѣ 1864 г. III Отдѣленіе ничего не имѣло противъ утвержденія В. Д. ординарнымъ профессоромъ казанскаго унив., а въ декабрѣ кн. П. Гагаринъ сообщилъ III Отдѣленію и мин. нар. просвѣщенія, что по разсмотрѣніи особо назначенными лицами составленнаго Спасовичемъ учебника уголовного права, государь, находя, что тамъ «проводится такое ученіе, которое должно быть строго преслѣдовано, потому что оно враждебно существующему у насъ порядку и подрываетъ тѣ начала, на которыхъ зиждется общественное устройство», повелѣлъ изъять учебникъ изъ числа руководствъ, а автора устранить отъ преподаванія. Этими особо назначенными лицами были: кн. Павелъ Гагаринъ, бар. Модестъ Корфъ, кн. Сергѣй Урусовъ и А. В. Головинъ; указанное рѣшеніе было мнѣніемъ первыхъ трехъ; Голо-

внинъ считалъ, что прежде заключенія необходимо потребовать объясненій отъ самого Спасовича Э о, однако, не мѣшало самому Головину и поднять все дѣло послѣ рецензій на учебникъ Баршева и Юркевича и тогда же во всепод. докладѣ замѣтить именно то, что указали три члена... (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп. 1863 г., дѣло № 23 ч. 206).

2204. «День» и «Колоколь».

Богомольная старушка въ комедіи Островскаго ¹⁾ рассказываетъ любопытный фактъ о какомъ-то султанѣ Махнутѣ, который творилъ судъ *по неправдѣ*, такъ что и рѣшеніе у него всякій разъ выходило *неправое*.

Издатель «Дня», отодвинувшій на второй планъ г. Касьянова, сильно смахиваетъ на этого Махнута Конечно г. Аксаковъ воленъ то же думать о насъ, но на то есть третейскій судъ и въ этомъ случаѣ довольно обширный, т.-е. весь родъ людской. *Судъ по правдѣ* понятенъ всякому нормальному человѣку, въ какой губерніи онъ бы ни родился, любитъ Москву или Петербургъ, ходитъ подъ благословіе папы римскаго, попа русскаго или бѣлокриницкаго владыки. С дѣ *по неправдѣ*, какъ постукиваніе духовъ, доступенъ только вѣрующимъ и посвященнымъ.

Правда обяываетъ до нѣкоторой степени всякаго человѣка, нелишеннаго здраваго смысла и не награжденнаго *смысломъ большимъ*. Вѣра не обязательно нисколько для ближняго, и самъ г. Аксаковъ прекрасно доказалъ это въ своемъ назидат. и кн. Августина Голицына ²⁾. Издѣваясь надъ расколническими вѣрованіями простого народа, онъ, нѣсколько кощунствуя въ монополіи господствующей церкви, обзываетъ не безъ остроумія ихъ догматы, *ихъ* святую вѣру «фокусъ-покусами спасенія» и въ то же время прибавляетъ, что они могутъ быть совершенно *искренни*. Августинъ Голицынъ, вѣроятно. съ своей стороны, находитъ аксаковскій синодальный фокусъ покусъ подозрительной пробы да, на бѣду, еще имѣетъ за собой весь католическій міръ. Повѣрка тутъ одна—инквизиція и костеръ. Но для этого надобно имѣть на своей сторонѣ полицію, свободу жечь людей,—къ тому же все это очень больно, но ничего не доказываетъ.

Издатель «Дня» имѣетъ и другой критеріумъ,—онъ основанъ на «значительной доли русскости». Тутъ тоже бѣда. Не всякій родится русскимъ, кто захочетъ. Какъ же убѣдить того несчастнаго, который съ рожденіемъ принесъ въ крови значительную

¹⁾ Страница Феклуша въ «Грозѣ».

²⁾ Писатель по вопросамъ церкви и по исторіи; принялъ католичество котораго былъ ревностнымъ послѣдователемъ.

долю андалузскости или скандинавскости?... а такихъ очень много. П идется и тутъ в ушать русскость муравьевшиной, то-есть казняя людей, лошадей, воловъ, усадьбы, поля и лѣса..

Мы считаемъ *неправдами тѣ правды*, которыхъ доказательства зависятъ отъ стихій внѣшнихъ разуму, и которыя такъ близки къ костру и висѣлицѣ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ я съ ужасомъ отпрянулъ отъ славянофиловъ изъ-за ихъ рабства совѣсти. Я долгое время не умѣлъ понять дѣльную сторону воззрѣнія, окруженнаго эпитиміями, отлученіемъ, изувѣрствомъ, духомъ гоненія и нетерпимостію. Они на меня сердились за то, что я говорилъ: попадись имъ власть въ руки, они за поясъ заткнутъ III Отдѣленіе — и что, несмотря на всѣ возгласы о Петербургѣ и нѣмецкой имперіи, въ нихъ самихъ дремлетъ Николай, да еще постриженный въ русскіе попы. *Ne réveillez pas le chat qui dort!* ¹⁾

По счастью, сущность ихъ ученія не зависить отъ нихъ. Московскіе могикине славянофильства, пройдутъ скоро, а то, что было истиннаго въ ихъ воззрѣніи, найдетъ мозги и сердца больше челоѣчественные и меньше патріотическіе.

«Наши чужекрайные русскіе, говоритъ г. Аксаковъ, обезпокоились; они хлопочуть *теперь* о томъ, какъ бы примирить житье-быт е за границей съ «любовью къ отечеству», съ живымъ участіемъ въ его судьбахъ. Однимъ словомъ, они хотятъ любить Россію издали, и прослыть любящими ее — не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованіями, не раздѣляя съ Россіей ея бѣды и напастей, не подсобляя нести общую ношу.

«Они избрали часть весьма благоую: пользоваться удобствами чужестраннаго быта и въ то же время не тянуть никакой лямки — ни той, которую тянуть народы, среди которыхъ они проживаютъ въ качествѣ *гостей*, ни той, которую тянемъ мы всѣ у себя дома... ²⁾ Намъ *рѣшительно непонятны* притязанія тѣхъ русскихъ, которые слишкомъ откровенно и явно выдѣлили себя изъ среды русскаго общества и народа, стали не тайными, а гласными эмигрантами, въ той или другой формѣ явились отступниками русской народности, нарушили духовное общеніе съ русскимъ народомъ; намъ *непонятны ихъ притязанія* считаться русскими *наравнѣ* со всѣми нами, пользоваться правомъ нравственнаго гражданства въ русскомъ обществѣ».

¹⁾ Не будите спящую кошку!

²⁾ Какія же это особенныя тяги несутъ у насъ издатели? Что они пошли на войну или пожертвовали полсостоянія? Не разорился ли ужъ издатель «Моск. Вѣдомостей»? Не проигралъ ли Павловъ на бивакахъ «Наше Время»? Въ Англіи мы платимъ и *income tax* ³⁾ и другіе поборы; здѣсь другихъ тягъ не требуютъ. Конечно, мы въ Европѣ гости, но во Франціи меня трактовали совершенно за своего: и высылали, и осматривали бумаги, я не пускали десять лѣтъ. А. И. Г.

³⁾ Подоходный налогъ.

Китайское обвиненіе человѣка за то, что онъ живетъ по ту или по другую сторону границы, внѣ Азіи и Самары, совершенно непонятно. Кажется, англичанъ мудрено обвинить въ недостаткѣ энергическаго патріотизма, но когда, въ какое время цѣлыя семьи англичанъ не жили и не умирали на континентѣ, въ Америкѣ, и пришло ли кому-нибудь въ голову ставить имъ это въ преступленіе? А я еще смѣялся въ 1848 надъ Арманомъ Маррастомъ за то, что онъ опредѣлялъ свободу признаннымъ правомъ *d'aller et venir* ¹⁾... Трудно, особенно у насъ, прививаются самая простая элементарныя понятія личной свободы. Мы все еще внутри себя «временно-обязанные» и долго не будемъ умѣть ни себя считать не вольноотпущенными, а вольными, ни въ ближнемъ уважать его личную независимость, — все хочется по-помѣщицки распорядиться человѣкомъ *на его пользу*, не замѣчая, что этимъ путемъ люди доходятъ до военныхъ поселеній и до страшнѣйшей полицейской бюрократіи.

Г. Аксаковъ, врагъ путешествій, какъ Николай Павловичъ, помѣщаетъ меня въ число тѣхъ русскихъ, которые *теперь* хлопочуть о «примиреніи житья-бытья за границей съ живымъ участіемъ къ судьбамъ Россіи», и заключаетъ тѣмъ, что ему рѣшительно непонятны мои притязанія быть русскимъ *наравнѣ съ нимъ и другими*.

Ну, это *теперь* продолжается довольно давно, а именно *четыредесятъ* лѣтъ. Въ 1849 я писалъ моимъ друзьямъ въ Россію (у меня были тогда друзья въ Россіи), что я остаюсь на Западѣ *исключительно* для того, чтобъ начать свободную русскую рѣчь, устроить для Россіи безцензурный органъ, и *исключительно* занимался этимъ съ тѣхъ поръ. Чего же мнѣ было дожидаться касьяновскаго «Дня», чтобъ заявлять мое живое участие и таковую же преданность?

Притязаній на равенство въ «русскости» съ г. Аксаковымъ и всѣми русскими вообще я тоже никогда не покидалъ, и оно только не всегда было такъ *совершенно непонятно* славянофиламъ, какъ теперь. Я сберегъ нѣсколько писемъ, дорогихъ для меня по глубокому сочувствію къ моей дѣятельности, — писемъ отъ людей серьезныхъ и высоко стоявшихъ въ томъ станѣ, къ которому принадлежить редакторъ «Дня». «Дѣло вами начатое, сказано въ одномъ изъ нихъ, займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, *Колоколъ* — единственный органъ, къ которому прислушивается правительство... онъ замѣнилъ въ немъ совѣсть». Почему же мнѣ было не считать себя русскимъ наравнѣ со всѣми русскими? Не могъ же я думать, что все это была ложь или мистификація, поддерживавшая меня въ пагубномъ заблужденіи со стороны людей, которымъ я не дѣлалъ никакого зла, которыхъ любилъ. несмотря на разномысліе, но сужденія которыхъ я *не спрашивалъ*.

¹⁾ Уйти и прійти.

Не¹¹ понимая, почему я имѣю притязаніе на нравственное гражданство въ русскомъ обществѣ, г. Аксаковъ, естественно, не понималъ, почему я хотѣлъ, чтобъ мое письмо было напечатано въ «Днѣ», (хотя я и сказалъ, что отвѣчать г. Касьянову буду въ другомъ мѣстѣ, что и сдѣлалъ въ прошл. листѣ «Колъ»). Правительство, запрещавшее до шедо-ферротьевской брошюры произносить мое имя, разрѣшило меня ругать. Лыготой этой жадно воспользовались квартальные надзиратели журналовъ благочинія. Я ждалъ нападка въ независимомъ листѣ, чтобъ пріобрѣсти право отвѣта, не наступивши въ полицію. Мнѣ казалось, что издателю будетъ совѣстно обвинять человѣка съ завязаннымъ ртомъ, и не ошибся. Письмо съ моей подписью въ русскомъ журналѣ увеличиваетъ мое нравственное гражданство въ русскомъ обществѣ.

«Что же касается до началчическаго разрѣшенія обвинять его и Бакунина, заключаетъ г. Аксаковъ, то гг. Герценъ и Бакунинъ, ставши явно въ ряды противниковъ русскаго народа и принимая участіе въ настоящемъ кровопролитіи, сами дали разрѣшеніе обвинять ихъ безъ всякаго на то официального дозволенія. *Никому и въ голову не придетъ спрашивать или давать разрѣшеніе, чтобы обвинить Лангевича, Свѣнторжецкаго, Чарторижскаго и имъ подобныхъ. Точно также никому и въ голову не придетъ заботиться о томъ, можно ли будетъ помѣстить возраженіе Лангевича, Свѣнторжецкаго и другихъ «бандитовъ», когда имъ открыто поле всей европейской журналистики»...*

Итакъ, издатель «Дня» признается, что въ Россіи никто не считаетъ нужнымъ, осыпая бранью и обвиненіями какого-нибудь «бандита» (кто не знаетъ, что на русскомъ языкѣ да и на всѣхъ, кромѣ итальянскаго, «бандитъ» не значить изгнанникъ, а разбойникъ) въ родѣ Лангевича—заботиться, позволять ему отвѣчать или нѣтъ. Встѣ какъ азіатски безцеремонно у насъ еще обходятся съ лицами, находящимися подъ гнѣвомъ правительства. Это бросаетъ печальный свѣтъ на популярность Муравьева, вѣшающаго зря, и на Москву, запивающую шампанскимъ его труды...

Положимъ, что исключительный *патріотизмъ* г. Аксакова идетъ до грубости Бакунину, мнѣ, всякому русскому, осмѣливающемуся иначе понимать благо Россіи, чѣмъ петербургскіе нѣмцы, и иначе любить народъ русскій, чѣмъ московскіе славяне; но такъ по-генеральски обращаться съ поляками, несущими не *меньше его тягу* своей родине, любящими *свое* отечество столько же, сколько г. Аксаковъ *свое*,—это непонятно! Въ чемъ состоитъ удовольствіе назвать «бандитомъ» молодого героя, чистаго поляка, который съ горстью юношей бросилъ перчатку пресловутому колоссу, продержался нѣсколько мѣсяцевъ безъ порядочнаго оружія, безъ воиновъ, пріобыкшихъ къ строю, подвергаясь ежечасно смерти, дрался, какъ левъ, и кротко, безшумно сошелъ съ диктаторскаго кресла въ австрійскую тюрьму?... Да еще при этомъ наивно при-

знаваться, что про Чарторижскаго, Лангевича можно печатать чортъ знаетъ что, не заботясь о томъ, разрѣшать ли полицейскіе напечатать ихъ отвѣтъ, и зная навѣрное, что иностранные журналы, въ которыхъ онъ будетъ, останутся за границей цензуры и имперіи! Жалкое паденіе!...

...Но идемъ далѣе.

Pièce de résistance ¹⁾, Малаховъ курганъ непріятельскихъ дѣйствій противъ меня составляетъ Бакунинъ, на немъ и имъ издатель «Дня» хочетъ уличить меня во лжи, двоедушіи, двусмысленномъ языкѣ, словомъ, во всемъ, что дѣлаетъ изъ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ прекраснаго дипломата, а изъ неслужащаго человѣка отъявленнаго негодяя.

На главное обвиненіе Бакунина я уже отвѣчалъ въ письмѣ г. Касьянову (прошл. л. «Колокола»); мнѣніе Бакунина о незаконности провинцій *осталось неизмѣнно*; я не читалъ ни въ одной рѣчи, ни въ одной статьѣ, чтобъ онъ отъ него отказался. Можетъ, онъ иной разъ не возражалъ на какую-нибудь ультра-экзальтированную выходку поляка, но развѣ онъ не сказалъ въ своемъ первомъ посланіи къ славянамъ ²⁾, что русскіе всего меньше имѣютъ права возставать противъ ошибокъ поляковъ, что «мы слишкомъ грѣшны противъ Польши, чтобъ судить ее»? Нечистая совѣсть, незаглаженное преступленіе, кровь на рукахъ обязываетъ насъ къ большой скромности... Сколько разъ я эгоистически желалъ полнаго торжества польскаго дѣла, чтобъ, наконецъ, стать съ ними на равную ногу...

«Изъ Англій отправляется пароходъ, нагруженный оружіемъ и цѣлымъ польскимъ отрядомъ для высадки на русскомъ берегѣ. *Всѣмъ извѣстно*, что пароходъ попалъ въ Швецію случайно, вслѣдствіе отказа англійскаго шкипера продолжать плаваніе до Либавы. Съ этимъ же отрядомъ находился на пароходѣ, *по утверженію всѣхъ газетъ*, и Бакунинъ».

А, сверхъ всѣхъ, *есть еще многіе*, которые знаютъ, что Бакунинъ поѣхалъ въ Стокгольмъ *тысяцемъ раньше* экспедиціи Лапинскаго и Демонтовича, и что его поѣздка не имѣла никакого отношенія къ экспедиціи, о которой тогда, вѣроятно, не думалъ самъ Демонтовичъ. Положимъ, что Бакунинъ имѣлъ самыя несбыточныя цѣли, самыя фантастическія надежды, но, все же, онъ не имѣлъ цѣлью *предводительствовать польскимъ отрядомъ*, да и врядъ ли было бы это сообразно желанію поляковъ, особенно въ экспедиціи, которой начальствовалъ такой опытный, знающій и отважный партизанъ, какъ Лапинскій.

Въ Швецію пароходъ попалъ *не случайно*. Не капитанъ завезъ экспедицію въ Швецію, а воспользовался тѣмъ, что косну-

¹⁾ Самый важный пунктъ.

²⁾ «Колоколь», 15 февраля 1862. А. И. Г.

лись земли, чтобъ привести въ исполненіе планъ, съ которымъ онъ, вѣроятно, поѣхалъ изъ Соутенда.

Вѣра въ писанія журнальныя—вещь хорошая, но критика—вещь страшно полезная. Издатель «Дня» повѣрилъ даже *морю* умиль, пущенной на берегъ русскими крейсерами, боясь *вазтъ*, «я продолжительныхъ, и хладныхъ».

«Бакунинъ, говоритъ «День», остался въ Швеціи, когда, послѣ долгой стоянки, экспедиція Лапинскаго попыталась вновь пробраться къ курляндскому берегу, но, *завидѣвъ крейсеровъ и славившихся на бурю*, возвратилась въ Швецію».

Итакъ, г. Аксаковъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что Лапинскій возвратился, испугавшись грозныхъ Аргузовъ нашихъ, и выдумалъ бурю? Не нарочно ли онъ утопилъ двадцать товарищей своихъ, бывшихъ на одной изъ двухъ лодокъ, спущенныхъ въ виду зсм и? Имена ихъ извѣстны,—большая часть были французы и итальянцы. Лапинскій не только не бѣжалъ отъ крейсеровъ, но *бѣжалъ уже на берегу* съ экипажемъ ма енькой лодки, когда большая лодка стала т нуть¹⁾; ему ничего не оставалось дѣлать, какъ плыть назадъ. Вторая экспедиція Лапинскаго не удалась, но это былъ верхъ отваги.

Издатель «Дня» вѣритъ не только гардемаринской уткѣ, но и сухопутнымъ лебедямъ первой величины; напр., онъ вѣритъ тому, что «русскихъ военныхъ начальниковъ въ Польшѣ упрекаютъ въ излишней и неумѣренной деликатности съ поляками», и не вѣритъ (не вѣритъ очевидностямъ—такой же актъ вѣры, но съ другой стороны) въ страшный рядъ габелей русскихъ солдатъ, выжиганіе городовъ и селъ, въ убійство раненыхъ (которое теперь приняло на себя правительство, а сначала предостав ялось охотникамъ). Офицеры испугались деморализаціи солдатъ, солдаты грубили имъ; офицеръ генеральнаго штаба Мехеда былъ убитъ, останавливая русскихъ солдатъ. Многіе изъ начальниковъ помогали разбою и принимали львиную часть добычи; составились рынки, на которыхъ открыто продавались вещи, награбленныя у жителей, не принимавшихъ никакого участія въ возстаніи; сотни семействъ бѣжали въ Галицію укрыться отъ этого организованнаго разбоя. Все это дѣлалось въ самомъ началѣ возстанія и продолжалось мѣсяцы. «Инвалиды», «Сѣвер. Почта и даже «Моск. Вѣд.» не могли вполнѣ скрыть тѣхъ ужасовъ, которыми запытавали себя солдаты, а издатель «Дня», публицистъ, будто, никогда не слышалъ ни слова объ этомъ,—упрекаетъ насъ, что мы выкапываемъ отдѣльные факты, невыгодные для храбраго російскаго

1) На этой лодкѣ были большей частью молодые люди, большая часть французовъ и итальянцевъ; когда не было больше никакого спасенія, они громко прокричали на общемъ имъ языкѣ *) «Vivat Polonia!»⁰⁰⁾ и погибли.
А. И. Г.

*) По-латыни.

00) Да здравствуетъ Польша!

войска, и смягчаемъ звѣрскіе поступки поляковъ въ родѣ убійства какого-то жандармскаго капитана.

Въ моемъ письмѣ г. Касьянову я признался, что, дѣйствительно, мы очень мало жалѣемъ жандармовъ и сыщиковъ и вовсе не жалѣемъ шпионовъ, казенныхъ журналистовъ и другихъ чиновниковъ III Отдѣла нія...—туда имъ и дорога. А то, если дать волю сентиментальности, придется плакать, когда какой-нибудь полякъ пристрѣлитъ Муравьева. Зачѣмъ же намъ отбивать хлѣбъ у «Моск. Вѣдомостей»?

Далѣе издатель «Дня» ставитъ рядъ фактовъ и послѣ каждаго упрекаетъ, что мы не протестовали. Почему онъ знаетъ, противъ чего мы протестовали и противъ чего не протестовали? Развѣ только одно средство и есть протестовать? Славянофилы въ старые годы лучше понимали строй партіи. Въ прошломъ «Колоколъ» мы сказали: «Придетъ время—и, вѣроятно, оно не за горами,—мы скажемъ своимъ и чужимъ, что мы дѣлали во время кровавой борьбы... Ошибались мы или нѣтъ, не знаемъ, но знаемъ, что любовь наша равно не измѣнила ни роднымъ, ни друзьямъ. что мысль наша ни на волосъ не отошла отъ тѣхъ основаній, на которыхъ мы жили всю нашу жизнь, во имя которыхъ говорилось каждое слово наше. Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источилъ еще трупы мучениковъ и падшихъ воиновъ, раны не закрылись настолько, чтобъ можно было касаться къ нимъ, кровь летитъ, какъ изъ ведра, и въ рукахъ полиціи, тупой и безчеловѣчной, бездна дорогихъ людей».

Ну и довольно...

Хотѣлъ я эту статью кончить иначе, снова явилось желаніе высказать еще разъ нашъ символъ вѣры. Одинъ періодъ нашей заграничной дѣятельности явнымъ образомъ пришелъ къ своему рубежу. На его то предѣлѣ, вступая въ грозное и черное время, хорошо было бы приостановиться, провѣрить себя, сказать еще разъ, кто мы и почему мы считаемъ себя русскими не хуже издателя «Дня», и въ то же время «съ злобной радостью» видимъ, какъ разсѣдается петербургская имперія, въ которой для насъ совмѣстилось все, что мы ненавидимъ по мелочи на Западѣ, все, что отравляло жизнь нашу съ молодыхъ лѣтъ—отъ скованнаго слова, отъ отсутствія воли, отъ непрерывнаго зрѣлища наглаго насилія и безвыходнаго рабства до начальническаго тона, генеральскаго «ты» и помѣщичьяго сѣкущаго раболѣпія¹⁾. Хотѣлось

¹⁾ Есть что-то безконечно возмутительное въ постоянномъ противопоставленіи русскаго дворянства польской *шляхтѣ*, точно оно въ самомъ дѣлѣ было демократичнѣе ея. Не тѣмъ ли, что соединяло въ себѣ все *хлопское* передъ царемъ со всѣмъ *шляхетнымъ* относительно хлопа? Да и давно ли же отняли изъ безчеловѣчныхъ рукъ помѣщиковъ-сѣкарей русскіхъ крестьянъ? Ложь и постоянная ложь! Мало, что намъ выдумали цѣлую хлестаковскую исторію петровскаго періода, намъ выдумываютъ настоящее, и наговаряютъ до того, что кто-нибудь и повѣритъ. А. И. Г.

намъ потомъ спросить, что же удивительнаго, что боль отъ страданій народа, не бравшаго никакого участія въ оргіяхъ имперіи, стоявшаго молча и печально подъ ея же изнуряющими ударами вмѣстѣ съ одинакой кровью въ нашихъ жилахъ до того тѣсно срастила насъ, что мы, любя и жалѣя его за его несчастное прошлое, за бѣдственное настоящее, мало-по-малу уловили нѣсколько чертъ его *будущаго* и этому *будущему* посвятили нашу жизнь такъ, какъ Альфіери посвятилъ свои трагедіи al popolo italiano libero futuro ¹⁾?).

Но оставимъ это до другого раза. Не мѣсто въ этой статьѣ внутреннему голосу, въ ней его примуть за оправданіе, а намъ не передъ кѣмъ оправдываться. На злые нападки, на узкія обвиненія нельзя отвѣчать исповѣдью, — тутъ надобно парировать удары противника, а не открывать ему свою грудь.

25 іюля 1863.

2205. Россіада.

V.

Хрестоматія изъ русскихъ газетъ.

Юмористическая корреспонденція изъ Варшавы въ «Моск. Вѣд.». Какъ только юмористъ пріѣхалъ въ Варшаву, «явились жида съ предложеніемъ различныхъ услугъ, товаровъ и *удовольствій*» ²⁾.

Мы искренно увѣряемъ, что никогда не предполагали, чтобы печать могла дойти до такой храбрости. Какъ же послѣ этого не вѣрить иностраннымъ газетамъ, что Муравьевъ позволялъ публичнымъ женщинамъ носить трауръ и велѣлъ у каждой женщины въ траурѣ спрашивать полицейскій билетъ и, если его нѣтъ, отводить въ полицію и записывать въ списокъ публичныхъ женщинъ.

Панегирикъ Муравьеву (Изъ «Моск. Вѣдом.») ³⁾.

Доносъ «Московскихъ Вѣдомостей» на Костомарова ⁴⁾.

Плачь о слабости тайной полиціи. Мы читаемъ въ «Моск. Вѣд.»: «У всякаго правительства въ тревожныя эпохи, кромѣ

¹⁾ Итальянскому народу, свободному въ будущемъ.

²⁾ Слѣдуетъ разсказъ корреспондента о готовности женъ инсургентовъ доставить «удовольствіе» пріѣзжему за опредѣленное вознагражденіе и о томъ, какъ за отсутствіемъ театровъ обыватели развлекаются казнями въ читатели.

³⁾ Слѣдуетъ славословіе Вѣшателю.

⁴⁾ Слѣдуетъ заявленіе Каткова объ отказѣ печатать объявленія о пожертвованіяхъ на изданіе малорусскихъ книгъ.

явной полиціи, бываютъ секретныя; разительнымъ примѣромъ силы секретной полиціи служить та секретная полиція, которая состоитъ при подземномъ правительствѣ; но у законнаго правительства секретная полиція чрезвычайно слаба: на все отпущается около 500 р. въ мѣсяцъ».

Почему же редакціи «Моск. Вѣд.» не открытъ патриотическую подписку на увеличеніе окладовъ тайной полиціи въ Польшѣ да ужъ и въ Россіи?

Настоящій ли жемчугъ? Въ 146 л. «Моск. Вѣд.» лѣтописецъ путешествія наслѣдника говоритъ, что «шлиссельбургскіе крестьяне пришли изъ окрестностей въ своихъ оригинальныхъ нарядахъ, весьма богатыхъ, если только жемчугъ, которымъ нарядъ унизанъ, на тоящій». Одна возможность этого вопроса доказываетъ шереметевское богатство сельскаго населенія около Шлиссельбурга; что значитъ троицкая ризница и преданіе о кафтанѣ Болинбрука въ сравненіи съ *деревенскими* костюмами, шигыми жемчугомъ, состоящимъ въ подозрѣніи неподдѣльности?

2206. [Отъ редакціи].

Мы получили отъ кн. П. В. Долгорукова слѣдующее письмо, посланное имъ въ «Современникъ». Что же издатель «Дня» и тутъ удивится, зачѣмъ кн. Долгоруковъ желаетъ, чтобъ его письмо было напечатано именно въ «Современникѣ»? Довольно, что правительство конфискуетъ имѣнія отсутствующихъ,—конфисковать *право отвѣта* было бы изъ рукъ вонъ. Мы увѣрены, что письмо кн. Долгорукова будетъ напечатано. Вотъ оно ¹⁾.

2207. ... А дѣло идетъ своимъ чередомъ.

The emperor of Russia is himself at this moment the first revolutionist in Europe... It is a popular insurrection against property, and the emperor is at the head of it... ²⁾

Лордъ Элленборо (рѣчь 24 іюля 1863).

Въ этомъ-то и состоитъ вся непреодолимая сила *дѣла*, вся жѣкогда умилявшая чувствительныхъ естествоиспытателей *упорная экономія* и настойчивость природы. Весь секретъ ея состоитъ въ

¹⁾ Слѣдовало письмо по поводу рецензін книжки Аммосова «Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина», въ которой сказано, что Долгоруковъ и кн. И. С. Гагаринъ участвовали въ составленіи анонимныхъ писемъ.

²⁾ Русскій императоръ самъ сейчасъ первый революціонеръ въ Европѣ... Народъ возстаетъ противъ собственности, и императоръ стоитъ во главѣ движенія...

томъ, что, если дѣло хорошо заквашено, то вѣрнись, какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ иному обжорливому ребенку; вѣсть себѣ вякую всячину, животъ бо итъ, а самъ растеть.

Много разъ ставили мы вопросъ, кому служатъ всѣ ужасы, дѣлаемые въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, въ чью игру играютъ, и намекали на *суженаго, котораго конемъ не объѣдешь* («Колок» л. 165). На наши слова мало обращали вниманія. Но вотъ, наконецъ, явился лордъ Элленборо¹⁾, который съ британской откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ, въ чью, и назвалъ суженаго.—«Россійскій императоръ—первый революціонеръ въ Европѣ, онъ становится во главѣ освобожденныхъ крестьянъ противъ ихъ прежнихъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности».

Мы воображаемъ, какіе глаза Юноны²⁾ слѣдуетъ Александру Николаевичу, прочитавши эти слова лорда Элленборо. «Михаилъ Николаевичъ,—будетъ онъ телеграфитъ Муравьеву 2,—помилуйте, я забылъ вамъ старые грѣшки, неплаченные прогоны, отложенныя деньжонки, противодѣйствіе о освобожденію крестьянъ и послалъ васъ царскимъ бульдогомъ православія, народности и самодержавія, послалъ на усмиреніе мятежа, папежа³⁾, революціи и конст туціи, а вы, забывъ генераль-аншефское званіе и вензель на эполетахъ, пошли въ Прудоны, въ Кабэ... Обо мнѣ въ лондонскомъ дворянскомъ собраніи какой-то уѣздный предводитель открыто сказалъ... страшно вымолвить, того и гляди, что о ецъ и благодѣтель забудеть, что онъ исключенъ за смертію изъ списковъ, встанетъ въ ботфортахъ, какскъ... открыто сказалъ, что *Мы—первый революціонеръ въ Европѣ*,—Мы, сказавшіе, что Мы—первый дворянинъ московскій! Съ нами Богъ и да расточатся поляцы!»

Какъ будетъ отвѣчать бульдогъ православія, обтерши кровь съ губъ, мы не знаемъ, а знаемъ то, что мѣсятъ тому назадъ мы сказали, что самъ царь, когда хочетъ возбудить русскій народъ, съ какой бы своекорыстной цѣлью ни было, сейчасъ ударится въ Пугачевы. Если-бъ Александръ Николаевичъ читалъ «Колоколъ», какъ прежде, его Элленборо не удивилъ бы и не пришлось бы ему краснѣть.

Тамъ онъ могъ бы прочесть еще два-три назидательныя мѣста и, между прочимъ, узналъ бы нашу философію *дѣла, идущаго своимъ чередомъ*, и зародыша, развивающагося путемъ *безумныхъ*, когда нѣтъ разумнаго выхода.

Какимъ хочешь будь *самодержцемъ*, все же, будешь поплачкомъ на водѣ, который, дѣйствительно, осіаетси наверху и будто завѣдуетъ ею, а въ сущности носится водой и съ ея уровнемъ.

¹⁾ Эдвардъ, генераль-губернаторъ Индіи.

²⁾ Гомеръ наградилъ мать боговъ и людей Геру (въ римской мифологіи—Юнона) постоянно имъ повторяемымъ эпитетомъ «волоокая».

³⁾ Приверженность папъ и католицизму вообще.

подымается и опускается. Человѣкъ очень силенъ; человѣкъ, поставленный на царское мѣсто, еще сильнѣе, но тутъ опять старая штука: силенъ-то онъ только съ теченіемъ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ его больше понимаетъ, но теченіе продолжается и тогда, когда онъ его не понимаетъ и даже, если противится ему; запруженный потокъ обходить плотину, низвергается порогами, вертится круговоротами, увлекаетъ въ омуты, бросаетъ на отвали.

...Что можетъ быть противоположнѣе усмиренію возстанія, какъ революція? А Эллиенборо совершенно правъ: муравьевское усмиреніе политически-національнаго возстанія—аграрная коммунистическая революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ.

Что правительство русское хватилось за это средство, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: сколько разъ толковали мы, что петровская имперія—диктатура, не имѣющая никакихъ нравственныхъ началъ, ничего завѣтнаго, что она изъ Мономаховой шапки можетъ дѣлать все—отъ дурацкой прусской каски до фригійской шапки, ея цѣль—*власть и династія*. Императоръ-Спартакъ насъ такъ же мало удивляетъ, какъ гайдамачущая императрица. Важный вопросъ не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: почему мѣры, именно эти, мѣры экспроприаціи шляхты и землевладѣльцевъ, отдачи земель крестьянамъ, первыя представились правительству *естественными, необходимыми и возможными?*

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ. А теперь прибавимъ еще одинъ вопросъ:

Почему, съ своей стороны, Центральный комитетъ польскій съ самаго начала поставилъ общей основой уступку земли крестьянамъ и выкупъ ея правительствомъ? Почему при началѣ возстанія въ Литвѣ земля провозглашена принадлежностью крестьянъ?

2208. Англійская и французская горчица московскаго «Дня».

Мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г. И. Тургеневу (повторенныя нами въ «Кол.» л. 167)—чистая выдумка.

2209. Въ общій фондъ.

Изъ Германіи 5 фунт. исключительно для вспомошествованія сскимъ эмигрантамъ.

2210. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

7-е письмо изъ Теддингтона.

2 августа (1863)

Elmfield House, Teddington, S. W.

Милая Тата, ваше послѣднее письмо удивило и огорчило насъ; какъ же это случилось, что въ продолженіе 15 дней у васъ не было писемъ? Неужели, уѣзжая изъ Рима, вы не дали вашего адреса? Писать очень трудно, не зная, дойдетъ или нѣтъ.

Я же въ предпрошломъ письмѣ писалъ о проектѣ путешествія, а сегодня буду писать о проектѣ неподвижности. Мы нашли, было, домъ съ паркомъ, полями, садами, прудами и пр. въ Вагнеръ¹⁾, но его надобно нанять на 7 лѣтъ; Саша воспламенился, Огар одушевился, даже Чернецъ умилился, но, кажется, невыгодно. Нашъ теэд. домъ я проклиная всякій день, и это—чисто моя ошибка. Досадно. Я хочу прежде найти домъ, потомъ ѣхать къ вамъ; вѣроятно, жары настолько уменьшатся, что вы можете къ 1 сентября или около оставить вашу прелестную виллу, гдѣ ночью собаки, а днемъ католички не даютъ покоя. Вотъ вамъ за то, что не хотѣли меня ждать. Лѣто въ Лондонѣ удивительное, я такого не помню.

Ольга, я очень тебѣ благодаренъ, что ты не даешь въ обиду Гарибальди и сражаешься съ маленькой паписткой. Сегодня у насъ удивительный обѣдъ, посылаю тебѣ афишу дѣйствующихъ лицъ.

Ladies:

M-me Neftal mit Kind²⁾,
M-me Diosy noch mehr³⁾,
M-me Kelsieff ebenfalls⁴⁾,
M-me Ogareff,
Miss Liss.

Gentlemen:

M-r Neftal,
Pr. Dolgoroukoff,
Diosy,
Tchorzewski ohne Tutu⁵⁾,
Czernecki mit Tobi und Tutu⁶⁾,
Ogareff,
A. Herzen sen.⁷⁾
A. Herzen iun.⁸⁾

1) Станція между Лондономъ и Виндзоромъ.

2) Съ ребенкомъ.

3) Съ еще большимъ числомъ.

4) Также.

5) Безъ Туту.

6) Съ Тоби и Туту.

7) Старшій.

8) Младшій.

Хоръ—плачуція дѣти,
лающія собаки.

Лица молчашія и носящія—Жюль.
Анна.

Съ полученъ ли «Колоколь»?

Wieder eine Zögerung—wieder Noten, und am Ende kommt der Krieg—nach einem Jahr—Nun wir warten kriegerische Neuigkeiten und friedliche Briefe von Ihnen ¹⁾).

2211. Письмо къ дочерямъ.

6 августа (1863).

Elmfield House, Teddington.

Я хотѣлъ къ тебѣ, милая Тата, писать завтра, но Огар. длинное письмо ѣдетъ сегодня, и я приписываю, чтобъ сказать, что мы съ истиннымъ наслаженіемъ читали забавный день твой. (Только, бога ради, пиши черными чернилами,—можно же достать,—наконцъ, тушью). Письмо Огар. къ тебѣ меня тронуло до слезъ; какъ онъ глубоко васъ любитъ, и особенно тебя; онъ всю дружбу ко мнѣ перенесъ на васъ. Врядъ поѣдемъ ли мы всѣ, но я поѣду, хочется васъ видѣть; я бы раньше могъ пріѣхать, если бы не ваши villeggiatur'ы ²⁾ то въ Vico, то въ Capri. Изъ твоего письма я вижу, что у васъ и книгъ мало; это мнѣ досадно и больно; чтобъ не терять время, займись въ самомъ дѣлѣ пейзажемъ.

Пиши сейчасъ, милая Тата, о полученіи письма, иначе мы опоздаемъ даже въ выборѣ rendez-vous.

Прощайте. У Ага былъ третьяго дня обморокъ.

(Къ Ольгѣ):

Цѣлую тебѣ и прошу напомнить Татѣ, чтобъ она писала или бѣлыми чернилами на черной бумагѣ, или черными на бѣлой, иначе я буду отсылать назадъ.

2212. Письмо къ Н. А. Герценъ.

8 авг. (1863).

Elmfield House, Teddington, S. W.

Милая Тата, время идетъ, и скоро пора мнѣ готовиться въ путь. Поѣду я въ Ниццу сначала, и притомъ черезъ Эстерель. Тамъ я проѣзжалъ въ 1847, тамъ—въ 1851, когда погибъ Коля,

¹⁾ Снова промедленіе, снова ноты и, въ концѣ концовъ, война будетъ черезъ годъ. Теперь мы ждемъ отъ васъ военныхъ извѣстій и мирныхъ писемъ.

²⁾ Дачная жизнь.

и тамъ хочу проѣхать черезъ 12 лѣтъ. Изъ Ниццы съѣзжу въ Монако и Ментону. Можетъ, я поѣду черезъ Женеву прежде Ниццы. Въ Швейцаріи останусь нѣсколько дней; изъ Ниццы— въ Геную. Жаль, что вы затруднили переписку, перемѣняя одно дикое мѣсто на другое, и, признаюсь тебѣ, до сихъ поръ мнѣ жаль, что вы разрушили мой планъ путешествія вашей, повидимому, не очень удачной поѣздкой въ Неаполь, Вико и пр.

Есть какой-то почти страхъ возвращаться черезъ столько лѣтъ.

Cari luoghi,
Io vi ritrovoi ¹⁾

пѣвалъ, бывало, въ Новгород. Огар. и прибав. нѣмецк. переводъ: Alte Bilder kehren wieder, doch d. Leben kehrt nicht zurück ²⁾.

10 августа. Олю цѣлую; пусть мнѣ въ Капри раковинъ набереть.

Забылъ въ субботу отправить.

Если удастся, я посмотрю chemin faisant ³⁾, гдѣ бы можно было поселиться годика на два. Ог. и Nat. согласны къ будущему лѣту ѣхать въ Швейцарію. Это у насъ новый проектъ, основанный на совершенной остановкѣ типографскаго сбыта.

Сюда пріѣхала молодая русская барышня, которая была схвачена въ Петербургѣ и сидѣла въ крѣпости за универс. исторію (фамилію русскимъ не говори еще, а зовутъ Корсини ⁴⁾); она вааетъ у насъ— и all right, только очень больна). Барбара Тим. ⁵⁾ отправляется въ Константинополь. Я боюсь, что черкесы ее украдутъ и, какъ красавицу, продадутъ пашѣ. Я писалъ, кажется, что изъ Россіи ушелъ братъ Кельсіева ⁶⁾ и Утинъ (братъ того ⁷⁾), котораго ты видѣла). А ты, все же, не пишешь о памятникѣ. Nat. ждетъ письма,—теперь, вѣроятно, вамъ довольно досуга... ¹⁾

◆ 1. Въ литературѣ есть указаніе на то, что 4 августа 1863 г. Герценъ присутствовалъ инкогнито на народномъ словацкомъ праздникѣ въ Мартинѣ и будто бы долго бесѣдовалъ потомъ съ ораторомъ Іосифомъ Гурбаномъ (напр., А. Сиротининъ, «Россія и славяне», 1913 г., 271). Это совершенно невѣрно.

Другой апокрифъ: 14 августа ст. ст. шефъ жандармовъ общилъ бар. В. К. Личену, что Герценъ намѣренъ пріѣхать въ СПб. «съ революціонной цѣлью» по датскому паспорту на имя доктора Эдуарда Силлена (Sillén), и просилъ принять мѣры къ его

¹⁾ Дорогія мѣста, опять увидѣлъ я васъ.

²⁾ Видѣнія прошлаго возвращаются, но жизнь не возвращается.

³⁾ Попутно.

⁴⁾ Наталія Іеронимовна, позже жена Николая Исааковича Утина.

⁵⁾ Кельсіева.

⁶⁾ Иванъ Ивановичъ.

⁷⁾ Борисъ Исааковича.

своевременному задержанію. Такія же сообщенія посланы были и другимъ административнымъ лицамъ. 29 августа въ СПБ., въ домѣ Ольхина былъ отысканъ и арестованъ докторъ Силлень... Оказалось, что это былъ кол. ассесоръ д-ръ медицины Селинъ, командированный за границу на казенный счетъ для усовершенствованія въ наукахъ... (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1' эксп. 1863 г., дѣло № 23 ч. 296).

2213. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

13 августа 1863.
Elmfield House, Teddington.

Милая Тата, чѣмъ ближе подходитъ время, тѣмъ живѣе мнѣ вспоминается старая жизнь наша въ Италіи... Двѣнадцать лѣтъ,—шуточное ли дѣло. Много устали, а, все же, кажется, и свѣжихъ силъ довольно осталось, и этимъ я обязанъ труду. Вотъ почему я такъ настаиваю на томъ, чтобъ у тебя было постоянное страстное занятіе, которое при всѣхъ обстоятельствахъ спасло бы тебя отъ жизненныхъ бѣдъ и потерь. Мнѣ кажется ваша жизнь совершенно праздною; этому слѣдуетъ помочь, да и время подходитъ. Изъ милаго и забавнаго твоего описанія я вижу одно, что съ выѣзда изъ Рима всякое правильное занятіе прекратилось,—въ Неаполѣ ничего не наладится. У насъ теперь планъ переѣхать въ Швейцарію къ маю мѣсяцу. А поэтому я на сей разъ въ Неаполь не поѣду, а встрѣтимся *мы во Флоренціи* (если хотите, въ Генуѣ или въ Спеціи). Путь вашъ будетъ стоить отъ 300 до 350 фр. (на больш. пароходѣ, можетъ, 400).

Деньги эти я прибавляю, какъ extra, несмотря на то, что вы, все же, должны были бы ѣхать до Рима.

Я думаю, что я поѣду 15 сент. прямо въ Ниццу, и 20 можемъ встрѣтиться во Флоренціи. Если вы успѣете прежде, то квартирѣ не очень заботьтесь; найдется—хорошо, а нѣтъ—я могу и въ отелѣ остановиться.

Если будете писать, я еще разъ прошу писать чернилами, а не молокомъ; оно, можетъ, вкуснѣе, но читать непріятно. Последнее письмо я и не пробовалъ читать, а просилъ Сашу. Слѣдующее я пришлю тебѣ переписать. Что за прыщи у Ольги? Какъ не быть въ Неаполѣ порядочному доктору? Neftal въ Вентнорѣ. Молодая русская, пріѣхавшая сюда, Корсини, въ чахоткѣ¹⁾.

Вы, наконецъ, имѣете газеты и знаете, что дѣлается на свѣтѣ. Домагальскій²⁾ умеръ отъ ранъ. Молодой человекъ, котораго ты видѣла разъ въ Orsett House'ѣ, похожій на Петра I, убитъ. Даничъ изъ типогр. былъ въ австрійской тюрьмѣ и бѣжалъ.

¹⁾ Невѣрно.

²⁾ Польскій эмигрантъ, поѣхавшій сражаться за родину.

Бакунинъ въ Стокгольмѣ и въ...¹⁾ Русское правительство даетъ 50,000 руб. тому, кто его выкрадетъ или сюримируетъ²⁾ (не забавно ли, что вы всѣ приглашали меня жить въ *Capri* и *Vico*, гдѣ вы ходите, окруженныя пушками, конгревовыми ракетами и пр.?).¹

В заключеніе скажу, что я никогда подобнаго лѣта въ Англии не видалъ. Окрестности здѣсь прекрасныя, но домъ... я, какъ Мальвида, рву волосы себѣ на головѣ...

Цѣлую тебя отъ души и крѣпко.

О переѣздѣ въ Швейцарію не говори, особенно русскимъ.

Ja, ehrenwerteste Baronesse—nach der Schweiz, nach dem Faziland, nach der Juliepatrie—Mach deine Rechnung, Vogt—durch diese Bahn werden wir kommen.

La «Hauptsack»—chère Malvida—consiste dans un changement de plan. Pas de maccheroni, pas de Naples—ici je compte que vous prendrez tous exemples de moi—et vous me laisserez en liberté que je vous ai donnée.—Tout est prévu—400 fr. de dépenses et si vous ne les avez pas, je vous enverrai. Avez-vous reçu *les* 1,000 fr. chez Rothschild, à Naples?

Je parts vers le 15 sept. Je vous attends (ou vous m'attendez) le 20 à Florence, ou si vous voulez à Gênes, à Spezzia—même à Pise.

C'est un ultimatum—genre Mouravieff, Bismark. Je vous ai laissé fatiguer (exhauster, comme disait le général H. Aug) l'Italie—maintenant—obéissance, rail ways, vapeur, et j'attends vos rapports³⁾.

Ольга, зачѣмъ прыщи? Да это не комары ли? У насъ въ Россіи моются огуречной водой. Ты всѣхъ уложи и свежи во Флоренцію къ 20 сентября. Лизѣ твое письмо отдалъ; всѣ кланяются, а я кусъ посылаю.

Вчера мы видѣли Динь⁴⁾ въ Ричм.

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Supprimer—уничтожать.

³⁾ Да, почтеннѣйшая баронесса, въ Швейцарію, въ страну Фази, родину Юліи⁵⁾. Составилъ свой счетъ, Фогтъ, мы поѣдемъ этимъ путемъ. Да, главное, милая Мальвида, заключается въ измѣненіи плана путешествія. Не надо маккарони, не надо Неаполя, здѣсь, я надѣюсь, вы всѣ послѣдуете моему примѣру и предоставите мнѣ ту же свободу, которую и я вамъ предоставляю. Все предусмотрено—400 фр. на расходы; если у васъ ихъ нѣтъ, я вамъ ихъ вышлю. Получили ли вы тысячу франковъ у Ротш. въ Неаполѣ? Я выѣзжаю около 15 сентября. Жду васъ (или въ меня) 20, во Флоренціи, или, если хотите, въ Генуѣ, въ Спецціи, даже въ Пизѣ.

Это—ультиматумъ въ стилѣ Муравьева, Бисмарка. Я вамъ представилъ исколесить Италию («exhauster», какъ говорилъ генераль Гаугъ), теперь—повиновеніе, желѣзная дорога, пароходъ и—я жду вашего отчета.

⁴⁾ Приятельница дочерей.

⁵⁾ Героиня романа Руссо «Новая Элоиза», дѣйствіе котораго происходитъ въ Швейцаріи.

♦♦ 1. Въ письмѣ отъ 1 августа изъ Стокгольма Бакунинъ сообщилъ: «Русское правительство даетъ 50,000 р. тому, кто, овладѣвъ моею персоною, доставитъ меня живого или мертваго въ Петербургъ» («Письма», 125).

2214. Виллафранка передъ Сольферино¹⁾.

Войны не будетъ!

На этотъ разъ кто отгадалъ? Чье довѣріе оправдаѣтъ Европа? И какое довѣріе?

Къ чему же была у насъ вся эта роскошь патріотизма, фанатизма, адресовъ, къ чему 1812 годъ безъ непріятели и съ своими двенадцатью подкупленными языками?

Страхъ уляжется въ сердца, адреса улягутся въ архивы, а круговая порука съ Муравьевымъ, а тосты ему останутся на совѣсти, останутся въ исторіи...

2215. И. Кельсіевъ и Н. Утинъ.

Два энергическихъ представителя университетской молодежи, съ двухъ совершенно разныхъ сторонъ, спаслись отъ преслѣдованія петербургскаго правительства.

И. Кельсіевъ, братъ издателя раскольниковскихъ сборниковъ, былъ арестованъ по дѣлу московскихъ студентовъ и сосланъ въ Верхотурье; оттуда его выписывали для какихъ-то допросовъ по дѣлу Аргиропуло и Заичневскаго. Аргиропуло умеръ въ тюрьмѣ, Заичневскаго отправили въ каторжную работу. Кельсіева сенатъ приговорилъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію, послѣ котораго ему приходилось снова продолжать свое изгнаніе въ Верхотурь (такъ же, какъ это было сдѣлано съ Сулинымъ, Новиковымъ и Гольцъ-Миллеромъ послѣ ихъ заключенія въ смиригельномъ домѣ). Онъ предпочелъ, и прекрасно сдѣлалъ, оставить сначала частный домъ, въ которомъ содержался, а потомъ и общій острогъ, въ которомъ содержится Россія. Теперь онъ внѣ ея границъ.

Н. Утинъ былъ въ петербургскомъ университетѣ; его имя, какъ имя Кельсіева, знакомо нашимъ читателямъ: онъ былъ въ числѣ *зачинщиковъ* петербургской университетской демонстраціи, содержался въ Петропавловской крѣпости и передъ новымъ арестомъ рѣшилъ оставить Россію.

Отъ души привѣтствуемъ ихъ обоихъ въ Европѣ. ¹

¹⁾ Первый городъ извѣстенъ миромъ, заключеннымъ въ немъ Франціей и Пиемонтомъ съ Австріей послѣ сраженія подъ вторымъ городомъ.

◆◆ 1. Въ 169 л. «Колокола» было помѣщено слѣдующее письмо Н. Утина изъ Лондона отъ 10 августа: «Центральному комитету общества «Земля и Воля».

«Прибывъ, наконецъ, въ Англію, считаю первымъ и главнымъ своимъ дѣломъ увѣдомить печатно Комитетъ общества «З. и В.» объ успѣшномъ исходѣ моего путешествія, длившагося такъ долго вслѣдствіе моей случайной тяжелой болѣзни.

«Благодарю публично Комитетъ за своевременное предупрежденіе меня о грозившей мнѣ гибели; благодарю за снабженіе меня всѣмъ нужнымъ для выхода изъ Россіи; за средства, какъ денежные, такъ и всѣ другія; за пути, которые были мнѣ указаны.

«Комитетъ на *мнѣ* выказалъ все то обидительное вниманіе, съ которымъ онъ относится къ каждому изъ близкихъ къ нему, хотя бы близость заключалась только въ одной и той же, общей намъ ненависти къ петербургскому правительству. Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь для свѣдѣнія Комитета, что всѣ лица, къ которымъ я долженъ былъ обращаться во время своего пути, по указанію Комитета, вполнѣ оправдали его довѣріе».

О побѣгѣ Ив. Кельсіева извѣстно изъ дѣла Андрушенка и др.

Во всепод. докладѣ слѣдств. комиссіи отъ 29 декабря 1863 г. сказано, что въ письмѣ Н. Утина къ отцу изъ Брюсселя отъ 17 іюня, которое по полученіи было представлено кн. Суворову, «Утинъ, позволивъ себѣ дерзкіе отзывы о правительствѣ, объясняетъ, что онъ бѣжалъ за границу изъ опасенія быть арестованнымъ, о чемъ его, будто бы, предупредили за недѣлю до побѣга какъ частныя лица, такъ и одно лицо, принадлежащее къ тайному политическому обществу. По словамъ Утина, 1 мая одинъ господинъ, встрѣтивъ его на улицѣ, объявилъ, что ему угрожаетъ слишкомъ серьезная опасность, ибо правительство рѣшилось взять его подъ стражу, по подозрѣнію въ распространеніи прокламацій, и потому совѣтовалъ немедленно скрыться изъ Россіи. Согласившись на это, Утинъ отправился съ нимъ въ незнакомый домъ, гдѣ незнакомые люди одѣли его въ особый костюмъ, дали большія деньги, паспортъ и рекомендаціи къ разнымъ лицамъ, послѣ чего на другой день онъ оставилъ СПБ.» При этомъ комиссія считала нужнымъ получить заключеніе военнаго суда и объ отвѣтственности отца бѣжавшаго. Александръ II написалъ: «желаю знать въ чемъ состоитъ эта отвѣтственность по законамъ».

Дѣло въ томъ, что Николай Утинъ при группировкѣ студентовъ, прикосновенныхъ къ безпорядкамъ 1861 г., былъ зачисленъ въ третью категорію, слѣд., исключенъ изъ университета и по освобожденіи изъ крѣпости отданъ на поруки своему отцу, съ котораго была взята подписка не допускать сына до безпорядковъ и наблюдать за его добропорядочнымъ поведеніемъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности по всей строгости законовъ. Комиссія полагала, что отецъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ попуститель, ибо вовсе не наблюдалъ за сыномъ, не видя его иногда

цѣлыми недѣлями. Царь остался недоволенъ такой отпиской и вновь потребовалъ точнаго указанія, въ чемъ же состоитъ самая отвѣтственность отца.

Объ отвѣтственности И. О. Утина было исписано много бумаги въ различныхъ комиссіяхъ, комитетахъ и департаментахъ, тогда какъ Муравьевъ-Вѣшателъ рѣшилъ дѣло по-своему: выслать его на жительство въ Динабургъ, гдѣ и быть ему постоянно впредь до явки сына изъ-за границы въ динабургскую слѣдств. комиссію для суда. Противъ этого возражали кн. Суворовъ и др. Всѣ видные откупщики и коммерсанты подали кн. Суворову въ августѣ 1864 г. коллективное прошеніе о помилованіи ихъ, невиновныхъ, которые черезъ Утина «могутъ разориться, не учинивъ съ нимъ расчетовъ»; подписались Д. Бенардаки, И. Э. Базилевскій, кн. А. В. Вяземскій, Э. Родоконаки, В. Громовъ, Н. Воронинъ и др. 20 авг. государь приказалъ передать окончательное рѣшеніе главной комиссіи подъ предсѣдательствомъ вел. кн. Николая Николаевича старшаго, учрежденной на время отсутствія царя изъ Спб. Рѣшеніе комиссіи было сообщено Муравьеву, отвѣтъ котораго шефу жандармовъ очень интересенъ даже и внѣ всякаго отношенія собственно къ отцу Утина; онъ показываетъ, какъ смѣлъ былъ Вѣшателъ, понимая тогда свое положеніе.

«М. Г. кн. Василій Андреевичъ! За отсутствіемъ В. С., управляющій III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи флигель-адъютантъ полков. Мезенцовъ, сообщая мнѣ постановленіе комиссіи высоч. учрежд. на время отсутствія Г. И., которымъ признается сдѣланное мною распоряженіе о преданіи военному суду въ Динабургъ отца извѣстнаго государств. преступника Утина, коммерціи совѣтника Исаака Утина, не правильнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ комиссію поручаетъ сообщить мнѣ, чтобы впредь дѣлаемы были сношенія непо редственно съ Спб. воен. ген.-губернаторомъ, а не черезъ предсѣдателя полевого аудиторіата или же чрезъ управление воен. ген.-губернатора. Изъ прилагаемой при семъ справки изъ дѣла В. С. изволите усмотрѣть, что заключеніе комиссіи сдѣлано неправильно, безъ соображенія съ обстоятельствами дѣла, ибо объ отцѣ Утина предоставлено только военно-судной комиссіи въ Динабургъ постановить заключеніе при сужденіи сына его, а не преданіе его суду, ибо безъ совокупнаго разсмотрѣнія дѣла, нельзя съ точностью судить о степени виновности отца Утина, допустившаго сына бѣжать за границу, когда онъ былъ отданъ на отвѣтственное его поручительство. Очевидно также, что дѣлопроизводитель помянутой комиссіи неправильно вывелъ справку, будто бы о сношеніи полевого аудиторіата съ Спб. воен. ген.-губернаторомъ, тогда какъ такового никогда не было, а напротивъ того управление Спб. воен. ген.-губ. само непосредственно вошло въ сношеніе съ управленіемъ воен. начальника Инфляндскихъ уѣздовъ ген.-майора Ковалевскаго, который и от-

вѣтствовалъ какъ управленію, такъ и самому воен. ген.-губернатору въ общемъ установленномъ закономъ порядкѣ.

«Находя, что подобныя рѣшенія правительственной комиссіи, основанныя на неправильныхъ справкахъ, производятъ явный вредъ высоч. вѣренному мнѣ управленію, которое безъ полнаго довѣрія правительства успѣшно итти не можетъ, при томъ В. С. извѣстно, что я здѣсь остаюсь временно при крайне разстроенномъ состояніи здоровья моего, только единственно во исполненіе священной для меня воли Г. И. и что при дальнѣйшихъ подобныхъ распоряженіяхъ правительственной комиссіи пребываніе мое здѣсь будетъ бесполезно, я покорнѣйше прошу В. С. довести о томъ до высоч. свѣдѣнія и всеподданнѣйше просить воспретить сказанной комиссіи постановлять свои о дѣйствіяхъ моихъ заключенія безъ предварительнаго истребованія отъ меня надлежащихъ свѣдѣній и при томъ не иначе, какъ съ высоч. Е. В. всякій разъ разрѣшенія. В. С. извѣстно, сколько я обремененъ здѣсь многотрудными дѣлами и что за симъ борюсь съ петербургскимъ управленіемъ не имѣю ни времени, ни желанія, тѣмъ болѣе, что это поведетъ только ко вреду дѣла».

30 ноября кн. Долгоруковъ, видимо, съ удовольствіемъ помѣтилъ: «Такъ какъ съ возвращеніемъ Г. И. дѣйствія правительственной комиссіи кончились, то принять настоящее письмо къ свѣдѣнію»... Дѣло мил. іонера, конечно, затушили.

Н. Утинъ былъ преданъ военному суду при динабургскомъ ордонансъ-гаузѣ заочно. По произведенному затѣмъ суду Утинъ оказался виновнымъ въ принадлежности къ образовавшемуся въ СПБ. въ 1863 г. революціонному обществу подъ названіемъ «Земля и Воля», приняти на себя обязанности и распоряженій, потомъ изданіемъ отъ имени этого общества революціоннаго журнала подъ тѣмъ же названіемъ «Земля и Воля», въ сношеніи съ польскимъ революціоннымъ правительствомъ съ цѣлью содѣйствовать ему въ распространеніи мятежа, и въ побѣгѣ за границу. Конфирмаціею бывшаго помощника командующаго войсками Виленскаго округа ген.-лейт. Манюкина, послѣдовавшему по сему дѣлу 27 ноября 1865 г., было опредѣлено: Николая Утина за означенныя преступленія лишить всѣхъ правъ состоянія и казнить смертю разстрѣляніемъ, каковое наказаніе исполнить надъ нимъ по поимкѣ или явкѣ его въ отечество; имущество же его, Утина, какъ бѣжавшаго за границу и не явившагося по вызову начальства, взять въ опекуное управленіе.

Лѣто 1865 г. Утинъ пробылъ въ Страсбургѣ для лѣченія хроническаго воспаленія кишекъ, а на зиму побѣжалъ въ Монтре, гдѣ и жилъ до середины 1866 г. подъ настоящей фамиліей. 17 февраля 1866 г. въ женевской православной церкви онъ былъ обвѣнчанъ съ Н. І. Корсини.

17 октября 1877 г. извѣстный Самуилъ Поляковъ, препроводивъ изъ Бухареста всеподданнѣйшее ходатайство Н. Утина и

письмо на имя Николая Владиміровича Мезенцова, аттестоваль его, какъ человѣка усерднаго, добросовѣстнаго и очень знающаго въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства.

Вотъ просьба Утина: «В. И. В.! Въ тяжелый часъ испытаній любимой родины каждый вѣрный сынъ ея стремится быть полезнымъ исполнителемъ на томъ или иномъ поприщѣ, великихъ повелѣній великаго государя. Нижеподписавшійся вѣрноподанный осмѣливается благоговѣнно просить в. и. в. даровать ему драгоценное право быть полезнымъ царю и отечеству, снявъ съ меня позорное клеймо изгнанія. Принося чистосердечное раскаяніе въ безумныхъ увлеченіяхъ незрѣлаго возраста, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, я осмѣливаюсь просить в. и. в. не только отъ себя, но и во имя всего семейства о царскомъ помилованіи и возвращеніи мнѣ правъ вашего вѣрноподданнаго. Мое семейство имѣетъ глубокое счастье быть не безызвѣстнымъ в. и. в. своею ревностною непоколебимою преданностью престолу и отечеству. Мой покойный отецъ былъ почтенъ в. и. в. званіемъ коммерціи совѣтника и ордена св. Владиміра. Мой старшій братъ ¹⁾ былъ однимъ изъ усердныхъ исполнителей великихъ предначертаній в. и. в. по судебнымъ учрежденіямъ; бывъ въ высоч. утвержд. комиссіи однимъ изъ составителей судебныхъ уставовъ, былъ удостоенъ ордена св. Владиміра и возведенъ въ дворянское достоинство. Другой изъ моихъ братьевъ, состоя юриконсультомъ при г. министрѣ юстиціи и въ сенатѣ, былъ почтенъ в. и. в. за отличіе по службѣ чиномъ д. ст. совѣтника, возведенъ въ дворянство и удостоенъ ордена св. Владиміра ²⁾.

«Я осмѣливаюсь теперь просить в. и. в. даровать и мнѣ возможность энергичнаго безкорыстнаго служенія моему государю и родинѣ. Служивъ уже нѣсколько лѣтъ по заграничнымъ дѣламъ и постройкамъ нѣкоторыхъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ качествѣ инженера, въ настоящее время нахожусь въ Румыніи при работахъ военныхъ жел. дорогъ и другихъ патріотическихъ предпріятій, возложенныхъ высокимъ довѣріемъ в. и. в. на вашего строителя д. ст. сов. С. С. Полякова, и при немъ, смѣю думать, на дѣлѣ доказываю своими посильными трудами и искренность раскаянія и всецѣлую преданность престолу и отечеству».

Въ письмѣ къ Мезенцову Утинъ такъ освѣтилъ свое прошлое: «По несчастію, обративъ на себя вниманіе по университетскому дѣлу, я былъ заподозрѣнъ въ участіи въ политическомъ юношескомъ броженіи и позже, напрасно заподозрѣнный въ сочувствіи польскому мятежу, 22-хъ лѣтъ, покинулъ родину и скитался за границей. 14 лѣтъ тому назадъ я позволилъ себѣ обратиться къ его свѣтлости быв. ген.-губ. кн. Суворову, клянясь передъ нимъ, изъ изгнанія, въ томъ; что я не былъ причастенъ

¹⁾ Борисъ Утинъ.

²⁾ Яковъ Утинъ.

польскому мятежу и былъ жертвою навѣтовъ лицъ, которая преступно искали своего спасенія чрезъ мою гибель. Теперь, предъ лицомъ в. в. я приношу увѣреніе, что я не былъ измѣнникомъ, не позорилъ имени моей семьи и никакого участія въ польскомъ мятежѣ не принималъ. Во всѣхъ же остальныхъ безумныхъ проступкахъ и увлеченіяхъ незрѣлой юности я много лѣтъ тому назадъ чистосердечно раскаялся».

9 декабря на докладѣ шефа жандармовъ о предоставленіи участи Утина монаршему милосердію послѣдовало разрѣшеніе ему возвратиться въ Россію съ учрежденіемъ строгаго полицейскаго надзора (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 1862 г. 1 эксп., дѣло № 230, ч. 10 лит. А., Б, 1863 г. № 97 ч. 90).

2216. Висѣлицы и журналы.

Мы не будемъ больше помѣчать политическія убійства русскаго правительства, ни дѣлать выписки изъ русскихъ газетъ. Смертныя казни взошли у насъ въ обыденный порядокъ. Послѣ собственноручныхъ упражненій Петра I, въ Россіи ничего подобнаго не бывало,—ни при Биронѣ, ни при Павлѣ. Мы отворачиваемся со стыдомъ и горестью отъ висѣлицъ и отъ ихъ дневниковъ.

1863 годъ останется памятнымъ въ исторіи русской журналистики и, вообще, въ исторіи нашего развитія. Героическая эпоха нашей литературы прошла. Съ университетскихъ исторій, съ петербургскаго пожара обличилось въ ней новое направленіе: она сдѣлалась официальной, офиціозной, въ ней появились доносы, требованіе *небывалыхъ* казней и пр. Правительство, подкупая, поощряя всѣми средствами поддавшіеся ему журналы, запрещало, на французскій манеръ, органы независимые. Полицейская литература воспользовалась этимъ, она говорила не стѣсняясь, возражать ей въ Россіи никто не могъ. Изъ независимыхъ журналовъ, имѣвшихъ политическую мысль, удержался одинъ «День»—его великорусскій патріотизмъ ставилъ его въ особое положеніе. Направленіе «Дня» мы знали, но откровенно признаемся, что если-бъ годъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что «День» будетъ называть открытыхъ противниковъ, сражающихся за независимость своего отечества, *бандитами*, а польское правительство, организовавшее возстаніе и управляющее между жизнью и смертью всей страной,—*вертепомъ разбойниковъ и вѣшателей*, мы бы не повѣрили, такъ, какъ не повѣрили бы тому, что на вопросъ, что дѣлать съ инсургентами въ провинціяхъ, тотъ же журналъ отвѣчалъ: «разумѣется, *казнить*», и это безъ малѣйшей нужды—инсургентовъ и безъ того казнять,—а изъ желанія заявить свое сочувствіе, свое одобреніе.

Патріотическое остервенѣніе вывело наружу все татарское, помѣщичье, сержантское, что сонно и полузабыто бродило въ

насъ; мы знаемъ теперь, сколько у насъ Аракчеева въ жилахъ и Николая въ мозгу. Это заставитъ многихъ призадуматься¹⁾ и многихъ приведетъ къ смиренію. Не очень, видно, далеко образованная Россія забѣжала передъ правительствомъ! Ни французскій языкъ въ былыя времена, ни берлинская философія, ни Англія по Гнейсту ничего не сдѣлали. Говоря чистымъ парижскимъ нарѣчіемъ, мы сѣкли дворовыхъ и крестьянъ; разсуждая по Гнейсту, мы требуемъ конфискаціи, военного управленія и казней по секретному суду. Славянофиламъ есть чему радоваться: національный, до-петровскій фондъ не измѣнился, по крайней мѣрѣ, въ дикой исключительности, въ ненависти къ иностранному и въ неразборчивости средствъ суда и расправы. Усовершенся одинъ языкъ; все злое, прорывавшееся у Марата и у «Père Duchesne'a», перешло къ намъ—отъ каннибальскихъ фразъ до тонкихъ намековъ, ведущихъ прямо на висѣлицу или на исключеніе изъ живыхъ. Такovy краснорѣчивыя *умалчиванія* «Моск. Вѣд.» объ измѣнѣ Константина Николаевича и графа Вѣлепольскаго; это—въ своемъ родѣ *chef d'oeuvre's*, которые, навѣрное, заслужили бы 4 на экзаменѣ у Яго или у Don Basilio.

Рядомъ съ полицейской маратовщиной идутъ разбитныя корреспенденціи изъ Польши.

Человѣкъ по натурѣ свирѣпъ. Толпы оставляютъ работу, не спятъ ночи, идутъ двадцать верстъ, чтобъ угидѣть, какъ вѣшаютъ какого-нибудь несчастнаго или какъ самъ Леотаръ виситъ на какомъ-нибудь мизинцѣ. Первыя всегда довольнѣе. Леотаръ, когда еще сорвется и упадетъ, а на казни зрѣлище заключается всегда трагическимъ финаломъ. Изъ всѣхъ звѣрей одинъ человѣкъ любить смотрѣть, какъ мучатъ ему подобнаго, одинъ онъ изъ убійства дѣлаетъ удовольствіе и называетъ его, по преимуществу, *охотой*. Но человѣкъ въ гуманность воспитывается; онъ средой отучается отъ кровожадныхъ инстинктовъ,—какая же среда, въ которой жили корреспонденты нашихъ журналовъ? Мы не можемъ привыкнуть къ ихъ повѣствованіямъ. Это—разсказы студентовъ въ анатомическомъ театрѣ о вивисекціяхъ, смягчаемые иногда шутками и остротами, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ.

Одинъ повѣствуетъ, какъ дрожали ноги у человѣка, приведеннаго на мѣсто казни для разстрѣлянія, другой—какъ цвѣтъ лица осужденнаго на висѣлицу былъ зеленый и потомъ блѣдный, какъ въ глазахъ была видна тревога; третій, сказавъ, что Падлевскій не ожидалъ, что его осудятъ на смерть, прибавляетъ: «*Забавникъ*, онъ думалъ за свои злодѣянія отдѣлаться арестомъ.... но онъ забылъ, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». Гдѣ же во всемъ этомъ смѣшное? Надо имѣть необыкновенную смѣшливость, чтобъ находить забавнымъ положеніе осужденнаго¹⁾.

¹⁾ Воображеніе привыкло у насъ до того ко всѣмъ ужасамъ, что страшные образы пытокъ и истязаній являются первыми въ голову. Одинъ

Какіе же тутъ выписки и споры? Грустно проводивши стараго знакомаго въ сумасшедшій домъ, мы станемъ ждать его выздоровленія, навѣщая изрѣдка и вѣря въ здоровый организмъ, которъй все вычесеть. Патріотическое бѣшенство слишкомъ яростно, чтобъ долго продержаться.

Тѣмъ, которые растлили наше слово, даромъ это не пройдетъ. Совѣсть пробудится,—не у нихъ, такъ у молодого поколѣнія, не помѣченнаго ни московскими профессорами, ни петербургскимъ дворомъ; оно съ ужасомъ отпрянетъ отъ псалмопѣвцевъ висѣлицы, отъ клакеровъ Муравьева, отъ всѣхъ этихъ Коцебу православія и фельетонныхъ Аракатеевыхъ. Мы не сомнѣваемся въ этомъ и потому оставляемъ ихъ неистовствовать и оканчивать свое гнилое броженіе. ¹

5 августа 1863.

◆ 1. Герценъ очень ясно ощущалъ быстрый и рѣзкій поворотъ въ сознаніи и настроеніи русскаго общества, хорошо понятный намъ, современникамъ начала XX столѣтія, пережившимъ реакціонный поворотъ 1906—1907 годовъ. Не только по значительно уменьшившемуся интересу къ его изданіямъ, въ особенности къ «Колоколу», ему было ясно новое вѣяніе; онъ понималъ его прежде всего по тону прессы и литературы, по письмамъ и личнымъ бесѣдамъ; общество шарахнулось вправо и безъ оглядки бѣжало отъ недавняго своего прогрессивнаго настроенія. Только тѣ, которые не способны понимать причины и слѣдствія общественныхъ явленій, говорили и повторяютъ до сихъ поръ, что «вліяніе Герцена, Огарева и Бакунина убито наповаль польскимъ дѣломъ» («Отеч. Записки» 1863, VI, 16). Съ разными варіантами ту же самую мысль можно встрѣтить у очень многихъ, писавшихъ о Герценѣ, — органъ Краевскаго выразилъ ее лишь короче, ярче и много прежде другихъ. Въ нашей исторической литературѣ, вообще, долго держатся всякіе вздорные шаблоны и битыя мѣста.

Она высказана была и кн. А. Ѳ. Голицынымъ, по должности предсѣдателя слѣдственной комиссіи. «Окончательное подавленіе мятежа въ Ц. Польскомъ—читаемъ въ отчетѣ этой комиссіи—нанесло сокрушительный ударъ и той злонамѣренной партіи, ко-

мирный фельетонистъ, который пишетъ вовсе не о Муравьевѣ и не о Польшѣ, а о прогулкѣ въ Кронштадтѣ, вотъ какъ выражается о непогодѣ, застигнувшей его: «Это была не та буря, про которую Пушкинъ говоритъ:

То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.

«Нѣтъ! А это былъ такой раздирающій душу и нервы ревъ, какъ если бы положить рядомъ батальонъ солдатъ и нещадно начать пороть его батожемъ; тогда бы, мнѣ кажется, это было нѣсколько похоже!» Возьмите всѣ литературы, отъ Саади и Гафиза до Диккенса и Гюго—и вы не найдете подобнаго сравненія. А. И. Г.

торая, съ Герценомъ во главѣ, замыслила поднять знамя бунта и измѣны внутри имперіи и связала свою судьбу съ революціонными происками поляковъ. Авторитетъ издателей «Колокола» палъ безвозвратно, и лондонская пропаганда сразу утратила свое прежнее обаяніе» («Голосъ Минув.» 1915, IV, 206).

Очень интересно выслушать сокровенное мнѣніе такого чело-вѣка, какимъ представляется Валуевъ, тогдашній министръ внутреннѣхъ дѣлъ, узнать, какъ понимали руководители правительственной политики общественное настроеніе, ими же самими частью и созданное. Въ этомъ отношеніи любопытенъ его всеподданнѣйшій отчетъ за 1861—63 годы.

«Польскій мятежъ и въ особенности дипломатическій походъ, предпринятый по этому поводу противъ Россіи европейскими державами, произвели въ общемъ направленіи умовъ второй переворотъ, еще болѣе благопріятный, чѣмъ тотъ, который былъ послѣдствіемъ петербургскихъ пожаровъ. Тогда преобладало чувство самосохраненія, и его вліяніе преимущественно обнаружилось въ высшихъ и среднихъ слояхъ населенія. Теперь были возбуждены болѣе возвышенныя и патріотическія чувства преданности Вашему Величеству, любви къ Россіи, заботливости объ охраненіи ея цѣлости и ея славы, и ихъ вліяніе распространилось на всѣ классы народа». Всѣхъ вѣрноподданническихъ заявленій въ министерство внутреннѣхъ дѣлъ поступило болѣе 4.000, въ томъ числѣ отъ дворянства 115, духовенства 7, иновѣрцевъ 11, городовъ 348, крестьянъ 3.347, раскольниковъ 75, купцовъ и мѣщанъ 46, татаръ, болгаръ, колонистовъ и проч. 269.

«Патріотическій порывъ 1863 года не можетъ, однакоже, продолжаться съ одинаковою силою на неопредѣленное время. Послѣ подавленія польскаго мятежа и минованія угрожавшихъ намъ опасностей европейской войны, естественно, ослабѣваетъ то напряженное вниманіе, съ которымъ всѣ классы народонаселенія слѣдили за событіями на западѣ имперіи. Въ настоящее время (1864 г.) это вниманіе снова начинаетъ сосредоточиваться на другіхъ внутреннѣхъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе расположеніе умовъ вообще спокойно и, за исключеніемъ нашихъ экономическихъ затрудненій, нѣтъ поводовъ предусматривать какую-либо неблагопріятную въ этомъ отношеніи перемѣну. Но финансовыя и хозяйственные вопросы заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія. Министръ вн. дѣлъ всеподданнѣйшимъ долгомъ считаетъ заявить передъ В. И. В. свое глубокое убѣжденіе, что, если внутреннему спокойствію государства гдѣ либо предстоитъ близкая опасность, то ее надлежитъ усматривать именно въ томъ финансовомъ и промышленномъ кризисѣ, котораго вліяніе уже нынѣ для всѣхъ ощутительно и котораго послѣдствія могутъ развиваться, со временемъ, съ возрастающею быстротою и силою».

Въ другомъ мѣстѣ Валуевъ свидѣтельствовалъ, что «запрещенія цензуры касались и бездарныхъ сочиненій патріотическаго

содержанія, которыя при всей благой цѣли ихъ авторовъ могли бы принести болѣе вреда, нежели пользы, своими неумѣстными выходками, неприличною бранью и т. п.» (архивъ П. Я. Дашкова).

Разумѣется, я не могу ввести въ свой комментарий подробное и обстоятельное изученіе роли Герцена въ польскомъ вопросѣ,—это требуетъ большого спеціальнаго изслѣдованія, которое, конечно, и будетъ кѣмъ-нибудь сдѣлано послѣ выхода въ свѣтъ настоящаго «собранія»,—но остановиться на вопросѣ въ его общей формѣ совершенно необходимо.

Читатели знаютъ мнѣніе объ этомъ «Дня», «Московскихъ Вѣдомостей» и др. современныхъ Герцену органовъ.

Въ 1866 г. въ Вильнѣ была издана анонимно книга Ратча «Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа, 1831—1863», явившаяся извлеченіемъ изъ «Вѣстника Западной Россіи».

Прежде всего Ратчъ утверждаетъ, что, какъ Шедо-Ферроти въ польскомъ вопросѣ былъ орудіемъ кн. Чарторижскаго, такъ, орудіемъ «Централизаци» былъ Герценъ, причемъ правительственный авторъ, какъ и слѣдуетъ, не отдалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что подъ «Centralizacya» надо разумѣть органъ, стоявшій во главѣ Towarzystwa Demokratyczne (Демократическаго общества), путалъ ее иногда съ Dyrekcyą (Дирекція)—органомъ бѣлыхъ, шляхты, а иногда съ Komitet Centralny Narodowy.

«Между этими работниками двухъ враждующихъ лагерей не могъ не возникнуть свой антагонизмъ. Шедо-Ферроти долженъ былъ проводить польскую справу по теоріямъ Ламберова отеля; *легальными доводами* дѣйствовать на правительственныя сферы, проводить въ нихъ *симпатію* къ полякамъ; по примѣрамъ времени Александра Павловича до крайней возможности во тьмѣ и во мглѣ удерживать польскія дѣла, и дипломатическимъ изворотомъ доставить свободный доступъ своимъ твореніямъ, подъ покровомъ *благонамѣренной* ихъ цѣли, какъ раѣющимъ за прогрессъ, цивилизацію и, по теоріямъ Чарторыйскаго, *за преуспѣяніе* русской имперіи. Герценъ съ компанією долженъ былъ дѣйствовать на русское общество, проводя въ него принципы польской централизаци, и тоже *симпатію* къ полякамъ. Въ легальной внѣшности «Колоколь» не нуждался; затаенными путями, которыми шли въ Россію произведенія демагогической литературы, тѣми же путями пошли и изданія русской лондонской типографіи.

«Вражда между поляками *бѣлыми* и между поляками *красными* отразилась и на непріязненныя литературныя отношенія между Шедо-Ферроти и Герценомъ, но на чемъ сходились Ламберовъ отель и централизациа, на томъ сходились и оба работника польской sprawy. Какъ дѣятели польской sprawy бывшихъ областей Рѣчи посполитой, создали искусственную Польшу, такъ и Шедо-Ферроти съ Герценовскою компанією хотѣли искусственно пересоздать Россію. Къ великому прискорбію поляковъ, въ отлічіе отъ погибшей внутренними раздорами Рѣчи Псполитой,

вся Россія отъ царя до простолюдина образуетъ одно сплошное, неразрывное цѣлое, потому, по революціонной теоріи польской sprawy, *подлинную Россію* должно было замѣнить *искусственно созданною Россією*; Шедо-Ферроти и Герценъ взялись за это дѣло. По польскимъ проектамъ, въ искусственно пересоздаваемой Россіи надлежало между правительствомъ и народомъ произвести разрывъ. По комбинаціямъ Ламберова отеля, Шедо-Ферроти взялъ на себя оторвать правительство отъ народа, а Герценъ съ компанією, по комбинаціямъ *централизаціи*, взялъ на себя оторвать народъ отъ правительства.

«Польская справа должна была обойти Россію, какъ нѣкогда Германію, увѣреніями во взаимной *симпатіи* Россіи къ Польшѣ. Герценъ взялся навязать эту *симпатію* Россіи, а Шедо-Ферроти, принимая эту затѣю своего собрата за *фактъ совершившійся*, уже плямо вкладываетъ въ уста русскаго простолюдина не тѣ прилагательныя, которыми русскій челоувѣкъ сопровождаетъ имя поляка, а очень любезныя слова: «нашъ братъ полякъ»...»

«Герценъ не выступалъ лично на поприще баррикады, потому, въ этомъ случаѣ, онъ отличается отъ Мѣрославскаго, но въ другихъ отношеніяхъ нельзя не признать, что оба они, выработывая себя на одинаковыхъ началахъ, достигли тѣмъ и рѣдкаго сходства. Мѣрославскій своими «Рѣчами листопадowymi» сталъ представителемъ *молодой Польши*; завидуя его славѣ, Герценъ со знаменемъ «Колокола» явился представителемъ-самозванцемъ *молодой Россіи*. Вопреки давняго заявленія поляковъ, что дорога 1848 г. отъ Мирославля до Вржесня не путь отъ Мекки въ Медину, Мѣрославскій во время послѣдняго мятежа, съ званіемъ *диктатора* и съ готовою ролью новаго Магомета, поглядѣлъ на границу Царства Польскаго, тогда и Герценъ, при помощи поляковъ, готовилъ для себя дорогу, пройденную *Гришкою Отрепьевымъ*; если для черной работы Мѣрославскій имѣлъ своею Куржину, то, въ такой же точно должности для особыхъ порученій, при Герценѣ состоялъ Бакунинъ; Мѣрославскій и Герценъ одинаково черпали свою государственную и законодательную премудрость изъ одного и того же источника, *принциповъ, вырабатываемыхъ польскою централизацією* и обнаруваемыхъ польскими демократическими журналами. «Рѣчи листопадовы» Мѣрославскаго писались съ тѣмъ же расчетомъ

«Герценъ, человекъ близкій со столбами эмиграціи Ворцелемъ, Мѣрославскимъ, Жебровскимъ, Зеновичемъ, Высоцкимъ, Эльзановскимъ и др., конечно, при польскомъ къ нему доброхотствѣ, кромѣ своихъ собственныхъ, имѣлъ къ своимъ услугамъ и всѣхъ польскихъ ревнителѣй въ Россіи. Изъ дѣлъ по послѣднему мятежу видно, что не только *красные* служили корреспондентами «Колоколу», но къ нему и *бѣлые*, туземные верховные представители Ламбегова отѣля, обращались, какъ къ ревностному сотруднику польской справы...

«...Въ 1857 году, съ устранившимъ все шляхетство *крестьянскимъ вопросомъ*, и съ кружками заговорщиковъ, завязанныхъ поляками, возвращенными изъ эмиграціи и изъ ссылки, появился и «Колоколь». Герценъ заявилъ, что изданіе журнала возможно, если онъ будетъ окупаться. Груды номеровъ «Колокола», въ числѣ захваченныхъ бумагъ по мятежу въ сѣверо-западной Россіи, свидѣтельствуютъ, что поляки, какъ прежде въ Германіи, не щадили денегъ, чтобы поддержать изданіе, столь пригодное для польской справы; поляки усердно его распространяли между русскими; воспитанники поляки обратились въ поставщиковъ и «Колоколомъ» снабжали своихъ, ими искушаемыхъ русскихъ товарищей, сперва по дорогой цѣнѣ, а потомъ даромъ, разсывая имъ въ карманы...

«Правительство, быстро приступивъ къ громадному дѣлу, дало работамъ по крестьянскому вопросу основныя начала; тогда Герценъ торопливо, въ началѣ своего изданія, заявилъ себя «проводникомъ освобожденія печати отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податнаго состоянія отъ побоевъ». Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ быть *передовымъ*. Нынѣ послѣдствія и слѣдствія выяснили дѣло, конецъ связали съ началомъ, опредѣлили рядомъ идущія, согласная работы польской эмиграціи и русскихъ ренегатовъ; нынѣ подземная работа выведена на свѣтъ дневной, и эти слова «Колокола» можно сократить, сказавъ проще и вѣрнѣе: «Колоколь» силится быть *проводникомъ мятежа въ Россіи, одновременно съ шляхетско-ксендзовскимъ*. Русскіе конечно бы изумились въ 1862 году, узнавъ, что такова была нижняя сторона медали, что пресловутые поборники русскаго благоденствія, Герценъ съ компанією, были работники польской справы, передовые въ Панурговомъ стадѣ...

«Среди безубностей къ полякамъ, «Колоколь» сталъ самымъ угодливымъ ихъ прислужникомъ; ни наши народныя вѣрованія, ни наши преданія, ни русское могущество, купленное вѣками, кровью русскаго народа, ни единство націи, дающее силу и независимость государству, ничто не останавливало этихъ ренегатовъ. Русскіе люди, по декретамъ «Колокола», должны были все принести въ жертву польской справѣ, и пока, на раздробленіи нашего отечества, поляки приводили бы въ исполненіе свои за вѣтныя, вѣковыя мечты, отодвигали бы Россію къ Волгѣ и вновь

созданною Польшею начертывали бы восточныя границы Европы, русскіе люди должны были бы утѣшаться перестройкою своей общественной жизни на принципахъ польской *централизаціи*...

«Герцену предстояла другая цѣль; и «Колоколь» дѣйствительно проводилъ, что «у насъ все позади отвратительно гадко», а для изображенія настоящаго, его страницы пестрѣли всякаго рода дрязгами. Щеголяя разнообразіемъ, «Колоколь», изъ политико-соціально-философическихъ декретовъ, обратился въ помойную яму всякихъ сплетень. Если кому-либо нужно было кинуть грязью въ кого нибудь, ему въ Россіи не досягаемаго, то онъ могъ смѣло обращаться въ «Колоколь»; его столбцы были открыты для всѣхъ мерзостей, клеветъ, лакейскихъ разсказовъ, ему сообщаемыхъ его корреспондентами; даже наглая ложь была такъ дорога Герцену, что, для помѣщенія подобныхъ извѣстій, онъ придумалъ особую рубрику «Правда ли?». Герценъ былъ увѣренъ, что всегда найдется такой нравственно или физически нечесаный и немытый, который повѣритъ и за удовольствіе себѣ поставитъ пересказать знакомымъ о томъ, что онъ вычиталъ въ «Колоколѣ». Изъ «Колокола» русская публика могла узнать, какой городничій съ какою коротко знакомъ дамою; ничѣмъ не брезгалъ Герценъ, чтобы найти читателей, образовать ихъ на свой ладъ, развращать понятія и вкусъ русскаго общества, кормить его всякими нахальными мерзостями, уничтожать всякія основанія одолгѣ и чести,— и все подъ видомъ неусыпныхъ заботъ о блистательной его будущности. Современныя статьи «Колокола» свидѣтельствуютъ, что Герценъ твердо изучилъ выше приведенную инструкцію Мѣро-славскаго и слѣпо руководствовался тѣми ея мѣрами, которыя для себя считалъ пригодными. «Колоколь» былъ ничто иное какъ искусная мистификація русскаго люда и особенно русской молодежи. А было время, когда «Колоколь» былъ въ модѣ. Пользуясь настроеніемъ общества, когда послѣ Крымской войны, уязвленное народное чувство искало причинъ нашей неудачи, Герценъ своеобразно началъ указывать наши недостатки и, при первыхъ успѣхахъ, ставъ на ходули, взялся быть руководителемъ русскаго общества; нѣкоторые люди хвастали *герценизмомъ*, нашлись сообщники, подражатели и ослѣпленные орудія; поляки не зѣвали, подзадоривали, наущали. Нашлись писатели, которые, считая строчки и листы, услужливые требованіямъ сочувствовавшихъ Герцену журнальныхъ изданій, ругали съ плеча не только наше настоящее, но, вторгаясь въ завѣтные архивы, искали въ нихъ только то, что, котораго можно было бы выставить скандальчиками; историческая литература запестрѣла историческими сплетнями; *Герценизмъ* хотѣлъ отнять даже народное наше достояніе, наше прошедшее; мужей, которыми гордится русская земля, подымали изъ могилъ, не для того, чтобъ изслѣдовать ихъ дѣянія, для назиданія современникамъ, а чтобы глумиться надъ дѣятелями, создавшими славу Россіи. Этотъ потокъ увлекъ неоперившихся въ знаніяхъ юношей,

которые, съ знаніями школьниковъ, судили и рядили по увлеченіямъ, необузданнымъ ни наукою, ни положительною думою; онъ вывелъ на свѣтъ безбородыхъ и нечесаныхъ, не вѣсть откуда появившихся сотрудниковъ новой, такъ названной, *изобличительной* литературы и, прискорбно вспомнить, что поддались этому одуренію и мужи, посѣдѣвшіе въ наукѣ, которые точно торопились отречься отъ своихъ точно прежнихъ убѣжденій.

«Грустные слѣды на русской литературѣ; грустная воспоминанія тогдашней жизни оставили послѣ себя два союзника чадъ полонизма и *смердь герценизма*. Хороши были тѣ гражданскія добродѣтели, которыя «Колоколь» навѣвалъ на русскую землю.

«При послѣдовательномъ раззорѣ нумеровъ «Колокола» съ одновременно веденною конспиративною польскою интригою, нельзя не признать что Герценъ маскировался искусно, съ искусствомъ вель онъ и общую работу. Какая открывается коварная мистификація русскаго люда при сближеніи лицевой стороны «Колокола», съ ея подкладкою, съ показаніями и перпискою польскихъ дѣятелей въ слѣдъ твенныхъ дѣлахъ. Труды Ворцеля, варшавскаго 1830 года журналиста и десятилѣтняго впоследствии централъщика, специально назначеннаго польскою эмиграціею принять Герцена подъ ближайшую свою опеку и въ ученье, не пропали даромъ; Герценъ попалъ въ геніи, такъ какъ по польской интеллигенціи, оснсанной на іезуитско-шляхетскихъ началахъ, *сотрудники* вѣковой борьбы Польши противъ Россіи, признаются *великими геніальными благодѣтелями*; но польской интеллигенціи мы сопоставляемъ русскій смыслъ, а по рускому смыслу, мы именно людей подобныхъ Герцену, называемъ тѣми прилагательными, которыми онъ честить русскихъ, не пожелавшихъ исполнять желанія ренегатовъ съ того берега, а по крайнему своему разумѣнію, рассудившихъ дѣло по своему.

«Не по днямъ, а по часамъ, среди польской эмиграціи, росло значеніе Герцена; даже Цверцякевичъ, по кончинѣ Централизаціи, главный работникъ эмиграціи въ Лондонѣ, и тотъ обращался за свѣдѣніями въ редакцію «Колокола».

Таковы «откровенія» буквально мною цитируемаго Ратча, написавшаго свою книгу по заказу жандармеріи и Каткова...

Другой современникъ, Всеволодъ Крестовскій, заявиль съ полной категоричностью: «Герценъ съ самаго начала своей пропаганды былъ почти исключительно орудіемъ польскихъ рукъ» («Сочиненія», III, 532). Авторъ «Панургова стада» — свидѣтель изъ плеяды Ратчей, Гогелей и компаніи.

Наконецъ, «изслѣдователь» профессоръ Ив. Ив. Ивановъ находитъ, что со времени союза Герцена съ поляками, съ 1853 г., «талантъ и жизнь Герцена были осуждены на безславную гибель» (стр. 297); «со всѣхъ сторонъ издатель слышитъ: «Колоколь» — власть. И онъ же губить ее, превращаетъ «Колоколь» въ испорченную бумагу» (стр. 617). Перекинувшійся въ столы-

пинскую реакцію, критикъ думаетъ теперь, вѣроятно, опять иначе...

Съ этой группой «обличителей» роли Герцена въ польскомъ вопросѣ нѣтъ ни надобности, ни возможности спорить и что-либо имъ доказывать. Правдоподобности, истины и освѣдомленности здѣсь такъ же мало, какъ въ курьезномъ признаніи одного арестанта Бобруйской крѣпости Ивана Новицкаго, сдѣланномъ 7 марта 1863 г. съ очевидною цѣлью вымолить себѣ прощенье: «Въ виду болѣе и болѣе распространяющихся революціонныхъ идей, развиваемыхъ приверженцами Герцена, я съ готовностью рѣшился сообщить правительству, быть можетъ, и незначительные факты, тѣмъ не менѣе могущіе послужить хоть къ нѣкоторому ограниченію зла. Мнѣ положительно извѣстно, что самая дѣятельная переправа въ Россію контрабанды возмутительныхъ сочиненій комитета, состоящаго изъ Герцена, Прудона, Мишле, Маццини, Кошута и др., производится Ковенской губ. въ м. Таурогенѣ. Мнѣ извѣстно также очень хорошо, что во владѣніяхъ Пруссіи, въ полутораверстномъ разстояніи отъ русской таурогенской таможни, по шоссе, въ корчмѣ, на лѣвой сторонѣ нерѣдко бывають свиданія между агентами Россіи и г. Огаревымъ или сыномъ г. Герцена, молодымъ человѣкомъ, находившимся, во время моей 1-й отлучки изъ полка, въ лондонскомъ университетѣ. Первый изъ нихъ ѣздилъ на континентъ вообще подъ именемъ Вильяма Пингарна, второй—подъ именемъ Джона Вуда. Фамиліи русско-подданныхъ, посѣщающихъ время отъ времени названную корчму, мнѣ неизвѣстны, но изъ числа агентовъ петербургскихъ я могу указать, какъ на болѣе вліятельнаго, на г. Тургенева, посылающаго свои письма въ post-пакетахъ въ Тильзитъ, откуда они идутъ въ Лондонъ, адресованныя на имя книгопродавца Трюбнера. Въ пріемѣ и передачѣ писемъ изъ Россіи участвуетъ также дьячокъ лондонской посольской церкви, состоящій при тамошнемъ священникѣ Евгеніи Ивановичѣ Поповѣ. Вотъ почти все, что я могу сообщить правительству, оговорясь, впрочемъ, что можетъ быть цѣль свиданія въ настоящее время имѣть и болѣе важныя причины, чѣмъ мнѣ извѣстны съ одной только стороны, но такъ какъ между Пруссіей и Россіей существуетъ, по поводу польскаго возстанія, особая конвенція, то, улучивъ чрезъ своихъ агентовъ благопріятную минуту для ареста корчмы, правительству легко будетъ отъ захваченныхъ лицъ и матеріаловъ узнать, насколько важенъ этотъ пунктъ. Факты эти, симъ мною почти на-голо сообщаемые, я готовъ разъяснить въ случаѣ могущихъ встрѣтиться вопросовъ или недоразумѣній» (Милюдовъ, «Архивные матеріалы» etc., I, 314—315). Здѣсь есть все, даже «ученость» проф. Иванова...

Группа «критиковъ» Герцена въ области польскаго вопроса представлена прежде всего М. П. Драгомановымъ, очень странно изложившимъ «противорѣчіе» Герцена самому себѣ и его

«непониманіе» существа польскаго вопроса... Онъ утверждалъ, что «Герценъ не имѣлъ специальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этнографіи «западныхъ провинцій» Россіи и даже врядъ ли читалъ труды, напр., Костомарова»; что «запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т.-е. былъ очень не великъ». Всю бѣду «заблужденій» Герцена Драгомановъ приписывалъ просто-таки тому, что онъ «довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша».

Ища и другихъ источниковъ «ошибки», Драгомановъ остановился на влияніи Бакунина, но самъ не считаетъ его достаточнымъ для того, «чтобы заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою» («Историческая Польша и великорусская демократія», 68—150). «Словомъ,—говоритъ Драгомановъ въ другомъ своемъ сочиненіи,—и польскіе революціонеры, и Герценъ съ его единомышленниками одинаково ошиблись и одинаково запутали другъ друга, съ тою разницей, что поляки запутали Герцена въ свою форму, а сами зацѣпились за его идею. Идея же эта, которой Герценъ былъ хоть и крайній, но искренній служитель, была идея не искусственная и не чужая, а выработанная русскимъ обществомъ, хотя и не безъ влияній европейскихъ, но изъ естественныхъ условій русской земли, а именно — идея о надѣлѣ крестьянъ землею и объ опредѣленіи національности территорій по характеру большинства (сельскаго) населенія» («Восточная политика Германіи и обрусеніе»):

Настоящее «собраніе» дастъ достаточный матеріалъ для опроверженія «научныхъ» выводовъ ученаго, тоже, при нашемъ историческомъ невѣдѣніи, получившихъ всѣ права шаблона, которымъ пользуются люди ужъ вовсе невѣжественные въ области изученія Герцена и современной ему эпохи.

Щедрый компиляторъ заграничныхъ изданій, безъ точнаго, а иногда и безъ всякаго на нихъ указанія, г. Батуринскій, и въ этомъ вопросѣ «процитировалъ» Драгоманова съ оригинальнымъ вариантомъ, подсказаннымъ глубокимъ непониманіемъ вопроса. «Непоправимую ошибку сдѣлалъ Бакунинъ, увлекши за собой Герцена и Огарева. И поляки, и вся масса русскихъ поняли присоединеніе Бакунина и «Колокола» къ возстанію, имѣвшему цѣлью не автономію *этнографической* Польши, а возстановленіе *исторической* Польши въ границахъ 1772 г. (т.-е. со включеніемъ областей, населенныхъ вовсе не поляками), какъ признаніе русскими радикалами этой странной претензіи, и это было главной причиной паденія популярности какъ «Колокола», такъ и самого Герцена» (стр. 151—152).

Съ другимъ арсеналомъ доводовъ выступилъ недавно г. Левинъ. Находя, что, вообще, съ момента польскаго возстанія «Колоколь» «сталъ болѣе органомъ польскаго движенія, чѣмъ рус-

скаго дѣла», онъ утверждаетъ, что порой Герценъ безнадежно путался въ противорѣчяхъ, уходилъ въ такія крайности, которыя теперь уже трудно и понять, утверждая, напр., что независимость Польши—наше освобожденіе... Г. Левинъ пробуетъ указать и на другую непослѣдовательность Герцена: «когда русское правительство встало на путь ослабленія силы польской аристократіи, то эта тактика, несмотря на то, что она усиливала демократію, глубоко возмутила Герцена». Характеризуя роль Герцена въ 1863 г., онъ добавляетъ: «Въ августѣ 1863 г. Герценъ уже утрачиваетъ способность къ обсужденію въ политикѣ, у него хватаетъ силъ лишь на оскорбленія»; «подавленіе польскаго возстанія въ значительной степени затуманило его разумъ»; «увлеченіе Герцена Польшей переходитъ за всѣ предѣлы, когда онъ, считавшій себя демократомъ и социалистомъ, начинаетъ воспѣвать польскую аристократію»; «вообще, послѣ неудачи возстанія Герценъ по адресу Россіи могъ говорить лишь словами брани».

Оцѣнивая участіе Герцена въ польскомъ возстаніи, г. Левинъ находитъ, что оно «принесло исключительно отрицательные результаты». «Въ разгарѣ возстанія Герценъ ясно видѣлъ, что въ польскомъ вопросѣ почти все русское общество было на сторонѣ правительства и что усмиреніе и ликвидація возстанія прошли при сочувствіи и моральной поддержкѣ дворянства, литераторовъ, журналистовъ, интеллигенціи». «Тѣмъ не менѣе, — заканчиваетъ свой приговоръ г. Левинъ,—онъ упорно велъ свою линію».

Другія обвиненія г. Левина еще тяжелѣе: «но вотъ возстаніе подавлено, ликвидировано, и картина рѣзко мѣняется. Герценъ начинаетъ усердно увѣрять, что онъ всегда былъ противъ возстанія» («Лѣтопись» 1916, I).

Нѣкоторыя забытыя историческія указанія г. Левину преподалъ г. Мельгуновъ («Гол. Минув.» 1916, III), но и онъ не обнаружилъ глубокаго пониманія коллизіи, въ которую неизбежно попалъ Герценъ, и которую просмотрѣли и Драгомановъ, и списывавшіе съ него, и писавшіе послѣ него.

Считаю нужнымъ остановиться еще на работѣ А. А. Корнилова «Общественное движеніе при Александрѣ II», М. 1909 г., въ виду популярности, которой пользуется эта книжка, благодаря кадетствующимъ органамъ, всячески поддерживавшимъ ее своими рецензіями и цитатами. Скромный публицистъ, сдѣлавшійся по какому-то недоразумѣнію историкомъ, написалъ свою книжку, владея необыкновенно легкимъ научнымъ и фактическимъ багажомъ, что, однако, не помѣшало ему, à la Джаншіевъ, авторитетно говорить обо всемъ и всему дать мѣсто въ своей по существу чисто компилятивной работѣ.

Говоря о польскомъ возстаніи, г. Корниловъ прежде всего козырнулъ документомъ 1861 г., появившимся въ № 247 «М. Вѣдомостей» 1863 г., а именно, составленной Мѣрославскимъ «временной программой польскаго возстанія». процитировавъ ее изъ книги

С. Невѣдѣнскаго (псевдонимъ тщательно скрывшагося С. С. Татищева) о Катковѣ. «Эта предательская по отношенію къ русскимъ радикаламъ и къ русскому народу программа Мѣрославскаго могла бы, конечно, оттолкнуть отъ поляковъ всѣхъ русскихъ радикаловъ и революціонеровъ, но она сдѣлалась извѣстна лишь въ 1863 г.» (стр. 133). Герценъ тоже попался на эту удочку: онъ тоже, какъ и Катковъ, только въ 1863 г. (и притомъ, конечно, изъ «Москов. Вѣдомостей») узналъ о злокозненности замысла Мѣрославскаго. Впрочемъ, говорить «ученый» историкъ г. Корниловъ, «мы не будемъ подробно излагать исторію увлеченія Герцена польскимъ движеніемъ, такъ какъ исторія эта, превосходно освѣщенная впослѣдствіи самимъ Герценомъ, подробно изложена въ книгѣ г. Батурина». Въ другомъ мѣстѣ г. Корниловъ указываетъ, какъ на источники для ознакомленія съ отношеніемъ Герцена къ польскому вопросу, на сочиненія Драгоманова и Невѣдѣнскаго, и не подозревая, насколько первый изъ нихъ требуетъ оговорокъ, а второй — просто исключенія изъ всякихъ подобныхъ указаній. «Сперва Герценъ пытался уберечь «Колоколь» отъ увлеченій (Бакунина и Огарева — *М. Л.*) и лишь предоставлялъ Бакунину и Огареву печатать ихъ брошюры въ своей типографіи отдѣльно отъ «Колокола» (потому, вѣроятно, ни одна именно брошюра и не вышла въ свѣтъ — *М. Л.*), но вскорѣ онъ самъ увлекся дѣломъ возстанія за свою свободу поляковъ» (стр. 161). Между тѣмъ, вотъ какъ былъ, видите ли, одураченъ Герценъ въ названной «временной программѣ» Мѣрославскаго: «Внутри края задержать революціонную пропаганду сколь возможно долѣе, на степени чисто-на-чисто экономическихъ реформъ... Въ крайнемъ случаѣ всѣмъ неизлѣчимымъ демагогамъ открыть ворота за Днѣпръ, пусть тамъ разсѣваютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и богатыхъ баръ, силищихся удержать своихъ крестьянъ въ рабствѣ, пусть подольютъ своей неурядицы въ пожаръ, который уже охватилъ середину Россіи. А малороссійская агитація пускай переносится далеко за Днѣпръ,—вотъ гдѣ широкое поле для этой нашей хмельничины; вотъ гдѣ вся наша панславистическая и коммунистическая школа, *весь нашъ польскій герцаенизмъ!* Пускай все это пристойнымъ образомъ издалека способствуетъ освобожденію нашего отечества, раздражаетъ и жжетъ внутренности царизма. Здѣсь—легкое и доблестное поприще для множества полуполяковъ и полурусскихъ, занимающихъ нынѣ всякія ступени чиновничьей и военной іерархіи въ Россіи» (цитирую по болѣе вѣрному переводу Н. Берга въ XI кн. «Рус. Старины» 1879 г.).

Когда Катковъ, опубликовавъ свой очень вольный переводъ программы, вѣрнѣе,—доставленный ему изъ правительственныхъ круговъ раньше опубликованія гдѣ бы то ни было,—неистовствовалъ и кричалъ, что теперь (ноябрь 1863 г.) тайны гнусныхъ

польскихъ мятежниковъ открыты и стало ясно, какъ дирижировалось возстаніе 1863 г. еще въ мартѣ 1861 г., а по адресу Герцена писалъ: «Трудно выразить болѣе полное и болѣе заслуженное презрѣніе польскихъ патріотовъ къ своимъ союзникамъ гг. Герцену и К^о со всею ихъ свитой. Апостолы новаго порядка вещей, заботящіеся о Польшѣ, «о нашей и вашей свободѣ», были въ рукахъ у опытныхъ польскихъ революціонеровъ презрѣнными орудіями, назначенными исключительно для нанесенія ранъ русскому народу... Можеть ли быть что-нибудь позорнѣе, что-нибудь резреннѣе той роли, которую играли эти жалкіе преобразователи съ ихъ «Колоколомъ», съ ихъ революціонными прокламаціями», — тогда все это было совершенно понятно: нужно было извѣщать факты, чтобы бить Герцена и стоя, и лежа.

Но г. «профессоръ» могъ бы отнестись къ этому вопросу съ большей, хотя бы минимальной, объективностью (не говорю уже о научности), пользоваться прямыми источниками, избѣгая вторыхъ рукъ, и понять, что во временной программѣ Мѣрославскаго нѣтъ ровно ничего о самомъ Герценѣ, точно такъ же, какъ нѣтъ и сочиненной Катковымъ фразы: «Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ „для вашей и нашей свободы“», а была другая фраза, гораздо вѣрнѣе переданная Бергомъ: «Такой радикализмъ въ тѣхъ мѣстахъ весьма полезенъ, какъ для русскаго, такъ и для польскаго дѣла». Вдумавшись, вообще, глубже въ такой важный вопросъ, г. Корниловъ не написалъ бы, что Прудонъ вѣрно понялъ, «что послѣ манифеста 19 февраля Герцену слѣдовало пріостановиться и прежде, чѣмъ продолжать свою публицистическую работу, пристальнѣе взглянуть въ перестраивающуюся заново русскую жизнь»... «Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть, что послѣ 1861 г. Герценъ начинаетъ шататься, двигаться ошупью и мало-по-малу терять почву подъ ногами»... Не сказалъ бы тогда онъ, что «Герцену недоставало въ это время всего больше сознательнаго, вдумчиваго и основаннаго на твердомъ знаніи фактовъ отношенія къ родной русской дѣйствительности» (стр. 163)... Эти выводы только и можно сдѣлать по такимъ «источникамъ», которыми пользовался Корниловъ, опустивъ серьезную литературу и не давъ себѣ труда хоть немного самостоятельно поработать надъ совершенно незнакомымъ вопросомъ, которому давно пора дать истинное освѣщеніе.

Нѣкоторый намекъ на пережитую Герценомъ коллизію даль Н. В. Жуковскій въ рукописи, хранящейся въ Кружкѣ имени Герцена.

«„Колоколь“ сталъ прямо, откровенно на сторону поляковъ. Герценъ не вѣрилъ въ возможность распространенія революціи на Россію, но считалъ нравственною обязанностью всякаго русскаго, «любящаго русскую свободу», стать на сторону Польши, хоть бы надо для этого «порвать» не только съ правительствомъ, но и съ народомъ. Революціонный польскій персоналъ того времени, появившійся въ Лондонѣ, не могъ подавать надежды на успѣхъ....

Все это Герценъ ясно видѣлъ; видѣлъ онъ ясно, что и поступательное движеніе русской революціонной мысли, пропаганды, дѣятельности будетъ задержано. Задавивъ Польшу, правительство станетъ давить Россію. Герценъ видѣлъ ясно, зналъ и говорилъ мнѣ, что «Колоколь», пропадетъ, что вся «либеральствующая» Россія отъ него отвернется... видѣлъ все это и разумно, безъ увлеченія, жертвуя *своимъ* русскимъ дѣломъ, защитилъ Польшу: «Resurrexit!»¹⁾. Слава ей.

«Огаревъ, занятый почти исключительно крестьяниномъ и его общиной, раскольникомъ и его тупоголовымъ словоприемъ, Огаревъ ждалъ всего отъ мужика и отъ раскольника, въ толкованіяхъ котораго усматривалъ что-то анти-царское, коммунистическое. Никто, ни одинъ изъ позднѣйшихъ, такъ называемыхъ, народниковъ такъ сердечно, съ такой трогательной поэзіей не относился къ русскому народу, мужику, какъ Огаревъ. Ни у кого изъ новыхъ мужиколобовъ не навертывалась та горячая слеза, которая блистала въ добрыхъ, умныхъ, выразительныхъ глазахъ Николая Платоновича, при одной только мысли о возможности освобожденія русскаго общиннаго міра...

«Что нужно народу? Земля и Воля! Вотъ весь его девизъ, вся революціонная формула нашей (тогдашней) эпохи. Въ польское возстаніе онъ не вѣрилъ и думалъ, что русскіе офицеры и не-офицеры, въ немъ участвующіе, должны внести въ него духъ мученичества, духъ требованія земли; должны перенести знамя «Земли и Воли» на русскую территорію.

«Герценъ не вѣрилъ всей этой по истинѣ благородной поэзіи, но не противорѣчилъ ни на воззванія къ расколу, ни на попытки перенести революцію на русскую почву. Къ расколу относился онъ, какъ и слѣдуетъ сыну Вольтера—отрицательно, а мужика русскаго не считалъ достаточно взрослымъ для того, чтобъ онъ могъ принять знамя революціи отъ людей, защищавшихъ «поганнаго католика-ляха». Но повторяю, Герценъ не только не противорѣчилъ всѣмъ этимъ замысламъ,—онъ давалъ Огареву *carte blanche*, а полякамъ помогалъ всячески.

«Бакунинъ находилъ въ Герценѣ мало «страсти» (помните его любимое слово). Ему казалось, что нечего обдумывать. Валяй! Пиши, бунтуй! Въ Литву, расколъ! бунтъ! и пошелъ, и пошелъ. Программы—никакой. Связей съ «Народной Волей» (?) никакихъ. Поляки ему не вѣрили, онъ не вѣрилъ полякамъ. Мужика зналъ онъ мало, а раскольника въ глаза не видывалъ. Несмотря на все это, онъ пошелъ въ возстаніе съ вѣчной мыслью умереть самсоновой смертью; пошелъ смѣло, со страстью. Такова была его натура. Революціонеръ-разрушитель по преимуществу, равнодушный къ тому, кто и какъ будетъ расхлебывать революціонную сумятицу, онъ, не разбирая ни дѣлъ, ни положеній; ни людей,

¹⁾ Воскресла.

пошелъ разрушать и, къ великому несчастью, застрѣлъ въ Швеціи. Тамъ у него разыгралась фантазія необыкновенная: финны, финдмены, симпатіи шведовъ къ русскимъ революціонерамъ (угадай!!), Лондонъ не годится... онъ еще устроитъ въ Стокгольмѣ — и типографію и перевозку... Онъ, замѣтьте, самъ устроитъ, онъ!..

«Въ то время въ Лондонѣ былъ представителемъ Жонда Цверцякевичъ, человѣкъ немудрящій, а въ Парижѣ старикъ Орденга. Сыну Герцена дано было полномочіе сноситься съ ними отъ «Земли и Воли»; полномочіе это далъ ему Провансовъ, делегатъ отъ «Земли и Воли». (Провансовъ, — читай Слѣпцовъ, но не тотъ, который писалъ въ «Современникѣ»). Герценъ-сынъ, былъ въ Парижѣ, былъ и въ Швеціи. Бакунинъ пишетъ по этому поводу письмо къ человѣку, котораго въ глаза не видалъ, и выкладываетъ передъ нимъ всю подноготную и всѣ свои скандинавскія фантазіи».

Въ условіяхъ, создавшихъ позицію Герцена въ польскомъ вопросѣ 1862—63 гг., надо различать нѣсколько моментовъ и обстоятельствъ и быть достаточно жизненнымъ аналитикомъ, чтобы, дѣйствительно, понять крайнюю ихъ сложность и безвысость.

Герценъ имѣлъ основаніе предполагать, что красные склонны принять социалистическую революцію, какъ слѣдствіе революціи политической, тѣмъ болѣе, что официальные варшавскіе делегаты въ 1862 г. увѣрили его въ этомъ безусловно.

Они же признали справедливость федерализаціи славянства съ Россіей на основѣ самоопредѣленія народностей.

Такимъ образомъ, мягко выражаясь, Герценъ былъ введенъ ими сознательно въ заблужденіе, и очень понятно, что, помогая вслѣдъ затѣмъ революціи политической, онъ вѣрилъ въ ея служебную роль для самаго дорогого — революціи социальной.

Во-вторыхъ, когда вплотную сталъ вопросъ объ его руководительствѣ онъ не былъ твердо увѣренъ въ томъ, что и самими юлякамъ до громового удара возстанія, не было вполне ясно, а именно, что красные, будучи противниками бѣлыхъ въ тактикѣ возстанія и его раздѣлахъ и углубленіи, были, однако, настроены также антисоциально, потому что (и это третье условіе, которое важно имѣть въ виду) въ Польшѣ все движеніе было дѣломъ рукъ однихъ достаточныхъ классовъ; что различинцы не дали тогда сколько-нибудь достаточнаго числа революціонныхъ дѣятелей, и что (если бы они и были налицо, то имъ не на кого было опереться, потому что крестьянство, по существу, не рѣшалось поддерживать панство, а самостоятельной линіи не имѣло, да, по крайней неразвитости, и не могло имѣть.

Если русская февральская революція 1917 г., только много мѣсяцевъ спустя, обнаружила еще разъ справедливость старой крыловской басни о лебедѣ, ракѣ и щукѣ и показала всю невозможность социальную республику силами по-

литического конгломерата конституціоналистовъ и кабинетныхъ социалистовъ, то какъ же неясно должно было быть противорѣчие политическихъ лозунговъ польскаго движенія социальнымъ лозунгамъ лондонскаго эмигранта.

Все это и еще многое другое, особенно статьи и письма 1864—69 гг., надо имѣть въ виду, тщательно взвѣсить, основательно изучить громадный матеріалъ литературы возстанія 1861—63 гг. и только тогда рѣшаться читать Герцену наставленіи о томъ, чего ему не слѣдовало дѣлать, чтобы не «погубить» своего вліянія.

Далѣе, въ самостоятельности Польши (границы ея мало занимали его, разъ искренно былъ положенъ въ основу принципъ самоопредѣленія) Герценъ видѣлъ политическій выигрышъ Россіи (о чемъ онъ говорилъ до того и много, и ясно), а въ поддержаніи борющагося за свою самобытность народа, безотносительно къ результатамъ борьбы, сознавалъ свой прямой гражданскій долгъ.

Вотъ здѣсь-то и была вся глубина коллизіи. Когда Герцену стало ясно все, сказанное выше,—а это было не ранѣ февраля 1863 г.,—было уже поздно, выбора все равно не было и не могло быть: нельзя было поддерживать наше правительство ни въ какомъ случаѣ, ни даже въ позднѣйшей его «соціалистической» земельной реформѣ въ Ц. Польскомъ, дѣлавшейся исключительно по тактическимъ соображеніямъ отстаиванія, во что бы то ни стало, все того же гнетущаго самодержавія.

Въ затхломя мракѣ реакціи, начавшейся въ Россіи съ весны 1862 г., живой, свободолюбивый Герценъ не могъ выбирать: все его существо, вся его вѣра, все заставляло его быть съ современной Польшей, значитъ—иногда противъ исторической Россіи. Онъ ясно видѣлъ, куда заведетъ его *наипрѣнное* игнорированіе всей той азбуки, которую ему стали преподавать десять-двадцать лѣтъ послѣ польскаго возстанія, но для него, какимъ онъ былъ, иного выхода не было. Это же ясно выразилъ и Бакунинъ въ приведенномъ выше письмѣ своемъ отъ 1 августа 1863 г. Да и кому теперь въ Россіи непонятно, что суть не въ кабинетныхъ рецептахъ и критикахъ позднѣйшихъ теоретиковъ политики, а въ живомъ положеніи среди вулканизировавшей лавы жизни. Доктринеры приходятъ всегда позже, но замѣчательно, что завтра они сами впадаютъ въ совершенно неожиданныя ошибки, роковыя послѣдствія которыхъ приходится расхлебывать уже не имъ.

По совершенно вѣрному замѣчанію Иванова-Разумника, «подъ непосильной для либеральныхъ плечъ тяжестью польскаго вопроса окончательно сломился русскій либерализмъ шестидесятихъ годовъ; откровеннѣйшая «либеральная реакція» (Катковъ) нашла здѣсь уже твердую точку опоры. Мало того, многіе изъ демократическаго лагеря не могли переварить «антипатріотической» позиціи «Колокола» въ этомъ вопросѣ, и Герценъ здѣсь остался почти одинокъ передъ лицомъ всего русскаго обществен-

наго мнѣнія. ...Польскій вопросъ 1863 г. оцѣнивался россійскими либералами (и не одними либералами) точъ въ точъ такъ же, какъ теперь, въ 1917, оцѣнивается тѣми же кругами украинскій вопросъ. Прочтите во всѣхъ «либ-ральныхъ» газетахъ дышащія злобой, призывающія къ насилію статьи о современномъ украинскомъ самоопредѣленіи,—и вы поймете ту злобу, съ которой россійскіе либераль-реакціонеры говорили о «свободной Польшѣ», какъ объ опасномъ врагѣ русской «государственной идеи». Ибо извѣстно, что идеей этой можно оправдать всякое насиліе, всякое подавленіе свободы. «Россія разваливается!»—раздались тогда такіе же, какъ теперь, озлобленно-перепуганные либеральные (и не только либеральные) вопли; и тогда, какъ теперь, раздались призывы изъ твердой государственной власти для спасенія разваливающейся Россіи и покоренія подъ ножи ея всякаго внѣшняго и внутренняго врага и супостата.. И мы съ гордостью должны вспомнить, что Герценъ не поддался этой вакханаліи «государственнаго націонализма», что твердо и рѣшительно сталъ онъ за свободу «самоопредѣленія національностей», говоря словами сегодняшняго дня.. Духу государственнаго націонализма Герценъ не покорился, и это было причиной потери «Колоколомъ» вліянія въ русскомъ обществѣ той эпохи. Что выше: идея отечества или идея справедливости?—спрашивалъ себя, спрашивалъ своихъ читателей Герценъ по поводу польскаго вопроса. Отвѣтъ былъ ясенъ и для него, и для читателей, но отвѣты эти были взаимно-противоположны, ибо большинство «либеральныхъ» читателей «Колокола» твердо стояло на точкѣ зрѣнія государственно-національной, не менѣе твердо, чѣмъ Герценъ стоялъ на точкѣ соціально-этической. Мира между этими точками зрѣнія быть не можетъ; онѣ непримиримы, ибо несоизмѣримы, ибо говорятъ на разныхъ языкахъ» (Ивановъ-Разумникъ, «Годъ революціи», 111—112).

Въ очень содержательныхъ воспоминаніяхъ О. Еленскаго находимъ знаменательныя строки: «Мнѣ скажутъ: если бы не возстаніе, симпатіи русскихъ къ полякамъ не только не измѣнились бы, но, напротивъ, росли,—но эта ссылка будетъ невѣрна. Симпатіи русскаго общества къ полякамъ были именно на почвѣ революціоннаго движенія за освобожденіе. Если бы не было возстанія, русское общество знало бы о полякахъ только, какъ о хорошихъ мазуристахъ, и больше бы ими не интересовались. Тѣ симпатіи, которыя проявлялись съ 1861 года, создалъ Герценъ, онъ ихъ и поддерживалъ, и по мѣрѣ того, какъ росло вліяніе Герцена, росли и симпатіи. Но вліяніе Герцена было непродолжительно, его умѣли парализовать, и тогда достаточно было, чтобы правительство поманило всѣхъ этихъ праздныхъ либераловъ на доходныя мѣста въ Польшу, Литву и Юго-Западный край, вмѣсто выгнанныхъ и сосланныхъ поляковъ, чтобы симпатіи эти не только замолкли, но обратились въ гоненіе. Прежніе quasi-друзья обратились въ самыхъ безцеремонныхъ и откровенныхъ-

враговъ» («Рус. Старина» 1906, X, 237). Эти строки знаменательны, какъ показатель значенія Герцена, съ одной стороны, и неустоявшагося пониманія обществомъ польскаго вопроса—съ другой.

Лѣтописецъ польской революціонной дѣятельности О. Авейда такъ отзывается о Герценѣ: «Упомяну о русской литературной эмиграціонной пропагандѣ Герцена, человекѣ неслыханной плодовитости, энергіи и дѣятельности на литературномъ полѣ, и о полемикѣ партіи Герцена съ нашей эмигрантской прессой. Не стану перечислять сочиненій Герцена,—всѣ они важны для пропаганды, но важнѣе всѣхъ «Колоколь» («Записки о польскомъ возстаніи 1863 г.», ч. I, 252).

Польскій писатель Strusia говоритъ: «Вслѣдствіе того, что взгляды редакціи «Колокола» на польскія дѣла были гуманны, Герценъ, это прежнее божество всей Россіи, потерялъ популярность между своими и долженъ былъ умолкнуть, ожидая, пока свѣтъ не побѣдитъ «духа тьмы», но дождался смерти, а не того, чтобы его соотечественники, бія себя въ грудь, говорили: «*mea culpa*» («Szkice z powstania 1863 roku» стр. 33).

Украинскій писатель г. Ефремовъ считаетъ статьи Герцена, характеризующія его отношеніе къ украинскому вопросу, «одной изъ лучшихъ страницъ въ русской литературѣ; онѣ могутъ служить примѣромъ, какъ должно ставить и разрѣшать національный вопросъ въ литературѣ господствующей націи» («Рада» 1912, № 72).

Вотъ голоса и мнѣнія людей, мыслящихъ не катковско-павловско-аксаковскими шаблонами и понимающихъ глубокія причины слѣдствій, непонятыхъ Корниловыми, проф. Ивановыми, Драгомановыми, Левиными и пр.

2217. Выводъ изъ владѣнія.

Конфискація—дѣло не новое и тутъ мудрено отличиться даже Муравьеву. Когда убійство возводится въ добродѣтель, а казнь противника — въ любовь къ отечеству, чему же дивиться, что право собственности такъ же улетучивается, какъ право на жизнь. Конфискація относится къ грабежу такъ, какъ оптовая торговля—къ мелкой и доказываетъ только, что правительства, въ сущности, никогда серьезно не принимали за право право собственности. Что оно очень условно и вовсе не состоитъ въ правѣ *d'user et d'abuser* ¹⁾, въ этомъ, конечно, не мы будемъ спорить; но конфискація гнуснѣе всякой экспроприаціи тѣмъ, что она заключаетъ въ себѣ *не мѣру*, вызванную необходимостью, безличную, а наказаніе, месть. Тутъ вся безконечная разница рекрутскаго набора вообще и рекрутскаго набора по выбору полиціи.

¹⁾ Использовать и злоупотреблять.

какъ это было въ Варшавѣ. Одно—просто несчастіе, другое—несчастіе и обида.

Новое въ споліаціи ¹⁾ польскаго дворянства состоитъ не въ отобраніи ихъ имѣній подъ безсмысленными предлогами ²⁾, не въ *выводѣ ихъ изъ владѣнія*, а въ *вводѣ во владѣніе ихъ и муществомъ крестьянъ*.

Планъ правительства очевиденъ: оно хочетъ, *per fas et nefas* ³⁾, вытѣснить изъ Западнаго края польское населеніе и привязать къ Россіи населеніе православное, русинское узами болѣе крѣпкими, чѣмъ статьи М. П. Погодина и филологическія изслѣдованія великороссійскихъ патріотовъ.

Рѣшиться на азіатскую мѣру всеобщаго изгнанія, насильственнаго переселенія нехватило духу; это было бы свирѣпо, несправедливо, но сильно. Низкое средство обвиненій частныхъ, основанныхъ на д носсахъ, т.-е. растлѣній крестьянъ, показалось ему пріятнѣе. Не надобно думать, чтобъ петербургское правительство, вообще, церемонилось употреблять такія *радикальныя* средства; считая себя, по восточному понятію, собственникомъ земли и населенія, оно никогда не останавливалось ни передъ чѣмъ и, не стѣняясь, брало мѣры, которыя берутъ хозяева со стадами. Въ Псковѣ голодъ, въ Тобольскѣ хлѣбъ уродился хорошо; Николай приказываетъ гуртомъ столько-то тысячъ семействъ гнать изъ Пскова въ Тобольскъ. Въ западныхъ провинціяхъ задача была мудренѣе. Въ Псковской губерніи дѣло шло о мужикахъ... батальонъ солдатъ, нѣсколько казаковъ въ должности пастушескихъ собакъ, возъ розогъ, и—«съ богомъ въ дальнюю дорогу» ⁴⁾. Въ западныхъ провинціяхъ—дворяне, шляхта, ксендзы, горожане, и все это не молча страдаетъ отъ голода, а громко требуетъ воли и отчизны. Ограбить ихъ просто какъ-то неловко: тутъ и дворянская грамота и грамота, которую они знаютъ, гласность, шумъ. Что же дѣлать?... А духи-то подземные шепчутъ, какъ въ «Фаустѣ»: «Отдай неправое стяжаніе крестьянамъ, отдай землю крестьянамъ, ты видишь, и начальный комитетъ польскій и наши *заграничныя* рефюжье и рефюжье, оставшіеся въ границахъ, только и бредятъ о томъ, чтобъ землю отдать крестьянамъ... Отдай самы!»

И вотъ Гретхень-Муравьевъ спрашиваетъ ihr Fläschchen (mit Tinte), Nachbarin ⁵⁾ и пишетъ:

¹⁾ Spoliation—ограбленіе.

²⁾ «Кельнская Газета», напр., рассказываетъ о конфискаціи имѣнія, принадлежащаго фамиліи Комаръ, за то, что изъ ихъ фамиліи какой-то молодой человекъ 16 лѣтъ былъ взятъ въ числѣ повстанцевъ. А. И. Г.

³⁾ Правдой и неправдой.

⁴⁾ Изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» Пушкина.

⁵⁾ Сцена въ «Соборѣ» съ злымъ духомъ кончается крикомъ падающей въ обморокъ Гретхень: «Ihr Fläschchen, Nachbarin!»—«Вашу бутылочку, со-сѣдка!»; подразумевается: «съ водой». Герценъ въ скобкахъ пишетъ «mit Tinte», т.-е. «съ чернилами».

«Во время настоящаго мятежа, въ числѣ лицъ разныхъ сословій, принявшихъ участіе въ ономъ, находится значительное число мелкой шляхты, а также и однодворцевъ, имѣющихъ притязаніе на свое нѣкогда шляхетское происхожденіе. Лица эти, состоя большею частію поселенными на землѣхъ, принадлежащихъ обществамъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, оставляютъ свои жилища и хозяйство и присоединяются къ мятежникамъ или, оставаясь на мѣстѣ своего жительства, сдѣл ствуютъ мятежническимъ шайкамъ, снабжая оныя различными припасами, скрывая отъ военныхъ командъ ихъ мѣстопробываніе и давая въ своихъ жилищахъ пристанище злоумышленникамъ. Почитая справедливымъ лишить такіа лица права пользованія тѣми выгодами и удобствами, какія предоставляются вѣрному своему долгу и присягѣ крестьянскому сословию, среди котораго они поселены, я предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы земельные участки съ усадьбами, на которыхъ водворены однодворцы, шляхта и другіе разnochинцы, были немедленно отобраны отъ тѣхъ лицъ, которые присоединились къ мятежнымъ шайкамъ или оказываютъ содѣйствіе онымъ, и таковыя участки вмѣстѣ съ находящимся на оныхъ хозяйствомъ передать въ распоряженіе казенныхъ или временно-обязанныхъ крестьянскихъ обществъ, въ составѣ которыхъ оныя находятся, съ тѣмъ: 1) чтобы общества предоставляли свои участки въ пользованіе крестьянамъ огородникамъ и бобылямъ или кутникамъ, которые не имѣютъ полевыхъ надѣловъ; 2) чтобы участки эти отдаваемы были обществами тѣмъ изъ крестьянъ, которые отличаются порядочною жизнію и преимущественно оказавшимъ особая услуги по содѣйствію своему къ преслѣдованію и уничтоженію мятежн ковъ, и 3) чтобы вводить во владѣніе этими участками былъ производимъ не иначе, какъ по мірскому приговору. Затѣмъ прошу ваше превосходительство приказать прочесть во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ, на полномъ сходѣ, настоящее мое предписаніе, объявить, что, будучи увѣренъ въ преданности этихъ обществъ государю и правительству, я поручаю ихъ заботливости, чтобы они не допускали со стороны крамольной шляхты вѣроломныхъ поступковъ и удерживали какъ шляхту и однодворцевъ, такъ и прочихъ разночинцевъ и дворовую челядь, живущую на землѣ, принадлежащей обществу, а также официалистовъ¹⁾ и помѣщичью прислугу отъ участія въ мятежѣ и содѣйствія оному; всѣхъ же, кто окажется виновнымъ или будетъ заподозрѣнъ въ сношеніи съ мятежниками, задерживали безъ различія званія и состоянія и передавали ближайшимъ военнымъ командамъ, и, если бы по какому-либо случаю, нашелся между крестьянами такой, который, измѣнивъ вѣрноподданническому долгу, отлучился съ мѣста жительства для присоединенія къ шайкамъ мятежниковъ или былъ уличенъ въ

1) Oficialista—приказчикъ и, вообще, всякій, находящійся въ услуженіи.

«содѣйствіи онымъ, то съ участкомъ и хозяйствомъ такого крестьянина общество обязано поступить по приведенному выше указанію» (11/23 іюня 1863)¹⁾.

Попавъ на эту похвальную дорогу, Муравьевъ и пошелъ, и пошелъ. «Эту землю ты на аренду взялъ?... настолько - то лѣтъ, есть условіе, платишь какъ надобно? Хорошо, а гимнъ пѣлъ? Вотъ тебѣ твое условіе, вотъ тебѣ твоя аренда! А вы чего зѣваете?— въ надѣль его аренду!».

Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить наивность, достойную просвѣщенныхъ временъ и политической экономіи персидскаго Кира и библейскаго Нимрода. Признаніе права собственности *наградой за порядочное поведеніе*, царской милостью—что скажете? Кого люблю, того дарю!

Далеко шель Гракхъ Бабефъ, но Западомъ и администраціей ни онъ, ни конвентъ 1794 года, ни коммунисты не могли подняться до того, до чего, естественно, дошелъ нашъ татарскій Гракхъ²⁾; вотъ что значить черпать премудрость изъ прямыхъ источниковъ Востока.

..Если правительство въ самомъ дѣлѣ распространить эти спартаковскія мѣры во всей Россіи и найдетъ такихъ рьяныхъ исполнителей, то, пожалуй, людямъ, проповѣдывавшимъ права крестьянъ на землю и землю государственной почвой, никому, собственно, не принадлежащей, придется тоже строчить адресъ Александру Николаевичу и благодарить его за то, что онъ державными руками (хотя и надѣвъ Муравьева рукицы) изволилъ взять на себя все скорбное, насильственное, противное будущаго *земскаго переворота*.

2218. Письмо изъ Гейдельберга.

Мы получили длинное письмо изъ Гейдельберга отъ 6 августа; авторъ не прочь, чтобъ мы напечатали его безъ имени, но съ нашимъ отвѣтомъ. Мы не печатаемъ ни имени, ни письма, ни отвѣта.

Мы еще разъ просимъ всѣхъ господъ, недовольныхъ нами, посылать статьи въ другіе русскіе журналы, особенно когда въ

¹⁾ Мы взяли этотъ образчикъ, какъ одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ, хотя и сознаемъ, что муравьевскіе приказы, предложенія, распоряженія по этой части слѣдовало бы перепечатать подъ заглавіемъ *Энциклопедіи Столиціи*⁰⁾; это—образцовый кодексъ отобранія собственности у цѣлаго сословія по мелочи. Если будущій Пугачевъ предпочтетъ такія воровскія и нечистыя средства *откровенному объясненію*, то ему стоитъ только муравьевскія распоряженія перевести на свой языкъ, и ни одинъ русскій помѣщикъ не ускользнетъ и ни одинъ больше рубашки да, развѣ, трубки съ собой не унесетъ. А. И. Г.

²⁾ Т.-е. Муравьевъ.

⁰⁾ Рукководство къ грабежу.

нихъ, какъ въ гейдельбергскомъ посланіи, все такъ согласно съ постановленіями императорской цензуры. Мы не намѣрены изъ редакціи «Колокола» дѣлать фехтовальную залу, въ которую каждый, знакомый и незнакомый, можетъ ходить пробовать свою рапиру съ пуговкой и искусство своей руки.

2219. Въ общій фондъ.

Отъ бывшей институтки 50 фр., отъ старообрядца безповощинца 10 руб. сер. (№ 37).

2220. (Изъ дневника).

16 августа 1863.

Кара! Кара! Мысль эта не идетъ у меня изъ головы. Les châtimens ¹⁾ въ прозѣ жизни — *последствія*, повторяю, а не наказанія. Посылки имѣютъ право на силлогизмъ. Теперь идетъ силлогизмъ. Что же было въ посылкахъ?

Жизнь вырабатываетъ себѣ au fur et à mesure ²⁾ форму, die Art und Weise ³⁾, обрядъ; частное и личное отрицаніе ихъ ведетъ къ столкновеніямъ, въ которыхъ лицо гибнетъ, потому что матеріальная сила большинства противъ него. Вотъ отчего отрицать легко въ теоріи и ужасно трудно на практикѣ. Частной жизнью не много сдѣлаешь, ее нельзя выдавать за норму. Теорію съ практикой въ дѣлѣ отрицанія примиряетъ революція. Въ ней отрицаніе не личное, не исключительное, не на выборъ, не уклоненіе, а открытое противодѣйствіе старому и водвореніе новаго. Старая добродѣтель объявляется пороками, нелѣпостью и пр. Все это невозможно для отдѣльнаго лица и для домашняго употребленія и всего невозможнѣе, когда оно идетъ отъ эстетическихъ цѣлей.

2221. Письмо къ дочерямъ и М. Мейзенбургъ..

17 августа 1863.

Elmfield House, Teddington, S. W.

Программа наша остается та же неизмѣнно, милая Тата и кара ⁴⁾ Ольга, — итакъ, извольте собираться во Флоренцію. Мальв. писала о загородныхъ домикахъ въ родѣ того, гдѣ жилъ Маіо; возьмите что-нибудь такое. Арно хорошо, но улица возлѣ будетъ скучна; я знакомыхъ боюсь попрежнему. Итакъ, скоро, скоро услышите вы, какъ я буду бранить кофей, и я скоро увижу, какъ кто выросъ; надѣюсь, что ты, Тата, не вздумала

¹⁾ Наказанія, кары.

²⁾ Постепенно.

³⁾ Образъ дѣйствій, методъ.

⁴⁾ Сага—дорогая.

перестать расти оттого, что была въ Римѣ. Вы не говорите никому, когда я приѣду. Если вы не получили моего послѣдняго письма, то повторяю, что 20 сентяб., если ничего не помѣшаетъ, я буду во Флоренціи. Въ Неаполь на этотъ разъ не поѣду и 400 фр. вамъ на дорогу ассигную. Если нѣтъ денегъ, пишите какъ можно скорѣе, чтобъ мнѣ васъ не ждять.

18.—Твое письмо изъ Капри отъ 12-го сейчасъ получилъ; стало-быть, письма ходятъ шесть дней, и ты это получишь 24. Если ты, въ самомъ дѣлѣ, находила работу, то можешь нѣсколько дней больше пробыть, но къ 20 приѣзжайте во Флоренцію (Пизу или Геную, пожалуй, въ Миланъ). Когда я поѣду *seconde fois* ¹⁾, тогда въ Неаполь.

Если Жеорж. ²⁾ начинаетъ чувствовать *Heimweh* ³⁾, не отослать ли вамъ ее съ англичанами? мнѣ кажется, она вамъ большая обуза.

Новра ⁴⁾ подаль на меня просьбу за твой хлыстикъ, помнишь? каково? А, вѣдь, меня заставятъ заплатить 5 ф. *Justizia* ⁵⁾ in Palazzo ⁶⁾.

4 сентяб. Лизино рожденъе. Я увѣрилъ ее, что отъ Ольги и отъ тебя будетъ сюрпризъ, который и отправлю изъ Ричмонда по parcel ⁷⁾.

Вся банда: Стансфильдъ, Ашерстъ, Уильямъ, Джемсъ, Джо...st въ Италиі.

Я предложилъ, было, писать рукой Лизы тебѣ, милая Ольга, но она не хочетъ, а говорить: «дай орѣхъ съ миндалемъ», что значитъ миндаль съ сахаромъ. У насъ лѣто было удивительное, — второй день немного сѣроватый. Жду тебя видѣть загорѣлую, какъ негръ, и съ бутончиками, какъ *Mlle Oswald* ⁸⁾. Жду похвалы тебѣ отъ Мали ⁹⁾ и отъ Таты немножко.

Какъ же ты, Ольга, хотѣла устроиться? гдѣ жить:

въ Женевѣ

или

въ Аахенѣ

или

Эксъ-ла-Шапелль ¹⁰⁾,

въ Италиі или въ Швейцаріи?

Прощай.

Цѣлую васъ обѣихъ.

¹⁾ Во второй разъ.

²⁾ Жеоржина, горничная.

³⁾ Тоска по родинѣ.

⁴⁾ Ювелиръ и антикваръ.

⁵⁾ Чай, по-вашему Z? А. И. Г.

⁶⁾ Первое слово означаетъ «правосудіе» и изображается: «*Justitia*» — по-латински и «*Giustizia*» — по-итальянски; на разницу въ правописаніи и указываетъ Герценъ. In palazzo — во дворцѣ.

⁷⁾ Общество посыльныхъ.

⁸⁾ Учительница живописи.

⁹⁾ Мальвида Мейзенбургъ.

¹⁰⁾ Французское названіе Аахена.

Мужъ Софіи Львовны¹⁾ (сестры Левицкаго) умеръ.

NB!! Отвѣтъ сейчасъ.

Въ письмахъ комильфоты пишутъ ко всѣмъ поклоны и любезности!!

18 Aug.

Ich kann also meinen Brief mit a rivederci anfangen. Sie müssen mich als ein recht altes Monstrum erwarten—ich grow älter und älter—was auch gar nicht eine neue Erfindung ist. Dass ich mich sehr freue—Sie alle zu sehen, und mich dazu festlich präparire—cela va sans dire. Wie ich schon geschrieben habe, geh'ich über Genf—nach Florenz, *zum 20-ten werde* ich dort sein. Wenn man eine kleine Villa—(wie die Mario) finden könnte oder ein Haus etwas weiter, d. würde vortrefflich sein.—Es wird wieder ein Anfang zum serieußen Leben nach den Turistenferien sein.

Sie fragen, ob wir alle (mit Czerneck.) nach der Schweiz gehen können—ist noch nicht entschieden. Auch die grosse Frage über Krieg und Frieden—nicht..

Adieu! Avez-vous reçu les 1.000 frs. pour le voyage à Florence—si vous manquez—et s'il n'y a plus de temps—empruntez les 400 frs. Je les renverrai de suite²⁾.

2222. Письмо къ М. Мейзенбургъ и дочерямъ.

25 août 1863.

Elmfield House, Teddington, S. W.

Pricadier, Vousafé raisson!

(Souvenir de Müller-Strubing).

Ein Wort—Schort, Sword, чортъ! Und d. Wort haben Sie gesagt—touchez là et c'est bon... c'est bon... bon... bon... (manière Deville et Bocquet).

«Etre le bourreau des bourreaux».

¹⁾ Полѣновой.

²⁾ Итакъ, мнѣ можно начинать письмо словами «a rivederci»^{o)}. Вы должны ждать меня, какъ старое чучело. Я становлюсь все старше и старше, да это, вѣдь, и не новое открытіе. Само собой разумѣется, что я очень радъ васъ всѣхъ увидѣть, и торжественно готовлюсь къ свиданію. Какъ я уже писалъ, я ѣду черезъ Женеву во Флоренцію, гдѣ буду около 20-го. Если бы нашлась маленькая дачка (какъ Марію) или домикъ подальше, было бы чудесно. Это будетъ началомъ сосредоточенной жизни послѣ туристскихъ каникулъ.

Вы спрашиваете, можемъ ли мы всѣ (съ Чернецкими) поѣхать въ Швейцарію. Это еще не рѣшено. Не рѣшенъ также и великій вопросъ о войнѣ и мирѣ...

До свиданія. Получили ли вы тысячу фр. на путешествіе во Флоренцію? Если у васъ нѣтъ денегъ и поздно,—возьмите 400 фр. займа. Я немедленно вышлю.

^{o)} До свиданія!

Og. et moi nous avons immédiatement apprécié la vérité incontestable dans cela, Brigadier,—vous avez raison, vous devenez inhumaine et misanthrope—c'est l'air de Capri—Tibère l'était aussi. D'après toutes les suppositions vous avez reçu ma lettre d'hier. Tout sera expliqué verbatim—maintenant tenez-vous pour avertie.

Nous partons le 15 (Il y a un M-r russe qui va avec moi jusqu'à la Suisse). Si vous êtes déjà à Florence—c'est parfait—mais je puis venir jusqu'à vous—à condition d'un incognito scrupuleux (*seule exception Miss Reeve*) — vous devez être chez elle—dès le 20 (ou d'après nos lettres).

Lisez-vous encore le russe? ¹⁾

Варв. Тим. отправилась въ среду въ Марсель, а въ субботу поплыла въ Константинополь, т. е. въ нынѣшнюю субботу она будетъ въ гаремѣ Кельси-Паши-Салтана. Знаешь ли ты, что сюда приѣзжалъ къ намъ Гончаровъ, атаманъ некрасовскихъ казаковъ въ Турціи? Оригинальнѣйшій старикъ. Если напомнишь, расскажу. ¹

Затѣмъ прощайте.

Помните приказъ: *никому ни слова о моемъ приѣздѣ*, кромѣ Ривъ. Другимъ скажите, что вы ѣдете, ждете писемъ, что я отложилъ, опоздалъ и т. д.

Чтобы не забыть, я надѣну на себя Жеоржинины башмаки. Пишите къ Nat.,—она огорчается.

◆◆ 1. Приведу здѣсь прежде всего документъ, привезенный Гончаромъ Герцену, и характеризующій расколъ въ самомъ расколѣ. Это—прошеніе группы старообрядцевъ некрасовцевъ, печатаемое съ сохраненіемъ орфографіи.

«Великій Государь

«Мы заграничныя Старообрядцы живущія въ имперіяхъ блистательной порты и австріи, въ прусскомъ королевствѣ и княже-

¹⁾ Бригадиръ, вы правы (воспоминаніе о Мюллерѣ-Стрюбингѣ). Одно слово—Schort—Sword^o)—чортъ! И это слово вы произнесли—дѣло кончено!—и это хорошо... хорошо... хогошо... (въ духѣ Девила и Бока).

«Быть палачомъ палачей».

Мы съ Огаревымъ тотчасъ же оцѣнили непререкаемую истину во всемъ атомъ. Бригадиръ, вы правы: вы становитесь безчеловѣчной и мизантропкой; это—вліяніе воздуха на Капри—Тиберій тоже былъ такимъ ^{oo}).

По всѣмъ вѣроятностямъ, вы получили мое вчерашнее письмо. Все будетъ объяснено устно; наматйте себѣ это на усъ.

Мы уѣзжаемъ 15-го (здѣсь есть русскій, который ѣдетъ со мною вмѣстѣ до Швейцаріи). Если вы уже во Флоренціи, великолѣпно; но я могу приѣхать къ вамъ только подъ условіемъ строжайшаго инкогнито (единственное исключеніе—миссъ Ривъ); у нея вы должны быть уже съ 20-го числа (или по нашимъ письмамъ).

Читаете ли вы еще по-русски?

^o) По-англійски—шпага, мечъ.

^{oo}) Императоръ Тиберій прожилъ на островѣ Капри послѣдніе, самые мрачные годы своей жизни.

ствѣ молдовлахійскомъ, мы имѣнуемся всѣ вообще некрасовцами, ползуемся терпимостию вѣрѣ, въ свободномъ богослуженіи, но какъ мы разновременно ипоразнымъ причинамъ зашедшія изъ Великороссійскаго Государства во означенныя державы мы вообще всѣ имѣемъ въ россиіи свои потомства, отъ коихъ получаемъ радостныя извѣстіи что въ россиіи вѣротерпимость Господствуетъ, Миліоны крестьянъ дѣлаются вольными, военные, какъ то полевые, ивойско донское, получаютъ неслыханныя милости, и великія привелегіи; Поляки начавшія нынѣшнюю войну возвращаются подъ шокровительство Вашего Величества, и получаютъ Высокое прощеніе.

«Поразнымъ политическимъ предмѣтамъ зашедшія въ иныя Государства получаютъ всемилостивѣйшее разрѣшеніе возвращаются къ своимъ имѣніямъ. Мы обдзаны въ мѣсте съ многослѣнными русскими старообрядцами день иночь молить бога за богохранимыхъ нашихъ царей. Хотя и грубыми выраженіями, но глубокою Сердечною любовію возсылаемъ благодареніе Вашему Величеству—Занашу братію старообрядцавъ! Благодаримъ за освобожденіе крестьянъ, пусть молятъ бога зацаря освободителя порабощенныхъ. Благодаримъ бога укрѣпляющаго десницу царей; Вы храбрые русскіе воины благодарите бога, Благодарите ицаря, который облегчилъ вашу службу; храбрость воинственная происходитъ отъ свободы совѣсти—астрогость порождаетъ худые послѣдствіи.

«Просимъ Ваше Величество даровать старообрядцамъ братіямъ нашимъ, то что мы имѣемъ въ выше означенныхъ державяхъ! Мы имѣемъ ферманы султанскія, и указы царскія, насвободное богослуженіе; мы крестные ходы свободно исполняемъ—провождаютъ наши священники умершихъ публично одкладбища, звонъ колокольный у насъ всякое время производится безъ препятственно, такъ равно просимъ и ваше Величество, утвердите закономъ свободу старообрядцавъ; мы пишимъ то чего неосмеляются писать русскія старообрядцы?

«Неоднократно мы т. е. турецкія подьданные: подавали прошеніи чрезъ порту Вашему Величеству, овзятюмъ въ прошедшую войну нашемъ Архіерен, который понынѣ содержитсяъ въ крепостномъ заключеніи, но неполучаемъ нашего удовлетворенія: и нынѣ тоже просимъ: есть ли невозможно Его выпустить, въ турцію, то хотя дать Ему въ россиіи какое ниесть мѣсто къ его пребыванію, дабы онъ увидилъ новыя образованіи иновую жизнь?

«Мы австрійскія подьданныя просимъ освободить нашего бѣлокрыницкаго Архимандрита Геронтія ¹⁾, коего мы инеодобряемъ что онъ решилъ ехать въ россию подъ чужимъ именемъ—просимъ въ мѣнить Ему въ наказаніе тюремное Его содержаніе?

¹⁾ Геронтій Леоновъ, сидѣвшій сначала въ Петропавловской крѣпости, а потомъ, одновременно съ Бакунинымъ, переведенный въ Шлиссельбургъ.

«Ни о чемъ иномъ просимъ точію отерпимости вѣрѣ; освободѣ публичнаго богослуженія, такъ какъ пользуемся мы Воозначенныхъ державахъ, дабудетъ таже свобода, и въ русскомъ Государствѣ?»

«Великій Государь: просимъ мы всѣхъ заграничныхъ старообрядцы: прости и польскій народъ, удиви нанихъ милость свою! даруй имъ отеческое прощеніе, если Христосъ спаситель мира молилъ отца своего зараспинающихъ Его, поревнуй Его щедротамъ, отпусти польскому народу оказанную ими грубость, останови потоки крови. Дауслышитъ богъ молитву всѣхъ народовъ: *Ѡ ѿ: нашъ* иже еси небесѣхъ . . . . . остави намъ долги наша, яко же имы оставляемъ должникомъ нашимъ?»

«Гордилась Россія образованіемъ Петра 1-го, нынѣ возвеличась образованіемъ Александра 2-го, дапрославляется Богъ небесныи всѣми племенами, и всѣми народами. Вашего императорскаго Величества просители: Прусскихъ три человекъ, изъ Австріи два человекъ, молдавскихъ 7 человекъ, измаильскихъ некрасовцовъ 4 человекъ, турецкихъ два. *Ефимъ Гаплевъ* и *Вижулъ Карплевъ*».

Я уже говорилъ о роли Герцена въ старообрядческой пропагандѣ вообще и о томъ, что въ этомъ отношеніи указано въ печати относительно 1862 года. Теперь познакомлю съ 1863 годомъ.

Осенью 1862 г. бѣлокриницкій митрополитъ Кириллъ получилъ письмо отъ кн. П. В. Долгорукова, заканчивавшееся призывомъ: «Вооружимся, ваше преосвященство, противъ общаго, вашего и нашего врага!». Митрополитъ не могъ прочесть письмо, написанное обыкновеннымъ вязнымъ почеркомъ, и поручилъ это своему архидіакону Филарету, а послѣдній рѣшилъ просить князя написать пояснѣе. Вторично Долгоруковъ адресовался прямо къ Филарету, объяснивъ, что по началу его желанія ограничиваются очень немногимъ: полученіемъ свѣдѣній о притѣсненіяхъ, какія терпятъ старообрядцы въ Россіи, для опубликованія ихъ въ его газетѣ. Филаретъ отвѣтилъ весьма уклончиво. Въ началѣ ноября 1862 г. къ тому же Филарету отправилъ письмо и Кельсіевъ съ просьбой всячески содѣйствовать распространенію лондонскихъ изданій по расколу и съ указаніемъ, что одновременно отправляется посылка этихъ изданій. Филаретъ сообщилъ, что посылка не дошла. За отсутствіемъ Кельсіева, въѣхавшаго въ Турцію, отвѣчалъ, уже въ началѣ 1863 г., Огаревъ, поддержавъ просьбу своего сотрудника. Филаретъ отправилъ Герцену описаніе недавней своей поѣздки въ Россію вмѣстѣ съ митр. Кирилломъ, въ которой «обнародовалъ незаконныя дѣянія нѣкоторыхъ лицъ изъ своего старообрядческаго общества». Вскорѣ оказалось, что посылка была задержана полиціей и Филарету дали ясно понять, что о его сношеніяхъ съ Лондономъ извѣстно. Филаретъ извѣстилъ, чтобы ему больше ничего не посылали.

Когда была получена филаретовская корреспонденція, въ Лондонъ явился О. С. Гончаръ. «Онъ, конечно, сейчасъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и объяснилъ Герцену, что письмо печатать не годится по такимъ-то и такимъ причинамъ. Герценъ принужденъ былъ покориться доводамъ некрасовскаго политика и, оберегая интересы старообрядства, призналъ за лучшее письма не печатать». Получили указанное письмо Филарета и очень удивились. «Полагали, что дѣло стоитъ разъясненія и что во всякомъ случаѣ выпускать Филарета изъ своихъ рукъ не слѣдуетъ; рѣшили отправить къ нему для личныхъ объясненій съ надлежащими инструкціями одного изъ эмиссаровъ». Дальше идетъ описаніе, какъ таинственно пріѣхалъ къ Филарету нѣкто, назвавшійся Б—нымъ, агентомъ Герцена. Помимо просьбы о содѣйствіи по распространенію «Колокола» и другихъ лондонскихъ изданій, посланецъ вручилъ Филарету книжку литографированныхъ билетовъ съ печатью «Земля и Воля» для сбора пожертвованій. Филаретъ былъ очень удивленъ.

Одновременно съ этимъ Кельсіевъ вошелъ въ сношенія съ Чайковскимъ (Садыкъ-паша) и Гончаромъ. Между прочимъ, онъ рѣшилъ предложить бѣлокриницкую кафедру православному архіерею—архимандриту Кириллу, епископу мелитопольскому. 21 октября 1863 г. Кельсіевъ отправилъ ему въ Іерусалимъ пространное письмо съ предложеніемъ, вмѣсто явки въ Петербургъ, куда вызвали епископа, принять постъ во главѣ старообрядцевъ. Приведу нѣсколько цитатъ.

«Въ русской и особенно въ казацкой и старообрядской народной жизни хранится столько началъ и зачатковъ, ждущихъ дѣятеля, что на основаніи ихъ можно создать новую самобытную цивилизацію съ юридическимъ и экономическимъ бытомъ, далеко не уступающимъ западному. На этомъ основаніи партія Герцена, которой я здѣсь представителемъ, дѣлаетъ все возможное для сближенія со старообрядцами и, если находитъ препятствіе къ этому, то только въ ихъ непривычкѣ къ политической дѣятельности и въ неразвитости, въ политическомъ смыслѣ, ихъ предводителей; несмотря на то, старанія наши далеко не могутъ назваться безуспѣшными... «Противъ васъ будетъ синодъ и офиціальныя органы русскаго правительства; за васъ будетъ все вольное, живое, молодое, начиная съ «Колокола» и всей заграничной прессы, которая будетъ къ вашимъ услугамъ. За васъ будутъ всѣ политическія тайныя общества въ Россіи... «Замыселъ мой я держу въ глубочайшей тайнѣ, особенно отъ русскихъ, чтобы какъ-нибудь не затруднить его осуществленіе болтовней или чтобы, въ случаѣ вашего отказа, не повредить вамъ. Изъ русскихъ я напишу объ этомъ только къ Огареву въ Лондонъ, такъ какъ Герценъ теперь въ отлучкѣ и всѣми лондонскими дѣлами управляетъ Огаревъ, его товарищъ по «Колоколу» и издатель «Общаго Вѣща»,—но и то подожду вашего отвѣта» («Правосл. Собесѣд-

никъ» 1867, 1). Кирилль, конечно, игнорировалъ письмо, вернулся въ Россію и скоро умеръ въ Казани.

Въ началѣ ноября 1863 г. архидіаконъ Филаретъ отправился уполномоченнымъ митрополита Кирилла въ Россію, гдѣ участвовалъ въ составленіи «Архипастырскаго посланія», съ проектомъ котораго вернулся къ Кириллу. 24 февраля 1864 г. Бѣлокриницкій преосвященный подписалъ этотъ документъ, окончательно знаменовавшій глубокой разрывъ съ лондонской пропагандой. Оно напечатано въ Яссахъ въ 1864 г., въ типографіи А. Бермана, по-славянски, подъ заглавіемъ: «Отъ Верховнаго Святителя Бѣлокриницкой митрополіи Архипастырское посланіе. Ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, священнымъ, иночествующимъ и мірскимъ, всякаго званія и возраста, сущимъ въ Богохранимомъ государствѣ Всероссійскомъ». Приведу все мѣсто посланія, направленное по адресу Лондона:

«Къ симъ же завѣщаваю вамъ возлюбленніи: всякое благо-разуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе, и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтесь и бѣгайте, якоже отъ мятежныхъ крамольниковъ поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуда своими писаніи возмущающихъ европейскія державы, и разсѣвающихъ плевельное ученіе, треокаяннаго онаго врага Христова тмократному проклятію подлежащаго, сосуда сатанина всенечестивѣйшаго Волтера, возмутившаго всю вселенную своимъ дѣвольскимъ ученіемъ, иже въ животъ своемъ все тщаніе имѣяше, во еже како бы до конца истребити вѣру во Христа Бога! отврещи законы церковныя и гражданскія! низложить архіерейскія каѳедры, опустошити священныя олтари и превратити царскіе престолы!!! ввести же безначаліе, еже всѣхъ злыхъ послѣднѣйшее, и научити челоувѣки, яко нѣсть Бога, ниже промысла его! но яко міръ сей сабобытень есть и вся яже на немъ по случаю бывають! его же смертоносному ученію послѣдующіи учатъ тому же безбожію, и именуются, и суть вольнодумы; а въ семь имени исполняется и число еже во Апокалипсіи Тайнозрителю откровенное, еже есть число звѣрино: 666, якоже здѣ ясно зрится:

В	о	ль	н	о	д	у	мъ	{	Число							
ѣ,	ѵ,	ѧ,	н̄,	ѵ,	ѧ,	ѵ,	ѧ:		звѣрино							
2	+	70	+	30	+	50	+		70	+	4	+	400	+	40	=

«Имже всѣмъ: изобрѣтателю такового ученія, разсѣвающимъ оное, и приѣмлющимъ е, да возгласится отъ всѣхъ православныхъ христіанъ анаѳема! анаѳема! анаѳема!!!

«Бѣгайте убо онѣхъ треклятыхъ, имже образомъ бѣжитъ челоувѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ, и зміевъ пресмыкающихся: то бо суть предотечи антихристовы, тщащіяся безначаліемъ пред-

уготовити путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяніемъ сихъ псовъ адскихъ представляющихся аки бы состраждущими о челоувѣчествѣ; но вѣруйте яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство въ общую пользу; безъ него же вся превратятся и погибнуть сильнѣйшимъ не мощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюдо зло есть и слянію виновно» (Въ V кн. «Русск. Вѣстника» 1867 г. напечатано неисправно, стр. 328—329).

Авторъ статьи въ III кн. «Русскаго Вѣстника» 1867 г., Д. П. использовалъ очень неисправно часть этого матеріала, именно, какъ направленнаго противъ «партіи Герцена», на что имѣлъ основаніе въ указаніи, сдѣланномъ выше Кельсіевымъ,—развѣ могли ему тогда не вѣрить, не зная хорошенько Кельсіева и его полной самостоятельности въ дѣлѣ церковной литературы.

Г. (Н. Н. Субботинъ)—авторъ статей «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій» («Русскій Вѣст.» 1867, IV, V) былъ нѣсколько болѣе остороженъ и о партіи Герцена и о немъ самомъ говорилъ уже съ болѣею ясностью. Онъ ошибочно утверждаетъ, что Гончаръ «самолично ѣзжалъ въ Лондонъ, живалъ тамъ подолгу, часто посѣщая г. Герцена, который принималъ его съ надлежащимъ почетомъ. Въ этотъ разъ Гончаръ жилъ въ Лондонѣ цѣлыхъ шесть недѣль» (V, 331). Мы уже знаемъ отъ самого Герцена, что Гончаръ былъ въ Лондонѣ только три дня. Дальше у Г. также не мало ошибокъ, и потому весь его рассказъ въ этой части не заслуживаетъ особаго вниманія и ужъ вовсе не касается Герцена, если не считать указанія на его письмо Гончару послѣ того, какъ онъ получилъ «посланіе» Кирилла: «Гончаровъ! Что мы вамъ сдѣлали?—писалъ онъ,—за что клянуть насъ старообрядцы?» (стр. 354). Къ этому нельзя отнести съ полнымъ довѣріемъ.

2223. Письмо къ Н. А. Герценъ и М. Мейзенбугъ.

26 августа (1863).
Elmfield House, Teddington.

Милая Тата, время идетъ и мнѣ уже кажется, что я иногда слышу ваши голоса, вижу твою *сдобную* фигуру и козлиную—Ольги, что ты мнѣ показываешь свои картины, а Ольга—свой языкъ. Я жалѣю, что это не русскій, а натуральный, а Мальвида мечтаетъ о Капри, саркофагахъ и ареопагахъ. Путь рѣшенъ и, если ничего не помѣшаетъ, такъ и пойдетъ. Но главный вопросъ не рѣшенъ—о переѣздѣ съ типографіей—и не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ мною на мѣстѣ. Мы помышляемъ ѣхать не просто отъ скуки (я, вообще, не знаю, что такое скука), а думаемъ, 1-ое, что для васъ на континентѣ гораздо лучше, а 2-ое, при здѣшнихъ цѣнахъ содержать на свой счетъ типографію (ничего

не продается теперь) нельзя или придется ѣсть подошву съ *Machroet Keruyomi* и пить *Орижъ* съ водой. Если-бъ сбылось, что я хочу, то мнѣ хотѣлось бы нанять въ Швейцаріи довольно большой домъ; вы бы туда приѣхали и Natal. съ дѣтьми, пожили бы сначала безъ насъ, потомъ приѣхали бы мы, покончивши все въ Лондонѣ. Нисколько не дѣлая цѣпью домъ въ Швейцаріи, я желалъ бы изъ него сдѣлать средоточіе отдыха, общаго очага, общей встрѣчи.

27 августа.

Тата, письмо получилъ. Если бы вы умѣли никому не говорить, я приѣхалъ бы въ *Неаполь* и вмѣстѣ поѣхали бы во Флоренцію. Квартиру Miss Reeve знаемъ, извѣщу черезъ нее. Напишите сейчасъ, гдѣ и какъ (но только, чтобъ никто не зналъ).

Либѣйшая ¹⁾ Мальвида, ей Богу, виноватъ.. Фершпетоваль, постабгингъ ²⁾ и оттого не пишу ни вамъ, баронесса, ни Ольгѣ.

А Ольгу цѣлую
таузендмаль ³⁾.

Ich kann bis Neapel kommen und dann zusammenn nach Florenz kommen (nür kein Wort, sogar an Georgina)—ich gehe d. 15 ab, werde schreiben nach 3 Tagen ⁴⁾.

2224. Точка поворота.

«Господинъ издатель,

«Общество русскихъ въ Италіи поручило мнѣ прибѣгнуть къ посредству вашего журнала, чтобы протестовать противу ложно патріотическихъ чувствъ, заявляемыхъ официально Россіей по поводу польскаго возстанія.

«Самъ я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вновь выказать мое живѣйшее сочувствіе благороднымъ дѣятелямъ польской независимости и заявить вамъ лично совершенное уваженіе и преданность.
Л. Мечниковъ».

Флоренція, 8 августа 1863. ¹⁾

Мы съ искренной радостью передаемъ нашимъ читателямъ *первое слово проснувшейся* русской совѣсти. Подписавшіе этотъ

¹⁾ Шуточно образованная на русской ладъ превосходная степень изъ нѣмецкаго прилагательнаго *liebe*—милая.

²⁾ Опоздалъ, почта ушла.

³⁾ Тысячу разъ.

⁴⁾ Я могу доѣхать до Неаполя, затѣмъ вмѣстѣ съ вами до Флоренціи (только никому ни слова, даже Жержинѣ). Выѣзжаю 15-го, напишу черезъ 3 дня.

актъ (намъ извѣстны имена) не ждали нашего «Протеста», чтобы исполниться негодованіемъ и порвать всякую солидарность съ куртизанами Муравьева.

◆ 1. Привожу данныя III Отдѣленія, изложенныя въ голицынской десятой главѣ «Исторіи соціально-революц. движенія въ Россіи» (Спб., 1887 г.): «Мечниковъ, Левъ Ильичъ, поступилъ въ 1850-мъ году въ училище правовѣдѣнія, которое оставилъ черезъ два года, по болѣзни; затѣмъ онъ отправился въ Харьковъ и окончилъ воспитаніе въ тамошнемъ университетѣ. Позднѣе уѣхалъ съ матерью за границу, въ Италію, гдѣ сблизился съ Гарибальди, былъ его адъютантомъ и участвовалъ въ войнѣ за объединеніе Италіи. По окончаніи войны поѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ завелъ близкія сношенія съ Герценомъ, Бакунинымъ, Нечаевымъ и друг. Въ 1868 г. онъ проживалъ въ Женевѣ, гдѣ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Элпидинымъ, по печатанію на русскомъ языкѣ разныхъ пасквилей и изданію листковъ революціоннаго направленія: «Подпольное Слово», «Современность» и «L'Actualité». Въ концѣ того же года онъ ѣздилъ въ Мадридъ съ поздравленіемъ испанской юнты отъ «Молодой Россіи» и затѣмъ переѣхалъ въ Барселону, откуда послалъ корреспонденціи въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Въ 1871 году ему было разрѣшено прибыть въ Россію, съ отдачей его на поруки брату Ивану Мечникову, бывшему въ то время старшимъ предсѣдателемъ кievской соединенной палаты. Въ 1872-мъ году онъ опять былъ въ Швейцаріи, гдѣ вращался среди русскихъ студентовъ, и одно время читалъ тамъ лекціи. Въ 1873-мъ году, онъ читалъ въ Женевѣ публичныя лекціи о соціальныхъ наукахъ. Въ 1874 году былъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ кавказцемъ Николадзе и другими анархистами».

2225. Въ этапѣ.

Насъ лягаютъ. По слабости и формѣ копытъ не трудно догадаться, что за звѣри торопятся не отстать отъ жандармскихъ одношерстныхъ лошадей и отъ водовозныхъ патріотическихъ клячь, откровенно убѣжденныхъ, что міръ перестанетъ ѣсть овесъ и утратить всѣ добродѣтели конюшни, если снять отечественную дугу. Ихъ усердіе, предприимчивость и безцеремонность ясно доказываютъ, что мы въ немилости не только у Злмняго дворца, но и у большинства читающей Россіи.

Мы привыкли къ опалѣ, мы всегда были въ меньшинствѣ, иначе мы и не были бы въ Лондонѣ, но до сихъ поръ насъ гнала власть, теперь къ ней присоединился хоръ.

Союзъ противъ насъ полицейскихъ съ доктринерами, филозападовъ съ славянофилами—своего рода отрицательное признаніе

нашего «нравственнаго гражданства» въ Россіи. За настоящимъ квартальнымъ и поддѣльнымъ зипуномъ поплелось отъ насъ все слабое, шаткое, ни то, ни се; нищіе духомъ, разслабленные тѣломъ, приживалки литературныхъ круговъ, Лазари, питающіеся крупницами съ доктринерскаго стола, перешли на другую сторону и туда перенесли оптической обманъ своего существованія. Они представляютъ ложную силу; думаешь, будто это мышцы, а на дѣлѣ опухоль; во время борьбы это оласно, а потому они ходошо сдѣлали, что ушли. Мы признаемся откровенно, что рѣшитель но не боимся ни оставаться въ меньшинствѣ, ни даже совсѣмъ въ пустой комнатѣ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ мы были въ такомъ же положеніи передъ европейской реакціей, мы не уступили ей ни на йоту и только, высказавши всю свою мысль, отошли въ сторону, сохраняя сознаніе, что *правда* съ нашей стороны ¹⁾.

Въ настоящемъ случаѣ мы не отойдемъ и не замолчимъ: въ русскомъ дѣлѣ намъ недостаточно сознанія своей правоты, мы хотимъ участія въ немъ. Оно развивается уродливо, безумно, преступно, *но идетъ своимъ чередомъ*.

Западный мѣръ былъ намъ чужой не потому, что онъ за Таурогеномъ и Вержболовымъ, а по другому. Мы не признаемъ ни генеральнаго, ни спеціальнаго межеванія въ общечеловѣческихъ дѣлахъ; у насъ, какъ у Ноздрева, по эту сторону границы и по ту—все наше. Люди имѣютъ полное право мѣшаться во все и особенно въ то, что дѣлается около нихъ. Философію собакъ, которую недавно намъ проповѣдывалъ одинъ великорусскій журналистъ, мы отвергаемъ, какъ отвергаемъ пошлую non-intervention ²⁾ дипломатовъ; можетъ, съ борзой или гончей точки зрѣнія не слѣдуетъ приставать «чужой собакѣ, когда свои дерутся», но съ антропологической не такъ, и Донъ Кихотъ, мѣшающійся не въ свои дѣла, въ тысячу разъ больше человѣкъ, чѣмъ какой-нибудь лавочникъ, которому ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ до чужихъ денегъ. Королева Елизавета, вызвавшая своего посла изъ Франціи послѣ вареоломеевской ночи, и пивовары Берклея и Перкинса, выдравшіе усъ Гайнау ³⁾, безъ сомнѣнія, играли лучшую роль, чѣмъ министры королевы Викторіи, которые пьютъ портеръ Берклея съ Брунновымъ въ то время, какъ гнусный царскій сатрапъ изводитъ поляковъ. Называя Европу чужой, мы еовсе не думали о разноплеменности,—разноплеменность снята единствомъ образованія.

Чужимъ западный мѣръ былъ для насъ (и для многихъ своихъ) такъ, какъ ветхозавѣтная Іудея была *чужой* для хри-

¹⁾ «Съ того берега». А. И. I.

²⁾ Невмѣшательство.

³⁾ Австрійскій фельдмаршалъ; проявилъ невѣроятную жестокость при подавленіи итальянской и венгерской революцій, что и послужило причиной враждебной демонстраціи со стороны рабочихъ пивовареннаго завода Barclay and Perkins во время посѣщенія его Гайнау.

стіанъ. Давно сложившійся юдаическій міръ, успокоенный въ своемъ консерватизмѣ, осѣлся въ своихъ предѣлахъ и привыкъ къ нимъ; безъ тоски по лучшему, безъ угрызенія совѣсти, онъ свелъ жизнь на обрядъ, на ритуаль, выработалъ форму для всѣхъ мелочей и для всѣхъ подробностей. Такой міръ былъ *чуждъ* протесту жизни, задыхавшейся въ немъ, и подавлялъ силой стремленіе вырваться изъ коченѣющей среды. Точно такъ и западный міръ своимъ *на-заремъ* противопоставляетъ законченный организмъ установившихся отношеній, не допускающихъ сомнѣній въ своихъ основахъ. Захватывая человѣка съ самаго рожденія въ свою сложно сплетенную паутину, онъ увлекаетъ его съ безпощадностью рока, не позволяя ему ни одного движенія *не по формѣ*, ни одного вопроса, ни одного сомнѣнія далѣе извѣстныхъ границъ, уродуя его мысль лжеаксіомами, суживая его горизонтъ заборами, отнимая у него всякій досугъ и сталкивая его въ омутъ мелочей, называемый по преимуществу *практической* сферой.

Выбьется западный человѣкъ или нѣтъ на волю, мы не знаемъ,— процессъ длится и далеко не конченъ. Во всякомъ случаѣ задача его трудна; нитки крѣпки, узлы спутаны, и все не только взошло въ тѣло, но вросло въ него.

Мы вовсе не въ этомъ положеніи; окончательнаго склада наша жизнь не приняла. Въ ея шаткости, въ ея противорѣчіяхъ бездна дурного, но не объ этомъ рѣчь. Рѣчь о томъ, что мы не вступили въ *консервативную эпоху* нашего существованія, что у насъ консерватизмъ—или полицейское сопротивленіе, или доктринерское подражаніе Западу, въ обоихъ случаяхъ не вызванная необходимостью помѣха.

Бытовое существованіе народа едва теперь приходитъ къ сознанію и слову; полное силъ и указаній, самобытности и способностей, оно бѣдно развитіемъ. Другая жизнь, больше обозначенная, представляетъ у насъ западную цивилизацію, переложенную на наши нравы. Народному характеру русскому не всѣ стороны западной жизни соотвѣтствуютъ, это онъ доказалъ страдательнымъ *pop possumus*¹⁾ внизу и путаницей понятій наверху.

Въ западной жизни выработались нравственныя понятія, совершенно независимыя отъ всякаго географическаго опредѣленія; это—рядъ истинъ, которыя, однажды будучи открытыми, принадлежатъ всѣмъ, становятся вѣчнымъ достояніемъ, присущимъ извѣстному развитію, т.-е. извѣстному возрасту мозга. Но быть Западу не на нихъ основанъ, онъ *своимъ бытомъ до нихъ дошелъ*, и онѣ оказались въ явномъ противорѣчій съ нимъ.

По мѣрѣ усвоенія ихъ, начинается рядъ столкновеній съ ними преданій, привычекъ, сословныхъ интересовъ и монополій,—разрѣшающихся рядомъ сочетаній, уступокъ, компромиссовъ. Эти компромиссы, по большей части постепенно сложившіеся съ случай-

1) «Не можемъ»—формула отказа папы на требованія свѣтской власти.

ными перевѣсами и искаженіями той или другой стороны, по большей части едва прикрываютъ страшныя противорѣчія существующаго и логики, и едва держатся на матеріальныхъ выгодахъ и на неразвитости массъ. И ихъ-то хотѣло сначала правительство втѣснить намъ подъ предлогомъ порядка и образованія, а теперь втѣсняютъ умники подъ предлогомъ, что западный государственный и общественный бытъ—единая спасающая церковь цивилизаціи.

Они не забываются даже о томъ, что, если и у насъ должны быть компромиссы, то они должны итти отъ *другого быта* и отъ другихъ столкновеній.

Неопредѣленность и беспорядокъ русской жизни, доводящій ее до безобразныхъ крайностей и противорѣчій, до безпокойнаго отыскиванія началъ и бессмысленнаго хватанія за все на свѣтѣ—съ одной стороны; элементарная прочность, выносливость народнаго быта, безучастность его къ экспериментальнымъ реформамъ и улучшеніямъ—съ другой, доказываютъ ясно, что жизнь наша не приняла окончательнаго склада, не натолкнулась на формы, ей соотвѣтствующія, не развила ихъ изъ своего быта, не можетъ найтись въ чужихъ домахъ, не можетъ осѣсться и живетъ на кочевьи.

Первый разъ, когда на своей закраинѣ встрѣтились двѣ жизни, двѣ Россіи, первый разъ, когда вопросъ, ихъ занимавшій, разрѣшился не кнутомъ, онъ разрѣшился *не по-западному*. По-западному даже *поставить* этого вопроса нельзя. Съ того дня, въ который правительство косвенно признало право крестьянъ на землю, въ который литература принялась обсуживать, съ землей или безъ земли слѣдуетъ освободить крестьянъ, и, если съ землей, то какъ ея владѣть, общинно или лично,—начался первый серьезный компромиссъ между русскимъ народнымъ бытомъ и идеаломъ западной цивилизаціи. Вотъ почему молчавшій вѣка крестьянинъ заговорилъ, и заговорилъ дѣло.

Теперь послѣ этого перваго, можетъ, самаго труднаго шага, теперь намъ надобна ширь сличеній, воля мысли, открытыя во всѣ стороны заставы, пуше всего—снятыя стропа а, отброшенныя модели, которыхъ оригиналы оказались негодными на Западѣ. И теперь, въ это самое время нашлись «измѣнники», проповѣдующіе западно-восточный консерватизмъ петербургскихъ балагановъ.

То, чего не сдѣлала цивилизующая имперія, собираются сдѣлать доктринующіе цивилизаторы.

Веревки, которыми насъ опутало правительство, легко поврвать; это—дѣло мышцъ, *а не совѣсти*, какъ на Западѣ. Литературные Муравьевы хотятъ затянуть петли, да еще увѣрить насъ, что все это для нашего блага; они хотятъ не только подавить властью, но и развратить убѣжденіемъ. Они теперь, въ эпоху, въ которую намъ надобно разбить нашъ планъ, поставить вѣхи, хотятъ сузить нашу мысль, стыдятъ ее варварской необуздан-

ностью, ея неустановившейся многосторонностью, хотятъ привить намъ консервативное старчество Европы и прививаютъ только ея застарѣлыя болѣзни; а то, что восполняетъ тупую покорность закону, оторопѣлую неразвязность мысли въ Англии, то, что восполняетъ въ романской Европѣ ея давно утраченную молодость, то, что сгладилось отъ долгаго тренія,—это они не могутъ захватить; ни таможня, ни цензура не пропускаютъ, да врядь и хотятъ ли. Они сами легко умѣютъ обходиться безъ свободныхъ учрежденій, безъ свободы книгопечатанія и поздравляютъ себя съ побѣдой надъ *революціей* 1862 года въ Петербургѣ, о которой никто изъ насъ не слыхалъ.

Эту лишнюю скучную страницу нашего учебника надобно выдрать. Довольно муштровали насъ въ петровскую эпоху, и нѣтъ необходимости, уничтожая тѣлесныя наказанія, вводить духовныя.

Мы, съ своей стороны, насколько есть силъ (много ли ихъ, все равно,—подають же воинственные адреса деревеньки въ два дома и киргизскія кибитки) будемъ мѣшать мандаринамъ-паукамъ заплетать насъ въ эту паутину, будемъ противодействовать этому второму и ненужному вторженію нѣмцевъ. А что они насъ будутъ осаживать задомъ жандармскихъ лошадей, при одобрительномъ ржаніи и братской помощи ихъ единоутробныхъ подражателей, это насъ не остановитъ. Жаль только, что они передъ ляганьемъ не обтирають копыть,—грязи ужъ очень много; à la guerre comme à la guerre ¹⁾.

20 августа 1863.

POST SCRIPTUM.

Нельзя дальше итти, не бросивъ взгляда на путь, пройденный отъ послѣдняго этапа.

Пока мы плелись, прокладывая скромную дорогу нашему русскому станку, шли и событія и дошли до какого-то поворота; тѣни явнымъ образомъ прокладываются въ другую сторону.

Десять лѣтъ тому назадъ Россія молчала, и передъ нами стоялъ одинъ врагъ—правительство. Оно не имѣло защитниковъ въ литературѣ и яростныхъ партизановъ въ обществѣ. Литература молчала объ немъ, общество боялось его. Литература, за исключеніемъ всѣми презираемыхъ органовъ полиціи, была оппозиціонная. Общество же было оппозиціонно-равнодушное и сонное, оно не имѣло мнѣнія, оно *жуировало* подъ кровомъ самодержавія.

Потомъ общество раздѣлилось; одна часть возненавидѣла правительство за освобожденіе крестьянъ, другая полюбила за него. Вся литература стала въ этомъ вопросѣ за правительство,

¹⁾ Французская поговорка: «на войнѣ, какъ на войнѣ»; смсль: дѣйствуй соотвѣтственно обстановкѣ.

а съ легкой руки этого вопроса, стала за него и въ нѣкоторыхъ другихъ. Литераторы въ первый разъ увидѣли возможность и удовольствіе оставаться при всѣхъ выгодахъ либерализма безъ всѣхъ невыгодъ оппозиціи. Такимъ образомъ исподволь началась система *надеждъ и упованій* со стороны литературы и система *хорошаго понемножку (постепенности съ хроническимъ задержаніемъ прогресса)* со стороны правительства. Россія жила въ какомъ-то оптическомъ обманѣ: правительство ничего не уступало, литература и доля общества были увѣрены, что они берутъ все. Правительство даже тѣ мелочи, которыя допускало, не узаконивало и могло всегда взять назадъ. Литература, имѣя анонимную гласность и временно-смягченную цензуру, вообразила себѣ, что мы наканунѣ радикальнаго переворота, что конституція дописывается или уже переписывается, что свобода книгопечатанія *est garantie* ¹⁾, что недостаетъ нѣкоторыхъ формальностей, а главное дѣло сдѣлано. Увѣровавшіе журналы приняли тотчасъ чрезвычайно европейскій характеръ—нѣсколько консервативный, но далеко непрочъ отъ прогресса; они заговорили о политическихъ партіяхъ, объ оппозиціонныхъ листахъ, о демократическихъ, федеральныхъ, социальныхъ, забывая, что у насъ много полиціи и мало правъ, что цензура въ *самомъ дѣлѣ*, а судъ *только по формѣ*, и облегчая, такимъ образомъ, значительно работу Третьяго отдѣленія.

Журналистика и правительство въ этотъ медовый мѣсяцъ казеннаго либерализма были въ отношеніяхъ деликатнѣйшей учтивости. Журналы показывали величайшее довѣріе къ реформирующему начальству, правительство толковало о горести, что оно не можетъ такъ скоро улучшить и исправить всѣ учрежденія, какъ ему хочется, толковало о своей любви къ гласности и ненависти къ откупу.

Они были похожи на двухъ благородныхъ людей, спорившихъ другъ съ другомъ въ вѣжливости,—одинъ, требуя долгъ, говорилъ, что онъ вполне чувствуетъ, какъ должнику его пріятно заплатить; другой отсрочивалъ, увѣряя, что онъ дѣлаетъ жертву, отдаляя наслажденіе уплаты.

Это надоѣло, и не безъ причины, особенно правительству. Въ какую щель ни пропусти свѣтъ, онъ освѣтитъ что-нибудь нескромное; въ какой искаженной формѣ ни давай волю слову, она доведетъ до дѣла. Правительство хмурилось, ждало какихъ-нибудь безпорядковъ, чтобъ имѣть предлогъ. Безпорядковъ не было; пришлось взять мѣры рѣшительныя. Выдумали матрикулы и Путьтина, набили биткомъ Петропавловскую крѣпость студентами, набили самихъ студентовъ на Тверской площади въ Москвѣ, но дѣло не удалось. Возникавшее общественное мнѣніе не было въ пользу драгонадъ; журналистика, еще державшаяся въ границахъ

¹⁾ Обезпечена.

стыда, не заявила ни любви къ матрикуламъ, ни нѣжности къ Путятину, ни одобренія къ уличнымъ сраженіямъ съ безоружными; барышни не хотѣли танцовать съ преображенскими побѣдителями. Драгонады не удались; правительство, чтобъ скрыть ошибку, вытолкнуло Путятину и Игнатьева. *Революція* въ Петербургѣ («Московскія Вѣдомости») продолжалась, терроръ продолжался, правительство не знало, что выдумать, какія новыя матрикулы... По счастью, пожаръ выручилъ. Не даромъ народъ русскій любитъ поджогъ.

Москва въ 1812 г. пожаромъ освободила страну отъ иноплеменнаго ига, Петербургъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ тѣмъ же средствомъ освободилъ императорскую власть отъ ига либерализма и многихъ публицистовъ—отъ насилія притворяться благородными людьми.

Революція, терроръ были побѣждены. Туча, нависнувшая надъ головами, прошла; плита, лежавшая на груди, превратилась въ Станислава 1-й степени... Испуганное общественное мнѣніе жалось къ правительству, журналистика была за него. Въ это время показываются первые опыты доносовъ въ печати, первыхъ требованія *энергическихъ* мѣръ, т.-е. казней. Правительство, видя это настроеніе, воспользовалось имъ.

Что сказалъ бы нашъ незабвенный Чичиковъ, если-бъ онъ увидѣлъ, какъ на развалинахъ мнимыхъ баррикадъ и на пеплѣ Толкучаго рынка Головиннѣхъ и Валуевъ учредили открытые рынки, на которыхъ покупались «Мертвыя души» *литературнаго міра*? Ремонтеры были посланы въ Москву, гдѣ ни одной живой души не было послѣ смерти Грановскаго и, слѣдовательно, мертвыхъ тѣма тьмущая.

Вскорѣ въ нашей журналистикѣ нельзя было никого узнать.

Все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ¹⁾.

Какъ перемѣнились наши публицисты... такъ ли, какъ образа *мѣняются*, или по убѣжденію, знаетъ о томъ Н. Ф. Павловъ, а не мы. Мы знаемъ одно: никогда нельзя было думать прежде, чтобъ Щукинъ дворъ былъ такъ близокъ къ ихъ душѣ; только при утратѣ его можно было оцѣнить, какъ онъ глубоко вросъ въ сердце «Нашега Времени», «Моск. Вѣдомостей» и другихъ «Пчель» и «Записокъ».

Съ поджоговъ, лишенныхъ поджигателей, начинается циническая близость полиціи и печати, *открытая связь* правительства съ журналистикой. Государь рука объ руку съ Катковымъ на балу московскаго дворянства напоминаетъ прогулку Нерона съ Пивагоромъ по улицамъ Рима.

Сконфуженное общество не знало, куда повернуться; пожары его настрашали, но ихъ не было; правительство дымляло

¹⁾ Начало фривольнаго двустишія, долгое время приписываемаго Пушкину.

отъ всякаго объясненія по этому дѣлу и начинало пробовать смертныя казни, каторгу за статьи... Снова, было, начался ропоть, но тутъ, на счастье правительства, возстала Польша. Дворянство, отшарахнувшееся отъ престола за освобожденіе крестьянъ, страстно ринулось къ нему при первой вѣсти о порабощеніи Польши и заявило готовность принять въ немъ участіе.

И вотъ передъ нами, вмѣсто одного Николая, трое враговъ: правительство, журналистика и дворянство, — Государь, Катковъ и Собакевичъ.

2226. Изъ заведенія А. А. Краевского.

...«Таково (каково было поведеніе французскихъ эмигрантовъ первой революціи) свойство всѣхъ выходцевъ, неумѣющихъ дѣйствовать въ трудныя минуты отечества, котораго они не знаютъ и не любятъ, а принимающихъ на себя разныя красивыя позы агитаторовъ *издали, съ того берега...*

«Съ нашими эмигрантами та же исторія. Именно въ то время, когда Россія приготовлялась къ обновленію и наиболѣе нуждалась въ людяхъ талантливыхъ, честныхъ, дѣльныхъ и знающихъ; когда готовилась уже крестьянская реформа, поднимавшая народный духъ и оживившая весь организмъ государства; когда мы напрягали всѣ силы, чтобъ вступить на путь новой гражданской жизни, — эти господа почли за благо *распродать* свои имѣнія съ своими *крѣпостными*, собрать деньги и уѣхать изъ родной земли, чтобы тамъ, на другомъ берегу, спокойно наслаждаться зрѣлищемъ болѣзней, переносимыхъ обновляющейся Россіей, и утѣшать себя тѣмъ, что вотъ они, эмигранты, такъ высоко поставлены натурою и такъ великодушны, что не могутъ перенести русскихъ порядковъ, предоставляя намъ, чернорабочимъ, трудиться на самомъ дѣлѣ; они же будутъ только издали писать намъ наставленія, похваливать изрѣдка за прилежаніе или пускать въ насъ каламбурами, если что не по нимъ сдѣлается... Гаже этой роли трудно что-нибудь придумать!..» («Голосъ» № 195).

Если-бъ ученый авторъ этихъ достопримѣчательныхъ строкъ ¹⁾ спросилъ у своего принципала, онъ увидаль бы, что очень легко не только придумать, но вспомнить роли гораздо гаже. Андрей Александровичъ Краевскій, занимаясь двадцать пять лѣтъ пристанодержательствомъ въ русской литературѣ, много видѣлъ и много помнить.

Дѣйствительно, судьба этого замѣчательнаго содержателя литературныхъ притоновъ сама по себѣ очень интересна и можетъ служить примѣромъ несправедливости и безапелляціонности

¹⁾ Фельетонъ анонимный.

нашего суда. Краевскій состоитъ четверть столѣтїя въ подозрѣнїи *грамотности и образа мыслей*, обнаруженнаго въ рядѣ статей, писанныхъ другими, но подшитыхъ листъ къ листу имъ самимъ. Напрасно люди, принимавшіе участіе въ немъ, оправдывали его, говорили, что грамота грамотѣ рознь, что есть три грамоты: одна читаетъ, одна пишетъ, одна счеты сводитъ, и что Краевскій только дошелъ до первой и отличился въ послѣдней. Мало ли, говорили они, примѣровъ у насъ: читать человѣкъ читаетъ, а писать не пишетъ, другой не пишетъ и не читаетъ, а на счетахъ пощелкиваетъ, словно орѣхи грызетъ. Но противники Краевского и тутъ нашлись; они говорятъ, это не доказываетъ, что у него нѣтъ образа мыслей: онъ не писалъ, но онъ диктовалъ,—одному Бѣлинскому томовъ десять продиктовалъ, а Бѣлинскій-то, сами знаете, что такое за человѣкъ. Такъ и остался Краевскій въ подозрѣнїи имѣнія образа мыслей. Двадцать пять лѣтъ—не шутка; кабы мнѣніе его было безпорочное, можно было бы его представить къ пряжкѣ, вмѣсто которой онъ исходатайствовалъ бы у Головнина денежное вознагражденіе. Это, впрочемъ,—одно предположеніе. Безпорочнаго образа мыслей у насъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ, онъ не называется *образомъ мыслей*.

Открывая свои притоны приходящимъ, Краевскій не могъ отвѣчать за нравственность и умъ посѣтителей. Радикалы и полицейскіе, натуралисты и богословы,—кто не завертывалъ въ горькую минуту къ нему. Дѣло Краевского было торговое, теткинское, онъ искалъ сбить цѣну товара, покупалъ иногда гнилой; но прежде у него была сметка, чутье, а съ лѣтами и богатствомъ все это притупилось. Мы ему совѣтуемъ, по старому знакомству, возбудить свою бдительную осторожность: она можетъ съ успѣхомъ замѣнить благородство.

Статья, изъ которой мы выписали нѣсколько строкъ, направлена противъ кн. П. В. Долгорукова, и онъ въ долгу не остался¹⁾, но по дорожъ задѣты и мы.

О правѣ и значенїи эмиграціи, о томъ, полезна или нѣтъ была наша десятилѣтняя дѣятельность, мы съ Краевскимъ и его лаборантами разсуждать не будемъ,—этого дѣла не разрѣшишь въ коммерческомъ судѣ, на это есть инстанціи повыше. Мы возьмемъ предметъ, больше доступный практическому взгляду негодянта, а именно: *продажу имѣнія съ крѣпостными людьми*. Положимъ, честнѣйшій Андрей Александровичъ, что вашъ фельетонщикъ не знаетъ, продавалъ я или нѣтъ *крещеную собственность*, но *вы-то знаете*, что я не продавалъ никогда никакого имѣнія, ник акихъ людей; я смѣло говорю, *что вы это знаете*

1) № «Листка» съ письмомъ государю по поводу статьи «Голоса» Долгоруковъ послалъ Краевскому съ надписью: «Подлецу Краевскому въ знакъ презрѣнїя—князь Петръ Долгоруковъ» (архивъ П. Я. Дашкова, письма Краевского).

Не отговаривайтесь тѣмъ, что я не названъ по имени,—это только *гажес*, говоря языкомъ вашего фельетонщика; за прямое обвиненіе есть отвѣтственность, а въ прозрачномъ намекѣ всегда остается возможность ее отклонить. «Съ того, молъ, берега, это не значить съ вашего; коли есть Цѣпной мостъ, стало, есть и у III Отдѣленія и тотъ и этотъ берегъ».

Итакъ, вы, безсребреннѣйшій Андрей Александровичъ, помѣстили *эту клевету совершенно сознательно*, чтобъ подслужиться Головнину, угодить Валуеву, подладиться Долгорукову, и вы воображаете, что поступили разсчетливо. Гдѣ ваше чутье? Великій... *(дальше цензура не пропустила)*.

2227. Помѣшательство Погодина принимаетъ опасный характеръ.

На-дняхъ еще Михаилъ Петровичъ могъ ходить по волѣ или содержаться подъ легкимъ надзоромъ сродниковъ. Болѣзнь его была кроткая; онъ заговаривался, но безвредно; такъ, напр., онъ объявилъ, что онъ почти знаетъ, что Грейгъ не на Невскомъ кладбищѣ схороненъ, но, все-таки, будетъ говорить, что онъ тамъ схороненъ ¹⁾. Но болѣзнь растетъ такъ быстро, что на него слѣдуетъ надѣть куртку. Судите сами:

«Папскаго нунція принимать намъ не надо, но отъ своихъ отщепенцевъ сугубо и трегубо оборони насъ, Боже! Папскій нунцій, будь онъ самъ Тома Кемпійскій, Франсуа де-Саль, Ласказесь, Лакордеръ, не обратятъ у насъ никого или очень мало, а Печеринъ, повторяю, обратитъ тысячи. Русскій католикъ, чѣмъ онъ выше, чище, умнѣе, лучше, тѣмъ онъ опаснѣе, особенно въ виду русской мягкости, легкости, воспримчивости—и невѣжества! Покажите вы маленькое послабленіе въ этомъ отношеніи, и половина нашего высшаго сословія, особенно дамы, кинутся въ обътія любезныхъ французскихъ аббатовъ! *О, съ какимъ остервененіемъ готовъ я былъ вытѣпиться въ волосы* (извините) какой-то Воронцовой или Бутурлиной, встрѣтивъ ее въ Римѣ съ молитвенникомъ въ рукахъ близъ Piazza di Spagna» («Москов. Вѣд.»).

Каково это великое *извините* въ скобкахъ! ¹

◆◆ 1. Въ это время въ публикѣ ходило рукописное стихотвореніе Бориса Алмазова «Гдѣ тѣ острова?». Приведу касающееся Герцена.

Скажите мнѣ, братцы,
Гдѣ тѣ острова,

¹⁾ См. «Москов. Вѣд.» 1863 г. № 168.

Гдѣ Герценъ слагаетъ
 Стихи въ честь кутьи,
 Въ посты ѣсть безъ масла
 И святцы твердить.

(«Рус. Обзорѣніе» 1894, IV, 854).

2228. Къ муравьевщинѣ.

Въ «Кельнской Газетѣ» отъ 19 авг. перепечатана корреспонденція изъ Риги въ «Ostsee Zeitung»: «Въ дуббельнскихъ водахъ умерла нѣсколько дней тому назадъ дѣвица Сланова, скончавшаяся вслѣдствіе тѣлеснаго наказанія, къ которому ее приговорилъ Муравьевъ за ношеніе траура. Всѣ пляски и нѣмцы, находившіеся здѣсь, присутствовали на ея похоронахъ». Какова кожа насорога у правительства, если это неправда и оно не оправдывается! И каково правительство, если это правда!

2229. Старика Вѣдрина крѣпкое до польскихъ братій словцо ¹⁾.

Братья! Сестрины дѣти! Одной матери дѣти! Не шали! Полно! Вѣдь, впрямь безмозглые, одна кровь въ жилахъ течеть. Забыли, что ли? Ну, побаловали, и шабашъ, надобно честь знать. Люблю васъ, потому и говорю... не любилъ бы, не говорилъ бы; мнѣ что до васъ... велика надобность, пропадите совсѣмъ со свѣта. Анъ нѣтъ, не усидѣлъ покойно въ своей мурьѣ; возьму, молъ, да и скажу имъ слово. Русское сердце не злопамятное, сорветъ злобу и отляжетъ. Михаилъ-то Николаевичъ спуску не даетъ, мы знаемъ этого Ваньку-Каина, тяжель на руку... а васъ, небось, по головкѣ гладить да вяземскими ковригами кормить? Безъ наказанія нельзя, «Домострой» того требуетъ, семья безъ кулака не устоитъ. Богъ любить наказывать. На что жезлъ у пастыря?—чтобы бить. Скипетръ у царя зачѣмъ? тоже палка, чтобы бить. У Ивана Васильевича Грознаго была долбня, у Петра Алексѣевича дубинка съ желѣзнымъ набалдашникомъ,—теперь еще въ кунсткамерѣ хранится. Спинъ православной бывало больно, зато теперь сердцу хорошо. Петрополь вызвалъ изъ блатъ... флотъ, Академію наукъ! Да что толковать, у васъ подъ носомъ торчала германская булава—зачѣмъ? Волосы, что ли, расчесывать? Покойникъ Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, товарищъ по факультету, говаривалъ: «Булава ничего—обиды нѣтъ, булава объ голову стучится, голова объ голову стучится». Померъ не такъ давно и не старый былъ человекъ, смахивалъ на покойнаго Николая Павловича со стороны; честный мужикъ былъ, малую толику семьѣ оставилъ,—на профессорствѣ не разживешься.

¹⁾ Вѣдринъ тряхнулъ стариной и послѣ двадцатипятилѣтняго молчанія хватилъ и свой адресъ,—я, дескать, тоже Валуевъ! А. И. Г.

.., Что, бишь, я говорилъ?—Да, да, помню,—ну, круто наказаль Михаилъ Николаевичъ, что за бѣда!.. Свой, вѣдь, не нѣмецъ, варяго-руссъ, бояринъ, стыда нѣтъ, одной матери дѣти! Да и ужъ что влѣпилъ, того не воротишь. Рабъ жестокой наказаль, царь мягкодушій простить наказаннаго; царь простить,—мужикъ простити! Царевъ умъ—мужиково сердце!

Брось; дѣло говорятъ тебѣ, добра не будетъ! Не слушайся ты у меня этихъ проклятыхъ ксендзовъ, эту вѣроломную шляхту. Что за попъ, коли въ православной церкви не бываетъ, «едина же на потребу»? Что за дворянинъ, коли бѣлому царю не служить? Мятенники, крамольники, *бандиты*, какъ загнулъ имъ деньской Сергѣичъ ¹⁾. Да и ты, шляхта, одумайся, не баламутъ, одумайся, пока есть время, побереги ты руки, ноги свои да и копѣйку-то побереги, пригодится, повѣрь, пригодится. Ты гоноръ-то подь лавку да и строчи батюшкѣ-царю челобитную: такъ, молъ, *и такъ, по молодости лѣтъ, по дурному товариществу и пр. Простить, умъ у него не змѣинный, а сердце голубиное, за всѣхъ болѣетъ, 60 миллионъ—шутка сказать!—А потомъ ужъ заверни къ старику въ первопрестольную; возрадуюсь—что тебѣ Симеонъ-богопримецъ,—къ сердцу прижму, въ губы поцѣлюю, не разъ,—три раза, но-нашему, по-русски, вытирай рыло, сестринъ сынъ, и баста, все забыто, кто старое помянетъ—глазъ вонъ!

Господи, владыко жиеота моего! Полякъ, русскій, ляхъ, хорвать, чехъ, украинець. хохоль, москаль, чубъ—единоутробцы, пальцы одной руки, а лѣзутъ въ потасовку! Разбойники! Братья вы мои родные! ¹

◆◆ 1. Секретная докладная записка полк. Мезенцова отъ 7 ноября 1863 г.:

«Украинофилизмъ, обратившій на себя въ послѣднее время справедливое вниманіе правительства, избралъ своимъ театромъ дѣйствія, кромѣ СПб., нѣсколько пунктовъ въ южной полосѣ Россіи и къ которымъ въ особенности нужно отнести Харьковъ, Подтаву, Киевъ и Черниговъ. Проявленія малороссійской сепаративной пропаганды въ сказанныхъ городахъ по настоящее время высказывались, можно сказать, одними и тѣми же способами, какъ-то: ношеніемъ малор. костюма, исключительнымъ употребленіемъ малор. нарѣчія, манифестаціями по случаю памяти поэта Шевченка и тому подобное. Эти видимые признаки желанія въ нѣкоторой доли общества какого-то обособленія не представляли бы ничего угрожающаго, если бы рядомъ съ ними нѣкоторыя вліятельныя по своему таланту личности, какъ-то Костомаровъ, Кулишъ и его сообщники, не проводили систематически такія начала, утвержденія коихъ влекутъ за собою положитель-

¹⁾ Т.-е. И. С. Аксаковъ, издатель «Дня».

ную политическую сепарацию Малороссіи отъ прочей части Россійской имперіи,

«Дѣйствія кружка журнала «Основа», встрѣчая нѣкоторое сочувствіе въ малор. обществѣ, получаютъ сильную поддержку въ ученомъ и учебномъ вѣдомствѣ, а потому въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи города Харьковъ, Кіевъ и Полтава, первые два, какъ университетскіе центры, а третій, какъ заключающій въ себѣ кадетскій корпусъ, будутъ неминуемо служить имъ плодотворною почвою; Черниговъ въ этомъ отношеніи—городъ второстепенной важности.

«Можно положительно быть увѣреннымъ, что до сихъ поръ малор. областныя стремленія еще не проникли въ народъ, возбужденія чувства антагонизма народныхъ массъ къ великорусскому элементу остаются положительно безуспѣшны; гдѣ такія попытки проглядывали, то немедленно были подавляемы самимъ народомъ, который, преисполненный чувствомъ благодарности къ правительству за дарованную свободу, не принимаетъ еще подстрекательствамъ подозрительныхъ личностей, принимающихъ на себя роль агитаторовъ, чему могутъ служить подтвержденіемъ неудавшіяся попытки послѣдняго времени въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Въ учебныхъ вѣдомствахъ кроется все угрожающее зло, съ различными оттѣнками, смотря по разнымъ мѣстнымъ условіямъ; въ Харьковѣ нѣкоторые профессора, увлекаемые памятью Хмельницкаго и поддерживаемые довольно значительною партією студентовъ, придаютъ своимъ стремленіямъ чистый малор. характеръ, не отвергая свободнаго союза съ сѣверо-восточною Русью. Въ Кіевѣ мечты объ автономіи края, питаемыя нѣкоторыми учеными личностями, измѣняются до нѣкоторой степени польскимъ вліяніемъ, и тамъ замѣтно ослабленіе въ издревле существовавшей ненависти малороссіянъ къ польскому игу, и даже, хотя еще въ весьма малой степени, но есть люди, которые рѣшились бы на свободный союзъ Малороссіи съ возстановленною Польшею, если бы эта послѣдняя могла бы доставить прочныя гарантіи въ неприкосновенности правъ—вѣры, языка и общественнаго строя южно-русской народности,—обстоятельство, подвергаемое сомнѣнію даже самыми рьяными поборниками такого будущаго вида малороссійской автономіи. Полтава, находясь въ центрѣ Малороссіи, имѣетъ въ себѣ нѣчто самобытное, почитается малороссіянами какъ бы ихъ роднымъ городомъ, но такъ какъ условія общественной жизни въ ней ограничены, то въ отношеніи къ развитію обособленія Малороссіи, надо полагать, что ей не предстоитъ широкая будущность; что же касается до Чернигова, то населенный въ большинствѣ евреями, онъ будетъ весьма слабо отзываться на дальнѣйшія попытки украинофиловъ.

«Изъ этого краткаго очерка ясно истекаетъ, что украинофилы находятся подъ вліяніемъ двухъ соприкосновенныхъ къ нимъ

родственныхъ элементовъ; со времени польскаго мятежа малор. передовые люди разошлись на два стана; изъ нихъ большинство, по врожденной исторической ненависти къ полонизму, стали воздержнѣе въ своихъ заявленіяхъ, сохранивъ только сильное упорство къ достиженію любимой мысли молодой Малороссіи: преподаванія въ народныхъ школахъ первоначальнаго обученія на малор. нарѣчіи,—мысль, встрѣчающая сильное и основательное сопротивленіе въ ихъ же собственной средѣ, со стороны болѣе практическихъ ученыхъ людей и притомъ не пользующаяся положительно никакою симпатіею народныхъ массъ, которая, придерживаясь къ правительственному началу, видятъ въ обученіи грамотѣ на общемъ русскомъ языкѣ крайнюю необходимость, почитая при томъ его болѣе возвышеннымъ отъ ихъ простаго нарѣчія; остальное затѣмъ меньшинство, проявляя большее поповзновеніе къ сепаратизму, еще недоумѣваетъ о средствахъ къ его достиженію, кроя въ задней мысли и въ самомъ крайнемъ случаѣ возможность примкнуть къ польскому движенію, которое съ своей стороны, въ отношеніи къ Малороссіи не дремлетъ, а старается употребить всѣ старанія для привлеченія малор. сепаратистовъ на свою сторону; хотя эти старанія не увѣнчались еще успѣхомъ, ибо незамѣтно еще серьезныхъ симптомовъ соединенія, но это обстоятельство надлежитъ имѣть въ виду для его возможнаго отвращенія, въ противномъ случаѣ оно можетъ быть причиною опасныхъ затрудненій; городъ Кіевъ можетъ справедливо почитаться центромъ дѣятельности и исходною точкою личностей второй категоріи, которая, впрочемъ, встрѣчаютъ мало сочувствія въ другихъ малор. центрахъ; наблюдая надъ категоріею умѣренныхъ украинофиловъ, приходишь къ несомнѣнному нравственному убѣжденію, что вліяніе проф. Костомарова и его литературныхъ товарищей по изданію журнала «Основа» весьма сильное, въ особенности въ Харьковѣ и Полтавѣ; все то, что непосредственно или косвенно касалось до изысканія матеріальныхъ средствъ къ распространенію въ народѣ малорос. грамотности, къ нему и отъ него исходитъ; впрочемъ, журналъ «Основа», хотя пользуется между украинофилами большимъ авторитетомъ, но выписывается въ Харьковъ, Полтаву и Кіевъ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Мѣстная администрація въ Харьковѣ, Полтавѣ и Черниговѣ въ большинствѣ своемъ еще не заражена сепаративнымъ духомъ, малор. нарѣчіе въ незамѣтномъ употребленіи между чиновниками малороссами; что же касается до администраціи Ю.-Запад. края, то употребленіе польскаго языка, несмотря на неоднократныя подтвержденія начальства, не прекращается; въ Кіевской губ. большинство чиновниковъ въ присутственныхъ мѣстахъ польскаго происхожденія, наплывъ польскаго элемента совершился въ особенности въ послѣдніе годы; есть примѣры, что правители канцелярій поляки дѣлали выговоры своимъ подчиненнымъ за незнаніе польскаго языка.

«Учебное вѣдомство ежегодно усиливаетъ мѣстныя заведенія количествомъ новыхъ лицъ съ ультра-либеральнымъ и мѣстнымъ областнымъ стремленіемъ; личности, каковы Стронинъ, Глѣбовъ, продолжаютъ быть замѣняемы людьми одинаковыми съ ними убѣжденіями; предпочтительнымъ источникомъ пополненія служатъ два университета—харьковскій и св. Владиміра; ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ надлежащаго прочнаго внутренняго устройства, совѣты университетовъ безъ авторитета; попечителямъ же округовъ однимъ невозможно давать направленіе образованія. Взглядъ попечителя кіевскаго уч. округа очень вѣренъ касательно вопроса малор. пропаганды, но будущее докажетъ, достаточно ли было употреблено упорства въ дѣйствіяхъ для отстаиванія народнаго обученія на русскомъ языкѣ; но подобные Стоянову, Андреевскому и Гатцуку и др. юные педагоги будутъ положительно дѣйствовать въ дѣлѣ народнаго обученія не согласно правительственнымъ видамъ. Въ харьковскомъ университетѣ профессора малороссіяне въ меньшинствѣ, но есть между ними такіе, которые нисколько не стѣсняются гласно заявлять сочувствіе къ отдѣленію Малороссіи; самый даровитый изъ нихъ — адъюнктъ-проф. Потенія. Замкнутость учебныхъ округовъ вредно дѣйствуетъ на ихъ дѣятельность, освѣженіе ихъ переводомъ туда изъ другихъ великороссійскихъ округовъ ученыхъ лицъ или перемѣщеніемъ такихъ оттуда было бы весьма полезно.

«Мировыя учрежденія вообще въ Малороссіи дѣйствуютъ согласно правительству, и мировые посредники въ своемъ большинствѣ соотвѣтствуютъ своимъ должностямъ; что же касается до Ю.-З. края, то проявившаяся необходимость ихъ замѣнить in concreto другими довольно свидѣтельствуетъ о степени ихъ неблагонадежности. Вопросъ обязательнаго выкупа въ Ю.-З. краѣ требуетъ въ своемъ примѣненіи самаго удивительнаго правительственнаго вниманія; кромѣ того, что не удовлетворенныя справедливыя претензіи крестьянъ могутъ вредно дѣйствовать на существующую связь народа съ правительствомъ, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что большинство уставныхъ грамотъ были сдѣланы помѣщиками недобросовѣстно.

«Духовенство, отличаясь въ Малороссіи, такъ и Ю.-З. краѣ Россіи глубокою преданностью правительственному связующему началу, несмотря на довольно низкій уровень своего нравственнаго воспитанія, пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ населенія; обезпеченіе его въ матеріальныхъ нуждахъ было бы важнымъ шагомъ къ его духовному прогрессу и упроченію его вліянія. Въ Ю.-З. краѣ духовенству принадлежитъ честь отстаиванія русской народности; оказавъ отечеству несомнѣнную услугу твердымъ сопротивленіемъ распространяющемуся полонизму вообще, оно на степени нравственнаго развитія стоитъ выше прочаго русскаго православнаго духовенства, что слѣдуетъ отнести вліянію кіевской духовной академіи.

Духовныя начальства въ малор. епархіяхъ неукоснительно дѣйствуютъ въ видахъ единства церкви, а взгляды іерарховъ на малор. стремленіе, перевода на малор. нарѣчіе св. писанія совершенно согласны съ правительственными видами.

«Институція судебныхъ слѣдователей, по общимъ отзывамъ, далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя отъ ней предполагались, судебные слѣдователи въ большинствѣ дѣйствуютъ лицепріятно, произвольно и далеко небезкорыстно. Произволь слѣдуетъ поды въліяніемъ польскаго патріотизма приметъ еще большіе размѣры при будущемъ гласномъ судопроизводствѣ.

«Состояніе умовъ массъ въ Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра вообще довольно успокоительно; обильный урожай нынѣшняго года обезпечиваетъ съ весьма большимъ избыткомъ мѣстное продовольствіе; но необходимо присовокупить, что этотъ край Россіи проходитъ нынѣ весьма трудную эпоху въ своемъ хозяйственно-экономическомъ развитіи; замѣтный упадокъ хлѣбной торговли въ Черномъ морѣ, прекращеніе обязательнаго труда, весьма высокія цѣны на заработную плату, уменьшеніе внутренней суконной производительности, черезъ что шерстяныя дѣла были не совсѣмъ удачны, стѣснительныя правила винокуренія, — всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, при совершенномъ отсутствіи частнаго кредита породили общее безденежье въ имущихъ классахъ населенія и возбуждаютъ сильный ропотъ, какъ неминуемое послѣдствіе небывалаго томленія матеріальныхъ интересовъ.

«Что же касается Ю.-З. края Россіи, то массы населенія, еще вполнѣ преданныя правительству, находятся во внутреннемъ броженіи; надо надѣяться, что польская пропаганда не достигнетъ успѣховъ въ усиліяхъ своихъ привлечь южно-русскую народность на свою сторону; обстоятельство это надлежитъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ малор. движенія и принятіи мѣръ для отвращенія могущихъ послѣдовать отъ того золъ, ибо польская партія въ краѣ старается всѣми средствами увеличить его въ глазахъ правительства, придаетъ ему характеръ исключительно социальный и надѣется разрушить окончателно существующую связь между двумя русскими народностями, чрезъ принятіе правительствомъ энергическихъ репрессивныхъ мѣръ въ подавленіи малороссійскаго движенія» (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1863 г. № 112).

2230. Чистая ложь.

Несмотря на пошлую нелѣпость, напечатанную сначала въ одномъ австрійскомъ журналѣ и перепечатанную въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ и даже въ лондонскомъ «Daily Telegraph'ѣ», я, все же, считаю небезполезнымъ заявить, что я никогда ни въ какой перепискѣ съ императоромъ Александромъ не былъ, что ни онъ и вообще никто у меня никакихъ проектовъ не спрашивалъ и,

слѣдовательно, я не посылалъ. Подобныя новости распространяются русскими агентами съ явной цѣлью поселять недовѣріе къ намъ со стороны польскихъ друзей нашихъ. Съ этой же цѣлью, вѣроятно, были посланы на мое имя *три письма* (два изъ Парижа и одно изъ Варшавы). Автора парижскихъ писемъ *мы, наконецъ, узнали*. Изъ Варшавы ждемъ отвѣта,—кажется, и варшавское письмо изъ той же фабрики; мы не преминемъ сообщить ея фирму. ¹

29 августа 1863.

◆◆ 1. Конечно, рѣчь идетъ о двухъ письмахъ Центрального Правительства, приведенныхъ въ №№ 2170 и 2186.

2231. (Адресоложство).

Адресоложство продолжается; только падая глубже и глубже, оно запуталось въ розгахъ и орудіяхъ пытки. Въ 21Q № «Сѣв. Пчелы», въ *одномъ* №, напечатаны привѣтствія Муравьеву отъ моршанскаго общества, изъ Тамбова, изъ Смоленска, еще изъ Моршанска, изъ Луги, изъ Симбирска, изъ Рязани, изъ Ахтырки и отъ петербургскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія. |

Русскому человѣку не разъ случалось спяну просыпаться въ помойной ямѣ, на этотъ разъ онъ проснется въ кровавой.

Намъ кажется, что Муравьевъ напрасно теряетъ время, — надобно ковать желѣзо, пока горячо. Похерилъ бы онъ теперь Александра, Николаевича да и сѣлъ бы на его мѣсто. Общество, которое публично пьетъ за палача, вполне заслуживаетъ, чтобы бразды правленія надъ нимъ были въ рукахъ *вошателя*.

Что правительство и въ этихъ демонстраціяхъ играетъ роль подстрекателя, это мы знаемъ по сношеніямъ кн. Долгорукова ¹) *съ однимъ публицистомъ, которому было приказано хвалить Муравьева*.

2232. [Общій фондъ].

Въ общемъ фондѣ не только ничего нѣтъ, но дефицитъ растетъ съ необходимостью поддерживать русскихъ, не имѣющихъ возможности возвратиться въ Россію. ¹

◆◆ 1. Такимъ же грустнымъ аккордомъ звучитъ для каждого слѣдующее заявленіе отъ редакціи «La Cloche» въ № 27 отъ 15 сентября:

«Г. Герценъ передалъ въ наше распоряженіе различныя произведенія русской печати въ Лондонѣ, помимо «Колокола». Большая часть этихъ произведеній не была издана на французскомъ языкѣ, и, такъ какъ они содержатъ данныя по русской

¹) Василій Андреевичъ.

исторіи, полныя глубокаго интереса, то мы познакоимъ съ ними нашихъ читателей, переводя въ фельетонахъ газеты «La Cloche» тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отражается какъ можно больше современности. Впрочемъ, «La Cloche» будетъ давать, какъ и давалъ, точное и полное воспроизведеніе нумеровъ «Колокола» по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ».

Этотъ возвратъ къ прошлому былъ выраженъ и въ «Колоколѣ», но безъ словъ: въ октябрѣ вышелъ только одинъ его № (1-го числа); правда, можно найти этому формальное основаніе—отъѣздъ Герцена къ дѣтямъ, но, вѣдь, и самый отъѣздъ, былъ именно слѣдствіемъ убѣжденія, что аккуратный выпускъ журнала не нуженъ такъ насущно, какъ раньше.

Еще 15 мая въ «Общемъ Вѣчѣ» Огаревъ помѣстилъ статью «Денежный сборъ общества *Земли и Воли*», въ которой объяснялъ назначеніе сбора, говорилъ, что «деньги расходуются честно», а на мнѣніе «что-жъ давать понемногу? надо, чтобъ каждый, по крайней мѣрѣ, давалъ по 25 или 30 руб. сереб., а то игра не стоитъ свѣчъ», отвѣчалъ: «Наше мнѣніе совсѣмъ иное. Мы думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока не учредится копѣчный сборъ, капиталы общества будутъ весьма ничтожны и недостаточны не только на прямые расходы общества, но и на вспоможеніе сосланнымъ и ушедшимъ отъ гоненій. Лепта вдовицы важнѣе жертвы богача не только въ глазахъ божьяго правосудія, но и по самому экономическому разсчету. Тѣхъ, которые могутъ удѣлить много, тѣхъ очень мало, а такихъ, которые могутъ удѣлять понемногу, очень много. Гораздо легче найти тридцать человекъ, получающихъ въ годъ по сто рублей и которые, удѣляя по копѣйкѣ съ рубля, всѣ вмѣстѣ внесутъ въ сборъ 30 рублей, чѣмъ одного, который бы внесъ 30 рублей. Такимъ образомъ, опредѣляя участіе по одной копѣйкѣ съ рубля и оставляя больше на добровольное пожертвованіе, сборъ, вырастаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ отъ прямого ожиданія большихъ жертвъ... Этотъ способъ тѣмъ важнѣе для общества, что оно вмѣстѣ съ ростомъ сбора можетъ оцѣнить и приращеніе своихъ друзей... Долго ли продлится эта жалкая неспособность жертвовать, посмотримъ. Мы въ одномъ убѣждены, что общее дѣло, дѣйствительно, пойдетъ впередъ только съ той минуты, когда эта жалкая неспособность исчезнетъ».

2233. Письмо къ М. А. Бакунину.

1 сентября 1863.

Люб. Бак., книгу 1) твою я получилъ, а потомъ получилъ и дополненія; прочелъ внимательно и хочу отвѣчать не холодно, а хладнокровно.

1) Толстое письмо, какія Бакунины, вообще, писалъ часто.

Цѣлыхъ книгъ я не умѣю писать въ подобныхъ случаяхъ, а потому коснусь только главныхъ точекъ. Защищать самолюбивыя замашки моего сына, дерзкій тонъ, ошибки его я не стану и уже много отчиталъ ему выговоровъ. Но когда ты меня хочешь увѣрить, что онъ поступилъ, какъ Картушъ, и дѣлалъ комплотъ такой хитрый, что Квантенъ ¹⁾ (полубогъ твоихъ первыхъ писемъ), Феликсъ, Демонтовичъ, Норвегія и Скандинавія были имъ надуты; когда ты боишься сообщить адреса, чтобы онъ ихъ не переслалъ твоимъ врагамъ,—тогда я жму плечами и думаю: какъ ты привыкъ въ сварливой жизни съ хористами революціи къ нѣмецкой манерѣ: ужъ обвинять, такъ обвинять—«воръ, агентъ прусскаго короля, изнасиловалъ кошку и т. д.». Я не оправдываю С. ²⁾, что онъ говорилъ о тебѣ съ другими; знаю также, что и другіе говорили съ нимъ. Еще менѣе оправдываю, что онъ говорилъ съ тобой,—съ тобой въ глаза никто, кромѣ меня и Ог., не говорилъ откровенно. Съ чего жъ ему, 24 лѣтъ, безъ правъ вчинать рѣчь? ²

Вашъ споръ о томъ, кто изъ васъ законный *chargé d'affaires* ³⁾ «З. и В.», комиченъ до высш. степени. Что молодой человекъ могъ найти пріятн. представлять начинающийся кругъ молодыхъ людей, я понимаю. Но что ты также, будто, не прочь имѣть помазаніе съ Невы, когда ты его имѣешь изъ крѣпости и Сибири,—это я не понимаю. Вѣдь, ты не повѣрилъ же собствен. словамъ, что попы, генер., женщины, массы, птицы и пчелы,—все составляетъ мощную корпорацію и пр. ³

Этотъ колоссальный *capard* ⁴⁾ въ тв. рѣчи и ведетъ меня прямо отъ тв. потасовки съ С. внутрь дѣла. Поговоримъ объ ней твердо, откровенно и крѣпко.

Книга твоя, особенно первая часть, ужаснула меня не обвиненіями С., а пустотой, ненужностью, призрачностью всѣхъ этихъ переговоровъ, сближеній, отдаленій, объясненій. Мастерски составленныя тобою характеристики, напр., Квант. и жены, въ любой романъ идутъ; но, вѣдь, я тебѣ такую же характеристику напишу Аленицына и жены (правит. канц. у Тюфяева въ 37 г.). Если-бъ ты имѣлъ художественную цѣль, это было бы хорошо. Но ты воображаешь, что это все *дѣла*, какъ вообразилъ въ 48, что надобно зондировать Служальскаго, и за этимъ ходилъ съ Rue de Bourbon на желѣзн. дорогу. Оторванный жизнью, брошенный съ молодыхъ лѣтъ въ нѣмецкій идеализмъ, изъ кот. время сдѣлало, *dem Schema nach* ⁵⁾, реалистическое воззрѣніе, не зная Россіи ни до тюрьмы, ни послѣ Сибири, но полный широкихъ и страстныхъ влеченій къ благородной дѣятельности, —

1) Участникъ морской экспедиціи ¹.

2) Саша.

3) Уполномоченный.

4) «Утка».

5) По схемѣ.

ты прожилъ до 50 лѣтъ въ мѣрѣ призраковъ, студентской распашки, великихъ стремленій и мелкихъ недостатковъ. Не ты работалъ для прус. кор., а сакс. кор. и Николай—для тебя. Послѣ 10 л. заключенія ты явился тѣмъ же теоретикомъ, со всею неопредѣленностью *du vague* ¹⁾, болтуномъ (С. опять виновать, что сказалъ тебѣ,—хотя и нѣтъ человѣка, который бы не зналъ этого и не боялся) нескрупулезнымъ въ финанс. отношен., съ долей тихонькаго, но упорнаго эпикуреизма и съ часоткой революц. дѣятельности, которой недостаетъ революціи. Болтовней ты погубилъ не одного Налбандова, а и, напр., Воронова ²⁾; твоя ненужная отмѣтка о немъ въ письмѣ къ Налб. свела его изъ Кавказа въ крѣпость, а потомъ въ ссылку. Послѣ отъѣзда Цв. пришло ко мнѣ письмо, писанное шифрами; врагъ всѣхъ конспирацій, я положилъ его въ сторону, но Тхрж. сказалъ, что у него есть твоя книга съ *ключами*; онъ принесъ, и мы съ Ог. обомлѣли: въ одной книжкѣ записаны адреса всѣхъ порядочныхъ людей въ Россіи, съ отмѣтками и подробностями, и эта тетрадь ходила по рукамъ, была у Цв., у Тх., у Тх., чего добраго—у ... ³⁾. Чему же дивиться, что шведы раскусили это и испугались? Ты великъ ростомъ, ругаешься и шумишь,—вотъ почему никто тебѣ въ глаза не говоритъ, что тотъ, кто не умѣетъ «ни пожатіемъ плеча, ни качаніемъ головой» не выдать тайны, тотъ плохой конспираторъ; да и я плохой, но, люб. Бак., я, вѣдь, и не напрашиваюсь на сей титулъ.

Ты, какъ Милорадовичъ ⁴⁾, берешь энергіей, а не интуиціей. На это лучшее доказательство — польскій союзъ. Онъ былъ невозможенъ; они поступили съ нами неоткровенно; результатъ тотъ, что ты чуть ли не потонулъ въ немъ, а мы сѣли на мель. Что ты меня попрекаешь, что я видѣлъ и не остановилъ? Ты, братъ,—стихія, солому ломишь, какъ тебя остановить? Я былъ противъ напечатанія адреса офиц. въ «Кол.», я былъ противъ жертвоприношенія Потемни, противъ твоей поѣздки. Но когда ты поѣхалъ на деньги Бран. ⁵⁾, когда адреса были вездѣ перепечатаны, я считалъ, что ты и офицеры *обязаны* дѣломъ подтвердить ваши слова; и когда ты засѣлъ въ шведахъ, мы съ Ог., *боясь за тебя*, послали телеграммы. То, что твоя нога была на пароходѣ, соверш. оправдало тебя; за что же ты попрекаешь 7-й разъ? Тебѣ не было выхода безъ опыта побывать въ Польшѣ.

Что польское дѣло было устроено плохо съ нашей стороны, что оно—*не наше дѣло*, хотя и правое относительно, это доказано тѣмъ, что себя, какъ я сказалъ, ты доконалъ имъ; и

¹⁾ Смутнаго чувства.

²⁾ Николай Ильичъ, по процессу 32-хъ былъ освобожденъ отъ суда. (см. мои «Очерки освободительнаго движенія» etc.).

³⁾ Фамилія Драгомановымъ не разобрана.

⁴⁾ Леонидъ Александровичъ.

⁵⁾ Ксаверій Браничкій.

умоляю тебя, если что будешь печатать, будь мудръ, яко змій,—нашъ принципъ соціальный.

А съ чьей стороны соціальная начала? Со сторон. Демонт. или петб. сатраповъ, отдающихъ крестьянамъ помѣщичьи земли? «Да намъ нельзя же итти съ Муравьевымъ». Безъ сомнѣнія, нельзя. Но можно иногда и эклипсироваться ¹⁾ и поработать втиши—тутъ нѣтъ *calamité publique* ²⁾. Надобно или *дѣлать дѣло* или спокойно ничего не дѣлать. Финнъ правъ, говоря, что иной разъ преждевременный гамъ губить дѣло... Его письма очень умны. ³⁾

◆ 1. Бакунинъ писалъ 1 августа: «Скажите Александру Александровичу, что его другъ Квантенъ за неимѣніемъ, кому теперь покровительствовать, взялъ подъ свое покровительство Полеса - Тугенбольда, изъ-за котораго даже рассорился съ Демонтовичемъ. Полесъ здѣсь лѣзетъ въ гору—его принимаетъ Мандерштремъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а недавно представлялся онъ принцу Оскару, которому поднесъ экземпляръ своей брошюры объ экспедиціи ³⁾, говорятъ, насквильный въ высшей степени и ругательный противъ меня, за что именно Квантенъ и сталъ его протезировать» («Письма», 125).

12 сентября Огаревъ писалъ Бакунину: «Мнѣ трудно прибавить что-нибудь къ письму Г. Зная Сашу и тебя, я думаю, что вы оба правы, т. е. оба виноваты. Онъ—дѣтской, ни на чемъ неоснованной заносчивостью или непріятной манерой, ты—въ большей части случаевъ, въ которыхъ стараешься оправдать себя въ собственныхъ глазахъ. Напрасно ты на него и на насъ нападаешь за несообщеніе адресовъ: всѣ адреса данные никуда не годились, по нимъ никого нельзя было отыскать, а другихъ не было». «Подъ вліяніемъ польскихъ агентовъ ты зашелъ въ союзъ слишкомъ далеко, такъ что тебѣ сѣсть на корабль была одна изъ тѣхъ необходимостей, которыя въ жизни не подлежатъ выбору. И «Колоколь» не могъ удержаться въ надлежащемъ равновѣсіи. Видишь ли теперь по опыту, что все, что было мечтательнаго, не состоялось. Союзъ съ націон. правительствомъ былъ шатокъ; ихъ мнѣніе то, которое тебѣ высказалъ Демонт.»

2. Обвиненія Бакунина противъ сына Герцена изложены въ несохранившемся письмѣ до 19 августа, продолженіемъ котораго является письмо отъ 19 августа. Тамъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Не называю вамъ именъ и не посылаю адресовъ, потому что проученный разъ горькимъ урокомъ, даннымъ мнѣ вашимъ молодымъ и честолюбивымъ секретаремъ, не увѣренъ, что онъ не передастъ всего своему другу, а моему

1) S'eclipser—скрыться.

2) Общественнаго бѣдствія.

3) Уже извѣстной читателю изъ комментаріевъ къ «Б. и думамъ».

теперешнему врагу, Квантену, и не воспользуется еще разъ моею довѣрчивостью противъ меня для вящаго укрѣпленія своего юнаго могущества» (стр. 130).

Изъ писемъ Бакунина видно, что послѣ неудачи экспедиціи онъ преимущественно занятъ былъ созданіемъ путей для широкаго сбыта лондонскихъ изданій въ Россіи черезъ Швецію и Финляндію. Приведу нѣкоторыя выдержки, иллюстрирующія эту сторону дѣла. Бакунинъ и А. А. Герценъ рѣшили остановиться на стокгольмскомъ книгопродавцѣ E. Straube, который произвелъ на обоихъ хорошее впечатлѣніе.

«Онъ вѣрно схватилъ самую сущность дѣла; онъ понялъ, что мелочною торговлею вашими книгами и «Колоколомъ», съ помощью кельнеровъ въ Стокгольмѣ и въ Копенгагенѣ, онъ ничего не сдѣлаетъ ни для себя, ни для пропаганды. Опытъ доказалъ ему ничтожность такихъ продѣлокъ. Послѣ разговора съ Штурценбергомъ, который былъ здѣсь, и съ другими датчанами мы убѣдились, что въ Копенгагенѣ предпринимать нечего. Торговля лондонскими изданіями приметъ серьезный характеръ только, когда она направится въ Петербургъ и далѣе въ Россію. Но для этого ему нужно имѣть прежде всего хоть одного человѣка, книгопродавца или нѣтъ, который согласился бы сообщая съ нимъ торговать зепрещеннымъ товаромъ и могъ бы проложить для него пути внутри Россіи. Такого человѣка письмами не найдешь. Поэтому Straube рѣшился ѣхать самъ въ Петербургъ, чтобы отыскать такого человѣка и, если найдетъ, заключить съ нимъ условія... Наконецъ, надо будетъ дать ему письмо къ одному изъ членовъ общества¹⁾, чтобы они ему указали торговаго русскаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ безопасно и съ пользою сблизиться. Я знаю возраженіе, которое вы можете сдѣлать, и понимаю всю деликатность этой стороны вопроса. Давать письмо къ одному изъ нашихъ друзей въ Петербургъ въ настоящее время—дѣло не шуточное, опасное. Но, друзья мои, кто не рискуетъ ничего, тотъ никогда ничего не сдѣлаетъ. Безъ помощи общества вы никогда не завяжете серьезныхъ торговыхъ отношеній въ Россіи;—общество не должно вмѣшиваться въ нихъ непосредственно, но должно только указать Straube на людей способныхъ и готовыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Вы можете написать записку къ одному изъ членовъ,—такъ, какъ мы это дѣлали въ Стокгольмѣ,—и адресъ прислать мнѣ особенно. Straube выучить его наизусть. Въ запискѣ же скажите, что Straube приѣхалъ по вашему порученію и что вы просите оказать ему помощь совѣтомъ, рекомендаціею и, сколько возможно будетъ, дѣломъ. Честнымъ словомъ ручаюсь вамъ за то, что Straube будетъ педантически остороженъ, и что онъ будетъ стараться избѣгнуть всякой неловкости, могущей компрометировать и его и того, къ

¹⁾ «Земля и Воля».

кому записка будетъ написана; что онъ не будетъ стараться узнать болѣе, чѣмъ ему скажутъ, и не узнаетъ при случайной встрѣчѣ того, съ кѣмъ ему придется переговорить по секрету. Сущность дѣла расскажетъ онъ самъ, въ запискѣ же должно быть только сказано, что онъ человѣкъ вѣрный, котораго мы рекомендуемъ и которому просимъ помочь. Наконецъ, вспомните, что мы ужъ два раза писали такимъ же образомъ: одинъ разъ черезъ Квантена, отвѣтъ, о которомъ я долженъ бы былъ узнать ужъ давно, въ вашихъ рукахъ, другой разъ черезъ Ветергофа. Это письмо возвратилось назадъ за отсутствіемъ адресата;—я его получилъ обратно и сжегъ... Изъ Петербурга Straube проѣдетъ въ Финляндію, а можетъ быть, прежде этого еще въ Ригу. Въ Финляндіи у насъ ужъ есть люди, и найдутся еще другіе. Такимъ образомъ онъ завяжетъ дѣлу цѣпь сообщеній и будетъ въ состояніи начать дѣйствительное и довольно широкое дѣло,—дѣло, которое можетъ только такимъ образомъ удался.

«Легко случится, что вслѣдствіе ли терроризма, вслѣдствіе ли индиферентизма или, можетъ быть, временной непопулярности лондонскихъ изданій, Straube не найдетъ въ Петербургѣ ни одного человѣка, которій согласился бы вступить съ нимъ въ компанію,—тогда поѣздка его и всѣ сопряженныя съ нею траты времени и денегъ будутъ для него потеряны, поэтому онъ подвергается риску... Повторяю еще разъ, это дѣло серьезное и стоящее того, чтобы вы крѣпко подумали, прежде чѣмъ отвѣчать отказомъ. Если вы серьезно хотите распространенія вашихъ изданій въ Россіи, врядъ ли вы найдете другого человѣка и другой случай, соединяющихъ въ себѣ такъ много залоговъ успѣха».

3. Въ своей рѣчи на стокгольмскомъ банкетѣ Бакунинъ сказалъ: «Господа,—въ Россіи теперь образовалось обширное патріотическое общество,—консервативное, либеральное и демократическое вмѣстѣ: Оно носитъ имя «Земля и Воля». Центръ его въ Петербургѣ, его сторонники и члены во *всѣхъ провинціяхъ* обширной Россіи. Оно обнимаетъ *всѣ* классы общества русскаго, *всѣхъ* сочувствующихъ *русскихъ*, каково бы ни было ихъ имуществъ и положеніе: генералы и офицеры *въ массѣ*, высшіе и низшіе чиновники, помѣщики, купцы, священники, сыновья священниковъ и крестьяне и *милліоны сектантовъ раскольниковъ*, которые, желая того же, что и мы, дѣйствуютъ, часто сами о томъ не думая, съ нами заодно. Это общество, *правильно и крѣпко организованное*, стремится составить, такъ сказать, государство въ государствѣ. Оно организуетъ свои финансы, свою администрацію, свою полицію и *скоро, я надѣюсь, будетъ имѣть свою армію*. Оно заключило формальный союзъ съ Центральнымъ Комитетомъ варшавскимъ, въ настоящее время національнымъ правительствомъ Польши, на основаніяхъ столько же широкихъ, сколько и справедливыхъ, признавая за каждой провинціей, большой и малой, абсолютное, неограниченное право

располагать собою согласно ея выгодамъ. На тѣхъ же основаніяхъ оно заключило союзъ съ патриотами Малороссіи, и когда финляндцы пожелаютъ, оно протянетъ имъ руку на тѣхъ же условіяхъ. Цѣль этого общества вполнѣ гуманна и вполнѣ консервативна. Эта цѣль — спасеніе Россіи отъ преступнаго безумія имперіализма, произвести сдѣлавшуюся неизбѣжною великую революцію, политическую и социальную, безъ пролитія крови» («Письма», 142—143; привожу въ исправленномъ переводѣ — данный Драгомановымъ не точенъ).

Огаревъ писалъ Бакунину по этому поводу 12 сентября: «Твое хвастовство объ общ. «З. и В.» не принесло ему пользы. Этотъ обычай — намъ не расчетъ. Вѣдь, твоимъ словамъ никто не повѣрилъ. Выходитъ только, что люди, которые и присоединились бы, видя, что общ. твоими устами говоритъ небывающія вещи, уклоняются отъ общества.

«Вотъ почему намъ трудно будетъ ладить. Ты хочешь, чтобы все было сейчасъ, поскорѣй, и производишь тревогу, а вещи отъ этого не подвигаются. Не заподозришь же ты меня въ консерватизмъ, но я хочу, чтобы вещи приготовлялись прочно, чтобы каждое слово было сказано во-время; многое, что возможно будетъ черезъ годъ, теперь можетъ только возбудить и поддержать реакцію. Я требую взвѣшиванія обстоятельствъ, спокойствія въ дѣятельности, приготовленія путей, людей, словомъ, пропаганды адекватной времени, пропаганды словомъ и увеличеніемъ общества. Станутъ обстоятельства иначе, надо и языкъ измѣнить. Ошибокъ мы уже надѣлали довольно. Пора сознать, что мы живемъ для дѣла, а не дѣло для насъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы бы только производили игру въ революцію.

«Вотъ тебѣ почти все, что я могу сказать. Сверхъ этого, скажу еще вотъ что: Бакунинъ, умоляю тебя, — смири тревогу, метаніе мыслей и дѣйствій, смири до обреченія ихъ на приготовительную работу теперь, ибо взрыва ты теперь не вызовешь, а до коренной реформы Россіи безъ приготовительной работы, долею кротовой, долею литературной, ты не достигнешь. Забудь революціонныя тенденціи *ins Blaue hinein* ¹⁾, — онѣ нигдѣ не удались. Вдумайся въ приготовленіе людей для дѣйствительной революціи — мирной или не мирной — это уже зависитъ отъ силы реакціи. Я умоляю тебя, Бак.; мы много уже надѣлали ошибокъ и зла, — ты во главѣ ихъ. Вдумайся въ недавнее прошедшее и, если ты искрененъ, ты увидишь, что я правъ» («Письма», 149—150).

Приведу очень характерное для Бакунина его стокгольмское письмо къ «Землѣ и Волѣ» отъ 29 августа 1863 г., ошибочно адресуемое Драгомановымъ къ Герцену и Огареву:

«Друзья! Пишу вамъ отсюда въ третій разъ. Въ первый разъ, болѣе 2 мѣсяцевъ тому назадъ, писалъ вамъ съ прямою

¹⁾ Наобумъ.

оказію, второй же разъ черезъ вашего агента въ Швейцаріи, который долженъ былъ, по вашему приказанію, прѣхать въ Стокгольмъ, но который былъ, вѣроятно, задержанъ и ограниченъ короткимъ письмомъ черезъ Нордстрѣна. Я тотчасъ же послалъ ему пространное письмо съ просьбою, какъ можно скорѣе его вамъ доставить, и жаль мнѣ было бы, если бы оно пропало. Спѣшу, однако, сказать, что никакой опасности отъ пропажи этихъ 2 писемъ произойти не могло,—въ нихъ не было ни именъ, ни адресовъ и ничего такого, что бы могло компрометировать.

«Я неоднократно пытался попасть въ Польшу. Мнѣ не повезло. А теперь расположеніе поляковъ къ намъ до такой степени перемѣнилось, что, не переставая желать имъ успѣха, мы, русскіе, должны, кажется, воздержаться отъ прямого участія въ ихъ дѣлѣ, къ тому же, слишкомъ запутавшемся въ послѣднее время съ западно-европейскими интересами, враждебными не только императорской системѣ, но и русскому народу. Поэтому я остался въ Швеціи и старался приобрести здѣсь друзей и помощниковъ для русскаго дѣла. Старанія мои увѣнчались успѣхомъ: Стокгольмъ и вся Швеція будутъ служить вѣрнымъ убежищемъ для русской эмиграціи и для русской революціонной работы. Русская типографія и русская пропаганда найдутъ здѣсь крѣпкую почву и покровительство и богатые средства. Ничего нѣтъ легче, какъ сообщаться изъ Стокгольма съ Петербургомъ лѣтомъ. Есть вѣрные люди, на которыхъ можно положиться безъ всякой опасности. Благодаря этимъ людямъ и средствамъ, я бросилъ въ сѣверъ Россіи (въ губерніи Архангельскую и Олонецкую особенно) около 7000 экземпляровъ разныхъ воззваній, между прочими, вашихъ воззваній къ солдатамъ и къ офицерамъ. Могъ бы ихъ также послать въ Петербургъ, но у меня нѣтъ адресовъ. Правда, что Провансовъ ¹⁾ далъ мнѣ нѣсколько адресовъ, но я долженъ ими пользоваться только по его возвращеніи въ Петербургъ, а онъ, кажется, еще за границей. Итакъ, прежде всего прошу васъ о вѣрномъ и постоянномъ адресѣ и предлагаю вамъ переписываться со мною черезъ подателя этого письма. Онъ финляндецъ, рекомендованный мнѣ, какъ человѣкъ безупречно крѣпкій и вѣрный, финляндскими патріотами и можетъ служить вамъ постояннымъ посредникомъ съ нами и съ финскою организаціею, съ которою я сблизился, и которая, понимая также хорошо свои, какъ и наши интересы, исполнена къ намъ и къ нашему дѣлу самой искренней симпатіи. Я полагаю, что вамъ не будетъ противно съ нею сблизиться. Если вы хотите имѣть со мною дѣло и если полагаете, что мое участіе въ общихъ трудахъ можетъ принести пользу, то прошу васъ, отвѣчайте. Я, такъ же, какъ и лондонскіе друзья мои, съ радостью призналъ

¹⁾ А. А. Слѣпцовъ.

С. Петербург. Комитетъ и готовъ слѣдовать его руководству, только для этого мнѣ надо знать и положеніе вашихъ дѣлъ и ваше настоящее направленіе. И потому, ради Бога, пишите и дайте адресъ. Неужели жъ, имѣя на все средства, мы не сумѣемъ устроить между собою правильныхъ и постоянныхъ сношеній? Тяжело бѣдной Польшѣ, но она не погибнетъ. Европа страшно раздѣлена, и на этомъ раздѣленіи основаны всѣ петербургскія надежды. Однако, польскій вопросъ зашелъ ужъ такъ далеко, что для европейскихъ державъ стало такъ же опасно ничего для нея не сдѣлать, какъ мудро прійти ей на помощь. Я думаю, что послѣ полученія вторичнаго отказа отъ С.-Петербурга Франція, Англія и Австрія признаютъ Польшу *comme une partie belligérante* ¹⁾.—Я думаю, что поляки продержатся зимою съ помощью оружія и другой помощи, которая придутъ къ нимъ тогда открыто черезъ Галицію,—а весной война, мнѣ кажется, несомнѣнна. Неужели жъ мы до этого времени ничего не сдѣлаемъ или, по крайней мѣрѣ, къ этому времени не будемъ готовы? Поддѣльные всероссійскіе адреса и фразерское московское патриотобіе меня нисколько не пугаютъ и не сбиваютъ съ вѣры. Правительство, какъ и всегда, расшевеливаетъ народъ, какъ будто противъ насъ, въ сущности же въ нашу пользу. Ради Бога скажите, что у васъ дѣлается, что за границею дѣлать прикажете, и дайте же съ вами соединиться тѣснѣе и ближе. Мы здѣсь можемъ быть полезны только въ той степени, въ какой мы въ связи съ вами, и потому пишите, пишите и дайте адресовъ» («Письма», стр. 131—133).

4. 19 августа Бакунинъ писалъ Герцену и Огареву:

«Посылаю вамъ на особомъ листѣ отрывки изъ его («одного изъ значительнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ партіи финномановъ»—*М. Л.*) писемъ, которыхъ, я думаю, будетъ достаточно, чтобы доказать вамъ важность этой связи и пользу, которую мы можемъ извлечь изъ нея».

Вѣроятно, тѣмъ же лицомъ написана статья «Голосъ изъ Финляндіи» въ 173 л. «Колокола», коротко, ясно и просто указавшая на причины либеральныхъ уступокъ Россіи въ пользу Финляндіи 1863 г. «Неудовольствія въ Польшѣ и волненія, будто бы, освобожденныхъ крестьянъ въ Россіи были причиною, что правительство для Финляндіи рѣшилось дать указъ 12 апрѣля 1860 г. о созваніи комитета делегатовъ въ январѣ 1861. Нынѣшнимъ сеймомъ у насъ мы обязаны снова Польшѣ да, можетъ, тайному броженію общества «Земля и Воля», да, сверхъ всего, независимости нашего собственнаго поведенія»—такъ заканчивалась статья.

¹⁾ Воюющею стороною.

2234. Письмо нъ дочерямъ и М. Мейзенбургъ.

3 сентября (1863).

Elmfield House, Teddington, S. W.

Трешерь Тата. Же те фелиситъ авекъ тонъ журъ денон, же убліе лотръ журъ—е же ташъ де феръ вениръ ла летръ аван¹⁾).

И пишу для отличія по-французски—по-русски. Проведите день этотъ весело,—мы выпьемъ за тебя. Ты можешь почти расчесть день въ день и часъ въ часъ, когда я приѣду, уѣхавши 15 и поживъ 2 дня въ Пар. и 3—въ Женевѣ; выйдетъ около 22—23. Впрочемъ, я напишу. Latest intelligence et adoptive pour vous²⁾. — Мы вчера съ Огар. размечтались... Говоримъ, возьмемъ да и поѣдемъ въ Швейцарію и Италію на 6 мѣсяцевъ... Я прямо поѣхалъ бы къ вамъ, Natalie съ дѣтьми сначала остановилась бы въ Женевѣ, а самъ неподвижный Ага—въ корабль изъ Темзы, черезъ Гибралтарскій проливъ. Когда мы все рѣшили и нашли, что это будетъ стоить то же, что самая поганенькая жизнь въ Англии, мы пришли къ слѣдующему resolve³⁾: искать домъ въ Путней и остаться въ Англии, т.-е. всѣмъ, кромѣ меня.

Tout finit par des chansons et par des maisons «furnished»⁴⁾.

Потомъ мнѣ пришло въ голову нанять въ Ричмондѣ домъ съ 12 спальнями и съ весны всѣмъ собраться намъ и прожить такъ годъ.

Мнѣ и этого бы очень хотѣлось,—иногда тоска отъ этой разбросанности.

Nun, was sagen Sie dazu⁵⁾? По порядку, я хочу, чтобъ вы всѣ написали ваше мнѣніе. Ольга первая, какъ меньшая, что ты предлагаешь: Ричмондъ, Барселону, Алжиръ или Путней? Лондонъ или à la campagne⁶⁾?

Ну, а ты, Тата?

Und Sie—Malvida—Ich werde alle Vorschläge sammeln und daran denken—denken—denken... Ob Miss Reeve italienisch spricht⁷⁾? Кланяйтесь ей.

¹⁾ Дорогая Тата. Поздравляю тебя съ днемъ именинъ; я забылъ объ этомъ въ послѣдній разъ и пытаюсь послать тебѣ письмо заблаговременно.

²⁾ Послѣдняя предназначенная для васъ новость.

³⁾ Рѣшенію.

⁴⁾ Все кончается пѣснями и «меблированными» комнатами.

⁵⁾ Ну, что вы скажете на это?

⁶⁾ Деревню.

⁷⁾ А вы, Мальвида? Я соберу всѣ предложенія и буду думать, думать и думать...

Говорить ли miss Reeve по-итальянски?

Wir haben heute d. «Punsch» geschickt als Probe ¹⁾.
Прощайте.

Обнимаю васъ всѣхъ.

Ага, Саша и всѣ собираются писать въ субботу.

2235. Письмо къ О. А. Герценъ.

3 Sept. 1863.

Ольга, отгадай сюрпризъ Сашинъ. Ты напиши и Тата и положи подъ ключъ; когда я приѣду, я спрошу и, кто отгадалъ—тому первый гостинецъ. Ты можешь расцѣсть, когда мы приѣдемъ, и итти насъ встрѣчать на S. Lucia или Chiaia. Завтра Лизино рожденье, вотъ программа.

Дежене дансанъ ²⁾ на ослахъ въ 2 часа, въ Hampton Court'ъ. Дѣти слѣдующія: четыре дѣвочки и въ ихъ числѣ исправляющая твою должность (я на нее не могу смотрѣть, не вспоминая тебя). Далѣе—Тхоржевс. и Туту,

Чернецкій и Тоби.

Вотъ и все. Угощеніе состоитъ

изъ: Ословъ,
Кековъ,
Шоколаду,
Фруктовъ,
Запаха стеариномъ.

Подарки:

Ага—птицу (которую не принесли),
Я—сабачонку (которую не привели),
Nat.—накупила игрушекъ,
Саша—мячъ съ хвостомъ.

Въ 6 дине а ла фуршетъ санкуто ³⁾.

Ну и цѣлую тебя.

Отъ Таты и тебя я подарю разный вздоръ: перамбуляторъ ⁴⁾ для куклы и ошейникъ для собаки.

¹⁾ Сегодня, въ видѣ опыта, мы послали «Punch».

²⁾ Завтракъ съ танцами.

³⁾ Обѣдъ съ вилками, но безъ ножа.

⁴⁾ Шагомѣръ.

2236. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(22 сент. 1863).

Ну что же ты дѣлаешь, Natalie, и наладили ли вы la grande question¹⁾ хозяйства? Путь по Корнише²⁾, если-бъ не простуда, для меня былъ роднѣ посѣщенія домовъ.

Здѣсь станція въ станцію ѣхалъ я съ N. изъ Турина въ Ниццу...

Продолженіе завтра.

Почта сейчасъ отходить

Цѣлую Лизу и бабушекъ³⁾.

2237. Письмо къ дочерямъ.

24 (сентября 1863).

Genova. Hôtel Feder.

Pour Tate et très pressé.

Chère Misse Reeve. «Catilina est à vos portes» — lundi— à Strada medina⁴⁾

Милая Тата,

Милая Ольгушка,

Въ понедѣльникъ il vecchio hyperboreo⁵⁾ явится къ вамъ въ 6 часовъ утра, съ Messageries Impériales⁶⁾. Нутка, кто рано встанетъ и придетъ старичка встрѣтитъ?

Messagerie идетъ изъ Генуи въ 8 вечера, въ пятницу.

Суббота въ Ливорнѣ.

Воскресен.—въ морѣ.

Понед.—у васъ.

Genova, 24, Hôtel Feder.

— und mit derselben Feder meinen Gruss und a rivederci, lieb. Malvida.⁷⁾

¹⁾ Большой вопросъ.

²⁾ La route de Corniche. буквально «путь карниза»; такъ называется извѣстная своею красотою дорога между Генуей и Ниццей.

³⁾ Т.-е. младшихъ дѣтей.

⁴⁾ Для Таты и очень спѣшное. Дорогая Miss Ривъ, «Катилина у вашихъ воротъ» въ понедѣльникъ на Strada medina.

⁵⁾ Старый гипербореецъ.

⁶⁾ На государственныхъ почтовыхъ.

⁷⁾ И тѣмъ же перомъ пишу привѣтъ милой Мальвидѣ и—до свиданія. (Каламбуръ: Feder—фамилія хозяина отеля и перо).

2238. Изъ дневника.

24 сентября 1863.

Генуя. Hôtel Feder.

Carì luoghi, io vi ritrovo ¹⁾).

Я ѣхалъ въ Италию той же дорогой, которой ѣхалъ въ 1847 году. Прелестнѣйшимъ осеннимъ днемъ спускался я тогда съ Эстерели въ Каннъ и Ниццу. Тамъ же ѣхалъ я въ 1851 въ Гьеръ, черезъ 24 часа, со страшной вѣстью о гибели моей матери, моего сына и Шпильмана! И съ тѣхъ поръ уже прошло двѣнадцать лѣтъ! Хотѣлось взглянуть еще разъ на тѣ же мѣста и страшно было приводить себя въ ту же обстановку. Туго старѣющая природа остается та же, а человѣкъ измѣняется. Широкой жизни, богатой рамы искалъ я, проѣзжая въ первый разъ.

Альпы впереди, не было облаковъ, и я бодро и беззаботно шель впередъ.

Второй разъ я ѣхалъ, оглушенный горемъ. Впереди былъ потонувшій корабль, сзади—потонувшая жизнь.

Теперь ѣду къ дѣтямъ, ничего не ожидая для себя лично, кромѣ досуга для мысли, безтревожности, гармоніи вокругъ и покоя, этого *poli me tangere* ²⁾ устали и старости.

Между Тулономъ и Ниццей мы оставили желѣзную дорогу и поѣхали въ Гьеръ. Все стерлось въ 12 лѣтъ, даже той гостиницы, въ которой я остановился тогда, и ея я не нашель. Наполеоновская манія перестраиванія прошла и тутъ... Тогда—ни тѣла, ни лоскутка, теперь—ни дома, ни мѣста...

Къ Ниццѣ подѣзжали мы торжественно; желѣзная дорога еще не была окончена; мы сидѣли на имперіалѣ дилижанса; вечеръ стемнѣлъ, и взошелъ мѣсяць... день былъ лѣтній! Къ утру подулъ мистраль, пыль попеременно съ дождемъ, скучный ревъ моря... Шумъ этотъ всегда разстраиваетъ меня, и никогда онъ мнѣ не былъ противнѣе, какъ въ ту именно минуту, когда я, 12 лѣтъ спустя, въ первый разъ снова пришелъ поклониться могилѣ... А мѣсто могилы какъ хорошо: тѣло спущено въ мракъ юдземелья, а поднято на гору; вдали тянутся Альпы, внизу море...

Одна порванная струна сгубила весь строй, но *какая* струна! Съ нею развязался главный узель, и распустилась ткань... Я недоволенъ былъ собою на кладбищѣ... Холодна земля, холодны камни... Я тутъ только замѣтилъ, какъ больно дѣйствуетъ отсутствіе памятника; безъ образа, знака, начерченного слова, словомъ, матеріальнаго знака человѣкъ расплывается.

¹⁾ Я снова вижу васъ, дорогія мѣста.

²⁾ Не тронь меня.

Карнизъ Италіи! Опять проѣхалъ я по немъ. Онъ послѣдній видѣлъ меня съ обновленными надеждами, когда мы ѣхали домой изъ Турина въ 1851 г. И эти изящные *saî luoghi* вызвали ясное кладбище прошедшее, свѣтлый образъ покойницы носился по синевѣ моря, надъ горами, и съ нимъ я заснулъ, и стерлись на минуту всѣ страшныя событія...

Я въ Ниццѣ посѣтилъ оба дома ¹⁾. Въ обоихъ не было жильцовъ, и я могъ бродить по комнатамъ. Внутри почти все осталось попрежнему... Затворенные ставни, сѣдая пыль, спертый воздухъ,—точно, на-дняхъ мы уѣхали. Я смотрѣлъ на этихъ нѣмыхъ свидѣтелей страшныхъ былей и думалъ: «зачѣмъ я вызвалъ ихъ на очную ставку!»... и мнѣ хотѣлось бѣжать отъ нихъ, выйти вонъ; я не боялся ни уликъ, ни обвиненій,—я боялся воспоминаній...

Въ комнатѣ, гдѣ ея не стало, я раскрылъ ставень. Знакомый видъ моря, берега и церкви—она ее рисовала нѣсколько разъ... На томъ же мѣстѣ стояла кровать... матрацы были сняты и поставлены возлѣ на полу, словно, вчера былъ выносъ... Пришелъ поваръ ²⁾, тогда жившій у насъ, и садовникъ дома Сю; встрѣтилась горничная, которая жила у насъ... Я видѣлъ на ихъ лицахъ простодушную, искреннюю радость. Два несчастія, поразившія меня при нихъ, крѣпко связали насъ. Въ ихъ любви ко мнѣ была доля участія, состраданія... Тѣ же лица, немного постарше...
Да, все было здѣсь.

2239. Изъ дневника.

27 сентября 1863.

Пароходъ «Aunis». Civitavecchia.

Мы стоимъ передъ стѣной крѣпости; все сурово и некрасиво, кромѣ неба... Бродячіе французскіе солдаты; совершенно голый, смуглый малый подплываетъ къ пароходу и, сидя въ лодкѣ, напоминаетъ мальчика Фландрена ³⁾. На папскій берегъ мнѣ выйти нельзя, я остался на палубѣ. Къ ночи поплывемъ въ Неаполь,—я ѣду къ дѣтямъ, какъ на большой зимній праздникъ... До моего 31 декабря ихъ будетъ не много. Пусть же она, отсутствующая, будетъ тутъ въ нихъ, и молодая жизнь окружить меня еще разъ своимъ вѣнкомъ. И снова на работу, снова по пути, который всякій день становится каменистѣе, по которому мы идемъ вдвоемъ, какъ пошли въ 1833, тридцать лѣтъ тому назадъ!

Амины!

¹⁾ 21 сентября.

²⁾ Росса.

³⁾ Flandrin, Hippolyte, французскій художникъ.

2240. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Пустѣетъ Москва... и патріархальное лицо Щепкина исчезло ¹⁾... а оно было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего московскаго круга. Четверть столѣтія старше насъ, онъ былъ съ нами на короткой, дружеской ногѣ родного дяди или старшаго брата. Его всѣ любили безъ ума: дамы и студенты, пожилые люди и дѣвочки. Его появленіе вносило покой, его добродушный упрекъ останавливалъ злые споры, его кроткая улыбка любящаго старика заставляла улыбаться, его безграничная способность извинять другого, находить облегчающія причины была школой гуманности.

И притомъ онъ былъ великій артистъ, артистъ по призванію и по труду. Онъ создалъ *правду* на русской сценѣ, онъ первый сталъ *не театраленъ* на театрѣ, его воспроизведенія были безъ малѣйшей фразы, безъ аффектаціи, безъ шаржа; лица, имъ созданныя, были теньеровскія, остадовскія.

Щепкинъ и Мочаловъ—безъ сомнѣнія, два лучшихъ артиста изо всѣхъ видѣнныхъ мною въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ и на протяженіи всей Европы ²⁾. Оба принадлежатъ къ тѣмъ *намекамъ* на сокровенныя силы и возможности русской природы, которые дѣлаютъ незыблемой нашу вѣру въ будущность Россіи.

Въ разборъ таланта и сценическаго значенія Щепкина мы не взойдемъ; замѣтимъ только, что онъ былъ вовсе не похожъ на Мочалова, Мочаловъ былъ челоѣкъ порыва, не приведеннаго въ покорность и строй вдохновенія; средства его не были ему послушны, скорѣе онъ—имъ. Мочаловъ не работалъ; онъ зналъ, что его иногда посѣщаетъ какой-то духъ, превращавшій его въ Гамлета, Лира или Карла Моора, и поджидалъ его... а духъ не

¹⁾ Скончался 11/23 августа 1863 г.

²⁾ Въ 1847 я еще успѣлъ видѣть два-три превосходныя созданія Фредерика Леметра, и его я охотно поставилъ бы въ сторонѣ отъ больше или меньше талантливаго гаерства парижскихъ театровъ; но, по мѣрѣ старости и потери настоящихъ силъ, Фредерикъ Леметръ замѣнялъ ихъ преувеличеніемъ и впадалъ въ такое неделикатное ставленіе точекъ на і, что я на него смотрѣлъ, какъ на развалину, ярко раскрашенную пестрыми красками, въ томъ родѣ, какъ наше художественное правительство, бывало, бѣлится и размазываетъ памятники. Въ историческихъ воспроизведеніяхъ и въ необыкновенной свѣтлости игры Théâtre Français сдѣлалъ много; великихъ артистовъ онъ не развилъ, но развилъ необыкновенно умныхъ артистовъ и превосходную труппу, играющую прескверныя пьесы. Мы преимущественно говоримъ о мужчинахъ; женщинами европейскаго сцена богаче. Несмотря на всѣ нѣмецкіе возгласы русскихъ цѣновщиковъ, Рашель была великая художница, а Франція реставраціи, Франція Беранже, послѣдняя веселая Франція имѣла своимъ живымъ, веселымъ, гениальнымъ представителемъ — Дежазе. А. И. Г.

приходилъ, и оставался актеръ, дурно знающій роль. Одаренный необыкновенной чуткостью и тонкимъ пониманіемъ всѣхъ оттън-ковъ роли, Щепкинъ, напротивъ, страшно работалъ и ничего не оставлялъ на произволь минутнаго вдохновенія. Но роль его не была результатомъ одного изученія. Онъ такъ же мало былъ похожъ на Каратыгина, этого лейбъ-гвардейскаго трагика, далеко не безталаннаго, но у котораго все было до того заучено, выштудировано и приведено въ строй, что онъ по темпамъ закипалъ страстью, зналъ церемоніальный маршь отчаянія и, правильно убивши кого надобно, мастерски дѣлалъ на погребеніе. Каратыгинъ удивительно шелъ николаевскому времени и военной столицѣ его. Игра Щепкина вся отъ доски до доски была проникнута теплотой, наивностью; изученіе роли не стѣсняло ни одного звука, ни одного движенія, а давало имъ твердую опору и твердый грунтъ.

Но, вѣроятно, о талантѣ Щепкина и о его значеніи будетъ у насъ довольно писано. Мнѣ хочется рассказать мою послѣднюю встрѣчу съ нимъ.

Осенью 1853 г. я получилъ письмо отъ М. К. ¹⁾ изъ Парижа, что такого-то числа Щепкинъ ѣдетъ въ Лондонъ черезъ Булонь. Я испугался отъ радости... Въ образѣ свѣтлаго старика выходила молодая жизнь изъ-за гробовъ: весь московскій періодъ... И въ какое время?!.. Десять разъ говорилъ я о страшныхъ годахъ между 1850—1855, объ этомъ пятилѣтнемъ безотрадномъ искусствѣ въ многолюдной пустынѣ. Я былъ совершенно одинокъ въ толпѣ чужихъ и полузнакомыхъ лицъ... Русскіе въ это время всего меньше ѣздили за границу и всего больше боялись меня. Горячешный терроръ, продолжавшійся до конца Венгерской войны, перешелъ въ равномѣрный гнетъ, передъ которымъ понизилось все въ безвыходномъ и беспомощномъ отчаяніи. И первый русскій, ѣхавшій въ Лондонъ, не боявшійся по-старому протянуть мнѣ руку, былъ Михаилъ Семеновичъ.

Ждать я не могъ, и утромъ въ день его пріѣзда отправился съ экспрессомъ въ Фолькстонъ.

Что-то онъ мнѣ расскажетъ, какія вѣсти привезетъ, какой поклонъ, какія подробности, чьи шутки.. рѣчи? *Тогда* я еще такъ многихъ любилъ въ Москвѣ!

Когда пароходъ подошелъ къ берегу, толстая фигура Щепкина въ сѣрой шляпѣ, съ дубиной въ рукахъ, такъ и вырѣзалась; я махнулъ ему платкомъ и бросился внизъ. Полицейскій меня не пускалъ, я оттолкнулъ его и такъ весело посмотрѣлъ, что онъ улыбнулся и кивнулъ головой, а я сбѣжалъ на палубу и бросился на шею старика. Онъ былъ тотъ же, какъ я его оставилъ, съ тѣмъ же добродушнымъ видомъ; жилетъ и лацкана на пальто

¹⁾ Рейхель.

такъ же въ пятнахъ, точно, будто, сейчасъ шель изъ Троицкаго трактира къ Сергѣю Тимофеевичу Аксакову.

— Экъ куда его принесло! Это ты приѣхалъ эдакую даль встрѣчать!—сказалъ онъ мнѣ сквозь слезы.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Лондонъ; я разспрашивалъ его подробности, мелочи о друзьяхъ,—мелочи, безъ которыхъ лица перестаютъ быть живыми и остаются въ памяти крупными очерками, профилями. Онъ рассказывалъ вздоръ, мы хохотали со слезами въ голосъ.

Когда улеглось нервное раздраженіе, я мало-по-малу замѣтилъ что-то печальное, будто, какая-то затаенная мысль мучила честное выраженіе его лица. И, дѣйствительно, на друіой день мало-по-малу разговоръ склонился на типографію, и Щепкинъ сталъ мнѣ говорить о тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ въ Москвѣ была принята сначала моя эмиграція, потомъ моя брошюра «Du développement des idées révolutionnaires» ¹⁾ и, наконецъ, лондонская типографія.

— Какая можетъ быть польза отъ вашего печатанія? Однимъ или двумя листами, которые проскользнутъ, вы ничего не сдѣлаете, а III-е Отдѣленіе будетъ все читать да помѣчать; вы сгубите бедну народа, сгубите вашихъ друзей...

— Однакожь, М. С., до сихъ поръ богъ миловалъ, и изъза меня никто не попался.

— А знаете ли вы, что послѣ вашихъ похвалъ Бѣлинскому, объ немъ запрещено говорить въ печати?

— Какъ и обо всемъ остальномъ. Впрочемъ, я и тутъ соинѣваюсь въ моему участіи. Вы знаете, какую роль играло знаменитое «письмо» Бѣлинскаго къ Гоголю въ дѣлѣ Петрашевскаго. Смерть спасла Бѣлинскаго,—мертвыхъ я не боялся компрометировать.

— А Кавелинъ-то? кажется, не мертвый?

— Что же съ нимъ было?

— Да то, что послѣ выхода вашей книги, гдѣ говорится объ его статьѣ о родовомъ началѣ и о спорѣ съ Самаринимъ, его призывали къ Ростовцову.

— Ну!

— Да что же вы хотите? Ну, ему и сказалъ Ростовцовъ, *чтобъ онъ впредь былъ осторожнѣе.*

— Михаилъ Семеновичъ, неужели вы уже и это считаете мученичествомъ—пострадать при четверовластникѣ Іаковѣ совѣтомъ быть осторожнѣе?

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Я видѣлъ ясно, что это—не только личное мнѣніе Щепкина; если-бъ оно было такъ, въ его словахъ не было бы того императивнаго тона.

¹⁾ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи».

Разговоръ этотъ для меня очень замѣчательнъ; въ немъ слышны первые звуки *московскаго консерватизма*, не въ кругѣ кн. Сергія Михайловича Голицына, праздныхъ помѣщиковъ, праздныхъ чиновниковъ, а въ кругѣ образованныхъ людей, литераторовъ, артистовъ, профессоровъ. Я слышалъ въ первѣйшій разъ это мнѣніе, выраженное такимъ яснымъ образомъ; оно меня поразило, хотя я тогда былъ очень далеко, чтобъ понять, что изъ него въ послѣдствіи разовьется то упрямо-консервативное направленіе, которое изъ Москвы сдѣлало, въ самомъ дѣлѣ, Китай-городъ.

Тогда это еще была *усталь, загнанность*, сознание своего безсилія и материнская боязнь за дѣтей; теперь Москва нагло и отважно пьетъ за Муравьева...

— А. И.,—сказалъ Щепкинъ, вставая и прохаживаясь съ волненіемъ по комнатѣ,—вы знаете, какъ я васъ люблю, и какъ всѣ наши васъ любятъ... Я вотъ на старости лѣтъ, не говоря ни слова по-англійски, пріѣхалъ посмотреть на васъ въ Лондонъ; я сталъ бы на свои старыя колѣни передъ тобою, сталъ бы просить тебя остановиться, пока есть время.

— Что же вы, Михаилъ Семеновичъ, и ваши друзья хотите отъ меня?

— Я говорю за одного себя и прямо скажу: по-моему, поѣзжай въ Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года черезъ два-три мы начнемъ работать, чтобъ тебѣ разрѣшили въѣздъ въ Россію.

Мнѣ было безконечно грустно; я старался скрыть боль, которую производили на меня эти слова, жалѣя старика, у котораго были слезы на глазахъ. Онъ продолжалъ развивать заманчивую картину счастья снова жить подъ умилостивленнымъ скипетромъ Николая, но, видя, что я не отвѣчаю, спросилъ:

— Не такъ ли, А. И.?

— Не такъ, Михаилъ Семеновичъ. Я знаю, что вы меня любите и желаете мнѣ добра. Мнѣ больно васъ огорчить, но обманывать я васъ не могу: пусть говорятъ наши друзья, что хотятъ, я *типографію не закрою*; придетъ время, они иначе взглянуть на рычагъ, утвержденный мною въ англійской землѣ. Я буду печатать, безпрестанно печатать... Если наши друзья не оцѣнятъ моего дѣла, мнѣ будетъ очень больно, но это меня не остановитъ,—оцѣнятъ другіе, молодое поколѣніе, будущее поколѣніе.

— Итакъ, ни любовь друзей, ни судьба вашихъ дѣтей?

Я взялъ его за руку и сказалъ ему:

— Михаилъ Семеновичъ, зачѣмъ вы хотите мнѣ испортить праздникъ свиданія? Я въ Америку не поѣду, я въ Россію при этомъ порядкѣ дѣлъ тоже не поѣду, печатать я буду, это—единственное средство сдѣлать что-нибудь для Россіи, единственное средство поддержать съ ней живую связь; если же то, что я печатаю, дурно, скажите друзьямъ, чтобъ они присылали руко-

писи—не можетъ быть, чтобъ у нихъ не было тоски по вольномъ словѣ.

— Никто ничего не пришлетъ,—говорилъ уже раздраженнымъ голосомъ старикъ. Мои слова его сильно огорчили, онъ почувствовалъ приливъ въ головѣ и хотѣлъ послать за докторомъ и пивками.

На разговоръ этотъ мы не возвращались. Только передъ отъѣздомъ въ амбаркадеръ онъ грустно сказалъ, качая головой:

— Много, много радости вы у меня отняли вашимъ упрямствомъ.

— М. С., оставьте каждого итти своей дорогой, тогда, можетъ, иной и придетъ куда-нибудь.

Онъ уѣхалъ; но неудачное посольство его все еще бродило въ немъ, и онъ, любя сильно, сильно сердился и, выѣзжая изъ Парижа, прислалъ мнѣ грозное письмо. Я прочиталъ его съ той же любовью, съ которой бросился ему на шею въ Фолькстонѣ, и—*пошелъ своей дорогой*.

Прошло пять лѣтъ послѣ моего свиданія съ Михаиломъ Семеновичемъ, и русскій станокъ въ Лондонѣ снова попался ему на дорогѣ. Дирекція московскихъ театровъ задерживала какія-то экономическія деньги, которыя слѣдовали въ награду артистамъ. Тогда было время *рекламацій*¹⁾, и артисты избрали Щепкина своимъ ходатаемъ въ Петербургѣ. Директоромъ тогда былъ извѣстный Геденовъ. Геденовъ началъ съ того, что отказалъ наотрѣзъ въ выдачѣ денегъ за прошлое время, говоря, что книги были контролированы и возвращаться на сдѣланныя распоряженія было невозможно.

Разговоръ сталъ упорнѣе со стороны Щепкина и, какъ разумѣется, дерзче со стороны директора.

— Я долженъ буду беспокоить министра,—замѣтилъ артистъ.

— Хорошо, что вы сказали: я ему доложу о дѣлѣ, и вамъ будетъ отказъ.

— Въ такомъ случаѣ я подамъ просьбу государю.

— Что вы это! съ такими дрязгами соваться къ его императорскому величеству?! Я, какъ начальникъ, запрещаю вамъ.

— Ваше превосходительство,—сказалъ, откланиваясь, Щепкинъ,—деньги эти принадлежать, въ этомъ и вы согласны, бѣднымъ артистамъ; они мнѣ поручили ходатайствовать объ ихъ полученіи; вы мнѣ отказали и общаете отказъ министра. Я хочу просить государя,—вы мнѣ запрещаете, какъ начальникъ... Мнѣ остается одно средство: я передамъ все дѣло въ «Колоколь»...

— Вы съ ума сошли!!—закричалъ Геденовъ.—Вы понимаете ли, что вы говорите?! Я васъ велю арестовать. Послушайте, я васъ извиняю только тѣмъ, что вы сгоряча это сказали. Изъ

1) Réclamation—заявленіе претензіи.

эдакихъ пустяковъ дѣлать кутерьму, какъ вамъ не стыдно?! Приходите завтра въ контору, я посмотрю.

На другой день сумма была назначена артистамъ, и Щепкинъ поѣхалъ домой ¹⁾.

... А какъ-то потухла его жизнь?! Декораціи, актеры и самая пьеса еще разъ измѣнились.. Что дѣлалъ старикъ, дожившій, съ одной стороны, до осуществленія своей вѣчной мечты объ освобожденіи крестьянъ,—въ средѣ пресыщеннаго либерализма, патриотизма кроваваднаго по службѣ, въ средѣ доносовъ университетскихъ, литературныхъ, окруженный измѣнниками своей юности, своихъ благороднѣйшихъ стремленій, рукоплескающими возгласамъ Писемскаго, статьямъ «Московскихъ Вѣдомостей» и казнямъ Муравьева?

10 сентября 1863.

2241. Варшава утѣшена!

«Ты возвратишься, благодатный!»

Изъ будущей пьсы.

Константинъ Николаевичъ, оставляя Варшаву на какую-то десятидневную экзекуцію и на муравьевское усмирёніе, утѣшилъ ее вполне *общаіемъ возвратиться*, когда опасность и тяжелое положеніе пройдутъ. Какое счастье! Утерты слезы, утерта кровь, Варшава можетъ быть покойна... Жителей не будетъ, домовъ не будетъ, но великій князь возвратится!

Гдѣ тѣ дни юныхъ мечтаній, когда Константинъ Николаевичъ, вперя взглядъ въ широкое море и въ крошечнаго Головнина, мечталъ о великомъ будущемъ?.. Плохо разыгралась игра, и это не случайно. Безъ твердыхъ началъ, безъ полной вѣры, безъ всякой мысли въ обыкновенный штиль можно еще кое-какъ поплавать съ Головнинымъ у руля; а въ бурю, дѣйствительно, лучше куда-нибудь въ портъ да и возвратиться въ хорошую погоду...

2242. Съ точки зрѣнія ливреи и запятокъ.

«Графъ Старженскій ²⁾, избранный въ гродненскіе губернскіе предводители дворянства, являлся къ губернатору въ *пиджакъ*, безъ малѣйшаго знака уваженія, подобающаго представителю законной власти въ губерніи» («Москов. Вѣд.»).

Пиджакъ графа Старженскаго первый послѣ пальто князя Меншикова вносится въ скрижали бытописанія, и этому онъ обя-

¹⁾ Анекдотъ этотъ, тогда же переданный намъ изъ очень прямого источника, мы не печатали по понятной причинѣ. А. И. Г.

²⁾ Викторъ Александровичъ.

занъ *deliriumu* ¹⁾ *фискальства* одного изъ самыхъ *муравленыхъ* правительственныхъ органовъ.

Тяжелый формализмъ, военная вытяжка (р-р-руки по швамъ!) и гражданское подобострастіе въ одеждѣ, наружности и словахъ идутъ у насъ рядомъ съ другими мерзостями изъ самой неуклюжей страны въ мірѣ—изъ Германіи. Неотесанность нѣмецкихъ нравовъ обуздывалась только чинопочитаніемъ. Нѣмецкіе *Фержел* ²⁾ постоянно сбивались на кордегардію и переднюю. Для нѣмцевъ, не получающихъ вовсе воспитанія, — что не мѣшаетъ имъ быть очень учеными,—надобно было опростить нюансы, къ которымъ привыкло порядочное общество во Франціи и Англии, и замѣнить его этикетомъ внѣшнимъ и обязательнымъ. А потому церемоніймейстеры и вахтмейстеры расписали для нѣмцевъ, сколько пуговицъ надо застегнуть въ знакъ уваженія, какъ кланяться и какъ говорить, какъ сидѣть и какъ держать спину на ногахъ. Узкими штанами и фраккомъ заявлялось уваженіе къ старшему, застегнутымъ воротникомъ—таковая же преданность и пр. Все это было перевезено подъ фирмой цивилизаціи въ Россію. Византійскіе нравы московскаго двора съ аристократами, которыхъ пороли на конюшнѣ, и сановниками, которыхъ сѣкли кнудомъ, давали удивительную почву для табели о рангахъ, для этикета, для заявленія раболѣпія и самоуничиженія. Дворяне и дворни вскорѣ заткнули за поясъ нѣмцевъ. Русскій лакей (до освобожденія) и русскій чиновникъ (можетъ, до конституціи Лагеронньера ³⁾) дошли до физиологической границы дисциплины и подобострастія. Еще шагъ—и лакей-чиновникъ превратился бы въ негра, еще шагъ—и *вытяжной* офицеръ вытянулся бы въ столбнякъ.

Кто живалъ въ провинціи, тотъ знаетъ, до какой казуистики, до какихъ тонкостей и усовершенствованій довели мы подлость чинопочитанія и наружные знаки раболѣпія. Чиновники въ Вяткѣ снимали шубы на губернаторскомъ дворѣ и оставляли ихъ въ саняхъ; были губернскаго власти, которая, если не успѣвали подать губернатору, котораго называли *генераломъ*, шубу, то съ умиленіемъ поправляли ее.

Одинъ протестъ, одно негодованіе и слышалось противъ подлости въ нравахъ: русская литература позорила кліентизмъ, дѣлала его смѣшнымъ и гадкимъ, дѣлала его презрительнымъ и заставляла стыдиться его.

А теперь печатно защищаютъ «знаки уваженія подобающіе» и подъ этими знаками разумѣютъ, вѣроятно, *фракъ по утру*. Въ тѣ времена, когда литературу держали въ черномъ

¹⁾ Delirium—бредъ.

²⁾ Ferkel—поросенокъ, а въ переносномъ смыслѣ «свинья», грязный человекъ.

³⁾ Луи-Этьеннь, франц. публицистъ и политич. дѣятель, вѣрный слуга Наполеона III.

тѣлѣ и гнали науку, не было краснорѣчивыхъ защитниковъ «подобающихъ знаковъ», не было и каедръ рабства; во всей Россіи *тогда* не осмѣливались публично пить ни одного не казеннаго госта, но во всей Россіи не нашлось бы рта, чтобы пить за здоровье Муравьева.

Есть гніенія, которыя только и обнаруживаются, когда до нихъ коснется чистый воздухъ. По счастью, у насъ матеріала не много, и разложеніе идетъ ужасно быстро, такъ что едва мы успѣемъ обернуться, а вся верхняя короста изъ отвратительной гнили перейдетъ въ то, во что должна, — въ тучное удобреніе полей.

Все это такъ, но нѣтъ возможности оборониться отъ чувства негодованія, боли и стыда при видѣ этого залавка въ передней, въ который упали наше *образованное* общество, наша торговая литература, наши университеты, украшенные новыми членами. Эта боль—послѣдняя дань уваженія комнатъ родительскаго дома или школы, гдѣ мы провели дѣтство и юность, и гдѣ теперь живеть будочникъ или сыщикъ.

Еще слово. Какъ же наши англomаны въ *нечистой* отставкѣ не подумали, что въ Англии, въ этомъ идеалѣ преобладанія собственности, капиталовъ, землевладѣльцевъ, въ аристократической Англии ни къ одному министру, ни къ одному сановнику, ни къ кому вообще никто *не ѣздитъ во фракъ утромъ?* Фракъ утромъ—признакъ лакея и можетъ только закупиться на то, что человекъ въ пиджакѣ пошлетъ его за своей каретой.

Господа, въ честь пиджака графа Старженскаго бросьте дикую привычку *являться* къ начальству во фракъ въ 8 часовъ утра.

2243. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено: за № 74, отъ старообрядца, признающаго бѣлокриницкое священство, 40 франковъ; за № 2104—1000 франковъ; за № 2105—50 франковъ.

2244. Преступленія въ Біаррицѣ (изъ «Таймса»).

«28 сентября въ Біаррицѣ какая-то высокопоставленная (of high rank) ¹⁾ русская дама ударила зонтикомъ въ лицо французенку, изъясляющую сочувствіе къ Польшѣ. Вслѣдствіе этого императрица французовъ вычеркнула имя этой русской дамы и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ изъ списка приглашаемыхъ ко двору, а вслѣдствіе этого какіе-то русскіе, нахо-

¹⁾ Высшаго свѣта.

дившіеся въ Біаррицѣ, подослали графинѣ Пршездецкой письмо съ химическимъ снарядомъ, которое при распечатаніи обожгло брови и волосы графинѣ и не сожгло ея самое только потому, что горничная скоро подошла, чтобъ затушить загорѣвшійся головной уборъ. Въ подосланномъ письмѣ было написано: «Мерзкая (wretched) маленькая польская женщина, думаете ли вы, что мы не знаемъ, что вы вашими интригами и происками успѣли добиться до приглашеній къ ничтожному, маленькому (miserable little) французскому двору? Намъ дѣла нѣтъ ни до него, ни до васъ. Не гордитесь преимуществами, которымъ мы всегда успѣемъ воспрепятствовать. Не позволяйте вашимъ *босоношамъ* соотечественникамъ воображать, что они, черезъ ваше посредство, восторжествуютъ. Остерегайтесь вы, да и они пусть остерегаются».

Что это такое? изъ какого уродливаго вѣка? изъ какого племени? Да правда ли это? Неужто въ самомъ дѣлѣ кто-то изъ русскаго дворянства рѣшился до такой степени опозорить имя русское съ сердцовъ на то, что не удалось похолопничать при иностранномъ дворѣ? А есть еще люди, которые ждуть чего-то хорошаго отъ дворянства, способнаго на всякій отвратительный поступокъ, когда ему мѣшаютъ насладиться лакейскимъ достоинствомъ въ придворныхъ передняхъ.

2245. Казнь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ прошломъ (171) листѣ «Колокола», въ подстрочномъ примѣчаніи мы сказали, какъ былъ разстрѣлянъ 10 августа крестьянинъ Саратовскаго уѣзда, села Березовки Алексѣй Хромовъ за поджогъ дома своего отца. Очевидно, дѣло не имѣло никакого отношенія къ шайкамъ поджигателей (которыхъ, впрочемъ, нигдѣ и не отыскалось). Дѣло было семейное преступленіе и подлежало обычному уголовному, а не военному суду. Послѣ мы нашли въ русскихъ газетахъ officialный отчетъ о другомъ разстрѣляніи, еще больше незаконномъ,—о разстрѣляніи Рузавина. Вотъ оно:

«Утромъ 8 августа, въ Нижнемъ-Новгородѣ исполненъ смертный приговоръ надъ разбойникомъ Рузавинымъ. Рузавинъ оказался виновнымъ: а) въ проживаніи безъ письменнаго вида и притомъ въ уединенномъ и скрытномъ мѣстѣ; б) въ упорномъ заперательствѣ открыть что-либо, касающееся до его званія, происхожденія и образа жизни, равно средствъ приобретенія, оказавшихся при немъ: оружія, вещей и денегъ 392 руб. сер.; в) въ вооруженномъ сопротивленіи полицейской власти, причемъ имъ, Рузавинымъ, произведенъ выстрѣлъ изъ ружья, и г) въ намѣренномъ сокрытіи званія бывшихъ съ нимъ товарищей, изъ которыхъ одинъ скрылся и до настоящаго времени еще не отысканъ. Сверхъ того, разбойникъ Рузавинъ навлекъ на себя *сильное подозрѣніе* въ соучастіи съ товарищами его въ поджигательствѣ и бывшихъ черезъ то пожарахъ въ послѣднее время въ Нижегородской губерніи и особенно въ селѣ Борисовѣ Нижегородскаго уѣзда. За вышеозначенныя преступленія, на основаніи 20, 83, 604, 631 и 632 ст. 1 кн. V ч. Уст. Воен.-Угол. (изд. 1859 г.), комиссія военнаго суда пригово-

рила разбойника Григорія Рузавина къ смертной казни разстрѣляніемъ. Этотъ приговоръ утвержденъ исправляющимъ должность нижегородскаго генераль-губернатора генераль-адъютантомъ Огаревымъ».

Господинъ генераль-губернаторъ! Да ступайте же лучше въ монастырь на покаяніе! Или сойдите съ ума отъ мысли, что вы были убійцей только *подозрѣваемой* челоувѣка Вѣдь, *всякое несчастье* лучше генераль-губернаторскаго злодѣйства.

Въ Англіи, гдѣ смертная казнь признана закономъ, казнятъ за предмамѣренное убійство, но нѣтъ примѣра, чтобъ казнили за непопавшій выстрѣлъ. Кромѣ этого непопавшаго выстрѣла, Рузавинъ остается въ *подозрѣніи* въ поджигательствахъ и другихъ преступленіяхъ. Смертная казнь по *подозрѣнію*, въ дѣлѣ, подлежащемъ обычному уголовному, а не военному суду, которому могутъ подлежать только проступки и преступления по военной службѣ, а не крестьянскія! Или ужъ такъ крестьянъ можно убивать, какъ собакъ, безъ церемоній? Если, вмѣсто новаго, независимаго суда, императорское правительство введетъ судъ по военному уложенію и по рѣшенію генераль-губернаторовъ и станетъ сначала разстрѣливать мужиковъ, какъ больше безотвѣтныхъ, то напрасно господа дворяне-чиновники радуются такому суду-безсудію. Очередь дойдетъ и до нихъ. Пожалуй, спохватятся, что смиренно смотрѣли, какъ разстрѣливаютъ крестьянъ!

Только петербургское правительство тоже ошибется: это злодѣйское безсудіе скоро станетъ всѣмъ противно—и дворянамъ и крестьянамъ.

Изъ частныхъ извѣстій мы знаемъ, что при этомъ разстрѣляніи Рузавина, такъ какъ дѣло было во время ярмарки, толпа народа была несмѣтная. Когда Рузавину прочли приговоръ, а священникъ читалъ ему длинную проповѣдь, онъ остался спокоенъ. Когда стали его одѣвать въ предсмертную рубашку и привязывать, онъ только крикнулъ и потерялъ себѣ бороду. Солдаты стрѣляли два раза, потому что доктору показалось, что раненый въ сердце двѣнадцатью пулями еще не умеръ... Послѣдній залпъ былъ направленъ уже не въ грудь, а куда попало. Толпа заколебалась отъ ужаса. Казаки стали разгонять ее нагайками. Замѣчательно, что около мѣста казни были поставлены острожные арестанты (для устрашенія примѣромъ); въ суматохѣ, происшедшей отъ движенія толпы, двое изъ нихъ спаслись бѣгствомъ.

2246. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено: изъ Любека 100 франк., отъ № 100—5 талеровъ, отъ № 113—10 талеровъ, отъ № 145—50 талеровъ, отъ № 146—14 шиллинговъ, № 200—4 фунт. стер.

2247. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 ноября 1863.
Флоренція.

Вотъ мы въ какихъ палестинахъ—и собираемся на часъ въ лондонскіе туманы и кланяемся отъ души вамъ всѣмъ.

Перъ и физъ ¹⁾.

¹⁾ Père et fils—отецъ и сынъ.

2248. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 nov. 1863.

Firenze, Hôtel Américain, Via Vigna nuova.

«Колокола» нѣтъ. Такъ, пожалуй, пропадаютъ и письма. Я писалъ отсюда 4, 6, 8 и 10. Во вчерашнемъ письмѣ, довольно длинномъ, была вложена статейка Мечникова. Начинаю съ поправки въ моей статьѣ о Неаполѣ,—не забудь ея.

NB. Напис.: «Вольтеръ сказалъ» то-то, слѣдуетъ «Паскаль . . . . .». NB ¹⁾).

Далѣ мелочи и смѣсь. 1-е. Обручевъ никогда не принималъ начальства надъ главнымъ штабомъ, а тотчасъ отказался и уступилъ мѣсто Вестбергу ²⁾. 2-е. Мнѣ рассказывали, что капит. Артюковъ ³⁾, кажется, такъ его фамилія,—помнишь, который былъ съ поваромъ и надулъ Тхоржевскаго? — изготовилъ проектъ доставки меня изъ Лондона въ Одессу, и это въ то время, когда ѣздилъ къ намъ.

Вчера я былъ у Дольфи. Сегодня я буду у Mario (White) ⁴⁾. Дольфи—молодецъ, Чичероваккіо заткнулъ за поясъ: мужчина съ Бак. ⁵⁾ ростомъ, съ лицомъ античной статуи, выражающимъ несокрушимую волю и энергію; у него мускулы не повисли; настоящій трибунъ и очень уменъ. Говоритъ троху ⁶⁾ по-французски, но больше по-итальянски. Я понимаю хорошо. Отъ него я узналъ, что Мордини, проѣздомъ, во Флоренціи. Мордини принадлежить для меня къ воспоминаніямъ о 1852. (Это—bête poig ⁷⁾ реакціи, бывший продиктаторъ ⁸⁾ Сициліи). Мнѣ говорили, что онъ сталъ важнымъ человѣкомъ,— не знаю, almeno ⁹⁾ не со мной.

Я его засталъ за обѣдомъ и нарочно взошелъ безъ доклада. Онъ не имѣлъ понятія, что я во Флоренціи, но тотчасъ узналъ и бросился меня цѣловать. Это—тоже сила. Италія богата людьми: «Мы съ вами встрѣчаемся,—сказалъ я ему,— какъ старые сол-

¹⁾ Письмо пришло послѣ выхода 173 л. «Кол.», и потому поправка не была сдѣлана.

²⁾ Объ этомъ въ «Колоколѣ» ничего нѣтъ.

³⁾ Нѣтъ, говорятъ, не онъ. А. И. Г.

⁴⁾ Jessie-Meriton White-Mario, англійская и итальянская писательница, сподвижница Гарibaldi.

⁵⁾ М. Бакунинъ.

⁶⁾ Немного.

⁷⁾ Пугало.

⁸⁾ Исполняющей обязанности, замѣститель диктатора, временный диктаторъ.

⁹⁾ По крайней мѣрѣ.

даты, оставшіеся вѣрными нашему знамени, а объ знакомыхъ страшно вспомнить».

Гдѣ нашъ старецъ Ланжеронъ?
Гдѣ нашъ старецъ Бенигсенъ?

(Собств. имена замѣни самъ).

Сегодня объѣдъ, который русскіе мнѣ даютъ. Я откровенно долженъ сказать, что пріемъ здѣсь и отъ своихъ, и отъ итальянцевъ далеко превзошелъ мои ожиданія... И чего-чего здѣсь нѣтъ: и S. Pigot, Esq. изъ «Daily News» ¹⁾, и графъ Нессельроде ²⁾ aux perles ³⁾—и Конст. Ник. ждуть; видно, хочеть сдѣлаться артистомъ.

Одинъ Доманже не показывается.

А rporos, Dolfi—Fornaiolo ⁴⁾, сидитъ въ лавкѣ съ мукой и крупой и продаетъ ее, какъ нѣкогда великій Боткинъ продавалъ чай; и, продавая ее, онъ одинъ страшнѣе всей франц. оппозиціи правительству. Это—самый популярный трибунъ во Флоренціи.

12, четвергъ.

Объѣдъ былъ очень приличенъ и очень скромнъ. На немъ былъ и Стюартъ ⁵⁾. Онъ, безъ сомнѣнія, глупѣе и тяжеле всѣхъ бывшихъ. Трава эта здѣсь уже недѣли три, не знаетъ ни одного изъ русскихъ, не знаетъ, что я здѣсь и, если-бъ Саша его не засталъ у проф. Шиффа ⁶⁾, а Фрикенъ не пригласилъ бы участвовать въ объѣдѣ, я его бы не видалъ. Съ такими заграничными Брунновыми не далеко уѣдешь. Я его нарочно столкнулъ съ Мечниковымъ, но онъ и тутъ мямлилъ и пр. Разумѣется, главный интересъ, это—Касатк., его слова и дѣла. Я предложилъ два тоста: за тебя и за «З. и В.», Саша—за память Потебни. На объѣдѣ былъ одинъ полякъ живописецъ.

Письма ваши пришли, т.-е. собственно, не ваши, а твое. Господи, да зачѣмъ это все продолжается какая-то томящая, скучная нота и грустная?! Я никогда не любилъ васъ, car! miei ⁷⁾, больше; я стремлюсь возвратиться, и все дѣло въ томъ, что ты, Огаревъ, меня все сердилъ и даже послѣднимъ секретомъ о Сашѣ.

Natalie, и ты оставь всѣ Grübeleien ⁸⁾ и сомнѣнія. Вы у меня въ воспоминаніи просвѣтлѣли,—не будемъ портить ни этого времени, ни возвращенія. Мнѣ больно, что слова меня сбиваютъ вся-

¹⁾ Sir Gillery, esquire.

²⁾ Карлъ Васильевичъ, бывший министр иностр. дѣлъ.

³⁾ Въ жемчугахъ.

⁴⁾ Хлѣбопекъ; Дольфи имѣлъ богатую хлѣбную торговлю.

⁵⁾ Гейдельбержецъ.

⁶⁾ Морицъ, нѣмецкій фізіологъ, проф. бернскаго университета, потомъ во Флоренціи.

⁷⁾ Мои дорогіе.

⁸⁾ Грустные мысли.

кій разъ съ настроенія, и я дѣлаюсь угрюмъ и привязчивъ. Не въ томъ ли, можетъ быть, сомнѣніе, что я писалъ о *второмъ* будущемъ? Что я могу объ немъ сказать прежде С.-Мало? Создать его надо и тутъ я помогу тебѣ. Вліяніе мое на Тату очень велико. Въ препинаніяхъ съ Мейз. я открыто взялъ ея сторону, т.-е. Татину, и этимъ актомъ справедливости еще больше усилилъ вѣру въ себя. Все это вліяніе я тебѣ дарю. Теперь опять миръ. 22 мы ѣдемъ въ Ливорно. Отвѣтъ на это письмо лучше туда и адресовать... 24 дѣти отправятся въ Чивиту, а 25 или 26 мы— въ Геную (это зависитъ отъ франц. парох.). Оттуда (а, можетъ, и прямо изъ Ливорно), можетъ, поѣдемъ въ Комо.

Прощай; покой и миръ, твердость на жизнь и немного теп-
лой вѣры въ меня.

Дай твою руку и поцѣлуй дѣтей.

Что съ Лизой? И Ольга что-то хвораетъ. *Mademoiselle Lili ne doit pas être malade* ¹⁾).

Скажи Тхоржевскому или напиши князю Долгорукову, что я совершенно согласенъ на его предложеніе. «Московск. Вѣд.», разумѣется, выписывать слѣдуетъ особо и «Свѣт. Пчелу», ну, а «День», какъ знаешь,—я не вижу особой необходимости его читать днемъ раньше. «Le Nord» и «Кельн. Газета» необходимы, но это успѣемъ ²⁾).

О Катковѣ подумаю. Не лучше ли просто написать, что это ложь, т.-е. Огар. и Герц. объявляютъ? Но какъ же Бак. скажетъ, что это ложь, когда онъ все то же говорилъ и даже въ стокгольмской рѣчи? Пользу, которую онъ принесъ, еще не знаю, а вредъ налицо. Повторяю, что я его видѣть не хочу.

Если 250 взяты, то 50, т.-е. 1250 фр., уже есть.

Ст. Ут. ³⁾ только въ концѣ можетъ быть помѣш., то-есть гдѣ онъ говоритъ о «З. В.», но лучше подождать и прочесть брошюру. А коли хочешь, напиши, не упоминая о Ш.-Фер., вызовъ отъ себя и отъ меня подтвердить хоть однимъ словомъ изъ «Колок.». *Au reste* ⁴⁾), это должны сдѣлать поляки. Тхоржевскій можетъ переговорить съ Булевскимъ. Если напишу, пришлю послѣ-завтра ⁵⁾).

(Снова приплатилъ 1 фр. 25). ¹

◆◆ 1. 18 ноября 1863 г. Огаревъ писалъ Герцену въ Ливорно: «Оставь личныя антипатіи и даже семейную гордость. Разрывъ съ Б. теперь былъ бы торжествомъ для пр. А, вѣдь, въ сущности мы его черезъ край обидѣли, и доля большая падаетъ на

¹⁾ M-elle Лили не должна хворать.

²⁾ Долгоруковъ предложилъ выписывать газеты въ долѣ и мѣняться ими.

³⁾ Статя Н. И. Утина.

⁴⁾ Впрочемъ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о № 2264.

насъ, стариковъ. За это нельзя сердиться на человѣка точно такъ же, какъ и нельзя особенно любить. Но ссора была бы позорна для всѣхъ. Не хочу объ этомъ больше говорить,— поступи, какъ мужъ справедливости и общаго дѣла. Это мой внутренній голосъ» (Изъ записной книги Балашевича-Потоцкаго).

2249. СЪ КОНТИНЕНТА.

Письмо изъ Неаполя.

5 октября 1863, Неаполь.
Chiaia, Hotel Washington.

Ну, вотъ я и на Кіайѣ, и потухнувшій Везувій передо мной, и синее небо, и синее море... Опять увидалъ я своими глазами романскую половину стараго міра, провѣрилъ ее еще разъ отъ Калэ до Неаполя и съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ, съ которымъ я покидалъ Лондонъ, гляжу на Сантъ-Эльмо и Капри.

Свѣтлыхъ замѣтокъ, хорошихъ воспоминаній я не привезу. На этотъ разъ все хорошее и свѣтлое принадлежитъ природѣ и *партикулярной* жизни.

Положеніе русскаго становится безконечно тяжело. Онъ все больше и больше чувствуетъ себя чужимъ на Западѣ и все глубже и глубже ненавидитъ все, что дѣлается дома. Ни вблизи, ни вдали нѣтъ для него ни успокоенія, ни отрады,—такое печальное положеніе рѣдко встрѣчалось въ исторіи. Развѣ, въ первые вѣка христіанства испытывали подобную скорбь *чуждости въ обѣ стороны* монахи германскаго происхожденія, развившіеся въ римскихъ монастыряхъ. Спасать языческой міръ не ихъ было дѣло; его паденіе они предвидѣли, но не могли же они сочувствовать дикимъ ордамъ единоплеменниковъ, бессмысленно шедшихъ на кровавую работу совершающихся судебъ. Имъ оставалось одно—итти съ крестомъ въ рукахъ и съ словомъ братскаго увѣщанія къ разсвирѣпѣвшимъ толпамъ, стараясь добратся до чего-нибудь человѣческаго въ ихъ загрубѣлыхъ сердцахъ. Креста у насъ нѣтъ... слово осталось... но до человѣческаго чувства мы еще не договорились...

Какъ далеко мы разошлись въ послѣднія десять лѣтъ съ западнымъ міромъ, трудно себѣ представить. Мы въ это время расправили немного наши мысли, дали имъ обжиться въ груди нашей и съ ними намъ стало вдвое невыносимѣе стучаться на каждомъ шагу въ какія-то крѣпостныя стѣны, негодныя на защиту, но оскорбляющія глазъ и суживающія горизонтъ. Западные декораціи намъ приглядѣлись, приглядѣлись и здѣшніе актеры, мы знаемъ ихъ силу и ихъ границу; они насъ вовсе не знаютъ. Мы оскорблены здѣсь въ тѣхъ сторонахъ нашей внутренней

жизни, которая мы дорого цѣнимъ въ себѣ, и уважены въ тѣхъ, которая мы сами презираемъ.

Еще въ Англіи жить сноснѣе,—не потому, что тамъ больше родного, а потому, что тамъ чуждость полнѣе, рѣзче, серьезнѣе. Колоссальность добра и зла, размѣръ утесовъ, которые двигаетъ этотъ дебелый полнокровный Сизифъ, привязываютъ къ нему и къ его оригинальнымъ судьбамъ. Къ тому же онъ такъ занятъ, что ему дѣла нѣтъ до какого-нибудь иностранца, копошащагося въ своемъ углу. Великій талантъ оставлять челоуѣка въ покоѣ принадлежитъ одной Англіи.

Но, какъ бы то ни было, я въ Неаполѣ и хочу вамъ разсказать свои *сенсаціи* ¹⁾.

Съ теплымъ, мягкимъ воздухомъ, съ южными горизонтами становится легче на душѣ; люди и города меньше давятъ, меньше занимаютъ, природа выступаетъ на первый планъ. Съ Генуи начиная, свободнѣе дышать, и мнѣ не разъ приходило въ голову, не правъ ли нашъ другъ Маццини, и не найдетъ ли вдова двухъ міровъ, двухъ Римовъ ²⁾, свѣжія силы въ себѣ для третьяго брака. Но шумная, яркая, пестрая Италія въ худшее время своего угнетенія такъ же благотворно дѣйствовала на путешественника, какъ и теперь: она беретъ своимъ теплымъ вѣянiемъ и яснымъ солнцемъ, двумя-тремя закраинами, взморьями да очерками горъ.

Паскаль говоритъ, что если-бъ у Клеопатры линія носа была другая, то судьбы древняго Рима были бы иныя. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Шутка—линія носа, линія вообще! Отнимите у Неаполя линію моря, линію горъ, полукругъ его залива, что же останется? Кишащее гнѣздо нравственной ничтожности и добродушнаго шутовства, грязь, вонь, нестройные звуки, ослиный крикъ возчиковъ и самихъ ословъ, крикъ и брань торговockъ, дребезжанье скверныхъ экипажей и хлопанье бичей рядомъ съ совершеннымъ умственнымъ затишьемъ и съ отсутствіемъ всякаго стремленія выйти изъ него. А съ ними, съ этими линіями будущность Неаполя обезпечена. Съ ними онъ будетъ вовѣки вѣковъ звать путника, и путникъ, откуда бы ни шель, преклонится передъ этими предѣлами красоты. Я смѣло говорю *предѣлами*; могутъ быть такія же красоты, могутъ быть иныя, но лучше, изящнѣе, музыкальнѣе не могутъ быть.

Когда нашъ пароходъ при восхожденіи солнца тихо и плавно огибаль мысль Мизено, и вслѣдъ за Искіей и Прочидой открывалась вся дуга отъ Позилипо до Сорренто, все присмирѣло на палубѣ, все съ умиленіемъ молилось этому великому преображенію земли, воды и воздуха.

Но съ городомъ я далеко не такъ свѣтло встрѣтился, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Кто изъ насъ измѣнился, не

¹⁾ Начало заглавія шуточной поэмѣ Мятлева «Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за-границей, дан л'Этранже».

²⁾ Италія.

знаю,—вѣроятно, оба. Судьбы Неаполя были тяжелы, пока мы не видались. Отъ баррикадъ на улицѣ Толедо въ 1848 г. и бойни, которой Фердинандъ II окончилъ конституціонную эру своего правленія, до вшествія Гарибальди съ своими ополченцами жизнь Неаполя, шумливая, суетливая, но не сильная и пустая, была подавлена, забита и еще больше обращена на бессмысленный толкъ и ежедневныя дразги. Потеря политической дѣятельности въ другихъ мѣстахъ замѣнялась матеріальными улучшеніями; я не узналъ марсельскихъ улицъ, проѣзжая теперь. Ничего подобнаго въ Неаполѣ. Неаполитанскіе Бурбоны были скряги, мелкіе стяжатели. Въ Каподимонте ¹⁾ до сихъ поръ мебель и бронза,—все мюратовское; Бурбоны обрадовались добычѣ и захватили все обзаведеніе пышнаго врага, легли спать въ его постель, стали обѣдать на его посудѣ. На огромномъ столѣ былъ вензель Іоахима ²⁾; вензель перемѣнили, но, на бѣду, вся мозаичная кайма кругъ стола покрыта наполеоновскими пчелами—ихъ мѣнять было дорого, добрые Бурбоны не побрезгали, такъ и сѣли кушать и кушали до 60 года. Такіе короли не поправляютъ городовъ, и новая дорога Via Teresia (какъ-то вдругъ сдѣлавшаяся Via Vittorio Emanuele) начата ужъ при Франческо ³⁾. Нечего дивиться, что Неаполь, по большей части, скверно построенный, старѣлъ, чернѣлъ и совсѣмъ осунулся въ послѣдніе годы. Гдѣ тутъ было думать объ улучшеніяхъ и о комфортѣ. Онъ жилъ все время въ вѣчной тревогѣ, боясь явнаго правительства короля и тайнаго—каморристовъ ⁴⁾; откупаясь отъ обоихъ, боясь полиціи и революціонеровъ, боясь свѣтской и духовной цензуры, запертый на ключъ отъ всего міра, онъ радъ былъ, что его сколько-нибудь оставляютъ въ покоѣ. Слѣды того, что было, остались: въ Неаполѣ нѣтъ никакой умственной дѣятельности, книжныя лавки обѣдны книгами, кафэ—газетами, въ кабинетѣ для чтенія на Толедо нѣтъ и журналовъ; хозяинъ извиняется тѣмъ, что иностранцевъ еще мало, а неаполитанцы не читаютъ.

... Однимъ вечеромъ Неаполь, по обыкновенію, легъ спать у ногъ своего короля и утромъ проснулся у ногъ Гарибальди. Это пришло сюрпризомъ для всѣхъ. «Что же дѣлать теперь?»—спросилъ, испуганный король ⁵⁾ Либоріо Романо ⁶⁾.—«Ѣхать вонъ»—отвѣчалъ министръ. Король уѣхалъ, Гарибальди пріѣхалъ, а

¹⁾ Королевскій дворецъ, расположенный на возвышенности, носящей то же названіе.

²⁾ Т.-е. Мюрата, шуринна Наполеона, бывшаго королемъ неаполитанскимъ съ 1808 до 1814 г.

³⁾ II, король «Обѣихъ Сицилій».

⁴⁾ Участники тайнаго разбойничьяго сообщества, члены котораго вербовались среди подонковъ населенія; въ началѣ XIX ст. пользовалось большою силою въ неаполитанскомъ королевствѣ; изъ членовъ Каморры Либоріо Романо организовалъ полицію.

⁵⁾ Франческо II.

⁶⁾ Префектъ неаполитанской полиціи и министръ внутреннихъ дѣлъ.

вслѣдъ за нимъ пріѣхаль и Викторъ-Эммануиль—*la révolution était faite* ¹⁾! Неаполь остался при этомъ *avortement* ²⁾, но не сталъ на свои ноги, какъ Генуя, и не могъ—онъ вовсе не такъ воспитанъ; онъ, какъ всѣ города, выходящіе изъ-подъ самодержавнаго гнета, привыкъ къ помочамъ, къ опеке, къ покровительству и поощренію и вовсе не привыкъ ни къ какой инициативѣ. Неаполь ждалъ обновленія „откуда-то свыше, ждалъ политическихъ подарковъ и административныхъ «маккарони», а ему говорятъ: «Ты не маленкій, самъ возрастъ имѣешь, вотъ тебѣ права, вотъ тебѣ выборы, дѣлай, какъ знаешь». А онъ не знаетъ какъ и чувствуетъ, что, вмѣсто благъ, которыя онъ ожидалъ, онъ дождался потери своего значенія, какъ столицы, конскрипціи и разныхъ податей.

Безпечное легкомысліе и вѣчное разсѣяніе мѣшаютъ неаполитанцу сложиться до совершеннолѣтія и подумать о своемъ положеніи, и то же безпечное легкомысліе помогаетъ ему весело переносить все на свѣтѣ. Станный народъ: онъ труситъ передъ вздоромъ и строить свои дома подъ вчерашнимъ кратеромъ. Всѣ остальныя стороны его жизни носятъ тотъ же характеръ небрежности и необдуманности. Работники и простой народъ живутъ въ каменныхъ щеляхъ между шестизэтажными домами, въ грязи и вони, о которой теперь въ Европѣ не имѣютъ понятія; для нихъ ничего не сдѣлано, у нихъ нѣтъ ни воздуха, ни воды, а они-то и составляютъ все населеніе Неаполя. Народу уступлена, правда, улица—улица, но не солнце,—солнце за стѣной, и этотъ народъ, такъ грязно живущій, страстно любитъ свѣтъ, цвѣтъ, веселье, хохотъ, зрѣлища, наружный блескъ; ему королевскій дворецъ необходимо чистый квартиры и въ три мѣсяца одинъ фейерверкъ дороже свѣчки у себя дома.

Озабоченный король Италіи, мучимый, какъ Танталъ, Венерей и Римомъ, ничего не дѣлаетъ, чтобы занимать этого большого ребенка, и, не замѣчая того, оскорбляетъ его безъ нужды всякими пустяками. «Посудите сами», говорилъ одинъ недовольный офицеръ изъ неаполитанцевъ, «при Франческо у насъ было нѣсколько формъ, четырехъ разныхъ цвѣтовъ панталоны, считая бѣлые лѣтніе, а теперь—какъ насъ одѣли?! Стыдно ходить по улицѣ, служба потеряла весь престижъ».

Вы будете смѣяться надъ офицеромъ, и я смѣялся. А, въ сущности, зачѣмъ Викторъ-Эммануиль не прибавилъ пятую пару? «Оставляя, молъ, въ ознаменованіе признанной самобытности королевства обѣихъ Сицилій, прежнюю военную форму, Мы прибавляемъ еще общую итальянскую съ такимъ-то шитьемъ» и пр. Офицеръ нашель бы въ панталонахъ *dell'unità* ³⁾ новую приманку для службы и не сталъ бы вздыхать о Франческо.

¹⁾ Революція совершилась.

²⁾ Недоноскъ.

³⁾ Единенія.

Трезвый Пиемонтъ этихъ вещей не понимаетъ; онъ думаетъ, какъ нѣкогда княгиня ¹⁾, что «если у ребенка есть башмаки, такъ игрушекъ ему ненужно». Оттого-то онъ и не имѣетъ ничего общаго съ разгульнымъ городомъ. Требованія Пиемонта большей частью дѣльны и справедливы, да Неаполю ненужно ни дѣла, ни справедливости; онъ хочетъ, чтобъ его занимали, а тамъ, пожалуй, можно его и пострашать.

Бракъ Неаполя съ Пиемонтомъ рѣшительно не удался; онъ такъ и просится на San Carlo ²⁾. Розина, Колумбина, сидѣвшая назаперти и бросавшая исподтишка любовныя цыдулки Донъ Маццини и назначавшая свиданія Донъ Гарибальди, вышла замужъ за Бартоло,—за дѣльнаго, но бесконечно скучнаго, прозаическаго, ограниченнаго провинціальнаго Бартоло ³⁾. И Розина очень ограничена, только на свой ладъ—на веселый; она хочетъ жить, спустя рукава, а, пожалуй, и платье; она любитъ жуировать, любитъ зрѣлище; не все же смотрѣть процессіи, въ которыхъ богородица съ кринолинами,—ей надобно дворъ, гвардія, балы, на которые ея не приглашаютъ, но и не запретаютъ смотрѣть, какъ подбѣзжаютъ пышные экипажи, выходятъ пышныя принцессы... Это—опять пятые панталоны. Розина совершенно права,—на пустой дворецъ гадко смотрѣть, и лошади, подаренныя Николаемъ своему другу Фердинанду II, ушли бы, если-бъ не были мѣдныя. И на что же всѣ эти принцы Умберты ⁴⁾, герцоги и князья кариньянскіе? Да и зачѣмъ самъ хозяинъ живетъ круглый годъ въ какомъ-то захолустьи, когда есть Неаполь и Казерта ⁵⁾?

Пиемонтъ вѣрится въ свою магнитную силу, Туринъ—въ свое значеніе итальянской столицы и подтягиваютъ къ себѣ части Италіи. Великое самоотверженіе Флоренціи избаловало ихъ. Какъ будто тамъ, гдѣ есть Римъ, можетъ быть другая столица! Да, по счастью, и самый Римъ никогда не сдѣлается поглощающимъ центромъ Италіи, какъ онъ былъ въ эпоху цезарей.

... Бѣдный народъ, едва имѣющій одни панталоны, и тѣ съ заплатами, такъ же недоволенъ, какъ и офицеръ, которому надобно было четыре пары панталонъ разнаго цвѣта для того, чтобъ защищать отечество. Онъ недоволенъ вводимыми порядками, потому что они—порядки, онъ недоволенъ и тѣмъ, что ничего не выигралъ при перемѣнѣ, для совершенія которой онъ,

¹⁾ См. «Былое и думы» ⁰⁾. А. И. Г.

²⁾ Театръ въ Неаполѣ.

³⁾ Розина и Бартоло — персонажи «Севильскаго цирюльника» и «Свадьбы Фигаро» Бомарше.

⁴⁾ Сонъ въ руку,—Умберто ⁰⁰⁾ пріѣхалъ въ Неаполь пять дней послѣ нашего отъѣзда. А. И. Г.

⁵⁾ Занимаетъ въ отношеніи Неаполя такое же положеніе, какъ Версаль въ отношеніи Парижа.

⁰⁾ М. А. Хованская, тетка Герцена.

⁰⁰⁾ Umberto—Гумбертъ, принцъ пиемонтскій, смѣль короля Виктора-Эммануила II.

впрочемъ, ничего и не сдѣлалъ. «*Re ladro, re galantuomo è lo stesso. Ni l'un capite, ni l'altro, non mi pagano niente!*»¹⁾—говорить онъ и, въ сущности, жалѣеть о прежнемъ порядкѣ вещей, когда правительство, грабя Сицилію, давало льготы неаполитанской черни, потворствовало всѣмъ ея гадостямъ, принимало участіе въ распряхъ лаццарони С.-Лучи и съ лаццарони порта и горъ и жило въ той же нравственной грязи и неразвитости, въ которой и она. Неаполитанскіе Бурбоны и неаполитанская чернь любили другъ въ другѣ родныя черты. Разбойникъ Нарди, сдѣлавшійся полковникомъ Франческа, входя въ Раполло съ своей шайкой, сказалъ собравшемуся народу: «*Si dice che Francesco II è un ladro. Or bene—io, ladro di professione, vengo a restaurare un ladro sul trono*»²⁾.

Народъ, выносившій все, даже побои (которыхъ не выносить нигдѣ итальянецъ), будируетъ теперешнее правительство, съ недовѣріемъ смотритъ на піемонтскихъ берсальеровъ³⁾ и съ негодованіемъ принимаетъ усилія правительства очистить городъ, подмести улицы. Какъ ни старалось новое «муничипіо», чтобъ завоевать половину широкаго тротуара на Санта-Лючіи, заваленнаго плетушками, шкапчиками, столиками съ продажной рыбой, съ *frutti di mare*⁴⁾,—не могло. Лаццарони уперся и отстоялъ себѣ Санта-Лючію,—по тротуару ходить нельзя. «Умру или останусь грязентъ!» Бѣдный Лазарь⁵⁾! Грязный Лазарь! и, главное—Лазарь, сидящій на первомъ мѣстѣ!

Въ этомъ-то все и дѣло, что въ Неаполѣ лаццарони занимаетъ казовый конецъ. Здѣсь нѣтъ богатой, образованной буржуазіи, которая служила бы крытымъ переходомъ между принчипе и нищимъ. Есть, правда, какая-то балаганная торговля, ко-

¹⁾ Король-воръ, король-честный человѣкъ—одно [и то же; ни тотъ, ни другой ничего мнѣ не платятъ.

²⁾ «Говорятъ, что Францискъ II—воръ. Ну, вотъ, я—воръ по ремеслу, иду возстановлять вора на престолъ». (M. Monnier «*Brigantaggio nelle provincie napoletane*», 1863). Сочувствіе это обоюдное. Когда Фердинандъ I плелся съ австрійскимъ обозомъ, чтобъ послѣ Мюрата занять тронъ своихъ праотцевъ, австрійскій генералъ, — рассказывалъ мнѣ извѣстный Пепе⁶⁾, — при переходѣ черезъ неаполитанскую границу, доложилъ королю, что ему слѣдуетъ лично принять начальство и вѣхать въ Неаполь безъ иностраннаго войска, которое будетъ его охранять на благойной дистанціи; Фердинандъ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ «подвергать себя такой опасности». — «Да чего в. в. боится, — сказалъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія генералъ, — развѣ вы не знаете, что неаполитанцы трусы?» — «Знаю, — отвѣчала королю. — *Anch'io sono napoletano e ho paura*»⁰⁰⁾. А. И. Г.

³⁾ Bersaglière—стрѣлокъ.

⁴⁾ Ракушки.

⁵⁾ Лаццарони (или лазарони) ведутъ свое названіе отъ Лазаря, покровителя нищихъ.

⁶⁾ Гульельмо, неаполитанскій политическій дѣятель, во время осады Венеціи командовалъ осажденной арміею.

⁰⁰⁾ Я—тоже неаполитанецъ и трушу.

торая вьетъ свою паутину отъ шести-этажныхъ домовъ къ каменнымъ конурамъ работниковъ, но она не скрываетъ пустоты между ними, а только придаетъ ей нечистый видъ.

Государство безъ сильнаго средняго состоянія поражаетъ насъ отсталой дикостью въ самыхъ обычныхъ вещахъ, оно выводитъ насъ изъ торной колеи нашихъ образованныхъ привычекъ, и мы теряемся. При извѣстныхъ условіяхъ въ буржуазномъ государствѣ жить легко и удобно.

Среднее состояніе, какъ гумиластиковая подушка, смягчаетъ всѣ столкновения, стираетъ всѣ разности, мѣшаетъ революціи, мѣшаетъ реакціи, разоряетъ богатаго, поглощаетъ бѣднаго, все уравниваетъ, все приводитъ въ порядокъ, ограничиваетъ кражу и обманъ и возводитъ ихъ зато въ тарифъ и привилегію, не позволяеть извозчику брать лишній франкъ, ни истцу—заплатить адвокату или нотариусу золотымъ меньше,—оно-то смеетъ съ улицъ нечистоту и съ нечистотой мелкую торговлю и нищихъ. Въ Неаполѣ его нѣтъ, и оттого Неаполь остается *столицей черни*. Слѣдуетъ ли радоваться этому или печалиться?

Трудно сказать, потому что трудно себѣ представить, чтобъ неаполитанскій народъ легче перешелъ въ больше человѣческую жизнь, чѣмъ оттертый корыстнымъ посредникомъ пролетаріатъ другихъ странъ. Чѣмъ онъ доказалъ это? Онъ живетъ вѣка такъ, какъ теперь. Возьмите хроники, возьмите путешественниковъ прошлаго вѣка, и вы увидите, что онъ такъ же мало измѣнился, какъ кошки и обезьяны... Глядя на то, что здѣсь, при отсутствіи сильной буржуазіи, столичная чернь остается лаццарони, а провинціальная становится разбойниками, поневолѣ приходитъ въ голову, что народъ, по тяжелому закону *sélection* ¹⁾, только и поднимается черезъ буржуазію къ болѣе развитой жизни.

Можетъ, буржуазія—вообще, *предѣлъ* историческаго развитія: къ ней возвращается забѣжавшее, въ нее поднимается отставшее, въ ней народы успокаиваются отъ метанія во всѣ стороны, отъ національнаго роста, отъ героическихъ подвиговъ и юношескихъ идеаловъ, въ ея уютныхъ антресоляхъ людямъ привольно жить.

Какой-то внутренней голось, какая-то человѣческая скорбь заставляютъ насъ протестовать противъ окончательнаго рѣшенія; претить намъ сознаться, что всѣ рѣки исторіи (по крайней мѣрѣ, всѣ западныя) текутъ въ мареммы ²⁾ мѣщанства... Но мало ли у насъ такихъ скорбей?—развѣ алхимики не скорбѣли о прозѣ технологіи,—и мало ли по какимъ идеаламъ мы тоскуемъ. Я очень недавно испыталъ, какъ страшно больно стоять у могилы и знать, что нѣтъ *того свѣта!*

...Однако, вопросъ этотъ оставимъ открытымъ.

¹⁾ Естественный подборъ.

²⁾ Нездоровыя болотистыя мѣстности въ Италіи.

А я лучше скажу въ заключеніе моего письма, какая мысль пришла мнѣ на-дняхъ въ голову въ Камальдулинскомъ монастырѣ ¹⁾. Монастырь этотъ стоитъ одиноко на вершинѣ горы, съ которой видна Гаета и Террачина, гряды горъ, идущихъ въ Аbruццы, гряды идущихъ въ Калабрію, Неаполь, море, острова. Старый монахъ указывалъ мнѣ и называлъ горы и мѣстечки, потомъ замолчалъ. Сдѣлалась та особая нагорная тишина, которую я когда-то слушалъ на *Monte Rosa*; солнце садилось не по-итальянски, тускло и блѣдно; даль покрывалась съ одной стороны темносиними тучами, накануне былъ сильный дождь и гроза, къ ночи готовилась другая. Я облокотился на ограду и смотрѣлъ... и смотрѣлъ...

И не только смотрѣлъ на видъ, но и на монаха, и на него-то именно я смотрѣлъ съ глубокой завистью,—пожилъ бы въ этомъ торжественномъ одиночествѣ, но монастырь для насъ запертъ, это—чужой отдыхъ, покой отъ другого бремени, отвѣтъ на другія стремленія. Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣнется человѣкъ усталый, сломленный или просто неосторожно заглянувшій за кулисы и понявшій *оптический обманъ*?

Потребность одиночества и удаленія будетъ неперемѣнно расти; она, разумѣется, никогда не поглотитъ столько рукъ и силъ, какъ всякій гарнизонъ, но расти будетъ. Для страждущихъ духомъ современное общество приготовило только *сумасшедшій домъ*.

Психологія христіанства была глубже и гуманнѣе,—она пожалѣла оставшихъ.

Poste scriptum. 12 октября. Завтра мы ѣдемъ отсюда, и мнѣ почти жаль Неаполь. Съ нимъ скоро сживаешься, какъ съ нѣкоторыми женщинами, наперекоръ разуму и въ прямомъ отношеніи къ ихъ недостаткамъ и слабостямъ. Неаполь, можетъ, потому и нравится, что онъ такъ же неисправимъ, какъ онъ ²⁾.

Геологія и исторія сдѣлали все, чтобы онъ покаялся и шелъ въ путяхъ благочестія, но на него ничего не дѣйствуетъ или, хуже—все подстрекаетъ его итти въ противоположную сторону. Везувій, Низида ³⁾, катакомбы ⁴⁾,—эти грубые угрозы, эти гуртовья *temento* могъ притупили здѣсь свое жало, и «Гетера, пляшущая на Геркуланумѣ, т.-е. на гробовой доскѣ», пока до лавы, такъ же мало заботится о ней, какъ Лаура въ «Донъ Жуанъ» ⁵⁾ о томъ, что въ Парижѣ холодно. Глядя на струйку дыма, напо-

¹⁾ Расположенъ на одной изъ возвышенностей, окружающихъ Неаполь; основанъ въ XVI ст.

²⁾ Несомнѣнно, намекъ на Н. А. Огареву.

³⁾ Островокъ въ Неаполитанскомъ заливѣ съ потухшимъ кратеромъ.

⁴⁾ Неаполитанскія катакомбы извѣстны своими размѣрами; такъ, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ длину болѣе двухъ миль; какъ полагаютъ, онѣ въ старину служили кладбищемъ для зачумленныхъ.

⁵⁾ Пушкина.

минающую, что Везувій не умеръ, а только спитъ, никто не думаетъ объ изверженіи. Да многіе ли думали, останавливая взглядъ на бѣломъ зданіи ¹⁾, составляющемъ точку связи между Низидой, небомъ и моремъ, что по другую сторону этой стѣны были королевскія катакомбы, въ которыхъ хоронили живыхъ людей!

Эта художественная бездушность, эта безпечность ребенка и куртизанки—вдохновеніе Неаполя. Его ничѣмъ невозмущаемая жажда наслажденій увлекаетъ въ круговоротъ его вихря, его поклонниковъ и притупляетъ въ нихъ всѣ чувства, кромѣ чувства красоты.

Нецеремонный эпикуреизмъ этого края—не новость; это—его геологическая физиологія. При входѣ въ одинъ помпейскій домъ выкладено камнемъ:

Salve, lucrum! ²⁾

Какое наглое простодушіе! Какая отвратительная откровенность!

Только на этой вулканической коркѣ, звенящей мѣстами подъ копытомъ лошади или подъ брошеннымъ камнемъ, могла прійти въ голову эта циническая надпись, и не только прійти въ голову, но и быть исполнена отличной мозаикой.

Salve, lucrum!—а, вмѣсто барыша, пришла лава. Везувій перехитрилъ остряка; ему догадаться и написать еще, вмѣсто «Cave sapem» ³⁾, какъ его сосѣдь: «Cave montem» ⁴⁾.

Но вотъ онъ, колоссальный cave montem, вышедшій изъ тысячелѣтней могилы, вотъ онъ, скелеть цѣлаго города, стряхнувшій съ себя пепель ⁵⁾. Неаполитанецъ сквозь его каменные ребра весело смотритъ на свѣжую зелень, на зрѣющія лозы и, стоя на террасѣ Діомедова дворца ⁶⁾, думаетъ, хорошъ ли будетъ сборъ винограда въ эту осень.

А тамъ зальетъ ли лава Портичи ⁷⁾ или что-нибудь другое, дохнутъ ли потѣющіе, непростывшіе сольфатары ⁸⁾ своимъ отравленнымъ дыханіемъ, и скоро ли его самого (если онъ бѣдный человѣкъ) стащутъ едва умѣрашаго, полунагого, безъ имени въ темную яму темныхъ катакомбъ, гдѣ такая же тѣснота труповъ, какъ живыхъ на улицѣ,—до этого ему дѣла нѣтъ! ⁹⁾

¹⁾ Построенная на возвышенности тюрьма.

²⁾ «Привѣтъ барышу!»—надпись при входѣ въ частный домъ, принадлежавшій Сирику («Casa di Sirico»).

³⁾ «Остерегайся собаки»—выложенная мозаикой надпись на порогѣ одного изъ частныхъ домовъ въ Помпеѣ, извѣстнаго подъ названіемъ «Домъ трагическаго поэта».

⁴⁾ Берегись горы!

⁵⁾ То-есть Помпея.

⁶⁾ Такъ называемая «Вилла Діомеда» въ Помпеѣ.

⁷⁾ Городокъ вблизи Неаполя.

⁸⁾ Solfatara—кратеръ потухшаго вулкана.

◆◆ 1. Въ дневникѣ Ап. П. Сусловой есть такая запись, сдѣланная въ Парижѣ 22 октября: «На дорогѣ на кораблѣ, въ самомъ Неаполѣ мы (она и сопровождавшій ее Ѳ. М. Достоевскій—*М. Л.*) встрѣтили Гер. со всѣмъ семействомъ. Ѳ. М. меня представилъ, какъ родст(венницу—*М. Л.*), весьма неопредѣленно. Онъ велъ себя со мной при нихъ, какъ братъ, даже ближе, что должно было нѣсколько озадачить Г. Ѳ. М. много говорилъ ему обо мнѣ, и Г. былъ внимателенъ. Съ мол(одымъ—*М. Л.*). Г. я тоже говорила. Это какой-то отчаявшійся юноша: я, говоря о моихъ загр(аничныхъ), впеч(атлѣніяхъ)., сказала, что вездѣ нахожу болѣе или менѣе гадость, а онъ доказывалъ, что не болѣе и менѣе, а вездѣ одинаково гадко... При прощаньи въ Ливорно я дала Г. адр(есъ). Ѳ. М. провожалъ Г. и былъ у нихъ въ гостиницѣ». Въ Неаполѣ Суслова и Достоевскій были 6 октября.

2250. Письмо къ Гарибальди.

Любезный, глубокоуважаемый другъ, maestro ¹⁾, — все, что хотите, только позвольте мнѣ не прибавлять къ вашему имени слово «генераль»: оно до такой степени мелко для васъ, что не переходитъ черезъ мое перо, и я скорѣе отказался бы отъ удовольствія писать къ вамъ, чѣмъ назвать васъ генераломъ.

Я собирался посѣтить васъ; мнѣ хотѣлось еще разъ пожать вашу руку съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Я слышалъ, что вы не забыли меня. Но обстоятельства угрозились иначе, я покидаю Италію раньше, чѣмъ думалъ, и хочу воспользоваться поѣздкой къ вамъ общаго друга нашего, чтобы посѣтить васъ письменно.

При этомъ я имѣю особую цѣль. Мрачная и свирѣпая борьба съ Польшей еще разъ обнаружила всю безчеловѣчность и жестокость петербургскаго правительства. Какъ только Зимній дворецъ попускаетъ себя на рѣзню и всякіе ужасы, кровавое зарево падаетъ на насъ. Эту незаслуженную круговую поруку мы готовы сносить съ горестью, но не протестуя. По несчастью, ею не ограничивается дѣло. Свирѣпость правительства, крикъ развратнаго и подлага журнализма, рукоплесканія толпы растлѣнной или обманутой заставляютъ думать, что, вообще, *русское движеніе* было или преднамѣреннымъ обманомъ или мечтой больного воображенія. Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я пишу къ вамъ для того, чтобы свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено и, вообще, по сущности своей *неподавляемо*.

¹⁾ Учитель.

У меня страстное желаніе сказать это именно *вамъ, мужу народовъ*. Вы понимаете, вы любите массы такъ, какъ онѣ есть: безъ римской тоги, безъ параднаго цивилизма ¹⁾, и очень естественно, что именно потому народъ васъ призналъ своимъ патрономъ, своимъ заступникомъ ²⁾, что онъ изъ вашей *красной рубашки* сдѣлалъ свое святое облаченіе, свою *camicia santa* ³⁾, и что женщина, этотъ—*другой народъ*, съ своимъ ясновидѣніемъ сердца, сняла почти вездѣ корсажъ и замѣнила его рубашкой вождя слабыхъ, ищущихъ воли. Послѣ преображенія римской висѣлицы въ святыню я не знаю полнѣйшаго торжества. И именно потому мужъ *красной, святой рубашки* не имѣетъ права не знать, что дѣлается въ темныхъ глубинахъ народнаго моря, понимающаго ⁴⁾ съ одной стороны долины восточной Азіи, а съ другой—прикасающагося Пруссіи и Австріи.

Что народъ русскій вышелъ изъ своего видимаго оцѣпенѣнія, что Крымская война пробудила его, и что съ тѣхъ поръ обнаружилось въ немъ какое-то движеніе, безпокойство въ поляхъ и городахъ, во дворцахъ и хижинахъ, что съ тѣхъ поръ что-то передѣлываютъ, къ чему-то стремятся—это извѣстно всѣмъ. Но чего хочетъ Россія, куда идетъ она? Хочетъ ли она возстановить свою свободу, свою независимость, возвратиться, какъ Польша, къ славному прошедшему? Нѣтъ. Народъ русскій никогда не былъ свободенъ и никогда не терялъ независимости, ему нечего возстановлять, ему нечего вызывать изъ угрюмой исторіи своей; что прошедшее завѣщало ему, то вошло въ его плоть и кровь, это—не воспоминанія, не учрежденія, а *стихию*, рѣзко характеризованная народность, своеобразное понятіе о *правѣ на землю*, вотъ и все, особенно, если мы прибавимъ отвагу самонадѣянности и дерзость вѣры въ себя среди несчастій. Остальное—заборъ, подмости искусственной, иностранной имперіи, пережившей свое время.

¹⁾ Civisme—патриотизмъ.

²⁾ До какой степени это справедливо, я былъ свидѣтелемъ въ Неаполѣ. Лодочники носятъ тамъ часто вмѣстѣ съ мѣднымъ медальончикомъ богородицы другой съ изображеніемъ какого-нибудь святого или *Гарибальди*. Одна дама сказала шутя лодочнику, что это грѣшно. Лодочникъ отвѣчалъ, что онъ не думаетъ этого, что, можетъ, впрочемъ, оно и такъ, «но что онъ навѣрное знаетъ, что *во время бури образокъ Гарибальди очень помогаетъ*».—Въ Украинѣ, въ Польшѣ, въ Сербіи народъ ждалъ Гарибальди. Въ «Материалахъ къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи» авторъ рассказываетъ о своемъ разговорѣ съ извозчикомъ въ Петербургѣ, который сомнѣвался въ дѣйствительности освобожденія и говорилъ: «развѣ, ужъ когда придетъ господинъ Галибардовъ».—Популярность Гарибальди такъ велика въ Италіи, что неаполитанская чернь по всякому поводу кричитъ «Viva Garibaldi». Monnier замѣчаетъ, что, возвратись Франческуло ⁶⁾, народъ и его встрѣтитъ крикомъ «Viva Garibaldi».

А. И. Г.

³⁾ Святую рубашку.

⁴⁾ Понимать—наводнять.

⁶⁾ Т.-е. принужденный войсками Гарибальди покинуть островъ, король «Обѣихъ Сицилій» Франческо II, прозванный Franceschiello.

Соціальная релігія народа рускаго состоить въ признаніи неотъемлемыхъ правъ каждаго члена общины владѣть извѣстнымъ паемъ земли. Стоитъ вспомнить, что пространства, составляющія собственно Россію, заселялись послѣдовательной колонизаціей и скорѣе поглощали, принимали въ себя слабыя населенія аборигеновъ, чѣмъ побѣждали ихъ; стоитъ вспомнить, что поселенцы эти, осѣвши однажды на своихъ мѣстахъ, никогда не были завоеваны (татарское иго не касалось ни внутренней жизни, ни народнаго быта), чтобъ объяснить, какимъ образомъ развилось понятіе о правѣ народа на землю. Оно пережило всѣ судьбы государства, и едва первое дыханіе жизни обнаружилось въ немъ, какъ вопросъ объ освобожденіи съ землей естественно сталъ на чередъ. Отнять землю у рускаго крестьянина такъ же невозможно, какъ отнять море у лаццарони, потому что лаццарони такъ же неизбежно вѣрить, по выраженію одного нашего соотечественника, въ свое *право на море*.

Между тѣмъ, поземельная собственность въ Россіи стремится раздробиться въ частное и личное владѣніе или сосредоточиться въ рукахъ правительства. По счастью, до настоящаго времени большая часть земель оставалась въ неотъемлемомъ владѣніи общинъ, но тѣмъ не меньше надобно всѣми силами стараться остановить это колебаніе, избѣгая, съ одной стороны, пропасть пролетаріата, которая рано или поздно поглотитъ весь образованный міръ собственниковъ и, съ другой—правительственный коммунизмъ, въ которомъ погибла бы личность человѣка или сдѣлалась бы приговоренной къ каторжной работѣ. Для того, чтобъ найти діагональ, мы имѣемъ два указанія: самый бытъ и устройство нашей сельской общины и результаты экономической, социальной науки такъ, какъ они выработались на Западѣ, не найдя себѣ тамъ приложенія. Сельская община представляетъ у насъ ячейку, которая содержитъ въ зародышѣ государственное устройство, основанное на самозаконности, на мировомъ сходѣ, съ избирательной администраціей и выборнымъ судомъ. Ячейка эта не остается обособленною, она составляетъ клѣтчатку или ткань съ сопредѣльными общинами; соединеніе ихъ, *волость*, также управляетъ своими дѣлами и на томъ же выборномъ началѣ. Волостью оканчивается народное устройство, ея оно касается императорской полиціи и всего казеннаго управленія. Далѣе волости нѣтъ свободы, но есть привилегіи; нѣтъ самозаконности, а царитъ величайшій правительственный произволь. До освобожденія крестьянъ крестьянская община билась о помѣщичье право, волость бьется до сихъ поръ объ нелѣпую власть правительства.

Одна изъ заставъ, останавливавшихъ развитіе, пала. Освобожденіе крестьянъ, при всей недостаточности своей, признало личную свободу крѣпостного, *не отрицая* его права на землю.

Пора раскатать столбы другой.

Освобожденіе крестьянъ было послѣдней картой правитель-ства; давши ее, оно, въ самомъ дѣлѣ, касается свободныхъ учрежденій. Реформы, о которыхъ оно столько говоритъ, не дѣлаются, потому что онѣ для него невозможны, потому что онѣ касаются его собственныхъ привилегій, которыя для него гораздо дороже привилегій дворянства. Правительство хочетъ сохранить ихъ и дѣлать реформы. Противорѣчіе очевидно,—оно его не могло побѣдить и истощалось, билось въ логическомъ кругу.

Ждать, чтобы оно износилось до послѣдней нитки, было невозможно. Оно разоряло народъ и приготавливало полнѣйшую реакцію, оно возвращалось къ николаевскимъ временамъ и снова начинало преслѣдованіе каждой независимой мысли, прикрываясь своимъ умѣреннымъ либерализмомъ. Надобно было поставить предѣлы этому своеволью и затормозить колеса старой машины; но для этого надо было прежде всего уяснить, чего мы хотимъ, что можемъ, и чего хочетъ въ самомъ дѣлѣ народъ. Для достиженія этого надобно было подвинуть правительство на созваніе собора безсловнаго, всенароднаго, безъ различія вѣроисповѣданій, съ предоставленіемъ *каждому избирать каждого*.

Если-бъ правительство согласилось, тѣмъ лучше,—много спаслось бы крови и несчастій. Если же нѣтъ, надобно было его заставить созвать соборъ или созвать его помимо правительства. Такъ думали многие.

Что же было бы потомъ? Это бы мы увидѣли тогда. Первый шагъ былъ бы сдѣланъ.

Говоря о созваніи собора, я упомянулъ о безразличіи вѣроисповѣданій; это слѣдуетъ пояснить. Въ Россіи считается миллионъ до двадцати старообрядцевъ, поставленныхъ внѣ закона. Теперь ихъ меньше преслѣдуютъ, на нихъ смотрятъ сквозь пальцы; этого мало, надобно, чтобы они пользовались общимъ правомъ. Старообрядцы составляютъ самую энергическую, здоровую часть огромнаго земледѣльческаго населенія Россіи. Закаленные вѣковымъ гоненіемъ, воспитанные съ ребячества въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ вещей, они никогда ничего не уступали, а приобрѣли вмѣстѣ съ строгими нравами желѣзную волю. Изъ этой среды, естественно, выйдутъ дѣйствительные представители народныхъ стремленій. Они никогда не признавали имперіи, которую они презираютъ, какъ нѣмецкую, и которой гнушаются, какъ нечистой. Сбитые съ толку агентами правительства, нѣкоторые изъ нихъ посылали недавно свои вѣроподданническіе адреса, они одѣлали ложный поступокъ въ надеждѣ льготъ и обманулись: правительство ничего не сдѣлало для нихъ.

Старообрядцы принесли бы на общій совѣтъ народную идею, народный гений, преданіе, бытъ и обычай,—идея современная; наука была бы представлена другой средой,—той неопредѣленной, смѣшанной средой, которую во времена Людовика-Филиппа называли *способностями* (capacités); въ нее входитъ все: мелкое дво-

дворянство, офицеры, студенты, окончившіе курсъ, дѣти духовнаго происхожденія,—словіе нигдѣ не существующее кромѣ Россіи, словіе очень ученое, очень эмансипированное и ненавидящее дворянство и власть; возлѣ него дѣти разночинцевъ, небольшихъ статскихъ чиновниковъ; бѣдные, презираемые сверху, страшные для народа, они многое ненавидятъ, многому завидуютъ, имъ многое приходится искупить и нечего терять.

Дворянство, какъ замкнутый классъ, потеряло всекое значеніе, ему остается одно—низшимъ слоємъ своимъ распуститься въ народъ, предоставляя вершины печальной судьбѣ замиранья въ величавой праздности и придворной службѣ (*domesticité*). Послѣ освобожденія крестьянъ русское дворянство потеряло свою почву, свою силу, причину своего существованія, и оно это понимаетъ. Дворянство цѣлыхъ губерній (напр., тверское) просило государя, какъ милости, права сложить съ себя нелѣпыя привилегіи, которыя, не принося никакой выгоды, мѣшаютъ простымъ отношеніямъ съ другими сословіями. Государь откавалъ. Почему? Вѣроятно, онъ самъ не знаетъ причины. Имѣтъ дворянство—застарѣлая привычка дворца.

Желая остановить возникшее движеніе, во что бы ни стало, правительство выдумало исторію политическихъ пожаровъ и додразнило студентовъ до манифестацій, давшихъ ему тѣнь права сбросить съ себя поддѣльный либерализмъ и прямо перейти въ реакцію. Съ этого времени оно начинаетъ гуртовой подкупъ журналистовъ и писателей и постоянно распускаетъ слухъ о реформахъ, находящихся въ работѣ, и которыя наградятъ Россію почти французской свободой и дадутъ ей почти австрійскія учрежденія... Одни слабые люди,—люди, ищущіе приличнаго предлога, чтобъ стать со стороны власти, сохраняя видъ либерализма, дались въ обманъ. Тайно печатные и распространяемые листы обличали, въ чемъ дѣло и, какъ зарницы, пророчили бурю, свидѣтельствуя объ электрическомъ напряженіи среды.

Еще разъ, позвольте сказать, въ чемъ состояло наше положеніе.

Народъ крестьянъ, мы шли на развитие сельской общины такъ, какъ она существуетъ: съ ея аграрнымъ владѣніемъ, съ ея круговой порукой и самосудомъ; мы хотѣли и хотимъ расширенія выборнаго начала на всѣ административный и судебный порядки, за гредѣлами волости и провинціи; мы хотимъ облегчить ликвидацию дворянства чужеяднаго и вреднаго; мы хотимъ уничтоженіе правительства противонароднаго и противочеловѣческаго.

Меньшинство людей назависимыхъ, безъ обязательныхъ преданій, безъ наслѣдій, достойныхъ уваженія, безъ всѣхъ достопочтенностей (*venerabilia*), связывающихъ старую цивилизацію, мы смѣло беремъ безъ сожалѣнія и пощады все, что западная революція намъ даетъ, и принимаемъ, какъ драгоценное наслѣдіе, социальную идею ея и ея мечту о нравственной свободѣ.

Мы вмѣстѣ съ крестьяниномъ говоримъ: «нѣтъ воли безъ земли» и прибавляемъ только, что «земля не крѣпка безъ воли».

Наше знамя очень прозаическое; души чувствительныя, умы превыспренніе находятъ его матеріальнымъ. Мы это знаемъ да знаемъ и то, по печальному примѣру Запада, чего стоитъ свобода, которая, какъ воздушный шаръ, имѣетъ надъ собою прелестную лазурь, безъ всякой матеріальной точки опоры... Годъ тому назадъ я говорилъ нашимъ друзьямъ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ: «Первые возставшіе славяне, табориты, имѣли на знамени своемъ чашу съ виномъ. Мы возьмемъ другую часть евхаристіи—дискосъ съ хлѣбомъ!». Это бѣдно... но, вѣдь, и красная рубаха, la camisia santa,—не римская латиклава и не порфира, подбитая горностаями. Дѣло въ томъ, что народъ—поэтъ, но вовсе не идеалистъ.

Середь этого процесса выработыванія и разложенія, середь броженія, поднимавшагося съ самаго дна жизни народной, подъ вліяніемъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, съ одной стороны, и начала организациі, сосредоточенія силъ меньшинства, съ другой,—середь величайшаго правительственнаго смятенія и колебанія Зимняго дворца между либерализмомъ и самовластіемъ, между реформами и консерватизмомъ, застало насъ польское возстаніе.

Для насъ оно было скорѣе несчастіемъ, и только правительствомъ подкупленный журнализмъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы подстрекали поляковъ, увѣряя ихъ, что Россія готова возстать. Мы очень хорошо знали, что ничего не было готово, что были только зародыши, что офицерскія общества только что начали слагаться¹⁾. Кровь нашу дали бы мы за то, чтобъ остановить на годъ или на два польское возстаніе.

Но что мы могли сдѣлать? Разумѣется, не рекрутскій наборъ произвелъ возстаніе, наборъ былъ той каплей, послѣ которой вода течетъ черезъ край, шляпой Гесслера, оскорбленіемъ, вызвавшимъ сицилійскую вечерню. Дѣйствительно, не было человеческой возможности вынести эту травлю на людей. Во всякомъ случаѣ опредѣлить время возстанія, его необходимость принадлежало полякамъ. Намъ предстояло принять ихъ рѣшеніе и стать со стороны справедливости и свободы.

¹⁾ Русское правительство, разстрѣлявши Аригольдта, Сливницкаго и пр., сославши въ каторжную работу полковника Красовскаго, Обручева, двадцать другихъ, продолжаетъ отрицать самое существованіе комитетовъ и достовѣрность адресовъ, напечатанныхъ въ «Колоколѣ», и это въ то время, когда членъ офицерскаго комитета, привозившій къ намъ въ Лондонъ адъеса, Потенія, погибъ подъ Песчаной-Скалой, сражаясь въ польскихъ рядахъ. Неужели правительство отречется и отъ трупъ юнаго героя и отъ множества другихъ, которыхъ оно знаетъ? А. И. Г.

По возвращеніи въ Лондонъ, я прочиталъ въ «русскихъ газетахъ» о 40 русскихъ офицерахъ, перешедшихъ къ возстанію. А. И. Г. (Примѣчаніе въ «Колоколѣ»).

Такъ мы и поступили. И когда благородное меньшинство русскихъ офицеровъ обратилось къ намъ за совѣтомъ, что имъ дѣлать въ случаѣ польскаго возстанія, мы, не обинуясь, сказали имъ, что лучше оставить ряды, перейти въ противный станъ, быть убитымъ, чѣмъ сражаться противъ Польши, которая для насъ имѣетъ больше, чѣмъ историческое право, больше, чѣмъ право героизма,—право на наше *искупленіе*: Съ своей стороны, мы не предъявляли ничего, кромѣ желанія, чтобъ польская революція приняла за основу наше *аграрное начало*, чтобъ война, начинающаяся за независимость одного народа, признала *волю областей*. Съ этимъ знаменемъ Польша имѣла бы дѣло съ царемъ, а не съ народъ мъ русскимъ.

Въ началѣ возстанія общественное мнѣніе въ Россіи вовсе не было враждебно Польшѣ; народъ, съ своей стороны, былъ безучастенъ. Правительство старалось всѣми средствами возбудить народную ненависть, пускало въ ходъ клеветы и преувеличенія, посылало вереницы агентовъ министерства внутреннихъ дѣлъ для вызова вѣрноподданныхъ адресовъ, пугало народъ европейской войной и пр. Въ этомъ почетномъ дѣлѣ правительство нашло себѣ отличнаго и не слишкомъ дорогого помощника: явилась цѣлая литература, цѣлая журналистика, писанная продажными негодяями и заслоненная цензурой отъ отвѣтовъ и возраженій. Они-то и принялись за обработываніе мнѣнія *образованныхъ сословій* въ то время, какъ агенты правительства дѣйствовали на народъ.

Мы знали, а правительство знало это лучше насъ, что трудно возбудить въ русскомъ народѣ дѣятельное ожесточеніе противъ Польши, и очень хорошо избрало свою почву. На вымыслахъ въ родѣ Варооломеевской ночи трудно было далеко уйти; это годилось для солдатъ, и то при дозволеніи грабежа,—для народа этого было мало. Правительство стало выдавать польское возстаніе за враждебное крестьянамъ и греческой церкви, за возстаніе исключительно шляхетское и католическое; такимъ образомъ оно становилось защитникомъ массъ и греческаго православія, придавая себѣ видъ болѣе революціонный и демократическій, чѣмъ революція. Императоръ Александръ II, бывшій въ Нижнемъ, молился колѣнопреклоненный у могилы Минина, доблестнаго гражданина, поднявшаго въ 1612 г. государство противъ поляковъ, являя бога поддержать его противъ врага, т.-е. противъ «нѣсколькихъ сотенъ повстанцевъ безъ оружія и уже давно побѣжденныхъ», какъ постоянно печатали объ нихъ въ русскихъ журналахъ.

Жаль, что народное правительство въ Польшѣ не знало этихъ продѣлокъ,—тогда слѣдовало бы ему стать во весь ростъ и громко объяснить то, что оно сказало въ письмѣ къ намъ ¹⁾.

¹⁾ «Колоколь», л. 146 (1862).—А. И. Г.

громко повторить, что оно не дожидалось русского правительства, чтобъ признать землю крестьянской, и прибавить, что, несмотря на его желаніе воссоединенія областей,—желаніе, основанное на томъ, что поляки никогда не принимали факта раздѣла, оно предоставляетъ судьбу ихъ свободной волѣ народной (народа въ самомъ дѣлѣ, а не представленнаго русскими агентами, само собою разумѣется).

Великая интрига улетучилась бы, и весь этотъ разоженный ужасомъ дикій, кровожадный патріотизмъ выдохся бы, не успѣвши отравить умъ и сердце простыхъ и честныхъ людей.

Вызывая чувство ненависти и свирѣпаго озлобленія, убивая противниковъ съ монгольскимъ безчеловѣчьемъ, отбирая имущества отъ помѣщиковъ Западнаго края, правительство не имѣло другой цѣли, какъ усмиреніе возстанія и сохраненіе власти въ областяхъ. Но, если петербургское правительство *предполагаетъ*, то иная сила *располагаетъ*.

Когда развивается сильный организмъ, все ему служить, даже болѣзни. Возбужденіе противъ Польши пройдетъ, но движеніе, имъ вызванное, останется. Для того, чтобы имѣть адреса, правительство допустило политическія сходки; въ городахъ и деревняхъ люди собирались, чтобъ обсуживать объ опасностяхъ отечества, о мирѣ и войнѣ. Въ Литвѣ правительство проповѣдывало противъ дворянъ и отдавало крестьянамъ конфискованную землю; первымъ послѣдствіемъ этого былъ отказъ кievскихъ крестьянъ работать на русскихъ помѣщиковъ. Правительство разбудило силы, которыя оно не такъ легко усыпить, и сообщило движеніе массамъ, которое трудно остановить. То, чего не могло сдѣлать ни нотаенное книгопечатаніе, ни пропаганда изъ-за моря, дѣлается противъ своей воли само правительство. Похожее на японца, который въ припадкѣ бѣшенства распарываетъ свой животъ, чтобъ отмстить врагу, петербургское правительство дѣлается революціонно-террористическимъ изъ ненависти къ Польшѣ. Гдѣ оно остановится? Кто знаетъ, но во всякомъ случаѣ оно накладываетъ на себя руки!

Людямъ независимымъ, группамъ, выдѣляющимся изъ массъ и соединяющимся около одной идеи,—около общаго стремленія группамъ, начинающимъ тяготѣть къ одному средоточію дѣятельности, слѣдуетъ воспользоваться движеніемъ, вызваннымъ рукою дерзкой и нечистой.

На сію минуту наша дѣятельность заторможена. Патріотическое безуміе, полицейская пропаганда, военное положеніе, нелѣпность, глупость, страхъ передъ этой доброй, мирной, благоразумной Европой,—все намъ мѣшаетъ...

...О, если-бъ вы знали, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ мы ждемъ окончанія этой проклятой борьбы! Независимости Польши—наше освобожденіе! Наши головы клонятся подъ тяжестью преступленій, совершаемыхъ руками нашими, и будутъ

увѣрены, что мы не меньше желаемъ освободиться отъ Польши, чѣмъ Польша желаетъ освободиться отъ Россіи.

Въ тотъ день, когда Польша будетъ независима, мы бросимъ покровы, на страшныя улики, пока до великаго дня суда и осужденія, и пойдемъ твердымъ шагомъ впередъ, отрякаясь отъ гнуснаго прошедшаго, попирая ногами вчерашніе кумиры, твердымъ шагомъ пойдемъ осуществлять наше будущее, разрушая по дорогѣ эту имперію, составляющую бѣдствіе шестой части земного шара, раздирая этотъ камзолъ каторжнаго, надѣтый на плечи исполнину, пока онъ спалъ

Проснулся ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Если вы мнѣ сдѣлаете этотъ вопросъ, любезный и уважаемый другъ, или всякій другой, я охотно буду отвѣчать въ другомъ письмѣ.

Теперь примите еще и еще увѣреніе въ моемъ сочувствіи, уваженіи, удивленіи къ вамъ.

21 ноября 1863. Флоренція.

2252. Письмо къ В. Н. Кашперову.

23 ноября (1863).

Livorno, Hôt. de la Grande Bretagne.

Любезнѣйшій Кашперовъ! я собирался посѣтить васъ въ Комо и поблагодарить отъ всей души за ваше приглашеніе и за приглашеніе Валерію, переданное мнѣ Огаревымъ, а, между тѣмъ, дѣла требуютъ скораго возвращенія, и я оставляю мои *ria desirata* ¹⁾ до будущаго времени. Мнѣ, кажется, что если Италія сколько-нибудь осерьезится и въ самомъ дѣлѣ пойметъ свою независимость, Флоренція была бы лучшимъ мѣстомъ для нашей жизни. Посмотримъ, что принесетъ время. При теперешней обстановкѣ переѣзжать съ типографіей нельзя,—какъ думаетъ объ этомъ Валерію? Дочери мои ѣдутъ на-дняхъ въ Римъ, а я—черезъ Женеву въ Лондонъ. Если вздумаете написать строчку, адресуйте до 5 декабр Genève, poste rest., а потомъ—къ Огареву.

Всѣ вамъ кланяются. Прочитали ли вы въ «Колоколѣ» мое неаполитанское письмо?

Въ Россіи бѣшенство патриотизма начинаетъ блѣднѣть, опозоривши Россію безъ малѣйшей славы.

Передайте поклонъ отъ всѣхъ нашихъ и мой вашей супругѣ.

Преданный вамъ *А. Герценъ*.

P. S. Если у васъ есть ко мнѣ письма, пришлите въ Женеву

¹⁾ Благія намѣренія.

2253. Письмо къ Н. А. Огаревой.

25 ноября (1863).

Livorno.

Третьяго дня вечеромъ мы вспомнили съ Татой рожденіе малютокъ ¹⁾. Вотъ и я на старости забылъ, было. Тата посылаетъ свою иллюстрацію въ видѣ поздравленія. Она эти вещи дѣлаетъ хорошо; я ей совѣтую заняться иллюстраціей какой-нибудь сказки или повѣсти. Вчера твое письмо—и опять упрекъ отъ тебя, Natalie. Какъ мало у тебя вѣры и какъ ты не выносишь не только испытаній, но и случайностей. Оканчивается это всегда замѣной свѣтлаго расположенія болѣю. Принимаю я и ее, но строй, въ которомъ я ѣхалъ, испорченъ и, можетъ, тѣмъ больше, чѣмъ искреннѣе мнѣ хотѣлось опять къ вамъ. Буду ждать писемъ въ Женевѣ, *poste restante*,—можетъ, они будутъ иныя.

Завтра я ѣду въ Геную, 28 я буду въ Туринѣ, а дѣти отправятся въ Чивиту; имъ удалось: плыть опять «Aunis», огромный пароходъ; погода дождливая, но тихая. Кто могъ знать, что придется здѣсь ждать такъ долго? Саша, посадивши ихъ на корабль, возвращается во Флоренцію. Если проѣздъ по Montenis обыкновенный (13 часовъ), то я 1-го буду въ Женевѣ, но боюсь снѣговъ.

Письмо мое къ Гарибальди начерно готово. Оно въ родѣ моея послѣдней статьи, но для иностранцевъ. Для меня впереди становится свѣтлѣе: для насъ ничего не прошло—*errare si muove* ²⁾. Мы только для смиренія загажены передъ Европой.

Чекъ на Ротшильд. дать не могу, во-1-хъ, потому что у него моихъ денегъ въ Лондонѣ нѣтъ ни гроша, во-2-хъ, потому что и бланокъ я не взялъ. Посылаю чекъ на Трюбнера для Чернецкаго, а D-г пусть ждетъ.

Продалъ листы 50/0, сверхъ того, 50 liv. излишнихъ отъ Ут. (онъ далъ записку въ 200? ты порядкомъ не писала ни разу).

Сашу съ Бакун. ты не помирила, да и, дѣйствительно, мудреный выдумала путь для примиренія. Онъ мнѣ отдалъ къ тебѣ письмо и въ немъ письмо къ Бак. Я, можетъ, написалъ бы градусомъ мягче, но зачѣмъ насильственное примиреніе, я не понимаю.

Затѣмъ прощай. Ровно черезъ пятнадцать дней я въ Теддингтонѣ, и это—*taximum*.

NB. Въ общій фондъ отъ русской эмиграціи въ Италиі—20 фр.

Милая Лиза, душка! Ты возьми Лелю и возьми Боя и поцѣлуй и скажи, что дядя, хоть и поздно, но проздравляетъ. А сама жди меня скоро-скоро—1, 2, 3—въ 10, и я буду съ тобой дурачиться.

Что окончаніе статьи пришло?

¹⁾ Елены и Алексѣя.

²⁾ «И, все-таки, вертится!»—воскличаніе Галилея.

2254. Письмо къ сыну.

29 нояб. 1863 г.

Женева, Hôtel de la poste.

Вотъ я и одинъ и въ Женевѣ. Какъ-то доѣхали наши?—ночью вчера была сильная вьюга за Montcenis. Жду телеграмму. Мой путь былъ изыщень. Переѣздъ черезъ Montcenis (15 часовъ)—великолѣпнѣе. За этимъ за однимъ стоило ѣхать. Я писалъ объ этомъ изъ Culoz¹⁾, гдѣ мы ждали 4½ часа поѣздъ, Огар. и Татѣ.

Третій разъ не могу писать, надобно будетъ иногда послать письмо къ тебѣ, а ты его—къ Татѣ.

Женева выросла,—не знаю, поумнѣла ли. Никого не видалъ. Изъ Парижа напишу. Я постараюсь пріѣхать къ рожденію Огар. Думаю ѣхать отсюда 2 декаб.

Прощай, пиши не рѣже одного раза въ недѣлю.

Чемоданъ былъ очень плохо уложенъ; à propos, ни одной черной рубахи я не нашель, развѣ остались?

Если встрѣтишься съ Бак., старайся какъ можно учтивѣе объяснитьсь.

2255. Къ адресобѣсію (изъ Россіи).

Въ половинѣ апрѣля по всѣмъ губерніямъ, гдѣ обрѣтаются дворяне (ибо сначала взялись за дворянъ), поразсылались отъ самого г. Валуева приказанія къ губернаторамъ, чтобы писали адреса да слали въ столицу. Приказанія эти посылались въ телеграфныхъ депешахъ (дѣло было спѣшное), да еще и не въ простыхъ депешахъ, а только въ понятныхъ предержавшимъ властямъ шифрахъ. Заторопились ли, или не досмотрѣли, только такая одна депеша прилетѣла къ астраханскому губернатору г. Дегаю. Сколько ее ни вертѣлъ Дегай,—не разобралъ, потому что ему и шифра не было дано. Любопытство взяло,—просить Дегай у саратовскаго своего собрата Муравьева научить его, какъ прочесть депешу. Муравьевъ спрашиваетъ разрѣшенія у Валуева; разрѣшили, послали ключъ Дегаю; прочесть Дегай,—дѣло-то плохо: адреса отъ дворянъ писать нужно, а дворянъ-то не имѣется. Дегай, однако, не унылъ; былъ онъ прежде цензоромъ, память по себѣ оставилъ²⁾! Собрался Дегай съ духомъ, и принялся самъ собственноручно писать адресъ. Написалъ; «не хуже, говорить, другихъ будетъ».

Самъ и повезъ его въ Петербургъ. Сказываютъ, будто царю не по нраву пришелся адресъ; не искренно да и неправдиво написано, никто не повѣрять,—превозмошелъ, значитъ, власть. Говорятъ, ему сказали: «плоховать ты, господина губернаторъ»... А Астрахани отъ этого не легче.

¹⁾ Узловая станція между Лиономъ, Парижемъ и Туринномъ.

²⁾ Въ комитетѣ 2 апрѣля 1848 г.

2256. (Еще о вдовѣ Сѣраковскаго).

Сѣраковскій оставилъ старуху мать, брата, подверженнаго умопомѣшательству, сестру, которая была разбита параличомъ и едва ходитъ, и, наконецъ—беременную жену. Описывая это положеніе семейства, мать Сѣраковскаго, передъ его казнью, просила государя не о помилованіи сына, а объ отсрочкѣ казни до разрѣшенія невѣстки отъ бремени. Но по резолюціи: «поступить по закону», Сѣраковскому, *которому Россія обязана уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній*, даже не дали излѣчиться отъ раны и съ изобрѣтательною жестокостью замѣнили слѣдовавшее по закону разстрѣляніе повѣшеніемъ, что объясняетъ непонятную многимъ борьбу Сѣраковскаго съ палачомъ. Наканунѣ казни женѣ Сѣраковскаго дозволили съ нимъ видѣться. Это показываетъ, что ее не считали виновной въ чемъ-либо. По пріѣздѣ домой она была арестована. Сначала полагали, что это было сдѣлано для удержанія ея отъ присутствованія при казни, но арестъ длится уже четыре мѣсяца; Сѣраковская въ своемъ печальномъ положеніи находится на попеченіи жандарма и къ ней не допускаютъ даже ея матери. Какая цѣль этого ареста? Строгость его заставляетъ думать, что или мстятъ за какія-нибудь вырвавшіяся у Сѣраковской при прощаніи слова или хотятъ скрыть переданныя ей, можетъ быть, мужемъ подробности слѣдствія и суда и, пожалуй, въ предстоящую ей критическую минуту—отдѣлаться отъ стѣсняющей личности. На послѣднихъ дняхъ Сѣраковскую, говорятъ, куда-то вывезли изъ Вильны, гдѣ всѣ знаютъ ее и интересуются ея судьбою.

2257. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ на континентѣ собрано 125 франковъ и издержаны на вспомошествованіе русскимъ, которые спаслись отъ преслѣдованія правительства, но еще не успѣли пріискать себѣ средствъ существованія. Еще собрано 105 фр.

2258. Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ.

№ 3 изъ Жены.

1 декабря (1863 г.).

Genève.

Касатк. и Чернец. прислали телеграмму: они будутъ ~~сегодня~~ вечеромъ. Всѣ русскіе сегодня завтракаютъ у меня: Б.¹⁾, трое тебѣ извѣстныхъ и молодой профессоръ ²⁾, который мнѣ нравится. Обѣдаю я съ Б. у Фогта. Если бы я здѣсь остался недѣлю, то пошло бы какъ во Флоренціи. Даже содержатель hôtel'я пришесть въ такой восторгъ любви,—что я предпочелъ его hôtel, что про-

¹⁾ В. И. Бакстъ.

²⁾ Шиффъ.

изнесъ мнѣ рѣчь, въ которой упоминалъ, что онъ своей женѣ въ «Gartenlaube» читалъ мою біографію ¹⁾, и за 14 фр. даетъ финсервы ²⁾ и ананасы съ сардинками.

Но. Огаревъ, сдѣлалъ ли я что-нибудь въ смыслѣ примиренія? Мнѣ кажется, что Касатк.—мелочной человѣкъ. Всѣхъ русскихъ, не исключая Фишки ³⁾, я нашелъ лучше, чѣмъ ждалъ. Они страшно озлоблены противъ него. Одинъ работаетъ (Касп.) у переплетчика,—денегъ не хотѣлъ взять. Р. я черезъ Б. оставилъ 40 и Ф.—30 фр. Жук. ⁴⁾ въ Бернѣ. Я оставилъ еще золотой Б. на случай нужды. Поговоривши съ Касат., я напишу. Мое путешествіе сюда имѣетъ иную важность и снова подтверждаетъ, что Лондонъ—скверное мѣсто. Путешествуя, я могу почти больше сдѣлать, чѣмъ статьяма. Я разбудилъ и растолкалъ Ст. ⁵⁾, которымъ больше доволенъ при отъѣздѣ; Мечниковъ поѣхалъ въ Ливорно искать событа, и всѣ расшевелились. Какъ съ одной стороны тебя ни обрадуетъ это, такъ съ другой—будетъ больно.

Ты хвалилъ мою наблюдательность въ Неаполѣ; она еще лучше въ собственныхъ дѣлахъ. Итакъ, повѣрь мнѣ, что рѣшительно никто (не исключая Б. ⁶⁾ и Ст. ⁷⁾) не вѣритъ ни въ какой центръ, ни въ кого, и всѣ говорятъ то, что въ Парижѣ 2 мѣсяца тому назадъ гов. Хоецкій и поляки: центръ—«Колоколь», и нѣтъ центра, развѣ его. На этомъ можно много построить, но для постройки надобно, чтобъ «Кол.» былъ свободенъ, *овершенно свободенъ*. Онъ компрометировался, но благородно, ему это отпустить. Non bis in idem ⁸⁾—и онъ, какъ его старшій братъ, московскій колоколь, падетъ. Каждое животное имѣетъ свой процессъ пониманія. Я долго и *par saccade* ⁹⁾ разбираю дѣло, а потому оно вдругъ становится ясно. Кризисъ во мнѣ прошелъ; боль, униженіе, состраданіе были святы, но я слушаюсь Берга ¹⁰⁾ и снимаю трауръ. Если ты объективно взглядишься и повѣришь мнѣ,—дѣло сдѣлано. Но тогда не привязывай гири, да и какія: самъ Раппо ¹¹⁾ не стащилъ бы Бакун. Видно, кое-что надобно подвязывать въ сердцѣ и жертвовать иногда лицами дѣлу. Я Бакун. считаю вреднымъ, и чего ты боишься? Что Будб. ¹²⁾ узнаетъ о разладѣ? Лишь бы не мы говорили; а коли узнаетъ, то это

¹⁾ 1861 г. № 48.

²⁾ Fines herbes—пахучія травы, здѣсь—деликатесы.

³⁾ Вѣроятно, А. О. Фрикентъ.

⁴⁾ Н. В. Жуковскій.

⁵⁾ Стюартъ.

⁶⁾ Бакстъ.

⁷⁾ Стюартъ.

⁸⁾ Не дважды въ одно и то-же (мѣсто), т.-е. нельзя дважды карать за одно и то же.

⁹⁾ Вприпрыжку, скачками; здѣсь—урывками.

¹⁰⁾ Намѣстникъ Царства Польскаго.

¹¹⁾ Извѣстный атлетъ.

¹²⁾ Будбергъ, нашъ посолъ во Франціи.

только кулируетъ ¹⁾ Бак., а не насъ. Тебѣ его жаль, да, вѣдь, и Ворцелю было жаль Жабицкаго ²⁾.

Я тебѣ на это письмо везу томъ комментаріевъ. Даже я остался при моемъ мнѣніи, что всѣ деньги, которыя даются на Одиссеи и колумбовскія поѣздки ³⁾, брошены въ печь (Б. ⁴⁾), разумѣется, не вѣрнѣе). Своими силами, силою обстоятельствъ мы вынырнемъ, и съ нами—наше знамя.

Только не упрекай меня въ династической враждебности къ Бакун. Дерзость Саши мнѣ противна до тошноты, а, все же, онъ не пойманъ на воровствѣ. У тебя дѣлается тикъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Какъ же ты не понимаешь, что молодой чел. 24 лѣтъ обязанъ отвѣчать, по крайней мѣрѣ, оплеухой на такое обвиненіе? А ты говоришь: «проси прощенье»,—а физиологъ, сердцегнозь...

До завтра.

Natalie, вчера я видѣлъ мелькомъ дѣвушку, о которой говорилъ Фогтъ; сегодня я ее увижу подробно и поговорю съ нею о разныхъ разностяхъ. Она можетъ учить всему первоначальному. Ея семья старая, здѣшняя, всѣмъ извѣстная за почтенную и хорошую. Дѣвушка, собственно, хочетъ *chemin faisant* ⁵⁾ себя образовать въ гувернантки, и одна изъ цѣлей—выучиться по-англійски. Я не говорилъ съ нею, а видѣлъ съ женою Фогта въ залѣ, гдѣ было чтеніе. А пророкъ, вотъ для вашего брата чтенія: онъ читаетъ съ какой-то веселой ясностью и совершенно радикально. Большая зала биткомъ набита.

Ну, что ты снова успокоилась и одержала надъ собой побѣду? А, вѣдь, я думаю, что потомъ тебѣ стыдно. Бѣда въ томъ, что еще потомъ забудется, что стыдно. Ну что за вѣчные счеы въ письмахъ Таты? Она лѣнива, разсѣянна, и что значать ея ядсьма рядомъ съ моимъ свидѣтельствомъ? Мнѣ страстно хотѣлось бы не возвращаться на это; я бду, набравшись силъ не для того, чтобы ихъ разбить въ бесплодныхъ коллизіяхъ, а чтобы двинуть общее и частное, взять васъ всѣхъ,—тебя, дѣтей,—и на возможно здоровый просторъ свѣтлой осени. Не такъ ли? А старое за бортъ, такъ, чтобы дурное утопло, а хорошее—всплыло.

Если бы можно было въ самомъ дѣлѣ переселиться въ Италію, было бы очень хорошо. Я готовъ курьеромъ провожать туда и сюда, но это пока вдали. Теперь прощай. Зачѣмъ ты жалуешься на Лелю? Я ничему этому не вѣрю, — она просто живой ребенокъ.

Лиза, теперь дядя ужъ очень близко, готовъ скорѣе скурриризь.

¹⁾ Souler—топить.

²⁾ Антонъ, членъ Централизаціи.

³⁾ Намекъ на поѣздки Штраубе.

⁴⁾ Бакунинъ.

⁵⁾ Попутно.

Ночь.

Ну, Natalie, дѣвушка, которую сыскалъ Фогтъ, меня плѣнила; дѣйствительно, это все, что можно было ожидать, наивно-благородное дитя; это—ужь не сестра Альтгузики. 500 фр., 6 фун. на дорогу и столько же назадъ, если черезъ полгода она или ты захотите. Это—такой шансъ, котораго въ сто лѣтъ не сыщешь.

С.-С. мой ¹⁾, говорятъ, совсѣмъ повредился; его друзья скрываютъ это и потому не говори.

2259. Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ.

3 декабря (1863).

Парижъ на Сенѣ, Hôtel du Louvre, № 63.

Скоро дѣло дѣлается, но не скоро письмо пишется, а потому—финаль уже не въ Женевѣ, а въ Парижѣ. 17 часовъ express'a—и я въ гигантскомъ Hôtel du Louvre. Кас. ²⁾, Чер. ³⁾ и Провансовъ ⁴⁾ прискакали изъ Цюриха. Это было очень кстати. Прованс. рассказалъ о письмѣ къ J. I am again sans... ⁵⁾. Нѣтъ, bis in idem.

Не знаю, помирилъ ли я, но, кажется, свелъ на приличную ногу. Кас. видѣлся у меня съ Бак. ⁶⁾; при прощаніи въ залѣ желѣзной дороги я именемъ Николая Лондонскаго миротворца просилъ ихъ забыть вздоръ,—обѣщали постараться.

Всѣ требуютъ съ неистовствомъ переселенія Чернецкаго и его генераль-губернаторство надъ обѣими типог.

Моя мысль о необходимости путешествія также фуроръ сдѣлала. Остальное на словахъ.

Письмо, ставшее, какъ блинъ комомъ, съ береговъ озера приплыло ко мнѣ въ Женеву, «Колок» тоже. «Вѣче» еще не успѣлъ прочесть.

Пишу на другую минуту послѣ выхода изъ вагона, никого не видаль.

Schlafen Sie wohl ⁷⁾.

Думаю, Natalie, что это послѣднее письмо или предпослѣднее, а вамъ и вовсе нечего писать, если же что важное, то пошлите ю телеграфу: Hôtel du Louvre, № 63 (это № комнаты) и на мое имя. Но крайностей дурныхъ, вѣрно, не будетъ, а Долгоруковъ не родитъ еще такъ скоро.

Повторю тебѣ о дѣвущкѣ для Лизы, что она очень мида и проста; ты ее въ такомъ случаѣ только и зови, если хочешь,

¹⁾ Александръ А. Серно-Соловьевичъ.

²⁾ Касаткинъ.

³⁾ Черкесовъ.

⁴⁾ А. А. Слѣпцовъ.

⁵⁾ Я снова безъ . (слово не разобрано).

⁶⁾ Бакстъ.

⁷⁾ Спокойной ночи.

чтобъ она была, какъ въ родственномъ домѣ. Я еще передъ отъѣздомъ говорилъ съ Фогтомъ,—она не возьметъ никакого мѣста до 20 декабря.

Именины мои я праздную одинъ и приглашу Голынского не приходить.

Лизѣ не знаю, что ужъ и писать.

A rivederci ¹⁾.

Четвергъ.

Съ Бак. ²⁾ увижусь, хоть это мнѣ страшно противно, потому что ложь мнѣ противна. Это, Огар.,—мой подарокъ тебѣ.

2260. Письмо къ дочерямъ.

№ 1.

4 декабря (1863).

Paris, Fr., Hôt. du Louvre.

Ваша телеграмма пришла тотчасъ послѣ моего письма, въ Женеву. Итакъ, у васъ была *traversée magnifique* ³⁾ въ то самое время, какъ на Montcenis бушевала вьюга; впрочемъ, ему-то вы и обязаны этимъ. Буря была по нашу сторону, а я очень, не то что боялся, а жалѣлъ васъ. Ну что «Aunis»?

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ приходится писать и къ вамъ, и къ Сашѣ, я къ обоимъ начинаю писать меньше. Надобно посылать циркуляры, такъ, чтобы онъ, т.-е. Саша, пересылалъ вамъ.

Буду я завтра (если ничего не помѣшаетъ) и, слѣд., въ воскресенье на разсвѣтѣ буду въ Лондонѣ. Въ Женевѣ меня приняли по-флорентински, и Фогтъ былъ очень милъ, а Б. ⁴⁾ и еще милѣе.

7 декабря.

Лондонъ, Elmfield House.

Вотъ я и дома, господа дѣти; прѣѣхалъ 6-го вечеромъ въ бурю и gale ⁵⁾—этотъ переѣздъ изъ Calais въ Дувръ былъ хуже всего на свѣтѣ: такой мерзости я не видѣлъ еще на морѣ. Въ Брикнэмѣ я на станціи встрѣтилъ Огарева, а я ѣхалъ, чтобы сдѣлать сюрпризъ. вмѣстѣ возлѣ Фолей ⁶⁾ и поѣхали. Natalie и

¹⁾ До свиданія.

²⁾ М. А. Бакуминъ.

³⁾ Великоколѣпный переѣздъ.

⁴⁾ Бакстъ.

⁵⁾ Штормъ.

⁶⁾ Foly lane—мѣстность въ Лондонѣ.

дѣти цѣлуютъ. Лиза, до того сконфузилась, что съ пятнами на лицѣ долгое время не могла произнести ни слова. Дѣвочка ¹⁾ очень умна и зла, мальчикъ ²⁾ у нея подъ башмакомъ. Письма, подарки всѣ розданы (въ домѣ)—j'ai dit à Lise que la petite main en corail de Malvida était faite pour gratter dans le nez,—cela lui a tellement plu, qu'elle gratte continuellement. Ogareff est bien en santé. Czerneccki souffre beaucoup et il est en très triste. Tchorzewski cherche encore des traces (serieusement)—de Toutou. Dans deux jours je vous écrirai une longue lettre—maintenant seulement une grande nouvelle.

Considérant l'avis de Baxt, Kas.—et divers oft. ef skq.

Considérant—

Considérant,

Avons décidé ³⁾—типографія переносится въ маѣ мѣсяцѣ въ Лугано. Мы всѣ переѣдемъ туда на лѣто, а осенью въ Миланъ. Это окончательно рѣшено. Ну, вотъ важная задача климата и дѣятельности будетъ рѣшена къ общему удовольствію.

От. находить памятникъ холоднымъ, хотя многое зависитъ отъ статуй.

Natalie ждетъ писемъ отъ тебя,—пиши, пиши и ко мнѣ. Какъ Мальвидѣ понравилась новая программа: Лугано—Миланъ?

Ольга, Лиза думаетъ, что черепаху ты прислала, и потому довольна ей, но говоритъ, что все было бы лучше, если-бъ она была живая.

2261. Письмо нъ сыну.

7 декабря (1863).

Elmfield House, Teddington.

Ну вотъ, Саша, я на Ort und Stelle ⁴⁾. Все засталъ хорошо и здорово. Огаревъ меня встрѣтилъ случайно въ Твикнэмѣ вечеромъ, въ 9 часовъ, въ воскресенье. Дѣти и Natalie, всѣ all right ⁵⁾.

¹⁾ Елена.

²⁾ Алексѣй.

а) Я сказалъ Лизѣ, что маленькая коралловая ручка Мальвиды предназначена, чтобы чесать въ носу. Это ей такъ понравилось, что она не перестаетъ чесать. Огаревъ здоровъ; Чернецкій очень страдаетъ и очень груститъ по этому поводу. Тхоржевскій все еще продолжаетъ искать (серьезно) слѣдовъ Туту. Черезъ дня два я вамъ напишу длинное письмо, а пока только большую новость.

Принимая во вниманіе сообщенія Бакста, Касаткина, а также различныхъ офицеровъ и господъ, принимая во вниманіе—

Принимая во вниманіе.

Мы рѣшили.

⁴⁾ На мѣстѣ.

⁵⁾ Здоровы.

Мереждъ черезъ каналъ былъ ужасный,—такого я не испытывалъ, но все прошло по добру и по здорову.

Теперь какъ можно будь осторожнѣе съ Бак. ¹⁾ и не отдавай ему безъ нужды письма. Въ Женевѣ ко мнѣ пріѣхалъ изъ Цюриха Провансовъ и разсказалъ, что у нихъ есть одно предположеніе, пренелѣпное и, по-моему, превредное, болѣе вредное *Larimskiady* ²⁾. Тутъ выбора мнѣ не было,—я сказалъ, что я клалъ, съ своей стороны, veto; но этого было мало и надобно было въ томъ же смыслѣ имѣть вліяніе на Б. ³⁾. Я все сдѣлалъ и видѣлся съ нимъ, и ни слова не говорилъ о частныхъ дѣлахъ.

Онъ всѣми силами хочетъ миръ съ нами и потому ничего не сдѣлаетъ для скандала. Огар. будетъ къ нему объ этомъ писать. А ты немного погоди посылать письмо. Огаревъ тебѣ представилъ дѣло въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ—ему такъ хотѣлось, чтобъ все взошло въ гармонію и чтобъ всѣ забыли личныя дѣла, что онъ хотѣлъ сильнѣе подѣйствовать.

Къ тому помни, что ты нигдѣ не можешь встрѣтиться на одномъ terrain ⁴⁾ съ Бак.; ты убѣдился, вѣроятно, самъ, что ни ты въ политическомъ дѣлѣ не имѣешь таланта, ни Бак.—въ естественныхъ наукахъ.

Жду письмо, какъ и что куда прислать. Сходи къ *Vieusseux* и спроси, не возьмется ли онъ получить; у него здѣсь братъ, и Тхоржевскій его знаетъ,—онъ посылаетъ книги въ Италію. Твою большую «зоологію» совѣтую выписать.

2262. Надпись для М. К. Рейхель.

Съ подлиннымъ вѣрно.

9 дек. 1863 г.

Лондонъ.

А. Герценъ.

2263. Письмо къ дочерямъ.

№ 2.

12 декаб. (1863).

Elmfield House, Teddington.

Письмо ваше пришло какъ слѣдуетъ. Если до васъ доходятъ какъ-нибудь газеты, то вы, вѣрно, читали объ бурѣ, свирѣпство-

1) М. А. Бакунинъ.

2) Т.-е. экспедиціи Лапинскаго.

3) Бакунинъ.

4) Почвъ.

вавшей отъ 2 до 6 дек. Я именно по ней-то и прїѣхалъ. Теперь здѣсь тепло (т.-е. такъ, какъ во Флоренці было), воздухъ влаженъ и хорошъ. Но все вмѣстѣ послѣ Италіи lugubre ¹⁾, угрюмо, темно, только Буши-Паркъ шумитъ, какъ океанъ.

Сегодня у меня въ комнатѣ праздникъ: принесли огромный письменный столъ; я полжизни намѣревался имѣть такой и передъ отъѣздомъ завелъ. Отъѣздъ нашъ остается рѣшеннымъ. Къ 1 мая Чернецк. отправляется, за нимъ мы по-баталіонно, кочевье назначаю entre Lugano—Como—Milano. Квартиру вашу, если удобна и съ солнцемъ, я совѣтую, безъ новой, еще удобнѣйшей, не мѣнять. У Линдемана ²⁾ учиться хорошо, но я считаю это совершенно недостаточнымъ; безъ сомнѣнія, надобно еще работать въ галлерейхъ и съ натуры. Вообще, не очень подчиняйся однимъ нѣмецкимъ методамъ и работой, работай.

Помѣчай мои письма, т.-е. смотри на №, и сама ставь на своихъ, а то ужасно скучно писать, не увѣрясь въ исправности вашей почты.

Милая Ольга, перестала ли ты дергать носомъ? Я жду объ этомъ вѣсти отъ Таты. Далѣе, учись хорошо съ твоимъ Дидригономъ, а я тебѣ купилъ не только исторію de mademoiselle Lili, но и вторую его же—«Vébé à la mère» ³⁾. Это такъ хорошо, что мы цѣлый вечеръ хохотали съ Ага, Natalie и Тхоржевскимъ. Да какъ тебѣ послать? развѣ, черезъ Сашу.

Цѣлую Тату и тебя и не цѣлую Жеоржину, но кланяюсь ей.

Твой Папа.

А Жюль остается въ Англии.

Дѣти милы, но дѣвочка гораздо умнѣ мальчика.

2264. Въ вѣчность грядущему 1863 году.

...«Все было готово къ приступу. Генераль Толь осмотрѣлъ еще разъ передовыя орудія и остановился; онъ вынулъ часы: время, данное для отвѣта, не прошло. Наступила страшная тишина... у всѣхъ билось сердце. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Генераль показалъ стоящимъ возлѣ часы и положилъ ихъ въ карманъ,—сигнальная ракета взвилась со свистомъ, донула и разсыпалась. Пушки грянули разомъ,—приступъ начался. Черезъ полчаса ничего нельзя было разобрать въ дыму, огнѣ и шумѣ страшнаго боя...»

Такъ рассказывалъ мнѣ когда-то очевидецъ о приступѣ и взятіи Варшавы въ 1831 году.

¹⁾ Мрачно.

²⁾ Кирль-Августъ Линдемалъ-Фроммель, пейзажистъ.

³⁾ «Малютка—матеря».

Мы, Европа, весь міръ находимся теперь въ томъ самомъ положеніи: генераль вынулъ часы. Кто этотъ генераль? Наполеонъ III, Александръ II, лордъ Россель, кн. Горчаковъ? Ни одинъ изъ нихъ,—всѣ они да еще кто-то анонимный. Жаль, что въ нашъ скептическій вѣкъ не вѣрятъ даже въ діавола: часы были бы по праву у него, и онъ, по крайней мѣрѣ, былъ бы отъ души радъ, а теперь всѣ, съ внутреннимъ ужасомъ чуя грозныя послѣдствія, поджидаютъ ракету, которая должна быть сигналомъ общему несчастью всей Европы.

Исторія продолжаетъ развивать свою импровизацію путями безумія крови. Почти всякій разъ все можно предупредить, отвратить, иначе направить; почти всякій разъ ничего не предупреждено, не отвращено. Народы и правительства дивятся, какъ Гоголевъ Селифанъ, что «вѣдь, вотъ видѣли, что колесо сломано, да ничего и не сдѣлали».

Утромъ, когда всѣ спятъ съ закрытыми ставнями, рано проснушіеся видятъ по зарѣ, что день будетъ бурный; ихъ свѣдѣтельство не вѣрятъ, небо кажется яснымъ, противъ грозы никто не беретъ мѣръ, а день возвращается къ своей программѣ утра, и когда всего менѣе ждуть, черная туча шлетъ свою ракету.

Кто ждалъ при тихомъ и невзрачномъ началѣ 1863 г., что онъ насъ поставитъ лицомъ къ лицу передъ столкновеніемъ, которое казалось далекимъ, и которое теперь стоитъ грозно и, можетъ, неотвратно передъ нами?

Борьба, которую пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ предвидѣлъ Наполеонъ, которой прелюдія разыгралась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Черномъ морѣ ¹⁾, о которой доктринеры отзывались, пожимая плечами, какъ о пустой мечтѣ, завязалась на стародавней трагической почвѣ, «гдѣ каждая горсть земли—прахъ мученика, мощи».

Россія является на барьеръ, облитая польской кровью, дикая, свирѣпая, сбитая съ толку, потерявшая всякое различіе между добромъ и зломъ, между своимъ и чужимъ, между любовью и ненавистью. Она идетъ съ прежнимъ знаменемъ военнаго деспотизма, въ той же ливреѣ чужой цивилизаціи, во имя которой предпринимаются на нее западныя державы. Она одна. Кромѣ нѣмца камердинера, который остался вѣренъ русской передней, догадавшись, что онъ существуетъ только силою штыковъ и покровительствомъ сосѣдняго барина, съ ней нѣтъ никого.

Противъ нея союзъ непримиримыхъ между собою враговъ. Они долго не подымали перчатки. Старый міръ охотно оставилъ бы Польшу на усмиреніе; его нервы не испугаешь какимъ-нибудь Муравьевымъ, разграбленными домами и невинными жертвами. Что ему до Польши? Но передъ дерзостью русскихъ отвѣтовъ ²⁾ и,

¹⁾ Намекъ на Крымскую кампанію.

²⁾ Дипломатическія ноты Горчакова европейскимъ державамъ.

главное, передъ ихъ обнародованіемъ онъ не могъ остаться въ долгу. Хотѣла ли Россія, безъ денегъ, едва оправившись отъ Крымской кампаніи, не умѣвшая въ десять мѣсяцевъ покорить возстанія, додразнить Европу до войны, мы не знаемъ. Вѣроятно, нѣтъ; правительство хотѣло, скорѣе, похвастаться передъ своими и повторило ошибку, которую сдѣлалъ Николай: онъ тоже разсчитывалъ на то, что Европа не вынетъ меча изъ ноженъ; она бы и не вынула ни изъ-за Турціи, ни изъ-за іерусалимскихъ ключей, но Франція вынула его изъ-за того, что онъ не названъ *братомъ* Наполеона. Дуэль, по западнымъ понятіямъ, очень рѣдко дѣлается изъ-за дѣла, а почти всегда изъ-за оскорбленія чести. Point d'honneur ¹⁾ Европы задѣтъ русскими нотами. Старые бойцы долго не обижались, долго отходили, отступали, давали всѣ средства Россіи сдѣлать *amende honorable* ²⁾, но Петербургъ закусилъ удила, и Европа тяжело и нехотя надѣваетъ на себя доспѣхи, съ надеждой, что на годъ, на полгода борьба отдалена; союзники чуютъ важность борьбы, ихъ мучитъ взаимное недоверіе, грозная предчувствія, а, можетъ, и встревоженная совѣсть.

Между ними—Польша, представительница юности и доблести стараго міра, послѣдній вѣнокъ живыхъ цвѣтовъ на латинскомъ крестѣ,—Польша, не знающая предѣла преданности, отдающая четвертаго сына послѣ трехъ падшихъ, пятаго—послѣ четырехъ, мужественная, неуловимая, исходящая кровью, гибнущая здѣсь и возрождающаяся возлѣ. Въ ней апогеозъ Запада, въ ней великая и честная кончина стараго міра. Десять мѣсяцевъ борьбы, горсть людей противъ арміи,—какая эпопея представляетъ что-нибудь героичнѣе? А это правительство, обругиваемое ежедневно подлой шпіонской журналистикой въ Россіи, это правительство, скрывающее въ звѣриныхъ когтяхъ разъяреннаго врага и управляющее между его пальцами страной! Будущія поколѣнія не повѣрятъ этому... Что бы съ Польшей ни было, но это возстаніе, эти десять мѣсяцевъ борьбы ставятъ ее на необыкновенную высоту... и что бы ни было съ Россіей, она долго не смоетъ съ себя усердія къ усмирению и сквернословія своихъ подкупныхъ и даровыхъ клеветовъ.

И есть печальная отрада въ томъ, что Польша въ своемъ преображеніи оставалась одинокой и, приготовляясь къ своей Голгоѣ, подымалась на своемъ Фаворѣ безъ ветхозавѣтныхъ Моисеевъ и Илій западнаго міра.

Для Россіи польское возстаніе было несчастіемъ ³⁾; оно вры-

¹⁾ Честь.

²⁾ То-есть, принести повинную.

³⁾ Какой-то г. Питкевичъ напечаталъ *sub auspiciis* ⁰⁾ Шедо-Ферроти (Скедо-Ферроти, по «Моск. Вѣдом.») письмо къ польскому правительству. Не имѣя передъ глазами самой брошюры, выписываемъ изъ «Моск. Вѣдом.» мѣсто, относящееся до насъ. «Г. Герценъ и К⁰ (кого онъ считаетъ въ этой

⁰⁾ Съ благословенія.

валось въ начатое русское дѣло, путало его, усиливало правительство и будило въ народѣ чувства звѣримья и кровожадныя. Остановить польское движеніе было трудно; русское правительство дѣлало ошибку за ошибкой. Людей готовыхъ на гибель, сознательно идущихъ на нее, вообще, останавливать нельзя. Да и что же можно было сказать полякамъ? «Подождите, не чувствуйте боли, не чувствуйте оскорбленій, дайте себѣ связать руки и ноги, дайте лучшихъ изъ васъ отдать въ солдаты; подождите: мы еще

компаніи, мы не знаемъ; издатели «Колокола» не составляютъ цѣлую компанію съ г. Герценомъ, ихъ только двое: Герценъ и Огаревъ) увѣрили, что находятся во главѣ обширнаго заговора, обнимающаго цѣлую Россію, и простирали свое фанфаронство до того, что предлагали Польшѣ содѣйствіе какого-то *русско-революціоннаго комитета*. Г. Питкевичъ рассказываетъ, что польскіе патриоты требовали у этихъ господъ доказательствъ ихъ вліянія. Но, продолжаетъ онъ, «вмѣсто всякихъ доказательствъ, редакторы «Колокола» могли представить только хвастливыя увѣренія въ своемъ революціонномъ могуществѣ; а потому безъ всякихъ церемоній и, не щадя ихъ самолюбія, *они устранили ихъ*, какъ отъявленныхъ врулей». Г. Питкевичъ очень доволенъ, что польскіе патриоты не уронили своего достоинства формальнымъ союзомъ съ врулями; но, продолжаетъ онъ, «зачѣмъ же польскіе патриоты не были настолько проницательны, чтобы убѣдиться, что не только роль признанныхъ вождей русскаго возстанія, на которую претендоваль лондонскій триумvirатъ⁹⁾, но и самыя элементы возстанія, которые, по ихъ увѣреніямъ, будто бы, существуютъ въ Россіи, чистая выдумка? Гдѣ эти симпатіи студентовъ къ польскому дѣлу, тайныя общества, составленныя русскими офицерами, рѣшеніе, будто, принятое солдатами не сражаться съ *братьями-поляками*, стачка раскольниковъ для испроверженія верховной власти? Все это существовало только въ хвастливыхъ столбцахъ «Колокола», редакторы котораго лгали, и лгали завѣдомо, для того только, чтобы доставить себѣ ребяческое удовольствіе прослыть вождями могущественной революціонной партіи...»

Какъ ни противно намъ касаться до поры до времени нѣкоторыхъ вопросовъ и какъ ни противно дотрогиваться до этой выписки, удобренной, какъ слѣдуетъ, самой крѣпкой и жирной *катковиной*, нельзя же терпѣть такой вредной лжи, такой полной клеветы. Пусть укажутъ хоть одну строку «Колокола», «Полярной Звѣзды» или чего бы то ни было изъ нашихъ изданій, въ которой бы мы себя выдавали «вождями могущественной революціонной партіи», въ которой бы мы говорили, что Россія готова востать, подстрекали поляковъ и пр. Но, печатая одно, мы могли писать и говорить другое. А потому мы просимъ всѣхъ поляковъ и не-поляковъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ нами, привести хоть *одно слово*, сказанное нами въ смыслѣ цитаты. Мы позволяемъ всѣмъ нескромности, развязываемъ всѣ языки. Само собою разумѣется, что, цитируя «Колоколь», надобно ~~не~~ листа, а цитируя чловѣка, надобна *его фамилія*.

Повторять по этому поводу наши убѣжденія, которыя мы повторяли сто разъ, мы не станемъ. Печатать документы, и притомъ *подписанные*, не время. Но чиновники брошюрнаго департамента насъ обязали бы искренно, сказавши, *кто эти* поляки, устранившіе насъ, и устранившіе съ такой ловкостью, что мы по простотѣ сердечной и не замѣтили этого. Не тѣ ли, которые писали подметныя письма съ *подильной* печатью народнаго польскаго правительства? А. И. Г.

⁹⁾ Понимая, что здѣсь подразумѣвался еще и Бакунинъ, Герценъ умышленно указалъ выше, что въ «Колоколѣ» онъ не принимаетъ близкаго, руководящаго участія.

не готовы?»—И это въ то самое время, когда торжественно праздновалось тысячелѣтіе нашего *ребячества!*¹⁾)

Смирясь передъ фактомъ, мы говорили польскимъ друзьямъ нашимъ: «Если ваше возстаніе неотвратно, да совершится судьба его. Помните, что у васъ только *одна* хоругвь можетъ быть общая съ нами; свято и высоко держа ее, вы не встрѣтите противъ себя Руси народной, а будете имѣть дѣло съ Россіей официальной, петербургской, петровской, карамзинской, погодинской, той, которая держала донельзя народъ въ крѣпостномъ состояніи, той, которая на кнутахъ и штыкахъ, на казематахъ и каторгахъ упорчила сильную державу, основанную на отрицаніи всѣхъ чело-вѣческихъ правъ».

Мы знали, какъ тяжело будетъ полякамъ нести нашу простую хоругвь, и всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ желали, чтобъ они нашли силу не противъ врага—въ этомъ у нихъ недостатка нѣтъ,—а противъ собственныхъ предрасудковъ:

ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНАМЪ, ВОЛЮ ОБЛАСТЯМЪ.

И то и другое, съ западной точки зрѣнія,—нелѣпость, и то и другое, съ исторической точки зрѣнія,—чуть не предательство!

Западныя воззрѣнія стали намъ чужды; историческаго знамени у насъ нѣтъ; мы его видимъ въ будущемъ, мы не *возвращаемся* къ нему, а *къ нему идемъ*. И это—вовсе не фантазматорія и мечта, а ясный, простой фактъ.

Мы любимъ русскій народъ и Россію, но не одержимы никакимъ патріотическимъ любострастіемъ, никакимъ бѣшенствомъ руссоманіи; и это не потому, чтобъ мы были стертыми космополитами, а просто потому, что наша любовь къ отечеству не идетъ ни до вымысловъ несуществующаго, ни до той стадной солидарности, которая оправдываетъ злодѣйства и участвуетъ въ преступленіяхъ. Для насъ всегда существовали интересы выше и дороже всѣхъ патріотизмовъ въ мірѣ; мы никогда не подкрашивали объективной истины никакими красками личными, семейными или племенными и также не обвиняясь говоримъ *теперь* о будущности русскаго народа, какъ, не оглядываясь и не разсчитывая, стали со стороны Польши съ самаго начала возстанія.

Народъ русскій для насъ—*больше, чѣмъ родина*. Мы въ немъ видимъ ту почву, на которой разовьется новый государственный строй,—почву, не только не заглохшую, не истощенную, но носящую въ себѣ всѣ зерна всхода, всѣ условія развитія. Будущность ея—для насъ логическое заключеніе.

Тутъ рѣчь не о священной миссиі, не о великомъ призваніи,—весь этотъ юдаическій и теологическій хламъ далекъ отъ

1) Намекъ на празднованіе тысячелѣтія Россіи.

нашей мысли. Мы не говоримъ, видя беременную женщину, что ея миссія быть матерью, но, безъ сомнѣнія, считаемъ себя въ правѣ сказать, что она родить, если ей не помѣшаютъ.

Убѣжденіе наше, что въ Россіи осуществится часть социаль-ныхъ стремленій, совершенно независимо отъ того, что мы родились въ Россіи. Физиологическое сродство, кровная связь съ народомъ, со средой, можетъ, предшествовали пониманію, ускорили, облегчили его, но *выводъ*, однажды достигнутый—или вздоръ, или долженъ стать независимо отъ пристрастій и случайностей. Человѣкъ, родившійся въ Берлинѣ или Потсдамѣ, вѣроятно, имѣеть какую-нибудь привязанность къ родинѣ; но что же можетъ онъ вывести изъ своей любви къ отечеству, кромѣ необходимости разложенія уродливаго прусскаго королевства?

То, что дѣлается теперь въ Россіи, въ эту черную полосу, которая оставитъ по себѣ страшныя угрызения совѣсти, ничего не доказываетъ противъ нашихъ упованій. Вся эта оргія палачества и пьянаго патриотизма обнаруживаетъ больше и больше только то, что такими мерзкими абортивами ¹⁾ внутренняго движенія остановить нельзя. Само правительство, срываясь съ своей обычной колеи, всякій разъ уносится въ какую-то пугачевщину. Имѣя въ виду одно уничтоженіе польскаго возстанія, изводя польскій элементъ въ Литвѣ, оно, не сознавая того, ведетъ Россію вовсе не туда, куда думаетъ. «Не намъ, не намъ, а имени твоему!» такъ и останется, съ легкой руки Павла, девизомъ его внучать.

Это, наконецъ, стали отчетливо понимать злѣйшіе противники Россіи ²⁾. Этого только не понимаютъ наши жандармствующіе литераторы и принѣмчивающіе доктринеры,—ихъ обращать на путь истины не наша забота. Но въ послѣднее время безнравственная и безстыдная пресса затемнила возникавшее и укрѣплявшееся сознаніе. Честные люди, люди, не забившіе свой умъ схоластикой, ни сердца—усердіемъ къ престолу, исполняются сомнѣніемъ. И, дѣйствительно, надобно имѣть страшную силу вѣры и любви, чтобъ не отпрянуть отъ бѣснованія не одного Сауда ³⁾, а цѣлаго общества съ нимъ, общества полуобразованнаго и дерзко мутящаго нѣмое море чуждой ему жизни народной, вызывая изъ

¹⁾ Abortif—плодогонное средство.

²⁾ Мы очень рекомендуемъ нашимъ читателямъ брошюру, вышедшую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: «La Pologne et la cause de l'ordre». Авторъ ⁰⁾ ненавистью понялъ то же, что мы—любовью; католицизмомъ, цезаризмомъ, консерватизмомъ дошелъ до того, до чего мы дошли мыслью, свободной отъ всякихъ изувѣрствъ и отъ всякой традиціи. Какое же доказательство можетъ быть полнѣе? А. И. Г.

³⁾ Т.-е., Александра II.

⁰⁾ Сбышевскій. Брошюра была подписана «Un polonais», Paris, 1863 г. О Герценѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сказано съ полнымъ сочувствіемъ.

его глубины демоническія страсти, которыхъ разгаръ и кругъ дѣйствій не ему очертить и обуздать.

Передъ этими сомнѣніями, передъ этимъ смѣшеніемъ понятій наше дѣло ясно. Мы торопимся прочесть отходную въ вѣчность грядущему году и снова поставимъ на первый планъ развитіе нашей мысли о будущности нарождающейся Россіи. Оставляя всѣ другіе вопросы, мы будемъ слѣдить шагъ за шагомъ, пульсъ за пульсомъ, за движеніями младенца, за его ростомъ и укѣзывать и обличать безсиліе и нелѣпость палачей, врачей, закливателей и всѣхъ подкупленныхъ повивальныхъ бабокъ, призванныхъ извести его.

Польскому дѣлу мы принесли, что могли, далѣе намъ приходится повторять одно и то же. Мы горды тѣмъ, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы; мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которой бросали въ насъ за Польшу ярыги патріотизма и *содержанцы* III Отдѣленія. Ни нападенія подлыхъ враговъ, ни сожалѣнія слабодушныхъ и слабоумныхъ друзей не своротили насъ съ дороги... Мы съ злой радостью смотрѣли на бѣгущія отъ насъ стада кабановъ и барановъ, сопровождаемыхъ чирикашемъ ихъ пернатыхъ товарищей... смотрѣли, какъ ихъ Долгоруковъ загонялъ на скотный дворъ Муравьева и въ свои собственные птичники, не завидуя тому, что однимъ отдадутъ поношенное платье, награбленное у литовскихъ пановъ, а другихъ научатъ еще лучше пѣть по органчику III Отдѣленія. Чортъ съ ними!

Мы остались, вопреки всему, вѣрными польскому дѣлу и вѣрными русскому народу. Время справедливости не за горами. Но далѣе мы чувствуемъ наше безсиліе во всемъ внѣ русскаго вопроса. Потому-то мы и будемъ говорить исключительно о немъ съ людьми, которымъ дорога не кровавая, не терзающая Польшу Россія, а Россія, вспахивающая втиши съ своими полями поля будущаго развитія. Ихъ будемъ мы звать нашимъ «Колоколомъ» вмѣстѣ съ молодымъ поколѣніемъ, которое надобно спасти, во что бы ни стало, отъ казенныхъ лжеучителей и нравственно-растлѣнныхъ бездѣльниковъ.

Пять лѣтъ мы безъ усталости *сзывали живыхъ*. Теперь, благо мертвые ушли, и никто изъ мертвыхъ не остался, будемъ звонить къ самой *обѣднѣ*, звать къ сознательному дѣлу! ¹

Флоренція, 10 ноября 1863.

◆ 1. Въ № 212 «Москов. Вѣдомостей» отъ 30 сентября Катковъ писалъ: «Намъ говорятъ, что въ «Колоколѣ» наше имя встрѣчается поминутно въ сопровожденіи всяческихъ ругательствъ; это также понятно и говорить объ этомъ также нечего. Если бы мнѣнія издателя «Колокола» могли имѣть въ глазахъ нашихъ какое-нибудь значеніе, то намъ пришлось бы, развѣ, порадо-

ваться этимъ ругательствамъ; но мы не видимъ никакой разницы между его бранью и похвалами... Знаемъ, что они (издатели «Колокола» — М. Л.) объявили Россію нелѣпою выдумкой, изрыгаютъ проклятія на все русское общество, и въ статьяхъ, которыя могли быть писаны, дѣйствительно, только въ сумасшедшемъ домѣ, предають проклятію всѣхъ въ Россіи сверху до низу. Объ ихъ изліяніяхъ безсильной злобы не стоило бы и поминать, если бы среди всѣхъ этихъ оргій не проглядывали мѣстами попытки, отличающія своего рода хитрость, которая нерѣдко замѣчается у помѣшанныхъ. Издатель «Колокола» прибѣгаетъ къ разнымъ маневрамъ, чтобы войти снова въ силу и снова обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ важныхъ лицъ, прежде будто бы читавшихъ его».

Въ № 225, отъ 16 октября Катковъ предпослалъ слѣдующія строки выдержкѣ изъ брошюры Питкевича, процитированной Герценомъ: «Но съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ польскій повстанецъ о русскихъ измѣнникахъ, обманувшихъ поляковъ видами на сочувствіе ихъ дѣлу въ Россіи и на революцію, которая будто бы готовилась вспыхнуть въ ней, хотя, съ другой стороны, надобно сказать и то, что русскіе революціонеры сами во многихъ отношеніяхъ не что иное, какъ плодъ интриги, въ которой значительную роль играли польскіе заговорщики. Лондонскіе выходцы дождались, наконецъ, добраго слова и отъ поляковъ. Польскій повстанецъ не пощадилъ ихъ, такъ что даже привелъ въ смущеніе самого издателя своей брошюры, г. Шедо-Ферроти. Что-то скажутъ деликатные *soi-disant*¹⁾ русскіе публицисты, которые приходили въ ужасъ отъ нашихъ безцеремонныхъ выраженій о полоумномъ вралѣ, что-то скажутъ они, прочтя слѣдующій отзѣвъ польскаго повстанца».

Рѣчь идетъ о брошюрѣ «*Lettre d'un patriote polonais au Gouvernement national de la Pologne avec une préface et quelques notes explicatives par M. Schédo-Ferroti*»²⁾, Bruxelles, 1863; польскій патриотъ назвалъ свое имя—Josef Pitkiewicz.

Катковъ привелъ мѣсто, касающееся Герцена и «Колокола», довольно вѣрно, опутивъ лишь выноску, сдѣланную Шедо-Ферроти и имѣвшую въ русской печати свою исторію.

Герценъ процитировалъ не все; онъ опустилъ еще слѣдующія строки Питкевича: «Да покараетъ Богъ этихъ московскихъ вралей въ Лондонѣ и такъ называемыхъ полонофиловъ Парижа за вознагражденное зло, которое они намъ причинили,—одни, выдумавъ басню о пособіи, которое будто бы дѣло наше могло встрѣтить со стороны русскихъ, а другіе—преувеличивъ размѣры того вспомошествованія, которое намѣрены были оказать намъ

¹⁾ Такъ называемые.

²⁾ Письмо польскаго патриота національному правительству Польши, съ предисловіемъ и нѣкоторыми объяснительными замѣтками Шедо-Ферроти.

западныя державы! Да падеть на нихъ польская кровь, бесполезно пролитая послѣ 1-го мая, потому что, если бы не ложь однихъ и не подстрекательство другихъ, то центральный комитетъ не отказался бы воспользоваться амнистіей».

Между концомъ цитаты, сдѣланной Герценомъ, и началомъ приведенной мною было слѣдующее примѣчаніе Шедо-Ферроти:

«Обвиненіе въ преднамѣренной лжи, выставленное польскимъ патріотомъ противъ редакціи «Колокола», кажется намъ незаслуженнымъ. Г. Герценъ — энтузіастъ, любовь къ свободѣ котораго доходитъ до того, что онъ хочетъ *силой* навязать ее тѣмъ, кто даже не просить ея; но вся его жизнь доказываетъ, что это — прекрасный, честный человѣкъ. Происходящее теперь въ Россіи показываетъ, что мнимые заговоры, о которыхъ говоритъ «Колоколь», были лишь политическими утками, но это отнюдь не доказываетъ, что г. Герценъ выдумалъ эти ложныя новости. Удаленный навсегда изъ Россіи, онъ не имѣетъ возможности выбирать себѣ тамъ корреспондентовъ и вынужденъ принимать новости, предлагаемая ему людьми, ни характера, ни прошлаго которыхъ онъ не знаетъ.—Неизвѣстные сотрудники соблюдаютъ говорить о своихъ личныхъ стремленіяхъ, какъ о совершившихся фактахъ, и «Колоколь», публикуя ихъ мечтанія, подтверждаетъ серію противо-истинъ, точно опровергнутыхъ событіями. Въ этой манерѣ редакціи «Колокола» дѣйствовать есть, несомнѣнно, легкомысліе, много легкомыслія, но до преднамѣренной лжи отъ него далеко».

«Спб. Вѣдомости» тоже обратили вниманіе на брошюру Питкевича и привели ее полностью въ переводѣ, не исключая и примѣчаній Шедо-Ферроти. 21 ноября петербургскій цензурный комитетъ получилъ слѣдующее предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева:

«Въ № 226 «Спб. Вѣд.», въ примѣчаніяхъ Скедо-Ферроти къ письму польскаго патріота сказано: «Г. Герценъ энтузіастъ, вся жизнь его доказываетъ, что онъ честнѣйшій человѣкъ». Имѣя въ виду, что противъ сего примѣчанія Скедо-Ферроти редакція «Спб. Вѣд.» не сдѣлала никакой оговорки, тогда какъ по другимъ заявленіямъ его, несогласнымъ съ ея взглядами, она считала нужнымъ дѣлать опроверженія, министръ вн. дѣлъ, согласно заключенія совѣта по дѣламъ книгопечатанія, призналъ, что не слѣдовало допускать въ печати, безъ надлежащей оговорки, приведеннаго выше замѣчанія касательно лица, признаннаго въ Россіи государственнымъ преступникомъ, а посему приказалъ сдѣлать замѣчанія цензору сего комитета, дозволившему напечатаніе означенной статьи въ такомъ видѣ въ цензуруемыхъ имъ «Спб. Вѣдомостяхъ» («Сборникъ распоряженій по дѣламъ печати» etc., 16—17).

Чтобы закончить съ замѣчаніями о роли «Москов. Вѣдомостей» въ отношеніи Герцена, приведу еще два указанія.

Немного позже, въ № 39 «Современной Лѣтописи» какой-то заграничный корреспондентъ С.—нъ писалъ: «Рѣзецъ русскаго сатирика притупился. Покуда г. Герценъ былъ только остроумецъ, онъ и читался съ большимъ удовольствіемъ. Попутай же его взойти на трибуну публициста, а тамъ и на амвонъ апостола! Публика стала зѣвать и, наконецъ, заснула. Это задѣло за живое самолюбіе. Безхарактерный и горячій, г. Герценъ мгновенно осерчалъ и, что еще неловче, сказалъ себѣ, что онъ отнынѣ и во вѣки будетъ золь. Но не всякому дано быть злымъ. Нашъ сатирикъ превратилъ себя въ прескучную бабу-ягу».

12 ноября Катковъ воспроизвелъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» переводъ проекта польскаго возстанія, подписаннаго 1 марта 1861 года Л. Мѣрославскимъ, остановившись въ передовой статьѣ на слѣдующихъ его словахъ: «Вся агитація *малороссіянства* пусть переносится за Днѣпръ; тамъ обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числомъ *хмѣльничевщины*. Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа! Вотъ весь польскій *герценизмъ*! Пусть онъ издаетъ помогаетъ польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности царизма. Это достойное и легкое ремесло для *полу-поляковъ* и *полу-русскихъ*, наполняющихъ нынѣ всѣ ступени гражданской и военной іерархіи въ Россіи! Пусть себѣ замѣняютъ вдоль и поперекъ анархіей русскій царизмъ, отъ котораго, наконецъ, освободится и очистится сосѣдняя намъ московская народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ «для вашей и нашей свободы»: перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣною отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна».

«Трудно выразить болѣе полное и болѣе заслуженное презрѣніе польскихъ патріотовъ къ своимъ союзникамъ гг. Герцену и К^о со всею ихъ свитой,—воскликнулъ Катковъ. Апостолы новаго порядка вещей, заботящіеся о Польшѣ, «о нашей и вашей свободѣ», были въ рукахъ у опытныхъ польскихъ революціонеровъ презрѣнными орудіями, назначенными исключительно для нанесенія ранъ русскому народу. Они, какъ саранча, отгонялись прочь отъ предѣловъ, на которые простираютъ свои виды польскіе патріоты, они отсылались за Днѣпръ, во глубь Россіи. Тамъ предоставлялась имъ полная свобода терзать свою родину; вотъ на что они предназначались; вотъ къ чему ихъ дрессировали; вотъ къ чему ихъ прикармливали. Несчастныя жертвы обмана, они подвергаются суровой и заслуженной карѣ за свои бессмысленныя попытки, но польскіе патріоты (и между ними самъ Мѣрославскій) готовились избивать ихъ на смерть, если бы вся эта дичь, по совершеніи своихъ подвиговъ въ Россіи, вздумала осчастливить собой впослѣдствіи будущую Польшу» (№ 247).

Катковъ хорошо понималъ, что всякій проектъ, составленный за два года до фактическаго возстанія, да еще Мѣрослав-

скимъ, не могъ бы служить серьезнымъ обвинительнымъ матеріаломъ противъ Герцена; онъ зналъ также, что передергиваетъ, переводя съ польскаго, но мало ли что онъ и еще понималъ и зналъ, когда писалъ свои подлѣя статьи, такъ же, какъ и цитировавшіе его «историки» Гогели, Ратчи и т. п. (см. стр. 452—454).

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1861—1863 гг. министръ вн. дѣлъ Валуевъ такъ характеризовалъ изданіе Каткова: «Другое направленіе, которое имѣетъ своихъ замѣчательнѣйшихъ представителей въ «Рус. Вѣстникѣ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», вообще отличается отсутствіемъ крайностей. Оно прямо противоположно всѣмъ анархическимъ и антисоціальнымъ теоріямъ. Оно равнымъ образомъ противоположно направленію «Дня» въ отношеніи къ оцѣнкѣ началъ западно-европейской образованности. (Выше министръ говоритъ: «Славянофильское направленіе отрицаетъ солидарность цивилизации между европейскими народами, отвергаетъ начала нашего гражданскаго развитія со времени Петра В. и отыскиваетъ въ нашемъ народномъ бытѣ коренныя условія будущаго устройства Россіи. Главнымъ органомъ этого направленія служить въ настоящее время газета «День»). Оно не отрицаетъ, подобно ему, солидарности между русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ и, напротивъ того, клонится къ установленію между ними на извѣстныхъ основаніяхъ еще болѣе тѣсной и непрерывной связи. Главныя понятія, развиваемыя приверженцами этого направленія, заключаются въ государственной пользѣ, большей самостоятельности и самодѣятельности со стороны общества и въ проистекающей отъ того потребности въ расширеніи тѣхъ способовъ содѣйствія правительству и тѣхъ правъ представительства своихъ интересовъ передъ правительствомъ, которыя нынѣшними законами обществу уже предоставлены» (архивъ П. Я. Дашкова).

2265. Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ.

Какой-то плоцкій корреспондентъ «Сѣверной Пчелы» (№ 308) повѣствуетъ о томъ, что «я сложилъ свой вольный станокъ и собираю компанію, чтобы вывозить нечистоты изъ Лондона». Плоцкій корреспондентъ ошибся, до него дошли слухи о нечистотѣ, о Лондонѣ, о станкѣ... но онъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Я расскажу его самъ для пользы сѣверныхъ пчелъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ.

Послѣ трехмѣсячнаго отсутствія изъ Англій, меня чуть не постигла участь генераль-адъютанта Кокошкина ¹⁾: я попалъ въ

¹⁾ Сергѣй Александровичъ, петербургскій оберъ-полицейстеръ.

кучу русскихъ газетъ и чуть не задохнулся въ этихъ ямахъ полицейскаго срама и инквизиторскаго гноя. Что передъ ними неаполитанскія катакомбы и парижскія клоаки, что передъ ними Марать и гебертисты!.. Тѣ были фанатики tout de bon ¹⁾, не по тысячѣ цѣлковыхъ съ фанатизма; они, едва воскреснувшіе отъ долгаго гнета, неслись безъ оглядки, ошибались, ломали, лили кровь, теряли морально и физически голову, но были честны, но были чисты въ своемъ идеалѣ, въ своей вѣрѣ, а наши невскіе и москворѣцкіе Камиллы Демулены, наши «Père Duchesne'ы» III Отдѣленія, фанатики рабства, бульдоги, дрессированные Муравьевымъ на поляковъ, циничскіе, дерзкіе, мерзкіе, наглые, опертые на двѣ полиціи, на цензуру, на консисторію,—они возвели въ литературную рѣчь все грубое и гадкое, что грязнило у насъ казарму, съѣзжую, помѣщичью переднюю и исправительную конюшню російскаго демократическаго дворянства.

Меня почти обрадоваль ввозъ этихъ нечистотъ въ Лондонъ, —дальше гниль, тупость, глупость, паденіе итти не могутъ, да лѣе полное разложеніе или новая жизнь... Ну, до разложенія намъ далеко,—здѣсь я скажу, какъ нянюшка принцессы Тондере-тенъ-Тронкъ ²⁾ въ «Кандидѣ»: on ne meurt pas de ces choses ³⁾)... Россія загрязнилась, но вынесетъ эту Mist-Kur ⁴⁾!

А забавно видѣть, какъ на вонючей поверхности этой по-мойной ямы всякія пчелы, черви, оводы и золотомъ шитыя мухи поѣдають другъ друга, особенно московскія петербургскихъ. Тутъ нашъ литературный Шешковскій-Катковъ ⁵⁾ оттакалъ въ одномъ номерѣ двухъ министровъ и одного великаго князя и прямо говорить: «я служу,— да, я несу добровольную службу», какъ будто, можно человѣка заставить противъ воли и доносить, и клѣветать, и указывать жертвы и рукоплескать палачамъ? Твердо идетъ Катковъ по слѣдамъ Шервуда на завоеваніе титула *Върнаго* ⁶⁾, не даромъ «Байборода» ⁷⁾ напоминалъ споконъ вѣку Майбороду ⁸⁾)... Тутъ возлѣ сильныхъ доносами слабые, дрянные фискальчики.

Куда конь съ копытомъ мчится,
Ракъ съ клешней туда тащится—
И давай писать.

Какой-нибудь эксъ-ракъ «Библиотеки для Чтенія» ⁹⁾, романистъ, аферистъ, драматистъ, ставитъ на сцену новую русскую

1) На самомъ дѣлѣ.

2) Баронесса Тондере-тенъ-Тронкъ—дѣйствующее лицо философской повѣсти Вольтера «Кандидъ, или оптимизмъ».

3) Отъ этого не умирають.

4) Лѣчение навозомъ.

5) Степанъ Ивановичъ, начальникъ тайной экспедиціи при Екатеринѣ I

6) Данъ доносчику на декабристовъ Шервуду.

7) Прежній псевдонимъ Каткова въ «Рус. Вѣстникѣ».

8) Доносчикъ на декабристовъ.

9) А. Ѳ. Писемскій, авторъ «Взбаломученнаго моря».

жизнь съ подхалюзой точки зрѣнія подьячаго, не совсѣмъ вымывшаго руки отъ... канцелярскихъ чернилъ, дѣлаетъ шаржи на событія, отъ которыхъ еще до сихъ поръ льются слезы, и чертитъ силуэты какихъ-то дураковъ въ Лондонѣ, воображая, что это наши портреты.

Видно, придется намъ выручать рака и прибавить ему небольшую картинку изъ романа:

ВЗБОЛТАННАЯ ПОМОЙНАЯ ЯМА.

Глава XVIII.

Подчиненный и начальники.

Подчиненный 1).—Находясь проѣздомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, счелъ обязанностью явиться къ вашему превосходительству.

Н а ч а л ь н и к ь А 2). Хорошо, братецъ. Да что-то про тебя ходятъ дурные слухи?

П о д ч и н е н н ы й.—Невиненъ, ваше превосходительство, все канцелярская молодежь напакостила, а я передъ вами, какъ передъ Богомъ, ни въ чемъ-съ.

Н а ч а л ь н и к ь В 3).—Вы не маленький, чтобъ ссылаться на другихъ. Ступайте...

Эпиграфъ этотъ изъ романа, который былъ бы очень извѣстенъ, если-бъ существовалъ, живо представился герою нашего разсказа однимъ лѣтнимъ днемъ 1862 года...

Было вечеромъ, было въ дождливую погоду, было на островѣ Вайтъ.

Герой нашъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на море.

Почтовый факторъ стоялъ у дверей и смотрѣлъ на рыжую Кецаю.

Кецаія взошла съ письмомъ и посылкой и вышла безъ письма и посылки.

Герой нашъ пересталъ смотрѣть на море.

Почтовый факторъ продолжалъ смотрѣть на златовласую Кецаю.

Герой нашъ прочелъ слѣдующее: «Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей моей поѣздки въ Лондонъ состояла въ томъ, чтобъ лично узнать вась, чтобъ пожать руку человѣка, котораго я такъ давно

1) А. Ѳ. Писемскій.

2) Герценъ.

3) Огаревъ.

привыкъ любить и уважать. Когда вы воротитесь? Пожалуйста, сообщите объ этомъ NN ¹⁾), котораго я имѣлъ счастье знать еще въ R. R. ²⁾».

«P. S. Я прошу васъ принять новое изданіе моихъ сочиненій въ знакъ *глубокаго... глубокаго* уваженія къ вамъ»...

И герой нашъ развернулъ сочиненія, переплетенныя въ сафьянахъ и позолотахъ, и не читалъ ихъ.

Прошла недѣля; лѣто и дождь продолжались... Кецаія осталась на маленькомъ островѣ, герой нашъ былъ на очень большомъ ³⁾). Въ девять часовъ вечера шелъ дождь на Вестборнъ-Террасъ, и не одинъ дождь...

(Продолженіе потомъ). ¹

P. S. По какому-то странному случаю, который мнительному человѣку показался бы вовсе *не случаемъ*, мы получили всѣ №№ «Сѣверной Пчелы», за *исключеніемъ* 308. Если-бъ князь П. В. Долгоруковъ не сказалъ намъ о томъ, что въ немъ напечатана навозная новость, мы не позаботились бы достать его. Нѣсколько предшествующихъ строкъ были набраны, когда мы прочли полную корреспонденцію. Вотъ что пишетъ плоцкій корреспондентъ «Сѣвер. Пчелы»:

«Я прежде удивлялся, читая повѣсти и рассказы изъ прошедшаго Польши, въ которыхъ говорится, что ни одного сеймика у поляковъ не обходилось безъ сабли и драки. Теперь это меня ни мало не удивляетъ, какъ не удивляетъ и то, что Герценъ вступилъ съ поляками въ близкое родство. Ъстати, объ Герценѣ. Поляки считаютъ Герцена своимъ передовымъ человѣкомъ и хотятъ усунуть его (прекрасно! наши законы не мѣшаютъ такому сочетанію); черезъ евреевъ они въ большомъ количествѣ прежде выписывали печатныя бредни Герцена. Припомнился мнѣ при этомъ случай, бывшій со мной года 3 тому назадъ. Мнѣ привелось по дѣламъ службы быть въ обществѣ польскихъ помѣщиковъ. Между своими разговорами они, между прочимъ, завели рѣчь и о Герценѣ: хвалили его, изъявляли сожалѣніе, что они не довольно хорошо знаютъ русскій языкъ, чтобы понимать Герцена. Я, разумѣется, потупя глаза, слушалъ, а самъ думалъ про себя: «подождите, онъ еще удружитъ вамъ и выведетъ васъ на свѣжую воду». И точно, вывелъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сличить ученіе Герцена съ дѣйствіями поляковъ, то нетрудно замѣтить въ польскомъ пожарѣ тѣнь этого человѣка. Поляки вѣшаютъ,—это родная мысль Герцена; поляки отравляютъ,—это тоже по его части; поляки бросаютъ гранаты и жгутъ,—этому ремеслу подучилъ ихъ Герценъ. Теперь поляки понемногу начи-

¹⁾ Огаревъ.

²⁾ Россія.

³⁾ Т.-е. Герценъ переѣхалъ уже въ Лондонъ.

наютъ понимать Герцена. Сужу это потому, что они пускаютъ про него не очень лестные слухи. Напримѣръ, здѣсь говорятъ, что Герценъ уже сложилъ свой вольный станокъ, поставленный на британской землѣ, и собираетъ компанію,—какъ вы думаете, для чего? Для того, чтобы подрядиться у англичанъ вывозить всѣ нечистоты изъ Лондона. Выгоды громадныя, говорятъ, отъ этого подряда, а главное, тутъ будетъ много работы уму. Немало также услужилъ полякамъ и странствующій Долгорукій своимъ сочиненіемъ о Россіи. По его словамъ, такъ вотъ Россія и упадетъ и разрушится, и онъ же ящерицей ползетъ по ея развалинамъ, а поляки ему и повѣрили, да и не одни поляки, а кто-то и повыше ихъ повѣрилъ. Недаромъ Наполеонъ заученнымъ языкомъ говорить: «Мнѣ измѣнили, мнѣ измѣнили!», стыдятся сказать: «Меня обманули, меня обманули Герценъ, Долгорукій и подобные имъ индивидуумы».

Мы не могли не перепечатать этихъ гнусныхъ строкъ, мы указываемъ ихъ всѣмъ честнымъ противникамъ и врагамъ нашимъ, пусть они знаютъ, съ кѣмъ они идутъ заодно. Не вытерпѣла «Сѣверная Пчела», ей не спалось отъ зависти,—и въ одинъ фельетонъ обѣжала Каткова... а, вѣдь, какъ она огорчилась, когда мы ее назвали *офиціозной*? ²

◆ 1. Въ 1863 г. въ «Библиотекѣ для Чтенія» печатался пасквиль Писемскаго на молодое поколѣніе и прогрессивное общество—романъ «Взбаломученное море». Главы XVI—XIX шестой части посвящены сношеніямъ героя Бакланова съ лондонскими эмигрантами.

Приведенное Герценомъ письмо почти дословно передаетъ полученное имъ отъ Писемскаго, пріѣзжавшаго въ Лондонъ.

10 января 1864 г. Писемскій писалъ изъ Москвы Валуеву: «Милостивый Государь, Петръ Александровичъ! Въ изъявленіе своей глубокой признательности за ваше благосклонное участіе, которымъ Вамъ угодно было почтить мой романъ: «Взбаломученное море», при пропускѣ его цензурою, имѣю честь снова представить его вашему вниманію уже въ отдѣльномъ изданіи.

«Независимо отъ сего прилагаю при семъ еще экземпляръ, который желалъ бы поднести Государю Императору. Конечно достоинства моего труда слишкомъ ничтожны, чтобы удостоится этой высокой чести, но дѣло въ томъ, что въ немъ, съ возможною вѣрностію, описано русское общество или, точнѣе сказать, его лживыя и фальшивыя стороны; а Монархамъ вѣдать недостатки своего народа также надлежитъ какъ и его добродѣтели. Первые три части посвящены мною на то, чтобы изобразить почву, на которой въ послѣднее время разцвѣла наша псевдо-революція. Въ какой мѣрѣ все ничтожно, не нарочно и даже смѣшно было это, мною подробно и достоверно описано—и да исполнится сердце Государя милосердіемъ къ несчастнымъ, которые, во всѣхъ своихъ

дѣйствіяхъ, скорѣй говорили фразы, чѣмъ дѣлали какое-нибудь дѣло—вотъ одна изъ главныхъ цѣлей, для которой я желалъ-бы, чтобы Государь узналъ мой трудъ.

«Прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, съ коими и имѣю честь быть

Вашего Высѣкопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою

Алексѣй Писемскій».

1 февраля Валуевъ уведомилъ автора, что государь приказалъ направить экз. въ бібліотеку его величества (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1864 г. № 95).

2. Чтобы полнѣе характеризовать общій тонъ русской печати въ «полемику» съ Герценомъ, приведу полностью статью «Домашней Бесѣды» В. Аскоченскаго, озаглавленную «Съ того берега»:

«А что подѣлываетъ на «томъ берегу» нашъ шутъ заграничный, нашъ неугомонный Елизарычъ? Время теперь такое, что ему никоимъ образомъ не можно оставаться спокойнымъ зрителемъ? Надо стравливать охладѣвшихъ крикуновъ и науськивать ихъ на рукопашную свалку. Плохи дѣла нашего Елизарыча, очень плохи! Никто даже вниманія не обращаетъ на его осиплые крики, никто и слышать не хочетъ дребезжащихъ звуковъ его разбитаго «Колокола». Но главное, что особенно убійственно для его превосходительства, состоящаго нынѣ за штатомъ въ чинѣ «генерала отъ революціи», такъ это то, что русскіе не оправдали надеждъ его милости, что ни французскій языкъ, ни берлинская философія, ни Англія по Гнейсту ничего не сдѣлали съ этимъ непонятливымъ народомъ, который во все продолженіе тысячелѣтней своей жизни не устроилъ у себя ни одной порядочной революціи. Была, правда, пугачевщина, было 14 декабря,—ну, да что жъ это! У Елизарыча только ногти синѣли и—больше ничего. Теперь даже и этого быть не можетъ. Русскій народъ осмѣливается даже сочувствовать героической энергіи Михаила Николаевича Муравьева, ловить съ нетерпѣніемъ всякое извѣстіе о распоряженіяхъ графа Берга въ Варшавѣ, грозитъ встать поголовно за цѣлость своего православнаго государства, не даетъ пастъ синь-пороху на возлюбленнаго своего Монарха-Освободителя, и готовъ, если то понадобится, биться до послѣдней капли крови за Домъ Пресвятыя Богородицы, за престолъ царскій и за могилы отцовъ своихъ. Согласитесь, что есть отъ чего въ отчаяніе прійти такому воюку, какъ нашъ Елизарычъ, Герцень тожь. Затожь и ругается онъ,—батюшки!. Такъ и сыплеть проклятія на всю Россію поголовно!

«Но особенно вознегодовалъ нашъ Елизарычъ на журналистовъ русскихъ, которые съ того берега представлялись ему ребя-

тишками, обыкновенно начинающими кулачный бой. Къ великому огорченію своему онъ увидѣлъ, что ни одинъ журналъ, ни одна газета въ настоящее время не подзваниваетъ его «Колоколу». Звякнуло, было, «Время» своимъ «Роковымъ вопросомъ», да язычекъ у него оборвался. За это Елизарычъ обзываетъ теперь всѣ наши періодическія изданія офиціозными доносчиками, требующими *небывалыхъ* казней такимъ милымъ и гуманнымъ господамъ, какъ жандармы-вѣшатели или какъ предводители бандъ, въ конецъ разорившіе несчастную Польшу. Пуще всѣхъ онъ недоволенъ «Московскими Вѣдомостями», — простъ зубомъ грызеть! Вотъ «Дню», сами не понимаемъ, почему то онъ маленько мирволить; говоритъ, что это журналъ «независимый», хоть въ то же время глубоко огорчается тѣмъ, что и этотъ журналъ немилостивъ къ польскимъ патріотамъ и такъ же, какъ и прочіе, требуетъ ихъ казни и неотложнаго усмиренія мятежа. Между прочимъ онъ ставитъ «Дню» въ вину то, что онъ называетъ польскихъ мятежниковъ бандитами и разбойниками. А между тѣмъ на нихъ-то и основывалъ онъ свои надежды на преобразование Россіи, отъ нихъ-то и слышалось ему непреодолимое вѣяніе *наставшаго часа*, совершеніе судебъ русскаго міра; они то и влекли его и будили, и исполняли любовью и энергіей, пророческимъ духомъ и готовностью принести себя жертвой искупленія», разумѣется, на томъ берегу, подальше отъ русскихъ пуль и картечи.

«Странно, однакожь, какъ же это, восхваляя «День», Елизарычъ ничего не сказалъ въ пользу «Искры»? Ужъ она ли не старается! Нѣтъ ни одного номера, гдѣ она не ругала въ стихахъ и прозѣ, не карикатурила г. Каткова именно за то, за что поноситъ его господинъ Герценъ, гдѣ бы не бросала она призывныхъ своихъ взглядовъ на тотъ берегъ, простирая дружескія объятія къ заграничному печальнику нашего благоденствія. Конечно, «Искра», собственно, не занимается политикой, но никто не станетъ отвергать, что подъ все, чѣмъ живетъ и движется всякое благоустроенное общество, она подводитъ свои мины и ставитъ камуфлеты. Какъ угодно, а Александръ Ивановичъ несправедливъ, очень несправедливъ къ своей сердечной союзницѣ, и мы увѣрены, что онъ не замедлитъ исправить свою ошибку и прислать въ редакцію «Искры» дипломъ на званіе «независимой».

«Смѣхъ, право, съ этимъ Елизарычемъ! Приходило жъ ему когда то въ голову, что имя его дорого для всякаго русскаго, что даже крестьяне читаютъ его издѣлія и ждуть, какъ своего избавителя. Каково жъ теперь разочарованіе его, когда онъ видитъ, что, въ виду совершающихся событій никто о немъ и ухомъ не ведетъ; что русская журналистика стала относиться о немъ съ открытымъ и свободнымъ пренебреженіемъ; что не только ему, но и поклонникамъ его нѣтъ никакой возможности стать передъ русскимъ народомъ съ такимъ колокольнымъ звономъ, какимъ потѣшается онъ на томъ берегу. Убойся, однакожь,

Россія! Елизарычъ намѣренъ *протестовать* противъ тебя и присоединить свой голосъ къ тремъ державамъ, предписывающимъ тебѣ законы.

«Помѣшался, совсѣмъ таки помѣшался, бѣдненькій!» («Домашняя Бесѣда» 1863, № 41, 12 октября).

Кстати объ Асоченскомъ.

3 июля 1863 г. онъ писалъ женѣ Потапова, Екатеринѣ Васильевнѣ: «Вамъ я болѣе извѣстенъ, чѣмъ Вашему супругу, потому что имѣю счастье считать Васъ въ числѣ моихъ читательницъ, и потому считаю болѣе рациональнымъ препроводить собственно въ Ваши руки письмо, полученное мною съ Городскою почтою въ 3 часа по полудни. Благоволите представить его Его Превосходительству для надлежащихъ въ настоящемъ случаѣ соображеній. Копію съ этого письма я уже сообщилъ митрополиту. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугой Редакторъ Домашней Бесѣды коллежскій совѣтникъ *В. Асоченскій*».

Вотъ копія приложеннаго:

«Паршивѣйшая овца изъ стада Христова, какъ-то ты теперь возговоришь; прочитай-ка вотъ:

«Въ воскресенье 1 июля, послѣ Божественной Литургіи, совершалась въ Исаакіевскомъ соборѣ, Казанскомъ, въ Знаменской, Андреевской и во многихъ другихъ церквахъ панихида въ память трехъ мучениковъ свободы, разстрѣлянныхъ въ Варшавѣ 16 іюня. Вамъ, какъ истинному христіанину и стражу вѣры и церкви Христовой, вѣроятно, очень пріятно будетъ узнать объ этомъ событіи, тѣмъ болѣе еще потому, что при панихидѣ этой присутствовали и заказывали ее лица такія, которыя, по вашему, лишены всякаго религіознаго чувства; посему мы и увѣдомляемъ Васъ, достославный бутарь воинствующей церкви Христовой, которая, между прочимъ буди сказано, вовсе не нуждается въ твоихъ дурацкихъ полицейскихъ услугахъ, изъ нашего подпольнаго царства. Просимъ и тебя, новозавѣтное ося, поминать въ своихъ молитвахъ рабовъ Божіихъ Ивана, Петра и Феодора (Франца) и да вознесутся и твои молитвы къ престолу Всевышняго такъ же, какъ третьяго дня возносились и наши грѣшныя молитвы.

«Итакъ, возрадуйся Викторъ Ипатьевичъ, и да возвеселится твое любвеобильное сердце!

Во Христѣ братіи твои
Рыцари подпольнаго царства».

(Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. I эксп. 1862 г. дѣло № 140).

2266. (Одинъ покраснѣлъ).

ОДИНЪ ПОКРАСНѢЛЪ... и очень хорошо сдѣлалъ. Мы знали, что *платоническіе* приверженцы *сильныхъ* мѣръ недолго останутся подъ обаяніемъ полицейскаго архистратига Михаила¹⁾, недолго простоятъ на одной доскѣ съ его тезкой «Москов. Вѣдомостей». Но неужели достаточно покраснѣть послѣ полугодового опьяненія мысли, сердца, всѣхъ человѣческихъ инстинктовъ—и все забыто? Вопросъ этотъ на мази; съ легкой руки «Дня» у насъ теперь пойдетъ лафа на Магдалинь,—грѣшно скорымъ забвеніемъ мѣшать покаянію. Слишкомъ легкое раскаяніе не предохраняетъ отъ вторичнаго паденія.

«Никогда, говоритъ редакторъ «Дня» въ № 46, полицейская функція государства не пользовалась у насъ ббльшимъ сочувствіемъ общества, какъ въ наше время. Если во времена Грибодова Фамусовъ выразился о дамахъ, что онѣ «къ военнымъ людямъ такъ и льнуть, а потому, что патріотки», то современный Фамусовъ могъ бы сказать и теперь то же самое, поставивъ, вмѣсто слова «военнымъ», слово «полицейскимъ». Читатели скажутъ, что мы намекаемъ здѣсь на извѣстную дамскую телеграмму, посланную въ Варшаву къ одному офицеру, добросовѣстно, съ мужествомъ и талантомъ исполняющему свою трудную полицейскую обязанность. Да, мы именно ее и разумѣемъ. Мы видимъ въ ней очень любопытную черту нравовъ и очень любопытный качественный симптомъ нашего общественнаго современнаго направленія. Мы не думаемъ ни порицать, ни тѣмъ менѣе издѣваться или относиться къ дѣлу иронически. Мы говоримъ очень серьезно. Мы вполне признаемъ всю важность, пользу, необходимость, даже въ нѣкоторомъ отношеніи благотѣльность въ настоящую минуту полицейской дѣятельности въ Варшавѣ и всю мѣру вниманія, которой она заслуживаетъ, но обществу, кажется намъ, пора бы подумать, не слишкомъ ли уже оно далеко зашло въ патріотическомъ увлеченіи государственными интересами, не уклонилось ли нѣсколько отъ своего общественнаго призванія въ ущербъ своимъ общественнымъ интересамъ? Нельзя, конечно, предполагать, чтобы общество взошло *во вкусъ* такого рода отправления государственнаго организма, которыхъ необычайное развитіе рѣдко обходится безъ вреда самому организму,—но нельзя и не предостеречь общество насчетъ опасности нѣкоторыхъ рождающихся въ немъ наклонностей»...

А развѣ «День» предостерегалъ его, когда начались ужасы въ Литвѣ? развѣ онъ не находилъ муравьевскія мѣры необходимыми? развѣ не называлъ людей, иначе съ ними думающихъ,

¹⁾ Муравьевъ.

преступниками и измѣнниками, и открытыхъ враговъ своего московскаго кумира—бандитами, которыхъ можно обвинять, не давая права оправдываться? и пр.

Несмотря на все на это, мы знали, что придетъ время, въ которое издателю «Дня» будетъ не по себѣ... *wird gewiss einmal bei seiner Katkoffähnlichkeit bange* 1).

2267. (Графъ Амурскій).

Имя Амурскаго графа 2) въ числѣ подписавшихся на икону, поднесенную виленскому палачу 3), исполнило насъ умиленіемъ. Видно, мы не такъ-то *ошиблись* въ немъ, *какъ онъ говорилъ...* гнѣваясь на насъ за нѣсколько словъ, сказанныхъ о немъ по поводу беклемишевскаго дѣла. Вотъ онъ, прогрессивный генераль губернаторъ, демократъ-военачальникъ, государственннй челоувѣкаих *larges vues* 4). Какой страшный пробный камень этотъ 1863 г...

◆◆ 1. Въ числѣ подписавшихся подъ адресомъ Муравьеву 79 челоувѣка былъ и К. Д. Кавелинъ, чего Герценъ тогда еще не зналъ («Рус. Архивъ» 1897, XI, 394).

2268. (Біографія М. Н. Муравьева).

Князь П. В. Долгоруковъ издалъ чрезвычайно любопытную біографію Муравьева-Вѣшателя. Рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ: эта историческая монографія вмѣстѣ съ житіемъ нынѣ забытаго Панина составляетъ очень хорошій матеріалъ для изученія нравственнаго уродства, до котораго петербургское управительство довело Россію.

2269. Общій фондъ.

Изъ Швейцаріи 150 и 100 фр., изъ Германіи 1.000 фр. и одинъ фунтъ стерл.

1) Ему, навѣрное, станетъ жутко отъ его сходства съ Катковымъ.

2) Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

3) М. Н. Муравьевъ.

4) Съ широкими горизонтами.

2270. [О продолженіи изданія «Колокола»].

«Колоколъ» въ 1864 будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошлые годы.

Какъ ни скучно толковать одно и то же, но постоянно повторяющіяся обвиненія въ безкорыстныхъ русскихъ журналахъ, что «Колоколъ» продается слишкомъ дорого, заставляютъ насъ еще разъ сказать, что цѣна, которую платятъ въ Германіи, Франціи и пр., до насъ не касается.

Печать въ Лондонѣ дорога. Англійскіе журналы живутъ объявленіями и рассчитываютъ на огромный сбытъ. Пока мы печатаемъ въ Лондонѣ, цѣну уменьшить нельзя. Мы дѣлаемъ огромную уступку книгопродавцамъ; на какомъ основаніи они берутъ дороже объявленной цѣны, мы не знаемъ. Всякій, кто хочетъ выписать экземпляръ отъ гг. Трюбнера или Тхоржевскаго, получить «Колоколъ» и «Общее Вѣче» по объявленной цѣнѣ съ прибавленіемъ вѣсовыхъ, по англійской таксъ, *одинъ пенсъ съ листа и съ границы.*

2271. Письмо къ Н. А. Герценъ.

24 дек. 1863 г.
Elmfield House.

№ 4.

Милая Тата, я только приписываю строчку. Письмо твое пришло. Уроки музыки бери на особый счетъ,—я тебѣ пришлю.— За успокоеніе носа Ольги молюсь богу и Ольгу цѣлую. «Кол.» и превосходный «Пуншъ» для пробы посылаю. У васъ что-то много нѣмцевъ; нельзя ли сколько-нибудь подалеже отъ нихъ? Повторяю, что Линдеманъ недостаточенъ. За модели, что надобно, плати. Напиши о «Кол.»; это очень интересно, дойдетъ ли?

О Жуль.

Онъ предложилъ мнѣ, за неимѣніемъ вина и коньяку, содовую воду съ мочромъ кечупомъ ¹⁾. Это такъ геніально, что мы всю недѣлю смѣемся.

Кланяюсь много Мальвидѣ. Въ полиціи процессъ десяти нѣмцевъ, обвиняющихъ другъ друга, что они шпіоны.

Кинкель не былъ свидѣтелемъ—«засыпью», сказано въ «Times». Если «Кол.» не придетъ, спросите другой адресъ у Плат. Прощайте.

¹⁾ Соя.

2272. Письмо къ Н. Винеру ¹⁾.

26 déc. (1863).

Elmfield House, Teddington,

Cher monsler Wiener,

Vous recevrez chez M. Tchorzewski: 1, Macclesfield street, le montant du 25 copïes à 3 sh. Si cela Vous arrange de me donner les 175 en dépôt—envoyer les, je tâcherai de les vendré à 3 sh.: Je viens assez souvent à Londres—jetâcherai de passer chez Vous.

Votre tout dévoué

*A. Herzen.**Переводъ.*

26 дек.

Дорогой г. Винеръ!

Получите у г. Тхоржевскаго: 1, Macclesfield street, что причитается за 25 копій по три шиллинга. Если это Васъ устраиваетъ, пришлите мнѣ на складъ 175 экземпляровъ,—я постараюсь ихъ продать по 3 шиллинга ²⁾. Я бываю часто въ Лондонѣ, постараюсь заглянуть къ Вамъ.

Преданный вамъ

A. Герценъ.

2273. Письмо къ сыну.

28 декабря 1863.

Elmfield House, Teddington.

Вотъ, Саша, и Новый годъ на дворѣ. Поздравлять надобно не съ тѣмъ, что 64 пришелъ, а что 63 прошелъ. Да, это былъ очень тяжелый годъ.

На-дняхъ ты получишь новый «Колъ»; этотъ листъ еще удачнѣе послѣдняго; замѣть статью о Мартыновѣ.

¹⁾ Ch. Wiener, медальеръ, исполнившій медаль въ честь 10-лѣтія Вольной рус. типографіи.

²⁾ Медаль продавалась публикѣ по 6 шилл., а Тхоржевскому сдавалась по 3 шилл.

Письма твои доходятъ исправно. Въ цѣнѣ за квартиру я ошибся, *Ergare humanum est* ¹⁾,—какъ я писалъ, когда Эраръ прислалъ двойной счетъ за наемъ рояля ²⁾.

Я былъ очень радъ, что случайно взялъ въ Ливорно «David Copperfield'a»; если ты не читалъ, прочти. Это—«былое и думы» Диккенса; вторая часть (буря, путешествіе и возвращеніе) превосходна. Меня это подзадорило опять заняться сценами изъ прошедшаго. Это—мой настоящей *genre* ³⁾, и Бѣлинскій угадалъ это въ 1839 году. Досугъ теперь есть: у насъ тихо, нѣтъ постороннихъ и нѣтъ большихъ споровъ. Ждемъ теперь одного—увѣренности, что въ Ломбардіи не будетъ войны, чтобъ окончательно собираться. Я тоже думаю, что въ концѣ апрѣля тебѣ недурно пріѣхать, чтобъ помогать намъ.

Корабль, на которомъ посылаются вещи, не могъ выйти за бурями и, кажется, отправится только на-дняхъ. Имя его «Justitie».

Одной вещи будетъ всего жалче, если погибнетъ: Тата просила портреты Ив. Ал. ⁴⁾ и мам. ⁵⁾, я ихъ послалъ. Впрочемъ, Саффи говоритъ, что онъ всѣ свои вещи получилъ такъ, и что кораблекрушенія рѣдки. Саффи—получ. въ Генуѣ разъ черезъ 15 дней. Кстати, Осипъ Ив. здоровъ и веселъ. Былъ ли отвѣтъ отъ Гар. ⁶⁾? Письмо не будетъ въ 1 №, а во 2-мъ.

Уговори *Viousseux* ⁷⁾ братъ «La Cloche».

2274. Изъ дневника.

31 декабря 1863.

Съ 1851 я не переступалъ въ новый годъ съ такимъ ужасомъ; надежды на что-нибудь свѣтлое нѣтъ ни въ общемъ, ни въ частномъ.

¹⁾ Ошибаться свойственно человѣку.

²⁾ Игра словъ: *ergare*—по-латински, ошибаться, *Egard*—фамилія основателя знаменитой французской фабрики роялей.

³⁾ Жанръ.

⁴⁾ Яковлевъ, отецъ.

⁵⁾ Луиза Ивановна.

⁶⁾ Гарибальди.

⁷⁾ Книгопродавецъ.

Библиографическій комментарий.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарына, потомъ Герценъ=Н. А—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг.=Жен. изд.; «Собрание сочиненій А. И. Герцена, СПб., 1906 г.=Спб. изд.; сборникъ «Колоколъ» избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ=Тих.; Румянцовскій музей въ Москвѣ=Рум. муз.; архивъ семьи Герцена=АСГ; Пушкинскій домъ при Академіи наукъ=Пушк. д.; «Колоколъ»=«Кол.»; «Полярная Звѣзда»=«П. З.»).

1991. Напечатано въ 153 л. «Кол.» (1 янв. 1863 г.) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-франц. въ № 11 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

1992. Напечатано въ 153 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ (А. Герценъ)», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ», 1912 г. и по-французски въ № 11 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

1993. Напечатано въ 153 л. «Кол.»; подобныя примѣчанія всегда писались Герценомъ.

1994. Напечатано въ 153 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ; принадлежность устанавливается указаніемъ на группировку нѣмцевъ.

1995. Напечатано въ 153 л. «Кол.» и по-французски въ № 12 «La Cloche»; принадлежность также ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

1996. Напечатано въ 153 л. «Кол.».

1997. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1998. Тоже.

1999. Напечатано частью въ «Отчетѣ И. Публичной бібліотеки за 1898 г.», стр. 204; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ той же бібліотекѣ.

2000. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2001. Тоже.

2002. Тоже.

2003. Тоже.

2004. Тоже.

2005. Тоже.

2006. Напечатано въ 154 л. «Кол.» (15 янв.) съ подписью «И—ръ», и по-французски въ № 12 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2007. Напечатано въ 154 л. «Кол.» и по-французски въ № 12 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2008. Напечатано въ № 9 «Общаго Вѣча» (15 янв.) подъ общимъ заглавiемъ: «Доля не вошедшей смѣси 154 л. *Колокола*» и по-французски въ № 12 «La Cloche»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2009. Напечатано въ № 9 «Общ. Вѣча»; принадлежность устанавливается помѣткой Огарева на корректурѣ, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

2010. Тоже.

2011. Тоже.

2012. Напечатано въ № 9 «Общаго Вѣча» и по-французски въ № 12 «La Cloche»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2013. Напечатано въ № 9 «Общаго Вѣча» и по-французски въ № 14 «La Cloche»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2014. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копiей, хранящейся въ Архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣд. комисси, № 63.

2015. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2016. Тоже.

2017. Тоже.

2018. Напечатано нигдѣ не было; изъ этого очень неразборчиваго письма г. Георгiевскiй напечаталъ только пять строкъ въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2019. Напечатано въ 155 л. «Кол.» (1 февраля) съ подписью «Искандеръ», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 13 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2020. Напечатано въ 155 л. «Кол.» и по-французски въ № 13 «La Cloche»; принадлежность устанавливается изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2021. Напечатано въ 155 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2022. Напечатано въ 155 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 13 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2023. Напечатано въ 155 л. «Кол.» и по-французски въ № 14 «La Cloche»; принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

2024. Напечатано въ 155 л. «Кол.» и по-французски въ № 13 «La Cloche»; принадлежность устанавливается запиской Тхоржевскаго, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

2025. Напечатано въ 155 л. «Кол.» и по-французски въ № 13 «La Cloche».

2026. Напечатано въ 155 л. «Кол.».

2027. Тоже.

2028. Напечатано неисправно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2029. Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2030. Напечатано неисправно въ VI кн. «Вѣстн. Европы 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2031. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2032. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Тетрадь не уцѣлѣла, хранится только нѣсколько вырванныхъ листовъ.

2033. Напечатано въ 156 л. «Кол.» (15 февр.) съ подписью «Искандеръ», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 14 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2034. Напечатано въ 156 л. «Кол.» съ подписью «Изд. Колокола» и по-французски въ № 14 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2035. Напечатано въ 156 л. «Кол.» и по-французски въ № 14 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ связи съ предыдущими аналогичными статьями; подлинникъ не найденъ.

2036. Напечатано въ 156 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго на корректурѣ, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2037. Напечатано въ 156 л. «Кол.», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 14 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2038. Напечатано въ 156 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго на корректурѣ; подлинникъ не найденъ.

2039. Тоже.

2040. Тоже.

2041. Тоже.

2042. Тоже.

2043. Напечатано въ 156 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

2044. Тоже.

2045. Тоже.

2046. Тоже.

2047. Напечатано неполно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г.; свѣренъ съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2048. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2049. Тоже.

2050. Напечатано въ № 14 «La Cloche» (25 февраля); подлинникъ не найденъ; подпись «A. Hertzén, éditeur du *Kolokol*», — «La Cloche» твердо удерживалъ это невѣрное написаніе фамиліи.

2051. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ Архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдственной комиссіи. № 63; подлинникъ не найденъ.

2052. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2053. Напечатано въ 157 л. «Кол.» (1 марта) и въ № 15 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ помѣтки самого Герцена; подлинникъ не найденъ.

2054. Напечатано въ 157 л. «Кол.».

2055. Напечатано въ 157 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 15 «La Cloche»; подлинникъ не на день.

2056. Напечатано въ 157 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки А. А. Герцена, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2057. Напечатано въ 157 л. «Кол.» и по-французски въ № 15 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ записки А. А. Герцена, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2058. Напечатано въ 157 л. «Кол.».

2059. Напечатано въ 157 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и по-французски въ № 15 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2060. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2061. Напечатано въ 157 л. «Кол.».

2062. Напечатано въ 158 л. «Кол.» (8 марта) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 16 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2063. Напечатано въ 158 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2064. Напечатано въ 158 л. «Кол.» и по-французски въ № 16 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

2065. Напечатано въ 158 л. «Кол.», у Тих. и по-французски въ № 16 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2066. Напечатано въ 158 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

2067. Напечатано въ 158 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается тождествомъ съ письмомъ къ Герцену изъ Италиі дочери его, Н. А.; «английскіе журналы» указаны для отвода глазъ; подлинникъ не найденъ.

2068. Напечатано въ «Десятилѣтіи Вольной русской типографіи въ Лондонѣ. Сборникъ ея первыхъ листовъ», Лондонъ, 1863 г. (вышелъ 27 февраля 1863 г.), съ подписью «Искандеръ», отрывокъ—въ 159 л. «Кол.»; по-французски въ № 16 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2069. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2069 bis. Тоже.

2069 ter. Тоже.

2070. Напечатано въ 159 л. «Кол.» (15 марта) съ подписью «Издатели Колокола» и по-французски въ № 16 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2071. Напечатано въ 159 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и у Тих., по-французски въ № 16 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2072. Напечатано въ 159 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche».

2073. Напечатано въ 159 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается изъ письма Н. А. Герценъ къ брату, хранящагося въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2074. Тоже.

2075. Напечатано въ 159 л. «Кол.» и по-французски въ № 16 «La Cloche»; принадлежность устанавливается изъ письма Н. А. Герценъ къ брату, хранящагося въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2076. Напечатано въ 159 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Огарева на чистомъ экз. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

2077. Напечатано въ 159 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по письму Тургенева къ Герцену («Письма», 178); подлинникъ не найденъ.

2078. Напечатано въ 159 л. «Кол.».

2079. Напечатано нигдѣ не было; свѣрею съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2080. Тоже.

2081. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз., въ записной книжкѣ Огарева.

2082. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдств. комиссиі, № 63; подлинникъ не найденъ.

2083. Напечатано въ 160 л. «Кол.» (1 апрѣля) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 17 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2084. Напечатано въ 160, 161 и 163 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ №№ 17, 18 и 20 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2085. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche».

2086. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность устанавливается изъ письма Н. А. Герценъ къ брату, хранящагося въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2087. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche».

2088. Тоже.

2089. Тоже.

2090. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ указанія на Вятку; подлинникъ не найденъ.

2091. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность устанавливается изъ указанія на неаполитанскаго короля Фердинанда II; подлинникъ не найденъ.

2092. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

2093. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

2094. Тоже.

2095. Напечатано въ 160 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

2096. Напечатано въ 160 л. «Кол.» и по-французски въ № 17 «La Cloche»; принадлежность устанавливается помѣткой Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

2097. Тоже.

2098. Напечатано въ 160 л. «Кол.»

2099. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ Архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдств. комиссіи, № 63; подлинникъ не найденъ.

2100. Тоже.

2102. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2103. Тоже.

2104. Тоже.

2105. Напечатано неисправно въ IX кн. «Современника» 1903 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

2106. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ Архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдствен. комиссіи, № 63; подлинникъ не найденъ.

2107. Напечатано въ 161 л. «Кол.» (15 апрѣля); принадлежность устанавливается письмомъ сына Герцена къ старшей сестрѣ; подлинникъ не найденъ.

2108. Напечатано въ 161 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. и въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ»; по-французски въ № 18 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2109. Напечатано въ 161 л. «Кол.» и по-французски въ № 18 «La Cloche».

2110. Напечатано въ 161 л. «Кол.» и въ № 18 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ указанія на Ламеннэ и Ворцеля; подлинникъ не найденъ

2111. Напечатано въ 161 л. «Кол.» и по-французски въ № 19 «La Cloche».

2112. Напечатано въ 161 л. «Кол.» и по-французски въ № 18 «La che».

2113. Напечатано въ 161 л. «Кол.» съ подписью «Издатели Колокола» и по-французски въ № 18 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2114. Напечатано въ 161 л. «Кол. и по-французски въ № 19 «La Cloche».

2115. Напечатано въ 161 л. «Кол.» и по-французски въ № 18 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ помѣтки Огарева на чистомъ экз.; подлинникъ не найденъ.

2116. Напечатано въ 161 л. «Кол.» и по-французски въ № 18 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія и по сравненію съ главой XIV ч. VI «Б. и д.»; подлинникъ не найденъ.

2117. Напечатано въ 161 л. «Кол.»

2118. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2119. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ Архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ. слѣдств. комиссіи, № 63; подлинникъ не найденъ.

2120. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2121. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2122. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2123. Напечатана только середина и неисправно въ VI кн. «Вѣсти Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. частями, какъ два самостоятельныхъ письма.

2124. Напечатано въ вып. II—III «Записокъ декабристовъ»—«Записки кн. Трубецкого», London, Trübner, 1863, съ подписью «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; книга вышла въ свѣтъ незадолго до 1 мая 1863 г.; печатаніе ея было начато раньше даты замѣтки Герцена, поэтому замѣтку пришлось поставить въ концѣ книжки. Дочь Трубецкого, Зинаида Сергѣевна, по мужу Свербеева, заявила (въ 1906 г.), что изданіе было напечатано по копіи, снятой съ черновика, «не всегда точной и полной».

2125. Напечатано въ 162 л. «Кол.» (1 мая) и по-французски въ № 19 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ; принадлежность ясна по связи съ предыдущими письмами.

2126. Напечатано въ 162 л. «Кол.» и по-французски въ № 19 «La Cloche»; принадлежность доказывается формой изложенія отъ перваго лица, которую въ неподписанныхъ статьяхъ только Герценъ и употреблялъ; подлинникъ не найденъ.

2127. Напечатано въ 162 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по указанію А. А. Слѣпцова; подлинникъ не найденъ.

2128. Напечатано въ 162 л. «Кол.»; принадлежность ясна по связи съ предыдущей замѣткой; подлинникъ не найденъ.

2129. Напечатано въ 162 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ»; по-французски въ № 19 «La Cloche»; принадлежность устанавливается указаніемъ Огарева въ письмѣ, хранящемся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2130. Напечатано въ 162 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ указанія автора отъ перваго лица; подлинникъ не найденъ.

2131. Напечатано въ 162 л. «Кол.» и по-французски въ № 19 «La Cloche».

2132. Тоже.

2133. Напечатано въ 162 л. «Кол.».

2134. Вторая половина напечатана неисправно въ VI кн. «В. Европы» 1907 г., стр. 657; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2135. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2136. Тоже.

2137. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ Архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канц., производство высоч. учрежд. въ СПБ.

слѣдств. комисс., № 63. Приписка сдѣлана къ письму Огарева, напечатанному на стр. 90—92. Послѣ отца приписано А. А. Герценомъ: «Отъ всей души руку жму и желаю увидѣться. Нельзя ли заѣхать?».

2138. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2139. Напечатано въ 163 л. «Кол.» (15 мая) съ подписью «И—ръ» и по-французски въ № 20 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2140. Напечатано въ 163 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 20 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2141. Напечатано въ 163 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ»; у Тих. и по-французски въ № 20 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2142. Напечатано въ 163 л. «Кол.» и по-французски въ № 20 «La Cloche».

2143. Тоже.

2144. Тоже.

2145. Тоже.

2146. Тоже.

2147. Напечатано въ 163 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по имени адресата приведенной корреспонденціи, хранящейся въ АСГ; подлинникъ не найденъ.

2148. Напечатано въ 163 л. «Кол.» и по-французски въ № 20 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2149. Напечатано въ 163 л. «Кол.» и по-французски въ № 20 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ указанія А. А. Герцена сестрѣ; подлинникъ не найденъ.

2150. Напечатано въ 163 л. «Кол.».

2151. Тоже.

2152. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2153. Тоже.

2154. Тоже.

2155. Тоже.

2156. Тоже.

2157. Тоже.

2158. Напечатано въ 164 л. «Кол.» (1 іюня) и въ № 21 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2159. Напечатано въ 164 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

2160. Напечатано въ 164 л. «Кол.» и по-французски въ № 21 «La Cloche».

2161. Напечатано въ 164 л. «Кол.» съ подписью «Ред.» и въ № 21 «La Cloche».

2162. Напечатано въ 164 л. «Кол.» и въ № 21 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ указанія отъ перваго лица; подлинникъ не найденъ.

2163. Напечатано въ 164 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ указанія отъ перваго лица; подлинникъ не найденъ.

2164. Напечатано въ 164 л. «Кол.».

2165. Тоже.

2166. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2167. Напечатано въ № 9 «Листка» кн. Долгорукова; подлинникъ не найденъ; передъ тѣмъ появилось въ «Daily News» и др. лондонскихъ газетахъ, нумера которыхъ установить не удалось.

2168. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2169. Тоже.

2170. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ записной книгѣ Балашевича-Потоцкаго.

2171. Напечатано въ 165 л. «Кол.» (10 июня) и въ № 22 «La Cloche»; принадлежность устанавливается по общности мысли и выражений съ № 2153; подлинникъ не найденъ.

2172. Напечатано въ 165 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія конца; подлинникъ не найденъ.

2173. Напечатано въ 165 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ писемъ сына Герцена къ отцу; подлинникъ не найденъ.

2174. Напечатано въ 165 л. «Кол.» и въ № 22 «La Cloche»; принадлежность несомнѣнна; подлинникъ не найденъ.

2175. Напечатано въ 165 л. «Кол.» и въ № 22 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2176. Напечатано въ 165 л. «Кол.».

2177. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2178. Тоже.

2179. Напечатано въ 166 л. «Кол.» (20 июня) съ подписью «И—ръ», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 23 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2180. Напечатано въ 166 л. «Кол.» и въ № 23 «La Cloche»; принадлежность ясна по связи съ предыдущими главами; подлинникъ не найденъ.

2181. Напечатано въ 166 л. «Кол.» и въ № 23 «La Cloche»; принадлежность устанавливается изъ самаго содержанія; подлинникъ не найденъ. Письмо, посланное Аксакову, передано Герценомъ не совсѣмъ точно, поэтому оно напечатано особо въ томъ видѣ, какъ появилось въ «Днѣ».

2182. Напечатано въ 166 л. «Кол.» и въ № 23 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ содержанія—Огаревъ не склоненъ былъ къ осужденію; подлинникъ не найденъ.

2183. Напечатано въ 166 л. «Кол.».

2184. Тоже.

2185. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2186. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ записной книгѣ Балашевича-Потоцкаго.

2187. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2188. Тоже.

2189. Тоже.

2190. Напечатано въ № 25 «Дня» (22 іюня|14 іюля); подлинникъ не найденъ.

2191. Напечатано въ 167 л. «Кол.» (10 іюля) съ подписью «И—ръ», у Тих., въ сборникѣ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 24 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2192. Тоже.

2193. Напечатано въ 167 л. «Кол.» и въ № 24 «La Cloche»; принадлежность устанавливается по связи съ предыдущими главами; подлинникъ не найденъ.

2194. Напечатано въ 167 л. «Кол.» и по-французски въ № 24 «La Cloche».

2195. Напечатано въ 167 л. «Кол.» и по-французски въ № 24 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2196. Тоже.

2197. Тоже.

2198. Напечатано въ 167 л. «Кол.».

2199. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2200. Тоже.

2201. См. № 1881.

2202. Напечатано въ 168 л. «Кол.» (1 августа) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 25 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2203. Напечатано въ 168 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

2204. Напечатано въ 168 л. «Кол.» съ подписью «Искандеръ» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2205. Напечатано въ 168 л. «Кол.»; принадлежность ясна по связи съ такой же предыдущей статьей; подлинникъ не найденъ.

2206. Напечатано въ 168 л. «Кол.» съ подписью «Ред.»; подлинникъ не найденъ.

2207. Напечатано въ 168 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 25 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2208. Напечатано въ 168 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 2195; подлинникъ не найденъ.

2209. Напечатано въ 168 л. «Кол.».

2210. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2211. Тоже.

2212. Тоже.

2213. Тоже.

2214. Напечатано въ 169 л. «Кол.» (15 августа); принадлежность устанавливается запиской сына Герцена къ старшей сестрѣ; подлинникъ не найденъ.

2215. Напечатано въ № 169 «Кол.» и по-французски въ № 26 «La Cloche»; принадлежность устанавливается, какъ предыдущаго №; подлинникъ не найденъ.

2216. Напечатано въ 169 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ» и по-французски въ № 26 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2217. Напечатано въ 169 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих., въ сборникъ «Статьи о Польшѣ» и по-французски въ № 26 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2218. Напечатано въ 169 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2219. Напечатано въ 169 л. «Кол.».

2220. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. въ видѣ вырваннаго изъ тетради листка.

2221. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2222. Тоже.

2223. Тоже.

2224. Напечатано въ 170 л. «Кол.» (1 сентября) и по-французски въ № 26 «La Cloche»; принадлежность ясна изъ имени адресата; подлинникъ не найденъ.

2225. Напечатано въ 170 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 27 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2226. Напечатано въ 170 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», у Тих. неполно въ VI т. Спб. изд. и по-французски въ № 28 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2227. Напечатано въ 170 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ сравненія съ послѣдующимъ №; подлинникъ не найденъ.

2228. Напечатано въ 170 л. «Кол.».

2229. Напечатано въ 170 л. «Кол.» и неисправно въ V т. Спб. изд. принадлежность ясна изъ заглавія и содержанія; подлинникъ не найденъ.

2230. Напечатано въ 170 л. «Кол.» съ подписью «А. Герценъ», у Тих. и по-французски въ № 26 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2231. Напечатано въ 170 л. «Кол.».

2232. Тоже.

2233. Напечатано на стр. 144—146 «Писемъ М. Бакунина и т. д.» подлинникъ не найденъ; по словамъ Драгоманова, воспроизведено имъ съ черновика, что и ясно изъ многихъ сокращеній. Зная, какъ плохо Драгомановъ читалъ почерки, и Герцена въ томъ числѣ, да еще по черновикамъ нельзя быть увѣреннымъ въ точности копій и въ отсутствіи грубыхъ ошибокъ,—всѣ онѣ остаются на его отвѣтственности. Повидимому, письмо было отправлено одновременно съ огаревскимъ, а послѣднее датировано 12 сентября (октября—по невѣрному чтенію Драгоманова).

2234. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2235. Тоже.

2236. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2237. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2238. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся, въ видѣ вырванныхъ изъ книжки листовъ, въ АСГ. Многія ноты общи съ написаннымъ въ концѣ «Прибавленія» къ гл. L «Былого и думъ».

2239. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся, въ видѣ двухъ листочковъ изъ книжки, въ АСГ.

2240. Напечатано въ 171 л. «Кол.» (1 октября) съ подписью «И—ръ», у Тих., съ купюрами въ VI т. Спб. изд. и по-французски въ № 29 «La Cloche».

2241. Напечатано въ 171 «Кол.».

2242. Напечатано въ 171 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается указаніемъ на Вятку; подлинникъ не найденъ.

2243. Напечатано въ 171 л. «Кол.».

2244. Напечатано въ № 22 «Общаго Вѣща» (1 ноября).

2245. Тоже.

2246. Напечатано въ 172 л. «Кол.» (1 ноября).

2247. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2248. Напечатано наполовину и неисправно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2249. Напечатано въ 173 л. «Кол.» (15 ноября) съ подписью «И—ръ», безъ „post scriptum“ и съ пропусками въ VI т. Спб. изд. и по-французски въ № 32 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2250. Напечатано въ 177 л. (15 янв. 1864 г.) «Кол.», у Тих. и по-французски въ № 36 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2252. Напечатано въ I кн. «Рус. Обзорѣнія» 1898 г.; подлинникъ не найденъ.

2253. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2254. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2255. Напечатано въ 174 л. «Кол.» (1 декабря).

2256. Тоже.

2257. Тоже.

2258. Напечатано неполно и неисправно въ VI кн. «В. Е.» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2259. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2260. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2261. Тоже.

2262. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; надпись сдѣлана на фотограф. карточкѣ, изображающей Герцена въ креслѣ, а Огарева на барьерѣ.

2263. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2264. Напечатано въ 175 л. «Кол.» (15 декабря) съ подписью «И—ръ», у Тих. и по-французски въ № 35 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2265. Напечатано въ 175 л. «Кол.» съ подписью «И—ръ», неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд. и по-французски въ № 35 «La Cloche»; подлинникъ не найденъ.

2266. Напечатано въ 175 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

2267. Напечатано въ 175 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ помѣтки сына, хранящейся въ АСГ.

2268. Напечатано въ 175 л. «Кол.».

2269. Тоже.

2270. Напечатано въ 175 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

2271. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2272. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ записной книгѣ Балашевича-Потоцкаго.

2273. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2274. Тоже.

Опечатки и дополненія.

Стран.	Строка		<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
5	1	сн.	; хаосъ	хаосъ;
16	2	сн.	qai	gai
33	3	св.	Чѣловекѣ	Человѣкъ
48	3	сн.	Rieter	Reiter
56	6	св.	zèle M.	zèle, M.
63	4	сн.	место	мѣсто
—	6	сн.	ихъ,	ихъ
68	13	св.	понимаю.	понимаю. 1 ¹
107	6	сн.	О прыгункѣ.	Венеціанскій танецъ.
131	17	св.	4 марта	4 *) марта
*) 3-го.				
137	7	сн.	15—17	13—14
138	17	св.	выѣзжаетъ	въѣзжаетъ
158	4	св.	присланныя	присланные
—	6	св.	составѣ	составъ
—	11	св.	онъ былъ	былъ
—	11—12	св.	и отданъ	; одновременно былъ освобожденъ также и Пушторскій и отданъ
200	2	сн.	дворень	дворянь
201	5	св.	Сохновскому	Сахновскому
206	24	св.	Германіи	Германіи *)
*) Въ Гейдельбергѣ.				
208	9	сн.	Игнатію	Руфину
215	23	св.	Н. И.	Н. В.
240	8	св.	2183	2133
	11	св.	2184	2134
269	2	св.	terrasse.	terrasse Saffi.
283	17	сн.	dateé	datée
291	5	сн.	герба	герба:
339	7	св.	жандармовъ	жандармовъ
435	6	св.	В	Въ
—	12	св.	Faziland	Fazyland
—	24	св.	H. Aug	Haug

Цена 100 рублей.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ

в книжн магаз. Государственн. Издательства:

ПЕТЕРБУРГ, Проспект 25 октября, № 28;

МОСКВА, Советская площадь (Тверская), № 28.